

Российская академия наук
Институт психологии

Научные подходы в современной отечественной психологии

Ответственные редакторы:

А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2023

УДК 159.9
ББК 88
Н 34

*Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги полностью
или частично без разрешения правообладателя запрещается*

Коллектив авторов:

А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская (вводная глава); А. Г. Асмолов, Е. Д. Шехтер, А. М. Черноризов (глава 1); Т. В. Корнилова (глава 2); В. В. Рубцов, В. К. Зарецкий, А. Д. Майданский (глава 3); М. С. Гусельцева (глава 4); И. Н. Семенов (глава 5); Т. Д. Марцинковская (глава 6); В. В. Знаков (глава 7); Е. А. Сергиенко (глава 8); В. А. Мазилев (глава 9); А. Л. Журавлев, А. А. Костригин (главы 10, 17); А. В. Карпов (главы 11, 22); Л. А. Головей (глава 12); Т. В. Зеленкова (глава 13); С. А. Хазова (глава 14); А. А. Карпов (глава 15); В. И. Панов (глава 16); Н. Е. Харламенкова (глава 18); Н. Д. Павлова (глава 19); Н. В. Гришина (глава 20); С. Н. Костромина, Н. В. Гришина (глава 21); Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко, В. Н. Галяпина, Э. Х. Лепшокова, М. А. Бульцева, Е. В. Бушина (глава 23); А. Б. Холмогорова (глава 24); А. А. Грачев (глава 25); В. Н. Панферов, С. А. Безгодова, А. В. Микляева (глава 26); В. Д. Шадриков (глава 27)

Ответственные редакторы:

А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская

Рецензенты:

*доктор психологических наук, профессор М. А. Холодная,
доктор психологических наук, профессор А. О. Прохоров*

Рекомендовано к публикации

Редакционно-издательским советом Института психологии РАН

Н 34 Научные подходы в современной отечественной психологии / А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко и др.; отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. — 759 с. (Методология, теория и история психологии)

doi: 10.38098/thry_23_0465
ISBN 978-5-9270-0465-2

УДК 159.9
ББК 88

В коллективной монографии представлены научные подходы в современной отечественной психологии. Проведен сравнительный анализ подходов на основе выделенных критериев: ведущее и конкретизирующие понятия, методологические принципы и основные методы. Показаны взаимопроникновение, взаимодополнение и специфика современных научных подходов, возможности панорамного представления итогов изучения психических явлений, что создает стереоскопическое видение разных компонентов психической организации и динамики. Впервые представлен «ландшафт» отечественной психологической науки, показавший единство в разнообразии позиций.

© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2023
© Коллектив авторов, 2023

ISBN 978-5-9270-0465-2

Содержание

Вводная глава	Современные подходы в отечественной психологии: единство в разнообразии	7
---------------	--	---

Раздел I

ОБЩЕПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Глава 1	Историко-эволюционная оптика познания <i>Homo complexus</i> : приглашение к диалогу	99
Глава 2	Теория деятельности А. Н. Леонтьева как методологический подход в психологии	116
Глава 3	Культурно-историческая психология: современное состояние и направления развития научной школы	144
Глава 4	Культурно-аналитический подход: история и методология	170
Глава 5	Субъектно-деятельностный подход	184
Глава 6	Историко-генетический подход к исследованию современного транзитивного мира	212
Глава 7	Субъектно-аналитический подход в психологии	227
Глава 8	Системно-субъектный подход в психологии	241
Глава 9	Коммуникативно-интегративный подход в психологической науке	273

Раздел II ОБЩЕНАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ В ПСИХОЛОГИИ

Глава 10	Междисциплинарный подход в психологии	293
Глава 11	Сущность и содержание метасистемного подхода	314
Глава 12	Энергоинформационный и комплексный подходы в психологии	350
Глава 13	Эволюция сетевого подхода в психологии: от плюрализма к со-творению знаний	360
Глава 14	Ресурсный подход в психологии	377
Глава 15	Филогенетическая эволюция психики: от аналитических представлений к системоцентрической парадигме	391
Глава 16	Экопсихологический подход к развитию психики: предпосылки, конструкты, парадигмы	409
Глава 17	Наукометрический подход в психологии	440

Раздел III КОНКРЕТНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Глава 18	Динамический подход Л. И. Анцыферовой к психологическому исследованию личности: новые грани проблемы	461
Глава 19	Дискурсивный подход в психологии речи и психолингвистике: история и перспективы	478
Глава 20	Экзистенциальный подход в психологии личности	489
Глава 21	Процессуальный подход в психологии личности	504
Глава 22	От метакогнитивного подхода к метакогнитивной психологии	525
Глава 23	Социокультурный подход в современной российской психологии	561

Раздел IV НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ В ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Глава 24	Биопсихосоциальная модель и культурно-историческая психология как методологические основания исследований и комплексной помощи при нарушениях развития и психической патологии	581
----------	---	-----

Глава 25	Системные основания прикладной психологии	602
Глава 26	Интегративный подход в познании психологии человека . .	619
Глава 27	Системогенетический подход в современной отечественной психологии	635
Литература		652
Аннотации		728
Сведения об авторах		756

Вводная глава

Современные подходы в отечественной психологии: единство в разнообразии

Настоящая коллективная монография ставит своей целью представить ландшафт современной отечественной психологической науки, которую составляют научные подходы к изучению психики человека. Научные подходы, представленные авторами разных научных школ, — это традиционные, ставшие классическими (деятельностный, субъектно-деятельностный, культурно-исторический) и новые подходы, которые отражают разработку общенаучных теорий и принципов и опираются на развитие классических отечественных теорий (междисциплинарный, культурно-аналитический, субъектно-аналитический, системно-субъектный, историко-эволюционный, сетевой и др.). Мы уверены, что сохранение и развитие отечественной школы психологии состоит именно в ее своеобразии и развитии, поскольку традиция — это, по словам Густава Малера, передача огня, а не поклонение пеплу.

Проясним принципы формирования разделов коллективной монографии. В первый раздел вошли главы, посвященные классическим подходам и их развитию в отечественной психологии: историко-эволюционная оптика познания, теория деятельности А. Н. Леонтьева, субъектно-деятельностный подход, культурно-историческая психология, культурно-аналитический подход, историко-генетический подход и др. Подходы первого раздела разрабатывались внутри психологической науки, хотя, безусловно, испытывали влияние других социогуманитарных наук. Второй раздел составили главы, раскрывающие разработку общенаучных подходов в психологии (междисциплинарный, системный, ресурсный, сетевой и др.). Третий раздел монографии составили главы, представляющие научные подходы в конкретной области психологии (личности, социальной психологии, психологии речи, профессиональной деятельности и др.). Наконец, четвертый раздел составили главы, демонстрирующие реализацию научных подходов в прикладной науке. Подобное деление не определяет ранг или статус глав, оно отражает попытку группировки и классификации широкого пространства психологии, отражающего разные «оптики», точки зрения на возможности научного обобщения психологического знания и его значения для развития не только психологической науки, но всего социогуманитарного комплекса наук.

Следует отметить, что Институт психологии РАН обращается к разработке методологических и теоретических вопросов психологии постоянно. Перечислим некоторые издания: «Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива» (2007); «Прогресс психологии: критерии и признаки» (2009), «Парадигмы в психологии: науковедческий анализ» (2012), «Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития» (2018), «Психологическое знание: виды, источники, пути построения» (2021), «Психологическое знание: стадии исследовательского процесса» (2023). Авторами сборников и коллективных трудов были ученые самых разных психологических направлений и школ, регионов и институтов.

В течение пяти лет в Институте психологии РАН был реализован проект, также относящийся к методологическим проблемам психологической науки, были проанализированы понятия, разрабатываемые сотрудниками ИП РАН. Результатом этого проекта стало издание трехтомного труда «Разработка понятий современной психологии» (2018, 2019, 2021).

Понятийное поле науки, психологии в том числе, характеризуется развитием и преобразованием, подвижностью и текучестью значительно более отчетливо, чем общие категории или принципы. Понятийный строй наиболее явно обнаруживает динамику развития науки, что делает это звено методологической системы особенно показательным для анализа перемен на современном этапе развития науки. Анализ современных понятий на примере разработок сотрудников Института психологии РАН привел к заключению: сложившаяся понятийная система не может быть описана в соответствии с понятийной сеткой А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского.

Анализ общетеоретических, эмпирических и применяемых в психологической практике понятий позволил выделить их особенности: интегративный и междисциплинарный характер; расширение и изменение содержания понятий, использование в более широком тематическом поле; иной тип их структурной организации и субъектность, выступающую в двух смыслах: как разработчика, творца понятийного анализа и как обращения к категории субъекта. Нами был показан сетевой принцип организации понятий (Журавлев, Сергиенко, 2021а, б). Описание сетевого характера организации понятий сопровождается адресацией к принципу системности и иерархичности. Возникает вопрос о том, каким образом сетевая организация понятий может быть сопряжена с системным принципом, постулирующим иерархичность психической организации, которая неприемлема в сетевом подходе к анализу субъекта (индивидуального и коллективного). На сетевой принцип в организации современных понятий указывали разные авторы (Гусельцева, 2007а; Зеленкова, 2007, 2023; Корнилова, 2018а; Корнилова, Смирнов, 2011; Марцинковская, 2015а; и др.). Нами был проведен анализ и выявлены реально существующие прямые и опосредованные взаимосвязи между понятиями, что подтвердило их сетевую организацию в пространстве современной психологии на примере разработки понятий учеными ИП РАН.

Наш анализ показал, что сетевая парадигма широко используется в разных дисциплинах, строятся сетевые аналоги организации разных по сложности

и экспериментальной фундированности дисциплин (социологии, медицины, философии, биологии и др.).

Дальнейшая разработка сетевого подхода к понятийной структуре позволила предложить гипотезу системно-сетевого организации понятий (Журавлев, Сергиенко, 2022). Кратко напомним аргументацию данной гипотезы. Системный принцип организации психологического знания признается М. С. Гусельцевой как прошлое науки, тогда как ее будущее связано с сетевым подходом (Гусельцева, 2007). Во-первых, провозглашение сетевого принципа означает интеркоммуникацию и межпарадигмальность понятий из разных подходов. Во-вторых, никакой симметрии в системной организации не существует: она состоит из неоднородных элементов, а ее составляющие обладают постоянной динамикой, изменяя свои относительные веса и характер связей. Кроме того, принцип иерархии закономерно дополнен принципом гетерархии. Это признание означает дополнение принципа иерархической вертикали возможностью сосуществования феноменов разной сложности по горизонтали. «Концепция сети не исключает существования различных системных уровней, однако ни один из этих уровней не может быть первичным или вторичным – каждый из них имеет самостоятельное значение и роль в общей организации сети» (Зеленкова, 2007, с. 21). Представляется, что принцип гетерархии в системной организации отчасти указывает именно на возможность сосуществования уровней разной степени сложности в истории развития сетевой организации. Сетевая структура должна обладать децентрализованностью и связанностью. В отличие от сетевой организации иерархические структуры имеют не только горизонтальные, но и вертикальные связи. Однако и сети могут быть как плоскими (горизонтальными), так и объемными (сети с вертикальным измерением). Основное свойство сети – самосохранение и самовосстановление. При этом поскольку фокус рассмотрения переносится с узлов сети (ее элементов) на взаимосвязи, «а сами узлы тоже оказываются сетями, то само понятие элементов перестает играть определяющую роль и становится второстепенным» (там же, с. 23). Отрицательные обратные связи между узлами обеспечивают устойчивость сети и достижение цели (как и в системном подходе). Положительные обратные связи «раскачивают» систему, приводя ее к неравновесным состояниям, что порождает их развитие и переход на новые уровни (как и в системном подходе). Интенсивность обратной связи является характеристикой уровня и места в иерархии сети. Представление о психической организации как монолитной системе не соответствует системному подходу в психологии. Б. Ф. Ломов предполагал, что следует обратиться к полисистемной организации, где объемлющих макросистем оказывается несколько, так что психические явления всегда выступают как своеобразные «качественные узлы» (Барабанщиков, 2007; Ломов, 1984).

Сетевые системы – открытые, с присущей им нелинейностью разнообразных взаимных прямых и обратных связей, не имеющие управляющего центра. Следовательно, динамическая характеристика становится ведущей, так как имеют место постоянные изменения. Однако в системном, системно-эволюционном подходах и теории динамических систем постоянно подчеркивается процессуальность и непрерывность развития систем разных уровней и их взаимо-

действие. Оба типа структур – иерархические и сетевые – имеют и позитивные, и негативные стороны. Так, сетевая организация отличается худшей управляемостью, медленным принятием решений (по пути консенсуса), недостаточной планомерностью развития. Иерархия отличается меньшей чувствительностью к воздействиям, недостаточной гибкостью. Иерархии более уязвимы при утрате центрального управляющего звена, их функциональность разрушается в отличие от сетей. Сетевым структурам свойственны гибкость (адаптивность), широта охвата тем и проблем, способность преодолевать границы. Наряду с отмеченными характеристиками многие сети отличаются автомодельными (фрактальными) свойствами, это «означает, что часть сети также является сетью. Иначе говоря, сеть представляет собой многоуровневую структуру: она состоит из более мелких сетей и, в свою очередь, может быть частью еще более крупной сети» (Олескин, 2013а, с. 116).

Проведенный анализ работ разных авторов, посвященных системному и сетевому подходам, позволяет выявить их некоторые общие черты, что свидетельствует об их аддитивности и преемственности. Общими для двух подходов становятся идеи целостности, несводимости к отдельным элементам, идеи саморазвития, самоорганизации, самонастраиваемости, непрерывной динамики преобразований в процессе как микро-, так и макрогенеза (Журавлев, Сергиенко, 2022). Сетевой подход дополняет системный, делая акцент на динамике горизонтальных взаимосвязей, не исключая и динамику сетей разной иерархии.

При составлении трех томов труда по анализу понятий (Разработка современных понятий психологии, 2018, 2019, 2021) были выделены разделы, которые объединили понятия, в большей степени относящиеся к определенным понятийным полям. Было показано, что эти понятия также содержат встроенные конструкты, необходимые для интегрированного понятия. Обозначенные нами понятийные поля весьма условны, но указывают на существование архитектуры гиперсетей (индивидуального и коллективного субъекта). Проведенное обобщение по всем представленным понятиям позволило выдвинуть гипотезу о существовании метапонятий – субъекта и коллективного субъекта, которые стягивают сетевую организацию понятийных полей, задавая архитектуру их системно-сетевой организации.

Выдвинутые положения подверглись проверке на основе библиометрического анализа, выполненного совместно с А. А. Фёдоровым (Журавлев и др., 2023). Проведенный библиометрический анализ понятий трех томов показал, что картирование понятий позволяет выделить кластеры сетевой организации, два из которых можно условно обозначить как «индивидуальный субъект» и «коллективный субъект». Анализ морфем по трем томам свидетельствует, что морфема «субъект-» уступает только морфеме «психолог-», опережая по частоте встречаемости все остальные. Эти результаты могут поддерживать гипотезу о существовании «метапонятий» и их роли в системно-сетевой организации. В результате сравнительного анализа на основе авторских ключевых слов понятийной карты публикаций, индексированных в Scopus за пять лет, показано, что «стягивания» терминов в комплексы, которые могут быть обозначены как индивидуальный и коллективный субъекты, обнаружить не удалось, тогда

как анализ статей в той же базе тех же авторов за 20 лет обнаружил два центра. Индивидуальный и коллективный субъекты становятся центральными понятиями с множественными связями. Вопрос об иерархической понятийной организации остается открытым в силу ограниченных возможностей библиометрического анализа, который не позволяет выявить такие отношения между понятиями. Библиометрический анализ показал сетевую организацию современных понятий, существование тематических понятийных полей и оставил открытым вопрос о системно-сетевой их организации.

Проведенный анализ современных понятий – важный шаг в развитии науки и интеграции психологических знаний. Рассмотренные в трех томах издания 70 понятий отражают современный уровень теоретических и эмпирических научных поисков и являются коллективным продуктом ученых Института. Задача проекта по анализу современных понятий состояла в попытке отразить тенденции, изменения, происходящие в развитии психологии. Как одна из первых таких попыток на современном этапе она может вызвать дискуссии в научной среде, что означает дальнейшее развитие научного знания, взаимодействие научных центров, научных школ, что стало задачей настоящей коллективной монографии.

Одним из первых Б. Ф. Ломов обратил внимание на собственную организацию предметного поля науки и указал на необходимость избегать лобовых столкновений подходов, концепций и методов. Предметное поле психологии выступало в его работах как многомерное иерархическое образование. Этот шаг подводил к принципиально иной стратегии познания. Важным становилось не только обоснование, подтверждение или опровержение конкретной теории, гипотезы или полученных данных, но и указание их места в сложнейшей системе знания, установление ипостасей или форм проявления, поиск путей их взаимосвязей и взаимопереходов. «Идея построения здания психологической науки на основе одной-единственной категории – весьма популярная в XX столетии – воспринималась им [Ломовым] как методологическая иллюзия» (Бабаншиков, 2007, с. 91).

А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский также высказывались против монотеоретических построений, когда из одного понятия, поставленного в центр теории («деятельность», «установка» и др.), как из клеточки, выводится вся психология человека. «Не клеточка, даже в своем вершинном развитии, а динамическая система категорий способна охватить и отразить в себе психический мир человека» (Петровский, Ярошевский, 1998, с. 34).

Следующим шагом в анализе современной психологической науки был переход от понятий к подходам.

Принципы сравнения взаимосвязей и взаимоотношений подходов в отечественной психологии

Сложнейшей задачей является попытка сравнения подходов и нахождения между ними взаимосвязей и взаимодополнений. Противостояние научных школ в отечественной психологии сменяется открытостью их границ, динамикой классических постулатов и теорий, явных и неявных взаимовлияний, которые продиктованы, с одной стороны, необходимостью консолидации научного со-

общества для утверждения ценностей собственного научного знания, с другой – сменой научных парадигм и неумолимостью изменений, которые охватывают все области социальной организации, науку, культуру, социальные институты и т. п. Как верно заметила М. С. Гусельцева, хотим мы этого или нет, но мы живем в эпоху постмодерна, когда в науке происходят изменения принципов научного познания.

Проводя анализ постмодернизма в науке XX в., М. С. Гусельцева выделяет следующие основные его черты: «...толерантность, креативность, сверхрефлексивность – сосредоточенность на многомерности, на возможных ходах мысли оппонента...» (Гусельцева, 2018а, с. 657). Эта методология отвечала сомнениям и тенденциям времени с его радикальными сдвигами в социальной организации, усилением ценности индивидуальности, уникальности человека, гуманистических ценностей. Но XXI в. потребовал дальнейших решений и изменений. В ответ на вызовы современного мира (нарастание сложности, неопределенности, уникальности и разнообразия, разрыв линии прогресса и нарастание регрессивных тенденций) возник метамодернизм как эпистемология современной науки (Гусельцева, Изотова, 2016).

Это интеллектуальная стратегия, на смену «и/или» приходит «и/и». «Тем не менее, метамодернистская эпистемология служит удачной интегрирующей концептуальной рамкой для сетевой неструктурированности, принципа антиномий, эпистемологии сложности и латентности» (Гусельцева, 2018а, с. 660). Ведущей метамодернистской стратегией является сочетание продвижения и раскачивания, что создает поле напряжения для новых решений, порождения новых понятий, концепций, методов, соотношения теории и практики, что, в свою очередь, указывает на ведущую роль субъекта как творца науки.

Прослеживая изменения эпистемологических принципов при переходе от классической к неклассической и постнеклассической науке, С. А. Лебедев выделяет обобщенное ядро постнеклассической эпистемологических принципов: «1) конструктивность научного познания и знания (научное знание – особый вид артефактической реальности, создаваемый учеными); 2) контекстуальность научного знания (любая единица научного знания всегда является элементом или частью более обширной системы знания – ее контекста, который никогда полностью не определен); 3) культурологичность реальной научно-познавательной деятельности и ее результатов (научное познание и научное знание всегда являются частями существующего типа культуры и потому зависят от нее); 4) коммуникативность научного познания (коммуникации между учеными – важнейшая составляющая процесса научного познания, влияющая как на производство научного знания, так и на оценку полученных результатов); 5) „как бы“ научного знания (научное знание в существенной степени метафорично и условно); 6) консенсуальность научных истин (принятие решения об истинности той или иной единицы научного знания всегда имеет консенсуально-экспертный характер, являясь прерогативой дисциплинарного научного сообщества как главного субъекта научной деятельности)» (Лебедев, 2016, 2019, с. 18).

«Все дихотомии методологии науки (теоретическое–эмпирическое, аксиомы–теоремы, априорное–апостериорное, аналитическое–синтетическое, ес-

тественное—научное—социальное, интуитивное—дискурсное, явное—неявное, текст—контекст, вероятное—достоверное, условное—безусловное и др.) имеют строгое различие только в рамках методологической теории. Однако при их применении к реальному научному знанию все они являются относительными» (там же, с. 19). Сравнение классической, неклассической и постнеклассической эпистемологии приводит С. А. Лебедева к заключению о том, что они могут рассматриваться «как три качественно различных парадигмы в эпистемологии культурно-исторического типа науки, возникшего в Новое время» (там же, с. 20). Это заключение о принципиальной смене принципов организации науки созвучно и выводам М. С. Гусельцевой, которая утверждает, что на постнеклассическом этапе исследований и реализации полипарадигмальности происходит переход от борьбы методологий в разных психологических школах к большей толерантности, когерентности исследований, к поиску консенсуса, что означает и продуктивность плюрализма вместо иллюзорного стремления к построению единой теории психики (Гусельцева, Изотова, 2016).

Несмотря на тенденции к интегративным установкам современной психологии, С. Д. Смирнов выделяет четыре возможных позиции: методологический нигилизм, методологический ригоризм, или монизм, методологический либерализм и методологический плюрализм (Смирнов, 2005). Автор данной классификации — сторонник методологического плюрализма как проявления полипарадигмальности, что означает признание своеобразия «оптик» изучения психического. При этом попытки наведения мостов между теориями, школами и подходами — излишни. Однако необходимо признание ими друг друга. Позиция методологического либерализма, сформулированная А. В. Юревичем, представляется В. А. Мазилову наиболее конструктивной, так как «интеграция психологического знания представляет собой одну из важнейших стратегических задач, стоящих перед психологической наукой в начале XXI столетия» (Мазилов, 2007а, с. 432; Юревич, 2005).

В. А. Мазилов предлагает создание собственно психологической методологии, способствующей интеграции психологии, которая включает три группы задач:

1. Когнитивной (познавательной) методологии, описывающей принципы и стратегии исследования психического.
2. Коммуникативной методологии, обеспечивающей соотнесение различных психологических концепций и реальное взаимодействие различных направлений и школ в психологии.
3. Методологии психологической практики (практико-ориентированной методологии)» (Мазилов, 2007а, с. 438).

Воплощение этих сложных задач, по мнению автора, позволят преодолеть «горизонтальный разрыв» между теорией и школами, «вертикальный разрыв» в типах объяснений (психологическом, физиологическом и социологическом), порождающих параллелизмы и даже редукционизм и «диагональный разрыв» между теорией и практикой психологии (Юревич, 2005а).

В. А. Мазилов предлагает пути интеграции психологии на основе коммуникативной методологии, цель которой состоит «в разработке теоретической моде-

ли, обеспечивающей соотнесение психологических концепций и осуществление на этой основе интеграции психологического знания» (Мазилов, 2007а, с. 453). Основными магистральными линиями сравнения выступают сопоставления предмета, метода и предтеории (базовых категорий) различных теорий и подходов. Автор также отмечает, что в психологической науке наблюдается интегративные тенденции (стихийная и целенаправленная). Стихийная интеграция происходит по мере развития науки (ее можно назвать также эволюционной), тогда как целенаправленная предполагает постановку задачи интеграции научным сообществом в виде обобщающих теорий, подходов, создания новых общетеоретических построений, разработку методологических принципов и т. п. Целенаправленная интеграция прежде всего отражает усилия научного сообщества по поиску общих путей развития науки.

Второй пример возможности сравнения концепций и подходов сформулирован В. А. Янчуком (Янчук, 2018). Он развивает интердетерминистскую метатеорию культурно-диалогической интеграции психологии в условиях неопределенности и конструктивистского многообразия. На примере изменений, происходивших на протяжении истории человечества, показано поступательное движение «от фрагментарного, фетишизируемого мировоззрения, обусловленного крайним дефицитом знаний о природе и сущности наблюдаемого, приводящего к одушевлению и обожествлению объектов окружающего мира (гилозоизм) к более системному, человекоцентрированному знанию, первоначально ориентированному на нахождение универсальных (объективных) законов мироустройства, а затем, столкнувшись с проблемой потенциальной исчерпаемости инновационного и эвристического ресурсов любого знания, основанного на неизменном универсальном основании, приходящего к идее необходимости и продуктивности его многообразия, многоголосия в его постижении, мультипарадигмальности и поливариантности» (там же, с. 7). Рассматривая детерминизм и индетерминизм, автор показывает, что они мертвы: первый как ограничивающий степени свободы универсальными законами, а второй как бесконечное число степеней свободы. Однако оба принципа необходимы, что и привело к понятию интердетерминизма. «При этом под интердетерминацией понимается процесс взаимообусловливания и взаимозменений элементов гетерогенных динамических систем, интегрирующий взаимодействие как детерминационного, так и индетерминационного свойства, воплощаясь в обретении нового качества, не сводимого к простой сумме составляющих его частей. Специфику диалогической интердетерминации составляет взаимодействие, основанное на безусловном принятии другойности (otherness) элементов гетерогенных (многоголосых, multivoices) динамических систем, направленное на нахождение взаимоприемлемых структурно-содержательных оснований и форм (часто компромиссного характера), способствующих формированию совместно созданных, согласованных и внутренне принятых состояний гомеостаза (интерсубъективности, интерэкзистенциальности, биопсихосоциального баланса и т. п.), обеспечивающих оптимальное сосуществование в условиях конкретного социального и природного окружения в рамках локального (зона ближайшего развития) пространства и време-

ни и более отдаленной жизненной перспективы (зона отдаленного развития)» (там же, с. 22).

Янчук подчеркивает, что диалог предполагает «принятие инаковости и инакомыслия как исходных оснований и совместное созидание знания с учетом существующих сходств и различий, строительство дома, одинаково комфортного для всех живущих в нем. Диалог предполагает плюрализм и толерантность в качестве исходных предпосылок совместного созидания знания с учетом всех возможных его видений и интерпретаций, взаимодополняющих друг друга и взаимообогащающих участников процесса со-конструирования» (там же, с. 14).

Определяя предмет выдвигаемой метатеории, автор подчеркивает, что в нем «есть место всем традициям и подходам с учетом описанных ранее континуумов психологической феноменологии, представляющих разнокачественность природ, сфер психического и областей изучения. Именно эти основания определяют предмет психологии – бытие-в-мире самости как био-психо-социальную социокультурно-интердетерминированную диалогическую сущность во взаимодействии с социальным и природным окружением в осознаваемо-неосознаваемо-экзистенциальном измерении» (Янчук, 2006, с. 204). Он поясняет: «Категория „бытие-в-мире“ акцентирует внимание на экзистенциальном аспекте бытия человека, подчеркивающего „вотканность“ человека в свою жизнь, переживание ее. Категория „самость“ концентрируется на аспекте взаимосвязи внутреннего и внешнего, проявляющегося во взаимосвязи человека с его внешним окружением, историй и т. п. Трехмерный биопсихосоциальный континуум фокусируется на сложности взаимодействия трех разнокачественных природ – биологической, психической и социальной (символической). Социокультурный интердетерминизм подчеркивает аспект взаимодействия личности, активности и ее ситуативного контекста, проявляющийся в том, что любое изменение в одном из них приводит к изменению в двух других. Наконец психологическая феноменология исторически анализируется в измерениях осознаваемого, бессознательного и экзистенциального, составляющего еще один континуум постижения психологической феноменологии» (Янчук, 2018, с. 15). Янчук предлагает анализировать разнокачественное, многомерное и мультипарадигмальное психологическое знание через призму четырехмерных континуумов, каждый из компонентов которых находится в состоянии опосредованной культурой интердетерминации: биологическое ↔ психическое ↔ социальное ↔ культурно обусловленное; осознаваемое ↔ бессознательное ↔ экзистенциальное ↔ культурно обусловленное; личность ↔ окружение ↔ активность ↔ культурно обусловленное. Введение четырехмерного пространства интеграции психологической феноменологии отражают сложившуюся в последние годы тенденцию окультуривания различных областей исследований и выраженного стремления к междисциплинарной интеграции и кооперации. Это наблюдается и в медицине, и в экономике, и в нейрофизиологии. Создание представлений об интердетерминации берет свое начало от формулы К. Левина, описывающей поведение как функцию от личности и внешнего окружения $V=f(P, E)$. Переосмысление данной формулы в контексте реципрокной (взаимной) детерминации выполнено А. Бандурой, предложившего двунаправленную, трансформацию его формулы

в виде $V=f(P \leftrightarrow E)$. А. Бандура разработал принцип реципрокного детерминизма, в соответствии с которым любое изменение одного из элементов обозначенной триады с неизбежностью приводит к изменениям в двух других, и наоборот. «Принцип диалогического интердетерминизма, дополняющий принцип реципрокности интердетерминантой культурной обусловленности, носящей универсальный характер, включив ее также в континуумы биологическое—психическое—социальное и осознаваемое—бессознательное—экзистенциальное» (там же, с. 25). Данные представления включены в предлагаемый метаподход автора и обосновывают диалогическую интердетерминированность «функционального состояния динамических гетерогенных психологических систем в определенных точках пространственно-временного континуума (этапах, периодах и т. п.), достигаемого посредством нахождения баланса взаимодействия сопряженных внутренних и внешних систем, определяющих выживание самой системы в условиях конкретного социального и природного окружения. Подчеркивается взаимовлияющий и взаимообуславливающий характер взаимодействия составляющих систему гетерогенных элементов (multivoicesness), находящихся в процессе постоянного изменения. Любое изменение одного из них неизбежно приводит и к изменению во всех взаимосвязанных элементах системы и, наоборот. Причем происшедшие изменения приводят к изменению качества самой динамической гетерогенной системы, обретающей новообразования в виде расширения, переосмысления и перепереживания обретенного опыта. Эти элементы одновременно являются и автономными и взаимообуславливающими друг друга» (там же, с. 23). В биологии накоплен значительный материал, указывающий, что человек не только адаптируется и регулирует свое поведение (изменяются мозговые структуры, генетические трансформации) при изменении среды (такие, как потепление, загрязнение), но и направляет свою деятельность на изменение этой среды для достижения приемлемого равновесия. Автор подчеркивает: «Включение пространства биологическое—психическое—символическое (социальное)—культурно-обусловленное расширяет горизонты видения проблемного поля психологической феноменологии» (там же, с. 25), что невозможно свести к активности генов или нейрональной активности мозга. Обосновывая свою метатеорию, В. А. Янчук указывает на пути интеграции психологического знания в координатах диалогической интердетерминации, на принципах многомерности, мультипарадигмальности и мультидисциплинарности, «предполагающей привлечение ресурсов знаний, накопленных в сопряженных системах парадигмальных координат психологического знания и смежных областей знания» (там же, с. 30).

При сравнении различных подходов в психологии Е. А. Сергиенко пыталась показать взаимовлияние и расширение подходов в психологической науке (Сергиенко, 2016, 2018а), обозначив данную тенденцию как «межпарадигмальные мосты». Было аргументировано содержательное сближение психологических отечественных школ Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, представленных в современных парадигмах историко-генетического, историко-эволюционного, культурно-аналитического, системно-субъектного и субъектно-аналитического подходов. Само расширение в обозначении парадигм указы-

вает на необходимость гибкости и открытости границ традиционных подходов. «Современное представление о мультидетерминации психического развития, что означает множество пересечений биологических, генетических, социальных, исторических и культурных направляющих, где в центре — человек как саморазвивающаяся система, позволяет также подготовить „переправу“ между разными парадигмами, что диктует мультипарадигмальность и междисциплинарность современного этапа развития наук» (Сергиенко, 2016, с. 10). При этом, настаивая на создании общей теории в психологии, автор приходит к выводам о принципах современной психологии, близким к обобщениям В. А. Янчука. Более того, Сергиенко обращает внимание на метамодель развития, названную вероятностным эпигенезом (ВЭ) (Probabilistic epigenesis), которая формулирует общие принципы процессов онтогенетического и эволюционного развития. Эта модель подчеркивает реципрокность внутри и между уровнями развития (генетическую активность, поведение, физические, социальные, культурные влияния внешнего мира). Важнейшее значение данной модели состоит в том, что подчеркивается важность принципа неопределенности в развитии и роль уникальности индивидуального опыта. Принцип реципрокности в континууме генетика — среда, социальная, культурная, физическая, сходен с понятием интердетерминизма, но не выводит эти взаимодействия в пространство между субъектом и миром, оставляя их внутри человека как мультидетерминирующие, где в центре — человек как саморазвивающаяся система, его психические особенности. Соглашаясь с тем, что культура оказывает важнейшее воздействие на весь ход психического развития, начиная с ранних этапов онтогенеза, и рассматривая культурную детерминацию, автор отмечает, что она сама ограничивает самоактуализацию человека, определяя культурно специфические «рамки» такого развития. Возможно даже введение понятия «культурная депривация» в смысле культурных направляющих развития личности и ограничений других потенциальных возможностей к развитию. Современное развитие культурной психологии дает значительный толчок для понимания механизмов культурной детерминации в развитии как типичного, так и уникального в жизни людей.

Культура как направляющая и модифицирующая сила в психическом развитии, так же как и социальная направляющая, в отличие от представлений Янчука не сводится к знакам (семиозису), а понимается во всем многообразии воздействующих на человека и *выбираемых им* социокультурных ориентиров (эксплицированных и неэксплицированных). Автор подчеркивает также существенное расширение методологических принципов в психологической науке, которые разрабатываются на современном этапе, дополняя и раздвигая границы психологии. Известные принципы (единства сознания и деятельности, активности, развития) дополняются принципами системности, неопределенности, междисциплинарности, мультидетерминации, субъектности, при этом новые сформулированные принципы, аргументированные теоретически и эмпирически, уже поддержаны в социальном профессиональном сообществе (системности, неопределенности), что свидетельствует о консенсуальности как критерии постнеклассического этапа в психологии (Лебедев, 2019).

При сравнении разных подходов Е. А. Сергиенко (2016, 2018а) проводила анализ лишь по некоторым общим проблемам психологической науки: проблеме детерминации, методологическим принципам, проблеме возникновения сознания в эволюции, психической регуляции. Безусловно, данный анализ был одной из попыток подойти к сравнению и поиску взаимодействия психологических подходов, но остался фрагментарным, однако нами выделены важные пересечения в логике анализа с метатеорией интеграции Янчука. Подчеркнем, что ни в предыдущих, ни в настоящей работе авторы не ставят задачу интеграции психологических подходов, а пытаются наметить пути их взаимопроникновения, сравнения специфики «оптики» и уникальности вклада в единую психологическую науку.

Еще одна возможность сравнения научных подходов состоит в сопоставлении структур их научных теорий. А. В. Юревич, анализируя структуру психологических теорий, выделил следующие компоненты: «К центральным компонентам психологических теорий можно отнести: а) общий образ психологической реальности, б) центральную категорию, в) соответствующий феномен, г) набор основных понятий, д) систему отношений между ними, которую, по терминологии В. С. Степина, можно назвать „сеткой отношений“ (Степин, 2000), е) базовые утверждения» (Юревич, 2018, с. 142).

Раскрывая архитектуру теорий, автор отмечает сложность построения тезауруса, поскольку «если центральная категория теории всегда заметно вышашается над ее основными понятиями и, как правило, выносится в название теории (теория деятельности, теория установки, теория каузальной атрибуции и др.), то эти понятия не имеют четкой границы с другими терминами данной науки, а иногда и смежных наук, в результате чего построить полный категориальный тезаурус той или иной концепции, как правило, не удастся (см.: Личность и бытие..., 2008; Методология комплексного человекознания..., 2008)» (там же, с. 146). Периферическую часть структуры теорий составляют вспомогательные утверждения и аргументации и эмпирические компоненты (собственные данные и данные других исследований), подтверждающие теорию.

Кроме центра и периферии теорий, существует ее скрытая часть, «подобно тому как в структуре любого формализованного знания имплицитно присутствует некое неформализуемое, неявное знание» (там же, с. 152). Оно включает личностное знание, личностные переживания и образцы поведения, а также знание, переживания и образцы поведения надличностные (групповые). Удельный вес личностного и надличностного знания различен, формируя «некие коллективные тезаурусы понимания теорий, показывающие, в частности, что сторонники определенных концепций всегда понимают их не так, как противники, и что одна и та же теория понимается и развивается по-разному различными научными школами (см.: Прогресс психологии..., 2009)» (там же, с. 156). Проведенный анализ структуры теорий позволяет А. В. Юревичу сделать вывод, что именно эти особенности социогуманитарных теорий, включая психологию, делают их «куда более аморфными, мало определенными и допускающими различные понимания» (там же, с. 158).

Приведенные представления разных авторов на возможность интеграции (В. А. Мазилев, В. А. Янчук) или возможность сравнения научных подходов (Е. А. Сергиенко, А. В. Юревич) позволяют нам выбрать некоторые ориентиры в попытке представить пространство психологической науки как дифференцированное разными теориями, так и взаимосвязанное через открытость границ и гибкость понятийных структур. Еще одна перспектива — сравнительные характеристики современных, центральных (ведущих) понятий в психологических подходах, понятий, конкретизирующих ведущее понятие, а также выделяемые методологические принципы. Кроме того, в схему сравнения мы добавили ведущие методы, характерные для разных подходов. При этом мы ориентируемся на классификацию методов, предложенную Б. Г. Ананьевым, которая является наиболее разработанной и не потерявшей актуальность в настоящее время. Кратко напомним ее суть. Ананьев предложил многоуровневую и многоаспектную классификацию. Первый уровень оставляют организационные методы (лонгитюдный, комплексный, сравнительный), они непосредственно связаны со стратегией психологического исследования. Второй уровень — эмпирический: обсервативный, эксперимент, психодиагностика, праксиометрический (анализ продуктов деятельности, моделирование, биографический). Третий уровень — способы обработки данных (математико-статистический и качественный анализ). Четвертый уровень — интерпретационные (генетический — теоретические исследования онтогенетических и патогенетических связей, структурный — направленный на теоретический анализ: часть—целое, соотношение функций и личности, установление типологических классификаций, психографика, психологический профиль).

Проанализировав разные точки зрения, мы остановились на сравнении ведущего понятия подхода, конкретизирующих понятий, методологических принципов и ведущих методов при всей условности их выделения.

С этих позиций попытаемся проанализировать научные подходы современной психологии, представленные в главах коллективной монографии.

Раздел I «Общепсихологические подходы» составили главы, посвященные классическим подходам и их развитию в отечественной психологии: представлены историко-эволюционная оптика познания (А. Г. Асмолов, Е. Д. Шехтер, А. М. Черноризов), теория деятельности А. Н. Леонтьева (Т. В. Корнилова), субъектно-деятельностный подход (И. Н. Семенов), культурно-историческая психология (В. В. Рубцов, В. К. Зарецкий, А. Д. Майданский), культурно-аналитический подход (М. С. Гусельцева), историко-генетический подход (Т. Д. Марцинковская), системно-субъектный (Е. А. Сергиенко), субъектно-аналитический (В. В. Знаков) и коммуникативно-интегративный подход (В. А. Мазилев), предлагающий принципы и пути создания единой психологической методологии. Главное, что объединяет все подходы раздела I, — это то, что они были созданы и развиваются внутри психологической науки, но, безусловно, вбирают в себя и идеи других наук (философии, биологии, культурологии, социологии и др., т. е. многих наук социогуманитарного комплекса). Как считают А. Л. Журавлев, И. А. Мироненко и А. В. Юревич, «если мы признаем полипарадигмальность психологии и сетевой принцип ее организации, то не следу-

ет ли из этого невозможность использования единой шкалы для оценки общенаучных компетенций в рамках различных парадигм? Такая шкала, будь она возможна, стала бы инструментом для оценки „научности“ школ, „объективного“ сравнения их по данному параметру» (Журавлев и др., 2020, с. 116). Более того, обсуждая междисциплинарность в психологии, А. Л. Журавлев показывает, что для психологии характерна междисциплинарность как атрибутивная характеристика (Журавлев, 2007).

Сходные заключения о невозможности сопоставления научных школ с позиций «научности» и «объективности» содержатся в *главе 1 «Историко-эволюционная оптика познания Ното complexus: приглашение к диалогу», авторы – А. Г. Асмолов, Е. Д. Шехтер, А. М. Черноризов*. Авторы пишут: «В последующем сосуществование разных подходов к пониманию человека как незавершаемого проекта эволюции будет признано одной из важных черт познавательной ситуации, свидетельствующей о конструктивной роли противоречий и парадоксов в эволюции научного познания (Смирнов, 2005; Фаликман, 2019)» (с. 100). С. Д. Смирнов подчеркивал: «Поскольку каждая теория конституирует свой предмет и метод исследования, построение единой теории психического предположало бы создание универсального метода исследования психической реальности. При подобной постановке вопроса перспективы появления теории такого рода даже в отдаленной перспективе представляются нереальными» (Смирнов, 2005, с. 7). И далее: «Понятие методологического плюрализма практически синонимично понятию полипарадигмальности психологии, по крайней мере, на современной стадии ее развития» (там же, с. 7). Следовательно, наши установки на методологический плюрализм и полипарадигмальность современной науки совпадают.

Отметим значительное пересечение основных положений историко-эволюционного подхода с системно-эволюционным и системно-субъектным подходом. Такое значительное пересечением стало возможным при расширении деятельностного подхода до системно-деятельностного (Асмолов, 1985), культурно-исторического и эволюционного подхода до историко-эволюционного (Асмолов, 1986). Анализируя работу Э. Г. Юдина (Юдин, 1978), авторы приходят к выводу, что обоснованно «отнести системный подход к общенаучному, а деятельностный подход – к конкретно-научному уровню анализа. И это, в свою очередь, позволяет снять противопоставление между этими научными школами, поскольку деятельностный подход исходно немыслим без системного. Данное утверждение приложимо как к школе С. Л. Рубинштейна, так и к школе Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева и А. Р. Лурии» (с. 104). «Без системно-деятельностного подхода было бы невозможно создание историко-эволюционного подхода к развитию сложных систем, а также разработка представлений о культурно-исторической психологии как науки о „конструировании миров“ (Асмолов, 1996а). Это направление исследований в связи с общностью методологических оснований открыто, прежде всего, для диалога с системно-субъектным подходом...». Более того, реализация историко-эволюционного подхода направлена также на преодоление разрыва между естественно-научным и гуманитарным подходами в изучении психики.

Ориентиры данного подхода во многом совпадают с принципами метатеории культурно-диалогического интердетерминизма в условиях неопределенности и конструктивистского многообразия В. А. Янчука, в которой рассматривается континуум биологическое—психическое—социальное и осознаваемое—бессознательное—экзистенциальное (см. выше).

Выделяя проблемные поля, что позволяет сделать оптика историко-эволюционного подхода, авторы главы 1 выдвигают следующие важнейшие положения: происхождение психики (для чего и при каких условиях она возникает); роль целенаправленной активности (деятельности) в порождении психики; возникновение разнообразия в эволюции как условие развития и, наконец, и это, пожалуй, важнейшая задача: необходимость *«смещения внимания от исследований анализа эволюции психики – к исследованию психики как двигателя эволюции (Асмолов, 2013)»* (с. 105). Для психологической науки данные проблемные поля становятся одними из центральных, поскольку, ответив на данные вопросы, мы продвигаемся в понимании сути психики (ее онтологии и эпистемологии).

Важным пересечением и взаимодополнением являются представления авторов главы 1 о несводимости психического к нейрональным механизмам деятельности мозга. Авторы аргументируют положение: *«Мозг и психика – это разные уровни усложняющейся жизни, в эволюции которой каждый новый уровень сложности, не отменяя законов предыдущего, добавляет новые законы, которые становятся для него определяющими (см. подробнее: Асмолов и др., 2014, 2016, 2018, 2021)»* (с. 102). *«Одной из ключевых гипотез предлагаемого подхода является гипотеза, согласно которой понимание феномена человека следует искать не в нем самом как некотором автономном объекте, а в тесной связи с порождающими его физическими, биологическими, ментальными и социальными системами, а также в коммуникациях этих систем. Таким образом, историко-эволюционный анализ трансдисциплинарен по определению, поскольку стремится соединить в развивающееся целое физическое, биологическое, психическое и социальное, не отождествляя эти сущности и в то же время не рассматривая их как взаимоисключающие реальности».* Данное положение означает мультидетерминацию всех уровней и систем. Неоднократно внимание коллег привлекалось к метамодели развития, названной вероятностным эпигенезом (ВЭ) (Probabilistic epigenesis) Г. Готтлиба, которая содержит формулировки общих принципов онтогенетического и эволюционного развития. Эта модель подчеркивает реципрокность внутри и между уровнями развития (генетической активности, поведения, физических, социальных, культурных влияний внешнего мира), поскольку, во-первых, в ней постулируются бидирекциональные отношения внутри и между уровнями: нейрональные и другие структуры начинают функционировать до их полной зрелости, а их активность (спонтанная или вызванная) играет определяющую роль в процессе развития. Существуют доказательства, что генетическая активность подвержена влияниям нейрональных, поведенческих и внешних событий. Во-вторых, модель подчеркивает важность принципа неопределенности в развитии и роль уникальности индивидуального опыта. В-третьих, подчеркивается непрерывность генетико-средового взаимодействия, включающего непрерывность как нейронального, так

и поведенческого развития. Данная модель фактически согласуется с представлениями о вероятностном и неопределенном характере развития индивида, хотя понятно, что в настоящее время никакие общие модели не могут предсказать развитие индивидуальности человека (Сергиенко, 2016, 2018a).

Рассматривая феномен лидерства с позиций историко-эволюционного подхода, А. Г. Асмолов, Е. Д. Шехтер и А. М. Черноризов раскрывают соотношение иерархической и сетевой организации. «Эволюционное происхождение предрасположенности к лидерству связано с *иерархией* – самым примитивным и вместе с тем универсальным способом упорядочивания любого множества, состоящего из неидентичных членов» (с. ?). Одной из исходных предпосылок к лидерству либо подчинению является энергетический потенциал организма, «определяющий способность производить работу. Энергия важна потому, что является сквозной характеристикой, пронизывающей все слои существования индивидуальности, поскольку является необходимым ресурсом любого действия – от физического до ментального» (с. 106). Заметим, что развитию энергоинформационного подхода в нашей монографии посвящена глава 12, написанная Л. А. Головей, где представлено мнение В. М. Бехтерева: «Психология как наука не может ограничиваться рассмотрением одних лишь психических явлений, оставляя без внимания, сопровождающие их разнообразные колебания скрытой в нервной системе энергии» (с. 111). Далее данные представления развивали ученые Ленинградской школы – Б. Г. Ананьев, Л. М. Веккер, И. М. Палей (Ананьев, 1969; Веккер, Палей, 1971).

Анализируя феномен лидерства как структуры сообществ, авторы выделяют иерархическую (агонистическую и гедонистическую) и сетевую (плоскую и объемную) архитектуры. Они рассматривают достоинства и недостатки как иерархической, так и сетевой организации и приходят к заключению, что «не существует непреодолимой пропасти между социальными системами разного уровня сложности, поскольку сохраняется как возможность взаимопереходов плоских и объемных сетевых систем, так и риск их регресса к строго иерархическим, т. е. архаичным, структурам. Эту эволюционную динамику характеризует сочетание постепенных преобразований социальной системы и социальных ароморфозов, т. е. скачкообразных необратимых переходов системы в качественно иное состояние (Гринин и др., 2008)» (с. 112).

Точкой пересечения представлений авторов о системно-сетевой организации лидерства с нашим анализом системно-сетевой организации понятий (Журавлев и др., 2023; Журавлев, Сергиенко, 2022) является именно принцип сочетания системной, т. е. иерархической, структуры и сетевой; второе важное пересечение – существование в самой сетевой структуре объема, т. е. иерархии. Нам кажется это существенным, поскольку анализ разных уровней организации сообществ и научных понятий привел к тождественным обобщениям.

А. Г. Асмолов, И. Д. Шехтер, А. М. Черноризов – авторы программы, направленной на поиск целостного анализа феномена жизни, в котором нарастание сложности, разнообразие, специализация и симбиоз являются универсальными составляющими (Асмолов и др., 2013, 2016, 2018, 2021).

Фундаментальный анализ происхождения и усложнения психической жизни авторы проводят на основе сочетания различных теорий: эволюционной эпис-

темологии, конструктивизма (Ж. Пиаже, П. Ватцлавик), философии нестабильности (И. Пригожин), эволюционной биологии и эволюционной психологии (А. Н. Северцов, В. А. Вагнер), биологии активности (Н. А. Бернштейн), культурно-деятельностной психологии (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин, Д. Б. Эльконин), а также концепции карнавальской смеховой культуры (М. М. Бахтин) и семиотической концепции культуры (Ю. М. Лотман). Несмотря на значительное разнообразие, различные идеи данных концепций позволяют авторам построить основной каркас. «Каркасом же историко-эволюционного подхода является теория систем и законы эволюции» (с. 102). Системно-эволюционный подход в психологии также широко реализуется и входит как неотъемлемая часть в системно-субъектный подход, направленный также на создание обобщающей концепции психического развития. Кроме того, разработка системно-эволюционного подхода реализуется в работах В. Б. Швыркова и его последователей – Ю. И. Александрова и его коллег (Александров и др., 2009; Швырков, 1988). Несмотря на своеобразие и уникальность этих разработок, важно подчеркнуть, что эволюционный принцип анализа становится общим мостом в разработке сложных проблем природы психического. Именно реализация эволюционного принципа анализа привела к сходным предположениям об антиципирующем характере (в варианте прогресса и регресса) психической организации, ее усложнении через саморазвитие.

Сложная проблема сознания с точки зрения школы Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева и школы С. Л. Рубинштейна решалась различно. Например, в работе А. Г. Асмолова ставится цель снять противоречия между системным и деятельностным подходами, обосновывается системно-деятельностный подход (Асмолов, 1985). В последних работах Асмолова, Шехтер и Черноризова намечены с позиций *историко-эволюционного подхода* представления о взаимопомощи, предвидении, усложнении систем, которые также раскрываются в рамках системно-эволюционного и системно-субъектного подходов. Здесь вся логика развития наук о человеке, достижения в разных областях способствуют «наведению мостов» между школами и разными парадигмами (см. также: Новое в науках о человеке..., 2014; Проблемы субъектов в постнеклассической науке, 2007).

Проведенный сравнительный анализ историко-эволюционного и системно-субъектного подходов показал сходство аргументов в вопросах соотношения физиологического и психического, системности организации психического, его антиципирующего характера. Но здесь есть и существенные различия. В обосновании положения о психическом разнообразии в развитии биологических, социальных и ментальных систем в историко-эволюционном подходе А. Г. Асмолова, Е. Д. Шехтер и А. М. Черноризова нет места такому понятию, как субъект, который является носителем максимальной уникальности психики, сознания, источником саморазвития и порождения смыслов (подробнее см.: Личность и бытие: субъектный подход..., 2008; Сергиенко, 2018а; Субъектный подход в психологии, 2009). Анализ и значение категории субъекта как стержневой для раскрытия мультидетерминации психического развития предпринят в работах Сергиенко (Сергиенко, 2011, 2021). Расширение принципа субъектности в психологии позволяет не только теоретически объединить разные уров-

ни разработки психологии индивидуальности человека (от субъекта познания до субъекта экзистенциального выбора), но и усилить гуманистический смысл психологического знания, его практических приложений в координатах современной культуры (см., например: Журавлев и др., 2016).

В рамках историко-эволюционного подхода авторы полагают, что представление о системообразующей целенаправленной активности является важным шагом в развитии системного подхода (Асмолов, 1986). Любая активность и деятельность всегда осознанно или неосознанно целенаправленна. Но зададим вопрос: а чьи это цели, кто осуществляет это выделение ситуации, события, объекта или внутреннего состояния, решение на этот вопрос предполагается в виде целенаправленной активности? Как полагал С.Л. Рубинштейн, любая деятельность осуществляется через внутренние условия, имея в виду при этом личность человека. В системно-субъектном подходе вопрос решается во взаимодействии субъекта (совокупности всех психических способностей и ресурсов) при санкционированной личностью направленности на решение или ответ. Не будем углубляться в дальнейшие дискуссии по данному вопросу, тем более что авторы предполагают соотнести свой историко-эволюционный подход с системно-субъектным, что, на наш взгляд, еще в большей мере приведет к сближению научных позиций.

Как указывалось выше, для сравнения подходов могут быть выделены ведущее и конкретизирующие понятия, методологические принципы, доминирующие методы.

В историко-эволюционном подходе ведущим понятием является «*происхождение психики*». Конкретизирующими, но не менее важными становятся понятия *адаптации и преадаптации, нарастания вариативности, специализации, усложнения систем, организации сообществ, иерархии и сетевой организации сложных систем*. В качестве методологических можно выделить принципы: *системный, эволюционный, активности (деятельности), междисциплинарный*. В качестве доминирующего можно выделить *интерпретационный (генетический) метод*.

Несомненно, данный подход обладает значительными возможностями в построении теории происхождения и усложнения психического как феномена жизни, что существенно расширяет представления об истоках и закономерностях психической организации в разных ее формах.

Перспективы данного подхода авторы видят в разработке проблемы антропологических рисков регресса социальных систем как одной из перспектив историко-эволюционного анализа развития цивилизаций и важнейшего вопроса смещения внимания от анализа эволюции психики к исследованию психики как двигателя эволюции.

В главе 2 «*Теория деятельности А. Н. Леонтьева как методологический подход в психологии*» Т. В. Корнилова отмечает, что цель работы — «представить деятельностный подход А. Н. Леонтьева как построение каркаса, теоретической платформы психологии, который не был единственным в построении отечественных общепсихологических теорий, но без которого невозможно представить теоретический мир психологии» (с. 120). Автор показывает нам целостную картину теории деятельности А. Н. Леонтьева, ее развития и возможностей понимания

нюансов. Следует отметить, что теория деятельности А. Н. Леонтьева доминировала в психологии значительное время, но не потеряла своей актуальности в пространстве психологической науки и сегодня. Автор отмечает, что «ключевая характеристика подхода, в котором функция психики – опосредствовать деятельность (*сознание-деятельность*), в которой образ порождается, «конструируется» (*сознание-образ*) и функционирует (Леонтьев А. Н., 1975)» (с. 120).

Теория деятельности определяла предмет психологических исследований и диктовала принципы объяснения и понимания исследуемых психических процессов разного уровня (деятельность восприятия, мнемическая деятельность, деятельность мышления и т. д.). Т. В. Корнилова приводит определение предмета психологии, данное А. Н. Леонтьевым: «Деятельность субъекта по отношению к действительности, опосредствованная отражением этой действительности» (Леонтьев, 1994, с. 163)» (с. 121). Оно отлично от определения в теории деятельности П. Я. Гальперина, развивавшего понимание предмета психологии как ориентировочной основы действия, психология – «главная наука об ориентировочной деятельности» (с. 128).

Понятие деятельности в теории Леонтьева относится не только к практической, но и к деятельности во внутреннем плане. Ключевым же понятием теории становится «деятельностное опосредование психики», которое рассматривалось в фило- и онтогенезе. Развитие индивидуального сознания происходит благодаря совместной деятельности со взрослым, носителем общественного сознания (посредством речи и культурных средств действия). «В леонтьевской концепции предметная деятельность есть форма связи субъекта с миром. Она включает в себя два взаимодополняющих процесса: активное преобразование мира субъектом и изменение самого субъекта за счет „впитывания“ в себя все более широкой части предметного мира. Деятельность является первичной как по отношению к субъекту, так и предмету деятельности». Сравним это определение с утверждением С. Л. Рубинштейна о том, что в деятельности человек изменяет бытие и себя в нем. В разработке проблемы сознания А. Н. Леонтьев вводит три ключевых единицы в структуру сознания – чувственная ткань, порождающая образ, – деятельность, значение, передача надиндивидуальных значений (сознание) и личностный смысл как пристрастность сознания, выражающего отношение цели к мотиву. «Динамика соотношения чувственной ткани и значения определяется в рамках представления об активности субъекта, направляющего интенционально – вперед – на мир систему проверяемых гипотез, посредством взаимодействия с которым его амодальный мир оформляется в чувственные образы (восприятия, мышления)» (с. 124).

Идея «образа мира», которую разрабатывал А. Н. Леонтьев в последние годы жизни, нашла свое продолжение в работах С. Д. Смирнова (Смирнов, 2005). «Мир образов» был противопоставлен «образу мира» как феноменальные (перцептивные или умственные) образы и глубинное образование, которое предваряет любое чувственное впечатление и позволяет человеку видеть реальность упорядоченной и осмысленной (там же). В образе мира были выделены ядерные структуры, задающие опоры в структурировании человеком психических образов благодаря тому, что они отражают его действительные связи с миром. «Они

заданы глубинными структурами значений, выступающими пятым квазиизмерением в восприятии мира, который вне восприятия его человеком амодален. Индивидуальная представленность значений не обязательно рефлексивируется человеком, но проявляется в основной характеристике – предметности восприятия» (с. 134). Данные положения сближают теории деятельности А. Н. Леонтьева и С. Л. Рубинштейна как обращение к формуле «внешнее через внутреннее». Понятие образа мира ведет к пониманию предвосхищающей активности субъекта. Процессам прогнозирования и антиципации от сенсомоторного до мыслительного уровней посвящены многочисленные исследования, выполненные в рамках системного (Ломов, Сурков, 1980; Сергиенко, 1992), субъектно-деятельностного (Брушлинский, 1979а) и деятельностного подходов (Смирнов, 1985, 2016; Фейгенберг, Иванников, 1978), что свидетельствует об их взаимосвязи и взаимодополнительности.

Как указывает Т. В. Корнилова, деятельность для А. Н. Леонтьева прокладывает пути к психическому развитию. Представляется, что именно в данном вопросе на современном этапе трудно представить только такой путь становления психики при мультидетерминации ее развития. «Ядро личности понимается как совокупность действенных отношений человека к миру, т. е. отношений, реализуемых в деятельности. Поскольку же главной характеристикой деятельности выступает ее мотив, то основой личности является иерархическая структура ее мотивов. Высшим же уровнем интеграции выступает самосознание личности». «Становление этого движения и выражает собой становление связанной системы личностных смыслов – становление личности». Т. В. Корнилова указывает, что разработка понятия личности в деятельностном подходе позволяет заключить, что существует двойная взаимосвязь: личностная опосредствованность деятельности и деятельностная – личности, культуры личностью и мира личности культурой, что получило свою разработку в историко-эволюционном подходе (Асмолов, 2018; Асмолов и др., 2016, 2018, 2021).

Содержательная и аргументированная глава оставляет достаточно вопросов, которые в ней не рассматривались. Представляется, что теория деятельности стала и остается плодотворным подходом в психологии, имеющим пересечения и взаимодополнения с субъектно-деятельностным подходом, что мы попытались показать. Разработка понятия личности составляет безусловный багаж для психологической науки. Однако, несмотря на то, что в теории деятельности автор обращается к понятию субъекта (субъекта деятельности), данное понятие остается нераскрытым.

Выделим ведущее понятие подхода – это *деятельность*. Конкретизирующими понятиями, вытекающими из основного, становятся: *структура деятельности (действия, операции), мотив, цель, сознание, интериоризация, эктериоризация, образ мира, личность, происхождение психики*. Основным методологическим принципом выступает *единство сознания и деятельности*. Метод – *эмпирический (эксперимент, праксиометрический, интерпретационный (структурный))*.

Обоснование соединения культурно-исторического подхода и теории деятельности привело к их расширению и созданию новых дополненных вариантов: культурно-деятельностная парадигма, дополненная экзистенциальным подхо-

дом (Д. А. Леонтьев), историко-эволюционный подход (А. Г. Асмолов, Е. Д. Шехтер, А. М. Черноризов). Продуктивность деятельностного подхода также можно иллюстрировать концепцией интеллектуально-личностного потенциала человека Т. В. Корниловой и обоснованием принципа неопределенности, концепцией образа мира как регулятора деятельности и поведения человека С. Д. Смирнова и многими другими работами, указывающими на жизнеспособность и креативность данного подхода.

Глава 3 «Культурно-историческая психология: современное состояние и направления развития научной школы» подготовлена В. В. Рубцовым, В. К. Зарецким и А. Д. Майданским. Поскольку культурно-историческая теория широко известна в психологической науке, остановимся только на ее основных моментах и современном состоянии.

Основной закон, сформулированный Л. С. Выготским, утверждает: «Всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцене дважды, в двух планах, сперва – социальном, потом – психологическом, сперва между людьми, как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка, как категория интрапсихическая. Это относится одинаково к произвольному вниманию, к логической памяти, к образованию понятий, к развитию воли» (с. 148). Орудием преобразования социальных отношений людей в психологические функции личности служит «культурный знак» – слово. Все многообразие мира отбирается в соответствии с тем, что ценно для деятельности: «Психика есть образование устойчивого среди текучего. Она есть орган отбора, сито-решето, изменяющее мир так, чтобы можно было действовать...» (с. 149). Культурно-историческая теория руководствуется принципом «Сначала было дело». Авторы подробно аргументируют, что между теорией деятельности и культурно-исторической теорией существует тесная взаимосвязь в понимании роли деятельности. «Несмотря на это, в нашей литературе, а впоследствии и за рубежом широко распространилось представление, будто понятие деятельности чуждо культурно-исторической психологии. А. В. Брушлинский рассуждал о „не-деятельностном подходе Выготского“, а М. Г. Ярошевский заявлял, что „понятие о деятельности у Выготского отсутствовало“ (будто бы это понятие ему приписал А. Н. Леонтьев) и т. д.» (с. 149). Не будем останавливаться на дискуссии по данному вопросу, которая может быть представлена в отдельном труде. Становление культурно-деятельностного подхода, возможно, указывает на правомерность такого объединения. И здесь важно, что развитие психики опосредуется деятельностью, символами (речью) либо и тем, и другим, но в любом случае внешними социальными причинами.

Отсюда одним из центральных становится понятие *интериоризации*, «присвоения ребенком внешних, т. е. социальных, форм поведения» (там же). Происходит превращение натуральных психических функций (природных) в высшие, опосредованные (культурным знаком – речью), произвольные и осознаваемые психические функции. В этом состоит основной генетический закон культурно-исторической теории. Расширяет и цементирует положения культурно-исторической теории понятие зоны ближайшего развития (ЗБР) как возможности достижений в психическом развитии ребенка с помощью взрослого или компетентного сверстника того, что не удастся ему сделать самостоятельно. Понятие

ЗБР не только является важнейшим для всей теории Выготского, но и открывает значительные перспективы для психологической практики. Следствием данного положения становится общеизвестная формула «Обучение ведет за собой развитие», но при определенных условиях: «Один шаг в обучении может означать сто шагов в развитии» (с. 155). Последователи культурно-исторической теории интенсивно разрабатывали и изучали ЗБР, вводя в нее, помимо интеллектуальных, и личностные составляющие. Была разработана многовекторная модель (Зарецкий, 2007), в которой выделяются зона актуального развития (ЗАР) (что ребенок может делать сам), собственно зона ближайшего развития (ЗБР) (чего может достичь с помощью взрослого) и зона актуально недоступного (ЗАН) (недоступное для освоения ребенком).

Известны дискуссии относительно природы эгоцентрической речи между Л. С. Выготским и Ж. Пиаже. По мнению Л. С. Выготского, эгоцентрическая речь (речь для себя) становится переходной формой между внешней и внутренней речью. Как отмечала Л. Ф. Обухова, у многих отечественных психологов формировалось представление о том, что Выготский «наголову» разбил Пиаже (Обухова, 2001). Она подчеркивает три важных положения в данной дискуссии. Во-первых, эгоцентрическая речь — один из симптомов эгоцентрической позиции, когда ребенок «недостаточно осознает свою собственную субъективность» (там же, с. 9). Во-вторых, Пиаже проводит очень важное разделение между понятиями «социальный» и «социализированный». Без сомнения, ребенок изначально является социальным существом, поскольку растет в обществе, но процесс социализации постепенный и продолжительный. Более того, ни Выготский, ни Пиаже не рассматривали регулятивной функции речи. Эгоцентрическую речь можно рассматривать как регулирующую собственное поведение и состояние, она встречается не только у детей, но и у взрослых при затруднении регуляции своего поведения.

В обсуждаемом подходе выделяется целый ряд разработанных *генетических методов исследования*: генетико-моделирующий метод (исследования опосредованности внимания); генетико-модулирующий метод развития мышления (методики двойной стимуляции — методика Выготского—Сахарова); метод формирования умственных действий и понятий П. Я. Гальперина (от действия в материализованном плане к этапу громкой речи, после переход во внутреннюю речь, приобретая затем форму «чистой» мысли — развертывая процесс интериоризации); метод проектирования зоны ближайшего развития в учебной деятельности (системы развивающего обучения В. В. Давыдова, Д. Б. Эльконина), социально-генетический метод (происхождения понятий у детей в зависимости от способов взаимодействия и организации совместных действий), который был преобразован в новое направление культурно-исторического подхода — социально-генетическую психологию развития (Рубцов, 1996).

Обоснование нового направления в рамках культурно-генетического подхода обусловлено необходимостью «проектировать социальные ситуации, основанные на опосредовании предметного содержания объекта способами взаимодействия участников, анализировать возникающие в этих условиях детско-взрослые общности и совместные формы деятельности, рассматривая

их в качестве исходных форм происхождения и развития аффективно-смысловых и знаково-смысловых структур, определяющих процессы овладения системой понятий» (с. 162). В рамках данного направления были описаны «три различных способа организации совместного действия. Они соответствуют трем уровням организации „зоны ближайшего развития“ и характеризуют особенности освоения детьми содержания понятий через взаимодействие и взаимоотношения участников социальной ситуации» (с. 163).

Оценивая развитие культурно-исторической теории развития Л. С. Выготского, авторы подчеркивают: «Дерево культурно-исторической психологии» постоянно растет и развивается, расширяется его «крона» (разнообразие предметов и практик), увеличиваются «размеры» (масштабы и сферы приложения концептуального аппарата КИП), разрастается «корневая система», происходит переосмысление исходных положений» (с. 168). Сравним представление А. Г. Асмолова и др. (глава 1) о развитии психологии «в куст» с метафорой «дерево», предполагающей некоторую обособленность и уникальность и даже самодостаточность данной теории в пространстве психологических подходов.

Авторы подчеркивают практико-ориентированный характер теории, предполагаемый самим Л. С. Выготским, что обеспечивает ее высокий научно-практический потенциал. Так, получили известность и признание система развивающего обучения Б. Д. Эльконина и В. В. Давыдова, на основе которой была создана модель школы будущего («культурно-исторический тип школы»), включающей идеи школы возрастов как развивающихся форм общностей и способов совместной деятельности. Незавершенность теории обуславливает интенсивное развитие новых направлений, авторских концепций, доопределение понятий и возникновение новых понятий, сохраняющих целостность исходной теории: «деятельность», «рефлексия», «субъектная позиция ребенка», «совместно-распределенная деятельность ребенка и взрослого», «многовекторная модель ЗБР».

Авторы завершают свой анализ утверждением, что «психика человека имеет культурное происхождение».

Полемика с данным направлением может быть предметом отдельного рассмотрения, анализ данной концепции уже был представлен в работе А. В. Брушлинского и в ряде других работ (Брушлинский, 1966). Выделим только основные вопросы, которые в дальнейшем также будут обсуждаться. Значение культурно-исторической теории развития психики состоит в выделении и обосновании ее культурной детерминации и роли культуры в ее развитии. Однако культура здесь выступает как социальное взаимодействие ребенка со взрослым, передающим ребенку орудие развития сознания (слово) — высшие психические функции (произвольные, осознанные). Нет сомнения в роли социальных факторов и культуры в психическом развитии. Но встает вопрос: каким образом человек получает способность использовать данное «орудие» и только ли оно определяет весь ход его развития, игнорируя все эволюционные формы, определяющие феномен человека, все другие генетико-средовые, поведенческие факторы? Можно ли культуру свести к речи (хотя ее роль, безусловно, ключевая) во всем многообразии ее символических средств? Анализ сложного феномена появле-

ния «речевого взрыва» у детей был попыткой представить когнитивное нарастание системной организации в психическом развитии ребенка (Сергиенко, 2008).

Выделим ведущее понятие культурно-исторического подхода к развитию психики. На наш взгляд, это *культурно-знаковая опосредованность психики человека*. Конкретизирующими понятиями стали *интериоризация, сознание, зона ближайшего развития, эгоцентрическая речь, мышление и речь*. Методологическим принципом данного подхода является *социокультурная детерминация психики*. В качестве основных методов можно выделить *эмпирические (эксперимент, формирующий эксперимент, моделирование) и интерпретационные (генетический)*.

Глава 4 «Культурно-аналитический подход: история и методология» написана М. С. Гусельцевой. Несмотря на сходство названия данного подхода с культурно-историческим, автор определяет его как общенаучную методологию социальных и гуманитарных наук и конкретную методологию для психологии, акцентируя гуманитарные аспекты психологического знания. В наших работах мы неоднократно обращались к публикациям М. С. Гусельцевой, чьи методологические координаты служили для анализа принципа развития (Принцип развития в современной психологии, 2016), анализа понятий современной психологии (на примере понятий сотрудников Института психологии РАН) в трехтомном труде (Разработка понятий современной психологии, 2018, 2019, 2021) и др. Достаточно подробно проанализированы принципы постнеклассической науки, постмодерна именно в психологическом знании, поэтому здесь отметим только те принципиальные моменты развиваемого ею подхода, которые позволяют сравнить его с другими и показать его вклад в общую психологическую науку.

Во-первых, в отличие от культурно-исторической теории понимание культуры М. С. Гусельцевой значительно шире. Она таким образом определяет направленность подхода: «Предметом исследования в рамках культурно-аналитического подхода, обращенного к феноменологии современности, выступают культурно-психологические реальности — широкий класс феноменов, разворачивающихся в системе аналитических координат: практики (различные деятельности, исторические деяния, социальные действия, интеллектуальные и социокультурные движения) — психика (субъект, личность, человек) — культура (в диапазоне от продуктов творческой деятельности человека до разновидностей социокультурной среды его развития). Таким образом, культурно-аналитический подход может рассматриваться как методология, связывающая «психику» с «практикой» через категорию «культуры» (с. 173). Она показывает, на что направлен анализ культуры на методологических уровнях: философском, общенаучном, конкретно-научном, инструментальном (Юдин, 1978). Так, на философском уровне анализа речь идет «о глобальном измерении культуры — культуре-ноосфере», которому соответствует конструкт «планетарная идентичность» в глобальных координатах развития человечества. «На конкретно-научном уровне анализа культура рассматривается как источник и развивающая среда становления *социокультурной и персональной идентичностей* человека: это пространство смыслов, ценностей и творческих проектов. Культура осваивается (и производится) в духовной, практической, творческой деятельности субъекта. Для этого уровня анализа был также предложен конструкт *культуры-миры*» (с. 176). На инструментальном

уровне это культуры-психотехники, обуславливающие возникновение социальных координат в исторической эволюции, например, понятия о вине, совести, стыде, страхе, где «культура превращается во внутренний стержень индивидуальности» (с. 176). Поясняя термин «аналитический» в названии подхода, автор подчеркивает, что это всегда анализ, перетекающий в синтез, что позволяет перейти от фрагментов анализа к общей картине культурной реальности. В качестве примера такого анализа-синтеза может служить проект, в котором «научное творчество субъекта рассматривается в связи с его биографией и мировоззрением, а мировоззрение связывается с культурно-историческими особенностями эпохи, — это позволяет переходить от типологии культуры к смысловым структурам сознания, реконструировать внутренний мир человека, продвигаться с макроуровня на микроуровень и, наоборот, проследить, каким образом ценности культуры воплощаются в индивидуальных стратегиях личности» (с. 175).

М. С. Гусельцева отмечает, что в рамках культурно-аналитического подхода формируется сеть понятий, которые, с одной стороны, относятся к предметной области психологии, а с другой, включают смежные области: «...ментальность, личность, индивидуальность, неадаптивное поведение, маргинальность, гениальность, социализация и индивидуализация, интеллигенция и др., культурно-психологический анализ проясняет их междисциплинарный статус, а затем производит семантическую дифференциацию уже применительно к задачам психологии» (с. 177).

Автор придерживается плюрализма в методологии, соглашаясь с мнением О. Ю. Артемовой: «Методологии должны быть разными, причем не подобранными из числа уже имеющихся, а созданными лично для себя. А методики вообще формируются каждый раз заново под конкретно поставленные задачи. Разумеется, все это делается при опоре на профессиональный опыт предшественников и современников» (с. 177). Данная позиция явно противоречит стремлению В. А. Мазилова к созданию общей методологии психологии и ее общего предмета (Мазилов, 2007а).

М. С. Гусельцева выделяет исследовательскую единицу подхода — «культурную реальность», которая служит наведению «межпарадигмальных мостов» (Сергиенко, 2016, 2018а), причем внутри не только психологии, но и смежных наук.

Автор утверждает, что «разнообразие и историческое противоборство отечественных психологических школ — культурно-исторической концепции Л. С. Выготского, теории деятельности А. Н. Леонтьева, теории деятельности С. Л. Рубинштейна, системного подхода Б. Ф. Ломова, субъектно-деятельностного подхода А. В. Брушлинского, комплексного подхода Б. Г. Ананьева и др. — предстает в качестве общего интеллектуального наследия советской эпохи, которое не только присваивается новыми поколениями психологов в процессе их профессионального образования, но и предполагает избирательное применение в свете текущих задач». Наиболее близкими для культурно-аналитического подхода автор называет историко-эволюционный (Асмолов, 1996а), историко-генетический (Марцинковская, 2012; Ярошевский, 1995а), субъектно-аналитический (Знаков, 2015), ситуационный (Гришина, 2016), системно-субъектный (Сергиенко, 2011) подходы.

Таким образом, культурно-аналитический подход — «набор тонких аналитических инструментов, направленных на полипарадигмальный синтез... работа культурно-аналитического подхода направлена на выявление разнонаправленных тенденций, недоопределенных, эмерджентных и антиномичных отношений, возникающих в концептуальном пространстве: практика—психика—культура—история. Такого рода исследование является одновременно и аналитическим, и синтетическим» (с. 183).

Выделим ведущее понятие культурно-аналитического подхода — это *культурная реальность*, конкретизирующими по отношению к нему становятся понятия: *ментальность, личность, индивидуальность, неадаптивное поведение, маргинальность, гениальность, социализация и индивидуализация, интеллигенция*. Методологическими принципами (основными для подхода, поскольку автор выделяет значительное число принципов) можно считать *междисциплинарность, полипарадигмальность, культурную контекстуальность*. Основным методом становится *интерпретационный (генетический), качественный анализ через синтез*.

Автор считает, что культурно-аналитический подход скорее транслирует и специфицирует общегуманитарные принципы и знания в психологическую науку, способствует тому, что «культурно-аналитический подход обращает психологию к материалам социальных и гуманитарных наук, к тесному сотрудничеству с антропологией, этнографией, социологией, политологией, философией, историей повседневности, исследованиями культуры, способствуя более эффективному изучению особенностей социализации и становления идентичности в транзитивном обществе» (с. 183). М. С. Гусельцева также признает, что уязвимой позицией подхода становится недостаточная разработанность «микроархитектоники субъекта, индивидуальности, личности», что может служить перспективами развития данного подхода наряду с анализом современной психологии.

Глава 5 «Субъектно-деятельностный подход» написана И. Н. Семеновым. Автор проводит детальный анализ становления субъектно-деятельностного подхода, коренящегося в трудах С. Л. Рубинштейна. Подчеркивается, что сам С. Л. Рубинштейн название субъектно-деятельностного подхода в заголовках своих работ не употреблял. Ученики стали вводить данное понятие в свои работы лишь в 1990-е годы (Анцыферова, 1991; Брушлинский, 1991, 1992), но имплицитно разрабатывали его аспекты в течение предыдущих двадцати лет. «В историко-научном плане это означает, что в трудах С. Л. Рубинштейна субъектно-деятельностный подход содержался имплицитно как самоочевидная сущность (наряду с понятием деятельности)» (с. 184). Последователи С. Л. Рубинштейна не только создали субъектно-деятельностный подход на основе идей учителя, но и внесли в него свои инновации, модернизацию, создав научную парадигму. Более того, в дискуссии с другими научными школами (теорией деятельности А. Н. Леонтьева, культурно-исторической теорией Л. С. Выготского) вариант процессуально-деятельностного подхода Рубинштейна к изучению мышления и сознания личности трансформировался, благодаря исследованиям К. А. Абульхановой и А. В. Брушлинского, в *интегральную субъектно-деятельностную парадигму современного человекознания*. В работах С. Л. Рубинштейна категория деятельности и ее процессуальный характер были в фокусе внимания, тогда как кате-

гория субъекта специально не анализировалась. Понятие субъекта стало разрабатываться в работах К. А. Абульхановой и А. В. Брушлинского. Если в работах К. А. Абульхановой в большей степени реализовано представление о личности как субъекте жизни, то А. В. Брушлинский предложил единую концепцию психологии субъекта. Автор проводит анализ категориальных средств методологии субъектно-деятельностного подхода на основе философских и естественно-научных представлений. Большое значение в создании этого подхода имел «оппонентный круг» С. Л. Рубинштейна, включавший А. Н. Леонтьева, М. Я. Басова, А. А. Богданова, Л. С. Выготского, Б. М. Теплова, М. Г. Ярошевского и других ученых, ставших выдающимися новаторами и создателями методологии отечественной психологической науки. И. Н. Семенов приводит следующее определение С. Л. Рубинштейна: «Этический субъект самоопределяется, и, самоопределяясь, он впервые самоосуществляется в своих деяниях. Но этическое деяние человека предполагает другого человека как другой этический субъект. Потому что этическое деяние существует только в отношении к человеку как личности». Данное положение раскрывает принцип «самодетальности» как исходный для будущего субъектно-деятельностного подхода.

С. Л. Рубинштейн приходит к пониманию субъекта как самости, жизнеосуществления человека в мире. «Такой – по сути экзистенциальной – трактовке самости предшествует, как это ни парадоксально звучит, ее недеятельностное, субъектно-личностное (внедеятельностное, метадеятельностное) понимание, восходящее к создателю деятельностного подхода (или принципа) в советской психологии С. Л. Рубинштейну, разработанного им на рубеже 1930–1940-х годов и опубликованного позднее (Рубинштейн, 1945). Анализируя связь деятельности с феноменологией ее процессуальности и взаимодействием с переживаниями, переосмыслением и осознанием в процессах жизнедеятельности (Рубинштейн, 1945, 1957), он пришел к вскрытию активности как ее экзистенциально-смысловой сущности (Рубинштейн, 1973). Это открывало путь к определению и разработке принципа субъекта в психологии (Абульханова, 1969, 1973), к изучению роли активности и сознания в развитии субъектности (Абульханова, 1989, 2006а; Брушлинский, 1991, 1994б)» (с. 203). И если Е. В. Субботский усматривает в теории деятельности А. Н. Леонтьева обращение к экзистенциальным проблемам человека, то труд С. Л. Рубинштейна «Человек и мир» не только обращен к ним в высшей степени, но и предлагает пути их изучения через обращение к категории самости, бытия человека в мире, раскрывая их через понятия переживания, созерцания, ответственности, поступка, любви, дружбы, долга и др., т. е. те экзистенциальные характеристики, которые интенсивно изучаются и сегодня в рамках экзистенциальной психологии.

Анализируя субъектно-деятельностный подход в психологии, И. Н. Семенов разворачивает сам процесс возникновения идей деятельности и субъектности, разделяя его на фазы творчества С. Л. Рубинштейна и его учеников и последователей. В данном анализе реализован процессуальный подход, разработанный в школе Рубинштейна. Завершая этот науковедческий и понятийный анализ, автор приводит определение А. В. Брушлинского, которое характеризует субъектно-деятельностный подход: «Человек как субъект – это высшая системная

целостность всех его сложнейших и противоречивых качеств, в первую очередь психических процессов, состояний и свойств, его сознания и бессознательного. Такая целостность формируется в ходе исторического и индивидуального развития. Будучи изначально активным, человеческий индивид, однако, не рождается, а становится субъектом в процессе общения, деятельности и других видов своей активности» (с. 211).

Значение данного подхода было проанализировано в статьях и сборниках, посвященных субъектному подходу в психологии (например: Субъектный подход в психологии, 2009). Субъектно-деятельностный подход вносит в теорию деятельности (структурную и процессуальную) главный и центральный компонент — *представление о деятеле, человеке как субъекте деятельности, пристрастной его активности в мире, переживающего и решающего, как ему действовать и что выбирать во всем многообразии и неопределенности*. Дальнейшая разработка представлений о субъекте имеет множество вариантов, часть из них представлена в данной монографии (субъектно-аналитический и системно-субъектный подходы). Важно подчеркнуть, что книга «Человек и мир» являлась приметой нового мышления в психологии. Раскрывая принципиальное отличие гуманитарной методологии от естественно-научной, С.Л. Рубинштейн показал, что оно состоит в субъектности и ценностной опосредованности знаний, что привело к созданию и формулированию им в 1922 г. *принципа самодетельности субъекта, его самодетерминации* (Рубинштейн, 1997). Преодолевая формально-структурный подход к анализу сознания и деятельности, С.Л. Рубинштейн вводит представление о «действующем лице», творящем деятельность, вкладывая в это понятие значение личности как субъекта собственной активности. Сознание, обеспечивая познание субъектом мира, определяет не только его отражение, но и выражение отношения к нему субъекта — созерцательности. Деятельность преобразует объект в целях субъекта, а созерцание сохраняет и раскрывает для субъекта его ценность. Утверждая и доказывая единство предметного содержания и переживания, благодаря которому возникает значение объекта и события, С.Л. Рубинштейн, помимо гносеологического основания субъекта, вводит онтологическое. Он выделял три аспекта деятельности человека: деятельность — всегда практическая, реально осуществляемая человеком; условия ее реализации создает сам человек, деятельность имеет свою внутреннюю структуру — цели, мотивы, направленность личности. Таким образом, категорию субъекта С.Л. Рубинштейн перевел из философского плана в конкретно-психологический. Более того, изменилось представление о категории деятельности. Не деятельность всецело детерминирует внутренний психический мир человека, а человек в реальной деятельности, благодаря внутренним психическим основаниям, определяет и направляет свою деятельность. Рубинштейн обогатил психологию методологическими принципами: единства сознания и деятельности («просвечивать» психику через деятельность), детерминизма (внешнее через внутреннее), субъектности, саморазвития (в творческой деятельности рождается творец), он показал, что, преобразуя бытие, человек преобразуется и сам.

Ведущее понятие субъектно-деятельностного подхода — *субъект деятельности*. Конкретизирующие понятия: *личность, практическая деятельность, бытие*,

мотив, цель, направленность личности созерцание, переживание. Методологические принципы: *единства сознания и деятельности, детерминизма (внешнее через внутреннее), субъектности, саморазвития.* Основные методы данного подхода – *интерпретационные (генетический, структурный).*

Глава 6 представлена Т.Д. Марцинковской по теме «Историко-генетический подход к исследованию современного транзитивного мира». Кратко изложим основные положения данного подхода. Развивая идеи М. Г. Ярошевского о значении исторического контекста в создании теорий, роли творца, его когнитивного стиля, значении оппонентного круга, где кристаллизуются гипотезы и вызревают положения теорий и подходов, автор пишет: «Предмет историко-генетического подхода можно определить как исследование эволюции психологических теорий, детерминированной тремя факторами: историко-культурной ситуацией, логикой научного познания и качествами личности ученого, его стремлениями и установками» (с. 212).

В рамках подхода в фокусе изучения – трансформация понятий «развитие», «общение», «личность». Т.Д. Марцинковская считает, что психология, являясь межпарадигмальной наукой, включает элементы естественно-научного и гуманитарного знания, сохраняя свое единство. Она выделяет два уровня детерминации, охватывающие разные стороны развития психики и разные подходы к пониманию ее содержания. «Первый уровень, направленный на эмоциональное благополучие и поддержание психического здоровья, активизирует синергетический потенциал человека, связанный с общими закономерностями психической жизни (с законом Н. Н. Ланге, В. Штерна и т. п.)». Второй уровень детерминирован культурой, что придает смысл собственной жизни, уникальность и ценность в социальном окружении. Этот уровень детерминации реализует индивидуальные траектории развития, обретая «особое значение в современном транзитивном (изменчивом и неопределенном) мире» (с. 217). Трудно согласиться с выделением двух уровней детерминации: универсального и индивидуального. Универсальность и индивидуальность в психическом развитии прослеживаются на всем протяжении психического развития (Сергиенко, 2021).

Выделяя критерии транзитивного общества (нестабильность, изменения, глобализация, миграция, удлинение социализации, нарастание объема информации, изменение представлений о времени и пространстве), она показывает, что происходят изменения и в таких ключевых процессах, как социализация, идентичность, определяя психологическую транзитивность личности.

Автор считает: «В ситуации изменений и неопределенности целостность идентичности связывается с культурой, а не с преемственностью жизненных циклов. – И далее. – Именно культура, эмоционально воспринимаемая как единое целое, дает укорененность и устойчивость, позволяя найти точки опоры в изменяющейся действительности и восстановить утраченную целостность восприятия мира и себя, – где человек рассматривается как текст, – который пишется (и выражается, и понимается) с помощью определенного языка». Восприятие культуры, ее смыслов также изменяется в контексте событий, как и восприятие, эмоциональное переживание человека, «прочтение» культурных артефак-

тов (книг, музыки, картин) накладывается на его психологические «коды», выбранные, изменяющиеся в процессе жизни.

Положение об открытости границ подходов, их проницаемости, частичном перекрытии полей исследования обсуждалось нами ранее (Сергиенко, 2016).

Автор выделяет направления, сфокусированные на анализе развития психологической науки. По горизонтали это связь с другими науками и связь проблем-категорий между собой. По вертикали это параметры прогресса, роль субъективных и объективных факторов в развитии науки. Отсюда четыре основных направления: науковедческое (концентрируется на общих закономерностях развития психологической науки, где методы анализа — логика и социальная ситуация развития науки); история и культура, в контексте которых развивается психология (с оценкой прогресса кумулятивности знания о происхождении и движущих силах развития психики); становление и распад научных школ (с анализом оппонентного круга, научной школы, когнитивного стиля, дополненные понятиями дискурса, конкуренции идей, концепцией «предположений и опровержений»). Марцинковская полагает, что все четыре направления, собственно составляющие историко-генетический подход, взаимодействуют, так как, например, невозможно анализировать научные школы вне социальной ситуации их развития, логики культуры.

Автор предлагает рассматривать общую картину психологической науки через метафоры сети и невода. Данные метафоры неоднократно обсуждались в наших работах (Журавлев, Сергиенко, 2017; Сергиенко, 2016, 2018а). Сеть — метафора, демонстрирующая связанность проблем в целостную систему знаний. Невод объединяет разные понятия и концепции как по горизонтали, так и по вертикали. В нашей работе был проведен конкретный анализ архитектуры современных понятий психологии и показана их системно-сетевая организация (Журавлев и др., 2023; Журавлев, Сергиенко, 2022). «Данные метафоры чрезвычайно важны для развития научного знания, однако здесь возникает вопрос о выборе „материала“: теорий и подходов, равнозначности и состава ячеек в сети и неводе. Этот вопрос сопряжен с субъектностью самого научного знания, ответственностью и профессионализмом самого исследователя, от кого зависит и выдвижение гипотезы, и ее экспериментальная проверка, и интерпретация, дальнейшее место в выбранной „сети“ категорий и „неводе“ теорий. Возможно, именно такое положение отвечает метамодернизму, предполагающему поиск творца» (Сергиенко, 2016, с. 10).

Значение историко-генетического подхода состоит в том, что он делает акцент на анализе динамики психологического знания в координатах социокультурных изменений, выделяя их в качестве ведущих. Явно видны существенные пересечения данного подхода с культурно-аналитическим и культурно-историческим подходами. Представление о «сети» и «неводе» как горизонтальной и вертикальной организации психологических знаний соотносится с нашей концепцией системно-сетевой архитектуры и положениями историко-эволюционного подхода А. Г. Асмолова, Е. Д. Шехтер, А. М. Черноризова.

В качестве ведущего понятия в историко-генетическом подходе можно выделить *генезис психологических теорий*, конкретизирующими понятиями являют-

ся социализация, индивидуализация, транзитивная личность, человек как текст (нарратив) в координатах социальной ситуации и культуры. Методологическими принципами выступают межпарадигмальность, междисциплинарность, социальный, культурный дискурс. Методы – интерпретационный (генетический, структурный), эмпирические (праксиометрический, моделирование, биографический).

Глава 7 «Субъектно-аналитический подход в психологии» подготовлена В. В. Знаковым. Усиление роли принципа субъектности в психологии (Субъектный подход в психологии, 2009) имеет не только гуманистический смысл и теоретическое значение для психологии, данный принцип положен в основу модернизации образования, делающего акцент на саморазвитии и самообразовании человека (Гусельцева, 2015а).

В понимании субъектности фактически существуют два основных подхода – акмеологический и эволюционный (исторический): либо субъект – это определенный этап в развитии личности, знаменующий саморазвитие или самодетерминизм (акмеологический), либо субъект проходит свой путь развития, отличаясь на разных этапах разными проявлениями организации (эволюционный). Детальное рассмотрение двух этих подходов представлено в работах Е. А. Сергиенко (Сергиенко, 2011, 2021).

Примером современной разработки психологии субъекта в рамках акмеологического подхода становится субъектно-аналитический подход В. В. Знакова (Знаков, 2016а, 2023). Новый этап современного развития психологии субъекта связан с увеличением сложности проблемы понимания: различие трех реальностей мира человека (эмпирической, социокультурной и экзистенциальной) и обоснование причины различий и особенностей их понимания. Как отмечает И. А. Мироненко, психическое субъективно по своей природе, но не однородно (Мироненко, 2021). Мир наших душевных явлений имеет сложное строение. При этом В. В. Знаков вносит существенный вклад в расширение понятия субъекта путем анализа его внутреннего мира, членя его на реальности не как отдельные элементы, а как составляющие интегративную картину мира. Но именно это аналитическое членение позволяет продвинуться к выделению психологических механизмов понимания мира субъектом. Аналитическая составляющая в данном подходе возвращает нас к методу анализа через синтез в научной школе С. Л. Рубинштейна, в которой анализ и синтез выступают не как последовательные, а как одновременно существующие тенденции. Кроме того, аналитичность является проявлением человеческого ума и играет значительную роль в рефлексии и переживаниях – ментальных механизмах понимания себя и мира. При этом переживание не всегда поддается рефлексии, но включает и в отношении субъекта к бытию, в процессы отражения и порождения, интегрирующиеся в феномене смысловой детерминации ситуаций человеческого бытия. Пояснение по членению субъективного мира представлено в таблице 1.

Поясняя суть названия подхода, автор определяет понятия субъекта и аналитичности. Субъектная составляющая субъектно-аналитического подхода включает следующие основные положения: «Субъектность как совокупность внутренних условий развития понимания, формирующихся в соответствии с рубинштейновским принципом детерминизма: внешние причины действуют,

Таблица 1

Понимание субъектом реальностей мира человека (Знаков, 2016а, с. 342)

Теоретические основания понимания	Три реальности мира человека		
	Эмпирическая	Социокультурная	Экзистенциальная
Традиция психологических исследований	Когнитивная	Герменевтическая	Экзистенциальная
Способ понимания мира	Парадигматический	Нарративный	Тезаурусный
Основания понимания	Знание и значение	Мнение и смысл	Переживание и опыт
Тип понимания	Понимание-знание	Понимание-интерпретация	Понимание-постижение

преломляясь через внутренние условия, составляющие основание психического развития» (с. 230).

«Гносеологические субъект-объектные основания психологии субъекта, в которой показано, что во многих психологических исследованиях трудно провести четкую границу между субъектом и объектом (Брушлинский, 2003)» (с. 231). Автор отмечает, что именно субъект интерпретирует ситуации, события, объекты. А интерпретация становится основой понимания событий и ситуаций человеческого бытия. Опираясь на работы С.Л. Рубинштейна, автор напоминает, что в мире человека не существует объективного знания о реальности, независимого от познающего субъекта. «Внутренние условия, концептуальные схемы понимающего мир субъекта играют определяющую роль в понимании трех реальностей человеческого бытия» (с. 234). Наконец, речь идет о способах преобразования субъекта, полагания себя. С точки зрения раскрытия их содержания центральными являются вопросы о типах активности человека как личности и как субъекта, в которых различно представлены процессуальность и результативность деятельности.

Раскрывая *аналитическую составляющую подхода*, В. В. Знаков также выделяет основные положения:

«Анализ (разделение действительности на три реальности) в конечном счете нужен для того, чтобы синтезировать части в целое (мир человека)» (с. 235). Автор подчеркивает неразрывность анализа и синтеза как взаимосвязанных и взаимодополняющих стратегий. Данное утверждение согласуется с положениями М. С. Гусельцевой в культурно-аналитическом подходе (см. выше). Данное положение иллюстрируется в феноменах рефлексии и переживания. С одной стороны, рефлексия направлена на анализ основных видов когнитивных процессов (мышления, памяти и др.) человека как метакогнитивных – метамышления, метапамяти и т. п. С другой, рефлексия оказывается интегратором психики как системного образования (Карпов, 2012). «Переживание тоже нередко понимается психологами именно как рефлексивный процесс, способствующий осознанию и в конечном счете появлению отрефлексированного субъектом знания о переживаемом». Однако переживания не всегда осознаются как отношение

и значение события для самого субъекта, что затрудняет его рефлекссию (Прохоров, 2005). Трудности осознания собственных переживаний у людей связаны с психическими состояниями, эмоциями, защитными механизмами, межличностными отношениями и т. д. (Фахрутдинова, 2008). Наконец, еще одной из составляющих аналитичности подхода становится разработка аналитического и холистического стилей мышления и их четырех основных признаков: фокуса внимания, отношения к противоречиям, восприятия изменений и каузальной атрибуции. Данные стили, с одной стороны, являются процессуальными характеристиками мышления при анализе реального мира, а с другой – культурно-преобладающими стратегиями.

Значение субъектно-аналитического подхода состоит прежде всего в том, что он ориентирован на выявление типов реальности и специфики понимания их субъектом путем аналитико-синтетического метода – на вычленение психологических характеристик разных типов понимания. Данный подход имеет пересечения с культурно-аналитическим подходом в отношении аналитической составляющей, с субъектно-деятельностным подходом в понимании активности как деятельности субъекта и личности. Перспективой данного подхода автор считает углубленный анализ оснований, по которым человек воспринимает и понимает реальность как эмпирическую, социокультурную или экзистенциальную. Значимым для автора становится также сопоставление методов и принципов изучения психологии человека в других научных подходах.

Ведущим понятием субъектно-аналитического подхода является *понимание субъектом разных реальностей мира*. Конкретизирующими понятиями – *типы понимания (понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение)*, способами понимания – *парадигматический, нарративный, тезаурусный*. Методологические принципы: *субъектность*. Методы – *интерпретационные (генетический, структурный)*.

Глава 8 «Системно-субъектный подход в психологии» написана Е. А. Сергиенко. Основания и опорные положения системно-субъектного подхода в психологии достаточно подробно изложены автором в предыдущих работах (Сергиенко, 2011, 2021). Системно-субъектный подход является одним из вариантов субъектного подхода в психологии (см.: *Субъектный подход в психологии*, 2009). Развитие субъектного подхода именно в психологии было начато С. Л. Рубинштейном. Он подчеркивал, что действительность выступает через призму возможностей и отношений к ней субъекта, а не противостоит ему в существовавшей дихотомии «субъект–объект». Субъект выступает активным конструктором собственной жизни, бытия. В качестве субъекта рассматривается субъект психической деятельности, конкретный индивид, а не абстрактный конструкт. Таким образом, категорию субъекта С. Л. Рубинштейн перевел из философского плана в конкретно-психологический. Не деятельность всецело детерминирует внутренний психический мир человека, а человек в реальной деятельности, благодаря внутренним психическим основаниям, определяет и направляет свою деятельность. Переход к онтологическому основанию субъекта, введенный С. Л. Рубинштейном, определил смещение центра научных интересов в психологии, что побудило исследовать человека как субъекта деятельности, индивидуального и групп-

пового. Начал формироваться субъектно-деятельностный подход в психологии (А. В. Брушлинский, К. А. Абульханова).

Рассматривая возможности создания системно-субъектного подхода, автор показывает общие для системного (системно-эволюционного) и субъектно-деятельностного подходов положения, которые позволяют говорить об их тесной связи и возможном объединении в одну парадигму: процессуальность — динамика системного развития, неравномерность, гетерохронность и непрерывность психического развития, неразрывность природного и социального на всех этапах психического развития, самоорганизация — достижение новых состояний через собственное функционирование (активность, деятельность). «Субъект — качественно определенный способ самоорганизации, саморегуляции личности, способ согласования внешних и внутренних условий осуществления деятельности во времени, центр координации всех психических процессов, состояний, свойств, а также способностей, возможностей и ограничений личности по отношению к объективным и субъективным целям, притязаниям и задачам деятельности. Целостность, единство, интегративность субъекта являются основой системности его психических качеств» (Брушлинский, 1991, 1992, 1999а, 2002, 2003). Подобная общность позволяет объединить имеющиеся подходы, что означает не просто соединение, а создание новой парадигмы, вносящей иные аспекты в изучение человека, которые в рамках объединяемых подходов оставались на периферии. Так, в системном подходе и его вариантах (в системно-эволюционном, теории динамических систем) не остается места субъекту как активному и пристрастному «деятелю» собственного бытия, собственной деятельности, активности, нет места интегративной индивидуальности, которая обеспечивает целостное поведение человека и индивидуальные варианты его адаптации к внешним условиям бытия.

В субъектно-деятельностном подходе проблемным остается анализ внутренних условий самой деятельности, размытость внутренней психической организации, отсутствие представлений о структуре этой организации, что сделало целесообразным создание системно-субъектного подхода.

С позиций системно-субъектного подхода центром концептуальной схемы психологии является субъект, носитель психического, автор собственной деятельности, общения, отношения, переживания. Именно субъект на каждом этапе своего развития выступает носителем системности, раскрывающейся в его взаимодействии с миром. Субъект становится системообразующим фактором создания сложной многоуровневой системы психической организации. Но в более широком поле субъектной организации выделена личность как содержательно-ценностная структура. Субъект и личность — две неразрывные ипостаси человека, именно они представляют собой наиболее специфичный объект изучения в психологической науке. Две ипостаси — субъект и личность — на каждом этапе своего развития находятся в реципрокных отношениях. С позиций системно-субъектного подхода носителем содержания внутреннего мира человека будет выступать личность, а реализацией в данных жизненных обстоятельствах, условиях, задачах — субъект, интегрирующий все психологические ресурсы человека, его способности. Человек будет осуществлять зрелые фор-

мы поведения в зависимости от степени согласованности в развитии континуума «субъект—личность». Это выступает основанием для введения понятия процессуальной психологической зрелости наряду с результативной. Человек стремится сохранить свою целостность как субъекта и личности, следовательно, делает то, что соответствует его жизненным смыслам и собственной субъектности, т. е. согласно своей интегративной уникальности (где все образует единую систему: история развития субъекта, гетерархия уровневой организации, культура, социальный контекст). Показателем синхронности и соответствия в континууме «личность—субъект» может выступать спонтанность поведения человека. Две подструктуры (субъекта и личности) тесно связаны, но специфичны в своем функционировании. Автор выделяет функции субъекта (когнитивную — понимание, регулятивную — контроль поведения, коммуникативную — субъект-субъектные или субъект-объектные отношения) и личности (когнитивная функция — порождение смыслов, личностных смыслов, смыслоразличительных ориентаций, направленности; регулятивная — переживание; коммуникативная — направленность на определенные значимые аспекты реальности). Важное положение, которое подчеркивает автор — это непрерывность развития субъектности при выделении уровня критерия. Обосновано и показано постепенное уровневое становление субъекта и личности от рождения до глубокой старости. Определяя функции субъекта, Е. А. Сергиенко осуществляет их частичную разработку и обоснование. В качестве регулятивной функции предлагается конструкт «контроль поведения» (подробнее см.: Сергиенко, 2021; Сергиенко и др., 2010). Понимание того, как когнитивная функция субъекта операционализируется через способность «модель психического» — понимание психических состояний своих и другого и сопоставление ментальных моделей, определяющих понимание другого, социальных ситуаций, взаимодействий (Сергиенко и др., 2009, 2020). Также предлагается рассматривать более широкие модусы субъекта: субъект развития, субъект деятельности, субъект жизни со своими особенностями выраженности субъектности и личности, которые присутствуют от рождения до смерти человека.

Значение данного подхода состоит в том, что он является попыткой перехода к субъектной психологии. Первые шаги всегда трудны и уязвимы. Но, концентрируясь на понятиях субъекта и личности, можно выделить именно специфичные для психологии понятия. Понятие человека — более широкое, и в нем пересекаются многие науки: и биология, и антропология, и нейронауки, и социогуманитарные направления. Для психологии концептуальным центром целостного изучения человека может стать психология субъекта, позволяющая подойти к изучению его внутреннего субъективного мира. Важным достижением при использовании данного подхода можно считать выявление представлений об архитектуре субъекта, личности и их функций, что позволяет операционализировать их изучение.

Перспективы данного подхода могут быть обозначены в следующих направлениях. Если в классическом варианте в фокусе исследований были рациональные знания и законы причинности, то в соответствии с субъектным подходом важнее становится понимание и интерпретация окружения, где не всегда законы

рациональности имеют силу. Например, убеждения и мнения, понимание интенций и желаний имеют иной ракурс рассмотрения ментальных моделей, порождаемых субъектом. В основе понимания мира лежит процесс ментализации событий и их моделирование, при этом необходимо отличать собственные модели от моделей других людей. Если модель психического рассматривать как когнитивный механизм понимания (когнитивную функцию субъекта), то наряду с изучением других психологических подходов (например, психологии возможного и невозможного, преадаптации) открывается путь изучения познания человеком других субъектов и феноменов социальных отношений, т. е. наведения мостов между индивидуальным и коллективным субъектом. Психология человеческого бытия (Знаков, 2015, 2016а, 2021, 2022) – научное направление, которое является продолжением и следствием психологии субъекта, – выводит рассматриваемую проблему субъекта на междисциплинарный уровень, предполагающий взаимосвязи с экзистенциальной, социальной, когнитивной психологией, психологией личности и индивидуальности. Психология человеческого бытия предполагает обращение к самым общим категориям, занимающим умы человечества на всем протяжении его существования: жизнь и смерть, любовь и ненависть, доверие и недоверие к миру и людям, надежда и безнадежность, возможное, невозможное, немислимое и др. Это анализ вершинных, духовных ценностей человека с позиций субъектного подхода выводит психологию на уровень реальных жизненных проблем человека, соединяя классическую психологию с психологией человеческого бытия.

Данное перспективное направление комплементарно с системно-субъектным подходом и позволяет раскрыть психологию субъекта на высоких и сложных уровнях его развития.

Следующим перспективным направлением стало введение и обоснование категории коллективного субъекта (Журавлев, 2018). Возникновение группового субъекта обусловлено не столько совместной трудовой деятельностью, сколько наличием общих целей и задач, мотивов и интересов. При этом общественные интересы существуют в том случае, если они одновременно являются личностными, но не внеличностными или надличностными. Определяя понятие коллективного субъекта, А.Л. Журавлев обосновывает его психологический статус, имеющий и гносеологический, и онтологический смысл. Автор выделяет критерии коллективного субъекта в отличие от индивидуального. Субъектность группы одновременно описывается тремя основными признаками: взаимосвязанностью членов группы, совместной активностью и групповой саморефлексивностью – с выделением главного признака – способности к совместной активности.

Выделение индивидуального и коллективного субъекта как интегративных понятий в современной психологии ставит вопрос об их самостоятельности и отношениях. Интересна динамика взаимодействий индивидуального и коллективного субъекта. В соответствии с ней очевидно, что тоталитаризм и субъект – понятия несовместимые. Психология насилия при тоталитарной организации жизнедеятельности людей делает их объектами общественных влияний, не оставляя места свободе выбора, самореализации, автономности, развитию субъектности и другим проявлениям.

Данное направление работ предполагает изучение не только уровней развития и динамики психологии коллективного субъекта, но и выделение его специфических функций в сравнении с функциями субъекта и личности в рамках системно-субъектного подхода. Эта задача представляется особенно объемной и становится научным вызовом для исследователей.

Представленная гипотеза о возможности уровневого анализа психического развития субъектно-личностного взаимодействия остается слабо разработанной и требует больших экспериментальных усилий и обобщений.

Перспективной и необходимой задачей для психологии субъекта становится разграничение категорий личности и субъекта, определение их специфики, соотношения и места в психологической науке. Предлагаемая гипотеза о соотношении субъекта и личности в контексте системно-субъектного подхода предполагает более детальное рассмотрение и раскрытие психологических отношений, механизмов и динамики изменений соотношений этих двух ипостасей человека. Требуется также обращение к более общим модусам: субъекту развития, субъекту деятельности, субъекту жизнедеятельности.

Наиболее значительное пересечение системно-субъектного подхода можно отметить с субъектно-аналитическим и историко-эволюционным подходами. Недостающим звеном в данном подходе остается анализ роли культуры в развитии субъектности как важной составляющей самоконструирования и саморазвития. Культура в данном подходе рассматривается только как скрытая, латентная переменная, которая необходима для более глубокого анализа.

Ведущим понятием системно-субъектного подхода является *субъект*. Конкретизирующими понятиями — *соотношение субъекта и личности, структура и функции субъекта и личности, непрерывность уровневого развития субъекта, процессуальная психологическая зрелость*. Методологическими принципами выступают *системность, субъектность, антиципация, активность, саморазвитие, мультидетерминация, междисциплинарность*. Методы — *эмпирические (эксперимент), интерпретационные (генетический, структурный)*.

В главе 9 «Коммуникативно-интегративный подход в психологической науке» свои научные представления излагает В. А. Мазиллов, который является сторонником создания общей методологии психологии, единой интегративной психологической науки. Его взгляды отчасти были представлены выше при рассмотрении вопроса о единстве или мультипарадигмальности психологической науки. Автор призывает к интеграции психологии, демонстрируя возможности коммуникативной методологии при условии изменения установок психологического сообщества. Он отмечает: «Природа психологического знания, как мы пытались выше показать, такова, что в настоящее время научная психология может продуцировать лишь *частные теории*, которые привычно принимаются за *общие*. Поэтому на пути к потенциальной более общей теории какого-то психического явления необходимы скрупулезный анализ и выстраивание частных теорий для группы, класса явлений и попытки их соотнесения, в процессе этого анализа и сопоставления должно определиться совпадающее и различное, что поможет понять, чем именно обусловлены различия. Роль коммуникативной методологии, как представляется, в этом процессе ключевая» (с. 289).

Коммуникативная методология строится на концепции соотношения теории и метода в психологии. Автор предлагает универсальную модель сравнения теорий. В данной универсальной модели задан многоуровневый предмет («декларируемый», «рационализированный» и «реальный»), метод также многоуровневый (идеологический, предметный и операциональный), что создает возможность поуровневого соотнесения различных психологических концепций. Предтеория выделяется автором как важнейшее понятие в процедуре соотнесения. Она состоит из компонентов: идея метода, базовая категория, в качестве которой могут выступать такие понятия, как «структура», «функция», «процесс», «уровень», «генезис», «моделирующее представление», «организующая схема». Мазиллов приводит следующий пример сравнения: «Для С. Л. Рубинштейна ведущей категорией является процесс, тогда как для А. Н. Леонтьева это структура. Для одной концепции деятельности моделирующими представлениями выступает индивидуальный процесс труда (изначально социальный), для другой – совместно-распределенное взаимодействие индивидов в решении общей задачи» (с. 286). При обсуждении теории деятельности А. Н. Леонтьева, представленной в главе 2 Т. В. Корниловой, были отмечены сходства и различия между теориями деятельности А. Н. Леонтьева и С. Л. Рубинштейна. При этом мы опирались на выделение ведущего понятия («деятельность»), конкретизирующих понятий и методологических принципов, которые имеют целый ряд различий в силу понимания, с одной стороны, жесткой социальной детерминированности психики деятельностью, а с другой (у Рубинштейна) – опосредования деятельности внутренними психологическими условиями (субъектом деятельности). Таким образом, явно видно наличие разных «оптик» сравнения, которые указывают, что выбранный способ сравнения включает довольно субъективные координаты. Но и тот, и другой способы дают возможность соотнести классические теории в системе принятых координат, что дополняет сравнительный анализ.

Признавая возможность универсального принципа сравнения, отметим, что создание единой и универсальной психологической теории, возможно, означает ее финальную стадию, поскольку только в разнообразии подходов, теорий, понимания предмета и методов заключена живая сила ее развития, создание разнообразия в едином поле психологии.

Ведущим понятием подхода, развиваемого В. А. Мазилловым, выступает *интегативность психологии*, а понятиями, раскрывающими данное положение, становятся *коммуникативность, предмет и метод в психологии, предтеории, базовые категории*. Методологическими принципами данного подхода выступают *единство предмета и метода в психологии*. Методы – *интерпретационный (структурный)*.

В заключение анализа глав первого раздела коллективной монографии, объединившего общепсихологические подходы, отметим, что даже само расширение в названии подходов (историко-генетический, культурно-аналитический, субъектно-аналитический, субъектно-деятельностный и др.) указывает на открытость границ, необходимость развития самих подходов, включение принципов междисциплинарности и полипарадигмальности. При этом только культурно-исторический подход определяет собственно развитие через включение

новых понятий и расширение практических решений, обозначая данный путь развития через метафору в «дерево», тогда как большинство подходов демонстрируют развитие в «куст». В таблице 2 представлены ведущие и конкретизирующие (периферические) понятия, методологические принципы, выделенные при анализе представленных общепсихологических подходов.

Анализ таблицы 2 показывает, что, по крайней мере, в половине подходов декларируется междисциплинарный подход (ему посвящена отдельная глава 10). Категория деятельности также выделяется во многих подходах или как ведущее, или как конкретизирующее понятие. Категория культуры также становится важнейшей координатой и даже ведущим понятием в историко-эволюционном, культурно-историческом, культурно-аналитическом, историко-генетическом подходах. При признании важнейшей роли активности (деятельности) в психическом развитии все же акцент и понимание деятельности в них различаются. Так, если в деятельностном подходе ведущим понятием выступает структура деятельности и ее социальная детерминация, то в субъектно-деятельностном ведущая категория деятельности выступает как опосредованная субъектом (личностью), т. е. организующими ее внутренними условиями. Понятие субъекта как активного деятеля разрабатывается только в субъектно-деятельностном, системно-субъектном и субъектно-аналитическом подходах, хотя данная категория уже включена в рамки культурно-аналитического подхода и выступает как направление расширения историко-эволюционного подхода. Говоря о детерминации психического развития и функционирования, следует указать, что только историко-эволюционный и системно-субъектный подходы утверждают его мультидетерминацию. Однако все подходы, в которых на ведущую позицию выдвигается понятие субъекта, а культура признается важнейшим источником развития психики, скорее используют данную категорию как латентную, скрытую, не проявленную в теоретико-эмпирических работах. По мере анализа глав первого раздела выделялись дискуссионные проблемы. Однако хотелось бы подчеркнуть, что, на наш взгляд, они становятся скорее взаимодополняющими, чем противопоставленными, выделяются разные аспекты изучения в психологии, образуются взаимосвязанные и своеобразные исследовательские поля.

Раздел II «Разработка общенаучных подходов в психологии» составили главы, раскрывающие суть применения данных подходов в психологии: междисциплинарный (А. Л. Журавлев, А. А. Костригин), метасистемный (А. В. Карпов), энергоинформационный и комплексный (Л. А. Головей), сетевой (И. В. Зеленкова), ресурсный подходы (С. А. Хазова), филогенетическая эволюция психики (А. А. Карпов) и наукометрический подход (А. Л. Журавлев, А. А. Костригин).

Глава 10 «Междисциплинарный подход в психологии», авторы – А. Л. Журавлев, А. А. Костригин. Термин «междисциплинарность» широко распространен в разных науках, включая психологию. Но что за ним стоит, в чем его преимущества и ограничения? Авторы главы, подчеркивают, что прежде всего междисциплинарность предполагает открытость границ дисциплин, их методологий, готовность к взаимодействию и взаимопроникновению, создает единое поле науки и культуры, сохраняет гибкость рационального познания мира.

Таблица 2
Сопоставление ведущих и конкретизирующих понятий, методологических принципов и основных методов в общепсихологических подходах современной психологии

Общепсихологические подходы	Ведущее понятие	Конкретизирующие понятия	Методологические принципы	Ведущие методы
Историко-эволюционный подход	Происхождение психики	Адаптация и преадаптация, нарастающие вариативности, специализации, усложнение систем, организация сообществ, иерархия и сетевая организация сложных систем	Системный, эволюционный активности (деятельности), междисциплинарный	Интерпретационный (генетический)
Теория деятельности А. Н. Леонтьева	Деятельность	Структура деятельности (действия, операция), мотив, цель, сознание, интериоризация, экстериоризация, образ мира, личность, происхождение психики.	Единство сознания и деятельности	Эмпирические (эксперимент, праксиометрический, моделирование)
Культурно-историческая психология	Культурно-знаковая опосредованность психики человека	Интериоризация, сознание, зона ближайшего развития, этноцентрическая речь, мышление и речь	Социокультурная детерминация психики	Эмпирические (эксперимент, формирующий эксперимент, интерпретационные (генетический)
Культурно-аналитический подход	Культурная реальность	Ментальность, личность, индивидуальность, неадаптивное поведение, маргинальность, гениальность, социализация и индивидуализация, интеллигенция	Междисциплинарность, культурная парадигмальность, культурная контекстуальность	Интерпретационные (генетический, структурный)

Вводная глава

Субъектно-деятельностный подход	Деятельность субъекта	Субъект и личность, познание и созерцание, бытие и сознание, практическая деятельность	Единство бытия и сознания, детерминизм (внешнее через внутреннее), субъектности, саморазвития (в творческой деятельности рождается творец)	Интерпретационный (генетический)
Историко-генетический подход	Генезис психологических теорий	Социализация, индивидуализация, транзитивная личность, человек как текст (нарратив) в координатах социальной ситуации и культуры	Межпарадигмальность, междисциплинарность, социальный, культурный дискурс	Эмпирические, интерпретационные (генетический)
Субъектно-аналитический подход	Понимание субъектом разных реальностей мира	Типы понимания (понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение), способы понимания (парадигматический, нарративный, тезаурусный)	Субъектность	Интерпретационные (генетический, структурный)
Системно-субъектный подход	Субъект	Соотношение субъекта и личности, структура и функции субъекта и личности, непрерывность уровня развития субъекта, процессуальная психологическая зрелость, субъект развития, деятельности, жизни	Субъектность, системность, антиципация, активность, саморазвитие, мультидетерминация, междисциплинарность	Интерпретационные (генетический), эмпирические (эксперимент, психодиагностика)
Коммуникативно-интегративный подход	Интегративность методологии психологии	Коммуникативность, предмет и метод в психологии, предтеории, базовые категории	Единство предмета и метода в психологии	Интерпретационный (структурный)

Опираясь на выделенные типы междисциплинарности в философии (мультидисциплинарность, собственно междисциплинарность, трансдисциплинарность), авторы определяют специфику данных типов в психологии. Так, «междисциплинарность раскрывается авторами (методологами психологии) как объединение небольшого количества дисциплин (в том числе психологических отраслей) с доминированием одной из них (Гусельцева, 2015г; Мазилев, 2013а); психология использует теории, методы, методики из других наук для того, чтобы изучать собственные предметы и предметы других дисциплин» (с. 294). Мультидисциплинарность раскрывается как соучастие нескольких дисциплин в решении сложных проблем, например, биологии и психологии, нейронаук и социологии, культурологии и психологии. «Разработка психологии на основе трансдисциплинарности описывается специалистами в виде открытия границ для пересечения и смешения с другими дисциплинами в целях решения сложных проблем неопределенного, изменяющегося и системного характера (Асмолов, 2015; Гусельцева, 2018б)» (с. 294).

Понятие междисциплинарности дополняется рядом терминов, помимо выделенных форм: «комплексные психологические исследования», «объединяющие преимущественно психологические отрасли»; «интеграция или интегративность и более высокого уровня формы интеграции» — «метапсихология»; «кросс-дисциплинарность» как любое дисциплинарное взаимодействие — все они относятся к междисциплинарности и указывают на нестрогость терминологии.

Другую группу терминов составляют «мульти- и полипарадигмальность, межпарадигмальность и другие формы взаимодействия парадигм (например, их сетевая организация), которые подразумевают объединение нескольких парадигм (не только сугубо психологических) для многостороннего исследования психических явлений» (с. 295), указывающих на мультидисциплинарность.

Трансдисциплинарные характеристики присущи обобщенным подходам: системному, холистическому, синергетическому, системно-субъектному, системно-эволюционному и др., а также субъектно-центричным — субъектно-аналитическому и экзистенциальному, в которых в центре изучения лежит многомерный, многоуровневый, переходящий или преодолевающий границы различных дисциплин (психологии, нейронаук, информационных наук и др.) предмет (субъект, развитие, поведение и др.).

Авторы подчеркивают, что «сама проблема психического изначально является междисциплинарной»; в природе психического, его порождении и развитии взаимодействуют самые разные составляющие, предполагающие объединение многие науки: генетику, нейронауки, этологию, философию, информатику, социологию, культурологию, антропологию и др., и «в этом состоит *атрибутивная междисциплинарность психологической науки* как неотъемлемо ей принадлежащий, существенный ее признак» (с. 307).

А.Л. Журавлев и А.А. Костригин выделяют три уровня междисциплинарности, которые реализуются в психологической науке. Первый уровень — *внутрипсихологический*, возникающий на пересечении психологических направлений и отраслей, при постоянном расширении отраслей психологии он становится нормой междисциплинарных исследований, составляя современный тренд развития науки. Он включает два подуровня: *внутриотраслевой*, к которому мож-

но отнести исследования на границах разных научных разделов, направлений, проблем или тем, но внутри конкретной отрасли психологии, и *междотраслевой подуровень* исследований, сформировавшийся на границах самых разных отраслей психологии. Следующий – *внешнепсихологический* уровень междисциплинарности – означает исследования, пограничные с другими науками: медициной, физиологией, техническими науками, лингвистикой, историей, экономикой, социологией, наукой управления, политологией, этнологией и т. д. Именно внешнепсихологический уровень позволяет авторам ввести понятие «междисциплинарная релевантность» психологической науки. Это положение дает возможность выделить третий уровень междисциплинарности – внедренность психологии в другие смежные науки, создавая новые направления и даже специализации (например, «Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика» как техническая специальность; «Медицинская психология» как медицинская специальность).

Авторы подчеркивают, что междисциплинарность способствует решению ряда сложных проблем, возникающих на пересечении дисциплин: психологии и нейронауки, психологии поведения в интернете, виртуальной среде, искусственного интеллекта и психологии. Значительна роль междисциплинарных исследований в изучении природы психического, предполагающих решение трех фундаментальных проблем: психофизической, психофизиологической и психосоциальной.

Демонстрируя междисциплинарность как атрибутивную характеристику психологии, авторы проводят анализ *базовых понятий, обозначающих «предметные поля»* психологии: человек, сознание, бессознательное, индивид, личность, субъект (индивидуальный и коллективный), индивидуальность, группа (малая и большая), сообщество, активность, взаимодействие, жизнедеятельность, поведение, деятельность, общение, образ, отражение, отношение, переживание. В приведенном перечне (который ограничен) нет «ни одного понятия, которое разрабатывалось бы только психологической наукой» (с. 310). Кроме того, возникает представление, что чем сложнее понятие (например, *человек, сознание, личность, субъект, активность, деятельность, поведение* и др.), тем более выражена его междисциплинарность. При этом междисциплинарность прослеживается не только относительно традиционных понятий (*сознание, деятельность, личность, группа* и др.), но и новых (*жизнеспособность, модель психического, коллективный субъект* и др.). Авторы подчеркивают: «Специфика психологии состоит не в ее избирательности в исследовании некоей сферы, в которой она является единственной востребованной наукой, а в том, что психология необходима в исследовании всех сфер, относящихся к человеку и группам; тем самым ее предмет исследования неизбежно „пересекается“ или частично „накладывается“ на предмет изучения различных естественных, технических, информационных, гуманитарных и общественных наук» (с. 311). Важным вопросом в обсуждении междисциплинарного подхода являются его ограничения:

Междисциплинарные исследования в психологии – это не единственная форма изучения психики, она сосуществует с «чисто» психологическими исследованиями.

Опасность разной степени редукционизма при анализе психологических феноменов. В рамках междисциплинарности также существует опасность утраты некоторых тонкостей «психологического исследования, значимость которых остается понятной только психологам».

В междисциплинарных исследованиях возникают сложности разного порядка: низкая совместимость используемых языков разных наук, трудности взаимопонимания, усложнение исследований, нередко совмещаемые методы отличаются уровнем разработанности, инструментальности — все это и многое другое может приводить к результатам разной степени точности и надежности, нерелевантным интерпретациям.

Значимость междисциплинарного подхода очевидна, многие авторы данной монографии и других научных работ указывают на междисциплинарный характер исследований. Но при всей всеобщей признанности понятие междисциплинарности оставалось мало дифференцированным, нечетко определенным. Авторы главы не только вводят понятие междисциплинарности, определяют его типы и уровни именно в психологической науке, но и демонстрируют преимущества данного подхода и его ограничения. Представляется, что эта разработка междисциплинарного подхода позволяет говорить об обосновании методологического принципа междисциплинарности психологии.

Ведущее понятия — *междисциплинарность*, конкретизирующие понятия — *атрибутивность междисциплинарности*, *типы междисциплинарности*, *мультидисциплинарность*, *собственно междисциплинарность*, *трансдисциплинарность*, *уровни междисциплинарности*, *внутрипсихологический (внутриотраслевой и межотраслевой)*, *внешнепсихологический уровень*, *междисциплинарная релевантность*. Методологические принципы — *междисциплинарность*, *системность*. Методы — *организационный (комплексный)*, *интерпретационный (структурный)*.

Глава 11 «Сущность и содержание метасистемного подхода», автор — А. В. Карпов. Автор обосновывает на теоретическом уровне возможность разработки системного подхода, вводя в него высший уровень метасистемности. Он утверждает, что «подавляющее большинство теоретических и методологических трудностей современного состояния системных исследований, связанных с неопределенностью категориального и концептуального статуса понятия метасистемного уровня, с его очень слабой включенностью в методологию системности, может быть естественным образом преодолено именно с позиций сформулированных выше представлений» (с. 332). Основная парадоксальность состояла в том, что метасистемный уровень не включался в состав и содержание самой системы.

Этот уровень локализуется вне ее — в плане ее взаимодействий с более общими целостностями — метасистемами. Внешняя — объективная реальность как метасистема, с которой исходно взаимодействует психика, получает в ней своего рода «удвоенное» существование в виде «субъективной реальности — в форме так называемого „отраженного“ (если пользоваться традиционной терминологией). В психологии существуют разнообразные понятия, обозначающие эту реальность: ментальные репрезентации, когнитивные схемы, опыт, внутренняя информация, знания, образ мира, внутренний мир, модель психического, субъективные репрезентации, фреймы, скрипты и др. Отвечая на во-

прос, каким образом порождается эта субъективная реальность, автор полагает, что «метасистема, в качестве которой по отношению к психике выступает в конечном итоге вся внешнеположенная ей объективная реальность (а также взаимодействия с этой реальностью), получает в содержании самой психики свое удвоенное бытие... структурно-функциональная организация психики предполагает включенность метасистемного уровня в само ее содержание, в ее собственную структуру» (с. 323). Метасистемный уровень занимает не только экстрасистемное, но и интрасистемное положение, обретая идеальную природу. Этот уровень интегрирует все важнейшие психические образования, становясь родовым понятием по отношению к каждому из психических образований как видовых. Автор считает, что «метасистемный уровень по своим содержательным, информационным характеристикам является не чем иным, как специфическим дубликатом объективной реальности... чем более полным, адекватным, а в идеале — изоморфным он будет по отношению к объективной реальности, тем лучше для всей системы — психики» (с. 324). Метасистемный уровень встроен в структурно-функциональную организацию психики как ее высший и ведущий уровень, а благодаря его двойственности (одновременно и включенности в содержание системы и «вынесенности» за ее пределы) возникает возможность объективации системой самой себя в качестве предмета организации и управления, система обретает принципиально новую способность — рефлексивность. Представление о встроенности и удвоенности метасистемного уровня также проливает свет на способность к самопрезентированности психики, составляющей, в свою очередь, ядро наиболее сложной и важной проблемы сознания. Автор полагает, что «рефлексия — это и есть процесс, обеспечивающий связь общесистемного уровня организации психических процессов, т. е. максимально обобщенного уровня, на котором представлена вся их совокупность, и метасистемного уровня организации психики» (с. 329). Важным для данной концепции становится соотношение метасистемного уровня с нижележащими. Автор утверждает, что «возникновение метасистемного уровня также трансформирует все иные — нижележащие уровни... Целое может повторять себя в частях, перенося на их организацию, в том числе и прежде всего на их структуру, основные особенности своего функционирования. Тем самым резко расширяется собственный потенциал частей, что является чрезвычайно ценным с общеадаптационной точки зрения» (с. 337). Возникновение метасистемного уровня предполагает синергетичность с другими уровнями, что означает иные принципы системогенеза: не гетерогенность и гетерохронность, а равномерность и синхронность, обозначаемые как метасистемогенез. Данное представление в некотором роде соотносимо с представлением о становлении высших психических функций Л. С. Выготского, которые подчиняют собой низшие.

Многие положения о становлении и сути метасистемного уровня требуют специального и детального обсуждения.

Значение данного подхода состоит в авторской гипотезе о сущности метасистемного уровня, обуславливающего высший уровень психического — сознания — и возможность рефлексивности психических явлений и процессов. Данный подход — это попытка дальнейшей разработки системного подхода. Автор

указывает также, что данный подход позволяет приблизиться к раскрытию «реальной сложности и многомерности, полиструктурности и многокачественности психического, к выявлению закономерностей и механизмов ее самоорганизации» (с. 333).

Ведущим понятием метасистемного подхода является *сознание*. Конкретизирующими понятиями — *метасистемный уровень, удвоенная реальность, изоморфизм, иерархическая структурно-функциональная организация психики, рефлексия*. В качестве методологического принципа можно выделить *системность*. Метод — *интерпретационный (генетический, структурный)*.

Глава 12 «*Энергоинформационный и комплексный подходы в психологии*», автор — Л. А. Головей. В данной главе представлены энергоинформационный и комплексный подходы, разработанные в Санкт-Петербургской научной психологической школе. Как указывает автор, энергоинформационный подход нельзя отнести в распространенным и часто применяемым. Однако, как отмечалось выше при обсуждении главы 1, авторская группа (А. Г. Асмолов, Е. Д. Шехтер, А. М. Черноризов) также обращаются к понятию *энергия*. Помимо понятия *энергия*, распространение получило и понятие *информация*, что связано с представлениями о психическом отражении, наиболее четко сформулированным А. Н. Леонтьевым. Два этих подхода учеными признавались, но оставались разрозненными, пока они не были интегрированы в процессы регуляции поведения и деятельности в предложенной А. Р. Лурией структурно-функциональной теории, в которой были выделены энергетический блок, блок приема, переработки и хранения информации; блок смысловой регуляции деятельности, обеспечиваемые определенными структурными образованиями мозга. Проблемы соотношения энергетических и информационных составляющих стали решать в Санкт-Петербургской психологической школе. В рамках энергоинформационного подхода Б. Г. Ананьев разрабатывал концепцию билатерального регулирования, включающую как основной вертикальный (корково-подкорковый уровень регулирования), так и горизонтальный (межполушарные взаимодействия). Именно «горизонтальный контур регулирования выполняет энергетические и информационные функции в зависимости от характера текущей деятельности. Он указывал, что латеральное доминирование носит относительный, многозначный и временный характер и что в процессе развития и деятельности происходит постоянное перераспределение функций между полушариями, при котором каждое из них принимает на себя то преимущественно энергетические, то преимущественно информационные функции» (с. 351). Вертикальная и горизонтальная системы регулирования действуют совместно, но вклад горизонтальной системы с увеличением ее значения возрастет и отражает все более гибкие координации межполушарного взаимодействия. Б. Г. Ананьев указывал на два возможных типа развития: дивергентное и конвергентное. При дивергентном развитии межполушарные связи усиливаются и становятся более прочными, обеспечивают более длительную сохранность функций в онтогенезе, что приводит к воспроизводству мозговых ресурсов и резервов в самом процессе «нервно-психической деятельности человека как личности, субъекта труда, познания и общественного поведения» (Ананьев, 1969, с. 275). При конвергент-

ном типе развития в процессе ослабления кортико-ретикулярной активности происходит снижение энергетического потенциала в поздние периоды онтогенеза, что ослабляет горизонтальные системы регуляции, способствует процессам инволюции. Роль активности личности в сохранности трудоспособности была продемонстрирована в работах Л. Н. Кулешовой и определена О. Ю. Стрижичкой как противодействующая сила инволюционным изменениям, что указывает на роль активности (энергоинформационной составляющей) в регуляции поведения, а не только возраста.

Развивая данный подход, Л. М. Веккер и И. М. Палей выделили три группы факторов энергоинформационных соотношений в психических явлениях. «На уровне сенсорно-перцептивной организации это отношения между силовыми параметрами стимулов и количественно-качественными показателями реакций и процессов (ощущений, восприятий, представлений, эмоций, мышления). В отношениях между психическими и нервно-физиологическими явлениями это активирующие функции ретикулярной формации и подкорковых структур, влияние тонуса коры на эффективность познавательных функций и других видов деятельности. В качестве третьей группы факторов авторы указывают на многочисленные связи между содержательными (познавательными) и динамическими (эмоционально-волевыми) психическими процессами» (с. 353).

Б. Г. Ананьев с сотрудниками разработал методы анализа энергетических и информационных показателей психической деятельности (соматические характеристики и реактивность организма, измеряемые по параметрам частоты сердечных сокращений, оксигенации крови, основного обмена и др.). Значительное число выполненных исследований позволили Ананьеву прийти к заключению, что в зависимости от характера деятельности происходит перераспределение ресурсов, связанных с усилением билатерального регулирования, что способствует энергетическому обеспечению деятельности. При высоком уровне интеллекта в процессе умственной деятельности наблюдаются меньшие энергозатраты организма. «Это подтвердило идею Б. Г. Ананьева об одаренности как важнейшем ресурсе и потенциале человека, позволяющем достичь высоких результатов в деятельности с наименьшими энергетическими затратами. Лишь спустя многие годы данное явление получило объяснение в рамках концепции нейроэффективности мозга (Neubauer, 2009)». В исследовании М. А. Холодной с коллегами было продемонстрировано, что чем выше уровень индивидуального ментального опыта, тем меньше требуется ресурсов для решения задач и меньший уровень активации.

Таким образом, данный подход показал, что «каждый психический процесс или состояние включают содержательную, информационную составляющую, которая требует для своей реализации определенных энергетических затрат. При этом чем меньше затраты энергии на выполнение деятельности, тем экономнее работает система» (с. 355).

Энергоинформационный подход реализовывался в комплексных исследованиях. Основу комплексного подхода составляли междисциплинарные исследования, которые развивал Б. Г. Ананьев как бехтеревское направление психологических исследований, которое стало предпосылкой и источником Ленинградской

психологической школы. Он «многое сделал для возрождения предложенного В. М. Бехтеревым комплексного исследования индивидуальности» (с. 356). Б. Г. Ананьев сформулировал основные принципы комплексного подхода.

Основным принципом является *целостность*, человека следует систематически изучать именно как целостность индивидуально-психологического развития на всем протяжении онтогенеза. Временная целостность проявляется в непрерывности его индивидуального развития на всем протяжении жизненного пути, где существуют взаимосвязи и взаимопреемственность всех периодов и стадий. Структурная целостность обусловлена единством всех уровней психологической организации человека как индивида, субъекта деятельности, личности, индивидуальности. Ананьевым была разработана система комплексного изучения человека, включающая «сочетание статистического подхода, определение нормативов возрастного развития с монографическим изучением личности. Специально для целей исследования были разработаны биографический и психографический метод (как метод целостного изучения индивидуальности). Таким образом, в организации методов исследования заложено сближение естественно-научного и гуманистического подходов к изучению человека» (с. 357). Б. Г. Ананьев значительно раньше предвидел тенденции развития психологической науки и реализовывал их, чем они отрефлексированы в современной психологии.

Единомышленник Б. Г. Ананьева В. С. Мерлин развил комплексный подход, создав теорию интегральной индивидуальности «как комплексное междисциплинарное теоретико-экспериментальное исследование» (с. 358).

Анализ энергоинформационного и комплексного подхода указывает на их важнейшее значение для психологии как междисциплинарной науки. Многие положения о целостности изучения индивидуальности человека, непрерывности его развития и пересечении в человеке разных уровней организации от генетики до культуры, которые проявляются в его психической организации, свидетельствуют о том, что эти подходы далеко еще не исчерпали своего потенциала, а скорее согласуются с постнеклассическими принципами современной науки. Кроме того, комплексный подход является основой и предтечей системного подхода в психологии.

Наибольшие пересечения данного подхода отмечены с системно-субъектным, междисциплинарным и историко-эволюционным подходами (Сергиенко, 2018а).

Ведущим понятием данного подхода можно назвать *целостность индивидуальности*. Конкретизирующими понятиями являются *индивид*, *субъект деятельности*, *индивидуальность*, *временная и структурная целостность*, *энергоинформационные составляющие активности и деятельности*. В качестве методологического принципа можно выделить *междисциплинарность*, *целостность развития*. Методы: *экспериментальные (эксперимент, психодиагностика)*, *интерпретативный (генетический)*.

Глава 13 «Эволюция сетевого подхода в психологии: от плюрализма к сотворению знаний», автор — Т. В. Зеленкова. В данной главе автор не только представляет этапы развития сетевого подхода, который появился в естественных науках, а затем распространился на гуманитарные, но и демонстрирует состояние научных подходов в психологии в контексте сетевой парадигмы.

Автор отмечает, что возникновение сетевого подхода связано, прежде всего, с ростом междисциплинарных исследований в 1950–1960-е годы. Развитие кибернетики привело к «возникновению новых идей в самых различных областях науки, что привело к появлению когнитивной психологии, теории коммуникаций, дискурса радикального конструктивизма, концепции аутопоэзиса» (с. 362). Это, в свою очередь, вызвало и обратные влияния: кибернетика становится антропоморфной, используя законы функционирования живых систем в концепции искусственного интеллекта, в робототехнике, машинном обучении. Говоря о свойствах сети как открытой нелинейной структуре с множественными обратными связями, которые являются ключевыми в саморазвитии и самообучении, автор вслед за Г. Хакеном и И. Пригожиным обращает внимание на положительные обратные связи. Они не только приводят к разрушениям, но и вносят вклад в процессы самоорганизации и эволюции сложных систем.

Обсуждая *механизмы* сетевого подхода, Т. В. Зеленкова отмечает значение бутстрапного подхода («зашнуровывания») к пониманию психики человека. Опираясь на работу Ф. Капра, она подчеркивает, что «ни один из существующих подходов не является ошибочным, но каждый из них сосредоточивается на отдельной части целостного спектра психологических явлений. Поэтому, пишет Ф. Капра, как и физики, психологи должны создать сеть сцепленных моделей, использующих разные языки для обозначения различных аспектов и уровней единой психической реальности, в которой все теории или модели будут являться взаимно совместимыми и ни одна из них не будет более фундаментальна, чем другие» (с. 366). Но, согласно важнейшему уточнению, сделанному Чью, механизм будстапа предполагает «объединение только *сильно взаимодействующих теорий и практик*. Это исключает эклектичность их соединения». При этом чем большее число теорий «пришнуровывается» к сети, тем точнее и полнее знание, чему способствуют отрицательные обратные связи, тогда как положительные создают условия для нарушения равновесия, порождения новых знаний и идей. Помимо естественных механизмов сетевой организации (будстапа, синергии и самоорганизации), автор выделяет два культурных механизма: диалоговый (внешний) и интенциональный (внутренний). Диалоговый механизм — это активная коммуникация представителей разных научных школ в самых разнообразных формах, что позволяет выявить как общность, так и лакуны разных теорий и их верификаций. Примером такой коммуникации может служить интернет-энциклопедия «Википедия». Автор замечает: «В процессе генерации данных этот подход, благодаря одновременному доступу к большому количеству источников (Big Data), дает возможность, с одной стороны, за счет перекрестной проверки существенно повысить качество и надежность этих данных, а с другой — добиться резкого повышения их полноты до уровня, принципиально недостижимого в любом отдельном исследовании... Интенциональный механизм связан с творческой свободой самого человека в плане осознанного использования научного контекста (достижений других школ) и механизмов интеграции для эволюции психологического знания» (с. 366). Т. В. Зеленкова также останавливается на значении сетевого подхода в связи с нарастанием сложности объекта познания. А. Г. Асмолов обозначает данную сложность в психологии через

понятие *Homo complexus* (человек сложный). Как отмечает Зеленкова, формируется теория сложности, основанная на четырех принципах: неполноты Гёделя, дополнительности Бора, неопределенности Гейзенберга и несовместимости Заде (с. 368). В связи с нарастанием сложности методологического анализа и сложностью самого человека возникают две противоположные тенденции: капсулирование научных школ, их автономного развития и невозможности развития без учета достижений других научных школ и подходов. Следовательно, это может привести науку либо к регрессу, переходу от дифференциации к диссоциации, «размыванию» достижений, либо к прогрессу — попыткам диалога, поиску связей и взаимопонимания, считает автор. Отметим, что именно поиск взаимосвязей и взаимопонимания является одной из ведущих целей настоящей коллективной монографии.

Рассматривая варианты научного взаимодействия, выделенные С. Д. Смирновым, о которых говорилось выше, Т. В. Зеленкова считает все эти тенденции взаимосвязанными и функциональными: «Плюрализм должен обеспечить полноту накопленных знаний, включая взгляды различных школ, либерализм — установить предварительные связи между ними, формируя пока еще недостаточно структурированную сеть, нигилизм — обнаружить и удалить слабые связи, а монизм добавит необходимое количество сил» (с. 369).

Важным аспектом данной главы стало выделение этапов развития сетевого подхода. Автор выделяет три основных этапа: этап 1 — переход от господствующих системных взглядов к новым идеям децентрализации, начавшим процесс постепенного превращения систем в сети; этап 2 — открытие аутопоэза в качестве ключевой характеристики компонентов, образующих сеть; этап 3 — изменение взгляда на сеть как на результат активной творческой деятельности ее аутопоэтических элементов. Автор поясняет, что «если модерн делает акцент на объекте познания, а постмодерн сосредоточен на субъекте, то главной задачей метамодернистского мышления становится соединение объекта и субъекта познания. Характерное для метамодернизма „раскачивание“ между внешней структурой сети и внутренними представлениями отдельных аутопоэтических элементов постепенно приводит исследователей к поиску возможных путей интеграции, к пониманию недвойственности внутреннего и внешнего» (с. 375). Заметим, что при описании современных понятий мы отмечали их особенности: интегративный и междисциплинарный характер; расширение и изменение содержания понятий, использование в более широком тематическом поле; иной тип их структурной организации и субъектность, выступающую в двух смыслах: как разработчика и творца понятийного анализа, так и обращения к категории субъекта. Нами был показан сетевой принцип организации понятий. Установление сетевого характера организации понятий сопровождается адресацией к принципу системности и иерархичности при наличии антиномий, нарастания эпистемологической сложности и латентности, что характерно для постпостмодернизма науки (Журавлев, Сергиенко, 2021а, б, 2022). Представляется, что во многих позициях наше представление об организации психологических знаний на современном этапе с мнением Т. В. Зеленковой совпадает. Однако нами был обоснован принцип системно-сетевой организации, где сеть не отменяет

системной организации, а непротиворечиво с ней соединяется. Подобное представление об объемной сети на примере лидерства обосновано в главе 1 (А. Г. Асмолов, Е. Д. Шехтер, А. М. Черноризов) настоящей монографии.

Данный подход как общенаучный, реализуемый в психологии, разрабатывается на самом современном уровне введения новых ориентиров в методологию науки и развития интегративных тенденций в пространстве различных теорий. Автор обозначает связи принципов естественно-научного и гуманитарного знания через сетевую организацию, включая теорию сложности.

Ведущим понятием сетевого подхода является *сетевая организация психологии*. Конкретизирующие понятия — *сетевые механизмы, будстап, синергетика, саморазвитие, культурные механизмы (диалоговый и интенциональный), эволюция сетевого подхода от модернизма к постмодернизму и метамодернизму, аутопоэз*. Методологическими принципами данного подхода становятся *сетевой, междисциплинарный, саморазвитие*. Метод — *интерпретационный (генетический)*.

Глава 14 «Ресурсный подход в психологии», автор — С. А. Хазова. Понятие «ресурс» заимствовано из теории информации и макроэкономической теории, которая стала внедряться в психологическую науку в 1970-е годы. На современном уровне понятие ресурса широко применяется в разных областях психологии, обретая в них свою специфику: в психологии развития — движущая сила развития, в позитивной психологии — «сильные» стороны личности, которые предохраняют ее от нарушений, в психологии труда и профессиональной деятельности — фактор профессиональных достижений, противостояния профессиональному стрессу и выгоранию и т. д. Автор указывает, что «ресурсный подход в настоящее время — это некоторое множество теорий, концепций, гипотез, эмпирических фактов, объединенных единой идеей — доказать, что человек обладает внутренними силами и способен опираться на внешние факторы (объекты материальной и социальной среды), называемые резервами, ресурсами, потенциалами, чтобы выдерживать требования жизни, жить осмысленно» (с. 378). Ресурсный подход направлен не только на изучение актуального, но и потенциального, возможно, скорее фокусируясь на позитивном развитии, чем на дефицитарном, на способности преодолеть стрессы и решать трудные жизненные задачи. Близкими понятиями становятся «резерв», «потенциал», «капитал». Понятие ресурса является зонтичным или интегративным понятием, в котором пересекаются множество личностных, субъектных (внутренних) переменных и внешних условий природной и социальной среды (Махнач, 2019).

Автор раскрывает потенциал ресурсного подхода в когнитивной психологии, психологии стресса и совладающего поведения, психологии жизнеспособности и психологии саморегуляции личности, его разработка породила новые гипотезы и концепции. Сформулированная одной из первых концепция Д. Канеман о едином психическом ресурсе (внимании) в *когнитивной психологии* критиковалась Т. П. Зинченко, которая указывала на ограниченность данного подхода, отсутствие учета активности самого субъекта, поскольку любая сложная задача может быть решена с минимальными затратами ресурсов. Автор также анализирует концепцию В. Н. Дружинина, трактующую когнитивный ресурс как общий интеллект, оказывающий влияние на протекание когнитивных процессов,

определяя диапазон интеллектуальной продуктивности. Продолжением данной линии стали исследования операциональных дескрипторов когнитивного ресурса Н. Б. Горюновой. Эти идеи получили дальнейшую разработку в исследованиях А. Н. Воронина и Н. Б. Горюновой, посвященных совместной интеллектуальной деятельности. Авторы пришли к заключению, что «совместный» когнитивный ресурс (ресурс команды) всегда выше, чем индивидуальный когнитивный ресурс, определяя обращение к нему при затруднениях в решении задачи. Делается попытка обоснования понятия группового ресурса, который адресован, в свою очередь, к понятию группового субъекта (Журавлев, 2018). Альтернативная количественному подходу к оценке когнитивного ресурса позиция сформулирована М. А. Холодной, которая вводит понятие индивидуального интеллектуального ресурса, определяющегося особенностями организации индивидуального ментального опыта, т. е. его своеобразием. Продолжающиеся дискуссии о понимании когнитивных ресурсов тем не менее позволяют заключить, что когнитивный подход внес существенный вклад в разработку ресурсного подхода. С. А. Хазова показывает, что наибольшее развитие ресурсный подход получил в *психологии стресса и совладания*. Автор выделяет мнение И. Р. Исаевой, согласно которому ресурсы «являются психологическими факторами стрессорезистентности, и их преобладание в структуре копинг-поведения в конечном итоге определяет его исход в социальную интеграцию и конструктивную адаптацию» (с. 383). Наряду с классическими теориями стресса (Р. С. Лазаруса и С. Фолькмана), автор выделяет как наиболее влиятельную в рамках ресурсного подхода к стрессу и копингу теорию сохранения ресурсов С. Хобфолла. Согласно базовому принципу, люди стремятся получить, сохранить, развивать и защищать те вещи, которые они ценят больше всего, при стрессе происходит потеря и восстановление ресурсов по спирали потерь и прироста, при этом прирост ресурсов имеет меньшую величину и происходит медленнее, чем потеря ресурсов. В дальнейшем в модель было включено понятие компетентности К. М. Олдвина с коллегами, в которой в качестве ключевой характеристики выступает опыт человека, его компетентность (*mastery*), определяющая развитие адаптивной/дезадаптивной спирали в стрессовой ситуации. Нельзя не указать на концепцию силы ресурсов В. Р. Баумейстера, Б. Шмейчеля и К. Вогса, в которой эффективное преодоление стресса связывается с разумным использованием энергии и ресурсов, приводящим к восстановлению функционального состояния, эффектам развития личности (повышению способностей, самоуважения и благополучия). Здесь важно подчеркнуть, что понятие ресурсов сочетается с понятием энергии, что соотносится с энергоинформационным подходом, описанным выше. Ресурсный подход в психологии стресса и совладания дополняется концепцией ментальных ресурсов С. А. Хазовой и субъектно-ресурсным подходом к профессиональному выгоранию Н. Е. Водопьяновой.

Разработка понятия жизнеспособности личности и группы также обращается к ресурсному подходу. Как определяют А. В. Махнач и А. И. Лактионова, жизнеспособность может быть понята как «способность управлять собственными ресурсами... в контексте социальных, культурных норм и средовых условий» (с. 386). Более того, в рамках работ А. В. Махнача по изучению жизне-

способности замещающей семьи была сформулирована идея о *ресурсах семьи как группы*, интегрирующих индивидуальные, семейные и социальные ресурсы. Данное понятие также отсылает нас к понятию коллективного субъекта (Разработка понятий..., 2018).

Обсуждая *проблемные моменты* ресурсного подхода в психологии, С. А. Хазова указывает на слабую разработанность и дифференцированность самого понятия ресурса. «Концептуализация ресурса как феномена ментального опыта дает возможность связать его с другими понятиями понятийной системы современной психологии (Разработка понятий..., 2019, с. 53), а также вписать ресурсный подход в более общие методологические подходы – системный и субъектный». Вторая проблема ресурсного подхода состоит в том, что, несмотря на признание системной организации при актуализации и учете ресурсов, остаются неясными динамика систем и избирательность к репертуару ресурсов.

Значение ресурсного подхода в психологии трудно переоценить. Фактически он наряду с другими теоретическими направлениями и подходами (когнитивной психологии, психологией стресса и совладания, жизнеспособности, психологией профессиональной деятельности, социальной психологией, психологией личности, субъекта и др.) существенно расширяет концептуальные возможности понимания и прогнозирования индивидуальной и групповой адаптации/ дезадаптации, потерь и приобретений при стрессовых ситуациях в психологии жизнеспособности и жизнестойкости человека как субъекта жизнедеятельности.

Наибольшую связь данный подход демонстрирует с системно-субъектным, междисциплинарным, энергоинформационным, комплексным, личностным, динамическим.

Ведущее понятие ресурсного подхода в психологии – *психологические ресурсы*. Конкретизирующими понятиями, раскрывающими основное понятие, являются *когнитивные ресурсы, ментальные ресурсы, индивидуальные ресурсы, групповые ресурсы, стресс и копинг, жизнеспособность*. В качестве методологических принципов можно выделить *системный, субъектный, междисциплинарный*. Методы – *организационные (лонгитюдный, сравнительный), эмпирические (эксперимент, психодиагностический), интерпретационные (генетический)*.

Глава 15 «Филогенетическая эволюция психики: от аналитических представлений к системоцентрической парадигме», автор – А. А. Карпов. В данной главе автор развивает собственную концепцию эволюции психики. Он считает, что необходима разработка обобщающего подхода к проблеме развития психики в филогенезе, эволюции психики и поведения животных и человека. Данный подход автор строит на двух теориях структурно-уровневого подхода модификации общеметодологического *системного подхода* (М. С. Роговин) и *метасистемного подхода* (А. В. Карпов), анализ которого представлен выше.

Проводя уровневый анализ «снизу-вверх» и «сверху-вниз», автор подчеркивает, что «в иерархической организации процесса эволюции психики реализован ряд важнейших характеристик структурно-уровневой организации психических образований: существование у каждого уровня собственной качественной определенности, наличие у них качественной специфичности по отношению ко всем другим уровням, а также системы закономерных межуровневых вза-

имодействий и взаимопереходов. Показано, что каждый вышележащий уровень формируется на основе ближайшего к нему нижележащего посредством интеграции компонентов последнего, внесения в него дополнительной организации» (с. 396). Говоря о темпах перехода от нижележащих уровней к вышележащим, автор указывает на возрастание темпов развития, эволюции. На основе структурно-уровневого подхода автор выделяет следующие семь уровней, образующих целостную иерархию: метасистемный, системный, субсистемный, компонентный и элементный, а также два дополнительных, впервые эксплицированных уровня – гиперсистемный и субэлементный (таблица 3).

Таблица 3
Основные уровни филогенетической эволюции психики

Значения критерия-дискриминатора	Уровни организации филогенетической эволюции психики
<i>Гиперсистемное</i>	<i>Социальные институты</i>
Метасистемное	Сознание
Системное	Функциональные системы организмов
Субсистемное	Условно-рефлекторная активность
Компонентное	Инстинкты
Элементное	Кинезы, таксисы
<i>Субэлементное</i>	<i>Первичные элементы</i>

Поясняя введение дополнительных уровней он указывает, что субэлементный, образованный «снизу» иерархии уровней, является «сугубо биологическим по своему содержанию и назначению, не имеет возможности быть представленным в качестве непосредственной составной части эволюции психики в филогенезе, поскольку так или иначе биологическое и психологическое – это качественно разные сущности» (с. 400). Второй гиперсистемный уровень, образованный «сверху» от континуума форм развития психического, – новые формы психической организации человека (социальные сообщества). Автор подчеркивает, что «исследование гиперсистемного уровня непосредственным образом связано с известной междисциплинарной проблемой – соотношения психического и социального, т. е. психосоциальной проблемы». А. А. Карпов выделяет две демаркационные линии в эволюции психики. Первая – это межуровневый переход от безусловно-рефлекторной активности живых организмов к условно-рефлекторной. Сравним данный критерий с теорией эволюции психики А. Н. Леонтьева, о нем автор не упоминает. Второй демаркационной линией становится высший, новый в эволюционном плане метасистемный уровень (возникновение сознания). Автор полагает, что «генезис эволюции психики обязательно предполагает не только формирование системы, но и формирование способности системы использовать собственные закономерности в качестве операционных средств саморегуляции, т. е. развитие системности

как механизма этой регуляции. Вследствие этого вполне очевидным становится переход от концепции системогенеза к ее новому варианту – системногенезу. Противопоставление теории системогенеза П. К. Анохина и авторского варианта системногенеза (с принципами иерархизации и целевой детерминации), к сожалению, автором не аргументируется и не обосновывается. А. А. Карпов считает, что переход от аналитической стадии в исследовании филогенетической эволюции психики (с ее монообъектом – психика и поведение животных) к системной идет преимущественно при опоре на «структурно-уровневое строение главной и наиболее общей и обширной исследуемой сущности – эволюции психики» (там же) с переходом к полиобъекту – широчайшему диапазону представителей живой природы.

Данный подход к анализу эволюции психики требует детального сравнения с принципами сравнительной психологии, системно-эволюционным подходом (В. Б. Швырков, Ю. И. Александров), эволюционными подходами, например, в данной монографии с историко-эволюционным подходом (А. Г. Асмолов, Е. Д. Шехтер, А. М. Черноризов), которые реализуют широчайшую программу анализа эволюции разных форм жизни. Ограничимся здесь указанием, что авторская концепция остается сугубо авторской, слабо взаимосвязанной с работами как отечественных классиков (А. Н. Леонтьев, К. Э. Фабри, А. С. Северцов, И. И. Шмальгаузен, В. А. Вагнер и др.), так и зарубежных авторов, предлагающих развитые варианты эволюционных подходов (Дж. Хаксли, К. Лоренц, Р. Докинз, С. Пинкер, П. Гардерфорс и др.).

Кроме того, эволюционный подход образовал множество междисциплинарных вариантов: это эволюционная психология развития, эволюционная психолингвистика, эволюционная социальная психология, эволюционная психология и культура и др.

Ведущее понятие данного подхода – *эволюция психики*. Конкретизирующие понятия: *структурно-уровневый подход, метасистемный подход, семь уровней развития психики, критерии демаркации, системогенез*. Методологическим принципом данного подхода является *системный*. Метод – *интерпретационный (генетический, структурный)*.

Глава 16 «Экопсихологический подход к развитию психики: предпосылки, конструкторы, парадигмы», автор – В. И. Панов. Автор, обосновывая свой подход, проводит анализ теоретических и методологических предпосылок. В отличие от других направлений: психологической экологии, экологического подхода к восприятию, средовой психологии, психологии экологического сознания и др. данный подход постулирует отношения «человек–среда» в качестве общей методологической установки. В разных направлениях экологической психологии представлены шесть базовых типов экопсихологических взаимодействий: объект-объектом, субъект-объектом, объект-субъектом и субъект-субъектом, который включает в себя субъект-обособленный, субъект-совместный и субъект-порождающий типы взаимодействия в системе «индивид–среда». Автор сформулировал основные методологические принципы экопсихологического подхода к развитию психики: ввел представление о психике как форме бытия, представление о системе отношений «индивид–среда», экопсихологическую ти-

пологию субъект-средовых взаимодействий, экопсихологическую модель становления субъектности. В контексте данного подхода «среда» как компонент отношения «индивид—среда» «тоже способна выполнять актуально выраженные субъектные и квазисубъектные функции. В этом случае субъектность „индивида“ и (квази)субъектность „среды“ могут уже не противостоять друг другу, а трансформироваться в метасубъектность системы „индивид—среда“, которая становится онтологическим метасубъектом порождения и становления психических новообразований... в онтологической парадигме в роли субъекта порождения исследуемых психических реальностей может выступать и само отношение „индивид—среда“ как целостный онтологический метасубъект порождения психического новообразования (при условии субъект-порождающего и субъект-совместного типов взаимодействия)» (с. 438).

В. И. Панов определяет субъектность «как способность быть субъектом психической активности в форме определенного действия: перцептивного, эмоционального, коммуникативного, игрового, учебного, профессионального и т. д. В структурном отношении субъектность представляет собой диалектическое единство инструментального (исполнительного) и регуляторного компонентов, каждый из которых выступает одновременно условием и результатом развития другого... становление субъектности индивида происходит в континууме «субъект спонтанной активности — субъект продуктивного действия» в процессе и посредством коммуникативного взаимодействия с другим индивидом как субъектом осваиваемого действия (действия-образца) (с. 428). Автор поясняет данный процесс становления субъектности на примере обучения: 1-я стадия — субъект потребности, опредмеченной в действии-образце, демонстрируемом преподавателем; 2-я стадия — субъект перцептивного действия (восприятия), т. е. с точным восприятием действия-образца (позиция наблюдателя); 3-я стадия — субъект подражательного воспроизведения действия-образца (подражательное выполнение — экстериоризация — действия-образца; 4-я стадия — субъект подражательного воспроизведения действия-образца (совместные действия учитель—ученик, исполнительная составляющая); 5-я стадия — субъект регуляторной составляющей освоенного действия-образца (функция самостоятельного контроля); 6-я стадия — субъект самостоятельного выполнения действия-образца; 7-я стадия — субъект продуктивного действия и творческого развития. Представленные стадии становления субъектности, по мнению автора, «не зависят от предметного содержания осваиваемого действия, и потому данная модель имеет инвариантный (топологический) характер для освоения разных видов действий (учебных, профессиональных, игровых и т. п.)» (с. 430).

Панов приводит теоретические обоснования и эмпирическую верификацию экопсихологического подхода к развитию психики на примерах психологии образовательной среды, психологии экологического сознания, психологии одаренности, психологии субъектности. Данный подход позволяет изучать разные виды психической реальности, порождаемые «при разных типах групповых и межиндивидуальных взаимодействий, а также взаимодействий с разными видами окружающей среды с позиции единых методологических оснований как различных проявлений единой по своей природе психики» (там же).

Фактически субъектность понимается автором как формирующаяся психика в континууме индивид—среда, передаваемая извне внутрь. Утверждая единство феномена человека и природы, автор никак не обозначает роль природных предпосылок, генетико-средовых, поведенческих и культурных сил в развитии психики, представляя ее рождающейся через активность-деятельность, передаваемую в групповых или межличностных взаимодействиях. Это дискуссионный вопрос, предполагающий детальное и развернутое обсуждение. Подчеркнем, что экопсихологический подход — это значительное расширение понимания субъекта как носителя психического, подчеркивание квази- и субъектности среды, образование на основе отношения «индивид—среда» целостного метасубъекта и его роли в развитии психики человека. Несмотря на то, что данный подход отнесен к конкретно-психологическим, он затрагивает самые общие вопросы психологической науки.

Наиболее близкими к экопсихологическому подходу являются деятельностьный, субъектно-деятельностный, системно-субъектный подходы (по разным пересечениям методологических, предметных полей).

Ведущим понятием экопсихологического подхода является *субъект*, конкретизирующими понятиями становятся *индивид—среда*, *целостный метасубъект*, *универсальная типология развития субъектности*. Методологические принципы — *единство сознания и деятельности, системности, субъектности, развития*. В качестве ведущих методов изучения можно выделить: *организационный (сравнительный)*, *эмпирический (эксперимент)*, *интерпретационный (генетический)*.

Глава 17 «*Наукометрический подход в психологии*», авторы — А.Л. Журавлев, А.А. Костригин. Современная психология, так же как и другие науки, активно включает компьютерные, цифровые и виртуальные методы. Психология обратилась к изучению психологических характеристик в новой виртуальной среде. «Другим направлением вовлеченности психологии в цифровые исследования является, наоборот, ее обращенность на саму себя: расширились возможности ознакомления с большим количеством не только современных публикаций, но и работ за предыдущие исторические периоды, что позволяет анализировать актуальные тенденции в исследованиях, а также динамику развития различных психологических проблем» (с. 440). Это связано с распространением наукометрического подхода, позволяющего использовать количественные методы как показатели научной активности авторов, организаций, изданий и др. Проводя исторический анализ развития наукометрических методов, авторы главы подчеркивают изменение концептуальных оснований взаимодействия с информацией и ее обработкой, что привело к формированию наукометрического подхода в психологии. Количественные измерения — это наукометрические индикаторы, позволяющие оценить тенденции и закономерности в развитии науки (индикаторами становятся число журналов, организаций, ученых, соавторств, научных продуктов: публикаций, книг, отчетов, патентов, ссылок и др.). Помимо количественного измерения, осуществляются и качественные (в номинативной и порядковой шкалах). К ним относятся экспертные и аналитические (метааналитические) исследования «научной отрасли, направления, проблемы, вклада ученого, которые осуществляется на основе хотя и авторитетных и рациональных,

но всё же субъективных суждений исследователя. В некотором смысле такие исследования также могут быть введены в науковедение, однако они не обладают устойчивыми признаками наличия унифицированной методики анализа и воспроизводимости» (с. 445). Являясь объектом наукометрии, научная деятельность и ее результаты как социальные и сложные феномены предполагают особый подход к их изучению – «признание специфичности научных феноменов по сравнению с естественными, присутствие случайных и вероятностных характеристик их поведения (и закономерностей), создание совокупностей индикаторов для более репрезентативного отражения их функционирования и др.». Авторы выделяют задачи и функции наукометрии. Задачи – констатирующие (дающие картину актуального состояния науки) и прогнозирующие (выделяющие тенденции и закономерности различных отраслей научного знания). Функции наукометрии – историко-научная (выявляющая становление и преемственность психологического знания в истории науки), рефлексивная (методологическая рефлексия, «самопознание»), коммуникативная (цитирование как научная коммуникация), психологическая (выявление психологических факторов научной деятельности: структуры коллективов и научных организаций, структуры тематики исследований, типологии ученых).

В наукометрическом подходе выделяют два основных метода: наукометрический и библиометрический, разница которых состоит в их направленности (наукометрия направлена на анализ именно научной информации, библиометрия обращена не только к научным, но и к художественным и публицистическим документам и текстам). Оба этих метода могут соединяться в зависимости от научного объекта и образовывать качественно новый подход. А.Л. Журавлев и А.А. Костригин отмечают специфику наукометрического метода в психологии. Она состоит, во-первых, в психологической направленности и включает в себя науковедение психологии науки. Во-вторых, возможность перехода от количественных показателей к социально-историческим (психолого-историческим) феноменам. В третьих, наукометрические индикаторы применимы к прикладной деятельности, давая информацию о психодиагностических, психотерапевтических и тренинговых практиках. Авторы выделяют шесть принципов наукометрического подхода в психологии: принцип измеряемости и использования количественных индикаторов; принцип системности как многоплановости, многомерности, многоуровневости, многопорядковости, сложной детерминации объекта изучения в психологии; принцип субъекто-ориентированности (показатели относятся к субъектам науки); принцип историчности (по цели и перспективе относится к истории психологии); принцип методологической ориентированности (наукометрия осуществляет методологический анализ состояния разработки научных проблем); принцип методической открытости (происходит объединение методик наукометрии, библиометрии, информетрии, цифровой гуманитаристики, корпусной лингвистики и др.). Авторы подчеркивают, что разработка принципов наукометрии в психологии является открытой и может быть дополнена по мере развития данного подхода. Обсуждая объекты исследования в рамках наукометрического подхода, авторы предлагают научные единицы: «субъекты (авторы, исторические персоналии, научные коллек-

тивы, школы, подразделения, организации), продукты (публикации, издания) и концепты (понятия, проблемы, направления, отрасли) научной деятельности» (с. 452). Такой комплексный наукометрический подход означает возможность объединить различные показатели, что позволяет перейти к разработке новых инструментов, комбинированию нескольких индикаторов или созданию новых для изучения научных единиц. Авторы также выделяют не только перспективы, но и ограничения наукометрического подхода. Они состоят в следующем. Многие субъекты научной деятельности считают его не содержательной оценкой их достижений, а чисто формальной характеристикой, часто и искусственно сформированной. Кроме того, указывается на ограниченность баз данных, в силу чего сомнительна роль индексов цитирования как репрезентативного показателя востребованности работ авторов. Все это следствие недостаточной методологической разработки наукометрии и оценки науки. «Не обоснован самостоятельный статус наукометрии как подхода, чаще всего она рассматривается как метод или набор процедур и показателей... не определено место собственно наукометрии, библиометрии и других количественных процедур в науковедении, что усложняет выбор исследователем методов и индикаторов для наукометрического анализа; не рассмотрено соотношение качественного (идей, концепций, вклада ученого) и количественного (терминов, публикаций, цитирований) в науке... отсутствует единая позиция относительно списка и иерархии наукометрических индикаторов» (с. 457). Ограничения наукометрического подхода ставят целый ряд перспективных задач: создание специальных баз публикаций по психологии в целом и истории психологии в частности; разработки баз публикаций под определенную задачу, включая ее предшествующие разработки. Авторы заключают, что наукометрические исследования распространяются на все большее количество отраслей и проблем психологии, «наукометрия обладает потенциалом методологического анализа психологии в целом, поэтому выдвинутые положения об осуществлении наукометрического подхода могут претендовать на общепсихологический и универсальный статус» (с. 458).

Значение разработки наукометрического подхода в психологии отражает актуальные и современные тенденции представить развитие психологии через количественную и качественную динамику изменений в объектах, субъектах, продуктах научной деятельности, их концептуальных трендах. Это важнейшая задача науки — оценить собственное развитие и выявить ключевые проблемные поля, оценить динамику интенсивности научных поисков как индивидуальных, так и коллективных субъектов науки, их коммуникации и возможные изменения ландшафта научных поисков.

Ведущим понятием наукометрического подхода является *наукометрия психологии*, конкретизирующими понятиями становятся *объекты изучения, наукометрический, библиометрический, информетрия, цифровая гуманитаристика, корпусная лингвистика, субъекты науки, научные продукты, концепты, количественная и качественная оценка*. Методологические принципы: *системный, междисциплинарный, субъектный*. Основные методы подхода составляют *способы обработки данных (математико-статистический, качественный анализ), интерпретационные (генетический и структурный)*.

Подводя итог анализа восьми глав раздела II, следует подчеркнуть, что разработка общенаучных подходов в психологии показывает, с одной стороны, своеобразие их реализации, а с другой – обогащает науку, порождая новые гипотезы, подходы и новые методические решения. Анализ большинства глав данного раздела продемонстрировал важнейшую роль междисциплинарности в психологии. Дифференциация понятия междисциплинарности позволяет уточнить типы применяемого принципа и возможности его теоретической и эмпирической реализации. Важным для психологии стало обсуждение энергоинформационного подхода и его реализации в Санкт-Петербургской научной школе, которая требует дальнейшей разработки. Обсуждение понятий ресурса (глава 13), сетевой организации (глава 14) получило глубокое теоретико-методологическое обоснование и самое современное развитие. Дальнейшее развитие системного подхода предложено в авторских концепциях А. В. Карпова и А. А. Карпова. Системный и междисциплинарный подходы применяются в разработке наукометрического подхода в психологии (А. Л. Журавлев, А. А. Костригин). В таблице 4 представлены ведущие и конкретизирующие понятия общенаучных подходов в психологии и их методологические принципы.

Таблица 4 демонстрирует, что разработка общенаучных подходов в психологии развивает именно психологическое содержание понятий ресурсов, сети, энергии, информации, системного развития психики, порождает новые подходы и теории. Важно подчеркнуть, что не только психология берет и реализует понятийный аппарат и принципы общенаучных подходов, но и происходит и обратный процесс присвоения психологических понятий другими науками, что указывает на междисциплинарность как общенаучный принцип (данное положение рассмотрено в главе 10). Методологический принцип междисциплинарности и системности эксплицируется в большинстве рассмотренных подходов данного раздела. Сетевой принцип раскрыт при анализе современной эволюции сетевого подхода в психологии (глава 14). Этот принцип организации современных понятий был выделен в нашей работе, показаны принципиальная преемственность и взаимодополнительность системного и сетевого принципов организации понятийного пространства психологии, что, по-видимому, характерно и для научных подходов в психологии (Журавлев, Сергиенко, 2021а, б, 2022).

Раздел III. Конкретно-психологические подходы. Данный раздел содержит семь глав, посвященных разработке конкретных подходов в определенной области психологии. Раздел составили: динамический подход Л. И. Анцыферовой к психологическому исследованию личности (Н. Е. Харламенкова); дискурсивный подход в психологии речи и психолингвистике (Н. Д. Павлова); экзистенциальный подход в психологии личности (Н. В. Гришина); процессуальный подход в психологии личности (С. Н. Костромина, Н. В. Гришина); метакогнитивный подход – к метакогнитивной психологии (А. В. Карпов) и социокультурный подход в социальной психологии (Н. М. Лебедева и др.).

Глава 18 «Динамический подход Л. И. Анцыферовой к психологическому исследованию личности: новые грани проблемы», автор – Н. Е. Харламенкова. Анализируя динамический подход Л. И. Анцыферовой, Н. Е. Харламенкова рассматривает его по трем основным принципам, которые свидетельствуют о статусе имен-

Таблица 4
Сопоставление основных и конкретизирующих понятий, методологических принципов и ведущих методов в общенаучных подходах в психологии

Общепсихологические подходы	Ведущее понятие	Конкретизирующие понятия	Методологические принципы	Ведущие методы
Междисциплинарный подход в психологии	Междисциплинарность	Атрибутивность междисциплинарности, типы междисциплинарности, мультидисциплинарность, собственно междисциплинарность, трансдисциплинарность, уровни междисциплинарности, внутрипсихологический (внутриотраслевой и межотраслевой) внешнепсихологический уровень, междисциплинарная релевантность	Междисциплинарность, системность	Организационные
Метасистемный подход	Сознание	Метасистемный уровень, удвоенная реальность, изоморфизм, иерархическая структурно-функциональная организация психики, рефлексия	Системность	Интерпретационный (структурный)
Энерго-информационный и комплексный подходы	Целостность индивидуальности	Индивид, личность, субъект деятельности, индивидуальность, временная и структурная целостность, энерго-информационные составляющие активности и деятельности	Междисциплинарность, целостность развития	Организационные, эмпирические, интерпретационный (генетический)
Сетевой подход	Сетевая организация психологии	Сетевые механизмы, будструп, синергетика, саморазвитие, культурные (диалоговый и интенциональный), эволюция сетевого подхода от модернизма к постмодернизму и метамодернизму, аутопоэз (самовосстановление, саморазвитие)	Сетевой, междисциплинарный, саморазвитие	Интерпретационный (генетический)

Продолжение таблицы 4

Общепсихологические подходы	Ведущее понятие	Конкретизирующие понятия	Методологические принципы	Ведущие методы
Ресурсный подход	Психологические ресурсы	Когнитивные ресурсы, ментальные ресурсы, индивидуальные ресурсы, групповые ресурсы, стресс и копинг, жизнеспособность	Системный, субъектный, междисциплинарный	Эмпирические (эксперимент, психодиагностический), интерпретационный (генетический и структурный)
Системоцентрический подход к эволюции	Эволюция психики	Структурно-уровневый подход, метасистемный подход, семь уровней развития психики, критерии демаркации, системогенез	Системный	Интерпретационный (генетический, структурный)
Экопсихологический подход к развитию психики	Субъект	«Индивид—среда», целостный метасубъект, универсальная типология развития субъектности	Единство сознания и деятельности, системность, субъектность, развитие	Организационный (сравнительный), эмпирический (эксперимент), интерпретационный (генетический)
Наукометрический подход в психологии	Наукометрия психологии	Объекты изучения, наукометрический, библиометрический, информетрия, цифровая гуманитаристика, корпусная лингвистика, субъекты науки, научные продукты, концепты, количественная и качественная оценка	Системный, междисциплинарный, субъектный	Способы обработки данных (математико-статистические, качественный анализ), интерпретационные (генетический и структурный)

но подхода: обоснованная критика других подходов и теорий, доказательство преемственности в собственном подходе и доказательство его достоверности.

Анализируя теории К. Левина, У. Джеймса, А. Фрейд, Г. Олпорта, А. Маслоу, Л. И. Анцыферова приходит к выводу, что они не учитывают как изменений и приобретений личности, так и роли социальных взаимодействий и творческой деятельности самих людей. Она дает определение собственного подхода: «*Динамический подход* в нашем понимании ориентирован на качественное изменение личности, на ее формирование и развитие – прогрессивное или регрессивное, на ее совершенствование или деформацию, на выяснение ее трансформации и стагнации» (с. 467). Говоря о преемственности динамического подхода, Анцыферова «гармонично наследует идею Рубинштейна, касающуюся психического как процесса – живого, динамичного, изменяющегося. В отношении личности эта идея представляется в качестве изучения «реального человека», который «взаимодействует с реальным миром» (с. 469). Автор подчеркивает, что Анцыферова понимала сущность личностив преобразовании, но «не изменяющего себе субъекта, во взаимодействии которого с миром она вновь и вновь порождает себя как личность» (там же).

Н. Е. Харламенкова указывает, что достоверность динамического подхода состоит скорее в разработке основных методологических принципов (развития, системности и целостности, единства сознания и деятельности, личностного принципа, принципов субъекта и активности) и программ ее изучения. Автор также выделяет основные положения динамического подхода Л. И. Анцыферовой:

1. Человек рассматривается как активный субъект, действующий индивид, личность, «находящуюся в состоянии деятельности».
2. Личность – это постоянно преобразующаяся и изменяющаяся целостная система с механизмами функционирования. «Функционирование – это актуализация и деактуализация уже выработанных психологических механизмов, операций, знаний и умений, смена установок, повышение или понижение психического напряжения, интеллектуальных усилий, изменения психических состояний и т. п.» (с. 473).
3. Преобразование личности осуществляется в динамической многофазной деятельности, в связи с этим положением дается определение подхода, предложенное Л. И. Анцыферовой: динамическая модель развертывания личности в ходе деятельности, при этом в ведущей деятельности «происходит многостороннее развитие личности».
4. Рефлексия связывает в целое разрозненные процессы, что позволяет осознать, осмысливать себя и свои действия.
5. Развертывание личности в процессе деятельности и жизнедеятельности в трудных жизненных ситуациях и обстоятельствах предполагает включение в «общую динамическую модель личности феномена мудрости как своеобразного системного копинга» (с. 475).

Подводя итог анализа динамического подхода Л. И. Анцыферовой, следует указать, что разработка многих ее идей породила целые направления: психологию

совладающего поведения, психологию мудрости, геронтопсихологию и др. С одной стороны, эти эмпирические исследования становятся подтверждением достоверности подхода, с другой – открывают большие перспективы в изучении личности человека.

Ведущим понятием динамического подхода является *динамическая личность*. Конкретизирующими понятиями: *целостность, деятельность, рефлексия, субъект*. Методологическими являются: *принципы развития, системности и целостности, единства сознания и деятельности, личностный принцип, субъективный, активности*. Метод – *интерпретационный (генетический)*.

Глава 19 «Дискурсивный подход в психологии речи и психолингвистике: история и перспективы», автор – Н.Д. Павлова. Автор подчеркивает принципиальную междисциплинарность дискурсивного подхода: «Интерес к дискурсу объединяет психологов, лингвистов, социологов, антропологов, этнографов, философов. Формируется обширная область междисциплинарных исследований, в которой интеграция представлений разных наук позволяет ставить и решать проблемы, связанные с разговорной практикой, формами речевого общения в различных ситуациях и социокультурных контекстах» (с. 479). Дискурсивный подход – очень молод, зародившийся в психолингвистике в начале XX в., он прошел генез от фокуса исследований отдельного предложения к тексту и в конце века к дискурсу, при этом дискурс и текст противопоставляются как процесс речевого общения и его продукт, как динамичное и статичное. Концептуальная база дискурсивного подхода очень широка, поскольку охватывает разные его стороны: объективную и субъективную, субъектную и интерсубъектную, что делает это понятие релевантным для многих научных направлений и школ. Отсюда широкие методологические основания, включающие и системный подход, идеи социального конструктивизма, постструктурализма, идеи диалогичности М. М. Бахтина, прагматические теории и др. В различных исследованиях, выполненных в дискурсивных подходах, преобладают качественные интерпретативные методы научного анализа, позволяющие вскрыть особенности вербальных коммуникаций в различных формах и контекстах.

Автор отмечает: «Все более широко востребуется понимание дискурса как конституирующего элемента культуры, социальных отношений, образа Я и Других. Коммуникация не является только каналом передачи сообщения – дискурс вырабатывает и воспроизводит разделяемые членами общества системы значений, поведенческие модели, описательные и оценочные „матрицы“, формируя тем самым социальную реальность» (с. 481).

Обсуждая научный потенциал и перспективы развития дискурсивного подхода, автор выделяет разные типы и виды дискурса: институциональный (научный, политический, военный), неинституциональные (повседневный, телефонный и др.), диалоговый (общение в семье, детское общение, интерактивные радио- и телепередачи), недиалоговые (публичные выступления, публикации в прессе). Фокус изучения может быть сосредоточен на каналах коммуникации (интернет, СМИ, кинодискурс) или на субъектах общения, их социальных ролях, функциональной специфике (дискурс юмористический, этикетный, ритуальный). Возникают также новые виды дискурса, связанные с развитием информа-

ционных технологий, образованием социальных сетей и интернет-сообществ. «В общем плане пространство электронной коммуникации можно характеризовать как полидискурсивное, тяготеющее к таким базовым видам дискурса, как повседневно-бытовой, медийный, рекламный» (с. 482). Распространение смс-сообщений позволяет выделить особый вид дискурса.

В целом изучение развивающихся видов дискурса, их особенностей и характеристик позволяет расширить поле изучения вербальной коммуникации, оценить потенциал «воздействия и возможных угроз информационно-психологической безопасности человека и общества, определить важнейший вектор дальнейшего развития исследований» (с. 482).

Помимо изучения видов дискурса, важное значение приобретает и изучение субъектов коммуникации, их психологических свойств, дискурсивной личности (дискурсивной персонологии). Развивается также социолингвистическое направление дискурсивной персонологии, связанное с поиском индикаторов социальной идентичности в группах, выявлением показателей статуса, социальных и ситуационных ролей, образовательного уровня и пр. Перспективным представляется также развитие концепции дискурсивных способностей (А. Н. Воронин, Н. Д. Павлова, Гребенщикова). Большое значение приобретает изучение этнопсихолингвистических характеристик: этноспецифическое описание разными языками образа мира, специфика коммуникативного поведения, разрешение конфликтов, взаимопонимание при межэтническом общении — все это остроактуальные и важнейшие темы в эпоху нарастания этнической напряженности и этнического взаимодействия. Востребованными и актуальными являются также исследования влияния и воздействия (намеренного и ненамеренного) на концептуализацию событий, выбор и тип действий субъектов коммуникации. Значительную роль в развитии дискурсивного подхода играет когнитивный подход к описанию дискурса, который может стать интегрирующей «основой проводимых исследований, определяя их возрастающую роль в когнитивной науке и перспективы сближения с нейронауками» (с. 486).

Автор подчеркивает широкие возможности дискурсивного подхода в практических приложениях: овладение иностранным языком или вторым языком, если осваивается язык той социальной общности, в которой человек находится; совершенствование дискурсивных навыков, овладение приемами оказания воздействия в различных ситуациях; расширение возможностей искусственного интеллекта через введение стереотипных контекстов и невербальных характеристик коммуникации.

Дискурсивный подход выполняет во многом интегрирующую роль, дополняя различные междисциплинарные (внутренние и внешние) подходы, вводя в понимание психики человека социокультурную координату концептуализации мира, социума и себя в нем. Широкие возможности и перспективы развития дискурсивного подхода отвечают современным принципам развития науки.

Ведущее понятия данного подхода — *дискурс*. Конкретизирующие понятия: *вербальная коммуникация, системная организация, субъект-субъектность коммуникации, дискурсивные способности, дискурсивная компетентность*. Методоло-

гические принципы: *системность, междисциплинарность, субъектность*. Методы — *эмпирические (эксперимент, моделирование)*.

Глава 20 «*Экзистенциальный подход в психологии личности*», автор — Н. В. Гришина. Автор отмечает три основных источника экзистенциальной психологии: философии экзистенциализма, экзистенциального анализа и гуманистической психологии. Она обращает внимание на значение работ С.Л. Рубинштейна для становления отечественного экзистенциального подхода. «В своем подходе Рубинштейн описывает человека через его отношения с миром и постоянно обращается к таким базовым для экзистенциальной психологии понятиям, как „свобода“, „ответственность“, „смысл жизни“. Человек — субъект жизни, его существование — это „участие в жизни“. Но это не только активность и деятельность по преобразованию окружающего мира и построению собственной жизни, но и преобразование и созидание личностью собственной сущности в процессе жизни, в процессе осуществления ответственного выбора». Н. В. Гришина подчеркивает, что экзистенциальная психология приходит «к пониманию человека как активного, свободного, способного к самодетерминации и самостоятельному выстраиванию своей жизни, предлагает подход, отличающийся принципиальной новизной, собственным предметом, оригинальным проблемным полем и понятийным аппаратом» (с. 491).

Она выделяет постулаты экзистенциальной психологии: личность воплощает себя в жизни, бытии и раскрывается в соотношении с целой жизнью; становление личности человека есть процесс и результат осуществляемых им выборов (понятие выбора становится основным). Отсюда автор дает определение экзистенциальной психологии: «экзистенциальная психология может быть определена как область психологии, изучающая взаимоотношения человека с жизненным миром, его отношение к фундаментальным проблемам человеческого существования, его бытие в мире» (с. 493). Гришина приходит к выводу, что экзистенциальная психология существенно расширяет предметное поле психологии, включая в него изучение феноменологии современного человека, его жизненных проблем (жизни и смерти, свободы и необходимости, неопределенности и выбора, смысла жизни и жизнедеятельности), не отменяя существующие в ней подходы. При этом она отмечает, что понимание выбора (как центрального понятия) — это понимание необходимости выбора человеком способа своего существования, при этом свобода выбора в понимании Рубинштейна — это принятие на себя ответственности за свою жизнь и выбор, тогда как в гуманистической психологии становление человека есть «процесс разворачивания его потенциала, его реализация в процессе самоактуализации», т. е. этот процесс некоторым образом задан. В качестве основной методологии экзистенциальной психологии автор называет феноменологический подход, который на современном этапе развития означает не реалии мира, а *отношение* к ним человека. Предметное поле данного подхода составляют экзистенциальные проблемы, переживаемые человеком, составляющие фундаментальные проблемы его существования. Эти проблемы становятся главным предметом как теоретического изучения, так и психологических практик. Своеобразие экзистенциальных проблем связано, во-первых, с их универсальностью, они потенциально присущи всем людям, но в разной

мере переживаются; во-вторых, с их фундаментальностью, т. е. значимостью не только для настоящего психического состояния человека, но и для всей его жизни; в третьих, невозможностью их окончательного решения.

Актуализация экзистенциальных проблем связана с теми или иными критическими ситуациями, проблемными моментами жизни, здоровья, внутренних кризисов и т. п., что обозначается экзистенциальными кризисами человека (кризисы существования, порождающие чувство необходимости перемен). При этом ставится акцент на переживаниях этих проблем. «Данности бытия отражают объективные реалии нашего существования, но существуют они для нас только благодаря тому субъективному значению, которое они для нас приобретают, их переживанию, отражающему отношение к ним» (с. 499). Вслед за Д. А. Леонтьевым Н. В. Гришина подчеркивает, что человек существует в состоянии неопределенности многих нерешаемых проблем, и только субъект старается внести определенность в понимание мира через связь с бытием и отношениями с другими людьми. Подводя итог анализу экзистенциального подхода, автор справедливо подчеркивает его укорененность и растущую популярность как в пространстве психологической науки, так и практики. Поскольку экзистенциальный подход возник после Второй мировой войны в годы драматических перемен многих судеб и жизней людей мира, то и в настоящее время можно ожидать его бурного развития и востребованности.

Данный подход имеет пересечения с субъектно-аналитическим, представленным В. В. Знаковым, в котором выделяются три реальности мира (эмпирическая, социокультурная и экзистенциальная) и три типа понимания (понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение), где ключевыми для экзистенциальной реальности становятся понятия «переживание» и «опыт». Представляется, что сопоставление с данным подходом позволило бы расширить экзистенциальный подход, включая понятия возможного, невозможного и немыслимого.

Ведущим понятием экзистенциального подхода является *жизненный выбор*, а в качестве конкретизирующих понятий можно выделить: *переживание, экзистенциальные проблемы, экзистенциальные кризисы, неопределенность*. Методологическими принципами могут стать *неопределенность, личностность, единство бытия и сознания*. Методы – *эмпирические (психодиагностический, биографический), интерпретационный (генетический)*.

Глава 21 «Процессуальный подход в психологии личности», авторы – С. Н. Костромина, Н. В. Гришина. Прежде всего авторы проводят различия и основания процессуального подхода. Динамический подход, усиливающий внимание к изучению изменяющейся личности в изменяющемся мире, рассматривается как альтернатива структурно-функциональному подходу.

Авторы пишут: «Структурно-функциональный подход сохраняет свое безусловное значение в современной психологии личности, обеспечивая ее эмпирическими данными и разработками диагностического характера, используемыми в практических целях. Вместе с тем исследования в этом направлении имеют известные ограничения, связанные с редуцированием описаний личности до фиксированного набора характеристик, не отражающих динамической при-

роды личности, а также с внеконтекстуальным характером как теоретических представлений, так и осуществляемых на их основе эмпирических исследований» (с. 506). Основой динамического подхода стали теоретико-методологические идеи К. Левина: принцип динамизма, принцип контекста, означающий имманентную связь человека с миром, и принцип активности самого субъекта, который определяет свои отношения с окружающим миром.

В становлении динамического подхода авторы подчеркивают важнейшую роль С.Л. Рубинштейна, выделяя его положение о динамическом, непрерывном, изменчивом характере психического, как и самой жизни, но сохраняя способность тождественности в этих изменениях. Эти идеи развивались А.В. Брушлинским о недизъюнктивности психики. На основе идей С.Л. Рубинштейна разрабатывался динамический подход к исследованию личности Л.И. Анцыферовой (см. главу 17, написанную Н.Е. Харламенковой). Авторы дифференцируют понятия динамичности и процессуальности личности. Динамичность связана с фиксацией изменений под влиянием внешних или внутренних сил, с детерминированностью этих изменений (как, например, у К. Левина, Э. Эриксона). Авторы подчеркивают, что «процессуальность подразумевает перманентный (непрерывный) характер внутренних изменений, который метафорически можно отождествить с внутренней жизнью системы: рождением, ростом, развитием, трансформацией и деградацией отдельных внутренних элементов, структур и подсистем... ключевое отличие динамичности и процессуальности состоит в том, что главной характеристикой динамичности является способность к движению (подвижность), в то время как процессуальности – способность к преобразованию себя» (с. 511), отсюда представление о самодетерминации и саморазвитии. Определяется суть процессуального подхода в отличие от процессного (который направлен на реализацию деятельности), процессуальность личности – это способность к преобразованию, сохранение стабильности в ее изменчивости в переходных взаимодополняющих состояниях.

Авторы выделяют ряд *методологических принципов* процессуального подхода в психологии личности: принцип контекстуальности; принцип множественности (неопределенности) состояний личности (неравновесности); принцип событийности в становлении личности (как ключ к понимаю жизненного пути человека и его самого); принцип целостности личности (открытая саморазвивающаяся система в состоянии неустойчивого равновесия, сохраняющая целостность за счет внутренней связанности); принцип сложности (взаимодополнительности), предполагающий связанность стационарных (внеконтекстуальных) и подвижных зон личности, находящейся в перманентном диалоге с внешним миром. Последнее означает, что взаимодополнение количественных и качественных подходов выступает методологическим требованием.

С. Н. Костромина, Н. В. Гришина выделяют основные понятия развиваемого ими процессуального подхода. «Понятие *изменений (изменчивости)* является ключевым в процессуальном подходе в психологии личности... требует изучения личности как непредсказуемо, необратимо и неопределенно изменяющейся системы» (с. 521). Предметом же понимания изменчивости личности должно выступать не существующее, а *возникающее*.

Но изменения происходят в пространстве возможного, а «возможное потенциально содержит в себе изменения и через них переходит в действительность». Авторы указывают на диалектическую связь возможного и изменяющегося в природе личности как открытой неравновесной системы, которая осуществляется через возникающее. Авторы также уточняют понятие устойчивости личности как сохранение самоидентичности. В рамках процессуального подхода «устойчивость понимается как динамическая тенденция диалектического сопряжения стабильности и изменчивости, направленная на поддержание целостности личности за счет сохранения оптимальных для текущего момента структур и порождения новых, обеспечивающих новые возможности адаптации, эффективного функционирования и продуктивной жизни человека». В процессуальном подходе авторы пересматривают категорию времени, которая из физической становится субъективной, представленной в переживаниях, интуитивном опыте времени, в котором присутствуют одновременно связанные и разделенные модусы прошлого, настоящего и будущего.

В целом процессуальный подход, разрабатываемый С. Н. Костроминой и Н. В. Гришиной, безусловно, вносит вклад в развитие психологии личности. Авторы показывают все приметы постпостмодернизма (метамодерна), где понятия одновременно демонстрируют антиномичность (устойчивость—изменчивость, например), текучесть, сложность организации, дополнительность и неопределенность, раскачивание состояний и понятийных полей. Основные пересечения данного подхода обнаруживаются как с историко-генетическим, культурно-аналитическим, историко-генетическим, субъектно-аналитическим, системно-субъектным, динамическим подходами, представленными в нашей монографии. Хотелось бы отметить тематические пересечения с «Психологией возможного» В. В. Знакова (2022), «Психологией неравновесных состояний» А. О. Прохорова (1998).

Ведущим понятием процессуального подхода к психологии личности является *изменчивость личности*. Конкретизирующими понятиями — *устойчивость, неравновесность, целостность, контекстуальность, сложность, возникающее, возможное*. В качестве методологических принципов могут быть выделены: *развитие, целостность (системность), самодетерминация, саморазвитие*. Методы — *интерпретационный (генетический)*.

Глава 22 «От метакогнитивного подхода к метакогнитивной психологии», автор — А. В. Карпов. Обсуждая данный подход, автор указывает, что он возник в современной когнитивной психологии на, ее передовом крае. В настоящее время это крупное и разветвленное направление психологических исследований, включенное в общепсихологическое проблемное поле. Метакогнитивный подход занимает особенное место и заслуживает специального внимания в связи с тем, что он направлен на изучение механизмов *самопрезентации* психики, что связано с самой трудной задачей для науки — проблемой *сознания*. Первыми понятиями, которые возникли в данном подходе, были понятия метапамяти и метамышления, что связано с изучением рефлексивных процессов (самоощущение, самовосприятие, аутопредставление, самонаправленное внимание, память о памяти — метапамять, мышление о мышлении — метамышление). Автор подчер-

кивает, что в этих понятиях зафиксированы различные уровни, соотносящиеся с различными видами основных когнитивных процессов, рефлексия как процесс, выступая одним из макроуровней в общей организации психики, сама построена по уровневому принципу, но «она развертывается не на основе принципа иерархии, а на основе принципа гетерархии. С другой стороны, „предметом“ интеграции в ней выступают основные психические процессы в их, так сказать, „удвоенном бытии“, в их превращенных формах – в виде метакогнитивных, вторичных процессов» (с. 531). В основе рефлексии лежит сформировавшееся в ходе эволюции «фундаментальное свойство психики – свойство сензитивности к самой себе, к своему содержанию, т. е. свойство самосензитивности» (там же). Особое направление в данном подходе составляют метакогнитивные чувства (феномен «на кончике языка», чувство знакомости, чувство контроля, инсайт, Ага-переживание, чувство тупика, «я знал это заранее», дежавю и др.), составляющие основу свойств самосензитивности. Рефлексия в целом приводит к повышению функционального ресурса субъекта благодаря метауровню. Но обладание именно чувств означает усиление роли неосознаваемых механизмов. Помимо метакогнитивной функции рефлексии, не менее, а может быть, и более важной является регулятивная функция – произвольного осознаваемого мониторинга поведения и деятельности. Коммуникативная функция (рефлексия ауто- и социорефлексия), связанная с взаимодействием в сообществе. Она обеспечивается, помимо метакогнитивной и метарегулятивной рефлексии, специфическими классами эмоциональной рефлексии, разрабатывается в психологии эмоционального интеллекта и мотивационной рефлексии (метамотивационной регуляции деятельности и поведения). Рассмотренные функционально-уровневые характеристики рефлексии позволили автору говорить о том, что метакогнитивные процессы соответствуют принципам общепсихологической организации. Относительно макросоставляющих психического, зафиксированных в их классической триаде (процессы–свойства–состояния) А. В. Карпов считает, что необходимо концептуальное расширение указанной триады до тетрады: «процессы–свойства–состояния–знания», так как знания выступают в качестве *содержания психики*. И если интерпретировать знания с позиций метакогнитивного подхода, «т. е. учесть, что они выступают в психике и в своем „удвоенном качестве“ – не только как операнды, но и как операторы (как средства и механизмы, инвариантно представленные в ней и оказывающие определяющее влияние на всю ее структурно-уровневую и функциональную организацию), то их совершенно недопустимо исключать, точнее, не включать, в состав базовых образующих психики в целом» (с. 545). Одной из современных проблем метакогнитивизма становится проблема соотношения метапознания (метакогниции) и бессознательного. Автор предлагает гипотезу, согласно которой метакогнитивные процессы – вторичные, интегративные – и сложности системной организации строятся на средствах и механизмах (первичных), несущих совершенно объективный характер, функционального плана. «Вполне закономерно, что последние являются именно объективными, они существуют и реализуются сами по себе, не требуя субъектного, а значит – и субъективного вмешательства в них (и уж тем более – их субъектного и, следовательно, осознаваемо контро-

лируемого осуществления)... В силу этого бессознательные средства и механизмы, носящие объективный характер, не просто включаются в реализацию метакогнитивных процессов (равно как и иных вторичных процессов), но и играют ведущую, определяющую роль в структурировании из иных — первичных процессов» (с. 547–548). Метакогнитивные процессы расширяют функциональные возможности первичных когнитивных процессов (например, мнемотехника, увеличивающая функциональные возможности памяти). Вводя понятия *порога рефлексивности*, автор подчеркивает, что «сам порог рефлексивности — это объективно необходимое и эволюционно возникшее средство, не допускающее вытеснения закономерностями второй категории закономерностей первой категории. Это средство обеспечения баланса между ними, а в результате — отношений синергии между ними; средство «охраны» психического от порожденных им же самим представлений о своих собственных закономерностях и их использования в целях своего функционирования» (с. 553). А. В. Карпов определяет предмет метакогнитивизма, который «эксплицируется как распределенный по содержанию всей психики в целом; он предстает как вся она, но взятая лишь в определенном аспекте и в определенном функциональном предназначении. Это предназначение состоит в том, что все метакогнитивные процессы и механизмы, структуры и закономерности направлены на репрезентацию не внешней, а внутренней реальности, используя, однако, те же самые средства, которые сформировались для репрезентации реальности объективной — внешней» (с. 558). В данном определении автор видит наиболее обобщенный, системный характер предмета метакогнитивизма, описывающий все его частные проявления. Более того, автор считает обоснованным выделение особой самостоятельной отрасли психологического знания — метакогнитивной психологии.

Значение разработки метакогнитивного подхода чрезвычайно важно для всей психологической науки. Анализ рефлексии, ее функций, уровневой структуры, места в общепсихической организации вносит существенный вклад в развитии психологии. Трудно согласиться с трактовкой объективных первичных процессов и механизмов и противопоставлением их вторичным, субъектным, а следовательно, субъективным. Представляется, что вся психическая организация относится к субъекту как носителю психического и обладает специфической субъективностью на неосознаваемых и осознаваемых уровнях регуляции.

Метакогнитивный подход имеет пересечения с деятельностным подходом, субъектно-деятельностным, системогенетическим подходами. Ведущим понятием метакогнитивного подхода является *рефлексия*. Конкретизирующими понятиями становятся *уровневая организация, порог рефлексии, самопрезентации, самосензитивность, метакогнитивные чувства*. Методологические принципы: *системность, единство сознания и деятельности*. Основные методы: *интерпретационные (генетический, структурный)*.

Глава 23 «Социокультурный подход в современной российской психологии», авторы — Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко, В. Н. Галыпина, З. Х. Лепشوкова, М. А. Бульцева, Е. В. Бушина. Говоря об истоках подхода, авторы указывают его методологические основания, возникшие в социологии, и экоккультурный подход Дж. Берри. Социокультурный подход в социологии является слишком общим для методо-

логического обоснования социально-психологических исследований. Более глубоким и релевантным становится экокультурный подход. Экокультурный подход к изучению культурных и психологических явлений основан на представлении о том, что группы и индивиды развивают свое обыденное (традиционное) и индивидуальное поведение как адаптацию к требованиям своей экологии, поскольку живут в определенных экосистемах. Экокультурный подход предполагает оценки как контекстов, так и поведения. «Контексты рассматриваются как сложные сети взаимосвязанных экологических, культурных и социально-политических переменных. Поведение — как сложный набор взаимосвязанных личностных переменных» (с. 564). Кроме того, в рамках данного подхода осуществляется учет психологического разнообразия человека (как индивидуальных, так и групповых сходств/различий), выделение двух фундаментальных источников влияния, экологического и социально-политического, и двух особенностей человеческих популяций, которые адаптированы к ним: культурных и биологических характеристик.

На основе этих двух подходов авторы выделяют важные для собственных исследований положения: определяющим для стран, народов и индивидуумов становится смена культуры (социокультурного контекста, формы политического правления, статусов групп и т. д.); человеческие взаимодействия определяются культурой (социокультурный контекст); межкультурная адаптация строится на сопоставлении группами и индивидами своих культурных целей и способов их достижения с характерными нормами общества, к которому они принадлежат; культура и человеческое поведение обусловлены экологическими условиями, биологической и культурной трансмиссией (ценностей, идентичностей, установок и моделей поведения). Социокультурные процессы в большей степени культурно-специфичны и в меньшей универсальны; кросс-культурное исследование должно первоначально учитывать социокультурные контексты групп. На основе выделенных положений авторы дают определение: «Социокультурный подход в рамках социальной психологии — это подход к планированию, методологии и проведению сравнительных исследований, а также интерпретации полученных результатов с учетом социокультурного контекста, этнического статуса, принадлежности к поколению (период социализации), индивидуальных характеристик (ценностей, идентичностей, установок и моделей поведения) взаимодействующих групп и индивидов» (с. 565). Далее авторы иллюстрируют реализацию социокультурного подхода в разных исследованиях: в изучении ценностей, идентичности, межкультурных установок и психологического благополучия в поликультурном обществе; социального капитала в поликультурном обществе; в изучении креативности, в социокультурном контексте, имеющей свое значение в разных этносах и культурах; в изучении школьного буллинга с позиций специфики истории и культуры. Социокультурный подход позволяет с новой точки зрения исследовать различные феномены и создавать прикладные программы, нацеленные на гармонизацию межкультурных отношений в обществе. Данный подход находится в развитии и становится перспективным для оценок универсальности и культурной специфичности индивидуального и группового поведения.

Важнейшее значение приобретает системное рассмотрение культурных и экологических контекстов, что позволяет реально оценить вклад социальных и культурных факторов во взаимодействии групп и поведении индивида. Наибольшее пересечение социокультурный подход обнаруживает с культурно-аналитическим (фокус на культурных факторах), экологическим (важность экологической адаптации), историко-генетическим (оценка изменений в истории культуры и социума) и процессуальным подходом (непрерывность изменений в различных аспектах поведения и психологии личности и групп).

Ведущим понятием социокультурного подхода можно назвать *социокультурные процессы*. Конкретизирующими понятиями становятся *кросс-культурные сравнения, ценности, установки, идентичность, модели поведения*. Методологическими принципами, на которые опирается данный подход, можно считать *системный, культурную детерминацию*. Основными методами – *эмпирический (экспериментальный)*.

В таблице 5 представлено сопоставление выделяемых нами основных характеристик подходов, рассмотренных в разделе III.

Как видно из таблицы 5, представленные подходы отражают поиски теоретико-эмпирических оснований в разных областях психологии. Три главы раздела направлены на разработку психологии личности (главы 17, 19–20), остальные главы посвящены разным областям психологии: психологии речи, когнитивной психологии, экопсихологии, социальной психологии. Несмотря на то, что они направлены на конкретные области психологической науки, в них отражены современные проблемы методологии и теоретических поисков в психологии: интегративные тенденции, отраженные в более обобщенных ведущих понятиях (например, «динамическая личность», «изменяющая личность», «дискурс») наряду с традиционными, но наполняемыми иным содержанием (например, «рефлексия», ее «уровневая организация», «порог рефлексии», «метакогнитивные чувства»), соединение ранее разрозненных факторов (культура и социум) в социокультурные процессы, опосредующие адаптивные и поведенческие особенности этносов и стран, представление о субъекте как целостной системе «индивид—среда» в понимании возможностей его развития как субъекта в разных экологических условиях. Экзистенциальный выбор выступает для личности ключевым, а также обобщающим понятием, интегрирующим возможности личности с постоянными изменениями и вызовами, встающими перед человеком в новых социокультурных контекстах. Второй особенностью выделенных понятий становится характерная антиномичность. Например, «изменчивость—устойчивость» личности, «индивид—среда» — «целостный метасубъект», «неопределенность—выбор», «рефлексия—неосознаваемая регуляция». Фактически во всех подходах выделяется принцип системности, подтверждаются принципы единства сознания и деятельности (главы 17, 21, 22), бытия и сознания (глава 19), в пяти главах из шести — принцип субъектности. Наконец в данном разделе усилен акцент на социокультурных факторах в психологическом анализе как прямом фокусе на них, а также включенных в экзистенциальные и экопсихологические проблемы.

Таблица 5

Сопоставление ведущих конкретизирующих понятий, методологических принципов и доминирующих методов в конкретно-психологических подходах

Общепсихологические подходы	Ведущее понятие	Конкретизирующие понятия	Методологические принципы	Методы
Динамический подход Л. И. Анцыферовой к психологическому исследованию личности	Динамическая личность	Целостность, деятельность, рефлексия, субъект	Развитие, системность и целостность, единство сознания и деятельности, личностный принцип, субъектный, активность	Интерпретационный (генетический)
Дискурсивный подход в психологии речи и психолингвистике	Дискурс	Вербальная коммуникация, системная организация, субъект-субъектность коммуникации, дискурсивные способности, дискурсивная компетентность	Системность, междисциплинарность, субъектность	Эмпирический (эксперимент)
Экзистенциальный подход в психологии личности	Жизненный выбор	Переживание, экзистенциальные проблемы, экзистенциальные кризисы, неопределенность	Неопределенность, личностность, единство бытия и сознания	Интерпретационный (генетический)
Процессуальный подход к психологии личности	Изменчивость личности	Устойчивость, неравновесность, целостность, контекстуальность, сложность, возникающее, возможное	Развитие, целостность (системность), самодетерминация, саморазвитие	Интерпретационный (генетический)
Метакогнитивный подход	Рефлексия	Уровневая организация, порог рефлексии, самопрезентации, самосензитивность, метакогнитивные чувства	Системность, единство сознания и деятельности	Интерпретационные (генетический, структурный)
Социокультурный подход в современной российской социальной психологии	Социокультурные процессы	Кросс-культурные сравнения, ценности, установки, идентичность, модели поведения	Системный, культурная детерминация	Эмпирический (эксперимент)

Разработка подходов в рамках конкретных областей психологии (личности, психологии речи, когнитивной, экопсихологии, социальной психологии) выходит на общетеоретические вопросы: природы субъекта, полидетерминации развития психики, неразрывности развития и его контекстуальности.

Раздел IV «Научные подходы в прикладной психологии». В раздел 4 «Научные подходы в прикладной психологии» вошли главы, раскрывающие применение общепсихологических подходов в конкретных практических, прикладных областях психологии. Это использование биопсихосоциальной модели и культурно-исторического подхода в клинической психологии и патопсихологии (А. Б. Холмогорова), системный подход в прикладных исследованиях (А. А. Грачев), интегративный подход к познанию психологии человека (В. Н. Панферов, С. А. Безгодова, А. В. Микляева), системогенетический подход (В. Д. Шадриков).

Глава 24 «Биопсихосоциальная модель и культурно-историческая психология как методологические основания исследований и комплексной помощи при нарушениях развития и психической патологии», автор — А. Б. Холмогорова. Автор главы рассматривает историю биопсихосоциального подхода как попытку целостного изучения человека — носителя психики, в том числе в контексте заболеваний или нарушений развития. В отечественной психологии биопсихосоциальный подход имеет давние и глубокие корни, заложенные В. Н. Мясищевым и Б. Г. Ананьевым. Мясищев указывал на односторонность как сугубо психологического понимания невроза, так и сосредоточенности на изучении механизмов нервной деятельности, предлагая синтез обоих направлений. Комплексный (а по сути системный) подход Б. Г. Ананьева подробно описан в главе 12.

Современное состояние биопсихосоциальной парадигмы дискутируется с точки зрения научной обоснованности и критикуется за отсутствие реальных видимых результатов лечения. Однако многочисленные данные, например, исследования роли детских травм в патогенезе психических заболеваний, профессионального стресса и выгорания, опыта создания модели шизофрении, объединяющей более частные модели от нейрохимического до социального и психологического уровня, а также признание важности учета средовых факторов и характера генотип-средового взаимодействия в развитии человека свидетельствуют о жизнеспособности этого подхода и необходимости его дальнейшего развития.

По мнению автора, в современной психиатрии, в первую очередь зарубежной, отмечается игнорирование собственно психологического уровня организации человека и сведение его к нейробиологии и поведению, редуцирование психических процессов к процессам в ЦНС. Исследователи «пересказывают» от психолого-философских понятий («мораль», «эмпатия», «добродетель») непосредственно к процессам и структурам головного мозга, ассоциируемым с ними. Компьютерная томография и другие техники нейровизуализации создают иллюзию понимания психических процессов, заставляя искать точное взаимное соответствие между процессами в мозге и психическими процессами. Переоценка роли нейронаук ведет к примитивизации в понимании поведения человека, недооценке его способностей к самоопределению и саморегуляции, в конечном счете к непониманию и недооценке субъектности человека.

Автор полагает, что многие сложности биопсихосоциальной теории, связанные с неясностями механизмов взаимоотношений между ее составляющими, могут быть разрешены с позиций культурно-исторической психологии. Наличие и овладение культурными средствами регуляции психических функций в развитии человека может стать ключом к пониманию взаимодействия всех составляющих в биопсихосоциальной модели. Это находят эмпирические подтверждения в работах Б. В. Зейгарник и Ю. П. Полякова, показавших, что нарушения взаимодействия при шизофрении связаны с нарушением мотивации и направленностью на другого человека; в авторской модели развития и нарушений социального познания социальное познание рассматривается как высшая психическая функция, формирующаяся на основе врожденной потребности ребенка к установлению привязанности.

А. Б. Холмогорова считает, что идеи Выготского позволяют принципиально по-иному подойти к изучению социального понимания, описываемого в терминах ментализации, к модели психического или чтению ментальных состояний (mind reading), она использует идею, согласно которой психика — особая форма активности — может существовать за пределами тела и взаимодействовать с другими психическими системами. Онтогенетической природой «культурной линии» психического развития можно считать способность ребенка воспринимать другого человека как активного целенаправленного агента, подобного ему и, следовательно, учиться на опыте Другого.

Автор проводит параллели между идеей А. Н. Леонтьева о совместной деятельности ребенка и взрослого (развивающей идею Выготского о взаимодействии психического разных людей) и триадическими отношениями — взрослый—ребенок—объект совместного внимания и совместной деятельности. В результате формируется концепция базовой интерактивности человеческой психики и интериоризации взаимодействия между людьми как генерального механизма психического развития.

Понимание интерактивной природы психики и необходимость коррекции и помощи в случае нарушений именно на уровне психики и поведения автор иллюстрирует результатами исследований детей с СДВГ; показано, что лекарственная терапия сама по себе не улучшает успеваемость и поведение детей, в то время как поведенческая терапия оказывается значительно более эффективна.

Также автор приводит результаты разработки в рамках биопсихосоциальной модели многофакторной модели расстройств аффективного спектра и ее применения в лечении расстройств пищевого поведения. «Модель описывает, как характерные для современной культуры дезадаптивные ценности... преломляются в семейных взаимоотношениях... а затем интериоризируются в индивидуальном сознании и начинают воспроизводиться в отношениях со сверстниками и определять отношения между людьми, стиль мышления и поведенческие стратегии, а в конечном счете — специфические болезненные симптомы для того или иного расстройства аффективного спектра, включая РПП» (с. 598). На различных уровнях модели — макросоциальном, семейном, индивидуально-личностном, интерперсональном — выделены мишени психопрофилактики и психотерапии РПП и НПП.

Биопсихосоциальный подход базируется на культурно-историческом подходе, однако исторически его рамки шире, как отмечает Холмогорова, его истоки можно найти в работах В. Н. Мясищева и в комплексном подходе Б. Г. Ананьева. В целом сама идея комплексного совместного анализа различных уровней организации человека имеет давнюю историю и прослеживается во многих подходах (см. системно-субъектный, эволюционный подход и т. д.). Разработку данного подхода автор связывает с работами в области социального познания, модели психического и т. д., которые изначально развивались в рамках других теоретических парадигм, однако здесь можно наблюдать их сближение, в данном случае на почве внимания к социальному фактору и межличностному взаимодействию, что дает аргументы в пользу развития сетевого строения современной науки, где могут сближаться и находить точки соприкосновения (узлы сети) самые различные подходы, основывающиеся на самых различных теоретических предпосылках.

Ведущим понятием биопсихосоциального подхода является *социальная природа психики*, понятиями, раскрывающими его, – *социальное познание, интериоризация, целостный подход, культурное развитие, взаимодействие разных уровней психической организации*. Методологическими являются *принцип социокультурной детерминации психики, интегративность*. Методы, используемые в подходе, – *организационный (сравнительный), эмпирический (психодиагностика), интерпретационный (генетический)*.

Глава 25 «Системные основания прикладной психологии», автор – А. А. Грачев. Прикладная психология, по мнению автора, имеет самостоятельное значение наряду с фундаментальной и практической психологией, и именно она позволяет осуществить переход от фундаментальной науки и психологической практике, используя прикладные разработки для решения конкретных психологических задач. При этом прикладная психология использует возможности фундаментальной психологии и ограничена требованиями практической психологии.

Автор рассматривает прикладную психологию как род проектирования – проектирования человека и условий его жизнедеятельности – и полагает, что именно системный подход, сформулированный для психологии Б. Ф. Ломовым, в наибольшей степени подходит в качестве методологического основания для него. Все объекты такого психологического проектирования – организация, группа, отдельный человек – подчиняются положениям системного подхода. Основная часть статьи посвящена преломлению системного анализа в прикладной психологии с выделением тех аспектов, которые позволяют определить управляющие воздействия на объект (человека, группу, организацию), т. е. с акцентом на принятие решения и оценку эффективности системы.

Далее автор рассматривает в качестве конкретизации системного подхода в психологии системно-субъектный подход (подробно представлен в главе 8 настоящей книги) и системно-эволюционный (В. Б. Швырков и его последователи), выделяя в каждом из них положения, касающиеся системной организации человеческого поведения, системной природы субъекта и соотношения управляющей, командной подсистемы и управляемой подсистемы, организующей поведение.

Переходя к описанию психологических систем, автор выделяет несколько положений, характеризующих структуру и динамику системы, и основные системные тенденции с соответствующими им системообразующими факторами (удовлетворение потребностей, самореализация и развитие), а также критерии для оценки системы, основываясь на ее важных составляющих, их свойствах и показателях функционирования системы.

Опираясь на выделенные характеристики психологических систем и на показатели их функционирования, автор формулирует ряд прикладных исследовательских задач, которые должны быть решены для успешного проектирования систем, связанных с человеком, группой, организацией. Эти задачи касаются таких слабо разработанных областей, как создание моделей ролей, жизненных ориентаций человека в современном мире, разработка методов оценки ролевых моделей и методов их формирования, разработка модели среды жизнедеятельности человека, набора основных жизненных ситуаций человека.

Представляется, что здесь автор вступает в некоторое противоречие с положениями как системного, так и, например, системно-субъектного подхода (а также с историко-эволюционным подходом, субъектно-аналитическими подходами и др.), так как задача «разработки набора моделей» предполагает конечность, ограниченность этого набора, в то время как перечисленные выше подходы утверждают принципиальную открытость, незавершенность человека, множественность и уникальность жизненного пути субъекта (ср. принцип неопределенности, сформулированный С. Д. Смирновым). Однако это не отменяет необходимости разработки и/или проектирования тех или иных моделей или показателей функционирования систем с целью улучшения функционирования реально существующих систем человеческого поведения.

В данной главе представлен пример конкретного применения системного подхода в прикладной психологии – разработка модели жизненных ориентаций человека. В соответствии с тремя основными системообразующими факторами были выделены три варианта жизненных ориентаций: дефицитарная ориентация (ориентация на удовольствие) ориентация на самореализацию и духовная ориентация. Для каждого типа ориентации определены основные направления работы практического психолога с целью помощи человеку в соответствии с указанными выше показателями функционирования систем. Например, для человека с дефицитарной ориентацией это будет помощь в определении целей, оценке ценности результата, оптимизации затрат и результатов. Для человека с ориентацией на самореализацию – помощь в оценке собственного потенциала, организацию ситуаций, актуализирующих потенциал, коррекция уровня притязаний и т. п.

Еще одна исследовательская задача, стоящая перед прикладной психологией, связана с характером информации, порожденной системообразующими факторами (образ Я и образ Другого, образ среды жизнедеятельности и образ ситуации жизнедеятельности) – с так называемыми терминальными образами. Совокупность терминальных образов составляет картину жизни системы, представления системы о себе составляют Я-концепцию системы. Прикладная психология призвана определить требования к картине мира человека, а также

к групповому и организационному менталитету и разработать технологии и сценарии формирования терминальных образов.

При рассмотрении психологии взаимодействия с точки зрения системного подхода наряду с традиционными субъект-объектным и субъект-субъектным взаимодействием выделяется объект-субъектное взаимодействие: когда система рассматривает себя как средство для удовлетворения жизненных интересов Другого. Здесь, однако, нам сложно согласиться с трактовкой такого взаимодействия как объект-субъектного, поскольку решение удовлетворять чьи-либо жизненные интересы — это выбор самого человека, т. е. в конечном счете действие субъекта. Но обсуждение этого вопроса явно выходит за рамки данного анализа. В соответствии с этапами взаимодействия (опознание и классификация партнера, собственно взаимодействие и создание сообщества систем) выделяются исследовательские задачи — определение набора признаков для классификации и характеристик оптимального вхождения в сообщество — и прикладные задачи — обучение различным типам взаимодействия и разработка технологий и сценариев вхождения в сообщество. Системный подход рассматривается как метаоснова для создания модели отношения человека к активному социальному объекту, непосредственными компонентами которой выступали субъектный подход и теория отношений.

Значение системного подхода в прикладной психологии состоит в том, что он позволяет проектировать технологии и сценарии психологической помощи человеку не только по отдельному критерию, но с учетом общей системы его жизнедеятельности и всех ее компонентов и характеристик: структуры, динамики, направленности, целей и т. д.

Автор заключает, что «системный подход позволит определить обоснованное предметное поле прикладной психологии и в конечном счете разработать полную и непротиворечивую систему психологического обеспечения жизнедеятельности человека в среде и ситуациях его жизнедеятельности» (с. 618).

Данный подход основывается на системном подходе (который в исходном виде в данной книге не представлен) и при этом достаточно близок системно-субъектному и субъектно-деятельностному подходу.

Ведущим понятием рассмотренного подхода является *психологическое проектирование*; раскрывают его такие понятия, как *система, взаимодействие субъекта и объекта, жизненные ориентации, терминальный образ*. Методологически принципами являются *принцип системности, принцип субъектности*. Метод, используемый в данном подходе, — *интерпретационный (структурный)*.

Глава 26 «Интегративный подход в познании психологии человека», авторы — В. Н. Панферов, С. А. Безгодова, А. В. Микляева. Теоретические положения интегративного подхода основаны на принципах объективации, взаимодействия, целостности, субъектности, сформулированных в работах В. М. Бехтерева, С. Л. Рубинштейна, Б. Г. Ананьева.

Авторы ставят проблему доступности психики для объективного наблюдения и утверждают существование психики в трех формах — как идеальной реальности (в процессах самопознания), виртуальной реальности (различная объективация психического содержания в коммуникации) и материализованной реальности (внешние формы проявления психики). Опираясь на вариант

преодоления психофизического параллелизма, предложенный Рубинштейном, — при помощи принципа взаимодействия человека с вещами, людьми и самим собой — и его конкретизацию Б. Г. Ананьевым, авторы поставили задачу разработать модели индивидуальности субъекта как активного деятеля и процессов его взаимодействия с различными аспектами окружающего мира.

Это обусловило основные положения интегративного подхода к познанию психологии человека (здесь отметим, что это не интегративный подход как общепсихологический, представленный, например, в главе 9, а прикладной его вариант, касающийся в основном процессов общения и деятельности).

Авторы предлагают определение психологии человека как качественного проявления «функционально-исполнительских возможностей и отношений партнеров социального взаимодействия. Они определяются в понятиях о психологических качествах личности как субъекта социального взаимодействия» (с. 621–622).

Основным методологическим принципом интегративного подхода к познанию психологии человека становится принцип объект-предметного единства, преодолевающий дуализм объекта (человека) и предмета (психики) и противоречие между гносеологическими моделями психики и онтологической сущностью человека. Этот принцип обеспечивает метапарадигмальность познания психологии человека и содержательную валидность его результатов, что является, по мнению авторов, отличительным признаком интегративного подхода в познании психологии человека (однако, как мы видим на примере данной книги, метапарадигмальность становится практически необходимым качеством современной общепсихологической теории, что особенно хорошо видно на примере подходов, представленных в разделе I). Среди категорий, составляющих предметное поле психологического познания, авторы называют «психологию человека» как ключевую, а также «психологические качества человека» и «человеческие отношения». Указанный принцип дополняют принципы целостности, взаимодействия, объективации, жизнеобеспечения, трансформации и парадоксальности психологии человека. Эти принципы реализуются в моделях психологического познания человека: эвристической, аналитической и интегративной.

Эвристическая модель основана на понятии социальной перцепции, так как именно в исследовании социального познания была реализована объект-предметная целостность человека как носителя физических и психических свойств. Социальное взаимодействие происходит поэтапно и завершается построением психологического портрета интегральной личности. Такой портрет включает и физические, и психологические, и социальные характеристики, однако в то же время в нем преобладают те компоненты психической организации, которые востребованы в конкретной ситуации взаимодействия.

Аналитическая модель описывает содержание и закономерности формирования человеческих отношений. Сюда включаются и самоотношение, и отношение человека к другому человеку, отношение человека к группе/обществу, межгрупповые взаимоотношения. Отношения также классифицируются по характеру деятельности, с которой они связаны, по преимущественному способу отражения, характеру коммуникации и т. д.

Интегративная модель построена на принципах целостности и взаимодействия. Взаимодействие протекает на разных уровнях организации человека и происходит с различными аспектами реальности, как внутренней, так и внешней. В процессах взаимодействия возникают психические образования – «целостные продукты психической деятельности, представляющие собой интегральный синтез продуктов психической деятельности субъекта» (с. 632). Все эти психические образования могут быть упорядочены по шести векторам взаимодействия человека с собой, с социальным и с предметным миром, авторы обозначают их как психофизиологический, психофизический, психорефлективный, деятельностьно-психологический и социально-психологический вектор. Все психические образования делятся на интегральные, или общие, представляющие основные компоненты структуры психики, на особенные (более конкретные категории, процессы или функции) и единичные – конкретные проявления указанных категорий. Надо отметить, что в каждой группе сочетаются весьма разноуровневые понятия, и логика их отнесения в ту или иную группу или к тому или иному вектору часто не совпадает с существующей научной традицией.

Авторы полагают, что данная интегративная модель «позволяет проследить психические механизмы формирования качественного своеобразия психологии человека, тем самым способствуя сближению психологической теории и практических психологических задач, решаемых людьми в их повседневной жизни» (с. 634).

Применение данного подхода позволяет описывать довольно узкую область и рассматривать человека и его психологию с точки зрения социального восприятия и взаимодействия. В нем делается попытка объединения различных теоретических подходов, разных уровней рассмотрения психики, что соответствует современным тенденциям развития психологии. И хотя интегральная модель человека выглядит достаточно эклектично, но она представляет собой один из необходимых шагов на пути постижения всей сложности человеческой индивидуальности. Описанный подход имеет пересечения с комплексным подходом, в перспективе – с социокультурным, поскольку социальное познание обязательно включает в себя и фактор культуры, к которой принадлежат субъекты, и культура накладывает на них свой отпечаток.

Ведущим понятием данного подхода является *психологическое познание человека*, конкретизирующими понятиями – *социальная перцепция, человеческие отношения, социальное взаимодействие, интегральная личность*. Основными методологическими принципами становятся *принцип объект-предметного единства, принципы целостности, взаимодействия*. Метод исследования в данном подходе – *интерпретационный (структурный)*.

Глава 27 «Системогенетический подход в современной отечественной психологии», автор – В.Д. Шадриков. Автор отмечает, что истоки системогенетического подхода лежат как в практических запросах подготовки квалифицированных рабочих кадров на научной основе, так и в теоретических подходах – идее развития, теории деятельности, системном подходе, теории функциональных систем. Согласно последней теории, автор особенно подчеркивает идею результата

как системообразующего фактора. Само понятие системогенеза было введено П. К. Анохиным. Опираясь на идеи Анохина, автор разрабатывал универсальную структуру деятельности, основываясь на принципе предметности, единства сознания и деятельности и единства деятельности и переживания. В этой архитектуре отражены предпосылки деятельности (мотив, смысл деятельности, отражение объективных и субъективных условий, цель), процессуальные характеристики (программа, целенаправленная активность) и обратная связь (отражение действий, результатов действия, параметров результатов, коррекция деятельности). Важнейшими процессами системогенеза выступают рефлексия и рефлексивность. Субъектность ученика как субъекта деятельности (ибо системогенетический подход разрабатывался в первую очередь для понимания и оптимизации процесса обучения) реализуется в системогенезе индивидуального способа деятельности на основе индивидуальных качеств субъекта деятельности. В процессе взаимодействия мотивации субъекта с нормативным результатом деятельности формируется субъективная цель, которая, в свою очередь, соотносясь с мотивами, задает личностный смысл деятельности. Соотношение цели и мотивации определяет подключение ресурсов внутреннего мира субъекта для достижения цели, формирует критерии достижения цели. Цель и мотивы субъекта направляют программу деятельности.

Экспериментальные исследования процессов обучения подтвердили неравномерность и гетерохронность освоения отдельных действий в структуре деятельности, что соотносится с положениями системогенеза П. К. Анохина о гетерохронности закладки и неравномерности развития компонентов функциональных систем, минимальном обеспечении функциональной системы, консолидации системы.

На уровне отдельных подсистем деятельности также рассматривается их генезис, это такие подсистемы, как мотивационная (автор помещает источник мотивации внутрь субъекта), рассмотренная на разных уровнях: от биологических потребностей до таких высокоуровневых образований, как самоуважение; целевая (цель как системообразующий фактор деятельности); подсистема способностей и одаренности в профессиональной деятельности (способности являются механизмом реализации деятельности, развиваясь в деятельности).

В целом «системогенез деятельности можно определить как процесс избирательного вовлечения в деятельность конкретных психофизиологических систем субъекта, генетически обусловленных и прижизненно сформированных, которые, интегрируясь, формируют функциональную систему деятельности, обеспечивающую достижение нормативного результата» (с. 650).

Системогенетический подход представляет собой практическую конкретную реализацию деятельностного подхода А. Н. Леонтьева, теории функциональных систем П. К. Анохина, через которую прослеживаются связи с системным подходом.

Основным понятием данного подхода можно считать *системогенез деятельности*, конкретизирующими понятиями – *деятельность, функциональная система деятельности, мотивы деятельности, цель деятельности, результат, способности, рефлексия*. Основные методологические принципы – *принцип пред-*

метности, принцип единства сознания и деятельности. Основной метод – интерпретационный (генетический).

Подводя итог описанию подходов, приведенных в IV разделе, можно отметить, что при их практической укорененности, возникновении в ответ на конкретные запросы практики (системогенетический подход, биопсихосоциальный подход) или нацеленности на решение практических задач (системный подход в прикладной психологии, интегративный подход в познании психологии человека) они базируются на идеях общепсихологических и/или общенаучных подходов. В первую очередь, это системный подход, но также и культурно-историческая теория, комплексный подход, теория деятельности. Это свидетельствует об эвристичности теоретического анализа человеческой психики, более того – о его необходимости для построения качественно работающей прикладной модели, обладающей предсказательной силой, или адресной помощи при решении тех или иных психологических проблем.

В таблице 6 обобщены основные и конкретизирующие понятия подходов, представленных в IV разделе, методологические принципы и методы, реализуемые в этих подходах.

Анализируя таблицу 6, можно видеть, что если понятия в подходах прикладной психологии более конкретны по сравнению с общенаучными и общепсихологическими подходами, то «прикладные» подходы разделяют методологические принципы как с конкретно-психологическими подходами, так и с подходами более высокого порядка.

Заключение

Предпринятый анализ современных подходов в психологии, условно разделенных нами на общепсихологические, общенаучные в психологии, конкретно-научные в определенных психологических областях и научные подходы в прикладной науке, показал реальную условность такого деления, поскольку независимо от их отнесенности все они раскрывают общетеоретические и методологические принципы науки. Подводя краткий итог достаточно объемного анализа, хотелось бы вернуться к тем ориентирам, которые обсуждались в самом начале работы и которые позволили ответить на вопрос: по каким основаниям и как сравнивать подходы?

Были рассмотрены четыре варианта сопоставления. Это возможность интеграции (В. А. Мазилев, В. А. Янчук) или возможность сравнения научных подходов (Е. А. Сергиенко, А. В. Юревич). Мазилев подчеркивает необходимость интеграции психологической науки, выделяя оси сравнения: предмет–метод–предтеории (базовые понятия). Янчук предлагает интердетерминистскую метатеорию культурно-диалогической интеграции психологии, основанную на пространстве континуумов: биологическое ↔ психическое ↔ социальное ↔ культурно обусловленное; осознаваемое ↔ бессознательное ↔ экзистенциальное ↔ культурно обусловленное; личность ↔ окружение ↔ активность ↔ культурно обусловленное. А. В. Юревич считает необходимым выделение центрального, периферических и латентных понятий при взаимосуществовании разных

Таблица 6
Сопоставление ведущих и конкретизирующих понятий, методологических принципов и ведущих методов в подходах прикладной психологии

Общепсихологические подходы	Ведущее понятие	Конкретизирующие понятия	Методологические принципы	Ведущие методы
Биопсихосоциальный подход	Социальная природа психики	Социальное познание, интериоризация, целостный подход, культурное развитие, взаимодействие разных уровней психической организации	Принцип социокультурной детерминации психики, интегративность	Интерпретационный (генетический)
Системный подход в прикладной психологии	Психологическое проектирование	Система, взаимодействие субъекта и объекта, жизненные ориентации, терминальный образ	Системность, субъектность	Интерпретационный (структурный)
Интегративный подход в познании психологии человека	Психологическое познание человека	Социальная перцепция, человеческие отношения, социальное взаимодействие, интегральная личность	Принцип объект-предметного единства, принципы целостности, взаимодействия	Интерпретационный (структурный)
Системогенетический подход	Системогенез деятельности	Деятельность, функциональная система деятельности, цель деятельности, мотивы деятельности, цель деятельности, результаты, способности	Принцип предметности, принцип единства сознания и деятельности	Интерпретационный (генетический)

подходов. Е. А. Сергиенко показала взаимовлияние и расширение границ подходов через процесс их научной эволюции. Анализ предложений этих авторов позволил выбрать ориентиры в попытке представить пространство психологической науки как дифференцированное разными теориями, так и взаимосвязанное через открытость границ и гибкость понятийных структур. В конце каждого обсуждаемого раздела даны обобщающие таблицы, с выделением ведущего понятия подходов, конкретизирующих понятий, выделяемых методологических принципов и ведущих методов. Понятно, что такие обозначения носят авторский характер, но это обосновано предложенным анализом каждого подхода. Во-первых, хотелось бы подчеркнуть, что большинство подходов отвечает основным эпистемологическим принципам постнеклассической науки и метамодернизма. Выделенные С. А. Лебедевым шесть *основных принципов* современной эпистемологии (конструктивность, контекстуальность, культурологичность реальной научно-познавательной деятельности, коммуникативность научного познания, условность знания, консенсуальность научных истин), подчеркивая существенную смену принципов организации науки (Лебедев, 2016, 2019). Такой методологический переход, по мнению М. С. Гусельцевой, с которым солидаризируются и другие авторы, означает переход к полипарадигмальности, усилению «межпарадигмальных мостов» и знаменует смену конкуренции разных подходов и психологических школ на поиск взаимодополнения, консенсуса эволюционной интегративной тенденции. Кроме того, по мнению Т. В. Зеленковой, которая видит взаимодополняющий смысл в разных отношениях к процессу интеграции науки, плюрализм необходим для накопления знаний и расширения научного поля, либерализм предполагает обнаружение связей между подходами как узлами сетевой организации науки, нигилизм направлен на выявление и удаление слабых связей, а монизм — на усиление и укрепление позиций (глава 13).

Если обратиться к сравнению подходов, представленных в таблицах 2, 4, 5 и 6, то можно обнаружить их взаимодополнения и взаимопересечения. Анализ таблицы 2 показывает, что историко-эволюционный подход вообрал в себя и деятельностный (системно-деятельностный), и культурно-исторический, и эволюционный подходы, выделены конструктивные понятия для изучения происхождения психики, ее эволюции в направлении социальной организации, где разнообразие форм поведения, активности и отношений становится условием развития. Введение понятия субъекта расширяет поиски единства биопсихосоциокультурных координат, что дополняет понимание развития психического, делая акцент не на универсальных, а на индивидуальных вариантах психической организации и функционирования. Данное понятие становится ведущим, начиная с субъектно-деятельностного подхода, основным в системно-субъектном, субъектно-аналитическом и культурно-аналитическом подходах. При этом субъект как носитель психического выступает центром координации взаимодействий со средой, соединяя в себе все континуумы, выделенные В. А. Янчуком. В субъектных подходах в меньшей степени разработана культурная составляющая, понимаемая шире, чем социальные воздействия и влияния. Здесь дополнительными могут выступать культурно-аналитический, историко-генетический подходы, фокус которых направлен прежде всего на выделение культурных ре-

альностей (глава 4), социальнокультурных ситуаций (глава 6). Отчасти предлагаемые координаты сравнений, предложенные В. А. Мазиловым, присутствуют и в наших сравнительных таблицах, но в модифицированном виде. При анализе методологических принципов становится ясным их расширение новыми принципами: системности, эволюционности, междисциплинарности, субъектности, контекстуальности, антиципации, мультидетерминации – наряду с ранее принятыми психологией: принципами единства сознания и деятельности, единства бытия и сознания, расширяющего принципа единства сознания и деятельности. Выделенные ведущие методы указывают на то, что при обосновании подходов в основном используются интерпретационные методы (генетический и структурный) наряду с экспериментальными (теорией деятельности А. Н. Леонтьева, культурно-исторической психологией, историко-генетическим подходом, системно-субъектным подходом). Культурно-историческая психология также развивается в теоретическом (вводятся новые понятия), в практическом плане, возникают новые практики, но, как и отмечают авторы, она развивается «в дерево», тогда как другие подходы впитывают в себя влияния разных отечественных школ и развиваются скорее «в куст», создавая разветвления и разрастания психологической науки.

В таблице 4 сравнивались общенаучные подходы, получившие свое развитие в психологии (раздел II). Несмотря на их возникновение в других науках, эти подходы существенно расширили научное поле психологии как в понятийном, методологическом, так и в методическом плане. Появились такие понятия, как «междисциплинарность» (глава 10), «психологические ресурсы» (глава 14), экопсихология (глава 16). В экопсихологическом подходе уже существующее понятие субъекта дополнено понятиями метасубъекта, «индивид–среда» (глава 16). Расширяют данные подходы и методологические принципы: междисциплинарный, сетевой, системный, саморазвития. Появляются и новые ведущие методы – организационные (планирование исследований – глава 10), математическо-статистический анализ (который дает возможность осуществлять количественный анализ и картирование состояния психологической науки при сочетании с качественными методами – глава 16). Предлагается также авторское решение проблемы сознания в рамках метасистемного подхода (глава 11).

Отдельную группу подходов составили конкретно-психологические, выделенные по принципу их создания в областях психологической науки (психологии речи, личности, когнитивной, социальной психологии) (раздел III). По результатам анализа таблицы 5, представленной в конце рассмотрения данного раздела, можно отметить, что эти подходы также раздвигают границы понятийного поля психологии. Появляются понятия динамической личности (глава 18), изменяющейся личности (глава 21), жизненного выбора (глава 20), дискурса (глава 19), рефлексии, представляющие ее уровневую организацию, и понятия порога рефлексии (глава 22), социокультурных процессов (глава 23). В понятиях дискурса, социокультурных процессов внимание к социокультурным составляющим становится фактически ведущим. Обращение к понятию субъекта характерно для динамического подхода Л. И. Анцыферовой, дискурсивного, экопсихологического подхода. Помимо общих методологических принципов (единства сознания

и деятельности), субъектности, системности, саморазвития, выделяются также принципы неопределенности, самодетерминации и культурной детерминации. Среди ведущих методов представлены как интерпретационные, так и эмпирические. Следовательно, конкретно-психологические понятия вносят существенный вклад не только в области своего приложения, но и в общенаучную методологию.

Наконец таблица 6 дает возможность сравнить подходы, получившие прикладное значение в психологии (раздел IV). Сама попытка их сравнения позволяет уточнить возможности снижения «диагонального» разрыва между теорией и практикой. Разнородность представленных попыток не дает возможности сделать выводы о прогрессе в данном направлении, помимо понятия психологического проектирования, которое фактически моделирует применение системного и системно-субъектного подходов в прикладной психологии. Биопсихосоциальный подход (глава 24) практически постулирует только культурно-социальные средства в решении проблемы мультidetерминации и сокращает континуум биологическое ↔ психическое ↔ социальное ↔ культурное как интердетерминацию до социокультурного. Несмотря на то, что многие механизмы психической компенсации и коррекции остаются неясными, а приведение психического к нейрональным мозговым механизмам некорректным (см. главы 1 и 8), исключение биологических (природных) и фактически психических составляющих из поля воздействующих сил – малопродуктивно. Представляется проблематичным сведение социального познания к прямому и интегративному механизму тождества объекта (человека) и предмета (психики) (глава 26).

На основе системогенетического подхода представлена разработка подготовки квалифицированных рабочих кадров на научной основе (теория деятельности, системный подход, теория функциональных систем). Это пример формулирования принципов прикладной психологии на основе данного подхода.

В разделе IV, несмотря на его прикладной характер, в изложенных разработках интегрируются различные подходы в психологии (системный и системно-субъектный (глава 25); идеи В. М. Бехтерева, С. Л. Рубинштейна, Б. Г. Ананьева в интегративном подходе (глава 26); теория деятельности, теория функциональных систем П. К. Анохина, системный подход Б. Ф. Ломова (глава 27) и культурно-историческая теория Л. С. Выготского (глава 24), т. е. отражаются общепсихологические подходы, при этом выделяются методологические принципы системности, субъектности, единства сознания и деятельности, социокультурной детерминации, но не порождаются новые методологические принципы. Среди ведущих методов выступают интерпретационные (структурный и генетический).

Таким образом, научные подходы всех четырех разделов коллективной монографии демонстрируют взаимосвязи и взаимодополнения в понимании природы, мультidetерминации психического, возможности на их основаниях решать новые и сложные задачи сложного человека в противоречивом и неопределенном мире. Многие подходы, представленные в данной книге, вбирают в себя понятия и принципы иных подходов в психологии (например, тесную взаимосвязь демонстрирует историко-эволюционный подход с деятельностью, культурно-историческим, историко-генетическим, культурно-аналитическим, системно-субъектным, субъектно-аналитическим, сетевым и системным подхо-

дами). Общенаучные подходы породили не только новые понятия в психологии («междисциплинарность», «психологические ресурсы» и др.), но и новые методологические принципы. Проведенный анализ продемонстрировал существенное расширение методологических принципов психологической науки, которые эксплицированы не только в общепсихологических и общенаучных, но и конкретно-научных подходах. Так, получили свое обоснование принципы междисциплинарности, неопределенности, антиципации, субъектности, эволюционности, мультидетерминации и саморазвития наряду с подтверждением принципов системности, единства сознания и деятельности, единства бытия и сознания, развития. Но и традиционные для психологии принципы наполняются новым содержанием, исключая детерминизм, сковывающий человека универсальными законами, и индетерминизм, когда человек теряется в бесконечных степенях свободы. Предлагаемое В. А. Янчуком понятие интердетерминизма перекликается с идеями вероятностного эпигенеза Г. Готтлиба и понятием мультидетерминизма, который представлен во многих подходах. Ясно, что разные подходы в большей мере делают акцент на изучении различных аспектов психической организации и ее функциональных возможностей. Например, социокультурные факторы становятся ведущими, помимо культурно-исторического подхода, в культурно-аналитическом, социокультурном, историко-генетическом. Однако содержание понятия культуры в них различно (от понимания культуры как социальных детерминант к пониманию культуры как этнической специфичности и до широкого учета культурных реалий, которые только начали обретать свое психологическое содержание). При анализе конкретизирующих понятий в разных разделах создается возможность расширить содержание ведущего понятия, однако они представляются иногда малоразличимыми. Например, теории деятельности А. Н. Леонтьева и С. Л. Рубинштейна. В одном случае понятие деятельности раскрывается через его структуру, в другом – через процесс, в первом случае деятельность детерминирует, порождает психическое, в другом деятельность опосредована внутренними индивидуальными условиями. При анализе глав 2 и 5 было показано, что эти подходы отчасти пересекаются, но при этом решения теоретических проблем психологии остаются самостоятельными. Деятельностный подход А. Н. Леонтьева получил свое развитие в системно-деятельностном подходе А. Г. Асмолова, историко-эволюционном подходе А. Г. Асмолова, Е. Д. Шехтер, А. М. Черноризова, экзистенциально-деятельностном подходе Д. А. Леонтьева, в системогенетическом подходе В. Д. Шадрикова, экпсихологическом подходе В. И. Панова. Деятельностный подход С. Л. Рубинштейна, на определенном этапе развившийся в субъектно-деятельностный, породил или оказал существенное влияние на системно-субъектный, субъектно-аналитический, культурно-аналитический, экзистенциальный, процессуальный, экпсихологический подходы в психологии. Можно сделать осторожное заключение, что ведущие понятия только вместе с конкретизирующими становятся *сильными признаками* специфичности подходов.

Понятие субъекта, которое становится интегрирующим для психологической науки, различно раскрывается через конкретизирующие понятия в разных подходах. В субъектно-деятельностном (глава 5) понятия субъекта и личности

слабо дифференцированы. Субъект выступает как характеристика личностной организации, опосредующей практическую деятельность (активного творца деятельности). Ведущим понятием становится «субъект деятельности», конкретизирующими понятиями выступают «субъект» и «личность», «познание» и «созерцание», «бытие» и «сознание», «практическая деятельность». В системно-субъектном подходе (глава 8) понятия субъекта и личности четко дифференцированы. Субъект выступает носителем всех психических способностей и ресурсов, исполнительным звеном достижения целей, решения задач, реализации смыслов, ценностей, направленности личности (как содержательной характеристики человека). Ведущее понятие здесь «субъект», конкретизирующие понятия — «соотношения субъекта и личности», «структура и функции субъекта личности», «непрерывность уровня развития субъектности», «процессуальная зрелость», «субъект развития, деятельности, жизни». В субъектно-аналитическом подходе (глава 7) субъект есть стадия развития личности, развитие которой определяет уровни и типы понимания человеком бытия (ведущее понятие — «понимание субъектом реальностей мира», конкретизирующие понятия — «типы и способы понимания»). В культурно-аналитическом подходе (глава 4) субъект выступает как активный участник и творец культурной реальности (ведущее понятие — культурная реальность, конкретизирующие понятия — «ментальность», «личность», «индивидуальность», «неадаптивное поведение», «социализация», «индивидуация», «интеллегенция»). В дискурсивном подходе (глава 19) это субъекты коммуникации с их индивидуальными и групповыми характеристиками (ведущее понятие — «дискурс», конкретизирующие понятия — «вербальная коммуникация», «субъект-субъектность коммуникации», «системная организация», «дискурсивные способности» и «дискурсивная компетентность»). В экопсихологическом подходе (глава 16) субъектность рассматривается в системе «индивид—среда», где субъектность индивида и квазисубъектность среды трансформируются в метасубъектность этой системы (ведущее понятие — «субъект», конкретизирующие понятия — система «индивид—среда», «целостный метасубъект», «универсальная типология развития субъектности»).

Таким образом, ведущее понятие субъекта наполняется различным содержанием и степенью разработанности в разных подходах, попытками связать в единый континуум биологическое, психологическое и социальное до культурного анализа. Столь разное понимание субъекта анализировалось нами в сборнике работ «Субъектный подход в психологии» (2009), показавших различное его понимание. Такое состояние в понимании субъекта объясняется сложностью его организации, с одной стороны, а с другой — отражает процесс развития и разработки данного понятия. Это положение вполне соответствует и динамике понятия личности, которая трактуется либо как совокупность устойчивых черт, либо как содержательная характеристика, находящаяся в непрерывном изменении. Только сопоставление ведущего понятия с конкретизирующими позволяет дифференцировать понятие субъекта и подходы к его анализу, обнаружить разные оптики его изучения. Однако представляется, что такое различное видение порождает напряжения в теоретических поисках и становится источником его дальнейшей разработки.

Вводная глава

Более слабой, но необходимой характеристикой, важной для сравнения, можно считать ведущие методы в разных подходах. Так, можно выделить подходы, в которых доминируют интерпретационные методы с их преимущественной реализацией в форме либо генетического, либо структурного анализа. Интерпретационные методы (генетический) характерны для историко-эволюционного, историко-генетического, энергоинформационного и комплексного подходов, сетевого, системно-субъектного, биопсихосоциального, системно-генетического. Интерпретационные методы (преимущественно структурный) можно выделить в метасистемном, системном подходе в прикладной психологии, интегративном подходе. Комбинация интерпретационных структурного и генетического методов наблюдается в культурно-аналитическом, субъектно-деятельностном субъектно-аналитическом, коммуникативно-интегративном подходах. Преимущественно экспериментальные методы как ведущие характерны для теории деятельности А. Н. Леонтьева, культурно-исторической психологии, комплексного подхода Б. Г. Ананьева, ресурсного подхода. Но так или иначе при выделении эмпирических методов как ведущих они сочетаются с интерпретационными, что необходимо для формирования того или иного подхода. Отдельно выделяются междисциплинарный подход с доминированием организационных методов, необходимых для планирования исследований, и методов математико-статистической обработки для наукометрического подхода. Сочетание организационных и экспериментальных методов в большей степени отмечается в экопсихологическом подходе.

Сравнительный анализ ведущих методов, используемых в разных подходах, показал, что, несмотря на условность выделения ведущих методов, они дают представление о направленности методических поисков и указывают на слабую возможность их объединения либо дифференциации.

Следовательно, проведенный нами анализ в большой степени обнаружил взаимосвязи и пересечения при выделении ведущих, конкретизирующих понятий и методологических принципов.

Авторы не ставили перед собой задачу интеграции психологических подходов, а пытались наметить пути их взаимопроникновения, сравнения специфики «оптики» и уникальности вклада в общую психологическую науку. Развитие психологической науки в рамках проведенного здесь анализа указывает на развитие науки «в куст», т. е. на создание ландшафта психологии через многообразие при взаимопроникновении разных подходов, различия которых создают единое пространство нашей науки. Единство в разнообразии и, как мы стремились показать, пересечения и взаимовлияния означают эволюцию психологического знания, создающую точки роста, напряжения позиций, поиск и стремление к консенсусу, взаимопониманию, взаимоуважению, необходимых для науки, ее сохранения и прогресса.

Раздел I

ОБЩЕПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Глава 1

Историко-эволюционная оптика познания *Ното complexus*: приглашение к диалогу

Односторонность есть пагуба мысли.

А. С. Пушкин

При некотором знакомстве с методологией наук наука начинает представляться не в виде мертвого, законченного и неподвижного целого... а в виде живой, постоянно развивающейся и идущей вперед системы.

Л. С. Выготский

Оптики познания

Когда говорят о методологии науки, то в разные периоды интеллектуальной истории, как правило, имеют в виду различные оптики познания, конкурирующие или дополняющие друг друга: парадигмы (Т. Кун), исследовательские программы (И. Лакатос, П. Гайденко), научные школы (М. Ярошевский), эпистемологические и онтологические повороты и др. (см. об этом, например: Асмолов, 2002; Гусельцева, 2007б; Прохорова, 2009; Сорокина, 2021; Asmolov, Gusevtseva, 2019; и др.). Ценность любой из этих оптик определяется прежде всего их чувствительностью к постановке проблем, а действенность — использованием «интеллектуальных инструментов» (Верч, 1996), отвечающих природе онтологической реальности.

Вынесенное в эпиграф высказывание Льва Выготского о методологии науки как открытой развивающейся системе относится к 1926 г., оно содержится в работе «Исторический смысл психологического кризиса», программном исследовании поворотов научного познания, вызывающем дискуссии по сей день. Этот труд наметил не только перспективы психологии как общей науки, но и открыл возможности ее прописки в пестрой семье антропологических наук.

Идеи Выготского о полипарадигмальности принципов междисциплинарного познания являются предметом критической рефлексии не одного поколения ученых (П. Г. Щедровицкий, Э. Г. Юдин, М. Г. Ярошевский, В. П. Зинченко, А. В. Брушлинский, М. С. Гусельцева, Дж. Верч, А. А. Пузырей, Ф. Е. Василюк,

А. А. Леонтьев, Т. В. Корнилова, С. Д. Смирнов, А. В. Юревич, Т. Д. Марцинковская, Е. А. Сергиенко, Б. Д. Эльконин, М. Коул, А. Козулин, Д. В. Ушаков и др.). Поэтому при обосновании необходимости диалога между исследователями, использующими разные подходы к пониманию сложности природы человека, мы постараемся не оказаться в незавидной роли «пограничников» науки и выйти за рамки познавательного эгоцентризма.

Прежде всего акцентируем внимание на идее Выготского о ценности полидисциплинарного познания: «Единой основной методологии... нет, а на самом деле есть система... методологических принципов, порой исключаящих друг друга, и у каждой теории — есть своя методологическая ценность...» (Выготский, 1982, с. 331). Более того: «Они сосуществуют, и в этом весь их смысл и методологическая природа» (там же, с. 372). В последующем сосуществование разных подходов к пониманию человека как незавершаемого проекта эволюции будет признано одной из важных черт познавательной ситуации, свидетельствующей о конструктивной роли противоречий и парадоксов научного познания (Смирнов, 2005; Фаликман, 2019). Действительно, развитие познания «не только в ствол, но и в куст» является, по-видимому, универсальной особенностью науки XXI в. Оно характеризует и психологию, и биологию, и физику (см., например: Асмолов, 2012).

Для Л. С. Выготского закономерность методологического разнообразия во многом определяется тем, что «теоретические предпосылки в очень замаскированной форме и незаметно для самого исследователя вполне предопределяют весь способ обработки эмпирических данных, истолкование получаемых при наблюдении фактов в соответствии с теорией, которой придерживается тот или иной автор» (Выготский, 1982, с. 342). Такая позиция Л. С. Выготского, подчеркивающая зависимость методологии познания от установок личности наблюдателя, по духу близка к конструктивизму (Бергер, Лукман, 1995; Улановский, 2009; Цоколов, 2000; и др.). И спустя несколько десятилетий после первой публикации труда Л. С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса» Кэннет Герген — один из наиболее ярких представителей социального конструктивизма — напишет: «Совместное знание о реальности может быть достигнуто только при отказе от моновидения, поскольку ни Я, ни кто-то Другой не могут являться „центром вселенной“, а представляют собой разные аспекты существования» (Герген, 2016). В этом смысле, как мы неоднократно пытались доказать, *методология конструирует онтологию* (см., например: Асмолов, 2019).

Вместе с тем разнообразие исследовательских подходов к познанию предопределено не только эпистемологически, но и онтологически, поскольку реальность — в силу ее многогранности и противоречивости — действительно можно описать, только используя разные методологии.

Тот факт, что разные способы наблюдения могут давать разные и одновременно несовместимые результаты, был наиболее рельефно выделен как проблема познания в квантовой физике¹. Разрешение этой проблемы потребовало новых

¹ Речь идет о том, что можно измерить импульс частицы, но одновременно с этим нельзя установить ее точные координаты. И наоборот: чем точнее измерены координаты частицы, тем больше неопределенность ее импульса.

логико-методологических подходов, одним из которых стал принцип дополненности, сформулированный Нильсом Бором. Согласно этому принципу, для полного описания квантовомеханических явлений необходимо применять два одновременно несовместимых, но дополнительных набора понятий, совокупность которых и дает исчерпывающую информацию о «картине» в целом.

Другим краеугольным положением квантовой механики стало соотношение неопределенностей Вернера Гейзенберга¹, согласно которому чем меньше неопределенность нашего знания в отношении одной дополнительной переменной, тем более неопределенной становится другая соответствующая переменная. Принцип неопределенности носит фундаментальный характер, и уйти от накладываемых им ограничений невозможно: *объект не может предъявлять свои дополнительные характеристики сразу, поскольку они проявляются при взаимоисключающих условиях*. По словам В. Гейзенберга, «обе картины дополняют друг друга. Если использовать обе картины, переходя от одной к другой и обратно, то в конце концов получится правильное представление о примечательном виде реальности, который открывается в наших экспериментах с атомами» (Гейзенберг, 1963, с. 29).

С момента своего зарождения идея дополненности рассматривалась ее автором как выходящая за рамки собственно физического познания. Нильс Бор приходит к выводу, что в атомной физике мы получили урок, который касается и тех проблем, которые лежат далеко за ее пределами. Одной из областей применения принципа дополненности, по его мнению, может стать проблема согласования той части действительности, которая берет начало в сознании, с другой ее частью, описываемой в физике и химии (Бор, 1961)².

На необходимость обращения психологов к принципу дополненности также обратил особое внимание И. М. Фейгенберг. Анализируя разные результаты при разных способах наблюдения за определенным психическим феноменом, он признает, что «для воспроизведения целостности объекта необходимо применять взаимоисключающие, „дополнительные“ классы понятий, каждый из которых применим в своих особых условиях» (Фейгенберг, 1986, с. 53). И поскольку выбор методологической оптики осуществляется исследователем, который всегда фокусирует внимание на определенной стороне реальности и тем самым конструирует исследуемый феномен, «наблюдаемое явление и наблюдатель составляют единый неразрывный комплекс» (там же). Сопряжение вза-

1 Принцип неопределенности В. Гейзенберга свидетельствует о принципиальной невозможности одновременно измерить и определенное положение, и определенную скорость микрочастицы. Этот принцип не только декларирует неопределенность, но и позволяет определить ее минимальную величину по формуле $\Delta x \cdot \Delta v > h/m$, где Δx – неопределенность наших знаний о пространственной координате микрочастицы, Δv – неопределенность скорости частицы, m – масса частицы, а h – постоянная Планка. Таким образом, природа имеет предел точности, накладывающий свои ограничения на точность определения дополнительных друг другу характеристик (Грин, 2009).

2 Впоследствии психологи неоднократно обращали внимание на эвристичность и вместе с тем опасность расширительного толкования принципа дополненности в познании (Брунер, 2001; Лефевр 1967).

имодельствующих сущностей и закономерность неопределенности результата их коммуникаций подчеркивается и при анализе природы социальных систем (см., например: Ивахненко, 2015; Латур, 2014).

С учетом описанной выше специфики ландшафта познания, обусловленной вызовами неопределенности и разнообразия (Асмолов, 2015), вновь обратимся к воззрениям Л. С. Выготского. Говоря о необходимости критического согласования разрозненных областей науки, он предостерегал от вульгарной методологической эклектики. И одна из опасностей такого рода, по его мнению, состоит в «сведении воедино чужого вопроса с чужим ответом... при прямом перенесении законов, фактов, теорий, идей из одной школы в другую, которое напоминает аннексию чужой территории...» (Выготский, 1982, с. 326, 329). Риск подобного «незаконного захвата» психологии, по мнению Л. С. Выготского, предзадан зыбким положением ее пространства, искушающего «варягов», между граничащими с ней дисциплинами — биологией и социологией.

Показательной иллюстрацией «сведения всего разнородного состава научной системы в одну... сплошную однородную поверхность» (Выготский, 1982, с. 334) является позиция, согласно которой все формы психического (в том числе и сознание) *тождественны* определенным мозговым процессам. Такой подход приводит Френсиса Крика к следующему радикальному выводу: «Если бы нам удалось узнать все свойства нейронов плюс взаимодействия между ними, то мы смогли бы объяснить, что такое дух» (цит. по: Цоколов, 2000, с. 286). Но мозг и психика — это разные уровни усложняющейся жизни, в эволюции которой каждый новый уровень сложности, не отменяя законов предыдущего, добавляет новые законы, которые становятся для него определяющими (см. подробнее: Асмолов и др., 2014, 2016, 2018).

Стало общим местом представление о том, что мозг и психика взаимозависимы. И это настолько очевидно, что, казалось бы, не требует расширенной аргументации: мозг — часть тела, а там, где нет тела, нет и психики. Однако до сих пор предметом самых оживленных дискуссий является вопрос о существовании изоморфизма между нейрофизиологическими и психическими процессами. Одним из аргументов в пользу того, что подобного тождества не существует, стал цикл эмпирических психофизиологических исследований когнитивных процессов, проведенных Е. Н. Соколовым и его учениками в рамках концептуальной схемы «человек–нейрон–модель» (Соколов, 2003). Завершающим этапом каждого такого исследования является синтез эмпирических данных психологии и нейрофизиологии в модели. Созданная «a posteriori» геометрическая модель субъективного различения стимулов представляет собой сферическое пространство, в котором декартовы координаты каждого стимула соответствуют нейрональным механизмам, а сферические — его психологическим характеристикам (Измайлов, 1980; Izmailov, Sokolov, 1991). Эта модель приложима к самым разным феноменам — от восприятия до памяти и семантики (Соколов, 2010). Таким образом, в цикле исследований Е. Н. Соколова и его учеников продемонстрирована не только взаимосвязанность психических и нейрональных процессов, но и одновременно их несводимость друг к другу. Иначе говоря, согласно этим данным, тождества между нейрональными и психическими про-

цессами не существует. И сама идея тождества мозга и психики, которое упорно постулируется рядом авторов (см., например: Фолльмер, 2012), вытекает именно из познавательного эгоцентризма методологии науки, о последствиях которого предостерегал Л. С. Выготский.

Еще одним страстным проповедником ценности разнообразия методологических оптик является выдающийся культуролог и семиотик Ю. М. Лотман. Он отстаивает следующее: «Никакое мыслящее устройство не может быть одноструктурным и одноязычным: оно обязательно должно включать в себя разноразличные и взаимонепереводимые семиотические образования. <...> На всех уровнях мыслящего механизма — от двуполушарной структуры человеческого мозга до культуры на любом из ее уровней организации — мы можем обнаружить биполярность как минимальную структуру семиотической организации» (Лотман, 2010, с. 38–39). И сохранение различий между подходами к познанию является вовсе не дефектом, а условием развития науки, поскольку приграничная *«неоднородность... образует резервы динамических процессов и является одним из механизмов выработки новой информации»* (там же, с. 93; курсив наш. — А. А., Е. Ш., А. Ч.).

Объективная невозможность каждой отдельно взятой исследовательской программы охватить предмет познания в целом приводит нас к необходимости диалога как методологического принципа познания сложных систем. При этом речь идет не о коммуникациях между методологиями как таковыми, а о диалоге между их носителями — членами научного сообщества (Корнилова, Смирнов, 2011).

На наш взгляд, отсутствие подобного диалога в истории отечественной науки не раз порождало «эффект вавилонской башни», когда нежелание найти общий язык приводило не только к невозможности конструктивной интеграции с другими науками, но и к дефициту взаимопонимания различных научных школ и исследовательских программ в рамках самой психологии. В качестве примера таких упущенных возможностей упомянем слабость коммуникаций между ведущими школами классиков отечественной психологии — школами Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, Д. Н. Узнадзе, Б. Г. Ананьева и В. Н. Мясищева.

Именно поэтому один из авторов этой работы поставил перед собой задачу наведения мостов между обозначенными выше магистральными направлениями психологической мысли. В контексте данной статьи упомянем лишь некоторые из них: мост между школами психологии деятельности и психологии установки (Асмолов, 1979); мост между культурно-исторической психологией и человекознанием (Асмолов, 2007), а также в перспективе выстраивание моста между системно-деятельностным и системно-субъектным подходами в методологии отечественной психологии.

Напомним, что системно-деятельностный подход в психологии, обоснованный в 1985 г. (Асмолов, 1985), появился на фоне горячей дискуссии, развернувшейся в 1980-е годы между ведущими представителями трех различных методологических оптик: школы С. Л. Рубинштейна, деятельностного подхода А. Н. Леонтьева и системного подхода к психологии, разрабатываемого Б. Ф. Ломовым и его последователями.

Исходный замысел системно-деятельностного подхода и состоял в устранении оппозиции между системным и деятельностным подходами в отечественной психологии с опорой на фундаментальное исследование Э. Г. Юдина «Системный подход и принцип деятельности» (Юдин, 1978). При этом подчеркивалось, что как системно-деятельностный, так и историко-эволюционный подход основываются на предложенной Э. Г. Юдиным эвристичной схеме разных уровней методологии науки: философского, общенаучного, конкретно-научного, а также уровня методики и техники исследования. Выделение этих уровней анализа методологии науки позволяет увидеть картину развития человека в самых разных масштабах — от макроэволюции природы до динамики принятия решений человеком в той или иной жизненной ситуации. Предложенная Э. Г. Юдиным схема дает право отнести системный подход к общенаучному, а деятельностный — к конкретно-научному уровню анализа. И это, в свою очередь, позволяет снять противопоставление между этими научными школами, поскольку деятельностный подход исходно немыслим без системного. Данное утверждение приложимо как к школе С. Л. Рубинштейна, так и к школе Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева и А. Р. Лурии.

Без системно-деятельностного подхода было бы невозможно создание историко-эволюционной методологии развития сложных систем, а также разработка представлений о культурно-исторической психологии как науки о «конструировании миров» (Асмолов, 1996а). Это направление исследований в связи с общностью методологических оснований открыто для диалога с системно-субъектным подходом, активно развиваемым последователями классика отечественной и мировой психологии С. Л. Рубинштейна (К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анциферова и А. В. Брушлинский). В последние годы наиболее емко исследовательская программа системно-субъектного подхода разрабатывается Е. А. Сергиенко (см., например: Сергиенко, 2011).

Задача конструктивных диалогов исследователей — выведение науки за пределы определенной отрасли знания и выявление того нового, чего нет ни в одной из частных дисциплин. Но успешность коммуникативного процесса зависит не только от принятия идеи толерантности как нормы поддержки разнообразия в эволюции сложных систем, но и от толерантности как нормы коммуникации представителей различных наук о человеке в природе и обществе (Асмолов, 2002).

Историко-эволюционный подход к познанию человека: проблемное поле, предпосылки и перспективы

По гамбургскому счету, импульсом к разработке историко-эволюционного подхода послужила метафора, брошенная известным психологом Л. М. Веккером в ходе личного обсуждения проблемы взаимоотношения физического, биологического, социального и психического в эволюции природы и общества. Л. М. Веккер с присущей ему полемичностью обратился к одному из авторов этой статьи с риторическим вопросом: «Скажите, разве можно считать, что самолет, взлетающий в воздух, отменяет законы земного притяжения?». Этот во-

прос обозначил ограниченность бытующего в разных концепциях психологии развития, в том числе и в культурно-исторической психологии, резкого противопоставления биологического и социального, а также низших и высших психических функций.

Преодоление разрыва между естественно-научным и гуманитарным путями познания психического, которые часто пролегают независимо друг от друга, и стало смыслообразующим мотивом для разработки историко-эволюционного подхода к познанию Homo complexus.

Методологическая оптика этого подхода позволяет высветить следующие проблемные поля:

- Постановка и дальнейшая разработка парадоксального вопроса о необходимости порождения психического, т. е. вопроса о том, для чего и в каких условиях возникает психика (А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин).
- Расширение перспектив исследований роли жизни, разных потоков целенаправленной активности в порождении и становлении психического (А. Н. Леонтьев, Н. А. Бернштейн).
- Обоснование важности смещения внимания от исследований анализа эволюции психики к исследованию психики как двигателя эволюции (Асмолов, 2013).
- Обоснование ценностного императива исследований эволюционного смысла психической уникальности каждого субъекта в конструировании жизни при ее восхождении к сложности и разнообразию (Асмолов, 1996а, 2015).

Методологическими основаниями для решения загадки неповторимости каждой личности могут стать принципы эволюционной эпистемологии. И в первую очередь принцип, согласно которому, восхождение к разнообразию является одной из стратегий жизни¹. Это позволит глубже осознать, что человеческая уникальность является следствием усиления значения данной линии эволюции. Поэтому одна из задач историко-эволюционного синтеза и состоит в поиске, образно говоря, «воронки Шеррингтона», т. е. области переплетения линий биогенеза, антропосоциогенеза и персоногенеза, каждая из которых вносит свой весомый вклад в становление уникальности личности (Асмолов, 1986).

Одной из ключевых для предлагаемого подхода является гипотеза, согласно которой *понимание феномена человека следует искать не в нем самом как некотором автономном объекте, а в тесной связи с порождающими его физическими, биологическими, ментальными и социальными системами, а также в коммуникациях этих систем*. Таким образом, историко-эволюционный анализ трансдисциплинарен по определению, поскольку стремится соединить в развивающееся целое физическое, биологическое, психическое и социальное, не отождествляя эти сущности и в то же время не рассматривая их как взаимоисключающие реальности. Предельно лаконично этот замысел формулируется следующим образом: *осмысление закономерностей существования и развития «подвижного в подвижном»* (см., например: Асмолов, 2007).

1 Термин «стратегия» означает здесь самопроизвольную направленность жизни в сторону всё большей приспособленности к среде обитания (Гробстайн, 1968).

Намеченная цель не может быть достигнута посредством аддитивной стратегии познания, связанной с риском «фасеточности» психологической теории, когда существует множество не связанных между собой моделей процессов, свойств и состояний, но отсутствует целостное видение психики человека (Ушаков, 2020). Продуктивный подход требует особой модальной логики (логики возможностей) *совместности и совместимости эволюции* систем разной категориальной принадлежности, а также выделения исходных принципов этого нелинейного процесса. Поэтому историко-эволюционная оптика берет на вооружение гипотетико-дедуктивный метод – такой же полноправный способ познания, как и эмпирическое исследование (Поппер, 1983).

Интеллектуальной грибницей историко-эволюционного подхода к познанию Номо complexus является эволюционная эпистемология (см.: Эволюционная эпистемология. Антология), конструктивизм (Ж. Пиаже, П. Ватцлавик), философия нестабильности (И. Пригожин) эволюционная биология и эволюционная психология (А. Н. Северцов, В. А. Вагнер), биология активности (Н. А. Бернштейн), культурно-деятельностная психология (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин, Д. Б. Эльконин) а также концепция карнавальной смеховой культуры (М. М. Бахтин) и семиотическая концепция культуры (Ю. М. Лотман). Каркасом же историко-эволюционного подхода является теория систем и законы эволюции. Выделим лишь некоторые положения этих областей науки, особенно важные для понимания сущности историко-эволюционного подхода.

Начнем с теории систем. Напомним, что, согласно общепринятому определению, системой принято называть интегрированное целое, чье качество не свойственно ни одной из его частей, а порождается их *упорядоченным* взаимодействием¹. Образно говоря, если свойства единиц системы сообщают о том, «из чего это сделано», то характер их взаимодействий отвечает на вопрос «как это сделано». Поскольку из одних и тех же элементов могут формироваться самые разные конструкции, именно упорядоченные связи порождают нередуцируемую целостность системы и то новое качество, которым не обладает ни одна из ее составляющих. Критерий, подчеркивающий примат упорядоченных связей над свойствами отдельных компонентов системы, универсален. Ему отвечают физические системы (Хакен, 1980), организмы (Заварзин, 2003), психические процессы (Вертгеймер, 1987) и социумы (Луман, 2007).

Важным этапом в развитии системного подхода стали представления о системообразующей целенаправленной активности. Их концентрированным выражением стали такие понятия, как «двигательная задача» в теории построения движений Н. А. Бернштейна (Бернштейн, 1947) и «опережающее отражение» в теории функциональных систем П. К. Анохина (Анохин, 1975). По словам Ю. М. Александрова, последователя П. К. Анохина и В. Б. Швыркова, «важнейшим событием в развитии ТФС стало определение *системообразующего фактора*, под которым понимается *результат системы* – полезный приспособитель-

¹ Такое определение системы, применимое к структурам любой категории, появилось практически одновременно в начале XX в. в работах российского философа и экономиста А. А. Богданова и американского философа и биохимика Л. Дж. Хендерсона.

ный эффект в соотношении „организм—среда“, достигаемый при реализации системы» (Александров, 2022, с. 293). Поэтому отдельные компоненты системы «не взаимодействуют а *взаимосодествуют*, т. е. координируют свою активность, свои степени свободы для получения конкретного результата» (там же, с. 294).

Действительно, согласно принципу адаптивного компромисса, оптимизация любой системы возможна только при достижении согласования между порой противоречивыми требованиями оптимизации ее различных параметров (Расницын, 1987). Иначе говоря, *единица не может стать частью системы и быть полностью свободной от ее предписаний*¹.

Другое, не менее значимое условие системности акцентирует классик методологии познания Грегори Бейтсон: целостности создаются совокупностью только дифференцированных частей, поскольку взаимодействия между ними инициируются различием (Бейтсон, 2007). Если приоритет взаимодействий перед свойствами отдельных элементов целостности общепризнан, то *универсальное значение их различий для объединения в систему — факт, еще только требующий своего объяснения. Понимание глубинной связи жизнеспособности системы со степенью и, главное, качеством вариативности ее членов является насущной задачей не только собственно научных исследований, но и проектирования различных практик, особенно культурных практик поддержки и элиминирования разнообразия* (Асмолов, Сорокина, 2019).

Системным мышлением, как правило, называют рефлексию исследуемого феномена в контексте более обширного целого. Представление о мире как об упорядоченной иерархии, состоящей из подсистем разной природы, где основные границы пролегают между неорганическим, органическим и психическим уровнями, обосновывалось, в частности, такими мыслителями как П. Тейяр де Шарден и В. И. Вернадский. В основе парадоксального сочетания единства и неповторимого своеобразия каждой из этих базовых категорий лежит следующий принцип: восхождение на каждую следующую ступень развития добавляет новые законы, которые определяют специфическое качество новой формы существования, не отменяя закономерностей предыдущего уровня (Шредингер, 1947; Kretchmar, Latash, 2022; Merleau-Ponty, 1963). Поэтому утверждение Карла Поппера (2008) о том, что в ходе эволюции нарастает сложность системного паттерна организации, имеет глубинное обоснование². Однако *вопрос о сущности*

1 Сам факт обязательности координирования деятельности «разноликх» единиц системы универсален. Конкретные же механизмы такого согласования зависят от уровня живой системы: в организме они одни, а в социуме — совсем другие. Так, за координацию активностей отдельных клеток многоклеточного организма отвечает специализированные гены, препятствующие переходу этих клеток к независимому существованию (Клаг, Каммингс, 2009). В человеческом социуме роль, аналогичную роли генетических регуляторов, могут выполнять право, мораль и этика, регламентирующие поведение людей с помощью системы предписаний, которые каждая личность признает нравственными ценностями (Шрейдер, 1994).

2 Идеи восхождения к сложности пронизывают исследования в области эволюционной биологии (Марков, 2010), социологии (Асмолов Г. А., Асмолов А. Г., 2019; Латур, 2014; Луман, 2007), философии (Ивахненко, 2013; Князева, 2015а), психологии (Поддяков, 2018), а также других областей, в которых обсуждается феноменология

ной характеристике сложных систем остается предметом различных дискуссий (Асмолов и др., 2022).

Взгляд на мироустройство как на иерархию сопряженных «фоновых» и «ведущих» систем вплотную подводит к проблеме выделения вектора их анализа (см., например: Бернштейн, 1947). Если исследуется определенная система, то необходимо учесть, во-первых, в какую систему она вписывается, и, во-вторых, каковы системы более высокого порядка. Согласно этому требованию любая однонаправленная логика, взятая в отдельности (как «снизу-вверх», так и «сверху-вниз») оказывается исходно ограниченной (Заварзин, 2003)¹. Неполнота одностороннего анализа многослойного системного аппарата обнаруживается, в частности, при обсуждении такой значимой для психологии проблемы, как проблема отношений «индивид—общество». Ее суть состоит в следующем: «Хотя существует определенное представление о том, что есть индивид и личность, и о том, что есть общество, эти представления никогда не соединяются в одно целое, хотя ясно, что они неразрывны» (Элиас, 2001, с. 110)².

Преодоление этого разрыва историко-эволюционная методология видит в рассмотрении эволюционных трансформаций особей в контексте эволюции их объединений, и наоборот. Иначе говоря, *необходимо понимание взаимной обусловленности процессов конструирования разных системных уровней.*

Взгляд не только «снизу», но и «сверху» позволяет еще раз, но в ином ракурсе оценить ведущее значение психики в общем эволюционном процессе. Поэтому классические подходы, ставящие проблему развития психики в ходе эволюции, должны быть дополнены исследованиями, акцентирующими внимание на иной проблеме — развития психики как драйвера эволюции. Именно такая постановка вопроса позволит понять *не только, почему порождается психика, но и зачем, для чего она возникает* (Бернштейн, 1947). Важным звеном такого анализа может стать *рассмотрение роли эволюционной смены приоритетов: физическое разнообразие индивидов, которое достигает максимума с появлением полового размножения, дополняется их психической неповторимостью, которая постепенно становится движущей силой эволюции.*

и методология таких сфер познания, как жизнь, разум, сознание, личность и Вселенная (Талбот, 2016).

- 1 В психологии игнорирование этого требования приводит к следующему: 1) физиологизации психологии, когда достаточная причина каждой психической функции усматривается исключительно в мозговых процессах; 2) «социологическому» редукционизму, который сводит всю специфику психики к чисто социальным закономерностям. Хотя эти формы противоположны, они приводят практически к одному и тому же результату — к упрощенному представлению, основанному на модели работа в человеческом поведении (Блауберг, 1973).
- 2 В биологии с аналогичной ситуацией сталкиваются при решении следующего вопроса: что является объектом эволюции — индивиды или их объединения? Хорошо известны две классические, но противоположные точки зрения. Согласно одной (организмоцентрической), первостепенное значение имеют изменения индивидов. В соответствии с другой, напротив, наименьшей (элементарной) эволюционной единицей считается популяция, т. е. совокупность особей одного вида, объединенных местом обитания и свободным скрещиванием.

И еще одна фундаментальная проблема, в решение которой вклад историко-эволюционного подхода может быть существенным, сформулирована Ю. М. Лотманом: *каким образом система, оставаясь самой собой, может измениться?* (Лотман, 1992). Парадокс сосуществования устойчивости¹ и способности к преобразованию кроется в том, что эти формы приспособления во многом противоположны: первая опирается на прошлый опыт, а вторая нацелена на выходящее за рамки устоявшихся шаблонов непредсказуемое будущее. Но при этом обе формы приспособления — адаптация и преадаптация — одновременно присутствуют в настоящем (Асмолов и др., 2021).

При решении проблемы сосуществования адаптации и преадаптации историко-эволюционный подход акцентирует внимание на следующем: *в любой эволюционирующей системе присутствуют избыточные неспециализированные элементы, пластичная организация которых позволяет им в будущем приобретать специализацию, отвечающую новым условиям существования, и трансформировать систему в целом* (Пучковский, 1996). Таким образом, избыточность, или, как сказал философ К. Леонтьев, «цветущая сложность», и делает допустимым сочетание уже «апробированных» возможностей системы и преадаптивного потенциала ее развития.

Следует подчеркнуть, что ни траектория эволюционного развития системы, ни новая форма, которую она может обрести в результате, исходно не определены. В процессе последовательных трансформаций каждое новое состояние системы непредсказуемо, так как удаленность от равновесия характеризуется нелинейными эффектами и чувствительностью к небольшим изменениям начальных условий (Пригожин, 1991). И эта *принципиальная «нефинальность»* сложных развивающихся систем чрезвычайно важна, поскольку обеспечивает их ориентацию на будущее, которое невозможно предугадать (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2022). Радикальное преобразование сложной системы становится необходимостью тогда, когда возникают проблемы, не поддающиеся решению в рамках уже достигнутого. Особенно ярко эта особенность развивающихся сложных систем передана известным философом и социологом Никласом Луманом: «Системы способны к эволюции, если способны разрешать неразрешимое» (Луман, 2007, с. 18). Поэтому *историко-эволюционная оптика нацелена на поиск глубинных связей между феноменами вариативности, неопределенности, избыточности и потенциальной готовности систем к преобразованию в ответ на вызовы, несовместимые с прошлым опытом.*

Согласно модели эволюции, разработанной А. Н. Северцовым, эволюционное развитие неравномерно: вслед за идиоадаптациями, т. е. градуальными изменениями признаков системы, следуют ароморфозы — скачкообразные системные трансформации, подобные фазовым переходам физической материи в качественно иное состояние (Северцов, 1967). Позже идеи А. Н. Северцова на-

1 Устойчивость можно определить как способность системы при небольших нарушениях сохранять свои существенные параметры. В отличие от физических систем, которые спонтанно стремятся к равновесию, поддержание устойчивого неравновесия живых систем требует постоянной активности (Бауэр, 1935). Очень точно это передает афоризм Л. Кэрролла: «Чтобы стоять на месте, надо быстро бежать».

шли отражение в теории прерывистого развития Н. Элдриджа и С. Гулда, согласно которой большая часть радикальных эволюционных изменений происходит за небольшие промежутки времени по сравнению с более длительными периодами относительной эволюционной стабильности (Eldredge, Gould, 1972).

Триггерами кардинальной смены системной формации являются кризисы, закономерности которых не только соответствуют широкому кругу сложных систем (в том числе и человеческих социумов), но и независимы от провоцировавшей их причины (Анатомия кризисов, 1999). Приведем некоторые обобщения, сделанные при анализе эволюционных кризисов по палеонтологическим данным (Жерихин, Раутиан, 1999).

1. Любой острый кризис начинается с предкризиса, симптомом которого является ставка на поддержание привычных норм в ущерб обновлению.
2. Разрушение прежней организации системы не является пассивным: его ход и последствия (даже при внешнем воздействии) зависят от того, как бы это парадоксально ни звучало, насколько система сама внутренне «готова разрушиться». Более того, распад не происходит как «чистое» разрушение (в стиле В. Маяковского: «Я над всем, что сделано, ставлю „нигель“»), а всегда включает также формирование новых, поначалу *как бы ненужных* структур внутри разрушающейся системы. Но именно это излишество и является ресурсом ее преобразования.

Заканчивая краткий экскурс в историко-эволюционную методологию, необходимо подчеркнуть не только ее теоретическое, но и практическое значение. Как говорил А. Н. Леонтьев, психология должна быть не только действительной, но и действенной наукой.

В качестве примера действенности историко-эволюционного подхода обратимся к анализу родословной лидерства, которое является одним из феноменов «жизни сообща».

Родословная лидерства: историко-эволюционный анализ

Одной из сфер теоретического приложения историко-эволюционной методологии является анализ происхождения и трансформаций «жизни сообща», который, в частности, показал, что восхождение к человеческому социуму неразрывно связано с нарастанием ментальной дифференциации взаимодействующих индивидов (Асмолов и др., 2018). При этом ключевая способность, которая отличает людей от приматов, — это социальный интеллект, т. е. способность понимать, что внутренняя жизнь Другого отлична от собственной (Ушаков, 2004). И вместе с тем, как считает М. Томаселло, человеческий образ жизни стал возможным благодаря нашей способности направить общее внимание членов группы на единую коллективную цель (Tomasello, 2008).

В этой связи особый интерес представляет историко-эволюционный анализ истоков и развития феномена лидерства. Прежде всего обратим внимание на *скрытое лидерство*, которое (в отличие от актуального, т. е. уже реализованного первенства) предполагает, что субъект несет в себе нечто, увеличивающее

его шансы на успешную реализацию роли вожака в будущем (Гусельцева, Асмолов, 2020).

Зададимся следующим вопросом: имеет ли строгое обоснование обиходное выражение «*Он рожден быть лидером*», означающее исходную предрасположенность к первенству. В поисках ответа на него используем историко-эволюционный междисциплинарный анализ (Асмолов, 1986), который поможет понять закономерность порождения феномена лидерства и проследить его трансформацию при переходе от простых вертикальных структур к сложным сетевым системам.

Предрасположенность к лидерству или подчинению как проблема

Нередко, попадая в ловушки здравого смысла, утверждают, что человека создают прежде всего условия жизни и воспитания. Иллюстрируя наивность этого тезиса, еще раз уточним, что влияние культуры на развитие личности не монополюсно. Вглядываясь в историю порождения личности, попытаемся пристальнее взглянуть на те природные предпосылки, без которых нельзя постичь эволюцию человека. Порой лидерство и связанное с ним подчинение рассматриваются как явления чисто социологические или социально-психологические, которые приобретают значение только в социогенезе. Однако подобного рода неравенство закономерно присутствует и в биогенезе, поскольку поддерживается одним из основных факторов эволюции – восхождением жизни к неисчерпаемому разнообразию (Алексеев, 1985).

Эволюционное происхождение предрасположенности к лидерству связано с иерархией – самым примитивным и вместе с тем универсальным способом упорядочивания любого множества, состоящего из неидентичных членов. Одно из значений иерархии состоит в том, что, регламентируя конкурентные отношения между индивидами, она снижает уровень агрессивности в обществе. Простейшая иерархия представляет собой линейную пирамиду, на вершине которой лидер, затем следует *n*-е количество уровней соподчинения и, наконец, дно пирамиды. Такой тип организации системы не случаен, а отражает определенную эволюционную стратегию, поскольку характерен для живых существ разных биологических видов, в том числе и людей, в сообществах которых часто устанавливается непроизвольно¹. Поэтому разумно предположить, что *следствием эволюционной значимости строгой иерархической субординации являются исходные предпосылки либо к лидерству, либо к подчинению, складывающиеся в биогенезе.*

Основой таких предпосылок является прежде всего *энергетический потенциал* организма, определяющий способность производить работу. Энергия важна потому, что является сквозной характеристикой, пронизывающей все слои существования индивидуальности, поскольку является необходимым ресурсом любого действия – от физического до ментального. В организмах поставщика-

1 Непроизвольное (т. е. не навязанное кем-либо) формирование иерархий подтверждается фактами их повсеместной самоорганизации: существуют подростковые иерархии, которые могут превращаться в банды или принимать цивилизованную форму, неофициальные иерархии в неволе, вообще почти во всех официально принятых иерархиях есть неформальные лидеры.

ми энергии являются химические реакции, совокупность которых называется обменом веществ, или метаболизмом. Все его показатели — и интенсивность обмена, и соотношение процессов расходования и потребления энергии — *индивидуальны и генетически опосредованы*. Подтверждением тому служит следующий факт: основной обмен (т. е. обмен веществ и теплоотдачи без проведения какой-либо работы) *разный* у разных здоровых испытуемых одинакового телосложения, возраста и веса. В репрезентативной выборке максимум почти вдвое превышает минимум (Фокин, Пономарева, 2003).

Активнее, чем другие системы, в поддержании индивидуального энергетического баланса задействован мозг: этот орган при массе всего 2% от массы тела взрослого человека, потребляет 20% его энергии. Фокусируясь на энергетике, мы умышленно упрощаем вопрос. Конечно, деятельность мозга далеко не определяется его ресурсным обеспечением, но большинство ментальных процессов требуют сопутствующего энергетического обеспечения.

В самом деле, мозг как часть тела имеет ограниченную мощность и в этом отношении вполне удовлетворяет закону гомеостаза, т. е. произвольному стремлению к энергетическому оптимуму. Представление об энергетически «безупречном образце» сформулировано выдающимся канадским нейропсихологом Дональдом Хеббом (Hebb, 1955). Однако *энергетический оптимум — это абстрактный эталон*, а в реальности *энергетическая индивидуальность определяется величиной отклонения от идеала либо в сторону заниженных, либо — завышенных значений*. В первом случае особи любого вида в той или иной степени (в зависимости от величины отклонения) нацелены на сохранение собственного дефицитного энергетического ресурса и потому, как правило, произвольно тяготеют к уже установившимся стандартам. Напротив, особи, конституциональной особенностью которых является избыток энергии, чувствительны к новизне, готовы к действию, в том числе к риску в обстановке неполной и нечеткой информации¹. Такое деление соотносимо с иерархическим ранжированием и дает основание считать, что биологическим показателем предрасположенности к лидерству является повышенная энергоемкость субъекта. Это оправданно усиленной социальной активностью лидера и необходимостью постоянно «подтверждать» свой статус, отстаивая его в реальных или психологических противостояниях.

«Бойцовские» качества требуются лидеру потому, что иерархия не ригидна, а все время находится в состоянии неустойчивого равновесия и поддерживается непрерывным процессом накопления социального опыта в повторных конфронтациях (Панов, 2014). Такой опыт работает либо на упрочение, либо на изменение доминантных отношений, поскольку результат предыдущей схватки влияет на исход последующей. Иначе говоря, каждая победа (или поражение) увеличивают вероятность аналогичного результата в будущем. В этой связи особенно показательным симметричным соревнованием, т. е. противостоянием при исходной идентичности соперников во всех отношениях, за исключением используемой ими стратегии борьбы (Докинз, 2011). Начавшись «на равных», обучение

¹ Предрасположенность к риску в ущерб самосохранению у некоторых индивидов связана не с содержанием деятельности, а с особенностями их энергетики (Петровский, 1992).

проходит в повторных конфронтациях, каждая из которых завершается победой для одного и поражением для другого. Исходное равенство на этом заканчивается, поскольку предыдущий опыт накладывает отпечаток на результат каждой следующей стычки: для победителя возрастает вероятность победы, а для побежденного – вероятность проигрыша. В итоге формируются «хронические победители» и «хронические побежденные» и результат противостояния становится почти полностью предсказуемым. И «хронические победители», и «хронические побежденные» психологически ущербны. Однако их ущербность проявляется по-разному: если у первых акт агрессии в конечном счете перестает быть инструментом в конкурентной борьбе, становится самоцелью, приносящей удовольствие, то у вторых развивается общее угнетение активности и патологически тревожное состояние (Kudryavtseva et al., 2015). Из этого следует, что *рисками чревататы не только постоянные поражения, но и постоянные победы.*

Эволюция лидерства: от линейной иерархии – к сети

Обычно иерархическое устройство связывают с приоритетом деспотизма, поскольку, как правило, организация группы навязывается «сверху» в интересах высокоранговых индивидов. В этой системе координат понятие «низкий ранг» часто является синонимом жизненного неуспеха.

Однако факты свидетельствуют о том, что дело обстоит сложнее. *«Поведенческий оппортунизм, лежащий в основе подчинения, может быть весьма выгодной стратегией, обеспечивающей полное преуспевание низкоранговых индивидов, которые „выигрывают“ в силу покровительства лидера, гарантированного ресурсного обеспечения и других благ. Предполагается, что именно эти особи (а не высокоранговые члены группы) в наибольшей мере способствуют сохранению однажды установившейся субординации»* (Панов, 2014, с. 34). Обобщая этот вывод одного из ведущих специалистов в области этологии Е. Н. Панова, следует подчеркнуть следующее: устойчивость иерархии достигается не только (а часто и не столько) за счет того, кто стоит на «верху горы», но и за счет тех социальных пластов, которые входят в «тело этой горы». Поэтому утверждение: «В том, что происходит, виновен только лидер, а мы здесь не при чем» – неверно, или не совсем верно.

Несмотря на архаичность и тяготение к стагнации, именно *в линейной иерархии*, т. е. вертикальной, субординационной системе, в которой индивиды строго ранжированы и ранги в совокупности образуют пирамиду с единым центром на вершине, *заложены возможности перехода в другое качество – сетевую структуру.* Для того чтобы выделить латентные внутренние резервы системы, являющиеся предпосылками ее прогрессивной трансформации, воспользуемся классификацией А. В. Олескина, биолога и философа, анализирующего взаимоотношения и взаимодействия структур различных типов в биосистемах и человеческом обществе (Олескин, 2013б).

В зависимости от того кто стоит наверху, выделяются два основных типа иерархий.

Агонистическая иерархия (самая примитивная организация), когда в поведении лидера преобладает агрессивное присвоение ресурсов, эксплуатация и ущемление прав подчиненных членов сообщества. Такая организация устро-

Раздел I

ена по правилу «кто сильнее, тот и прав». Существенно, однако, что положение индивида в группе определяется не только (и не столько) его «боееспособностью», но и отношением к нему со стороны остальных членов сообщества. *Взаимодействия «по горизонтали» — между особями близких рангов — часто оказываются даже более важными, чем отношения «по вертикали».*

Гедонистическая иерархия, в которой на вершине пирамиды находится наиболее одаренный харизматический лидер, способный не столько подчинять, сколько мотивировать и вести за собой всю группу. *Гедонистическая иерархия* (как правило, иерархия по интересам) *более изменчива, чем агонистическая, т. е. более склонна к расщеплению и превращению в сетевую структуру.*

Сетевая структура в противоположность иерархической (в любом ее качестве) *имеет низкую степень централизации, когда сосуществует много частных лидеров с ограниченными правами и сферами компетенции.* М. Кастельс определяет социальные сетевые структуры как *децентрализованные комплексы взаимосвязанных узлов с кооперативными связями между ними* (Кастельс, 2000). Как правило, объединяющей силой сетевых структур является общая идея и общее мировоззрение. К термину «сеть» близок по значению термин «гетерархия», который означает, что *элементы в системе имеют возможность приобрести любой ранг или совсем не ранжированы.*

В связи со степенью ранжирования различают: объемные и плоские сети.

Объемные сети характеризуются тем, что среди частичных лидеров выделяется один, который становится «центральный лидером», но только на определенный период времени и в соответствии с определенной целью. Если через некоторое время функция приоритетного лидера мирно передается другим, то сетевое устройство сохраняется. Однако *длительная централизация социальной власти в одном из узлов создает потенциальную угрозу превращения объемной сетевой структуры в иерархию с несменяемым доминантом на вершине.*

Идеально плоская сеть — это горизонтальная структура, не имеющая даже частичных лидеров, поскольку все ее узлы равны по значению. В реально существующих плоских сетях есть много *равнозначных лидеров* с ограниченными правами и сферами компетенции. Важно при этом, что *каждый из участников плоской сети, если не является, то потенциально может стать таким лидером.* Подобная структура полностью лишена характерной для иерархий пирамидальности, поскольку не имеет ни одного стоящего наверху вождя.

Если сравнивать сетевые структуры с жесткими иерархиями, то прежде всего необходимо подчеркнуть следующее. *В сетях строго регламентированные отношения доминирования — подчинения оттесняются на задний план эгалитарными, кооперативными отношениями, а коммуникация между членами сети преобладает над их управляющими воздействиями друг на друга.* Поэтому конкуренция и связанные с ней энергетические издержки отодвигаются на второй план.

В связи с множественностью центров активности возникает вопрос об устойчивости сетевых структур: возможно, в этом отношении они проигрывают вертикальной одноцентричной организации, поскольку влияния даже двух центров могут сталкиваться и ослаблять систему в целом. Однако факты говорят о другом. Именно строго иерархичные системы наиболее уязвимы и часто гибнут

Глава 1

при уничтожении единственного центрального звена. В отличие от них *многоцентричные сетевые системы более жизнеспособны благодаря тому, что их активные центры избыточны и не фиксированы, т. е. способны мигрировать от точки к точке, оставаясь в рамках той же структуры*. Это делает сеть пластичной, т. е. способной отвечать на изменения ситуации, не утрачивая своего единства.

Сохраняя устойчивость, сетевая структура одновременно готова к будущим качественным трансформациям. Одно из воплощений этой готовности состоит в следующем. Сеть, по определению, опирается на принцип расщепленного лидерства. Поскольку каждый лидер индивидуален и живет в своем времени, сетевые структуры не синхронизированы по ритму. Это качество сети обозначается как *гетерохрония*. В гетерохронных системах при решении одной и той же задачи *одни члены отстают от среднесистемного ритма, другие — примерно следуют ему, а третьи опережают этот ритм, «уходя в будущее»*. Образно говоря, в сети всегда присутствуют «лишние люди», некоторые из них характеризуются опережающим темпом развития и являются генераторами, казалось бы, «безумных» идей, воплощение которых может стать делом будущего. В связи с этим еще раз подчеркнем положение о том, что *«преадаптация индивида есть цена за адаптацию вида»* (Асмолов, 2007; Петровский, 1992).

Проведенный анализ приводит еще к одному обобщению. *Не существует непреодолимой пропасти между социальными системами разного уровня сложности, поскольку сохраняется как возможность взаимопереходов плоских и объемных сетевых систем, так и риск их регресса к строго иерархическим, т. е. архаичным, структурам*. Эту эволюционную динамику характеризует сочетание постепенных преобразований социальной системы и социальных ароморфозов, т. е. скачкообразных необратимых переходов системы в качественно иное состояние (Гринин и др., 2008).

В связи с этим встает вопрос о том пороге необратимости, перейдя который, сложная система уже не может повернуть вспять. В заключение отметим, что решение вопроса об антропологических рисках регресса социальных систем является одной из перспектив историко-эволюционного анализа развития цивилизаций.

Глава 2

Теория деятельности А. Н. Леонтьева как методологический подход в психологии

Вместо введения

Деятельностный подход А. Н. Леонтьева называют по-разному – и концепцией деятельности, и теорией деятельности, и культурно-деятельностным подходом (в единстве с культурно-исторической концепцией Л. С. Выготского). В данной статье при использовании этих названий предполагаются лишь стилистические различия (а не методологическая дифференциация терминов «подход», «концепция», «теория»). Все названия равноправны, поскольку этот подход реализует основную идею деятельностного рассмотрения порождения и функционирования психики, а в качестве теории «верхнего» уровня выступил основанием разработки более частных общепсихологических теорий (мышление как деятельность, восприятие как деятельность и т. д.).

О деятельностном подходе¹ написано уже очень много; в первую очередь следует отметить вышедший спустя четыре года после смерти автора общепсихологической теории деятельности сборник «А. Н. Леонтьев и современная психология» (1983), в котором сотрудники ранее руководимого им факультета психологии МГУ определили, что является наиболее важным в его наследии; вышедший к 20-летию памяти А. Н. Леонтьева сборник (Традиции и перспективы..., 1999); совместный труд его сына и внука с историком психологии (Леонтьев А. А. и др., 2005), содержащий максимально полное изложение биографии А. Н. Леонтьева и этапов становления подхода, отталкивающегося от культурно-исторической концепции.

В статье не ставится задача выявления взаимоотношений культурно-исторического подхода Л. С. Выготского и деятельностного подхода А. Н. Леонтьева. В указанном совместном труде выражена следующая позиция: «В разные периоды своего творчества оба автора развивали разные метапсихологические положения, но теперь становится очевидным, что они интегрируются в единую

¹ Сам А. Н. Леонтьев не использовал понятия «деятельностный подход» и, по воспоминаниям В. А. Иванникова, иронично попросил разъяснить ему, что это такое (Иванников, 1999).

целостную систему. Поэтому представляется правильным говорить о единой школе Л. С. Выготского—А. Н. Леонтьева—А. Р. Лурии как школе-направлении в психологии» (Леонтьев А. А. и др., 2005).

Об общности взглядов на необходимость создания общепсихологической теории как методологии научного познания и драму деятельностного самоопределения (на основе работ харьковского периода А. Н. Леонтьева с сотрудниками и учениками) не раз писали историки психологии; из последних работ следует назвать диссертацию Е. Е. Соколовой (Соколова, 2021).

Правомочно в этом аспекте название концепции А. Н. Леонтьева — культурно-деятельностная психология (Асмолов, 2002). Д. А. Леонтьев использует название «культурно-историческая теория деятельности» (КИТД), выделяя общность подхода с другими анти-аристотелевскими системами воззрений на человека, предполагающими невозможность выведения функционирования живых систем из морфологических или психологических структур (Леонтьев Д. А., 2020). Говоря о недооцененности деятельностного подхода наряду с двумя другими концептуальными системами, он видит их объединение и даже слияние в единой функциональной парадигме с экзистенциализмом и системным подходом к саморегулируемым системам («от ранней кибернетики до сегодняшней синергетики и теории сложности») в качестве условия утверждения для них должного положения в науке.

Принято считать, что это единая школа Л. С. Выготского—А. Н. Леонтьева—А. Р. Лурии. Вместе с тем о каждом из них следует говорить как о самостоятельном мыслителе со своим вкладом в это общее наследие и в психологию в целом. Так, например, о наследии Выготского писали В. П. Зинченко, Е. Б. Моргунов и Д. Б. Эльконин, первым применивший понятие неклассической психологии к концепции Выготского (Зинченко, Моргунов 1994; Эльконин, 1983). Их имена то разводили, то соединяли в дискуссиях внутреннего и внешнего оппонентского круга. Различие подходов Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева отмечал М. Г. Ярошевский и др. (Ярошевский, 1993).

Необходимо, видимо, учитывать особенности творческого пути каждого психолога. Обучаясь на факультете общественных наук Московского университета, будучи отчисленным и сдав экзамены экстерном, Алексей Николаевич пришел в январе 1924 г. в качестве внештатного научного сотрудника в Психологический институт, куда ранее уже с 1923 г. был зачислен А. Р. Лурия. Сначала А. Н. Леонтьев, как он сам писал, «занимался философскими проблемами аффектов, затем все это повернулось на психологию как философскую науку» (Леонтьев А. А. и др., 2005, с. 369–370). Этот период перехода руководства институтом от Г. И. Челпанова (под руководством которого А. Н. Леонтьев написал свои первые рефераты) к К. Н. Корнилову означал известный поворот к тому реактологическому пониманию марксизма в психологии, которое хотя и утвердилось в институте, но не помешало поиску и других путей. Встреча с пришедшем в институт в том же 1924 г. Л. С. Выготским (который по инициативе А. Р. Лурии стараниями К. Н. Корнилова был приглашен в Москву) стала для А. Н. Леонтьева и А. Р. Лурии отправной точкой их дальнейшего общего методологического пути, теоретически разрабатываемого в разных направлениях

ях, но первоначально в рамках единого подхода, названного потом культурно-историческим¹.

Важная разница в несколько лет на этапе ранней зрелости сказалась на сдвиге отправных точек развития собственных поворотов концепций Леонтьева и Лурии по сравнению с началом работ восходящего гения Выготского, ушедшего из жизни в 1934 г. Истоки формирования собственных воззрений, положивших начало деятельностному подходу А. Н. Леонтьева, относят к харьковскому периоду (Соколова, 2021), когда уехавший с частью молодых сотрудников А. Н. Леонтьев стал во главе направления, программу которого реализовывали вместе с ним А. Р. Лурия, А. В. Запорожец, Л. И. Божович, П. Я. Гальперин, П. И. Зинченко, В. И. Аснин, Ф. В. Бассин и др.; сходные взгляды разделял живший в Ленинграде Д. Б. Эльконин. В. П. Зинченко отмечал: «Харьковская школа началась не с философии и методологии, а с экспериментальных исследований, правда, не чуждых практике. Притом они начались не с изучения сознания, даже не с деятельности, а со свободного поиска, с изучения действий, психических процессов и актов. Все остальное, включая сознание и даже бессознательное, пришло потом» (Зинченко, 2013а, с. 96).

О драме последующего поиска самостоятельного пути и научного воссоединения А. Н. Леонтьева и Л. С. Выготского писали не раз (Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А., 2003). Ставя цель обозначить основные положения деятельностного подхода, не вижу возможности (и места) говорить об этапах становления и тех перипетиях, которые стояли в разное время за обвинениями его то в идеализме, то в редукционизме, то в неправильности понимания марксизма. Отмечу только, что действительная новизна взглядов А. Н. Леонтьева на соотношение *категорий деятельности и сознания* не всегда проступала ясно, как мне кажется, потому, что изначально эти категории в разных работах фигурировали то в их философско-методологическом звучании, то в качестве обобщенных понятий конкретной науки — психологии. И критики подчас подменяли обсуждение одного уровня вопросов проблематикой другого уровня. Уже после смерти А. Н. Леонтьева были опубликованы его заметки для себя — «Методологические тетради», составившие основу книги «Философия психологии» (Леонтьев А. Н., 1994), которые показывают, как тщательно выверялись автором методологические предпосылки построения общепсихологической теории.

Когда Л. С. Выготский писал свою работу об историческом смысле кризиса в психологии (зимой 1926–1927 гг.), он отмечал единство *поведения и сознания* как тождество (Выготский, 1982), но позже А. Н. Леонтьев предложил иной взгляд на взаимообусловленность деятельности и сознания, деятельности и психического образа. В 1940 г. Леонтьев защищает диссертацию (в двух томах), посвященную проблемам происхождения чувствительности и периодизации фи-

1 Есть хрестоматийная версия: пришли к Выготскому молодые психологи Лурия и Леонтьев, и началась школа Выготского. На самом деле пришли к Лурии молодые психологи Выготский и Леонтьев. Первое время этот кружок возглавлял именно Лурия, старший по должности (Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А., 2013, с. 11), но скоро лидером стал Выготский.

логенеза психики животных. Части ее вошли в изданную позднее монографию «Проблемы развития психики» (1972)¹.

Еще до формулирования А. Н. Леонтьевым основных положений деятельностного подхода С. Л. Рубинштейн была выдвинул теорию деятельности – самодеятельности. Эти две концепции то противопоставлялись, то рассматривались как единая марксистская платформа в психологии. Их философские основания и прошедшие в советский период дискуссии определены в капитальном труде Е. А. Будиловой (Будилова, 1972). Взгляды на «уроки», которые психология вынесла из деятельностных подходов С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева, обсуждались и в постсоветское время (Ждан, 2007; Смирнов, 1993; и др.). Сопоставлять понимание психологической теории деятельности авторами, придерживающимися разных концепций (с предпочтением выделения полюсов *субъекта* или *деятельности* в едином взаимодействии) – путь, не всегда ведущий к выделению общих (принимаемых обеими сторонами) положений. В качестве примера назову две по-хорошему пристрастные работы: книгу К. А. Абульхановой-Славской о Сергее Леонидовиче Рубинштейне (Абульханова, 2010) и диссертацию Е. Е. Соколовой, посвященную школе Алексея Николаевича Леонтьева (Соколова, 2021). Обсуждая два варианта деятельностного подхода, автор диссертации пишет об общности их философско-методологических оснований, о том, что они выросли из единой философской предпосылки – «аутентичного» марксизма². Но я о другом. Прочитав обе работы, посвященные авторам двух ведущих деятельностных концепций в отечественной психологии, я прихожу к прямо противоположному выводу – о различиях в их истоках³. Меня в этом в равной

- 1 Но сначала по ее материалам в 1948 г. вышел «Очерк развития психики» – брошюра, на которую вышла разгромная рецензия, а потом была организована «дискуссия» с обвинениями автора в идеализме. Последствий она не имела, автор защитил свою марксистскую позицию; в этот же год он вступил в партию.
- 2 Оставляю за скобками анализ, какое или чье прочтение К. Маркса является более аутентичным. М. К. Мамардашвили (1968) впервые показал иного К. Маркса отечественному философу и психологу (с его обоснованиями системной детерминации, соотносением содержания и форм мышления и т. д.). Этот выдающийся философ – автор концепции неклассического идеала рациональности (Мамардашвили, 1984) – не учитывается автором диссертации в контексте тех, с кем А. Н. Леонтьев в последние свои годы сопоставлял свои методологические позиции. Для историка психологии такой «пропуск» выглядит странным, но в идеологическом плане закономерным: Мамардашвили отталкивался в построении своих философских взглядов от необходимости преодоления картезианства (что согласуется с позицией А. Н. Леонтьева в его позднем капитальном труде); для Соколовой важно подчеркнуть иное: через звено «спинозизма» Л. С. Выготского она приписывает Б. Спинозе влияние на взгляды А. Н. Леонтьева (вот Спинозу как раз А. Н. Леонтьев в этом труде и не поминает).
- 3 Статью С. Л. Рубинштейна «Принцип творческой самодеятельности» (1922) справедливо считают началом развития деятельностного подхода в психологии. К. А. Абульханова заметила, что эта статья представляет собой изложение одного из параграфов его первой книги; как пишет В. П. Зинченко, если это действительно так, то начало разработки деятельностного подхода следует датировать десятилетием раньше (Зинченко, 2013б).

степени убеждает и замечательный анализ харьковского периода становления школы А. Н. Леонтьева, где действительно формируются первые основания деятельностного подхода, и осознанная необходимость перехода от Марбургской диссертации С. Л. Рубинштейна к его пониманию «самодетельности» при возвращении в послереволюционную Россию, где неокантианство и, в частности, философия Г. Когена и П. Наторпа явно не могли быть представлены в качестве основ новой психологии, примеривающей одежды марксизма (пусть пока и в неудачно сформулированной реактологии).

Целью данной статьи является представить деятельностный подход А. Н. Леонтьева как построение каркаса, теоретической платформы психологии, который не был единственным среди отечественных общепсихологических теорий, но без которого невозможно представить теоретический мир психологии.

Данная статья не претендует на полный ретроспективный анализ взаимосвязей идей в леонтьевский и постлеонтьевский период развития теории деятельности. Я называю в первую очередь тех авторов, личность и деятельность которых во время обучения на факультете психологии я воспринимала именно как ближайших сотрудников и учеников А. Н. Леонтьева. Историки психологии уделяли основное внимание движению понятий и тем в культурно-деятельностной школе, классификационным периодам в развитии деятельностного подхода и дискуссиям, которые велись уже почти полвека назад, но практически не касаются исследований, реализовавших деятельностную концепцию в последние годы жизни Леонтьева и в последующие этапы (уже постсоветского периода отечественной психологии). Именно с падением СССР в психологической науке появилась возможность свободы интерпретаций, в том числе и деятельностного подхода А. Н. Леонтьева. Среди прочего отмечалось, что «сознание не отпускалось с короткого поводка деятельности (Зинченко, Моргунов, 1994). И этим подчеркнута действительно ключевая характеристика подхода, в которой функция психики — опосредствовать деятельность (*сознание-деятельность*), в которой образ порождается, «конституируется» (*сознание-образ*) и функционирует (Леонтьев А. Н., 1975).

Представляя деятельностный подход в отечественных философских концепциях, В. С. Швырев подчеркивает, что он «выступил одним из наиболее значимых проявлений прогрессивных тенденций в советской философской мысли того периода, направленных на преодоление косности и догматизма официозного марксизма» (Швырев, 2006, с. 23). То же можно сказать и об общепсихологической теории деятельности.

Предмет психологии

Общепсихологическая теория деятельности А. Н. Леонтьева играет в психологии двойную роль (Юдин, 1978)¹. Во-первых, она направляет выделение *предмета* психологии, выступает методологическим базисом исследований. Во-вторых,

¹ Хотя сам автор предложил один из этих модусов вынести за скобки психологии, развитие же деятельностной концепции продемонстрировало продуктивность обеих ее сторон.

она выступает *объяснительным принципом*, диктуя в качестве теории «верхнего уровня» определенные направления в рассмотрении изучаемого предмета и интерпретационные схемы его понимания (конкретизируемые в теориях «среднего» уровня, предполагающих экспликацию деятельностных структур: рассмотрение восприятия как деятельности, памяти как деятельности, мышления как деятельности). Эти два модуса пересекаются при попытках определить предмет психологии.

Дискуссии о предмете своей науки для теоретического мира психологии остаются важными и не прекращаются (Ждан, 2006; Корнилова, Смирнов, 2011; Смирнов, 2005; и др.). Вопрос о том, является ли деятельность предметом психологии, был выдвинут в постсоветский период в качестве самостоятельного, поскольку ученые получили возможность сбросить идеологические шоры диамата и ориентировка на марксистскую методологию перестала быть единственно возможной. До этого именно деятельностный подход – в двух его вариантах А. Н. Леонтьева и С. Л. Рубинштейна (при всех противоречиях отделения деятельности и процесса, деятельности и образа) – диктовал выделение предмета психологии.

В «Методологических тетрадах» предметом психологической науки выступает «деятельность субъекта по отношению к действительности, опосредствованная отражением этой действительности» (Леонтьев А. Н., 1994, с. 163). Это выдвижение категории *деятельности* на первый план вполне согласуется с пониманием функциональной роли психики, с ее деятельностным опосредствованием (в генезе и функционировании), а также уточнением, что только в этом отношении деятельность является предметом психологии¹.

В более поздней статье в Большой советской энциклопедии термин *отражение* (соответственно диалектическому материализму) становится ведущим в определении психологии как науки «о законах порождения и функционирования психического отражения индивидом объективной реальности в процессе деятельности человека и поведения животных» (Леонтьев, Ярошевский, 1975, с. 187). Для читателя вне профессиональной сферы это более понятное определение, которое отклоняется содержательно от заданного А. Н. Леонтьевым ранее; но вряд ли стоит ожидать в такой общей статье раскрытия содержательных тонкостей взаимосвязей этих понятий именно в леонтьевской концепции.

В психологии эмпирически направленные исследования разных видов деятельности осуществлялись и на других теоретических позициях, что хорошо представляет, в частности, двухтомник Х. Хекхаузена «Мотивация и деятельность» (Хекхаузен, 1986). Но судьба концепции деятельности оказалась достаточно прочно связанной с изменениями общественной ситуации в стране. С одной стороны, профессионалы прекрасно понимают необходимость последовательного применения теории верхнего уровня к интеграции эмпирически проверяемых следствий из теорий среднего уровня. С другой стороны, снятие запрета на мышление в иных направлениях, чем задает выбранная теория верх-

¹ «Итак, деятельность входит в предмет психологии, но не особой своей «частью» или «элементом», а своей особой функцией. Это функция полагания субъекта в предметной действительности и ее преобразования в форму субъективности» (Леонтьев А. Н., 1975, с. 92).

него уровня (в данном случае деятельностный подход), раскрывает возможность порождения нового веера гипотез и направлений, которые не могли быть вписаны в прежний подход. «Опыт истории советской науки учит тому, что лучше не иметь строгого определения предмета науки и иметь свободу научной работы, чем иметь такое определение и не иметь свободы. Свобода же нужна для уразумения разума и смысла науки и для конструирования предмета собственного исследования» (Зинченко, 2006, с. 208). Свобода в определении предмета науки означает невозможность «монополизации» его только в рамках определенной «оптики». Единство в определении предмета психологии становится неприемлемым при полипарадигмальном мышлении и понимании психологии как мультипарадигмальной науки (что историки психологии необоснованно называют иногда эклектикой) (Корнилова, Смирнов, 2011; Тихомиров, 1992; Юревич, 2006). Однако в рамках конкретного подхода предмет психологии выделяется заданной им «оптикой», что характеризует и теорию деятельности.

Наука прошла ту *допарадигмальную* стадию своего развития, когда ее цели мыслились как создание замкнутых теоретических систем, чему сегодня противопоставляется открытость современной науки для общего дискурса и диалога школ. Вместе с тем каждая концепция, в том числе общепсихологическая теория деятельности, намечает теоретические основания выделения «своего» предмета изучения. Хотя деятельностный подход в психологии охватывается не одну концепцию, их общность связывается использованием *категории «деятельность»*. Но вот как раскрывается психологическое содержание деятельности, как эта категория соотносится с философской категорией *отражения*, психологическими категориями *образа и процесса, сознания и поступка* и т. д., — это по-разному представлено в разных вариантах деятельностного подхода. К тому же в его содержательном развитии выявляются противоречия, поскольку и сам автор, и его последователи фокусируют те моменты, которые изменялись *в становлении их взглядов*¹. При выборе между различными трактовками тенденций развития концепции пусть небольшой, но якорь для меня все же намечен: к чему приходил сам автор концепции в последний период своего творческого пути и как его понимали его сотрудники и ученики.

Наше поколение психологов, закончивших аспирантуру в год ухода из жизни Алексея Николаевича, знакомились с его завершающей книгой при его жизни и под руководством тех, кто мог назвать его своим Учителем¹. Само ее название «Деятельность. Сознание. Личность» (первое издание 1975 г.) свидетельствует о возможности выхода на первый план любой составляющей этого названия. Другое дело, что по отношению к каждому выделенному предмету деятельностный подход предполагает определенный способ реконструкции его описания и объяснения.

Л. С. Выготский часто использовал понятие *психической деятельности* (Ждан, 2009), но применительно к целостным единицам жизни применял термин *по-*

¹ Хотя меня удивляет постановка акцентов, что вот здесь, скажем (утрировано), А. Н. Леонтьев размышлял правильно, а вот позже стал противоречить самому себе (что неправильно); но П. Я. Гальперин якобы выправил дело, и теперь опять все идет правильно (Соколова, 2021).

ведение. В концепции А. Н. Леонтьева *деятельность* как понятие относится и к практической предметной деятельности, и к деятельности во внутреннем плане (далее в отдельном параграфе рассмотрим этот аспект). Именно *деятельностное опосредствование психики* раскрывается в описании ее происхождения и структурирования в филогенезе и онтогенезе. Психика выступает в таком выделении предмета как *порождение и функция деятельности*, а сама деятельность принимает статус *единицы жизни* человека в системе общественных отношений (это методологическое положение; в определении же предмета конкретного исследования такое обобщение не принято).

Отмечу, в каких направлениях развивалась эта методологическая платформа. Проблема происхождения психики применительно к миру животных многократно обсуждалась А. Н. Леонтьевым, что подробно представлено в диссертации Е. Е. Соколовой (Соколова, 2021). Отмечу, что и при анализе стадийности развития психики деятельность как молярная единица активности живого существа, соотносимая с мотивом, оставалась исходной категорией.

За рамками статьи остается и проблема онтогенетического развития и психики. Выделю только тот аспект связи теории деятельности с культурно-историческим подходом, который постулирует развитие индивидуального сознания ребенка в его *совместной деятельности* со взрослым через встречу с *общественным сознанием* (закрепленным в языке как средстве общения) и материальными продуктами как фиксирующими общественно выработанные способы действия (Леонтьев А. Н., 1998а).

Намеченное понимание психики как порождения и функции деятельности, а также разделение *макроанализа* (выделение структурных единиц деятельности, действие, операция) и *микроструктурного анализа* позволило автору деятельностной концепции преодолеть постулат непосредственности и отказаться от стимульно-реактивной схемы в понимании происхождения психического образа (Леонтьев А. Н., 1975).

Структура деятельности

В понимании деятельности как философской категории А. Н. Леонтьев опирался на марксизм, представленные в нем категории *отражения* и *активности*. Но их общепсихологическое раскрытие было авторским и выходящим за пределы понимания принципа единства сознания и деятельности, развиваемого в другом деятельностном подходе. А. Н. Леонтьев не только полагал активность субъекта в его жизнедеятельности, но и наполнял конструкт деятельности тем конкретным содержанием, которое отражено в выявлении ее структуры, в акцентировании порождения в деятельности психического образа (и становления сознания при взаимодействии в совместной деятельности). Это использовалось, в частности, для критики леонтьевской концепции за якобы крен в сторону индивидуальной деятельности.

Неправомерность такой критики обоснована В. А. Лекторским, который показал, что по существу идея Маркса о деятельности как прежде всего духовной, связанной с созданием предметов культуры, была востребована только

в XX столетии, когда была осознана необходимость снятия дихотомии субъективного и объективного миров (Лекторский, 2004). И под теориями, подразумевающими деятельностный подход, следует понимать только такие «концепции, для которых была важна проблематика культурного опосредствования, а не те, которые исследовали действия единичного субъекта как бы сами по себе» (там же, с. 9). И в этом аспекте несомненная связь культурно-исторической концепции Л. С. Выготского и понимание деятельностного опосредствования А. Н. Леонтьевым. Специфика же подхода начинает раскрываться с формулированием представлений о структуре деятельности человека, возможной только в обществе, кумулирующей в себе системы общественно заданных отношений, которые, однако, выступают лишь условиями деятельности, как и биологические предпосылки. Перейду к отличию конструкта деятельности в рассматриваемом подходе в следующих моментах ее макроанализа.

Иногда образно говорят, что психика является органом деятельности, моментом ее движения. В леонтьевской концепции *предметная деятельность есть форма связи субъекта с миром*. Она включает в себя два взаимодополняющих процесса: активное преобразование мира субъектом и изменение самого субъекта за счет «впитывания» в себя все более широкой части предметного мира. Деятельность является первичной как по отношению к субъекту, так и к предмету деятельности. Главный канал развития субъекта — *интериоризация* — перевод форм внешней материально-чувственной деятельности во внутренний план. Таким образом, деятельность в ее психологической характеристике включает неразрывность взаимосвязи *субъектного* и *объектного* ее полюсов. На полюсе субъекта она отвечает потребности, которая находит свой предмет — *опредмечивается* — вовне (в материальном или идеальном планах), что порождает *мотив*. Это принципиальное отличие леонтьевской концепции от всех других пониманий мотива.

Но мотив не обязательно осознаваем; и репрезентация субъекту связи его активности с мотивом реализует аффективная сфера, в частности, *эмоции*. А. Н. Леонтьев подчеркивает, что эмоция соотносится именно с мотивом (а также личностным смыслом, о чем будет сказано ниже). Ранее при классификации эмоциональных состояний — настроения, эмоции, чувства — эмоции соотносились с ситуацией. Таким образом, в последней монографии автор как бы «укрупняет» систему связей переживания в структуре деятельности. Но сам термин *переживание* оказывается излишним при введении понятия *личностного смысла*, раскрывающего для субъекта значимость его целей, за которыми стоят мотивы.

На втором уровне макроструктур выделяется *действие* как осознанное предвосхищение будущего результата. Как деятельность соответствует мотиву, так и *действие* соответствует *цели*. Если мотив отражает *предметность*, или *интенциональность*, деятельности, то цель процессуально регулирует направленность действия именно как *образ-сознание* (что принципиально отлично от концепции «акцептора действия» П. К. Анохина). Происходит раздвоение функций прежде единой деятельности: за целью остается направляющая, а за мотивом побуждающая и смыслообразующая. Отношение цели к мотиву задает образование *личностного смысла*, который (как отношение) включается уже в ка-

честве образующей сознания личности. Важно, что нет отдельно деятельности от действия — деятельность осуществляется процессуально именно действием или их системой, их последовательностью при наличии общей и промежуточных целей. Учитывая же возможности осознания мотива, или «сдвига мотива на цель», как и принятия целью побудительной функции, трудно бывает определиться, как соотносятся цели и деятельность. Поскольку же личностный смысл — это отношение цели к мотиву, то еще труднее обсуждать смысловые контексты безотносительно к целевым.

А. Н. Леонтьев подчеркивал недостаточную разработанность проблем *целесолагания* и *целеобразования* (Леонтьев, 1975). Но такая разработка предполагала бы переход к обобщениям, учитывающим уровень эмпирических исследований. Применительно к мыслительной деятельности это осуществлялось в смысловой теории мышления О. К. Тихомирова (Тихомиров, 1984). Исследования мышления заостряют вопрос о соотношении культурно-исторической детерминации (присваиваемых субъектом «надындивидуальных» понятий и схем мышления) и саморегуляции мышления как индивидуальной деятельности субъекта. Это не только классическая проблема «я мыслю» или «мне мыслится», но и проблема сопоставления подходов разных школ, принципиально по-разному рассматривающих источники активности и целеобразование в мышлении (Корнилова, 1995).

Третий уровень макроанализа — операционный. Учет условий целедостижения порождает разнообразие операций как способов выполнения действия. Речь идет о *действиях* субъекта, реализуемых *операциями*. Если само действие становится операцией, цель уходит из сознания; операция становится неосознаваемой. В случае затруднения — нарушения выполнения — операция осознается (в связке с целевой структурой действия).

Нужно сказать, что в исследованиях А. В. Запорожца специально анализировался обратный путь — от операций к действию и деятельности, что соотносилось с проводимой совместно с Леонтьевым работой по восстановлению двигательных функций (Леонтьев, Запорожец, 1945). В. П. Зинченко большее внимание уделил именно генезу и структурированию действия (Зинченко, 2013а).

Функционирование этой триединой системы осуществляется «функциональными органами» — функциональными системами, связующими уровни психологии и физиологии исполнения операции. В. П. Зинченко, занимавшийся, в частности, изучением движения, предположил существование для интеграции специального «бытийного» слоя сознания как нижележащего по отношению к рефлексивному и духовному слоям (Зинченко, 2010).

А. Н. Леонтьев видел в этом переходе к подоперационному уровню функциональных органов и тупиковость картезианской постановки психофизиологической проблемы, и возможность раскрытия динамики от экстрацеребральных к интрацеребральным механизмам через обращение к физиологии активности Н. А. Бернштейна (Леонтьев А. Н., 1975). Именно в психологическом плане рассматривалась им необходимость учета динамики афферентного и эфферентного синтезов с взаимопереходами между представленными уровнями и единицами анализа деятельности. В 1978 г. это звено — соотнесения двух концепций — бы-

ло отражено в статье С.Д. Смирнова, редактором которой был А. Н. Леонтьев (Смирнов, 1978).

Нельзя не отметить также то постулирование предмета психологии, которое было сформулировано сотрудником А. Н. Леонтьева, начиная с харьковского периода, П. Я. Гальпериным, развивавшим понимание предмета психологии как ориентировочной основы действия: психология — «главная наука об ориентировочной деятельности» (Гальперин, 1976, с. 100). Сторонниками автора теории поэтапного формирования умственных действий и понятий, особенно после выхода его учебного пособия, эта теория стала рассматриваться чуть ли не завершением общепсихологической концепции деятельности. Ее сопоставлению с теорией А. Н. Леонтьева должна быть посвящена отдельная статья. Сейчас отмечу только, что именно теория П. Я. Гальперина и ее развитие Н. Ф. Талызиной, А. И. Подольским и др. внесла оригинальный научный вклад в анализ учебной деятельности и деятельности практической.

Однако именно внимание к исполнительной части, а точнее, утверждение о невозможности выделения чистой ориентировочной или чисто исполнительной части сблизило концепцию А. Н. Леонтьева с теорией Н. А. Бернштейна (Бернштейн, 1966). Во-первых, в указанной статье приводилось обоснование того, что при принятии схемы Д—О—Д имеется в виду ее приложимость именно «для результирующих достаточно длительных отрезков общественной или индивидуальной истории. На отдельных участках развития возможны обратные отношения» (Смирнов, 1978, с. 15)¹. Эта схема рассматривалась как путь преодоления постулата непосредственности и как обоснование невозможности отрыва психологической сути операций от корректирующих компонентов в исполнительной части действия.

Во-вторых, при признании *генетической* сути деятельностного подхода в нем не предполагалось сводить функционирование действий (во внешнем или внутреннем планах) к преобразованиям их формы. Переход в процессе интериоризации от одного плана действий к другому в концепции П. Я. Гальперина предполагал обязательным условие речевой формы (внешней, потом внутренней речи).

В физиологии активности Бернштейна с выделением им пяти уровней регуляции движений и действий в начале любого «полноценного психического акта» стоит исходный афферентирующий образ. Именно система «афферентирующий образ—движение» изучалась Н. А. Бернштейном; он показывал, как в построении движения происходит «повторение без повторения». В физиологии активности утверждались принцип сенсорных коррекций, предполагавший переход от понятия рефлекторной дуги к понятию рефлекторного кольца, и уровневая регуляция движений — выделение ведущего уровня в соотношении с содержа-

1 Из точек пересечения общепсихологической теории деятельности и концепции построения движений идея опережающего функционального момента в движении образа была, видимо, наиболее трудно принята автором схемы Д—О—Д. В идее «опережающего отражения» нашли опору последующие исследования функционирования образов, в частности, восприятия и мышления (Корнилова, Тихомиров, 1990; Смирнов, 1985; и др.).

нием и *смыслом решаемой субъектом задачи*. Но системные взаимосвязи уровней оказываются куда более тонкими взаимодействиями, чем прямое управляющее влияние верхнего уровня (где полагаются слово и мысль).

Поставленная А. Н. Леонтьевым задача «осуществить «вертикальный синтез» различных уровней, на которых протекают процессы, реализующие психическую деятельность» (Леонтьев, 1967, с. 17), органически включает в себя принципы многоуровневости, кольцевых взаимодействий и другие уровни, обосновываемые Н. Бернштейном.

А. Н. Леонтьев видел необходимость также *микроструктурного анализа* с выделением «функциональных блоков» в том, чтобы переходить к более дробным единицам деятельности, в частности, с необходимостью «изучения интрацеребральных процессов» (Леонтьев А. Н., 1983а, с. 163). Проблема единиц деятельности в дальнейшем была подробно рассмотрена в методологической работе В. П. Зинченко и С. Д. Смирнова; но предполагавшийся связью с концепцией Н. А. Бернштейна переход от кольцевого понимания соотношения единиц макроструктур деятельности (деятельности-действия, действия-операции) к функциональному анализу, за которым должны вскрываться соотношения экстрацеребральных и интрацеребральных процессов, пока остается лишь намеченной перспективой (Зинченко, Смирнов, 1983). И современный крен в сторону анализа нейронных систем не решает психофизиологическую проблему. Видимо, она и не может быть решена в отрыве от анализа деятельности, в которой — а не в мозге — образ как психологическая реальность порождается и функционирует.

Наконец отмечу, что роль микроанализа деятельности в леонтьевском подходе заключалась в том, чтобы дать «не фенотипические, а генетические основания» членения единиц деятельности (Зинченко, Смирнов, 1983), а отнюдь не в том, чтобы искать промежуточные уровни между психологическими и физиологическими образованиями.

Внешнее и внутреннее

В леонтьевской общепсихологической теории деятельности различие *внешнего* и *внутреннего* представлено иначе, чем обычно полагаемое разделение внешней предметной деятельности и деятельности внутренней (психической): «Действительная противоположность есть противоположность образа и процесса, безразлично внутреннего или внешнего, а вовсе не противоположность сознания, как внутреннего, предметному миру, как внешнему» (Леонтьев А. Н., 1994, с. 43). Это раскрывает тот аспект соотношения внешней и внутренней деятельности, который позволяет говорить о различии концепций А. Н. Леонтьева и П. Я. Гальперина, в том числе и в контексте выделения предмета психологии.

Согласно теории А. Н. Леонтьева, целостная деятельность, а не только ее ориентировочная часть является предметом психологии; внешняя и внутренняя деятельность имеют общность структур; но это не свидетельствует об их тождестве¹. При выделении форм внешней и внутренней деятельности возникает

1 На лекциях по методологии психологии В. П. Зинченко раскрывал свое понимание: преобразование ориентировочной основы — переход ее к свернутым и обобщенным

соблазн соотнесения их с ориентирующей и исполнительной частями действия. Согласно Гальперину, «если... все психологические функции представляют собой разные формы ориентировочной деятельности субъекта, то... только ориентировочная деятельность и составляет предмет психологии в каждой из этих функций» (Гальперин, 1976, с. 96). А. Н. Леонтьев связывает конституирование видов деятельности с выделением их мотивов и соотнесением с ними целей; процессуальную неразделимость деятельности и действия подчеркивает В. А. Иванников (Иванников, 1999); «смысловое поле» как структурирующее различия деятельностей, реализующих отношения человека к миру, А. А. Леонтьев (Леонтьев, 1999); роль целобразования в структурировании мыслительной деятельности изучает школа О. К. Тихомирова. Список разветвлений указанного критерия может быть продолжен.

А. Н. Леонтьев дал такую завершающую оценку подхода П. Я. Гальперина: «Теоретическая и практическая продуктивность этих и идущих вслед за ними многочисленных исследований является бесспорной. Вместе с тем проблема, которой они посвящены, была с самого начала жестко ограничена; это проблема целенаправленного, „не стихийного“ формирования умственных процессов по извне заданным „матрицам“ – „параметрам“. Соответственно *анализ* сосредоточился на выполнении заданных действий; что же касается их порождения, т. е. процесса целобразования и мотивации деятельности (в данном случае учебной), которую они реализуют, то это осталось за пределами прямого исследования» (Леонтьев А. Н., 1983а, с. 177).

Таким образом, следствия разделения П. Я. Гальпериним ориентировочной и исполнительной части действия могут быть представлены двояко. Во-первых, это несомненный вклад в детализацию представлений о структуре действия. Его методологический смысл поднят до конкретизации ориентирующей функции психики. С другой стороны, понимание *интериоризации* как перехода от внешних форм к внутренним при утверждении тождества ориентировочной основы действия в процедуре поэтапного формирования снижает значение идеи Л. С. Выготского о переходе интерпсихической функции в интрапсихическую (Выготский, 1983) и выносит за скобки указанные положения А. Н. Леонтьева (*интерпсихическая* не означает присутствия той или иной формы).

Уже в харьковский период при анализе онтогенеза было намечено понимание, что наглядно-действенное мышление как бы выносит ориентировку субъекта в план внешних, практических действий. Исполнительная же часть интеллектуальной деятельности может осуществляться во внутреннем плане действий, т. е. не разведение ориентировочной и исполнительной частей лежит в основе разграничения указанных форм – внешней и внутренней деятельности. Любые виды деятельности субъекта включают «в себя как внешние, так и внутренние процессы. А это означает, что рассечение деятельности на две части или стороны, якобы принадлежащие к двум совершенно разным сферам, устраняется» (Леонтьев А. Н., 1975, с. 100). Важной является и апелляция к предмету деятельности. В нем как в предмете культуры зафиксирован определенный общест-

видам при формировании умственного действия – означает, что структура внутренней (по форме) деятельности не может быть тождественна структуре внешней.

венно выработанный способ действия с ним. И этот способ воспроизводится в предметной деятельности. Интериоризация – это не только переход внешнего во внутреннее; это присвоение опыта человечества.

Так, представленное соотношение внешнего и внутреннего и смена схемы О–Д–О на Д–О–Д стали основанием считать возможным преодоление *постулата непосредственности*. «Система сменяющих друг друга деятельностей» выступила для А. Н. Леонтьева тем опосредствующим звеном, благодаря которому преодолевался постулат непосредственности (Леонтьев, 1975, с. 81). Поскольку предметом психологии выступила деятельность как «молярная, не аддитивная единица жизни телесного, материального субъекта», то категория деятельности стала выступать не столько как объяснительный принцип, сколько как то пространство жизни, в рамках которого и реализуются причинно-следственные связи взаимообуславливания «деятельность–сознание–деятельность».

Наконец отмечу, что не изучение ориентировочной части деятельности рассматривалось автором общепсихологической теории деятельности в качестве наиболее близких ее перспектив. В последние три года его личная активность была связана с работой по развитию деятельностного подхода применительно к пониманию сознания личности и восприятию (в непосредственном взаимодействии с его ближайшей сотрудницей Ю. Б. Гиппенрейтер, С. Д. Смирновым – заместителем его по научной работе, В. В. Столиным, отвечавшим за НСО факультета, аспирантами Э. Джафаровым, А. Логвиненко и др.). Тогда же на кафедре общей психологии были сформулированы (и пришли в известное противоречие) первые две программы по психологии личности¹. Последующее развитие одной из них – как исследование самосознания личности в рамках деятельностного подхода представил в своей монографии В. В. Столин (1983).

Особое место занимал тогда микроструктурный подход В. П. Зинченко; став одним из «отцов» отечественной инженерной психологии, он наиболее детально реализовал взаимопереходы между теоретическими предпосылками и анализом профессиональной предметной деятельности².

Проблема сознания

Наименее оценена теория деятельности А. Н. Леонтьева, на мой взгляд, именно в аспекте раскрытия психологического содержания сознания. Сегодня психо-

1 Это был период до выделения кафедры личности, которую потом при ее образовании возглавил А. Г. Асмолов, предложивший свой подход к пониманию личности и сознания (Асмолов, 2002, 2007). Анализ мотивационно-смысловой сферы объединил последователей этого аспекта деятельностной концепции, что позволило преодолеть кафедральные «прописки» (Асмолов, 1979). Выделение в качестве ведущих смысловых образований личности даже заслонило в определенной степени изучение уровня самосознания личности.

2 Его последующая работа в теоретическом мире психологии привела и к более глубокому и дифференцированному представлению уровней сознания человека, и к новым представлениям о функциональных органах, и к новым постановкам, казалось бы, незбытых психологических проблем (объективности субъективного и субъективности объективного и т. д.) (Зинченко, 2010).

логи с интересом слушают лекции с утрированными постановками проблемы, например, как понять сознание, если его сначала нет, а потом оно вдруг есть. Для автора теории деятельности такой «популяризирующий» подход к сознанию в научной работе не правомерен; А. Н. Леонтьев реализует иную постановку вопроса о сознании, начиная с его *гене́за* и раскрывая единицы сознания. Соотношение общественного (как надындивидуального) и индивидуального А. Н. Леонтьев раскрывает на страницах последней монографии не в апелляции к Э. В. Ильенкову, с которым полностью был согласен в вопросе трансляции идеального в обществе, как и в ряде других вопросов по реализуемому им пути развития диалектического материализма¹, и тем более не в обращении к Б. Спинозе. В современных ему методологических работах он находит перекликаемость своего прочтения К. Маркса с работой М. К. Мамардашвили, с которым совместно с В. П. Зинченко становится соавтором ключевой для того времени методологической статьи об объективном методе в психологии (Зинченко, Мамардашвили, 2004; Мамардашвили, 1968)².

А. Н. Леонтьев вводит три ключевые единицы в структуру сознания — *чувственная ткань, значение и личностный смысл*. Он пишет, что «в соприкосновении с предметной действительностью деятельность видоизменяется и в «своей обогащенности кристаллизуется в продукте». «При этом для сознания субъекта вклады, которые вносятся его деятельностью, остаются скрытыми; отсюда и происходит, что сознание может казаться основой деятельности» (Леонтьев А. Н., 1975, с. 129). Образ, становящийся в деятельности, становится *образом-деятельностью*, что прерывает понимание сознания как эпифеномена и позволяет преодолеть постулат непосредственности.

Продукт деятельности должен представиться субъекту в его вещественной форме, но его трансформация — «как освобожденное от своей вещественности» — осуществляется в *значениях*. И тут возникает положение о *двойственной жизни значений*. Во-первых, это представленность субъекту деятельности надындивидуальных значений, значений в их материальном носителе и выступающих предметом других наук (логики, лингвистики и т. д.). Они отражают общественное сознание (для них применима формула со-знание). Их присвоение происходит, когда «предметом сознания становится также и деятельность: осознаются действия других людей, а через них и собственные действия субъекта» (там же, с. 132). Психический образ, с самого начала отнесенный к внешнему миру, из которого он себя «вычерпывает», переходит в идеальную форму сознательного отражения. Если идея слитности сознания трудового коллектива и переход к индивидуальному сознанию его членов в системе общественных отношений при создании совместного общественного продукта уже давно выступила общим местом

1 По моему мнению, предложенный Е. Е. Соколовой оксюморон «диалектического монизма» для маркирования подходов этих двух мыслителей — не более чем «вчитывание» в их тексты собственного взгляда и продукта собственного мышления, а не «аутентичного» марксизма (Соколова, 2021).

2 А. Н. Леонтьев в последний момент снимает свою фамилию в публикации, будучи всего лишь 10 лет главой функционирующего факультета психологии и понимая, в какой степени статья не укладывается в прокрустово ложе диамата.

марксистского понимания генезиса сознания, то генезис и функционирование индивидуального сознания — это то, что привносит деятельностная концепция.

Именно в ней появляется проблема взаимосвязей надиндивидуальных значений и *индивидуальной их представленности* как порождаемых самим человеком и обеспечивающих взаимосвязи в его индивидуальном *сознании-деятельности*. *Сознание-образ* «начинает казаться эмансипированным от внешней, чувственно-практической деятельности и, более того, управляющим ею» (там же, с. 132). Однако регулятивная роль не обеспечивается самими по себе чувственными репрезентациями. Во-первых, *образ-сознание* предполагает свое становление по отношению к *чувственной ткани* через предвосхищающие процессы и определенчивание, направляемые *образом мира*, во-вторых, в *сознании-деятельности* в качестве предпосылки другой стороны *сознания образа* реализуются необходимые для регуляции деятельности взаимосвязи его составляющих с операциями—действиями—деятельностью в целом. Поэтому в концепции А. Н. Леонтьева, несомненно, стоящей на марксистском понимании отражения (но не как модели, на чем автор специально останавливается), снимается дихотомия *отражательной* и *регулятивной функций* психики. Регуляция деятельности — это одновременно функционирование и порождение отражения; а отражения нет без становления деятельности. Предполагается неразрывная связь порождающей образ деятельности и регулируемого сознанием—деятельностью порождения психического образа. Чувственная предметность — результат становления предметного образа в его измененной чувственной ткани.

В раскрытии функционирования индивидуальных значений А. Н. Леонтьевым также приводятся экспериментальные обоснования и формирующие исследования. Это, в частности, широко известные (и обоснованно критикуемые в деталях их изложения и понимания) опыты А. Г. Мещерякова со слепоглухими детьми. В их общепсихологическом осмыслении делается вывод о том, что индивидуальные значения — это не просто усеченные, неполные или несовершенные проекции надиндивидуальных значений. Индивидуальные значения функционируют «в процессах, репрезентирующих объективную действительность», они включены в становление *предметного* образа и задают в связях со смысловой сферой *пристрастность* индивидуального сознания.

Идеи многообразия и многоуровневости возникающих при этом отношений между образующими сознания далее раскрывались по-разному. Так, уже пять слоев сознания выделил В. П. Зинченко (2010). Внимание современной психологии познания и личности к имплицитным теориям интеллекта, личности и т. д. (Стернберг и др., 2002) и многоуровневости процессов принятия решений (Корнилова, 2016а) поддерживают, на мой взгляд, недооцененность этих компонентов индивидуального сознания, функционирующих на границах перехода от осознания своих действий к операциональному и дооперациональным уровням деятельностного опосредствования (пример «таситного» знания у Р. Стернберга или свернутых когнитивных структур принятия решений в подходе Г. Гегенцера; см.: Gegerenzer, 2008).

Можно было бы сказать, что выделению вершинных уровней сознания, в частности в контекстах раскрытия специфики «духовного» слоя, повезло боль-

ше. Но посвященные этой тематике работы как-то прошли мимо того накопленного леонтьевской концепцией потенциала, который предполагал бы учет многомерности сознания личности. Идущий вслед за концепцией манифест исследований смысловых образований стал исходным тезисом для столь разных по своей направленности работ, что их трудно обзреть как единое направление (Асмолов и др., 1979).

Личностный смысл – третья (после чувственной ткани и индивидуальных значений) составляющая индивидуального сознания. Именно она определяет *пристрастность* человеческого сознания. Отношение цели к мотиву – так определил А. Н. Леонтьев понятие *личностного смысла*. Со временем в работах авторов, которых условно можно было бы отнести к школе А. Н. Леонтьева, понятие смысла приобрело другие коннотации (Леонтьев Д. А., 2009).

Такое положение дел вызвано неразработанностью методического подхода к изучению проблемы отношения цели к мотиву. Если мотив не осознаваем, то все же возможны специальные процедуры его выявления (и психодиагностические, и экспериментальные). Реконструкция осознанных целей – тоже не простой путь, но в определенной степени реализуемый, о чем свидетельствуют исследования целеобразования в школе О. К. Тихомирова. Но вот как выявлять *отношение* цели к мотиву – это пока не ясно. Апелляции к глубинным иерархиям мотивов не могут убеждать, поскольку не учитывается как соотношение с ценностями личности (не вошедшими в образующие индивидуального сознания), так и с многоуровневыми процессами целеполагания (не учитывается прорыв в осознании – цель, по Леонтьеву, *осознанное* предвосхищение будущего результата, а не только образ потребного будущего, что подразумевается в концепции акцептора действия П. К. Анохина; см. на эту тему дискуссию между названными авторами на методологическом семинаре в Институте психологии РАН (Проблемы принятия решений, 1976). Косвенный путь к выявлению индивидуальной представленности значений намечен в психосемантике (Петренко, 2005). Но при этом остается под вопросом, как определить в интерпретациях семантических пространств, что они репрезентируют – становление заданных значений в оценке их по заданным или субъективным, вычерпанным, как это имело место в методике репертуарных решеток, индивидуальным шкалам или их мотивационную обусловленность (проявляемую в оценках), т. е. остается не ясным, как развести личностные смыслы и мотивы.

Личностные смыслы в отличие от *значений*¹ (с их двойной жизнью), как и *чувственная ткань* сознания, не имеют надындивидуального бытия. Отношения между значениями и смыслами – не рядоположенные: индивидуальные значения воплощают личностные смыслы или «для себя бытие конкретного субъекта». Определить различия между функционирующими в деятельности мотивами и личностными смыслами безотносительно трудно, поскольку мотивационные иерархии уходят «вглубь» (не осознаются без специальной задачи на осо-

1 Значения, согласно деятельностной концепции, «соединяют между собой оба вида чувственности – чувственные впечатления внешней реальности, в которой протекает его деятельность, и формы чувственного переживания ее мотивов...» (Леонтьев А. Н., 1975, с. 153).

знание, что особенно проблематично при полимотивированной деятельности), а личностные смыслы могут быть репрезентированы на уровне самосознания, в частности, как переживания значимости целей для личности; между ними функционально становящийся в деятельности образ и мира, и себя в нем.

Выступающие «на поверхности системы сознания переживания» сигнализируют о личностных смыслах. Но последние в отличие от целей могут оставаться не осознанными. Они как бы приостанавливают поток реальной жизни, ставя задачу переосмысления ее жизненных ценностей. Таким образом, сознание — это не плоскость, не емкость, но и не связи его отдельных единиц; это «внутреннее движение его образующих» при всем диапазоне понимания, что скрывается за этим движением¹.

Следующая проблема, к которой обращается А. Н. Леонтьев в своем последнем труде, — соотнесение категорий «деятельность» и «личность». Но прежде следует раскрыть разведение им понятий перцептивного образа и образа мира.

Образ мира

Согласно леонтьевской концепции сами деятельностные структуры включены в предмет изучения, поскольку ими опосредуется порождение образа (сознания-образа, включая и чувственный образ, а не только его рефлексию). «Сознание в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен он сам, его действия и состояния. Перед неискушенным человеком наличие у него этой субъективной картины не ставит, разумеется, никаких теоретических проблем: перед ним мир, а не мир и картина мира» (Леонтьев А. Н., 1975, с. 125). Непосредственная данность картины мира субъекту не означает здесь принятия постулата непосредственности в том его виде, который соответствует принципу «замкнутой причинности» (замкнутой в сфере сознания или в сфере телесного, физического). Для автора книги «Деятельность. Сознание. Личность» сознание личности открыто деятельностной детерминации. Сама же деятельность как неразложимая далее молярная единица активности человека связывает его с миром, а не с действующими в нем причинами.

Причинность предстает теперь не в двухчленной схеме (причина—следствие), характеризующей классическое естествознание, а в трехчленной, где опосредствующим звеном выступает деятельность. Но развертывание деятельности, в свою очередь, опосредствовано целевой регуляцией (включая личностную представленность в целях самосознания и мотивации) и широко понятой категорией образа. Образ не был нужен в картезианской схеме (с ее раздвоением

¹ И здесь переход А. Н. Леонтьева к категории «субстанция» (деятельность составляет субстанцию сознания) оказывается в некоторой степени ловушкой. В диссертации Е. Е. Соколовой именно использование этого термина и якобы отождествление Леонтьевым посредством этого термина деятельности и сознания (как будто не было всего предшествующего этому тексту) лежит в приписывании ему скрытого спинозизма, хотя во всей книге автор общепсихологической концепции ни здесь и ни в каком-либо другом месте не обращается к Б. Спинозе (Соколова, 2021). И эта идея (спинозизма) не поддерживается ни историко-психологическим, ни методологическим анализом его трудов.

психической-душевной и физической-телесной жизни). В ней тело действует как автомат, а автомат не нуждается в ориентировке. «Душа» же имеет иного порядка ориентиры, ей образ также не нужен. Но он необходим человеку и важен психологу в качестве базовой категории: человек на основе образа ориентируется в реальном мире, а не только в мире своего сознания.

В контексте деятельностного опосредствования сам чувственный образ уже не выступает «непосредственным». Динамика соотношения *чувственной ткани и значения* определяется в рамках представления об *активности субъекта*, направляющегося интенционально вперед, на мир — систему проверяемых гипотез, посредством взаимодействия с которым амодальный мир оформляется в чувственные образы (восприятия, мышления). Идея «образа мира», которую А. Н. Леонтьев разрабатывал в последние годы жизни (Леонтьев А. Н., 1983а) позволила задать одно из направлений преодоления ограниченности стимульно-реактивной парадигмы и когнитивного подхода в психологии. Кроме того, что сознание перестало мыслиться тотально (появились его составляющие), в психологию вернулся образ, но в новом понимании его актуалгенеза: утверждалось представление о встречной активности движения субъекта к объекту.

«Мир образов» был противопоставлен «образу мира» как феноменальные (перцептивные или умственные) образы и глубинное образование, которое преобразует любое чувственное впечатление и позволяет человеку видеть реальность упорядоченной и осмысленной (Смирнов, 1981, 2003). В *образе мира* были выделены ядерные структуры, задающие опоры в структурировании человеком психических образов благодаря тому, что они отражают его действительные связи с миром. Они заданы *глубинными структурами значений, выступающими пятым квазиизмерением в восприятии мира, который вне восприятия его человеком амодален*¹. Индивидуальная представленность значений не обязательно *рефлексируется* человеком, но проявляется в основной характеристике — предметности восприятия. В то же время поверхностные слои в образе мира связаны с целями построения человеком знаний о нем, будь то образы восприятия или идеальные схемы мышления. Познавательные гипотезы — то главное звено, посредством которого движение образа мира направляет становление перцептивного образа. Эти гипотезы иные по происхождению (деятельностному в своей основе), чем вероятностные гипотезы Брунсвика (детерминированные частотой встречаемости события) или вероятностные переменные выборов в концепции А. Тверского—Д. Канемана (репрезентирующие прогноз исхода события). Они заданы способом бытия человека в мире, а не являются чисто когнитивными механизмами. «*Ориентирует не образ, а вклад этого образа в картину мира*» (Смирнов, 1981, с. 24).

1 «Защищаемая мной общая идея может быть выражена в двух положениях. Первое заключается в том, что свойства осмысленности, категориальности суть характеристики сознательного образа мира, *не имманентные самому образу*, его сознанию. Они, эти характеристики, выражают объективность, раскрытую совокупной общественной практикой, *идеализированной* в системе значений, которые каждый отдельный индивид находит как „вне-его-существующее“ — воспринимаемое, усваиваемое — и поэтому так же, как то, что входит в его образ мира» (Леонтьев А. Н., 1983, с. 255).

Новый поворот в развитии понимания роли образа мира дают современные исследования, которые ведутся в направлениях *психологии неопределенности*¹ (Асмолов, 2018; Корнилова, 2016а) и *психологии возможного* (Знаков, 2020). Обращение к понятию образа мира способствует развитию понимания предвосхищающей активности субъекта. Процессам прогнозирования и антиципации от сенсомоторного до мыслительного уровней посвящены многочисленные исследования (Брушлинский, 1979а; Ломов, Сурков, 1980; Смирнов, 1985; Смирнов и др., 2017; Фейгенберг, Иванников, 1978), выполненные с разных методологических позиций. Их интеграции для понимания системного функционирования базисных процессов, опосредствующих разноуровневые предвосхищения человека, может служить обобщение идей, лежащих в основе понимания образа мира человека и принятия (и преодоления) человеком условий неопределенности. Навстречу потенциалу вызовов со стороны неопределенности человеком выдвигается потенциал прогностических возможностей. Более подробно эта идея динамического контроля неопределенности со стабилизирующей ролью образа мира рассмотрена в специальной статье (Смирнов и др., 2016).

Недостаточность апелляции к механизмам обратной связи применительно к уровню мышления была рассмотрена А. В. Брушлинским в книге «Мышление и прогнозирование» (Брушлинский, 1979а). Но даже на нижележащих уровнях антиципаций, к которым можно отнести вероятностное прогнозирование, предвосхищающая активность субъекта оказывается малоподверженной механизмам обратной связи. Здесь важным примером стали экспериментальные данные, свидетельствующие о недостаточности гипотезы «соматических маркеров» А. Дамасио для понимания когнитивной регуляции стратегий выборов в условиях решения прогностической задачи. Этот ведущий в мировой науке нейробиолог представляет, как он считает, развитие идей Б. Спинозы, предполагая необходимость преодоления дихотомий *психика и тело, разум и эмоции* (Damasio, 2003). В зарубежных работах *прогностическая роль эмоций* стала чаще попадать в фокус внимания исследователей после того, как А. Дамасио выдвинул гипотезу «соматических маркеров» (Damasio, 1998). Маркеры при этом понимаются как возникающие при определенных сигналах висцеральные реакции, построенные на основе предыдущего индивидуального опыта и субъективно переживаемые как «подозрения» и пр. Сам Дамасио связывал их с «интуицией» (относя к ним все неосознаваемые процессы) и эмоциональными предвосхищениями, выступающими необходимым звеном реализации обратной связи при целодостижении.

Критика концепции велась по многим направлениям. Сейчас важно отметить несоответствие заданного А. Дамасио понимания сигнальной функции эмоций представлениям о значимости ситуаций для субъекта и о смысловой

1 Асмолов, Черноризов, Шехтер на основе проведенного анализа приходят к выводу, что «именно сознание как эволюционный механизм „выработки неопределенности“ обеспечивает преадаптивный потенциал саморазвития системы, чувствительность к „изменению изменений“ образа жизни еще до того, как наступят эти изменения. При этом сознание интерпретируется как „функциональный орган“ смыслоразличения и смыслопорождения изменений образа жизни» (Асмолов и др., 2016, с. 17).

регуляции как определяемых отнюдь не психофизиологическими уровнями (Вилюнас, 1976; Леонтьев А. Н., 1975). В методологическом плане следует подчеркнуть, что гипотеза соматических маркеров выглядит редуccionистской, поскольку выводит регуляцию предвосхищений за рамки психологического объяснения. Концепция *образа мира* фокусирует иной аспект прогнозирования, несводимый только к обратной связи от чувственного индивидуального опыта, — опережающую прогностическую активность субъекта, направляемую системами значений и смыслов. Видимо, при попытках обнаружить спинозизм в трудах А. Н. Леонтьева (Соколова, 2021) необходимо учитывать, как сегодня понимается его развитие, как в соответствующих работах решается психофизиологическая проблема (что не имеет ничего общего с деятельностным подходом и прямо следует постулату непосредственности).

Генетический и функциональный анализ

Познакомившись с проблемами деятельностного понимания образа и сознания, подытожим соотношение генетического и функционального анализов. Как было показано, одним из краеугольных камней теории является утверждение о первичности деятельности по отношению к психическому отражению, ее ведущей роли (деятельность прокладывает пути для развития психики, по выражению А. Н. Леонтьева). Но такое соотношение деятельности и психики выступает на первый план лишь в генетическом анализе. Если же мы хотим взять тот или иной поведенческий акт в его относительной изоляции от предшествующих и последующих актов и в то же время в такой его целостности, которая делает его полноценным психическим актом и позволяет установить его роль в жизни индивида, то из непрерывного потока сменяющих друг друга действий, по-видимому, придется «вырезать» такой участок, в начале которого стоит исходный афферентирующий образ. «Образ—действие—уточненный образ» — вот схема, предлагаемая функциональным анализом в качестве альтернативы схеме генетического анализа «деятельность—отражение—обогащенная деятельность» (Смирнов, 1978, с. 16–17).

Иначе говоря, если генетический подход решает проблему формирования и развития активного отношения субъекта к миру, то функциональный подход пытается решить проблему реализации этого отношения, зафиксированного в образе будущего потребного результата действия. И когда с помощью понятийного аппарата, выработанного в рамках генетического подхода, пытаются описать реализующие деятельность механизмы, возникают существенные трудности. Как в функциональной, а не генетической обусловленности выделить детерминанты перехода от мотивов к целям, детерминанты выбора операций из большого числа возможных и, наконец, как описать такие операции, которые реализуют чисто техническую сторону деятельности и потому не оказывают никакого влияния на динамику психического образа или зафиксированного в нем отношения? Нельзя сказать, что такие операции психологически мертвы и могут быть отданы на откуп физиологии. Такие операции мертвы не психологически, а генетически, т. е. они не «прорастают», не вносят свой вклад в ди-

намику системы «деятельность – отражение». В предельном случае мы имеем однонаправленный процесс и поэтому сквозь призму генетико-психологического подхода эти операции видятся предельно простыми, неразложимыми далее единицами (там же).

А. Н. Леонтьев видел примеры функционального подхода в исследованиях установки Д. Н. Узнадзе, в концепции уровней и механизмов построения движений Н. А. Бернштейна; этот подход был продолжен в исследованиях восприятия, памяти и мышления (Ю. Б. Гиппенрейтер, В. П. Зинченко, школа О. К. Тихомирова). Идеи генетического подхода совершенно по-разному реализовывались в исследованиях А. В. Запорожца, Д. Б. Эльконина, П. Я. Гальперина, Н. Ф. Талызиной, Л. Ф. Обуховой и продолжающих их дело сотрудников. Однако генетический и функциональный анализ могут реализоваться относительно независимо лишь до определенного предела. Если кроме понятий филогенеза и онтогенеза вводится понятие актуалгенеза, то в этом третьем случае разорвать функциональный и генетический анализ проблематично.

Исключение из леонтьевской концепции этого аспекта приводит к нарочито искажающей ее «критике». Так, В. М. Аллахвердова (в споре с самим собой) сводит проблему понимания теории деятельности к своему личному непониманию: «Основной недостаток концепции Леонтьева, на мой взгляд, в том, что она непонятна» (Аллахвердов, 1993, с. 123)¹. Он вынимает основное понятие из представлений о генезе сознания в теории деятельности и подменяет всю систему рассуждений А. Н. Леонтьева позицией непосредственного влияния социального фактора на возникновение сознания: «Почему возникает психика? потому что животное перешло к более сложным формам жизни; почему животное перешло к более сложным формам жизни? Потому что у него возникла психика» (Аллахвердов, 2009, с. 213). Такого реверсивного хода мысли у Леонтьева нет. Он решает другую проблему: преодоление постулата непосредственности в обосновании общей схемы Д–О–Д² и в динамике введения понятий сознания-деятельности и сознания-образа, о чем шла речь выше. Теория деятельности действительно будет непонятна при исключении из нее основных представлений о генезе и функции сознания в деятельности (что рассматривается в работах отдельно для фило-, онто- и актуалгенеза). В искаженной, упрощенной схеме леонтьевского подхода автору «критики» (якобы «неудачной попытки разгадать проблему сознания Леонтьевым») инстанция *сознания* нужна для согласования этим «генеральным менеджером» взаимосвязи когнитивной и моторики. Но «неудачной» такая

1 Непонятно, как в умоглядной апории Зенона Ахиллес может догнать черепаху. Не догонит, если рассматривать с позиции бесконечного деления пути обоих «субъектов»; в логике движения реального мира, где в один и тот же промежуток времени Ахиллес проходит больший путь, то понятно, что догонит. Непонятно, если в «психологике» (а не в психологии), подменять содержательную логику леонтьевской концепции вырываемыми из нее связками «труд – сознание», «сознание – представленность субъекту цели» и т. д.

2 Переосмысление будущего этой схемы см. в работах А. А. Леонтьева, представляющего по архивам намеченные, но не реализованные А. Н. Леонтьевым идеи (Леонтьев А. А., 1999; Леонтьев А. А. и др., 2005).

попытка видится только при принципиальном упрощении тех концептуально предполагаемых взаимодействий, которые обосновывались А. Н. Леонтьевым.

С точки зрения онтогенетических исследований возражения Аллахвердову в понимании происхождения сознания обосновывает Е. А. Сергиенко: «Сознание не возникает вдруг как включение света в темной комнате» (Сергиенко, 2018б, с. 91). Она выделяет необходимость когнитивного усложнения внутреннего мира человека для становления более сложных видов деятельности и, соответственно, «перехода системы на новый уровень развития» (там же, с. 93).

Таким образом, именно *деятельностное опосредствование* процессов развития становится ключевым в концепции А. Н. Леонтьева, при том, что в исследовательских целях можно выделять такие предпосылки, как усложнение когнитивных систем связей в становлении сознания личности, изменение типов антиципаций и перехода в функциональном плане к опережающему отражению, системам предзнаний (направляемых со стороны образа мира) и т. д.

Личность

Личность в леонтьевском подходе есть наиболее полное выражение субъективного полюса деятельности, она порождается деятельностью и системой отношений с другими людьми. Личность — это особое социальное качество индивида, не сводящееся к простой совокупности его прошлого опыта или индивидуальных особенностей. И прошлый опыт, и индивидуальные черты, и генотип человека представляют собой не основу личности, а ее предпосылки, условия становления и развития личности. Не определяют прямо характера личности и внешние условия жизни — богатство или бедность, уровень образования и т. д. Все эти качества могут влиять только косвенно, ограничивая или суживая поле выбора, в рамках которого человек сам строит свою личность, совершая активную деятельность и входя в определенные отношения с другими людьми.

Деятельностный подход решительно отвергает теорию двух факторов, согласно которой личность есть некоторый результат влияния биологических особенностей человека (генотип) и социальных, средовых. В отличие от индивида личность не «предсуществует» по отношению к деятельности, она складывается в ходе самой деятельности, творит самое себя. Источник развития личности лежит в ее внутренних противоречиях, разрешение которых тем или иным способом преобразует саму личность. Развитие личности — это отнюдь не равномерное поступательное движение: в нем есть кризисные периоды и переломные моменты, возможны распад и регресс.

Ядро личности понимается как совокупность действенных отношений человека к миру, т. е. отношений, реализуемых в деятельности. Поскольку же главной характеристикой деятельности выступает ее мотив, то основой личности является иерархическая структура ее мотивов. Высшим же уровнем интеграции выступает *самосознание* личности.

Хрестоматийным звучит сегодня утверждение, что личность рождается дважды. Первое рождение связано с иерархизацией мотивов (здесь А. Н. Леонтьев приводит пример феномена «горькой конфеты»). Соотношение смысло-

образующих мотивов и мотивов-стимулов структурируется в многовершинную структуру, которая упрощается при деградации личности. Несовпадение и многообразие деятельностей и действий, реализующих связи человека с миром, усложняет сознание следующим образом: оно становится направленным при развитии личности не только на осознание целей действий (или вторично – мотивов), но и на отражение связей и переподчинений в иерархиях целей и мотивов. А это «особое внутреннее движение сознания». И если ранее описанное движение индивидуального сознания представляет горизонтальные связи, то теперь открывается новое измерение – движение сознания «как бы по вертикали». «Становление этого движения и выражает собой *становление связной системы личностных смыслов* – становление личности» (Леонтьев А. Н., 1975, с. 212). В дальнейшем развитии пласты индивидуального опыта переосмысливаются личностью, отражая изменение *отношения* к ним и формирование отношения к самому себе.

В концепции предполагается несовпадение Я и того, что «представляет субъект как предмет его собственного знания о себе» (там же, с. 228). Кроме самосознания, появляется и самоотношение. Это позволяет рассматривать себя в своих действиях и как приобретение своего Я, и как его потерю. Изучение *самосознания личности* в оптике становления смысловой представленности Я субъекту – один из аспектов развития леонтьевской концепции В. В. Столиным. Он четко выделил два направления включения личностного смысла в представления о деятельности и сознании: он рождается в реальных связях жизнедеятельности, но вступает в новые связи в структуре сознания и выражает себя в «значениях и эмоциональных, чувственных переживаниях (чувственной ткани)» (Столин, 1983, с. 103). Для второго важным становится также осознание отношений к своим личностным смыслам, что выдвигает в центр взаимосвязей уже более интегрированное понятие «Смысла Я». Это введенное новое понятие образует пересечение связей, ядро взаимопереходов между четырьмя составляющими. Это: 1) когнитивные составляющие (значения), 2) эмоциональные переживания (чувственная ткань образа Я) и идущие от них через ядро (центр схемы) связи с 3) целями, мотивами и 4) свойствами, чертами и способностями личности.

Вопросы к составляющим сознания и самосознания остались; так, я уже говорила ранее о проблеме личностных ценностей, которые понятийно следует отличать от личностных смыслов. О мотивирующей функции самосознания говорит В. В. Столин в указанной книге, но большинством исследователей опора на деятельностный подход заключается именно в изучении мотивов разных видов деятельности. Пути же от ценностей к мотивам и от мотивов к личностным ценностям в исследовательском плане пока плохо выделены. Однако это и перспектива дальнейших конкретизаций личностных структур, в частности, намеченных в динамической парадигме (Асмолов, Петровский, 1978; Корнилова, 2016б; Леонтьев Д. А., 2009; и др.).

Личностная опосредованность деятельности (и деятельностная – развития личности), построение культуры личностью (и мира личности в культуре) – анализ этих проблем сегодня получил новое звучание в рамках методологического

осмысления XXI в. как «психозойской эры». И неслучайно именно культурно-эволюционный подход становится преемником культурно-деятельностного (Асмолов, 2018; Асмолов и др., 2016).

Связь оценок теории с философскими концепциями деятельности

Психологами не раз проводился анализ основ и перспектив теории деятельности А. Н. Леонтьева. Но интересны и обобщения философами этой методологии. В одной из философских работ, посвященных перспективам деятельностных концепций в современной психологии, проанализированы основные возражения, предъявлявшиеся такому пути построения единой материалистической методологии психологии как деятельностный подход (Лекторский, 2004). Всего автор привел три таких возражения, которые используются ее противниками с целью доказать, что деятельностный подход — это уже дело истории, а не современного этапа психологии.

Первое обвинение связало деятельностный подход — не только А. Н. Леонтьева — с официальной идеологией, т. е. марксизмом. Напомню, что в начальные периоды становления школы Л. С. Выготского—А. Н. Леонтьева—А. Р. Лурии ревнители диамата грозили обвинениями в идеализме (Леонтьев А. А. и др., 2005). Впрочем, Выготский и Леонтьев не избежали примеривания к ним этих оценок и в позднее.

В. А. Лекторский показал, что деятельностная теория К. Маркса — лишь один из вариантов деятельностных подходов в философии, разные философские основания способствовали их становлению в психологии. Когда С. Л. Рубинштейн стал «в конце 20—начале 30-х гг. развивать свои деятельностные представления (с исходными позициями марбургского неокантианства) в духе Маркса, это было не приспособлением к господствовавшей идеологии, а естественным развитием тех идей, которые во многом являлись общими для К. Маркса и других последователей немецкой философии и разрабатывались в других вариантах рядом философов XX столетия» (Лекторский, 2004, с. 10). Варианты философского осмысления деятельностных концепций развивались в отечественной философии и методологии Э. В. Ильенковым, Г. С. Батищевым, М. К. Мамардашвили, Г. П. Щедровицким, Э. Г. Юдиным и др.

Второй круг претензий к деятельностной тематике выдвигался в рамках критики конкретных теорий (ориентировка преимущественно на индивидуальную деятельность у А. Н. Леонтьева, представления об интериоризации в схеме П. Я Гальперина и ряд других). Но эти возражения следует обсуждать только конкретно, применительно к определенным проблемам в той или иной их трактовке с позиций деятельностного опосредствования и других психологических концепций. Научные споры продолжаются в учебниках, на конференциях, в трудах последователей и оппонентов деятельностного подхода. Они не могут быть завершены, пока подход развивается как методология психологических исследований.

Третье обвинение автор видит в антропоцентризме, в понимании человеческой деятельности как преобразующей в смысле перделки природы и про-

ектирования социальных процессов. Но философ противопоставляет этому иное исходное представление о деятельностном подходе у Маркса – как о *самостоятельности* субъекта. Это реализовано в идеях активности субъекта, представленной затем по-разному в вариантах развития леонтьевской концепции, субъектно-деятельностного подхода, методологического принципа активности в отечественной психологии познания и личности.

С методологических позиций претензии на создание единой теории деятельности бессмысленны в силу вариативности деятельностного подхода не только в прошлом и настоящем, но и в будущем (там же).

В рамках обозначенной самим А. Н. Леонтьевым марксистской платформы его концепции следует назвать наиболее близкой к основам его теории философскую концепцию Э. В. Ильенкова, на понимание которым культурной трансляции идеального он прямо ссылался (Ильенков, 1968, 1984; Леонтьев А. Н., 1975).

Отмечу, что в понимании Э. В. Ильенкова примененная к теоретически оформленным высказываниям диалектика не может покрывать собою всего пространства обобщений, которое возникает при соотнесении теоретического и эмпирического знания. Если же учитывать неоднозначность выделения предмета психологии, зависящего как от мировоззренческих и теоретических установок той или иной школы, так и от используемых методов, то тем более апелляция к диалектическому мышлению не может полагаться как подведение всех размышлений под одну форму или аргументацию.

Утверждать закрытость теоретического мира психологии – это значит противостоять самому духу и формам диалектического мышления. Диалектический цикл заведомо предполагает выдвижение, как сказали бы сегодня в рамках обсуждения экспериментального метода, конкурирующих теорий и «других» объяснений. И путь движения научного познания никак не представим в форме движения к единой теории (пусть и в рамках одной отдельно взятой области психологии). Из понимания диалогичности мышления, как и раскрытия философских оснований диалектического мышления, следует, напротив, принципиальная открытость мира теорий, поскольку к каждому тезису, прошедшему полный цикл обсуждения и реализованному в том или ином «синтезе», будет сформулирован антитезис.

Научное знание принципиально гипотетично. В соотношении мира теорий и эмпирически устанавливаемых зависимостей гипотеза всегда остается открытой для дальнейшей проверки. Открытость человеческого мышления – принципиальная особенность человека. И эта открытость не предполагает окончания развития теорий, кто бы ни «закрывал» их по идеологическим соображениям, оформляя в рамки завершенных систем.

Заключение

В данном случае я не ставила задачу представить теорию деятельности в качестве закрытой системы, хотя она может выглядеть таковой, поскольку охватывает наиболее широкий пласт методологии психологии.

И в настоящий, и в другие периоды развития отечественной психологии вопрос о предмете психологии с позиций деятельностного подхода сопровождался обсуждением, в какой степени идеи культурно-исторического подхода Л. С. Выготского повлияли на становление общепсихологической теории деятельности¹. Но выделение предмета психологии связано с определенной конкретизацией подхода в методе исследования, и это в единой школе Л. С. Выготского—А. Н. Леонтьева—А. Р. Лурии осуществлялось в разных направлениях. Именно с пониманием разграничений объекта и предмета исследования (Юдин, 1978) связана невозможность единой интерпретации применения деятельностного подхода в психологии.

Осмысление самим автором теории деятельности перспектив ее развития было представлено в описании неопубликованных при жизни его последних трудов (Леонтьев А. А. и др., 2005); но материалом этой статьи послужили именно известные публикации А. Н. Леонтьева.

Ограничивать названия, а тем более понимание той или иной концепции (после подчас непрямого пути ее отстаивания самим автором) не кажется продуктивным, да и с точки зрения психологии понимания методологически невозможно (Знаков, 2005); претендовать же на «аутентичность» понимания было бы непросчительной гордыней. Поэтому изначально я ограничила текст попыткой представить наиболее важные общепсихологические контексты теории деятельности А. Н. Леонтьева, не раскрывая продуктивность ее практических приложений (например, в раскрытии возможностей развивающего обучения в подходе Д. Б. Эльконина — В. В. Давыдова и др.).

Остановлюсь на том, что изменение социальной ситуации наряду с развитием теоретического мира психологии не позволяет утверждать роль той или иной концепции «навсегда», ведь невозможно предугадать позицию, с которой посмотрят на теорию деятельности будущие поколения; здесь методологический эксперимент невозможен (Корнилова, Смирнов, 2011).

Связь многообразия психологических теорий с социальным аспектом развития науки в России метафорически прокомментировал В. П. Зинченко, когда писал о «методологических настроениях» в период после падения советского строя: «Все устали от монизма, идущего то ли от проекта Козьмы Пруткова о введении единомыслия в России, то ли от марксизма, то ли от православия» (Зинченко, 1993, с. 50). Возможно и изменение методологических оценок подхода отдельным автором при развитии его собственного пути (что и продемонстрировал сам В. П. Зинченко). Сегодня единство научного познания вновь кому-то видится в единомыслии — признании единой теории, единой методологии («монизма» как термина, уже отвлеченного от основного вопроса философии).

Пространство объяснений, функционирующих в рамках научного сообщества, не в последнюю очередь оказывается связанным в психологии с изме-

1 Привожу наиболее обоснованную оценку взаимосвязи деятельностного подхода и культурно-исторической психологии: «Вероятно, идеи Выготского можно было развивать и в других направлениях, отличных от деятельностного, однако никто этого не смог сделать в масштабах, сколько-нибудь сопоставимых с деятельностным подходом» (Леонтьев А. А. и др., 2005).

Глава 2

нениями в обществе. Развитие методологического пространства в России после распада СССР дало возможность *плюралистического мышления* в том числе и в психологии (Тихомиров, 1992), в частности, как поиска путей осмысления разных типов психологических объяснений (Юревич, 2006).

Теорию деятельности можно рассматривать как единый подход к выделению предмета психологической науки. Однако можно оставить за деятельностью подход статус теории верхнего уровня как той методологической платформы, с позиций которой возможно развитие объяснительного потенциала (деятельностного опосредования), но со специальным обоснованием его применимости к выделенному предмету. Форсировать интеграцию предмета психологии, который сейчас не просто по-разному выделяется разными направлениями и научными школами, но и явно связан с разными подходами и методами – это значит предполагать конечность научного познания. Выделение такого общего предмета претендовало бы на завершающее очерчивание психологией своего возможного поля исследований.

Глава 3

Культурно-историческая психология: современное состояние и направления развития научной школы

Культурно-историческая психология в системе отечественных и зарубежных исследований: исторический и социокультурный контекст

Через два года культурно-историческая психология отметит свое столетие. Ее основателем был Л. С. Выготский (1896—1934), которому в то время еще не исполнилось и 30 лет. Он только что переехал из Гомеля в Москву на работу в Институт экспериментальной психологии. Рядом с ним над созданием теории трудились совсем молодые А. Р. Лурия и А. Н. Леонтьев.

В домашнем архиве А. Н. Леонтьева сохранился листок, на котором Л. С. Выготский карандашом набросал первый план теории. Опорным принципом он предложил сделать *орудийный характер* человеческой деятельности вообще и психики человека в частности.

Сама теория поначалу именовалась «инструментальной психологией» и ставила своей целью «раскрытие инструментальной функции культурных знаков в поведении человека» (Выготский, 1928, с. 158). В психологическом развитии человека знак выполняет ту же функцию, что и орудие в процессе труда. Как с помощью орудий труда человек преобразует внешнюю природу, так с помощью «культурных знаков» он изменяет свой внутренний мир — овладевает уже имеющимися психологическими функциями, начиная с процессов восприятия и памяти, и создает новые, неизвестные животной психике функции, такие как речевое мышление или счет.

На этом основании в системе культурно-исторической психологии психологические функции делятся на «низшие, натуральные» и «высшие, культурные». Последние всегда опосредствуются знаками и осуществляются в знаковых формах, наивысшей из которых становится слово, язык. Слово — это своего рода «молот», которым выковываются понятия. Процесс создания и употребления искусственных сигналов, знаков Выготский называет «сигнификацией» — в отличие от «сигнализации», отражающей явления внешнего мира в структурах нервной системы и эмоционально-выразительных реакциях организма.

Употребление «психологических орудий» кардинально меняет течение и структуру всех душевных процессов, открывая для человека возможность

управлять ими, стимулировать и регулировать поведение и психологическое развитие, так же как при помощи орудий труда он регулирует рост растений или поведение животных.

Подбирая для новой теории «недостающее имя», Выготский останавливается на двух вариантах: «историческая психология», или «*историческая* теория *высших психологических функций*». В последнем названии, отмечает он, «заключено всё наше учение» (Выготский, 2017, с. 161). Далее он определяет эту теорию как особую часть «культурной психологии развития», изучающей формирование психики в процессе общественного труда.

Таким образом, определения «культурная» и «историческая» (психология) соотносятся как общее и частное, конкретным предметом исследования являются «высшие психологические функции», а всеобъемлющим контекстом — психология развития.

По свидетельству Леонтьева и Лурии, Выготский употреблял также название «культурно-историческая теория психики». В брошюре 1932 г. говорится: «В сущности так называемая теория исторического (или культурно-исторического) развития в психологии означает теорию *высших психологических функций* (логическая память, произвольное внимание, речевое мышление, волевые процессы и т. д.) — *не больше и не меньше!*» (Выготский, Леонтьев, 2003, с. 200).

В современной научной литературе содержание термина «культурно-историческая психология» варьирует в зависимости от того, как понимается взаимоотношение учения Выготского и «психологической теории деятельности» Леонтьева и его последователей. В более широком значении, которого станем придерживаться и мы, «культурно-историческая психология» включает все модификации и ответвления, опирающиеся на дистинкцию низших и высших (культурных) психологических функций, понимание социальной природы человеческой личности и открытые Выготским законы развития психики. При этом, разумеется, нельзя забывать о противоречиях между исследовательской программой Выготского и проектами его «непослушных» учеников. Такого рода противоречия нередко указывают на точки роста научной теории, а потому ценны и необходимы для развития науки.

Так, в 1930–1931 гг. намечилось расхождение Леонтьева и Выготского во взглядах на дальнейшее направление развития теории, о чем свидетельствует их переписка 1932 г. (Леонтьев и др., 2005). В это время, по словам А. Н. Леонтьева, культурно-историческая психология переживала кризис, связанный с идеологическим давлением на науку вообще, обвинениями Выготского и его последователей в «немарксизме», началом критики педологии, завершившейся полным ее разгромом в 1936 г. В этой сложной общественно-политической ситуации было как нельзя кстати предложение, поступившее из Харькова Л. С. Выготскому, А. Р. Лурии, А. Н. Леонтьеву и М. С. Лебединскому, организовать отделение психологии в Украинской психоневрологической академии. Ядро «харьковской группы» (в историю психологии она вошла как «Харьковская школа») составили молодые ученые из Москвы (Л. И. Божович, А. В. Запорожец, А. Н. Леонтьев). К ней присоединились психологи из Харькова — В. И. Аснин, П. Я. Гальперин, П. И. Зинченко, Г. Д. Луков и др. (Выгодская, Лифанова, 1996). Эту группу возгла-

вил Леонтьев, переехавший в Харьков, а Выготский и Лурия бывали в Харькове лишь наездами. Став фактическим руководителем группы, Леонтьев развернул свою программу исследований связи человеческой психики с материально-практической деятельностью людей, а также начал изучать эволюцию психики животных в процессе развития их деятельности во внешнем мире. Эта деятельность именуется «предметной» в отличие от протекающей в организме деятельности нервной, секреторной и др.

Можно сказать, что Леонтьев создал эволюционную теорию развития психики от простейшего ощущения до человеческого сознания. Он выделил и описал четыре стадии развития: психика сенсорная, перцептивная, интеллект, сознание соответствуют четырем основным типам предметной деятельности. Высшая психологическая формация – сознание – возникает и развивается в системе общественного труда, преобразующего как внешний мир, так и душевную жизнь человека.

Леонтьев был убежден, что продолжает дело, начатое его учителем в 1920-е годы, ибо никто иной, как Выготский, сделал понятие практической деятельности, труда, краеугольным камнем научной психологии. Однако затем Выготский, по мнению Леонтьева, свернул с открытого им пути, обратившись к исследованию языковых значений и смысловой структуры сознания. Понятие практики отошло на второй план. А движущей силой развития психики Выготский считал аффекты: «За мыслью стоит аффективная и волевая тенденция. Только она может дать ответ на последнее „почему“ в анализе мышления» (Выготский, 1934, с. 314). Аффекты подобны ветру, приводящему в движение «облака мысли».

Леонтьев был с этим категорически не согласен: мысль, с его точки зрения, рождается в процессах предметной деятельности – здесь и только здесь движущая сила мышления. В свою очередь Выготский упрекал Леонтьева в недооценке «силы социализации» и «преувеличенном значении практики».

Спор между гениальными творцами культурно-исторической психологии оказался в высшей степени плодотворным. В процессе острой дискуссии возникло новое мощное «культурно-деятельностное» течение, в русле которого вели свои исследования выдающиеся ученые, такие как П. Я. Гальперин, Д. Б. Эльконин, А. В. Запорожец, Л. И. Божович, Б. В. Зейгарник; после войны в эту когорту влились Э. В. Ильенков, В. В. Давыдов, В. П. Зинченко. Все они с полным правом причисляли себя к «школе Л. С. Выготского».

Культурно-историческая психология не догматический монолит. В полемике ее творцов и расширении исследовательской программы – источник саморазвития научной школы, а не ее дефект. При этом, однако, должен сохраняться культурно-исторический взгляд на душевную жизнь человека. Выготский принципиально не признавал эклектику, требуя от своих соратников «строжайшего, монастырского режима мысли», вплоть до «идейного отшельничества», если это потребуется.

К сожалению, в последние полвека развитие культурно-исторической психологии идет, как это называл Выготский, по линии «смещения и обживания». Так, в мировой психологии в настоящее время широко используются такие понятия, как «зона ближайшего развития», «вращивание»/интериоризация высших

психологических функций и «знаковое опосредствование». Однако мы нередко видим не столько адекватное освоение понятий культурно-исторической теории, сколько «аннексию — механическое перенесение кусков чужой системы в свою» (Выготский, 2000, с. 41). Добавим также, что «инструментальная психология» Выготского намного ближе и понятнее современному зарубежному читателю, нежели теория сознания как «динамической смысловой системы» или исследование взаимосвязи аффекта и интеллекта, которое он вел в последние годы жизни.

Английский перевод книги «Мышления и речь» (1962) вышел с предисловием одного из лидеров когнитивной психологии Дж. Брунера. На полемический вызов Л. С. Выготского откликнулся и Ж. Пиаже (что ему не было свойственно). Однако в целом научное сообщество отреагировало на эту книгу без энтузиазма, далеко не сразу сумев оценить, по меткому выражению Дж. Брунера, «неуловимую форму гениальности» ее автора.

Настоящий «бум Выготского» начался после выхода в свет сборника «Разум в обществе» (*Mind in Society*), изданного в Гарварде в 1978 г. по инициативе Лурии. Книга представляла собой коллекцию коротких отрывков работ Выготского разных лет вперемешку с «несколькими пассажами его учеников и сотрудников» — всего около ста страниц, подобранных с учетом склада ума и вкусов западного читателя. В предисловии к сборнику редакторы отметили, что «позволили себе значительную свободу», и публикуемые тексты нельзя считать «буквальным переводом» Выготского. Хотя и на сегодняшний день это самое известное и цитируемое издание, источник мировой славы Выготского.

В 1981 г. вышел еще один знаковый сборник «Понятие деятельности в советской психологии» под редакцией Дж. Верча и с предисловием М. Коула. В него вошли в основном переводы работ А. Н. Леонтьева и его последователей, а также три ранних текста Л. С. Выготского в разделе об «историческом влиянии».

С этого времени «деятельностная» ветвь культурно-исторической психологии вышла на мировую арену. В 1986 г. в Берлине было основано Международное общество культурных исследований и теории деятельности. В 2002 г. оно трансформировалось в Международное общество культурных и деятельностных исследований. Конгрессы ISCAR проводятся каждые три года, начиная с 2005 г. в разных городах мира: Севилья, Сан-Диего, Рим, Сидней, Квебек, Натал. Членами ИСКАР являются сегодня специалисты более чем из 60 стран мира.

В Северной Европе в Хельсинки под руководством Ирвэ Энгстрёма активно работает Центр исследований деятельности, развития и обучения. Научные центры, институты, кафедры, лаборатории культурно-исторической психологии есть во всех странах Европы, на всех пяти континентах. Только в Бразилии, например, функционируют 63 научных центра. В России на базе Московского государственного психолого-педагогического университета под руководством проф. В. В. Рубцова действует Международная кафедра ЮНЕСКО «Культурно-историческая психология детства». Мировой платформой культурно-деятельностных исследований служит журнал «Разум, культура и деятельность», основан в 1994 г.), которым многие годы руководил и по сей день курирует М. Коул. В России эту роль выполняет журнал «Культурно-историческая психология» (основан в 2005, главный редактор — Б. Д. Эльконин).

Теоретико-методологические основы культурно-исторической психологии. Основной закон развития высших психических функций

Л. С. Выготский пришел в психологию с солидным философским багажом. Его любимым мыслителем с юношеских лет был Б. Спиноза, в чьем учении о силах аффектов и человеческой свободе Выготский видел «маяк, освещающий путь для новых исследований». А проблемы свободы воли, взаимоотношений мышления и речи, интеллекта и аффекта решались им в контексте противостояния линий Декарта и Спинозы. «Современная психология, не имеющая компаса и карты, должна идти по звездам Спинозы» (Выготский, 2017, с. 270).

Г. В. Ф. Гегель подсказал Выготскому идею знакового опосредствования высших психологических функций. Гегелевское понятие «хитрости разума» обозначает воздействие на одни вещи посредством других ради достижения собственной цели. А знак, по Выготскому, есть средство психологического воздействия на поведение, чужое или свое.

«Капитал» К. Маркса научил Выготского методу разрешения противоречий и развития теории из простой «клеточки», или «единицы анализа». Клеточной формой психики Выготский вслед за Спинозой считал *аффект*; единицей речевого мышления — *значение*; единицей сознания — *переживание*. Леонтьев предложил на роль первичной клеточки психики *ощущение*, понятое как ориентировочная реакция на абиотическое раздражение. Причем в записях для себя отметил, что при возникновении ощущение представляет собой аффект.

Записные книжки Выготского и их анализ позволяют увидеть, как создавались методология культурно-исторической теории. Зимой 1926 г. Выготский ищет «ключ к психологии человека», исходя из определения сущности человека как «ансамбля общественных отношений» (К. Маркс). Что означает эта дефиниция конкретно для психологии? В сеть общественных отношений человеческий индивид попадает с первого дня своей жизни, и вся дальнейшая его жизнь протекает при зримом или незримом, практическом или мысленном участии других людей, общества. Принятые в обществе нормы и схемы деятельности усваиваются, «вращаются» в психику индивида, превращаясь в высшие психологические функции. Этот социогенный слой психики в культурно-исторической теории именуется «личностью», или человеческим «я».

«Я есть социальное в нас», — резюмирует Выготский (Выготский, 2017, с. 112). Таков, с его точки зрения, искомый ключ к вратам психологии человека. Личность надлежит понимать как *индивидуальный микросоциум*, частицу общества, завладевшую телом и душой индивида.

«Что такое человек? Для Гегеля — логический субъект. Для Павлова — сома, организм. Для нас — социальная личность = *совокупность общественных отношений, воплощенная в индивиде* (психологические функции, построенные по социальной структуре)» (Выготский, 2006, с. 1028).

Отсюда, согласно Выготскому, возникает основной закон, культурно-исторической психологии, или «общий генетический закон культурного развития». Он утверждает: «*Всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцене дважды, в двух планах, сперва — социальном, потом — психологическом,*

сперва между людьми, как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка, как категория интрапсихическая. Это относится одинаково к произвольному вниманию, к логической памяти, к образованию понятий, к развитию воли» (Выготский, 1960, с. 197–198).

Инструментом преобразования общественных отношений людей в психологические функции личности служит «культурный знак». Применительно к науке о детстве, педологии, принципы «инструментального метода» Выготский сформулировал в семи тезисах 1928 г. Характеризуя свой метод как «историко-генетический», Выготский подчеркивает два его главных достоинства: он позволяет исследовать развитие ребенка «объективными средствами» и дает «ключ к практическому овладению» высшими формами поведения в воспитании и школьном обучении (Выготский, 1928, с. 159). При этом основной вектор развития человеческой психики, по Выготскому, заключается в том, что всякая высшая психологическая функция возникает «спонтанно», как произвольный навык, и развивается в направлении ее «осмысливания» и сознательного овладения ею. В итоге первоначальный навык (восприятия, запоминания, говорения и т. д.) превращается в «умение для себя».

Культурно-историческая психология и теория деятельности: единая система или противоположные научные направления?

Психика отражает мир, учат материалисты. Да, но отражает мир и термометр, замечает Выготский. Психическое отражение «субъективно» – избирательно и фрагментарно. Далеко не все в мире превращается в психические феномены. Из «гераклитова потока» органы чувств выхватывают и фиксируют в образах то, что ценно для *деятельности*. «Психика есть образование устойчивого среди текучего. Она есть орган отбора, сито-решето, изменяющее мир так, чтобы можно было действовать... Красное, синее, громкое – нарезали мир на порции, чтобы я мог его есть и не сломать зубы» (Выготский, 2017, с. 129). Чем сложнее процессы деятельности, тем выше уровень психического развития – тем мельче ячейки у решета души.

Стало быть, субъективность психической жизни объясняется *нуждами деятельности*. От природы психика – «служанка деятельности», помогающая ей удовлетворить жизненные потребности тела, «грызть мироздание, не ломая зубы».

С момента своего основания культурно-историческая психология руководствовалась фаустовским принципом «В начале было дело». Эту формулу Выготский отстаивал и годы спустя, на заключительных страницах «Мышления и речи».

Несмотря на это, в нашей литературе, а впоследствии и за рубежом широко распространилось представление, будто понятие деятельности чуждо культурно-исторической психологии. А. В. Брушлинский рассуждал о «не-деятельностном подходе Выготского», а М. Г. Ярошевский заявлял, что «понятие о деятельности у Выготского отсутствовало» (будто бы это понятие ему приписал А. Н. Леонтьев), и т. д.

Между тем Выготский утверждал, что «изолированного развития мышления и действия не существует в действительности и что на самом деле мы встречаем на каждом шагу разительный пример тесной связи, тесного сплетения практики и мышления ребенка». Мало того, он провел специальное исследование того, «как завязываются на каждой данной возрастной ступени генетические узлы, соединяющие воедино мышление и практическую деятельность ребенка» (Выготский, 1930, с. 594, 589).

Уже в 6 месяцев ребенок пробует воздействовать на один предмет с помощью другого, а несколько месяцев спустя «эта деятельность превращается в первичное, наиболее примитивное употребление орудий». Причем, как и у келеровских шимпанзе, орудийная деятельность детей поначалу не связана с речью.

На следующей фазе, между годом и тремя, развитие предметной деятельности протекает в направлении ее «синкретического объединения» с речевым мышлением. Ребенок одновременно и действует, и разговаривает вслух — возникает особый «сплав из речи и действия», алогичный с точки зрения взрослого, но естественный для ребенка, у которого с первых дней жизни путь к вещам и обратно, от вещей к нему, пролегает через других людей.

В дошкольном возрасте ребенок от социальной речи, адресованной окружающим людям, переходит к речи эгоцентрической. Это отрывочный монолог, произносимый «для себя»; он служит переходной ступенью к внутренней речи и вместе с тем обеспечивает переход к *планомерной деятельности*, в которой процесс речевого мышления предшествует действию и направляет его.

В возрасте от 6 до 10 лет, по мысли Выготского, формируется внутренняя речь и начинается ее «размежевание» с внешней деятельностью. Уже после 10 лет в ходе выработки логических понятий (Выготский именует их «научными», отличая от понятий «спонтанных», или «житейских») внутреннее мышление достигает относительной самостоятельности и независимости от внешней деятельности.

Обособление словесно-речевого мышления от предметной деятельности образует условие и предпосылку *труда*. Процесс труда требует умственного и притом логически продуманного планирования своих действий — построения схемы действия «в голове» посредством знаков: слова, числа и пр., — прежде чем произойдет реальный контакт с вещами. С этой точки зрения развитие детской психики есть подготовка ребенка к трудовой жизни.

Будучи истинным марксистом, Выготский определял главный вектор и цель развития детского мышления как *формирование способности к труду*. «С одной стороны развитие трудовой деятельности находит свою опору в естественном развитии детского мышления и его практической деятельности, с другой стороны, сам труд раскрывается как один из основных факторов, двигающих это интеллектуальное развитие ребенка вперед» (Выготский, 1930, с. 596).

Особенности развития эгоцентрической речи Выготский обсуждает во второй главе «Мышления и речи», полемизируя с Ж. Пиаже. Последний считал эгоцентрическую речь всего лишь эпифеноменом, сопровождающим деятельность и переживания ребенка. В ходе эксперимента Выготский намеренно ограничивал свободное течение внешней деятельности детей, создавая искусственные

препятствия и наблюдая, как при этом меняется коэффициент эгоцентрической речи. Оказалось, что этот коэффициент возрастает почти вдвое по сравнению с данными Пиаже и контрольными опытами для тех же детей при отсутствии затруднений. Тем самым была продемонстрирована прямая зависимость между разумным действием во внешнем мире и действием, обращенным к самому себе с помощью слова.

В экспериментах Р. Е. Левиной под руководством Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева был исследован (впервые описанный немецкими психологами Ш. Бюлер и Х. Гетцер) процесс смещения эгоцентрической речи к началу действия и обретение ею планирующей функции. Левиной было показано, что в возрасте 3—4 лет эта речь протекает у детей как эмоциональный аккомпанемент к внешним действиям, не выполняя никакой значимой роли в решении практических задач и зачастую лишь отвлекая ребенка от их решения. На следующем этапе развития эгоцентрическая речь повторяет действие в языковом плане, отливая схему действия в словесную формулу. Наконец, когда языковой план достаточно сформировался, эгоцентрическая речь превращается в форму словесного мышления, начиная определять и контролировать образ действий. Практическая задача решается теперь сперва на словах, а уж затем на деле. Когда ребенку предлагалось решить задачу молча (в опыте Левиной), его практическая деятельность расстраивалась, заходила в тупик; и наоборот, предложение *описать на словах* способ действий для достижения цели положительно сказывалось на эффективности решения той же самой задачи.

Как выяснилось, развитие речевого мышления напрямую зависит от характера внешней деятельности, степени ее привлекательности и трудности, а также — от участия других людей, стимулирующих деятельность ребенка и регулирующих условия ее протекания (этот феномен можно условно назвать «социальным ландшафтом» развития детской психики).

Более того, на примере развития эгоцентрической речи можно также видеть, как слово помогает человеку планировать и регулировать ход своей деятельности. Тем самым *слово освобождает деятельность*. «Слово... для нас = свобода» (Выготский, 2017, с. 177). Вот почему Выготский считал слово «высшей ступенью развития человека по сравнению с самым высшим выражением действия... Слово есть конец, который венчает дело» (Выготский, 1934, с. 318).

Сегодня, в период развития идей и одновременно острых дискуссий о системе понятий культурно-исторической психологии, можно определенно сказать, что корень разногласий Выготского с Леонтьевым не в том, что Выготскому чужд принцип деятельности (как это многие ошибочно себе представляют), а в том, что проблема взаимосвязи «дела» и «слова», предметной деятельности и психики вообще, решалась ими по-разному. Принципиально важным для понимания единства научной школы является, однако, то обстоятельство, что в происхождении психических процессов для основателей культурно-исторической психологии «В начале было дело». Но если для Леонтьева дело *выражается* в слове, то для Выготского дело *развивается* в слово: с помощью языка человек достигает *свободы действий* (Культурно-историческая психология: истоки и новая реальность, 2022, с. 8).

Основные понятия культурно-исторической психологии

Рассмотрение процесса развития высших психических функций как опосредствованных культурными «орудиями» (знаками) в социальном взаимодействии ребенка с другими людьми привело Выготского к особому пониманию этого процесса, принципиально отличающемуся от распространенных в его время подходов. Были разработаны новые понятия, описывающие этот процесс, они несли в себе мощный эвристический потенциал как для исследования закономерностей развития ребенка, так и для практического решения проблемы соотношения обучения и развития.

Одним из центральных для теории развития в культурно-исторической психологии стало понятие *интериоризации*, которым описывается превращение внешнего опыта во внутреннее достояние ребенка. Для Выготского «внешнее» означает «социальное». Интериоризация – это присвоение ребенком внешних, т. е. социальных, форм поведения. Применительно к проблеме развития высших психических функций понятие интериоризации объясняет процесс превращения натуральных функций в высшие, т. е. осуществляемые с использованием культурных средств (опосредствованные), и произвольные, т. е. «подвластные» самому человеку (Выготский, 1983, с. 145–148). Если, благодаря натуральным функциям, некий опыт «запоминается», то человек, завязывающий узелок на память или делающий зарубку, «сам запоминает». Он не только овладевает своей памятью, но и заставляет внешний предмет напоминать ему о том, что нужно запомнить, наделяет его особым значением. Вводя генетический закон и понятие интериоризации, Выготский преодолевает разрыв между натуральными и высшими психическими функциями, в чем упрекает современные ему направления в психологии, включая бихевиоризм и рефлексологию, а также понимающую или описательную психологию духа.

В работе «История развития высших психических функций» (1931), которая была опубликована полностью лишь в 1983 г., Выготский рассматривает процесс становления высших психических функций еще по аналогии с условным и безусловным рефлексом, помещая «знак» между «стимулом» и «реакцией», как инструмент, разрывающий непосредственный характер этой связи. Основным орудием развития высших психических функций является речь. Осваивая систему значений, ребенок начинает осмысленно употреблять слова сначала для воздействия на других, а потом и на себя, овладевая при этом своим поведением.

В 1933 г. Выготский вводит еще одно важное понятие, которое значительно изменяет и расширяет представление об интериоризации и механизмах развития, понятие «зона ближайшего развития» (ЗБР) (Выготский, 1934, 1984а). В системе понятий культурно-исторической психологии оно является центральным, цементирующим всю концепцию развития и, как выяснилось позднее, содержащим в себе потенциал для методологического решения той проблемы, которая была, возможно, основной для самого Выготского, – проблемы научного, при этом практико-ориентированного понимания развития ребенка как целостного процесса, охватывающего в единстве все линии развития – психологическую, физическую, социальную, культурную.

Если, используя понятие «интериоризация», Выготский описывает основной механизм становления специфически человеческой психики, то понятие «зона ближайшего развития» (ЗБР) дает ключ к описанию пути развития конкретного ребенка. Вводя представление о ЗБР как области действий, которые ребенок может успешно и осознанно осуществлять совместно со взрослым, но еще не может выполнять их самостоятельно, Выготский, во-первых, подвергает критике распространенную в его время практику исследования детского развития, во-вторых, подчеркивает важное педагогическое значение этого понятия, которое, к сожалению, раскрыть не успел, лишь обозначив в ряде тезисов свои идеи (Зарецкий, 2007).

Зона ближайшего развития (ЗБР) — одно из самых распространенных понятий культурно-исторической психологии. Общее количество публикаций в базе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru, содержащих это понятие за период 2000–2019 гг., — 2600 (Марголис, 2020, с. 15). Наиболее известное определение ЗБР, данное Выготским (или его соратниками, готовившими брошюру к изданию в 1935 г.) сформулировано так: «Зона ближайшего развития ребенка — это расстояние между уровнем его актуального развития, определяемым с помощью задач, разрешаемых самостоятельно, и уровнем возможного развития ребенка, определяемым с помощью задач, решаемых ребенком под руководством взрослых и в сотрудничестве с более умными его сотоварищами...» (Выготский, 1935, с. 42). Это определение принято рассматривать как «классическое», т. е. выражающее основную суть самого понятия ЗБР, наиболее важное его содержание.

Однако к этому наиболее известному и популярному определению, почти что канонизированному в часто цитируемой западными психологами книге «Mind in society» (Vygotsky, 1978, p. 84–91), следует относиться как к исключительно рабочей конструкции, предложенной Выготским для решения конкретной практической задачи — донесения до учителей и психологов важности определения не только уровня актуального развития, но и потенциального уровня. Выготский считал, что если принять эту точку зрения, то «все вопросы педагогики и в нормальной, и вспомогательной школе станут по-другому» (Выготский, 1935, с. 52)¹.

Вместе с тем сам Выготский придавал гораздо большее значение понятию ЗБР, чем отражено в его же определении 1935 г., подчеркивал, что развитие ребенка *зависит от той помощи, которую оказывает ребенку взрослый* (Zaretsky, 2021, p. 40). Неоднократно отмечал, что развитие происходит, когда ребенок и взрослый *сотрудничают в ЗБР* (сотрудничают, т. е. действуют совместно) (Выготский, 1934, 1984). Более того, в книге «Мышление и речь», переизданной на русском языке в 1956 г. и переведенной на английский в 1962 г., Выготский обращал внимание на то, что обучение не просто ведет за собой развитие, но при определенных условиях *«один шаг в обучении может означать сто шагов в развитии»* (Выготский, 1982, с. 230).

1 Реализована идея Л. С. Выготского о такой диагностике была лишь в 1976 г., когда А. Я. Иванова (дочь С. Я. Рубинштейн, ученицы Л. С. Выготского и соратницы Б. В. Зейгарник), разработала стандартизованную процедуру оценки зоны ближайшего развития.

Понятие ЗБР позволило Выготскому выдвинуть важный тезис, в соответствии с которым то, что ребенок может сделать сегодня совместно со взрослым, завтра он может сделать сам. Совместное действие в ЗБР для ребенка необходимо, так как он не может самостоятельно справиться с трудным для него заданием, это возможно только благодаря тому, что он может осознанно взаимодействовать со взрослым или другим ребенком. В зоне актуального развития ребенок справляется с деятельностью и в помощи других не нуждается. За пределами ЗБР находится то, что недоступно его пониманию. Осваивая совместно с другими способы действия и необходимые знания, ребенок может затем применять их самостоятельно при решении различных задач. Обучение, утверждает Выготский, идет впереди развития.

С конца 1990-х годов в российской культурно-исторической психологии начинает складываться и получает распространение особое направление исследований ЗБР – поиск других (помимо интеллектуального) измерений ЗБР. Ряд отечественных исследователей сосредоточил свои усилия на обосновании ЗБР как источнике не только интеллектуального, но и личностного развития ребенка. Е. Е. Кравцова выдвинула тезис, что понятие ЗБР относится прежде всего к развитию личности (Кравцова, 2001). В работах Н. Л. Белопольской было показано эмоциональное измерение ЗБР (Белопольская, 1997). Исследование Л. Ф. Обуховой и И. А. Корепановой посвящено смысловому измерению ЗБР (Обухова, Корепанова, 2005). А Г. А. Цукерман предложила рассматривать ЗБР как пространство разных возможностей развития ребенка, зависящее от видов помощи (Цукерман, 2006).

Рассмотрение сотрудничества ребенка и взрослого как *совместной деятельности*, в которой они являются ее субъектами, позволило раскрыть потенциал учебной деятельности как зоны ближайшего развития различных когнитивных способностей и компетенций (Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов, В. В. Рубцов, Ю. В. Громыко, В. А. Гуружапов, А. Г. Крицкий, А. А. Марголис, И. М. Улановская, Г. А. Цукерман, Б. Д. Эльконин и др.). Если ребенок находится в субъектной позиции по отношению к осуществляемой деятельности, то он начинает активно и осознанно присваивать опыт коллективной, совместно-распределенной деятельности, а сама деятельность становится источником развития не только обобщенных способов действия, но и способностей к кооперации и взаимодействию с другими, а также коммуникативных, рефлексивных, творческих способностей (Совместная учебная деятельность и развитие детей, 2021).

Попытка обобщить понятие «Зона ближайшего развития», рассмотреть ситуацию взаимодействия «взрослый – ребенок» как пространство развития способностей и компетенций привела исследователей к разработке многовекторной модели ЗБР. Многовекторная модель ЗБР – это вариант реализации идеи Выготского о том, что понятие ЗБР может быть распространено на различные стороны личностного развития (Зарецкий, 2007).

В рамках многовекторной модели ЗБР развитие рассматривается как движение по самым различным направлениям, в каждом из которых выделяются три гипотетические зоны: зона актуального развития (ЗАР), в которой ребенок может действовать сам без помощи взрослого, собственно зона ближайшего раз-

вития (ЗБР), в которой ребенок может успешно действовать лишь с помощью взрослого, и зона актуально недоступного (ЗАН), в которой ребенок не может осознанно взаимодействовать со взрослым (граница между доступным и недоступным его пониманию). Шаги в обучении – это изменение границ ЗАР и ЗБР по вектору учебной деятельности, а шаги в развитии – это качественные изменения направления когнитивного и личностного развития по любому из векторов. Известная формула Выготского «один шаг в обучении – сто шагов в развитии» в рамках данной модели приобретает вполне конкретный смысл: один шаг в учебной деятельности может одновременно сопровождаться качественными изменениями по другим направлениям развития. В их системе раскрываются широкие возможности развивающего потенциала ЗБР.

Особенно ярко «взрывная динамика» в когнитивном и личностном развитии наблюдается у хронически неуспевающих учащихся, привычка к неуспеху у которых граничит с устойчивой беспомощностью, что выражается в отсутствии мотивации к учебе, низкой самооценке, отсутствии веры в себя и готовности прилагать усилия вплоть до отказа от деятельности при первом же затруднении. Но когда достигаются первые успехи, приходит понимание, за счет чего они были достигнуты и что именно было причиной ошибок и затруднений, что нужно освоить и преодолеть, чтобы быть успешным в учебе, то у таких детей возникает большое желание учиться: их перестают пугать трудности, а ошибки вызывают не отчаяние, а актуализируют познавательный интерес, деятельность сопровождается уверенностью и стойким убеждением, что рано или поздно проблемы с учебой могут быть решены. Личностные изменения сопровождаются «шагами» в интеллектуальном развитии, становлении рефлексивных и коммуникативных способностей, пониманием и принятием своих ограничений и стремлением наращивать собственный потенциал для их преодоления. Случаи «взрывной динамики» нередко имели место при оказании помощи учащимся классов коррекционно-развивающего обучения, имеющих диагноз «задержка психического развития», детям-сиротам с инвалидностью и тяжелыми соматическими заболеваниями (Зарецкий, 2016; Николаевская, 2020; и др.).

Анализируя точку зрения Выготского на роль социальных взаимодействий в развитии человека и его подход к исследованию процессов образования детских понятий, В. В. Давыдов обозначил шесть основных проблем, которые являются актуальными для культурно-исторической психологии и разработка которых позволит глубже понять природу развития высших психических функций (Давыдов, 1998, с. 30–35). Так, согласно В. В. Давыдову:

- Основой психического развития человека выступает *качественное изменение социальной ситуации*, или, по терминологии А. А. Леонтьева, *изменение деятельности человека*.
- Исходной формой деятельности является развернутое ее выполнение человеком во внешнем или социальном, или коллективном плане.
- Психологические новообразования, возникающие у человека, производны от *интериоризации* исходной формы его деятельности.
- Существенную роль в процессе интериоризации играют различные *знаковые и символические системы*.

- Всеобщими моментами психического развития человека служат его *обучение и воспитание*, поскольку, согласно Л. С. Выготскому, «обучение тогда ценно, когда идет впереди развития».
- Важное значение в деятельности и сознании человека имеют его интеллект и эмоции, находящиеся во внутреннем единстве.

Осмысление этих проблем ставит перед последователями научной школы Выготского новые задачи, среди которых разработка новых методов исследования развития становится одним из принципиальных направлений самой культурно-исторической психологии.

Генетические методы исследования развития в культурно-исторической психологии

Генетико-моделирующий метод. Формулируя основной закон развития высших психических функций, Выготский рассматривал социальные взаимодействия и социальные отношения как исходное основание (источник) развития: «За всеми высшими функциями и их отношениями стоят генетически социальные отношения, реальные отношения, *Homo duplex* (человек двойной — лат.). Отсюда *принцип и метод персонификации* в исследовании культурного развития, то есть разделение функций между людьми, персонификации функций. Например, произвольное внимание: один овладевает, другой владеет. Разделение снова надвое того, что слито в одном, экспериментальное развертывание высшего процесса (произвольного внимания) в маленькую драму» (Выготский, 1986, с. 54).

Подход, реализующий это фундаментальное положение, Выготский обозначил как *генетико-моделирующий метод* исследования. Особенности нового метода он продемонстрировал на примере опытов с детьми на овладение вниманием. Перед ребенком взрослый ставил две чашечки, накрытые крышечками. В одну из них взрослый помещал («прятал») орех. Крышечки были окрашены в разный цвет («темно-серый» или «светло-серый»). Крышечка более темного цвета накрывала именно ту чашечку, где в данный момент находился орех. В зависимости от места расположения ореха соотношение цветов на крышечках изменялось. Замысел взрослого состоял в том, чтобы обратить внимание ребенка на связь места расположения объекта (ореха) и соответствующего знака (светло-серый/темно-серый). Вниманием взрослого, представленным через соотношение предметных и знаковых структур, должен был овладеть сам ребенок. Важно, что процесс разворачивается в экспериментальной ситуации как опосредствование предметных и знаковых структур в условиях взаимодействия взрослого и ребенка.

Идея овладения функцией как первоначально разделенной между взрослым и ребенком была последовательно реализована Выготским на основе ставшей теперь уже классической методики двойной стимуляции (методика Выготского—Сахарова). На сегодняшний день эта методика является модельным прототипом созданного Выготским генетико-моделирующего метода исследования процессов развития мышления, обусловленных особенностями самой социальной ситуации — взаимодействиями и взаимоотношениями ее участников. Ме-

тодика направлена на исследование образования детских понятий как процесса приобретения бессмысленным словом значения, превращения слова в символ, в представителя предмета или группы предметов, сходных между собой. Выготский твердо стоял на той точке зрения, что «только изучение функционального употребления слова и его развития, его многообразных, качественно различных на каждой возрастной ступени, но генетически связанных друг с другом форм применения может послужить ключом к изучению образования понятий» (Выготский, 1982, с. 126).

Разрабатывая методику двойной стимуляции, Выготский понимал, что в исследовании образования понятий, принципиально важно иметь *два ряда стимулов* — необходимо ввести в экспериментальную ситуацию *ряд предметов*, в отношении которых понятия возникают, и *ряд слов*, с помощью которых они могут быть образованы. Поэтому в опытах испытуемый получал задачи, которые он мог решить только на основе соответствующих понятий. Освоение их возможно, если бессмысленные первоначально слова, становятся средством решения задачи, благодаря чему приобретают для испытуемого определенный смысл.

Для того чтобы выяснить, что вносит слово в реакции ребенка на «предметный мир» (свойства и признаки объекта), этот «объект» предъявляется ребенку как неструктурированное многообразие предметов и их свойств, чтобы преодоление и освоение особенностей этого многообразия было возможно только на основе пользования словом. Соотношение между предметным и словесным рядами задавалось так, чтобы всякая реакция ребенка отражала степень и своеобразие этого использования. Детям предъявлялась коллекция фигур различной формы, цвета, высоты и размеров. Причем предметный ряд предъявляется сразу, а словесный ряд возрастает, за счет чего двойная стимуляция изменяется — бессмысленные слова (знаки) требуют осмысления и понимания стоящих за ними значений¹.

На основе методики двойной стимуляции были получены данные, отражающие сложный путь образования понятий в детском возрасте. Они продемонстрировали тот факт, что слово, прежде чем достигает стадии полноценного понятия, проходит три фазы — *синкретический образ, комплексное мышление*, включающее псевдопонятия, и собственно *понятие*. В опоре на эти данные Выготский описал, как из *синкретических образов, комплексного мышления и потенциальных понятий* на основе применения *слова* в качестве *средства* образования понятия возникает специфическая знаково-смысловая структура, адекватно отражающая содержание осваиваемого предметного мира. Образование понятия, или приобретение «словом» значения, является в данном случае результатом сложной *коллективной, совместной деятельности* взрослого и ребенка (оперирование словом или знаком), в которой участвуют все основные интеллектуальные функции. Овладение понятием-значением слова является продуктом ее интериоризации. «Переход

1 Методику двойной стимуляции Л. С. Выготского—Л. С. Сахарова следует сопоставить с методикой образования понятий Н. Аха, являющейся примером синтетически-генетического метода исследования понятий. Такой анализ, однако, выходит за границы данной главы. Отметим, что при очевидном сходстве, подходы Выготского и Аха различаются по существу (Сахаров, 2006).

(от интерпсихических функций к интрапсихическим, т. е. от форм социальной коллективной деятельности ребенка к его индивидуальным функциям. — В. Р., В. З., А. М.) является общим законом... для развития всех высших психических функций, которые возникают первоначально как формы деятельности в сотрудничестве и лишь затем переносятся ребенком в сферу своих психологических форм деятельности.

...Не постепенная социализация, вносимая в ребенка извне, но постепенная индивидуализация, возникающая на основе внутренней социальности ребенка, является главным трактом детского развития» (Выготский, 1982, с. 319). Индивидуализацию сам Выготский понимал при этом как своеобразный «сплав» индивидуального сознания и индивидуальной деятельности.

Метод формирования умственных действий и понятий. Идея интериоризации как механизма формирования высших психических функций получила дальнейшее развитие в 1950—1980-е годы в учении П. Я. Гальперина о поэтапном формировании умственных действий и понятий (Гальперин, 1998). Под его руководством были разработаны представления об условиях, этапах и механизмах формирования умственных действий. Теория опирается на базовый принцип культурно-исторической психологии о том, что высшие психические функции «происходят» из внешней деятельности, а также на оригинальную авторскую трактовку предмета психологии как ориентировочной деятельности.

Разработанный ученым оригинальный *метод поэтапного формирования* позволил проникнуть в суть механизмов интериоризации и определить условия, при которых происходит переход «извне внутрь». Так, согласно Гальперину, в ходе интериоризации действие первоначально осуществляется в *материальном* (материализованном) *плане*, затем проходит этап *громкой речи*, после чего переходит во *внутреннюю речь*, приобретая затем форму «чистой» мысли.

Гальперин изначально противопоставил метод поэтапного формирования методу «срезов», господствовавшему в психологии. Метод «срезов» позволяет наблюдать «состояния» различных психических функций, процессов, свойств на том или ином этапе их развития. Сопоставляя данные, полученные путем «поперечных срезов», можно проследить динамику развития указанных функций, фиксируя различия их состояний в разные возрастные периоды, или у одного и того же человека (при лонгитюдном исследовании). Метод срезов широко применялся во времена Выготского и продолжает использоваться в настоящее время. На экспериментальных данных, полученных методом срезов, основывалась теория развития Пиаже, в частности, обнаруженные им и названные его именем феномены детского мышления, которые проявлялись в ошибках количественного сопоставления свойств предметов.

Критикуя метод «срезов», Гальперин подчеркивал: «Принципиальный недостаток „метода срезов“ заключается в том, что он ограничен наблюдением и констатацией того, как испытуемый действует, но не раскрывает, почему он действует именно так» (Гальперин, 1999, с. 208); этот метод не раскрывает *происхождение* тех или иных процессов.

Метод поэтапного формирования, напротив, предназначен для исследования происхождения психических процессов (умственных действий, понятий, дви-

гательных навыков) путем их целенаправленного формирования с заданными свойствами. По мысли Гальперина, «таким путем были сформированы понятия и умственные действия из области арифметики, геометрии, истории, звукового анализа речи, физики, грамматики, а также разные «двигательные навыки». На материале методики Выготского—Сахарова были получены «настоящие понятия» у детей 6, а потом и 5 лет, которые прежде фиксировались в 10—12 лет. Сообщается об успешном формировании у 6-летних детей понятия о «сохранении количества» для разных параметров физических величин (Л. Ф. Обухова) и понятий о логических «отношениях классов и подклассов (Х. М. Тепленькая)» (Гальперин, 1999, с. 392). Учениками и последователями Гальперина было проведено большое число исследований по формированию внимания, памяти, мышления, научных понятий, двигательных навыков. Л. Ф. Обухова продемонстрировала, как в условиях формирования начальных математических понятий у детей дошкольного возраста происходит трансформация сложившихся схем мышления — те конкретные операции по количественному сравнению объектов, которые в экспериментах Пиаже были недоступны для детей этого возраста, осуществлялись испытуемыми, прошедшими формирование в исследовании Обуховой, безошибочно.

Метод проектирования зоны ближайшего развития: учебная деятельность.

Концептуальный прорыв в обосновании новых подходов к исследованию особенностей образования детских понятий сделал В. В. Давыдов. Ему принадлежит идея, разработка и практическая реализация *системы развивающего обучения* как принципиально новой технологии конструирования зоны ближайшего развития мышления детей 6—10 лет. Вместе с этой идеей на смену сложившимся в культурно-исторической психологии исследовательским подходам к изучению процессов развития идут методы деятельностного проектирования социальной ситуации как зоны ближайшего развития.

Фундамент научной концепции Давыдова составляют два основных направления: *теория содержательного обобщения и образования понятий и психологическая теория учебной деятельности*. В их единстве раскрывается подлинная глубина замысла Давыдова — основателя оригинальной научной концепции и автора развивающих технологий обучения детей.

Теория содержательного обобщения и образования понятий является ядром концепции В. В. Давыдова (Давыдов, 2000). Содержательное обобщение — это, согласно Давыдову, *способ мысли*, главная характеристика мысли о предмете. Мысль, которая строится на основе обобщения содержательного типа, выделяет в предмете *существенное исходное отношение*, которое определяет стороны и свойства этого предмета, образующие его сущность. Способ мышления может быть другим, мысль может работать вовсе не с существенными свойствами или признаками объекта. Но это будет уже другая мысль, другой способ мысли. В первом случае способ мысли соответствует особенностям *теоретического мышления*, в другом — *эмпирического*.

Будучи блестящим философом, представителем лучших традиций диалектической логики и теории познания, Давыдов дает глубокий анализ двух типов мышления, обсуждает принципиальное различие природы теоретического

и эмпирического знания, раскрывает особенности теоретического и эмпирического видов обобщения как принципиально противоположных способов образования понятий.

Согласно Давыдову:

- *Эмпирическое знание* вырабатывается при сравнении предметов и представлений о них, что позволяет выделить в них одинаковые, общие свойства. *Теоретическое знание* возникает на основе анализа роли и функции некоторого отношения вещей внутри расчлененной системы.
- *Сравнение* выделяет формально общее свойство, знание которого позволяет относить отдельные предметы к определенному формальному классу независимо от того, связаны ли эти предметы между собой. *Путем анализа* отыскивается такое реальное и особенное отношение вещей, которое вместе с тем служит генетической основой всех других проявлений системы; это отношение выступает как всеобщая форма или сущность мысленно воспроизводимого целого.
- *Эмпирическое знание*, в основе которого лежит наблюдение, отражает лишь внешние свойства предметов и поэтому полностью опирается на наглядные представления. *Теоретическое знание*, возникающее на основе преобразования предметов, отражает их внутренние отношения и связи. При воспроизведении предмета в форме теоретического знания мышление выходит за пределы чувственных представлений.
- *Формально общее свойство* выделяется как рядоположенное с частными свойствами предметов. В *теоретическом знании* фиксируется связь реально общего отношения с его различными проявлениями, связь общего с частным.
- *Конкретизация эмпирического знания* состоит в подборе иллюстраций, примеров, входящих в соответствующий формально выделенный класс. Конкретизация *теоретического знания* требует его превращения в развитую теорию путем выведения и объяснения частных проявлений системы из всеобщего основания.
- Необходимым средством фиксации *эмпирического знания* является слово-термин. *Теоретическое знание* выражается прежде всего в способах умственной деятельности, а затем уже в различных знаково- символических системах, в частности, средствами искусственного и естественного языка (теоретическое понятие может уже существовать как способ выведения единичного из всеобщего, но еще не иметь терминологического оформления).

Ориентация человека на освоение теоретических или эмпирических знаний определяет различие механизмов освоения научных понятий и, соответственно, способов обучения. Специфически учебная деятельность, согласно Давыдову, связана с освоением теоретических знаний и теоретических понятий и направлена на овладение *обобщенными способами* предметных и познавательных действий. Поэтому суть учебной деятельности заключается в решении особых *учебных задач*: поставить учебную задачу – значит ввести учащихся в ситуацию, требующую ориентации на общий способ ее решения во всех ее возможных

частных и конкретных вариантах условий. Результат решения учебной задачи приводит к *изменению* самого субъекта, овладевающего *обобщенными способами* действия (Эльконин, 1989).

Основным компонентом структуры учебной деятельности, обеспечивающим решение учебной задачи, является система *учебных действий*. При усвоении научных понятий центральное место в ней занимают особые *преобразования предмета*, направленные на выявление в нем некоторого исходного отношения (связи), которое составляет содержание понятия, последующее *построение предметной* или *знаковой модели*, фиксирующей это отношение и позволяющей изучать его свойства в «чистом виде». Особым видом учебного действия является *действие контроля*, предметом которого выступает не сам по себе результат деятельности, а способ его получения. С контролем тесно связано *действие оценки*. Ее функция состоит в фиксации соответствия фактического результата учебной деятельности ее конечной цели (Давыдов, 1995, 1996).

Первоначально в исследованиях структуры и закономерностей формирования учебной деятельности главное внимание уделялось изучению особенностей постановки и решения школьниками учебных задач и выполнению ими учебных действий. Классическими в этом плане стали работы В. В. Давыдова, Л. И. Айдаровой, Л. В. Берцфаи, А. К. Марковой, Г. Г. Микулиной. В этих исследованиях шаг за шагом отрабатывались методы формирующего эксперимента, направленного на изучение особенностей происхождения конкретных научных понятий у детей, создавалась экспериментальная психология учебной деятельности младшего школьника, закладывались новые принципы построения учебных предметов. Впоследствии эти работы стали базовыми при разработке учебных предметов и учебных программ, ориентированных на целенаправленное формирование полноценной учебной деятельности младших школьников. Они были положены в основу новой эффективной практики обучения — системы развивающего обучения, обеспечивающей развитие основ теоретического мышления детей 6–10 лет.

Особое значение для развития основ теории учебной деятельности имела также сформулированная уже в начале 1970-х годов идея Давыдова об исходных *коллективных (совместно-распределенных) формах* организации учебной деятельности. Первоначально эта проблема изучалась на примере формирования конкретных научных понятий в работах Г. Г. Кравцова, Т. А. Матис, Ю. А. Полуянова, В. В. Рубцова, Г. А. Цукерман.

В последующих экспериментах было доказано положение о том, что *происхождение учебно-познавательного действия* (генез действия) связано с распределением деятельности между ее участниками и зависит от способов обмена действиями в процессе совместного решения учебных задач. На основе этого цикла работ были проведены развернутые исследования закономерностей совместной учебной деятельности, сформулированы требования к организации совместных действий взрослого и детей, а также самих детей как зоны ближайшего развития мышления детей в обучении. Эти данные стали фундаментом для разработки нового направления культурно-исторической психологии — социально-генетической психологии развития (Рубцов, 1996).

Социально-генетический метод. Подход, позволяющий изучать особенности происхождения понятий у детей в зависимости от способов взаимодействия и организации совместных действий, определяет требования к новому социально-генетическому методу исследования образования понятий. В рамках метода связь между чувственно-предметной формой действия и его знаково-символической формой раскрывается участниками через *совместный поиск, анализ и моделирование* некоторого предметного отношения (связь свойств объекта), характеризующего содержание осваиваемой системы понятий. Особенности образования понятий рассматриваются в данном случае в отношении к совместным способам действия участников, которые являются характеристиками строящейся «зоны ближайшего развития» (Рубцов, 2018). При проектировании экспериментальных ситуаций для исследования процесса образования понятий принципиально важными являются следующие положения:

- Нельзя ограничиваться исследованием социальных взаимодействий и процесса освоения понятий как параллельных процессов, не раскрывая особенностей *изменения* самой социальной ситуации.
- Метод экспериментального исследования процесса образования понятий должен быть *социально-генетическим*, когда анализ происхождения понятий рассматривается в отношении к особенностям организации социальной ситуации, моделирующей особенности происхождения понятий через способы взаимодействия самих ее участников (ср. с *«генетико-моделирующим методом» Вygотского*).
- Организация взаимодействий взрослого и детей, самих детей является необходимым условием выполнения совместных действий, поскольку именно взаимодействия и взаимоотношения самих участников определяют понимание ими связи между различными действиями с объектом («предметный мир»), свойствами его структуры и соответствующими понятиями.
- Необходимо специально проектировать социальные ситуации, основанные на опосредовании предметного содержания объекта способами взаимодействия участников, анализировать возникающие в этих условиях детско-взрослые общности и совместные формы деятельности, рассматривая их в качестве исходных форм происхождения и развития аффективно-смысловых и знаково-смысловых структур, определяющих процессы овладения системой понятий.

Многочисленные исследования, выполненные в соответствии с требованиями социально-генетического метода, представлены в комплексе методик, благодаря которым были получены новые данные о влиянии социальных взаимодействий взрослого и детей, самих детей на развитие детских понятий и мышления в целом (там же, с. 99–113). Показано, что, кроме известных действий, определяющих формирование понятий, освоение понятий характеризуют способы взаимодействия участников в процессе совместного решения задач:

- распределение начальных действий и операций, заданное предметными свойствами объекта изучения;

- обмен способами действия, заданный необходимостью включения различных для участников схем/моделей действия в качестве средств организации совместных способов решения задач;
- коммуникация (общение), способствующая процессам распределения и обмена действий, а также пониманию участниками особенностей выполняемых ими взаимодействий;
- моделирование общих способов действия, основанное на определении участниками адекватных задаче условий протекания совместной деятельности и построении новых планов организации совместной работы;
- рефлексия, обеспечивающая преодоление ограничений индивидуальных действий участников относительно общей «схемы» действия (путем рефлексии определяются ограничения и возможности собственного действия в строящемся совместном действии).

Для организации экспериментальных ситуаций используют специальные знаковые средства – схемы и модели деятельности. Основную особенность таких средств составляет *двуплановость* изображения предметного содержания. С одной стороны, это содержание фиксируется в некоторой предметной структуре («схема объекта»), с другой, этому содержанию соответствует определенный способ взаимодействия участников, конкретная взаимосвязь операций, обеспечивающих выполнение совместного действия («схема действия»).

Переход от одного плана действия к другому является необходимым условием исследования особенностей организации совместной деятельности как «зоны ближайшего развития», отвечающей содержанию осваиваемых понятий. Создаваемый за счет применения знаковых средств «разрыв» между различными планами организации совместных действий позволяет в экспериментальной ситуации наблюдать процесс возникновения нового знака и нового знания в динамике меняющихся способов совместных действий (там же, с. 113–140).

В исследованиях, выполненных в рамках социально-генетического метода, описаны три различных способа организации совместного действия. Они соответствуют трем уровням организации «зоны ближайшего развития» и характеризуют особенности освоения детьми содержания понятий через взаимодействие и взаимоотношения участников социальной ситуации.

Первый способ организации совместного действия реализуется участниками без учета результата операций своих партнеров. Такой способ организации совместной работы характеризует группы, участники которых в процессе решения задачи ориентируются на свойства объекта, но не соотносят задачу на определение связи этих свойств с поиском требуемых взаимодействий.

Второй способ организации совместного действия предполагает ориентацию на результаты операций партнеров, что позволяет участникам взаимодействовать в процессе поиска решения. Однако, взаимодействуя между собой, они, хотя и ориентируются на свойства объекта, но специально не выделяют и не анализируют связь и отношение этих свойств. Принцип систематизации свойств сводится участниками к связи индивидуальных операций и их координации без необходимых изменений заданной схемы организации совместной работы.

Третий способ организации совместного действия основан на анализе взаимосвязи индивидуальных операций участников и их взаимных обменах. Организация взаимодействий, направленных на освоение содержания понятия, опирается здесь на применение участниками различных моделей преобразования объекта (схем действия) и дифференциацию этих моделей относительно свойств совокупного продукта, получаемого в деятельности. Такая организация первоначально возникает в условиях включения различных схем действий с объектом в процесс выполнения общей работы и построения модели действия других участников. Решение задачи для таких групп *опосредуется* поиском совместного способа решения, характерным для которого являются процессы взаимодействия, содержательной коммуникации и рефлексии.

Результаты исследований последних лет, подтвердили, что взаимосвязь *способов взаимодействия, коммуникации и взаимопонимания* может рассматриваться как интегральный показатель включения детей в совместный способ решения задач и, соответственно, как содержательная характеристика возникающей *детско-взрослой общности*, определяющей коллективную форму овладения понятием. Причем *коммуникация и рефлексия* являются в данном случае показателями, характеризующими переход участников от *доучебной общности*, когда они решают задачу без адресного взаимодействия друг с другом, к собственно *учебной общности*, когда способ совместного действия становится для них предметом специального анализа (Rubtsov, Konokotin, 2020, с. 179–195).

Так, в *доучебном* типе общности (при первом способе организации совместного действия) коммуникация как условие обеспечения обмена действиями и планирования способов совместного решения задачи не возникает, а возможность взаимодействовать между собой и решать задачу совместно участниками специально не рассматривается. Потребность в коммуникации возникла тогда, когда участники сталкивались с невозможностью решить задачу индивидуально. Появление коммуникации, направленной на поиск совместного способа решения, инициировало развитие процессов рефлексии, взаимопонимания и обмена действиями, что составляет необходимое условие анализа содержания осваиваемой системы понятий.

В *организационном* типе общности (при втором способе организации совместного действия) коммуникация приобретает для участников функцию важного, но при этом не обязательного фактора в оценке ограничений, возникающих в процессе совместного решения задач, хотя и способствует координации индивидуальных усилий в достижении конкретно-практического результата. Рефлексия при этом имеет двунаправленный характер: во-первых, каждый участник анализирует и устанавливает связь между индивидуальным действием и его результатом, во-вторых, участники начинают анализировать связь между индивидуальными действиями и влиянием взаимодействий на совместный результат. При этом преобразования самих способов взаимодействия, необходимые для решения задачи, как правило, не выполнялись в данных группах.

В *учебной общности* (при третьем способе организации совместных действий) *основной целью* совместного действия становится сам способ взаимодействия участников. Коммуникация и рефлексия направлены в данном случае на анализ

ими взаимосвязи своего действия с действиями других и организацию продуктивных взаимодействий в направлении поиска решения теперь уже обобщенного способа решения задачи. Предметом специального анализа группы детей становятся результаты рефлексии особенностей индивидуальных действий участников, понимание ограничений и возможностей выполнения этих действий в строящемся совместном действии: познание объекта совместно и через другого, понимание собственных представлений через призму представлений своих партнеров и поиск на этой основе новых способов взаимодействия, обеспечивающих преодоление возникающих ограничений и преобразование заданных взрослым схем действия.

Было показано, что появление задачи на поиск совместного способа решения «запускает» новую мотивацию, побуждающую детей к организации совместных действий. Следуя этой мотивации, участники обсуждают возникающие ограничения собственных действий в совместном, проектируют необходимые обмены, укрепляя коммуникацию и моделируя способы возможных взаимодействий. В условиях совместного поиска способа решения формируется общее для участников *эмоционально-смысловое поле действия*. Его существенной характеристикой является *аффективно-смысловой конфликт*, основанный на *переживании* и *понимании* участниками новых возможностей и смыслов выполняемых ими действий¹.

На роль возникающих переживаний в развитии деятельности, как известно, специально обращал внимание Леонтьев, который писал: «Формы переживания суть формы отражения отношения субъекта к мотиву <...> Это осознанное отношение предмета действия к его мотиву и есть смысл действия; форма переживания (сознавания) смысла действия есть сознание его цели... Изменение смысла действия есть всегда изменение его мотивации» (Леонтьев, 1994, с. 48–49). Деятельность в социальной ситуации, опирающаяся на аффективно-смысловой конфликт, разворачивается в условиях появления новых смыслов и отношений к выполнению собственных действий и действий других участников через переживание этих смыслов, их понимание и взаимопонимание. При появлении новой мотивации для самого ребенка возникают другие возможности, а, следовательно, и иные границы для выполнения собственных и совместных действий, благодаря чему дети стремятся *планировать сценарии* совместного решения задач, *договариваться* между собой и *проектировать* новые способы организации совместной работы.

Введение в культурно-историческую психологию положения о коллективной, совместно-распределенной форме деятельности позволили по-новому взглянуть на механизм обобщения и образования понятий у детей. В частности, стало очевидным, что следует различать структуры деятельности и структуры мышления (преодолеть допущенный Ж. Пиаже изоморфизм операционального развития интеллекта), учитывать, что за теоретическим обобщением, опреде-

1 Такой тип взаимодействий в социальной ситуации указывает на принципиально иные условия и механизмы происхождения понятий в детском возрасте, чем описанный в теории Ж. Пиаже *социокогнитивный* конфликт, а также на изначально социальную природу развития высших психических функций (Рубцов, 2020).

ляющим освоение содержания научных понятий, лежит также определенный способ взаимодействия участников, характеризующий саму социальную ситуацию: в зависимости от того, как распределяются действия между участниками, как строится их взаимный обмен в совместной деятельности, т. е. как формируется реальная детско-взрослая общность (причастность каждого к совместному действию, соучастие «одного и другого»), срабатывает тот или иной механизм обобщения. Это основано на процессах содержательной коммуникации (общения) и взаимопонимания, опирается на рефлексивный анализ возможностей объединения действий «одного и другого» в совместном действии.

К уже известному положению Давыдова о том, что для полноценного освоения учащимися 6–10 лет обобщенных способов действия нужно специально формировать такие предметные действия, посредством которых они могут в учебном материале выявить и в моделях воспроизвести существенную связь объекта, а затем изучать ее свойства «в чистом виде», следует добавить еще два положения. Во-первых, положение о том, что система предметных действий, специфических для выявления существенных отношений, *в исходной форме представляет собой организацию этих действий* как совместно-распределенных между участниками, и, во-вторых, положение о том, что переход от предметных действий к их выполнению в умственном плане связан с особенностями самой социальной ситуации — способами взаимодействий, процессами содержательной коммуникации, взаимопонимания и рефлексии. Возникающая при этом новая *модель совместного действия* выступает, с одной стороны, как «знак» того исходного отношения, которое определяет содержание всего объема данных понятий, с другой — она фиксирует возможности организации совместной деятельности как необходимого для участников *средства* поиска совместных способов решения учебных задач.

Культурно-историческая психология — наука о проектировании новых социальных и образовательных практик

В последние десятилетия становится очевидным, что культурно-историческая психология начинает входить в число наиболее авторитетных теорий психического развития в мире, а ее основоположник Л. С. Выготский — в число самых цитируемых психологов. Труды Выготского переведены на многие языки мира, и в разных областях психологической науки и практики существуют направления, опирающиеся на его идеи и причисляющие себя к традиции культурно-исторической научной школы.

В настоящее время обращение к культурно-исторической психологии имеет тенденцию к устойчивому росту и стремительному расширению сфер ее практического приложения. Российская психология — безусловный лидер в культурно-исторической психологии, которая продолжает развиваться как система различных исследовательских направлений. Начало этим направлениям в значительной степени было положено соратниками и последователями Л. С. Выготского — А. Н. Леонтьевым, А. Р. Лурией, А. В. Запорожцем, П. Я. Гальпериным, Д. Б. Элькониным, Б. В. Зейгарник, Л. И. Божович и др. За каждым выдающимся-

ся именем следуют имена их учеников и последователей. Таких поколений уже пять (нынешние студенты, осваивающие культурно-историческую психологию, – «праправнуки» Л. С. Выготского). И если до 1970-х годов исследования носили исключительно научный характер, даже П. Я. Гальперин считал метод поэтапного формирования умственных действий исследовательским, а свою теорию называл «учением», то на рубеже 1970–1980-х годов появляется *первая практическая разработка*, в которой идея связи обучения и развития, являющаяся одной из базовых идей культурно-исторической психологии, воплощена в жизнь. Это доказавшая свою эффективность *система развивающего обучения* Б. Д. Эльконина и В. В. Давыдова (Давыдов, 1996). Новым этапом совершенствования этой системы является модель школы будущего «культурно-исторический тип школы». Ее основу составляет идея школы возрастов как развивающихся форм детско-взрослых общностей и способов совместной деятельности (Рубцов и др., 1997).

Практико-ориентированными становятся современные нейропсихологические исследования, опирающиеся на научные основы нейропсихологии, заложенные в трудах А. Р. Лурии (Лурия, 2013). На базе этих представлений развивается *практика нейропсихологической коррекции* нарушений психического развития (Ахутина, 2007; Глозман, 2019). А участие нейропсихолога в оказании помощи детям с трудностями в обучении стало составной частью психолого-педагогической обеспечения образования.

Культурно-историческая психология является важной опорой для новых направлений в педагогике и педагогической практике, в том числе *педагогике сотрудничества*. Принципы культурно-исторической психологии стали базовыми для *коррекционной педагогики* в практической работе с самыми разными категориями детей (Коробейников, 2019). А в середине 1990-х годов в процессе поиска и обоснования эффективных практик помощи детям с особенностями развития и трудностями в обучении начал развиваться *рефлексивно-деятельностный подход*, опирающийся на идеи Выготского, Гальперина, педагогики сотрудничества, а также на представления о рефлексии, заимствованные из отечественной психологии мышления (Зарецкий, 2007, 2016).

В новом тысячелетии обнаруживается значительный эвристический потенциал понятий культурно-исторической психологии для психотерапии. И не только в нашей стране, но и за рубежом. Так, например, английский психотерапевт В. Стайлс считает, что главной ошибкой психотерапевта является его работа «вне зоны ближайшего развития» (Styles et al., 2016), а одно из условий эффективности психотерапии, которое формулирует швейцарский исследователь К. Граве (Grawe, 2006) – «не следует актуализировать проблемы, для которых нет ресурсов», – получает нетривиальную и существенно уточняющую это условие интерпретацию именно через понятие «зона ближайшего развития» (Холмогорова, Зарецкий, 2011, с. 115).

Многие отечественные и зарубежные психологи, основатели и последователи различных направлений в педагогической, возрастной, клинической психологии и нейропсихологии, относят себя к традиции культурно-исторической психологии, считают себя продолжателями «дела Выготского», хотя

при этом далеко не всегда находят общий язык в трактовке исходных понятий и принципов.

Разнообразие в палитре «культурно-исторических подходов и точек зрения» усугубляется привнесением в теорию Выготского новых понятий, которые не использовались самим ученым, но которые органично вписываются в концепцию и практики, построенные на ее основе, например, «деятельность», «рефлексия», «субъектная позиция ребенка», «совместно-распределенная деятельность ребенка и взрослого», «многовекторная модель ЗБР», «учебная общность» и др. В разных подходах эти понятия имеют различное значение, за счет чего возрастает разнообразие исследовательских направлений и практик в системе культурно-исторической психологии (КИП).

В целом правомерно говорить о том, что «дерево культурно-исторической психологии» постоянно растет и развивается, расширяется его «крона» (разнообразие предметов и практик), увеличиваются «размеры» (масштабы и сферы приложения концептуального аппарата КИП), разрастается «корневая система», происходит переосмысление исходных положений. В значительной степени это объясняется тем, что источник развития культурно-исторической психологии заложен в основах самой научной школы. Отметим следующие, принципиально значимые, на наш взгляд, моменты:

- Понимание Выготским психологии как практики, «заточенность» разрабатываемых понятий на решение практических задач содействием развитию ребенка определяет потенциал применения культурно-исторической психологии как научной системы, актуальной для сопровождения всех без исключения практик, где необходимо учитывать «человеческий фактор».
- Принципиальная незавершенность концептуального аппарата культурно-исторической психологии (что было связано с объективными обстоятельствами раннего ухода из жизни ее основателя) определила широкие возможности для толкования, доработки, развития основных понятий культурно-исторической психологии, создания на ее основе новых направлений и авторских концепций, которые не охватывают полностью все концептуальное поле культурно-исторической психологии, но прочерчивают в этом поле оригинальные траектории.
- Способность культурно-исторической психологии содержательно обогащать свой аппарат за счет новых понятий, сохраняя в целостности исходный концепт, но позволяя при этом создавать в системе культурно-исторической психологии новые эффективные практики.
- Мощный эвристический потенциал культурно-исторической психологии и возможность на ее основе в условиях меняющейся социокультурной ситуации решать новые практические задачи обусловлены фундаментальной идеей о том, что *психика человека имеет культурное происхождение*. Связь психологии с культурой и социумом органично заложена в само основание культурно-исторической концепции. Меняется культура, меняется социум, меняется психология человека, меняются инструменты, необходимые для решения социальных задач. Культурно-историческая психология, опи-

Глава 3

рающаяся на такую связь, – это эффективная современная научная система, способная конструктивно отвечать на новые социальные риски и вызовы.

В 1965 г. вышло первое издание книги «Психология искусства», которая была написана Л. С. Выготским в 1925 г. Во вступительной статье к этой книге А. Н. Леонтьев, в частности, писал: «Труды Выготского до сих пор сохраняют научную актуальность, переиздаются и продолжают привлекать к себе внимание читателей. О многих ли исследованиях из числа тех, на которые в двадцатые годы ссылался Выготский, можно это сказать? Об очень немногих. И это подчеркивает значимость научно-исследовательских идей Выготского» (Леонтьев, 1986, с. 9). С тех пор прошло почти еще 60 лет, но актуальность идей и методов культурно-исторической психологии не просто сохраняется, они не просто привлекают внимание. Их актуальность растет, без ключевых понятий и методов культурно-исторической психологии развития уже невозможно представить современную психологическую науку и практику.

Глава 4

Культурно-аналитический подход: история и методология

Культурно-аналитический подход как методологическая стратегия

Культурно-аналитический подход – методологическая стратегия, направленная на интеграцию психологических исследований и актуальных (для решения тех или иных конкретных задач) концепций из сферы социогуманитарного знания. Культурно-аналитический подход представлен сегодня в качестве *общенаучной методологии* социальных и гуманитарных наук, объединяя герменевтические и интерпретативные подходы (Гирц, 2004; Ионин, 2004), а также как *конкретно-научная методология* психологии, затрагивающая преимущественно социокультурные и гуманитарные аспекты психологического знания.

В российской психологии культурно-аналитический подход обоснован применительно к изучению эволюции психологического знания (Гусельцева, 2015б). Однако подход применим не только к материалам истории психологии, но и к изучению современной личности, позволяет учитывать изменчивость и разнообразие социокультурных контекстов, систематизировать культурно-психологические феномены развития человека, расширять методологический арсенал психологии эвристиками смежных наук. Таким образом, культурно-аналитический подход служит методологическим средством для решения задач на стыке психологии и социогуманитарного познания, а также транслятором философских и общенаучных идей в исследовательские поля психологии.

Культурно-аналитический подход реализуется в *культурно-психологических исследованиях* – проблемно-ориентированных проектах и исследовательских программах, охватывающих концептуальное поле: *психика* (личность, субъект, человек) – *практики* (разного рода деятельности, социальные действия и социокультурные движения) – *история* (диахронический анализ развития человека в культуре) – *культура* (синхронический анализ). Одним из инструментов культурно-аналитического подхода выступает *культурно-психологический анализ и синтез*. Именно последний образует общее концептуальное пространство культурно-психологических исследований в психологии и социогуманитарных науках, где дополняющие друг друга исследовательские ракурсы и концепции нацелены на полноту и многомерность реальности.

Предпосылки культурно-аналитического подхода

На философском и общенаучном уровнях методологии науки предпосылками культурно-аналитического подхода выступают *идеал постнеклассической рациональности* в науковедении (Стёпин, 2000), *культурно-историческая эпистемология* в философии (Автономова, 2008; Пружинин, 2009), *антропологический поворот* в сфере социогуманитарного знания (Бахманн-Медик, 2017; Прохорова, 2009).

Теоретическими и методологическими источниками культурно-аналитического подхода в психологии являются:

- психоанализ, в контексте которого разрабатывался *аналитический метод* как таковой, а также аналитическая психология К. Юнга (Юнг, 1991, 1992); аналитический метод основан на практиках клинического анализа и доказательной (*evidential*, в русском переводе – *уликовой*) парадигме, важным свойством которой является «нюансирование», внимание к деталям, знакам, следам и приметам (Гинзбург, 2004; Ginzburg, 1989);
- трактовка *анализа как синтеза* в учениях В. Дильтея, Г. Тарда, М. Вебера, И. Тэна (Вебер, 1990; Дильтей, 2004; Тэн, 1996; Tarde, 1898, 1969); культурно-исторический и герменевтический подход Э. Шпрангера (Шпрангер, 2014); социология и аналитика повседневности А. Шюца (Шюц, 2004); представление о взаимодействии аналитической и синтетической герменевтики в трудах Ф. Ф. Зелинского и Г. О. Винокура (Винокур, 2000; Зелинский, 1902);
- антропология и эпистемология И. Канта, способ мышления посредством антиномий (Кант, 1963, 1966); разработка идеи культуры и деятельности в неокантианской антропологической традиции (Дмитриева, 2007); представление о культурной аналитике (Ионин, 2004);
- «анализ через синтез» в исследовательской традиции С. Л. Рубинштейна (Рубинштейн, 2003), выступающий как «всеобщий психологический механизм, обеспечивающий непрерывность живого, реального психического процесса» (Брушлинский, 1982, с. 31), понимание человека как действующего в мире субъекта;
- постструктурализм в вариациях *семантического анализа* Р. Барта, археологии и генеалогии знания, *аналитики субъективности* М. Фуко, деконструкции Ж. Дерриды, реконтекстуализации Р. Рорти (Барт, 1989; Деррида, 1992; Рорти, 2004; Фуко, 1997).

Важными источниками культурно-аналитического подхода к изучению эволюции психологического знания являются *концепция исторической психологии науки* М. Г. Ярошевского и *социокультурный подход* к истории науки Е. А. Будиловой, доказывающие, что полнота знания достигается единством методологического, социокультурного и биографического анализа; лакуны истории отечественной психологии преодолеваются в обращении к материалам смежных наук (Будилова, 2008; Ярошевский, 1995). В концептуальных рамках культурно-аналитического подхода эти идеи нашли продолжение в разработке периодизации истории отечественной психологии (Гусельцева, 2014), в которой *латентная интеллектуальная эволюция* как кумулятивный рост психологического знания, накопи-

ваемого в пространстве смежных наук, происходила относительно независимо от институционализации психологии в качестве отдельной науки. Так, культурно-психологические концепции, рассредоточенные в междисциплинарном поле знания, ускользали из дисциплинарной области психологии. При этом актуальные темы, обсуждаемые сегодня в контексте постмодернизма, истории повседневности, культурной антропологии, разрабатывались отечественными гуманитариями в конце XIX—начале XX в. Так, труды К. Д. Кавелина, А. А. Потебни, Г. Г. Шпета, петербургской школы медиевистов под руководством И. М. Гревса, Л. П. Карсавина, Н. И. Кареева, Н. В. Теплова, Г. И. Маркелова и других российских мыслителей были проанализированы в качестве источников герменевтической традиции и предпосылок культурно-аналитического подхода в психологии (Гусельцева, 2015б).

История возникновения культурно-аналитического подхода в российской психологии

В 2002–2015 гг. культурно-аналитический подход разрабатывался в психологии в качестве методологической стратегии для интеграции психологических и социогуманитарных исследований (Гусельцева, 2002, 2006, 2010, 2013а, 2015б). С опорой на философские и социологические концепции различных ученых (Белл, 1999; Вебер, 1990; Лиотар, 1998; Мамардашвили, 1958, 2004; Стёпин, 2000; Юдин, 1997) в концептуальных рамках культурно-аналитического подхода обоснованы *принципиальные различия неклассического и постнеклассического идеалов рациональности в психологии*, обусловленные 1) изменившимся социокультурным контекстом, переходом от индустриального к постиндустриальному типу общества; 2) методологическими установками, движением от идеологического монизма к сетевому плюрализму; 3) философскими и эпистемологическими предпосылками, полипарадигмальностью и мультидисциплинарностью, открытостью дисциплинарных границ. Подчеркивалось, что методологические вызовы современности определяются возрастанием онтологической и гносеологической сложности культурно-психологической реальности, движением социального знания от предметов к проблемам, от междисциплинарности к мульти- и трансдисциплинарности, значимостью критической саморефлексии (Гусельцева, 2009а, б). Для обозначения этих тенденций был введен конструкт «рефлексивная сложность», а для изучения текучих культурно-психологических реальностей разрабатывалась интегративная стратегия анализа и синтеза посредством антиномий.

Были сформулированы основные положения и принципы культурно-аналитического подхода к изучению эволюции психологического знания (Гусельцева, 2015б). На материале истории психологии, истории науки и истории культуры путем интеграции различных традиций историко-научного анализа (Будилова, 2008; Гайденок, 1987; Марцинковская, 2012; Флек, 1999; Ярошевский, 1995б) было продемонстрировано, что культурно-аналитический подход работает в двух направлениях: 1) при обращении к прошлому как *историко-методологический анализ*, выявляющий интеллектуальные традиции и методологические пред-

посылки психологических подходов и научных школ, и 2) при направленности в будущее как *исследовательская программа*, создающая эскизы перспективных проблемно-ориентированных направлений. В первом случае в концептуальных рамках культурно-аналитического подхода реконструированы смена типов рациональности в психологии и становление в эволюции культурно-психологического знания национальных интеллектуальных традиций; опыт истории психологии, истории науки и истории культуры систематизирован в особом исследовательском направлении — *историческая психология культуры* (Гусельцева, 2014). Во втором случае культурно-аналитический подход служил методологической основой локальных исследовательских программ, решающих конкретные задачи на стыке психологии и социогуманитарного знания, например, раскрытия потенциала философского дискурса в изучении трансформаций социального пространства, исследования феноменологии творчества или особенностей позитивной социализации современных детей и подростков (Гусельцева, 2008, 2010, 2013а).

В дальнейшем развитии культурно-аналитический подход послужил методологической основой для целого ряда проблемно-ориентированных проектов — от изучения идентичности российской интеллигенции и реконструкции культурно-деятельностной традиции в российской психологии до анализа образов будущего, проблем модернизации российского образования, вопросов психологии повседневности и др. (Гусельцева, 2012, 2019а). В настоящее время в рамках культурно-аналитического подхода разрабатывается *методология латентных изменений* — гибкие методологические стратегии для изучения текущих трансформаций человека и мира, рассредоточенной социализации детей и подростков, где роль малых культуральных движений в условиях современности обоснована в качестве одного из механизмов нелинейной социализации, определяющей диффузию и диверсификацию ценностей и социальных норм в трансформирующемся обществе (Гусельцева, 2019б).

Ключевые понятия и концептуальная модель

В качестве концептуальной модели культурно-аналитический подход представляет совокупность положений, методологических принципов и установок, обуславливающих разносторонний анализ культурно-психологических реальностей и иных социокультурных феноменов. Причем, если на теоретическом уровне культурно-аналитический подход обоснован как *интегративная методологическая стратегия* (Гусельцева, 2015б), то на инструментальном уровне он работает как *культурно-психологический анализ и синтез* — средство междисциплинарного синтеза психологических исследований и актуальных материалов смежных наук.

Предметом исследования в рамках культурно-аналитического подхода, обращенного к феноменологии современности, выступают *культурно-психологические реальности* — широкий класс феноменов, разворачивающихся в системе аналитических координат: *практики* (разнообразные деятельности, исторические деяния, социальные действия, интеллектуальные и социокультурные движения) — *психика* (субъект, личность, человек) — *культура* (в диапазоне от про-

дуктов творческой деятельности человека до разновидностей социокультурной среды его развития). Таким образом, культурно-аналитический подход может рассматриваться как методология, связывающая «психику» с «практикой» через категорию «культура».

Подход получил название *культурно-аналитический* именно потому, что опирается на два положения: во-первых, это анализ психики в разных контекстах *культуры* (что, как будет показано ниже, потребовало дифференциации этой сложной и гетерогенной реальности); во-вторых, это *анализ*, предполагающий аналитический метод, аналитику.

Психика в этом контексте понимается в широком, даже метафорическом смысле, т. е. не только как свойство активного отражения человеком мира или психическая деятельность организма, но как категория, подразумевающая *субъекта, человека, личность*. Также подчеркнем, что *анализ* в культурно-аналитическом подходе ни в коем случае не следует понимать как расчленение целого на части, а именно в качестве *аналитики* — прослеживании взаимосвязей между феноменами, имеющей целью достижение полноты исследуемой реальности, т. е. *синтез* этих выявленных связей и отношений. Иными словами, анализ здесь не ищет в культурно-психологических реальностях элементы, но реконструирует сложное и динамичное целое: анализ становится здесь синтезом, или *аналитикой*¹.

Культурно-аналитический подход концептуализирован на четырех уровнях методологии науки — философском, общенаучном, конкретно-научном и инструментальном — в качестве основы для интеграции культурно-психологических исследований психологии и смежных наук. При этом, если собственно культурно-аналитический подход выступает интегративной методологической стратегией для культурно-психологических исследований в междисциплинарном пространстве психологии и смежных наук, то *культурно-психологический анализ и синтез* используются для инкорпорации этих материалов в интеллектуальное поле психологии.

Культурно-психологический анализ и синтез осуществляют интеграцию знания посредством его дифференциации и оперирования рядом аналитических стратегий. *Культурно-психологический анализ* как таковой есть комбинация инструментальных приемов для изучения многомерного феномена. Спецификой культурно-психологического анализа является устремленность к синтезу, текущей и контекстуальной чувствительности. Имея дело с онтологически и гносеологически сложными реальностями, он оперирует набором аналитических

¹ Трактовка «аналитики» как «герменевтики» имеет собственную интеллектуальную традицию в психологии. Достаточно упомянуть описательно-аналитический подход В. Дильтея, рассматривавшего герменевтику как особую логику гуманитарного знания; аналитическую психологию К. Юнга, расширившего сферу психологического анализа материалами смежных наук; культурно-историческую эпистемологию И. Тэна, согласно которому *анализировать* — значит *истолковывать*, обнаруживать за фактами смыслы, а за смыслами факты (Тэн, 1996). В современной российской науке близкая к герменевтической традиции *психология понимания* представлена субъектно-аналитическим подходом В. В. Знакова (2015).

стратегий¹. Это означает, что в конкретной ситуации культурно-психологический анализ способен перетекать в семиотический и филологический, структурный и функциональный, синхронический и диахронический, диалектико-рефлексивный и т. п. Объединяя, с одной стороны, познавательные практики, а с другой – междисциплинарные материалы, культурно-психологический анализ производит одновременно работу *аналитики*, подобную деятельности следопыта, диагноста или детектива, и *сотворения нарратива*, в котором отдельные и до определенного момента как бы не связанные друг с другом фрагменты складываются в полноправный сюжет.

Иллюстративным примером того, как анализ перетекает в синтез, служит проект, в котором научное творчество субъекта рассматривается в связи с его биографией и мировоззрением, а мировоззрение связывается с культурно-историческими особенностями эпохи, – это позволяет переходить от типологии культуры к смысловым структурам сознания, реконструировать внутренний мир человека, продвигаться с макроуровня на микроуровень и, наоборот, проследивать, каким образом ценности культуры воплощаются в индивидуальных стратегиях личности.

В свою очередь, анализ психики *в изменчивости и разнообразии социокультурных контекстов* повлек за собой необходимость дифференции этой феноменологической реальности. *Культура* в культурно-аналитическом подходе рассматривается в широком и узком смысле слова: в широком смысле – это жизненный мир человека и человечества; в узком смысле культура – это деятельность (деятельностные концепции культуры), семиосфера (Ю. М. Лотман), способ самоосуществления человека (И. Кант) и др. Для операционализации этого сложного и неоднозначного конструкта было предложено рабочее определение культуры как совокупности материальных и духовных достижений человечества или нации в определенный исторический период времени (Гусельцева, 2015б). Основанием для дифференциации культуры в качестве многомерной и гетерогенной реальности послужило соотнесение ее слоев с уровнями методологии науки (Юдин, 1997).

Так, в соответствии с уровнем методологии науки – философским, общенаучным, конкретно-научным и инструментальным – в феномене культуры были выделены различные уровни анализа (Гусельцева, 2007б). На философском

1 Так, например, при помощи *историко-методологического анализа* прослеживается история возникновения культурно-психологических идей или концепций, выявляются методологические предпосылки научных школ, реконструируются интеллектуальные традиции. *Рефлексивно-диалектический анализ* направлен на категории науки, ее концепции и тематические поля, обнаруживает антиномии и противоречия в трактовке тех или иных понятий. *Категориальный анализ* прослеживает эволюцию ведущих психологических понятий и латентные категориальные сети. *Семантический анализ* изучает тексты и научные дискурсы, фокусируясь на особенностях концептуального языка науки, тогда как филологический анализ интерпретирует эти тексты в качестве памятников культуры. *Парадигмальный анализ* направлен на становление парадигм, идеалов рациональности и стилей научного мышления, его продуктом является панорамное представление об эволюции психологического знания (Гусельцева, 2015б).

уровне анализа речь шла о глобальном измерении культуры — *культуре-ноосфере*. Культура предстает здесь как преобразованная в человеческой деятельности природа, продукт совокупного творчества человечества. Этому уровню анализа культуры соответствует конструкт *планетарная идентичность*, обсуждающийся в наши дни в контексте проблемы глобального воспитания и развития человека (см.: Вульф, 2012).

На общенаучном уровне анализа выделены *культуры-этноты* — конструкт, подчеркивающий прежде всего разнообразие человеческих культур. В историко-генетической перспективе культуры-этноты становятся культурами-нациями, и в ходе этого процесса происходит модернизация племенного сознания, появление *национальной*, а затем и *гражданской идентичностей* (Межуев, 2012). На этом уровне анализа психология взаимодействует с концептуальным полем социогуманитарного знания.

На конкретно-научном уровне анализа культура рассматривается как источник и развивающая среда становления *социокультурной* и *персональной идентичностей* человека: это пространство смыслов, ценностей и творческих проектов. Культура осваивается (и производится) в духовной, практической, творческой деятельности субъекта. Для этого уровня анализа был также предложен конструкт *культуры-миры*. В свете задач психологии личности культура рассматривается как смысловой или субъективно присвоенный мир повседневности. Отметим необходимость более тонкой дифференциации культурно-психологических реальностей, позволяющей, например, отличать культуры-миры от субкультур, сам язык производит аналитическую работу посредством дополнений и определений: народная культура, карнавальная культура, молодежная культура, субкультуры панков, готтов, эмо и т. п.

На инструментальном уровне анализа описаны *культуры-психотехники* как конкретные практики того, что в развитии человека может или должно быть сконструировано. Примерами культур-психотехник служат сформированные в историческом становлении человечества культуры вины, стыда, достоинства, страха и т. п. На этом уровне анализа рассматриваются вопросы самостроительства человека, в ходе которого культура превращается во внутренний стержень его индивидуальности. Это *культура позиции*, феноменологически обозначенная в высказывании, приписываемом Мартину Лютеру: *на том стою и не могу иначе*.

В концептуальных рамках культурно-аналитического подхода культура является значимым фактором персонотезиса, становления идентичности и социализации современных детей и подростков. В качестве интегративной методологической стратегии культурно-аналитический подход соединяет проблематику психологии личности и аналитику социокультурной ситуации современности через категорию «культура». При этом, как уже отмечалось, развитие человека рассматривается в динамике взаимопревращений: повседневные практики—психика—культура—история. Применяемый здесь культурно-психологический анализ позволяет осуществить аналитическую дифференциацию разнообразия культурно-исторических (в диахронии) и социокультурных (в синхронии) контекстов.

Наряду с этим культурно-аналитический подход формирует сеть понятий, с одной стороны, очерчивающих проблемную область исследований, с другой – позволяющих психологии конструктивно взаимодействовать с материалом смежных наук. Обращаясь к таким конструктам, как ментальность, личность, индивидуальность, неадаптивное поведение, маргинальность, гениальность, социализация и индивидуализация, интеллигенция и др., культурно-психологический анализ проясняет их междисциплинарный статус, а затем производит семантическую дифференциацию уже применительно к задачам психологии.

В концептуальных рамках культурно-аналитического подхода выделена особая исследовательская единица – *культурно-психологическая реальность*. Это всякий феномен, разворачивающийся в координатах: практика–психика–культура. Отметим, что идеализация таких координат была предложена в методологическом анализе Ф. Е. Василюком (Василюк, 2003). *Текущность* (Бауман, 2008) и *неопределенность* (Бек, 2008), *сложность* и *разнообразие* (Hannerz, 1992) как характеристики ситуации современности послужили вызовом для разработки в социальных науках новых методологий. Оказалось, что онтологически и гносеологически сложные, текущие культурно-психологические реальности на теоретическом уровне нуждаются в семантической дифференциации (терминотворчестве), а на инструментальном – в контекстуально-ситуативном использовании общенаучного арсенала социогуманитарных наук (Гусельцева, 2015б).

Итак, если в онтологическом плане культурно-психологические реальности разнообразны, сложны, нестабильны, изменчивы, то в гносеологическом определяются ситуативно и локально поставленной задачей; зависят от методологической оптики; конструируются самим исследователем и служат уникальным предметом изучения, в процессе которого исследователь как таковой вынужден развиваться, апробировать новый инструментарий, практиковать трансдисциплинарный дискурс. Так, рассуждая о ситуации в современной антропологии, О. Ю. Артемова замечает: «Методологии должны быть разными, причем не подобранными из числа уже имеющихся, а созданными лично для себя. А методики вообще формируются каждый раз заново под конкретно поставленные задачи. Разумеется, все это делается при опоре на профессиональный опыт предшественников и современников» (Артемова, 2020, с. 98). Таким образом, выбираемые в качестве исследовательской единицы культурно-психологические реальности становятся средством создания «*межпарадигмальных мостов*» (Сергиенко, 2016) от психологии к смежным областям знания. Поскольку в соответствии с уровнями методологии науки культурно-аналитический подход простирается от философских до эмпирических пределов психологии, подобная континуальность позволяет охватить феномен человека в его целостности и изменениях как в глобальном контексте современности, так и в ситуативных ракурсах.

Важно отметить, что в качестве исследовательских единиц текущие культурно-психологические реальности не предопределены заранее, а конструируются в самом процессе исследования. Примерами здесь могут служить междисциплинарные проекты изучения *феноменологии отрочества* (Huerge et al., 1990) или *феномена российской интеллигенции* (Гусельцева, 2012). В целом же культурно-аналитический подход демонстрирует эффективность в работе с объектами,

отвечающими постнеклассическому состоянию науки (с текучими культурно-психологическими реальностями, феноменами повышенной онтологической и гносеологической сложности), посредством трансдисциплинарности и полипарадигмального синтеза обеспечивая как многомерность планов анализа, так и вариативность исследовательского инструментария.

Основные положения и принципы культурно-аналитического подхода

Культурно-аналитический подход является разновидностью социогуманитарных методологий. Одним из источников его развития в психологии является неокантианская антропологическая традиция, с ориентацией на которую можно сформулировать ряд эвристик и принципов:

- представление о сетевой организации культуры и познания;
- анализ культурно-психологических феноменов в локальных исторических и социокультурных контекстах;
- выделение типологических признаков и идеальное моделирование культурно-психологических реальностей;
- принцип ситуативности и множественности интерпретаций;
- принцип антиномичности как презумпция динамической сложности культурно-психологического феномена;
- принцип анализа синхронических и диахронических измерений культуры;
- критико-аналитический принцип (принцип «методологического сомнения»);
- рефлексивно-диалектический принцип, основанный на описанном М. К. Мамардашвили феномене «*простите, я не о том говорю*»;
- принцип избыточности смыслов (обозначающий в гуманитарном познании практику *умножать смыслы без необходимости*);
- анализ малых и непрямых воздействий, имеющих значительные последствия, реализующийся в принципе несовпадения намерений с результатами действий.

Ориентация же культурно-аналитического подхода на идеалы социального и гуманитарного познания дала основание интернализировать ряд более общих принципов и положений:

- гуманитарный принцип как сотрудничество психологии с науками социогуманитарного цикла;
- принцип уникальности как чувствительность к нюансам, изменчивости контекстов, своеобразию и неповторимости развития личности;
- принцип целостности как стремление изучать культурно-психологические феномены в их контекстуальном разнообразии, полноте и включенности в потоки повседневной жизни.

Гуманитарный принцип применительно к задачам культурно-аналитического подхода означает, что, хотя в целом принимается положение постнеклассической науки о конвергенции естественно-научного и гуманитарного знания, ос-

новным ориентиром служат социогуманитарная методология, социальные, исторические и антропологические науки.

Принцип уникальности означает опору на представления об уникальном развитии личности в культуре; культурно-аналитический подход не предусматривает отказа от использования универсальных схем, периодизаций и концепций, однако они рассматриваются как идеальные типы и конструкции.

Согласно принципу целостности, культурно-аналитический подход стремится к изучению целостных культурно-психологических феноменов в потоках повседневной жизни, при этом учитывается дифференциация психологической реальности на отдельные психические процессы и функции.

Принцип толерантности нацелен на преодоление дихотомий, критику жесткого деления культурно-психологической реальности на норму и патологию в феноменологии развития, развитие представлений о культурном релятивизме, исторической относительности, неоднозначности интерпретаций, амбивалентности и антиномичности процессов. Пришедшее из антропологии понятие *мультиперспективности* (К. Вульф) означает здесь признание того, что считавшееся прежде ненормальным, нередко не только становится социальной нормой, но и служит культурным образцом. В этом контексте приведем воззвание в мадридском музее Прадо: «Поаккуратнее с тем, что вам непонятно: это может оказаться произведением искусства!»

Принцип дополнительности стремится к гибкому сочетанию разных исследовательских стратегий в достижении полноты реальности. Отметим дополнительность культурно-аналитического подхода по отношению к конструктивистским установкам культурно-исторического (Л. С. Выготский) и деятельностного (А. Н. Леонтьев) подходов: так, принцип вмешательства в реальность (А. Г. Асмолов), принципы деятельностного опосредствования и формирующего эксперимента соотнесены с *благоговением перед развитием* (перевод философской этики А. Швейцера в психологический конструкт), принципами энтелехии и автопоэзиса (признание внутренней логики развития субъекта, прав нестандартных и оригинальных путей).

Аналитический принцип, реализуясь в культурно-психологическом анализе и синтезе, подразумевает сочетание различных видов анализа: от анализа систем до анализа исторической мотивации (Л. Де Моз). В свою очередь, *принцип антиномичности* с опорой на кантовский способ мышления посредством антиномий позволяет культурно-аналитическому подходу объединять макро- и микроаналитические стратегии, практики структурного и функционального, диахронического и синхронического, сетевого и ситуативного анализов.

Принцип плавильного тигля, посредством многоуровневой аналитической дифференциации выявляя интеллектуальные традиции и методологические предпосылки тех или иных подходов, позволяет изобрести их заново в свете задач нового синтеза. «Изобретение традиции» как социальный механизм описан историком Э. Хобсбаумом (Hobsbawm, 1983). Взятый на вооружение из постмодернистской критики и философии Р. Рорти (Рорти, 2004) *принцип реконтекстуализации* помогает переосмыслить прошлое в горизонте настоящего, раскрыть классическое наследие в контекстах современности, тем самым соеди-

нить историю и повседневные практики на оселке культурно-психологических исследований.

Скептический принцип в культурно-аналитическом подходе обусловлен его стремлением к доказательной науке и рефлексивно-критическим отношением к исследовательским традициям. Принцип проистекает из методологического сомнения Р. Декарта, учений о заблуждениях человеческого разума Р. Бэкона и Ф. Бэкона, аналитики когнитивных искажений. Культурно-аналитический подход использует критический потенциал этих традиций в современной познавательной ситуации, выявляя когнитивные, социально-психологические, социокультурные предпосылки тех или иных установок или предубеждений.

Принцип ангажированности означает рефлексивно-критический самоконтроль собственной пристрастности ученого, понимание и анализ конвенциональных норм. Ангажированность превращается в позитивную эвристику, помогающую в культурно-психологических исследованиях пройти между Сциллой презентизма (игнорирование культурно-исторических контекстов развития того или иного феномена) и Харибдой антикваризма (изучение феномена лишь в контексте породившей его эпохи).

Наконец *герменевтический принцип* исходит из представления о «герменевтическом круге», согласно которому понимание причин и следствий обусловлено аналитическим ракурсом. Этот принцип обращается к контекстуальности, процессуальности и континуальности изучаемых культурно-психологических феноменов.

Культурно-аналитический подход в кругу иных подходов: сходства и отличия

Изучаемые в современной психологии сложные культурно-психологические и экзистенциальные реальности, будь то личность в ситуации изменений, субъект перед лицом социокультурных трансформаций, особенности социализации подрастающих поколений и т. д., полнее раскрываются в сочетании нескольких подходов. Интегративным тенденциям психологии отвечает наведение *межпарадигмальных мостов* (Сергиенко, 2016), с одной стороны, практикуется дисциплинарная открытость, а с другой – проблемно-ориентированные исследования создают предпосылки взаимодействия психологии и смежных наук.

С этих позиций разнообразие и историческое противоборство отечественных психологических школ – культурно-исторической концепции Л. С. Выготского, теории деятельности А. Н. Леонтьева, теории деятельности С. Л. Рубинштейна, системного подхода Б. Ф. Ломова, субъектно-деятельностного подхода А. В. Брушлинского, комплексного подхода Б. Г. Ананьева и др. – предстает в качестве общего интеллектуального наследия советской эпохи, которое не только присваивается новыми поколениями психологов в процессе их профессионального образования, но и предполагает избирательное применение в свете текущих задач.

Подходами, наиболее близкими к культурно-аналитическому, в современной российской психологии выступают историко-эволюционный (Асмолов, 19966),

историко-генетический (Марцинковская, 2012; Ярошевский, 1995б), субъектно-аналитический (Знаков, 2015), ситуационный (Гришина, 2016), системно-субъектный (Сергиенко, 2011). Едва ли не общим основанием является здесь устремление научных поисков за пределы дисциплинарного пространства психологии, наведение *межпарадигмальных мостов* (Сергиенко, 2016).

Культурно-аналитический подход разделяет некоторые положения историко-эволюционного подхода: например, изучая развивающиеся культурно-психологические реальности в изменяющихся социокультурных контекстах – *«подвижное в подвижном»* (Асмолов, 1996б). Также культурно-аналитический подход принимает ключевые принципы историко-генетического подхода – принцип развития, генетического анализа, исторического анализа (Марцинковская, 2012). С исследованиями Н. В. Гришиной и петербургских ученых культурно-аналитический подход сближают принципы *контекстуальности* – анализа взаимодействий множества контекстов, обуславливающих текущее положение человека в мире, и *процессуальности* – непрерывного обмена между человеком и миром, личностью и культурой (Гришина, 2016; Гришина, Костромина, 2017). Следует отметить, что последний принцип объединяет сегодня психологические и антропологические исследования (Hannerz, 1992). Одновременно важную роль для корректировки собственных оптических и когнитивных искажений культурно-аналитического подхода играет диалог с системно-субъектным (Сергиенко, 2011) и субъектно-аналитическим (Знаков, 2015) подходами, выводящими на передний план категорию «субъекта».

Отличия между названными подходами заключаются в выделении ключевых проблем, сконструированных в рамках того или иного подхода; выбранном исследовательском ракурсе, например, в опоре на принципы системного или герменевтического анализа; фокусировке на развитии личности или обуславливающих это развитие социокультурных изменениях и т. п.; а также в исходных предпосылках и концептуализациях. Так, например, историко-генетический подход зародился в движении как от исторических и биологических наук к психологии, так и от психологии к смежным наукам. Наиболее полно выразили историко-генетическую методологию в отечественной психологии концепции А. А. Потебни, Л. С. Выготского, М. Г. Ярошевского (Гусельцева, 2013б). Культурно-аналитический подход возник скорее в движении от смежных наук к психологии. Среди важных источников культурно-аналитической традиции еще раз отметим труды Р. Барта, М. Вебера, В. Дильтея, Г. Тарда, И. Тэна, М. Фуко, Г. Г. Шпета, Э. Шпрангера, К. Юнга. Таким образом, в то время как культурно-аналитический подход ориентировался на философское и гуманитарное познание, историко-генетический подход опирался на идеи как социальных, так и биологических наук.

В свою очередь, историко-эволюционный подход (Асмолов, 1996а), строящийся на предпосылках синергетики и эволюционной эпистемологии, фокусирующийся на вариативности в развитии биологических, социальных и ментальных систем, крайне мало внимания уделяет проблеме субъекта как источника уникальности, саморазвития и производства новых смыслов (Сергиенко, 2016). Схожей критики заслуживает культурно-аналитический подход, если, детально

анализируя разнообразие культурных факторов, упускает из виду микроархитектонику развития индивидуальности. Именно эти исследовательские лакуны восполняют системно-субъектный (Сергиенко, 2011) и субъектно-аналитический подходы (Знаков, 2015). Однако в отличие от историко-эволюционного подхода в культурно-аналитическом представлении о саморазвитии и самодетерминации субъекта играют определяющую роль (Гусельцева, 2020).

В контексте историко-эволюционного подхода четко разведены понятия «*индивид*» как характеристика человека в системе биологического рода, «*личность*» как социальное качество человека и «*индивидуальность*» как источник человеческой уникальности и неповторимости (Асмолов, 1996а), но, справедливо отметила Е. А. Сергиенко (Сергиенко, 2016), здесь практически не используется понятие «*субъект*». С позиции культурно-аналитического подхода «*индивидуальность*» является не только интегративным понятием, т. е. учитывающим как биологическое своеобразие индивида (наследственность, задатки, особенности темперамента), так и уникальность его личности (стилистику поведения, мышления и деятельности), но и маркером психологической зрелости человека, означающим способность иметь и отстаивать собственные ценности и убеждения, производить смыслы, быть субъектом саморазвития и самопознания. В контексте культурно-аналитического подхода понятия «*индивидуальность*», «*субъект*» и «*личность*» взаимосвязаны и дифференцированы посредством представлений о методологической оптике, направленной соответственно либо на анализ своеобразия и зрелости человека (*индивидуальность*), либо его активности и деятельности (*субъект*), либо социально-психологических качеств (*личность*). С этого аналитического ракурса личность глубже вплетена в потоки социальных отношений и следует своей социальной роли, тогда как индивидуальность нередко действует личности наперекор и ориентирована на внутренний локус контроля; при этом *антиномия между личностью и индивидуальностью* становится одним из механизмов развития человека (Гусельцева, 2007б, 2020).

Сильной стороной культурно-аналитического подхода в психологии является аналитическая дифференциация изменяющейся социокультурной среды развития человека. Эвристический потенциал подхода обусловлен сочетанием макро- и микроанализа, фокусировкой на взаимодействии глобальных тенденций с индивидуальными случаями. Уязвимости же культурно-аналитического подхода определяются недостаточной разработанностью проблем микроархитектоники субъекта, индивидуальности, личности.

Заключение

В современной познавательной ситуации, характеризующейся транзитивностью общества и множественными идентичностями личности, продуктивным представляется взаимодействие психологии и социогуманитарных наук. Этой коммуникации служит ориентированный на трансдисциплинарность и полипарадигмальность культурно-аналитический подход.

В качестве интегративной методологической стратегии *культурно-аналитической подход к эволюции психологического знания* решает прежде всего *проблему*

Глава 4

синтеза, поиска оснований для интеграции истории психологии с материалами смежных наук и *проблему преемственности*, конструктивного диалога между прошлым и настоящим психологии. Культурно-аналитический подход здесь — набор тонких аналитических инструментов, направленных на полипарадигмальный синтез. Ориентируясь на идеал постнеклассической рациональности, культурно-историческую эпистемологию и движение антропологического поворота в области социогуманитарных наук, культурно-аналитический подход, с одной стороны, соединяет ряд интеллектуальных традиций (производя *синтез*), с другой — прослеживает истоки их становления, выявляя методологические предпосылки конкретных культурно-психологических исследований (осуществляя *анализ*). Наряду с этим работа культурно-аналитического подхода направлена на выявление разнонаправленных тенденций, недоопределенных, эмерджентных и антиномичных отношений, возникающих в концептуальном пространстве: практика—психика—культура—история. Такого рода исследование является одновременно и аналитическим, и синтетическим. Оно *аналитическое*, поскольку латентные отношения и взаимосвязи становятся контекстуально локализованы, и *синтетическое* в том плане, что выявленные отношения и связи подлежат перекодировке, воссоздаются новые формы культурно-психологических феноменов.

Обращаясь к феноменам современности, культурно-аналитический подход как *общенаучная* (в пространстве социогуманитарных наук) и *конкретно-научная* (в социокультурных и гуманитарных аспектах психологического знания) методология позволяет соединить проблематику идентичности человека и социокультурный анализ текущей повседневной жизни через разработку категории «культура». В качестве интегративной методологической стратегии культурно-аналитический подход обращает психологию к материалам социальных и гуманитарных наук, к тесному сотрудничеству с антропологией, этнографией, социологией, политологией философией, историей повседневности, исследованиями культуры, способствуя более эффективному изучению особенностей социализации и становления идентичности в транзитивном обществе.

Между тем следует признать, что на сегодняшний день культурно-аналитический подход гораздо лучше разработан для реконструкции латентных линий истории психологии, нежели проблем психологии личности. Последнее, как и психология современности, является одной из перспектив его развития.

Глава 5

Субъектно-деятельностный подход

Актуальность и новизна изучения становления субъектно-деятельностного подхода в современной психологии

Одним из наиболее распространенных в современной российской психологии является субъектно-деятельностный подход. Он восходит к трудам его основателя С.Л. Рубинштейна и разрабатывается участниками созданной им научной школы (К. А. Абульханова, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский, Д. Б. Богоявленская, И. С. Якиманская, М. Г. Ярошевский) и последователями (В. С. Агапов, В. А. Барабанщиков, М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, А. В. Карпов, В. А. Кольцова, О. К. Конопкин, В. И. Моросанова, И. Н. Семенов, Е. А. Сергиенко, А. Н. Славская, Е. Б. Старовойтенко, И. И. Чеснокова и др.). Пилотажно проведенный нами науковедческий анализ показал, что реальным фактом профессионального менталитета большинства современных специалистов в сфере человекознания (философов, психологов, акмеологов, персонологов, социологов, педагогов) является их знакомство с теорией и методологией субъектно-деятельностного подхода не столько по классическим работам С.Л. Рубинштейна, сколько в основном по трудам его энтузиастов и разработчиков – прежде всего А. В. Брушлинского (автора ряда книг по психологии деятельности субъекта) и К. А. Абульхановой (по множеству ее статей по теме трактовки сознания личности как субъекта жизнедеятельности), а также ученых ряда институтов и вузов (ИП РАН, ПИ РАО, РАНХГС, МГПУ, НИУ ВШЭ, ЯрГУ, КГУ и др.).

На этом публикационном фоне проблема науковедческого анализа развития и теоретического обобщения содержания субъектно-деятельностного подхода состоит в том, что номинативно сам С.Л. Рубинштейн этот составной термин в названиях своих работ не употреблял, а ученики стали им понятийно обозначать свои статьи довольно поздно – лишь в 1990-е годы (Анцыферова, 1991; Брушлинский, 1991, 1992), хотя до этого реально, но имплицитно разрабатывали его аспекты двадцать лет (Абульханова-Славская, 1969, 1973, 1989; Человек науки, 1974). В историко-научном плане это означает, что в трудах С.Л. Рубинштейна субъектно-деятельностный подход содержался имплицитно как самоочевидная

сущность (наряду с понятием деятельности). Поэтому его экспликация учениками неизбежно представляет собой не только последовательное развитие идей учителя, но и их определенную модернизацию, которая обычно, как методологически показал А. Ф. Лосев при соотнесении эстетики Возрождения с классикой Античности, содержит инновационные аспекты как обобщенной интерпретации, так и творческого развития (Лосев, 1982). Примером тому в современной психологии и является трансформация А. В. Брушлинским и К. А. Абульхановой деятельностного и субъектного подходов С. Л. Рубинштейна к изучению психики в эксплицированную, разработанную и модернизированную итоговую интегрально-обобщенную субъектно-деятельностную парадигму.

Эта продуктивная модернизация осуществлялась особенно интенсивно в 1990-е годы А. В. Брушлинским во взаимодействии как с другими последователями школы С. Л. Рубинштейна (К. А. Абульхановой, Л. И. Анцыферовой), так и с критиками его субъектно-процессуального подхода к психологии деятельности с культурно-исторических позиций Л. С. Выготского, несмотря на некоторое сходство (Семенов, 2018, 2020; Соколова, 2006) подходов школ С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева из-за их марксистских корней. В результате этого сложного взаимодействия, опосредованного плодотворными дискуссиями между обеими школами, зародившийся в трудах С. Л. Рубинштейна вариант процессуально-деятельностного подхода к изучению мышления и сознания личности трансформировался благодаря исследованиям К. А. Абульхановой и А. В. Брушлинского в интегральную субъектно-деятельностную парадигму современного человекознания (Абульханова, 1969, 1973, 1989; Брушлинский, 1991, 1994, 1997, 2002, 2003; Рубинштейн, 1922, 1934, 1945, 1946б). Ныне она реализуется с различными акцентами многими отечественными психологами (Абульханова-Славская и др., 2001; Алексеев и др., 1990; Давыдова, Семенов, 2008; Дюков и др., 2010; Журавлев, 2010; Журавлев и др., 2019; Знаков, 2016б; Карпов, Корнилов, 2005; Конопкин, 2004; Крюкова, 2008; Петровский, 1993; Пономарев, 2010; Савенков и др., 2020; Семенов, 2020, 2022; Сергиенко, 2010; Славская, 2002; Слободчиков и др., 2013; и др.).

Эти тезисы, подлежащие раскрытию и обоснованию, определяют содержание настоящей главы. В ее начале рассматриваются актуальность, новизна и проблемы методологии изучения вопросов становления субъектно-деятельностной концепции, имплицитной в наследии С. Л. Рубинштейна и развившейся в трудах его учеников: от стадии теоретико-методологического подхода до констелляции в системно-интегральную парадигму. Затем анализируются историко-научные предпосылки зарождения субъектно-деятельностного подхода в трудах С. Л. Рубинштейна и становления в результате исследований этой парадигмы его учениками. Далее характеризуется имплицитное содержание концепций С. Л. Рубинштейна и участников его научной школы в исследованиях субъектно-деятельностной проблематики. В завершение главы обобщенно эксплицируется аксиолого-онтологическое и теоретико-методологическое содержание субъектно-деятельностной парадигмы и теоретико-методологические пути ее прикладной реализации, разработанные научной школой С. Л. Рубинштейна и его последователями в современной психологии.

Методологическая диспозиция анализа становления в психологии ее субъектно-деятельностной парадигмы

Методологическая диспозиция анализа становления в психологии ее субъектно-деятельностной парадигмы оформилась в самом начале XXI в. в результате интеграции восходящих к трудам С.Л. Рубинштейна деятельностного и субъектного подходов, благодаря тридцатилетним подвижническим усилиям и новаторским разработкам его учеников (Абульханова, 1989, 1997, 1998, 2004, 2006а, б, 2021; Анцыферова, 1991, 1997, 2000а; Брушлинский, 1989, 1990, 1991, 1994б, 1996, 1999б, 2002). Их разработки сродни усилиям в середине XX в. самого С.Л. Рубинштейна (Рубинштейн, 1934, 1940, 1945, 1946б, 1958) по построению процессуально-деятельностного подхода к изучению в его научной школе (Абульханова, 2006б, 2021; Брушлинский, 1990, 1994а; Семенов, 2022) психики и сознания, восприятия и мышления, способностей и личности, ее жизненного пути и бытия человека в мире. Этот по сути субъектно-деятельностный подход С.Л. Рубинштейна, наряду с параллельно разработанным А. Н. Леонтьевым (см.: Семенов, 2018) структурно-деятельностным подходом и системно-деятельностным, разработанным в психологии Б. Ф. Ломовым (Ломов, 1975), И. Н. Семеновым (Семенов, 1976, 1982, 2014), Г. В. Суходольским, В. Д. Шадриковым и в философии – Г. П. Щедровицким (Щедровицкий, 1973), Э. Г. Юдиным (Юдин, 1978), Н. Г. Алексеевым (Алексеев и др., 1990), в своей совокупности составили методологическую доминанту деятельностной парадигмы (Семенов, 2020а) в советской психологии второй половины XX в. Рассмотрим методологическую диспозицию и новизну построения субъектного подхода по сравнению с ранее детально разработанным деятельностным и их системное взаимодействие, результатом которого стало формирование инновационной субъектно-деятельностной парадигмы (Семенов, 2020а, б, 2022а) в современной психологии начала XXI в.

С системно-методологических позиций (Семенов, 2014) в психологии (например, при изучении мышления – Семенов, 1976, 1982) определенный подход задает функциональный комплекс следующих своих компонентов: поисковую стратегию исследования, теоретический предмет и процедуры экспериментирования с эмпирическим объектом и способы интерпретации полученных результатов в целях выяснения его свойств, их детерминант, механизмов, закономерностей функционирования и развития. Парадигма же (например, при познании деятельности – Семенов, 2014, 2020а) определяет аксиологию постижения познаваемой реальности, категориальное выстраивание ее онтологии, разработку методологии изучения этой понятийно очерченной предметной области, концептуальное обобщение познавательных результатов, их инновационную интеграцию в систему научного знания и интенции его перспективного развития от фундаментальной теории до ее прикладной реализации в обеспечении социальной практики (управления, образования и др.).

Формированию парадигмы обычно предшествует образование составляющих ее, системно взаимодействующих и взаимодополняющих подходов путем дифференцированного дробления базового – на разветвленные с акцентом на углубление исследований сопряженных (вплоть до междисциплинарнос-

ти познания) предметных аспектов постигаемой реальности. Так, базовый для С.Л. Рубинштейна деятельностный подход стал конкретизироваться рядом принципов (детерминации, процессуальности, сознания, жизнедеятельности и т. д. – Рубинштейн, 1959) и по мере их реализации разветвляться в циклах разнообразных конкретных исследований (в том числе в его научной школе (Абульханова, 2021; Брушлинский, 1989; Семенов, 2022а) на дочерние взаимодействующие подходы. Далее все они в начале XXI в. в результате полувекowego системного взаимодействия и философско-методологического обобщения констеллировались в интегральную субъектно-деятельностную парадигму. Она же, в свою очередь, становится одной из ведущих доминант современной российской психологии познавательных и личностных процессов (Абульханова, Семенов, 1998; Абульханова, 2006б; Анцыферова, 1991, 2000а, 2004а; Богдавленская, 1997; Брушлинский, 1992, 1994а, б, 1996; и др.), развития индивидуальности (Абульханова, 1997, 2006а; Анцыферова, 2000а, 2004а; Конопкин, 2004; Семенов, 2020б, 2021а, 2022а; Славская, 2002, Субъект и личность..., 2007; Субъект и социальная..., 1995; и др.), регуляции групповых отношений (Журавлев, 2010; Журавлев, Купрейченко, 2011), сетевой организации информационных коммуникаций (Борисова, 2019) и социальных взаимодействий (Абульханова, Семенов, 1998; Брушлинский, 2002а; Дюков и др., 2010; Журавлев и др., 2019; Журавлев, Купрейченко, 2011; Лепский, Журавлев, 2018; Савенков и др., 2020; Субъективный подход..., 2009; и др.). Тем самым в современной психологии реализуется конструктивный теоретико-методологический потенциал субъектно-деятельностного подхода в его различных вариантах и в парадигмальной трансформации.

Проблемы парадигмальной связи деятельностного и субъектного подходов С.Л. Рубинштейна в его научной школе

Ведущими концептуальными новациями философско-психологической системы С.Л. Рубинштейна (обобщенной К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинским в 1989 г. и И. Н. Семеовым в 2009 г.) являются содержащиеся и обоснованные в ней онтологические принципы деятельности и субъектности психики. Они стали доминирующими (Абульханова-Славская, 1973, 1989, 2004; Анцыферова, 1991, 2000а; Брушлинский, 1990, 1994б, 1997, 1999б; Журавлев, 2010; Семенов, 2020б; Ярошевский, 1984; и др.) в современной российской психологии. Представленный С.Л. Рубинштейном теоретический анализ этих принципов вскрыл эксплицированный в них проектно-исследовательский потенциал. Это позволило определить их познавательные функции в качестве предметно-методологических подходов к изучению психики. Их реализация была начата в проведенных под руководством С.Л. Рубинштейна в его московской научной школе теоретико-экспериментальных исследованиях восприятия в 1948 г. и мышления в 1958 и 1960 гг. Пути дальнейшего использования этих принципов были намечены в его последних теоретических статьях 1959 и 1960 гг. в качестве подходов к изучению деятельности личности и ее способностей и сознания.

При науковедческой характеристике и методологическом анализе взаимосвязи этих подходов возникает парадоксальная проблема. Она номинативно

заключается в том, что принципу субъектности самим С. Л. Рубинштейном не посвящено ни одной специальной работы в отличие от принципа деятельности, который в связке с категорией сознания многократно обсуждается им в программных статьях и фундаментальных книгах (Рубинштейн, 1945, 1957). Аналогичная номинативная проблема возникает при обращении к трудам его ближайших учеников А. В. Брушлинского и К. А. Абульхановой. С их авторством связана не только современная проработка принципов деятельности и субъектности как конструктивных подходов к изучению когнитивной психологии познания мира, но и к анализу экзистенциально-культурологических процессов сознания, личности, групповых взаимодействий, социальных представлений и социокультурных коммуникаций.

Ибо если категория деятельности постоянно презентуется ими номинативно в публикациях 1960–2000-х годов, то к анализу субъектности К. А. Абульханова-Славская впервые обращается позднее в процессе работы над докторской диссертацией по методологической проблематике личности, но начинает систематически заниматься субъектностью позднее, лишь в 1990–2020-е годы (Абульханова-Славская, 1969, 1973).

Ее многолетний коллега А. В. Брушлинский обращается к принципу субъектности в начале 1990-х годов и интенсивно разрабатывает субъектный подход на рубеже 1990–2000-х годов (Брушлинский, 1994а, б, 1996, 1997, 2002, 2003; и др.). В результате их совместных усилий происходит интеграция обоих подходов в единую субъектно-деятельностную парадигму (Брушлинский, 1997, 1999б; Абульханова, 2004), которая становится одной из доминирующих (Абульханова-Славская и др., 2001; Бардин, Индлин, 1993; Богоявленская, 1997; Дюков, 2010; Журавлев, 2019; Карпов, 2005; Конопкин, 2004; Лекторский, 1968; Пономарев, 2010; Савенков, 2020; Семенов, 1982, 2013, 2014, 2020а, б; Сергиенко, 2010; Слободчиков, 2013; Якиманская, 2007; и др.) в российском человекознании рубежа XX–XXI вв. Проанализируем логику возникновения в классическом человекознании С. Л. Рубинштейна субъектно-деятельностного подхода и методологию его дальнейшего развития в современной психологии начала XXI в.

Категориальные средства методологии субъектно-деятельностного подхода

Становление этого подхода укоренено в классической философско-психологической мысли (Р. Декарт, Дж. Локк, Г. Лейбниц, И. Кант, И. Фихте, Г. Гегель, К. Маркс, Г. Коген, П. Наторп Э. Кассирер, Э. Гуссерль, Г. Шпет, А. Богданов, М. Басов, Л. Выготский, А. Леонтьев, С. Рубинштейн, Б. Теплов и др.). Данный подход выражает одну из ведущих методологических тенденций современного человекознания к взаимодействию психологии с философией, естествознанием и социально-гуманитарными науками. В онтологическом плане это взаимодействие направлено на изучение человека как активного деятеля, постигающего и преобразующего окружающий мир понятийно-предметными средствами, изобретенными в результате его мыслительно-творческой деятельности, порождающей знания, интериоризированные действиями и сознанием субъекта в процессах взаимодействия с природой и обществом, опосредованные обще-

нием личности с окружающими людьми, усваиваемой культурой и прогрессирующей техникой взаимодействия в интернете. Закономерности и механизмы этих сложных многоплановых процессов изучаются различными направлениями психологии, в том числе с позиций субъектно-деятельностного подхода.

Его название номинативно образовано двумя такими философскими категориями, как субъектность и деятельность. Каждая из них имеет свою историю психологизации, в чем определяющую роль в XX в. во многом сыграли теоретико-методологические разработки С.Л. Рубинштейна. При этом он, с одной стороны, продолжил традиции классической философско-психологической мысли в понимании содержания категорий «субъектность» и «деятельность», а с другой, заложил основы их современной постклассической трактовки как взаимодействия субъектности и деятельности в качестве онтологического единства экзистенциального существования и рефлексивного самосознания человека в познаваемом и преобразуемом им природно-культурном мире. С.Л. Рубинштейн отталкивался от методологического различения субъекта и объекта Р. Декартом (Рубинштейн, 1946а), рационалистической категоризации И. Кантом гносеологического противопоставления познаваемого объекта и познающего его субъекта, а также от неокантианской (Г. Коген, П. Наторп) методологизации (Рубинштейн, 1994) их связи понятийно-знаковыми опосредствованиями как носителями культурно-символических (Э. Кассирер) форм человеческого сознания. Отсюда опосредованность связи деятельности и субъектности процессами сознания и общения человека. При этом деятельность имеет не только свое природное, естественное основание в активности организма и движениях тела (с обеспечивающими их психофизиологическими механизмами телесности), но и социальное, искусственное — в общественных нормах регуляции взаимодействий и взаимоотношений людей, а также в понятийно-культурных значениях информации и в эмоционально-эмпатийных смыслах речевого взаимопонимания переживаний и чувств в процессах общения и коммуникаций.

Подобная философская трактовка естественно-научного и социокультурного основания категории деятельности позволяла С.Л. Рубинштейну опереться при ее общепсихологическом анализе как на ассимиляцию материалистических, психофизиологических воззрений классиков российской физиологии (И. М. Сеченов, В. М. Бехтерев, И. П. Павлов, А. А. Ухтомский), так и на достижения современных ему психологов (А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин, А. В. Запорожец, Б. Г. Ананьев, В. Н. Мясищев и др.), изучавших механизмы движений и речи в процессе восстановления их функций после ранений. Трактовка же социокультурных оснований категории деятельности как социальной активности психики позволила С.Л. Рубинштейну не только ассимилировать классическую — рубежа XIX–XX вв. — психологию анализа психических функций и состояний (В. Вундт, К. Штумпф, Э. Титченер, О. Кюльпе, Т. Рибо, А. Бергсон и др.). Но главное — опереться на социально-экономическую и историко-материалистическую идеологию интерпретации философии марксизма в виде диалектико-материалистической трактовки психологии деятельности как социально детерминированного освоения материального мира орудийными средствами и предметными знаниями, коллективное создание и индивидуальное

использование которых обеспечивается психическими функциями и процессами человека как субъекта социальной деятельности и культурального сознания. При такой интерпретации социально-психологическая реальность деятельности становится аналогичной социально-экономической функции труда в его функции преобразования природы, согласно марксистской философии (Маркс, 1955).

В «Капитале» К. Маркса его социально-экономический анализ ведется на основе онтологического соотнесения с категорией труда. Тем самым в ортодоксальном марксизме кантовское категориальное противопоставление «объект—субъект» замещается связкой «труд—капитал». Изучение этого противопоставления позднее в социальных науках конца XX в. привело к формированию такого инновационного направления (Семенов, 1976, 2009, 2014, 2021а, б, 2022а) современного человекознания, как социология (Т. Шульц, Дж. Стиглиц и др.) и психология человеческого капитала (А. Л. Журавлев, Т. А. Нестик, И. Н. Семенов, А. Н. Татарко, А. И. Юрьев и др.) (Семенов, 2009, 2021б).

В начале же 1930-х годов функциональное значение категории труда для марксистской психологии анализировалось в педологии (Выготский, 1931), психотехнике (Геллерштейн, 1933) и в психологии (Рубинштейн, 1934). Именно С. Л. Рубинштейн обосновал функционально-онтологическую аналогичность понятия деятельности и категории труда. В методологическом плане это открыло путь к выдвиганию реальности деятельности (в единстве с ее природными нервными механизмами и с процессами ее социального функционирования) в качестве предмета изучения марксистской психологии. Важным направлением дальнейшего развития советской (Семенов, 2020а) психологической науки в трудах С. Л. Рубинштейна и его непосредственных учеников — участников созданной им научной школы (Абульханова, 1973, 1997, 1998, 2004, 2021; Анцыферова, 1957, 1985, 1997, 2000а, а; Богоявленская, 1997; Брушлинский, 1979б, 1989, 1994б, 1996, 1997, 1999б, 2002; Рубинштейн, 1922, 1945, 1957, 1973; Человек науки..., 1974; Якиманская, 2007; Ярошевский, 1984; и др.) — стала разработка различных интенций и аспектов субъектно-деятельностного подхода.

Социокультурные контексты истории зарождения и интенции становления субъектно-деятельностного подхода в трудах С. Л. Рубинштейна

Зарождению и становлению этого подхода (Рубинштейн, 1922, 1931, 1934, 1945, 1946а, б), а также его разработке (Абульханова, 1989, 1997, 2006а, 2021; Абульханова-Славская, 1973; Брушлинский, 1991, 1992, 1994а, б, 1996, 1997, 1999б, 2002, 2003) и реализации (Анцыферова, 1991, 1997, 2000а, 2004а; Богоявленская, 1997; Человек науки..., 1974; Якиманская, 2007; Ярошевский, 1984; и др.) в трудах непосредственных участников данной школы способствовали культурно-исторические условия развития российской философии и науки XIX—XX вв. предреволюционного, советского и в начале XXI в. постсоветского времени (Днепров, 2007; Лекторский, 1968; Семенов, 2014, 2020а, б). Эти интенциональные фазы становления и развития данного подхода констеллировались благодаря полуторавековым мыслительным поискам целой междисциплинарной плеяды выдающихся философов и ученых: от А. А. Потебни и К. Д. Ушинского (Дне-

пров, 2007) через И. М. Сеченова, А. А. Богданова до М. Я. Басова (Басов, 2007) и С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева и П. Я. Гальперина, К. А. Абульхановой и А. В. Брушлинского. Охарактеризуем эти фазы с институционально-персоналогических позиций в психологии (Семенов, 2009, 2013, 2014, 2015, 2018, 2019, 2020а, б, 2021а, б, 2022а, б).

Во-первых, благоприятная для анализа проблематики деятельности научная атмосфера сложилась в начале XX в. в научно-культурной жизни Харькова. Ибо в этом городе работали замечательные ученые: еще во второй половине XIX в. один из основоположников психолингвистики и предтеча культурно-исторического подхода выдающийся филолог А. А. Потебня, высокочтимый Л. С. Выготским и его учителем Г. Г. Шпетом (см.: Семенов, 2019), а также С. Л. Рубинштейном (см.: Семенов, 2020б, 2021а, б, 2022а), под руководством которого его аспирант М. Г. Ярошевский в 1945 г. защитил кандидатскую диссертацию о психологизме потебнианства (см.: Семенов, 2015, 2021б); врач-эпистемолог большевик А. А. Богданов (Малиновский) – основатель «тектологии как всеобщей организационной науки» (см.: Семенов, 2020б), содержавшей имплицитно ряд интенций деятельностного подхода; врач-психиатр П. Я. Гальперин, заведовавший в 1920–1930-е годы лабораторией в Психоневрологической академии, куда был приглашен А. Н. Леонтьев, который стал вести с сотрудниками экспериментальные исследования, на материале которых формулировался ряд положений о деятельности, вероятно, обсуждавшихся позднее в ЛГПИ во время бесед у С. Л. Рубинштейна в 1930-е годы.

Он же впервые попал в эту «интенционально-прадеятельную атмосферу» столичного Харькова еще в 1923 г. в связи с подготовкой к изданию перевода известной книги А. Бине и Т. Симона по психометрике и диагностике одаренности, опубликованной с его предисловием (Рубинштейн, 1923). Далее в 1924–1929 гг. он неоднократно приезжал в г. Харьков, где общался со столичными учеными Украины в качестве директора Научной библиотеки Одесского образовательного округа. Это не могло не повлиять на чуткого к новациям С. Л. Рубинштейна как дополнительный импульс; позднее уже в Ленинграде этому же послужила его встреча с профессором кафедры психологии ЛГПИ психологом-педологом М. Я. Басовым, который был на рубеже 1920–1930-х годов энтузиастом учета роли деятельностей в развитии психики (Басов, 2007).

Во-вторых, став в Ленинграде заместителем директора по науке крупнейшей в стране Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, блестящий лектор С. Л. Рубинштейн по рекомендации М. Я. Басова был приглашен на кафедру психологии ЛГПИ, что также усилило научные позиции бывшего одессита в этой библиотеке. На этом посту С. Л. Рубинштейн стал продолжателем просветительской деятельности дореволюционного литературного критика В. В. Стасова. Развивая его традиции, библиограф-энциклопедист С. Л. Рубинштейн установил философско-научные связи с художественной интеллигенцией бывшей российской столицы. Они им были расширены и углублены (когда он был избран заведующим кафедрой психологии и проректором ЛГПИ), что способствовало после войны избранию С. Л. Рубинштейна заместителем председателя Всесоюзного общества культурных связей с заграницей. Эта научно-общественная

деятельность С. Л. Рубинштейна дала дополнительную пищу его интеллектуальным поискам и способствовала обращению к проблематике анализа бытия человека в мире с позиций социокультурного контекста философско-психологического познания.

В-третьих, один из аспектов этого контекста был связан с идеями его коллеги по кафедре о роли действий и деятельности в развитии человека (Басов, 2007). После его смерти именно С. Л. Рубинштейн возглавлял кафедру в 1931—1942 гг., руководя психолого-педагогическими исследованиями роли речи в развитии познавательных процессов. В этом онтогенетическом контексте он соотносил изучение проблемы развития в педологии и психологии с идеями намечавшегося в трудах М. Я. Басова начала 1930-х годов психолого-педологического подхода к изучению деятельной активности человека (Рубинштейн, 1931). По мнению первого ученика С. Л. Рубинштейна, его ленинградского студента и аспиранта М. Г. Ярошевского (см.: Семенов, 2015), именно М. Я. Басов является основоположником деятельностного подхода в советской психологии, хотя это оспаривается другим участником рубинштейновской школы А. В. Брушлинским (Брушлинский, 1989), а также — с иных позиций — последователями школы А. Н. Леонтьева (см.: Соколова, 2018). Эта многолетняя дискуссия рубежа XX—XXI вв. существенно обогатила понимание логики становления деятельностного подхода его новыми гранями, конструктивно изучаемыми в современной психологии, в том числе с позиций культурно-деятельностного подхода, восходящего к трудам Л. С. Выготского и отчасти Г. Г. Шпета (см.: Семенов, 2018, 2020а).

В-четвертых, в это же время создатель культурно-исторической теории (Выготский, 1930) соотнес проблематику развития с интеллектуальной деятельностью, историко-эволюционную концепцию изучения которой в 1940—1970-е годы разрабатывал его соратник А. Н. Леонтьев. Экспериментально процессы деятельности начали в 1930-е годы исследовать его ученики (Л. И. Божович, П. Я. Гальперин, А. В. Запорожец, Д. Б. Эльконин и др.) под руководством А. Н. Леонтьева (см.: Семенов, 2018) в Психоневрологической академии г. Харькова, где отделом психологии заведовал А. Р. Лурия, а психоневрологическими лабораториями — П. Я. Гальперин и А. В. Запорожец. При этом Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Б. М. Теплов обсуждали проблемы поиска путей построения новой психологии в беседах с С. Л. Рубинштейном, когда он приглашал их для чтения лекций в ЛГПИ в начале 1930-х годов. Так, по его инициативе образовался «оппонентный круг» ученых, которые позднее стали разрабатывать проблематику деятельности в советской психологии (Семенов, 2020а) и до войны на рубеже 1930—1940-х годов (Рубинштейн, 1934, 1940), и после нее в 1940—1950-е годы (Рубинштейн, 1945, 1946, 1957, 1959), а также в 1970-е годы (см.: Семенов, 1976; Щедровицкий, 1973; Юдин, 1978) и даже в 1990-е годы, выстраивая основы «теоретической психологии», как это было в обобщающих трудах А. В. Петровского с М. Г. Ярошевским (см.: Семенов, 2015).

В-пятых, разрабатывая в эти годы методологию научного реформирования в стране библиографического дела, С. Л. Рубинштейн не мог не знать дореволюционных изысканий по вопросам деятельности (Некрасов, 1902; и др.). Ибо они в русской культуре восходили (как показано в истории человекознания: Днепров,

2007; Рубинштейн, 1946а, 1957; Семенов, 2020а, б) к междисциплинарным положениям физиолога И. М. Сеченова, педагога К. Д. Ушинского, философа-психолога личности С. Л. Франка (см.: Брушлинский, 1994а), а также к идеям об «общем деле» философа космизма Н. Ф. Фёдорова.

В «прадеятельностный» резонанс мыслительным поискам С. Л. Рубинштейна о тенденциях реформирования психологии прозвучали идеи М. Я. Басова (Басов, 2007) о необходимости изучения активных действий человека в окружающей среде. В сборнике его памяти был помещен методологический отклик (Рубинштейн, 1931) на эти деятельностные идеи в связи с анализом категории развития субъекта как одной из важнейших проблем психологии. В это же время создатель культурно-исторической теории (Выготский, 1930) также обсуждал проблему развития в контексте психолого-педагогического анализа интеллектуальной деятельности, а С. Г. Геллерштейн (1933) с психотехнических позиций обратился к изучению вопросов психологии труда на основе марксизма.

В-шестых, продолжая на рубеже 1920–1930-х годов мыслительные поиски в этом «прадеяльностном» проблемном поле, С. Л. Рубинштейн осмысливает философско-психологические воззрения К. Маркса и обосновывает диалектико-материалистическую трактовку принципа деятельности и его детерминизма в человекознании (Рубинштейн, 1934). С этих теоретико-методологических позиций деятельностного подхода он дидактически интегрирует (Рубинштейн, 1934, 1940, 1946а, б; и др.) достижения философско-психологической мысли в монографических учебниках «Основы психологии» (1935) и «Основы общей психологии» (1-е изд. – 1940; 2-е изд. – 1946; 3-е изд. – 1989).

В-седьмых, на рубеже 1930–1940-х годов, руководя на кафедре психологии в ЛГПИ исследованием роли речи в развитии познавательных процессов, С. Л. Рубинштейн начал теоретически анализировать проблематику категории сознания, феноменологически выражающуюся в дискурсивных процессах как внешней, так и внутренней речи. Философско-психологическую проработку категории сознания как речевой активности субъекта он продолжил в суровые годы войны, несмотря на организационную занятость администрированием в 1942–1945 гг. на посту директора Института экспериментальной психологии при МГУ и заведованием в нем созданными им кафедрой (с 1942 г.) и отделением (с 1943 г.) психологии. В результате к концу войны он углубил деятельностный подход, дополнив его принципом единства сознания и деятельности. Он обоснованно считал этот принцип в послевоенных статьях (Рубинштейн, 1945; и др.) основным теоретическим достижением советской психологической науки. Феноменологическая верификация данного принципа на речевом материале сохранилась в руководимой С. Л. Рубинштейном кандидатской диссертации его аспиранта М. Г. Ярошевского. Она была посвящена вопросам психолингвистики и этнопсихологии в трудах харьковчанина А. А. Потемни, которые оказали существенное влияние (см.: Семенов, 2015) на культурно-историческую психологию Л. С. Выготского (Выготский, 1930; и др.) и на философско-психологическую концепцию феноменологии сознания одного из его учителей – Г. Г. Шпета (см.: Семенов, 2019). Психологи начала XXI в. изучают проблемы сознания и самосознания, рефлексии и понимания с позиций развития субъектного под-

хода С.Л. Рубинштейна (Абульханова, 2021; Абульханова-Славская и др., 2001; Агапов, 2011; Анцыферова, 2000а; Богоявленская, 1997; Давыдова, 2008; Дюков, 2010; Журавлев, 2010; Знаков, 2016б; Карпов, 2005; Крюкова, 2008; Савенков, 2020; Семенов, 2013, 2020б, 2021а, 2022а; Сергиеенко, 2010; Славская, 2002; Якиманская, 2007, Matthaues, 1988; Payne, 1968; Rubinstein aujourd'hui, 2007; Semenov, 1989).

В-восьмых, роль сознания в регуляции познавательной деятельности исследовалась (на материале процессов восприятия и мышления) в созданном С.Л. Рубинштейном секторе философских проблем психологии, когда он в качестве члена-корреспондента АН СССР (с 1943 г.) стал в 1945 г. заместителем директора по науке Института философии АН (ИФАН) СССР. Несмотря на обрушившиеся на С.Л. Рубинштейна в 1948–1955 гг. идеологические репрессии (увольнение с руководящих постов, шельмование личности и творчества, запрет на публикации авторских трудов), он продолжал целеустремленно разрабатывать теоретические проблемы психологии, в том числе связи деятельности и сознания (Рубинштейн, 1957, 1959; и др.). Ныне в современной психологии начала XXI в. с учетом субъектного подхода С.Л. Рубинштейна интенсивно изучаются механизмы осознанной саморегуляции психических процессов в научной школе ученых ПИ РАО (Конопкин, 2004).

В-девятых, в разгар опалы в 1950 г. проходила так называемая объединенная Павловская сессия двух академий АН и АМН СССР. Приглашенный на нее авторитетный член-корреспондент академии С.Л. Рубинштейн выступил за сохранение самостоятельности психологии как науки в отличие от стремления идеологов сталинизма подменить ее физиологией высшей нервной деятельности. Воспользовавшись неожиданно приоткрывшейся возможностью публиковаться по вопросам связи физиологии с психологией, он дипломатично выразил свои взгляды на ее современное состояние с учетом достижений (Рубинштейн, 1945, 1946) руководимой им научной школы, в том числе в ассимиляции психологических воззрений русских физиологов И. М. Сеченова, В. М. Бехтерева, И. П. Павлова. Более того, С.Л. Рубинштейн сумел обеспечить не только успешную защиту кандидатских диссертаций своих аспирантов (Н. С. Мансуров, Е. В. Шорохова, Е. А. Будилова, Л. И. Анцыферова, И. С. Якиманская) по проблематике связи ощущений и мышления с их рефлекторными механизмами, но и целенаправленно продолжить в сотрудничестве с бывшей аспиранткой Е. А. Будиловой (Левина, Будилова, 1954) анализ историко-научного обеспечения публикационно-информационного продвижения деятельностного подхода.

В-десятых, после восстановления в 1956 г. в заведовании сектором С.Л. Рубинштейн организовал в Институте философии АН СССР два важных научных совещания: по анализу роли физиолога и психолога И. М. Сеченова в развитии отечественной науки и по вопросам психологии познания. Параллельно с преподаванием психологии в качестве профессора в МГУ (до 1958 г.) и руководством исследованиями в секторе ИФАН (до 1960 г.) С.Л. Рубинштейн создает четыре фундаментальные монографии: 1) в одной из них анализируется онтологическая связь сознания и бытия (Рубинштейн, 1957) с позиций субъектно-деятельностного подхода; 2) в другой субъектно-деятельностный подход используется в логико-психологическом исследовании процессов мыслительной деятельности

(во взаимодействии анализа, синтеза, абстракции, обобщения – Рубинштейн, 1958); 3) в третьей – этот подход реализуется посредством разработки обобщенных принципов и определения перспективных путей развития (Рубинштейн, 1959) психологической науки; 4) в изданном посмертно фактически научном завещании С. Л. Рубинштейна – в восстановленной К. А. Славской (Абульхановой) его «лебединой песне» – экзистенциально-антропологическом труде «Человек и мир» (Рубинштейн, 1973) субъектность теоретически изучается во всем экзистенциально-феноменологическом многообразии познания мышлением и преобразования деятельностью философско-психологических объектов бытия человека в мире.

Следуя методологическому положению И. Канта о необходимости констелляции достижений научного познания посредством синтетических «схематизмов мышления», отрефлексируем гносеологическую сущность дифференцированных интенциональных вех эволюции познавательных поисков С. Л. Рубинштейна в мысленных и рефлексивно-стратегических (см.: Семенов, 2020в, 2022а) диалогах с рядом его предшественников, современников и последователей. Это позволит эксплицировать из его трудов философско-психологическую характеристику субъектно-деятельностного подхода посредством методологического анализа онтологического содержания категорий, определяющих реальность активности деятельности и субъектности сознания человека в процессах жизненного бытия в мире, что и было им завещано в работе «Человек и мир» (Рубинштейн, 1973).

Схематизация пофазового становления субъектно-деятельностного подхода в трудах С. Л. Рубинштейна

Научоведческий анализ мыслетворчества С. Л. Рубинштейна показал, что оформившееся в итоге его интеллектуальных поисков по сути экзистенциально-гуманистическое понимание (Семенов, 2021б, 2022а) субъектности жизнедеятельности человека вызревало постепенно, пройдя несколько ключевых фаз от инсайтного и спорадического до интенсивного и систематического обращения к изучению и фундированной разработке этой сложной философско-психологической проблематики.

На первой фазе (1909–1914) в г. Марбурге – в передовой для начала XX в. методологической школе неокантианства (Наторп, 2026), будучи студентом, в процессе получения высшего образования он изучает под руководством Г. Когена (см.: Рубинштейн, 1994) логику развития классической философии Нового времени. В ее рационалистической гносеологии традиционно доминировал логико-онтологический анализ познавательных способностей субъекта (Р. Декарт, Д. Юм, Дж. Локк, Г. Лейбниц, И. Кант, Фихте, Г. Гегель, О. Либман, Г. Коген, Э. Гуссерль, О. Кюльпе), что было отчасти обобщено в его магистерской диссертации в 1914 г. (см.: Рубинштейн, 1997).

На второй фазе по возвращению на родину в 1920-е годы в Одессе он вел изучение достижений российской философской мысли (Абульханова, 1989; Брушлинский, 1994а) с ее акцентом на личностном аспекте субъектности (В. С. Соловь-

ев, Н. А. Бердяев, М. М. Рубинштейн, С. Л. Франк и др.). Рефлексируя соотношение немецкой (Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер) и русской классических традиций (В. С. Соловьев, С. Л. Франк) в философской трактовке субъекта, С. Л. Рубинштейн стремился преодолеть ее гносеологический рационализм посредством обращения к психолого-педагогическому анализу человека как субъекта «творческой самодеятельности»: «Субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них создается и определяется. Поэтому тем, что он делает, можно определять то, что он есть; направлением его деятельности можно определять и формировать его самого» (Рубинштейн, 1922, с. 106). В более ранней рукописи он подчеркивает личностный аспект субъекта деятельности человека: «Этический субъект самоопределяется, и, самоопределяясь, он впервые самоосуществляется в своих деяниях. Но этическое деяние человека предполагает другого человека как другой этический субъект. Потому что этическое деяние существует только в отношении к человеку как личности» (Рубинштейн, 1922, с. 252). Эти положения служат основанием, по сути, для парадигмальной квалификации его труда о «самодеятельности» как исходного для порождения анализируемого подхода: «Принцип творческой самодеятельности... зародыш будущего субъектно-деятельностного подхода» (Брушлинский, 1994б).

Науковедческие условия для этого он создал во второй половине 1920-х годов посредством организации исследовательской деятельности по разработке методологических основ современной библиографики на посту директора Научной библиотеки образовательного округа г. Одессы. Публикация его книг по этому вопросу в столице позволила С. Л. Рубинштейну позднее в 1930 г. в Ленинграде занять пост заместителя директора по научной работе крупнейшей в стране Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Это привело С. Л. Рубинштейна к необходимости ассимиляции масштабных достижений не только науки, но и искусства в качестве материала для реализации интенции на рефлексивно-творческое построение будущей философско-психологической системы как субъектного аккумулятора культурно-исторического опыта человечества (в силу этого после войны он стал заместителем председателя Всесоюзного общества культурных связей с заграницей, способствовал в «оттепель» установлению связей советских ученых с зарубежными философами, психологами, педагогами).

На третьей фазе в начале 1930-х годов в Ленинграде он обращается к изучению проблем психологии развития в актуальном для того времени педологическом (Рубинштейн, 1931) контексте в связи с рефлексией предложенного М. Я. Басовым прообраза системно-психологического изучения деятельностей и реализующих их действий (Басов, 1975). В русле этой интенции С. Л. Рубинштейн планирует свои психолого-педагогические исследования на кафедре психологии ЛГПИ, куда он приглашен профессором по рекомендации М. Я. Басова. В историко-научном плане важно отметить, что в это же время Л. С. Выготский (см.: Семенов, 2020а) обращается к анализу роли трудовой деятельности в развитии психики (Выготский, 1930). При этом его соратник по культурно-историческому подходу А. Н. Леонтьев (см.: Семенов, 2018; Соколова, 2006) приступает

в Харьковской психоневрологической академии (в лабораториях, руководимых П. Я. Гальпериным и А. В. Запорожцем) к экспериментам, данные которых послужили прообразом дальнейших исследований строения деятельности в формирующейся им научной школе.

На четвертой фазе с середины 1930-х годов С. Л. Рубинштейн обращается к систематическому изучению марксизма с целью построения теоретических основ советской психологии. Ее проблемы в связи с трактовкой идеи К. Маркса были проанализированы в специальной статье (Рубинштейн, 1934). Ибо в знаменитых «Тезисах о Фейербахе» (1845) К. Маркс писал: «Главный недостаток всего предшествовавшего материализма (включая и фейербаховский) заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как чувственно-человеческая деятельность, практика; не субъективно» (Маркс, 1955, с. 261).

Рефлексия трудов К. Маркса послужила началом магистральной разработки С. Л. Рубинштейном деятельностного подхода в психологии как конкретизации марксистского учения о роли труда в психогенезе человека. В этом русле эмпирическим материалом для изучения связи деятельности и сознания как формы субъектности послужили руководимые заведующим кафедрой психологии ЛГПИ С. Л. Рубинштейном психолого-педагогические исследования онтогенеза познавательных процессов в их опосредовании речью как феноменологическим выражением субъектности растущего человека. В качестве проректора ЛГПИ он приглашает для чтения лекций ряд москвичей (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Б. М. Теплов), с которыми при участии ленинградцев (Б. Г. Ананьев, М. Н. Шардаков, Д. Б. Эльконин, М. Г. Ярошевский) обсуждает перспективы построения новой марксистской психологии. В изданных в этот период монографических учебниках С. Л. Рубинштейна поступательно обосновывалась ведущая роль деятельностного подхода в построении основ психологии, экспериментальная верификация которых была прервана Отечественной войной (Рубинштейн, 1935, 1940, 1946).

На пятой фазе в Москве в середине 1940-х годов в качестве директора (1942–1945) Института экспериментальной психологии при МГУ (с 1944 г. при АПН РСФСР), готовя второе издание «Основ общей психологии» (Рубинштейн, 1946б), он разрабатывает принцип единства сознания и деятельности, квалифицируя его как одно из теоретических достижений советской психологии. В результате историко-методологического обоснования (Рубинштейн, 1945) этого фундаментального принципа сознание было определено как носитель активности человека и субъектности его деятельности. Это позволяет лауреату Государственной Сталинской премии (1942), заведующему кафедрой психологии МГУ, члену-корреспонденту (1943) АН СССР С. Л. Рубинштейну стать заместителем директора по науке Института философии АН СССР (1945–1948). Здесь он создает и возглавляет сектор философских проблем психологии, где обеспечивает трофейным оборудованием и разворачивает экспериментальные исследования познавательных процессов (восприятие и мышление, речь и сознание), их результаты публикуются позднее под его редакцией в 1948 и 1960 гг.

На шестой фазе на рубеже 1940–1950-х годов при надвигающейся идеологической опале из-за обвинений в якобы преклонении перед западной наукой

(см.: Семенов, 2020б, в, 2022а) С.Л. Рубинштейн в качестве сотрудника ИФАН и по общественной линии заместителя председателя Всесоюзного общества культурных связей (ВОКС) с заграницей участвует в организации Всесоюзного торжественного совещания, посвященного 350-летию со дня рождения Рене Декарта. Здесь С.Л. Рубинштейн выступил одним из основных докладчиков, где в условиях сталинской идеологии сумел схематично, но легально изложить (Рубинштейн, 1946а) свои философско-психологические взгляды по проблеме развития субъекта познавательной деятельности на идеологически нейтральном историко-научном примере по сути персонологического анализа жизнетворчества Р. Декарта в контексте социокультурной и научной характеристики его фундаментального вклада в становление философии и психологии, естествознания и физиологии Нового времени. Именно методологическая рефлексия жизнетворчества и научного наследия Р. Декарта явилась началом систематического изучения С.Л. Рубинштейном уже в 1950-е годы философско-психологической проблематики субъектности деятельности. Параллельно этому опыту социокультурной и персонологической психологии С.Л. Рубинштейн, несмотря на опалу, продолжал руководить рядом кандидатских диссертаций (Л. И. Анцыферовой, Е. А. Будиловой, Е. В. Шороховой, И. С. Якиманской и др.) по психофизиологическим ресурсам активности и субъектности элементарных познавательных процессов. Эти исследования в его научной школе (см.: Семенов, 2020в, 2022а) велись в контексте актуальных в те времена решений Павловской сессии АН и АМН СССР о необходимости углубления в психологии исследований средствами физиологии высшей нервной деятельности. При этом С.Л. Рубинштейн использовал малейшую возможность как для изложения своих представлений о деятельности (в форме выступления на Павловской сессии и на совещаниях по психологии в 1952, 1953 и 1954 гг.), так и для организации историко-научного обоснования необходимости ее психологического изучения (в том числе в виде организации двух изданий указателя соответствующих источников — Левина, Будилова, 1954).

На седьмой фазе (наиболее плодотворной для свободы творчества) после восстановления в ИФАН с 1956 г. в заведовании созданным им сектором С.Л. Рубинштейн ведет разработку отрефлектированного им (благодаря подготовке доклада о творчестве Р. Декарта) субъектно-деятельностного подхода в нескольких взаимосвязанных направлениях.

Во-первых, в персонологическом плане С.Л. Рубинштейн завершает десятилетнее изучение жизнетворчества и психологических аспектов наследия И. М. Сеченова как предтечи деятельностного подхода в человекознании, организуя в ИФАН в 1957 г. специально посвященное ему совещание с изданием сборника докладов (в том числе участников рубинштейновской научной школы: Л. И. Анцыферовой, Е. А. Будиловой, Е. В. Шороховой, М. Г. Ярошевского и др.) о его воззрениях. При этом С.Л. Рубинштейн руководит работой М. Г. Ярошевского по изучению психологического наследия И. М. Сеченова (что приведет к изданию в 1968 и 1981 г. двух книг по персонологии этого ученого) и консультирует подготовку им докторской диссертации по истории психофизиологии XIX в., защищенную в 1962 г.

Во-вторых, С.Л. Рубинштейн руководит в 1957 г. проведением совещания в ИФАН по философским вопросам психологии познания, где, в частности, обобщает (Рубинштейн, 1957) возможности рационалистической трактовки субъектного подхода к их психолого-гносеологическому изучению как процессов деятельности. При этом он руководит в научной школе экспериментальным исследованием процесса решения творческих задач, результаты которого были доложены (Анцыферова, 1957) на этом совещании по психологии познания с позиций процессуально-деятельностного подхода. В дальнейшем в школе С.Л. Рубинштейна творческий аспект активности субъекта будет изучаться в контекстах анализа бессознательного, психической и мыслительной активности (Анцыферова, 1985; Брушлинский, 1979б), познавательной активности и проблемного обучения (А. М. Матюшкин; А. В. Брушлинский, 1996), креативной инициативности и одаренности, воображения, научного творчества (Богоявленская, 1997; Брушлинский, 1967, 1997; Человек науки..., 1974; Ярошевский, 1984), субъектно-деятельностного (Абульханова, 2006б; Брушлинский, 1996) и личностно-ориентированного образования (Абульханова, 1998; Семенов, 2022б; Якиманская, 2007).

В-третьих, в середине 1950-х годов он интенсивно ведет с учениками (Л. И. Анцыферова, Д. Б. Богоявленская, А. В. Брушлинский Е. А. Будилова, Т. В. Кудрявцев, А. М. Матюшкин, В. Н. Пушкин, К. А. Славская (Абульханова), И. С. Якиманская и др.) цикл экспериментальных исследований мыслительных процессов с позиций детерминации деятельности и ее субъектности. При этом он монографически (Рубинштейн, 1958) обобщает свою логико-психологическую концепцию мышления как взаимодействия процессов анализа, синтеза, абстракции, обобщения, регулируемого деятельностью субъекта. Ее экспериментальную верификацию содержит коллективная монография, готовящаяся под редакцией С.Л. Рубинштейна, но изданная уже после его смерти в 1960 г.

В-четвертых, синтезируя результаты своих двадцатилетних интеллектуальных поисков, он издает в 1957 г. фундаментальную монографию «Бытие и сознание». В ней онтологически интегрируется взаимодействие психики и сознания посредством деятельности субъектов во всеобщую взаимосвязь со всеми родами бытия: «Бытие существует и независимо от субъекта, но в качестве объекта оно соотносительно с субъектом. Вещи, существующие независимо от субъекта, становятся объектом по мере того, как субъект вступает в связь с вещью и она выступает в процессе познания и действия как вещь для нас» (Рубинштейн, 1957, с. 57).

В-пятых, в целях трансляции в человекознании сложной философско-психологической системы С.Л. Рубинштейн монографически схематизирует, а также популяризирует свои идеи и концепции, намечая и обосновывая «Принципы и пути развития психологии» (Рубинштейн, 1959).

В-шестых, в последние годы жизни С.Л. Рубинштейн обсуждает в цикле фундаментальных статей методологические проблемы построения философско-психологической теории познания и мышления, сознания и рефлексии, способностей и личности. При этом он разработал ряд исследовательских стратегий (их типологию см.: Семенов, 2020в, 2022а) по анализу психологических воззрений российских физиологов и философов, по ассимиляции достижений зару-

бежных ученых, по проведению теоретико-экспериментальных исследований с позиций акцентирования различных аспектов субъектно-деятельностного подхода. После кончины С. Л. Рубинштейна в январе 1960 г. эти спроектированные им стратегии на десять лет определили основные направления научной работы созданного им в ИФАН сектора философских проблем психологии. Они были реализованы с позиций деятельностного подхода изданием десятка книг под редакцией возглавившей сектор Е. В. Шороховой (см.: Семенов, 2020а, в, 2022а, в).

В-седьмых, его жизнетворчество оборвалось в 1960 г. во время завершения им итоговой книги «Человек и мир» (Рубинштейн, 1973). Ее рукопись была героически расшифрована, восстановлена, издана и не раз переиздана К. А. Абульхановой-Славской (см.: Семенов, 2022б). Именно в этой экзистенциально-психологической монографии С. Л. Рубинштейн подытожил свои интеллектуальные поиски на путях разработки субъектно-деятельностного подхода к личности и познанию, пониманию и рефлексии, изучению и воплощению жизнетворчества человека в мире природы и общества, ценностей культуры и космоса бытия.

Намеченные учителем плодотворные идеи и перспективные интенции наследия С. Л. Рубинштейна были в дальнейшем реализованы в ИФАН, ИПАН/ ИП РАН с позиций субъектно-деятельностной парадигмы как ближайшими учениками (К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский, Е. А. Будилова, Л. И. Анцыферова) и участниками созданной им научной школы (Д. Б. Богоявленская, А. М. Матюшкин, Ф. Т. Михайлов, Ф. А. Сохин, И. С. Якиманская, М. Г. Ярошевский и др.), так и его многочисленными последователями (В. С. Агапов, В. Г. Асеев, В. А. Барабанщиков, М. И. Воловикова, В. В. Знаков, А. Л. Журавлев, А. В. Карпов, В. А. Кольцова, В. И. Моросанова, Н. В. Носуленко, Э. В. Сайко, И. Н. Семенов, Е. А. Сергиенко, А. Н. Славская, Е. Б. Старовойтенко, И. И. Чеснокова и др.). Они конструктивно продолжают в современной психологии начала XXI в. разработку традиций, заложенных выдающимся российским ученым С. Л. Рубинштейном.

Трансформация К. А. Абульхановой и А. В. Брушлинским субъектно-деятельностного подхода в системно-интегральную парадигму

Первоначально после смерти С. Л. Рубинштейна в январе 1960 г. его ближайшие ученики Л. И. Анцыферова, А. М. Матюшкин, К. А. Славская (Абульханова) продолжали свои начатые в его научной школе экспериментальные исследования мышления, в том числе в контексте творчества (Брушлинский, 1967), а также анализировали с позиций философской психологии деятельности достижения советской и зарубежной психологии в трех книгах (Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский, Е. А. Будилова, Н. С. Мансуров, К. А. Славская, Е. В. Шорохова и др.). Их интерпретация в контексте сознания и рефлексия последних статей С. Л. Рубинштейна поставила учеников перед необходимостью выхода за рамки рационализма в трактовке мышления к ее онтологическому расширению через учет его личностных аспектов (направленности, целеполагания, мотивации, рефлексии и т. п.). В итоге это знаменовало — в конце 1960-х годов в рамках деятельностного подхода переход от исследования процесса мышления к изучению такого целостного предмета, как личность. Это в познавательных поисках

К. А. Славской сначала акцентировало субъектность (Абульханова-Славская, 1969) психического, что затем было эксплицировано в ее докторской диссертации в 1974 г. и номинативно-понятийно обозначено в названиях двух монографий (Абульханова-Славская, 1973, 1980). Они уже были написаны с позиций опубликованного в 1973 г. К. А. Абульхановой труда учителя «Человек и мир». В двух ее книгах 1973 и 1980 гг. была имплицитно определена интенция на модернизацию собственно субъектно-деятельностного подхода с позиций обобщения достижений современной психологии личности конца XX в. Однако верификация этого подхода нуждалась в методологической проработке, на что и были направлены познавательные поиски К. А. Абульхановой. Они номинативно-понятийно были выражены обращением к анализу деятельности индивида, активности личности, ее психосоциальности, сознания и наконец обобщенно завершились в конце 1980-х годов интегративной экспликацией субъектности как категориально-теоретического основания субъектно-деятельностного подхода (Абульханова, 1989) к формированию неклассической психологии личности, что нуждалось в конструктивной постановке и решении соответствующих теоретических проблем и методологической разработке исследовательских средств.

Все эти годы после смерти С. Л. Рубинштейна его непосредственный ученик А. В. Брушлинский был сосредоточен на теоретико-экспериментальном исследовании направленности, дизъюнктивности, коммуникативности мышления как процесса интеллектуальной деятельности и на концептуальном анализе взаимодействия природного и социального в психическом развитии человека. Назначение А. В. Брушлинского в 1988 г. главным редактором ведущего в стране «Психологического журнала» и избрание в 1989 г., в период «перестройки», директором ИПАН поставило его перед необходимостью расширения исследовательского поля современного человекознания общепсихологической и полиотраслевой проблематикой. Этому способствовали унаследованный учеными ИПАН от Б. Ф. Ломова системный подход, а от С. Л. Рубинштейна – деятельностный (Ломов, 1975; Рубинштейн, 1922, 1945). Накопленный же в трудах К. А. Абульхановой задел имплицитного анализа взаимодействия деятельностного подхода с субъектным открывал методологические возможности посредством их интеграции конструктивно осваивать различные пласты психологической реальности, теоретико-прикладное изучение которых стало актуальным в новых социально-экономических условиях конца XX в.

Отталкиваясь от этого задела, А. В. Брушлинский в 1990-е г. приступил к всестороннему изучению различных аспектов психологии субъектности (Брушлинский, 1991, 1992) на основе теоретической рефлексии проблематики деятельности в трудах С. Л. Рубинштейна, в том числе обобщения имплицитированных в них новаций в связи с подготовкой его юбилеев в 1989 и 1999 гг. Это позволило ученикам и последователем С. Л. Рубинштейна приступить (Абульханова, 1989, 1997; Анцыферова, 1991, 1997; Знаков, 2016б; Карпов, 2005; Семенов, 2013, 2020ба, 2022б; Сергеенко, 2010; Якиманская, 2007) к развитию субъектно-деятельностного подхода посредством разработки дополняющих и конкретизирующих его производных подходов: системно-деятельностного, системно-динамического, развивающе-деятельностного, рефлексивно-деятельностного, метакогнитивно-

деятельностного, личностно-деятельностного, субъектно-аналитического, и др., каждый из которых акцентирует роль соответствующих аспектов субъектности деятельности личности.

В итоге их интеграции и в результате многолетнего сотворчества К. А. Абульхановой и А. В. Брушлинского их познавательные поиски привели к теоретико-методологической трансформации восходящих к трудам учителя (Рубинштейн, 1922, 1934, 1945, 1946а, б, 1957, 1973) и взаимодействующих друг с другом деятельностного и субъектного подходов в единую субъектно-деятельностную парадигму. Она является не только одной из доминирующих в современной психологической науке, но и вызывает интерес в российской философии и имеет последователей в социологии и педагогике. В этом междисциплинарном контексте обратимся к соотношению субъектно-деятельностной парадигмы с различными трактовками ее свойств в иных конструктах.

Методологические проблемы развития принципов деятельности и субъектности в классической советской и современной постсоветской психологии

В соответствии с диалектико-материалистической парадигмой в советской философской (Г. С. Батищев, Э. В. Ильенков) и психологической (А. Н. Леонтьев, В. В. Давыдов) традицией (по существу развивавшейся на перекрестке взаимодействия постнеогегельянства и постпозитивизма) утвердилась трактовка субъекта с доминированием его социодетельностного понимания как носителя опредмеченной и усвоенной в знаниях социокультурной практики. Она аккумулирует достижения орудийно-понятийного познания окружающего мира (как континуума природы и общества, культуры и информации). В нем социально-нормированный и гносеологически гипостазированный индивид противоплагается абстрактно постигаемому (т. е. теоретически изучаемому) и конкретно осваиваемому (т. е. практически преобразуемому) предметному (вещному) материалу, определяемому в качестве объекта деятельности.

Онтологически это базировалось на восходящем к культурно-исторической теории (Л. С. Выготский, А. Р. Лурия) социодетельностном подходе (А. Н. Леонтьев, А. В. Запорожец). Он в логике своего развития (П. Я. Гальперин, В. В. Давыдов) и в методологическом пределе своей системодетельностной рефлексии в конечном социотехническом счете приобрел бессубъектный статус (Щедровицкий, 1973) при соционормативной разработке методологии самой деятельности (в ее субстанционально-орудийных и знаково-семиотических формах). Все это привело в советской философско-психологической мысли к оформлению социотехнического (Г. Мюнстенберг) понимания субъекта как носителя циркулирующих в культуре разнообразных психологических практик (Л. И. Анцыферова, Ф. Е. Василюк, А. А. Пископфель, А. А. Пузырей, В. М. Розин) и отношений (причем, несмотря на абстрактно-атрибутивное декларирование таких свойств активности индивида, как самосознание, инициативность, самостоятельность, которые в своей совокупности системно-целостно характеризуют индивидуальность человека).

В отличие от этого в восходящей к С. Л. Рубинштейну постсоветской философско-психологической мысли (К. А. Абульханова, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский, Н. И. Непомнящая, Э. В. Сайко, И. И. Чеснокова, В. Э. Чудновский) в понимании субъекта проявилась его трактовка как самости (Семенов, 2022а; Semenov, 1989) жизнеосуществления человека в мире. В этом заключается онтологически предельная сущность субъектного подхода как она стала рефлексироваться, осознаваться, формулироваться на рубеже 2010–2020-х годов (Абульханова, 2006а; Абульханова-Славская и др., 2001; Анцыферова, 1991; Бардин, Индлин, 1993; Брушлинский, 1991, 1992, 1994б; Журавлев, 2010; Петровский, 1993; Семенов, 2013, 2022а; и др.).

Такой – по сути экзистенциальной – трактовке самости предшествует, как это ни парадоксально звучит, ее недеятельностное, субъектно-личностное (внедеятельностное, метадеятельностное) понимание, восходящее к создателю деятельностного подхода (или принципа) в советской психологии С. Л. Рубинштейну, разработанного им на рубеже 1930–1940-х годов и опубликованного позднее (Рубинштейн, 1945). Анализируя связь деятельности с феноменологией ее процессуальности и взаимодействием с переживаниями, переосмыслением и осознанием в процессах жизнедеятельности (Рубинштейн, 1945, 1957, 1973), он пришел к вскрытию активности как ее экзистенциально-смысловой сущности. Это открывало путь к определению и разработке принципа субъекта в психологии (Абульханова, 1969, 1973), к изучению роли активности и сознания в развитии субъектности (Абульханова, 1989, 2006а; Брушлинский, 1991, 1994б) и далее – к определению перспективы построения рефлексивной психологии души как самости (Семенов, 2021а, 2022а; Semenov, 1989).

Согласно онтологии рефлексивности психики (Семенов, 2014, 2021а, б, 2022а), самость является как резервуаром психоэнергетики, так и носителем самосознания, замкнутого на собственное Я личности. Его самообраз культивируется в самоактуализации, самоотношениях эманации в формах экзистенциальной активности сознания, рефлексивно и самодетельностно проявляющегося в процессах самопереживания, саморазвития, самовосприятия, самополагания, самоопределения, самореализации и констеллируется в самопостроении и самоосознании человеком собственной Я-концепции. Оба подхода к самости взаимодействуют друг с другом, согласно методологическому принципу дополнительности (Семенов, 2014). К подобной расширенной и конкретизированной трактовке субъектно-деятельностного подхода или уже парадигме созданная С. Л. Рубинштейном школа учеников и последователей пришла в процессе многолетних теоретических поисков и эмпирических изысканий.

Пофазовая периодизация становления субъектно-деятельностной парадигмы в исследованиях учеников С. Л. Рубинштейна и его последователей в современной психологии

Проведенное нами пилотажное исследование массива публикаций С. Л. Рубинштейна и его школы науковедческим методом предметно-номинативного анализа (Семенов, 2021б, 2022б) их названий показало, что в 1940–1950-е годы он сам,

используя и определяя в них понятия деятельности и сознания (Рубинштейн, 1945), термином «субъект» свои статьи не обозначал, хотя это понятие нередко встречался в его текстах. Видимо, для С.Л. Рубинштейна самоочевидное понятие субъекта выступало в основном как объяснительный принцип, а не в качестве предмета изучения. Ибо это потребовало бы построения специальной исследовательской стратегии, что в послевоенной советской психологии вряд ли было бы актуально ввиду возможных упреков в ратовании за «субъективизм».

Конструктивное преодоление этого стало возможным лишь через полвека – после крушения советской идеологии, когда данная стратегия была разработана его учеником А. В. Брушлинским (Брушлинский, 1991, 1992). Ибо он, подводя итоги двадцатилетней экспликации К. А. Абульхановой идеи субъекта из трудов учителя (Абульханова, 1969, 1973, 1989), приступил к рефлексии (Брушлинский, 1989, 1990) наследия учителя, в результате чего было определено психологическое содержание субъектного подхода (Брушлинский, 1994б). В историко-научном плане следует отметить, что в названиях трудов ближайших учеников С.Л. Рубинштейна термин «субъективное» впервые упоминается в конце 1960-х годов (Абульханова, 1969) и далее в канун 1990-х годов (Абульханова, 1989; Анцыферова, 1991; Брушлинский, 1991). Хотя перед этим К. А. Абульханова в результате обобщенного анализа наследия С.Л. Рубинштейна в связи со 100-летним юбилеем отрефлексовала (Абульханова, 1989) принцип субъектности в разработанной им философско-психологической системе, вернувшись к его анализу лишь в конце 1990-х годов, но сосредоточилась на его систематическом исследовании лишь в 2000–2020-е годы, т. е. уже после трагической гибели А. В. Брушлинского, случившейся в 2002 г. Именно в его фундаментальных трудах (Брушлинский, 1994б, 1996, 1997, 1999б, 2002, 2003) по нашему мнению, оформилась собственно субъектно-деятельностная парадигма современной психологической науки.

Если продолжить начатую выше на материале анализа трудов С.Л. Рубинштейна периодизацию неравномерного становления субъектно-деятельностного подхода путем дифференциации нескольких фаз его дальнейшего изучения в созданной им научной школе, то обнаружится их следующая фазовая последовательность. Вслед за семью фазами имплицитного становления субъектного подхода (в трудах самого С.Л. Рубинштейна) начнем дифференциацию его по фазового развития в исследованиях участников созданной им научной школы с характеристики следующей – восьмой фазы.

На восьмой фазе на рубеже 1969–1970-х годов (через 10 лет после кончины С.Л. Рубинштейна) номинативно обозначается (Абульханова-Славская, 1969) необходимость психологического изучения субъектности как особой психологической реальности, изучение которой требует построения специальной методологии (Абульханова-Славская, 1973). Однако сама она на рубеже 1970–1980-х годов обращается к анализу проблемы деятельности и личности (Абульханова, 1980) в контексте анализа ее психической активности (которая изучалась Н.Ф. Добрыниным, А.В. Петровским в МГПИ). Одним из ее аспектов можно считать субъектность, но она в этом своем частном качестве до поры до времени не становится предметом специального исследования в школе С.Л. Рубин-

штейна, хотя в ней активность позже изучается (Анцыферова, 1985) пока в биоэнергетическом и психофизиологическом аспектах.

На девятой фазе в конце 1980-х годов в процессе подготовки к 100-летию С.Л. Рубинштейна и обобщению его наследия произошла рефлексия (Абульханова, Брушлинский, 1989) предложенных им подходов. Это привело к экспликации (Абульханова, 1989) содержащегося в трудах С.Л. Рубинштейна принципа субъектности. Позднее он стал анализироваться участниками и последователями школы С.Л. Рубинштейна через такие конкретизирующие его антропологические аспекты самости (Семенов, 2022а), как активность, самовосприятие, самонаблюдение, сознание, рефлексия, эмпатия, понимание, целеполагание, самоопределение, самореализация и др. Далее их экспериментальные исследования послужили эмпирическим материалом для феноменологического насыщения понятия субъекта как важной перспективы развития современной психологической науки (Абульханова, 1998; Абульханова-Славская и др., 2001; Анцыферова, 1991; Брушлинский, 1991; Давылова, 2008; Журавлев, 2010; Конопкин, 2004; Петровский, 1993; Семенов, 2013; Слободчиков, 2013; и мн. др.).

На десятой фазе в самом начале 1990-х годов, благодаря предложенной директором ИП РАН стратегии, началось психологическое изучение субъектности (Брушлинский, 1991, 1992). Поступательно вызревавшее в трудах С.Л. Рубинштейна и его учеников понятие о ней стало трансформироваться в философско-междисциплинарную категорию и базирующийся на ней субъектно-деятельностный подход (Брушлинский, 1999б). Вскоре доминирующий субъектный компонент этого подхода начал самостоятельно реализовываться как внутри научной школы С.Л. Рубинштейна в трудах ее участников (Абульханова, 1997; Анцыферова, 1997) и последователей в ИП РАН (В. А. Барабанщиков, В. А. Бодров, М. И. Воловикова, Д. Н. Завалишина и др.), так и вне его (Абульханова-Славская и др., 2001; Агапов, 2011; Борисова, 2019; Карпов, Корнилов, 2005; Конопкин, 2004; Крюкова, 2004; Семенов, 2020б, 2022а; Сергиенко, 2010; Якиманская, 2007; и др.).

На одиннадцатой фазе на рубеже 1990–2000-х годов, благодаря интенсивной разработке психологии субъекта в ИП РАН во главе с его директором (Брушлинский, 1994б, 1996, 1998), на наш взгляд (Семенов, 2020а, б), произошла интеграция образующих субъектно-деятельностный подход категорий субъектности и деятельности (Брушлинский, 1999б) в единую субъектно-деятельностную парадигму. Она стала концептуально-методологическим базисом развертывания разнообразных фундаментально-прикладных исследований (Абульханова, 2004, 2006б, 2021; Агапов, 2011; Анцыферова, 2000а, 2004а; Богоявленская, 1997; Брушлинский, 2002а, 2003; Дюков и др., 2010; Журавлев и др., 2019; Журавлев, Купрейченко, 2011; Якиманская, 2007; и др.) в постсоветской психологии конца XX–начала XXI в.

На двенадцатой фазе в 2000–2020-е годы после трагической гибели А. В. Брушлинского его друг и многолетний соратник К. А. Абульханова возглавила с 2002 г. ведение разработок субъектно-деятельностного подхода в современной психологии первой трети XXI в. Она начала свой путь в науке с экспериментального исследования в 1950–1960-е годы мышления под руководством

С.Л. Рубинштейна и продолжила его изучение до конца 1960-х годов в созданном им в ИФАН секторе философских проблем психологии. На рубеже 1960–1970-х годов она сосредоточилась на разработке методологических проблем психологической науки, эксплицировав из трудов С.Л. Рубинштейна его представления о субъективности (Абульханова-Славская, 1969). Готовя в ИФАН свою докторскую диссертацию, она проанализировала методологию использования понятия субъекта (Абульханова-Славская, 1973) в психологии. После этого она обратилась к изучению в 1980-е годы проблем психологии личности и ее деятельности (Абульханова, 1980) на основе процессуально-деятельностного подхода, а далее — с позиций социально-экзистенциального подхода, развивая идеи трактата С.Л. Рубинштейна «Человек и мир» (Рубинштейн, 1973). Издавая и рефлекслируя его наследие в связи со 100-летним юбилеем учителя, она эксплицировала трактовки им субъекта, обобщила и обосновала их в качестве теоретического принципа современной психологии (Абульханова, 1989).

На рубеже 1980–1990-х годов этот принцип стал базой разработки субъектно-деятельностного подхода в качестве инновационной стратегии ряда научных исследований в ИП РАН по инициативе его вновь избранного директора А.В. Брушлинского. Благодаря изданным им книгам (Брушлинский, 1994б, 1996, 2002, 2003) и статьям его коллег по школе С.Л. Рубинштейна (Абульханова, 2006а, 2021; Анцыферова, 2000а, 2004а), а также трудам других ученых, субъектно-деятельностный подход трансформировался в одну из ведущих конструктивных парадигм (Семенов, 2014, 2018, 2020б, 2022а), доминирующих в современной российской психологии. С 2002 г. ученица С.Л. Рубинштейна в своих исследованиях и в интерпретациях (Абульханова, 1997, 2004, 2006б, 2021) философско-психологических трудов учителя (Рубинштейн, 1922. 1945, 1957, 1973, 1994) придала этой парадигме системно-трансдисциплинарный характер. При этом она определила мировоззренческий смысл и методологическое значение категории субъекта, показала ее системообразующую роль во взаимодействии мышления и понимания, сознания и рефлексии, деятельности и творчества, личности и отношений, социальных представлений и коммуникаций. Более того, на двенадцатой фазе развития в школе С.Л. Рубинштейна субъектно-деятельностной парадигмы параллельно с изысканиями К.А. Абульхановой и ее коллег в ИП РАН (Борисова, 2019; Журавлев, 2010; Журавлев и др., 2019; Журавлев, Купрейченко, 2011; Знаков, 2016б; Пономарев, 2010; Славская, 2002; Сергиенко, 2010; и мн. др.) на теоретико-методологической основе изучения психологии субъекта ведутся исследования различных его аспектов с позиций разветвления субъектно-деятельностной парадигмы на ряд таких конкретизирующих ее дочерних подходов, как: процессуально-деятельностный, деятельностно-сознаваемый, деятельностно-интеллектуальный, деятельностно-рефлексивный, деятельностно-смысловой, деятельностно-метакогнитивный, деятельностно-личностный, деятельностно-коммуникативный, деятельностно-экзистенциальный, деятельностно-культуральный и т. д. Различные варианты их взаимодействия определяют конструктивные стратегии конкретных исследований в современной психологии, проектируемых с позиций субъектно-деятельностной парадигмы, актуальной для человекознания первой трети XXI в.

Экспликация нарративов С. Л. Рубинштейна, презентующих имплицитное содержание его концепции субъектности как взаимодействия сознания и деятельности

Имплицитно существующая в трудах С. Л. Рубинштейна концепция субъекта (и субъектности) отталкивается от ассимиляции его философских трактовок Р. Декартом, И. Кантом, Г. Гегелем, К. Марксом (1955) и неокантианцами Г. Когеном и П. Наторпом (2006), интегративно эксплицируется на основе системы логически взаимодополняющих разработок (Рубинштейн, 1922, 1945, 1946а, б, 1954, 1994) и презентуется посредством следующих нарративов (Рубинштейн, 1946), цитируемых по 3-му изданию «Основ общей психологии» (Рубинштейн, 1989, т. 1). Для него онтологически важно, что «объективная форма существования психического выражается в жизни и деятельности... субъективная форма... — это рефлексия, интроспекция. Самосознание, отражение психического в самом себе, это вторичная, генетически более поздняя форма, появляющаяся у человека» (Рубинштейн, 1989, т. 1, с. 21). Отметим, что рефлексия специально изучается современными последователями С. Л. Рубинштейна (Давыдова, 2008; Дюков, 2010; Рефлексия..., 2010; Савенков, 2020; Семенов, 1976, 2013, 2014, 2022а, б; Sevenov, 1989).

Для С. Л. Рубинштейна гносеологически важно изучение связи психики (сознания) с деятельностью, ибо «в действительности бытие психического вовсе не исчерпывается его данностью сознанию субъекта, рефлектирующего на свои переживания. Психические факты — это прежде всего реальные свойства индивида и реальные процессы, выявляющиеся в его деятельности» (Рубинштейн, 1989, т. 1, с. 22). «Сознание субъекта несводимо к чистой, т. е. абстрактной, субъективности, извне противопоставленной всему объективному. Сознание — это осознанное бытие, единство субъективного и объективного... В продуктах человеческой — по существу своему общественной — деятельности сознание не только проявляется, через них оно и формируется... Практическое сознание человека как общественного существа — это в высших своих появлениях нравственное сознание» (там же, с. 24–25). Проблематика сознания фундаментально изучается учениками С. Л. Рубинштейна (Абульханова, 2006а; Брушлинский, 1979б, 1990). Они исходят из того, что, «будучи предпосылкой деятельности, сознание, вместе с тем ее результат. Сознание и деятельность человека образуют подлинное единство» (Рубинштейн, 1989, т. 1, с. 27). Принцип их единства конкретизируется в системе теоретических положений: «Связь сознания как отражения, как знания, с объектом, который в нем отражается... определяется положением о единстве субъективного и объективного, в котором внешнее, объективное опосредует внутреннее, субъективное» (там же, с. 32); «Психологическая наука... должна исходить при изучении человеческого сознания из его отношения к предметному миру объективной действительности» (там же, с. 35).

Отсюда С. Л. Рубинштейн намечает пути познания с позиций субъектно-деятельностного подхода: «Единство между сознанием и действительностью... составляет основу объективного познания психики» (там же, с. 37). Ибо: «Подлинной конкретной „единицей“ психического (сознания) является акт отраже-

ния объекта субъектом. Это сложное по своему составу образование, оно всегда... включает единство двух противоположных компонентов — знания и отношения, интеллектуального и „аффективного“, из которых то один, то другой выступает в качестве преобладающего. Подлинно жизненной наукой психология может быть только тогда, когда она сумеет... психологически анализировать жизненные явления, оперируя такими нефункциональными „единицами“ психического» (там же, с. 44); «В единстве внешнего и внутреннего, объективного и субъективного основным, определяющим для нас является объективное» (там же, с. 44); «Отделение субъективного истолкования от объективного и вычленение субъективного производится в самом процессе наблюдения, соединенного с постановкой и проверкой гипотез» (там же, с. 55).

Согласно методологическому принципу объективности психологического познания, «основная задача психологического эксперимента... сделать доступными для внешнего наблюдения существенные особенности внутреннего психического процесса» (там же, с. 58). «У Лазурского... при методе естественного эксперимента экспериментальному воздействию подвергаются условия, в которых протекает изучаемая деятельность, сама же деятельность испытуемого наблюдается в ее естественном протекании» (там же, с. 60–61). В отличие от А. Ф. Лазурского С. Л. Рубинштейн вводит «другой вариант естественного эксперимента», ибо «в действительности ребенок развивается в условиях воспитания и обучения, т. е. определенным образом организованного воздействия на него» (там же, с. 60).

Эти положения субъектно-деятельностного подхода С. Л. Рубинштейна оказали существенное, но недооцененное влияние на его конструктивную реализацию в современной педагогической психологии (см.: Семенов, 2022б), причем не только в трудах его непосредственных учеников (К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский, Д. Б. Богоявленская, А. М. Матюшкин и др.). Так, принятый С. Л. Рубинштейном (по рекомендации А. Н. Леонтьева) на кафедру психологии МГУ П. Я. Гальперин разработал оригинальный и эффективный для экспериментального обучения метод поэтапного формирования умственных действий и понятий «в заданных условиях и в заданных показателях» (Гальперин, 1958). Он обеспечивает интериоризацию внешне организованной материальной мыслительной деятельности в ее внутреннюю форму в виде «чистой мысли», которая, по И. Канту, составляет абстрактное содержание философского и научного мышления. С учетом положения С. Л. Рубинштейна о строении обобщения в процессах мышления ученик П. Я. Гальперина В. В. Давыдов разработал конструктивную психолого-педагогическую теорию развивающего обучения (Рубинштейн, 1958). В плане же психологического обеспечения воспитания личности в процессе организованного обучения субъектно-деятельностный подход реализовала ученица С. Л. Рубинштейна И. С. Якиманская, разработав с позиций его концепции «Человек и мир» эффективную психотехнологию развивающего личностно-ориентированного образования (Рубинштейн, 1973; Якиманская, 2007).

Итак, согласно концепции С. Л. Рубинштейна, «единство сознания и деятельности или поведения основывается на единстве сознания и действительности или бытия, объективное содержание которого опосредует сознание, на единстве

объективного и субъективного» (там же, с. 29). Причем: «Переживания человека — это субъективная сторона его реальной жизни, субъективный аспект жизненного пути личности» (там же, с. 15). Ибо «принадлежность индивиду, их [т. е. переживаний. — И. С.] испытывающему, субъекту — первая характерная особенность всего психического» (там же, с. 12). Человек становится субъектом, т. е. «сознательно выделяющим себя из окружающего и соотносящегося с ним» (там же, с. 13). «Сознание конкретного реального индивида — это единство переживания и знания» (там же, с. 17). Методологически важно положение: «Осознание совершается через включение переживаемого субъектом акта или события в объективные предметные связи, его определяющие» (там же, с. 19). Эта философско-системная онтология предмета психологии С. Л. Рубинштейна определяет разработанную через полвека его учениками (Абульханова, 1997, 2004, 2006б; Анцыферова, 1997, 2000а, 2004а; Брушлинский, 1994б, 1996, 1997, 1999б, 2002, 2003) системно-интегральную методологию субъектно-деятельностного подхода.

Философско-психологическое значение субъектно-деятельностного подхода в ретроспективе и перспективе развития классического и современного человекознания

Отрефлексируем и обобщим разнообразные виды научного значения фундаментальных достижений С. Л. Рубинштейна и его научной школы в теоретико-методологической разработке и практико-прикладной реализации различных вариантов субъектно-деятельностного подхода в системе парадигм современной науки, который стал достоянием мировой психологической мысли (Matthaus et al., 1988; Payne, Holland, 1968; Rubinstein aujourd'hui..., 2007; Semenov, 1989; и др.). Результаты проведенного изучения становления субъектно-деятельностного подхода, разработанного С. Л. Рубинштейном и его научной школой, подытожим следующими ключевыми выводами.

1. Основным достижением С. Л. Рубинштейна и его школы является построение концептуальной базы российской психологической науки в виде системы ее философско-методологических основ и реализующего их субъектно-деятельностного подхода современного человекознания к изучению бытия человека в мире.
2. Столетнее становление этой парадигмы в трудах С. Л. Рубинштейна и его учеников осуществлялось в социокультурных условиях неравномерно и носило пофазовый характер чередования этапов как интенсивной разработки деятельностного и субъектного подходов, так и переключения познавательных интересов на другие проблемы, что означало периоды как подспудного, так и экстенсивного развития субъектно-деятельностной проблематики в виде имплицитного содержания системно-антропологической онтологии жизненного бытия человека в мире, а также других изучаемых данной научной школой предметных тематизмов (например: восприятия и мышления, речи и представлений, сознания и личности, воображения и творчества и т. д.).

3. Проведенный историко-наукведческий и предметно-номинативный анализ публикационного массива школы С.Л. Рубинштейна позволил дифференцировать 12 фаз становления разработанного им и его учениками субъектно-деятельностного подхода. Пофазовая периодизация выявила в этом становлении 7 фаз зарождения содержания деятельностного и субъектно-подходов в жизнетворчестве С.Л. Рубинштейна и 5 фаз их развития его учениками (К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинским, Л.И. Анцыферовой) и трансформации в интегральную субъектно-деятельностную парадигму современной психологии.
4. В философско-психологическом плане важно подчеркнуть фундаментальный характер научного творчества С.Л. Рубинштейна. Ибо восходящее к Р. Декарту рационалистическое соотнесение объекта с субъектом, гносеологически квалифицированное И. Кантом в виде категориального противопоставления «познаваемый объект – познающий его субъект» было подвергнуто С.Л. Рубинштейном эпистемологической критике с учетом учений Г. Гегеля о «субъективном духе» и К. Маркса о чувственной природе и деятельном характере «субъективности» человека. При этом С.Л. Рубинштейн отталкивался от позитивно-критического анализа методологического содержания как неокантианской трактовки культуросозидающей роли разума субъекта в прогрессе науки, так и функции марксовской категории «труд–капитал» (Рубинштейн, 1934) в социоэкономическом развитии общественных отношений, совокупность которых определяет марксистскую трактовку личности. В результате С.Л. Рубинштейн конструктивно спроецировал полюс труда (взяв его из категориальной связки с капиталом) на онтологическую экспликацию его психологической функции в виде новой категории «деятельность субъекта – сознание как превращенная форма отражения объекта».
5. Методологически это в дальнейшем открывало категориальную перспективу произошедшей на рубеже XX–XXI вв. гносеологической переакцентировки в онтологической связке «труд–капитал» с изучения труда как деятельности на исследование «человеческого капитала» (Т. Шульц) как накопления субъектом ресурсов (задатков, знаний, компетенций, ценностей) и совершенствования способностей и смыслов в процессах развития личности в деятельности (Семенов, 2009, 2021а, 2021б, 2022а). Это создает новые дополнительные возможности для раскрытия теоретико-методологического потенциала субъектно-деятельностного подхода в современном человекознании, особенно в общей (Абульханова, 2021: Бардин, Индлин, 1993; Конопкин, 2004; Общая..., 2000; Рефлексия..., 2010; Семенов, 2013, 2014; Субъект..., 2007; Субъектный подход..., 2009), социальной (Абульханова, 1997; Журавлев, 2010; Семенов, Водопьянов, 2022в; Субъект и социальная..., 1995), организационной (Абульханова, 1998; Журавлев и др., 2019; Семенов, 2009), возрастной (Давыдова, Семенов, 2008; Сергиенко, 2010; Слободчиков, 2013) и педагогической (Абульханова, 2006б; Днепров, 2007; Дюков, 2010; Савенков, 2020; Семенов, 2022б; Становление..., 2018; Якиманская, 2007) психологии бытия человека в мире.

Приведем данное А. В. Брушлинским емкое определение сущности субъектно-деятельностного подхода с учетом его системности (Александров и др., 1999; Ломов, 1975; Юдин, 1978): «Человек как субъект – это высшая системная целостность всех его сложнейших и противоречивых качеств, в первую очередь, психических процессов, состояний и свойств, его сознания и бессознательного. Такая целостность формируется в ходе исторического и индивидуального развития. Будучи изначально активным, человеческий индивид, однако, не рождается, а становится субъектом в процессе общения, деятельности и других видов своей активности» (Брушлинский, 1994б, с. 41).

Фундаментальные достижения С. Л. Рубинштейна и его школы в исследовании различных аспектов субъектно-деятельностного подхода вызывают непреходящий интерес в человекознании рубежа XX–XXI вв. Их изучению и обобщению посвящаются историко-научные и аналитические публикации не только в России (Абульханова, 2021; Абульханова-Славская и др., 2001; Агапов, 2011; Богоявленская, 1997; Борисова, 2019; Брушлинский, 1999б; Журавлев, 2011; Семенов, 1989, 2014, 2022а; Субъектный подход, 2009; и др.), но и в зарубежных странах (Matthaus, 1988; Payne, 1968; Rubinstein aujourd’hui..., 2007; Semenov, 1989; и мн. др.), что свидетельствует о перспективности субъектно-деятельностной парадигмы для развития современной психологической науки.

Глава 6

Историко-генетический подход к исследованию современного транзитивного мира¹

Историко-генетический подход исходит из необходимости пересмотра методологии изучения современного транзитивного, изменчивого, неопределенного и многоаспектного мира. Он основывается на идее о трехфакторном понимании развития научного знания, важности трансформирования научных парадигм в научные гештальты, об инструментах исторической психологии науки М. Г. Ярошевского, прежде всего об оппонентном круге. Рассматриваются также изменения, необходимые для понимания психологической детерминации, которая должна основываться на выделении двух линий, определяющих развитие психологии, — естественно-научной и гуманитарной.

Взаимосвязь оппонентских кругов как контекст развития науки

М. М. Бахтин утверждал, что авторская речь строится с учетом «чужого слова» и без него была бы другой (Бахтин, 1979). В связи с этим М. Г. Ярошевский считал, что текст, по которому история науки воссоздает движение знания, следует рассматривать как эффект не только интеллектуальной (когнитивной) активности автора этого текста, но и его коммуникативной активности. Говоря об особом научно-социальном круге, во взаимодействии с членами которого зарождаются и разворачиваются замыслы и программы исследований, Ярошевский писал о «незримом колледже» и/или о научной школе, т. е. об исследовательских коллективах, соединенных либо личностью организатора и руководителя школы, либо научной программой (Ярошевский, 1995б). Развивая эту мысль, Г. М. Андреева также отмечала, что становление определенной концепции происходит внутри «незримого колледжа», в котором ведутся дискуссии ученых разных направлений, но связанных единой идеей о важности построения новой методологии, отвечающей задачам меняющейся действительности (Андреева, 2004).

С этой позиции предмет историко-генетического подхода можно определить как исследование эволюции психологических теорий, детерминированной тре-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 19-18-00516.

мя факторами: историко-культурной ситуацией, логикой научного познания и качествами личности ученого, их стремлениями и установками.

Осознание некоторой узости, недостаточности изучения только логического параметра для понимания и оценки развития науки, кумуляции научных знаний привели еще в конце 1960-х годов Ярошевского к идее о важности изучения процессов научного творчества. Он отмечал, что одним из существенных недостатков традиционных исследований является изучение отдельных психологических теорий вне их связи с эпохой, в которой они появились, вне связи с социальной ситуацией и культурой, в которой жил и работал ученый, вне связи с его мировоззрением, идеалами, школой, к которой он принадлежал. Поэтому анализируемые теории воспринимаются как засохшие цветы в гербарии, а не как реально существующие и соотносящиеся с современными концепциями взгляды.

С точки зрения методологии недостатком такого анализа является и то, что он не дает возможности изучить детерминанты развития психологии, выявить основные тенденции и факторы появления и популярности определенной психологической теории, затрудняет сравнительный анализ отдельных психологических концепций и даже отдельных школ и направлений.

Рассматривая развитие психологии только сквозь призму логики самой науки, мы не видим личности ученого, который является ее творцом, а такой взгляд после работ М. Блока не представляется адекватным и продуктивным (Блок, 1986). Кроме того, при таком подходе исчезает возможность изучить динамику возникновения открытий, появления новых взглядов на психику. По словам Х. Райхенбаха, история психологии рассматривает развитие психологии в контексте обоснования, а не в контексте открытия, так как вопрос о зарождении идей не имеет отношения к логике науки как таковой, как совершенно справедливо заметил еще К. Поппер (Поппер, 2004; Райхенбах, 2009). Социологический подход к истории психологии рассматривает развитие науки, в том числе и все новые открытия, только с точки зрения общественных отношений. Не отрицая роли социальной ситуации, нужно признать, что принять точку зрения, согласно которой это влияние является прямым и непосредственным, невозможно.

Если социальная история, так же как и традиционная история психологии, оставляет в стороне личность творца, ученого, то психоистория, наоборот, рассматривает ее как главное, центральное звено в развитии той или иной психологической концепции. При этом вся психология (как и вся культура) рассматривается только как способ сублимации, изживания травм. А в развитии любой концепции приоритет отдается не культуре, не социальной ситуации, а только личному опыту. Конечно, можно рассмотреть роль отца в развитии личности Фрейда, но считать, что появление психоанализа напрямую связано с отношениями и конфликтами Фрейда с отцом, так же нелепо, как сводить все творчество Достоевского к эдипову комплексу. Сведение всей истории психологии к историям семей не просто обедняет, но подменяет предмет исследования, доказательства чего содержатся не только в работах Фрейда, но частично и в трудах Эриксона.

В то же время историко-генетический подход дает возможность понять место психологического знания в системе научных понятий.

Ярошевский отмечал, что обычная трактовка научно-социального сообщества придает доминирующее значение влияниям предшественников, идеи которых получают дальнейшее развитие в теоретико-экспериментальных работах конкретного ученого. В меньшей степени анализируются групповые связи этого ученого с близкими ему по ориентациям исследователями. «При изучении творчества главный акцент принято ставить на первом направлении активности, прежде всего понятийном (и категориальном) аппарате, который применил ученый, строя свою теорию и получая новое эмпирическое знание. Вопрос же о том, какую роль при этом сыграло его столкновение с другими субъектами — членами научного сообщества, представления которых были им оспорены, затрагивается лишь в случае открытых дискуссий» (Ярошевский, 1995б, с. 81) «Между тем, подобно тому, как за каждым продуктом научного труда стоят незримые процессы в его творческой лаборатории, к которым обычно относят построение гипотез, деятельность воображения, силу абстракции и т. п., в производстве этого продукта незримо участвуют оппоненты, с которыми он ведет скрытую полемику» (там же, с. 82).

Анализ пути, по которому развивалась психологическая наука в России, тех трансформаций, которые она претерпела, привел Ярошевского к мысли о важности анализа социальной ситуации развития психологической науки в России. Эта идея легла в основу созданного Ярошевским нового направления — социальной психологии науки, которая помогла выявить неисследованные прежде аспекты научного творчества, определить понятие научной школы. Исходя из введенного им понятия «исследовательская программа», вокруг которой объединяется группа ученых, образующих научную школу, Ярошевский описал различные школы, существовавшие в российской психологии, проанализировал их методологию (Ярошевский, 1996).

Эти идеи ученого были учтены при конструировании историко-генетического подхода, в рамках которого анализируется трансформация понятий «развитие», «общение», «личность». Ведь в зависимости от социальной ситуации меняются взгляды на личность человека, на границы его активности, на цели, которые ставит перед собой общество в процессе социализации людей. В то же время логика развития психологии, состояние смежных наук, приводит к появлению методологии, которая также определяет подход к пониманию человека, способам его изучения и использования/интерпретации научных данных. Так оба эти фактора, переплетаясь, влияют и на проблематику исследований, и на психологические эксперименты, и на разработку новых методик, и на появление новых отраслей, например, возрастной психологии, психологии искусства, психолингвистики и т. д.

Таким образом, можно говорить о том, что обращение к понятию «оппонентный круг» позволяет под новым углом зрения осветить взаимосвязь познания и общения как различных сторон целостного процесса научного творчества и расширить возможности анализа процесса становления гуманитарного знания как в отдельно взятой стране, так и в масштабе европейской и мировой науки. Влияние субъективных факторов, прежде всего оппонентного круга, можно проследить и в творчестве отдельных ученых, и в анализе развития определенной проблематики в разных научных школах.

Оппонентные круги, дискуссии наряду с ментальностью, логикой и социальной ситуацией развития науки являются стимулом к дальнейшему продуктивному развитию как конкретной концепции, так и науки в целом.

Гуманитарная и естественно-научная парадигмы развития психологии

В отличие от общественного развития или развития искусства в развитии науки оценка тех шагов, которые она делает, и тех открытий, которые происходят в ее недрах, достаточно конкретны. В первом случае мы не можем говорить о прогрессивном в собственном понимании этого слово характере движения, так как человек не стал ни умнее, ни нравственнее, ни добрее, а искусство не стало более эмоционально наполненным, совершенным по форме и т.д. Критерии оценки здесь произвольны и не структурированы. В отличие от них критерии оценки научного знания разработаны, хотя можно задуматься, не устарели ли некоторые из них. Возможно, необходима их модификация применительно к разным областям знаний (например, к психологии). Представляется также, что не стоит отождествлять «развитие», «движение», которое, безусловно, происходит в любой науке, если оно является живым знанием, с «прогрессом». Не продуктивным представляется и разделение параметров анализа движения гуманитарной и естественно-научной психологии, так как психология не может не быть мультипарадигмальной и, следовательно, в ней присутствуют элементы и гуманитарного, и естественно-научного знания. Однако это не мешает ей оставаться единой наукой и, следовательно, иметь единые критерии оценки развития.

Новые тенденции в становлении научного знания показывают, что фокус методологических исследований сместился с анализа логики становления науки на изучение социальной ситуации и взаимосвязи научных школ и ученых в процессе продуцирования научных идей. Однако в отличие от объективных критериев прогресса (логика развития, кумуляция знаний, расширение интерпретационных возможностей и числа инвариантов, уточнение научных принципов) субъективные характеристики научного творчества в меньшей степени поддаются исследованию. В то же время эти характеристики оказывают не меньшее по сравнению с логикой влияние на развитие науки. Особенно сложным является такой субъективный анализ в гуманитарных науках, где в отличие от наук точных сами критерии прогресса более расплывчаты. Крайне важным такой анализ представляется вследствие того состояния неопределенности, которое переживает российская наука (Методологические проблемы, 2005; Прогресс психологии, 2009; Социальная психология, 2002). Это актуализирует вопрос о том, в рамках каких парадигм пройдет дальнейшее развитие психологии.

Еще в конце XX в. проблема построения психологии развития как мультипарадигмальной науки, связывающей философские и естественно-научные основания, стала значимой не только для методологии, но и для построения психологических исследований. Вопрос о сочетании естественно-научных и гуманитарных постулатов вставал во всей своей многогранности и сложности, исходя из необходимости диалога, что возможно только на основе междисциплинар-

ных подходов. Особую актуальность в поиске разных подходов и преодолении границ между ними и для методологии, и для эмпирики приобретает изучение истоков активности человека.

Применение законов, открытых в когнитивной психологии и психофизиологии к психологии развития, ставит перед наукой много новых вопросов, при этом серьезной проблемой становится не столько соотнесение разных принципов, сколько вопрос о детерминантах развития человека. Уже аксиоматичным стало положение о трех уровнях детерминации в становлении и функционировании мотивационной человека — биологической, социальной и духовной. Человек, как любое живое существо, стремится к сохранению и продолжению своего рода, поэтому, естественно, факторы, определяющие биологическую адаптацию, важны и для него. Однако самые естественные потребности человека — в пище, тепле, безопасности — реализуются в обществе, имеющем определенную структуру (одну из позиций в которой занимает каждый конкретный человек) и правила поведения, а потому опосредованы социальными отношениями и новым уровнем детерминации — социальным. В то же время, как показали многочисленные исследования прежде всего в экзистенциальной психологии и философии, человеку важно не только сохранить себя, но и реализовать себя. Возможно, в этом проявляется и неистребимая тяга людей к бессмертию, если не физическому, то духовному, поиски смысла и цели жизни связаны именно со стремлением обрести ту сферу деятельности, в которой человек может оставить после себя наиболее значимый след.

Из такого сочетания разных видов детерминации вытекает и сочетание различных подходов к развитию личности, эмоций и когниций людей. Жесткий детерминизм, постулированный в естественно-научной парадигме, не соотносится с философским утверждением того, что процесс духовного становления, самореализации человека не ограничивается причинно-следственными связями, но может быть рассмотрен через связи смысловые. В то же время выход из пространства причинно-следственных отношений неминуемо приводит психологию к сакральному взгляду на психику человека, признанию духовных феноменов не поддающимися научному исследованию и объяснению. Поэтому особую значимость приобретают подходы, в которых психическая жизнь человека выводится из-под законов естественно-научной детерминации, но вводится в русло культурной детерминации, управляющей продуктивной деятельностью людей. При этом именно в контексте определенной культуры и социальной ситуации развития можно судить и о причинах, и о смысле того или иного поступка человека, и о его значении для окружающего (Марцинковская, 2009).

Исследования различных проблем, связанных и с когнитивными процессами, и с личностью или мотивацией, так же как изучение этапов становления психики, показывает, что вопрос о детерминации развития психики не теряет своей актуальности.

В переплетении двух тенденций и двух планов бытия личности (внешнего, социального и внутреннего, духовного) проявляется уникальность жизненного пути конкретного субъекта.

Представляется, что разные стороны развития психики и разные подходы к пониманию ее содержания соотносятся с двумя уровнями детерминации. Первый уровень, направленный на эмоциональное благополучие и поддержание психического здоровья, активизирует синергетический потенциал человека, связанный с общими закономерностями психической жизни (с законом Н. Н. Ланге, В. Штерна и т. п.)

Второй уровень опосредован культурными и индивидуальными трансляторами, действие стабилизационных тенденций в этом случае направлено на самореализацию, придание смысла собственной жизни в рамках своей культуры и своего общества, осознание своей самобытности, уникальности и ценности для окружающих. Это задает индивидуальные траектории развития, позволяющие выбрать оптимальный стиль жизни, соотношение между внешними и внутренними границами во взаимодействии человека с миром, т. е. индивидуализировать как представления о себе, так и представления об окружающем пространстве-времени. Этот вариант детерминации приобретает особое значение в современном транзитивном (изменчивом и неопределенном) мире.

Психологическая транзитивность

В настоящее время представления об изменчивости (транзитивности) социального пространства является достаточно общим местом. Однако понимание того, каким образом эти изменения сказываются на личности, содержании и структуре ее идентичности, процессе ее социализации все еще остается туманным. В определенной мере это связано с тем, что понятие «транзитивное общество», по определению, является междисциплинарным, его сущность, естественно, различается в разных науках – философии, культурологии, социологии, психологии. Не меньшее значение, по-видимому, имеет и тот факт, что в современном изменчивом и неопределенном обществе социальное пространство по своей сути не может иметь устойчивого и определенного содержания. Поэтому представляется важным уточнить собственно психологическое содержание понятия «транзитивность», которое вбирает в себя как социальные трансформации, так и изменчивость социальных представлений и ценностей, определенность норм и установок (Марцинковская, 2016).

В целом психологический анализ понятия «транзитивное общество» показывает, что такое общество характеризуется следующими феноменами:

- кардинальными социальными трансформациями;
- глобализацией, которая ведет к расширению пространства, в том числе и пространства межличностных контактов;
- усилением социальной неопределенности, связанной, прежде всего, с постоянными трансформациями ценностей, норм, эталонов в современном изменяющемся мире;
- увеличением продолжительности временного периода процесса социализации, активизацией ресоциализации и текучей социализации;
- расширением информационного пространства и усилением его роли, частично заменяющей межпоколенные связи.

Проявления глобализации не только сказываются на экономике и политике, но и затрагивают все стороны взаимодействия разных культур — от обмена технологиями и совместных научных разработок до смешанных браков. Существенное влияние оказывают эти процессы и на восприятии людьми окружающего пространства как свернутого, а самой Земли — как небольшой планеты, расстояния между удаленными точками на которой совсем не так велики, как казалось прежде. Естественно, это не может не проявиться в представлениях об окружающем мире. Если в прежние века время и пространство казались людям бесконечными, ведь жизнь вечна, а земля огромна и обойти ее невозможно, сегодня люди понимают быстротечность и ограниченность жизни, легкость перемещения в пространстве. Это придает другую ценность жизни, а также необходимость принятия факта существования других людей и других культур. Увеличение миграции также приводит к необходимости межличностного взаимодействия людей, принадлежащих к разным культурам, поэтому огромное значение приобретает анализ причин дезадаптации людей к новым условиям жизни, неприятие или пассивное отторжение той культуры, тех традиций, которые являются значимыми для нового социального окружения.

В то же время взаимодействие людей, имеющих разную ментальность, разные языки, разные ценности, приводит к необходимости осознания и на бытовом, и на научном уровне относительности наших представлений об истине, о том, «что такое хорошо, а что такое плохо». Важным становится оценка одной и той же позиции с разных точек зрения, в разных подходах и разных науках.

Все эти изменения приводят к необходимости пересмотра понятий «идентичность» и «социализация» и к разработке новой методологии и нового инструментария для исследования их содержания.

Говоря об особенностях идентичности в транзитивном, постоянно изменяющемся мире, необходимо подчеркнуть, что проблема идентичности всегда актуализировалась в сознании и ученых, и общества в периоды слома, кризиса, неопределенности, когда вставали вопросы о том, какие нормы, ценности, эталоны будут востребованы завтра, как будут трансформироваться нормы и правила поведения. С точки зрения личности эти проблемы ставят во главу угла основной вопрос: что же будет с человеком, сохранит ли он себя как целостную личность в новых условиях?

Трансформации процесса социализации, разведение процесса и результата (социализированности) приводит к изменению соотношения персональной и социальной идентичности. Это связано прежде всего с тем, что в транзитивном обществе баланс идентичностей является неустойчивой характеристикой, постоянно смещающейся то в одну, то в другую сторону. Поэтому часто, особенно при широком веере возможностей выбора группы идентичности, доминирует именно личностная, персональная, а не социальная составляющая. Человек получает возможность, исходя из своих представлений, сформировать (создать) группу, соответствующую его индивидуальности, в которой социальная идентичность почти тождественна персональной. Интернет-общение и сетевые сообщества также стимулируют создание новых соотношений между персональной и социальной идентичностями, которые связаны уже не только с реальными,

но и с виртуальными группами. Рассматривая идентичность с этой точки зрения, можно констатировать, что с расширением интернет-общения происходит увеличение области мнимой и виртуальной идентичности. Существенно возрастает и роль самомониторинга, который дает возможность человеку не только для самокатегоризации, но и для самопредъявления, демонстрации как реальных, так и мнимых качеств, существование которых доказывается не в реальном взаимодействии, но в рассказе о себе (Martsinkovskaya, 2019).

Поэтому в современной ситуации общения развивается феномен нарративной идентичности, проявляющийся в том, что в межличностных контактах увеличивается процент рассказов о себе, а не предъявления себя в действии, в том числе и групповом. Этот факт непосредственно отражается и в игре идентичностей – возможности попробовать себя в разных масках, разных ролях, что часто повышает осознанность ролей и себя в них. При этом сетевые сообщества, с одной стороны, дают возможность гибкой и позитивной социализации, с другой – помогают найти разные варианты «игры» со своей идентичностью.

При нахождении-создании группы идентичности (как реальной, так и особенно виртуальной) происходит самоподтверждение выдуманных (или появившихся в «игре») личностных характеристик, а традиционная связка «категоризация–самокategorизация» трансформируется в «самомониторинг–самоподтверждение».

В ситуации изменений и неопределенности целостность идентичности связывается с культурой, а не с преемственностью жизненных циклов. Это актуализирует понятия лингвистической и социокультурной идентичности. Инкультурация, принятие и присвоение культуры является одним из важных факторов, определяющих успешность социализации в новых условиях. Родная культура, язык остаются неизменными в изменяющемся мире. Поэтому инкультурация дает укорененность и устойчивость, необходимые в сегодняшней жизни, которая многими воспринимается как разломанная, неопределенная. Именно культура, эмоционально воспринимаемая как единое целое, дает укорененность и устойчивость, позволяя найти точки опоры в изменяющейся действительности и восстановить утраченную целостность восприятия мира и себя. Говоря о роли языка в развитии идентичности, необходимо помнить о том, что в данном случае понятие «язык» используется в самом широком смысле этого слова и не может отождествляться с «речью». При этом в понятие языковой формы вкладывается не лингвистическое или философское, а психологическое содержание, аналогичное современному нарративному подходу, рассматривающему человека как текст, который пишется (и выражается, и понимается) с помощью определенного языка.

Соединение двух линий развития – социализации и индивидуализации – приводит к необходимости конструирования новой методологии, адекватной для изучения феноменологии и закономерностей становления транзитивного общества.

Методология исследования психологической транзитивности

Усложнение и развитие современной психологии не может не сказаться на ее категориальном строе. Модификация принципов классической психологии

и разработка новых, неклассических и постмодернистских подходов связана с необходимостью включения в картину психологии вновь открытых феноменов психики, а также, что особенно важно, с трансформацией ее категориального строя. Поэтому современная наука исходит из междисциплинарности представлений человека о действительности и использует различные дискурсы при интерпретации этих представлений.

Междисциплинарность и мультипарадигмальность современной науки сказываются прежде всего в том, что возникают новые категории, а также новые соотношения между ними, которые не входят в старую категориальную сетку. При этом вызывает интерес не столько пересмотр самих категорий, сколько анализ их модификации и подходы к исследованию в разных областях психологии – персоналистической, возрастной, социальной, клинической, а также анализ тех принципов и законов, которые универсальны для всех областей психологического знания.

Основные принципы и категориальный строй психологии непосредственно связаны с общепсихологической проблематикой. Однако в исследовательских программах генетический или клинический подход часто позволяют выявить важнейшие для общей психологии феномены и закономерности, осветить и уточнить вопросы общепсихологической значимости, в частности, вопросы тезауруса, соотношения понятий, разработанных в разных психологических направлениях и наполненных новым разнообразным содержанием, отвечающим современности. Согласно современной методологии, категории не только могут изменять, модернизировать свое содержание, но, что особенно важно, выстраиваются новые связи, соединяющие, например, категории зрелости и социализации, идентичности и кризиса, которые в традиционной схеме входят в разные разделы категориальной матрицы.

Методологические проблемы при изучении транзитивного мира связаны не только с необходимостью постоянной оценки и переоценки теоретических и исследовательских парадигм, но и с необходимостью постоянной переоценки и реинтерпретации полученных материалов. Транзитивность (изменчивость, неопределенность и вариативность) общества может рассматриваться по аналогии с микромиром в точных науках, т. е. многие законы стабильного общества здесь не работают. Они имплицитно присутствуют и, конечно, не отрицаются. Но, как, например, в физике, другая ситуация диктует появление других закономерностей функционирования и развития психики, а также ее феноменологии, которая и фиксируется в исследованиях. Как законы классической физики, открытые И. Ньютоном, сохраняют свою значимость в настоящее время, но к ним с необходимостью добавляются и законы А. Эйнштейна, Н. Бора, В. Гейзенберга и других ученых.

Аналогию дополняет и тот факт, что в транзитивном обществе усиливается неопределенность и вариативность, в то время как в стабильном обществе доминируют достаточно жесткие причинно-следственные отношения. Именно это постулировала физическая концепция неопределенности, которая разрабатывалась В. Гейзенбергом в середине XX в. В соответствии с этой концепцией, в частности, доказывалось, что фактически невозможно не только предви-

деть будущее направление движения частиц, но и точно понять, какой путь они проделали в прошлом. Единственное, что объективно возможно, — это увидеть положение частицы в конкретный момент времени.

Тем более важным на сегодняшний день является анализ методологических проблем современной психологии, ее связей с другими дисциплинами и отраслями знаний, а также разработка современных оснований построения категориального строя не только теоретической, но и исследовательской и прикладной методологии в соотношении с эпистемологическими и социальными парадигмами.

Для решения этой проблемы нужно осознать, что современные парадигмы — это не жесткие конструкты, но, скорее, гибкие и изменчивые гештальты. Изменение социального контекста сегодня подразумевает и гибкость эпистемического аспекта парадигмы (т. е. множественности вариантов содержания образца и особенно представлений о предмете и методах исследования). Современная парадигма отличается проницаемыми границами и возможностью переструктурирования, т. е. это не замкнутый эталон определенной школы, а открытая форма, что также соответствует идеологии открытого общества.

При этом изменяется теоретическая парадигма, которая включает в себя разные дисциплины и разные аспекты психологического знания, особенно исследовательские, и которая может совмещать в себе разные подходы. Поэтому в настоящее время главной особенностью современной методологии становятся разнообразные исследовательские конструкты, которые меняются, модифицируются, вбирая в себя новые факты и новые аспекты действительности, например, модель психического (Сергиенко и др., 2009), социальная психология науки (Юревич, 2001), психология социального познания (Андреева, 2004).

Исследовательская значимость этих конструктов связана с тем, насколько они открыты для изменений, одновременно сохраняя свою структуру и ядро. Их важной характеристикой является гибкость и соотношенность с транзитивной действительностью, и друг с другом. Можно говорить скорее не о разных, отдельных конструктах, а о гибком гештальте с разными полями: когнитивным, социальным, эстетическим...

Теоретическая парадигма является в некотором роде образцом при осмыслении и интерпретации знаний, конструировании (создании) образа окружающей действительности. Такая парадигма может быть жесткой, с четким набором иерархических инвариант (матрица), что и понималось под теоретической парадигмой до недавнего времени. П. Фейерабенд, И. Лакатос и другие ученые не пересматривали само понимание парадигмы как образца, но переосмысливали абсолютную/относительную достоверность/недостоверность полученного при ее помощи знания (Лакатос, 2008; Фейерабенд, 2007). Сегодня можно говорить о том, что гибкая и сложно сконструированная парадигма вбирает в себя несколько гармонично связанных между собой (что очень важно для ее работоспособности) подходов к пониманию, интерпретации материала, полученного при изучении, анализе разных сторон окружающей действительности и в разных условиях. Они могут дополнять и частично перекрывать друг друга, как бы поворачиваясь к окружающему разными сторонами. При этом эпистемическая парадигма сочетается с социальной, но не детерминируется ею.

Исследовательская парадигма определяет набор методов, задающих образец исследования, точнее, дизайна исследования. В настоящее время нужно говорить скорее не о гибкости этих парадигм, а о необходимости преодолеть их частичную размытость и связи внутри них несочетаемых элементов/методов. В отличие от теоретических, эти парадигмы не зависят от социальных, точнее, зависят только в той мере, что социальный контекст фундирует выбор объекта исследования, а не его дизайна.

Основные положения историко-генетической парадигмы

Историко-генетическая парадигма представляет собой системное направление, фокусированное на анализе развития в рамках определенных исторических и культурных условий и научных парадигм. Представляется, что она является одним из наиболее адекватных инструментов для исследования развития и модификации категориального строя психологии транзитивного общества.

Историко-генетическая парадигма фокусируется на анализе развития психологической науки по горизонтали (связь с другими науками и связь отдельных проблем-категорий между собой) и вертикали (параметры прогресса, роль субъективных и объективных факторов в развитии науки). Этот подход исходит из того, что развитие научного знания детерминировано как объективными, так и субъективными факторами и предполагает четыре направления исследования процесса формирования психологических концепций (рисунок 6.1).

Рис. 6.1. Четыре направления исследования становления научных концепций

Первое направление концентрируется на изучении общих закономерностей процесса развития психологической науки, поэтому ведущими методами исследования здесь являются введенные М. Г. Ярошевским понятия логики и социальной ситуации развития науки. Этот аспект исследований может рассматриваться как один из вариантов науковедческого анализа (Ярошевский, 1995).

Фокус внимания второго направления анализа – формирование знаний о развитии психики в контексте истории и культуры. Здесь рассматривается возможность применения понятия прогресса к процессу становления психологии, а также критерии прогресса, понимаемого как кумуляция знаний о движущих силах и механизмах развития психики. Еще одной проблемой, рассматриваемой в русле этого направления, является изучение относительности (конвенциональности) знаний и их специфики в рамках определенной культуры. В этом случае культура представляется своеобразной парадигмой (социальной, а не эпистемической), имеющей более или менее жесткие границы, отделяющие ее от других культур.

На третьем направлении исследований в центр внимания попадают закономерности становления и распада отдельных научных школ и особенности развития психологии в рамках конкретной школы. В этих исследованиях используется как инструментарий, предложенный М. Г. Ярошевским (оппонентный круг, научная школа, когнитивный стиль), так и разработанные в философии науки и в работах К. Поппера И. Лакатоса и П. Фейерабенда понятия «дискурс», «конкуренция идей», концепция «предположений и опровержений».

Последнее направление связано с изучением генезиса психологических знаний по отдельным проблемам. В этом случае также используются понятия оппонентного круга и когнитивного стиля, а также идея прогресса, но здесь она точнее представлена именно как кумуляция знаний.

Связь между разными уровнями-направлениями анализа достаточно сложная и многоаспектная, так как они пересекаются-соприкасаются друг с другом по многим направлениям.

При изучении генезиса научных школ невозможно исключить из рассмотрения общую социальную ситуацию развития науки. Логика научного знания во многом фундирует накопление знаний по отдельным проблемам и структуру категориального строя психологии (рисунок 6.2).

История тесно связана с социальной ситуацией развития науки, а культура еще и с логикой. При этом культура как расширяет, так и ограничивает подход к исследованию разных проблем, а сами границы научного анализа являются конвенциональными и связаны с ценностями и установками культуры.

Общая картина психологической науки может рассматриваться как своеобразный аналог сети и невода. При этом сетевой принцип распространяется преимущественно на изучение того, каким образом отдельные проблемы связываются в целостную систему знаний (рисунок 6.3).

Сетевой принцип организации категорий раскрывает их взаимосвязь, а также открывает возможности встраивания в уже имеющуюся сеть новых категорий. Этот принцип показывает также многоаспектность категориального строя, давая возможность выделить разные варианты построения сети, в том числе и разные направления в ее развитии, которые характерны для определенных областей науки. При этом новый сегмент в сетке категорий не обязательно должен рассматриваться как «пустое место», а, скорее, как обозначение тенденции к ее расширению в определенную сторону, наиболее актуальную на данном этапе развития психологических знаний.

Раздел I

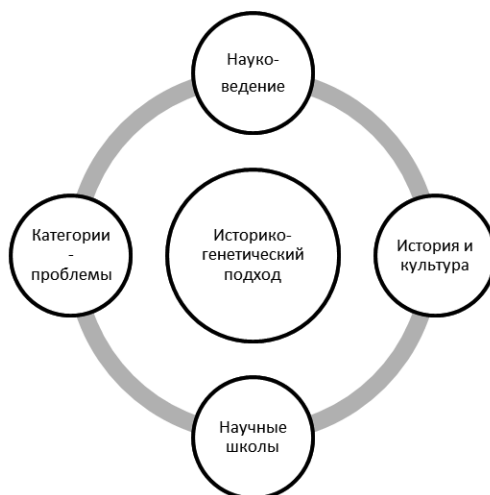

Рис. 6.2. Генезис научных школ

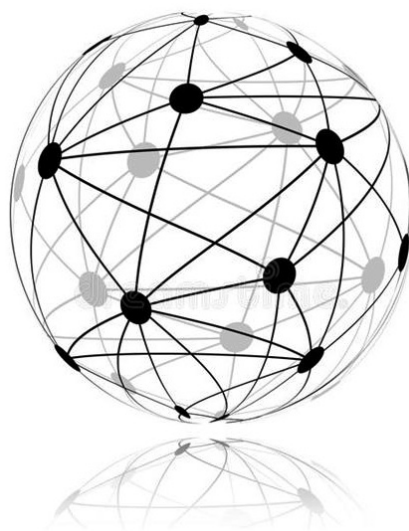

Рис. 6.3. Сеть как модель построения научного знания

Образ невода используется при анализе того, каким образом разные теории соединяются при исследовании разных сторон одной проблемы (рисунок 6.4).

Невод, объединяя разные категории и концепции, выставляет их в целостную систему, имеющую одновременно и вертикальное, и горизонтальное измерение — разные представления о предмете анализа в одной концепции и однотипные представления в разных научных подходах. При этом гибкая и одновременно законченная сетка невода не дает этим отдельным понятиям растекаться в разные стороны, но улавливает, собирает их в единую систему.

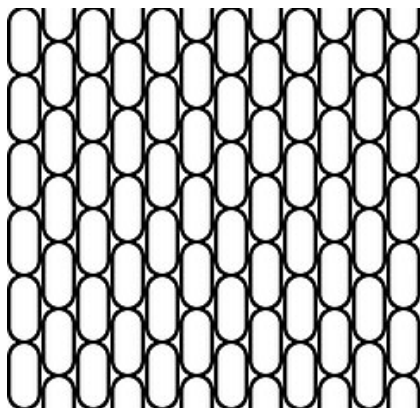

Рис. 6.4. Невод как модель исследования проблемы

Заключение

Полученные в результате историко-генетического анализа материалы дают возможность вычленить наиболее ценное в уже разработанных концепциях и, сопоставив их с современной ситуацией, раскрыть их потенциальные возможности, степень их адекватности социальным ожиданиям. Сравнительный анализ роли социальной перцепции и логики развития научных знаний помогает точнее понять многие психологические теории, прежде всего теории личности, в их взаимосвязи с обществом и психологической практикой. Эти материалы необходимы и для развития теоретических концепций, и для практической работы, в частности, при решении вопросов модернизации системы образования, так как помогают избежать сделанных ранее ошибок и дают частичный прогноз дальнейшего развития психологического знания. Эти материалы имеют большое значение и при подготовке будущих психологов, так как раскрывают перед студентами перспективу комплексного использования и конструктивного развития психологии.

Не менее важное значение имеют материалы историко-генетического анализа, полученные при анализе теоретических и методологических проблем. Так, исследования вопроса психического развития в контексте историко-генетического подхода показывают, что, помимо универсальных закономерностей, существуют и такие факторы, как специфика социальной ситуации развития (мегаполис/малое поселение, стабильность/изменчивость, определенность/неопределенность) и индивидуальные особенности (когнитивная простота/сложность, глубина переживаний, доминирование социальных или индивидуальных переживаний). Именно они могут в некоторой степени объяснить (предсказать) индивидуальные направления дальнейшего развития, соотношение социализации и индивидуализации, ассимиляции и аккомодации, активности в адаптации и/или в конструировании.

Анализ понятия переживания в историко-генетическом подходе позволил выявить разную роль переживаний в когнитивном и личностном развитии,

Раздел I

а также ввести понятия социальных и персональных переживаний, связанных с индивидуализацией и социализацией. Социальное бытие связано с социальными переживаниями, которые отражают отношение человека к социальному окружению и своему месту в нем. Становление образа Я, осознание смысла индивидуального бытия корреспондирует с индивидуальными переживаниями, отражающими отношение к себе. Социальные и персональные переживания имеют разные функции и могут рассматриваться в качестве механизма, гармонизирующего соотношение между личностной и социокультурной идентичностью, а также между процессами социализации и индивидуализации (Категория переживания, 2005).

Эмпирические исследования становления представлений о себе в изменяющемся мире, проведенные в рамках историко-генетического подхода, показали, что можно выделить четыре возможных сценария личностного развития. В первом случае основанием для формирования представлений о себе и оценки себя становится стремление к сохранению консервативных, проверенных ценностей и эталонов, несмотря на внешние трансформации. Во втором случае фундаментом представления о себе являются устойчивые к внешним трансформациям ценности культуры, науки, искусства, которые, однако, могут быть не очень востребованы актуальной ситуацией. Третий вариант развития связан со стремлением к осознанию своей индивидуальности, смысла и целей своей жизни. Четвертый — со стремлением сконструировать (переконструировать) окружающее пространство для того, чтобы оно гармонично соотносилось с внутренним миром человека.

Во всех этих вариантах развития наиболее важным моментом является возможность поддержания конгруэнтности образа Я с образом мира и, соответственно, адекватности этого образа мира реальности. При этом традиционное для российской психологии разделение понятий «личность» и «субъект» может рассматриваться именно в континууме первой оси, в то время как по второй оси эти понятия начинают сближаться друг с другом. По-видимому, именно в точке совпадения этих понятий можно говорить о важности термина «индивидуальность», так как именно индивидуализация процесса духовного и социального развития приводит и к высокой интенциональности, и к вариативности при выборе направления реализации этой интенциональности.

Таким образом, можно констатировать, что историко-генетический подход дает возможность на базе сравнительного историко-психологического анализа не только найти способы решения проблем, наиболее созвучных настоящему времени, но и модифицировать их, исходя из тезауруса и запросов современной психологической теории и практики.

Глава 7

Субъектно-аналитический подход в психологии

Введение

Современный мир сложен и многомерен. Неудивительно, что, исследуя психику живущих в нем людей, психолог должен гибко сочетать в себе аналитические способы рассуждений с холистическими. Начиная со второй половины XX в., аналитический и холистический стили мышления людей находятся в фокусе внимания психологов, работающих в самых разных областях науки. Их исследования охватывают широкий диапазон проблем: от онтогенеза индивидуального развития до кросс-культурного сравнения мировоззрений жителей Восточной Азии, Западной Европы и Северной Америки.

В исследованиях раннего когнитивного развития показано, что информация в субъективном опыте ребенка репрезентируется посредством двух типов кодов: амодального и модального. Глобальные амодальные коды осуществляют обработку информации по холистическому принципу типизации. Например, выявление пола новорожденных по их лицам носит холистический характер и опирается на механизм прототипа. Локальные модальные коды работают по аналитическому принципу классификации. Амодальные и модальные коды вначале рассматривались как механизмы переработки образной и вербальной информации. Затем они стали интерпретироваться в качестве общих принципов ментальной репрезентации – ее холистичности и аналитичности (Сергиенко, 2006).

В социальном познании аналитичность и холистичность постулируются как два ключевых способа осмысления человеком социальных ситуаций. Аналитический стиль переработки связывается, прежде всего, с направленностью субъекта на вычленение элементов, из которых состоит целое. Он характеризуется последовательностью анализа, логической обоснованностью и осознанностью. Холистический стиль мышления проявляется в стремлении субъекта сначала оценить целостный характер социальной ситуации. Такой стиль характеризуется интуитивным характером принимаемых решений, высокой скоростью мыслительных процессов при минимальной их осознанности (Evans, 2008).

Исследование аналитического и холистического стилей мышления проводилось применительно не только к социальному познанию, но и к психологии творчества. Результаты показали, что фактор аналитической переработки информации взаимосвязан с фактором общего интеллекта, в то время как фактор холистической переработки — с эмоциональным интеллектом. В исследовании не было выявлено связи аналитичности и холистичности с креативностью (Белова и др., 2012). Вместе с тем в целом ряде других работ утверждается, что креативные субъекты явно предпочитают холистический стиль мышления и способ решения задач (Zhang, 2002).

Междисциплинарность научного исследования двух названных конструкторов на макроаналитическом уровне анализа сегодня отчетливо проявляется в поисках взаимосвязности структур субъективного опыта, типов ментальности людей, живущих в разных странах, и институциональных общественных структур. Институциональные матрицы представляют собой исторически сложившиеся комплексы институтов государства, регулирующих функционирование основных общественных сфер: экономики, политики и идеологии. Исследования взаимосвязей типов ментальности и институциональных матриц осуществляются с единых системных позиций в рамках самоорганизационной парадигмы (Александров, Кирдина, 2012).

Особенно отчетливо аналитический и холистический стили мышления проявляются в психологии понимания. Понимание один из важнейших психологических феноменов, пронизывающий все уровни человеческого бытия. Понимание направлено на порождение смысла явлений, событий, ситуаций во всех трех реальностях, в которых живет человек — эмпирической, социокультурной и экзистенциальной. В психологии им соответствуют три традиции исследований: когнитивная, герменевтическая и экзистенциальная (Знаков, 2009). В каждой традиции психологи имеют дело с пониманием, неодинаковым по психологическим механизмам и основаниям.

В современном обществе коммуникация является продуктивной тогда, когда ее участники понимают друг друга. В общении предмет понимания, обсуждаемая тема обычно проявляется в *двух* основных типах высказываний. Одни описывают предметный мир, и каждому утверждению соответствует какое-то его объективное качество: у высказываний есть референты, денотаты. Это те случаи, когда мы говорим об *эмпирической реальности* и у нас есть процедуры проверки истинности высказываний. В этой реальности мы имеем дело с объективным знанием. Объективное знание проявляется в истинных суждениях, которые соответствуют какому-то качеству реальности (например, кит больше слона). В *социокультурной реальности* нет качеств, явно соответствующих внешней действительности. Ну, какие могут быть референты у печали или вдохновения? У нас есть только репрезентации этих понятий и, соответственно, психологических феноменов. Причем неодинаковые, связанные со структурой личностного знания каждого человека. Репрезентации проявляются в мнениях и интерпретациях. А истинность мнений невозможно оценить, можно говорить только об их правильности или неправильности с позиций разных групп людей. Например, можно ли утверждать, что высказывание «Лучше быть здоровым, чем богатым» является

истинным? Одни люди согласятся с этим, другие – нет. Так же нет объектных референтов и в *экзистенциальной реальности*. Ключевыми психологическими феноменами в ней являются опыт, переживание, бессознательное, постижение. В частности, это отчетливо проявляется при исследовании роли когнитивного и аффективного бессознательного в понимании чужого человека как врага, а также понимания моральной допустимости абортов, эвтанази.

Теоретические основы психологии понимания мира человека построены на утверждении, что понимание фактов, событий, явлений в трех реальностях человеческого бытия происходит на неодинаковых психологических основаниях. Моя точка зрения на структуру многомерного мира человека формировалась в процессе научного анализа отличительных признаков реальностей, в которых живет человек, – эмпирической, социокультурной, экзистенциальной; традиций психологических исследований – когнитивной, герменевтической, экзистенциальной; способов понимания субъектом мира – парадигматического, нарративного, тезаурусного и его результатов – типов понимания-знания, понимания-интерпретации, понимания-постигания. Итог 30-летних исследований обсуждаемого феномена представлен в статье, опубликованной в журнале «Вопросы психологии». Согласно описанной в ней модели анализ понимания явлений и феноменов, относящихся к эмпирической реальности, осуществляется психологами с позиций когнитивной традиции психологических исследований; способ понимания мира – парадигматический; основания понимания – знание и значение; тип понимания – понимание-знание. Социокультурной реальности соответствует герменевтическая традиция психологических исследований; нарративный способ понимания мира; основанием понимания являются мнение и смысл; в результате появляется тип понимание-интерпретация. Экзистенциальная реальность: экзистенциальная традиция, тезаурусный способ понимания, переживание и опыт, понимание-постигание (Знаков, 2014).

Цель главы – проанализировать основные положения субъектно-аналитического подхода, с помощью которого можно доказать правомерность различения трех реальностей мира человека и обосновать причины неодинаковости их понимания.

Субъектно-аналитический подход в психологии

В методологии современной психологии одним из интересных и, безусловно, перспективных является культурно-аналитический подход к исследованию эволюции психологического знания и междисциплинарных связей психологической науки (Гусельцева, 2009а, 2015в). Именно в этом подходе ставится и в значительной мере решается задача определения специфики аналитического метода в психологических исследованиях. Постановка проблемы определения содержания и сути аналитического метода в психологических исследованиях, конечно же, актуальна применительно к попыткам ответа на вопрос: какие психологические механизмы и ресурсы субъекта включены в процессы различения в едином мире человека трех реальностей – эмпирической, социокультурной и экзистенциальной? Неразрывно связанным с этим является вопрос и о роли

в этом различии характера активности самого понимающего мир субъекта: ее направленности и специфики. Ответ на эти вопросы можно получить, используя субъектно-аналитический подход. По объему и содержанию этого понятия он уже междисциплинарного культурно-аналитического (там же). Хотя субъектно-аналитический подход и не исключает обращения психолога к данным других наук, он все-таки ориентирован преимущественно на исследование понимания как психологической проблемы, описанной в психологической литературе. Сочетание в названии подхода двух понятий означает, что и субъектная, и аналитическая составляющая играют важную роль в определении оснований, по которым различаются и понимаются три реальности мира человека.

Субъектная составляющая субъектно-аналитического подхода

Субъектная составляющая субъектно-аналитического подхода включает:

1. Субъектность как совокупность внутренних условий развития понимания, формирующихся в соответствии с рубинштейновским принципом детерминизма: внешние причины действуют, преломляясь через внутренние условия, составляющие основание психического развития. Субъектность, внутренние условия понимания как линзы, направляющие фокус внимания понимающего субъекта, проявляются в специфике интерпретации, приписывания событиям, явлениям и т. п. статуса фактов. Простая констатация существования объектов, явлений, событий, полученных в исследовании результатов не означает признания их фактами. В науке фактами называют только те результаты, которые теоретически осмыслены и так соотносены с другими данными, что становится очевидным существенное отличие одних от других. Любая наука строится на проинтерпретированных, понятых учеными фактах. Фактов нет вне дискурса, схемы понимания мира. Однако схемы понимания различны в социокультурной и экзистенциальной реальностях, в которых ученые имеют дело с мыслями и поступками людей, и в эмпирической, применительно к которой анализируются закономерности, выражающие повторяющиеся явления и события. В первых двух факты всегда явным или неявным образом включают указание на цели поступков людей и их причины (исторический факт заключается не только в знании, что Цезарь перешел Рубикон, но и в понимании того, почему и зачем он это сделал). При изучении закономерностей понимания людьми эмпирической реальности психологи называют фактами только такие объекты, явления, события, суждения, которые либо верифицируемы, допускают опытную проверку, либо основаны на общем для множества людей объективном знании. Факты есть не только в природном, но и в социальном мире. Суждения « $2+2=4$ » или «Расстояние от Калининграда до Хабаровска больше пяти тысяч км» истинны, это научные факты. Но также объективно истинны, являются фактами высказывания: «Великий русский полководец Суворов умер 18 мая 1800 года»; «Кант был человеком слабого здоровья, страдавшим от депрессии и других болезней». Такие суждения зависели от способов

познания тогда, когда любой человек их впервые слышал и осмысливал. Потом они стали объективными: такие истинные суждения одинаково понятны всем людям.

Научные факты не исключают, а, наоборот, включают в себя субъектные составляющие, являющиеся внутренними условиями понимания. Если я говорю о фактах, то моя субъектность проявляется в уверенности в их истинности: я убежден, что кит больше слона. Я также верю в то, что мои собеседники тоже не сомневаются в истинности этого утверждения. И это дает нам возможность понимать друг друга: в этом случае объективность и истинность знания являются общим базисом, гарантией одинакового понимания высказывания всеми общающимися людьми.

2. Гносеологические субъект-объектные основания психологии субъекта, в которой показано, что во многих психологических исследованиях трудно провести четкую границу между субъектом и объектом (Брушлинский, 2003). Разрабатывая психологию субъекта, А. В. Брушлинский опирался на положение о том, что познавательное отношение субъекта к внешнему миру есть основное гносеологическое отношение. Он стремился раскрыть гносеологические и онтологические основания психики, изучая ее недизъюнктивную природу. Трудности аналитического различения гносеологии и онтологии психического в психологическом эксперименте всегда упираются в онтологическую неотделимость любого психического процесса от его результата, потому что любой из продуктов (мыслительного поиска, распределения внимания и т. п.) реально существует только в породившем и использующем его процессе. Основываясь на теории психического как процесса, он считал, что с помощью мыслительного механизма анализа через синтез можно гносеологически и психологически расчленять недизъюнктивные объекты, неразделимые в онтологическом плане (Брушлинский, 2003). Тем не менее, следует признать, что в психологии субъекта были только намечены направления, в которых должны проводиться исследования различения гносеологических и онтологических оснований научного анализа субъектности человека.

В XX в. внутриспихологические проблемы трудностей установления границ между субъектом и объектом определялись и более общей ситуацией, сложившейся в социогуманитарном познании. Тогда наблюдалась культурно-историческая эволюция интерпретации разнообразных описаний мира. Она заключалась в постепенном смещении фокуса внимания ученых с анализа точки зрения субъекта-автора к исследованию знаний о мире субъекта-читателя, на основе которых он выстраивает свою интерпретацию описанной ситуации. Эволюция соответствовала диалектике развития социогуманитарного познания: на смену монологической направленности ученых на анализ субъект-объектных взаимодействий пришли размышления о размытости границ между субъектом и объектом во многих ситуациях человеческого бытия. Неизбежным следствием этого стала неразличимость авторской позиции в семантическом пространстве мира человека. Неудивительно, что в XX в. известными и широко распространенными стали мета-

форические высказывания Р. Барта, М. Фуко и других мыслителей о смерти автора, смерти субъекта. Большой резонанс этих высказываний в среде интеллигенции можно объяснить с двух точек зрения.

Во-первых, это смещение акцента с традиционного для структурного психоанализа и психологии художественного восприятия изучения решающей роли автора в понимании написанного. Типичными авторскими текстами я бы назвал всю русскую классику – сочинения Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и др. Понимание их рассказов, повестей, романов фактически сводилось к такой читательской интерпретации, которая была направлена на выявление авторского замысла. Сегодня мы вынуждены отказаться от иллюзии, что смысл сказанного субъектом исчерпывается тем, что он сказал. Законченное стихотворение, написанная книга или диссертация отчуждаются от автора и включаются во множество социальных и культурных контекстов. Жесткую соотнесенность значения с конкретным объектом заменяет неисчерпаемость множества возможных культурных интерпретаций. Вспомним у Шекспира: «Что имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови, хоть нет...» Однако в современной культуре роза – это и красота, и радость, и любовь, и женственность, и гармония мироздания. Выбирая те или иные значения, мы указываем на свою принадлежность к определенной культурной традиции. Тем самым мы присоединяемся к одной из культурных интерпретаций, *утрачивая* индивидуальность. Как нередко говорят герои боевиков, «ничего личного», т. е. субъективного. Следовательно, как в общении, так и при чтении происходит восстановление в правах нового субъекта – не автора, а слушателя и читателя.

Во-вторых, в человеческом бытии есть немало событий и ситуаций с размытыми границами между субъектом и объектом. Р. Барт приводит фразу из одной из новелл Бальзака: «То была истинная женщина, со всеми ее внезапными страхами, необъяснимыми причудами, инстинктивными тревогами, беспричинными дерзостями, задорными выходками и пленительной тонкостью чувств» (Барт, 1989, с. 384). И Барт ставит правильный вопрос: как определить, *кто* это говорит? Бальзак-человек, рассуждающий о женщине на основании своего личного опыта? Или Бальзак-писатель, исповедующий «литературные» представления о женской натуре? Или же это общечеловеческая мудрость? А может быть, романтическая психология? Узнать это нам никогда не удастся по той причине, что в письме как раз и уничтожается всякое понятие о голосе, об источнике. Отчужденный текст – это уже та область неопределенности, в которой *теряются следы субъективности автора*, исчезает самотождественность пишущего. Зато смысловые акценты интерпретации и ответственность за нее смещаются на другого субъекта – читателя.

Однако, безусловно, глубокие и содержательные рассуждения названных мыслителей лишь подчеркивают метафоричность выражения «смерть субъекта». В контексте психологии человеческого бытия, не тождественного индивидуальному жизненному пути, такие рассуждения по-новому ставят старую проблему диалогичности бытия и сознания: нельзя ограничиваться

анализом одного субъекта-автора, нужно учитывать и субъекта-читателя. Именно субъект, говорящий или слушающий, пишущий или читающий, интерпретирует те ситуации, о которых говорится или пишется. А интерпретация становится основой понимания событий и ситуаций человеческого бытия. Интерпретация – это всегда один из возможных *способов* понимания, порождения субъектом смысла понимаемого. Понимание включает в себя потенциальную возможность разных типов интерпретации содержания понимаемого, т. е. рассмотрения его с разных точек зрения. Неудивительно, что понимание одних и тех же высказываний в диалоге, текстов, социальных ситуаций оказывается неодинаковым при их интерпретировании преимущественно на основе знаний, установок автора или читателя, а также зависимой и независимой самоинтерпретации партнеров по общению (Grace, Cramer, 2003; Singelis, 1994).

Проблема определения объективных и субъективных оснований различия реальностей, безусловно, включена в описанный выше более широкий контекст развития социогуманитарного познания. Эта проблема оказывается важнейшей при изучении факторов, влияющих на аналитическое расчленение мира человека на три реальности. Субъектно-аналитический подход к исследованию психологии понимания как раз и направлен на то, чтобы сделать явными те психологические основания, которые лежат в основе классификации реальностей, явного описания признаков каждой из них. Три описанные выше реальности, конечно же, объективно существуют. Вместе с тем ясно и то, что различие реальностей относится не столько к онтологии их существования, сколько к гносеологическому уровню анализа, логико-аналитическому описанию признаков и характеристик. В действительности недизъюнктивны не только мыслительные процессы субъекта, но и сам мир человека является скорее целостным и непрерывным, чем дискретным. В многомерном мире человека реальности нередко настолько взаимосвязаны, что их трудно расчленить, отделить одну от другой. В эксперименте психологу часто очень трудно уловить ту грань, границу между реальностями, которая существует во внутреннем мире испытуемого. Наиболее точное описание сложной диалектики взаимопереходов между реальностями, как это ни парадоксально, можно найти не в научных публикациях, а в романе Х. Мураками: «Есть реальность, которая подтверждает реальность происходящего. Дело в том, что наша память и ощущения несовершенны и односторонни. До какой степени реально то, что мы считаем реальным? Где начинается „реальность, которую мы считаем реальностью“? Определить эту границу во многих случаях невозможно. И чтобы представить нашу реальность как подлинную, требуется другая, скажем так, – пограничная реальность, которая соединяется с настоящей. Но этой пограничной реальности тоже нужно основание для соотнесения с настоящей реальностью, а именно – еще одна реальность, доказывающая, что эта реальность – реальность. В сознании складывается такая бесконечная цепочка, и, без преувеличения, в каком-то смысле благодаря ей и существует человек. Но бывает, эта цепь в каком-то месте рвется, и в тот же миг чело-

век перестает понимать, где же реальность настоящая. Та, что на том конце оборванной цепи, или та, что на этом?» (Мураками, 2015, с. 267).

Неудивительно, что обоснование существования трех реальностей человеческого бытия пока вызывает немало вопросов. Главный из них давно сформулировал А. Пуанкаре, написавший в книге «Наука и гипотеза», что «невозможна реальность, которая была бы полностью независима от ума, постигающего ее» (Пуанкаре, 1989, с. 203–204). Для разных людей качества предметов и объектов реальности неодинаковы, потому что они зависят не только от действительно присущих им свойств и характеристик. Как отмечают В. Ф. Петренко и А. П. Супрун, в физической реальности нет запахов: они обусловлены спецификой наших органов чувств. Так же «согласно современной физике, тяжесть не является свойством самого объекта, а зависит от гравитационного взаимодействия двух тел; а, например, невесомость космонавта на околоземной орбите представляет собой его свободное падение» (Петренко, Супрун, 2014, с. 70).

В психологии после исследований С. Л. Рубинштейна и других крупных ученых аксиомой является положение о том, что в мире человека не существует объективного знания о реальности, независимого от познающего субъекта. Объективность знания – всегда и результат познавательной деятельности субъекта, и отражение бытия. Любое научное понятие, которым мы описываем реальные предметы, события, ситуации – это и конструкция мысли, и отражение бытия (Рубинштейн, 1957). Объективное содержание понятия – это, разумеется, отраженное содержание предмета. Но, только преломляясь через внутренние субъектные условия познавательной деятельности познающего субъекта, содержание предмета становится объективным содержанием понятия, входит в багаж знаний субъекта и определяет его поведение. Внутренние субъектные условия познания определяют различное понимание людьми одних и тех же бесспорно объективных данных. К примеру, если я скажу, что расстояние от центра Москвы до центра Санкт-Петербурга по прямой составляет около 635 километров, то это может оказаться непонятным британцу или американцу, привыкшему производить расчеты в милях. Внутренние условия, концептуальные схемы понимающего мир субъекта играют определяющую роль в понимании трех реальностей человеческого бытия.

3. Способы преобразования субъекта, полагания себя. С точки зрения раскрытия их содержания центральными являются вопросы о типах активности человека как личности и как субъекта. Один из вариантов разграничения активности личности и активности субъекта описан в работе Н. Е. Харламенковой (Харламенкова, 2010). Она выделила четыре особенности активности человека как личности:
 - 1) форма активности: активность личности выражается в определенной форме, которая называется деятельностью;
 - 2) характер влияния личности на деятельность, в результате которой последняя приобретает индивидуальный характер, но существенно не реорганизуется;

- 3) объект влияния: личность через свои социально-психологические особенности влияет на продукт (результат) деятельности;
- 4) направленность и границы активности: развитие личности обусловлено развитием в деятельности, ее динамикой в процессе онтогенеза, обусловленного переходом от одного вида деятельности к другому, от одной стадии к другой (Харламенкова, 2010, с. 43–44).

По этой же схеме описана активность человека как субъекта деятельности:

- 1) форма активности: деятельность субъекта выходит за пределы адаптивной, приспособительной активности и выражается в преобразующем влиянии, изменении этой деятельности, имеет творческий самодеятельный характер;
- 2) характер влияния на деятельность: субъект оказывает реорганизующее влияние на деятельность, осуществляя ее регуляцию за пределами актуально осуществляемой деятельности; это активность в собственном смысле этого слова;
- 3) объект влияния: если личность влияет на результат деятельности, то субъект и на ее результат, и на процесс;
- 4) направленность и границы активности: развитие субъекта определяется его функционированием в ходе жизни, которое не описывается в категориях стадий развития и не определяется фиксированными временными границами (там же, с. 44–45).

Другой вариант описания субъектной активности представлен в работах М. Фуко. По Фуко, субъективность проявляется во внутренних условиях познающего мир человека, прежде всего в его опыте. Условия реализуются и проявляются в дискурсе, практиках. При этом три дискурса соответствуют трехчленной схеме понимания мира (формы возможного знания, нормативные основания поведения индивидов, вероятные способы существования возможных субъектов) (Фуко, 2011).

Аналитическая составляющая субъектно-аналитического подхода

Аналитическая составляющая субъектно-аналитического подхода включает:

1. Раскрытие сущности аналитического метода научного исследования как рассмотрения отдельных сторон, свойств, составных частей предмета для суждения о целом. Анализ (разделение действительности на три реальности) в конечном счете нужен для того, чтобы синтезировать части в целое (мир человека). Как точно подмечает М. С. Гусельцева, «анализ, понимаемый в широком смысле слова, реальность на элементы вовсе не расчленяет, а ее анализирует, устанавливая „игру“ взаимосвязей. Анализ здесь, как ни парадоксально, выступает в смысле синтеза, или собственно аналитики» (Гусельцева, 2009а, с. 20).

В отечественной психологической науке идея о взаимосвязи различения частей и целого продуктивно развивается в психологии рефлексии и психологии переживаний. Из проводимых в них исследований следует, что сущ-

ность аналитического метода заключается не в направленности на расчленение объекта познания на отдельные его составляющие. Конечная цель применения метода – интеграция, синтетическое объединение частей познаваемого в целое.

Рефлексия многими психологами рассматривается как сознательный и преимущественно когнитивный процесс. В этом ключе рефлексивность предстает как данность сознания самому себе, репрезентация субъекту того, что происходит в его психике. Рефлексия выполняет не только аналитические, но и синтетические функции. Как отмечает А. В. Карпов, рефлексия направлена на *анализ* основных видов когнитивных процессов (мышления, памяти и др.) человека как метакогнитивных – метамышления, метапамяти и т. п. Благодаря рефлексии у мыслящего субъекта возникает ощущение полноты и исчерпанности репрезентации внутреннего мира во всем многообразии его проявлений. Репрезентация предполагает опору на все когнитивные процессы в форме метапроцессов. Рефлексия оказывается *интегратором* психики как системного образования, а предметом интеграции являются основные психические процессы (Карпов, 2012).

В более обобщенном виде простым и ясным языком идея о сочетании дифференционных и интеграционных свойств познаваемого объекта в психике познающего субъекта изложена в работе Г. Марселя о двух видах рефлексии. Он различает рефлексии первой и второй степени познания. Вторичная рефлексия влияет на процедуры, к которым прибегает первичная рефлексия, чтобы восстановить единство между элементами, которые та первоначально разъяла. «Скажем в общих чертах, что в то время как первичная рефлексия имеет тенденцию к разрушению изначально данного ей единства, рефлексия второй степени является по сути дела восстанавливающей, она представляет собой возвращение, восполнение утраченного» (Марсель, 2003, с. 148).

Переживание тоже нередко понимается психологами именно как рефлексивный процесс, способствующий осознанию и в конечном счете появлению отрефлектированного субъектом знания о переживаемом. С этим трудно спорить: в результате взаимодействия процессов рефлексии и переживания осуществляется осознание актуальной жизненной ситуации. Однако в то же время возможно и отсутствие подобного осознания. И в этом случае отсутствие рефлексии переживаемого события препятствует его соотносению с личностным знанием субъекта и перемещению воспоминания о нем из жизненного опыта в экзистенциальный.

Конструктивная попытка устранения противоречия между осознанностью рефлексии и личностным и не всегда осознаваемым характером переживаний предпринята А. О. Прохоровым в цикле исследований, посвященных анализу смысловых оснований рефлексивного слоя психических состояний (Прохоров, 2006). Рефлексию, смыслы и переживания он анализирует в едином континууме семантического пространства психических состояний: «Включение переживания в структуру смысловой детерминации обусловлено тем, что возникновение психического состояния субъекта свя-

зано с бытием и отражением бытия самого субъекта, а также с отражением его отношения к бытию. Презентация этого отражения в сознании человека осуществляется не в виде образов, а в виде переживаний» (там же, с. 46).

Переживания всегда включаются в отношение субъекта к бытию, в процессы отражения и порождения, интегрирующиеся в феномене смысловой детерминации ситуаций человеческого бытия. Репрезентация смысловой детерминации в сознании субъекта осуществляется не только в виде образов, но и в виде переживаний. Такой взгляд на проблему дает возможность осмыслить переживание не как широко распространенное в психологической литературе когнитивистское подобие рефлексии. С позиций концепции структурно-динамической организации переживания (Фахрутдинова, 2008) психологические корни формирования обсуждаемого феномена следует искать не только в когнитивной реальности. Пожалуй, наиболее репрезентативными для анализа трудностей осознания переживаемого являются переживания, возникающие у современных людей, взаимодействующих в социокультурной и экзистенциальной реальностях. Трудности осознания собственных переживаний у людей связаны с психическими состояниями, эмоциями, защитными механизмами, межличностными отношениями и т. д.

2. Еще одним компонентом субъектно-аналитического подхода является ориентация на рубинштейновскую традицию исследования мышления и познания как анализа через синтез (Процесс мышления..., 1960). С.Л. Рубинштейн выделял две основные формы мыслительных операций. «Анализ-фильтрация» проявляется в мышлении как постепенное отсеивание не оправдавших себя проб решения задачи. В «анализе через синтез» анализ выступает в роли синтетического акта соотнесения условий с требованиями поставленной задачи. При этом в целом анализ рассматривался в школе С.Л. Рубинштейна как мыслительная операция, которая функционирует в паре с синтезом. Анализ через синтез обеспечивает прогнозирование субъектом искомого и творческую порождающую природу мыслительной активности. В процессе ее осуществления познаваемый объект начинает проявляться в новых свойствах и качествах, ранее не представленных индивидуальному сознанию.

Роль синтеза в порождении целостного холистического взгляда на события и явления также фундаментально обоснована: это убедительно показано в книге А. В. Брушлинского о логико-психологическом анализе мышления и прогнозирования (Брушлинский, 1979). Согласно его научным взглядам, в мыслительном процессе анализа через синтез объект мысленно включается в разные системы связей и проявляет в них различные качества. Взаимодействуя с объектом, субъект «вычерпывает» из него все новое и новое содержание, расширяя свои представления об объективной картине мира. Однако отнесение содержания знаний о мире к объекту познания не означает исключения из психологического анализа субъективных составляющих познавательной деятельности. Без субъекта, его активности не может идти речь ни о каком содержании, потому что знание не включено в объ-

ект, оно порождается только во взаимодействии, в процессе соприкосновения объективного и субъективного миров. Точно так же можно утверждать, что в закрытой книге или выключенном компьютере нет никакой информации, она возникает тогда, когда читатель открывает книгу, а пользователь включает компьютер.

Сегодня метод «анализ через синтез» находит воплощение в практике обучения студентов, в частности в конструировании аналитико-синтетических задач по теории алгоритмов. Решение таких задач невозможно без сочетающихся друг с другом анализа как выделения существенного и синтеза как актуализации образованных ранее связей. «Управление поиском решения при использовании анализа осуществляют с помощью вопросов: что достаточно знать (иметь), чтобы выполнить требование задачи? (Откуда может следовать или быть получено то, что требуется?). Получив ответ на этот вопрос, сопоставляют его с условием (тем, что дано, известно) и, если в данных задачах не содержится того, что необходимо, тот же вопрос ставят по отношению к преобразованному, промежуточному требованию (Что достаточно знать для выполнения промежуточного требования?). Использование таких вопросов при решении задачи преобразует (развертывает) требование до тех пор, пока необходимое не обнаружится в данных задачах» (Колдунова, 2015, с. 135). В этом подходе используются два реверсивные, обратные по направлению движения приема: «синтез через анализ» и «анализ через синтез». Уровень развития аналитико-синтетического компонента мышления студентов определяется «соотношением между количеством поставленных студентом и преподавателем вопросов, необходимых для нахождения правильного решения задачи. При высоком уровне развития такие вопросы ставятся самим студентом, при низком уровне — преподавателем» (там же).

Нельзя считать, что изучение процедур анализа и синтеза ограничивается узкими рамками психологии мышления, оно актуально для кросс-культурных, социально-психологических и многих других исследований. Например, реализация метода «анализ через синтез» в социокультурном контексте нашла удачное воплощение в исследованиях феномена «заботы о себе» (Иванченко, 2009; Фуко, 2007). Описание этого феномена в исследованиях М. Фуко было направлено на конструирование целостной картины путем анализа частей. В концепции *epimeleia* (заботы о себе) он различал четыре аспекта (Фуко, 1991). Первый аспект: то, что можно назвать мировоззрением субъекта — индивидуально-специфическая манера смотреть на мир, действовать, вступать в отношения с другими людьми. Забота о себе это также отношение к самому себе, к другим, ко всему в человеческом мире. Второй аспект: забота о себе предполагает особую форму внимания, взгляда. Она подразумевает изменение направления взгляда, перенесение его с внешнего мира на внутренний, с других на самого себя. Забота о себе предполагает интроспекцию: наблюдение субъекта за тем, что он думает и что происходит в его внутреннем мире. Третий — определенный образ действий, осуществляемый субъектом по отношению к самому себе. Действия, посредством которых субъект проявляет заботу о себе, изменяют и преобразуют его. Эти

действия представляют собой совокупность практических навыков, приобретаемых путем большого количества упражнений. В истории западной культуры, философии, морали и духовной жизни техники медитации, запоминания прошлого, изучения сознания имеют давнюю традицию, они как бы вплетены в социокультурный контекст. Наконец, четвертый аспект исследовательского внимания: понятие заботы о себе основано на совокупности нормативных предписаний, определяющих способ существования субъекта в обществе, его отношение к окружающему, определенные формы рефлексии (Фуко, 1991, с. 285).

3. Использование современных данных об аналитическом и холистическом стилях мышления и их четырех основных признаках: фокус внимания, отношение к противоречиям, восприятие изменений и каузальная атрибуция (Choi et al., 2007; Mei-Hua, 2008; Nisbett et al., 2001; Pierce, 2007). В современных психологических исследованиях изучение аналитичности/холистичности неразрывно связано с анализом рационального и иррационального в человеческом мышлении. Например, это следует из когнитивно-опытной теории личности (CEST) С. Эпштейна (Epstein, 2003). Как и другие психологи, он выделяет два главных типа познавательных процессов: осуществляемых быстро при незначительном участии сознания и более рефлексивных, но протекающих медленнее. К. Е. Станович и Р. Ф. Уэст назвали их процессами «Системы 1» и «Системы 2» (Stanovich, West, 2000). Иначе говоря, согласно теориям двойственности процессов рассуждений (dual-process theories of human thinking), у человека есть две отличные, но взаимодействующие системы для обработки информации. Одна (Система 1) ориентирована на эвристики, приводящие к интуитивным ответам, в то время как другая (Система 2) основана на аналитической обработке. Обе системы могут время от времени функционировать параллельно. Однако, когда доступны познавательные ресурсы и активированы аналитические цели, Система 2 обычно доминирует и закрывает познающему субъекту вход в Систему 1 (Gervais, Norenzayan, 2012). Главное различие между рациональной и интуитивной, основанной на опыте системами рассуждений заключается в том, что в первом случае информация обрабатывается аналитическим, а во втором – холистическим способом. К. Кушлев и Э. У. Данн считают, что рациональная система похожа на судью, беспристрастно оценивающего имеющиеся улики, а опытная – на адвоката, более мотивированного, пристрастного и стремящегося выстроить историю, соответствующую желаемому результату (Kushlev, Dunn, 2012, p. 280).

Развивая субъектно-аналитический подход, не следует забывать, что мировоззрения и способы рассуждений многих людей далеки от полярных проявлений аналитичности и холистичности. В российской психологии это было обосновано на примере научного творчества двух замечательных психологов – А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова. Их публикации свидетельствуют об осознании ими продуктивности использования как аналитического, так и холистического способов рассуждений при исследовании большинства

Раздел I

психологических проблем. И такая позиция соответствует передовым тенденциям развития не только психологической науки, но и общей методологии социогуманитарного познания.

Заключение

Преимущества субъектно-аналитического подхода для исследований понимания человеком трех реальностей мира человека очевидна. Составляющие этого подхода имеют глубокие корни в психологической науке и не только в ней. Дальнейшие исследования должны быть направлены на углубленный анализ оснований, по которым человек воспринимает и понимает реальность как эмпирическую, социокультурную или экзистенциальную. Не менее научно значимым является и определение сходства и различия с другими методами изучения психического, в частности с культурно-аналитическим подходом.

Глава 8

Системно-субъектный подход в психологии

Прежде чем перейти к описанию сути системно-субъектного подхода, необходимо остановиться на понятии субъекта в психологии и его роли в развитии науки.

Представления о субъекте в отечественной психологии

Г. И. Челпанова можно отнести к психологам, проложившим путь к развитию категории субъекта. Он связывает понятие субъекта с душой, относя ее к внутреннему миру человека. Именно этот внутренний мир и отвечает за активность, причинность и источник душевной жизни. Челпанов полагал, что сознание нельзя объяснить без понятия субъекта, поскольку оно не сводится к ощущениям и представлениям. Более того, к субъекту относятся не только сознательные, но и бессознательные психические сферы. Однако главное качество — это развитие, изменение и сохранение. Так, сравнивая свои состояния, изменяющиеся и перетекающие во времени, необходимо допустить для процесса сравнения общий субъект, позволяющий отнести их к себе (Богданович, 2004). Г. И. Челпанов внес в развитие понятия субъекта важнейшие характеристики: отнесенность к психической категории, развитие и сохранение субъекта и констатация проявлений субъекта не только в сознательном, но и в бессознательном человека. Взгляды Г. И. Челпанова, по мнению Н. В. Богданович, заложили понимание субъекта как основы целостности психического (Богданович, 2004). Как указывает Н. В. Богданович, согласно фактической исторической последовательности, категория субъекта впервые употребляется в психологической науке в СССР в работах Д. Н. Узнадзе, в то время как у С. Л. Рубинштейна она представлена впервые в статьях и рукописях 1920-х годов и в рукописи книги «Человек и мир» (1950-е годы).

Для Узнадзе понятие субъекта имело важное значение. Он подчеркивал, что «психология как наука должна исходить... из понятия самого субъекта как целого, который, вступая во взаимодействие с действительностью, становится принужденным прибегнуть к помощи отдельных психических процессов» (Уз-

надзе, 1961, с. 66). Следовательно, одной из важнейших характеристик субъекта становится целостность, которая связана с теорией установки Узнадзе. При этом установка определяется им как меняющееся состояние субъекта в зависимости от задач, которые он сам себе ставит, и от условий их осуществления. Установка связана с деятельностью, поскольку является модусом субъекта. Узнадзе критиковал попытки установить тождество психики и сознания, поскольку это приводит к разрушению целостного активного субъекта психической жизни (Богданович, 2004). Следовательно, субъект в теории установки Узнадзе не всегда является сознательным в отличие от представлений С.Л. Рубинштейна. Побуждающая сила действия не всегда связана с действием на субъект, а может порождаться им самим. Следовательно, в теории установки субъект представляется как целостное образование, не всегда сознательное, тесно связанное с деятельностью, обладающее способностью к самодетерминации. Дифференциация категорий субъекта и личности Узнадзе фактически не проведена.

Анализ, выполненный Н. В. Богданович, приводит к выводу, что Л. С. Выготский относит понятие субъекта в основном к человеку и оно остается в его теории неразработанным. Последовательница учения Л. С. Выготского, Л. И. Божович представила стройную концепцию развития субъекта как личности, которая ближе к школе С.Л. Рубинштейна или, по крайней мере, содержит ее отдельные положения (Божович, 2008).

Субъект рассматривался Г. Г. Шпетом в качестве автора-творца, который реализует потенциальные возможности, присущие слову или формам искусства. Шпет считал, что язык обладает независимым, внешним бытием, оказывает влияние на человека. Во многих аспектах развитие духовного мира определяется языком, который уже содержит в себе мировоззренческие константы. Шпет вводит понятие «языковое сознание». Интерпретация субъектом объекта есть единственная форма, в рамках которой только и может проявляться действительность. Именно эта интерпретация представляет собой выражение свободы субъекта, создающего реальность вновь. Особое значение этот процесс приобретает в эстетическом переживании. Шпет указывает, что проблема субъекта является основной в герменевтике. Таким образом, представления Г. Г. Шпета о субъекте фактически ограничены сознательными характеристиками, детерминированными культурой языковой среды и степенью овладения ею субъектом – творцом. Здесь мы видим существенные параллели с концепцией развития психики Л. С. Выготского.

Концепция деятельности А. Н. Леонтьева обращается к понятию субъекта, но он многозначен и представлен только как продукт деятельности. На основе контент-анализа книги А. Н. Леонтьева «Сознание. Деятельность. Личность» К. А. Абульханова делает вывод о том, что субъект как категория в книге фактически отсутствует, хотя слово «субъект» употребляется очень часто и в разных сочетаниях. Место субъекта занимает здесь деятельность (см.: Богданович, 2004).

Основные идеи А. Н. Леонтьева получают дальнейшую разработку в рамках концепции В. А. Петровского. Но в отличие от Леонтьева В. А. Петровский определяет «субъектность» как понятие, соединяющее категории деятельности и личности. «В нашем понимании „индивидуальный субъект“ („субъект“) есть

сущее, имеющее образ своего существования. Из этого понимания вытекают четыре характеристики (индивидуального) субъекта: 1) субъект – целеполагающее (т. е. целеустремленное и целедостигающее) существо: иначе ни о каком „воспроизводстве“ нет и не может быть речи; 2) субъект – рефлекслирующее существо, обладатель образа себя; иное немислимо, так как самовоспроизводство подразумевает наличие образа того, что должно быть воспроизведено; 3) субъект есть свободное существо (никто, кроме него самого, не отвечает за процесс, не направляет его и не заключает о том, что все завершилось или должно быть продолжено); 4) субъект – развивающееся существо (ибо приходится действовать в изменчивой, непредсказуемой среде, и по этой причине воспроизводству подлежат новые, обозначившиеся на предшествующем шаге активности условия и способы самовоспроизводства)» (Петровский, 2010, с. 17–18). Субъектность трактуется как устремленность к новым возможностям, включающим в себя внешние (производимые, присваиваемые) и внутренние (актуализируемые, «высваиваемые») возможности.

Автор выделяет понятие рациональной субъектности, характеризуемой тем, что возможности, вкладываемые субъектом в процесс, соответствуют возможностям, обретаемым в результате. Выделяются два варианта иррациональной субъектности: сверхадаптивная пассивность и активная неадаптивность («надситуативная активность»). Автор на основе данных представлений выстраивает соответствие между уровнем обретаемых субъектом возможностей и уровнем его побуждения к последующим действиям: чем выше уровень обретаемых субъектом возможностей («могу»), тем сильнее стремление воплотить их («хочу») – условие равенства «могу» и «хочу». Такое динамическое единство автор называет состоятельностью – средоточием возможностей, побуждающих активность. Несмотря на введение модели состоятельности, В. А. Петровский вновь утверждает мультисубъектный характер личности. Присутствие разных субъектов во внутреннем пространстве личности рассматривается как результат интериоризации культуры, межсубъектных отношений, существующих вовне. Следовательно, субъектные характеристики суть атрибуты личности и производные внешних взаимодействий (Петровский, 2015).

Субъект в работах С.Л. Рубинштейна

Субъектный подход в психологию ввел С.Л. Рубинштейн. Раскрывая принципиальное отличие гуманитарной методологии от естественно-научной, он показал, что «специфика гуманитарных наук в их субъектности и ценностной опосредованности знания», что привело к формулированию С.Л. Рубинштейном в 1922 г. принципа самодеятельности субъекта, его самодетерминации (Гусельцева, 2009в). Преодолевая формально-структурный подход к анализу сознания и деятельности, С.Л. Рубинштейн вводит представление о «действующем лице», творящем деятельность, вкладывая в это понятие значение личности как субъекта собственной активности. В его работе «Человек и мир» субъект рассматривается не только как носитель активности, но и как источник причинности бытия (Рубинштейн, 1997б). Сознание, обеспечивая познание субъектом мира, определяет не только его отражение, но и выражение отношения к нему субъекта

екта – созерцательности. Деятельность преобразует объект в целях субъекта, а созерцание сохраняет и раскрывает для субъекта его ценность. Утверждая и доказывая единство предметного содержания и переживания, благодаря которому возникает значение объекта и события, С.Л. Рубинштейн, помимо гносеологического основания субъекта, вводит онтологическое. Он выделял три аспекта деятельности человека: деятельность – всегда практическая, реально осуществляемая человеком; условия ее реализации создает сам человек; деятельность имеет свою внутреннюю структуру – цели, мотивы, направленность личности. Первый аспект не обязательно связан с субъектом, поскольку труд и его продукт носят отчужденный от личности характер. Второй и третий аспект связаны с разными свойствами субъекта, именно он организует реальную деятельность и одновременно внутреннюю систему активности. Действительность выступает в теории С.Л. Рубинштейна через призму возможностей и отношений к ней субъекта, а не противостоит ему в существовавшей дихотомии «субъект–объект». Субъект выступает активным конструктором собственной жизни, бытия. В качестве субъекта рассматривается субъект психической деятельности, конкретный индивид, а не абстрактный конструкт. Таким образом, категорию субъекта С.Л. Рубинштейн перевел из философского плана в конкретно-психологический. Более того, изменилось представление и о категории деятельности. Не деятельность всецело детерминирует внутренний психический мир человека, а человек в реальной деятельности, благодаря внутренним психическим основаниям, определяет и направляет свою деятельность. Знаменитая формула С.Л. Рубинштейна «внешнее через внутреннее» изменила содержание принципа детерминизма в психологии. Это обстоятельство часто подчеркивал А. В. Брушлинский. Как пишет М. С. Гусельцева, книга «Человек и мир» являлась приметой нового мышления в психологии. В этой работе исследовалось введение человека в состав бытия (Гусельцева, 2009в). С.Л. Рубинштейн обогатил психологию методологическими принципами: единства сознания и деятельности (просвечивать психику через деятельность), детерминизма (внешнее через внутреннее), субъектности, саморазвития (в творческой деятельности рождается творец), показывая, что, преобразуя бытие, человек и сам преобразуется.

Итак, переход к онтологическому основанию субъекта, введенный С.Л. Рубинштейном, определил смещение центра научных интересов в психологии, что побудило исследовать человека как субъекта деятельности, индивидуального и группового. Начал формироваться субъектно-деятельностный подход в психологии.

Субъект в работах А. В. Брушлинского

Наиболее значимой для научного творчества А. В. Брушлинского стала психология субъекта, субъектно-деятельностный подход. Ученики и последователи А. В. Брушлинского продолжают разработку психологии субъекта. Следует отметить, что категория субъекта завоевывает все большее место в психологических исследованиях, проникая в подходы, которые ранее дистанцировались от нее.

Психология субъекта, разработанная А. В. Брушлинским, проанализирована в работах В. В. Знакова, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенковой и др. (Знаков,

2002, 2005, 2008, 2015, 2016б, 2020, 2021; Сергиенко, 2000, 2002, 2005, 2006, 2007, 2008б, 2015, 2021; Харламенкова, 2010).

Остановимся более подробно на вопросах, имеющих большее значение для понимания развития субъекта и его детерминант.

М. С. Гусельцевой удалось обосновать, что на постнеклассическом этапе исследований и реализации полипарадигмальности происходит смена борьбы методологий в разных психологических школах на большую толерантность, когерентность исследований, поиск консенсуса, что означает и продуктивность плюрализма вместо иллюзорного стремления к построению единой теории психики (Гусельцева, Изотова, 2016). «Под полипарадигмальностью мы понимаем стихийную или произвольную конфигурацию исследовательских парадигм, эволюционно возникающую для решения задач в условиях нарастающей многомерности и сложности предмета познания» (там же, с. 74). Однако данная тенденция взаимопроникновения парадигм не отменяет и не исключает анализа истоков и вариантов построения психологических концепций. А. В. Брушлинский постоянно отстаивал в собственных работах и выступлениях вклад С. Л. Рубинштейна в создание теории деятельности, субъектно-деятельного подхода.

В отечественной психологии долгое время господствовало понятие «деятельность», но не было представления о «деятеле», субъекте – творце собственной жизни и судьбы. Разработка идеи субъекта была начата именно С. Л. Рубинштейном в деятельностном подходе и продолжена его учениками (К. А. Абульхановой-Славской, А. В. Брушлинским и многими сотрудниками Института психологии РАН, для которых школа С. Л. Рубинштейна стала ведущей).

С. Л. Рубинштейн, как отмечают М. С. Гусельцева и Е. И. Изотова, являлся скорее западником деятельностного подхода, тогда как А. Н. Леонтьев – почвенником, провозглашающим приоритет деятельности и общества над личностью и субъектом (там же). Субъект в подходе А. Н. Леонтьева – это субъект деятельности, где ключевое понятие – «деятельность». С. Л. Рубинштейн рассматривал субъекта как источник творческой самодеятельности. Авторы отмечают, что экзистенциально-гуманистические подходы, отдающие приоритетную роль духовной активности и индивидуальности личности, выступают сегодня в качестве компенсирующих и дополнительных по отношению к социогенетическим установкам современной психологии (там же).

В отечественной психологии мы обнаруживаем как минимум две принципиально различные традиции интерпретации: с одной стороны, субъект как источник активности, с другой – субъект деятельности или образовательных воздействий (там же). В этом состоит принципиальное различие, которое многим ученым кажется неважным и несущественным, но оно во многом определяет современное понимание детерминации психического развития, ее движущих сил и механизмов. Понимание А. Н. Леонтьевым субъекта только как субъекта деятельности, по его указанию, опирается на культурно-историческую теорию Л. С. Выготского, критика которой была представлена в работах А. В. Брушлинского (Брушлинский, 1999а, б, 2006). Он часто сетовал на то, что сторонники данной школы психологии не отвечают на поставленные вопросы, игнорируя их.

Последовательно реализуя представление С. Л. Рубинштейна о детерминации психического развития и деятельности человека как непрерывное взаимодействие внешнего и внутреннего, Брушлинский отмечал, что и то, и другое составляют единый процесс, в котором внешние воздействия обусловлены внутренними условиями, которые, изменяясь, изменяют и восприимчивость к внешним воздействиям. В таком решении детерминации психического развития реализован континуально-генетический принцип, который проходит красной нитью во всех трудах А. В. Брушлинского. Глубокий анализ континуально-генетического принципа в научном наследии А. В. Брушлинского представлен в ряде работ (Журавлев, Мелешко-Брушлинская, 2006; Мелешко, 2005).

Еще в годы критики концепции Л. С. Выготского А. В. Брушлинский настаивал (развернутая аргументация представлена в работе «Культурно-историческая теория мышления», 1968) на непрерывности психического развития, изменений соотношения внешних причин и внутренних условий, неразрывности биологического и социального в природе человека на всех этапах его онтогенетического развития. При этом, говоря о внутренних условиях, он подчеркивал, что и нейроанатомические, и физиологические особенности, и задатки, и способности человека, которые преломляют внешние условия, изначально делают человека индивидуальным. Кроме того, он настаивал на том, что нет такого периода в развитии ребенка, взрослого человека, который бы не был биологическим и социальным одновременно. Биосоциальная природа человека означала для него, что социальное преобразует биологическое и биологическое преобразует социальное.

На современном этапе развития идеи А. В. Брушлинского, высказанные 50 лет назад, получают серьезную аргументацию. Например, Г. Готтлиб обосновывает метамодель развития, названную вероятностным эпигенезом (ВЭ) (Probabilistic epigenesis), которая формулирует общие принципы процессов онтогенетического и эволюционного развития (Gottlieb, 2007). Эта модель подчеркивает реципрокность внутри и между уровнями развития (генетическую активность, поведение, физические, социальные, культурные влияния внешнего мира) и генетико-средовые взаимодействия в реализации всех фенотипов.

Данная современная модель верифицирована многочисленными исследованиями и ясно указывает на справедливость формулы «внешнее через внутреннее» при постоянном изменении того и другого.

Современное развитие культурной психологии дает значительный толчок для понимания механизмов культурной детерминации в развитии как типичного, так и уникального в жизни людей. Культура становится неотъемлемой составляющей внутренних психических особенностей человека. Но данное направление психологии не опирается на культурно-историческую теорию. Как отмечает М. С. Гусельцева, Л. С. Выготский «исключает из понятия личности индивидуальное своеобразие, отличие людей друг от друга. Личность, по Л. С. Выготскому, – характеристика культурного развития ребенка. Следует отметить также, что понятие культуры здесь сужено: „культурный,, в его концепции означает „социальный,,. Таким образом, за понятием культурного развития не лежат идеи этнического и национального своеобразия культур» (Гусельцева, Изотова, 2016,

с. 48). Как видим, понимание А. В. Брушлинским личности, высказанное уже в 1968 г., совпадает с современным представлением о несводимости культурного к социальному.

На современном этапе разработки принципа развития в психологии понятие детерминизма эволюционировало в понятие мультидетерминизма, аспект наблюдения сместился с универсальных детерминант развития на уникальные индивидуальные траектории, конкретные варианты и возможности взаимодействия множества внешних и внутренних сил, порождающих самоорганизацию развивающего субъекта.

Суммируя достижения психологии субъекта А. В. Брушлинского, необходимо отметить, что, помимо категории субъекта и ее разработки, он перешел к построению психологии субъекта как возможности интегративного изучения человека.

Субъект в концепции Б. Г. Ананьева

Принцип целостного изучения человека в его развитии был основной методологической стратегией Б. Г. Ананьева, ориентированной на многоаспектное, междисциплинарное изучение человека в психологии (Ананьев, 1996). Все многообразие феноменов человека может быть представлено большими объединяющими пластами его организации: индивид—личность—субъект—индивидуальность. Это деление «есть отражение многообразия самих феноменов человека, выступающих как вид *Homo sapiens*, как человечество в его историческом существовании и личность, как субъект и индивидуальность» (там же, с. 24). Для Ананьева индивидуальность человека выступает интегрирующим началом. «Общим эффектом этого слияния, интеграции всех свойств человека как индивида, личности и субъекта деятельности является индивидуальность с ее целостной организацией этих свойств и их саморегуляцией» (там же, с. 278). Б. Г. Ананьев, таким образом, решал вопрос о соотношении личности и субъекта: «Разумеется, разделение человеческих свойств на индивидные, личностные и субъектные относительно, так как они суть характеристики человека как целого, являющегося одновременно природным и общественным существом. Ядро этого целого — структура личности, в которой пересекаются (обобщаются) важнейшие свойства не только личности, но также индивида и субъекта» (там же, с. 220). Выделяя в качестве ядра человеческой организации личность, Б. Г. Ананьев указывает, что «структура личности, сложившаяся в процессе индивидуального развития человека, сама детерминирует направление, степень изменения и уровень развития всех феноменов психического развития. С. Л. Рубинштейн именно в этой структуре личности, комплексе личностных свойств, усматривал те внутренние условия, через которые действуют те или иные внешние факторы» (там же, с. 218). Здесь мы видим различия в понимании субъекта Б. Г. Ананьевым и авторами субъектно-деятельностного подхода. Если для Б. Г. Ананьева личность является ядерной структурой организации, то для субъектно-деятельностного подхода — субъект, который всегда является личностью, но не сводим к ней. Для Б. Г. Ананьева субъектом становится человек в процессе своей профессиональной деятельности и творчества как ее высшего уровня, тогда как в представлении последователей С. Л. Рубинштейна субъект — качественно определенный способ самоор-

ганизации, саморегуляции личности. «Любая личность может быть объектом подлинного воспитания лишь постольку, поскольку она вместе с тем является субъектом этого воспитания» (Брушлинский, 1999в, с. 345).

Значение категории субъекта для психологии выражено в нескольких основных аспектах. Во-первых, категория субъекта позволяет обратиться к целостному изучению человека. Во-вторых, она способствует объединению разрозненных аспектов в изучении индивидуальности (темперамента, характера, направленности) в единую интегративную индивидуальность человека. В-третьих, обращаясь к исследованию субъекта, мы открываем возможность изучать поведение, деятельность, сознание как опосредованные внутренним миром человека, его субъектными выборами и предпочтениями, его активным построением модели этого мира. Выделенные значения категории субъекта возникли в психологии неслучайно. Этому способствовало взаимопроникновение разных парадигм в исследовании человека, осознание единого предмета в его изучении, что породило не только рост междисциплинарных исследований, но и становление единой психологической науки, что предвидел и на чем настаивал в своих работах Б. Г. Ананьев (Ананьев, 1996).

Результатом поисков целостного подхода к психологическому исследованию человека стала психология субъекта. Именно в субъекте как метасистеме представлена психика в единстве ее организации, именно в субъекте объединены и естественно-научные, и гуманитарные парадигмы исследования человека, именно в субъекте находится единство универсального и уникального, именно в субъекте раскрывается индивидуальность человека. Именно в субъекте могут быть объединены такие различные характеристики индивидуальности, как темперамент и характер, мотивация и направленность и т. д. Таким образом, субъектный подход в психологии существует в разных вариантах. Субъектно-деятельностный подход возник на основе теории С. Л. Рубинштейна и был развит А. В. Брушлинским в психологии субъекта (Брушлинский, 2003).

Результаты научных исследований свидетельствуют о том, что за последние десятилетия, главным образом благодаря целенаправленным и подвижническим усилиям А. В. Брушлинского и его последователей, в отечественной психологии сформировалась новая область психологических исследований – психология субъекта. В ней фактически представлена история главных проблем психологической науки XX столетия: соотношения биологического и социального, сознательного и бессознательного, внешних причин и внутренних условий в детерминации психики и др. Следовательно, категория субъекта обрела статус системообразующей категории, выполняющей методологические функции.

В одной из своих работ К. А. Абульханова подчеркивает, что именно субъект должен стать предметом психологической науки (Абульханова, 2005).

Близкое по смыслу видение предмета психологии высказывается в работах В. Д. Шадрикова, В. А. Мазилова (Шадриков, 2006; Шадриков, Мазилов, 2015). Мазилов отмечает, что «предмет психологии необходимо рассматривать именно в его целостности» (Мазилов, 2020а, с. 76). В качестве такого целостного предмета выступает внутренний мир человека. «Внутренний мир, с одной стороны, един с внешним миром, с другой – независим от него. Порождаемый как функ-

циональное отражение внешнего мира, мир внутренний представляет собой целостный, идеальный мир. Это живой мир, так как он порождается потребностями человека и пронизан переживаниями. В рассматриваемом случае внутренний мир человека представляет собой совокупный предмет психе как целое, который в процессе рассмотрения подвергается анализу» (там же, с. 79). Заметим, что носителем психики является субъект, кроме того, субъект имеет субъективный внутренний мир, моделируя окружение, выбирая в нем субъективно значимые цели, задачи и возможности для действия. Поэтому психику следует изучать через внутренний мир, но внутренний мир кого? Субъекта. «В рамках внутреннего мира психические процессы (психические функции) могут быть рассмотрены как проявления способностей. Легко увидеть, что способности — это то, что объединяет различные психические явления в рамках внутреннего мира» (там же, с. 79–80). Рассматривая в наших работах различные функции субъекта, мы обращаемся именно к архитектуре и динамике способностей на разных этапах онтогенеза.

Соотношение понятий «субъект», «субъектность», «субъективность», «актор» и «агент»

Важным для рефлексии проблемы соотношения психологических понятий становится различие не только понятий субъекта и личности, но и различие субъектности и субъективности. Субъектность означает отнесенность к субъекту, присущее субъекту, понимаемому как непреложное свойство человеческой сущности. Субъективность означает отнесенность к внутреннему миру индивидуального человека, его уникальности, неповторимости. Субъектность остается целостной психологической характеристикой человека в течение всей его жизни: человек рождается субъектом и умирает субъектом, учитывая уровневые критерии субъектности. С такой точки зрения это постоянная характеристика человека. Но его субъективные характеристики все время меняются, стремясь ко все большей индивидуализации и уникальности. В этом случае субъективность — психологически динамическая характеристика человека. Однако следует отметить, что характеристики субъекта и субъектности тесно взаимосвязаны, поскольку субъект — это всегда индивидуализация человека (А. В. Брушлинский) со свойственной ей динамикой субъективного мира. Однако следует указать еще на одно значение понятия субъективного. Субъективное — противоположное объективному, противоречащее общепринятому. При указании на субъективизм чьего-то мнения хотят подчеркнуть его несоответствие реальному или очевидному положению вещей или событий. Следовательно, «субъективный» в двух этих смыслах все-таки адресуется к уникальной индивидуальности человека.

В последние годы в научной литературе социогуманитарного направления активно используется термин актер (actor), который фактически понимается как тождественный субъекту. Актер — действующий субъект (индивидуальный или коллективный); индивид, социальная группа, организация, институт, общность людей, совершающих действия, направленные на других. Например,

государство является главным политическим актором на поле политики и ведущим социальным актором в обществе. Наиболее активно данный термин стал использоваться в социологии и общественных науках. Эта традиция была основана Э. Дюркгеймом, он рассматривал актора как субъекта, полностью детерминированного социальными причинами. Субъективные мотивы поступков и их интерпретация обусловлены скрытыми и/или явными объективными условиями (социальными, конфессиональными, профессиональными, гендерными). Следовательно, актор скорее представлялся как персонаж, управляемый социальными факторами, часто даже и неосознаваемыми им самим.

Новый поворот в содержании понятия был совершен во французской социологии. Ален Тулен вводит понятие действующего лица как субъекта деятельности, активного творца общественных процессов. А. Тулен в книге «Возращение человека действующего» отождествляет актора и субъекта: «Понятие субъекта... отождествляется с идеей сознания, значение которого не перестает усиливаться в течение XIX века. Человечество в результате не представляется более хозяином Разума и Природы, но творцом Себя» (Тулен, 1998, с. 38).

Наиболее влиятельной в социологии последних тридцати лет стала работа Люка Болтански и Лорана Тевено. Смысл, который вкладывают авторы в решение проблем экономики (рынка), включает понятие актора (действующего лица, лиц), что не сводится только к экономическим классическим моделям. В рецензии на книгу Г. Юдин так излагает данную идею: «Культурное определение блага в его отличии от других благ необходимо для того, чтобы мог появиться рынок этого блага, на котором впоследствии могли бы проявиться эгоистические и рациональные мотивы. Все это означает, что предметом социологического анализа должно стать само возникновение рынка посредством серии „испытаний“, позволяющих акторам выработать совместное определение блага. Социологии, таким образом, не следует воспринимать рынок как самоочевидность с тем, чтобы потом искать его ограничения (именно так выглядит привычный *modus operandi* экономической социологии); она должна начать с объяснения того, как рынок возникает как согласованное смысловое поле» (Юдин, 2014б, с. 127). В работах Л. Болтански и Л. Тевено акцент смещен в сторону анализа конкретных ситуаций споров и конфликтов в повседневной жизни, прежде всего аргументов, которые их участники (акторы) выдвигают для обоснования справедливости своих притязаний. Агент (*лат. agens* – действие), определяется Оксфордским словарем как «человек или предмет, который играет активную роль или создает определенный эффект» (Oxford Dictionaries, 2014). Наиболее частными определениями данного термина становятся: «Представитель, действующий от организации или другого лица, химический или биологический агент воздействия». М. В. Селезневой был проведен анализ терминов «агент» и «агентность» (*agency*). Она приходит к выводу, что «*agere* и *agentia*, *agent*, а значит, и *activity*, и *agency* принадлежат к одной и той же сфере представлений, связанной с действием, условием для осуществления действия, т. е. активностью, деятельностью, и тем, кто представляет результаты либо осуществляет это действие или деятельность» (Селезнева, 2015, с. 50). Термин «агент» в англоязычной литературе часто тождествен понятию «субъект деятельности». Селезнева указывает на то, что в запад-

ной психологии отсутствует стройная концепция субъектности. Теоретические построения в основном затрагивают несколько тем: субъектность как способность к выбору и самореализации; субъектность как свобода воли; автономия без анализа внутренних субъективных и субъектных условий таких способностей (см., например: Frie, 2008; Martin, Gillespie, 2010).

Приведенное сравнение понятий «субъект», «актор» и «агент», указывает на значительное смешение данных терминов и их фактически тождественное использование в социогуманитарных науках.

Более универсальным и интегративным является понятие субъекта, тогда как термины «актор» и «агент» в большей степени несут смысловую нагрузку как субъекты деятельности, что становится только частью более универсального представления о субъекте как авторе собственного развития (саморазвития), самодетерминации и творце своего бытия, целостности индивидуальности.

Рассматривая понятия в коллективном труде «Разработка понятий современной психологии» (2018), авторы показали, что понятие индивидуального субъекта выступает как родовое по отношению к коллективному субъекту. Но тогда возникает вопрос о самостоятельности коллективного субъекта. Представляется, что коллективный субъект как общепсихологическое понятие обладает самостоятельным статусом, не выводимым из понятия индивидуального субъекта, хотя и связанным с ним. Переход от индивида к группе порождает качественный скачок от психологии индивида к психологии группы. Группа — это не простая совокупность индивидов, а иной психологический феномен с особенностями структуры, функций и психологических характеристик. Следовательно, установление родовидовых отношений между понятиями индивидуального субъекта и коллективного субъекта вряд ли возможно с методологических и теоретических позиций. Эти понятия могут выступать как интегративные для психологии — человека и людей, объединенных в различные группы, что дает возможность на новом этапе рассматривать феномены, свойства, состояния человека и людей как психологические системы разной степени сложности, но имеющие свои особенности и характеристики. Но при этом оба эти понятия выступают как метапсихологические, или общепсихологические, категории, с одной стороны, антропоцентрическая (индивидуальный субъект), с другой — социоцентрическая (коллективный субъект). При этом два рассматриваемых понятия являются взаимосвязанными и взаимодополняющими, описывая все многообразие психических феноменов (Журавлев, Сергиенко, 2017).

О критериях субъектности

Принципиально важнейшим вопросом остается вопрос о критериях субъекта. Определяя субъектность, первоначально А. В. Брушлинский указывал: «Субъект — качественно определенный способ самоорганизации...» (Брушлинский, 1999в, с. 331). Он отмечал, что субъект — это человек на высшем уровне своей активности, целостности (системности), автономности. Он подчеркивал, что субъектом не рождаются, а становятся. Каждая личность является субъектом, но субъект не сводится к личности. С одной стороны, А. В. Брушлинский

признает непрерывность развития человека как субъекта деятельности, а с другой, постулирует субъектность как высший уровень активности, целостности, автономности. Данное противоречие нуждалось в разъяснении и разработке, поскольку вопрос о критерии категории субъекта остается открытым.

В одной из последних работ Брушлинский более детально раскрыл проблему критериев в становлении субъекта. Он писал: «Субъектом столь неразрывного, недизъюнктивного единства природного и социального (культуры) становится человек по мере того, как он — будучи еще ребенком, подростком и т. д. — начинает выделять себя (не отделять!) из окружающей действительности и противопоставлять себя ей как объекту действия, познания, созерцания и т. д.

Первый существенный критерий становления субъекта — это выделение ребенком в возрасте 1–2 лет в результате предшествующих сенсорных и практических контактов с реальностью наиболее значимых для него людей, предметов, событий и т. д. путем обозначения их простейшими значениями слов. Следующий наиболее важный критерий — это выделение детьми в возрасте 7–10 лет на основе деятельности и общения объектов благодаря их обобщению в форме простейших понятий (числа и т. д.)» (Брушлинский, 2002б, с. 12–13). Далее Брушлинский указывал: «Изначальная социальность, включенность в культуру человеческих индивидов на вышеуказанном этапе их развития характеризуется понятийностью их познания и вообще деятельности. Понятия не существуют как платоновские идеи — вне субъекта и его деятельности (познания, обучения, учения и т. д.). Отсюда вытекают, по крайней мере, два вывода, существенных для всей рассматриваемой проблематики. Во-первых, понятия не существуют для ребенка, пока он — в качестве школьника — не начнет овладевать ими в процессе своей деятельности (совместно с учителями, воспитателями и т. д.). Во-вторых, понятия не входят в состав „третьего мира“, как его раскрывает К. Поппер» (там же, с. 13). Наши позиции в свете последних работ А. В. Брушлинского сблизились, особенно по вопросу о самом первом уровне становления субъекта и необходимости рассматривать вопрос о критериях относительно первой психической организации. Первый критерий — выделение ребенком себя из окружающего мира, — на наш взгляд, очень важен и был детально аргументирован (Сергиенко, 2002, 2015). Ранние периоды онтогенеза человека обоснованно рассматриваются в качестве решающих как для становления концепции мира (физического и социального), так и для развития личности.

Второй критерий, выделенный Брушлинским как основной в становлении субъекта, — понятийная деятельность — вызывает дискуссию. Истоки представления о «понятийном» критерии лежат в трудах С. Л. Рубинштейна, который утверждал единство предметного содержания и переживания, где возникает значение объекта и события. Это влечет за собой не только отражение мира, его познание, но и отношение субъекта, выраженное в его созерцании (Рубинштейн, 1999).

Соглашаясь с важностью становления понятий для развития субъекта, отметим, что этот критерий не может выступать как основной и достаточный. Более того, по сравнению с первым критерием он очевидно дизъюнктивен. Трудно согласиться с появлением понятий в 6–7-летнем возрасте и их жесткой связью с вербальными обозначениями. Процесс становления понятийного ментального

мира субъекта происходит постепенно, шаг за шагом, образуя все более сложную иерархию когнитивного пространства, начало же этого процесса опирается на базовые когнитивные способности младенцев упорядочивать мир объектов, организуя базовую модель мира (Сергиенко, 2006).

Применение континуально-генетического принципа привело нас к гипотезе о решении проблемы критериев субъекта. Критерий субъекта может быть только уровневый. С позиций такого подхода критерии субъекта, выделенные другими авторами (Б. Г. Ананьевым, К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинским, А. Л. Журавлевым, В. В. Знаковым, И. Б. Дермановой, М. А. Щукиной, А. В. Карповым), не являются противоречивыми, а относятся к разным уровням организации субъекта.

Так, по мнению Б. Г. Ананьева, человек как субъект деятельности – это определенный этап человеческого развития, предполагающий формирование психических свойств и механизмов в процессе профессиональной (производственной деятельности). Субъект характеризуется через совокупность деятельностей и меру их продуктивности (Ананьев, 1996). А. В. Карпов описывает субъекта через метапознавательные процессы, включая рефлексивность в деятельности (Карпов, 2009), т. е. ставит в центр рассмотрения его деятельность, что согласуется с представлениями Б. Г. Ананьева. К. А. Абульханова предлагает акмеологическое понимание субъекта. Личность становится субъектом собственной деятельности и жизни в целом только на высших, взрослых этапах своего развития (Абульханова, 2005). В другой работе К. А. Абульханова выделяет критерии личности, которая становится субъектом. В качестве первого критерия она выдвигает способность личности к организации собственной жизни, жизненных этапов и регуляции объективно существующих жизненных обстоятельств. Второй критерий состоит в возможности личности как субъекта «вырабатывать свои способы решения постоянно возобновляющихся противоречий» между нормативными требованиями и индивидуальными особенностями и притязаниями личности. Третий критерий личности как субъекта заключается в оптимальном использовании психических, личностных, профессиональных и других возможностей для решения жизненных задач. «Личность не просто обладает восприятием, мышлением, памятью и не только способна видеть, думать и помнить, она определяет, как и зачем вспоминать, чтобы решить жизненно-практическую задачу. В этом проявляется ее „мета-личностное качество субъекта,„» (там же, с. 15). Четвертый критерий – собственно акмеологический, который определяет личность как субъекта жизни, постоянно направленного на самосовершенствование, достижение идеала. Пятый критерий в большой степени дополняет четвертый: субъектом будет такое совершенствование личности, которое стремится к достижению подлинности. Неподлинность жизни определяется как неспособность прожить собственную жизнь, отвечающую собственной индивидуальности. Подлинная же жизнь – это выбор жизненной стратегии, отвечающей смыслу жизни. Жизненная стратегия проявляется в сознании субъекта как Я-концепция. «Наличие Я-концепции дает возможность личности осознать себя как субъекта, отнестись к себе как источнику жизненных перемен, причине событий и поступков...» (там же, с. 15).

Остановившись на взглядах К. А. Абульхановой, хотелось бы выделить те противоречия, которые существуют между ее представлениями и другими вариантами решения вопроса. Напомним, что Б. Г. Ананьев полагал в качестве ядра человеческой организации личность, которая сама детерминирует направление, степень изменения и уровень развития всех феноменов психического развития.

Как видно из приведенных критериев личности как субъекта, К. А. Абульханова раскрывает только акмеологическое понимание субъекта. Выделенные критерии субъектности, по нашему представлению, не являются специфичными и достаточными для данной категории. Напомним, в чем состояло несогласие с принципиальным решением К. А. Абульхановой. Разрешение противоречий даже на неосознаваемом уровне определяется как движущая сила любого развития, в том числе и личностного. Более того, слишком неопределенным кажется положение об оптимальном способе организации жизненного пути, способе разрешения противоречий. Получается, что уровень субъекта является как бы операциональным уровнем личности, задающей общее направление движения. Более того, субъектом человек может и не стать, если он не достиг вершин своего развития. Представляется, что человек становится субъектом шаг за шагом на разных уровнях развития субъектности, что означает континуальность его развития.

Близкую Абульхановой точку зрения на соотношение личности и субъектности в человеке высказывает А. В. Петровский (Петровский, 2010). Он развивает личностный подход к активности субъекта, принимая выдвинутое А. Н. Леонтьевым представление о личности как системе деятельностей субъекта, в которой проявляются свойства социальной метасистемы, в которую включен субъект. При обсуждении субъектности в большей степени используется индивидуально-психологический анализ человека, тогда как при рассмотрении личности — социально-психологический. А. В. Петровский видит противоречие в подходах к изучению личности и субъекта. «Очевидный факт взаимопроникновения между двумя началами бытия личности сопряжен с не менее очевидным фактом их нередуцируемости друг к другу: индивидуальное и социальное в личности составляют, как говорят, единство, но не тождество» (там же, с. 358). Концепция субъектной личности объединяет идеи надситуативной активности и отраженности человека в человеке. «В этом контексте личность выступает как динамическая форма субъектно-ролевого единства: становление субъектности — ролью и снятие роли — субъектностью» (там же, с. 363). Таким образом, субъектность понимается А. В. Петровским как часть (модус) личности, что фактически снимает вопрос о специфичности данной категории: субъект растворен личностью.

П. Я. Гальперин считал: «Чтобы быть личностью, нужно быть субъектом, сознательным, общественно-ответственным субъектом» (Гальперин, 1976, с. 143). Гальперин полагал, таким образом, что личность является вершинным уровнем развития субъекта, он понимал личность как высшую индивидуальность человека, отвечающую общественным нормам.

Разрабатывая психологию субъекта, В. В. Знаков пишет об экзистенциальном поиске смысла жизни (Знаков, 2016а). Представляется, что все названные авторы говорят о субъекте, достигшем вершинных уровней своего разви-

тия. Здесь принципиальным является вопрос о соотношении понятий «субъект» и «личность».

Соотношение личности и субъекта рассматривалось в работах Ф. Мальрие: «Субъект не сводится к Персоне, хотя и является ее источником» (цит. по: Зауш-Годрон, 2004, с. 19). Существует континуум процессов субъективизации и персонализации между Субъектом и Персоной. Процесс же персонализации включает, по мнению А. Валлона, синтез двух аспектов развития: социализации и индивидуализации (как два комплементарных процесса) (см.: там же).

Приведенные взгляды разных авторов на соотношение субъекта и личности послужили основанием для выдвижения и проверки нашей собственной гипотезы. Данная гипотеза была сформулирована в рамках системно-субъектного подхода, основные положения которого обсуждались в работах автора (Сергиенко, 2011, 2021). Кратко изложим эти положения.

Системно-субъектный подход

На современном этапе развития психологии отмечается интенсивный поиск методологических оснований. После периода методологического равнодушия и освоения ранее недоступных теоретических достижений наступил этап самоопределения отечественной психологии. Этот этап предполагает переосмысление методологических принципов отечественной психологии на пути определения ориентиров и перспектив науки. Предлагая для обсуждения контуры системно-субъектного подхода в психологии, автор не претендует ни на широту обобщений, ни на методологические решения ее проблем. Их обсуждению посвящается немало трудов видных отечественных психологов (В. М. Аллахвердова, А. Г. Асмолова, К. А. Абульхановой, А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, В. П. Зинченко, Ф. Е. Василюка, М. С. Гусельцевой, А. В. Карпов, Т. В. Корниловой, Д. А. Леонтьева, В. А. Мазилова, С. Д. Смирнова, В. А. Юревич и А. В. Юревича и мн. др.).

Потребность в новой парадигме, вернее, объединении двух парадигм – субъектно-деятельностного и системного подхода – возникла под давлением невозможности обобщений и интерпретаций таких характеристик человека, как субъектность, непротиворечивого соединения категорий «субъект» и «личность», рассмотрения тесной связи различных этапов в их развитии, ограничений целостного изучения психологии человека в рамках имеющихся парадигм. Рассматриваемый системно-субъектный подход является одним из вариантов субъектного подхода в психологии, который отвечает современным принципам методологии.

В основу системно-субъектного подхода положены системный подход в психологии (Б. Ф. Ломов) и субъектно-деятельностный подход (А. В. Брушлинский, К. А. Абульханова). Однако акценты и положения этих подходов расставлены иначе.

Положение субъектно-деятельностного подхода, утверждающее, что основой саморазвития субъекта является изначально практическая, а затем теоретическая, но в принципе единая деятельность (игровая, учебная, трудовая и т. п.),

осуществляемая на различных уровнях общения (Брушлинский, 1999а, в), нуждается в уточнении и развитии. С одной стороны, роль активности деятельности в развитии субъекта представляется ведущей. С другой стороны, возникает вопрос: что направляет активность и деятельность субъекта?

Трудно даже чисто теоретически допустить практическую деятельность, не имеющую осознанной либо неосознанной цели. Здесь, как нам кажется, необходимо уточнить и выделить критерии понимания практической деятельности и активности. Можно предположить, что активность в отличие от практической деятельности направляется эндогенными потребностями, которые должны реализоваться во внешней среде. Практическая же деятельность направляется экзогенными целями, выбранными субъектом, и обеспечивается определенным, соответствующим этому выбору арсеналом действий и средств для реализации данной цели. Тогда снимается противоречие между неопределенностью понятий «активность» и «практическая деятельность». Практические действия субъекта – это конечный этап, завершающий когнитивную оценку, планирование, программирование взаимодействий с внешним миром. Таким образом, активность можно рассматривать как более генерализованную тенденцию, направляющую общее взаимодействие субъекта с миром, тогда как практическая деятельность выступает в качестве результата детального анализа цели и средств при взаимодействии.

И активность, и практическая деятельность субъекта всегда целенаправленны и ведут к развитию взаимодействия с миром, что, в свою очередь, развивает, изменяет и перестраивает ментальный опыт субъекта, способы реализации целей и задач. Развитие активности предшествует развитию практической деятельности и подготавливает ее.

Данные соображения привели к смещению акцента с деятельностного аспекта в психологии субъекта к внутренним субъектным основаниям реализации субъекта как деятеля бытия.

Для обоснования объединения субъектно-деятельностного и системно-эволюционного подходов в единый системно-субъектный подход необходимо рассмотреть положения обоих подходов, которые позволяют говорить об их тесной связи и возможности такого объединения.

Анализируя современные проблемы психологии, Б. Ф. Ломов писал: «Представляется, что наиболее надежной стратегией изучения психики является подход, позволяющий изучать ее как систему, единую и целостную, но вместе с тем и структурированную. При этом психическое должно рассматриваться в процессе его развития, т. е. предметом психологического исследования становится системогенез психики» (Ломов, 1984, с. 7). Данное положение Б. Ф. Ломова послужило, наряду с теорией функциональных систем П. К. Анохина (Анохин, 1978), основой для разработки и развития системно-эволюционного подхода, который объединяет принцип системности и развития (Александров, Шевченко, 2004; Швырков, 1988).

Принципы системности и развития, интегрированные в системно-эволюционный подход, имеют тесные пересечения с положениями субъектно-деятельностного подхода.

1. В фундаментальном положении о психическом как процессе С. Л. Рубинштейна динамика психики представлена в качестве ее главного имманентного свойства (Рубинштейн, 1997б). В то же время само понятие системы, по определению, включает показатели развития: любой системный объект должен обладать способностью к развитию, а процесс развития предполагает наличие сложной системной организации.

Современные представления о психике как развивающейся, эволюционирующей системе опираются в значительной степени на развитие системного подхода в биологии и нейрофизиологии, а именно на принцип системогенеза, сформулированный и обоснованный школой П. К. Анохина (Анохин, 1978).

2. Любая система образована разнородными элементами, обладающими разными свойствами, но связанными в единое целое (Блауберг, Юдин, 1973). С данным определением системы соотносятся базовые характеристики любого процесса развития, в том числе психического. Это положение приводит к представлениям о гетерохронном развитии психики и ее функционировании при сохранении ее целостности на всех этапах. Ф. И. Ата-Муратова указывает, что «разновременность, гетерохронность наблюдается, начиная с биохимического уровня, в общесоматическом, половом, функциональном, нервно-психическом развитии. В наибольшей степени разновременность выражена в психическом развитии человека. Не только отдельные функции, но даже их различные свойства и характеристики могут находиться в разных фазах своего развития за счет неодинаковой скорости, темпов развития. Именно многообразие темпов создает чрезвычайно сложную, разнородную во временном отношении картину развития» (Ата-Муратова, 1983, с. 39). Чем же обеспечивается преемственность, непрерывность развития? Она обеспечивается разновременностью, гетерохронностью генеза. Различная длительность, скорость, темп развития разных систем создает необходимое адаптивное их объединение на разных уровнях становления в такую интеграцию, в которой высокоразвитые системы в сочетании с развивающимися порождают взаимодействие стабильных и динамических звеньев развития. Принципы системогенеза: гетерохронии, консолидации, минимального обеспечения функции дают ключ к пониманию высокой пластичности, преемственности в развитии человека, широкие возможности для компенсации дефектов развития.
3. Связи между элементами системы динамичны, т. е. изменяются во времени. Интегральные характеристики системы в большей мере зависят от особенностей взаимодействия ее элементов, чем от их отдельных свойств. В таком случае взаимодействие между функциями в процессе развития, а не их отдельные изменения должны иметь приоритетное значение, что может быть сравнимо с идеями сетевой организации.
4. Системы различаются по своей сложности и по степени структурированности, которая выражается в уровне организации систем разного порядка, объединенных иерархическими связями (Ломов, 1984). Принцип уровневой организации не исключает, а предполагает целостную психическую органи-

зацию всех уровней. С. Л. Рубинштейн писал: «Психическое развитие человека с раннего возраста до зрелых лет протекает как единый процесс, внутри которого выделяются качественно различные ступени...» (Рубинштейн, 1999, с. 188).

5. Соотношение биологического и социального на разных этапах онтогенеза как проблема детерминации рассматривалась и в системном, и субъектно-деятельностном подходах. Проблема биосоциальной детерминации в системном подходе решается Б. Ф. Ломовым на основе изучения эволюции человека как общественного существа в единстве природы и общества, не сводимой ни к одному из двух источников человеческого развития.

В рамках субъектно-деятельностного подхода А. В. Брушлинский так раскрывал данную проблему: «Субъект, осуществляющий психическое как процесс, — это всегда и во всем неразрывное живое единство природного и социального... в психике человека нет ничего, что было бы только природным, но не социальным, или только социальным, но не природным; вопреки широко распространенной точке зрения, даже на высших этапах духовного развития личности психическое не перестает быть природным и не становится „чисто“ социальным. Оно сохраняет в себе их органическое единство, поскольку эти высшие уровни природного возникают и эволюционируют лишь в ходе антропогенеза...» (Брушлинский, 1994б, с. 34). Полемизируя с положениями культурно-исторической теории развития психики, он обращает внимание на то, что в данном подходе рассматривается лишь одно направление развития — от социума к индивиду — и не учитывается обратное — от индивида к социуму. Это положение означает, что ребенок является субъектом развития, а не только объектом воздействий взрослых (дискуссионные моменты культурно-исторической теории обсуждались А. В. Брушлинский и представлены выше).

В основе современного понимания развития как самодвижения лежит принцип, требующий рассмотрения и генетического (биологического), и средового (социального) как звеньев системной детерминации единого процесса развития человека.

6. Ключевая характеристика динамической системы — самоорганизация — означает достижение новых состояний через собственное функционирование. При непрерывном изменении в одном или более параметрах новое состояние может появиться спонтанно как функция нелинейных взаимодействий между компонентами системы. Основой теории динамических систем является то, что само поведение и его развитие являются результатом функционирования сложных систем, которые включают психологические, биологические и физические компоненты. Развитие понимается как появление свойств целостной системы и может быть понято только в терминах сложного взаимодействия ее компонентов. Не может быть редукции к одному элементу, структуре или причине. В теории динамических систем (современном варианте системного подхода — Thelen, Smith, 1994, 1998) важное место занимает идея о нелинейной динамике изменений, чувствительность к начальным условиям и неожиданные трансформации по типу катастроф,

объясняющие U-образный характер развития функций, имеющих место после постепенных изменений в определенном количестве параметров. Сравнивая теорию динамических систем с системно-эволюционным подходом, где принцип развития (эволюции систем) также является ведущим, можно отметить, что их объединяет несомненно сильное концептуальное пересечение (системность, непрерывность, саморазвитие, единство восприятия и действия), а в некоторых аспектах системно-эволюционный подход является более разработанным (в области системогенеза и гипотезы селективного системогенеза). Преимуществами же описанных подходов остается выраженная междисциплинарность исследований, широкое экспериментальное обоснование (на нейрональном и поведенческом уровнях, на животных и людях). В последнее время сторонники системно-эволюционного подхода пытаются реализовать его преимущества путем проведения активных исследовательских программ.

Близкие идеи о саморазвитии (принцип самодеятельности С. Л. Рубинштейна) получили разработку в субъектно-деятельностном подходе.

Субъект – качественно определенный способ самоорганизации, саморегуляции личности, способ согласования внешних и внутренних условий осуществления деятельности во времени, центр координации всех психических процессов, состояний, свойств, а также способностей, возможностей и ограничений личности по отношению к объективным и субъективным целям, притязаниям и задачам деятельности. Целостность, единство, интегративность субъекта являются основой системности его психических качеств (Брушлинский, 1991, 1999а, в, 2002, 2003).

Таким образом, приведенное сравнение показывает, что многие ключевые проблемы современной психологии имеют общие, близкие решения как в системно-эволюционном (и в теории динамических систем), так и в субъектно-деятельностном подходе. Это положение об имманентной динамике психического и динамике систем, единая, но качественно различная уровневая (стадиальная) организация человеческой психики, ее развития, идеи неразрывности биосоциальной природы человека («внешнее через внутреннее»), саморазвитие, самоорганизация в процессе деятельности (принцип самодеятельности), целостный, интегративный характер субъекта, системной организации его психики. Подобная общность позволяет объединить имеющиеся подходы, что означает не просто соединение, а создание новой парадигмы, вносящей иные аспекты в изучение человека, которые в рамках объединяемых подходов оставались на периферии.

Так, в системном подходе и его вариантах (в системно-эволюционном, теории динамических систем) не остается места субъекту как активному и пристрастному «деятелю» собственного бытия, собственной деятельности, активности, нет места интегративной индивидуальности, которая обеспечивает целостное поведение человека и его индивидуальные варианты адаптации к внешним условиям бытия.

В субъектно-деятельностном подходе проблемным остается анализ внутренних условий самой деятельности, размытость внутренней психической орга-

низации, отсутствие представлений о структуре этой организации. Эти слабые стороны обоих подходов привели к необходимости их объединения, что дает, на наш взгляд, преимущества на пути целостного изучения человека.

Основные положения

1. С позиций системно-субъектного подхода в психологии человек рассматривается как единство двух ипостасей – личности и субъекта. Центром концептуальной схемы психологии является субъект, носитель психического, автор собственной деятельности, общения, отношения, переживания. Именно субъект на каждом этапе своего развития выступает носителем системности, раскрывающейся в его взаимодействии с миром. Субъект становится системообразующим фактором создания сложной многоуровневой системы психической организации (Брушлинский, 1991, 1999а, в, 2002, 2003).
2. Критерий субъекта может быть только уровневый. Критерии субъекта, выделенные другими авторами (К. А. Абульханова, Б. Г. Ананьев, А. Г. Асмолов, А. В. Брушлинский, А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, А. В. Петровский и др.), не являются противоречивыми, а относятся к разным уровням организации субъекта. Применение континуально-генетического принципа позволяет выделить несколько уровней непрерывного становления субъектности – от протоуровней в раннем онтогенезе до уровней агента, наивного субъекта, субъекта деятельности, субъекта жизни (Богданович, 2004, 2005; Сергиенко, 2002, 2021).
3. Носителем содержания внутреннего мира человека будет выступать личность, а реализацией в данных жизненных обстоятельствах, условиях, задачах – субъект. Субъект – это всегда индивидуальная организация психики. Индивидуальность человека возникает не вдруг, а формируется шаг за шагом, опираясь на его генетико-средовую уникальность – индивидуальный генотип и средовой опыт, уникальность его психической организации. Эта индивидуальность предполагает наличие определенных ресурсов, способностей индивида: его интеллектуального потенциала (способности предвосхищать события, извлекать и упорядочивать ментальный опыт, планировать решение и моделировать исполнение, способности к когнитивной гибкости, сравнению предполагаемого и реального результата), эмоциональности (интенсивности эмоций, эмоциональной лабильности, активности, способности к сопереживанию, пониманию эмоций своих и Другого), способности к произвольной организации действий, волевых усилий.
4. В настоящий момент наиболее разработаны представления о регулятивной функции субъекта – контроле поведения и когнитивной функции- понимания, когнитивным механизмом которого выступает модель психического.
5. Обоснована субгипотеза контроля поведения как регулятивной функции субъекта. Индивидуальный паттерн контроля поведения как своеобразное соотношение когнитивного, эмоционального и волевого компонентов связан с типами стратегий совладения и видами предпочитаемых психологических защит. Уровень и особенности субъектной организации, сте-

пень зрелости как согласованность ценностей личности и интегративных возможностей субъекта реализовать задачу будут определять возможности использования определенных психологических защит, копинг-стратегий, предпочитаемых способов контроля поведения.

6. Модель психического рассматривается как ментальный механизм понимания, обоснована субгипотеза модели психического как когнитивной функции субъектности. Понятие модели психического относительно новое в психологической науке, оно является и многоаспектным (ментальная структура, способность и теория развития понимания социального мира), и интегративным, возникает и развивается на пересечении разных парадигм (когнитивной, лингвистической, метапознавательной, социального познания, социальной психологии), вбирает в себя все новые аспекты психического развития человека, фокусируется на анализе внутреннего мира человека как субъекта развития.
7. Две ипостаси – субъект и личность – на каждом этапе своего развития находятся в реципрокных отношениях. Человек будет осуществлять зрелые формы поведения в зависимости от степени согласованности в развитии континуума субъект–личность. Это означает, что человек стремится сохранить свою целостность как субъекта и личности, следовательно, делает то, что соответствует его жизненным смыслам и собственной субъектности, т. е. согласно своей интегративной уникальности (где все образует единую систему: история развития субъекта, гетерархия уровневой организации). Показателем синхронности и соответствия в континууме личность – субъект может выступать спонтанность поведения человека.
8. Две подструктуры (субъекта и личности) тесно связаны, но специфичны в своем функционировании.
9. Выделяются специфические функции субъекта и личности. При определении категории субъекта как центральной в системно-субъектном подходе (Сергиенко, 2000, 2002) необходимо найти те специфические функции, которые дифференцируют ее от других категорий психологической науки. Они должны обладать статусом системности и субъектности одновременно. Б. Ф. Ломов выделял три основные функции психических процессов: когнитивную, регулятивную и коммуникативную (Ломов, 1984). Подобные функции можно выделить и относительно субъекта. В качестве когнитивной функции по отношению к субъектности выступает понимание, коммуникативной – континуум субъект-субъектных и субъект-объектных взаимодействий, в качестве регулятивной – контроль поведения и самопроизвольность. Специфической для категории субъекта когнитивной функцией может стать понимание. Понимание является одновременно и когнитивным, и экзистенциальным феноменом (Знаков, 2005, 2007, 2008). Понимание человеком окружающего мира включает внутренние модели (модель и физического, и социального мира), и смысловые образования, опосредующие его выбор и интерпретацию окружающих событий и явлений (Сергиенко, 2006; Сергиенко и др., 2009, 2020). Регулятивной функцией субъекта может выступать контроль поведения, который является основой

саморегуляции. Контроль поведения рассматривается нами как интегративная характеристика, включающая когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию и контроль действий (произвольность) (Сергиенко, 2007). В отличие от саморегуляции контроль поведения обладает спонтанностью и самопроизвольностью. Коммуникативная функция субъекта может быть специфицирована через представление о субъект-субъектных и субъект-объектных взаимодействиях (например, в ситуациях манипулятивных влияний субъекта на других людей, оказывающихся объектами манипуляции — Знаков, 2002, — и наоборот, когда группа может манипулировать человеком). Однако реально взаимодействия людей могут быть только тогда эффективны, когда учитываются субъектность объекта воздействия, уровень и особенности его внутренних моделей, степень понимания, индивидуальная специфика его контроля и т. д. Следовательно, выделяя функции субъектности, мы сталкиваемся с их взаимным переплетением и лишь условным выделением, что необходимо при анализе явления.

Для личности специфика функций может быть описана по аналогии с функциями субъекта: когнитивная — осмысление (порождение смыслов, личностных смыслов, ценностей, смысложизненных ориентаций); переживание как регулятивная функция, которая указывает на отношение к событию или ситуации, приводя к возможным изменениям в Я-концепции, и коммуникативная функция как направленность на определенные значимые аспекты реальности. При таком решении функции субъекта и функции личности как две неразрывные стороны организации человека тесно переплетены. Только при условии наличия смыслов возможно понимание, только при переживании возникает возможность смыслопорождения и изменения поведения, а также его контроля, только определенная направленность личности ведет к избирательности и определенному характеру коммуникативных взаимодействий. При этом на разных уровнях психического развития человека эти функции реализуются в соответствии с уровнем развития личности и субъекта.

Анализ двух ипостасей человека — субъекта и личности — как единой структуры в психической организации требует более подробного рассмотрения вопроса о соотношении этих понятий. Данный вопрос рассматривался автором (Сергиенко, 2011, 2021). Напомним основные аргументы дифференциации данных понятий.

Соотношение субъекта и личности

А. В. Брушлинский считал, что субъект всегда является личностью, но не сводим к ней. Мы полагаем, что личность — это стержневая структура субъекта, задающая общее направление самоорганизации и саморазвитию. Метафорически это соотношение можно представить в виде командного и исполнительного звеньев. Личность задает направление движения, а субъект его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека.

В современной психологии можно выделить следующие варианты соотношения субъекта и личности:

Первый вариант состоит в совпадении понятий субъекта и личности. Так, Е. В. Волкова считает разведение структур субъекта и личности искусственным, поскольку лишение личности субъектности как активной преобразующей силы, а субъекта—личности как смыслов и направленности не оправданно (Волкова, 1998).

Второй вариант: субъект шире понятия личности. Такой точки зрения, в частности, придерживался А. В. Брушлинский («Субъект всегда является личностью, но не сводим к ней» (Брушлинский, 1991, с. 10).

Согласно концепции В. А. Татенко, «личностное следует выводить из субъектного как сущностного, а не наоборот» (Татенко, 1998, с. 230). Его концепция субъектогенеза носит, безусловно, континуально-генетический характер и во многих положениях согласуется с нашими предположениями. В представлении В. А. Татенко субъект — реально существующее образование на всем протяжении развития человека. Он указывает, что необходимо говорить не о возникновении субъектности в каком-то возрасте, а о генетических уровнях и этапах субъектности. На каждом этапе онтогенеза индивид выступает как целостный субъект психической активности определенного уровня развития (сначала бессознательного, а затем все более осознанного). Субъект всегда находится в состоянии саморазвития, самосовершенствования. Он выделяет интуиции субъектного ядра — движущие силы развития человека как субъекта с присущими им механизмами психической активности и доминирующими психическими функциями (например, для новорожденного — внимание, для детей раннего возраста — память, для подростков — речь).

Различия между концепцией В. А. Татенко и нашей концепцией состоят в понимании структуры, функций субъекта, в соотношении категорий «субъект»—«личность». Он отмечает, что «личностное следует выводить из субъектного как сущностного, а не наоборот» (Татенко, 1998, с. 230).

Третий вариант: понятие личности шире понятия субъекта. К данному варианту можно отнести работы В. А. Петровского, А. Г. Асмолова, К. А. Абульхановой и др.

Четвертый вариант соотношения субъекта и личности состоит в том, что две эти структуры отражают разные стороны психологии человека. В наиболее яркой форме данный вариант представлен в трудах Б. Г. Ананьева. Он подчеркивал, что «совпадение личности и субъекта относительно даже при максимальном сближении их свойств, так как субъект характеризуется совокупностью деятельностей и мерой их продуктивности, а личность — совокупностью общественных отношений (экономических, политических, правовых, нравственных и т. д.)» (Ананьев, 1996, с. 253). В многообразии вариантов понимания субъекта, личности и их соотношения мы выделяем два основных подхода. Они базируются на критериях выделения субъекта. Именно критериальный принцип позволяет ввести более масштабное и крупное деление в представления о соотношении субъекта и личности. Критерий субъекта в отечественной психологии можно разделить на акмеологический и эволюционный.

Л. И. Анцыферова отмечает, что в работах С. Л. Рубинштейна трудно найти критерии, дифференцирующие субъекта и личность. «Он часто пишет о „личности“, „субъекте“ и „человеке“ как синонимах...» (Анцыферова, 2006, с. 219). Анализируя теории личности, Л. И. Анцыферова указывает, что субъект в них «характеризуется через различные формы внешней и внутренней активности... Но за пределами исследований остается такое содержательное, ценностно-смысловое измерение, которое характеризует человека как личность. В число особенностей субъекта не входят те, которые заключены в понятиях духовности, гуманности, нравственности, совести, добродетельности и т. п.» (там же, с. 362). Рубинштейн интересуется активностью человека, субъекта, личности в деятельности. Иногда Рубинштейн использует представление о субъекте как стержневом качестве личности, употребляя такие понятия, как «субъект практики», «субъект истории». Соотношение субъекта и личности в работах С. Л. Рубинштейна решается в пользу приоритета в развитии личности и становлении субъекта на определенных стадиях.

Обсуждая ограничения субъектно-деятельностного подхода, Анцыферова указывает, что данный подход акцентировал значение деятельности «как созидания, преобразования, совершенствования окружающего мира» (там же, с. 219). Следовательно, деятельность становилась основным способом существования, при этом в рамках данного подхода подчеркивалась неразрывная связь деятельности с действующим лицом как ее инициатором. «По существу, этот принцип вводит субъекта в динамическую систему деятельности. Но исчерпывает ли этот подход полноту душевной жизни, „своеобразные движения“ внутреннего мира?» — спрашивает Анцыферова (там же, с. 220). Ее представление о личности не сводится к рамкам субъектно-деятельностного подхода. В ее понимании «личность соразмерна не деятельности и даже не жизненному пути, а целостному индивидуальному пространству и времени творимой им жизни. Личностное пространство наполнено индивидуальными градиентами значимости, валентностями; областями, отмеченными положительными, отрицательными, нейтральными модальностями. Именно этим живым, движущимся пространствам (Life-Span), а не жизненной линией или жизненным путем (Life-Line) врезается личность в исторически развивающееся пространство жизни общества, человечества» (там же, с. 220–221).

Анцыферова подчеркивает, что все характеристики личности представляют продукт конструирования жизни самой личностью, ее «произвола». Раскрывая соотношения субъекта и личности, она предлагает следующие определения: «Личность как субъект „ваяет“ себя, выстраивая и создавая пространство собственной жизни, уникальный жизненный мир. Субъект ставит цели и намечает жизненные планы, избирает стратегии жизни» (там же, с. 223).

В нашем понимании с позиций системно-субъектного подхода носителем содержания внутреннего мира человека выступает личность, а реализацией в данных жизненных обстоятельствах, условиях, задачах — субъект, интегрирующий все психологические ресурсы человека, его способности. В этом состоит отличие наших представлений от решения вопроса Л. И. Анцыферовой.

Здесь следует заметить, что понимание личности в теории черт не согласуется с атрибутированием личности содержательного значения и его динамики в онтогенезе.

Черты понимались как фундаментальные единицы личности, представляющие обобщенные диспозиции способов реагирования на условия среды. Однако некоторого консенсуса в описании черт удалось достичь только в рамках пятифакторной модели о компонентном составе черт (нейротизм, экстраверсия, открытость, доброжелательность, сознательность). Эти черты сохраняют устойчивость в разных ситуациях, стабильность во взрослом возрасте, взаимосвязь с разными параметрами жизнедеятельности, например, сознательности с различными аспектами жизни — долголетием, успеваемостью, успешностью и т. п. Генетическая обусловленность личностных характеристик оценивается примерно в 40%. Кроме того, нет никакого объяснения появлению данных черт и их взаимосвязи с другими индивидуальными особенностями человека. Также в интерпретации личности как совокупности черт важно отметить, что эти характеристики скорее относятся к динамическим, а не смысловым особенностям поведения человека. Быть экстравертированным и открытым опыту — это ничего не говорит о значении и смысле, отношении и переживании человеком его взаимодействия с миром. Следовательно, данные индивидуальные черты скорее описывают способы и стили деятельности, поведения людей, не раскрывая изменений значений, смыслов и ценностей личности человека. Данные черты выступают как инструментальные ресурсы человека, обеспечивая адаптивное взаимодействие.

Гипотеза о соотношении субъекта и личности была верифицирована в ряде экспериментальных работ, выполненных под руководством автора и обобщенных в книге Е. А. Сергиенко (Сергиенко, 2021).

Важнейшим выводом экспериментальных исследований, столь различных по изучаемым выборкам, возрасту и половому составу (подростки, женщины, мужчины и женщины разных периодов взрослости) является обнаруженная взаимосвязь функций субъекта (регулятивной — контроля поведения, когнитивной — способности понимать свои психические состояния и состояния Другого) с личностными особенностями людей, которые в данных исследованиях были ценностно-смысловыми образованиями. Степень согласованности субъектных характеристик, отражающих актуализацию индивидуальных ресурсов человека с личностными характеристиками, отражала уровень процессуальной зрелости (там же).

Непрерывность развития субъекта

Применение континуально-генетического принципа позволило выделить уровни непрерывного становления субъектности — от протоуровней в раннем онтогенезе до уровней агента, наивного субъекта, растущей субъектности, определяющейся субъектности, компетентной субъектности и интегративной субъектности (Сергиенко, 2000, 2002, 2006, 2007, 2015, 2021). В монографии автора подробно аргументируются основания выделения различных уровней развития субъекта

на всем протяжении онтогенеза человека, показана взаимосвязь и закономерности изменений субъектно-личностных отношений (Сергиенко, 2021).

Кратко напомним основные выводы.

Определение функций субъекта позволяет не только уточнить критерии субъектности, дифференцировать структуры личности и субъекта, но и полнее представить картину непрерывного уровневого развития субъекта от рождения до старости. Было описано становление уровней первичной и вторичной протосубъектности, отражающих главные образования в структуре Я и возможности выделения основ социального объекта, его особенностей. В когнитивном контроле на этом уровне протосубъектности возникает прежде всего контроль действий, что обеспечивает большие возможности для взаимодействия со средой и осуществления целенаправленных действий, реализации собственных намерений и подстройки к действиям взрослых при взаимодействии с ними. Позже развивается эмоциональная и когнитивная регуляция, что позволяет реализовывать и утверждать собственную индивидуальность, закладываются основы контроля поведения как целостной системы.

В настоящее время в результате изучения функции субъекта стало возможным выделить уровни развития субъекта в дошкольном возрасте, опираясь не только на теоретические разработки, но и на достаточно объемный экспериментальный материал (Виленская, Лебедева, 2017; Сергиенко и др., 2009; Уланова, Сергиенко, 2015). В 4 года начинают дифференцироваться представления, что собственное психическое отлично от психического других людей, формируется предсказание поведения Других на основе представлений о последствиях собственного поведения. Это уровень агента. Происходит интенсивное развитие когнитивной функции – понимания. Наблюдаются и изменения в регуляторной функции субъектности – в контроле поведения. Взаимосвязь высокого уровня когнитивного и произвольного контроля с уровнем аффективной пластичности и уровнем аффективной экспансии отражает индивидуальный паттерн контроля поведения, обеспечивающий высокие адаптивные возможности и самостоятельность поведения в среде.

Существенные изменения в уровне развития модели психического происходят в возрасте 5 и особенно 6 лет. Способность сопоставить разные аспекты ситуаций и их значения для себя и других людей позволяет детям на новом уровне анализировать человеческие контакты и их смысл. Они начинают не только понимать обман, но и сами обманывать, что требует сопоставления своей модели понимания ситуации с моделью понимания ситуацией другим человеком. Подобное сопоставление и позволяет воздействовать на понимание и представление о событии другим человеком, что приводит к возможности его обмана. Это уровень наивного субъекта.

Коммуникативная функция субъекта реализуется в установлении взаимопонимания между участниками общения, психологическим механизмом которого становится развитие в дошкольном возрасте модели психического. Таким образом, способность субъектного отношения к Другому, наделению его ментальностью позволяет эффективно выбирать коммуникативные стратегии поведения и адаптировать сообщения к знаниям реципиента и уровню его модели

психического. Полученные нами результаты дают веские аргументы в пользу данного утверждения. Модель психического как когнитивный механизм социального понимания опосредует различные коммуникативные способности субъектов: понимание ментальности партнера, способности к описанию и пониманию событий по пересказу другого (Уланова, 2015; Уланова, Сергиенко, 2015).

Наряду с развитием функций субъектности на данных стадиях происходят изменения в функциях и структурах личности. На стадии агента, особенно наивного субъекта, возникает представление о непрерывности существования Я, что способствует развитию произвольности памяти и предвидения: Я – индивид, который имеет определенный опыт, связанный с представлениями «Я есть, был и буду, это делал, делаю и буду делать», что указывает на постоянный мониторинг связей себя с миром. Частное (или приватное Я) появляется с возможностью отличить свой уникальный опыт индивидуальных переживаний и понимания ситуаций от опыта, переживаний и понимания других людей (т. е. становление способности различения своей модели психического и моделей психического других людей), что явно проявляется уже на уровне наивного субъекта.

Следовательно, развитие когнитивной, регулятивной и коммуникативной функций субъектности сопряжено с развитием представлений о Я как непрерывном и уникальном образовании (непрерывном и частном Я). Изменения в ядерной структуре «Я–личность» взаимодействуют с изменениями функций субъекта.

В младшем школьном возрасте усложнение модели психического приводит детей к более глубокому пониманию коммуникативных сигналов (невербальных и вербальных), осмыслению внутренних причин, стоящих за поведением других людей, пониманию переносного смысла языковых высказываний и контекста. В контроле поведения также наблюдается рост эмоциональной произвольной регуляции, компетентность и усложнение контроля действий (от произвольности к волевым усилиям), совершенствование когнитивного контроля, позволяющего упреждать и понимать свои поступки и поступки других людей. В развитии личности ребенка также происходят важные изменения – становление структуры концептуального Я, развитие субконцепций Я: ролевых представлений о своем внутреннем мире, атрибуции, что способствует развитию представлений о смыслах и жизненных ориентирах. Данный уровень развития субъекта можно обозначить как уровень растущей субъектности, что указывает на становление нового уровня индивидуальности (субъектно-личностного образования).

В подростковом возрасте происходят изменения в развитии функций субъектности (в понимании модели психического, контроле поведения и коммуникативном поведении). Подростки становятся компетентными в понимании сложных социальных эмоций (стыд, вина, гордость), амбивалентных эмоций, понимания обмана, небуквальных высказываний (юмора, иронии, сарказма, черного юмора). К старшему подростковому возрасту складывается достаточно устойчивый паттерн контроля поведения, определяя уровень индивидуальной адаптации.

Структура Я в подростковом возрасте проходит путь интенсивных изменений и реорганизации, поисков индивидуальных смыслов и жизненных ориен-

таций. При этом в старшем подростковом возрасте происходит стабилизация Я-концепции, столь изменчивой и диффузной в младшем подростковом возрасте. Этот тип развития субъектности можно обозначить как определяющаяся субъектность, что означает существенный рост всех видов субъектных выборов и поведения. Все составляющие Я (экологическое, интерперсональное, непрерывное, частное, концептуальное) изменяются, переходя на качественно новый уровень, позволяющий осуществлять взаимодействия с миром на правзрослом уровне.

У людей взрослого возраста продемонстрирована взаимосвязь функций субъекта (регулятивной – контроля поведения, когнитивной – способности понимать свои психические состояния и состояния Другого) с личностными особенностями (их ценностно-смысловыми образованиями, самоутверждением). Степень согласованности субъектных характеристик, отражающих актуализацию индивидуальных ресурсов человека с личностными характеристиками, различна. Тесная согласованность и интегрированность взаимосвязей указывает на образование единой многоуровневой системы регуляции поведения, непротиворечивость субъектно-личностных уровней, что соответствует признакам психологической зрелости.

Данный уровень субъектности мы обозначаем как субъектная компетентность, что указывает на возможность высокого уровня проявления субъектности и самости взрослых.

Но изменения в уровне субъектно-личностных отношений продолжаются и на поздних стадиях онтогенеза. К сожалению, несмотря на растущий интерес к данному периоду онтогенетического развития, мы не можем указать особенности регулятивной и коммуникативной функций и ясных изменений в личностном пространстве. Как показали наши исследования, в пожилом и старческом возрасте наблюдается выраженное снижение функционирования когнитивного компонента модели психического: понимания бестактности, двойного блефа, иронии, обмана, ложных убеждений. Изменения в аффективном компоненте протекают медленнее. К старческому возрасту (75–90 лет) способность распознавать эмоции по лицам людей снижается: в большей степени страдает идентификация негативных эмоций (печаль, страх, злость), нежели нейтральных и положительных (радость). Гипотетически можно обозначить развитие субъекта в данном возрастном диапазоне как интегративная субъектность. В пожилом и старческом возрастах наблюдаются компенсации уязвимости, функций субъекта за счет как раз лучшего понимания внутренних ресурсов и использования сильных сторон развития (например, ментального, экзистенциального опыта, понятийной способности, личностного роста, обращения к копинг-ресурсам). Происходит как бы «стягивание» изменившихся индивидуальных ресурсов, что становится важнейшим условием активной компенсации изменившихся психологических ресурсов за счет сильных сторон субъектной организации, личностного роста (креативности, активной жизненной позиции, переосмысления задач, жизненных ориентаций) и привлечения внешних ресурсов (социальной поддержки, финансовых ресурсов, социальных институтов, активного образа жизни).

Представленный эскиз, несомненно, нуждается в более детальном и тщательном обосновании. Однако хотелось бы подчеркнуть, что при выделении уровней развития субъектности человека реализуется принцип континуальности, преемственности в психическом развитии, когда ничто не возникает вдруг, а имеет предшествующую форму. Так и субъект не возникает вдруг как озарение собственной уникальности. Шаг за шагом происходит интеграция уникальных и универсальных способностей и достижений человека на пути становления все новых уровней субъектности. Введение уровневого критерия и учет непрерывности в развитии субъекта объединяют разные точки зрения на природу субъектности.

Мы полагаем, что развитие субъектности можно описать как соотношение метауровней, охватывающих весь онтогенез человека: субъект развития, субъект деятельности и субъект жизни (бытия). Субъектом развития, деятельности и жизни человек остается всю жизнь, но, согласно выделенным уровням субъектности, включенность в данные метауровни на разных этапах развития будет различна и будет соответствовать тем индивидуальным возможностям, которые обусловлены уровнем развитием. Например, на протоуровне младенец становится субъектом собственного развития, согласно собственным индивидуальным особенностям, выбирая взаимодействия, их меру. Как субъект деятельности он организует собственную активность в соответствии с индивидуальными возможностями — когнитивными (степень понимания социальной и физической среды), регулятивными — становления контроля действий для лучшего взаимодействия и освоения окружения, эмоциональной регуляцией в силу своих особенностей (степень интенсивности эмоциональных проявлений и возможностей их переключений), коммуникативными взаимодействиями, сообразными его ресурсам. Как субъект жизни на данном уровне развития субъектности он выделяет себя из физической и социальной среды, интуитивно следует своим субъектным и личностным характеристикам. Данный пример демонстрирует, что даже на начальном уровне развития субъектности (протосубъектности) ребенок реализует себя как субъект развития, деятельности и жизни. Ясно, что дальнейшее развитие субъекта и личности как психологической организации человека охватывает все более обширные пространства и глубинные слои метауровней субъектности.

Данный вопрос требует серьезной разработки, поскольку здесь существует множество белых пятен, не позволяющих целостно раскрыть развитие субъекта на метауровнях.

Построение единой, унитарной модели психического развития как субъектно-личностного взаимодействия стало попыткой перехода к субъектной психологии. Первые шаги всегда трудны и уязвимы. Но, концентрируясь на понятиях субъекта и личности, можно выделить именно специфичные для психологии понятия. Понятие человека — более широкое, и в нем пересекаются многие науки: и биология, и антропология, и нейронауки, и социогуманитарные направления. Для психологии концептуальным центром целостного изучения человека может стать психология субъекта, позволяющая подойти к изучению его внутреннего субъективного мира.

Перспективы системно-субъектного подхода

Перспективность субъектного подхода и его варианта – системно-субъектного подхода означает стремление к целостному изучению человека, к переходу от психологии психических процессов к субъектной психологии, что потребует значительных усилий и времени, поскольку это задача чрезвычайной сложности. А. В. Брушлинский неоднократно подчеркивал ее сложность.

В условиях преимущественного анализа трех модусов существования субъекта (жизни, развития и деятельности) осталась в тени проблема субъекта познания. Проблема субъекта познания имеет длительную историю изучения в рамках философии. Однако данная проблема может быть рассмотрена в новом ракурсе на основе развития представлений о психологии субъекта. Фактически речь идет об изменении акцентов в анализе особенностей познания.

Если в классическом варианте в фокусе исследований были рациональные знания и законы причинности, то в соответствии с субъектным подходом важнее становится понимание и интерпретация окружения, где не всегда законы рациональности имеют силу. Например, убеждения и мнения, понимание интенций и желаний означает иной ракурс рассмотрения ментальных моделей, порождаемых субъектом. В основе понимания мира лежит процесс ментализации событий и их моделирование, при этом необходимо отличать собственные модели от моделей других людей. Если модель психического считать когнитивным механизмом понимания (когнитивной функцией субъекта), то открывается путь – наряду с изучением других психологических подходов (например, психологии возможного и невозможного, преадаптации) – изучать познание человеком других субъектов и феноменов социальных отношений, т. е. возникает возможность навести мосты между индивидуальным и коллективным субъектом.

Психология человеческого бытия (Знаков, 2016а, 2020, 2021) – научное направление, которое является продолжением и следствием психологии субъекта, выводит рассматриваемую проблему субъекта на междисциплинарный уровень, предполагающий взаимосвязи с экзистенциальной, социальной, когнитивной психологией, психологией личности и индивидуальности. Психология человеческого бытия допускает возможность обращения к самым общим категориям, занимающим умы человечества на всем протяжении его существования: жизнь и смерть, любовь и ненависть, доверие и недоверие к миру и людям, надежда и безнадежность, возможное, невозможное, немислимое и др. Это анализ вершинных, духовных ценностей человека с позиций субъектного подхода выводит психологию на уровень реальных жизненных проблем человека, соединяя классическую психологию с психологией человеческого бытия.

Данное перспективное направление комплементарно с системно-субъектным подходом и позволяет раскрыть психологию субъекта на высоких и сложных уровнях развития.

Следующим перспективным направлением стало введение и обоснование категории коллективного субъекта (Журавлев, 2018). Возникновение группового субъекта обусловлено не столько совместной трудовой деятельностью, сколько наличием общих целей и задач, мотивов и интересов. При этом общественные

интересы существуют в том случае, если они одновременно являются личностными, но не внеличностными или надличностными. Определяя понятие коллективного субъекта, А.Л. Журавлев обосновывает его психологический статус, имеющий и гносеологический, и онтологический смысл. Он выделяет критерии коллективного субъекта в отличие от индивидуального. Субъектность группы одновременно наделена тремя основными признаками: взаимосвязанностью членов группы, совместной активностью и групповой саморефлексивностью; главный признак – способность к совместной активности. При этом уровни выраженности субъектности группы могут быть различными: «От элементарных форм взаимосвязанности (потенциальной субъектности), через многообразные формы совместной активности (реальной субъектности) к различным, в том числе от простых к сложнейшим, формам групповой саморефлексии как особой, качественно отличной от других форм совместной активности (развитой субъектности)...» (там же, с. 134). Разные уровни коллективной субъектности могут служить показателем степени целостности группы, способности ее к саморазвитию и самодетерминации. Кроме того, группы, коллективные субъекты неоднородны, их цели, мотивы, активность и саморефлексивность также могут быть выражены в разной степени у членов коллектива. Выделение индивидуального и коллективного субъекта как интегративных понятий в современной психологии ставит вопрос об их самостоятельности и отношениях. Интересна динамика взаимодействий индивидуального и коллективного субъекта. Очевидно, что тоталитаризм и субъект – понятия несовместимые. Психология насилия при тоталитарной организации жизнедеятельности людей делает их объектами общественных влияний, не оставляя места свободе выбора, самореализации, автономности, развитию субъектности.

Данное направление работ предполагает изучение не только уровней развития и динамики психологии коллективного субъекта, но и выделение его специфических функций в сравнении с функциями субъекта и личности в рамках системно-субъектного подхода. Эта задача представляется особенно объемной и становится научным вызовом для исследователей.

Важнейшей перспективной задачей для субъектного подхода является разработка представлений о развитии субъектности человека. Имеющиеся в настоящее время описания стадий или уровней развития субъекта либо фрагментарны, либо описывают в большей степени развитие личности как субъекта. Генетический принцип анализа субъекта позволит раскрыть условия и факторы становления разных уровней организации субъектности, соотношение различных внешних и внутренних условий реализации субъектности того или иного уровня. Перспективы в разработке уровней развития субъекта видятся в изучении и исследовании становления функций субъекта на разных этапах онтогенеза человека, охватывающего разные периоды от рождения до старости.

Представленная гипотеза о возможности уровня анализа психического развития субъектно-личностного взаимодействия остается слабо разработанной и требует больших экспериментальных усилий и обобщений.

Перспективной и необходимой задачей для психологии субъекта становится разграничение категорий личности и субъекта, выделение их специфики, соот-

Раздел I

ношения и места в психологической науке. Предлагаемая гипотеза о соотношении субъекта и личности в контексте системно-субъектного подхода предполагает более детальное рассмотрение и раскрытие психологических отношений, механизмов, динамики изменений, соотношений этих двух ипостасей человека.

Перспективой в разработке системно-субъектного подхода является также обращение к более общим модусам: субъекту развития, субъекту деятельности, субъекту жизнедеятельности. Необходима разработка гетерохронности взаимодействия разных уровней субъекта-личности, их функций на еще более обобщенном пространстве развития индивидуального и коллективного субъекта.

Представленные общие разработки отражают наши усилия в направлении изучения психологии субъекта в варианте системно-субъектного подхода, что нам представляется только начальной точкой поворота к ее исследованию.

Глава 9

Коммуникативно-интегративный подход в психологической науке¹

Введение

Дж. С. Брунер писал в «Автобиографии»: «Я надеялся, что психология сохранит целостность и не превратится в набор несообщающихся поддисциплин. Но она превратилась. Я надеялся, что она найдет способ навести мосты между науками и искусствами. Но она не нашла» (Bruner, 1980, p. 149). Каждое новое поколение психологов приходит в науку с детской наивной мечтой перестроить эту прекрасную науку с тем, чтобы психологи достигли хотя бы взаимопонимания. Но они его не находят. Интеграция, как сообщает словарь иностранных слов, происходит от латинского *integratio* (восстановление, восполнение) и означает «объединение в целое каких-либо частей, элементов». Представляется, что для психологии это глубоко символично, так как в конечном счете интеграция имеет своей целью восстановление изначальной целостности психического¹. В целостности психики никто и никогда серьезно не сомневался, просто эта целостность и ее устройство представлялись разным психологам существенно по-разному. «Восстановить» в теории (в логосе) психику в ее целостности — до сих пор не достигнутая цель психологии. Точнее и правильнее сказать — мечта... Для современной психологической науки характерно активное декларирование ценностей интеграции — интеграции как достаточно обширного сообщества психологов, так и непосредственной интеграции психологического знания. Необходимость интеграции обсуждается и объявляется как на уровне отдельных отраслей, так и на уровне всего корпуса общепсихологического знания. Интеграция в психологии рассматривается как одно из ведущих средств не только решения накопившихся методологических, теоретических, экспериментальных проблем и трудностей, но и как ключевой фактор дальнейшего развития психологии. Однако противоречие современного этапа в развитии психологии состоит в том, что при высокой актуальности интеграционных процессов их реальное осуществление идет крайне медленно. Это может быть связано с рядом причин.

¹ Текст главы является существенно переработанным и дополненным вариантом публикации: Мазиллов, 2015а.

Во-первых, с наличием не вполне адекватных установок в отношении понимания механизмов, технологии и средств интеграции у психологов-исследователей. Во-вторых, с отсутствием необходимого методологического аппарата для разработки технологии взаимодействия разных подходов к исследованию проблем психологии. В-третьих, с отсутствием позитивных примеров демонстрации обоих видов интеграционных процессов – в психологическом сообществе и психологическом знании. Тем не менее, интеграция неуклонно происходит и остается важной задачей, стоящей перед психологическим сообществом.

Существует *стихийная* интеграция, которая реализуется в практике осуществления научных исследований и естественного общения ученых. Выделены и описаны ее механизмы (Мазилов, 2001, 2007б, 2020б).

Есть основания говорить об искусственной интеграции, когда действия некоторых представителей сообщества целенаправленны, ориентированы на получение интегративного результата.

Назовем возможные механизмы такой интеграции:

- 1) формулирование общей теории того же уровня, обобщающей результаты других исследований (обобщение результатов исследований);
- 2) формулирование теории более высокого уровня;
- 3) использование комплексного подхода;
- 4) использование системного, метасистемного подхода;
- 5) использование новых подходов (например, синергетического).

Как можно видеть, существует явный и несомненный историзм в использовании рассмотренных подходов: некоторые (те, к примеру, что были особенно популярны в начале XX в.) вообще канули в Лету – про синтез подходов теперь говорить не очень принято, так как стало понятно, что в этом случае требуется указать на механизм осуществления, на то, как это делается, а выполнить это требование весьма затруднительно), иные были весьма популярны в свое время (сейчас пик популярности остался позади), другие только входят в научную моду и настоящая проверка их возможностей еще впереди.

Подход, представляющий коммуникативную методологию настоящей работы, рассматривается нами *как один из возможных инструментов целенаправленной интеграции*.

Назовем два направления ее использования: первое – для упорядочения и организации психологического знания, это работа по интеграции психологического знания. Второе направление – практическое применение в процессе проведения исследования для улучшения понимания позиций других авторов. Использование идей коммуникативной методологии в преподавании истории психологии также перспективно.

Психология и методология

М. С. Роговин и Г. В. Залевский выделяют три вида психологического знания. Первый вид – знание о психических процессах и индивидуальных особенностях, «предметное знание». Второй вид – знание о самом процессе психологи-

ческого исследования, о том, как получается, фиксируется и совершенствуется предметное знание о психике — «знание методологическое». Третий вид знания — «знание историческое», в котором отражается закономерная последовательность развития первых двух видов знания и которое помогает нам понять общее состояние психологии в каждый конкретный период времени, при каждом хронологическом срезе (Роговин, Залевский, 1988, с. 8).

Концептуализация методологического знания и представляет собой методологию психологии. Традиционный подход определяет методологию как систему «принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе» (Спиркин и др., 1989, с. 359). Это же определение воспроизводится в ряде современных психологических словарей применительно к методологии психологии. Основные проблемы содержательной методологии обычно представляются так: структура научного знания вообще и научной теории в особенности; законы порождения, функционирования и изменения научных теорий; понятийный каркас науки и ее отдельных дисциплин; характеристика схем объяснения, принятых в науке; структура и операциональный состав методов науки; условия и критерии научности (там же). Это означает, что методология фактически рассматривается только в своей познавательной, когнитивной функции. Это, несомненно, важнейшая функция методологии. Но, как можно полагать, далеко не единственная.

Методология психологии представляет собой совокупность идей, понятий, принципов, схем, моделей, концепций и т. д., и в каждый момент времени на первый план выходят те или иные ее аспекты. Если перед психологией встают новые задачи, то и методология должна осуществлять соответствующую проработку, создавая новые методологические модели. Иными словами, методология психологии имеет конкретно-исторический характер.

Приступая к циклу методологических исследований и намечая контуры новой методологии психологической науки, мы отмечали (Мазиллов, 1998; Mazilov, 1997), что, вероятно, она должна складываться из следующих составляющих, соответствующих трем основным группам задач, стоящих перед этой областью знания:

- 1) когнитивная (познавательная) методология, описывающая принципы и стратегии познания психического;
- 2) коммуникативная методология, обеспечивающая соотнесение различных психологических концепций и реальное взаимодействие различных направлений и школ в психологии;
- 3) методология психологической практики (практико-ориентированной психологии).

Когнитивная (познавательная) составляющая — традиционная для классической методологии сфера интересов: проблемы парадигмального статуса психологии, предмета психологии, соотношения теории и метода в психологии, метода, структуры научного знания в области психологии, структуры научной теории в психологии, особенностей порождения, функционирования психологических теорий, особенностей понятийного аппарата психологической науки, ха-

рактера объяснения в психологии, структуры и состава методов, применяемых в психологии, условий и критериев научности, соотношения научного и вненаучного знания и т. д.

Коммуникативная составляющая представляет собой нетрадиционную сферу методологии психологической науки и призвана помочь нахождению взаимопонимания как «внутри» научной психологии, так и в психологии в целом. Смысл коммуникативной составляющей методологии – в соотнесении (в первую очередь в разработке инструментария, аппарата такого соотнесения) теорий разного уровня и разных методологических ориентаций и подходов.

Практическая составляющая – область методологии, которая складывается в последние годы. В обществе происходит бурный расцвет практической психологии: в образовании, в медицине, в бизнесе. Востребованность психологических знаний велика. Совершенно ясно, что и по задачам, и по методам, и по содержанию самого психологического знания практическая психология – это особая область (Мазиллов, 1998). Методология деятельности психолога-практика – важный блок «практической» составляющей. Принципы разработки различных психотехник и психотехнологий – не менее актуальный «модуль», не получивший пока необходимой разработки.

В течение многих десятилетий методология психологии была направлена исключительно на разработку средств, позволяющих осуществлять процесс познания психического (когнитивная функция методологии психологии). Методология психологической науки должна выполнять и коммуникативную функцию, т. е. способствовать установлению взаимопонимания между разными направлениями, подходами внутри психологической науки. Сегодня совершенно ясно, что современная психология далека от единства. Различные парадигмы и подходы в сегодняшней психологии различаются не меньше, чем психологические школы периода открытого кризиса (подробнее об этом см.: Стоюхина и др., 2022; и др.). Сейчас мы имеем дело с настоящим, «полноценным» методологическим кризисом. Для того чтобы только «просто разобраться» в сложившейся ситуации, необходимо сопоставление научных концептуальных систем, выполненных в разных научных традициях. Настоящая работа, в частности, посвящена одной из важнейших методологических проблем современной психологии – разработке аппарата коммуникативной методологии. Без решения этой проблемы невозможно найти выход из кризиса психологии.

Необходимость разработки коммуникативной методологии определяется тем, что в современной психологии накоплен богатейший материал – огромное количество фактических данных, гипотез, обобщений, концепций и теорий разного уровня. Поскольку этот материал явно недостаточно проанализирован, инвентаризирован, соотнесен, каталогизирован и упорядочен, часто для его обозначения используются метафоры, имеющие негативную коннотацию (Мазиллов, 2001, 2020б). Подчеркнем, что ценность накопленного материала огромна и не подлежит сомнению, недостаточна лишь его организация. Как известно, в психологии в настоящее время отсутствуют общепринятые универсальные теории, не складывается общая картина психического, которая удовлетворила бы потребность психологического сообщества в адекватной общей теории. Психоло-

логи вынуждены пользоваться совокупностью различных концепций, каждая из которых имеет свои достоинства и недостатки. Поэтому требуется инструмент, позволяющий осуществлять соотнесение различных психологических теорий и в перспективе производить интеграцию психологического знания (подробнее об этом см.: Психологическое знание..., 2018, 2021, 2023).

Препятствия на пути разработки коммуникативной методологии

Существует несколько значимых препятствий, мешающих интенсивному развитию коммуникативной методологии. Научная психология в полной мере еще не осознала реальных размеров того богатства, которое накоплено предыдущими поколениями психологов. Правда, для того чтобы это осознать, необходимо изменение установки.

Главная проблема состоит в недостаточном реальном взаимном соотнесении различных подходов и теорий. Дело не только в «недостаточном желании» психологов вступать в научную коммуникацию (что, заметим, представляет собой немалую проблему). Однако начать следует именно с этого.

Приведем некоторые результаты исследования (Мазилов, 2008, 2017). Выявлено, в частности, что у психологов-исследователей доминируют установки на получение нового, оригинального научного продукта. Реальные интегративные установки выражены минимально. Наибольшую ценность в работах коллег (в глазах самих исследователей) имеют позитивные ссылки на собственные работы и использование полученных результатов другими учеными. Интересно, что, хотя реально интегративные установки выражены минимально, на уровне деклараций процессы интеграции самими психологами оцениваются чрезвычайно позитивно. Существующая система образования и аттестации кадров всячески культивирует индивидуалистические установки: даже курсовая работа должна иметь научную новизну. Поиск новизны форсируется, к сожалению, достаточно часто с существенными издержками: 1) стремление к новизне приводит к тому, что недостаточное внимание уделяется анализу литературы и, как следствие, за новое выдаются достаточно хорошо известные в науке результаты, но субъективно не известные автору; 2) новизна оказывается чисто вербальной – вводятся новые термины, но сопоставление с известными в должной степени не производится: новизна подменяется словотворчеством; 3) исследователь не различает исследуемое и вспомогательный аппарат исследования, в результате чего «психолог перестает делать различие между объективной познавательной реальностью и теми научными понятиями, которыми он оперирует и которые являются лишь ее частичным и односторонним отражением» (Роговин, 1968, с. 4). Новизны в этом случае много, но она не радует. Можно было бы продолжить этот перечень, но ясно, что тенденция обнаружить новизну любой ценой реально существует. К тому же обычно это сочетается с недостаточной интерпретацией, поэтому вопрос о том, как соотносится полученное «новое» с тем, что уже известно в науке, обычно даже не поднимается.

Однако «исследовательская практика», направленная на получение новизны «любой ценой», получает некоторое «обоснование» в профессиональных пред-

ставлениях психологов. Неявные, часто не осознаваемые самими исследователями представления о развитии науки работают, как ни удивительно, против интеграции. Поясним это. Согласно широко распространенным представлениям, развитие науки (в нашем случае – психологии) идет от частной теории к построению более общей. Таким образом, «более развитая» концепция «отменяет» («снимает») предыдущую, интервьюируемые приводят убедительные примеры, характеризующие их научное мировоззрение (теория Эйнштейна «обобщила» ньютоновскую физику), часто встречаются ссылки на гегелевскую модель развития через отрицание и т.д. В результате научный психолог реально нацелен на создание собственными силами общей «универсальной» теории.

Констатируем, что в современной психологии доминирует установка (эффективно поддерживаемая существующими научными нормами) на новизну, «поиск отличий», в результате чего легко применяется слово «впервые». Психологи привыкают рассматривать работы других лишь как предшествующие осуществлению «собственного» индивидуального синтеза. Картина прямо-таки фантазмагорическая.

Чтобы вышеописанное не показалось сгущением красок, приведем фрагмент из статьи А. В. Юревича. Прошлое психологии «обычно предстает как скопление ошибок, нагромождение артефактов, паутина тупиковых направлений исследования или, в лучшем случае, как беспорядочное накопление феноменологии, которое по отношению к психологии грядущего призвано сыграть ту же подготовительную роль, какую философия сыграла по отношению к науке. Именно в силу такого отношения к прошлому психологическое знание не кумулятивно, а любое новое направление психологической мысли уверенно отменяет все предыдущие, видя в них только „кладбища феноменологии“, фон для оттенения своих достоинств и иллюстрации чужих ошибок» (Юревич, 2008а, с. 5).

Однако это не все. Под такое психологическое понимание подводится обычно «фундамент» из области философии науки. У. Куайн, Т. Кун и П. Фейерабенд рассуждают о несоизмеримости научных теорий: несоизмеримы теории, в частности, потому, что у них нет общей фактуальной базы. При таком подходе не учитывается сложная архитектура факта. Как показали наши исследования, психологический факт имеет уровневое строение, что делает возможным реальное соотнесение фактов, относящихся к разным теориям (см.: Мазилев, 2015б, 2017, 2020б).

Т. Кун представляется идеологом несоизмеримости теорий (Кун, 2003). Обратим внимание на то, что обычно те психологи, которые восприняли куновские положения, говорят о несоизмеримости теорий вообще, весьма наивно полагая, что это безоговорочно относится к психологии. По нашему мнению, оснований для этого нет. Конечно, авторитет Т. Куна чрезвычайно велик, это выдающийся и чрезвычайно популярный мыслитель. Попробуем критически отнестись к распространению выводов куновской теории на психологию. Выскажем соображения, которые, на наш взгляд, вносят долю сомнения в проблему применимости положения о несоизмеримости к предметной области психологии.

Рассуждения Т. Куна основываются на примерах и обобщениях, взятых из истории естественных наук. Никем пока не доказано, что эти рассуждения

имеют столь универсальный характер, что могут адекватно представлять ситуацию в области научной психологии.

Обычно упускается из виду, что ключевым моментом для рассуждений Т. Куна является научная революция (вспомним о названии его труда). Кун говорит именно о несоизмеримости предреволюционных и послереволюционных нормальных научных традиций. В психологии дело обстоит совершенно не так, поскольку она явно не является монопарадигмальной дисциплиной. Революций, аналогичных естественно-научным, в психологии просто не бывает. Все упоминания о революциях в психологии носят метафорический характер (бихевиористическая, когнитивная и т. п.). Поэтому безоговорочный перенос куновских рассуждений на область психологии весьма и весьма сомнителен. В психологии мы действительно имеем различные теории, объясняющие одно явление (число их часто исчисляется десятками). При этом подчеркнем, что авторы новой теории не ставят перед собой задачи опровергнуть другие теории. Задачу они видят скорее в том, чтобы дать более адекватное описание и объяснение психического феномена.

В таком случае говорить о революции не приходится. Поэтому речь о переходе от одной конкурирующей парадигмы к другой, естественно, не идет. Таким образом, в психологии чаще всего просто нет задачи опровержения старой точки зрения, заявляется иной подход. Противоборство между парадигмами рассматривается Куном как сознательный процесс, основанный на логике и нейтральном опыте: переход между парадигмами не может быть осуществлен постепенно шаг за шагом посредством логики и нейтрального опыта. В этом моменте, возможно, наблюдается радикальное расхождение между естественными науками и психологией, поскольку количество «степеней свободы» при рассмотрении психических явлений значительно больше, чем в любой из естественных наук. Это совершенно естественно, если принять во внимание сложность самих объекта и предмета психологической науки. Соответственно имеется значительно большее, чем кажется, число возможных аспектов анализа. В этой связи важно подчеркнуть, что при формулировании теории важнейшую роль играют неосознаваемые самим исследователем процессы. Речь, по сути, идет о том, что ниже в рамках настоящей концепции будут охарактеризованы как предтеория исходные представления ученого. Предтеория предшествует исследованию, часто вообще не осознается им и выступает в качестве неявного основания исследования. Выявлено, что предтеория играет определяющую роль при проведении исследования в области психологии. Как становится понятно, противоборство между парадигмами Т. Кун рассматривает как естественный процесс развития научного знания. Если использовать различие стихийной и целенаправленной интеграции, можно предположить, что вполне возможна ситуация, при которой работа соотнесения концепций выполняется незаинтересованным, нейтральным лицом — методологом или историком науки, т. е. становится целенаправленной. Логично предположить, что в такой работе возможно то, что недоступно при стихийном соотнесении. Особенно, если вспомнить о том, что процедура предполагает выявление не осознаваемых самими исследователями оснований.

Обратим внимание на то, что Т. Кун исходит из явной аналогии между гештальтистскими исследованиями восприятия и переходом от одной парадигмы к другой. Действительно, хорошо известно, к примеру, что в случае «двойных» изображений нельзя увидеть одновременно оба изображения на картинке. Модель, принятая Куном, — изменение видения «двойного изображения». Иными словами (забегая вперед), отметим, что Т. Кун использует эти опыты как моделирующее представление.

Время идет очень быстро, а со временем меняются и акценты, и оценки. Вроде бы совсем недавно был 1962 г., когда было заявлено о существовании несоизмеримости научных теорий. С тех пор, однако, минуло шестьдесят лет. Проблема существует до сих пор. В статье, опубликованной уже после смерти Т. Куна, говорится: «Прошло двадцать лет с тех пор, как Пол Фейерабенд и я впервые употребили в печати термин, позаимствованный нами из математики, для описания отношений между успешными научными теориями. Это термин „несоизмеримость“. Каждый из нас пришел к нему, столкнувшись с проблемами интерпретации научных текстов. Я использовал термин шире, чем он; его утверждения относительно предмета были радикальнее моих, но совпадение наших позиций тогда было значительным. Каждый из нас прежде всего стремился показать, что значения научных терминов и понятий (к примеру, „сила“, „масса“ или „элемент“ и „соединение“) часто менялись вместе с теорией, из которой они были введены. И каждый из нас утверждал, что, когда такие изменения происходили, невозможно было определить все термины одной теории, используя словарь другой. Последнее утверждение вылилось в отдельный разговор о несоизмеримости научных теорий» (Кун, 2014, с. 46–47). Т. Кун пишет: «Я убежден, что наше с Фейерабендом обращение к „несоизмеримости“ было независимым. Смутно припоминаю, как Пол наткнулся на этот термин в черновике моей рукописи и сказал мне, что он тоже его использовал» (там же, с. 46, прим.). Приведем еще одну цитату, которая принципиально важна для темы нашей темы: «Мы с Фейерабендом писали о невозможности определения терминов одной теории в базовых терминах другой. Он ограничился несоизмеримостью в языке. Я же говорил и о различиях в „методах, проблемном поле и критериях решения проблем“ (Structure, p. 103), чего я больше уже бы не сделал, за исключением важной области: последующие отличия — это необходимые следствия процесса изучения языка. Фейерабенд (p. 59), с другой стороны, писал, что „нельзя ни определить простейшие термины T' на основе простейших терминов T, ни установить корректные эмпирические связи, относящиеся и к тем, и к другим терминам“. Я не употреблял понятие простейших терминов и ограничил несоизмеримость несколькими специальными терминами» (Кун, 2014, с. 46, прим.).

Обратим внимание на ключевые моменты в вышеприведенных цитатах. Т. Кун пишет, что они пытались показать, что «значения научных терминов и понятий» «часто менялись вместе с теорией». Это, как мы увидим далее, центральный момент. Т. Кун абсолютно прав: значения действительно меняются, поэтому, если мы хотим сравнивать готовые теории, картина, открывшаяся выдающимся философам науки, действительно правдоподобна. Поэтому необходимо другое. Сравнить нужно не готовые теории, где необходимая для их сопоставления

информация «закамуфлирована» новыми формулировками и изменившимися трактовками понятий, поэтому «соизмерению» не подлежит, а нечто другое. Впрочем, об этом скажем в свое время, чуть ниже, а сделанный вывод зафиксируем: сопоставлять сформулированные теории неперспективно — в этом отношении классики философии науки правы.

Т. Кун пишет: «Все это было в 1962 г. С тех пор проблемы изменения значений обсуждались очень бурно, но, в сущности, никто в полной мере не обращался к тем трудностям, которые привели нас с Фейерабендом к понятию несоизмеримости. Вне сомнения, эта невнимательность отчасти объясняется той ролью, которую играли интуиция и метафора в наших исходных представлениях. Я, к примеру, допускал много двусмысленностей в употреблении как в визуальном, так и в концептуальном значении глагола „видеть“. Я неоднократно уподоблял теоретические изменения переключению гештальта. Но по каким бы то ни было причинам понятие несоизмеримости резко и часто отвергалось, последний раз в книге, опубликованной в конце прошлого года Хилари Патнэмом. Патнэм убедительно излагает суть двух направлений критики, широко распространенных в предшествующей философской литературе. Краткое напоминание об этой критике подготовит почву для последующих обширных комментариев» (там же, с. 47).

«Большая часть дискуссий о несоизмеримости была обусловлена дословно корректным, но часто неправильно интерпретируемым допущением, что если две теории несоизмеримы, они должны быть сформулированы на взаимно непереводимых языках. Если это так, утверждается первой линией критики, если нет способа сформулировать обе теории на одном языке, тогда они не могут сравниваться и не может быть никаких очевидных аргументов, чтобы сделать выбор между ними. Разговор об отличиях и сравнении предполагает некую общую почву, которую, по всей видимости, отрицают защитники несоизмеримости, часто говорящие о сравнениях. Здесь их заявления определенно непоследовательны» (там же, с. 47–48).

«Вторая линия критики заходит так же далеко. Такие люди, как Кун, утверждают ее представители, убеждают нас, что невозможно перевести старые теории на современный язык. Но потом они именно это и делают, реконструируя теории Аристотеля, Ньютона, Лавуазье или Максвелла, не выходя за пределы языка, на котором мы разговариваем каждый день. Что они при этих условиях могут подразумевать, говоря о несоизмеримости?» (там же, с. 48).

Приведенные фрагменты хорошо показывают, в каком направлении велись дискуссии. Не будем в рамках этого небольшого текста воспроизводить аргументацию Т. Куна. Наша работа посвящена не философии науки, а конкретным проблемам методологии. Основная наша задача — показать, что к психологии идея, сформулированная Т. Куном, отношения не имеет, в психологии существует потенциальная соизмеримость тематически сопоставимых теорий.

Обратим внимание на то, что фактически выбор неудачного моделирующего представления предопределяет результат. Таким образом, мы полагаем, что принципиальная несоизмеримость теорий и концепции в современной психологии не доказана. Напротив, по нашему убеждению, справедлив прин-

цип соизмеримости теорий (Мазиллов, 2015в). При наличии разработанного инструмента коммуникативной методологии, позволяющего соотносить теории одного уровня, возможно их соотнесение.

Создавая научную теорию, стоит помнить о том, что она должна иметь свою сферу применения, зону «адекватности». Нужна установка на кооперацию, на сотрудничество. Иными словами, психологи должны выработать толерантность к взглядам коллег, сформировать у себя установку не на поиск отличий, а на обнаружение сходства.

Основные идеи коммуникативной методологии

Цель коммуникативной методологии состоит в разработке теоретической модели, обеспечивающей соотнесение психологических концепций и осуществление на этой основе интеграции психологического знания (Mazilov, 1997).

Задачи коммуникативной методологии: 1) разработать конкретную модель соотнесения психологических концепций; 2) разработать вспомогательный методологический аппарат; 3) разработать конкретную технологию интеграции; 4) осуществить конкретную интеграцию (на специально выбранных «полигонах»). Перспективной задачей следует считать выход за пределы научной психологии и осуществление интеграции между научным и практико-ориентированным психологическим знанием, между научным знанием, с одной стороны, и ненаучным (и вненаучным), с другой (см. также: Ушаков, Журавлев, 2015; и др.).

Теоретическую основу коммуникативной методологии составляет концепция соотношения теории и метода в психологии (Мазиллов, 1998, 2007б).

Коммуникативная методология, служащая для соотнесения различных теорий одного объекта и уровня в психологии, должна иметь определенную универсальность. Назовем основные положения, составляющие фундамент концепции коммуникативной методологии, направленной на реальное соотнесение различных психологических теорий. В данном случае мы ограничимся лишь формулировкой некоторых предварительных соображений.

Во-первых, это представление о предмете психологии как сложном, многоуровневом. Как было показано в предшествующих работах, предмет психологии имеет сложное строение: можно говорить о «декларируемом», «рационализированном» и «реальном» уровнях. Различение уровней предмета позволяет избежать многих недоразумений, поскольку соотнесение концепций должно происходить на уровне «реального» предмета.

Во-вторых, как было показано ранее, многие недоразумения в психологии возникают от неоднозначного понимания многих терминов. Множественность определений и трактовок была и остается «фирменным» знаком психологии. Покажем это на примере понятия «метод». История психологии дает массу примеров того, как различные авторы давали противоположные характеристики одним и тем же методам. Парадоксально, но для этого имелись определенные основания. Разработанный нами подход позволил дать однозначный ответ на этот вопрос. Специальное исследование показало, что метод имеет уровневое строение: можно говорить, по меньшей мере, об идеологическом, предметном и операцио-

нальном уровнях метода. Естественно, что характеристики метода на разных уровнях будут существенно различаться. При сопоставлении психологических концепций важно иметь в виду, что на разных уровнях метод выступает существенно по-разному, поэтому необходимо строго учитывать данное обстоятельство. Отметим здесь, что подобного рода проблемы возникают по отношению едва ли не к каждому психологическому понятию, что, несомненно, затрудняет работу по интеграции психологического знания. Выявление подлинного и мнимого спектра значений того или иного понятия — еще одна актуальная задача методологии психологической науки.

В-третьих, должна использоваться рабочая схема, определяющая технологию соотнесения (с помощью которой будут производиться конкретные операции). Главная сложность состоит в том, что такая схема должна представлять собой инвариант, характеризующий любую психологическую концепцию. Поскольку многообразие психологических теорий общеизвестно, задача кажется практически невыполнимой. Однако наши предшествующие исследования показали, что может быть намечен путь решения и этой проблемы. Было установлено, что может быть выделена универсальная проблема, с которой сталкивается любой исследователь-психолог (подчеркнем, вне зависимости от того, осознает он это или действует интуитивно), — проблема соотношения теории и метода.

Первоначально нами была разработана на основе историко-методологических исследований исходная схема, которая в последующих исследованиях была уточнена и подвергнута проверке на универсальность (Мазилев, 2001). Разработанная схема соотношения (см. рисунок 2) получена на основе историко-методологического анализа развития психологической науки (как концептуальной системы и как деятельности). Эта схема характеризует научную концепцию в ее целостности — от первоначального замысла (предтеории) до получения итогового продукта (научной теории). Главным достоинством предлагаемой схемы является то, что она, как показали исследования, представляет собой структурный инвариант и, следовательно, может выступать в качестве основы для сопоставления различных концепций. Схема является «замкнутой», т. е. позволяет понять, каким образом полученные результаты одного исследования порождают гипотезы, подлежащие проверке в следующем авторском исследовании.

Таким образом, опираясь на разработанную модель соотношения теории и метода в психологии, возможно создать коммуникативную методологическую модель, позволяющую реально соотносить различные психологические концепции, обнаруживая в них как совпадающие элементы, так и те, в которых сопоставляемые концепции различаются.

Остановимся несколько подробнее (в силу особой важности этого аспекта) на главной характеристике предлагаемой модели — ее универсальности. Универсальность данной модели обеспечивается следующими моментами:

- В ней задан предмет психологии. Таким образом (напомним, предмет многоуровнев, исходное понимание предмета максимально широкое — «площадка для сборки»), оказываются реально соотносимыми любые психологические концепции (которые действительно являются психологическими по предмету исследования).

- В ней задан метод. Любая психологическая концепция предполагает использование тех или иных методов (принципиально схема не изменяется даже в случае чисто теоретической концепции, она лишь модифицируется; в данной работе мы не будем специально анализировать подобную ситуацию). Поскольку метод многоуровнев, появляется реальная возможность поуровневого соотнесения различных психологических концепций.
- Предтеория является важнейшим понятием в процедуре соотнесения. Моделирующие представления, к примеру, обычно не только не вербализуются исследователем, но и вообще не эксплицируются. Тем не менее, этот элемент является чрезвычайно важным (нами было показано, что различные теории мышления, к примеру, отличаются в первую очередь тем, что используют различные моделирующие представления) (Мазилев, 1998). Естественно, то же самое можно сказать и о базовой категории, и о других компонентах предтеории.

Создается возможность для реального соотнесения различных типов и способов объяснения. Необходимо различать *теорию* как результат научного исследования и *предтеорию* как комплекс исходных представлений, предшествующих эмпирическому изучению и направляющих исследование. Могут быть выделены следующие компоненты предтеории: идея метода, базовая категория, моделирующее представление, организующая схема. Любое исследование начинается с проблемы. Проблема предполагает выделение предмета исследования. В психологии предмет исследования тесно связан с трактовкой предмета психологии в целом. Поэтому в психологическом исследовании реально имеют дело с опредмеченной проблемой. В психологии возможно несовпадение декларируемого и реального предмета. Проблема, которая будет исследоваться, должна быть конкретизирована. Конкретизация происходит в двух направлениях: в проблеме необходимо увидеть именно психологический феномен, она должна «опредметиться».

Другая важная конкретизация проблемы возможна тогда, когда опредмеченная проблема соотносится с моделирующими представлениями (Н. Г. Алексеев). К примеру, «мышление» как таковое представляет собой абстракцию, которую невозможно изучать, для этого оно должно во что-то «воплотиться». Это «воплощение» и есть моделирующее представление: решение задачи, соотнесение понятий, понимание выражений, построение умозаключения, прохождение лабиринта и т. д. Опредмеченность проблемы (иными словами, латентное присутствие определенной трактовки предмета психологии) определяет идею метода (если, например, исследователь исходит из того, что предмет — непосредственный опыт, он, несомненно, будет стремиться использовать метод самонаблюдения в той или иной форме; если работа предполагается с какими-то характеристиками поведения, выбирается объективный метод). Выбор формы метода связан с дальнейшими уточнениями, состоящими в выборе базовой категории. Базовая категория определяет общую ориентацию исследования. В качестве базовых категорий как показали исследования выступают понятия «структура», «функция», «процесс», «уровень», «генезис». Базовая категория определяет тип организующей схемы. Организующая схема — способ организации исследования,

которое может быть направлено на раскрытие структуры, функции изучаемого явления или на выявление его процессуальных характеристик, уровня организации или развития. Часто используются «двойные» схемы, соответствующие структурно-функциональному, структурно-уровневому и прочим сочетаниям базовых категорий.

Эмпирический метод выступает как зависимый от предтеории. В структуре предтеории представлена идея метода, которая, в свою очередь, определяется пониманием предмета науки. Если предмет науки – сознание или внутренний опыт, то идея метода, его принцип определяется через внутреннее восприятие, самонаблюдение. Это означает, что если в данном исследовании будут использоваться другие методы, например эксперимент, то они будут выступать исключительно в роли вспомогательных, дополнительных, лишь создающих оптимальные условия для внутреннего восприятия.

Идеи метода недостаточно, чтобы охарактеризовать метод психологического исследования в целом. Одна и та же идея метода может воплощаться в существенно различающихся вариантах метода. Метод представляет собой сложное образование, имеет уровневую структуру, причем различные уровни связаны с различными компонентами предтеории. Схематически соотношение между компонентами предтеории и уровнями метода можно представить следующим образом (рисунок 9.1).

Рис. 9.1. Соотношения между компонентами предтеории и уровнями метода

Смысл коммуникативной методологии состоит в том, что сравниваемые концепции сопоставляются поэлементно в соответствии со схемой, приведенной на рисунке 9.2.

Оказывается, что между концепциями, которые в целом казались несоизмеримыми, можно обнаружить много сходств и различий. В качестве дополнительного средства используется процедура выявления и сопоставления подлинного и мнимого спектра значений того или иного понятия из сравниваемых концепций.

К примеру, показательным является использование коммуникативной методологии в истории психологии. Скажем, известно несколько концепций деятельности или мышления, созданных различными исследователями.

Обычно диссертанты перечисляют авторов теорий, скажем, деятельности, среди которых называют С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева. Их теории дея-

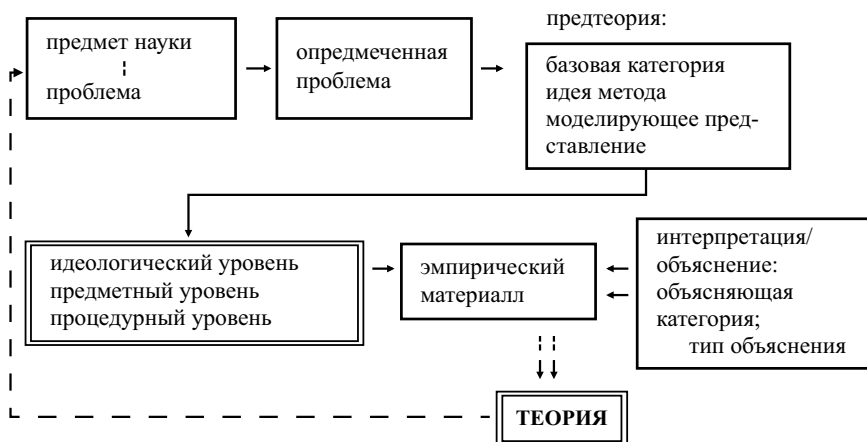

Рис. 9.2. Модель соотношения теории и метода в психологии

тельности существенно различны, но вряд ли стоит утверждать, что они несоизмеримы. К примеру, для С. Л. Рубинштейна базовыми категориями являются «функция» и «процесс», тогда как для А. Н. Леонтьева в этом качестве выступают «структура» и «генезис». Для одной концепции деятельности моделирующими представлениями выступает индивидуальный процесс труда (обусловленный социально), для другой – совместно-распределенное взаимодействие индивидов в решении общей задачи. Такого рода поэлементное сопоставление концепций позволяет значительно лучше понять сходства и различия концепций. Можно, к примеру, вспомнить известную дискуссию в советской психологии между А. А. Леонтьевым и Б. Ф. Ломовым. А. А. Леонтьев, опирающийся на моделирующие представления речевой деятельности, естественно, полагал, что «деятельность» органически включает в себя «общение». Б. Ф. Ломов, для которого основой была индивидуальная деятельность, естественно и логично полагал, что использование категории «общение» является совершенно необходимым дополнением к «деятельности».

Примеры такого рода можно множить и множить. При этом совершенно ясно, что такие расхождения между разными авторами обусловлены их базовыми представлениями, поэтому речь никоим образом не идет об «упущениях» или «ошибках». Количество «степеней свободы» при рассмотрении психических явлений значительно больше, чем в любой из естественных наук. Это совершенно правомерно, если принять во внимание сложность объекта и предмета психологической науки. Соответственно, имеется значительно большее число возможных аспектов анализа. В связи с этим важно подчеркнуть, что при формулировании теории важнейшую роль играют неосознаваемые самим исследователем процессы.

Такого рода поэлементное сопоставление концепций позволяет значительно лучше понять их сходства и различия. К сказанному стоит добавить, что уровневое строение научного факта в психологии (Мазилков, 2015б, в, г) позволяет за-

ключить, что и факты, которыми оперирует та или иная концепция, сопоставимы в значительно большей степени, чем представляется на первый взгляд. Роль коммуникативной методологии чрезвычайно велика в решении задачи интеграции психологического знания.

Первоочередные задачи интегративно-коммуникативного подхода

Интеграция психологии (как психологического знания, так и психологического сообщества) традиционно полагалась значимой ценностью и заявлялась как долгосрочная перспектива развития психологической науки, однако в последние годы актуальность разработок в данной области существенно возросла. Как можно полагать, это, в частности, связано с процессами, происходящими в самой психологической науке и, соответственно, с социальной оценкой возможностей психологии. Создается впечатление, что престиж психологии падает, ее позиции теснятся конкурентами из нейронаук и когнитивной науки. Сами психологи относятся к этому вполне спокойно, довольно часто заключая, что, возможно, психология не настоящая наука, что скоро она распадется на отдельные субдисциплины. При этом почему-то предполагается, что вместе с крушением психологии как фундаментальной науки исчезнут и нерешенные проблемы, которые обсуждались в течение многих десятилетий. Тем не менее, из-за недостаточного внимания к методологии не решается проблема предмета, психологические понятия не представляют стройной системы (Журавлев и др., 2018, 2019, 2021; Мазиллов, 2021a). Как следствие этих неблагоприятных явлений не решается сколько-нибудь удовлетворительно кумуляция психологических знаний, поскольку она происходит практически только в масштабах того или иного подхода, но не в науке в целом. Понятно, что в таких обстоятельствах интенсивное развитие научного знания сильно затруднено. Доходит до того, что сам факт существования научной психологии как фундаментальной дисциплины ставится под сомнение.

В психологии продолжается соперничество различных подходов, при этом даже те подходы, которые имеют значительное сходство, не соотношены между собой в должной степени.

Не будем здесь упоминать разработки в направлении трактовки предмета как совокупного (Мазиллов, 2020б; Шадриков, 2006, 2019; Шадриков, Мазиллов, 2015).

Отметим, что недостаточная кумуляция знания в рамках психологии и нерешенные внутренние проблемы психологии являются одним из самых существенных препятствий для организации эффективных междисциплинарных исследований.

Главное, как нам представляется, состоит в том, что в рамках психологии необходимо преодолеть существенное препятствие, связанное с пониманием специфики человеческого познания психического. Полагаем, что эта проблема в значительной степени недооценивается. Для нас важно подчеркнуть, что решить ее можно с помощью интегративно-коммуникативного подхода.

Выше мы уже говорили о роли, которую играют, к примеру, моделирующие представления. Известны десятки теорий мышления (анализ ранних теорий мышления см.: Мазиллов, 1998). Вюрцбургская школа впервые выдвигает такое моделирующее представление, как решение задачи, которое в дальнейшем заняло доминирующие позиции в научных исследованиях мышления. Однако изобретение задачи не способствовало унификации, так как задач оказалось великое множество: это и механические головоломки, и прохождение лабиринта, и задачи стандартные, и задачи, требующие догадки... Задачи, требующие и не требующие специальных знаний (математические, физические, химические и т. д.).

Понятно, что различные задачи связаны с различными базовыми категориями, различными методами. Специальные исследования такую связь подтверждают (там же). Выбор тех или иных задач всегда осуществляется автором так, чтобы подтвердилось исходное предположение, заложенное в предтеории. Из сказанного выше ясно, что сочетания моделирующих представлений, базовых категорий и идей метода приводят в результате проведенного исследования к формулированию *множества различных теорий*. Самое печальное в этой ситуации, на наш взгляд, то, что авторы, не уделяя традиционно должного внимания методологическому анализу, позиционируют свои научные результаты как *теории мышления вообще*, тогда как они таковыми не являются, ибо получены на конкретном специфическом материале. В самом лучшем случае это лишь *парциальная теория мышления*, но никак не общая. При учете заблуждения, согласно которому теории несоизмеримы, мы получаем набор психологических теорий мышления, не соотнесенных между собой и претендующих на статус теорий мышления в целом. Как нам представляется, из этой ситуации есть выход. Если продолжать говорить о мышлении, которое мы взяли в качестве примера, то необходимо в первую очередь разработать полную классификацию мыслительных задач, которые используются в качестве моделирующих представлений. Созданные теории необходимо рассматривать именно как парциальные. Соотносить их возможно, используя процедуры, предусмотренные коммуникативной методологией. Принципиальная *новизна подхода*, реализуемого в коммуникативной методологии, состоит в том, что сопоставляются не завершенные оформленные психологические концепции одного уровня, а предтеории, которые, как оказалось, являются структурными инвариантами, поэтому их компоненты соотносимы. В случае использования для соотнесения *готовых теорий* мы сравниваем две теории мышления (эмоций, личности, деятельности и т. д.), в результате чего складывается стойкое впечатление, что не совпадают значения терминов. Отсюда следует ошибочное заключение, что теории являются несоизмеримыми.

В коммуникативной методологии предлагается сопоставлять *компоненты предтеории*, которые автором не формулируются и часто вообще не осознаются, но возможна их реконструкция исследователем-методологом, и на этой основе становится осуществимым их соотнесение. В качестве дополнительной методологической процедуры (в самых сложных случаях) используется определение допустимого и запретного диапазонов для основных используемых автором понятий. Смысл коммуникативной методологии состоит, как выше было показана-

но, в том, что сравниваемые концепции сопоставляются поэлементно, в первую очередь по компонентам предтеории, которая представляет собой структурный инвариант.

Природа психологического знания, как мы пытались выше показать, такова, что в настоящее время научная психология может продуцировать лишь *частные* теории, которые принимаются за *общие*. Поэтому на пути к потенциальной *более общей* теории какого-то психического явления необходимы скрупулезный анализ и выстраивание частных теорий для группы, класса явлений и попытки их соотнесения, в процессе этого анализа и сопоставления должно определиться то, что совпадает, и то, что различается, и это поможет понять, чем именно обусловлены различия. Роль коммуникативной методологии, как представляется, в этом процессе ключевая.

Заключение

Интеграция научно-психологического знания и – более широко – психологической науки является одной из самых актуальных задач психологии XXI в. Как показали наши исследования, механизмов естественной (стихийной) интеграции недостаточно, поэтому нужна помощь со стороны науки в виде целенаправленной интеграции. Коммуникативная методология как раз и выступает в роли одного из инструментов интеграции.

Велика роль коммуникативной методологии и в решении историко-психологических задач. Использование коммуникативной методологии и акцентирование сходства, а не только различия в психологических теориях и подходах позволило по-новому организовать преподавание истории психологии (Мазилов, Слепко, 2015).

Для осуществления сколько-нибудь масштабной интеграции необходимо как использование коммуникативной методологии, так и изменение установок психологического сообщества.

Возможно, подобного рода заключения вызовут со стороны некоторых коллег обвинения в прожектерстве. Оценивая перспективы этого подхода (заметим, сформулированного значительно мягче, чем в настоящем тексте), одна из уважаемых коллег сравнила его с известным способом вытаскивания себя из болота, предложенным некогда бароном Мюнхгаузенем. Персонаж вполне симпатичный, поэтому будем верить, улыбаться и помнить о том, что «мыслящий человек просто обязан время от времени это делать» (Горин, 2003).

Такой пессимизм относительно изменения менталитета коллег по цеху разделять не хочется. Впрочем, согласно высказыванию папы Пия VI (по другому, естественно, поводу), проблема имеет два решения: реальное, если вмешается Господь, и фантастическое, если стороны договорятся. Мечты иногда сбываются. Хочется верить, что рано или поздно психологи будут лучше понимать друг друга. В заключение отметим, что изменение установок членов психологического сообщества – процесс длинный и трудный.

Раздел II
ОБЩЕНАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ В ПСИХОЛОГИИ

Глава 10

Междисциплинарный подход в психологии

Современная наука характеризуется выходом за рамки узких взглядов и специальных подходов и объединением различных дисциплин в целях наиболее полного исследования различных явлений. Это позволяет объединять многие аспекты рассмотрения предмета исследования, а также продуцировать новые концепции, парадигмы и методы. В истории науки такие позиции реализовывались в рамках комплексного, интегрального, системного и других подходов. В настоящее время распространенным является междисциплинарный подход, который одновременно может использоваться в отношении и отдельной науки, и целого комплекса наук.

На современном этапе развития психологии обращение к междисциплинарности и реализация междисциплинарного подхода являются ключевыми характеристиками, считаются условием признания психологической науки перспективной и востребованной и привлечения ее к решению сложных научных проблем (Асмолов, 2015). Несмотря на широкое распространение и достаточную ясность содержания термина «междисциплинарность», существуют трудности в его употреблении, в том числе по причине возникновения новых явлений, при исследовании которых выступают различные грани междисциплинарности. Кроме того, в настоящее время употребляются и другие термины (например, мульти- и полидисциплинарность, трансдисциплинарность, мульти- и полипарадигмальность, интегративность и др.), которые вносят неясность в процедуру как теоретико-методологического планирования исследования, так и в интерпретации его результатов. Современная методология науки позволяет использовать разные теоретико-методологические основания, объединять принципы из нескольких наук, формулировать термины на пересечении различных парадигм и подходов (Самойленко и др., 2022). Поэтому можно заключить, что авторы правомерно используют различные приставки к термину «дисциплинарность», но не все эти понятия детально раскрыты в контексте методологии психологии. Рассмотрим приведенные выше термины применительно к психологии.

Соотношение форм междисциплинарности в психологии

В рамках философии науки существует относительно утвердившееся понимание междисциплинарных исследований и их различных форм. Прежде всего междисциплинарность содержит в себе такие *принципы* реализации научных исследований, как открытость дисциплин и методологий друг другу, направленность на создание дисциплинарного единства науки и культуры, гибкость научной рациональности и др. (Порус, 2013). Выделяются следующие последовательно возникающие *формы* междисциплинарности – мультидисциплинарность, собственно междисциплинарность, трансдисциплинарность (Касавин, 2010).

Мультидисциплинарность представляется как одностороннее дополнение одной дисциплины другой, перенос методологии и онтологии одной дисциплины в другую, сохранение дисциплинарных границ и осведомленность о работе в зоне другой науки; *собственно междисциплинарность* рассматривается как взаимодействие и объединение дисциплин, двустороннее дополнение друг друга, «растворение» дисциплинарных границ, в результате чего возникают новые изучаемые явления, методы, подходы; *трансдисциплинарность* понимается как создание универсальных и интегральных представлений, теории и методологии, которые могут быть абстрагированы от дисциплинарных границ, выполнять функцию метаподхода и использоваться в любых других научных областях (Касавин, 2010; Piaget, 1972).

Понимание этих форм междисциплинарности современными методологами в области психологии имеет свою специфику и иерархию (последовательность форм). Так, собственно междисциплинарность раскрывается авторами как объединение небольшого количества дисциплин (в том числе психологических отраслей) с доминированием одной из них (Гусельцева, 2015г; Мазиллов, 2013а); психология использует теории, методы, методики из других наук для того, чтобы изучать собственные предметы и предметы других дисциплин. Мультидисциплинарность рассматривается исследователями как объединение множества дисциплин при решении сложных научных проблем, в ходе которого привлекаются специалисты из самых разных областей знания (Александров, Кирдина, 2012; Гусельцева, 2015г). Здесь психология уже на равных сотрудничает с другими науками в решении проблем, например, нейронаук, искусственного интеллекта, виртуального бытия человека и др., при этом сохраняя свою идентичность. Разработка психологии на основе трансдисциплинарности описывается специалистами в виде открытия границ для пересечения и смешения с другими дисциплинами в целях решения сложных проблем неопределенного, изменяющегося и системного характера (Асмолов, 2015; Гусельцева, 2018б). Независимый статус и проблематика психологии размываются, ее концептуальный аппарат и методология становятся частью новой *трансдисциплинарной эпистемологии* (в качестве примера могут быть названы общая теория систем, культурно-историческая методология, коммуникативная парадигма, биоэтика и др.).

Кроме этих традиционно выделяемых форм междисциплинарности, исследователи отмечают и другие или же предлагают иные термины, которые часто встречаются в работах и имплицитно подразумевают различные варианты

междисциплинарного подхода. Прежде всего это *комплексные* психологические исследования (Мазиллов, 2013а), которые объединяют преимущественно психологические отрасли. Другим термином является *интеграция* или интегративность (Панферов, Микляева, 2019; Слепко, 2021а), а также более высокого уровня формы интеграции – *метapsихология* (Гарбер, 2020; Яценко, 2016). Отметим еще позицию, при которой в целом отсутствует строгость в употреблении терминов, поэтому любое дисциплинарное взаимодействие обозначается *кросс-дисциплинарностью* (Фёдорова, 2014). Как представляется, приведенные три примера (комплексности, интегративности, кросс-дисциплинарности) относятся к собственно междисциплинарности (следуя определениям, данным выше с позиции философии науки).

Второй группой специфических терминов являются мульти- и полипарадигмальность, межпарадигмальность и другие формы взаимодействия парадигм (например, их сетевая организация), которые подразумевают объединение нескольких парадигм (не только сугубо психологических) для *многостороннего* исследования психических явлений (Велихов и др., 2018; Корнилова, 2018б; Удачина и др., 2022; Янчук, 2015). Этот методологический вектор отсылает к мультидисциплинарности.

Наконец трансдисциплинарные свойства приписываются обобщенным подходам – системному, холистическому, синергетическому, системно-субъектному, системно-эволюционному и др. (Александров, 2021; Александров, Кирдина, 2012; Асмолов, 2015; Журавлев, Харламенкова, 2019; Олешкевич, 2011; Савченко, 2007; Сергиенко, 2021), а также субъектно-центричным – субъектно-аналитическому и экзистенциальному (Гусельцева, 2018б; Знаков, 2015; Леонтьев, 2016). В них центром системы исследований выступает явление или процесс – субъект, развитие, поведение и др., а изучение является многомерным, многоуровневым, переходящим или преодолевающим границы различных дисциплин (психологии, нейронауки, информационных наук и др.).

В результате анализа современного состояния методологии психологии отметим, что, во-первых, проблемы междисциплинарности являются важным направлением теоретико-методологических дискуссий, во-вторых, наблюдаются различия в трактовке понятий, что приводит к терминологическим разночтениям. Учитывая рассогласования в выше представленных позициях современных специалистов в области методологии психологии относительно различных форм междисциплинарности, опишем характеристики мультидисциплинарности, собственно междисциплинарности и трансдисциплинарности в психологии, согласно философско-научному пониманию их содержания.

Мультидисциплинарные психологические исследования характеризуются вхождением психологии в проблематику других наук при сохранении дисциплинарной идентичности (например, инженерная психология использует категориально-понятийный аппарат, теории и процедуры как самой психологии, так и технических (инженерных) наук, в частности эргономики; историческая психология объединяет методологию истории и психологии). С одной стороны, это может пониматься как неполное взаимодействие и объединение, но с другой – позволяет оставаться относительно самостоятельными двум векторам исследо-

ваний новой мультидисциплинарной области – «технической» («инженерной») инженерной психологии («исторической» исторической психологии, или психоистории) и «психологической» инженерной психологии («психологической» исторической психологии). Последнее обеспечивает дополнительное разнообразие подходов и интерпретаций, что является одной из ключевых черт принципа междисциплинарности в целом.

Собственно междисциплинарные психологические исследования предполагают объединение с другими науками вокруг определенного объекта изучения при последующем возникновении новых феноменов, концепций и методов. Так, изучение мозга и нервной системы в рамках нейронаук предполагает объединение психологии, физиологии, медицины, физики, химии и др. Другим примером может быть этнология (объект – этносы), в рамках которой присутствует этнопсихология. Психологические исследования не занимают все предметное поле, рассматривают специфические для психологии аспекты, вкладываясь в общее понимание крупных объектов. В целом организация науки через объект или предмет исследования является перспективной тенденцией современного научного знания, поэтому включение психологии в полный спектр междисциплинарных исследований создает предпосылки для развития ее теории и методологии.

Психологические исследования *трансдисциплинарного* характера достаточно малочисленны в силу того, что лишь небольшое количество психологических теорий и концепций достигли уровня общей философии науки. Вероятно, к такому можно отнести психоанализ (со всеми оговорками, что психоанализ изначально непсихологическое знание, но при этом в центре этой парадигмы стоит психическое содержание – бессознательное, социальные и личностные комплексы и др.). Например, известны случаи применения психоанализа не только к философии и гуманитарным дисциплинам, но и к естественно-научным объектам (психоанализ огня, воды, воздуха и др. – Башляр, 1993). Другим примером зарубежного трансдисциплинарного подхода является когнитивная наука, которая активно используется в различных социогуманитарных исследованиях (Клочко, 2012; Князева, 2015б). Из российских примеров можно обратиться к теории функциональных систем П. К. Анохина, которая вводит психические процессы сначала в системы физиологические, затем информационные (Анохин, 1984; Судаков, 2011). Кроме того, трансдисциплинарным подходом можно обозначить психосемантику сознания, развиваемую В. Ф. Петренко и А. П. Супруном (Петренко, Супрун, 2014). Не все эти подходы работают с материальными объектами и процессами, в основном со структурами сознания (психоанализ, психосемантика), тем не менее они переводят психическое на уровень философии познания, благодаря чему решаются сложные, интегральные проблемы.

Предложенная трактовка основных междисциплинарных форм психологических исследований позволяет уточнять статус междисциплинарности в конкретных работах, а также вносит вклад в процедуру оценки психологических теорий и концепций на предмет вхождения в трансдисциплинарную категорию общеполитических подходов. Проведенная интерпретация различного понимания междисциплинарности детализирует и упорядочивает методологическую экспертизу различных концептуальных проектов в психологии.

Обратимся еще к одному аспекту междисциплинарности (здесь и далее этот термин будет использоваться как обобщающий для всех перечисленных форм), отмеченному нами выше, — *организации междисциплинарных исследований* вокруг определенного объекта или предмета. В последние годы часто ставится вопрос о проведении психологических исследований в связи с непосредственной проблемой изучения: авторы выделяют конкретный объект и «примеряют» к нему междисциплинарные возможности психологии. Так, обращаются к проблемам идентичности, психологической безопасности, жизнеспособности, информационного пространства, гендера, менталитета, глобализации, коллективной памяти, профессионализма и др. (Батенова, 2015; Воронова, Мазиллов, 2015; Гостев, 2020; Емельянова, 2018; Ермолаева, 2016; Журавлев, Ковалева, 2018; Журавлев, Тарабрина, 2012; Махнач, 2012; Тхостов, Рассказова, 2012). Таким образом, может быть обозначена перспектива выделения не только междисциплинарных психологических отраслей, но и междисциплинарных проблем как области теории и методологии психологии, вследствие чего будет вырабатываться словарь междисциплинарных психологических понятий (Позднева, 2009).

Было показано, что междисциплинарными чертами в настоящее время обладает большое количество как отдельных исследований и теорий, так и целых отраслей психологии. Такая теоретико-методологическая ситуация сложилась на современном этапе развития психологии под влиянием различных факторов и выражается в нескольких уровнях междисциплинарности, о которых будет сказано ниже.

Некоторые факторы развития междисциплинарных исследований в психологии

Психологические исследования последнего времени убедительно показали, что общественные запросы на научно-психологические разработки, вызванные объективными потребностями, всегда были комплексными и фактически обращенными к целому ряду научных дисциплин (Журавлев и др., 2013). В качестве очевидных примеров можно привести следующие темы таких запросов:

- формирование индивидуального и группового сознания в кризисном обществе;
- массовая адаптация людей к радикально изменяющимся экономическим и политическим условиям;
- становление новых социальных групп в российском обществе, освоение современной техники и новейших технологий;
- поддержание психического здоровья населения России;
- преодоление экологических, социальных, психологических и других последствий природных катастроф;
- информационно-психологическая безопасность российского общества;
- противостояние террористической угрозе и преодоление последствий террористических актов и т. д.

Практикующие исследователи убедились в том, что невозможно эффективно решать стоящие перед ними задачи, не привлекая либо знания, накопленные в других науках, либо представителей соответствующих научных дисциплин для совместных исследований. По нашему мнению, именно взаимодействие психологической науки и общественной практики в последние десятилетия привело психологов к осознанию острой необходимости междисциплинарных исследований. Общественная потребность решать возникающие практические задачи фактически «подталкивает» психологов к организации таких исследований.

Но важен далеко не только *практический фактор*. Следует учитывать, что внутреннее развитие самой психологической науки уже обеспечило такое состояние и уровень знания, при которых психологи сами могут предлагать представителям смежных наук апробированные принципы и способы решения актуальных комплексных проблем в целом или их отдельных аспектов, стимулируя тем самым междисциплинарные исследования. Это *внутренний фактор* междисциплинарности в психологии. Потребность обращения к другим наукам является результатом внутренних закономерностей развития психологии и тем самым характеризует ее современный этап и состояние.

Аналогичная картина сложилась и во многих других науках: в медицине, педагогике, экономике, социологии, политологии и т. д. (Позднева, 2009). Представители этих дисциплин хорошо осознают, что вариант самостоятельного (в смысле автономного) и самодостаточного развития науки имеет явные ограничения. Именно в перечисленных и ряде других научных дисциплин возникла острая потребность в психологических знаниях, крайне необходимых для понимания и решения многих типичных для них проблем. Этот фактор, по сути, может быть назван *внешним*.

В контексте рассмотрения обозначенного выше вопроса следует сказать о главном: сама проблема психического изначально является междисциплинарной. В ее исследовании у психологической науки нет и не может быть монополии: феномен психики по своей объективной природе предполагает междисциплинарность его изучения. Среди важнейших наук, изучающих психику и поведение, сегодня должны быть названы генетика, нейрофизиология, этология, философия, социальные науки, психиатрия и мн. др. Такое положение во многом определило стремление психологов к организации междисциплинарных исследований и к привлечению для участия в них представителей других специальностей. Реализация принципа междисциплинарности нередко, причем иногда даже незаметно для самих исследователей, постепенно становилась одним из критериев оценки уровней *фундаментальности, масштабности и современности* того или иного исследования, причем независимо от отрасли науки.

Основные уровни междисциплинарных исследований в психологии

Кроме форм междисциплинарности, описанных выше, можно ввести уровневую реализацию междисциплинарности. В психологической науке междисциплинарность реализуется в исследованиях нескольких, как минимум, трех уровней. Первый – *внутрипсихологический* – подразумевает исследования тех

проблем, которые возникают на границах различных психологических направлений и отраслей. Учитывая, что только отраслей психологии в настоящее время насчитывается свыше сотни, можно с уверенностью утверждать: междисциплинарные исследования внутриспсихологического уровня в настоящее время уже стали нормой. Более того, именно они во многом определяют современное развитие психологической науки, порождая многочисленные промежуточные подотрасли, фактически ставшие зонами наиболее интенсивной разработки и накопления новых психологических знаний.

Внутриспсихологический уровень, в свою очередь, может быть разделен на *два подуровня*. Во-первых, это отраслевой, точнее, *внутриотраслевой* уровень, к которому можно отнести исследования на границах разных научных разделов, направлений, проблем или тем, но внутри конкретной отрасли психологии. Этот подуровень стал сегодня общепринятым, авторы даже не всегда его рефлексируют. Например, среди историко-психологических исследований выделяются в качестве самостоятельных социально-исторические (интеллектуально-исторические) (Артемьева, 2012), логико-научные (проблемологические) (Олейник, 2018) и личностные (персонологические, биографические) (Логонова, 2022) векторы, которые традиционно считаются основными факторами в становлении психологического знания или подходами в его изучении (Кольцова, 2008). Такие «чистые» исследования проводятся сегодня изредка, чаще всего в рамках одной работы автор рассматривает два или даже все три аспекта разработки определенной психологической проблемы или научно-исследовательской деятельности персоналии и организации. Данная ситуация обуславливается еще и изначальным междисциплинарным статусом самой истории психологии, которая находится на пересечении исторических исследований, истории науки, собственно психологии (Алексеевко, 2019). Кроме того, к внутриотраслевой междисциплинарности можно отнести объединение методов историко-психологического исследования внутри одной работы – источниковедческого, архивного, проблемологического, сравнительно-сопоставительного, биографического и др., которые работают с разными материалами и обуславливают характер анализа и интерпретации, но вместе позволяют осуществлять комплексное и системное изучение проблемы. Таким образом, многие отрасли психологии уже обладают междисциплинарными чертами, которые отражаются и на внутридисциплинарных исследованиях в виде сочетания сходных в данной отрасли подходов, методов и проблем.

Во-вторых, это *межотраслевой* уровень исследований, сформировавшийся на границах самых разных отраслей психологии. Если для примера проанализировать реально существующие «пограничные зоны» исследований в рамках лишь одной психологической отрасли – социальной психологии – с другими, также психологическими отраслями, то можно уже сегодня выделить более десятка сложившихся подотраслей: социопсихолингвистика, социально-политическая, социально-экономическая, социально-экологическая психология (психология окружающей среды), социально-педагогическая психология, социальная психология спорта, социальная возрастная психология, организационная социальная психология и т. д. (Кокоулина и др., 2019; Миронова, 2014; Почебут, Чикер,

2019; Степанова, Толстых, 2016; Храян, Есяян, 2018; и др.). По обозначенному выше критерию междисциплинарных проблем встречается социальная психология времени, социальная психология труда и управления, социальная психология личности, социальная психология искусства, социальная психология знания, социальная психология научной деятельности и др. (Журавлев и др., 2016; Журавлев, Купрейченко, 2010; Хренов, 2020; Юревич, 2013). Такая же тенденция характеризует современное развитие практически каждой традиционной отрасли психологии.

Предложенная *дифференциация* внутриспсихологического уровня междисциплинарных исследований на внутри- и межотраслевую междисциплинарность позволяет поставить, с одной стороны, относительно частный вопрос о правомерности выделения отраслевого подуровня внутриспсихологической междисциплинарности, а с другой — более общий и актуальный вопрос о *критерии (или основании) квалификации* тех или иных исследований как междисциплинарных. Обязательным ли их условием является наличие разных научных дисциплин, отраслей, на пересекающихся границах которых выполняются исследования, или они могут пониматься более широко как синтезирование, интеграция разных подходов, научных направлений, проблем и т. д., в том числе в рамках одной и той же отрасли психологии? Пока этот вопрос остается в числе дискуссионных.

Явным свидетельством распространенности междисциплинарных исследований внутриспсихологического уровня являются также часто возникающие перед учеными советами трудности, связанные с отнесением диссертационных работ к одной из психологических специальностей, утвержденных ВАК РФ. И хотя сам перечень специальностей регулярно пересматривается с позиции учета современного состояния науки, трудности не снижаются и тем более не исчезают. Принципиальная сложность состоит в том, что идеи многих исследований рождаются именно на границах разных специальностей.

В настоящее время большой интерес вызывает вопрос о *перспективах развития* междисциплинарных исследований внутриспсихологического уровня, причем не только очевидных, закономерно ожидаемых, явно пересекающихся психологических проблем, научных направлений, дисциплин или отраслей, но и не столь очевидных или совсем неожиданных.

Первое, что стоит отметить, — это постепенное формирование *социальной психофизики* и развитие соответствующих исследований — этот процесс является неизбежным, так как естественная среда, психофизика восприятия которой в последние десятилетия активно изучается в ИП РАН, включает в себя важнейшие социальные компоненты. Поэтому после того, как сделан шаг в развитии психофизики восприятия естественной среды, закономерным становится интеграция психофизических, социально-психологических и экономико-психологических исследований (Ильсов, 2012; Носуленко, 2007). Социальная психофизика уже сегодня фактически включает в себя кросс-культурные психофизические исследования и имеет серьезные перспективы развития наряду с классической и субъектной психофизикой.

Второе, что заслуживает серьезного внимания психологов, — это активное формирование смежных дисциплин на границах современной психофизиоло-

гии с другими психологическими и непсихологическими отраслями, особенно в связи с использованием методов картирования активности мозга и переходом к психофизиологическому анализу поведения, в том числе групповых его форм в естественной среде. Так, интеграция нейронаук и психофизиологии, с одной стороны, и социальной и когнитивной психологии, с другой, способствует формированию *социальной психофизиологии* в узком значении, а в более широком – социально-когнитивной нейронауки (Александров, Александрова, 2009; Рычкова, 2010). Интеграция психофизиологии и экономической психологии в исследовании психофизиологических основ экономического поведения позволяет подойти к формированию *социально-экономической психофизиологии* как научного направления и т. д. (Ключарев и др., 2011).

Сегодня никого из специалистов уже не удивляют и тем более не шокируют перечисленные и многие другие междисциплинарные формы интеграции теоретических подходов, методов исследования, научных дисциплин и отраслей науки.

Говоря о втором – *внешнепсихологическом* – уровне междисциплинарности, подразумевают исследования, пограничные с другими науками: медициной, физиологией, техническими науками, лингвистикой, историей, экономикой, социологией, наукой управления, политологией, этнологией и т. д. Здесь перечислены лишь те науки, с представителями которых сотрудники Института психологии РАН ведут совместные междисциплинарные исследования в таких отраслях психологии, как инженерная психология и психолингвистика, организационная психология и психология управления, социальная, историческая, политическая, экономическая и этническая психология, психофизиология, психоонкология, или психосоциальная, поведенческая онкология и др., сформировавшихся именно на соответствующих границах с вышеперечисленными науками (Актуальные проблемы..., 2021; Историческая психология..., 2020; Психологические исследования глобальных процессов..., 2018; Тарабрина и др., 2010; и др.).

В этой связи возникает закономерный вопрос о том, в каких же направлениях целесообразно развивать в дальнейшем междисциплинарные исследования внешнепсихологического уровня? Ответ вытекает из наличия относительных «белых пятен» на границах психологии с другими социогуманитарными науками, прежде всего с этикой, культурологией и регионалистикой (или регионоведением). Научный статус психологии нравственности (Журавлев, Юревич, 2010) и *психологии культуры* (Баянова, 2012; Шаров, 2013) по-прежнему остается сложным, требующим глубокого и специального анализа, поэтому данный вопрос целесообразно рассмотреть в другом научном контексте.

Сейчас же очень важно сказать об острой необходимости развивать так называемую *региональную психологию*. И если современная этническая психология как-то развивается, хотя и явно недостаточными темпами, то психологические исследования, учитывающие региональный фактор как основной, по-прежнему остаются редкими (Воловикова, Мустафина, 2016; Шестопал и др., 2019). Причем такое состояние региональной психологии имеет место на фоне чрезвычайно интенсивного развития регионоведения и регионалистики – междисциплинар-

ных научно-практических направлений, в разработку которых сегодня включены историки, экономисты, филологи, социологи, политологи и специалисты других социогуманитарных наук, но явно в недостаточной степени — психологи.

В связи с развитием междисциплинарных исследований внешнепсихологического уровня необходимо отметить и постепенно растущую востребованность психологического знания представителями многих смежных наук, особенно при разработке комплексных проблем человека и отдельных социальных групп, а в последние годы — и общества в целом. Именно для обозначения этой тенденции целесообразно использовать понятие «*междисциплинарная релевантность*» психологической науки и говорить о возрастании этой релевантности, что в целом нужно оценить позитивно, хотя и здесь возникают непростые вопросы, требующие дальнейшего специального обсуждения.

Необходимо обратить внимание и на третий уровень междисциплинарности, имеющий некоторую специфику, характерную именно для психологии: она не только успешно функционирует на границах с другими науками, но и отдельные ее отрасли полностью «внедрились» в ряд наук, реально став их структурными составляющими и специальностями (в этом принципиальное отличие психологии). Имеются в виду следующие отрасли психологической науки: «Психофизиология» как биологическая специальность; «Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика» как техническая специальность; «Медицинская психология» как медицинская специальность. Три отрасли — это, несомненно, уже закономерность, которая утвердилась в качестве таковой за последние десятилетия. Кроме того, в составе новой группы специальностей «Когнитивные науки» выделяются междисциплинарные направления, в разработку которых включены сразу нескольких наук, в том числе и психология: «Междисциплинарные исследования когнитивных процессов» как философская и психологическая специальность; «Междисциплинарные исследования мозга» как психологическая, биологическая и медицинская специальность; «Междисциплинарные исследования языка» как философская, филологическая и психологическая специальность. Перспектива междисциплинарного развития психологии состоит в том, что выделенные тенденции будут укрепляться и нарастать.

В настоящее время подобная картина начинает складываться и в экономической психологии, основные направления и проблемы которой интенсивно развиваются в структуре не только психологической, но и экономической науки под специфическим названием «Поведенческая экономика». Об этом свидетельствуют читаемые психологами или экономистами спецкурсы по экономической психологии (или поведенческой экономике) на экономических факультетах, подготовленные экономистами содержательные учебные пособия по экономической психологии, регулярно вызывающие интерес как у психологов, так и у экономистов научно-практические конференции на базе учреждений экономического профиля (например, Финансового университета при Правительстве РФ, Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и др.), а главное — выполняемые экономистами научно-исследовательские работы и публикуемые ими научные труды по поведенческой экономике и экономи-

ческой психологии (Максимцев и др., 2014; Шаститко, 2017). Кроме того, стоит отметить экономические исследования с опорой на психофизиологию, которые образуют область нейроэкономики (Белинская, 2020; Ключарев и др., 2011).

Если же говорить об экономической науке на Западе, то в ее структуре сформировалась и достаточно успешно функционирует так называемая «бихевиоральная экономика» (Thaler, 2016), представляющая собой гуманитарно, прежде всего психологически ориентированную отрасль экономической науки, тесно интегрированную (формально и содержательно) с экономической психологией как структурной составляющей психологической науки.

Обозначенная тенденция развития психологической науки требует дополнительных комментариев. Во-первых, развитие различных отраслей психологии в качестве специальностей в рамках других наук следует рассматривать как специфическую форму интеграции психологии с другими соответствующими науками, которая неизбежно приводит их к взаимному обогащению новыми знаниями, т. е. фактически необходимо выделить третий, характерный для психологии уровень реализации принципа междисциплинарности в исследованиях. В соответствии с логикой обозначения предыдущих двух уровней его можно было бы условно назвать «внепсихологическим».

Во-вторых, опыт становления четырех названных выше отраслей психологии показал, что психологи не только не возражали и не противодействовали этой тенденции, но, наоборот, проявляли большую заинтересованность и реально способствовали процессам, наметившимся еще в конце 1970—начале 1980-х годов. Хорошо известно, что руководители и сотрудники Института психологии АН СССР — Б. Ф. Ломов, К. К. Платонов, В. Ф. Рубахин, Е. В. Шорохова и др. — принимали непосредственное участие в формировании инженерной, социальной и клинической психологии в структурах соответственно технических, социальных и медицинских наук (Белопольский и др., 2020). Сегодня, когда при принятии решений по любым вопросам, связанным с организацией и развитием науки, приходится учитывать финансовые расчеты, такую форму «дополнительного», «внепсихологического» становления и функционирования разных отраслей психологии можно квалифицировать как чрезвычайно экономичный вариант их развития с высоким для психологии КПД.

В-третьих, возможен в принципе аналогичный, хотя по сути обратный процесс, когда конкретная и актуальная отрасль (или специальность) другой науки могла бы развиваться в психологии и стать ее структурной составляющей. Если говорить не о будущем, а о сегодняшнем состоянии, то такой вариант «двойного» функционирования мог бы реализоваться, например, в случае *психотерапии* (Носачев, 2016), возникшей и развивающейся в недрах медицинской науки. Однако о сложностях и даже острых дискуссиях вокруг правомочности занятий психологов психотерапевтической практикой хорошо известно. Противодействие в этом вопросе со стороны специалистов медицинского профиля столь велико, что он практически не решается. Хотя справедливости ради нужно сказать, что сами психологи не пытаются принципиально пересмотреть программы своей профессиональной подготовки с учетом медицинского профиля. При таком положении дел совершенно естественно, что психологами разрабатываются

и применяются на практике психологические (а не психотерапевтические, т. е. лечебные) воздействия, помощь, коррекция, консультирование и т. п.

Близким к психотерапии перспективным междисциплинарным прикладным направлением становится *психологическая реабилитация и коррекция в медицине*, это направление опирается на биопсихосоциальный подход (Холмогорова, Рычкова, 2017). В различных сферах медицинской практики (стоматологии, онкологии, педиатрии и др.) учитываются психологические факторы в этиологии и патогенезе функциональных нарушений, а также разрабатываются реабилитационные и коррекционные подходы с опорой на психологические концепции и методы и с учетом психических состояний и свойств пациентов (Илюхина и др., 2014; Рубникович, Грищенко, 2018; Строгова и др., 2014).

В настоящее время в качестве специальности, имеющей «двойной статус», могла бы развиваться и другая медицинская область знания – *психосоматика* (Бобров, 2017). С одной стороны, она является специфической областью психопатологии, поэтому совершенно естественно развивается как отрасль медицинской науки и практики, а с другой – изучает многообразные психосоматические явления, характерные для нормы, чем всегда продуктивно занимались психологи. В будущем положение, скорее всего, изменится, реальностью станет «симметричное» развитие в психологической науке некоторых отраслей других, близких ей дисциплин, и не только медицинских.

Кроме междисциплинарности по отраслевому признаку, можно говорить об участии психологов в решении сложных проблем, находящихся на пересечении нескольких дисциплин. Одним из наиболее крупных таких объединений являются *нейронауки*, изучающие активность мозга. Остро обсуждается дисциплинарный статус нейронаук, в частности рассматриваются разные структурные ее модели, связи с прикладными сферами, разрабатываются проблемы соотношения психологии и нейронаук, а также возможная посредническая роль психологии между нейронаучными представлениями и различными сферами практики и др. (Костромина и др., 2015; Сушин, 2019; Шибкова, Байгужин, 2020).

Другой крупной междисциплинарной проблемой можно назвать *искусственный интеллект*. Если в нейронауках преобладает психофизиология, то в изучении искусственного интеллекта в настоящее время доминируют информационные науки. Психология в этом взаимодействии может предлагать концепции естественного интеллекта и объяснительные модели функционирования различных психических процессов в решении задач для их переноса на технологии обработки естественного языка, машинного обучения и др. (Вислова, 2019; Войскунский, 2018; Ушаков, Валуева, 2022).

Важной сферой жизнедеятельности современного человека стал Интернет, поэтому к вопросам *поведения человека в Интернете*, особенностям интернет-коммуникаций, в целом его «виртуального бытия» с особым вниманием относятся и психологи. Прежде всего методология психологических исследований распространяется на *виртуальные, цифровые, сетевые явления*, но, кроме того, обнаруживаются и новые междисциплинарные проблемы: проектирования социальных сетей, построения человеком с их помощью собственной Я-концепции

(в том числе множественной), конструирования нового, порой более привлекательного и значимого, чем реальный, виртуального мира через потребление информации, участие в сетевых сообществах, увлечение видеоиграми, создание творческих продуктов и др. (Афанасьева, 2010; Батенова, 2015; Войскунский, 2013; Воронин и др., 2019; Журавлев, Нестик, 2016; Кыштымова, 2019; Ледовая и др., 2017; Моторина, Черняева, 2020; Психологические исследования в интернет-пространстве..., 2020).

Выделяя три основных уровня реализации принципа междисциплинарности в психологической науке, необходимо осознавать возможность более тонкой дифференциации и, соответственно, выделения значительно большего их числа, что частично было реализовано выше.

Исторический опыт междисциплинарных исследований в психологии

Хорошо известно: чтобы выбрать и обосновать перспективные пути развития психологической науки, полезно обратиться к ее истории. Поэтому адекватно относиться, в частности, к междисциплинарным исследованиям в психологии — означает всесторонне учитывать накопленный исторический опыт. Несомненно, история отечественной психологии чрезвычайно богата традициями междисциплинарных исследований, заслуживающими отдельного анализа (Головей и др., 2017; Усольцева, 2015). Приведем несколько, по нашему мнению, наиболее ярких примеров успешного продвижения психологической науки, основанного на организации именно междисциплинарных исследований.

Первым, без сомнения, должен быть назван В. М. Бехтерев, психиатр и психоневролог, невропатолог и, конечно же, психолог, успешно занимавшийся общей и экспериментальной, клинической и социальной психологией, психологией личности и психофизиологией и др. Междисциплинарность изначально выступала неотъемлемой, существенной характеристикой его исследований, однако наиболее ярко она проявилась в первой четверти XX вв. М. Бехтерева можно было бы назвать специалистом по всестороннему изучению человека, при этом имея в виду предельно широкий диапазон его исследований: от анализа физиологических механизмов деятельности мозга до рассмотрения нравственных регуляторов поведения человека (Бехтерев, 1923). В этом контексте уместно вспомнить факт уже современной истории. Именно психологи (наибольший вклад внес Б. Ф. Ломов) смогли обосновать и добиться утверждения медали имени В. М. Бехтерева в Российской академии наук за особо значимые результаты научных исследований человека и, прежде всего, психологических исследований. Первая такая медаль была присуждена выдающемуся психологу, сотруднику Института психологии РАН Я. А. Пономареву за цикл исследований по психологии творчества, однако она оказалась для психологов и последней, так как усилиями авторитетных физиологов, в первую очередь Н. П. Бехтеревой, данная медаль была передана «ведомству» физиологической науки. И одним из обоснований служило то, что В. М. Бехтерев — выдающийся физиолог. Такое решение во многом было административным, так как «разделить» крупного ученого между психологией и физиологией и определить, кем он являлся в большей мере — психоло-

гом или физиологом, невозможно, ибо вся его профессиональная деятельность была, по сути, глубоко междисциплинарной.

В 1920-е годы, на раннем этапе своего научного пути, А. Р. Лурия показал перспективы междисциплинарного взаимодействия психологии и медицины (на примере клиники), предложив своего рода прообраз современного принципа междисциплинарности — «конъюгацию» наук и развитие пограничных областей между разными дисциплинами (Лурия, 1929, с. 34–35). Разработка им нейропсихологии (и других отраслей психологии), изучение структуры и функционирования головного мозга всегда носили междисциплинарный характер, а результаты его исследований применялись в самых различных областях психологии, физиологии, медицины, педагогики и других дисциплин.

Еще один хорошо известный исторический пример — это комплексные исследования человека, выполненные большим научным коллективом под руководством Б. Г. Ананьева в 1960–начале 1970-х годов. Программа его работы, наряду с основной психологической частью, включала даже анализ антропологических и биохимических характеристик человека, не говоря уже о регистрации физиологических и других переменных, традиционной для психологических исследований того времени. Комплексность исследований понималась как объединение, интегрирование данных о человеке, полученных с помощью взаимодополняющих методов из разных отраслей психологии, а также различных научных дисциплин, и установление закономерных взаимосвязей. Его главная работа «Человек как предмет познания» (Ананьев, 1968) не только отражает наиболее полную для своего времени совокупность знаний о человеке, но и содержит завершенную систему научных представлений о нем, основанную на междисциплинарных исследованиях.

Четвертый пример связан с историей создания и становления Института психологии РАН и научной деятельностью его организатора и первого директора (1972–1989), члена-корреспондента АН СССР, профессора Б. Ф. Ломова. Самые первые проекты организации ИП АН СССР, программа научно-исследовательской деятельности и административно-организационная структура данного учреждения разрабатывались им для проведения комплексных, междисциплинарных, многосторонних исследований психических явлений (Белопольский и др., 2020). Именно с этой целью в ИП АН СССР приглашались для работы представители различных наук: философии, математики, физиологии, технических, медицинских, социальных дисциплин и др.; создавались целые научные подразделения, призванные разрабатывать именно пограничные, междисциплинарные проблемы (лаборатории психофизики, психофизиологии, нейрофизиологических основ психики, математической, инженерной, социальной, исторической психологии, психолингвистики и т. д.). Здесь, безусловно, сказалось существенное влияние научных школ В. М. Бехтерева и Б. Г. Ананьева. Первоначально результаты научных исследований ИП АН СССР представляли собой огромную совокупность интересных, но разнородных данных о психике человека, поэтому главная роль *системного подхода* в психологии, обоснованного и разработанного Б. Ф. Ломовым в середине 1970-х годов, заключалась в интеграции разнородного и разноуровневого научного знания о психическом,

причем не только психологического, но и полученного другими науками, изучавшими психику (Ломов, 1975). История научной деятельности ИП АН СССР (а позднее ИП РАН) убедительно показала, что именно комплексный и системный подходы позволили создать и развить современную систему научных представлений о психике человека, построенную на основе ее междисциплинарных исследований.

В 1990-е годы и на рубеже XX–XXI вв. историческая преемственность проявилась в деятельности научного коллектива ИП РАН, руководимого членом-корреспондентом РАН, профессором А. В. Брушлинским. В этот период продолжали устойчиво развиваться междисциплинарные связи психологии с целым рядом социальных и гуманитарных наук: философией, правом, социологией, филологией, этикой, политологией, этнологией, экономической наукой и др. Историческая преемственность, несомненно, обнаружилась в научной деятельности философско-психологической школы С. Л. Рубинштейна, наиболее активно работавшими учениками и последователями которой были Л. И. Анцыферова, В. Г. Асеев, А. В. Брушлинский, Е. А. Будилова, Е. В. Шорохова, а в настоящее время ее ярким представителем является К. А. Абульханова. Субъектный (субъектно-деятельностный) подход (принцип, теория) в психологии, успешно развивавшийся А. В. Брушлинским, а сейчас разрабатываемый К. А. Абульхановой, безусловно, характеризуется комплексностью и системностью и основан на междисциплинарных знаниях о психическом (Абульханова, 2014; Брушлинский, 1994). Кроме того, нами уже упоминался системно-субъектный подход Е. А. Сергиенко, который объединяет научные представления Б. Ф. Ломова и А. В. Брушлинского (Сергиенко, 2021). Развитие субъектного подхода осуществляется на постоянном сопоставлении фактов, полученных в психологических исследованиях, с данными, накопленными в области кибернетики, логики, лингвистики, этики и, конечно же, философии. Учитывая историю развития научных исследований в Институте психологии РАН, следует признать закономерным, что именно его сотрудники выступили организаторами одной из первых научных конференций по обсуждению междисциплинарных исследований в психологической науке («Психология: современные направления междисциплинарных исследований», октябрь 2002 г.) (Психология..., 2003).

Междисциплинарность как характерное качество психологических исследований во многом определяется самим *положением (местом) психологии* в современной системе наук. Примечательным является то, что и сами психологи (например, Б. Г. Ананьев, Ж. Пиаже и др.), и специалисты по методологии науки (Б. М. Кедров) высказывали согласованное мнение: психология занимает *центральное место* в системе научного знания, находясь на пересечении естественных, технических, общественных и гуманитарных наук. Можно утверждать, что сам характер психологии как науки, призванной изучать психику, предрасполагает к организации междисциплинарных исследований психического — в этом состоит *атрибутивная междисциплинарность* психологической науки как неотъемлемой ей принадлежащий, существенный ее признак. Поэтому совершенно не случаен факт систематического пополнения ее профессиональных рядов, особенно в современных интенсивно становящихся отраслях, специалистами из других

наук, как бы к этому ни относиться. Именно в психологии становится возможным выделение этими специалистами соответствующих психологических проблем для исследования, которые, как показывает история психологии, не могли бы столь успешно разрабатываться «чистыми» психологами. Атрибутивной междисциплинарностью исследований психики объясняется тот исторический факт, что в психологии продуктивно работали клиницисты и физиологи, философы и историки, биологи и физики, педагоги и представители многих других наук. Эта же тенденция остается во многом характерной и для современной психологии, несмотря на «изобилие» выпускников психологических факультетов.

Интерес к междисциплинарным, как и к любым другим научным исследованиям, характеризуется выраженной *динамикой*, поэтому его снижение — такой же естественный процесс, как и возрастание. Еще более динамично сменяется приоритет различных наук по организации междисциплинарных исследований. Причин же подобных явлений можно выявить достаточно много, причем в разные исторические периоды развития науки они, как правило, принципиально различаются.

Роль междисциплинарных исследований в понимании природы психики

Многочисленные попытки понять природу психического привели психологов к осознанию необходимости решения как минимум трех фундаментальных проблем: психофизической, психофизиологической и психосоциальной. Это же и основные направления научного анализа психики, составляющие, по Б. Ф. Ломову, систему ее измерений (Ломов, 1984).

Решение *психофизической* проблемы направлено на выяснение специфики отношения психического, носителем которого является конкретный человек, к внешнему, отражаемому им предметному миру, окружающим его материальным объектам. Анализ *психофизиологической* проблемы позволяет понять отношение психического к физиологическому, прежде всего — деятельности нервной системы в целом, мозга, его коры, рассматриваемых классической психологией в качестве «материального субстрата психики». Решение же *психосоциальной* проблемы направлено на изучение отношения психического к общественной жизни конкретного человека и социальных групп во всем ее многообразии, хотя прежде всего изучается включенность человека в общественно-трудовую и иные виды деятельности, в многочисленные группы, его взаимодействие с другими людьми, составляющее в целом образ жизни человека. Здесь уместно отметить, что в последние десятилетия в общей и социальной психологии для обозначения широкого спектра социальных форм активности человека стало всё чаще использоваться понятие «жизнедеятельность».

Три перечисленные выше аспекта в исследовании природы психического хорошо известны психологам, однако их профессиональное осмысление и специальный анализ в истории психологии имеют принципиально разную продолжительность. Если психофизическая и психофизиологическая проблемы являлись для психологии классическими, традиционными и характерными для рассмотрения природы психического еще в доэкспериментальные периоды

ее развития, то психосоциальная проблема фактически была поставлена лишь в первой половине 1930-х годов Л. С. Выготским и С. Л. Рубинштейном, хотя и сформулирована каждым из них в разных терминах. Поэтому в настоящее время сравнительно хорошо отрефлексированы, а в теоретическом плане довольно непротиворечиво выстроены и имеют богатую экспериментальную основу пока лишь две проблемы: психофизическая и психофизиологическая. Психосоциальная же проблема имеет сегодня не просто большую, но, можно сказать, чрезвычайно острую актуальность в исследовании современного человека. Механизмы реализации личности, процессы решения задач субъектом деятельности, многообразные психические процессы и состояния в целом функционируют в разного рода социальных средах и испытывают их реальные влияния. Продвигаться в понимании механизмов взаимодействия психического и социального — это и означает конкретно решать психосоциальную проблему. Скорее всего, именно с ее продуктивным решением может быть связано принципиальное изменение места психологической науки в современном противоречиво изменяющемся обществе и в первую очередь — рост ее востребованности. В решении же этой невероятно сложной проблемы психологам целесообразно научиться учитывать общую направленность развития социального в современном мире, новые формы социальной интеграции и дифференциации разных людей и их общностей, формирование новых социальных процессов, состояний и свойств, а также социально-психологических типов современного человека в целом и т. д.

Однако с уверенностью можно утверждать, что даже решение всех трех классических для психологии проблем не приведет к полному или хотя бы приемлемому для сегодняшнего времени пониманию природы психического. С этой целью наряду с ними крайне важно интенсивно разрабатывать и учитывать результаты исследования целого ряда других проблем, например: психоэволюционной, психоисторической, психогенетической, психоморфологической и т. д., содержание которых далеко не исчерпывается тремя более известными и выделенными выше проблемами. С некоторой вероятностью можно предположить, что в перспективе названные и некоторые другие (например, психохимическая) проблемы станут наиболее актуальными направлениями исследований природы психического. Справедливо будет отметить, что и сами перечисленные проблемы, в свою очередь, чрезвычайно неравномерно разработаны в современной психологии. И если по психоэволюционному, психоисторическому и тем более психогенетическому направлениям имеются достаточно крупные и фундаментальные работы, то психоморфологическая и психохимическая проблематика только начинает разрабатываться.

В контексте рассматриваемого нами вопроса необходимо подчеркнуть следующее: решение перечисленных проблем с целью понимания природы психического предполагает обязательное обращение к тем реалиям, которые исследуются другими науками, в частности, физикой, физиологией, общественными науками, биологией, генетикой, морфологией, химией, соматологией и т. д. Это означает, что для того, чтобы изучать природу психического, психологам необходимо выходить за пределы его непосредственного носителя. По аналогии здесь используется содержание одного из положений С. Л. Рубинштейна о том,

что «психика выходит за пределы внутриорганических отношений» (Рубинштейн, 1940, с. 15). Важно подчеркнуть, что, делая это, психологи неизбежно оказываются в междисциплинарной зоне исследований. Но оправдан ли такой подход в теоретическом плане, не подразумевает ли это некую обреченность психологической науки на междисциплинарные исследования? Такое состояние функционирования и развития психологии предполагается наряду с ее атрибутивной междисциплинарностью.

Чтобы попытаться ответить на возникающие в связи с этим вопросы, обратимся вначале к исследованиям ключевых для психологии феноменов и, соответственно, использованию основных ее понятий. Остановимся на *базовых понятиях*, которые обозначают «предметное поле» исследования. Это *человек, сознание, бессознательное, индивид, личность, субъект* (индивидуальный и коллективный), *индивидуальность, группа* (малая и большая), *сообщество, активность, взаимодействие, жизнедеятельность, поведение, деятельность, общение, образ, отражение, отношение, переживание*. Конечно, данный список можно сократить или, наоборот, дополнить (Разработка понятий..., 2018), однако в этом ряду нет ни одного понятия, которое разрабатывалось бы *только* психологической наукой. Более того, возникает *предположение* (его очень трудно строго проверить), что чем важнее некий феномен или понятие для психологии, тем большее число смежных наук его исследует, разрабатывает и использует. Это справедливо для понятий *человека, сознания, личности, субъекта, активности, деятельности, поведения* и др. Связывая отмеченный выше перечень междисциплинарных проблем, а также указанный здесь список характерных для психологии понятий, можно сделать *вывод* о том, что междисциплинарность прослеживается в изучении как традиционных (сознания, личности, группы, деятельности и др.), так и новых (жизнеспособности, сетевых сообществ, коллективного субъекта, гендера, менталитета, глобализации и др.) психологических проблем, что характеризует психологическую науку как исторически и актуально междисциплинарную.

В связи с этим возникает несколько вариантов использования и развития содержания перечисленных и других понятий: во-первых, обращение психологов к данным других наук с целью сопоставления их со своими результатами; во-вторых, изначальная организация совместных междисциплинарных исследований по согласованным с другими специалистами программам (целям, задачам, методикам и т. д.); в-третьих, освоение методов других наук и включение их в собственные программы исследования (кстати, так нередко используют психологические методы представители наук, близких психологии: педагоги, социологи, политологи, конфликтологи и др.). Каждый из приведенных вариантов имеет свои сильные и слабые стороны. Например, когда методы других наук используются без участия соответствующих специалистов, то, как правило, это или экспресс-варианты, или более простые для освоения методы, чем реально существующие в той или иной науке, или методы, выполняющие лишь вспомогательные функции в исследовании, и т. п. Однако же в любом случае междисциплинарность становится неизбежным фактором для психологов при организации изучения важнейших психологических феноменов.

Психологическая наука фактически востребована всюду или, по меньшей мере, так должно быть при исследовании проявлений психического в любой сфере жизнедеятельности отдельного человека или социальной группы, включая общество и даже человечество в целом. Но нет такой сферы жизнедеятельности людей, в исследовании которой психология была бы полным «монополистом». *Специфика психологии* состоит не в ее избирательности в исследовании некоей сферы, в которой она является единственной востребованной наукой, а в том, что психология необходима в исследовании *всех сфер*, относящихся к человеку и группам; тем самым ее предмет неизбежно «пересекается» или частично «накладывается» на предмет различных естественных, технических, информационных, гуманитарных и общественных наук. Такая ситуация благоприятна для психологии и также располагает к организации междисциплинарных исследований психического.

Привлекательным, конечно, кажется поиск такого психологического феномена и, соответственно, обозначающего его понятия, разработкой которого занималась бы только психологическая наука, но пока подобный феномен не обнаружен и перспективы его выделения неопределенны, скорее всего, это некий нереалистичный прожект. В целом психологи должны быть заинтересованы в междисциплинарных исследованиях, результаты которых наиболее активно продвигают их к более глубокому пониманию психики, а психологическая наука, как и другие дисциплины, от этого только выигрывает. Фактически происходит интегрирование разного видения, разных подходов к рассмотрению одних и тех же достаточно сложных явлений.

Некоторые ограничения и трудности междисциплинарных исследований в психологии

Может создаться впечатление, что психология «обречена» только на междисциплинарные исследования. В этой связи необходимо остановиться как минимум на трех моментах.

Во-первых, неправомерно понимание, что такова единственная и неизбежная форма исследований в психологической науке. Это было бы крайностью, приводящей психологию к полному ее «растворению» в других науках, а процесс продвижения в понимании психики – в тупик. В любой науке, в частности в психологии, безусловно, принципиально возможны и реально существуют самые различные типы исследований. Вместе с междисциплинарными имеют место и собственно психологические исследования. В контексте же данного анализа речь шла о междисциплинарных исследованиях как одной из практикуемых форм изучения психических явлений.

Во-вторых, неизбежны и издержки, т. е. негативные для психологии следствия междисциплинарных исследований (Александров, 2021; Мазилов, 2020а). Здесь мы назовем некоторые из них, не раскрывая подробно их содержания, например: опасность разной степени редукции собственно психических явлений к тем, которые изучаются другими науками, что легко может привести к элиминированию психологии в изучении этих явлений; вмешательство в де-

ла психологической науки со стороны представителей других наук как источника «более старшего», «более важного», «более научного», «более правильно понимающего», «более опытного» и т. п. знания (исторические примеры такого вмешательства со стороны исторического материализма, научной организации труда, физиологии высшей нервной деятельности, медицинской, педагогической науки и т. п. психологам хорошо известны, и о них важно помнить); в условиях необходимого приспособления, неизбежной «притирки» методов разных наук утрачиваются некоторые тонкости психологического исследования, значимость которых остается понятной только психологам.

В-третьих, нельзя не сказать о больших сложностях и трудностях, типичных для междисциплинарных исследований, избежать которые практически невозможно из-за их исходной природы. Так, например: междисциплинарные исследования всегда дают плюралистичное (множественное) знание, однако степень этой плюралистичности может быть чрезвычайно высокой, что вызывает сложности в интеграции полученного знания; междисциплинарные исследования нередко характеризуются низкой совместимостью используемых языков разных наук, а повышение уровня взаимного понимания представителей этих наук требует либо явного упрощения языков, либо занимает много времени; программы междисциплинарных исследований включают разные методы, но нередко различного уровня разработанности, что объективно зависит от состояния конкретной науки, при этом одни методы по различным причинам могут становиться главными в программе, а другие — вспомогательными и т. п.; всё это приводит к получению результатов разной степени точности и надежности.

Заключение

Рассмотренные аспекты междисциплинарности в психологии представляют последнюю как современную дисциплину, встроенную в систему наук, в том числе и философских, которые занимаются разработкой самого широкого спектра фундаментальных и прикладных проблем. Участие в междисциплинарном взаимодействии оказывает значимое влияние на психологию, изменяет ее теоретико-методологический аппарат, обогащает методы и процедуры исследования, расширяет предметное поле. Вместе с этим позитивный вклад вносит и сама психология: нами уже было указано несколько трансдисциплинарных подходов, которые имели свои источники в психологии, но, кроме этого, традиционный взгляд в конкретной науке дополняется психологическими аспектами (например, в нейронауках, при исследовании искусственного интеллекта, Интернета, виртуальности, в рамках разработки прикладных подходов реабилитации и коррекции и др.).

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что в настоящее время в психологии междисциплинарный подход применяется на теоретическом и практическом уровнях: теоретически психологические исследования реализуются в философско-научном междисциплинарном дискурсе (в виде мультидисциплинарных, междисциплинарных и трансдисциплинарных работ, на внутри-, внешне- и внепсихологическом уровнях, а также через выделение междисципли-

Глава 10

линарных проблем и понятий), практически – в программах при решении актуальных вопросов в педагогической, медицинской, экономической, правовой, управленческой и других сферах жизнедеятельности человека.

Имея в виду все отмеченные, позитивные и негативные моменты, нельзя забывать о специфике междисциплинарности в психологии как атрибутивном качестве данной науки. Наряду с эффективным продвижением в понимании своего предмета, следствием атрибутивной междисциплинарности психологии является также возможность интегрировать через общий интерес к психике и, соответственно, через ее многоуровневые исследования представителей самых разных наук. Таким образом, в какой-то степени завоевывается авторитет среди них, необходимый психологии в период трансформации академической науки, а следовательно, и всей отечественной науки в целом. История психологии богата яркими примерами подобной интеграции, современные психологи имеют возможность продолжить эту традицию, высокозначимую для всех областей научного знания.

Результатом специальных организационно-управленческих воздействий в форме реализации принципа междисциплинарности в организации исследований многообразных психологических явлений может стать порождение новых научных проблем в современной психологии.

Глава 11

Сущность и содержание метасистемного подхода

I

В наиболее общем плане становление метасистемного подхода обусловлено теми существенными трудностями, к которым приводит реализации традиционных вариантов общенаучного принципа системности. Действительно, с одной стороны, в различные направления и проблемы психологи деятельности уже достаточно давно и прочно вошла трактовка многих базовых предметов исследования в качестве специфически системных образований в явном и развернутом виде, в их наиболее типичном и максимально репрезентативном проявлении. В частности, отношение к фундаментальному предмету психологического исследования — *деятельности*, во многом определяющему содержание многих иных предметов, именно «как к системе» стало своего рода общим местом, если не одной из аксиом психологии. Однако, с другой стороны, эта же общая трактовка приводит к очень существенным и зачастую принципиальным трудностям. Причем эти трудности носят достаточно общий характер и проявляются не только по отношению к проблеме деятельности, но и ко многим иным фундаментальным психологическим проблемам. В еще более явном виде это относится к другому и также фундаментальному предмету психологического изучения — *сознанию*, системность организации которого является, как известно, его базовым атрибутом и даже своего рода критерием (Выготский, 1956). Особо следует подчеркнуть, что все эти трудности связаны не только, а зачастую и не столько с недостатками — так сказать, с ошибками *применения* системного подхода, сколько с собственными ограничениями *самого* системного подхода (точнее, его традиционных и ставших «классическими и каноническими» вариантов). В свою очередь, эти причины обусловлены тем, что системный подход в его современном виде не является чем-то полностью сформировавшимся и окончательно определенным. Напротив, значительно более конструктивным является его трактовка в качестве *развивающегося*. В силу этого многие недостатки, проявившиеся в ходе его реализации, должны быть поняты не как порожденные его атрибутивными ограничениями, а как обусловленные недостаточным уровнем его развития.

В качестве базовых гносеологических ограничений системных исследований, в первую очередь, необходимо отметить следующие трудности (Барабанщиков, 2003; Голиков, Костин, 1995; Карпов, 2004; Ломов, 1984).

- Внутреннюю противоречивость базовых принципов системной организации, в частности, иерархичности и гетерархичности. В самом деле, существует острое противоречие, даже антагонизм между этими двумя «несовместимыми» (по крайней мере с точки зрения формальной логики) принципами. Традиционные варианты системного подхода оставляют необъясненным и непонятным то, как конкретно два *взаимоисключающих* даже с логической точки зрения принципа могут быть объединены и «примирены» в рамках одной и той же системы? Как они вообще могут «уживаться» друг с другом? Как одна и та же система предполагает в своей организации существование (и, более того, достаточно эффективное *сосуществование*) таких организационных средств, которые фактически взаимоотрицают друг друга?
- Неадекватность распространения понятия системы на все существующие объекты сложной природы, в том числе и на объекты с дезинтегрирующими и иррациональными типами связей и взаимодействий.
- Недостаточный учет влияния на существование систем межсистемных взаимодействий.
- Положение об априорности системы по отношению к внешней среде: полагается, что система существенно превосходит окружающую среду и выступает своего рода «островом организованности» в относительно мало организованном окружении.
- Традиционный системный подход оставляет нерешенным и один из наиболее принципиальных вопросов: является ли совокупность всех уже *известных*, установленных типов и классов систем их *полной* совокупностью? Все ли реально существующие типы и классы систем уже известны в настоящее время? Или же, напротив, возможно, существуют еще и такие их типы и классы, которые, хотя онтологически представлены, но пока не установлены и не объяснены. Другими словами, *достаточны* ли наши современные представления о разнообразии «мира систем» для реального раскрытия его многообразия?
- Существует трудность, связанная с тем, что такая базовая и фундаментальная категория, каковой является *категория времени*, и такое основополагающее измерение реальности, такая ее координата, как временная, фактически выпадают из сферы методологии системного подхода. Тем самым формулируется важнейший по своей теоретической значимости вопрос: как могут и должны быть распространены идеи системности на временную координату реальности (и объективной и субъективной)? Существует ли особый тип системности как таковой – временная, т. е. *темпоральная* (диахроническая) системность?
- Наконец, в качестве еще одной принципиальной трудности реализации традиционных вариантов системной методологии следует отметить и его явно недостаточную способность раскрыть и – главное – объяснить то, каким же образом (не формально, а именно содержательно) система оказыва-

Раздел II

ется в состоянии генерировать то главное, что и определяет ее сущностные особенности — *системные качества*. Каким образом именно в содержательном плане действуют интегративные механизмы, приводящие на уровне целостности к генерации синергетических эффектов (эффектов супераддитивности)? Как в системе возникает то новое, что несводимо к аддитивной совокупности ее компонентов (частей)?

На наш взгляд, возможные пути выхода из этой действительно сложной ситуации, характеризующейся принципиальными трудностями, должны быть адекватными ее истинной сложности, т. е. также быть достаточно общими и, возможно, не вполне традиционными. В самом деле, с одной стороны, реализация принципа системности по отношению к психологической проблематике действительно является и объективно необходимой, и наиболее перспективной, поскольку он наиболее конгруэнтен реальной системности организации психического. Однако, с другой стороны, такая реализация данного принципа, взятого в его традиционных вариантах, повторяем, зачастую уже не приводит к ощутимым результатам. Отсюда, с необходимостью следует, что, возможно, сам системный подход в том виде, в котором он представлен сегодня, не только может, но и *должен* быть подвергнут дальнейшему развитию и совершенствованию. По-видимому, лишь при условии качественной трансформации самого системного подхода как общей методологии разработки проблемы деятельности и экспликации в нем новых эвристических возможностей он может выступить адекватным и конструктивным средством такой разработки. Следовательно, одна из важнейших и приоритетных методологических задач заключается в необходимости дальнейшего развития общенаучного принципа системного подхода. Становится все более настоятельной разработка такого его варианта, который обладал бы большими эвристическими возможностями и в большей степени соответствовал специфике и реальной сложности организации психического.

II

Поскольку все указанные выше проблемы и трудности носят достаточно общий характер, то и попытка их преодоления предполагает необходимость обращения к аналогичным положениям системного подхода, т. е. общим — базовым и исходным. И пожалуй, наиболее общими, в чем-то даже «прототипическими» среди них являются две группы положений. Во-первых, это совокупность взглядов о соотношении *целого* и его *частей* — системы и ее компонентов, о несводимости первой к аддитивной совокупности вторых (т. е. о системных качествах, эмерджентных свойствах), о специфике частей в рамках целостности и т. д. Во-вторых, это общие представления и соответствующие им методологические установки, вытекающие из общей логики развития форм научного познания и предполагающие наличие двух его основных стадий, — предметоцентрической и системоцентрической. На второй из них предмет исследования раскрывается уже не только «сам по себе» (в аспекте его *качественной определенности* и вне связи с теми более общими системами, в которые он реально включен), но и в его конкретном — внутрисистемном бытии, в его *качественной специфичности* (как компо-

нент определенной метасистемы). Иными словами, проблема соотношения части и целого, являясь базовой, исходной и наиболее общей проблемой системного подхода, получает двуединую конкретизацию. Первый ее аспект предполагает движение познания «вглубь» объекта и требует раскрытия механизмов интеграции компонентов (частей) системы в целостность. Второй аспект предполагает раскрытие самой изучаемой системы, как части еще более общей и широкой целостности, которая выступает по отношению к ней как метасистема. В этом случае между системой и метасистемой имеют место определенные отношения и взаимодействия, которые в принципе подобны общим связям частей и целого. Однако это уже внешние по отношению к системе взаимодействия.

Таким образом, любая система объективно находится во взаимодействии с определенной – внешней по отношению к ней системой (точнее, со многими системами). В этих взаимодействиях она обретает уже не только свою качественную *определенность*, но и качественную *специфичность*; лишь с учетом последней она может быть адекватно понята и достаточно полно раскрыта. В этих же взаимодействиях система проявляет себя не только и даже не столько как автономная целостность, сколько как компонент, как часть более общих метасистем – как зависящая от них и определяемая ими. Все это, повторяем, своего рода аксиомы – наиболее общие положения системного подхода; именно в силу аксиоматичности они обычно принимаются в качестве данности, а потому, как правило, не обсуждаются. Вместе с тем при их специальном анализе возникают определенные вопросы, требующие углубленного рассмотрения.

Так, простое объединение двух указанных «прототипических» положений приводит к необходимости дифференциации двух классов процессов взаимодействий (и, соответственно, закономерностей, которым они подчиняются). Во-первых, *внутрисистемных*, т. е. тех, которые объективно интегрируют систему в целостность, отличную от среды, обладающую автономностью и самостью. Во-вторых, *внешнесистемных*, т. е. тех, которые обеспечивают ее взаимодействие со средой, точнее, с иными, более общими метасистемами, в которые реально включена любая система. При этом постоянно подчеркивается, что указанные классы взаимодействий находятся между собой в тесной связи и взаимоопосредствованности; первые определяют собой вторые, но в значительной мере и сами определяются ими. Классическим и наиболее показательным примером их взаимосвязи является известное положение С. Л. Рубинштейна о диалектике «внешнего и внутреннего в детерминации и функционировании психического» (Рубинштейн, 1973), а также известная полемика с ним А. Н. Леонтьева, обернувшего исходный тезис С. Л. Рубинштейна (не «внешнее через внутреннее», а «внутреннее через внешнее») (Леонтьев, 1983б). Это, впрочем, не только не меняет суть дела, но и с еще большей степенью подчеркивает взаимосвязь и взаимопроникновение внешних и внутренних взаимодействий. Утверждается, далее, что внешнесистемные связи и взаимодействия в отличие от внутрисистемных представлены не в *интрасистемном*, а, так сказать, в *экстрасистемном* плане, т. е. являются именно внешними по отношению к той или иной системе.

Вместе с тем, как показывает история развития научного познания в целом и психологического познания в особенности, любая дихотомия, а тем более

дизъюнкция является, как правило, не абсолютной, а относительной. Кроме того, можно констатировать и интересную закономерность, согласно которой, чем сложнее система, тем более условным, относительным и трудноразличимым становится само разделение на «внешне» — и «внутрисистемные» процессы, тем менее определенной становится грань между ними и тем в большей степени усиливается мера их взаимозависимости. Психология как наука, имеющая дело с системами, которые являются, пожалуй, наиболее сложными из всех существующих, постоянно демонстрирует условность и относительность дизъюнкции указанных категорий взаимодействий. Последовательная реализация данной закономерности позволяет высказать предположение, согласно которому межсистемные взаимодействия могут быть представлены не только в *экстрасистемном*, но и в *интрасистемном* плане¹. Если это действительно так, то системы, воплощающие в себе оба этих типа взаимодействий, обретают существенно более совершенную организацию.

Далее, не менее очевидным и аксиоматичным для методологии системности является и положение о необходимости дифференциации качественной *определенности* и качественной *специфичности* любых систем (объектов, явлений, процессов и пр.). Качественная определенность — это совокупность качеств, характеризующих систему «саму по себе» в ее относительной автономности от иных, более общих систем, в которые она в действительности включена. Качественная специфичность — это совокупность свойств, которые возникают в результате взаимодействия системы с этими более общими системами, т. е. в результате включения в них. При этом качественных спецификаций может быть, как правило, несколько или даже много, поскольку один и тот же объект (явление, процесс) может включаться в несколько более общих систем одновременно. Очень существенно, однако, что при дифференциации этих понятий исходным и также аксиоматичным является следующее допущение. Согласно этим представлениям, качественная специфичность возникает и существует *исключительно* как результат взаимодействия объекта с более общей системой; она имеет место лишь в процессе этого *актуального* взаимодействия, а за его пределами не обнаруживается и фактически утрачивается.

Вместе с тем несомненная реальность состоит и в том, что определенные системы, особенно сложные, сохраняют свою качественную специфичность (причем множественную) и *в отсутствие* актуального взаимодействия с другими системами. В связи с этим возникает вопрос — как же это возможно? Есть основания допустить, что такая возможность может быть обеспечена лишь за счет того, что «внешние» системы, по отношению к которым и во взаимодействии с которыми объект обретает качественную специфичность, в какой-либо форме могут быть репрезентированы и тем самым очень специфическим образом включены в его собственное содержание.

¹ На первый взгляд, данное предположение может показаться не вполне обоснованным и даже неправдоподобным. Не будем, однако, торопиться с оценками и выводами, помня, например, о том, какую роль сыграли в психологии еще менее очевидные и «понятные», на первый взгляд, представления о механизме опережающего отражения (Анохин, 1978; Бернштейн, 1990).

III

Еще одной теоретической трудностью, преодоление которой может способствовать развитию представлений в области системной методологии, является весьма своеобразный феномен – «парадокс высшего уровня системы». Его суть заключается в следующем. С одной стороны, высший уровень в иерархической организации любой системы находится внутри нее, но не исчерпывает ее содержания (по определению) – является поэтому ее *частью*. Это важнейшая, решающая, доминирующая и пр., но все же именно часть системы. Она осуществляет координирующие, организующие и управляющие функции по отношению к остальным частям системы. С другой стороны, любая система (в особенности сложная) может быть эффективно организована лишь в том случае, если ее «координирующий и управляющий» центр имеет в качестве объекта своего управления не какую-либо часть системы, а *всю* ее, *все* ее содержание, в том числе, разумеется, и все уровни, включая и высший. Тем самым складывается внутренне противоречивая ситуация. Высший уровень системы должен входить в ее состав, но одновременно быть как бы *вне* этого состава, точнее, *над* ним. Это, впрочем, достаточно давняя и традиционная трудность, попытки преодоления которой приводят, например, к выделению в той или иной системе некоторой управляющей суперсистемы (которая, однако, сама нуждается в «верховном» управлении»), в результате чего возникает типичная ситуация «дурной бесконечности». В психологии сознания эта трудность является главной причиной известной идеи гомункула.

На наш взгляд, наиболее естественным, хотя и достаточно радикальным способом снятия указанного парадокса является предположение, согласно которому в содержании системы может существовать такой уровень, который *одновременно* является и ее собственным уровнем, и уровнем, выходящим за ее пределы (метауровнем), т. е. в определенном смысле локализованным вне ее. В связи с этим, однако, возникает настоятельная необходимость обращения к еще одному очень важному системному понятию (и, соответственно, к реальности, обозначаемой им) – к понятию *метасистемного уровня*. Действительно, уже в ранних работах по общей теории систем происходит дифференциация данного уровня от иных уровней и указывается, что метасистемный уровень является не только высшим, но и открытым (Берталанфи, 1969). Это, в частности, означает, что через него система взаимодействует с иными системами и развивается в таком взаимодействии. Вместе с тем приходится констатировать, что понятию метасистемного уровня явно «не повезло» в плане внимания к нему со стороны исследователей и, соответственно, в плане изученности. Этому, конечно, в значительной степени способствовала реальная сложность и противоречивость, а в чем-то даже и парадоксальность данного уровня. Причем эта противоречивость и определенная двойственность заложена даже в самой этимологии понятия «метасистемный»: она указывает на то, что некая сущность (в данном случае – уровень) *и* принадлежит системе, *и* лежит вне нее. Но тогда возникает вопрос: где же «на самом деле» локализуется данный уровень? Обычно принимается второй из указанных вариантов, причем в упрощенной форме: понятием метасистемности обозначается сам факт включенности той или иной

Раздел II

системы в иные системы более высоких порядков, а также ее взаимодействия с ними. Такая упрощенная трактовка не исчерпывает собой всей специфики понятия метасистемного уровня и тем более никак не объясняет его, а фиксирует лишь тривиальный факт взаимодействия системы и метасистемы. На наш взгляд, для того, чтобы более адекватно и конструктивно раскрыть его специфику, необходимо допустить, что метасистемный уровень может локализоваться внутри самой системы. Он, по-видимому, вообще имеет двойную локализацию — и вне, и внутри системы, в связи с чем формы, механизмы и способы его существования также могут быть принципиально гетерогенными.

В контексте сказанного целесообразно сделать еще одно замечание. Анализ истории развития идей системности свидетельствует о том, что явный акцент на всем ее протяжении делался на факторах и механизмах, объединяющих ее в целостность и выделяющих ее из среды, — на механизмах и способах интеграции, автономизации, обеспечения автономности — «самости» систем. Это вполне понятно и даже естественно с точки зрения господствующей системоцентрической парадигмы. Вместе с тем реальный факт включенности любой системы в более широкий и онтологически представленный контекст, хотя, конечно, осознавался и учитывался в общем плане, но получал значительно меньшее раскрытие. Иными словами, доминировала и продолжает доминировать не только системоцентрическая парадигма как таковая, но и своего рода «абстракция системы», «системная аналитичность». Она означает выделение системы из среды (метасистемы) и изучение первой в относительной самостоятельности от второй. Аналитическая парадигма, «изгнанная системным подходом в дверь», вернулась через «окно системной аналитичности». Более того, в результате этого невольно складываются представления, согласно которым, чем более автономной и самодостаточной является система, тем она более совершенна и эффективна. Мы считаем, что от этих взглядов необходимо отказаться, поскольку дело обстоит прямо *противоположным* образом: чем в большей степени система включена в метасистему и согласована с ней, тем выше и ее сложность, и ее возможности, и ее адаптивность. Однако достичь этого она может, по-видимому, лишь в том случае, если в ее *собственной* структуре будет представлен соответствующий уровень — уровень, обеспечивающий такое включение, т. е. метасистемный уровень.

IV

Выше были рассмотрены некоторые достаточно общие положения системного подхода и те трудности, к которым приводит их последовательная реализация при современном состоянии методологических представлений в данной области. Эти трудности уже сами по себе свидетельствуют о том, что системный подход как методологический принцип не является чем-то окончательно сформировавшимся, но, напротив, сам находится в развитии, в становлении. Поэтому в данном направлении необходимы специальные усилия. Об этом же свидетельствует и тот факт, что выявленные выше теоретические трудности одновременно могут быть поняты и как ведущие *направления* развития самого принципа системности. Более того, в пределах каждой из них, как можно видеть из проведенно-

го анализа, имеются существенные *предпосылки* и даже своего рода «подсказки» для такого развития.

Все они свидетельствуют о важной, но пока не реализованной роли, которая может принадлежать в развитии системного подхода понятию *метасистемного уровня* организации. Действительно, все констатированные выше трудности стягиваются в один проблемный узел, связанный с данным понятием. В самом деле, до сих пор оно остается одним из наименее раскрытых в методологии системности. Более того, оно остается и одним из самых противоречивых, а отчасти и парадоксальных. Эта парадоксальность связана, прежде всего, с тем, что метасистемный уровень, рассматриваясь как принадлежащий той или иной системе и, более того, трактуясь как *ее* высший и ведущий уровень (по определению), обычно не включается в состав и содержание этой системы. Он локализуется *вне ее* — в плане ее взаимодействий с более общими целостностями — метасистемами. Исторически сложившиеся, традиционно закрепившиеся и ставшие аксиоматическими представления в данной области предпочитают «не замечать» (для сохранения концептуального комфорта исследователей) эту противоречивость и парадоксальность понятия метасистемного уровня. Вместе с тем, как показал проведенный анализ, эти представления не только могут, но и должны быть существенно уточнены, а частично и скорректированы. Без такой коррекции вряд ли возможно развитие самого системного подхода в целом.

Итак, сущность канонических системных представлений по рассматриваемой проблеме может быть резюмирована следующим образом. При изучении некоторого объекта с позиций принципа системности в ней дифференцируется ряд иерархически соподчиненных уровней. Кроме того, система характеризуется двумя классами взаимодействий — внешне- и внутрисистемными. Первые обеспечивают ее включенность в контекст более общих по отношению к ней систем, обозначаемых понятием «метасистемы». Эти взаимодействия составляют содержание — своего рода «ткань» метасистемного уровня. Они, следовательно, и сам метасистемный уровень (по определению) представлены так сказать в экстрасистемном плане. Иначе говоря, эти представления фиксируют в основном *факт* существования взаимодействий системы с более общими метасистемами и их определяющую роль для функционирования самой системы. В связи с этим возникает вопрос о корректности и универсальности, о всеобщности указанных представлений, об их *достаточности* для характеристики всего многообразия существующих систем.

По нашему мнению, для того, чтобы попытаться ответить на данный вопрос, его целесообразно намеренно заострить и сформулировать в следующем виде. Является ли положение о том, что метасистемный уровень локализуется только *вне* самой системы, всеобщим и универсальным для всех типов реально существующих систем? Или же такая экстрасистемная локализация является, хотя и наиболее типичной и распространенной, но все же *частной*, а не *общей* закономерностью организации систем? Очевидно, что в случае позитивного ответа на данный вопрос надо будет признать возможность включения метасистемного уровня в структуру и содержание самих систем, т. е. его существование не только в экстрасистемном, но и в интрасистемном плане. Причем следует по-

мнить, что речь должна идти о возможности такого существования в какой-либо, возможно, весьма *специфической форме*, но, разумеется, не об *онтологической* представленности.

Предпринимая попытку ответа на данный вопрос, мы считаем необходимым подчеркнуть следующее. Вся история развития психологии, все ее наиболее общие положения, а также сама атрибутивная природа психики указывают на существование базового и фундаментального, наиболее общего принципа ее организации. Более того, этот принцип является настолько общим, его проявления и воплощения настолько многообразны, а сам он настолько привычен и обычен, что подробно раскрывать его нет необходимости, достаточно лишь указать на его смысл. Внешняя — *объективная реальность* как метасистема, с которой исходно взаимодействует психика, получает в ней своего рода «удвоенное» существование в виде *субъективной реальности* — в форме так называемого «отраженного» (если, пользоваться традиционной терминологией). Эта субъективная реальность может принимать весьма разные формы, она может по-разному обозначаться и трактоваться в плане механизмов, структур и процессов, но сам факт ее существования неоспорим и непреложен¹. В психологии существует очень много понятий для обозначения этой реальности, а также ее разновидностей, форм, аспектов, проявлений и т. д. Приведем лишь некоторые из них: ментальные репрезентации, когнитивные схемы, опыт, внутренняя информация, знания, образ мира, внутренний мир, модель психического, субъективные репрезентации, фреймы, скрипты и др. (Когнитивная..., 2002; Ментальная..., 1998; Сергиенко, 2020; Фодор, Пылишин, 1996; Шадриков, 2007; Kolb, 1995; Rosch, 1976).

Иными словами, атрибутивная природа психики, а одновременно ее уникальность (что, повторяем, традиционно обозначалось как ее «отражательная природа») такова, что в ней объективная реальность получает свое удвоенное бытие в форме реальности субъективной. Более того, чем полнее и адекватнее будет соотноситься вторая с первой, тем большие предпосылки обеспечивают и для решения общеадаптационных задач. Следовательно, та метасистема, с которой исходно взаимодействует психика, в которую она объективно включена и которая внешнеположена ей, оказывается представленной в структуре и содержании самой психики. Она транспонируется в психику, хотя и в очень специфической форме — в форме реальности субъективной, которая, однако, по самой своей сути и назначению *должна* быть принципиально подобной в аспекте своих информационных и содержательных характеристик объективной реальности. Естественно, что главным и наиболее сложным исследовательским вопросом является выявление того, *как* именно это происходит. Как порождается субъективная реальность во взаимодействии с внешней, объективной реальностью? По существу, это и есть основной вопрос психологии, которая пока не готова дать на него удовлетворительный ответ. Однако сам факт порождения и, соответственно, существования субъективной реальности как «удвоен-

¹ Более того, как известно, степень его неоспоримости и очевидности даже выше, нежели очевидность существования объективной реальности, что послужило основанием для целого ряда философских направлений и доктрин.

ной» объективной реальности не вызывает сомнений. Причем не вызывает в такой степени, что этот фундаментальный факт очень часто просто принимается как данность, но не учитывается в должной мере при решении тех или иных исследовательских задач. В частности, он не учитывается и в исследованиях, базирующихся на принципе системного подхода, а также в содержании самого системного подхода.

Итак, сама *сущность* психического такова, что в *его собственном* содержании представлена и получает свое «удвоенное» существование та метасистема, которая является по отношению к нему исходно внешнеположенной и в которую оно объективно включено. Повторяем, что речь идет именно об определенной *форме существования* этой объективной реальности, а не об ее онтологической представленности в психике. Причем чем более полным, адекватным и так сказать «глобальным» является такое представительство метасистемы в собственном содержании психики, тем выше ее адаптационные и многие иные возможности.

Прямым логическим следствием этого является то, что взаимодействие психики (как системы) с метасистемами, в которые она исходно включена, первично может осуществляться и при *отсутствии актуального контакта* с ними. Реальность, которую очень трудно оспаривать, такова, что любое внешнее взаимодействие с миром многократно опосредствуется внутренними представлениями о ней. Человек взаимодействует не столько с миром непосредственно, сколько со своими представлениями о нем, с его субъективной моделью. Вместе с тем данный факт обычно не осознается и субъективно не репрезентируется. Как отмечал А. Н. Леонтьев, «перед человеком — мир, а не мир *и* картина мира» (Леонтьев, 1983б). Понятно, что системы, которые могут взаимодействовать со средой и вне актуального контакта с ней, получают огромные преимущества. В частности, оказывается осуществимой подготовка к возможным вариантам реальных взаимодействий, ориентации в общей ситуации вероятных взаимодействий, получения временного ресурса для обработки больших массивов информации и мн. др. Известные феномены рефлексивной паузы, а также уже упомянутого выше опережающего отражения — наиболее показательные и известные примеры сказанного.

V

Все рассмотренные выше вопросы являются очень общими и базируются на фундаментальных, отправных общепсихологических представлениях. Вместе с тем все они пока явно недостаточно ассимилированы методологией системности. Представляется парадоксальным и даже удивительным тот факт, что системный подход, т. е. методология, ориентированная на решение наиболее *общих* вопросов, до сих пор не уделяет должного внимания этим, повторяем, фундаментальным проблемам. И наоборот, попытка их синтеза с методологией системного подхода позволяет сделать ряд значимых, на наш взгляд, заключений. Причем следует особо подчеркнуть, что этот синтез отнюдь не является формальным — механическим и внешним. Напротив, он обусловлен внутренней логикой развития системного подхода и основными тенденциями развития общепсихологических

представлений о структурно-функциональной организации психики. Об этом свидетельствует уже самый первый, но одновременно – и главный, наиболее общий вывод, который можно сделать на основе такого синтеза. Это вывод, согласно которому следует признать, что структурно-функциональная организация психики предполагает *включенность* метасистемного уровня в само ее содержание, в ее собственную структуру.

По отношению к психике метасистемный уровень имеет не только *экстра-системную* представленность (как по отношению практически ко всем иным известным в настоящее время системам), но и *интрасистемную* представленность. Метасистема, в качестве которой по отношению к психике выступает в конечном итоге вся внешнеположенная ей объективная реальность (а также взаимодействия с этой реальностью), получает в содержании самой психики свое удвоенное бытие. Оно, разумеется, не тождественно онтологической представленности, а принимает качественно иные формы. Кардинальное отличие всех этих форм от исходного бытия метасистемы состоит в том, что они носят противоположный характер – имеют не материальную, а *идеальную* природу. Для их обозначения, как мы уже отмечали, в психологии выработано множество понятий. В свою очередь, метасистемный уровень синтезирует в себе все эти важнейшие психические образования, а само понятие метасистемного уровня является *родовым* по отношению к каждому из них как *видовому*.

Следует иметь в виду, что исследование этих форм субъективной репрезентации объективной реальности по праву является в настоящее время одной из *главных* тенденций развития общепсихологических исследований в современной когнитивной психологии и в метакогнитивизме. Эти исследования направлены на раскрытие механизмов и закономерностей структурно-функциональной организации ментальных репрезентаций, систем знаний и т. п. Вместе с тем важно понимать не только эти механизмы и закономерности, взятые в их конкретике, но и *общий* смысл, психологический *статус* указанных образований в общей структуре психического. Этот статус как раз и определяется их принадлежностью к особому – метасистемному уровню, представляющему по своему содержанию «инобытие» объективной реальности в форме реальности субъективной, в форме ее идеальных моделей и репрезентаций.

Развитая выше трактовка, предполагающая возможность включения метасистемного уровня в содержание и структуру самой системы, с необходимостью приводит к еще одному следствию. Дело в том, что, с одной стороны, метасистемный уровень по своим содержательным, информационным характеристикам является не чем иным, как специфическим дубликатом объективной реальности. Как показано выше, чем более полным, адекватным, а в идеале – изоморфным он будет по отношению к объективной реальности, тем лучше для всей системы – психики. С другой стороны, являясь по своему содержанию информационным и выступая как совокупность знаний о мире (в широком смысле), метасистемный уровень выступает именно уровнем; он имеет *статус уровня* и включен в общую иерархическую структуру уровневой организации системы – психики. Важно и то, что он (по определению) является не рядовым уровнем, а уровнем иерархически *высшим*.

Отсюда вытекает важное следствие. Знания, субъективная информация, ментальные репрезентации – вообще все содержательно-информационные образования психики, выступая отражением объективной реальности, не являются, однако, *чисто содержательными* образования; они имеют в своей совокупности статус *структурного уровня* в общей организации психики. Этот уровень взаимодействует со всеми иными ее иерархическими уровнями. Тем самым система знаний (повторяем, в широком смысле, т. е. все информационное содержание психики) сама начинает подчиняться общим структурно-уровневым закономерностям. Несколько упрощая реальность, можно сказать так: знания оказываются в состоянии управлять структурой, содержание получает статус детерминанты функциональной динамики.

Предложенная выше трактовка метасистемного уровня как «встроенного» внутрь системы и, более того, локализованного на вершине ее структурно-уровневой иерархии позволяет сформулировать и еще одно предположение. По-видимому, те представления о «мире систем», которые исторически сложились и являются традиционными в настоящее время, не могут считаться достаточными. Согласно им, как известно, высшим внутренним уровнем организации является общесистемный уровень, а метасистемный уровень рассматривается как внешний, локализованный во взаимодействиях самой системы с другими системами (метасистемами). Эти представления справедливы для подавляющего большинства типов и классов реально существующих систем. Однако они не универсальны и потому не абсолютны. Дело в том, что, как показано выше, существует как минимум еще один класс систем, для которых указанное условие внешней представленности метасистемного уровня не выполняется. В этих системах он, напротив, включен в содержание их самих и, более того, локализуется на вершине их общей структурно-уровневой иерархии. Отсюда с необходимостью следует, что и общая теория систем, и системный подход в их современном виде, т. е. в виде, сформировавшемся на основе представлений об универсальном и абсолютном характере систем только с внешним метасистемным уровнем, также не являются общими. Это частный, хотя и важнейший случай более общих представлений, учитывающих существование *всех* классов систем, в том числе и систем со «встроенным» метасистемным уровнем.

Дополнительным и немаловажным аргументом обоснованности развитых выше положений является то, что с их позиций в значительной мере преодолевается комплекс теоретических трудностей и проблем, которые характерны для современного состояния системных исследований и которые были сформулированы выше. Причем показательно, что эти представления содействуют решению именно *комплекса* проблем, а не какой-либо одной из них. Действительно, с позиций развитых представлений получает свое естественное решение проблема соотношения внешнесистемных и внутрисистемных взаимодействий, которая, как было подчеркнуто выше, особенно остро стоит именно в психологии. Поскольку, согласно этим представлениям, метасистемный уровень может быть «встроен» в содержание и структуру самой системы, то и внешнесистемные взаимодействия могут принципиально менять локализацию – становиться внутрисистемными. Отсюда, в частности, вытекают достаточно далеко идущие

щие следствия. Так, взаимодействия с метасистемой (со средой, с объективной реальностью) становятся возможны и в том случае, когда этих взаимодействий в физическом смысле просто нет. Именно такое взаимодействие не с реальностью непосредственно, а с ее моделями-репрезентациями составляет, как известно, наиболее типичный и характерный случай взаимодействия «личности с миром». И именно такие системы – системы, которые могут взаимодействовать со средой и, так сказать, без взаимодействия, представленного в актуальной и эксплицитно представленной форме, получают огромные преимущества. В частности, как отмечалось, становится принципиально возможной заблаговременная подготовка к возможным вариантам последующих реальных взаимодействий, ориентации в общей ситуации возможных взаимодействий, получение временного ресурса для обработки больших массивов информации, связанной с организацией реальных взаимодействий и мн. др.

Далее, столь же естественным способом решается и проема механизмов сохранения качественной специфичности систем в отсутствии ее реального контакта с иными системами (метасистемами). Выше мы предположили, что такое сохранение может иметь место лишь в том случае, если в содержании самой системы будет представлена та более общая метасистема, которая и обуславливает возникновение ее качественной специфичности. Нетрудно видеть, что именно это и обеспечивается в случае «встроенности» метасистемного уровня в содержание и структуру самой системы. И именно этот механизм обеспечивает сохранность многих качественных спецификаций в условиях отсутствия реального контакта системы с метасистемами. По отношению и к психике, и к личности этот механизм лежит в основе сохранения многомерности и многокачественности внутреннего мира, в основе синхронизации и синтезирования многих качественных спецификаций личности, психики (а также ее отдельных компонентов). Он же обеспечивает уже не просто целостность психики, но именно дифференцированную целостность, а также сохранение ее самоидентичности на протяжении длительных интервалов времени.

С позиций сформулированных представлений может быть преодолена и теоретическая трудность, которая обозначается как «парадокс ведущего уровня систем». Нетрудно видеть, что развитая нами выше трактовка метасистемного уровня как принципиально *двойственного* и имеющего две основные формы существования как раз и позволяет дать вполне естественное разрешение указанного парадокса. Действительно, как показано выше, по отношению к организации психики данный уровень «встраивается» в ее собственную структуру и, более того, обретает в ней статус ведущего, высшего. Тем самым он получает в ней свое внутрисистемное бытие; он выступает именно как уровень в общей структурно-уровневой организации психики. В этом статусе он представлен в форме многих образований, давно и подробно изучающихся в психологии, особенно в когнитивной психологии и в метакогнитивизме.

По своим содержательно-информационным характеристикам (по своей, так сказать, наполненности) данный уровень является своеобразным «дубликатом» объективной реальности. Он выступает продуктом и результатом ее «отражения», точнее, воссоздания-порождения. Вместе с тем, будучи *объективно* представ-

ленным в интрапсихической плоскости, данный уровень локализуется самим субъектом вне ее, т. е. в объективной реальности¹. Тем самым данный уровень субъективно «выносится» за пределы психического, объективно оставаясь внутри него. Подчеркнем, что речь идет, разумеется, не об онтологической представленности метасистемы в системе (психике), а о совершенно ином типе этой представленности — в форме идеальных моделей, «дубликатов», репрезентаций и пр., т. е. представленности подчеркнуто функциональной. Такая представленность, безусловно, имеет место, что кардинальным образом трансформирует основные закономерности функционирования систем со «встроенным» метасистемным уровнем по сравнению с классическими системами.

VI

Сформулированные представления, на наш взгляд, должны обязательно учитываться в исследованиях, базирующихся на принципе системного подхода. Они, приводя к постановке множества новых вопросов, позволяют сформулировать и наиболее общий из них. К каким следствиям ведет включение в структурно-уровневую организацию психики метасистемного уровня именно как *ее собственного* уровня, а не только как уровня, локализованного вне ее — в ее взаимодействиях с метасистемами, в которые она сама объективно включена? Главное из этих следствий состоит, по нашему мнению, в том, что именно благодаря такой «встроенности» метасистемного уровня в саму систему создаются предпосылки для возникновения качественно новых, очень своеобразных механизмов и принципов структурной организации и функционирования психики.

Так, благодаря данному уровню (как уровню, одновременно и включенному в содержание системы, и «вынесенному» за ее пределы), открывается принципиальная возможность для своего рода *объективации* системой самой себя в качестве предмета организации и управления. Система, не нарушая рамок своей целостности и «онтологической ограниченности», все же оказывается в состоянии выйти за свои собственные границы и сделать саму себя предметом своих же собственных воздействий, своей активности. Наиболее четким и несомненным феноменологическим индикатором этой особенности является вся совокупность рефлексивных явлений.

Другими словами, возникновение «встроенного» метасистемного уровня означает не просто появление в структуре целого (психики) еще одного — пусть даже и высшего, важнейшего уровня. Дело еще и в том, что данный уровень атрибутивно связан с *новым принципом* функциональной организации психики (и даже базируется на нем). Он состоит в том, что именно благодаря метасистемному уровню — одновременно локализованному и внутри системы, и вне нее,

1 Одним из проявлений этой общей особенности, изученным Л. М. Веккером на материале перцептивных процессов, является сформулированный им «онтологический парадокс психики», суть которого состоит в следующем. То, что реально, онтологически представлено в содержании психики (например, перцептивный образ), субъективно вынесено за ее пределы и локализуется там, где расположен объект, т. е. в «пространстве» самого объекта (Веккер, 1976).

система обретает *принципиально* новую способность. Она состоит в том, что становится возможным делать саму себя *в целом* объектом своего же собственного воздействия; становится возможным управление своей собственной организацией (посредством своеобразного выхода на этот внешний по отношению к ней уровень)¹. Можно видеть, таким образом, что данное заключение полностью созвучно основным – атрибутивным характеристикам организации психики в целом. Действительно, на высшем уровне ее организации локализуется *сознание* как таковое. Однако известно, что его важнейшей, именно *атрибутивной* и определяющей чертой как раз и является свойство *трансцендентности*, т. е. возможности выхода за пределы наличного, возможности оппозиционирования к своему собственному содержанию. Используя традиционную философскую терминологию, можно сказать, что тем самым психическая реальность трансформируется из «вещи *в себе*» в «вещь *для себя*». Все это имеет непосредственное отношение к решению одной из наиболее острых и давних проблем психологии – проблеме *самопрезентированности* психики, составляющей, в свою очередь, «сердцевину» другой, пожалуй, наиболее сложной и важной проблемы *сознания*. Сознание как непосредственная данность психики самой себе – это и есть результативный эффект «встроенности» метасистемного уровня в самое содержание психического. Функционируя на нем, как на *своем собственном* уровне, но одновременно и таком, который позволяет объективировать всю психику в целом и отнестись к ней как к своего рода *внешнеположенному* объекту, психическое обретает фундаментальное свойство *самопрезентированности*. В свою очередь, понять и объяснить данное свойство, вскрыть те детерминанты и механизмы, благодаря которым оно становится реальностью, крайне затруднительно или даже невозможно без обращения к метасистемному принципу (и уровню) организации психики. Тем самым можно видеть, что с достаточной очевидностью обнаруживается глубокая и закономерная общность самой сути метасистемной организации и атрибутивной природы психики, высшим и определяющим уровнем организации которой как раз и выступает уровень ее осознаваемой регуляции. Следовательно, именно данный принцип и реализуемый на его основе метасистемный подход должны быть рассмотрены и использованы в качестве достаточно общей собственно методологической основы разработки психологической проблематики в целом.

Все сказанное можно обозначить как *метасистемный принцип функциональной организации* психики. Он, повторяем, сопряжен с включением в ее структуру метасистемного уровня и, более того, является ее основой. При этом следует иметь в виду, что сам статус понятия «принцип» предполагает достаточно *общий* характер его действия и множественность сфер существования. Следовательно, есть основания считать, что он не только характеризует отношения метасистемного уровня с иными уровнями организации системы *в целом*, но и пронизывает собой многие другие, также важные, хотя и *более частные* аспекты ее организации. Эту же мысль можно сформулировать по-другому. Психика как суперорганизованная система, придя в результате своей эволюции к метасистемному принципу

1 В связи с этим рассматриваемый в данной работе подход по-новому ставит (и в определенной мере решает) традиционную проблему *самоорганизации*.

организации как к *общему*, может вместе с тем мультиплицировать его и в своих *частных* проявлениях. Этот достаточно важный, по нашему мнению, вывод подтверждается многими общепсихологическими данными и результатами, в том числе полученными нами (см.: Карпов, 2011).

Именно благодаря метасистемному уровню и его «встроенности» в саму систему (психику) обеспечивается возможность существования фундаментального феномена (точнее, по-видимому, механизма), который можно условно обозначить как механизм *метасистемной обратимости*. Его суть столь же проста и понятна феноменологически, сколь трудна для конкретно-научного объяснения и состоит в следующем. Благодаря ему, система со «встроенным» метасистемным уровнем оказывается в состоянии *объективировать* себя для нее же самой, сделав ее объектом своей же собственной активности. Она трансформирует саму себя в целом в объект регуляции и организации, координации и управления. В самой системе (психике) складывается такой «функциональный орган» и такие ее механизмы, которые позволяют ее *части* (т. е. метасистемному уровню) оппозиционировать себя по отношению к ней *в целом*; относиться к самой себе как к целостности. В результате этого любой процесс, протекающий в психике, будучи транспонированным на метасистемный уровень, становится направленным не на внешнюю среду, а на внутреннее содержание психики (а часто — и сам на себя). В результате этого возникают известные явления и процессы, которые обозначаются, например, как мышление о мышлении (метамышление), память о памяти (метапамять), самонаправленное внимание, метакогнитивный мониторинг, т. е. как метакогнитивные процессы (Карпов, 2011; Brown, 1987; Metacognition, 2002; Metcalfe, Shimamura, 1994), а в более традиционной терминологии — как рефлексивные процессы и феномены. Другими словами, те процессы и механизмы, которые заложены в психике исходно и реализуются на всех иных (кроме метасистемного) уровнях, могут переноситься и на метасистемный уровень. Но тогда они в известном смысле оппозиционируются и объективируются по отношению к ней; они становятся направленными на *всю* систему психики в целом, а также на ее отдельные компоненты. В результате этого все внутрисистемные процессы, механизмы, закономерности и феномены сами становятся объектами активных воздействий со стороны их же самих, а также объектом «отражения» (если использовать традиционную терминологию) с их стороны, но представленных на метасистемном уровне. Очевидно потому, что механизм метасистемной обратимости является главным средством, обеспечивающим возможность действия такого фундаментального класса процессов, каковыми являются *рефлексивные процессы*, возможность рефлексии как уникального психического феномена в целом. На наш взгляд, рефлексия — это и есть процесс, обеспечивающий связь общесистемного уровня организации психических процессов, т. е. максимально обобщенного уровня, на котором представлена *вся* их совокупность, и метасистемного уровня организации психики.

В связи со сказанным показательно (и доказательно) то, что необходимость в формулировке представлений о метасистемном принципе организации психики органично сопряжена с данными, полученные в настоящее время в одном из важнейших направлений когнитивной психологии — *метакогнитивизме*. Его

основной пафос и главные достижения как раз и связаны с тем, что в нем доказана недопустимость ограничения сферы приложения когнитивных психических процессов только внешней, объективной средой. Эти процессы могут быть направлены и на иную реальность — субъективную, в том числе и сами на себя. В этом своем проявлении они обретают новые качественные характеристики, особенности и свойства. Однако именно эти их проявления выступают следствием того, что психические процессы и «по отдельности», и их система в целом могут выходить за свои собственные пределы и обретать метасистемный статус. Тем самым становится очевидным, что для обобщенной концептуализации основных положений метакогнитивизма не только возможно, но и необходимо обращение именно к представлениям о метасистемном уровне (и принципе) организации психики.

Кроме того, принадлежность к метасистемному уровню является фундаментальной общей особенностью многих очень важных для современных представлений и понятий психологии — таких, в частности, как понятия ментальных репрезентаций, когнитивных представлений, схем, сценариев (скриптов), структур субъективного опыта, информационных моделей, а в более общем плане — знаний как таковых. Все они характеризуются определенной двойственностью: являясь по своему психологическому обеспечению, по своему *носителю* внутрисистемными (и реализуясь поэтому за счет внутрисистемных уровней), по своему *содержанию* они выходят за пределы системы субъективной реальности. Они выступают превращенной формой объективной реальности — своего рода «слепком» с нее, точнее, продуктом ее активного воссоздания и в этом смысле — *порождения*, а не только «отражения». В данном отношении метасистемность является атрибутивным качеством всех указанных (и иных — подобных им) образований, *родовым* их свойством. В свою очередь, каждое из них предстает с этих позиций как *видовое* образование в пределах самого метасистемного уровня.

Понятие метасистемности позволяет включить, хотя и специфическим — функциональным образом в содержание и состав самой системы психического и то, что ей не только не принадлежит, но что ей в определенном смысле *противоположно*, — объективную реальность. Более того, объективная реальность не просто функционально включается в систему психического посредством трансформации в свою превращенную форму, но и занимает при этом ведущий уровень, выступая на нем как субъективная реальность. В этом плане можно сформулировать следующее предположение. С одной стороны, очевидно, что все психические образования и структуры, локализующиеся на метасистемном уровне, обладают свойством *идеальности*. Именно это свойство соединяет в себе, казалось бы, несоединимое — обязательную связь с материальным носителем, «отягощенность духа материей» и в то же время — выход за нее, принадлежность системе (носителю) и преодоление границ этой системы. Но, с другой стороны, менее очевидно, но более существенно то, что сам метасистемный уровень, а также его формирование — сначала в фило-, а затем и в онтогенезе является важнейшей и, возможно, решающей причиной, *предпосылкой* для возникновения свойства идеальности как такового в целом. Лишь те системы, которые достигают в своем развитии возможности «встраивания» метасистемного уровня

в свое собственное содержание и структурно-функциональную организацию, обретают способность к генерации свойства идеальности. Они получают возможность доступа к идеальному, а также к организации своего функционирования на основе такого доступа. Само идеальное раскрывается с этой точки зрения в его собственно *операционной* функции, т. е. в качестве средства и механизма самоорганизации систем.

Наряду с этим следует учитывать и еще одно обстоятельство. Многочисленные исследования, выполненные в последние годы на основе метасистемного подхода, достаточно убедительно свидетельствуют о том, что не только психика в целом, но также и ее основные «*составляющие*» также организованы на основе данного принципа. Так, в частности, показано, что данный принцип реализован в структурно-уровневой организации системы психических процессов, способностей, деятельности, сознания, процессов принятия решения, мотивационной сферы личности, а также в организации личности в целом (см.: Карпов, 2015а). Следовательно, они должны быть проинтерпретированы как принадлежащие к особому и качественно специфическому классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Общий для психики принцип метасистемной организации воспроизводится — *мультиплицируется* и в основных ее «составляющих». В связи с этим становится очевидным, что, реализуясь во многих из этих «составляющих», данный принцип действительно демонстрирует свой статус как именно *общего* принципа организации.

Итак, можно видеть, что и «парадокс высшего уровня организации», и проблема неопределенности понятийного и концептуального статуса термина «метасистемный уровень» действительно могут быть разрешены лишь в том случае, если для этого привлечь общенаучный *принцип дополненности*. Как было продемонстрировано выше, сущность и специфичность метасистемного уровня в целом такова, что он не может быть интерпретирован по принципу «или—или», т. е. как локализованный *или* вне психики, *или* внутри нее. Он может быть адекватно и корректно раскрыт и объяснен лишь по принципу «*и—и*», т. е. как имеющий двойную локализацию. В этом вообще состоит его атрибутивная природа. Такая двойная локализация метасистемного уровня означает, в частности, существование двух его основных форм, модусов — материального и идеального.

Таким образом, подводя промежуточные итоги проведенного анализа, необходимо подчеркнуть главное. Он показал, что существующие традиционные взгляды относительно понятия «метасистемный уровень», а также его места и роли в организации психики нуждаются в существенной корректировке и даже — в определенном пересмотре. Наиболее важным шагом в данном направлении является отказ от традиционных представлений, согласно которым метасистемный уровень локализуется только вне системы. Такая внешняя представленность, хотя, разумеется, имеет место и, более того, является *основной*, в то же время не может считаться *единственной* и потому *абсолютной*. Данный уровень может быть «встроен» в собственную структуру системы, получая при этом, однако, качественно новые, иные по сравнению с его экстрасистемной представленностью формы существования. Кроме того, появляются основания для дифференциации особого, специфического класса систем как таковых — тех,

которые характеризуются рассмотренными выше особенностями; данный класс образован системами со «встроенным» метасистемным уровнем. И разумеется, психика, рассмотренная с системных позиций, является наиболее характерным и показательным представителем данного класса.

Важно и показательно также то, что подавляющее большинство теоретических и методологических трудностей современного состояния системных исследований, связанных с неопределенностью категориального и концептуального статуса понятия метасистемного уровня, с его очень слабой включенностью в методологию системности, может быть естественным образом преодолено именно с позиций сформулированных выше представлений. Решающим шагом при этом должно стать признание того факта, что метасистемный уровень может быть «встроен» в структуру самой системы, включен в ее собственное внутреннее содержание, а не только проявляется во внешних взаимодействиях системы и метасистемы. Психика как раз и является одним из наиболее типичных и сложных представителей такого рода систем со «встроенным» метасистемным уровнем. В связи с этим следует констатировать, что современные представления о «мире систем» в целом, по-видимому, неполны: они не учитывают существования особого класса систем — систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Последние достаточно существенно отличаются от систем с внешним метасистемным уровнем и не могут быть сведены только к эффектам их усложнения. Отсюда следует, что главным направлением и основным условием развития системного подхода в целом должна выступать его эволюция в направлении ассимиляции им категории метасистемного уровня. Такая его трансформация создает необходимые основания для изучения и объяснения всех *реально* существующих классов систем, в том числе и системы со «встроенным» метасистемным уровнем.

Наряду с этим предложенная трактовка понятия метасистемного уровня, а также развитые представления о системах со «встроенным» метасистемным уровнем и обоснование принадлежности к ним психики показывают, что современные варианты системного подхода не вполне адекватны атрибутивной природе психики. В любой своей разновидности они базируются на признании факта лишь внешнего существования метасистемного уровня, тогда как специфика и даже уникальность психики состоит в том, что она является системой со «встроенным» метасистемным уровнем. При этом следует подчеркнуть, что психология выступает уже не только в качестве «пользователя» системного подхода, но и в качестве активного, *продуктивного* начала его собственного развития. Она не только вскрывает ограниченность его современного состояния, но и указывает на конкретные направления его развития, эволюции.

Кроме того, на этой основе открываются новые возможности не только для адекватной концептуализации, обобщения и объяснения ряда достаточно общих результатов, феноменов и закономерностей. Не менее значимо и то, что вполне отчетливо вырисовываются реальные и вполне конкретные направления развития самого системного подхода, определение главного вектора его эволюции. Этот вектор предполагает необходимость (а в свете представленных материалов — и возможность) *трансформации системного подхода в метасистемный подход*. Второй выступает по отношению к первому как один из его пост-

неклассических вариантов; он должен быть понят не только как закономерный продукт его развития, как его новый этап, но и как своеобразное диалектическое снятие. Дело в том, что ряд весьма общих закономерностей, описанных с помощью системного подхода и получивших в нем статус методологических императивов, как правило, представлен в метасистемном подходе существенно иначе, а в ряде случаев в инверсионном виде.

VII

Таким образом, на основе проведенного выше анализа можно сделать следующее заключение обобщающего плана. Те основные трудности и противоречия традиционных вариантов системного подхода, к которым привело его развитие и которые свидетельствуют об ограниченности его гносеологических возможностей, могут быть в значительной мере преодолены при условии концептуального расширения содержания самой категории «система». Для такого расширения не только предполагается, но и объективно требуется дифференциация особого, качественно специфического класса систем, обладающих уникальной – атрибутивной для них особенностью – «встроенностью» в их состав и содержание метасистемного уровня их организации. Их, как следует из вышеизложенного, целесообразно обозначить понятием систем со «встроенным» метасистемным уровнем.

Обоснованность и конструктивность такого подхода (а по нашему мнению – и необходимость в нем) обусловлена еще и тем, что с его позиций может быть более полно решены две следующие задачи. Во-первых, с этих позиций достигается большее приближение к раскрытию реальной сложности и многомерности, полиструктурности и многокачественности психического, к выявлению закономерностей и механизмов его самоорганизации. Во-вторых, с этих позиций удастся не только в существенной степени преодолеть некоторые сформулированные к настоящему времени в методологии системности трудности. Важно и показательно также то, что становится возможным выявление целого ряда новых фактов, закономерностей и механизмов в различных и притом важнейших сферах психологической проблематики. В силу этого развитие представлений о *предмете*, достигаемое посредством реализации по отношению к нему усовершенствованного *метода*, не только возможно, но и настоятельно необходимо для дальнейшего совершенствования самого метода и создает для этого необходимые предпосылки. В свою очередь усовершенствованный метод позволяет расширить и углубить представления о предмете исследования. Во всем этом находит свое конкретное проявление общая диалектика предмета и метода познания в целом и психологического познания в частности, взаимообусловленность и взаимодействие их эволюции. Эта диалектика предполагает необходимость существенных концептуальных трансформаций самого системного подхода и его эволюции в направлении преобразования в *метасистемный подход*.

Вместе с тем данное заключение с логической необходимостью приводит к постановке и иных очень важных вопросов методологического плана. Один из главных среди них состоит в следующее: каков *объем понятия* «систем

со «встроенным» метасистемным уровнем»? Какие *разновидности* этих систем существуют и вообще — существуют ли эти разновидности как таковые; или же психика является единственным и потому — уникальным их представителем? Какова предметная сфера отнесенности метасистемного подхода? Смысл этих вопросов можно сформулировать и несколько иначе. Образуют ли системы со «встроенным» метасистемным уровнем некоторый *класс*, внутри которого они дифференцируются на виды, типы? Или же это не класс систем, а одна специфическая и уникальная система, в качестве которой выступает психика? В известном смысле данный вопрос вообще является ключевым, поскольку именно от него зависит определение границ действия, ограничение сферы применимости метасистемного подхода как такового. Тот или иной вариант ответа на него будет определять *меру обобщенности* всех положений, составляющих содержание метасистемного подхода в целом. Или данный подход справедлив для определенного *класса* систем? Или же он адекватен природе лишь *одного*, хотя и уникального по своей значимости *вида* систем — для психики?

По всей вероятности, на современном уровне развития теоретических представлений пока нельзя дать полный и исчерпывающий ответ на данный вопрос. Вместе с тем можно предложить следующий вариант его решения. Есть основания считать, что такого рода системы действительно представляют собой определенный *класс*, внутри которого могут дифференцироваться как минимум *три* основных типа.

Во-первых, как мы показали выше, психика *в целом* представляет собой такого рода систему, причем в ее максимально полном и развернутом проявлении. Во-вторых, поскольку метасистемный принцип, как было установлено в достаточно большом количестве исследований, действительно воплощается — мультиплицируется в организации основных подсистем, «составляющих» психики, то и эти *базовые подсистемы* также необходимо включить в данный класс. Более того, на наш взгляд, именно их совокупность составляет основную часть всего объема данного класса. Он как раз и образован в значительной своей части базовыми подсистемами психики, из которых синтезирована метасистема психического. Можно предположить также, что именно наличие «встроенного» метасистемного уровня должно рассматриваться как общее *родовое* и, возможно, главное свойство отдельных «составляющих» психики, а также и психикой в целом.

В-третьих, не только возможен, но и, по нашему мнению, необходим еще один способ дифференциации рассматриваемых систем. Он, однако, имеет противоположный по своей ориентации вектор и направлен не «вглубь» психики, а «вне» ее. Он требует перехода в плоскость *интериндивидуальных* взаимодействий, т. е. в сферу межличностных отношений и интересубъектной организации. Поясним сказанное. Дело в том, что, как показывают специально выполненные исследования, *групповая* форма организации также наиболее полно раскрывается с позиций метасистемного принципа (Карпов, 2017). Действительно, трудно не видеть того — очевидного и явного, но именно поэтому и важнейшего обстоятельства, смысл которого заключается в следующем. *Общая* организация групповой формы по своему *содержанию* определяется и даже во многом «состоит» из всего того,

что имеет исходно *внегрупповую* локализацию. Эта организация именно *в целом*, т. е. на ее *общесистемном* уровне, образована тем, что «не выводится» из характеристик, включенных в нее индивидов и не сводится к ним, а принадлежит к метасистеме — к социальному метаконтексту, в котором и формируется сама группа. Групповое функционирование разворачивается на основе факторов и детерминант именно социального, общественно выработанного плана (Журавлев, 2005). Они носят надличностный, надындивидуальный характер и не могут быть редуцированы до аддитивной совокупности, до рядоположенного множества характеристик интраиндивидуального, интраличностного плана. Кроме того, важнейшими и определяющими среди них являются общие факторы и детерминанты, которые и составляют суть и основное содержание социального как такового. Это прежде всего нормы и ценности, роли и правила, установки и стереотипы, императивы права и морали и экспектации и мн. др.

Следовательно, метасистема (социум или его локальные «составляющие») оказывается функционально включенной — «встроенной» в групповую организацию. Причем она представлена именно на ее высшем, т. е. общесистемном, уровне групповой организации. Сам же этот уровень обретает уже не раз констатированную выше двойственность, точнее, двуединство своей атрибутивной природы. С одной стороны, он характеризует систему в целом (в данном случае — группу), является носителем ее собственных содержательных характеристик. С другой стороны, он именно содержательно выступает как производный от содержания метасистемы в целом, *образован* этим содержанием. Благодаря такому двуединству, данный уровень соотносится и с системой, и с метасистемой *одновременно*: он локализован и «внутри», и «вне» самой системы. Имеет место все тот же общий механизм «встраивания» метасистемы в структурную организацию самой системы. Метасистемный уровень одновременно принадлежит и метасистеме (социуму), и системе (группе); в результате этого возникает и еще один базовый механизм, описанный выше, — механизм *метасистемной обратимости*, а также те следствия, которые им порождаются. Сама же групповая форма организации с необходимостью раскрывается с этих позиций как принадлежащая к специфическому классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Тот уровень, который исходно и объективно (онтологически) локализован вне самой группы и который образован ее взаимодействиями с метасистемой — социумом, оказывается действительно функционально представленным, репрезентированным, т. е. «встроенным» в содержание и структурную организацию группы. Более того, он локализуется на высшем, т. е. именно общесистемном, уровне ее организации. Необходимо подчеркнуть, что рассмотренные выше положения относительно групповой формы организации справедливы (см.: Карпов, 2015а) по отношению к *организациям* различного масштаба. Другими словами, *третьим* подклассом систем со «встроенным» метасистемным уровнем могут считаться те системы, которые формируются посредством синтеза базовых представителей такого рода систем — индивидуальных психик (т. е. группы и целые организации). Они в своей совокупности составляют содержание того макрокласса систем, которые традиционно обозначаются как *рефлексивные системы*.

VIII

Итак, можно видеть, что эксплицированный выше факт множественности систем рассматриваемого класса является критически значимым аргументом в пользу правомерности основной идеи метасистемного подхода, состоящей в том, что, наряду с системами всех иных типов и классов — в том числе традиционных — существует еще один глубоко специфический в качественном отношении класс систем. Его главная и атрибутивная особенность состоит в том, что в системах данного класса качественно трансформируются и, по существу, *инвертируются* по сравнению с традиционно принятыми отношения между ними и теми метасистемами, онтологическими составляющими которых они объективно являются. Это означает, что та метасистема, в которую они входят, сама может транспонироваться в их содержание и организацию. При этом подчеркнем еще раз, что речь идет, конечно, не об онтологической, а только о *функциональной* представленности.

Такая функциональная представленность — «встроенность» метасистемы в систему приводит к тому, что сама метасистема начинает выступать в некотором смысле как ее локальная «составляющая». В результате этого складываются не вполне обычные и отчасти — парадоксальные отношения между ними. Метасистема, не переставая быть таковой, одновременно становится частью — подсистемой для системы, которая была (и продолжает оставаться) ее собственной «составляющей»; метасистема становится субсистемой. Кроме того, система, включая в себя метасистему как свой компонент, сама начинает выступать как метасистема (не утрачивая, однако, своего исходного, т. е. системного, статуса). Эту же мысль можно сформулировать и по-другому. Некоторая реальность может *одновременно* выступать и как метасистема, и как система, а сами эти понятия (и реальность, которая ими обозначается) не являются поэтому абсолютными, они относительны. По отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем они могут описывать и реально описывают, характеризуют одну и ту же реальность. И наоборот, эта реальность с необходимостью для своего полного описания и раскрытия должна быть одновременно представлена и как система, и как метасистема, т. е. с позиций принципа дополнительности.

Все эксплицированные выше особенности систем рассматриваемого класса обуславливают и существование иных, также важнейших их особенностей и закономерностей. Подчеркнем, что речь идет именно о тех категориях закономерностей, которые рассматриваются в гносеологии как главные, определяющие и обозначаются понятиями *структурных, функциональных, генетических* и *интегративных* закономерностей.

IX

Так, прежде всего, системы данного класса весьма специфичны в плане их *структурной* организации. Их наиболее явная и даже в известной степени формальная особенность заключается в том очевидном, но одновременно и основополагающем факте, что эти системы включают в свой состав *новый* уровень — мета-

системный. Отсюда, в свою очередь, вытекает два важных методологических следствия. Одно из них состоит в том, что в сферу изучения и, соответственно, в арсенал его методологических оснований должен быть включен новый предмет (метасистемный уровень) и новые процедуры исследования (метасистемный подход). Другое важное следствие заключается в том, что появление в системе какого-либо нового уровня ведет либо к ее переструктурированию, либо к качественным спецификациям всех иных уровней, либо и к тому и к другому (Акофф, Эмери, 1974; Месарович и др., 1973; Рубинштейн, 1973). Следовательно, возникновение метасистемного уровня также трансформирует все иные ниже лежащие уровни. Он начинает оказывать не только значимое, но и, возможно, определяющее воздействие на них.

Не менее важным в структурном плане является и еще одно отмеченное выше положение о принадлежности к этому классу не только психики в целом, но и ее основных, базовых «составляющих». Из него, в свою очередь, вытекают два новых следствия. Такая общность принципов организации целого и его частей позволяет переносить, транспонировать механизмы и закономерности функционирования первого на вторые. Именно это лежит в основе эксплицированного выше механизма *мультиплицирования*, при котором потенциал психики в целом может многократно воспроизводиться в ее частных, хотя и важных аспектах, проявлениях, функциях. Целое может повторять себя в частях, перенося на их организацию, в том числе и прежде всего на их структуру, основные особенности своего функционирования. Тем самым резко расширяется собственный потенциал частей, что является чрезвычайно ценным с общеадаптационной точки зрения. При этом складывается иная, нежели в традиционных системных представлениях, картина соотношений целого и частей, системы и компонентов. Целое (система) уже не *состоит* из частей (компонентов), а *реализуется* в некоторой совокупности основных функций (которые, впрочем, сами порождены этой системой). Это означает, что на каждую из функций может переноситься (транспонироваться) потенциал системы в целом. Такой перенос позволяет ей резко расширять, по существу, умножать, т. е. именно *мультиплицировать* (в прямом и непосредственном значении данного понятия) свои функциональные возможности¹.

Все вышеизложенное означает, что определенный класс систем, придя в ходе своей эволюции к метасистемному принципу организации как базовому и наиболее общему для них в целом, как отмечалось, обретает и способность воспроизводить, повторять его по отношению к организации своих основных «составляющих». Тем самым общий принцип расширяет сферу своего действия и соотносится не только с системой в целом, но и с ее основными «составляющими». Он воспроизводится, мультиплицируется в их организации. В результате этого и система в целом обретает очень важную особенность — подобие, достигающее до степени изоморфизма, основного принципа организации и принципов организации основных «составляющих». И именно это является важным,

¹ Можно видеть, что посредством обращения к данному механизму по-новому ставится и частично решается вопрос о правомерности и конструктивности голографического принципа по отношению к организации психики.

не исключено, что и определяющим, фактором обеспечения ее онтологического единства и целостности.

Далее, сформулированные выше представления позволяют более полно, точно и адекватно учесть и объяснить важнейшую фундаментальную и основополагающую категорию особенностей систем (прежде всего собственно психических) — их структурно-уровневой организации. Эти представления показывают, что метасистемный уровень не только может, но для определенного класса систем и должен быть включен в их состав, точнее, в их общую структурно-уровневую организацию. Тем самым создаются необходимые и достаточные предпосылки для того, чтобы предложить обобщенное решение проблемы структурно-уровневой организации систем в весьма широком диапазоне различий их собственных характеристик. Как известно, основной трудностью на пути решения данной проблемы является сохраняющаяся до сих пор несформулированность четких и обоснованных представлений о критерии-дискриминаторе уровней организации систем. Им является такой критерий, который позволяет дифференцировать (выделить и различить, т. е. именно распознать) в исходной целостности базовые уровни ее структурной организации. Наряду с ним существуют и критерии иного типа, которые можно обозначит как критерии-верификаторы. Они направлены на то, чтобы обосновать, т. е. именно верифицировать, существование качественных различий между уровнями, устанавливаемыми посредством критерия-дискриминатора. При этом следует обязательно иметь в виду, что общая система критериев уровневой дифференциации принципиально множественна, т. е. предполагает существование глубоких различий между уровнями одновременно по нескольким основным параметрам. Дифференцируемые уровни должны иметь глубокие качественные различия по своему содержанию; выступать различными по характеру интегративных средств и механизмов, лежащих в их основе; обеспечивать качественно различные типы взаимодействия системы со средой; иметь глубоко различные феноменологические проявления; включать специфические и разнородные по отношению друг к другу компоненты и др.

Кроме того, они должны также воспроизводить и еще одну группу закономерностей — закономерности *межуровневых* взаимодействий, обеспечивающих их целостность в рамках дифференцируемой системы. Главной из них является иерархический принцип организации уровней.

Опираясь на эти положения методологического плана, мы считаем возможным предложить следующее решение данной проблемы. Любая достаточно сложная целостность представляет собой организацию ряда подсистем различного ранга (и, соответственно, различной сложности), обладающих собственными качественными характеристиками. Эти подсистемы и выступают интегративными уровнями ее организации. Согласно общему решению данной проблемы, в структуре сложного целого (явления, процесса) необходимо дифференцировать как минимум следующие интегративные уровни. Во-первых, уровень целостности, на котором явление, процесс представлены во всей полноте состава, структуры и качественных характеристик. Это собственно системный, или *общесистемный*, уровень. Во-вторых, уровень отдельных подсистем, включенных

в сложное целое, формирующихся для обеспечения ее различных функциональных проявлений («функциональные органы» системы) и имеющих собственное достаточно сложное строение. Это *субсистемный* уровень. Он принципиально гетерогенен, поскольку предполагает множество различных по сложности частных декомпозиций системы. В-третьих, уровень структурных компонентов как базовых единиц целого. Наряду с этим следует учитывать, что в психологии (в силу предельной сложности предмета изучения) он специфичен и дифференцируется на два качественно своеобразных по своим характеристикам уровня — собственно *компонентный и элементный*. Под компонентом понимается такое простейшее образование, которое еще обладает качественной специфичностью целого. Под элементами понимаются те структурные составляющие, из которых образованы компоненты, но которые уже утрачивают качественную определенность целого (хотя и являются его онтологически необходимыми составляющими)¹.

Наряду с этим, с позиций общего решения проблемы иерархии уровней необходимо учитывать и то, что любая сложная целостность сама выступает как составляющая еще более широкой и общей метасистемы. В составе последней то или иное явление (процесс) вообще только и может существовать не как абстракция, а как онтологическое образование; приобретает свое конкретное «внутрисистемное» бытие (Кузьмин, 1984). Во взаимодействии с метасистемой явление, процесс приобретают новые качественные характеристики, измерения и параметры, которые образуют в совокупности высший (метасистемный) уровень организации. Более того — и это главное для систем, являющихся предметом собственно психологического познания, — *метасистемный* уровень, как было показано выше, может быть функционально включен, «встроен» в их структурно-уровневую организацию, включен в их состав и содержание. Следовательно, собственная структура этих систем, иерархия их основных уровней обязательно предполагает необходимость дифференциации этого уровня как самостоятельного, качественно специфического, несводимого к иным уровням и тем более — лишь к эффектам взаимодействия системы с метасистемами, в которые она онтологически включена.

Наконец, сформулированные выше положения позволяют несколько иначе, нежели это принято традиционно, интерпретировать соотношения двух базовых механизмов организации систем — принципов *иерархичности* и *гетерархичности* в целом, а также содействуют решению конкретной проблемы их внутренней противоречивости, доходящей до степени антагонизма. В самом деле, если целое действительно обладает способностью мультиплицировать себя (точнее, свои базовые характеристики) в своих основных «составляющих», то последние становятся в определенном отношении и в известном смысле «равномощными» самому целому. Целое (метасистема) уже не столько «состоит из» своих частей (отдельных систем), сколько вся реализуется в каждой из них. Потенциал целого, как уже отмечалось выше, при этом фактически умножается, а сама метасистема резко расширяет свои функциональные возможности. Однако еще более зна-

1 Необходимость выделения этих двух уровней, как мы отмечали выше, была обоснована Ф. де Соссюром и развита по отношению к психологической проблематике Л. С. Выготским (Выготский, 1956).

чимым является то, что все основные части, «составляющие» целого становятся однопорядковыми, подобными по своим характеристикам, т. е. практически *паритетными* и одинаково значимыми для его организации.

Х

Системы данного класса характеризуются специфическими закономерностями *функциональной* организации. Причем они являются не только тесно взаимосвязанными с рассмотренными выше структурными закономерностями, но и, по существу, производными от них. Действительно, для систем анализируемого класса их высший структурный уровень предполагает репрезентирование в их составе содержательных и иных характеристик самой метасистемы. Причем наиболее важно и показательно то, что чем полнее и адекватнее будет такое репрезентирование, тем большими возможностями будет обладать сама система. Следовательно, возникает объективная необходимость в максимизации содержательных, информационных характеристик такого репрезентирования. В связи с этим компонентный состав метасистемного уровня, а, следовательно, и всей системы формируется не по принципу «ограничения и отграничения» от среды, а по противоположному принципу – включения ее в себя. Он является в этом случае принципиально неограниченным, открытым: чем более неограниченным он будет, тем эффективнее будет и вся система. В результате этого он по своим объемным, количественным характеристикам представит практически всегда как очень большой и даже фактически необозримый. К тому же он находится в состоянии постоянного обогащения, изменения, достройки и трансформации.

Однако, с другой стороны, любая система обладает *конечностью*, предельностью собственных возможностей любого типа (ресурсных, временных, энергетических, информационных и пр.). Это, разумеется, относится и к системам со «встроенным» метасистемным уровнем. По отношению к психике совокупность такого рода ограничений (так называемых «предельных характеристик психики») хорошо известна и достаточно изучена¹. Подчеркнем, что обе указанные особенности – это объективно присущие психике черты; они должны быть как-то согласованы, «примирены», что, казалось бы, абсолютно невозможно в связи с их очевидной антагонистичностью. Другими словами, возникает объективная необходимость в таком механизме функциональной организации системы, который снимал бы противоречие между принципиальной неограниченностью ее компонентного состава и столь же принципиальной ограниченностью ее функциональных ресурсов.

Поскольку в качестве «единиц» компонентного состава психического представлены в основном информационные сущности – знания, ментальные репрезентации, элементы опыта и пр., то сделанное заключение можно конкретизировать. Возникает необходимость такой формы и механизма функциональной

¹ Эти объективно присущие психике ограничения иногда даже служат основой для обобщенных концептуальных построений, например, для «теории ограниченной рациональности» Г. Саймона (Simon, 1947).

организации знаний, информации, опыта, такой их «упаковки», которая учитывала бы два указанных выше антагонистических обстоятельства. Она должна быть одновременно и ограниченной, и неограниченной (по крайней мере субъективно). По отношению к психике как системе со «встроенным» метасистемным уровнем существование и смысл такой формы очевиден и изучен в психологии. Действительно, для нее атрибутивно характерен такой способ организации (и, соответственно, бытия) их компонентного состава, который предполагает принципиальную *двойственность* существования самих компонентов. Для понимания этой двойственности, точнее, двух взаимообратимых модусов существования компонентов, могут быть применены различные оппозиционные пары понятий: актуальное—потенциальное, реальное—виртуальное, эксплицитное—имплицитное. Это означает, что в любом случае, в любом «акте бытия» содержание систем со «встроенным» метасистемным уровнем не сводится лишь к тем компонентам, которые актуально (реально, эксплицитно) вовлечены в него. Всегда имеет место нечто такое, что «остается за кадром», образует контекст и фон, что представлено в потенциальной, имплицитной, виртуальной форме. Однако для того, чтобы компонентный состав системы сохранялся в ней, не будучи включенным в ее актуальное содержание (причем на протяжении больших и очень больших временных интервалов), нужны соответствующие механизмы.

Другими словами, с этой точки зрения системы со «встроенным» метасистемным уровнем раскрываются как системы, которые могут существовать лишь при наличии и взаимодействии двух модусов их компонентов, их содержания в целом — актуального и потенциального; они предстают как системы с эксплицитным и имплицитным, реальным и виртуальным содержанием одновременно.

Вместе с тем в целях обеспечения этого необходим соответствующий механизм, который представлен по отношению к психике как вся совокупность мнемических процессов и механизмов. Иными словами, системы со «встроенным» метасистемным уровнем — это обязательно системы с памятью. Сам феномен памяти (в широком смысле) раскрывается с этих позиций как необходимое следствие функциональной организации компонентного состава такого рода систем. Однако, как свидетельствуют многочисленные и очень глубокие психологические исследования, феномен субъективного *времени* интимно связан именно с мнемическими процессами. Он атрибутивно сопряжен с памятью не только как с процессом, но и как фундаментальной способностью психики¹. И здесь мы вплотную подходим к очень обширной и крайне значимой проблеме — к проблеме психологии времени, к проблеме субъективного времени (или в традиционной формулировке к проблеме «отражения времени»).

В то же время, нельзя не отметить и еще одно следствие, которое непосредственно вытекает из результатов проведенного анализа. В силу атрибутивных особенностей функциональной организации компонентного состава, в первую очередь главной из них — двойственности его существования и в актуальной, и в потенциальной форме, а также обратимости этих форм, системы со «встро-

¹ В этом отношении следует прежде всего отметить фундаментальные труды по данной проблеме П. Жане (2009), А. Бергсона (1913), Ж.-М. Гюйо (1889), Э. Гуссерля (1994), Дж. Уитроу (1964), М. С. Роговина (1977) и др.

Раздел II

енным» метасистемным уровнем содержат предпосылки для возникновения их собственного *внутреннего* времени. На уровне психического оно представлено как *субъективное* время. Благодаря этому становится возможной существенно более успешная адаптация к параметру времени как таковому, а частично — и управление им. Если все иные системы, кроме систем со «встроенным» метасистемным уровнем, *функционируют* во времени, то сами они наряду с этим еще и *порождают* свое собственное время. Оно, однако, в конечном итоге, является средством репрезентации объективного времени, способом включения временной «координаты» реальности в организацию психики и регуляцию поведения.

Данный вывод содержит необходимые предпосылки для решения тех вопросов, которые связаны с выявлением закономерностей их собственно *процессуальной* организации. Действительно, с позиций этого вывода становится понятным, что системы со «встроенным» метасистемным уровнем приобретают совершенно новую и специфическую (если не сказать — уникальную) способность. Это способность распределять свой функциональный ресурс вдоль «оси времени», осуществлять его временное структурирование. Другими словами, возникновение феномена субъективного времени и, соответственно, возникновение способности не только приспособления ко времени, но и способности *использовать* время как основу для структурирования своего функционирования означает, что система оказывается в состоянии управлять процессами собственного бытия. Сам процесс как организованная и закономерным образом синтезированная совокупность этапов должен быть понят и как своего рода *временная система* — как продукт временной упорядоченности различных функциональных проявлений системы, ее функциональных возможностей. Чем более эффективно организована эта система, т. е. чем более структурирован процесс, тем выше его продуктивность.

С этих позиций очевидна необходимость реализации всего арсенала методологии системности по отношению не только к структурно-содержательному (субстанциональному) аспекту объектов исследования, но и по отношению к их функциональной организации. Широко изучающийся в настоящее время феномен структурно-содержательной, точнее, субстанциональной системности, не является, однако, единственным. Он должен быть дополнен другим важнейшим типом системности — временной, *темпоральной* (диахронической) системностью, эксплицирующей системность организации самого процесса функционирования. Объекты внешнего мира и психические явления системны не только в их «уже ставшем» виде, но и в самом процессе функционирования процессуально системны. И это функционирование является источником новой категории системных качеств — временных, обнаруживаемых в плане целостной временной динамики процесса.

XI

Системы данного класса обладают и качественным своеобразием в плане еще одной категории закономерностей — *генетических*. Прежде всего, по отношению к их генезису в целом можно констатировать следующую, довольно своеобраз-

ную, если не сказать эксклюзивную, ситуацию. Дело в том, что важнейшим звеном этого генезиса является, как показано выше, формирование особого — метасистемного уровня организации в общей структуре психики. По своему содержанию, а частично и по закономерностям, как опять-таки показано выше, он представляет собой «удвоенное бытие» метасистемы объективной реальности в целом, ее превращенную, идеальную форму. Более того, чем полнее и адекватнее, точнее и детализированнее будет содержательное соответствие метасистемного уровня с ней, тем большие предпосылки складываются для решения индивидом практически любых деятельностных и поведенческих задач, для реализации им общеадаптационных функций.

Следовательно, с собственно содержательной точки зрения генезис метасистемного уровня — это в значительной степени *воссоздание* в психике объективной реальности, построение ее моделей, синтезированных в общую картину мира, в образ мира. Поэтому и сам генезис метасистемного уровня как «встроенного» в структуру психики является в определенном смысле процессом формирования того, что уже существует, но одновременно и процессом превращения этого «уже существующего» в его инобытие — в идеальную форму. В этом процессе имеет место достаточно специфическое соотношение продуктивных и репродуктивных тенденций генезиса.

Обычно само понятие генезиса (формирования, порождения) принято ассоциировать именно с *продуктивными* процессами, с генеративным началом в развитии психики. Генезис — это и есть создание, порождение, возникновение и развитие (закономерно, что понятия *генезиса* и *генеративности* обладают очевидным этимологическим родством). Вместе с тем по отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем традиционная трактовка генезиса должна быть, по-видимому, расширена. Он не только может, но и обязательно должен быть также и репродуктивным, воссоздающим. Лишь при условии констатированной воссоздаваемости внутренняя модель мира — его репрезентация в психике будет адекватна внешнему «оригиналу». Собственно говоря, эта воссоздаваемость внешнего мира в мире внутреннем и лежит в основе формирования системы знаний о внешнем мире во внутреннем, феноменологически представленной как сознание. Однако — и в этом проявляется истинная диалектика и реальная сложность рассматриваемого генезиса: он в действительности двойствен. Будучи воссоздающим, репродуктивным по содержанию формирующегося метасистемного уровня и по отношению к связи этого содержания с содержанием объективной реальности, он в то же время, без сомнения, *продуктивен*. Более того, именно благодаря репродукции объективной реальности «внутри себя», развитие субъекта и приобретает продуктивный, генеративный характер. Сам же генезис метасистемного уровня поэтому является и продуктивным, и репродуктивным, и воссоздающим (объективный мир), и создающим (субъективный мир) одновременно. Чем более полно представлены в нем эти два диаметрально противоположные начала, тем он в целом более совершенен.

Во всем этом проявляется истинная сложность, противоречивость и своеобразие генезиса систем со «встроенным» метасистемным уровнем. В нем в значительной степени сохраняются принципы, описанные в концепции системо-

генеза – принципы неравномерности и гетерохронности, прогрессирующей интеграции и нарастающей дифференциации, обеспечения достаточного эффекта и одновременности закладки компонентов системы, а также принцип целевой детерминации. Вместе с тем наряду с ними сами эти принципы раскрываются *новыми*, дополнительными гранями; выходят за рамки своего исходно установленного содержания, а иногда и приобретают инверсионную форму. Поясним сказанное. Так, в частности, принцип неравномерности генезиса компонентов означает, что общей закономерностью развития систем являются существенно разные темпы формирования тех или иных ее компонентов на всем интервале ее развития. Другой принцип – гетерохронности – означает, что различные компоненты системы развиваются наиболее интенсивными темпами на разных временных интервалах ее общего генезиса, а для каждого из них существует сензитивный период. Иными словами, оба этих принципа являются частными аспектами временной дифференцированности, «хронологической специализированности» общего процесса генезиса. Они, разумеется, сохраняются и в генезисе систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Однако по отношению к ним общий «вектор» генетических тенденций существенно изменяется. Дело в том, что генезис метасистемного уровня и генезис всех иных уровней теснейшим образом взаимосвязаны и взаимодействуют; степень их сформированности напрямую зависит друг от друга. В связи с этим существенно большую роль в общем процессе генезиса систем со «встроенным» метасистемным уровнем играют не механизмы временной специализации и дифференциации (которые проявляются в принципах неравномерности и гетерохронности), а механизмы интеграции, прежде всего метасистемного уровня со всеми иными уровнями, а также их взаимодействием. Например, когнитивный потенциал субъекта, развиваясь и совершенствуясь, создает вполне конкретные предпосылки для развития метакогнитивных процессов (которые, в свою очередь, составляют важную часть всех операционных средств метасистемного уровня). Эти процессы, в свою очередь, в зависимости от меры своего потенциала, создают те или иные условия для собственно когнитивного развития. В силу этого чем более взаимосвязанными и взаимозависимыми будут процессы генезиса метасистемного уровня и всех иных уровней, тем эффективнее будет и общий генезис психики. Таким образом, в плане обеспечения синергетичности генезиса метасистемного уровня и иных уровней на первый план выступает уже не их неравномерность, а наоборот, *равномерность*; не их гетерохронность, а наоборот, *синхронность*. Лишь при такой трансформации и даже инверсии исходного смысла системогенетических принципов неравномерности и гетерохронности возможно обеспечение синергетических отношений метасистемного и иных уровней, *итеративность* (спиралевидность) их взаимного развития. Аналогичная по своему общему смыслу ситуация имеет место и по отношению к иным системогенетическим принципам.

Итак, формирование и развитие систем без «встроенного» метасистемного уровня – это действительно процесс системогенеза. Протекая по определенным системогенетическим принципам, он имеет свое специфическое содержание, свою закономерную этапность и пр. В конечном итоге он приводит к развитию

зрелой системы (в частности, психики), которая функционирует по атрибутивно присущим ей закономерностям, системным по своей природе. Эти собственно системные закономерности структурной и функциональной организации становятся основными, а психика в целом и ее основные подсистемы базируются на них как на своих основных механизмах. Вместе с тем возникновение метасистемного уровня создает условия для того, чтобы стала возможной объективация психики для самой себя в качестве некоторого оппозиционированного, условно внешнеположенного объекта. Психика становится в состоянии отнестись к самой себе как к целому, как к системе. Метасистемный уровень означает своего рода метаплоскость, с позиций которой оказывается возможной регуляция и воздействие на систему — психику; оказывается возможным своеобразный «выход» за ее собственные пределы. Зрелая, сформированная психика, благодаря именно сформированности метасистемного уровня, не только базируется на системных закономерностях, но и активно *использует* их в отношении себя как операционные средства. Управлять собой и регулировать себя (т. е. саморегулировать) можно лишь в том случае, если существует средство для экспликации и затем использования тех закономерностей, на которых базируется организация психики. Однако сами они могут быть использованы именно как средства саморегуляции лишь в том случае, если сформирован метасистемный уровень как таковой.

Следовательно, и генезис систем со «встроенным» метасистемным уровнем — это не просто системогенез в его классическом понимании как развитие системы. Он обязательно предполагает не только *формирование системы*, но и формирование способности системы использовать свои же собственные закономерности в качестве операционных средств саморегуляции, т. е. *развитие системности* как механизма этой регуляции. Именно этим генезис систем со «встроенным» метасистемным уровнем отличается от генезиса иных типов систем. Для его обозначения более адекватным, на наш взгляд, является не понятие системогенеза, а понятие *метасистемогенеза*. В своем широком значении данное понятие фиксирует общий генезис особого, качественно специфического класса систем со «встроенным» метасистемным уровнем. В его основе лежит формирование и развитие целостной иерархии пяти базовых макроуровней, прежде всего метасистемного уровня их организации. В своем более конкретном, узком и производном от первого значения данное понятие фиксирует такой специфический тип системного генезиса, который означает не только формирование и развитие системности как таковые, но и формирование способности системы использовать свои же собственные закономерности в качестве операционных средств саморегуляции — развитие системности как механизма этой регуляции. И именно данное понятие и, соответственно, данный тип генезиса должны быть проинтерпретированы как базовые для реализации метасистемного плана исследования в целом. Они позволяют поставить и в определенной мере решить ряд достаточно значимых в теоретическом отношении вопросов, раскрыть новые грани и закономерности развития систем.

Так, например, традиционно принято считать, что сама суть генетического развития систем (именно как системогенеза) состоит в обретении все большей ор-

ганизованности, структурированности, упорядоченности и целостности. Иными словам, доминирующий акцент делается на, так сказать, «позитивном» аспекте системогенеза, связанном с приданием формирующимся образованиям системности и интегрированности большей организованности. Вместе с тем, как уже отмечалось, нельзя не видеть и того, что по отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем имеет место несколько иная, существенно более сложная картина их генетического развития.

Действительно, с одной стороны, их генезис разворачивается под мощным и нередко определяющим, детерминирующим воздействием той метасистемы, в которую они онтологически включены. Метасистема своими собственными генетическими закономерностями и особенностями, детерминируя развитие включенной в нее системы, тем не менее может вносить и реально вносит в процесс ее формирования не только черты организованности и упорядоченности, но и противоположные черты — черты дезорганизованности, *асистемности*. С другой стороны, еще более существенным и специфическим именно для систем со «встроенным» метасистемным уровнем является то, что и сама метасистема оказывается функционально представленной в их собственном содержании, локализуясь на ее высшем уровне. Поэтому те детерминанты и взаимодействия метасистемы и системы, которые по отношению ко всем иным классам систем имеют *внешнюю* локализацию, транспонируются в их собственное содержание, становятся *внутренними* детерминантами их развития. При этом следует учитывать, что именно метасистемный, высший уровень является, как известно, принципиально *открытым* — через него система не только взаимодействует с другими системами, но в нее постоянно вносятся «возмущения», элементы неупорядоченности, хаоса. Они тем самым становятся и *внутренними* факторами их собственного развития.

Другими словами, те объективно складывающиеся противоречия, которые для всех иных типов систем характеризуют *внешнюю* детерминацию их развития, трансформируются по отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем в их собственные *внутренние противоречия*. На основе этого системы данного класса обретают новый и очень мощный источник возникновения противоречий как факторов развития в целом. Эти ставшие уже внутренними противоречия, элементы дисгармоничности и постоянного внесения дезорганизации, неупорядоченности, хаотичности, т. е. асистемности, становятся важнейшей категорией факторов собственного генезиса данного класса систем. Эти системы характеризуются не только, а в ряде случаев и не столько доминирующей и прогрессирующей тенденцией к нарастанию их организованности, к приданию черт все большей системности, скоординированности, упорядоченности, целостности и пр., сколько перманентным внесением в свое собственное функционирование и развитие противоположных черт — дезорганизации, неупорядоченности, хаотичности, то есть асистемности. Такие черты, порождаемые самой системой, затем, однако, выступают в качестве того, что должно быть преодолено в процессе генетического развития, в качестве внутренних факторов этого развития. Система тем самым, как мы уже отмечали, «движется» не только от неорганизованности к организованности, но и сама может порождать и реально порож-

дает принципиальную дезорганизацию, асистемность как средство придания ей качественно новых и, по-видимому, еще более совершенных форм организации. Порождение, а затем преодоление этой асистемности является поэтому не только атрибутом метасистемогенеза, но и мощным внутренним стимулом для его развертывания как такового.

Вместе с тем это не просто асистемность, но асистемность *продуктивная*, генеративная, поскольку возникающая при этом дисгармония выступает стимулом и источником для внутреннего развития системы деятельности. Возникновение *противоречия* между актуальной асистемностью и необходимостью придания формирующемуся образованию системности выступает тем самым мощным эмерджентным фактором системогенеза. Вообще говоря, представляется не вполне правомерным, а частично и парадоксальным то обстоятельство, что фундаментальная категория *противоречия* как объективного и важнейшего стимула развития как такового все еще явно недостаточно привлекает внимание исследователей, занимающихся разработкой проблемы системогенеза. И наоборот, осознание важности факта перманентно генерируемой продуктивной асистемности как атрибутивной особенности системогенеза позволяет рассматривать механизм ее порождения и преодоления как еще одну общую закономерность системогенеза. Безусловно, механизм продуцирования противоречий, возникающих в ходе развития, является характерным не только для систем со «встроенным» метасистемным уровнем, а имеет достаточно общую сферу действия. Однако именно по отношению к этому классу систем в целом эта действительно общая закономерность обретает новый статус. Она трансформируется из *закономерности* (т. е. того, чему система объективно подчиняется) в *операционное средство* генезиса: система не только «подчиняется» этой закономерности, но и сама порождает, а затем — использует ее в целях своего функционирования и генезиса. Данную особенность генетического развития можно, как мы уже отмечали, обозначить понятием *механизма продуктивной асистемности*. Он является одним из базовых механизмов генезиса систем со «встроенным» метасистемным уровнем.

XII

Наконец, системы данного класса специфичны и в плане еще одной важнейшей категории закономерностей — *интегративных*. В отношении их экспликации ключевым является вопрос о том, обладают ли системы со «встроенным» метасистемным уровнем какой-либо спецификой в плане их собственных интегративных свойств — системных качеств? Возникают ли у них и, если возникают, то какие именно новые интегративно-качественные «измерения», новые категории качественных характеристик?

При ответе на эти вопросы необходимо учитывать, что сам системный подход базируется на еще более общей методологии *качественного анализа*. Одним из главных положений качественного анализа является дифференциация трех базовых категорий качеств как таковых — *материальных, функциональных и системных*. Последние из них (системные) являются, разумеется, наиболее сложны-

ми, и неслучайно, что именно они были открыты и стали предметом научного познания позже иных типов качеств. Среди всего многообразия характеристик, присущих системным качествам, следует выделить две основные – атрибутивно свойственные им особенности. Во-первых, они присущи системе в целом, обнаруживаются лишь на уровне системы (или, по-другому, – на системном уровне) и отсутствуют на всех иных – субсистемных уровнях, т. е. у частей системы, а также у их аддитивной совокупности. Во-вторых, они могут носить сверхчувственный характер, т. е. быть недоступны прямому чувственному восприятию. Они поэтому понимаемы и раскрываемы лишь посредством соответствующих концептуализаций и идеализаций. Оба эти положения считаются базовыми и основополагающими в системном подходе. Они, на наш взгляд, совершенно необходимы для проводимого здесь анализа. Вместе с тем сами по себе они еще недостаточны для экспликации всех особенностей систем со «встроенным» метасистемным уровнем.

Действительно, согласно этим положениям, системные качества – это свойства, которые не только могут быть обнаружены лишь на уровне целого, на уровне системы, т. е. на системном уровне, но и свойства, «выше» и сложнее которых свойств нет, просто по определению. Перефразируя известное выражение, можно сказать, что в классическом системном подходе системные качества рассматриваются как «высший и последний» тип качеств вообще. В отношении основных категорий качеств проявляется своего рода «презумпция несуществования» иных, возможно, более сложных, нежели они, качеств. Вместе с тем можно допустить, что это не вполне так и что, возможно, существуют и иные типы качеств, иные их категории. Как свидетельствуют представленные материалы, общесистемный уровень организации – это не «последний», не обязательно высший уровень организации систем. Существуют и такие системы, в которых роль высшего уровня принадлежит качественно иному уровню – метасистемному. Но тогда со всей остротой возникает вопрос о специфических именно для него качествах. Если системные качества специфичны для общесистемного уровня и обнаруживаются на нем, то какие качества будут специфичны для метасистемного уровня и могут обнаруживаться на нем? Понятно, что данный вопрос является чрезвычайно трудным и находится, по существу, лишь в стадии своей постановки. Вместе с тем проведенный выше анализ позволяет сформулировать некоторые положения, содействующие его решению.

В самом деле, если существуют системы со «встроенным» метасистемным уровнем, а психика в целом и ее основные «составляющие» именно таковы, то в их содержание включен новый, качественно специфический уровень – метасистемный. Этот уровень, естественно, должен иметь свою собственную качественную определенность, а значит, и свои качества, отличные от качеств всех иных уровней, в том числе и от общесистемного (иначе он не может характеризоваться уровнем статусом). Однако для общесистемного уровня атрибутивными, т. е. раскрывающими его качественную определенность, являются системные качества. Следовательно, для метасистемного уровня должны быть характерны такие качества, которые выходят за пределы системных качеств как таковых и являются *метасистемными качествами*. Другими словами, возникает достаточно

обоснованное предположение (в силу формальных, чисто дедуктивных аргументов) о существовании дополнительной категории качеств — метасистемных. Естественно, что данное заключение приводит к постановке еще одной, не менее сложной проблемы, связанной с выявлением их содержательного смысла и конкретных проявлений. Однако заключение об их существовании столь же обоснованно, сколь обоснованно существования и самих систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Уже проведенные в этом плане исследования позволяют дифференцировать как минимум два основных типа такого рода качеств. Во-первых, как показано выше, атрибутивной особенностью систем рассматриваемого класса является их способность к транспонированию в свое содержание качеств, которые присущи той метасистеме, онтологической частью которых они сами являются. Тем самым качества последних становятся и собственными, аутохтонными качествами их самих. Становясь ими, эти качества тем не менее не утрачивают своей исходной определенности, а переносят ее в саму систему и обогащают ее качественную палитру. Собственно говоря, именно этот механизм транспонирования качеств метасистемы (например, социума) в систему индивидуальной психики лежит в основе фундаментального явления социализации личности. Его суть как раз и состоит в том, что исходно метасистемные качества, присущие социуму, становятся собственно системными, присущими самой личности как системе, включенной в него. Во-вторых, метасистемные качества могут генерироваться и посредством внутрисистемных процессов и механизмов. Наиболее яркий и явный пример этого — феномен (точнее, механизм) удвоения когнитивных процессов, лежащий в основе порождения, по существу, всех метакогнитивных процессов. Взятые в целостности и, следовательно, являющиеся носителями качеств этой целостности (системных), они транспонируются сами на себя (удваиваются), что и приводит к удвоению самих системных качеств, т. е. к порождению качеств еще более высокого порядка сложности — метасистемных. Итак, включение в концептуальный аппарат методологии системного подхода и психологии в целом понятия метасистемного уровня организации позволяет сформулировать представления о новом, специфическом типе качеств — о *метасистемных* качествах. Они являются атрибутом взаимодействия метасистемного уровня со всеми иными — нижележащими уровнями. Следовательно, общая совокупность категорий качеств расширяется до четырех базовых категорий — материальных, функциональных, системных и метасистемных.

Таким образом, выше была дана характеристика метасистемного подхода как одного из значимых методологических императивов психологического исследования. Следует подчеркнуть, что обоснованность и конструктивность данного подхода наряду с приведенными выше аргументами теоретического плана подтверждается и достаточно большим количеством исследований, которые выполнены на его основе и позволили получить целый ряд результатов как общего, так и конкретного плана. Этот подход успешно был реализован при изучении таких значимых и общих предметов психологического исследования, как структурно-уровневая организация системы психических процессов, способности, индивидуальные качества, деятельность, сознание, процессы принятия решения, мотивационная сферы личности (см.: Карпов, 2015а).

Глава 12

Энергоинформационный и комплексный подходы в психологии

Энергоинформационный подход в психологии нельзя отнести к числу распространенных и часто применяемых. Вместе с тем психические явления следует понимать в качестве одного из частных проявлений общих законов природы и общества. Энергетика живого организма является наиболее общей характеристикой суммарного обмена веществ и мерой всех многочисленных форм деятельности.

Понимание энергии как неотъемлемой характеристики всех природных явлений сложилось в научном мировоззрении много веков назад. Аристотель использовал понятие «энергия», подразумевая под ним силу, действие. В физиологии и психологии это понятие применял В. М. Бехтерев. Ученый считал, что психология как наука не может ограничиваться рассмотрением одних лишь психических явлений, оставляя без внимания сопровождающие их разнообразные колебания скрытой в нервной системе энергии. Он указывал на то, что происходит обмен энергией между микро- и макрокосмом, между внутренней и внешней энергией. Понятие энергии разрабатывалось и в рамках психоаналитических концепций («энергия либидо» у Фрейда), К. Юнг развивал эту идею в своей работе «Об энергетике души» (Юнг, 2010). Известен подход к энергетике живого организма и психических проявлений с позиций восточных традиций (см., например: Никифоров, 2014; Снетков, 2016). С позиций физиологии концепция о гармоничном или дисгармоничном энергообмене между макрокосмом, микрокосмом и личностью была сформулирована академиком В. П. Казначеевым в концепции адаптации. Он писал о том, что следствием гармонизации энергообмена является восстановление энергетического потенциала, активности личности за счет усиления конституционально-типологических компенсаторных механизмов, в случае же дисгармонизации энергообмена нарастают признаки конституциональной декомпенсации и дезадаптации (Казначеев, 1980). На роль энергии в психике обратил внимание Л. М. Веккер: «Поскольку энергия есть всеобщее свойство реальности, такого рода соотношения неизбежно распространяются на все ее частные формы, в том числе и на область энергетики психических процессов» (Веккер, 2000, с. 42). Американский психиатр и психо-

терапевт А. Лоуэн приходит к выводу, что существует «фундаментальная энергия тела, которая проявляется на психическом уровне и в соматическом движении» (Лоуэн, 1996, с. 22). Он называет ее «биоэнергией» и строит на этом предположении свою систему психотерапии. Для научной разработки этой теории он основал Биоэнергетический институт в Нью-Йорке.

Тезис об информационной, отражательной природе психики традиционно развивался в трудах отечественных ученых. В наиболее оформленном виде эта идея высказана А. Н. Леонтьевым в работе «Проблемы развития психики» (Леонтьев, 1972), он указывает на особенности психического отражения, главной из которых является его сигнальный характер, подчеркивает значение сигнального характера отражения в процессе эволюции живых организмов. Информационные аспекты психических явлений проявляются также в разнообразных феноменах успешности и продуктивности деятельности.

Таким образом, энергетическая и информационная природа психического признавалась учеными, но эти две стороны рассматривалась по отдельности, позднее они были описаны как неотъемлемые части процессов психического регулирования. Лурия вычленил и описал три блока регуляции поведения и деятельности: энергетический; приема, переработки и хранения информации; смысловой регуляции деятельности, — определив их приуроченность к определенным мозговым структурам (Лурия, 1966). Он подчеркивал необходимость их совместной работы для успешного функционирования организма и его развития.

Проблема энергоинформационных соотношений определила одно из направлений исследований, разрабатывавшихся учеными Ленинградской—Санкт-Петербургской психологической школы (Ананьев, 1969; Веккер, Палей, 1971).

В рамках энергоинформационного подхода Б. Г. Ананьев развивал концепцию билатерального регулирования, полагая, что наряду с основным вертикальным, или корково-подкорковым, механизмом регулирования процессов развития и поведения существует дополнительный горизонтальный контур. Вертикальный контур включает корково-подкорковые отношения, в числе показателей его активации были выделены биохимические или гуморальные сдвиги, сосудистые, кожно-гальванические рефлексy, изменения мышечного тонуса. Б. Г. Ананьев называл этот блок регуляции основным. Суть же функционирования дополнительного горизонтального контура составляют межполушарные взаимодействия. Горизонтальный контур регулирования выполняет энергетические и информационные функции в зависимости от характера текущей деятельности. Он указывал, что латеральное доминирование носит относительный, многозначный и временный характер и что в процессе развития и деятельности происходит постоянное перераспределение функций между полушариями, при котором каждое из них принимает на себя то преимущественно энергетические, то преимущественно информационные функции. Исходя из этого, горизонтальный контур может рассматриваться как энергоинформационный механизм распределения во времени моментов активности правого и левого мозга в зависимости от воздействующего объекта, задачи, стоящей в данный момент перед человеком, и выполняемой им деятельности. Такой механизм повышает гибкость управления текущей деятельностью и способствует повышению ее эффективности.

Ученый писал: «Мы пришли к выводу, что большие полушария образуют билатеральную систему регулирования процессов жизнедеятельности и поведения» (Ананьев, 1969, с. 244), и «большие полушария не только потребляют, но и производят энергию, во всяком случае, часть ее, необходимую для их рефлекторной, аналитико-синтетической деятельности» (там же, с. 247).

Основными проявлениями функционирования горизонтальной системы регулирования являются изменения асимметрии различных функций организма. Б. Г. Ананьев полагал, что вертикальная и горизонтальная системы действуют совместно, при этом значение горизонтальной системы и ее вклад в регуляцию поведения приобретают все большее значение в процессе эволюции. Это объясняется тем, что «прогресс регулирования неразрывно связан с совершенствованием процессов отражения и активной ориентировкой организма в окружающем мире» (там же, с. 244). Он доказал это положение на примере исследований, проведенных сотрудниками лаборатории дифференциальной психологии и антропологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета под его руководством. Результаты этих исследований показали фазный характер постепенного становления, стабилизации и увеличения асимметрий психомоторной, зрительной и других систем организма в онтогенезе. Возрастание роли билатерального регулирования в процессе онтогенетической эволюции может обеспечить более длительную сохранность психических функций, полагал ученый. На основании этого предположения Б. Г. Ананьев пишет о возможном существовании двух типов развития: дивергентном и конвергентном. При дивергентном типе развития происходит усиление и упрочение межполушарных взаимосвязей, увеличение роли горизонтальной системы регуляции, что обеспечивает более длительную сохранность функций в онтогенезе. Б. Г. Ананьев писал: «В этих случаях имеет место воспроизводство мозговых ресурсов и резервов в процессе самой нервно-психической деятельности человека как личности, субъекта труда, познания и общественного поведения» (там же, с. 275). При конвергентном типе развития на фоне ослабления кортико-ретикуляторной активности, снижения энергетического потенциала в поздние периоды онтогенеза происходит ослабление и горизонтальной системы регуляции, что сопровождается усилением инволюционных процессов. Данные предположения представляют собой одну из первых попыток подойти с научных позиций к построению типологии развития, опирающейся на особенности психической регуляции. Впоследствии правомерность этих высказываний была подтверждена Л. Н. Кулешовой, показавшей, что степень сохранности трудоспособности определяется не только возрастом, но и активностью человека как личности и субъекта деятельности, а также О. Ю. Стрижицкой, доказавшей роль активизации личностных ресурсов для обеспечения сохранности функций в поздние периоды жизни (Кулешовой, 2003). Для обозначения активизации ресурсов личности в процессе старения ею вводится понятие «геротрансцендентность» (Стрижицкая, 2019).

Развивая энергоинформационный подход, Л. М. Веккер и И. М. Палей пишут о наличии трех групп факторов, свидетельствующих о присутствии энерго-информационных соотношений в психических явлениях. На уровне сенсор-

но-перцептивной организации это отношения между силовыми параметрами стимулов и количественно-качественными показателями реакций и процессов (ощущений, восприятий, представлений, эмоций, мышления). В отношениях между психическими и нервно-физиологическими явлениями это активирующие функции ретикулярной формации и подкорковых структур, влияние тонуса коры на эффективность познавательных функций и других видов деятельности. В качестве третьей группы факторов авторы указывают на многочисленные связи между содержательными (познавательными) и динамическими (эмоционально-волевыми) психическими процессами (Веккер, Палей, 1971).

При подготовке комплексных исследований в 1960-е годы под руководством Б. Г. Ананьева (подробнее см.: Головей и др., 2017; и др.) была проведена работа по определению систем энергетических и информационных показателей для разных уровней индивидуальности: соматических характеристик и реактивности организма, измеряемых по параметрам частоты сердечных сокращений, оксигенации крови, основного обмена. Сопоставление этих параметров с продуктивностью мнемических и интеллектуальных характеристик обнаружило многочисленные взаимосвязи, свидетельствующие о вовлеченности обменных процессов в интеллектуальную деятельность в фоновом состоянии и об увеличении энергетических показателей функционирования организма в условиях напряженной деятельности (Акинщикова, 1969).

В другом исследовании показатели активации по характеристикам L-ритма сопоставлялись с продуктивностью решения мнемических и вербально-логических задач разной степени сложности, что позволило обнаружить соотношение между ними по типу инвертированной U-образной зависимости, соответствующей закону Йеркса–Додсона. Такой же тип соотношений выявлен и на личностном уровне при сопоставлении силы мотива и успешности решения задач (Веккер, Палей, 1971).

В структуре психомоторных показателей также были выделены два блока: энергетический, включающий показатели силы, тремора, спонтанной двигательной активности; информационный с показателями продуктивности (успешности) выполнения двигательных задач, скорости, точности, координации. Исследование выявило большое количество корреляционных связей между энергетическими и информационными показателями в структуре психомоторной организации человека. Обнаружены также межфункциональные связи психомоторики с показателями гемодинамики, температуры кожи, интенсивности потоотделения, что подтверждает предположение об энергетической функции ряда психомоторных характеристик и о существовании единой структуры энергетических параметров организма (Розе-Грищенко, Головей, 1981).

В связи с рассмотрением энергетических затрат на выполнение деятельности Б. Г. Ананьевым было впервые сформулировано понятие о «терморегуляционном эффекте интеллектуального напряжения». Этот эффект определялся величиной сдвигов температуры различных участков кожи в процессе решения интеллектуальных задач (Логинова, 2005). Было произведено более 6000 замеров температуры кожи лба, ладоней рук, правого и левого висков до и после экзамена и тестирования. Экзамен рассматривался как ситуация преиму-

щественно эмоционального, а тестирование по методике Векслера как ситуация преимущественно интеллектуального напряжения. Сопоставление сдвигов кожной температуры показали, что оба состояния сопровождаются усилением теплообразования и изменениями асимметрии показателей. На основании этого был сделан вывод: «Усиленное теплообразование является эффектом интеллектуального напряжения и установочной реакцией в состоянии эмоционального напряжения» (Ананьев, 1971).

Таким образом, в комплексных исследованиях на выборках студентов получило содержательное наполнение понятие интеллектуального потенциала. В ситуациях напряженной деятельности было выявлено также повышение артериального давления, частоты пульса, увеличение оксигенации крови, сдвиги показателей асимметрии. Эти реакции оценивались как энерготраты организма на выполнение деятельности. Обобщая и комментируя результаты исследований в разных ситуациях деятельности, Б. Г. Ананьев выделил два основных момента. Первый из них связан с усилением асимметрий в парных показателях, что демонстрирует пластичность механизма билатерального регулирования и выполняемую им функцию перераспределения ресурсов в соответствии с характером деятельности. Такое перераспределение ресурсов способствует усилению энергетического обеспечения деятельности. Второй факт связан с получением данных, свидетельствующих о том, что более высокие показатели интеллекта характеризуются не только более высокими уровнями внимания и продуктивности умственной работы, но и меньшими энергетическими затратами организма на процесс умственной деятельности, т. е. более эффективной, экономной регуляцией. Это подтвердило идею Б. Г. Ананьева об одаренности, как важнейшем ресурсе и потенциале человека, позволяющем достичь высоких результатов в деятельности с наименьшими энергетическими затратами. Лишь спустя многие годы данное явление получило объяснение в рамках концепции нейро-эффективности мозга (Neubauer, 2009).

В 1980-е годы В. А. Ганзен, разрабатывая системные основания психологии, выделил четыре общенаучных понятия для описания любого объекта: энергия, информация, время, пространство. Он показал, что любое психическое явление может быть описано с позиции соотношения этих основных категорий. Автор рассматривал это положение на примерах психических процессов, состояний и целостной индивидуальности (Ганзен, 1984).

В исследовании интеллектуального потенциала подростков, проведенном сотрудниками Санкт-Петербургского государственного университета в 2003 г., в качестве энергетических характеристик измерялись показатели пульса, температуры тела, силы рук, тремора, времени задержки дыхания и показатели асимметрии. Были подтверждены данные о наличии многочисленных межфункциональных связей продуктивности интеллектуальной деятельности и энергетических характеристик организма. Получены данные о том, что соотношение познавательных, энергетических и личностных характеристик определяется как особенностями этапа онтогенетического развития, так и социальными условиями развития и профилем обучения. В частности, у детей и подростков, проживающих в зонах с повышенной радиацией, выявлено существенное сни-

жение энергетического потенциала, что отражается и в более низких показателях продуктивности их интеллектуальной деятельности (Интеллектуальный потенциал..., 2003).

Дальнейшие разносторонние исследования когнитивной деятельности в связи с энерготратами, проведенные М. А. Холодной с соавт., показали, что усложнение когнитивной деятельности требует увеличения энергозатрат и затрат ментальных ресурсов. При этом «чем выше уровень организации индивидуального ментального опыта, тем в меньшей мере будут расходоваться ментальные ресурсы» на решение задач, что проявляется в снижении уровня активации в процессе когнитивной деятельности. Авторы связывают этот феномен с наличием когнитивного опыта и богатого арсенала «процедурных когнитивных схем». Они указывают, что с увеличением опыта энергетические затраты снижаются (Холодная и др., 2013, 2014). Авторы полагают, что в этих ситуациях исходными являются информационные характеристики, в то время как энергетические, определяемые характером когнитивной деятельности (ее стилем, ментальными усилиями и другими показателями), нужно рассматривать как производные от них. Объяснение феномена снижения энергозатрат на определенном этапе когнитивной деятельности дает концепция «нейроэффективности» мозга, связывающая это явление с переходом мозга в более «упорядоченное» состояние (Neubauer, 2009).

Следует отметить, что энергоинформационные соотношения получили наибольшую разработку в психологии когнитивных процессов. Среди других психических процессов можно упомянуть исследование соотношения энергетики и информации на примере волевого процесса. Учеными было обнаружено, что волевые усилия сопровождаются энергетическими затратами. При описании волевых качеств используются понятия энергетических усилий, энергетического ресурса действия. Понятие энергии используется ими и в процессе исследования поведения, мотивации, саморегуляции и т. д. Информационная составляющая волевого процесса, с их точки зрения, — это цель активного волевого действия (Смирнова, Серкин, 2018).

Таким образом, энергоинформационный подход предполагает, что каждый психический процесс или состояние включают содержательную, или информационную, составляющую, которая требует для своей реализации определенных энергетических затрат. При этом чем меньше затраты энергии на выполнение деятельности, тем экономнее работает система.

Энергоинформационный подход в лаборатории Б. Г. Ананьева реализовался при проведении комплексных исследований человека. Анализ комплексного подхода представляет большую сложность по нескольким основаниям (см. также: Методология комплексного человекознания..., 2008; Развитие психологии..., 2012а, б). Первое из них — неопределенность содержания понятия «комплекс». Можно ли назвать комплексом любую структуру взаимосвязанных показателей? Существуют ли какие-либо ограничения, указывающие на то, какие параметры могут включаться в комплекс, чем может определяться набор его характеристик? Второе основание, а возможно, как раз первое — неразработанность теории таких исследований. Неслучайно на это основание указывают современные ученые. Причину неразработанности теории видят в том, что исследователи прежде всего

обращают внимание на процедуры и принципы организации комплексного исследования, игнорируя при этом его теоретические основания (Мазилев, 2013а). Можно согласиться, что в основе комплексного подхода, как и любого другого исследовательского подхода, должна лежать теория, которая будет определять и организацию исследования, и комплекс применяемых методов.

Наибольший вклад в разработку теоретических оснований комплексного подхода, безусловно, внес Б. Г. Ананьев, который посвятил специальные научные труды принципам организации и системе методов комплексного исследования. Комплексный подход понимался им, как систематическое изучение *целостного* индивидуально-психологического становления человека на всех этапах его жизненного пути. Он выделял два вида целостности: временную и пространственную. *Временная* целостность проявляется в целостности индивидуального развития на всем протяжении онтогенеза и жизненного пути, в непрерывности развития и наличии взаимосвязей и взаимопереходов между его периодами и стадиями. Проявлением *пространственной*, или *структурной*, целостности является единство всех уровней психологической организации человека как индивида, субъекта деятельности, личности, индивидуальности. Ученый рассматривал человека как целостную структуру взаимосвязанных свойств. Таким образом, можно сказать, что в основу методологии комплексных исследований был положен принцип *целостности*. В своем понимании комплексного подхода Б. Г. Ананьев опирался на идеи В. М. Бехтерева, в чьих трудах этот подход зародился и впервые был применен. В Институте мозга, который он возглавлял в 1920-е годы, совместно трудились над проблемами психологии специалисты разных направлений: физиологи, морфологи, психологи, педагоги и др., таким образом, основу комплексного подхода составляли междисциплинарные исследования. Известно, что Б. Г. Ананьев считал бехтеревское направление психологических исследований предпосылкой и источником Ленинградской психологической школы и многое сделал для возрождения предложенного В. М. Бехтеревым комплексного исследования индивидуальности (Ананьев, 1969; Логинова, 2005, 2016).

Разрабатывая комплексный подход, Б. Г. Ананьев учитывал особенности развития науки начала 1960-х годов. В качестве важнейшей особенности науки этого периода он указывал на ее тенденцию к объединению различных наук, аспектов и методов исследования человека в различные комплексные системы, к построению синтетических характеристик человеческого развития. Потребность в комплексных исследованиях возникает на определенном уровне научных разработок, когда отдельные показатели развития не могут объяснить целостной природы человека. Ананьев писал: «В реальном человеческом развитии нет, конечно, каких-либо фиксированных границ между умственным и физическим, речедвигательным и двигательным, корковым и висцерально-общесоматическим развитием. Переходы между ними и взаимовлияния оказались столь обширными и всеохватывающими, что наши представления о целостности организма в структуре его развития встали на универсальную основу» (Ананьев, 1977, с. 217). С наибольшей полнотой комплексный подход реализован в исследованиях развития индивидуальности, проведенных сотрудниками Санкт-Петербургского государственного университета под руко-

водством Б. Г. Ананьева в 1960–1970-е годы (подробнее см.: Головей, Журавлев, 2019; Кольцова, Журавлев, 2008; и др.).

Б. Г. Ананьев писал: «Программирование комплексных исследований само по себе представляет крупную методологическую задачу, переход от сепаратных специальных исследований к комплексному синтетическому изучению означает сосредоточение сил и средств на познании *связей, отношений и зависимостей, определяющих целостность и саморегуляцию объекта*» (Ананьев, 1976, с. 19). Им были выделены три раздела программы в комплексном изучении человека, что имело решающее значение для научного понимания закономерностей развития индивидуальности. Это, «во-первых, основные факторы, детерминирующие человеческое развитие; во-вторых, основные характеристики самого развития (функциональное развитие, механизмы, фазы развития и т. д.); в-третьих, основные компоненты целостной структуры человека, т. е. взаимосвязь основных составляющих в целостной организации» (там же). Сквозными для всех трех разделов должны быть параметры деятельности.

Таким образом, комплексность, с точки зрения Б. Г. Ананьева, предполагает изучение уровневых показателей развития психофизиологических функций, процессов, состояний и свойств личности; исследование структурных особенностей, системы взаимосвязей, которые составляют сложные синдромы поведения; изучение потенциалов развития (работоспособности, трудоспособности, одаренности, способностей), все эти особенности должны изучаться в развитии человека с учетом того, что «главнейшие периоды его жизни переплетены с важнейшими событиями эпохи и страны» (Ананьев, 1969, с. 25).

Такой подход к изучению развития человека требовал особой организации методов, и ученый предпринял специальные шаги, направленные на создание системы методов комплексного исследования. Итогом этой работы стала стройная система методов, позволяющая изучить целостную индивидуальность на всех уровнях и в разные периоды ее развития. Эта система методов представляется уникальной, поскольку она опирается на логику исследовательского процесса и охватывает все его фазы от организации исследования до обработки и интерпретации полученных результатов. Она предполагала изучение человека на разных уровнях его структурной организации: сенсорно-перцептивном, психомоторном, нейродинамическом, интеллектуальном, личностном, уровне социальных взаимодействий. Система методов включала не только методы диагностики, но и методы организации исследования, в том числе сравнительный и лонгитюдинальный. Все эти направления исследования представляли собой реализацию комплексного подхода на практике и включали параметры развития человека как индивида, личности, субъекта деятельности в различные периоды онтогенеза. Заложенные Б. Г. Ананьевым принципы изучения индивидуального развития включают сочетание статистического подхода, определение нормативов возрастного развития с монографическим изучением личности. Специально для целей исследования были разработаны биографический и психографический метод (как метод целостного изучения индивидуальности).

Таким образом, в организации методов исследования заложено сближение естественно-научного и гуманитарного подходов к изучению человека. Впервые

в этих исследованиях был реализован прием изучения человека в различных ситуациях деятельности и различных психических состояниях (в так называемом фоновом, в ситуациях повышенной интеллектуально-эмоциональной нагрузки — экзамена — и в ситуации тестирования интеллекта). Б. Г. Ананьев полагал, что именно ситуации, предъявляющие повышенные требования к человеку, позволяют определить его ресурсы и потенциал развития.

Одним из объективных критериев целостности, как полагал Б. Г. Ананьев, является наличие структуры связей между отдельными показателями и уровнями организации. Структурность общей природы развития проявляется в сложных, противоречивых зависимостях одних функций от других, их соотносительности, скоррелированности. Исследование связей помогает понять, каким образом складывается система и каковы особенности ее организации в тот или иной период функционирования. Перестройка связей является объективным показателем развития, с точки зрения Б. Г. Ананьева. Возрастные особенности характеризуются не только динамикой уровневых показателей той или иной функции, но и изменением всей структуры интра- и межфункциональных связей, что «исключает возможность чисто локального изменения какой-либо отдельной функции (например, вербально-логической или мнемической) под внешним воздействием без тех или иных сопутствующих сдвигов в других функциях» (Ананьев, 1969, с. 49). Межфункциональные связи есть способ внутренней организации системы. В перестройках системы связей проявляется смещение акцентов развития с одной психофизиологической функции на другую, что и позволяет построить возрастные синдромы.

Подводя итог разработкам Б. Г. Ананьева в области комплексного подхода, можно отметить такие неотъемлемые его признаки, как широкое изучение параметров человеческого развития, относящихся к разным уровням индивидуальности; исследование связей и зависимостей между отдельными показателями и уровнями организации; изучение человека в различных ситуациях деятельности; стремление объединить все разрозненные показатели в описании целостной индивидуальности и сформировать прогноз развития. Безусловно, такие гигантские задачи и такой объем исследований невозможно было выполнить в одиночку, это было под силу только коллективу ученых.

Комплексные исследования интегральной индивидуальности были приняты и в школе В. С. Мерлина, единомышленника Б. Г. Ананьева (подробнее см.: Вяткин, 1998; Мерлин, 1980; и др.). В этих исследованиях важное внимание уделялось и уделяется изучению связей между разными уровнями индивидуальности. Интегральная индивидуальность описывается как система, состоящая из иерархической совокупности относительно автономно сосуществующих разноуровневых подсистем. Описаны много-многозначные связи между иерархическими уровнями интегральной индивидуальности. Исследователи определяют разрабатываемый подход к изучению индивидуальности «как комплексное междисциплинарное теоретико-экспериментальное исследование» (Психология интегральной индивидуальности..., 2011, с. 7).

Обращает на себя внимание, что в описанных комплексных исследованиях ведущая роль отводится системам связей между разными показателями функ-

ционирования целостной индивидуальности. Согласно современным представлениям, развитие человека строится как процесс многоуровневого взаимодействия разных уровней его психологической структуры, каждый из которых вносит свой вклад в это развитие. К сожалению, в современной науке, возможно, в силу сложности и высокой затратности масштабные комплексные исследования, нацеленные на изучение целостного человека в единой методологии, практически отсутствуют. Однако ученые подчеркивают, что важнейшим принципом исследования психического в наши дни становится *междисциплинарность*, выделение внутри- и внешнепсихологического уровня (Журавлев, 2007; Психология: современные направления..., 2003).

Отмечается характерная для современной психологической науки особенность, заключающаяся во взаимопроникновении и взаимовлиянии разных методологических подходов, нарастании меж- и полипарадигмальности (Журавлев, Сергиенко, 2022). Традиционные психологические научные школы, отвечая на преобразования научного знания и требования современного мира, становятся более гибкими и открытыми, что ведет к развитию научных подходов, испытывающих влияние разнообразных теорий (Сергиенко, 2016, 2018в).

Необходимость полипарадигмального подхода связывают с нарастающей многомерностью и сложностью предмета психологии – человека, с одной стороны, и возрастающей изменчивостью и неопределенностью, транзитивностью современного мира, с другой (Гусельцева, 2009б; Марцинковская, 2014, 2015б). Идеи целостности, взаимосвязанности и взаимовлияния различных уровней психологической структуры человека, наличия вертикальных и горизонтальных связей активно развиваются в системном и сетевом подходах (Журавлев, Сергиенко, 2022; Ломов, 1984). Более того, *принцип целостности*, впервые сформулированный в рамках комплексного исследования, играет сегодня решающую роль не только в организации исследований человека, но и в интеграции самого психологического знания (Панферов, Микляева, 2019). Современная психология становится центром интеграции постоянно увеличивающихся в объеме знаний о человеке, во многом благодаря ей устанавливаются межпредметные и междисциплинарные связи.

Глава 13

Эволюция сетевого подхода в психологии: от плюрализма к со-творению знаний

Не напоминает ли это мост, у которого имеются только начальная и конечная опоры, но который можно уверенно переходить, как будто бы он существовал целиком?

П. Ватцлавик

Введение

Сетевая парадигма как новый подход к интеграции научного знания, первоначально возникнув в середине XX в. в ряде естественных и точных наук, постепенно начала утверждаться в философии, социологии, информатике, теории коммуникации, психологии и других гуманитарных дисциплинах. Сегодня сетевые концепции лежат в основе популярных организационных моделей в экономике, логистике, управлении организациями и образовании. Однако самые ранние представления об интеграционных свойствах сети зародились еще в учениях древних восточных мыслителей в виде метафоры ожерелья Индры, которая описывает голографический образ взаимосвязанной Вселенной, представленной в виде многомерной бесконечной сети тончайших нитей, в узлах которой находятся драгоценные жемчужины. И поскольку каждая из них отражает все другие, целостная картина Космоса парадоксально воспроизводится как всей сетью, так и каждой отдельной жемчужиной.

Ключевой особенностью сети Индры как образа эволюции Вселенной является ее динамичность, основанная на способности каждого узла к непрерывному изменению под воздействием других узлов, которыми могут быть произвольные сущности, такие как физические объекты, живые организмы, элементы ментального мира (мысли, представления, чувства и пр.) и даже трансцендентальные (мистические) образы (божества, архетипы и др.). Древние восточные учения в традициях, свойственных тому времени мистицизма и холизма, широко применяли ее объяснительные и интерпретационные возможности для описания полного спектра уровней реальности от физического до трансцендентального.

Представления о взаимосвязанности и взаимозависимости всех элементов Космоса получили свое воплощение и на Западе, в частности, в учении В. Лейбница о монадах, где описывается Вселенная, состоящая из множества отдельных самодостаточных и постоянно изменяющихся духовных субстанций, каждая из которых заключает в себе все целостное знание о мире. Это позволило Лейбницу создать математический аппарат, который впоследствии послужил основой современной голографии (Гроф, 1993). Лейбниц сфокусировал внимание не на связях, а на объектах сети. В отличие от сети Индры монады описывались как изолированные и не способные влиять друг на друга элементы (поскольку они «не имеют окон, через которые что-либо могло бы войти туда или оттуда выйти»), но связанные транзитивной связью через главную монаду (Бога) (Капра, 1994).

И если идея сетевого подхода, заложенная в ранних философских представлениях, пыталась охватить сразу все уровни бытия, не имея возможностей для строгой научной проверки, то на современном этапе она получила «новую жизнь», будучи переоткрыта первоначально в естественных науках, а затем постепенно охватив гуманитарные области, такие как социология, психология, медицина, педагогика и др.

Первые научные результаты, связанные с исследованиями сетевых моделей, были получены в области физики элементарных частиц, которые экспериментально выявили сетевую структуру взаимодействия и взаимопроникновения адронных частиц в соответствии с теорией бутстрапа Дж. Чью. Открытие У. Матураной и Ф. Варелой сетевого строения клетки позволило создать теорию аутопоэза (самовоспроизводства структуры живого организма), основные положения которой были творчески переработаны Н. Луманом в социологии и дали возможность принципиально по-новому описать общество как сетевую аутопоэтическую систему.

Открытие разнообразия путей самоорганизации в биологических сетях и особого способа их структурной связи со средой, позволяющего непрерывно поддерживать жизнеспособные формы, привело исследователей к выдвижению гипотезы о том, что «единицей эволюции (на любом уровне) является сеть, способная к богатому репертуару самоорганизующихся конфигураций» (Varela et al., 1991, p. 196).

Почти одновременно К. Прибрам, основываясь на взглядах Д. Бома, построил сеть еще более высокого уровня – математическую модель мозга, обосновав голографическую структуру памяти на основе способности любой части дендритной сети сохранять всю содержащуюся в этой сети информацию. И поскольку, как показало множество проведенных экспериментов, долговременная память распределена по всей области мозга (Талбот, 2004), то при его повреждениях большая часть информации будет сохраняться в неповрежденных структурах. М. Талбот приводит многочисленные примеры использования объяснительных возможностей голографического подхода к анализу психопатологий и психических расстройств. Однако, как показали дальнейшие исследования этой модели, факт голографичности мозга на уровне нейрофизиологии не может объяснить уровни развития сознания выше рационального. Реальное переживание голо-

граммы может охватывать только текущий ментальный и нижележащие (биологический и физический) уровни сознания (The Holographic, 1982).

Метафора «сеть Индры», обладая не только логически стройными объяснительными возможностями, но и бесконечным числом символических интерпретаций и представлений, привлекает многих современных исследователей. Д. Хофштадтер, определяя топографическую структуру такой сети, отмечает ее многомерность: «Горизонтальные нити протянуты в пространстве, вертикальные – во времени» (Хофштадтер, 2001, с. 248) – и использует эту модель при изучении и описании формирования сети понятий в мышлении человека и в структуре искусственного интеллекта.

Э. Дэвис отмечает отражение в сети Индры восприятия недуральной природы реальности и считает гностическую технологию сетевой организации ее имманентной сущностью. Проследивая движение сетевых представлений и технологий от сети Индры к Интернету, он описывает проявление познавательных свойств сети на магическом, мифическом и мистическом уровнях современного информационного общества. Э. Дэвис делает вывод, что глубинная природа сети Индры – это и основа, и эволюционная цель нашего общества. Перспектива, которую обеспечивает сетевой путь, заключается в его способности «творчески интегрировать различные разрывы и лакуны, не пытаясь заполнять их» (Дэвис, 2008, с. 374).

Сетевой подход успешно развивается в современной теории и практике клинической психологии и психиатрии. Наиболее известной является сетевая теория психических расстройств Д. Борсбума, которая сформировалась в результате применения сетевого подхода в клинической практике и способствовала появлению нового способа осмысления проблем, возникающих в психопатологических исследованиях (Borsboom, 2017). Представленная автором теория включает структуру и динамику внутренних симптомных сетей и их взаимодействие с внешним полем симптомов, изменения в котором могут влиять на основную сеть. Узлами таких сетей являются симптомы, связанные между собой прямыми или транзитивными причинно-следственными отношениями. Д. Борсбум показывает интеграционные возможности сетевой теории, объединяя биологический, психологический и социальный уровни для объяснений психопатологических изменений и при математическом моделировании расстройств и последствий различных терапевтических вмешательств.

Важным вкладом в развитие интеграции психологического знания является концепция системно-сетевой организации современных понятий психологии, в которой подчеркивается необходимость разработки сетевой парадигмы и создание на ее основе гиперсети – многоуровневой системы, включающей «понятийные поля, теории, парадигмы, методологию и субъектов как создателей общей картины психологического знания» (Журавлев, Сергиенко, 2022, с. 12).

Формирование сетевой парадигмы

Одной из наиболее существенных причин возникновения сетевой парадигмы в современной науке стало резкое увеличение числа междисциплинарных ис-

следований в 1950–1960-е годы. Бурное развитие кибернетики стимулировало возникновение новых идей в самых различных областях науки, что привело к появлению когнитивной психологии, теории коммуникаций, дискурса радикального конструктивизма, концепции аутопоэзиса. После описания Л. Берта-ланфи живого организма как открытой системы сама кибернетика становится в значительной мере антропоморфной – концепции искусственного интеллекта и принципы робототехники стали основываться на законах функционирования живых систем.

Эти изменения оказали сильное влияние на развитие системного мышления. На основе идей В. И. Вернадского о биосфере как об автономной системе, самоорганизующейся по принципу сети, наметился образ новой парадигмы, существенно отличающийся от утвердившейся в то время общей теории систем Берта-ланфи. Возможности объединения разрозненных знаний в единую сеть начали активно изучаться в эпистемологии, биологии, информатике и экономике, создавая в каждой науке практические образцы применения этого подхода.

Дальнейшее развитие сетевых представлений связано с концепцией детерминированного хаоса Г. Хакена, теорией диссипативных структур И. Пригожина, бутстрап-подходом Дж. Чью и идеями самоорганизации, возникшими практически одновременно в различных областях знания. Внимание исследователей переместилось от объектов к связям между ними, что привело к появлению нового направления в научном мышлении, о котором образно выразился Ф. Капра, отмечая, что «метафора здания... сменяется метафорой сети» (Капра, 2003, с. 55).

Концепция сети не исключает существования различных системных уровней, при этом каждый из них выполняет свою роль в общей организации сети, и ни один из них не может считаться более фундаментальным, чем другой. Так, чилийские нейрофизиологи У. Матурана и Ф. Варела, изучая живые организмы, описывали их организацию по принципу вложенных сетей (уровней), операциональная замкнутость которых обеспечивается «динамическими процессами, действие которых не выходит за рамки этой сети», а также ее границей, которая активно строится и постоянно воссоздается самой сетью. Такой тип организации получил название аутопоэтического (Матурана, Варела, 2001, с. 79).

Распространение идей сетевого мышления на исследование человека и общества впервые было осуществлено Н. Луманом, который создал концепцию социального аутопоэза, рассматривающую коммуникативные процессы в обществе как основу его сетевой самоорганизации (Луман, 2004).

Г. Бейтсон перенес сетевые принципы в психологию и психотерапию. Рассматривая коммуникативную систему как сложную сетевую структуру, состоящую из вложенных контекстов, в теории и практике психотерапии он делал акцент на необходимости анализировать любую проблему с точки зрения поиска наиболее адекватного контекста для ее решения в цепочке взаимосвязанных расширяющихся контекстов (Бейтсон, 2000).

Уникальным образцом применения сетевого подхода в психологии является модель, предложенная К. Уилбером в его работе «Интегральная психология» (Уилбер, 2004). Уилбер проанализировал порядка двухсот психологических теорий: западных и восточных, древних и современных – и объединил их в ба-

зовую сеть, основанную на особой логике диалектики целого и части, при которой «проверяется максимально возможное количество деталей; затем собирается приближенная большая картина; она проверяется дальнейшими деталями и корректируется. <...> Все новые и новые детали постоянно изменяют большую картину – и наоборот. <...> Целое раскрывает новые смыслы, недоступные частям» (там же, с. 14). Ряд различающихся по уровням сетей образует многомерную модель всего психологического знания, состоящую, как минимум, из трех уровней: доличностного (психоанализ); личностного (гуманистическая, экзистенциальная психология) и надличностного (трансперсональная психология).

На основе построенной сети К. Уилбер создал собственную модель – интегральную теорию, в которой эволюционным ступеням развития сознания поставлены в соответствие основные психологические идеи и концепции мировой науки. При этом каждый уровень спектра сознания соединен в этой модели с соответствующим методом психотерапевтической работы, что сделало возможным преодоление различных видов методологических разрывов в психологии. Оценка возможностей сетевого подхода для интеграции психологического знания требует более подробного рассмотрения его основных свойств и механизмов.

Основные свойства сети

Сеть – это открытая нелинейная структура с многообразием обратных связей, не имеющая управляющего центра. Такие структуры, как правило, являются динамическими системами с высокой степенью нестабильности. Характеристики, описывающие функционирование подобных систем, впервые были открыты в физике (теория детерминированного хаоса) и затем развиты в синергетике при изучении закономерностей возникновения эмерджентных (внезапно возникающих) свойств систем, не выводимых из анализа поведения их отдельных частей. Язык синергетики оказался удобным для описания произвольных сетевых взаимодействий и стал успешно применяться в современной науке, включая психологию, при решении широкого класса задач, являясь «эвристическим средством, расширяющим операционально-аналитические возможности ученого-исследователя» (Митина, Петренко, 1997, с. 361).

Для психологической науки с учетом ее сложной сетевой организации наиболее важными понятиями синергетики, на наш взгляд, являются следующие: точки бифуркации, аттракторы, положительные и отрицательные обратные связи. Точки бифуркации – это состояния неустойчивого равновесия, при которых система под влиянием воздействий малой величины может начать новое направление развития либо разрушиться вовсе.

Под аттракторами (от *лат.* *attrahere* – притягивать) понимаются будущие предопределенные состояния, в одно из которых система с определенной вероятностью обязательно перейдет и которые обеспечат либо состояние циклической устойчивости, либо переход на новый уровень эволюции.

Концепция отрицательной обратной связи, введенная в психологию и физиологию Н. А. Бернштейном, первоначально обозначала процесс устранения неопределенности между функцией на входе и ответной реакцией на выхо-

де и рассматривалась как основной механизм управления сложными живыми и неживыми системами. Позже, после выхода работ антрополога и кибернетика М. Маруямы (Капра, 2003), стали учитывать наряду с отрицательными (саморегулирующими) и положительные (самоусиливающие) обратные связи. Работы Г. Хакена и И. Пригожина позволили рассматривать положительные обратные связи не только как драматичные (приводящие к разрушениям), но и как прогрессивные, имеющие отношение к процессам самоорганизации и эволюции сложных систем, что впоследствии нашло широкое применение в психологии.

В сетевой парадигме Г. Бейтсона концепция обратной связи играет ключевую роль, выступая как основа самообучающегося поведения. Бейтсон впервые обратил внимание на такой важный параметр обратной связи, как степень ее интенсивности, который определяет и уровень развития сети, и ее место в общей иерархии других сетей. Чем интенсивнее обратная связь, тем ниже уровень организации сети и степень первичности контекста, с которым взаимодействует система (Бейтсон, 2000; Пигалев, 2004). Разрабатывая сетевую парадигму в эпистемологии, он распространяет ее на ментальные процессы для построения когнитивной теории шизофрении, алкоголизма и концепции патологической коммуникации «double bind».

Динамика сетевых процессов при интеграции современного знания проанализирована в работе Д. Дойча «Структура реальности» (Дойч, 2001). В этой работе он показывает, как появление новых концепций вызывает «раскачивание» существующих парадигм и их переход в точки бифуркации. Связывая в единое целое четыре ключевые научные области — квантовую механику, теорию вычислений, эпистемологию и теорию эволюции, — Дойч утверждает, что вместе они могут обеспечить новый уровень объяснения единой природы реальности, но «ни одну из четырех нитей невозможно должным образом понять, не понимая трех других» (там же, с. 340).

В процессе интеграции этих областей в сеть, пишет Дойч, возникают неравновесные состояния, когда новые теории еще не являются общепринятыми, но уже получают признание на практике. При этом между теориями появляется большое количество положительных обратных связей, которые формируют сетевую структуру знания между всеми четырьмя областями, заполняя пробелы в объяснительной базе каждой из них.

Механизмы сетевого подхода

Представление о сетевой модели научного знания впервые было высказано в 1970-е годы американским физиком Дж. Чью в его теории объединения и самосогласования субатомных частиц, основанной на механизме «зашнуровки» или бутстрапа (Чью, 1968, с. 6). Этот механизм в последующем был распространен Чью на модели системного мышления в эпистемологии и, в частности, на представления о структуре сознания. Первым, кто оценил и предложил использовать принцип бутстрапа в психологии, стал Ф. Капра, который считал его одним из наиболее эффективных путей преодоления разобщенности научного знания (Капра, 1994).

Новая психология, о возникновении которой сообщает Ф. Капра, хотя и далека еще от завершенности, но уже начала, по его мнению, развиваться в форме разнообразных нежестко соединенных моделей, идей и терапевтических техник (Сапра, 1982). В ходе этого развития, вначале происходящего вне академических институтов, привязанных, как правило, к картезианской парадигме мышления, фокус новой науки постепенно переносится в направлении от психологических структур к процессам, которые объединяют эти структуры в сеть (там же).

Одним из наиболее существенных достижений современной психологии, считает Ф. Капра, является адаптация бутстрапного подхода к пониманию психики человека. Ссылаясь на мнения ряда современных психологов, он указывает, что ни один из существующих подходов не является ошибочным, но каждый из них сосредоточивается на отдельной части целостного спектра психологических явлений. Поэтому, как и физики, психологи должны создать сеть сцепленных моделей, использующих разные языки для обозначения различных аспектов и уровней единой психической реальности, в которой все теории или модели будут являться взаимно совместимыми и ни одна из них не будет более фундаментальна, чем другие (Сапра, 1982).

Особого внимания заслуживает замечание Дж. Чью о том, что механизм «бутстрапа» предполагает объединение *только сильно взаимодействующих* теорий и практик (Чью, 1968). Это исключает эклектичность их соединения. Еще одно преимущество бутстрапного подхода состоит в том, что описание предмета или явления может начаться во множестве различных мест (Капра, 1996).

По мере развития сети ее взаимосвязи становятся более определенными, а вся сеть — более структурированной. Чем большее число концепций «пришнуровывается» к ней, тем более динамичной становится сама сеть. При этом отрицательные обратные связи обеспечивают повышение точности знания, расширяя существующие возможности различных теорий и практик, а положительные, приводя сеть в состояние неустойчивого равновесия, создают возможности для возникновения нового знания и творческого развития существующих подходов. Этот механизм перекликается с идеями А. Кестлера, который в своей теории открытых иерархических систем предложил оригинальную модель эволюции сетевых структур в форме синергетических скачков на более высокие уровни развития путем постоянного увеличения степени связности сети в процессе ее динамического функционирования (Кестлер, 1993).

Наряду с *естественным* процессом образования сети (через бутстрап, синергию и самоорганизацию), который препятствует включению «лишних» или несогласующихся знаний, можно выделить два *культурных* механизма, связанных с деятельностью человека в коммуникативном пространстве: *диалоговый* (внешний) и *интенциональный* (внутренний).

Первый действует через формирование общего знания в печати, на конференциях, форумах, через личное взаимодействие. Существенное усиление интенсивности коммуникаций и возможность эксплицировать психологические знания любого содержания и уровня, создание профессиональных интернет-сообществ позволяют оценивать любые знания «по гамбургскому счету», создавать научную репутацию с помощью диалога и критики. Тем самым лженаучные

или несостоятельные теории будут автоматически элиминироваться. Примером формирования коллективного знания в результате действия подобного механизма является интернет-энциклопедия «Википедия».

Сетевой подход, основанный на использовании потенциала разных психологических школ и интеграции их результатов, открывает новые возможности для исследовательской психологии. На стадии постановки проблемы он помогает увидеть целостную картину всей предметной области, обнаружить недостаточно разработанную важную проблематику или, наоборот, чрезмерную концентрацию на уже хорошо изученных вопросах, а также выявить периферийные тематики, ценность которых представляется сомнительной.

В процессе генерации данных этот подход, благодаря одновременному доступу к большому количеству источников (Big Data), дает возможность, с одной стороны, за счет перекрестной проверки существенно повысить качество и надежность этих данных, а с другой – добиться резкого повышения их полноты до уровня, принципиально недостижимого в любом отдельном исследовании. На стадии же получения результатов обеспечивается возможность работать в непрерывно обновляющимся полем идей, созданным совместно с другими участниками сети. В этом случае не требуется создания специального коллектива для решения той или иной проблемы, а можно использовать уже готовое проблемное поле близких задач и различных подходов к их решению, т. е. своеобразный «сетевой разум». Это создает благоприятные условия для проявления интуиции и творческих озарений.

Интенциональный механизм связан с творческой свободой самого человека в плане осознанного использования научного контекста (достижений других школ) и механизмов интеграции для эволюции психологического знания. Н. А. Бердяев писал: «Прогресс есть задача, а не закон», и идея прогресса упирается в «ожидание, требующее творческой активности человека» (Бердяев, 1995, с. 244).

К настоящему времени в психологии созданы уникальные базы данных, предоставляющие возможности для построения сетей знаний, которые не только помогут обнаружить лакуны в существующих теориях, но и выявить в объединенных интегрированных исследованиях новые проблемы и закономерности с помощью использования особой сетевой (диалектической) логики. Сетевая логика как синтезирующая способность более высокого порядка может объединять обширные массивы идей, выявлять их влияние друг на друга и устанавливать взаимосвязи между ними, обеспечивая построение сети сетей. И если традиционные сети знаний на рациональном уровне частично формируются спонтанно, то сетевая логика требует специальных творческих усилий самого человека.

Сетевой подход и сложность объектов познания

Сложность называют сейчас «символом познания человека в современном мире» (Асмолов и др., 2020, с. 14). Возрастание сложности объектов познания, характера экспериментальных данных, методов их обработки и интерпретации инициировало начало интеграционных процессов во многих научных областях. Э. Пе-

терс пишет, что в современной науке активно формируется новая интегральная дисциплина — теория сложности, опирающаяся на четыре основных принципа: неполноты Гёделя, дополнительности Бора, неопределенности Гейзенберга и несовместимости Заде. Она имеет дело с процессами, в рамках которых множество кажущихся независимыми субъектов познания действуют взаимозависимо и согласованно на основе более глубоких связей.

В соответствии с принципом неполноты полное знание сети потенциально всегда больше суммы знаний отдельных участников. Принцип дополнительности требует, чтобы любое индивидуальное психическое явление рассматривалось в коллективном (сетевом) контексте.

Согласно принципу несовместимости, «с возрастанием сложности точные утверждения становятся менее осмысленными, а осмысленные утверждения теряют точность» (Петерс, 2000, с. 231). Этот принцип делает невозможным изучение психики исключительно точными объективными методами без учета личности исследователя и использования герменевтических (интерпретационных) подходов и диалоговой коммуникации.

Принцип неопределенности накладывает ограничения на пространственно-временные методы исследования сложных сетей. Можно исследовать всю сеть, но только на локальном временном интервале. Изучение же длительной истории развития возможно только в отношении отдельных фрагментов сети.

Столкновение исследователей с вызовами, порожденными сложностными аспектами новых объектов познания, с одной стороны, привело к возникновению противоречия между попытками многочисленных школ отделиться и развиваться автономно и, с другой — трудностями изолированного продвижения вперед без учета других подходов. Такое противоречие в дальнейшем может привести к регрессу, если естественный центробежный процесс дробления существующего целого затягивается и дифференциация превращается в диссоциацию, или к прогрессу, если доминируют центростремительные, интеграционные силы, приводящие к поиску связей и путей взаимодействия, обретению новой целостности.

Сетевая организация психологического знания

Вопрос об интеграции психологического знания обсуждается в методологических дискурсах уже не один десяток лет, что свидетельствует о его нерешенности и большой значимости для дальнейшего развития психологии. Продолжают оставаться изолированными друг от друга теоретическая и практическая психология, естественно-научная и гуманитарная парадигмы, отдельные психологические школы.

Аналогичная картина наблюдается также в практической психологии и психологической практике, где возникло огромное количество концепций, методов и эвристических моделей, число которых еще в 2002 г. оценивалось в диапазоне от 500 до 1000 (Карвасарский, 2002; Макаров, 2001), к настоящему времени оно продолжает существенно увеличиваться. Это приводит к потере ориентиров-

ки психологов при поиске наиболее результативных методов психологической помощи.

В этих условиях мнения методологов о конкретных путях интеграции расходятся. С. Д. Смирнов указывает на четыре основных подхода: нигилизм, монизм, либерализм и плюрализм (Смирнов, 2005). В соответствии с нигилистическим подходом отождествляется методологическая рефлексия с бесплодным и ненужным теоретизированием (тем самым отрицается и сам этот подход), что сознательно препятствует осмыслению объективного выбора путей развития психологии. Согласно монизму, требуется централизация вокруг «единой теории психического» и необоснованно закрываются все пути развития, кроме одного. Подход либерализма содержит стремление «навести мосты» на основе межуровневых взаимодействий, что также недостаточно эффективно из-за непроработанности самих путей интеграции, часто основанных на императивных попытках установления связей между теориями при построении каркаса единой системы психологического знания. Наконец пассивная позиция методологического плюрализма «оставить все так, как есть» приводит к усилению фрагментарности знания, несмотря на признание права психологии на полипарадигмальность.

Острота полемики между сторонниками различных подходов связана, возможно, с неполным представлением ими тех форм и механизмов интеграции, которые уже проявили себя как прогрессивные в междисциплинарных исследованиях. Так, если рассмотреть проблему с позиции сетевого подхода и использовать сильные стороны всех вышеперечисленных позиций, то можно наметить принципиально новый, более эффективный путь интеграции: плюрализм должен обеспечить полноту накопленных знаний, включая взгляды различных школ, либерализм — установить предварительные связи между ними, формируя пока еще недостаточно структурированную сеть, нигилизм — обнаружить и удалить слабые связи, а монизм добавит необходимое количество сильных для повышения связности сети.

В конечном счете увеличение числа психологических теорий и школ является в целом прогрессивной тенденцией, которая обеспечивает множественность контекстов при рассмотрении той или иной проблемы, увеличивая вероятность возникновения синергетических эффектов в процессе самоорганизации знания, что способствует возникновению естественной сетевой структуры и интеграции различных областей психологии. Нельзя не согласиться с В. А. Мазиловым, что более широкая трактовка предмета психологии также даст возможность объединить наработки психологов разных школ и направлений (Мазилов, 2013б). В качестве иллюстрации уже начавшихся процессов можно привести примеры интеграции клинической психологии, психологии развития и детской психиатрии (Венгер, Морозова, 2007), психиатрии и педагогики (Голик, 2000). Практическое применение механизма «бутстрапа» можно обнаружить в статье В. Ф. Петренко, где он объединяет теорию отражения и конструктивизм (Петренко, 2002). Рассматривая триаду «сознание—социальная практика—культура» как категориальную схему психотехнического подхода, Ф. Е. Василюк трактует взаимосвязи между этими категориями как сетевую модель: «Эти контексты

взаимоотражаются друг в друге, пронизывают друг друга и существуют как узлы в одной связке» (Василюк, 1996, с. 28). Практический психолог часто не ограничивается рамками одного подхода не из-за своей методологической беспринципности, а из-за объективной потребности в задействовании комплекса подходов и средств (Петровская, 1990). Важным преимуществом такого взгляда является его направленность на человека: чем большее число объяснительных моделей будет учтено при анализе отдельного клинического случая, тем более эффективной будет психологическая помощь.

Необходимо отметить, что на современном этапе развития психологии угроза лавинообразного роста психологических практик создала труднейшую проблему масштабирования при их классификации, которая осложняется дополнительным учетом результатов взаимодействия различных методов и подходов.

В таких условиях традиционный классификационный подход становится слишком трудоемким и нуждается в постоянном контроле изменений со стороны человека. Переход к сетевой модели решает проблему масштабирования более эффективно и практически без потери качества, что подтверждается широким распространением методов анализа данных с помощью нейронных сетей. Например, использование технологий Big Data и семантических векторов позволило объединить субъективную и объективную психосемантику в новое научное направление — нейросемантику. Это дало возможность получить качественно новые знания о взаимодействии мозга и психики (Величковский, 2019).

Сетевой подход в условиях постмодернизма

Основу методологии сетевого подхода к организации психологического знания образует особый тип мышления, который появился в эпоху постмодернизма. Новые данные, полученные в квантовой физике, биологии и кибернетике, способствовали включению субъекта познания в состав изучаемой «человеко-размерной» системы (В. С. Степин), идеи синергетики — введению в арсенал ученых представления о детерминированном хаосе, неравновесной динамике и бифуркациях (И. Пригожин, И. Стенгерс), а концепция аутопоэзиса (У. Матурана, Ф. Варела, Н. Луман) — рассмотрению с единых позиций биологических и социальных структур.

Постмодернистское мышление существенно повлияло и на психологическое знание, породив его раздробленность, полипарадигмальность, методологическую разрывность его направлений и научных школ. Тем не менее в развитии сетевого подхода в психологии постмодернизм раскрыл и свои позитивные стороны, которые проявились через его основные характеристики — конструктивизм, контекстуализм и интегральный аперспективизм.

Положительная роль конструктивизма состоит в том, что он обеспечивает разнообразие элементов сети: описание одного и того же психического феномена интерпретируется (конструируется) с точки зрения представлений и понятий, выработанных в рамках различных научных школ. Объединенная общая картина, таким образом, выглядит более полной и многогранной благодаря от-

крытию принципиально новых глубоких связей, способствующих пониманию этого явления с позиции более высокого уровня.

Контекстуализм проявляется в сетевом подходе как характеристика связности сети, которая образуется в результате взаимных оценок взглядов различных школ. На наш взгляд, можно выделить два вида контекстуализма – дифференциальный (внутренний) и интегральный (внешний). При дифференциальном контекстуализме каждая школа оценивает собственный вклад в предметную область, сравнивая его с достижениями других школ, что обычно приводит к неоправданному субъективизму. При интегральном – оценка значимости отдельной школы производится более объективно с позиции суммарных результатов остальных школ. Взаимные оценки школами друг друга могут быть асимметричными и даже взаимоисключающими, а также изменяться с течением времени. Поэтому общая характеристика связности сети в конечном счете будет определяться полным набором ее всевозможных контекстов. Тем самым снимается вопрос о превосходстве одних школ над другими и существенно повышается качество психологического знания.

Позитивный вклад интегрального аперспективизма в сетевой подход заключается в возможности появления эмерджентных свойств, благодаря которым в сети возникает новое знание, не выводимое из суммы знаний остальных элементов сети. Интегральный аперспективизм объединяет результаты, полученные в разных школах, в единую систему, обеспечивая более высокий уровень научного описания психической реальности – точность, полноту, глубину и объективность знания, недоступные ни одной из школ в отдельности.

Необходимость аперспективного видения в науке отражена в работе Дж. А. Миллера, где приводится схема объединения шести дисциплин, образующих когнитивную науку, в единую сеть – психологии, философии, лингвистики, антропологии, нейронауки и информатики (Миллер, 2005). К сожалению, в этой модели не отражен динамический аспект формирования сети, но тем не менее показаны все 15 возможных способов связи между отдельными дисциплинами как направлениями междисциплинарных исследований.

Аперспективизм свойствен также некоторым современным методологическим взглядам в психологии. Отчасти он характерен для позиций либерализма, плюрализма и взглядов авторов ряда отечественных методологических работ, раскрывающих сетевой подход в научном мышлении (Гусельцева, 2003) и ставящих вопрос «Не пора ли переходить от противопоставления или примирения разных парадигм к другому типу методологического рефлексирования?» (Корнилова, 2012, с. 179).

Несмотря на то, что постмодернистская раздробленность продолжает проявляться в науке, культуре и обществе, уже возникают признаки нового мышления, которое называют постпостмодернистским, или метамодернистским. Утверждается, что «недостаточно признавать множество граней наших различий: нам нужно идти дальше и начинать признавать множество граней сходства. Иначе мы будем способствовать не возникновению холизма, а приумножению беспорядочных нагромождений» (Уилбер, 2013, с. 154). Похожие тенденции вы-

ражаются также «в стремлении, узаконив разнообразие подходов к познанию психики, попытаться их интегрировать» (Юревич, 2008б, с. 13).

Важной характеристикой нового мышления является «раскачивание» между многочисленными полюсами модерна и постмодерна: единством и множественностью, авторским контролем и общедоступностью, мастерством и концептуализмом и т. д. (Вермюлен, Аккер, 2014). И мы могли бы не без основания добавить: между различными методологическими подходами в психологии, обозначенными выше. Такое «раскачивание» обеспечивает позитивную эволюционную динамику сети за счет постоянного обновления всех связей и сетевой топологии в целом. Интегративным процессам способствует и продолжающийся процесс семантизации постмодерна – переход от обозначения структур к наполнению их смысловым содержанием, от структурного понимания личности – к рассмотрению ее динамически изменяющихся смысловых характеристик, к проблеме осознания человеком своего эволюционного выбора (Леонтьев, 2010), что обусловлено ростом в современном обществе осознанности, субъектности, самодисциплины и самоорганизации (Гусельцева, 2021).

«Раскачивание» в метамодернистском типе мышления также обеспечивает переключение контекстов, позволяя извлекать из них значимые для интеграции признаки. Так, например, если модерн делает акцент преимущественно на количественных подходах, стараясь исключить противоречия, а постмодерн, используя качественные интерпретации, допускает избыточную множественность и противоречивость знания, то метамодернистский тип мышления, преодолевая недостатки модерна и постмодерна, увеличивает полноту и точность знания и не запрещает включение в него парадоксов и антиномий.

Сегодня сетевой подход в психологии существует пока только в виде парадигмы – социальных практик и экспериментальных образцов (по Т. Куну), которые порождают и выявляют новые типы психологических данных. Постепенно вокруг этого опыта начинает формироваться новое мировоззрение, способное организовать психологические данные и знания и объяснить те проблемы, которые не смогли найти решение в рамках существующих теорий.

Путь к любому новому мышлению, как правило, проходит через преодоление уже существующих в течение длительного времени представлений. Иногда такой путь занимает годы, как, например, признание гипотезы М. Планка о квантовой природе света, принципа постоянства скорости света или экспериментальное подтверждение двойственной природы электрона, являющегося одновременно и волной, и частицей, и др. Допустимость включения в научные теории парадоксов и антиномий составляет одну из существенных характеристик метамодернистского мышления.

В психологии примером такого парадокса является психофизиологическая проблема, которая, несмотря на длительную историю, до сих пор не получила никакого удовлетворительного решения, а все предлагаемые на сегодняшний день варианты являются противоречивыми, что связано с традиционным упрощенным представлением о соотношении мозга и психики, основанным на их искусственном разделении. На наш взгляд, наиболее приемлемый для научного изучения подход состоит в признании психической реальности в качестве вну-

тренней (по отношению к мозгу) идеальной сущности, непрерывно влияющей на внешний (по отношению к ней) материальный мозг и непрерывно испытывающей влияние с его стороны. Другими словами, мозг и психика «нераздельны и неслиянны», т. е. их соотношение имеет изначально парадоксальную природу.

Основная причина неудач в решении проблем такого рода заключается в попытках поиска решений на рациональном (формально-логическом) уровне, который всегда будет приводить к логическим противоречиям (антиномиям). Более надежным представляется подход, основанный на диалектической (сетевой) логике, но даже при его использовании решение будет представлено в парадоксальной форме из-за невозможности устранить основную трудность — двойственность восприятия мозга и психики. Истинное же и полное решение проблемы возможно только на более высоком, трансцендентном (надрациональном) уровне, на котором появляется возможность интегрировать мозг и психику в единое целое и тем самым снять проблему.

Приведем еще один пример применения сетевой логики к анализу кажущегося (с точки зрения формальной логики) противоречия. Формулировка концепции детерминизма психического, как известно, является предметом разногласий в школах А. Н. Леонтьева и С. Л. Рубинштейна. Принцип «внутреннее действует через внешнее» (и этим себя изменяет) наиболее точно объясняет и полностью описывает социальную детерминацию психики и развитие человека как члена общества. Принцип «внешнее действует через внутреннее» (и этим изменяет внешнее) акцентирует собственную, внутреннюю детерминацию психики — развитие человека через творческую самостоятельность. Оба принципа, отражая приоритет либо внешнего, либо внутреннего в рассмотрении причинности, представляют общее интегрированное поле детерминации психического и не являются противоречивыми, поскольку проявляются в разных контекстах: первый — при рассмотрении человека преимущественно как субъекта общественной (коллективной) деятельности (в рамках внешнего сетевого взгляда), второй — преимущественно как субъекта творческой самостоятельности (в рамках внутреннего аутопоэтического познания).

Развитие сетевого подхода от модерна к метамодерну

Анализ эволюции сетевого подхода в научном познании позволяет выделить три основных этапа в его развитии.

- Первый этап — переход от господствующих системных взглядов к новым идеям децентрализации, начавшим процесс постепенного превращения систем в сети.
- Второй этап — открытие аутопоэза в качестве ключевой характеристики компонентов, образующих сеть.
- Третий этап — изменение взгляда на сеть как на результат активной творческой деятельности ее аутопоэтических элементов.

Первый этап, начавшийся еще в рамках уходящего модерна, связан с трансформацией теории систем Бергаланфи в сторону более мягкого, в отличие от ие-

рархии, системного подхода, не имеющего единого управляющего центра. Этот процесс привел к формированию традиционного взгляда на сеть как на паутину взаимосвязей элементов, которая определяет их поведение. Сетевой подход заимствовал самое лучшее, что было в теории Берталанфи, — идею целостности, открытости и общей взаимосвязи элементов системы, продолжая развитие системного подхода в условиях наступившего постмодерна.

Сетевой подход можно было бы назвать центральным открытием постмодернистского мышления, поскольку он значительно снизил жесткость системных связей и требования к наличию управляющих центров. Кроме того, этот подход, как было показано выше, воплощает все принципы постмодернизма и способен не только объяснить многие проблемы, но и предложить новые пути их решения, что было затруднительно сделать в русле других подходов.

Однако главная суть сетевого подхода как символа постмодернизма, начала раскрываться только на втором этапе его эволюции, после появления «сантьягской теории познания», в которой У. Матурана и Ф. Варела выдвинули концепцию аутопоэза и ввели понятие энактивизма — такого процесса взаимодействия организма со средой, в результате которого непрерывно перестраиваются и когнитивная карта организма, и среда (Varela et al., 1991). Идея аутопоэза как замкнутого цикла самовоспроизведения, в котором системы развиваются благодаря структурной связи со своей средой, перенесенная Н. Луманом в науки о человеке, рассматривает социальные коллективы как аутопоэтические системы, основанные на воспроизводстве внутренних систем коммуникации.

До появления идей аутопоэза роль отдельных элементов в сетевой системе оставалась недооцененной. Считалось, что сеть в ее «капровском» понимании живет по своим законам, которым обязаны подчиняться ее элементы. Открытие аутопоэза доказало, что элементы активно влияют на построение самой сети и что сеть — это не просто надстройка, а необходимая среда, без которой эти элементы существовать не могут.

Аутопоэтические теории показывают, что социальный коллектив — это не просто звено в сетевой системе, но также и относительно автономный активный элемент, воздействующий на свое окружение, которое не является заранее заданной сетью, а частично порождается аутопоэтическими свойствами самого коллектива. Это означает, что такой коллектив обладает собственной внутренней реальностью, которая является основой восприятия им окружающего мира. Эта реальность познается изнутри как опыт, а извне, со стороны сети, воспринимается как поведение.

Третий этап развития сетевого подхода отражает характерные черты проявления метамодернистского мышления, которое отходит от чисто плюралистических позиций и начинает осознавать необходимость добавления к сети активных интеграционных компонентов. И если модерн делает акцент на объекте познания, а постмодерн сосредоточен на субъекте, то главной задачей метамодернистского мышления становится соединение объекта и субъекта познания. Характерное для метамодернизма «раскачивание» между внешней структурой сети и внутренними представлениями отдельных аутопоэтических элементов постепенно приводит исследователей к поиску возможных путей интеграции,

к пониманию недвойственности внутреннего и внешнего, что снова возвращает нас к метафоре ожерелья Индры, которая символизирует недואльную природу реальности (Дэвис, 2008). Позиция метамодерна позволяет дать принципиально новое понимание этой метафоры, при котором отдельные жемчужины не пассивно отражают ожерелье, а творчески интерпретируют и непрерывно воссоздают целостную сеть.

В современной психологии основное внимание исследователей сосредоточено на аутопоэтических подходах внутри собственных научных школ или коллективов, которые заняты формированием и утверждением группоцентрического когнитивного взгляда на психологическую науку. Этот взгляд, как правило, признается единственно верным, самодостаточным и активно обороняемым приверженцами данной школы, которая ревностно охраняет свои границы. Такая позиция фактического изоляционизма только тормозит развитие психологической науки.

Задача сетевого подхода — признание достижений всех школ и их объединение. Но если в большинстве научных коллективов свое собственное аутопоэтическое видение психологической науки уже сформировалось, то способность смотреть на свои достижения и особенно недостатки со стороны других школ является еще довольно редким явлением. Почему некоторые психологи не принимают идеи интеграции? Причина этого состоит в том, что они, как правило, не видят себя в целостной сети психологического знания среди других школ, также имеющих свой аутопоэтический взгляд на психологическую проблематику. Осознание этого факта может послужить началом интеграционных процессов. Следуя идеям Н. Лумана, необходимо переходить от рассмотрения внутренних субъективных позиций отдельных школ к объективной теоретической позиции, которая описывает внешнюю логику сетевого взаимодействия этих школ.

Сейчас большинство научных школ осознают себя как автономные, не признавая собственную включенность во внешнюю сеть других школ, что часто служит причиной сопротивления интеграции. Поэтому выглядит разумным призыв сместить акцент в современной психологии с разнообразия психологических теорий на многообразие психологических сообществ как совокупных носителей парадигм, при котором более важными становятся не результаты деятельности научных сообществ, а сами субъекты познания (Журавлев и др., 2018; Корнилова, 2018б).

Этапу интеграции, на наш взгляд, должен предшествовать этап прединтеграции, связанный с формированием сетевого мышления, осознанием каждой психологической школой своей включенности в общее психологическое знание, которое строится совместно всеми участниками профессионального сообщества. Сеть как внешнее коммуникативное поле взаимодействия разных школ пока еще не присутствует в должной мере в сознании большинства психологов, поэтому на начальном этапе необходимо стремиться к тому, чтобы осознавать себя еще и частью внешней сети, постоянно учитывая ее влияние в своей психологической деятельности.

Не следует рассчитывать на то, что объединение всех школ в сеть будет выполняться какими-то абстрактными методологами. Эта работа полноценно

Раздел II

может быть осуществлена только при активном участии самих действующих исследователей. А для этого необходимо включать в собственную деятельность критику своих взглядов с позиций других школ. И пока не будет изменяться сознание психологов в этом направлении, интеграция будет затруднена или вообще невозможна. Для развития российской науки необходим «отказ от изоляционистских тенденций, активное участие в диалоге, развитие сотрудничества и интеграция» (Журавлев, Мироненко, 2018, с. 66).

Заключение

Полноценная сеть – это семантико-синтаксическая конструкция. Предлагаемый новый подход к пониманию сети психологического знания основан на неразрывном единстве внутренней субъективной деятельности отдельных школ и объективной логики их внешнего взаимодействия. Он дополняет прежний, преимущественно синтаксический внешний подход, семантическим компонентом, учитывающим внутренне своеобразие представлений различных психологических школ. В настоящее время большинство школ отвергают необходимость учитывать влияние сети в своей деятельности. Они считают, что сеть – это абстракция методологов, нарушая тем самым диалектику взаимосвязи формы и содержания. Изменение сознания исследователей – процесс достаточно длительный, и поэтому здесь не нужно ждать быстрых результатов. Большие возможности в этом направлении открывает развитие неформальных сетевых научных сообществ, которые могут служить прообразом своеобразного распределенного «сетевого разума».

Итак, мы дополняем традиционный сетевой подход пониманием того, что сеть формируется самими же учеными, их деятельностью (Зеленкова, 2007). Современное сетевое мышление – это сочетание когнитивного (внутреннего) и рационального (внешнего) взгляда на психологию. Парадигма отражения, которая перешла в традиционный сетевой подход из теории систем, в новом взгляде на природу сетей меняется на парадигму со-творения. Она раскрывает истинный смысл древней метафоры ожерелья Индры, которое непрерывно и творчески воссоздается всеми жемчужинами, входящими в его состав. Внутреннее, ауто-поэтическое развитие школ – это, несомненно, положительный момент, но его недостаточно для полноценного развития всего психологического знания. Пока это фиксируется только со стороны методологии, но в конечном итоге должно быть принято всем психологическим сообществом, которое участвует в со-творении психологической науки.

Глава 14

Ресурсный подход в психологии¹

Введение

Понятие «ресурс», вошедшее в психологический обиход в 1970-е годы, в настоящее время весьма интенсивно используется в различных областях психологической науки, хотя не является собственно психологическим, оно было заимствовано из теории информации и макроэкономической теории. Обзор тематики диссертационных работ и публикаций за последние 10 лет показывает, насколько широко ресурсный подход проникает в исследовательский дискурс. Так, разрабатываются *ресурсные концепции* контроля поведения (Е. А. Сергиенко), саморегуляции (В. И. Моросанова), концепции когнитивного ресурса (А. Н. Воронин, Н. Б. Горюнова) и интеллектуального ресурса (М. А. Холодная), ментальных ресурсов субъекта (С. А. Хазова); вклада ресурсов в деятельность, например, профессиональную, инновационную и командную (Н. Е. Водопьянова, Ю. А. Дмитриева, З. Р. Совмиз), *темы* роли ресурсов в обеспечении качества жизни и психологического/субъективного благополучия (Ю. Ю. Неяскина, Е. Б. Лактионова, Т. Ю. Иванова); специфики ресурсов в разные возрастные периоды (С. А. Хазова, Е. А. Дорьева, А. И. Мелехин, А. И. Лактионова); свойств личности и индивидуальности как ресурсов (А. О. Ряжкин, Н. В. Сурина); возможностей развития ресурсов (А. А. Маленов); их функций (Т. Ю. Иванова) и т. д.

Закономерно, что в психологии фактически нет области (от когнитивной психологии до психологии личности и социальной психологии), в которой в той или иной мере не использовались бы идеи ресурсного подхода (Хазова, 2013, 2019). Каждая область психологии акцентирует в понимании ресурсов определенные функции и наиболее важный эффект, например, психология развития рассматривает ресурс как движущую силу развития, оказывающую принципиальное влияние на его протекание и результат; в позитивной психологии ресурсы понимаются как сильные и наиболее ценные стороны личности, выполняющие «буферную» функцию, снижая риск личностных нарушений, повышая благо-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00435А.

получие личности; в психологии труда и профессиональной деятельности они анализируются как фактор профессиональных достижений, противостояния профессиональному стрессу, выгоранию и т. д.

Необходимо отметить, что ресурсный подход в настоящее время – это некоторое множество теорий, концепций, гипотез, эмпирических фактов, объединенных единой идеей – доказать, что человек обладает внутренними силами и способен опираться на внешние факторы (объекты материальной и социальной среды), называемые резервами, ресурсами, потенциалами, чтобы выдерживать требования жизни, жить осмысленно.

Представляется, что популярность ресурсного подхода и понятия «ресурс» связана с несколькими обстоятельствами.

Во-первых, ресурсный подход, являясь «магическим кристаллом» (Ларионова, 2017), позволяет проанализировать психологические механизмы «живучести» личности. Первоначально с помощью понятия «ресурс» демонстрировалась ограниченность возможностей человека (Бодров, 2000; Канеман, 2006), в современной трактовке все чаще для описания его фактически безграничных возможностей совладать со стрессами, справляться с вызовами постоянно изменяющегося мира, выживать в трудные времена, быть жизнестойким, двигаться вперед и продуктивно развиваться (Ларионова, 2017; Хазова, 2013). По сути, ресурсный подход позволяет описать не только актуальное, имеющееся, но и потенциальное, возможное, сосредоточить внимание не на дефицитах, а на позитивном векторе развития, например, таких феноменах, как благополучие или посттравматический рост.

Во-вторых, это «широта» самого ключевого конструкта ресурсного подхода – понятия «ресурс», которое тесно связано с семантически близкими понятиями «резерв», «потенциал», «капитал». С одной стороны, оно является удобной метафорой (Дружинин, 2001), с другой, являясь «зонтичным» (Махнач, 2019), «покрывает» огромное количество личностных, субъектных (внутренних) переменных и внешних условий природной и социальной среды, обеспечивающих позитивные результаты в самых разнообразных аспектах жизнедеятельности человека.

Наконец, в-третьих, по мнению ряда авторов, ресурсный подход позволяет соотнести оценку качества деятельности с психологическими и психофизиологическими возможностями субъекта (Воронин, Горюнова, 2016, с. 18), на что еще 20 лет назад указывала Т. П. Зинченко, отмечая его особую методологическую роль, которая связана с возможностями описать в терминах данного подхода как требования внешней среды и деятельности, так и внутренние возможности человека удовлетворять этим требованиям (Зинченко, 2000).

Вероятно, в одной работе невозможно проанализировать и представить множество идей и концепций, разрабатываемых в рамках данного подхода, как невозможно выстроить их в какую-то хронологическую последовательность, поскольку, оформляясь приблизительно в одно и то же время – в последние 40–50 лет, они постоянно взаимообогащали друг друга. Тем не менее, если рассматривать ресурсный подход с методологических позиций, то, вероятно, стоит обратиться к когнитивной психологии, психологии стресса и совладающего поведения,

психологии жизнеспособности и психологии саморегуляции личности. Каждое из этих направлений, акцентируя определенный аспект ресурсного подхода, дало толчок для возникновения новых гипотез, теорий и концепций.

Ресурсный подход в когнитивной психологии

Начало разработки идей ресурсного, точнее ресурсно-информационного, подхода обычно связывают с когнитивной психологией, в которой понятие «ресурс» используется для описания процесса и эффективности решения мыслительных задач и переработки информации, прежде всего, с ресурсной теорией внимания Д. Канемана, концепцией Д. Навона и Д. Гофера, а в отечественной психологии – с концепцией когнитивного ресурса В. Н. Дружинина. Это были попытки оценить когнитивный ресурс количественно, например, через объем кратковременной памяти и внимания, определяющие способность оперировать одновременно большим или меньшим количеством информации. Р. Хокки и П. Хамильтон в рамках информационного подхода высказывают предположения о том, что именно ресурсы определяют скоростные характеристики когнитивной системы человека, возможность восприятия и ответа на определенные стимулы (Hockey, Hamilton, 1983). По сути, ресурс рассматривается как «количественная мера возможности выполнения какой-либо деятельности» (Воронин, Горюнова, 2016, с. 100).

Сформулировав идеи одной из первых концепций ресурсов (концепции внимания как умственного усилия), Д. Канеман исходит из представлений о наличии у человека единого психического ресурса (внимания) для управления познавательной деятельностью, об ограниченности возможностей человека со стороны имеющегося объема ресурса, зависимости этого объема от функционального состояния организма, возможности его восполнения, распределения ресурса с учетом ряда факторов, например, уровня сложности решаемых задач и их требований к вложению ресурсов, доступности и достаточности последних, а также некоторых личностных диспозиций и текущей мотивации (Канеман, 2006).

Т. П. Зинченко, рассматривая ограниченность данного подхода, отмечает, что в нем не учитывается активность самого субъекта, поскольку любая сложная задача может быть решена с минимальными затратами ресурсов, если не принимать во внимание качество. Для решения данного противоречия Зинченко предлагает учитывать субъективную оценку сложности задачи – ее субъективную трудность и требуемое качество выполнения. Проведя серию оригинальных экспериментов для изучения процесса выполнения совмещенных задач, она приходит к выводу о неоднородности состава «гипотетического психофизического ресурса» и его специфичности для каждой задачи (Зинченко, 2000). Она предпринимает попытку описать условия эффективного использования ресурсов: во-первых, чем больше предложение ресурсов со стороны системы обработки информации, тем меньше эффективность их использования; во-вторых, эффективность их использования должна соответствовать необходимому качеству выполнения деятельности. Весьма продуктивной представляется идея

о статических (объем, общность, специфичность, комплементарность) и динамических (эффекты затрат, восполнения и мобилизации) аспектах ресурсной регуляции деятельности.

Идея об ограниченности ресурса (ресурсов), которые могут быть вложены в интеллектуальную деятельность, определяющую продуктивность умственных усилий, нашла свое развитие в концепции когнитивного ресурса В. Н. Дружинина. Автор приходит к выводу о наличии в структуре познавательных способностей общего фактора — «когнитивного ресурса», под которым он понимает общий интеллект и который оказывает влияние на протекание когнитивных процессов, определяя диапазон интеллектуальной продуктивности. Являясь сторонником количественного подхода к пониманию когнитивного ресурса, В. Н. Дружинин постулирует, что от величины когнитивного ресурса зависит точность ментальной модели задачи и качество ее решения: 1) адекватная репрезентация ситуации не может быть построена, если трудность задачи выше наличного ресурса; 2) требуемый задачей и наличный ресурс соответствуют друг другу, задача решается, но способ решения не обобщается и не переносится на другие; 3) ресурс субъекта больше, чем требуется для решения задачи, тогда свободный резерв может быть вложен в решение параллельных задач, расширение зоны поиска, включение задачи в новый контекст, привлечение дополнительной информации и дальних аналогий, что создает условия для проявления креативности и дивергентного мышления (Дружинин, 2001).

Разработка данных теоретических положений осуществлена в исследованиях операциональных дескрипторов когнитивного ресурса Н. Б. Горюновой (2002). В качестве операциональных дескрипторов когнитивного ресурса автор рассматривает размерность когнитивного пространства, характеристики сенсорной (иконической) и оперативной памяти, время реакции выбора, продуктивные характеристики выделения признаков объектов. Н. Б. Горюнова проверяет гипотезу о том, что мощность когнитивного ресурса (способность актуализировать множество элементов когнитивной системы и симультанно оперировать ими) определяется мерой дифференцированности когнитивных структур, которая проявляется в скорости решения разного типа задач. Действительно, были констатированы значимые различия по данным показателям между группами испытуемых, демонстрирующих разную продуктивность при решении тестовых задач и творческих задач-головоломок, а также имеющих разный уровень общего интеллекта (измеренного по Стандартным прогрессивным матрицам Равена), что частично подтвердило гипотезу (Горюнова, 2002; Дружинин, Горюнова, 2001).

Эти идеи получили развитие в исследованиях совместной интеллектуальной деятельности (Воронин, Горюнова, 2016). Авторами предложено следующее определение когнитивного ресурса, интегрирующее идеи когнитивных наук и психофизиологических исследований (представления об активации и энергетических резервах организма): «Когнитивный ресурс — множество когнитивных элементов (актуальных и потенциальных), взаимосвязанных с интенциональной и активационной структурами, согласованное взаимодействие которых обеспечивает эффективность познавательной деятельности и проявляется в виде раз-

ных когнитивных способностей. Совокупность «активных» и «свободных» элементов когнитивного ресурса определяет его мощность» (там же, с. 102). Весьма продуктивной представляется идея о взаимодействии внутренних (личностных и интенциональных) и внешних – средовых факторов (об особенностях физической или социальной среды как источника информации и сферы взаимодействия людей), делающих возможным реализацию когнитивного ресурса. В данной концепции описаны ситуационные факторы, увеличивающие требования к когнитивному ресурсу при решении интеллектуальных задач, наиболее значимыми из которых являются когнитивная нагруженность, динамичность (скорость изменения условий или элементов задачи), напряженность/энергозатратность, хаотичность/упорядоченность элементов задачи, а также ответная активность испытуемого, без которой построение адекватной репрезентации ситуации и преодоление искажений затруднено (Воронин, Горюнова, 2021). Авторы делают вывод о том, что «совместный» когнитивный ресурс (ресурс команды) всегда выше, чем индивидуальный когнитивный ресурс, при этом обращение к совместной интеллектуальной деятельности и, следовательно, активация когнитивного ресурса команды происходят тогда, когда возникают затруднения в решении задачи, связанные с объемом или недостаточностью информации, непониманием ситуации либо осознанием ограниченности индивидуальных интеллектуальных возможностей (Воронин, Горюнова, 2016). Представляется, что привлекательность данной концепции определяется следующими факторами: авторы разрабатывают идеи о взаимодействии личности и среды для активации ресурса, предпринимают попытку приблизиться к пониманию групповых ресурсов и условий их возникновения, а также анализируют те ситуационные факторы, которые приводят к увеличению нагрузки (востребованности) на когнитивный ресурс.

Альтернативная количественному подходу к оценке когнитивного ресурса точка зрения принадлежит М. А. Холодной, которая вводит понятие индивидуального интеллектуального ресурса, определяющегося особенностями организации индивидуального ментального опыта, т. е. его своеобразием. В свою очередь, своеобразие индивидуального ментального опыта может быть описано через сочетание (более или менее сбалансированное) когнитивных способностей разного типа, наличие индивидуальных познавательных предпочтений, интенций, а также через своеобразие компонентов метакогнитивного опыта: «Именно наличие опыта и его индивидуальное своеобразие, а не сформированность той или иной когнитивной структуры („схемы“) определяют эффективность интеллектуальной деятельности» (Холодная, 2002, с. 92). Ключевое место в системе ресурсов, по мнению автора, принадлежит стратегиям непроизвольного (организация внимания, торможение когнитивного реагирования, выбор релевантных признаков) и произвольного (рефлексия) интеллектуального контроля, связанного с особенностями восприятия, понимания и интерпретации происходящего, а также контроля за состоянием индивидуальной системы интеллектуальных ресурсов, что позволяет использовать более совершенные механизмы управления интеллектуальными ресурсами и, соответственно, поведением (Холодная, 2002, 2016).

Дискуссия разворачивалась также и вокруг других позиций: 1) понимания ресурса как единого – концепции общих, неспецифических, недифференцированных ресурсов (Д. Канеман, В. Н. Дружинин, Н. Б. Горюнова, А. Н. Воронин), понимания множественности ресурсов (разные ресурсы для решения разных задач) и их системной организации прежде всего в концепциях, рассматривающих потенциал личности (Д. Навон, Д. Гофер, Т. В. Корнилова, Д. А. Леонтьев); 2) идеи ограниченности ресурсов, которая зачастую приводила к отрицанию продуктивности ресурсного подхода (Д. Канеман, Д. Навон, Д. Гофер, В. Н. Дружинин, А. Н. Воронин), возможности их развития в процессе обучения и по мере накопления жизненного опыта (Б. М. Величковский, А. А. Маленов, С. А. Хазова, С. Хобфолл, У. Г. Найссер).

В целом когнитивная традиция существенно обогатила ресурсный подход гипотезами (в разной степени доказанными) о возможности той или иной операционализации и точного измерения ресурсов через характеристики когнитивной системы, оценки его с учетом своеобразия способностей и стилевых характеристик когнитивной сферы человека, идеями о наличии групповых ресурсов, рождающихся в совместной интеллектуальной деятельности, выделением и описанием критериев оценки ситуации (задачи), приводящей к повышению требований и нагрузки на ресурсную систему человека.

Ресурсный подход в психологии стресса и совладающего поведения

Фактически одновременно с разработкой ресурсного подхода в когнитивной психологии его идеи начинают осваиваться и в психологии стресса, в том числе профессионального. Обычно ссылаются на новаторские публикации А. Антоновски, в которых используется термин «генерализованные ресурсы устойчивости» («generalized resistance resources») для описания характеристик (физических, материальных, когнитивных, эмоциональных, социальных), которые облегчают управление стрессом, выступают своеобразным буфером между стрессом и личностью (Antonovsky, 1979). В когнитивной (транзактной) концепции Р. Лазаруса и С. Фолкман ресурсы включены в сам процесс преодоления стресса, они рассматриваются как факторы, которые предшествуют преодолению стресса и влияют на него, «опосредуют» стресс за счет когнитивной оценки ситуации и собственных возможностей справиться с ней – по сути требования ситуации оцениваются с точки зрения соответствия ресурсам (Lazarus, Folkman, 1984). Авторы исходят из многомерности ресурсов преодоления трудностей, которые могут быть социальными, материальными и личностными (свойствами личности), отмечают, что «было бы невозможно составить каталог всех ресурсов, к которым прибегают люди, чтобы справиться с бесчисленными жизненными потребностями», они тем не менее определяют основные из них (Lazarus, Folkman, 1984, p. 159):

- здоровье и энергия, которые помогают справиться почти со всеми стрессами, в том числе хроническими и экстремальными даже ослабленным и больным людям, которые «могут мобилизоваться в достаточной степени, когда ставки достаточно высоки»;

- позитивные убеждения (позитивное мышление, позитивное отношение к себе, возможность контроля, надежда, вера в справедливость, свобода воли, локус контроля);
- навыки решения проблем, связанные со способностью искать информацию, анализировать ситуации с целью выявления проблемы, генерировать и взвешивать альтернативные варианты действий в отношении желаемых результатов, а также выбирать и осуществлять соответствующий план действий; они черпаются из других ресурсов (широкого спектра опыта, запаса знаний, способности использовать эти знания и способности к самоконтролю) – социальные навыки.

Концепция Р. Лазаруса и С. Фолкман считается классикой в психологии стресса и копинга, но, несмотря на то, что она не является концепцией ресурсов, в ней сформулированы важные идеи о месте и роли ресурсов в процессе совладания со стрессом, получившие развитие в дальнейших исследованиях. Так, например, И. Р. Исаева, рассматривая копинг-поведение в условиях здоровья и болезни, отмечает, что именно ресурсы, образуя в сочетании с опытом взаимодействия со средой адаптационный потенциал личности, в значительной степени определяют способность к построению интегрированного поведения, сохранению его устойчивости в условиях стресса, позволяют соизмерять собственные потребности и требования окружения, соотносить немедленные и отсроченные последствия тех или иных поступков. По сути, пишет автор, ресурсы «являются психологическими факторами стрессорезистентности, и их преобладание в структуре копинг-поведения в конечном итоге определяет его исход в социальную интеграцию и конструктивную адаптацию» (Исаева, 2009, с. 46). Н. А. Сирота и В. М. Ялтонский указывают, что ресурсы обеспечивают позитивный психологический фон для преодоления стресса и способствуют развитию копинг-стратегий (Сирота, Ялтонский, 1994).

Некоторые авторы, в частности С. Хобфолл, Е. В. Битюцкая (авторы, пожалуй, самой цитируемой теории в психологии стресса), признавая авторитетность когнитивной теории стресса, указывают на ее ограничения, в частности, на то, что, во-первых, она обладает недостаточной предсказательной способностью, поскольку оценить стрессогенность события, как считает С. Хобфолл, можно только постфактум, и эта оценка будет носить не объективный, а субъективный, строго индивидуальный, возможно, искаженный характер (Hobfoll et al., 2018), что, на наш взгляд, не совсем верно, поскольку только ситуация потери связана с уже нанесенным ущербом, в то время как оценка ситуации угрозы или вызова носит предвосхищающий характер. Во-вторых, в теории присутствует разделение эмоционального и когнитивного компонентов восприятия ситуации, постулируется, что когнитивный компонент (когнитивная оценка) предшествует возникновению эмоции, возникновению стресса (Битюцкая, 2013).

Наиболее влиятельной теорией в рамках ресурсного подхода к стрессу и копингу является так называемая COR-теория С. Хобфолла – теория сохранения ресурсов. Сам автор называет ее мотивационной теорией, поскольку она объясняет большую часть человеческого поведения, основанного на «эволюционной потребности приобретать и сохранять ресурсы для выживания» (Hobfoll et al.,

2018, p. 104). Признавая роль восприятия ситуации для возникновения стресса, автор тем не менее указывает на объективность ситуации и ее контекста, а также на наличие в жизни человека целой серии – «каскада» ситуаций, которые могут усиливать/накапливать эффект. Эта теория разрабатывается автором и его сторонниками уже около 40 лет (первым системным изложением идей считается монография С. Хобфолла «Экология стресса», вышедшая в 1988 г.) и постоянно обогащается новыми фактами и доказательствами. Можно выделить несколько ключевых принципов, объясняющих суть данного подхода и его популярность среди исследователей. Согласно первому базовому принципу, люди стремятся получать, сохранять, развивать и защищать то, что они ценят больше всего, а следовательно, стресс возникает, когда а) ключевые ресурсы находятся под угрозой потери; б) ключевые ресурсы потеряны; в) когда не удается получить ключевые ресурсы даже после значительных усилий. Это имеет несколько важных следствий: потеря ресурсов непропорционально более заметна, чем прирост ресурсов (приоритет потерь); необходимость инвестирования в ресурсы, чтобы защититься от потери ресурсов, оправдаться от потерь и получить новые ресурсы; когда потери ресурсов велики, их прирост приобретает все большую значимость и ресурсы увеличиваются в цене (парадокс усиления); в случае истощения ресурсов люди, чтобы сохранить себя, переходят к оборонительному, иррациональному или даже агрессивному режиму (принцип отчаяния) (Hobfoll, Lilly, 1993).

Второй принцип заключается в совместном функционировании ресурсов, которые связаны, «сцеплены» друг с другом (в терминах С. Хобфолла это «ресурсные караваны» – Hobfoll et al., 2018, p. 106). Речь идет о существовании ресурсов в определенных экологических условиях, которые либо способствуют, либо блокируют создание ресурсов, соответственно те люди и организации, которые имеют больше ресурсов, менее уязвимы и чувствительны к их потере и более способны к их получению. Существует спираль потерь ресурсов: потеря одного ресурса приводит к потере других, на каждом витке спирали стресса остается все меньше ресурсов, а попытки их компенсировать приводят к дальнейшим потерям. Аналогично происходит и приобретение ресурсов (спираль приобретений). Поскольку прирост ресурсов имеет меньшую величину и происходит медленнее, чем потеря ресурсов, спирали прироста ресурсов, как правило, слабее и развиваются медленнее (Hobfoll, 2011; Hobfoll, Lilly, 1993).

Дальнейшее развитие данной теории привело к появлению идеи об «обменных процессах» на основе кроссовер-модели, разработанной Болджером с соавт. (Volger et al., 1989), где кроссовер понимается как межличностный процесс передачи психологических состояний и переживаний. С. Хобфолл исходит из того, что в отношении ресурсов может происходить процесс позитивного обмена и передачи ресурсов (например, воспринимаемая самоэффективность одного партнера может «подпитывать» самоэффективность другого и усиливать диадическую самоэффективность), что запускает спираль усиления всей системы ресурсов (Hobfoll, 2011; Hobfoll et al., 2018).

Положения COR-теории были верифицированы в значительном количестве исследований (см., например, обзор: Halbesleben et al., 2014), подчеркивается ее значение не только в плане исследования стресса в организациях, но и в плане

включения ее положений в более широкий научный контекст, например, в семейную психологию или в поиск социокультурных различий, а также в изучение ее связи с практикой. С. Хобфолл с соавт. указывают на ее вклад в понимание самого феномена ресурсов, а также в объяснение процесса функционирования ресурсов, их взаимодействия и динамики (Hobfoll et al., 2018). В качестве проблемных можно отметить вопросы о влиянии эмоций на процессы потери/приобретения ресурсов; о связи ресурсов и времени: в течение какого времени они могут действовать, теряться и приобретаться; а также вопрос об адаптации к стрессорам за счет более адекватного использования ресурсов.

Для нас (Хазова, 2013) ценность данной теории связана с пониманием роли социокультурного контекста: «...функционирование ресурсов встроено в сложную сеть убеждений и ценностей, которые придают общий смысл и ценность ресурсам» (Hobfoll et al., 2018, p. 117).

Однако существуют и более частные модели. Так, К. М. Олдвин с соавт. разработали собственную концепцию развития ресурсной системы субъекта, в которой в качестве ключевой характеристики выступает опыт человека, его компетентность, определяющая развитие адаптивной/дезадаптивной спирали в стрессовой ситуации (Aldwin et al., 1996; Aldwin, Stokols, 1988). Если жизненная компетентность возрастает, то возрастает и активность человека в использовании проблемно-ориентированного копинга, увеличивается количество и качество ресурсов и в результате происходит дальнейший рост компетентности. Если компетентность уменьшается, человек чаще не справляется, избегает решения, ресурсы истощаются и в итоге еще больше снижается компетентность. Авторы разработали так называемую модель долговременных последствий стресса (речь идет об отклонении от гомеостаза), которая показывает позитивный/негативный эффект стрессоров в долгосрочной перспективе (рисунок 14.1).

Рис. 14.1. Модель долговременных последствий стресса (Aldwin et al., 1996)

В концепции П. Т. Вонг и концепции силы ресурсов В. Р. Баумейстера, Б. Шмейчеля и К. Вогс эффективное преодоление стресса связывается с разумным использованием энергии и ресурсов, приводящим к восстановлению функционального состояния, эффектам развития личности (повышению способностей, самоуважения и благополучия). Важной особенностью этих моделей является акцент на упреждающих мерах: во-первых, индивид может предвосхищать расход и истощение ресурсов и предпринимать адекватные меры для избежания этого, во-вторых, постоянное развитие разнообразных ресурсов снижает вероятность стрессовых реакций (Baumeister et al., 2007; Wong, 1993).

Необходимо отметить, что в отечественной психологии в рамках исследования стресса был накоплен огромный массив эмпирических данных, которые легли в основу разнообразных классификаций ресурсов (Д. А. Леонтьев, Е. Ю. Кожевникова, Е. А. Петрова (Дорьева), В. А. Толочек), описания их функции (Н. Е. Водопьянова, Т. Ю. Иванова), анализа вклада в продуктивность копинг-поведения, противостояния профессиональному стрессу, выгоранию и утомлению (В. А. Бодров, Н. Е. Водопьянова, Е. О. Лазебная) и т. д., а также оформились концепция ментальных ресурсов субъекта С. А. Хазовой, обосновывающая ментальную природу ресурсов и роль процессов концептуализации в управлении ими (Хазова, 2013), и субъектно-ресурсный подход к профессиональному выгоранию Н. Е. Водопьяновой, в рамках которого профессиональное выгорание связывается с системным эффектом снижения и инволюции ресурсов разных уровней психологической регуляции (Водопьянова, 2015). В настоящее время именно в психологии стресса и совладания ресурсный подход является наиболее разработанным.

Ресурсный подход к жизнеспособности личности и группы

Значительный вклад в развитие идей ресурсного подхода вносят исследования в рамках концепции жизнеспособности (resilience) личности и группы. Как пишет Э. Вернер, «лонгитюдные исследования... неизменно показывали, что даже среди детей, подвергающихся множественным стрессорам, лишь у меньшинства развиваются серьезные эмоциональные расстройства или стойкие проблемы с поведением» (Werner, 2005).

Выделим базовые положения, которые делают возможным и необходимым приложение идей ресурсного подхода к анализу жизнеспособности личности и группы:

- жизнеспособность может быть понята как «способность управлять собственными ресурсами... в контексте социальных, культурных норм и средовых условий» (Махнач, Лактионова, 2007, с. 294).
- в рамках различных концепций жизнеспособности активно изучались и систематизировались модели взаимодействия факторов риска и факторов защиты (ресурсов), что определяет их вклад в жизнеспособность личности;
- наконец, в данном направлении развивался подход, сфокусированный на личности, т. е. на личностных ресурсах жизнеспособности.

В рамках последнего стоит упомянуть эмпирическое исследование группы ученых под руководством Э. Мастен, в котором были идентифицированы дети: уязвимые, демонстрирующие, несмотря на невысокие риски, невысокий уровень адаптации и развития; плохоадаптированные, испытавшие воздействие множества негативных факторов; компетентные, демонстрировавшие высокий уровень функционирования, но не подвергавшиеся высоким рискам; наконец, жизнеспособные, которые имели высокий уровень развития и адаптации даже в условиях высоких рисков. Именно третья и четвертая группы детей значительно отличались от первых двух с точки зрения индивидуальных и семейных ресурсов (Masten et al., 1999). А. И. Лактионова также доказала на примере подросткового возраста, что уровень жизнеспособности зависит от достаточности/недостаточности индивидуальных психических ресурсов и их интеграции: неоптимальный способ индивидуальной интеграции ресурсов приводит к низкому уровню жизнеспособности (Лактионова, 2017).

В контексте анализа взаимодействия факторов риска и ресурсов интересны предложенные Н. Гармези с соавт. три варианта моделей (Garmezy et al., 1984). Первая модель исходит из идеи о независимом действии факторов риска и ресурсов: разные стрессы оказывают негативное влияние на результаты развития даже при наличии неизменных, постоянных ресурсов, в то же время ресурсы (защитные факторы) оказывают положительное влияние на развитие даже в случае постоянных рисков. Согласно второй модели, персональные ресурсы всегда снижают степень риска и стрессовой нагрузки, т. е. их наличие определяет уязвимость либо устойчивость ребенка или подростка. Наконец третья модель — модель вызовов — декларирует нелинейную связь между стрессами и результатами развития: стрессы рассматриваются не как угрозы, а скорее как вызовы, оказывающие потенциально позитивное влияние (Ball, Peters, 2007; Garmezy et al., 1984).

Спустя почти 20 лет Э. Мастен и М.-Г. Рид предложили собственную классификацию моделей взаимодействия стрессов и ресурсов, которые не являются взаимоисключающими, но могут дополнять друг друга. Аддитивная модель, как и первая модель из классификации Н. Гармези, исходит из независимого действия стрессов и ресурсов: в «чистом виде» факторы риска всегда действуют негативно, в то же время ресурсы в «чистом виде» всегда действуют позитивно, т. е. ресурсы и факторы риска рассматриваются как биполярное измерение. В рамках интерактивной модели речь идет о некоторых модулирующих переменных, которые могут усиливать (например, критические периоды развития) либо снижать влияние фактора риска; они могут выступать как дополнительные ресурсы или факторы уязвимости (например, свойства нервной системы), тем самым повышать либо минимизировать вероятность негативных результатов развития. В качестве ресурсов могут выступать, например, копинг-навыки и соответствующий репертуар копинг-стратегий. Наконец модель косвенного действия постулирует роль превентивных факторов, например, раннее обучение языку детей эмигрантов, формирование тех или иных компетенций и т. д. (Ball, Peters, 2007).

Интересно, что ресурсный подход представляет значительные возможности для изучения не только индивидуальной жизнеспособности, но и жизнеспособности

способности семьи как малой социальной группы, ее ресурсности и способности совладать со стрессами, однако работы в данном направлении пока носят «точечный», крайне несистемный характер. Среди наиболее концептуально оформленных стоит назвать исследование жизнеспособности замещающей семьи с позиций системно-экологического подхода, в котором нашла воплощение идея о ресурсах семьи как группы, интегрирующих индивидуальные, семейные и социальные ресурсы (Махнач, 2019), и особо подчеркивается «важность исследования социума, где черпаются ресурсы жизнеспособности человека и каждый его член обучается умению ими пользоваться» (Жизнеспособность человека..., 2016, с. 706).

Исследования жизнеспособности внесли важный вклад в развитие ресурсного подхода и его «парадигмальную переориентацию» с «патогенного» вектора (Antonovsky, 1979) исследований на вектор позитивных эффектов и благополучия.

Проблемы и вопросы

Вопрос концептуализации ключевого понятия – наиважнейший в каждой научной теории. Однако, несмотря на более чем 50-летнюю историю изучения ресурсов человека, так и нет принятого большинством исследователей определения, не дана спецификация понятия, что позволило бы отграничить его от сходных и объяснить психологические механизмы управления ресурсами. Это связано, в частности, с непониманием их природы. Одно из возможных объяснений может быть связано с отнесением ресурсов к ментальному опыту (Хазова, 2013, 2019), что предполагает «учет актуализации новых условий внутренней и внешней среды, реорганизации психических структур», возможности изменения прежнего и нового ментального опыта субъекта (Толочек, 2016, с. 106) и позволяет ответить на вопрос о том, как субъект управляет собственными ресурсами.

Концептуализация ресурса как феномена ментального опыта дает возможность определить его место в понятийной системе современной психологии (см.: Разработка понятий..., 2019, с. 53, рисунок 1), а также вписать ресурсный подход в более общие методологические подходы – системный и субъектный. Рассматривая идеи ресурсного подхода в контексте психологии субъекта, обратим внимание на следующее: ментальные ресурсы, вне всякого сомнения, выступают «внутренними условиями» деятельности субъекта, в связи с чем важными являются «поиск тех закономерностей, которым подчинены формирование, устройство и функционирование» этих внутренних условий деятельности» и описание «уникальности психических ресурсов, ибо понятие „субъект“ акцентирует индивидуальное начало человеческой активности, связанное с индивидуально-своеобразными характеристиками „внутренних условий“ деятельности индивидуума» (Холодная, 2002, с. 105).

Идеи ресурсного подхода легко укладываются в логику психологии саморегуляции субъекта, поскольку саморегуляция обладает ресурсными характеристиками – целесообразностью, инструментальностью, потенциально может быть осознана; и, как пишет В. И. Моросанова, «она осуществляется как процесс реализации основных регуляторных процессов, с помощью которых человек коор-

динирует свои психологические ресурсы для выдвижения и достижения целей активности» (Моросанова, 2014, с. 65). Важно различать универсальный регуляторный ресурс как комплекс индивидуальных универсальных компетентностей человека, определяющих его возможности осознанно и самостоятельно выдвигать цели, планировать и корректировать процесс их достижения, и специальные регуляторные ресурсы как совокупность регуляторных компетенций, включающих регуляторные навыки и субъектные качества, необходимые для достижения различного рода профессиональных и учебных целей (там же). В рамках разработки проблем саморегуляции с позиций системно-субъектного подхода Е. А. Сергиенко разрабатывается новый конструкт – контроль поведения, который понимается как психологический уровень регуляции поведения, в основе которого лежат индивидуальные (интеллектуальные, эмоциональные и волевые) ресурсы психической организации человека, обеспечивающие соотношение внутренних возможностей и внешних целей (Сергиенко, 2009). Ресурсы образуют индивидуальный паттерн, что ведет к своеобразию контроля поведения и своеобразию способов саморегуляции (Сергиенко, Виленская, 2018).

Второй вопрос связан с системной организацией ресурсов, которая в принципе не оспаривается никем из исследователей. В одних концепциях ресурсы принадлежат к разным уровням функционирования – от физиологического и психофизиологического до уровня направленности личности, в других могут быть внутренними, «интрасубъектными» или внешними – ресурсами среды или ресурсами отношений, тем не менее, все они образуют «общий ресурсный запас», «ресурсную базу» либо «потенциал личности», взаимодействуя и подпитывая друг друга. Однако на данный момент существует разрыв между теоретическими построениями и их эмпирической верификацией, поскольку доказать статистически системное строение на данный момент затруднительно (Иванова, 2016). Нет и четкого понимания того, как функционирует система в конкретной ситуации. Поскольку фактически невозможно представить ресурс, одинаково ценный во всех ситуациях и условиях, система должна гибко перестраиваться «под задачу», но нет ответа на вопрос, как это реально происходит. В связи с этим возникает острая необходимость анализа идей ресурсного подхода с позиций системного.

Еще один вопрос касается методических аспектов исследования ресурсов. Так, в современных работах исследован фактически необъятный список как внешних, так и внутренних ресурсов. Однако одна и та же переменная может в одном случае (даже у одних и тех же авторов) выступать и как ресурс, и как результат их действия (например, самоэффективность), т. е. одновременно рассматриваться и как причина, и как следствие, что порождает методологическую и методическую путаницу, препятствуя теоретическим построениям и систематизации конструктов в данной предметной области. Кроме того, исследователи остро нуждаются в экологически валидных методах исследования, гибких методологических стратегиях и надежных методиках, которые бы позволили охватить большое количество феноменов – от индивидуальных до групповых ресурсов, их специфики на разных этапах онтогенеза при разных (типичном, атипичном) вариантах развития, развития в затрудненных условиях, наконец

Раздел II

динамики ресурсов, их накопления, интеграции в единую систему и инволюции, распада, утраты ресурсов в различных контекстах и условиях. Одним из выходов может быть использование биографического метода, феноменологического интервью, которые позволят взглянуть на жизненные истории людей, на то, что они пережили, что они извлекли из этого опыта, какие ресурсы приобрели или потеряли (Хазова, 2013).

Отмечая преимущества ресурсного подхода, необходимо указать на его несомненную «полезность» как в теоретическом плане для описания общих и индивидуальных особенностей регуляции субъектной активности, так и в практическом плане как основы для обучения с позиций компетентностного подхода и с точки зрения практики психологической помощи человеку в плане повышения его стрессоустойчивости, выживаемости, что невозможно без осознания собственных ресурсов и инвестирования в их развитие.

Заключение

Как мы видим, современное состояние ресурсного подхода характеризуется наличием разнообразных концепций, идей, касающихся существования и функционирования системы ресурсов человека, что дает почву для «индивидуальных интерпретаций», прежде всего самого понятия «ресурс», его разнообразных трактовок, противоречивых взглядов на природу ресурсов, их происхождение в процессе индивидуального развития, создает проблемы единства/множественности ресурсов, их атрибуции группе, ставит вопрос о механизмах управления ресурсной системой человека и т. д. Действительно, с одной стороны, это кажущиеся ограничения и предмет для критики ресурсного подхода. С другой стороны, такое положение дел предоставляет простор для научной дискуссии и может послужить концептуальному оформлению наиболее общих идей ресурсного подхода независимо от сферы его применения. И вполне возможно, что на данном этапе его развития значительно более полезным является междисциплинарная толерантность и множественная критическая рефлексия исследователями собственных позиций.

Тем не менее в долгосрочной перспективе методологическое оформление ресурсного подхода все же необходимо, на что еще в 1960-е годы указывал Б. Г. Ананьев, выражая надежду на возможность построения в будущем общей модели «резервов и ресурсов личности, которые проявляют себя в самых различных направлениях в зависимости от реального процесса взаимодействия человека с жизненными условиями внешнего мира и от структуры личности самого человека» (Ананьев, 1968, с. 325).

Глава 15

Филогенетическая эволюция психики: от аналитических представлений к системоцентрической парадигме

В настоящее время в эволюционной и сравнительной психологии сложился ряд направлений и подходов. Значительная их часть носит во многом частный, локальный характер, имеет в качестве предмета исследований отдельные специфические особенности и закономерности развития психики. Вместе с тем необходимо особо подчеркнуть роль давно сложившейся в биологии и психологии дихотомии, сущность и содержание которой прямо влияет на характер и ход разработок в области эволюции психики. Речь идет о филогенезе и онтогенезе широчайшего многообразия форм развития психики. В разработку проблемы эволюции психики, а также периодизации филогенетических форм развития их психической организации (этапов развития психики) необходимо включить формулировку новых взглядов, которые по своему содержанию учитывали бы современное понимание предмета эволюционной психологии и смежных с ней дисциплин. Этому способствует своеобразный универсализм, соответствующий филогенезу, в сравнении с которым онтогенез психики и поведения является процессом более частного, хотя и, безусловно, не менее важного характера.

История развития взглядов на психику и поведение животных и человека в значительной мере определила возможность и необходимость в разработке достаточно *общего* методологического средства, которое было бы в состоянии объединить как можно более значительный объем знаний о предмете эволюционной психологии, а также, зоопсихологии, сравнительной психологии, этологии и др. Особое значение формулировка такого подхода приобретает в современных условиях, изучения узких по своим масштабам, специфицированных проблем, особенностей психики и поведения животных. Это способствует, с одной стороны, углублению исследований в конкретных направлениях (хотя зачастую только лишь в пределах определенного вида представителей живой природы или даже отдельной популяции), с другой — формированию тенденции к усилению автономности, отчетливо проявляющейся в современных исследованиях.

Давно уже назрели объективные и вполне обоснованные предпосылки для разработки обобщающего подхода к проблеме развития психики в филоге-

незе и шире — к проблеме *эволюции психики и поведения* животных и человека. Одновременно с этим нельзя не отметить важное и определяющее обстоятельство. Для того чтобы вновь формируемые представления в области филогенетической эволюции психики действительно носили обобщающий характер, ошибочно было бы в качестве объекта исследований избирать исключительно человека и других представителей царства животных (так называемых «non-human animals»). Напротив, особое место, на наш взгляд, должно быть уделено представителям иных доменов и царств живой природы. Дело в том, что подавляющее многообразие видов, зафиксированных в рамках биологической систематики, располагается «за пределами» царства животных. Более того, во-первых, эти организмы обладают такими формами организации психики, которые недоступны животным и человеку и являются слабо изученными к настоящему времени, во-вторых, разнообразие вариантов организации психики и поведения представляет важнейший материал, необходимый для установления закономерностей, по которым психика как атрибут живой материи возникла и обрела собственные направления неуклонного и неукоснительного развития. Таким образом, может быть преодолена доктрина анималопсихизма и антропсихизма в сторону целенаправленного и углубленного изучения психологии «неживотных» доменов и царств. По этим причинам давно и прочно укоренившийся в эволюционной психологии стереотип о «примитивности» ранних форм организации психики представляется неверным. Более того, вряд ли окажется целесообразным интерпретировать их согласно критерию «простоты—сложности». Становится очевидно, что, скажем, социальное поведение бактерий и растений в ряде аспектов гораздо более диверсифицировано, чем высших млекопитающих. Этот тезис можно раскрыть с необходимой полнотой и в отношении иных форм поведения и вариантов психического. Наряду с этим нельзя не учитывать и фундаментальной роли древнейших форм развития психики в филогенезе. Отсюда целесообразно ли вообще считать примитивным и наиболее простым то, с чего берет *начало* все остальное, в том числе познавательные процессы, рефлексия, сознание.

Вследствие этого крайне важным представляется реализация попытки общения существующих к настоящему моменту очень разрозненных и несистематизированных взглядов в отношении изучаемой широчайшей проблематики, а также (и это главное) поиск направлений, благодаря которым будет преодолена доминирующая в современных работах *аналитическая* стадия изучения предмета исследований — эволюции психики в филогенезе. Иными словами, находящаяся на очевидно *претеоретической* фазе проблема установления закономерностей организации эволюции психики нуждается в переходе на более прогрессивные в научном плане уровни.

Все разнообразие форм организации психики в пределах царства животных, а также других крупных таксономических групп так или иначе необходимо рассматривать в континуальном (точнее, хронологическом) виде, согласно последовательности историко-эволюционных преобразований, имевших место (и осуществляемых сейчас). Вместе с тем важно подчеркнуть, что вся совокупность рассматриваемых форм развития психики и соответствующих им эволюционных этапов существует и в настоящее время, и ни одна из них фак-

тически не исчезла в течение истории жизни на Земле. Некоторые из них являются филогенетически более древними, а некоторые, наоборот, относительно новыми и одновременно с этим более сложными. Это свидетельствует о необходимости изучения процессов биологической эволюции и эволюции психики не автономно друг от друга ключе, а в единстве. Дело в том, что эволюция на уровне организмов и эволюция психики и поведения — явления, не просто «параллельно» происходящие друг другу, а взаимодействующие друг друга и, по всей видимости, взаимонаправленные, способствующие в конечном счете достижению наиболее общей цели — развитию организма во всем многообразии возможностей.

Объективно высокая степень актуальности главного предмета наших работ — эволюции психики животных в филогенезе — сочетается со слабой представленностью, а по существу с практически полным отсутствием научно-исследовательских изысканий, которые раскрывали бы основные механизмы и закономерности этого сложнейшего процесса с опорой на имеющиеся данные психологии и с позиций положений, относящихся к историческому развитию живой природы. Таким образом, общая периодизация этапов эволюции психики (филогенетического развития психики и поведения животных и человека) выглядит следующим образом.

С позиций сформулированных выше представлений по отношению к проблеме периодизации реализуется один из наиболее общих и в то же время конструктивных общенаучных методологических подходов — *структурно-уровневый* подход. Он, как известно, реализован в настоящее время по отношению к большому числу психологических проблем и направлений; вместе с тем по отношению к рассматриваемой проблеме он до настоящего времени не применялся.

Действительно, как можно видеть из схемы, представленной на рисунке 15.1, основные стадии развития психики могут и должны быть рассмотрены не только

Рис. 15.1. Этапы эволюции психики в филогенезе

как отдельные качественно специфические формы ее организации, но и как «составляющие» общего процесса филогенетического развития, тесным и закономерным образом связанные друг с другом. Они выступают с этой точки зрения не только сами по себе, но и как части целого — как компоненты определенной структурной организации общего процесса эволюционного развития психики. Более того, они раскрываются не только как компоненты, как части этого общего процесса, но и как различные уровни сложности, достигаемые психикой на том или ином этапе процесса филогенетического развития. Следовательно, в этом плане они не только могут, но и должны быть проинтерпретированы именно как таковые, т. е. как уровни. Это означает, в свою очередь, что на их взаимосвязь друг с другом, а также на их общую организацию должны быть распространены общие положения, сформулированные в структурно-уровневом подходе относительно закономерностей межуровневых взаимодействий, а также закономерностей генезиса уровневой организации систем в целом. Основными из них, как известно, являются закономерности (и, соответственно, лежащие в их основе механизмы) двух типов.

Первый из них обозначается как формирование уровней по типу «снизу вверх». Его смысл состоит в том, что каждый последующий (в эволюционном плане) и, соответственно, высший по отношению к предыдущему уровень формируется в результате развития и совершенствования предыдущего уровня — как итог и следствие развития и организации тех характеристик и того потенциала, который складывается в рамках предыдущего (нижележащего) уровня. Ведущую роль при этом играют средства и механизмы интегративного типа. Важно также и то, что все особенности и возможности — все достижения низшего уровня не пропадают и не отрицаются в новом — высшем по отношению к нему уровне, а наоборот, сохраняются, хотя нередко и в существенно трансформированном виде (Карпов А. А., 2017).

Второй из них обозначается как формирование по типу «сверху вниз». Его смысл состоит в том, что с возникновением нового уровня организации в той или иной системе, как правило, возникают новые особенности, появляется новый потенциал и у тех уровней, которые уже были сформированы ранее и которые выступают по отношению к нему как нижележащие. В этом отношении отмечается, что «с появлением нового уровня сущего в прежних уровнях обнаруживаются новые свойства и особенности» (там же, с. 72).

На наш взгляд, наиболее важным обстоятельством, которое следует из сформулированной точки зрения, является положение, согласно которому отношения между любыми, так сказать, «соседними» основными типами (и соответственно этапами) организации и эволюции психики подчиняются принципиально идентичным, т. е. инвариантным закономерностям. Ими являются те два основных типа механизмов межуровневых переходов, которые были констатированы выше. Одновременно с этим и в картине эволюционного развития форм организации психики в целом обнаруживается очень общая, хотя и достаточно скрытая логика. Следствием ее развертывания как раз и выступает то, что основные формы этой организации, равно как и этапы их развития, не только могут, но и должны быть рассмотрены как «звенья единой цепи», поскольку они фактически явля-

ются различными *уровнями* единой по своей сути *структуры* – эволюционного процесса, а также совокупности тех результатов, которыми он характеризуется на том или ином этапе.

Вместе с тем взаимодействия уровней, а также взаимопереходы между ними представлены настолько очевидно и составляют такую часть организации всего процесса эволюции психики, что именно они в значительной мере и обуславливают ее как таковую. Необходимо также учитывать и ту очень характерную и во многом традиционную особенность, согласно которой очевидный приоритет среди двух указанных выше типов отдается первому, т. е. переходу «снизу-вверх». В контексте изучения эволюционно-психических преобразований такая ситуация не просто вполне объяснима, но даже и закономерна, логична по целому ряду параметров. Даже само по себе эволюционное развитие – это заведомо неуклонное и неукоснительное движение «*вверх*» по «эволюционной лестнице». Наряду с этим второй тип межуровневых переходов («сверху-вниз») раскрыт в значительно меньшей степени. По отношению к ряду психологических исследований эта ситуация хотя и является заметной и требующей решения, но стоит всё же не настолько остро, как в плане изучения эволюции психики и поведения. В этом случае формирование переходов по типу «сверху-вниз» вообще практически не описано к настоящему моменту. Хотя, разумеется, представляется вполне закономерным, что его роль в развитии психики в филогенезе должна быть ничуть не меньше, чем роль механизмов первого типа, чему способствует ряд причин. Во-первых, как отмечает А. В. Карпов, «данное обстоятельство логически вытекает из объективной необходимости пропорциональности – соразмерности и взаимной „уравновешенности“ двух основных типов межуровневых переходов. Это является именно *объективным* условием эффективной организации любых *систем...*» (Карпов А. В., 2015б, с. 214). Во-вторых, сама специфика предмета исследования предполагает то, что выделяемые уровни не пропадают и не исчезают, как это уже было отмечено, после того как будут сформированы другие – более высокого порядка. Они, будучи определенными этапами развития психики, возникли в ходе развертывания большого исторического континуума, в процессе развития биологической жизни и объективно существуют в настоящее время, находясь при этом не в некоем изолированном и относительно стабильном виде, а напротив, дополняя свое содержание. Эти характеристики в решающей мере детерминируют возможности усиления потенциала нижележащих уровней, «обогащения» их эволюционными достижениями, которые уже были сформированы выше, т. е. при реализации в своем типичном виде перехода по типу «сверху вниз».

Важно учитывать, конечно, и то, что в целом структурно-уровневая теория выступает прежде всего в качестве одной из конкретных модификаций общеметодологического *системного подхода* (Роговин, 1977). Более того, она в существенной мере воплощает некоторые значимые его особенности. При этом, разумеется, необходимо понимать, что и системный подход, и структурно-уровневый подход как его частный вариант претерпели ряд значительных трансформаций с момента своего возникновения. Тем не менее, совокупность задач методологического анализа уровневой структуры осталась фактически неизменной до на-

стоящего момента, инвариантной по своей сути. Так, к ним следует относить некоторые специфические закономерности развития, в том числе соотношения низшего и высшего, как отмечает М. С. Роговин, сохранения низшего в высшем, анализ разнородных связей различных уровней в пределах одной структуры, «прослеживание включения низшего в высшее, интеграции различных уровней в целостную систему, их трансформации» (Роговин, 1977, с. 19). Это вполне согласуется с описанными выше типами межуровневых переходов и может быть рассмотрено применительно к структуре филогенетического развития психики и поведения животных, а также представителей иных таксономических групп живых организмов. В то же время важное значение для дальнейших исследований в этой области имеют конкретные формы проявления иерархических взаимоотношений между высшим и низшим уровнем.

Наряду с этим, необходимо отметить еще одну, принципиально важную особенность, которая, по существу, обуславливает постановку более общих и сложных вопросов, относящихся ко всей сфере исследования систем различного типа. Применительно к проблеме структурно-уровневой организации процесса эволюции психики она вообще в значительной степени является определяющей. Как указывает А. В. Карпов, «организующее влияние вышележащего уровня на нижележащий проявляется не только, а зачастую не столько в том, что создает „режимы“ для компонентов второго, синтезируя их в определенную целостность» (Карпов А. В., 2015б, с. 221). В данном случае речь идет еще и о том, что «внутри» возникающей таким образом организации сами компоненты обретают базовые характеристики *целого*. Они становятся «носителями» его атрибутивных черт и поэтому в значительной степени «повторяют» — воплощают (мультиплицируют) его общую качественную определенность. Каждый из уровней филогенетического развития психики (эволюции форм развития психики) также может и должен обладать уровневой структурой, которая сама по себе является частным выражением всей общей структуры эволюционно-психического процесса. В отношении каждого из выделяемых уровней может быть впервые предложено такое решение общей эволюционно-психологической проблемы. В структуре каждого из уровней могут быть эксплицированы определенные подуровни, между каждым из которых имеют место закономерные межуровневые переходы (т. е. такие, которые реализуются и в общей структуре) (Карпов А. А., 2021а).

Вследствие этого, необходимо подчеркнуть, что в иерархической организации процесса эволюции психики реализован ряд важнейших характеристик структурно-уровневой организации психических образований: существование у каждого уровня собственной качественной определенности, наличие у них качественной специфичности по отношению ко всем другим уровням, а также системы закономерных межуровневых взаимодействий и взаимопереходов. Показано, что каждый вышележащий уровень формируется на основе ближайшего к нему нижележащего посредством интеграции компонентов последнего, внесения в него дополнительной организации. В результате развертывания средств и механизмов организационного типа порождаются новые свойства, которые обуславливают переход к вышележащему уровню.

Можно также выявить достаточно общую особенность, а возможно, закономерность эволюционного развития психики в процессе филогенеза, заключающуюся в следующем. Продолжительность времени перехода от одного этапа (и, соответственно, уровня) к другому, т. е. от каждого нижележащего уровня к соседнему по отношению к нему – вышележащему, является не только существенно разной на различных «этажах» указанной схемы, но она закономерно уменьшается при «движении» от ее базовых уровней к ее «вершине». Так, понадобились миллионы и миллионы лет для того, чтобы самый низший уровень организации этой «пирамиды» – ее так сказать фундамент – мог трансформироваться в следующий за ним уровень организации. В дальнейшем, однако, это время прогрессивно снижается, что в итоге приводит к тому, что трансформация предпоследнего уровня в завершающий *терминальный*, который расположен на самой вершине данной пирамиды, вообще осуществляется в течение индивидуального развития человека, т. е. во временных рамках онтогенеза. В связи с этим можно констатировать своего рода «закон возрастания темпов» развития форм психической организации, состоящий в том, что темпы эволюции не только изменяются, но само это изменение также подвержено закономерным трансформациям возрастанию. Иначе говоря, само развитие развивается, а «эволюция также эволюционирует», причем в совершенно определенном направлении – в направлении увеличения темпов развертывания. Можно говорить о своего рода «развитии самого развития», об «эволюции самой эволюции» (т. е. фактически о развитии «второго порядка» – о *метаразвитии*) (Карпов А. А., 2017, 2021а).

Вместе с тем все разнообразие особенностей рассматриваемой проблематики, а также данные, полученные в ходе реализации положений структурно-уровневого подхода свидетельствует о том, что она находится на преимущественно на *аналитической* стадии своего развития. Отсюда очевидно следует, что она объективно должна быть дополнена, а затем и преобразована в иную – более совершенную в теоретическом отношении стадию – *системную*. В этой связи положения классического структурно-уровневого подхода применительно к эволюции психики, изложенные выше, представляют собой попытку раннего осмысления новых концептуальных оснований, свидетельствующих о переходе на новую для данной сферы – системную стадию своего развития. Таким образом, складываются определенные и вполне зримые предпосылки для реализации перехода к «системноцентрической» парадигме разработки проблемы эволюции психики. Одновременно с этим важно учитывать, что системный подход в данном случае должен быть реализован не только и даже не столько в его традиционных – «классических» вариантах, а в его более современных и конструктивных разновидностях. Вследствие этого наиболее общим методологическим средством раскрытия основных особенностей является *метасистемный подход*. Подчеркнем также, что он уже был неоднократно реализован по отношению к целому ряду значимых предметов исследования – проблемы деятельности, сознания, индивидуальных качеств личности, мотивационной сферы личности в учебной деятельности, метакогнитивной регуляции управленческой деятельности (Карпов А. А., 2018; Карпов А. В., 2015б, 2018; Карпова Е. В., 2006; Системогенез..., 2017) и др. Он при этом дал весьма позитивные результаты, что позволяет про-

гнозировать его конструктивность и в отношении основных задач исследования эволюции психики в филогенезе живой природы. Именно в системном подходе содержатся наиболее общие и в то же время специфицированные представления об общей стратегии организации исследования. Такой стратегией выступает гносеологический вариант данного похода, предполагающий реализацию по отношению к предмету исследования вполне определенной исследовательской процедуры, обозначаемой понятием «алгоритма системного исследования». Он включает в себя ряд основных *гносеологических планов (этапов)*: метасистемный, структурный, функциональный, генетический и интегративный. Реализация указанных этапов позволяет раскрыть предмет изучения (в данном случае — эволюцию психики в филогенезе) в полной совокупности его объективно основных закономерностей — онтологических, структурных, функциональных, генетических и интегративных, что в значительной степени содействует разработке целостных представлений о его содержании и принципах организации. Такая организация выступает в качестве комплексной стратегии исследования эволюции психики; она составляет основу всего ее исследования. Вследствие этого общее решение проблемы эволюции форм психики должно быть не только связано с основными принципами системной формы организации, но и, по всей видимости, базироваться на них (Карпов А. В., 2015б; Карпов А. А., 2021а, б).

Отметим также, что процедура реализации метасистемного подхода традиционно начинается с выявления специфики структурных закономерностей, т. е. со структурного плана (этапа). В этой связи в отношении центральной проблемы исследования была установлена и раскрыта структурно-уровневая организация филогенетической эволюции психики. Она организована на основе *структурно-уровневого* принципа и образует целостную иерархию, включающую семь основных уровней — *метасистемный, системный, субсистемный, компонентный и элементный*, а также два дополнительных, впервые эксплицированных уровня — *гиперсистемный и субэлементный*. Такое решение является не только наиболее полным среди существующих в настоящее время подходов к решению данной проблемы, но и преодолевает их основной недостаток. Он состоит в том, что эволюция психики не представляется и не раскрывается в плане ее принадлежности к образованиям специфически системного типа. Подчеркнем еще раз, что до настоящего времени она изучается преимущественно с аналитических позиций, фиксирующих исследование лишь на уровне ее отдельных компонентов (этапов), а также взаимосвязей и взаимодействий между ними. Предложенное решение проблемы структурно-уровневой организации филогенетической эволюции психики полностью соответствует тем представлениям, которые сложились к настоящему времени относительно универсального общесистемного критерия дифференциации основных уровней организации сложных и сверхсложных систем. Данный критерий включает в себя также пять основных значений и поэтому предполагает необходимость дифференциации именно пяти основных уровней организации. Одновременно с этим высокая специфичность предмета исследования обуславливает экспликацию двух дополнительных уровней, образованных, соответственно, сверху и снизу представленной иерархии: субэлементного и гиперсистемного.

Благодаря реализации *критерия-дискриминатора*, репрезентирующего качественную разнородность уровней, стало возможным представление подробной психологической характеристики всех семи основных уровней структурной организации филогенетической эволюции психики. Так, сущность *компонентного* уровня заключается в том, что его содержанием являются отдельные базовые «единицы» эволюции психики в филогенезе — инстинкты. Они, будучи компонентами системы, образованы закономерным сочетанием *элементов* (кинезов и таксисов), необходимых, но недостаточных образований для формирования компонентов и имеющих возможность обрести статус компонентов лишь в сочетании либо друг с другом, либо с иными психическими образованиями.

Далее, особую роль в общей организации филогенетической эволюции психики выполняет уровень, который так же, как и все иные, не был описан до настоящего времени — *субсистемный*. Его экспликация была обоснована в работе сразу с нескольких позиций и, в первую очередь, ввиду принадлежности эволюции психики к особому специфическому классу временных (темпоральных) систем. Инстинкты во всем своем многообразии форм и вариаций, подвергаясь закономерному синтезу и интеграции, приводят к формированию на их основе таких новообразований, которые, соответственно, локализируются на данном уровне и которые определяют собой один из двух наиболее важных межуровневых переходов в эволюции психики — от безусловно-рефлекторной активности живых организмов к условно-рефлекторной. Он был обозначен нами как *«первая демаркация форм организации психики»*. Именно на субсистемном уровне психика и поведение обретают фактически безграничные возможности сочетания, комбинирования и, соответственно, возникновения новых форм — от относительно простых условных рефлексов до сложнейших разновидностей научения, интеллектуального поведения, когнитивных способностей и процессов и др. Другими словами, субсистемный уровень «задает темп» развитию всего дальнейшего разнообразия форм развития психики.

Наряду с этим установление структурно-уровневого строения эволюции психики позволяет также подробно раскрыть состав и структуру *системного* уровня филогенетической эволюции психики. Как известно, главная проблема, возникающая при обосновании системного статуса образований различного плана, заключается в выявлении того, действительно ли интеграция их «составляющих» приводит к появлению таких особенностей и свойств, такого нового содержания, которое в принципе несводимо к их агрегативной, рядоположной сумме, т. е. к их аддитивному множеству, а также действительно ли имеет место механизм продуцирования особой категории качеств — системных (Карпов А. В., 2017). В данном случае общим интегративным средством для всех ресурсов организма ради выполнения конкретной поведенческой задачи, который в то же время аккумулирует складывающиеся на субсистемном, компонентном и элементном уровнях формы развития психики, являются *функциональные системы организмов*. Таким образом, психика на системном уровне впервые репрезентируется не парциально, а в своей целостности — как система. В связи с этим вполне очевидным уже представляется общий «путь от компонента к системе».

Раздел II

Вместе с тем структурно-уровневое строение филогенетической эволюции психики не завершается на этом уровне, имеются необходимые и достаточные предпосылки для обоснования существования уровня более высокого порядка. Выделение и обоснование существования следующего — *метасистемного* уровня основаны главным образом на том, что системный уровень эволюции психики в филогенезе, очевидно, является высшим в уровневой иерархии, но только для представителей царства животных, за исключением человека. Относительно него высшим как раз является новый в эволюционном плане — метасистемный уровень. Подобный межуровневый переход целесообразно обозначить «*второй демаркацией форм организации психики*». Она по своему значению не просто сопоставима с первой — «от безусловно-рефлекторной психике к условно-рефлекторной, — но и, по-видимому, не меньшей по своему значению в общем филогенезе психики. По существу, ее интерпретация позволяет наметить пути решения принципиально важной и острой проблемы дифференциации психики человека и животных, конкретных решений которой пока так и не было представлено в литературе до настоящего времени. На метасистемном уровне эволюции психики система, эволюционируя, оборачивается «сама на себя» — использует себя саму в качестве эффективного средства функционирования, взаимодействует сама с собой, самоотражается. В рамках филогенетической эволюции психики впервые появляется феномен сознания. Кроме того, одним из важнейших образований, представленных на метасистемном уровне эволюции психики, является метакогнитивная сфера личности.

Помимо этого, нельзя не отметить, что специфическим атрибутом всех основных параметров метакогнитивной сферы личности (процессов, качеств, стратегий, феноменов и др.) является их принципиально осознаваемый характер. Это означает, что в них и через них вообще возникает и свойство осознаваемости, и феномен сознания (Системогенез..., 2017).

Структурно-уровневое строение филогенетической эволюции психики ввиду очевидно высокой меры сложности и диверсифицированности самого предмета исследования не должно ограничиваться экспликацией традиционной для метасистемного подхода структуры, состоящей из пяти уровней, а может быть впервые (среди всех иных предметов исследования, на материале которых был реализован метасистемный подход) дополнено двумя дополнительными уровнями. Первый — *субэлементный*, образованный «снизу» иерархии уровней, является, по существу, отражением известной и очень общей, обозначаемой в качестве биопсихической проблемы. Он, с одной стороны, будучи «сугубо биологическим» по своему содержанию и назначению, не имеет возможности быть представленным в качестве непосредственной составной части эволюции психики в филогенезе, поскольку так или иначе биологическое и психологическое — это качественно разные сущности. Вместе с тем субэлементный уровень имеет принципиально важное значение в понимании механизмов, по которым психика однажды возникла и стала неизменным атрибутом живой материи. Этот же новый уровень является во многом еще и конструктивным средством преодоления указанной выше и сформировавшейся в эволюционной психологии, зоопсихологии, сравнительной психологии и этологии доктрины анима-

лопсихизма в сторону представителей «неживотных» доменов и царств: бактерий, архей, растений и др.

Второй дополнительный уровень — *гиперсистемный*, образованный «сверху» от континуума форм развития психического. Эволюция всего многообразия форм психики с неизбежностью приводит к возникновению человека и, соответственно, новых специфических форм организации психики, весьма отличных от всего широчайшего спектра живых организмов. В первую очередь это наиболее правомерно относительно социальной формы организации поведения человека, которая во многом выступает одновременно в качестве наиболее развитой и совершенной ступени такой эволюции. Таким образом, социальное по аналогии с «собственно биологическим» одновременно должно и входить в общий континуум эволюционного развития форм организации психического, и не входить в него — быть вне его, точнее, «над ним». В этой связи исследование гиперсистемного уровня непосредственным образом связано с известной междисциплинарной проблемой — соотношения психического и социального, т. е. психосоциальной проблемой.

В качестве одного из главных императивов метасистемного подхода выступает тезис о том, что структурный план связан с решением базового для любого познания вопроса — о том, «из чего состоит» и как построен предмет исследования. Функциональный же план направлен на решение вопроса о том, как, по каким закономерностям и на основе каких *механизмов* он «работает» — функционирует», т. е. с выявлением и объяснением тех конкретных механизмов, которые лежат в основе изучаемого предмета. В результате реализации *функционального* плана (аспекта) исследования филогенетической эволюции психики становится возможным получение совокупности данных, касающихся предмета исследования. Именно решение вопросов, связанных с установлением закономерностей функционального плана исследования, т. е. фактически раскрытия природы изучаемого предмета, считается во многом просто тождественным его познанию как таковому. Отсюда, разумеется, исходит и его принципиально важная роль, зафиксированная, в частности, в том, что на основе функциональных закономерностей становится возможной разработка концептуальных представлений о том или ином предмете исследования.

Таблица 15.1

Основные уровни филогенетической эволюции психики

Значения критерия-дискриминатора	Уровни организации филогенетической эволюции психики
Гиперсистемное	Социальные институты
Метасистемное	Сознание
Системное	Функциональные системы организмов
Субсистемное	Условно-рефлекторная активность
Компонентное	Инстинкты
Элементное	Кинезы, таксисы
Субэлементное	Первичные элементы

Реализация функционального плана исследования филогенетической эволюции психики включает обобщающее решение проблемы единой и универсальной *классификации форм поведения* живых организмов. Она, в свою очередь, базируется на уровневом принципе и на обоснованном факте представленности эксплицируемых форм у всего многообразия представителей доменов и царств живой природы, что и дает в итоге искомый критерий для их дифференциации, который целесообразно обозначить термином «функционально-репрезентативный». В состав данной классификации были включены следующие формы поведения: пищевое, репродуктивное, родительское, территориальное, агрессивное, исследовательское, социальное. Известное в системе биологических наук понятие «форма поведения» в контексте раскрытия функциональных закономерностей эволюции психики объясняется тем, что именно они могут и должны выступать в качестве функционального обеспечения всего разнообразия форм организации психики, представлять собой своеобразный «функциональный орган системы». Кроме того, нельзя также не отметить и очевидную близость поведенческого репертуара и функций как таковых, которые выполняются живыми организмами в зависимости от целевого назначения той или иной формы поведения. Таким образом, с одной стороны, предлагается единая, относительно исчерпывающая и непротиворечивая классификация форм поведения сразу всего диапазона живых организмов (и это опять-таки выступает в качестве действенного средства преодоления парадигмы анималопсихизма), с другой стороны, такая классификация всецело сочетается с эксплицированными ранее семью уровнями эволюции психики. Каждый из семи структурных уровней филогенетической эволюции психики не только соотносится со вполне определенной формой поведения (функцией), но — и это главное — лежит в основе их выделения. Следовательно, должна быть представлена обобщающая систематика основных форм поведения и уровней в структуре филогенетической эволюции психики — «эволюционная решетка», содержащая определенные соответствия — «ячейки» (всего их 49) уровней в структуре эволюции психики и основного «звена» функционального плана исследования — форм поведения. Это дает возможность продемонстрировать и объяснить, каким образом та или иная форма поведения, описанная в рамках установленной единой классификации, реализуется на каждом из семи выделенных структурных уровней эволюции психики в филогенезе.

Согласно основным положениям метасистемного подхода, каждый из пяти основных гносеологических планов обладает определенной специфичностью. Вместе с тем очевидным представляется и их взаимосвязанный и в определенной мере взаимообусловленный характер — как, например, в соотношении структурного и функционального планов. В то же время специфика следующего — генетического плана во многом обособляет его в ходе реализации общего алгоритма системного исследования. Речь, однако, идет исключительно об этом гносеологическом плане изучения эволюции психики. Во-первых, эта ситуация объясняется, на наш взгляд, объективной сложностью (и даже — неоднозначностью) самого предмета исследования; во-вторых, значительным осложняющим влиянием целого ряда причин, связанных с содержанием и спецификой самой эволюции психики как в биологическом отношении, так и с позиций факторов

психологического плана. В этой связи наиболее адекватна предмету исследования системогенетическая концепция. Она же может нивелировать обозначенные трудности в изучении эволюции психики в филогенезе. Действительно, формирование и развитие различных форм организации филогенетической психики (по всей видимости, как и биологическая эволюция) воплощает в себе все основные особенности и закономерности, присущие развитию образований собственно системного типа — *принципы системогенеза*. Вследствие этого, по своему общему типу оно представляет собой процесс *системогенеза* (Системогенез..., 2017). В связи с этим, на его интерпретацию и трактовку его общих и более частных сторон должен быть перенесен весь тот концептуальный потенциал, которым располагает сама теория системогенеза на современном уровне ее развития. Вместе с тем удалось показать, что в процессе системогенеза эволюции психики наряду с сохранением наиболее общих его особенностей, закономерностей и принципов имеются и дополнительные — специфические особенности. Помимо этого, общие закономерности, как правило, подвергаются определенной спецификации под влиянием своеобразия самого предмета генезиса. Тем самым вновь может быть выявлен собственно концептуальный потенциал полученных результатов, поскольку они содействуют развитию и углублению представлений, сложившихся в одной из наиболее важных психологических концепций — в теории системогенеза. Она, по существу, предстает в новом виде, поскольку закономерное продвижение по отдельным, самостоятельным уровням системы филогенетической эволюции психики, эксплицированное за счет применения критерия-дискриминатора, — это формирование не системы в контексте традиционных для системного подхода положений, а системности. Каждый последующий уровень фактически представляет собой формирование новых организационных средств, которые в итоге приведут к развитию системы в целом. Иными словами, генезис эволюции психики обязательно предполагает не только формирование системы, но и формирование способности системы использовать собственные закономерности в качестве операционных средств саморегуляции, т. е. развитие *системности* как механизма этой регуляции. Вследствие этого вполне очевидным становится переход от концепции системогенеза к ее новому варианту — «системногенезу». Это, подчеркнем, опять-таки во многом обусловлено высокой специфичностью и неоднозначностью рассматриваемого предмета исследования — эволюции психики. Одновременно с этим установлено, что в развитии системности как таковой важнейшую роль среди прочих выполняют два системогенетических принципа — *принцип иерархизации*, в основе которого лежит становление иерархической организации изучаемого предмета, и *принцип целевой детерминации*, имеющий также, разумеется, главное предназначение.

Представленные тезисы свидетельствуют о наличии объективных предпосылок, обуславливающих необходимость перехода к следующему этапу реализации алгоритма системного исследования — *метасистемному*. Важно отметить, что именно его экспликация в контексте исследования филогенетической эволюции психики сопряжена с наиболее обобщающими вопросами, зафиксированными в этой чрезвычайно обширной проблематике. Речь идет главным образом о двух основных и определяющих межуровневых переходах в структу-

ре филогенетической эволюции психики, в содержании которых вскрываются закономерности метасистемного плана. Они были обозначены нами терминами «первая» и «вторая демаркации форм организации психики». Первая состоит в переходе от безусловно-рефлекторной к условно-рефлекторной психике, обусловив, таким образом, беспрецедентные ранее возможности усложнения – комплексирования многообразия форм психического. Здесь жевполне уместным представляется известный вопрос о безысходном – «тупиковом» направлении безусловно-рефлекторной (инстинктивной) психики. С появлением же свойства *самоотражения*, в основе которого лежит восприятие границ собственного тела, формируются и необходимые условия для неограниченных возможностей общего прогресса эволюции психики. Вторая же демаркация, как было отмечено ранее, определила не менее важный и судьбоносный переход от нечеловеческой психики к человеческой. Было показано, что системный уровень в структурной организации эволюции психики в филогенезе действительно является высшим в уровневой иерархии, однако только для «нечеловеческих животных» («non-human animals»), т. е. всех представителей царства животных, за исключением человека (*Homo sapiens sapiens*). Для последнего высшим как раз является новый в эволюционном плане – метасистемный уровень. Именно на нем в филогенетической эволюции психики впервые появляются такие образования, которые не представлены в психической организации всего остального широчайшего диапазона царства животных и всех иных организмов. Вместе с тем наиболее важным итогом является предпринятая в работе попытка установления механизмов, за счет которых эти две демаркации реализуются. Предварительным ответом на такой сложный и серьезный вопрос может являться следующее. В данном случае необходимым представляется обращение к достаточно общей проблеме самоотражения психики – оборачивания системы «самой на себя» и использования себя самой в качестве эффективного средства функционирования, а также, обращаясь к представленным в главе положениям относительно важнейшего свойства психики, – *самосензитивности* в контексте реализации метасистемного плана исследования филогенетической эволюции психики (Карпов А. В., 2018). Это свойство лежит в основе обеих «демаркаций» и раскрывается с помощью принципиально разных механизмов. Так, если в первом случае с возникновением в филогенезе способности самоотражения – восприятия границ собственного тела – организм впервые начинает качественно иным образом взаимодействовать со средой, а свойство самосензитивности имеет сугубо материальную форму и предназначение – выделение «себя из среды», то в отношении второго перехода имеет место иная ситуация. В этом случае психика начинает обретать очень специфическое свойство самосензитивности с возникновением на метасистемном уровне терминальной формы организации психики – сознания. Это же фундаментальное свойство реализуется в отношении базовой дифференциации – разделения так называемых *первичных процессов* (когнитивных/познавательных) и *вторичных процессов* (метакогнитивных). Таким образом, очевидно, что первичные процессы (память, мышление и др.) имеют «свой» вторичный процесс, который направлен на первичный и обеспечивает его психическую репрезентацию (точнее, саморепрезентацию). В свою

очередь, эта саморепрезентация и осуществляется через совокупность «вторичных», т. е. метакогнитивных, рефлексивных по своей сути процессов и механизмов, лежащих в их основе. В связи с этим общая логика развития метакогнитивизма уже на начальных этапах его развития вновь привела к проблеме рефлексии, к исследованию процессуального обеспечения сознания, что также представляет собой важное условие формирования метасистемного уровня в структурной организации эволюции психики в филогенезе и в наиболее общем виде характеризует содержательные особенности метасистемного плана исследования.

Переходя к онтологическому варианту экспликации *интегративного* плана исследования филогенетической эволюции психики, следует прежде всего руководствоваться наиболее общим методологическим императивом: каждый из основных гносеологических планов не только объективно сопряжен с одной какой-либо вполне определенной базовой категорией закономерностей организации предмета исследования, но и вообще дифференцируется на основе такого соответствия. Вследствие этого главной задачей реализации интегративного плана исследования, взятого в его онтологическом варианте, является установление и объяснение еще одной — качественно глубокоспецифической и очень важной категории интегративных закономерностей. В свою очередь, являясь в целом совершенно разноплановыми, они все же непосредственно и полно соответствуют вполне определенной категории механизмов и средств организации систем — собственно интегративных. Другими словами, в закономерностях интегративного типа проявляются те механизмы и средства аналогичного, т. е. также интегративного, синтетического плана, которые не только очень характерны практически для всех сторон организации психики и деятельности, но и во многом лежат в их основе. Это с полным правом и с очень высокой степенью очевидности проявляется и по отношению к организации филогенетической эволюции психики. В первую очередь следует подчеркнуть очень важный для раскрытия общей совокупности закономерностей, установленных в работе, тезис. Он состоит в том, что по ходу изложения материала стал очевидным факт теснейшей взаимосвязи каждого из исследуемых гносеологических планов (аспектов). Более того, такая взаимосвязь оказалась не общей и поверхностной, напротив, все они являются взаимопроизводными и в определенной мере взаимозависимыми. Так, функциональный план исследования эволюции психики в филогенезе непосредственным образом проистекает из структурного и может быть реализован лишь на его основе. В частности, формулировка представлений относительно «эволюционной решетки» невозможна без включения в эту систематику эксплицированных ранее в процессе исследования структурных закономерностей уровней организации эволюции психики. В действительности описанные формы поведения непосредственно «привязаны» к конкретным уровням. Напомним, и тех, и других было выделено по семь. Далее, собственно сам структурный план вытекает из содержания метасистемного ввиду раскрытия характеристик критерия-дискриминатора уровней. Одновременно с этим генетический план (аспект) тесным образом связан со структурным, поскольку развитие системности предполагает в первую очередь формирование каж-

дого отдельного уровня в структурной организации эволюции психики. Вместе с тем необходимо учитывать и следующее фундаментальное обстоятельство теоретико-методологического плана. Оно состоит в том, что существует атрибутивная общность и даже взаимополагаемость интегративных средств и механизмов с методологически основополагающей категорией качеств в целом и *системных качеств* в особенности (Карпов А. А., 2021б; Карпов А. В., 2018). Именно интегративный план исследования, причем взятый в его онтологическом аспекте, как раз и направлен на то, чтобы выявить и объяснить важнейший механизм — механизм порождения, генезиса и даже возникновения новых качеств на базе синтеза «старых». Этот механизм имеет целый ряд проявлений. Наиболее яркая его иллюстрация — это феномен, а одновременно и механизм порождения системных качеств. Он лежит в основе возникновения известных эффектов системности, механизмов синергии, феноменов супераддитивности, эффектов целостности и пр. Отметим некоторые, наиболее репрезентативные иллюстрации данного положения относительно предмета исследования — филогенетической эволюции психики. Известно, что наряду с обозначенными выше системными качествами могут быть выявлены и описаны также и две другие категории качеств — *материальные* и *функциональные*, образуя «триаду качеств». С этих позиций следует далее констатировать некоторые положения. Во-первых, общая хронологическая последовательность истории Земли включает в себя ряд важнейших этапов, первым из которых является *возникновение неживой природы*. Впоследствии, спустя определенный значительный временной интервал, благодаря осуществлению сложных биохимических процессов (хотя доподлинно ни они, ни механизмы, за счет которых они были реализованы, неизвестны), на материале неживой природы появились первые представители *живой природы* — «живого». И наконец затем был осуществлен третий значительный этап, состоящий в *возникновении психики* — вначале в своих наиболее ранних вариантах, а в дальнейшем и в сложнейших формах организации, включая терминальную — сознание.

Таким образом, эти три крупнейшие по времени существования, а также по объему периодов развертывания этапа *эволюции материи в целом*, сменяя друг друга, образуют своеобразный хронологический континуум. При этом переход от одного этапа к другому вполне очевиден и закономерен: неживая природа «породила» живую материю, а та, в свою очередь, дала начало психическому.

Во-вторых, принципиально важным в этом отношении вопросом является то, как эта «триада этапов» соотносится с рассмотренной выше «триадой качеств». Нельзя не заметить практически полного их соответствия между собой и даже вполне очевидной аналогии. Так, неживая природа вполне естественно сопряжена с материальными качествами; живая материя соотносится с функциональными качествами (и здесь определяющей представляется интерпретация форм поведения как в биологическом, так и в психологическом смысле в качестве основных механизмов, лежащих в основе функциональных закономерностей эволюции психики; собственно говоря, биологическая жизнь и есть функционирование); психика во всем своем многообразии согласуется с системными качествами.

Таким образом, согласно этой точке зрения, эволюция также проходит три этапа, которые во многом подобны тем, что были эксплицированы нами на основе соответствия трем категориям качеств. Возвращаясь к одной из главных задач интегративного плана исследования, следует учитывать, что гносеологический вариант данного плана предполагает обобщение, т. е. фактически синтез — интеграцию всех категорий закономерностей, установленных посредством реализации четырех иных гносеологических планов — метасистемного, структурного, функционального и генетического (об этом говорилось ранее в данной главе). Ввиду этого следует констатировать, что «выход» в предельно широкую и обобщающую область соотношения «триады качеств» и «триады этапов эволюции материи» представляет собой, по-видимому, *интеграцию наивысшего порядка*. Иными словами, сама по себе попытка раскрытия этой проблемы представляет собой, по всей видимости, своеобразный максимум эвристического потенциала интегративного плана как такового, по крайней мере, на текущей стадии развития концептуальных представлений.

Постепенный переход от аналитической стадии в исследовании филогенетической эволюции психики к системной имеет еще одно весьма важное, на наш взгляд, следствие. Оно непосредственным образом соотносится с известной проблемой методологического плана, состоящей в формулировке положений, связанных с *предметом* и *объектом* эволюционной психологии, зоопсихологии, сравнительной психологии и других смежных с ними дисциплин, с одной стороны, а также возможной *макродисциплины*, включающей в себя комплекс отраслей, прямо связанных с изучением психики и поведения животных, с другой. Исследование эволюции психики с позиций метасистемного подхода вскрывает необходимость определенного пересмотра положений параметров категориального аппарата указанных дисциплин — формированию «нового взгляда» относительно их предмета и объекта. Так, если до настоящего времени в качестве предмета в зоопсихологии рассматривалась предельно общая и абстрактная сфера — «психика и поведение» животных, то теперь ее по вполне очевидному и четкому критерию можно рассмотреть с качественно иных позиций. Этим критерием может и должно выступать структурно-уровневое строение главной и наиболее общей и обширной исследуемой сущности — эволюции психики. Она же, напомним, изучается нами согласно принципиально новой стратегии, заключающейся во все более явном отходе от анималопсихизма в сторону исследования психического у представителей других крупных таксономических групп живых организмов. Иными словами, структурную организацию филогенетической эволюции психики целесообразно рассматривать в качестве новейшего варианта предмета эволюционной психологии и иных связанных с ней дисциплин. Таким образом, предмет исследований не просто получает *новое* — более полное насыщение, диверсифицируется и обогащается, но и обретает *системную форму* собственной организации. Вместе с тем с переходом к изучению психического у «неживотных» — представителей живого, входящих, согласно биологической систематике, в состав других царств и даже доменов, значительно расширяются и представления об объекте зоопсихологии и связанных с ней отраслей. Носивший ранее, как и в случае с предметной сферой, объект исследо-

Раздел II

ваний получает еще более сложное воплощение — комплексировается и увеличивает свою экспансию за пределы животного мира. Необходимо также учитывать и тот факт, что и предмет, и объект перестают быть выраженными в некоей единичной и автономной форме либо же быть простым агрегативным множеством. Следовательно, имеются все основания для перехода, во-первых, от абстрактного и отвлеченного *монообъекта* (психики и поведения животных) к *полиобъекту* (широчайшему диапазону представителей живой природы) и, во-вторых, от не менее абстрактного и слабо специфицируемого *монопредмета* (психики и поведения животных) к *полипредмету* — своей новой значительно более прогрессивной системной форме, представленной в виде иерархии уровней структурной организации эволюции психики в филогенезе. Подобная трансформация взглядов на объект и предмет эволюционной психологии, зоопсихологии и других отраслей, исследующих развитие форм организации психики в филогенезе позволит сформировать необходимую конструктивную основу для разработки новых направлений в ближайшем будущем.

Глава 16

Экопсихологический подход к развитию психики: предпосылки, конструкты, парадигмы

Введение

В 1960–1970-е годы в зарубежной психологии на стыке психологии восприятия, социальной психологии, психологии развития, психологии обучения, экологии и других дисциплин стало формироваться новое, междисциплинарное направление психологических исследований, которое разными авторами обозначалось как экологическая или энвайронментальная¹ (средовая) психология (от *англ.* environment – «окружающая среда») (Гибсон, 1988; Altman, 1975; Barker, 1968; Bell et al., 1978; Stokols, 1978, 1995; и др.).

В историческом плане истоки средовой педагогики как одного из направлений современной отечественной экопсихологии, конечно же, восходят к учению о среде Л. С. Выготского и трудам других представителей педологии первой половины прошлого столетия (см.: Леонтьев, 1998б; Мануйлов, 2016; Панов, 2007, с. 62–68; Стародубцева, 2009; и др.). Однако в Психологическом институте РАО тематика по экологической психологии появилась только в 1992 г., когда Г. А. Ковалев, приняв от А. А. Бодалева руководство лабораторией психологии общения, переименовал ее в лабораторию экологической психологии. Статья Г. А. Ковалева «Психическое развитие ребенка и жизненная среда», в которой он изложил свое научное кредо (Ковалев, 1993), в дальнейшем послужила теоретико-методологической предпосылкой для авторов многих отечественных эколого-психологических исследований.

После трагической гибели Г. А. Ковалева в 1995 г.² в институте была создана лаборатория экопсихологии развития (заведующий – В. И. Панов)³. В эту лабо-

- 1 Иногда *environmental psychology* передают как «инвайронментальная психология».
- 2 В связи с безвременной кончиной Г. А. Ковалева задуманную вместе с ним Первую российскую конференцию по экологической психологии (1996) нам пришлось организовать без него. С тех пор проведено девять таких конференций (см., например: 3-я российская конференция..., 2005; Ермаков, Панов, 2020; Экопсихологические исследования – 6..., 2020; и др.).
- 3 После очередной реорганизации института в состав этой лаборатории были включены научные группы под руководством Г. Г. Граник и Л. М. Митиной, после чего она стала называться лабораторией экопсихологии развития и психодидактики.

раторию вошли группы сотрудников, разрабатывавших такие аспекты экологической психологии, как экопсихология развития индивидуальности и сознания человека (В. И. Панов); семейные предикторы умственного развития детей (Т. М. Марютина с сотр.); информационная среда как фактор и средство социализации подростка (М. О. Мдивани с сотр.); психология экологического сознания (С. Д. Дерябо, В. А. Ясвин); образовательная среда как фактор и условие обучения и развития одаренных детей в общеобразовательной школе и дополнительном образовании (В. И. Панов).

Значительную роль в объединении указанных групп в лабораторию сыграла И. В. Равич-Щербо, ставшая ее внештатным сотрудником.

В том же 1992 г. В. В. Давыдов (тогда вице-президент РАО) предложил мне совместное с В. П. Лебедевой и В. А. Орловым соруководство по академическим темам «Экология детства» и «Одаренный школьник» на базе Центра комплексного формирования личности (ЦКФЛ) РАО (г. Черноголовка Московской области, директор – В. П. Лебедева).

В ходе работы штатных и внештатных сотрудников лаборатории экопсихологии развития постепенно стало формироваться самостоятельное направление эколого-психологических исследований – экопсихологический подход к развитию когнитивных и личностных способностей в условиях окружающей среды разного вида (природной, образовательной, информационной и др.), сокращенно – экопсихологический подход к развитию психики.

Методологические основы экопсихологического подхода к развитию психики

Существенную роль в разработке основных позиций и конструкторов экопсихологического подхода к развитию психики сыграл микросеминар под руководством В. В. Давыдова, А. И. Миракяна и Ф. Т. Михайлова (Миракян, 1999, 2004; Панов, 2014а). Работа этого микросеминара была посвящена обсуждению принципиального методологического вопроса: каким образом можно (и возможно ли) изучать психические явления как продукты свершившегося процесса их порождения, если для этого используется способ мышления, который тоже является продуктом свершившегося процесса его порождения? В методологическом плане речь идет о совпадении психической реальности *как объекта* исследования и *как средства* этого исследования. По словам Ф. Т. Михайлова, это одна из фундаментальных проблем методологии, получившая название «парадокс барона Мюнхгаузена», который вытащил себя из болота за собственные волосы.

В результате работы данного микросеминара было установлено, что, с одной стороны, указанный парадокс обусловлен преимущественным использованием в научно-психологических исследованиях «физикальной», субъект-объектной логики рассуждений, характерной для гносеологической парадигмы мышления; с другой – методологической ограниченностью этой парадигмы, так как в ее основе лежат:

- 1) изначальная, феноменологическая заданность компонентов отношения «субъект–объект»;
- 2) противопоставление их друг другу;
- 3) принцип необходимости тождества (соответствия) друг другу.

При этом выяснилось, что «афизикальный» подход к порождающим процессам восприятия, разрабатываемый А. И. Миракяном, на самом деле представляет собой трансцендентальную парадигму в изучении порождения психических явлений (Миракян, 1990, 1999, 2004).

Следующим итогом работы указанного микросеминара стало понимание того, что в противовес картезианской «вещной» логике для онтологизации изучения порождения психических явлений целесообразно обратиться к аристотелевскому представлению о двух формах бытия психики: «бытии в возможности» и «бытии в действительности». Согласно этому подходу, психика обретает форму актуального существования, т. е. переходит из «бытия в возможности» в «бытие в действительности», в процессе и посредством взаимодействия человека с окружающей средой.

Оглядываясь назад, нужно отметить, что осознание методологической ограниченности, характерной для гносеологической парадигмы при изучении перцептивных процессов, стало проникать в психологические исследования значительно раньше. В качестве примера можно привести генетический метод исследования восприятия в работах Ж. Пиаже, оперативный образ в предметном действии Д. А. Ошанина¹ и др. (Ошанин, 1999; Пиаже, 1978).

Но в философско-психологическом обосновании приоритет перехода от гносеологической парадигмы к онтологической, конечно же, принадлежит С. Л. Рубинштейну (Абульханова-Славская, Брушлинский, 1989; Рубинштейн, 1957; и др.). Именно он и его последователи показали, что человека следует рассматривать не только как субъекта познания и психической активности, но и как субъекта становления бытия в его взаимодействиях с другими и с окружающим миром, преобразуя его и тем самым преобразуя себя.

В другом виде методологическое обоснование необходимости использования онтологической парадигмы при изучении сознания было представлено в работах В. П. Зинченко, а также при изучении порождающего процесса пространственного восприятия А. И. Миракяном и его последователями (Барабанщиков, 1990; Зинченко, 1991; Миракян, 1990, 1999, 2004; А. И. Миракян и современная психология восприятия, 2010; Панов, 1992; Проблемы психологии восприятия: традиции и современность, 1995; и др.). Так, В. А. Барабанщиков подчеркивает, что рамках традиционного (в данном случае – гносеологического) способа мышления «основные структурные компоненты перцепции (объект, субъект, активность, чувственные образы) берутся как *уже данные*, готовые, как продукты завершившегося процесса. Но именно это допущение и не позволяет «ухватить» динамику восприятия» (Барабанщиков, 1990, с. 24). Для реконструкции динамики процесса восприятия в полном ее объеме автор предлагает заменить гносеологическую парадигму на онтологическую: «Чтобы и объект восприятия, и его чувственный образ рассматривались функционально – как *становящиеся*, развивающиеся в процессе отражения, а это возможно лишь в том случае, если отношение объект–образ будет включено в процесс взаимодействия индивида

¹ Сравнительный анализ гносеологического и онтологического аспектов изучения восприятия в деятельностном подходе А. Н. Леонтьева и концепции оперативного образа Д. А. Ошанина представлен в монографии: Панов, 2014а (глава 2).

со средой и построено на основе подвижного отношения субъекта восприятия с объектом» (там же, с. 25). Здесь автор говорит также о том, что при онтологическом подходе вместо отношения «субъект—объект» необходимо использовать отношение «субъект—среда», о чем пойдет речь ниже.

Важно отметить, что методологическая ограниченность применения гносеологической парадигмы в психологических исследованиях является в определенном смысле продолжением ее достоинства. Мышление в рамках этой парадигмы построено и реализует известное логическое отношение «субъект познания—объект познания», а в психологии — производные от него логические отношения: «субъект восприятия—объект восприятия», «субъект мышления—объект мышления», «субъект действия—объект действия», «субъект переживания—объект переживания» и т. п. Исторически такой способ исследовательского мышления восходит к разработанной еще Декартом механистической логике мышления для изучения «вещных отношений». В основе этой логики лежит постулирование отношений между телами (вещами) или явлениями в форме *данности* их объективного существования либо, как говорят философы, в ставшей, уже развитой форме их физического существования.

Но логика «вещных отношений» Декарта, обусловившая естественно-научный способ мышления и, более широко, гносеологическую парадигму, изначально не была предназначена для изучения условий и механизмов *порождения* (становления) явлений в форме становящейся реальности и тем более — для изучения явлений душевной, психической природы. Не была предназначена по той причине, что происхождение психических явлений («страстей») объясняется Декартом механистически — как результат механического устройства тела (Декарт, 1989). И потому процессуально-порождающая сторона психических (и не только психических) феноменов изначально не попадает в логику и предмет исследования, формируемый в рамках картезианской логики «вещных отношений» и, как следствие, в рамках гносеологического отношения «субъект—объект».

Суть подобной ограниченности гносеологической парадигмы мышления (естественно, не в этих терминах и относительно другого материала) была замечена и проиллюстрирована еще античным философом Зеноном в его знаменитых апориях, а позднее И. Кантом в «Критике чистого разума» (см.: Кант, 1994; Панов, 1996, 2011, 2014а, 2017а; Фрагменты ранних греческих философов, 1989).

Следует заметить, что гносеологическая парадигма и характерный для нее естественно-научный (в том числе — физикальный) способ мышления очень хорошо зарекомендовали себя в естественно-научных изысканиях, когда исследуемые природные и социальные явления изначально эксплицируются в виде феноменологической данности их свойств и отношений. Это в полной мере относится и к тем психологическим исследованиям, предметом которых выступают особенности и соотношения между данностью тех или иных психических явлений между собой или в соотношении со свойствами окружающей среды (инженерная психология, психофизика, психогенетика, тестовая диагностика и т. п.).

Однако развитие психологии в XIX—XX вв. исторически определялось в основном ее стремлением обрести статус естественно-научной дисциплины,

что обуславливало господство гносеологической парадигмы при изучении психических явлений не только в виде феноменологической данности, но и как процессуальных механизмов.

Естественно, возникает вопрос: а можно ли сделать предметом исследования процессуальную сторону порождения психических феноменов, используя онтологическую парадигму?

Да, можно. Однако начать необходимо с того, что представление о мышлении и других высших психических функциях как разных формах объективно существующей психической реальности имеет в своей основе допущение, что ее субъектом-носителем является человек¹. Это означает, что психика как подлежащая исследованию объективная реальность существует не сама по себе в виде самостоятельной формы бытия, а лишь в *атрибутивной* форме как свойство и функция человека, его мозга, деятельности и т. п.

При этом обнаруживается еще одна имплицитная предпосылка традиционного определения психических явлений в качестве объекта исследований (за исключением эколого-психологических). Все понимают и принимают как самоочевидное, что психическое развитие человека происходит во взаимодействиях с окружающей действительностью, внешним миром, окружающей средой. Но при определении психических явлений в качестве объекта и предмета исследования имеет место неявное игнорирование средовых условий и факторов развития психических явлений и их проявления в человеке. И потому в наиболее распространенных подходах и способах к определению (полаганию, как говорят методологи) психики в качестве объекта исследования она изначально рассматривается производной («вторичной») от феноменологической данности человека как существа биологического и социального, в том числе и деятельного (деятельностного), а теперь часто добавляют еще — и духовного. Это означает, что, согласно этим подходам, психика не обладает субстанциональностью, так как она суть проявление субстанциональности человека как явления и как одной из форм бытия. Соответственно источник развития психики следует искать не в самой психике как самостоятельном природном явлении (в широком, не в биологическом смысле), а в человеке и характерных для него видах биологической, социальной и духовной активности. Тем самым происходит редуцирование психики в качестве объекта исследования к ее «очеловеченным» формам проявления в человеке как субъекте биологической, социальной и духовной форм бытия. При этом почему-то остается в стороне вопрос о том, что человек является также и субъектом психической формы бытия.

Поэтому, если рассматривать психику вне системы «человек—окружающая среда», то экспликация сферы существования психической реальности будет ограничена только сферой существования человека как ее субъекта-носителя и как компонента этой системы. Вследствие этого такая экспликация будет изначально обречена на редукционизм — на сведение психики как объекта исследования к данности ее проявлений в «человеческой» форме существования.

1 Субъектами психических феноменов, как известно, могут быть и другие представители живой природы. Но эти феномены исследуются, как правило, «через призму» того, что нам известно о психике человека.

Вышеприведенные рассуждения привели к следующей предпосылке, которая легла в основу разработки экопсихологического подхода к развитию психики. Согласно этой предпосылке, необходимым условием обретения психикой актуальной формы существования («бытия в действительности») является субстанциональность системы «человек—окружающая среда». Это выражается в способности данной системы быть «онтологическим субъектом», когда каждый компонент системы становится условием для развития другого и одновременно результатом этого развития.

Описанные методологические поиски были использованы нами при исследовании трансцендентальных принципов порождающего процесса восприятия движения и стабильности объектов (Панов, 1992, 1996, 1998а), а в дальнейшем — при разработке методологических позиций и теоретических конструктов экопсихологического подхода к развитию психики.

Психодидактические истоки экопсихологического подхода к развитию психики

Как уже было отмечено во введении, в 1992 г. В. В. Давыдов, будучи вице-президентом РАО, предложил мне совместное с В. П. Лебедевой и В. А. Орловым соуправление по академическим программам НИР «Экология детства» и «Одаренный школьник» на базе Центра комплексного формирования личности РАО (директор — В. П. Лебедева, г. Черноголовка Московской области). В ходе этой работы выяснилось, что одна из проблем обучения в общеобразовательной школе малых городов заключается в том, что в одном классе обучаются дети с разной готовностью к обучению: и одаренные, и «обычные», и даже дети с признаками задержки психического развития, вследствие чего попытки подобрать под каждый контингент детей «свою» технологию обучения (традиционную по Занкову или по Давыдову-Эльконину) приводила к тому, что часть детей оставалась вне этой технологии. Аналогичная проблема обнаружилась и при обучении детей в условиях учреждения дополнительного образования (Проектирование образовательной среды в учреждении дополнительного образования, 2000). Возникла идея проектирования и создания образовательной среды развивающего типа. Такая среда должна была обеспечивать проявление и развитие творческого начала каждого обучающегося и в то же время давала бы возможность удовлетворения потребности в саморазвитии детям с разной степенью готовности к обучению. Также стало понятно, что окружающая среда, в данном случае — образовательная, по отношению к развитию детей школьного возраста выполняет двоякую роль. С одной стороны, она предоставляет или не предоставляет условия (возможности, социальный ресурс), необходимые для удовлетворения возрастных потребностей в когнитивном и личностном развитии школьника, в том числе и для актуализации зоны ближайшего развития. С другой стороны, образовательная среда, предоставляя определенные возможности для обучения и развития, выступает не только условием, но и фактором, способным оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на развитие школьника средствами обучения.

Кроме того, по результатам другого исследования было установлено, что не только образовательная, но и природная среда выступает условием и факто-

ром, которые оказывают влияние на развитие школьника средствами обучения. Эти исследования проводились на материале умственной работоспособности и развития интеллекта у детей, постоянно проживающих на территориях экологического неблагополучия (Панов и др., 2007).

В результате предметом исследования по темам «Экология детства» и «Одаренный школьник» стало психологическое проектирование и экспертиза развивающего потенциала образовательной среды. При этом стало очевидно, что в качестве исходной предпосылки для психолого-педагогического анализа обучения и развития учащихся необходимо использовать систему отношений «учащийся—образовательная среда». Это потребовало разработки соответствующих психолого-педагогических и методических средств, а также повышения психологической грамотности педагогов (Дерябо, 1997; Лебедева и др., 1996, 1999; Панов, 2001а, б; Учителю об одаренных детях, 1997; Учителю об экологии детства, 1995; Ясвин, 1997; и др.).

Такой «средовой акцент» привел к коренному изменению цели обучения. Вместо достижения определенного уровня обученности посредством передачи учебных знаний-умений-навыков целью обучения стало создание условий для проявления и развития способностей учащихся, в то время как учебный материал и технология его преподавания стали средством для достижения такой цели. Например, проблема выявления, обучения и развития одаренных детей стала смещаться при таком подходе в сторону проблемы создания образовательных условий (среды), способствующих проявлению творческого начала в развитии всех обучающихся детей и тем самым «выращиванию» их одаренности¹. Наиболее наглядным подтверждением такого понимания является дополнительное образование для детей (Панов, 1998б, 2001а, б, 2005; Проектирование образовательной среды в учреждении дополнительного образования..., 2000).

В свою очередь это потребовало анализа психологических предпосылок, на которых строятся разные технологии обучения и образовательная среда в целом. В результате стало понятно, что в российском образовании сосуществуют три вида образовательных парадигм (подходов):

- 1) дидактическая, т. е. традиционные технологии обучения, реализующие субъект-объектный тип педагогического взаимодействия и построенные на дидактических принципах передачи учебного материала от педагога (и учебника) к обучающимся;
- 2) дидактико-психологическая, та же дидактическая парадигма, но с активным использованием школьных психологов для устранения возникающих педагогических и психологических проблем;
- 3) психодидактическая (психолого-дидактическая), когда учебный материал превращается из цели обучения в психолого-педагогическое средство развития когнитивных и личностных способностей обучающихся в соответствии с той или иной психологической теорией развития (вспомним разные технологии развивающего обучения по Менчинской, Гальперину, Библеру, Гилфорду, Эльконину-Давыдову и др.). При этом основное внимание

1 Нетрудно заметить, что в данном случае мы опираемся на аристотелевское учение о двух формах психики: как о «бытии в возможности» и «бытии в действительности».

уделяется интерактивным субъект-субъектным способам педагогических взаимодействий (Панов, 2007).

В итоге проведенной работы сформировалось понимание того, что «экологический подход к ребенку в системе образования должен заключаться в том, чтобы логика организации образовательных сред и построения технологий обучения соответствовала бы общеприродным закономерностям физического, психического, социального и духовного развития детей. Именно соответствие условий развития ребенка общеприродным закономерностям развития Человека должно составлять основную проблему экологии детства и экопсихологии развития» (Панов, 1997а, с. 62.).

С этой точки зрения система отношений «человек—среда» обеспечивает веер возможностей обретения конкретным человеком индивидуальных психических процессов, состояний и сознания. Тем самым она выступает в роли своеобразной *среды развития (обретения) индивидуальности* (психических процессов, состояний, сознания), которая, естественно, не сводится только к индивидуальным свойствам человека и/или только внешним средовым объектам и социокультурным условиям (Экопсихологические аспекты развития индивидуальности, 1997). Такая система должна иметь системно-порождающий характер, системообразующим стержнем для нее выступает внешне-предметная и внутренне-предметная (ментальная) деятельность, осуществляемая данным индивидом или сообществом во взаимодействиях с окружающей средой. Причем «предметом» такой деятельности могут выступать не только внешние, вещные, природные и социальные объекты или их идеальные формы (образы, понятия), представленные в сознании субъекта, но и сам человек как субъект, объект и средство своей предметно-практической деятельности. Тогда каждый компонент системы «человек—среда», выступая как условие и как средство изменения и развития другого, тем самым всякий раз порождает разные типы их взаимоотношений, что феноменологически проявляется в развитии индивидуальности человека, его одаренности, его психических процессов, психических состояний и сознания в целом.

Работа по психологии образовательной среды на базе ЦКФЛ РАО (позже переименованного в Центр экспериментальной психодидактики РАО) по времени совпала с работой по аналогичной тематике на других экспериментальных площадках: Лицей № 1524 ЮВАО г. Москва (директор — Т. В. Хромова), Центр развития творчества детей и юношества «Радужный» ЮАО г. Москва и Университет непрерывного образования Наяновой г. Самара (ректор — М. В. Наянова). Полученный при этом теоретический и эмпирический материал привел к необходимости его обобщения в контексте экологической психологии в виде монографии «Психодидактика образовательных систем: теория и практика» (Панов, 2007).

Эколого-психологические истоки экопсихологического подхода к развитию психики

Работа по теме «Экология детства» включала систематизацию основных направлений экологической психологии: теории среды Л. С. Выготского, психологической экологии, экологического подхода к восприятию Дж. Гибсона, психологии

окружающей среды (энвйронментальной психологии), психологии глобальных изменений, психологии экологического сознания, средовой концепции Бронфенбреннера и др. (Гибсон, 1988; Дерябо, Ясвин, 1996; Панов, 2004; Психологические аспекты глобальных изменений в окружающей среде, 1992; Altman, 1975; Barker, 1968; Bronfenbrenner, 1978; Pawlik, Stapf, 1992; Stokols, 1995; и мн. др.). Все эти направления развивались обособленно друг от друга и отличались по объекту, предмету и методам исследования. Тем не менее они образуют отдельную область психологических исследований, потому что их объединяет общая методологическая установка — постулирование отношения «человек—окружающая среда» (природная, социальная), или «человек—среда», «индивид—среда».

Начиная эту работу (Панов, 1997), мы опирались на обобщенное определение экологической психологии, данное К. Павликом¹ и К. Штапфом: «Экологическая психология (или: экопсихология) означает изучение психических процессов, т. е. переживания и поведения, в тех условиях окружающей среды, при которых переживание и поведение происходят „сами по себе“, без вмешательства исследователя или психолога-испытателя. В экологической психологии ведется изучение человеческого переживания и поведения в неразрывной связи с окружающей средой и предпринимаются попытки их теоретического обоснования. Экологическая перспектива в психологии увязывается с двумя принципиально противоположными, однако, во всяком случае, тесно переплетающимися, взаимодействующими видами влияний: влияния окружающей среды на человеческое переживание и поведение и воздействия этих переживаний и поведения на эту же среду (селекционные или преобразующие мероприятия человека по воздействию на окружающую среду). С этой точки зрения экологическая психология исследует человеческое переживание и поведение в их „природных“, репрезентативных контекстах» (Pawlik, Stapf, 1992, р. 9; курсив мой. — *В. П.*).

Так, объектом экопсихологических исследований названы «психические процессы, т. е. переживания и поведение» человека, и, следовательно, по своему объекту экопсихология совпадает с другими психологическими дисциплинами. Ее специфика определяется предметом исследования, который задается двумя позициями.

Первая позиция фиксирует гносеологический аспект предмета и состоит в том, что психические процессы рассматриваются не сами по себе, а как явление, развивающееся и становящееся под воздействием факторов окружающей человека среды. Это означает, что исходным основанием для определения предмета экопсихологического исследования является заданность системы «индивид—среда».

В соответствии со второй позицией экопсихология изучает не любой психический процесс, исследуемый «в условиях окружающей среды», а только тот, который осуществляется «сам по себе», т. е. «без вмешательства исследователя». Тем самым данный аспект представляет в качестве исходного основания, с одной стороны, требование экологической валидности проводимого исследова-

1 Павлик Курт до 1996 г. (до XXVI конгресса) возглавлял Международную психологическую ассоциацию и в течение 25 лет руководил одной из крупнейших международных программ по экологической психологии.

ния, а с другой стороны – бытийную (онтологическую) сторону осуществления и изучения психических процессов и явлений. В свою очередь, это требует методологической проработки вопроса о том, какие основания могут быть использованы при изучении онтологического аспекта психических процессов как предмета экопсихологического исследования. Возможно, именно поэтому К. Павлик и К. Штапф специально подчеркивают такую задачу экопсихологии, как попытка теоретического обоснования исследования человеческого переживания и поведения «в неразрывной связи с окружающей средой». В наших терминах – в контексте системы отношений «индивид–среда» (Панов, 1997а, б, 2004, 2014а).

Необходимо отметить, что вследствие указанного различия между гносеологическим и онтологическим аспектами в приведенной цитате имеется противоречие не только между «двумя видами влияний» во второй части определения (на что указывают авторы), но и между второй и первой его частями. Действительно, нельзя решить проблему в том виде, как она заявлена: «Изучение психических процессов... в тех условиях среды, при которых они происходят без вмешательства исследователя-психолога», если пытаться решать ее в парадигме противопоставления человека и среды, выраженной во второй части цитаты.

Здесь мы попадаем в разные методологические пространства, взаимное отличие которых задается различным пониманием логики взаимодействия в системе «индивид–среда».

Это взаимодействие может происходить по субъектно-объектной и/или субъектно-субъектной логике. В случае субъектно-объектного взаимодействия индивид в качестве компонента системы «индивид–среда» может выступать как активное субъектное начало и воздействовать на среду тем или иным образом, сохраняя ее или разрушая. Но по той же логике вектор воздействия может быть направлен и в противоположную сторону – от среды, свойства которой воздействуют на индивида, к индивиду, который принимает эти воздействия. При такой логике, например, проблемы развития индивидуальности или изменения психических состояний в экстремальных ситуациях рассматриваются как результат воздействия средовых факторов (пространственного, образовательного и т. п.) на данного индивида. Но в обоих случаях индивид и природа оказываются внешними условиями развития по отношению друг к другу.

При субъект-субъектном¹ типе взаимодействия каждый из компонентов системы «индивид–среда» выступает по отношению к другому не только как агент влияния, но и как условие, а также результат взаимодействия и, соответственно, взаимного развития. В этом случае система «индивид–среда» выступает как природное явление, обладающее способностью к саморазвитию посредством преобразования средовых условий в недостающие «органы» и «компоненты структуры» своего развития, т. е. в виде развивающейся системы органического типа².

1 В дальнейшем мы пришли к выводу, что субъект-субъектный тип взаимодействия следует рассматривать по крайней мере в трех вариантах: субъект-обособленный, субъект-порождающий и субъект-совместный. В данном случае речь идет о субъект-порождающем типе.

2 Проработка понятия развивающейся системы как исходного основания для изучения перцептогенеза осуществлена В. А. Барабанщиковым (Барабанщиков, 1990).

При такой логике построения экопсихологического предмета исследования те же проблемы развития индивидуальности или изменения психических состояний предстают не как таковые, а именно как процессуальный момент становления целостной системы «индивид–среда» в целом (Панов, 1998б, 2004, 2014а).

Акцентируя внимание на использовании системы «человек–среда» (или «индивид–среда»), следует дать краткую характеристику «человеку» и «среде» как компонентам этой системы.

Проблемность понятия человека как субъекта психической активности обусловлена тем, что единая по своей сути природа психики в данном случае концептуально расчленяется в соответствии с тремя видами природы человека: биологической, социальной, духовной. Так, если мы рассматриваем человека как существо биологическое (физиологическая природа), то мы получаем веер физиологических и психофизиологических теорий от классических, нейрофизиологических до современных нейропсихологических и нейрокогнитивных подходов. Если за предпосылку принимать представление о человеке как существе социальном (социальная природа), то мы получаем веер социально-, культурно- и деятельностно-обусловленных подходов к изучению психических явлений. Если же принять постулат, что человек является существом духовным (духовная природа), то мы опять получаем веер подходов. На первое место в изучении психики человека ставится представление о «душе человека»: от естественно-научных и граничащих с теологией и богословием подходов до собственно святоотеческой психологии, наиболее разработанной в трудах святых отцов. При этом возникает вопрос: почему при изучении природы психических явлений не говорят о человеке как *субъекте психического бытия*, не только бытия биологического, социального, духовного? Ответ тот же: потому что природа психического изначально подменяется природой человеческого.

В связи с этим необходимо уточнить: какое понятие «природа» является ключевым в эколого-психологических исследованиях. Оказалось, что это понятие используется в трех разных значениях:

- 1) «В широком смысле – все сущее, весь мир в многообразии его форм; понятие П. в этом значении стоит в одном ряду с понятиями материи, универсума, Вселенной». Следовательно, в таком понимании природы человек, его психика, сознание, природная среда, планета – это все разные проявления единой в своей творческой сущности природы.
- 2) «В более узком смысле – объект науки, а точнее – совокупный объект естествознания...». Следовательно, природа – это объект в том числе и экологии как части биологии и междисциплинарного подхода.
- 3) «Наиболее употребительное толкование понятия П. как совокупности естеств. условий существования человек. общества. <...> Понятие П. употребляется для обозначения не только естественных условий, но и созданных человеком материальных условий его существования...» (Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 523–524). Следовательно, речь идет о естественной и антропогенной природной среде, а в предельном варианте – о планете как глобальной среде обитания человечества.

Раздел II

В соответствии со вторым и третьим значениями взаимодействия между компонентами системы «человек—среда» рассматриваются в логике объект-объектных и субъект-объектных отношений, реализующих гносеологическую парадигму «субъект познания—объект познания» («субъект восприятия, мышления, действия, сознания — объект восприятия, мышления, действия, сознания»). Согласно этой парадигме, человек и природа разделены и противостоят друг другу, принимая на себя в зависимости от конкретного предмета исследования роль либо субъекта, либо объекта. При этом человек выступает как субъект антропогенных, в том числе антиэкологических, изменений не только в природной среде, но и в природе биологических существ (вспомним опыты по генной инженерии). В то же время он выступает и в роли объекта, который принимает воздействия со стороны экологически благоприятной или же экологически неблагоприятной среды, выполняющей в этом случае роль субъекта или квазисубъекта таких воздействий.

Согласно первому значению («все сущее...»), взаимодействия в системе «человек—среда» необходимо рассматривать в онтологической логике. В этой логике человек, среда и само отношение «человек—среда» выступают такими же субъектами онтологического развития, как и другие формы бытия, включая бытие планеты. Это созвучно позиции В. И. Вернадского: «Человек как он наблюдается в природе, как и все живые организмы, как и всякое живое вещество, есть определенная функция биосферы, в определенном ее пространстве-времени. Цивилизация „культурного человечества“ — поскольку она является формой организации новой геологической силы, создавшейся в биосфере, — не может прерваться и уничтожиться, так как это есть большое природное явление, отвечающее исторически, вернее, геологически, сложившейся организованности биосферы. Образуя ноосферу, она всеми корнями связывается с этой земной оболочкой» (Вернадский, 1991, с. 40).

Поэтому, с одной стороны, природа выступает для человека условием и средством развития его природных (сущностных) возможностей творения новых природных объектов, в том числе самого себя. С другой стороны, человек, развивая свои природные возможности, выступает по отношению к природе средством ее саморазвития как процесса порождения новых форм ее самоосуществления в системе отношений «человек—среда». В данном случае речь идет о порождении психических новообразований (когнитивных, аффективных, поведенческих, этических и т. п.), приводящих к антропогенным преобразованиям в окружающей природной и социальной среде и даже к порождению новых форм природной эволюции, например, ноосферы (Панов, 2006, 2014а).

Характеризуя другой компонент отношения «человек—среда», следует отметить, что в общем виде под «окружающей средой» понимается совокупность природных и социальных факторов и условий, которые прямо или косвенно, мгновенно или долговременно оказывают влияние на жизнь и деятельность людей (Дерябо, Ясвин, 1996; Черноушек, 1989). Понятие окружающей среды включает в себя:

- сопредставленность различных объектных свойств и отношений разной модальности;

- различную функциональную и субъективную значимость сопредставленных свойств и отношений окружающей среды;
- относительность структурирования средовых свойств и отношений в зависимости от функциональных потребностей индивида, его этнокультурной принадлежности и т. п. (Дерябо, Ясвин, 1996; Панов, 2007, 2014а).

Для описания окружающей среды используются разные критерии (Панов, 2007):

- *предметно-содержательный критерий*, согласно которому окружающая среда описывается как окружающая человека объективная совокупность природных объектов, пространственно-предметных условий, социальных условий и других людей;
- *экологический критерий*, согласно которому окружающая среда рассматривается как среда обитания (по Дж. Гибсону) или жизненная среда (по М. Черношеку и по Г. А. Ковалеву), т. е. как совокупность внешних предметных условий, предоставляющая человеку возможность удовлетворения его жизненных потребностей;
- исходя из *деятельностного критерия*, окружающая среда предстает как пространство возможностей для овладения различными видами человеческой деятельности, необходимыми для социализации и развития человека: игровой, учебной, спортивной, производственной, художественной и т. п.;
- *функциональный критерий* акцентирует внимание на том, в какой роли предстает окружающая среда в системе отношений «человек—среда»; а именно:
 - как объект восприятия пространственных и иных свойств, отношений и качеств окружающей среды (психология пространственной среды, экологический подход к восприятию, психология образовательной среды и др.);
 - как фактор, демонстрирующий средовое воздействие на психику человека (психологическая экология, психология средовых влияний, экстремальная психология);
 - как условие (сейчас более принято говорить «ресурс») осуществления жизнедеятельности человека и как средовые возможности удовлетворения биологических, социальных и духовных потребностей (психология окружающей среды, психология экологического сознания);
 - как средство, когда свойства и качества окружающей среды превращаются в субъективное средство удовлетворения своих потребностей или выполнения деятельности (психология окружающей среды, психология экологического сознания);
 - как объект деятельности человека: проектирования, экспертизы, преобразования и т. п. (психология охраны природной среды, психология образовательной среды и др.).

Методологические предпосылки и теоретические конструкты экопсихологического подхода к развитию психики

Вышеизложенные методологические рассуждения предопределили разработки экопсихологического подхода к развитию психики. От других направлений пси-

хологических и эколого-психологических исследований его отличают следующие методологические предпосылки и теоретические конструкты (Панов, 2004, 2013, 2014а, 2020а, 2022а, б; Экопсихология развития психики человека на разных этапах онтогенеза, 2013): представление о психике как форме бытия, системное отношение «индивид—среда», экопсихологическая типология субъект-средовых взаимодействий, экопсихологическая модель становления субъектности.

Согласно первой предпосылке, психика в качестве объекта исследования рассматривается нами как форма бытия, существующая, по Аристотелю, в потенциальной форме «бытия в возможности» и актуальной форме «бытия в действительности». Актуальность своего существования в виде психических новообразований (психической активности) человека и других живых существ психика обретает в процессе и посредством их взаимодействия с окружающей средой. В этом смысле психика представляет собой такое же общеприродное явление, как, например, гравитация, электромагнетизм, жизнь и т.д.¹ Поэтому в онтологическом плане психика, как и любая форма бытия, характеризуется изначально присущей ей субстанциональностью (самопричинностью, по С.Л. Рубинштейну), т. е. имеет в себе источник своего саморазвития. Благодаря этому психика при наличии определенных условий (взаимодействия ее субъекта-носителя с окружающей средой) проявляется в разных видах психической активности, опосредствующих взаимодействия субъекта психической активности с окружающей средой в виде восприятия, реагирования, поведения, деятельности и др.

Следующей предпосылкой для определения психики как объекта и предмета исследования выступает системное отношение «человек—среда» (в более поздних вариантах «индивид—среда»). Как и в других направлениях экологической психологии, предметом исследования могут выступать, с одной стороны, психологические особенности «индивида», с другой стороны — психологические, квазипсихологические и антропогенные особенности «среды». Но в дополнение к этому в качестве предмета исследования и теоретического конструкта используются экопсихологические взаимодействия, названные так потому, что они происходят между «индивидом» и «средой» (и представляющими ее субъектами).

В этом контексте развитие психики происходит как становление актуального бытия потенциальных форм психической активности в виде психических новообразований разной модальности: психических процессов, психических состояний, сознания, личности, субъектности, одаренности и т. п. Мы говорим о становлении, потому что, как было обосновано А. И. Миракяном, в соот-

¹ Гравитация тоже существует в форме «бытия в возможности», но проявляет себя (в форме «бытия в действительности») только во взаимодействии, по крайней мере, двух тел (например, двух планет или яблока и головы Ньютона). Пока таких тел нет, мы не можем судить об отсутствии или наличии гравитации в данном пространстве-времени, однако мы можем говорить о ее существовании в форме «бытия в возможности». По этой же логике, наличие психических продуктов и их порождения в психике человека или их опредмеченных форм существования в свойствах окружающей среды (т. е. в форме «бытия в действительности») не может быть аргументом против предположения о существовании психики в потенциальной форме «бытия в возможности».

ветствии с принципом формопорождения каждое психическое новообразование (как и любая форма бытия) неизбежно проходит стадии (по)рождения, развития и умирания (перехода в иную форму психического бытия) (Миракян, 1999, 2004).

Вид экопсихологических взаимодействий определяется видом окружающей среды, в условиях которой они происходят: природная, образовательная, профессиональная, этнокультурная, информационная и др.

В совокупность экопсихологических взаимодействий входят также и взаимодействия человека с его внутренней средой¹, внутренним миром — от потребностей и когнитивных возможностей до способов деятельности, социальных установок и жизненных ценностей.

Когда говорят о коммуникативных и, более широко, социальных взаимодействиях применительно к социальным профессиям в системах «человек—человек», то обычно ограничиваются анализом трех типов взаимодействий: объект-объектный, субъект-объектный и субъект-субъектный. Анализ взаимодействий, рассматриваемых в разных направлениях экологической психологии, показал, что необходимо говорить, по крайней мере, о шести базовых типах экопсихологических взаимодействий: объект-объектном, субъект-объектном, объект-субъектном и субъект-субъектном, который включает в себя субъект-обособленный, субъект-совместный и субъект-порождающий типы взаимодействия в системе «индивид—среда» (Панов, 2004; 2013, 2014а, 2022б). Рассмотрим их подробнее на примере системы «человек—природная среда».

- *Объект-объектный тип* взаимодействий лежит в основе психологической экологии. В рамках этого направления природная среда (как совокупность химико-физических факторов и условий) психологически индифферентна к человеку. Взаимодействие между средой и организмом человека остается на физико-химическом, т. е. объектном, уровне.
- *Объект-субъектный тип*: окружающая среда, активно воздействуя на те или иные сферы психики человека, выполняет по отношению к нему квази-субъектные функции. В то время как сам человек, принимая это воздействие и подчиняясь ему, находится в роли объекта (квазиобъекта) средового воздействия. Эта логика лежит в основе психологии средовых влияний (средовой, энвиронментальной психологии).
- *Субъект-объектный тип*: человек целенаправленно воздействует и изменяет свойства природной среды с определенной целью — использовать природные ресурсы для удовлетворения своих потребностей или, напротив, сохранить и защитить природную среду и т. д. Пример: антропоцентрический тип экологического сознания, реализующий субъект-объектное отношение человека к миру природы (Дерябо, Ясвин, 1996), когда образовательная среда

1 Одно из первых определений внутренней среды обнаружилось, к моему удивлению, у основателя Психологического института Г. И. Челпанова: «Душа нами мыслится как какое-то единство, в котором представления находятся, которое содержит в себе представления, которое комбинирует и связывает. Оно мыслится нами как среда, в которой находятся душевные явления» (Челпанов, 2012, с. 33). Очень значимой в этом отношении является книга «Я — второе я» еще одного корифея психологической науки — Ф. Д. Горбова (Горбов, 2000).

Раздел II

выступает объектом проектировочных или экспертных действий человека как субъекта (Панов, 2001а, б, 2007; Ясвин, 1997) и т. д.

- *Субъект-субъектный тип*: компоненты системы «человек–природная среда» оказывают взаимное воздействие, играя по отношению друг к другу субъектную роль. При этом не следует отождествлять свойство «быть живым» со свойством субъектности, ибо человек склонен наделять способностью выполнять субъектные функции и неживые средовые объекты (там же).

Однако субъект-субъектные взаимодействия могут различаться по направленности и содержанию. А именно:

- 1) субъект-обособленный тип: взаимодействие между компонентами отношения «человек–среда» носит конфликтный и деструктивный характер, вплоть до взаимной агрессии. Пример: ситуация глобального экологического кризиса;
- 2) субъект-совместный тип: взаимодействия в системе «человек–среда» подчинены общей цели и носят характер совместных действий. Но при этом собственная субъектность каждого из них остается без изменения. Пример: эгоцентрический тип экологического осознания, ориентирующийся на коэволюционный вариант взаимоотношений человека с миром природы (Дерябо, Ясвин, 1996);
- 3) субъект-порождающий тип характерен для системы «человек–природная среда» («человек–мир природы», «человек–планета») в тех случаях, когда происходит тройное порождение субъектности в виде качественного изменения субъектности каждого из компонентов отношения «человек–природная среда» как форм бытия, а также в виде трансформации этого отношения в онтологически единый, совокупный субъект совместного развития. Это отношение обретает онтологический смысл (становление формы бытия) и превращается в онтологического субъекта порождения психической реальности в виде психологических и/или квазипсихологических свойств его компонентов. Порождаемая таким образом психическая реальность выступает системным качеством отношения «человек–природная среда», которое не сводится к качествам его компонентов, но обусловлено их свойствами и типом взаимодействия между ними. В этом онтологическом смысле каждый из компонентов (субъектов) системы отношений «человек–природная среда» выступает условием и результатом развития другого компонента. Примерами порождения такого субъекта совместного развития могут служить следующие системы: «мать–ребенок», «психотренинговая группа», «этнос», «человечество в целом», в случае ноосферы – система «человечество–планета» (Панов, 2004, 2006, 2013, 2014а; Панов, Никольская, 2011; Панов, Патраков, 2020).

Взаимодействия в системе «человек–среда», конечно, не ограничиваются указанными шестью видами. В определенных ситуациях (интеракциях) человек и среда могут выступать также в роли квазиобъекта и квазисубъекта. Вследствие этого между человеком и средой может иметь место квазиобъект-квазисубъектный тип взаимодействия. Например, когда лес или шум моря (природная среда) оказы-

вают релаксирующее воздействие на человека, принимающего это воздействие, т. е. природная среда выполняет квазисубъектную роль, а человек — квазиобъектную. Аналогичное расширение количества указанных типов взаимодействия происходит, когда они применяются к анализу коммуникативных межличностных взаимодействий (Капцов, Панов, 2019; Лидская и др., 2009; Панов, 2013; Панов, Капцов, 2012; Экопсихология развития на разных этапах онтогенеза..., 2013).

Первоначально данная типология экопсихологических взаимодействий была систематизирована применительно к системе «человек—природная среда». Но затем стало понятно, что она имеет инвариантный, «топологический» характер, так как не зависит от вида окружающей среды. И потому она вполне применима для анализа психологических взаимодействий человека с разными видами окружающей среды, в том числе взаимодействий в системах «человек—образовательная среда», «человек—профессиональная среда», «человек—информационная среда», «человек—домашнее животное (собаки, кошки)» и т. п. (Лидская и др., 2009; Панов, 2007, 2011, 2013, 2014а, 2016б; Панов, Калинин, 2021; Панов, Патраков, 2020; Плаксина, 2017; Экопсихология развития на разных этапах онтогенеза..., 2013; Kovtun et al., 2018; Panov, Plaksina, 2017; и др.). В дальнейшем базовые типы экопсихологических взаимодействий стали обозначаться как «*экопсихологическая типология субъект-средовых взаимодействий*»¹ (Субъект-средовые взаимодействия..., 2017; Panov, 2017).

В онтологическом аспекте экспликация психики в качестве объекта и предмета исследования требует принятия и понимания того, что в реальных условиях взаимодействие человека с внешней и внутренней средой не сводится только к одному из возможных типов взаимодействия: объект-субъектному, субъект-совместному и др. Напротив, в ходе становления системы «человек—среда» взаимодействия между ее компонентами претерпевают определенные изменения. В частности, «окружающая среда» из объекта восприятия постепенно превращается в объект преобразования и тем самым в условие и средство развития субъектности человека как компонента данной становящейся системы «человек—окружающая среда». Это означает, что в актуальном генезе взаимодействие человека с окружающей средой начинается с объект-объектного типа взаимодействия, когда физико-химические свойства окружающей среды выступают агентами внешнего воздействия на органы чувств человека, вызывающими те или иные ощущения как первичную форму порождения психической реальности. По мере трансформации субъектности как способности индивида быть субъектом психической активности (и деятельности как высшей ее формы) предметы и люди внешней среды постепенно становятся объектами целенаправленной активности со стороны данного индивида. Соответственно тип взаимодействия меняется на субъект-объектный или на субъект-субъектный в виде субъект-обособленного и, возможно, субъект-порождающего. Это подтверждается, в частности, тем, что овладение культурно-историческими способами человеческой деятельности индивидом происходит, как известно, посредством совместно-

¹ Используемый в данном контексте термин «субъект-средовые взаимодействия» никак не связан с «субъектно-средовым подходом», разработанным ранее С. К. Нартовой-Бочавер (Нартова-Бочавер, 2005).

Раздел II

распределенной деятельности между данным индивидом и другим/и индивидом/ами, для которой, по нашей терминологии, характерен субъект-порождающий тип взаимодействия. Отсюда следует, что при онтологическом подходе типы взаимодействия, складывающиеся в совместном бытии «человека» и «среды», должны рассматриваться не как обособленные друг от друга, а в целостном единстве — как динамическая система экопсихологических (субъект-средовых) взаимодействий. В качестве примера можно привести образование межвидовой группы «владелец—домашнее животное» (Никольская, 2012; Панов, 2014а; Панов, Никольская, 2011), системы «человечество—планета» (Панов, 2006, 2014а) и др.

С целью теоретической и эмпирической верификации экопсихологической типологии субъект-средовых взаимодействий были рассмотрены такие традиционные психические феномены, как:

- образовательная среда (Капцов, Колесникова, 2020; Панов, 2004, 2007, 2013, 2014а, б, 2018; Субъект-средовые взаимодействия: экопсихологический подход к развитию психики, 2017; Экпсихология развития психики человека на разных этапах онтогенеза, 2013 и др.);
- психические состояния (Панов, 1998б; Панов, Егорова, Лапчинская, 2002; Панов, 2014);
- одаренность (Панов, 1998в, 2001б, 2005, 2017в, 2020б);
- субъектность (Панов, 2015а, 2016а, 2022а; Панов и др., 2019; Панов, Капцов, 2021; Панов, Плаксина, 2016; Панов, Селезнева, 2019; Становление субъектности учащихся и педагогов, 2018; Становление субъектности: от экпсихологической модели к психодидактическим технологиям, 2022);
- экологическое сознание и экологическая ответственность (Панов, 2000, 2004, 2014а, 2015б).

При этом экпсихологическая типология субъект-средовых взаимодействий использовалась в трех аспектах:

- а) в качестве предмета теоретического или эмпирического изучения (Капцов, Колесникова, 2020; Капцов, Панов, 2019; Отечественная экпсихология..., 2020; Панов, 2014а, б, 2016б, 2017а, б, в, 2018; Панов, Капцов, 2012, 2021; Панов, Плаксина, 2022; Плаксина, 2017; Экпсихология развития на разных этапах онтогенеза, 2013; Panov, Plaksina, 2017; и др.);
- б) в качестве теоретического конструкта для изучения взаимодействий в межличностных отношениях в студенческой группе или для интерпретации эмпирических данных о коммуникативных взаимодействиях в профессиональной работе нотариуса, или для выявления условий образования межвидовой группы «человек—домашние животные (собаки, кошки)» (Капцов, Колесникова, 2019; Лидская и др., 2009; Лидская, Панов, 2022; Никольская, 2012; Панов, 2013, 2014а, 2016, 2018, 2022б; Панов, Капцов, 2012);
- в) в качестве методологической позиции для выбора гносеологической, онтологической или трансцендентальной парадигмы психологического исследования (Панов, 2004, 2006, 2007, 2011, 2014а, 2015б, 2017б; Панов, Патраков, 2020).

Интерактивная обусловленность объектной или субъектной позиции индивида в экопсихологических взаимодействиях привела к необходимости анализа динамики его субъектности. Вследствие этого появился еще один теоретический конструкт – *экопсихологическая модель становления субъектности* в континууме «субъект спонтанного действия – субъект продуктивного действия и развития». Рассмотрим ее на примере становления субъектности учащегося.

Экопсихологическая (онтологическая) модель становления субъектности

Опуская анализ проблемы субъектности (см.: Абульханова-Славская, 2001; Знаков, 2017; Петровский, 1996; Развитие субъектности в онтогенезе..., 2012; Селезнева, 2015; Сергиенко, 2017; Субъект действия, взаимодействия, познания, 2001; Становление субъектности учащегося и педагога: экопсихологическая модель, 2018; и др.), ограничимся изложением некоторых литературных данных, на которые мы опирались при разработке данной модели.

В настоящее время не сложилось общепринятого определения того, что следует понимать под субъектностью. Более того, сформировались разные подходы к определению субъектности как феномена и как личностного качества.

Принципиально важными для определения нашей позиции являются следующие определения субъект и субъектности. Формулировка С. Л. Рубинштейна: «Субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется, он в них создается и определяется» (Рубинштейн, 1986, с. 106). Согласно К. А. Абульхановой-Славской, субъект суть способ системной организации, который психологически развертывается в пространстве, образованном полюсом деструктивного (пессимального) способа организации и полюсом идеального (оптимального) способа организации (Абульханова-Славская, 2001). Как образно отмечает В. А. Петровский, «„субъектность“, которая так напоминает нам живое пламя, так же как и огонь, неведущественна и неостановима в полете, и в образе воспроизводится приблизительно и условно» (Петровский, 1985, с. 30).

Характеризуя системно-субъектный подход, Е. А. Сергиенко показывает, что «в качестве когнитивной функции по отношению к субъектности выступает понимание, коммуникативной функции – континуум субъект-субъектных и субъект-объектных взаимодействий, в качестве регулятивной функции – контроль поведения и самопроизвольность» (Сергиенко, 2017, с. 8).

В контексте экопсихологического подхода к развитию психики субъектность в общем виде определяется нами как способность быть субъектом психической активности в форме определенного действия: перцептивного, эмоционального, коммуникативного, игрового, учебного, профессионального и т. д. В структурном отношении субъектность представляет собой диалектическое единство инструментального (исполнительного) и регуляторного компонентов, каждый из которых выступает одновременно условием и результатом развития другого (Панов, 2015а, 2016а, 2022а; Панов и др., 2019; Панов, Капцов, 2021; Панов, Плаксина, 2016; Панов, Селезнева, 2019; Становление субъектности учащихся и педагогов, 2018; Становление субъектности: от экопсихологической модели к психодидактическим технологиям, 2022; и др.).

Раздел II

Как и любая форма бытия, субъектность должна пройти в своем становлении этапы порождения, развития и трансформации в иную форму психического бытия. Становление субъектности индивида происходит в онтологическом континууме «субъект спонтанной активности — субъект продуктивного действия» в процессе и посредством коммуникативного взаимодействия с другим индивидом как субъектом осваиваемого действия (действия-образца) (Панов, 2014а, б, 2015а, 2016; Панов, Плаксина, 2016). При этом субъектность индивида должна пройти семь стадий порождения субъектных качеств, каждая из которых по мере развития превращается в средство перехода на следующую стадию (Панов, 2014а, 2022а; Панов, Капцов, 2021; Панов, Плаксина, 2022; и др.). В качестве примера представим эти стадии применительно к становлению субъектности обучающихся как развития способности стать:

- на 1-й стадии субъектом потребности, которая опредмечена в действии-образце, демонстрируемом преподавателем и которая становится мотивом и целью освоения этого действия-образца;
- на 2-й стадии субъектом перцептивного действия (восприятия), т. е. способности к максимально точному восприятию действия-образца, демонстрируемого преподавателем, и интериоризации этого действия-образца в виде перцептивной модели — *позиция наблюдателя* («рассматриваю, но пока еще не выполняю»);
- на 3-й стадии субъектом подражательного воспроизведения действия-образца вслед за преподавателем. На этом этапе перцептивная модель действия-образца, сформировавшаяся и интериоризованная на предшествующем этапе, субъективируется, превращается в субъективное средство подражательного выполнения (экстериоризации) действия-образца. Образно говоря, это позиция «подмастерья», когда от него требуется просто повторить или записать то, что ему показывают или говорят. Например, преподаватель показывает действие-образец и просит повторить его «делай, как я»;
- на 4-й стадии субъектом произвольного выполнения действия-образца при внешнем контроле со стороны другого человека. На этой стадии учащийся уже умеет самостоятельно и осознанно выполнять действие-образец, но регуляторную составляющую действия-образца (функцию контроля и коррекции правильности его выполнения) осуществляет преподаватель. Здесь происходит экстериоризация исполнительской части действия-образца, сформировавшейся на двух предшествующих этапах, с одновременной интериоризацией и субъективацией регуляторной составляющей выполнения движения-образца. В этом смысле субъектность индивида на этом этапе ее становления предстает как способность быть со-субъектом совместно-распределенного действия между ним и преподавателем — *позиция ученика*, когда он уже умеет выполнять действие-образец, но еще не умеет самостоятельно оценить правильность своего выполнения;
- на 5-й стадии субъектом экстериоризации регуляторной составляющей освоенного действия-образца, когда обучающийся испытывает потребность и уже способен давать оценку того, правильно ли выполняют это действие-образец

другие индивиды. На этом этапе происходит экстериоризация функции контроля за правильностью выполнения действия-образца — *позиция критика*. На этом заканчиваются репродуктивные стадии становления субъектности. Нужно сказать, что 5-й и 6-й этапы идут не последовательно друг за другом, а параллельно, одновременно;

- на 6-й стадии субъектом самостоятельного выполнения действия-образца, которое происходит посредством интериоризированных и субъективированных на предшествующих этапах перцептивной модели действия-образца и способности к произвольной регуляции правильности его выполнения. Поэтому качество выполнения действия-образца на этом этапе зависит от уровня сформированности субъектности выполнения и произвольной регуляции на предшествующих этапах — *позиция мастера* («чемпиона в своем деле»);
- на 7-й стадии субъектом продуктивного действия и творческого развития освоенное действие превращается из объекта усвоения в субъективное средство овладения другими, новыми действиями или же для творческого самовыражения. Это позиция саморазвития и в этом смысле, образно говоря, позиция «творца», а также «педагога», «тренера», «эксперта».

Таким образом, развитие субъектности в процессе обучения обязательно должно включать передачу учащимся не только исполнительской, но и регуляторной составляющих действия-образца.

Из этого также следует, что позиция преподавателя в ситуациях, направленных на развитие субъектности обучающихся, тоже должна меняться в соответствии с требованиями каждого этапа становления их субъектности. Так, на первом этапе педагогу необходимо создать у учащегося мотивацию к деятельности, на втором этапе от педагога требуется умение изложить учебный материал (действие-образец) — субъект-объектный тип взаимодействия; на втором и третьем этапах — умение заметить и помочь исправить ошибки ученика при воспроизведении им учебного материала — субъект-порождающий тип взаимодействия; на четвертом этапе роль педагога сводится просто к наблюдению и оценке — субъект-объектный тип взаимодействия, а на пятом этапе — обсудить с учеником те замечания, которые он сделал другим ученикам — субъект-совместный тип взаимодействия. Отсюда понятно, что педагог должен по-разному выстраивать свои коммуникативные взаимодействия с учениками в зависимости от этапа становления их субъектности.

Эмпирическая проверка экпсихологической (онтологической) модели становления субъектности была проведена на примерах развития субъектности в старшем дошкольном, школьном и студенческом возрастах, а также у педагогов (Москва, Владимир, Самара, Чита) (Панов, 2014а, б; Панов и др., 2019; Панов, Капцов, 2021; Панов, Селезнева, 2019; Плаксина, 2015; Становление субъектности учащегося и педагога ..., 2018).

Приведенная модель становления субъектности представляет собой «идеальную модель», абстрагированную от реального процесса развития субъектности у реального индивида в условиях реального обучения. В реальном обучении

выделенные стадии развития субъектности, конечно же, накладываются друг на друга, и формирование одних из них, возможно, опережает развитие других. Но эта модель позволяет наглядно представить, что развитие каждой последующей стадии (уровня) субъектности опосредуется качеством развития предшествующей/их стадии/ий. Также важно отметить, что в основе данной модели лежит понимание осваиваемого действия как «ортогонального» единства инструментальной (исполнительской) и регуляторной составляющих, каждая из которых является одновременно условием и результатом развития другой.

Также важно отметить, что представленные стадии становления субъектности не зависят от предметного содержания осваиваемого действия, и потому *данная модель имеет инвариантный (топологический) характер* для освоения разных видов действий (учебных, профессиональных, игровых и т. п.). Мы надеемся, что она может служить психодидактическим основанием для разработки и апробации технологий обучения, которые ориентированы на целенаправленное развитие субъектных качеств обучающихся и педагогов, необходимых для получения метапредметных результатов при ее применении в общем и высшем образовании (Становление субъектности, 2022).

Ниже приведем некоторые примеры применения экопсихологического подхода для развитию психики к разным психическим феноменам.

Психологический статус детей, постоянно проживающих в районе экологического неблагополучия (Панов, Сараева, 2009)

Применение экопсихологического подхода к развитию человека дало возможность провести теоретический и эмпирический анализ последствий влияния экологически неблагополучной жизненной среды на состояние психики населения, родившегося и постоянно проживающего на загрязненных территориях. В результате эмпирического исследования была обнаружена тенденция к общему снижению психической активности детского населения, родившегося и постоянно проживающего на экологически неблагополучных территориях Забайкальского края.

Такая тенденция проявляется и в таком интегральном параметре второго уровня психологического статуса, как развитие интеллекта. Важно заметить, что детей с нижненормативными показателями развития всех видов интеллекта на загрязненных территориях (особенно при кризисной степени загрязнения) достоверно больше, чем на чистых территориях. С увеличением степени загрязнения природной (физической) среды указанных территорий исследуемые показатели смещаются к нижним границам нормы. Та же тенденция обнаруживается в крайних показателях тревожности, сниженных значениях ряда личностных факторов (например, открытости, независимости, стремления к самоутверждению).

Показано, что социальная среда территорий экологического неблагополучия может частично компенсировать негативные влияния среды физической. Однако при значительной, особенно кризисной, степени загрязненности природной (физической) среды социальные воздействия оказываются недостаточными для полной компенсации ее влияний.

**Экологическая ответственность человека:
парадигмальный аспект (Панов, 2014а)**

Использование разных смысловых значений понятий «природа» позволяет выделить три возможные направления (парадигмы) для определения места экологической ответственности и экологического сознания в Концепции устойчивого развития (Повестка дня на XXI век, 1992; Повестка дня в области устойчивого развития, 2020).

1. *Естественно-научный подход* строится на понимании «природы» в качестве объекта естественных наук. «Человек» (человечество) и «планета» (мир неживой и живой природы) рассматриваются в виде таких обособленных друг от друга объектов исследования, каждый из которых имеет свою природу и, соответственно, свои закономерности развития. Согласно типологии экологического сознания, разработанной С. Д. Дерябо и В. А. Ясвиным, ведущая роль при таком подходе принадлежит экологическому сознанию антропоцентрического типа (Дерябо, Ясвин, 1996).
2. *Экологический подход* исходит из понимания «природы» в качестве «средовых условий обитания». В определенном смысле этот подход представляет собой разновидность естественно-научного подхода, когда в решении проблем устойчивого развития ведущее место начинают занимать экология и экологические представления. Согласно этим представлениям, наша планета — это экосистема, выступающая в качестве среды обитания для человека (человечества в целом). «Человечество» и «планета» при таком подходе не противопоставляются друг другу. «Человечество» в роли подсистемы планеты (как глобальной экосистемы) выступает ее частью и потому должно в своем развитии подчиняться закономерностям, обеспечивающим равновесное (устойчивое) развитие этой экосистемы. Вместе с тем на данном этапе эволюции «человечество» и «планета» обретают и реализуют свою сущность во взаимодействии друг с другом, в системе «человечество—планета».

С психологической точки зрения необходимым условием реализации Концепции устойчивого развития при таком подходе выступает формирование экологического сознания эгоцентрического типа (Дерябо, Ясвин, 1996). Ключевыми позициями, отличающими именно этот тип экологического сознания, выступают: отказ от противопоставления человека и мира природы (человек изначально рассматривается как часть мира природы), субъектификация мира природы (т. е. наделение его свойствами субъекта, субъектное восприятие мира природы) и соблюдение экологического императива, обеспечивающее в перспективе коэволюционный характер развития «человечества» и «планеты» как среды его обитания. Нетрудно заметить, что экологический подход в данном случае постулирует приоритет «планеты» как глобальной экосистемы. Но пытается при этом решить проблему сохранения (выживания) «человечества» в условиях и перспективе им же вызванного глобального экологического кризиса.

Трансцендентальный подход основан на представлении о «природе как сущем», что дает возможность рассматривать саморазвитие любых природных

форм бытия с позиции единых принципов формопорождения (Миракян, 1999, 2004; Панов, 2004, 2014а). Важно подчеркнуть, что эти принципы, являясь общими для разных форм бытия, вместе с тем не сводятся к особенностям и закономерностям развития каждой из них в отдельности. Применительно к концепции устойчивого развития это означает, что человечество и планета представляют собой различные формы природного бытия, единого по своей сущности, другими словами, различные проявления единой в своей творческой сущности «природы как сущего». Причем каждое из них: а) имея свою природу развития и в этом смысле будучи онтологическими субъектами своего становления, может реализовать свою природу развития только в анизотропном¹ взаимодействии с другой частью; б) это взаимодействие должно иметь системно-развивающий характер, когда развитие каждой из них является условием и результатом развития другой.

Согласно этой логике, человек является субъектом развития не только самого себя, но и совместным субъектом развития системы «человек—природа».

Человек, являясь универсальным носителем общих закономерностей самосо осуществления природных форм бытия и тем самым субъектом общеприродного процесса развития в системе «человек—планета», становится ее ключевым звеном. Развиваясь, он осуществляет саморазвитие природы в целом, по крайней мере, такой системы, как «человечество—планета», что проявляется, в частности, в возникновении ноосферы.

Нетрудно заметить, что при таком подходе меняется смысловая глубина и наших представлений об экологической ответственности человека за свое поведение по отношению к окружающей природной среде. Как известно, в традиционном смысле эта ответственность определяется необходимостью сохранения окружающей природы как среды обитания для последующих поколений человечества и сохранения человечества как вида, что характерно для антропоцентрического типа экологического сознания (Дерябо, Ясвин, 1996).

Если же подойти к этому вопросу с позиции вышеуказанных трансцендентальных оснований, то смысл экологической ответственности человека за сохранение окружающей природы определяется онтологической ролью человека в качестве триединого субъекта: развития самого себя, развития системы «человечество—планета» и развития природы «как сущего».

Из вышеизложенного следует, что трансцендентальный смысл экологической ответственности человека определяется его ролью как субъекта развития разных форм бытия. Это означает, что человек может рассматриваться в качестве субъекта экологической ответственности в той мере и в той логике, в какой он мыслится:

— субъектом развития самого себя как представителя рода человеческого;

¹ Согласно А. И. Миракяну, анизотропность перцептивной системы представляет собой взаимную общность («единость») и одновременно с этим взаимное различие ее симметрично-расположенных функциональных элементов, что является условием для образования между ними анизотропных отношений, лежащих в основе порождающего процесса восприятия (Миракян, 1999, 2004). Например, симметрично-двуединое расположение рецепторов на сетчатке глаза, а также полушарий мозга, глаз, ушей, рук и т. п.

- субъектом развития системы «человечество—планета (природная среда)» как совокупного (целостного) субъекта совместного развития «человечества» и «планеты» (их коэволюции);
- субъектом развития «природы как сущего», порождающей все разнообразие форм природного бытия, в том числе человека и явлений живой и неживой природы, планет и вселенной в целом. Существенно, что в этом случае все эти разнообразные проявления «природы как сущего», несмотря на свои отличия друг от друга, реализуют в своем становлении всеобщие для них принципы формопорождения, единые для них как форм природного бытия.

Необходимо отметить, что во всех трех указанных позициях предполагается преодоление ограниченности актуального существования и понимания человека как явления, т. е. выход (трансцендирование) за пределы его понимания как актуальной данности «бытия в действительности». В первом случае обращение к родовой сущности человека, во втором — к методологическому основанию, позволяющему рассматривать экологическое развитие человека как продукт развития системы «человечество—планета», в третьем случае — к предельному уровню абстракции, в данном случае к принципам формопорождения природных форм бытия как проявлению и порождению «природы как сущего».

Исходя из этого, полагаю, что перспектива поиска новых парадигм взаимодействия человека с природой вокруг нас и со своей собственной природой (внутри нас) будет зависеть от того, в какой мере человек откроет в самом себе сущность и принципы «природы как сущего».

Эмпирическое исследование субъектности школьников и студентов в соответствии с эконсихологической моделью становления субъектности

Эмпирическое исследование субъектности учащихся 9–11-х классов, проведенное И. В. Плаксиной в период резкого перехода на режим онлайн-обучения вследствие пандемии, показало следующее (Плаксина, 2021а, б). Учебная активность школьников в цифровой среде более всего коррелирует с низкопродуктивными стадиями субъектности («подмастерье» и «ученик»). Причем структура параметров, характеризующих этот вид активности, в данной выборке имеет достоверное внутреннее сходство ($p < 0,05$), в то время как для учащихся 10-го класса эта структура имеет отличия ($p > 0,05$). Предполагается, что такие показатели объясняются направленностью учебной активности в 9-м и 11-м классах на подготовку к сдаче ОГЭ и ЕГЭ. Это подтверждается высокой значимостью для данной выборки низкопродуктивной стадии «подмастерье». При этом следует отметить, что в 10-м классе доминируют показатели такой высокопродуктивной стадии, как «мастер».

Исследование становления субъектности у студентов педагогического вуза в период смешанного обучения (сочетание онлайн и офлайн) показало наличие достоверных положительных связей «высоких» стадий субъектности («мастер», «творец») с личностными качествами студентов, характеризующими субъектность в коммуникативных взаимодействиях. При этом выявленная отрицательная связь стадии «критик» и параметра «интегративность» подчер-

квивает утрату субъект-субъектной модели коммуникативных взаимодействий. Вследствие этого регулятором отношений с учащимися становится традиционное педагогическое оценивание, т. е. субъект-объектный тип взаимодействий (Панов, Плаксина, 2022).

Экопсихология развития одаренности (Панов, 2005, 2020)

Согласно основным позициям экопсихологического подхода к развитию психики, одаренность человека предстает как процесс и продукт актуализации творческой природы психики (как формы бытия) в виде психических процессов, психических состояний, черт личности и сознания данного индивида в процессе и посредством его взаимодействий с окружающей средой (Панов, 2004, 2007, 2014а, 2020б, 2022).

Общая логика такова: от одаренности в виде психического процесса (например, абсолютный музыкальный слух) к одаренности в виде переживания психического состояния «Эврика!», затем от эпизодически проживаемых состояний «Эврика!» к превращению этих состояний в постоянно действующую антиципирующую структуру сознания (черту личности) ребенка (Панов, 2001б, 2005, 2007, 2014, 2017в).

Более конкретно речь идет о создании ситуаций развития (развивающих учебных ситуаций), включающих в качестве последовательных и обязательных этапов:

- *На мотивационном этапе* создание ситуации, способствующей и провоцирующей ребенка (или взрослого) на субъективное самовыражение своих состояний, переживаний или представлений в форме психической активности той или иной модальности: двигательной – танцевальных движений; художественной – рисунка, лепки; интеллектуальной – поиска и решения трудных математических или иных задач; социальной активности – организации детей на игровое взаимодействие; духовно-нравственной – совершения поступков, направленных на утверждение общечеловеческих ценностей. На этом этапе формируется потребность в самовыражении, экстерииоризации и опредмечивании творческой природы развития психики. Иными словами, ребенок (или взрослый) на этом этапе должен обрести способность быть субъектом потребности в проявлении и опредмечивании подобной активности. Чтобы это проявление превратилось в потребность творческого самовыражения данного индивида, все действия на этом этапе нужно только хвалить и поощрять. Критика и негативное отношение здесь недопустимы.
- *На инструментальном этапе* формирование у ребенка (или взрослого) способности быть субъектом определенного способа выполнения действия (инструментального навыка – «это надо делать именно так»), что предполагает демонстрацию действия-образца и развитие способности правильно его выполнять. Здесь вектор развития меняет свое направление от экстерииоризации своих ощущений, мыслей и переживаний к усвоению и интерииоризации действий, необходимых для освоения деятельности данного

вида: художественной, интеллектуальной, конструкторской, академической и т. д. Соответственно оценивание правильности и качества выполнения действия-образца должно представлять собой продуктивное сочетание как положительных, так и отрицательных оценок со стороны педагога и других людей. В процессуальном плане на этом этапе происходит становление субъектности ребенка, его способности быть субъектом деятельности данного вида, включающей пять стадий: субъект потребности к самовыражению, субъект восприятия (условно, «наблюдатель»), субъект подражания («подмастерье»), субъект произвольного выполнения действия-образца при внешнем контроле за правильностью его выполнения («ученик»), субъект внешнего контроля за выполнением действия-образца другими («критик»), субъект произвольного выполнения действия-образца при внутреннем, самостоятельном контроле за правильностью его выполнения («мастер»).

- *На творческом этапе* освоенные на предшествующем этапе инструментальные навыки (по выполнению действия-образца) из объекта усвоения превращаются в субъективное средство реализации потребности в творческом самовыражении, сформированной на первом, мотивационном этапе. На этом этапе субъектность индивида развивается в единстве мотивационной и инструментальной составляющих одаренности, он становится субъектом продуктивного действия, саморазвития, самосозидания. При этом вектор психической активности вновь меняет свое направление с интериоризации на экстериоризацию творческого потенциала ребенка. Здесь важно создание ситуаций, способствующих проявлению потребности индивида в творческом самовыражении (опредмечивании, экстериоризации) своих ощущений, мыслей, переживаний в соответствии с социально принятыми формами и критериями оценивания. Поэтому даже не очень удачное участие в конкурсах, фестивалях, олимпиадах и других формах соревнования должно поощряться, что, естественно, не исключает разбора ошибок и работы над ними.

Экопсихологическая парадигма в изучении психики как формы бытия

Доминирующее положение в современной психологии занимает гносеологическая парадигма, в основе которой лежит логическое отношение «субъект познания—объект познания», реализуемое в виде отношений «субъект восприятия—объект восприятия», «субъект мышления—объект мышления», «субъект действия—объект действия» и т. д. Методологической особенностью указанного отношения является исходная *заданность* его компонентов, а также *требование соответствия (тождества)* между свойствами объекта (предмета) познания и результатом его познания. Это позволяет изучать психические явления и новообразования как продукт свершившегося процесса их порождения в соотношении с другими психическими, физиологическими или социальными явлениями. Но не позволяет концептуализировать собственно процесс порождения этих психических новообразований.

В рамках экопсихологического подхода в качестве методологической предпосылки используется не положение «человек как субъект психики», а отношение «индивид (как субъект психической активности)—среда (внешняя, внутренняя)», далее — отношение «индивид—среда». Это приводит к расширению представления о психике как объекте психологического исследования, так как в концептуальном плане она предстает в четырех формах своего существования (бытия), соответствующих четырем парадигмам изучения психических явлений (Панов, 2014а):

1. Психика *в собственной форме* действительного существования — это психика в виде *феноменологической данности* психических процессов, состояний, сознания, способностей и поведения человека (или другого живого существа), находящегося во взаимодействии с окружающей средой. Это *традиционный объект и предмет психологических исследований* в рамках *гносеологической парадигмы*, что нашло свое выражение в нейрокогнитивном подходе. В качестве примера организационного метода исследования здесь можно привести констатирующий эксперимент в психологии.
2. Психика *в превращенной (опредмеченной) форме* действительного существования — это психика в виде *данности* психологических и квазипсихологических качеств антропогенной и естественной окружающей среды, отчужденных от создавшего их человека (предметы культуры, орудия труда, интернет и т. д.). В этой форме бытия психика выступает *объектом эколого-психологических исследований*, а также междисциплинарных исследований на стыке культурологии, психологии образования и других дисциплин в рамках гносеологической парадигмы.
3. Психика *в становящейся форме* (переход психики из «бытия в возможности» по Аристотелю в «бытие в действительности») представляет собой становление психической реальности в виде психических новообразований (феноменов, процессов, состояний сознания). При этом система отношений «индивид—среда» обретает онтологический статус как метасубъект порождения психической реальности. Происходит переход от гносеологической парадигмы к онтологической, вследствие чего предметом исследования выступают не собственно психические феномены, а *условия и механизмы* их порождения. Примерами организации исследований здесь являются формирующий эксперимент, психотренинг, анализ эволюции системы «человечество—планета» и т. п.
4. Психика *в виртуальной форме* бытия, т. е. в форме «бытия в возможности». Виртуальной она названа в том смысле, что имеет возможность и интенцию к самопроявлению, к порождению форм своего действительного существования (в виде реальности психических феноменов) посредством взаимодействия в системе «субъект психической активности (человек или иное существо)—окружающая среда». Психика в виртуальной форме бытия психологическому исследованию не подлежит. Предметом исследования становятся *трансцендентальные принципы*, которые определяют (задают) условия, обеспечивающие возможность порождающего процесса как психической реальности (Панов, 2004, 2011, 2014а, 2020а, 2022б).

Заключение

История становления экопсихологического подхода к развитию психики началась с разработки тем «Экология детства» и «Одаренный школьник» в контексте взаимодействия детей с природной и образовательной средой, и в этом смысле — в контексте экологической психологии.

Проведенный анализ основных направлений эколого-психологических исследований (психологическая экология, экологический подход к восприятию, средовая психология, психология экологического сознания и др.) показал, что от других психологических исследований их отличает постулирование отношения «человек—среда» в качестве общей методологической установки. Следствием анализа методологических разработок В. В. Давыдова, Д. А. Ошанина, А. И. Миракяна, Ф. Т. Михайлова стало понимание ограниченности гносеологической парадигмы для изучения порождения психических явлений и необходимости обращения к онтологической и трансцендентальной парадигмам исследовательского мышления. Это понимание опиралось также на аристотелевскую логику в смысле перехода психики из «бытия в возможности» в «бытие в действительности».

В итоге были разработаны методологические основания и теоретические конструкты экопсихологического подхода к развитию психики: представление о психике как форме бытия, представление о системе отношений «индивид—среда», экопсихологическая типология субъект-средовых взаимодействий, экопсихологическая модель становления субъектности.

Важно отметить, что в экопсихологическом контексте «среда» как компонент отношения «индивид—среда» тоже способна выполнять актуально выраженные субъектные и квазисубъектные функции. В этом случае субъектность «индивида» и (квази)субъектность «среды» могут уже не противостоять друг другу, а трансформироваться в метасубъектность системы «индивид—среда», которая становится онтологическим метасубъектом порождения и становления психических новообразований.

Теоретическое обоснование и эмпирическую апробацию основные конструкты экопсихологического подхода к развитию психики получили на примерах психологии образовательной среды, психологии экологического сознания, психологии одаренности, психологии субъектности. В результате было показано, что экопсихологический подход к развитию психики позволяет изучать разные виды психической реальности, порождаемые при разных типах групповых и межиндивидуальных взаимодействий, а также взаимодействий с разными видами окружающей среды *с позиции единых методологических оснований* как различных проявлений единой по своей природе психики.

В рамках экопсихологического подхода к развитию психики отношение «индивид—среда» рассматривается не только как исходная предпосылка для определения его компонентов и взаимодействий между ними в качестве предмета эмпирического исследования, но и в целом — как самостоятельный объект и предмет теоретико-методологического анализа и эмпирической верификации. Отношение «индивид—среда» понимается как система, проходящая разные ста-

дии становления: от объект-объектного и субъект-объектного взаимодействия между ее компонентами до субъект-порождающего и субъект-совместного взаимодействия. При этом отношение «индивид—среда» обретает онтологический смысл (становление формы бытия) и превращается в онтологический субъект порождения психической реальности в виде психологических и/или квазипсихологических свойств его компонентов. Порождаемая таким субъектом психическая реальность выступает его системным качеством, которое не сводится к качествам компонентов взаимодействия, но обусловлено их свойствами и типом взаимодействия. Методология экопсихологического подхода к развитию психики тем самым позволяет расширить представления о психике как объекте изучения в ставшей и отчужденной, а также становящейся и виртуальной формах бытия. Соответственно изменяются парадигмы и предмет изучения психических явлений. Так, в рамках гносеологической парадигмы предметом исследования выступают психические явления как *феноменологическая данность*, в рамках онтологической парадигмы — *условия*, обеспечивающие порождение этих феноменов, в рамках трансцендентальной парадигмы — *трансцендентальные принципы*, определяющие условия и возможность порождения психических явлений.

Экопсихологический подход к развитию психики также расширяет представления о субъекте психических новообразований. Если в рамках гносеологической парадигмы в роли такого субъекта традиционно выступают живые существа (человек, животные, насекомые и др.), то в онтологической парадигме в роли субъекта порождения исследуемых психических реальностей может выступать и само отношение «индивид—среда» как целостный онтологический метасубъект порождения психического новообразования (при условии субъект-порождающего и субъект-совместного типов взаимодействия).

Несколько тезисов о перспективах экопсихологии развития

В XXI в. должно произойти возрастание роли и значения экопсихологии в ряду других психологических дисциплин. Это обусловлено необходимостью преодоления глобального экологического кризиса на планете, что требует психологических и педагогических методов, направленных на формирование экологичности индивидуального, группового и массового сознания.

На рубеже XX—XXI вв. произошло смещение интереса научной психологии от способов человеческой деятельности, направленных на преобразование внешнепредметного мира, в сторону способов деятельности, непосредственно направленных на целенаправленное преобразование сознания (психики) человека в соответствии с собственной природой его развития и потому выступающих в качестве психологических средств саморазвития. В связи с этим возрастет роль экопсихологических знаний о природе психического развития в когнитивной и аксиологической сферах обучения и развития человека, включая отношение к человеку, природе вокруг него и к его собственной природе.

Наконец, полагая психику общеприродной формой бытия, мы тем самым выходим на такие фундаментальные принципы и закономерности ее становления и развития, которые должны иметь универсальный характер и для других

Глава 16

форм природного бытия, в том числе представляющих предмет естественных наук. Это дает надежду на своеобразную методологическую инверсию. Вместо переноса физикальных методов научного познания на изучение психики будет происходить методологический перенос принципов изучения и формопорождения психической реальности на изучение явлений физической и биологической природы, например, микромира и мегамира (физика), а также растительной и животной форм жизни (биология).

Глава 17

Наукометрический подход в психологии

Введение

Современная психология характеризуется активным использованием компьютерных, цифровых и виртуальных методов в проведении теоретических и эмпирических исследований. Это свидетельствует о новом этапе в построении теоретико-методологического аппарата психологии: у исследователей появился доступ к новым материалам (большим данным, активности в Интернете, поисковым запросам, социальным сетям и др., цифровым объектам – фото, аудио, видео), обработка и анализ которых требует соответствующего инструментария. Объектом исследования выступают психологические явления, возникающие в новой виртуальной среде. Другим направлением вовлеченности психологии в цифровые исследования является ее обращенность на саму себя: расширились возможности ознакомления с большим количеством не только современных публикаций, но и работ, написанных в предыдущие исторические периоды, что позволяет анализировать актуальные тенденции в исследованиях, а также динамику развития различных психологических проблем и научных направлений.

Последняя характеристика современной психологии связана с распространением наукометрического подхода – применением в широком смысле количественных методов для изучения показателей научно-исследовательской (чаще всего публикационной) активности авторов, организаций, изданий и др. Схожие методы использовались и раньше (Налимов, Мульченко, 1969; Хайтун, 1983), однако на текущем этапе развития науки, в частности, психологии, изменились концептуальные основания обработки информации и взаимодействия с ней, поэтому стоит говорить о новом витке развития наукометрии и формировании наукометрического подхода в психологии в условиях информатизации общества и цифровизации науки (Нестик, 2017).

Наукометрические исследования широко распространяются в виде констатирующего анализа актуального состояния определенной отрасли психологии. Кроме того, в связи с различными социальными и экономическими переменами в мире последних лет наукометрия становится еще и инструментом получения самых последних тенденций в общественно значимых вопросах – пандемии

(Слепко, 2021б), цифровой экономики (Бабкин, Алексеева, 2019) и др. В дополнение к этому современными исследователями был обнаружен и историко-научный потенциал наукометрии: накопление информации, аккумуляция публикаций, создание журнальных баз данных (публикационного пространства) позволяют обращаться к истории развития определенных психологических отраслей, направлений и проблем. Наконец, будучи междисциплинарной областью исследования (Грановский и др., 2014), наукометрия (в ее библиометрическом разделе) направлена на внутренний (частотный, содержательный контент и др.) анализ текстов и взаимодействует с корпусной лингвистикой.

Таким образом, наукометрический подход является актуальным направлением развития современных психологических исследований, перспективы использования которого будут представлены ниже.

История развития наукометрического подхода

Об истории возникновения и становления наукометрии в целом как научной дисциплины и метода написано достаточно много работ. Выделяется несколько этапов в развитии наукометрии: по форме фиксации результатов научной деятельности – систематическая публикация работ и указателей (1696–1955), создание индексов цитирования работ Ю. Гарфилдом (1955–1990), комплексный анализ результатов научной деятельности (публикаций) с помощью онлайн-сервисов научного цитирования (1990–настоящее время) (Солодкин, 2013); по содержанию наукометрических исследований – изучение количественного состава ученых Ф. Гальтоном в Великобритании, А. Декандолом в Парижской, Лондонской и Берлинской академиях наук и Дж. Кеттелом в США в конце XIX–начале XX в.; изучение библиометрических показателей (количества) публикаций Американской психологической ассоциации Э. Бучнером на рубеже XIX–XX вв.; ведение научной статистики (данные по лабораториям, ученым степеням, стипендиям и грантам, сообществам, НИОКР) в США в 1920–1940-е годы; введение «индикаторов науки» в США в 1970-е годы и др. (Осипов, Климовицкий, 2023).

Кроме того, развитие наукометрии связывается с разработкой науковедения (Маркусова, 2021): будучи инструментом фиксации и количественного анализа научных публикаций, наукометрия отражает состояние, содержание и структуру различных отраслей, областей и направлений научных исследований (Дж. Д. Бернал, Г. М. Добров, Д. П. Прайс и др.).

Традиционно наибольшее внимание уделяют формированию наукометрического подхода за рубежом, отмечая среди отечественных лишь работы В. В. Налимова и З. М. Мульченко, С. Д. Хайтуна как ведущих в становлении советской наукометрии (Налимов, Мульченко, 1969; Хайтун, 1983). По нашему мнению, необходимо подробнее рассмотреть публикации отечественных авторов, в которых разрабатывались не только методология и методика наукометрии, но и формулировались содержательные проблемы, выделялись объекты и предметы исследования.

Одними из первых значимых работ стали публикации В. В. Налимова и З. М. Мульченко, посвященные обоснованию наукометрии как раздела на-

уководения, введению некоторых показателей и направлений наукометрического анализа (количества и динамики публикаций, статистического анализа их содержания, анализа журналов как каналов связи, изучения языка публикаций, определения системы библиографических ссылок и др.) как совокупности способов «переработки научной информации» (Мульченко, Налимов, 1967; Налимов, Мульченко, 1969, с. 9), разработке методов «изучения развития науки как информационного процесса» (Налимов, Мульченко, 1969, с. 12) и развитию исследований информационных потоков в науке (Налимов, Мульченко, 1969, с. 12). Кроме этого термина, предлагались и другие обозначения подхода к измерению и оценке продукции, в том числе и научной, — библиография (Алексеев, 1971), информатика (Налимов, Мульченко, 1969), библиометрия (Лазарев, 1991) и др.

Выделенные В. В. Налимовым и З. М. Мульченко направления наукометрии в дальнейшем активно развивались: среди них анализ состояния определенной научной области или проблемы по количеству и содержанию публикаций (Дорошенко, 1978; Дубынина, Садовская, 1989; Миркин и др., 1980; Червинский, 1975); рассмотрение библиографических научных ссылок (Васильев, 1967; Кара-Мурза, 1981) как интеллектуального пространства, в котором создавалась публикация (Налимов, Мульченко, 1969, с. 16–17), и индикатора развития науки (Маршакова, 1988); рассмотрение аспектов распространения публикаций через журналы (Грановский и др., 1974).

Предлагались и новые вопросы наукометрического исследования: изучения авторского состава публикаций, в частности соавторства (Зусьман, 1988) и научных связей (Грановский, 1980); вклада ученого по наукометрическим данным (Тютюнник и др., 1986); рассмотрения обращений к документам как наукометрического показателя (как прообраза современных альтметрик) (Лазарев, 1989). Кроме того, переосмыслилась и ранняя (идущая от Ф. Гальтона, А. Декандоля и др.) проблематика измерения состава научных организаций (Красильников, 1987).

Таким образом, в 1970–1980-е годы наукометрия существовала как полноценное направление исследований. Выходили в свет тематические издания (монографии, сборники научных трудов, статьи) как номинативный индикатор развития научной области, разрабатывался широкий спектр проблем в философских, социальных и естественно-научных дисциплинах. В 1990-е и 2000-е годы наукометрический подход, как представляется, в некоторой степени потерял популярность и востребованность у авторов (Пенькова, Тютюнник, 2001), в это время развивались конкретные вопросы наукометрического анализа серийных изданий (Федотова, Тютюнник, 1995), научных школ (Зусьман, Захарчук, 2000), оценки вклада России в мировую науку (Маршакова-Шайкевич, 1995). И только в 2010-е годы возникла новая волна наукометрических исследований (Гордукалова, 2014; Орлов, 2013), в том числе по причинам активного внедрения информационных технологий в науку, распространения наукометрических баз и показателей при оценке научно-исследовательской деятельности, что было обусловлено академическими реформами (Гуськов, 2015).

Отдельно стоит рассмотреть *развитие наукометрических исследований в психологии*. Предшествующими наукометрическим исследованиям в психологии

являлись работы библиографического характера. Например, Н. А. Рыбников в 1950-е годы занимался изучением количества вышедших психологических работ в XIX—начале XX в., а также обращал внимание на значимость составления указателей изданий и статей, которые распространяют информацию о вышедших изданиях, в том числе дают представление об их количественном распределении в разные годы (Рыбников, 1956). В период активного развития наукометрии в философии и естественных науках (1970—1980-е годы) публикаций с наукометрическим и библиометрическим анализом проблем и направлений в советской психологии было относительно мало. Близкими по подходу являлись статьи, анализировавшие распределение работ по отдельным психологическим направлениям (Умрюхин, 1976), проблематику диссертационных исследований (Бодалев, Мельников, 1982) и тематику публикаций в смежных областях, где обсуждались психологические вопросы (например, приводились сведения о количестве и содержании психологических работ в области общественных наук — Алексеев, 1971, библиотековедения — Хромченко, 1990; и др.). Вероятно, одними из первых собственно наукометрических работ по психологии были публикации В. М. Лившица и Н. В. Крыловой, посвященные анализу статей в «Психологическом журнале» за 10 лет его существования (Лившиц, Крылова, 1990) и сравнительному анализу статей в «Психологическом журнале» и «Вопросах психологии» за 1981—1990 гг. (Лившиц, 1991). Это были полноценные исследования количества статей по различным тематикам, авторскому составу (по ученым степеням, организациям), частотам авторов, цитированиям публикаций и авторов в «Психологическом журнале» и «Вопросах психологии» и др.

В постсоветское время (1990-е годы) наукометрическими исследованиями в области психологии занимались специалисты из смежных областей: в целом при оценке тенденций публикаций по социальным наукам (Маршакова-Шайкевич, 1996), в библиотековедении (Борисова, 1996) и др. Одними из немногих самостоятельных наукометрических исследований по психологии были статьи В. В. Налимова и Ж. А. Дрогалиной о развитии трансперсональной психологии за рубежом (Налимов, Дрогалина, 1992) и Н. Ф. Котова о некоторых показателях диссертаций по психологии (Котов, 1992).

Уже в 2000-е годы проблематика наукометрии и в целом количественных методов стала формироваться, прежде всего, в *истории психологии* (Аншакова, 2005; Зверева, Носкова, 2007; Иванова, 2005; Колышкина, Олейник, 2002; Кольцова, 2006; Кольцова, Шишлова, 2002) при анализе содержания диссертационных исследований (Фельдштейн, 2008), в рамках определения тенденций изучения различных проблем социальной психологии (Сидоренков, 2005), при составлении типологии словарей по психологии (Жучкова, 2008) и др.

На современном этапе развития психологии в 2010-е годы наукометрия и библиометрия еще активнее стали использоваться в различных отраслях психологии (Батыршина, Мазиллов, 2016; Евдокимов и др., 2013; Елисеева, Олейник, 2019; Рубцов и др., 2019; и др.), в том числе признавалась самостоятельность этого подхода путем прямого его обозначения в названиях статей («наукометрический анализ», «наукометрический подход» и др.).

С начала 2020-х годов акцент вновь делается на применении наукометрического метода в историко-психологических исследованиях (Анцупов и др., 2020; Белопольский и др., 2022, 2023; Костригин, Хусяинов, 2020; Олейник, Елисева, 2022), проводятся дискуссии по вопросам возможностей и ограничений наукометрии в психологии (Елисева, 2021; Мазиллов, Слепко, 2021в; Фролова, 2022), формулируются выводы о теоретико-методологических тенденциях в психологии на основе наукометрических показателей (Журавлев и др., 2023; Слепко, 2021в).

Кроме того, параллельно с наукометрическим появлялись и другие подходы, которые либо не «прижились», либо вошли в наукометрическое направление в рамках психологии. Наиболее ярким из них является подход цифровой гуманитаристики (Digital Humanities), который предлагал, вероятно, те же методы количественного исследования научных публикаций, однако с учетом нового взгляда — перехода к новой цифровой онтологии (в том числе различию аналогового/печатного и цифрового документа), созданию баз данных, разработке методов цифрового анализа и др. (Костригин, 2017; A Companion..., 2004). Значительного развития в настоящее время это направление в психологии не получило, но широко распространено в исторической науке, философии, искусстве и др.

Рассмотрение процесса развития наукометрического подхода в российской науке в целом и психологии в частности показывает неоднородность ее востребованности и разработки в различные исторические периоды, недостаточную распространенность в большинстве отраслей психологии, узкий интерес среди историков и методологов психологии, несмотря на то, что данный подход, по нашему мнению, имеет значимый общенаучный характер.

Принципы наукометрического подхода в психологии

Описанное во введении общее определение наукометрии необходимо конкретизировать. Будучи частью науковедения, наукометрия является количественным измерением (в идеале — в интервальной и пропорциональной шкалах) научной деятельности таким образом, чтобы оно осуществлялось достаточно унифицированной методикой/метрикой (для последующего сравнения с другими измерениями) и было воспроизводимо (Хайтун, 1983, с. 13–15). С помощью количественного измерения определяются наукометрические индикаторы, на основе которых можно делать выводы о тенденциях и закономерностях в развитии науки. Индикаторами выступают «число журналов, число организаций, число премий, число ученых, число соавторств, число научных продуктов (публикаций, книг, научных отчетов, патентов и т. д.), число ссылок, число „символов“ <...> число терминов <...> число „сленговых слов“» (Хайтун, 1989, с. 34), а также некоторые современные — цитирование, импакт-фактор, индекс Хирша, альтметрики и др. Сами индикаторы еще не сообщают какое-либо заключение об объекте. Они связываются с латентными переменными (например, научного вклада ученого, влияния публикации и др.), которые в реальности не наблюдаемы, но о которых исследователь (познающий субъект) может судить по наукометрическим индикаторам (Хайтун, 1983, с. 17). Таким образом,

для наукометрического измерения необходима разработка системы латентных научных переменных и их операциональных индикаторов, на основе которых можно определять состояние развития науки.

Необходимо сказать о том, что оценивание научной деятельности может проводиться также с помощью качественного измерения (в номинативной и порядковой шкалах): это случаи экспертного и аналитического (метааналитического) исследования состояния разработки научной отрасли, направления, проблемы, вклада ученого, которое осуществляется на основе хотя и авторитетных и рациональных, но все же субъективных суждений исследователя. В некотором смысле такие исследования также могут быть введены в науковедение, однако они не обладают устойчивыми признаками наличия унифицированной методики анализа и воспроизводимости. Несмотря на эти ограничения, работ с качественным анализом тенденций различных научных направлений на порядки выше, чем количественных. Это можно объяснить большей доступностью проведения такого анализа и авторским (неунифицированным, субъективным, более гибким) мнением по поставленной проблеме.

Наукометрические исследования направлены на изучение таких явлений и объектов, функционирование которых является более сложным, чем природных. С. Д. Хайтун обозначил их социальными, а к их характеристикам отнес многофакторность, субъективность результатов измерения, негауссовость распределения данных, трудность применения математических формул (Хайтун, 1983, с. 20–32). Ю. В. Грановский охарактеризовал науку в целом «как сложную, диффузную систему, состояние которой зависит от самых разнообразных факторов. Наука как система отличается взаимосвязью элементов, иерархичностью и неоднородностью структуры, нелинейностью и асимметричностью характеристик» (Грановский, 1980, с. 6). Научная деятельность и ее результаты как объекты наукометрии являются социальными и сложными, что требует особого подхода к их изучению: признание специфичности научных феноменов по сравнению с естественными, присутствие случайных и вероятностных характеристик их поведения (и закономерностей), создание совокупностей индикаторов для более репрезентативного отражения их функционирования и др.

Кроме того, подчеркивается такая особенность наукометрического изучения научной деятельности, как перенос акцента с его объектных аспектов на субъектные. «Необходимо развивать у исследователей науки менее объектное мышление, т. е. способность рефлексировать на субъект познания, вычленять его из результатов измерения» (Хайтун, 1983, с. 34). Эта направленность наукометрии, вероятно, может снимать одно из самых распространенных критических замечаний относительно объективизации изучения научной деятельности ученого и тенденций развития научного направления, смещения взгляда с содержания научного знания на «сухие» показатели (Орлов, 2013). Как представляется, такие характеристики наукометрии, как объединение индикаторов вокруг научной переменной (выделяемого не объектным, а субъектным способом), учет многофакторности явлений научной деятельности, ее творческого характера (Хайтун, 1983, с. 35), наконец, направленности на анализ субъекта познания и не объектных результатов его деятельности, свидетельствуют о максимально возможной

ориентированности наукометрии не просто на фиксацию показателей, а на интерпретацию сложного содержания научной деятельности.

Описанные выше характеристики реализации наукометрического исследования являются традиционными, огни были сформулированы классиками наукометрии еще в советское время. По нашему мнению, эти позиции остаются актуальными и сегодня, но многие из данных положений и индикаторов в настоящее время либо забыты, либо ошибочно считаются устаревшими. Так как в данной статье не ставится задача специального историко-научного и реконструктивного анализа наукометрических процедур, отметим лишь то, что, по нашему мнению, является причиной такого разрыва и слабой преемственности (это нами было также обозначено при кратком историческом обзоре наукометрических работ 1990–2000-х годов) прошлых достижений отечественной наукометрии является достаточно резкий переход к информационным технологиям, который произошел в России на рубеже XX–XXI вв. Таким образом, советские разработки сейчас кажутся в некоторой степени вторичными, предлагающими расчет наукометрических показателей «вручную», в то время как в последние годы исследователи активно используют автоматизированные инструменты сбора наукометрических данных и определения различных показателей (системы Web of Science, Scopus и РИНЦ предоставляют уже готовые диаграммы, графики, количественные значения различных показателей публикационной активности). В этом заключается современный этап развития наукометрии – она осуществляется с помощью информационных технологий и онлайн-ресурсов. Несмотря на то, что само по себе создание наукометрии относилось к информационному подходу в изучении науки (Налимов, Мульченко, 1969), именно современную эпоху можно обозначить подлинно информационной, так как информационные технологии и системы перешли от концептуального (гносеологического) оформления («вся наука – это информация») к практической (онтологической) реализации («все есть информация», большинство сфер человеческой жизни информатизированы, цифровизированы). Это серьезный шаг вперед, в том числе и для наукометрии, поэтому стоит признать решающую роль Интернета и информационных баз данных в распространении наукометрического способа мышления и оценки науки, а использование именно информационных ресурсов и автоматически рассчитанных индикаторов – обязательным элементом современных наукометрических исследований.

От содержания наукометрического подхода перейдем к его задачам и функциям. *Задачи* наукометрии можно разделить на констатирующие и прогнозирующие. *Констатирующий характер* наукометрических исследований раскрывается в определении актуального состояния науки (например, «прослеживание отдельных научных направлений, анализ процессов проникновения новых методов в различные области науки, оценка эффективности исследований», – Грановский, 1980, с. 5). Выявление текущего положения дел позволяет увидеть проблемы развития науки (кадрового, издательского, методологического характера) и направить материально-технические, социальные и психологические ресурсы на решение этих вопросов. *Задача прогнозирования* развития науки заключается в выявлении тенденций и закономерностей становления различных отраслей

научного знания (Калачихин, 2020; Маршакова, 1988; Месропян, Овсянников, 2014; Хайтун, 1983, с. 198–205) и их переносе на процесс формирования других научных областей. Однако данная задача затрудняется многофакторностью развития не только науки в целом, но и конкретных наук, а также социальной природой научной деятельности и знания. Таким образом, наукометрия, учитывающая сложность научных феноменов, может выступить инструментом фундаментального развития науки.

Дополнительно можно выделить *функции* наукометрии – историко-научную, рефлексирующую (методологической рефлексии), коммуникативную, психологическую. Несмотря на то, что основной задачей наукометрического исследования является измерение текущего состояния науки, дополнительно также изучается разработка научных направлений и проблем в предыдущие исторические эпохи. Показатели количества работ по конкретной проблеме используются для определения истоков появления и развития термина, метода или подхода (см., например: Грановский, 1980, с. 16; Маршакова-Шайкевич, 1996; Налимов, Мульченко, 1969, с. 31–32; Хайтун, 1983, с. 228–229). Поэтому в последние годы появилось достаточно большое количество работ по *истории психологии*, в которых применялся наукометрический подход (Анцупов и др., 2020; Аншакова, 2005; Белопольский и др., 2022; Евдокимов и др., 2013; Елисеева, Олейник, 2019; Иванова, 2005; Кольцова, 2006; Лившиц, 1991; и др.). Можно утверждать, что в российской психологии специальное развитие наукометрия получила именно благодаря историко-психологическим исследованиям. Как представляется, анализ наукометрических индикаторов публикационной активности является удобным и объективным способом определения места ученого, проблемы, направления, отрасли в психологической науке конкретного периода. Кроме того, сами публикации констатирующего характера о количестве и содержании работ по узкой проблематике настоящего времени (Зуев, Нестик, 2018; Кузнецова, Хахутадзе, 2019; Моргун, 2022; Фёдоров, 2019) в будущем станут историко-научными, «свидетельствами» о положении дел в науке этого времени.

Функция рефлексии выражается в фиксации теоретико-методологических трендов в различных психологических отраслях – по упоминаниям терминов, методов, подходов, персоналий и др. Сама наукометрия (и науковедение в целом) выступает способом «самопознания» науки (Писляков, 2021; Фролова, 2017), причем в его объективизированном варианте – через наукометрические индикаторы и количественные данные, анализ которых выявляет теоретические и методологические проблемы. Двойной рефлексией выступает анализ собственно методологических работ с помощью «рефлексирующих» наукометрических индикаторов (Дубынина, Садовская, 1989; Костригин, Журавлев, 2022).

Коммуникативная функция наукометрии состоит в анализе цитирований как показателей научной коммуникации. В советский период это было перспективным направлением наукометрических исследований (Кара-Мурза, 1981), так как при непосредственном подсчете ссылок было видно их содержание; в настоящее время цитирования в основном рассматриваются либо совсем обезличенно (просто показатели цитирований), либо только по предоставляемым наукометрическими системами параметрам (цитирования по отраслям наук, типам

изданий, разным странам и др.). Как представляется, перспективой коммуникативного вектора наукометрических исследований является возвращение процедуры извлечения различных групп ссылок из общей совокупности — по авторам, организациям, темам, периодам и др.

Среди основных функций можно обозначить еще одну — *психологическую*. Некоторые авторы отмечали роль наукометрии в выявлении психологических факторов научной деятельности: на социально-психологическом и межличностном уровнях наукометрия определяет структуру научных коллективов и организаций (через сеть связей между текстами ученых, подразделений и др.) (Хайтун, 1983, с. 201), систему научных отношений между учеными (через анализ модально-оценочных суждений в текстах) (Максимов, 1973); на личностном уровне — структуру тематики исследований (через контент- и лингвистический анализ текстов ученого), типологию ученых (через факторизацию различных групп наукометрических индикаторов) (Хайтун, 1983, с. 202–203) и др.

Обращаясь к методической части наукометрического подхода, рассмотрим соотношение обозначений наукометрии, которые в настоящее время смешиваются и приобретают новое значение в условиях активного распространения информационных баз данных и количественных науковедческих исследований. Принято выделять два основных *метода*: *собственно наукометрический* метод является частью науковедения и заключается в исследовании развития научного знания (в самом широком смысле этого слова) через количественный анализ различных аспектов научно-исследовательской деятельности, объектом исследования выступают информационные потоки, зафиксированные в продуктах научной деятельности (публикациях, отчетах, патентах и др.) (Дадалко, Дадалко, 2020); *библиометрический* метод направлен на анализ библиографической информации, с его помощью проводят различные процедуры обработки текстов, объектом исследования являются документы (Гордукалова, 2014). Основным различием собственно наукометрического и библиометрического методов является то, что наукометрия направлена на анализ именно научной информации, в то время как библиометрия может обращаться не только к научным, но и к художественным и публицистическим документам и текстам. Кроме того, часто к наукометрии относят анализ цитирований (которые связаны с информационными системами, базами данных; при этом отметим, что до появления цифровых журнальных баз данных анализ цитирований/ссылок относился к библиометрии), структуры научных направлений по публикациям, вклада ученого в разработку определенной отрасли или проблемы; библиометрия, в свою очередь, взаимодействует с корпусной лингвистикой.

Несмотря на то, что существуют разные точки зрения на соотношение этих методов (от их отождествления до полного противопоставления), по нашему мнению, их можно объединить именно в рамках *наукометрического подхода*: в библиометрии центральной задачей является изучение научного знания (например, научных публикаций автора, коллектива, организации, отрасли), осуществляется анализ формальной (количества публикаций и их динамики, количества авторов и др.) и содержательной (частоты слов и других показателей при количественной обработке текста) стороны публикаций как продуктов научного

знания, а собственно наукометрия (в узком смысле) вводит их в научный контекст (определяется место в структуре научных направлений, востребованность у других специалистов и др.). Таким образом, собственно наукометрия и библиометрия могут соединяться вокруг научного объекта и образовывать качественно новый подход. Кроме того, как считал С. Д. Хайтун, наукометрические индикаторы в большинстве случаев определяются на основе научных текстов (Хайтун, 1989, с. 33–34), таким образом, собственно наукометрия в современном ее виде и библиометрия сходятся в объекте научного текста.

В качестве обобщения представим принципы наукометрического подхода в психологии. Прежде всего отметим специфику наукометрии: она раскрывается преимущественно в психологической направленности исследователей при анализе научной деятельности, научного творчества, психологических (личностных, групповых, культурных) факторов науки и интерпретации наукометрических индикаторов. Собственно науковедение включает в себя психологию науки, ее развитию были посвящены работы выдающихся методологов науки и психологии – Б. М. Кедрова, К. К. Платонова, Я. А. Пономарева, М. Г. Ярошевского и др. Другой отличительной характеристикой применения наукометрии в психологии является возможность перехода от количественных показателей к социально-историческим (психолого-историческим) феноменам (Зуев, 2022; Холондович, 2020): данные о публикациях, кадрах, организациях, экономических и социальных процессах могут быть проинтерпретированы как социально-исторический и социокультурный контекст существования науки и научно-исследовательской деятельности ученого. Третьей особенностью выступает то, что наукометрические индикаторы потенциально можно применить к прикладной деятельности – психодиагностической, консультативной, тренинговой и др. Хотя последние не являются видами сугубо научной деятельности, они могут содержать в себе научную информацию о том, какие психодиагностические методы используются в практике (тесты и опросники являются результатами научной деятельности), каких психотерапевтических подходов придерживаются в консультировании и др. Через оценку документов психологической работы возможно отследить связи между исследовательской и практической психологией (Взаимоотношения исследовательской..., 2015).

По результатам теоретического анализа отечественных советских и современных российских работ можно выделить *основные принципы наукометрического подхода в психологии*:

- *Принцип измеряемости и использования количественных индикаторов.* Базовый перечень индикаторов широко представлен в журнальных базах данных. Дополнительно к этому можно разрабатывать и собственные индикаторы, комбинируя различные данные. Таких показателей достаточно много представлено в основных работах по наукометрии (Налимов, Мульченко, 1969; Хайтун, 1983). Возможно также использовать вторичные методы статической обработки данных, картирования и др. (Руководство по наукометрии..., 2014). Хотя наукометрический подход оперирует количественными данными, сегодня развиваются и качественные методы анализа текстов, которые по-

тенциально могли бы войти в состав наукометрических индикаторов и стать унифицированными (Практики анализа..., 2023).

- *Принцип системности.* Согласно Б. Ф. Ломову, системный подход в психологии включает в себя анализ объекта с позиций многоплановости, многомерности, многоуровневости, многопорядковости, сложной детерминации (Ломов, 1984). Учитывая сложность научной деятельности, необходимо признавать системность и многофакторность процесса развития психологического знания. Как представляется, наукометрические индикаторы (с учетом качественных) имеют потенциал всестороннего анализа научных феноменов и фиксации их различных аспектов.
- *Принцип субъектной ориентированности.* Так как субъектом научной деятельности является индивидуальный исследователь, научный коллектив или организация, а научная деятельность носит творческий характер, то ведущим фактором науки можно признать субъектный. Большинство наукометрических индикаторов относятся к субъектам науки (количество публикаций *авторов, лабораторий/научных коллективов, организаций; цитирования исследователями, организациями*). Безусловно, существуют и «обезличенные» показатели становления научных проблем и отраслей (количество публикаций по определенной теме, в рамках конкретной научной области и др.), но, как представляется, в итоге при описании выборки материалов и результатов их анализа всегда можно определить субъектов научной разработки (например, рассмотрение индикаторов развития психологических вопросов совокупностью авторов, объединенных одной научной школой, организацией, страной, а также сравнение показателей публикаций по принадлежности к школе, организации, стране и др.).
- *Принцип историчности.* Как было отмечено выше, каждое наукометрическое исследование либо по цели является историко-научным, либо с течением времени будет относиться к истории данной науки. Кроме того, опираясь на методологию истории психологии (Кольцова, 2008), можно ввести категории наукометрических исследований, согласно факторам развития психологического знания, выделяя тот или иной аспект научного процесса: социально-исторические (изучение социальных, экономических, организационных, кадровых показателей научной деятельности), логико-научные (исследование структуры, содержания, тематики работ по определенной проблеме, направлению, отрасли) и личностные (определение авторского состава, направлений творчества отдельного ученого или научного коллектива). Выбирая одно из этих направлений наукометрического анализа, автор сближается с процедурой историко-психологического исследования. Еще более выраженным историко-научным характером могут обладать индикаторы цитирований: через цитирование исследователь определяет не только интерес авторов анализируемых работ, но и их историко-научную преемственность (особенно, если это ссылки на работы ученых прошлых исторических периодов).
- *Принцип методологической ориентированности.* Определяя структуру исследований в науке или научной области в конкретный период, наукометрия

- уже совершает методологический анализ состояния разработки научных проблем, поэтому авторам необходимо с самого начала осознавать теоретико-методологическую и рефлексивную направленность своей работы. Как представляется, использование наукометрического подхода может выступить оригинальным подразделом современной методологии психологии, осуществляющим методологический анализ на основе наукометрических индикаторов и объективно фиксирующим тенденции развития психологии.
- *Принцип методической открытости.* Проведенный анализ работ советского, постсоветского и современного российского периодов показал, что наукометрия часто смешивается с другими количественными методами изучения публикаций, текстов и информации. В настоящее время все чаще объединяются методики наукометрии, библиометрии, информетрии, цифровой гуманитаристики, корпусной лингвистики и др. Если и не совершать радикального признания всех возможных форм количественного анализа научной деятельности наукометрическими, то продуктивной представляется открытость для использования инструментария смежных научных областей. Это также можно обозначить методической междисциплинарностью.

Перечень, формулировки, методологическое и методическое содержание принципов наукометрического подхода могут быть в дальнейшем дополнены в ходе все большего распространения наукометрических исследований в психологии. Применение наукометрии в нашей стране имеет более чем 50-летнюю (а по другим критериям – более длительную) историю; в новейший исторический период это направление науковедения переживает своеобразный «ренессанс» в условиях активного внедрения информационных ресурсов и инструментов анализа данных. Наполнение наукометрического подхода будет изменяться, в том числе по причине его использования при исследовании различных наукометрических объектов (единиц) в психологии, которые будут рассмотрены ниже.

Наукометрические исследования различных научных единиц в психологии

Наукометрия применяется к измеряемым составляющим (компонентам) научной деятельности, которые становятся объектами количественного исследования. Перечень объектов наукометрического исследования можно определять по различным основаниям. Рассматривая науку как информационный процесс, В. В. Налимов и З. М. Мульченко выделяли объекты исследования как относящиеся к информационным механизмам распространения научной информации: публикации как носители информации, журналы как каналы связи, язык (сленговые слова, термины) как система кодирования, библиографические ссылки как специфический язык научной информации и интеллектуальная атмосфера создания публикации (Налимов, Мульченко, 1969, с. 13–16).

Другой подход к классификации наукометрических объектов основывается на их принадлежности к индикаторам. С. Д. Хайтун показал через эти индикаторы и структуру науки, базирующуюся на единицах научных текстов: «Наукометрические индикаторы различаются „дробностью“, т. е. величиной той части массива публикаций, которой соответствует единица данного индикато-

ра. В порядке возрастания „дробности“ наукометрические индикаторы располагаются примерно так: число научных направлений, журналов, организаций, ученых, публикаций, ссылок, сленговых слов. В самом деле, научное направление представлено обычно несколькими журналами, один журнал, как правило, приходится на несколько научных организаций, научная организация состоит из ученых, ученый имеет несколько публикаций, на одну публикацию приходится в среднем несколько (порядка 14) ссылок, на одну публикацию приходится в среднем порядка 1 тыс. сленговых слов» (Хайтун, 1983, с. 36–37).

Используется также условно эмпирический подход, в рамках которого в качестве базовых индикаторов анализируются те, которые стандартно представлены в базах данных РИНЦ, Scopus, Web of Science и др. (Писляков, 2014): метаданные, аннотации, ключевые слова, тематика (рубрика), организации, библиографические ссылки, язык документа, названия издательства и др.

По нашему мнению, можно предложить в качестве объектов наукометрического исследования *научные единицы* (Тронин, Фирулина, 2017) и обосновать *комплексный* подход к их классификации: единицами являются *субъекты* (авторы, исторические персоналии, научные коллективы, школы, подразделения, организации), *продукты* (публикации, издания) и *концепты* (понятия, проблемы, направления, отрасли) научной деятельности. Как представляется, в этом случае осуществляется учет всех основных аспектов и факторов развития науки, а также присутствуют все ее функциональные элементы — субъекты производят результаты научной деятельности, публикации и издания их распространяют, а понятия, проблемы, направления и отрасли их аккумулируют и структурируют. Индикаторы в таком случае не являются объектами и единицами исследования (как в выше рассмотренных подходах), а выступают методиками, процедурами, технологиями исследования, значениями, которые свидетельствуют о характеристиках научных единиц: количество и динамика, цитирования, частотный анализ слов, лингвистический анализ и другие показатели могут рассчитываться по отношению ко всем единицам — субъектам, продуктам и концептам.

Такой *комплексный наукометрический подход* предполагает выход за пределы стандартно доступных наукометрических индикаторов и переход к разработке новых инструментов, комбинированию нескольких индикаторов или созданию новых для изучения научных единиц. Несмотря на то, что в настоящее время процесс расчета и получения данных по индикаторам достаточно автоматизирован (они просто извлекаются из баз данных), по нашему мнению, его уже недостаточно на текущем этапе развития наукометрии. Совместим здесь подходы наукометрии и цифровой гуманитаристики и приведем направления разработки количественного/цифрового науковедения в целом и истории психологии в частности, предложенные К. Грином: 1) публикация электронных версий текстов по психологии (исторических текстов по психологии) в Интернете (в качестве сырого материала для дальнейшей обработки и анализа) или создание цифровой библиотеки и архива документов; 2) использование существующих баз данных и применение к ним уже существующих аналитических инструментов (компьютерных программ) для выявления и интерпретации различных аспектов данных; 3) создание базы данных для дальнейшего применения к ней ана-

литического инструмента; 4) разработка нового аналитического инструмента, который может быть применен к базе данных (Green, 2016). Таким образом, самостоятельным направлением развития наукометрии может стать создание собственных баз и аналитических инструментов (а следовательно, и индикаторов), в ходе использования которых могут быть выявлены и новые объекты наукометрического анализа.

Рассмотрим перечисленные выше единицы анализа психологической науки на примере существующих исследований.

Субъекты научной деятельности

Изучение наукометрических индикаторов субъектов позволяет определить личностные, межличностные, групповые, социальные аспекты развития науки. Так, на основе индекса Хирша определяются типы современных психологов по их публикационной активности (Юревич, Юревич, 2016); по участию в редакционной коллегии рассматривается влияние авторитетных исследователей на авторский состав и тематику работ молодых ученых (Зуев, 2022); предлагаются персонологические наукометрические показатели оценки значимости научных разработок (Петровский, Андреева, 2018); определяются ведущие исследователи отдельных отраслей психологии (Костригин, Журавлев, 2022; Моргун, 2022; Моргун и др., 2021); рассматриваются возрастные и гендерные характеристики авторов диссертаций по психологии (Анцупов и др., 2020), а также показатели участия научных руководителей в подготовке диссертационных работ (Елисева, Олейник, 2019) и др.

Кроме того, в качестве объекта исследования может выступать историческая персоналия, таким образом, работа перейдет в область истории психологии. Определяется, деятельность каких психологов прошлого наиболее часто исследуется в историко-психологических работах (Чердакова, Костригин, 2017); имена персоналий становятся библиометрическим показателем — ключевыми словами, по которым определяется принадлежность исследования к определенному подходу (Рубцов и др., 2019); выполняется наукометрический анализ публикаций и творчества выдающихся психологов (Зуев, 2020а); проводится оценка востребованности трудов ученых по поисковым системам и наукометрическим базам (Галкина и др., 2022); прослеживается динамика публикационной активности авторов на протяжении длительного периода их работы в одной организации (Белопольский и др., 2022, 2023); анализируется динамика упоминаний персоналий в научной и публицистической литературе как показатель интереса к ней и оценки ее научного вклада (Костригин, Хусяинов, 2020).

Говоря о крупных субъектах (организациях, научно-исследовательских сообществах, школах), отметим работы, рассматривающие динамику публикаций Института психологии РАН (Белопольский и др., 2022, 2023; Костригин, Журавлев, 2022), историко-психологического международного сообщества (Моргун, 2022; Моргун и др., 2021), школы культурно-исторической психологии (Рубцов и др., 2019) и др.

Так как в перечисленных работах используются различные наукометрические индикаторы, в том числе не только из журнальных баз данных, можно

сделать вывод, что на данный момент не выработано единого подхода и набора показателей для оценки публикационной активности субъектов научно-исследовательской деятельности. Однако сложившаяся ситуация на фоне возобновления интереса к наукометрии в психологии свидетельствует о поисковых попытках в этом направлении.

Продукты научной деятельности

Несмотря на то, что при исследовании других наукометрических единиц (субъектов, концептов) анализируются издания, в которых публикуются авторы и распространяется информация о персоналиях, проблемах, отраслях, отдельно проводятся специальные исследования, направленные на расчет показателей различных типов публикаций. Эта единица является промежуточной, переходной относительно субъектов и концептов научной деятельности: с одной стороны, публикации, журналы и издания (монографии, сборники научных трудов) отражают тенденции разработки различных проблем и отраслей психологии, с другой – могут быть площадкой для формирования определенного научно-исследовательского психологического сообщества. При этом можно обозначить и самостоятельность данной единицы наукометрии: журналы и сборники научных трудов в отличие от публикаций отдельных исследователей и больших массивов публикаций в базах обладают специфической коллективностью (статьи в них часто объединены одной тематикой), выполняют коммуникативную функцию (авторы могут иметь организационные, дисциплинарные или межличностные связи друг с другом), характеризуют продукцию уровня научных коллективов, школ, сообществ, организаций, стран, а также других возможных неформальных объединений. Кроме того, можно условно обозначить эти единицы как те, которые выявляют социально-исторические аспекты развития науки (через принадлежность изданий к определенным организациям, а также обусловленность их направленности и содержания социальными, политическими и экономическими условиями функционирования научного сообщества).

В современной литературе определяются особенности разработки различных проблем психологии в ведущих психологических журналах (Мазилов, Слепко, 2020; Сидоренков, 2005; Шведовская, Мешкова, 2016), проводится наукометрическая оценка деятельности отдельного журнала как научно-публикационного пространства и сетевого научного сообщества (Ковалева и др., 2021), обосновываются различные аспекты авторского сотрудничества на базе «Психологического журнала» (Моргун и др., 2022а), осуществляется анализ статей различных сборников научных трудов и серий изданий (Зуев, 2022; Костригин, Журавлев, 2022; Чердакова, Костригин, 2017), анализируются количественные показатели и содержание специального типа публикаций – диссертаций (Евдокимов и др., 2013; Елисеева, Олейник, 2019; Олейник, Елисеева, 2022), оценивается востребованность определенных журналов через анализ цитирований (Ковалева и др., 2021; Моргун и др., 2022б) и альметрик (скачиваний, просмотров) (Шведовская, Мешкова, 2016). К историко-психологическим можно отнести публикации, рассматривающие динамику работ – диссертаций (Анцупов и др., 2020), отдельных

изданий (монографий и сборников научных трудов) определенной организации (Белопольский и др., 2022, 2023) и др.

Анализ количественных индикаторов изданий включает рассмотрение частот авторов и научных терминов. Заметное количество работ на текущем этапе развития наукометрии показывает, что данное направление наукометрических исследований активно формируется в российской психологии и обладает специфическими чертами. На основе выявляемых показателей концептуально переосмысливается место научно-издательской деятельности и роль коллективных изданий (журналов, сборников научных трудов) в развитии науки (Белопольский и др., 2022; Зуев, 2022). Как представляется, ведущим обоснованием статуса этих типов изданий в современной психологии и в ее истории могут стать именно наукометрические индикаторы, с помощью которых можно показать влияние журналов и сборников статей на становление различных проблем, направлений и отраслей психологии.

Концепты научной деятельности

Если авторы и издания представляют внешние составляющие научной деятельности, то проблематика исследований является внутренним и концептуальным элементом науки. Эта группа единиц является самой распространенной в наукометрических исследованиях, во-первых, из-за прямой связи вопросов, проблем, тем работ с содержанием и состоянием психологической науки, а во-вторых, из-за технической ориентированности наукометрических баз на определение именно этих элементов публикаций (ключевые слова, частоты, рубрики, разделы, специальности и др.). В результате анализа проблематики публикаций выявляются логико-научные факторы разработки различных отраслей психологии.

В рамках изучения характеристик разработки различных психологических вопросов исследуются количество, динамика, авторский состав, цитирования, частотные термины: разных традиционных (боевого стресса – Евдокимов и др., 2018, темперамента и характера – Олейник, Елисеева, 2022) и новых (гендера – Кузнецова, Хахутадзе, 2019, пандемии коронавируса – Слепко, 2021б) проблем психологии; направлений методологии психологии (Костригин, Журавлев, 2022), культурно-исторической психологии (Рубцов и др., 2019), постнеклассической и постмодернистской психологии (Фёдоров, 2019, 2021), общего перечня доминирующих в настоящее время направлений психологии (Зуев, Нестик, 2018); отраслей медицинской психологии (Евдокимов и др., 2013), истории психологии (Моргун и др., 2021); понятийного пространства современной психологии (Журавлев и др., 2023; Слепко, 2021а).

Обозначая историко-психологическую ориентацию наукометрии, отметим достаточно большое количество работ такого характера, в которых анализируются проблемы и направления исследований в отечественной дореволюционной и советской психологии (Аншакова, 2005; Артемьева, Синева, 2018; Батыршина, Мазилев, 2016; Зверева, Носкова, 2007; Иванова, 2005; Кольцова, 2006).

Наукометрический анализ концептов научной деятельности показывает преемственность различных психологических концепций в определенный период или при переходе от одного периода к другому, однако в таких работах часто

уделяется недостаточно внимания личностным и социально-историческим факторам развития психологической науки (так как при анализе большого массива публикаций основной акцент делается на тематике). Как и публикационные обзоры современных и исторических работ качественного характера, подобные исследования могут быть некоторым образом оторванными от непосредственного научного процесса, искусственно вычленять определенную проблематику. Как представляется, эта проблема решается комплексным наукометрическим анализом сразу всех трех наукометрических объектов – субъектов, продуктов и концептов (Анцупов и др., 2020; Белопольский и др., 2022, 2023; Евдокимов и др., 2018; Костригин, Журавлев, 2022; Моргун, 2022; Моргун и др., 2022а; и др.).

Завершая рассмотрение направлений наукометрических исследований, отметим, что обоснование системы наукометрических единиц в психологии, в частности, направлено на решение методологического вопроса о структуре психологии как науки. Таким образом, различные варианты наукометрического подхода (включающего систему единиц наукометрического и науковедческого анализа) могут вступать в дискуссию с другими методологическими подходами в психологии.

Ограничения наукометрического подхода в психологии

Несмотря на перспективность применения наукометрии в науковедении в целом и психологии в частности, существует ряд ограничений самого подхода и отдельных его процедур. Прежде всего необходимо отметить, что до сих пор существует определенное скептическое отношение к распространению наукометрии и количественного анализа публикаций: обсуждается формальный анализ работ без рассмотрения их содержания и концептуального наполнения, обозначаются проблемы оценки научной деятельности и ее редуцирования к публикациям, что порождает «гонку» наукометрических показателей, рынок платных публикаций, приемы «накрутки» показателей (Чеботарев, 2013), ставится под сомнение самостоятельный статус наукометрии (Юревич, 2005б) и др. Эти позиции в основном относятся к личному мнению авторов, социальным и экономическим аспектам научно-исследовательской деятельности, а не к собственно наукометрии как научному подходу.

Существенные ограничения авторами обозначаются применительно к различным компонентам наукометрии. Так, отмечается специфичность наукометрических индикаторов и процедур для гуманитарных, социальных и технических наук (Зуев, 2020б), выделяются ограничения баз данных (платный доступ, некорректное отображение метаданных публикаций, недостаточная представленность публикаций за прошлые исторические периоды) (Малахов, 2022), обосновывается несводимость вклада в науку к количеству публикаций (Зуев, 2020б; Фролова, 2022), критикуется роль индексов цитирования как репрезентативного показателя востребованности работ авторов (Полянин, 2014).

Дополним этот перечень следующими аспектами. Во-первых, основное ограничение заключается в недостаточной методологической разработке наукометрии и оценки науки, особенно в условиях современной цифровизации: не об-

основан самостоятельный статус наукометрии в качестве подхода, чаще всего она рассматривается как метод или набор процедур и показателей; не определено место собственно наукометрии, библиометрии и других количественных процедур в науковедении, что усложняет выбор исследователем методов и индикаторов для наукометрического анализа; не рассмотрено соотношение качественного (идей, концепций, вклада ученого) и количественного (терминов, публикаций, цитирований) в науке.

Во-вторых, отсутствует единая позиция относительно списка и иерархии наукометрических индикаторов: количество публикаций, цитирования, альт-метрики, частота слов, а также другие авторские или произвольно создаваемые ряды понятий все еще не образуют систему показателей (научных переменных, по С. Д. Хайтуну, и единиц) развития научной проблемы, направления, отрасли (*концептов*), вклада авторов, коллективов, школ, организаций (*субъектов*), функционирования журналов, монографий, сборников научных трудов как каналов распространения работ и идей (*продуктов*). Позитивной стороной такого положения дел являются возможности дальнейшего развития наукометрии – не ограничение, а постоянная разработка новых принципов, методов, индикаторов и др.

В-третьих, существует потребность в создании специальных баз публикаций по психологии в целом и истории психологии в частности. В наукометрических базах возможна достаточно ограниченная сортировка по тематике, поэтому в итоге исследователи либо дополнительно проводят отбор публикаций для анализа вручную, либо полностью составляют отдельную выборку (корпус) публикаций, журналов, монографий и сборников статей для проведения наукометрического анализа. Несмотря на активное распространение наукометрических баз данных, перспективой развития наукометрии может стать возникновение средств для самостоятельной разработки базы публикаций под определенную задачу, включая непроиндексированные базами издания и статьи, в том числе вышедшие в прошлые исторические периоды. Кроме того, такой индивидуальный подход к отбору публикаций позволит использовать не только стандартные наукометрические индикаторы, но и применять лингвистический анализ, статистические методы и др.

Таким образом, в условиях существующих ограничений открываются возможности для дальнейшего развития наукометрии, а исследователи становятся независимыми от баз публикаций и стандартных инструментов анализа.

Заключение

Использование наукометрического подхода на современном этапе развития психологии отвечает актуальным тенденциям в организации научных исследований и проведении науковедческого анализа. Было показано, что наукометрические исследования начинают распространяться на все большее количество отраслей и проблем психологии: этот вектор свидетельствует о вовлечении психологической науки в целом и активном участии психологов-исследователей в разработку наукометрии и науковедения (Журавлев, 2019; Носкова, 2018). Кроме использования в отдельных отраслях и проблемах, наукометрия обладает потенциалом

Раздел II

методологического анализа психологии в целом, поэтому выдвинутые положения об осуществлении наукометрического подхода могут претендовать на общенаучный, универсальный статус.

Представленная попытка систематизации методологических аспектов наукометрического подхода может положить начало дальнейшим разработкам в этой области. Возрастающий интерес к наукометрическим данным, базам данных и онлайн-ресурсам, а также трансформация методологии психологии создают основу для внедрения новых идей в традиционные и малодинамичные научные области.

Раздел III

КОНКРЕТНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Глава 18

Динамический подход Л. И. Анцыферовой к психологическому исследованию личности: новые грани проблемы

Исследование проблемы личности в психологии до сих пор не теряет своей научной ценности. Актуальными продолжают оставаться идеи, походы, теории, в которых личность как предмет психологического исследования концептуализируется в соответствии с принципами достоверности и экологической валидности, преемственности в развитии научного знания и его прогностичности.

Несомненно, что рассматриваемый в этой главе подход, относится к числу наиболее продуктивных, поскольку сформулированные в его рамках положения видоизменяют ранее существующие «структурно-статичные» психологические модели личности, в них по-новому раскрывается смысл понятия «динамический».

Научный подход и условия его выделения

Научным подходом принято называть систему связанных между собой идей и положений, методов исследования, обращение к которым способствует появлению нового знания. Когда говорят о том или ином подходе, практически всегда имеют в виду предшествующие ему или сопутствующие оппонентные концепции, взгляды, в соответствии с которыми данная проблема анализируется иначе.

Основанием для оформления нового подхода является недостаточность аргументов, доводов, которые приводит ученый, высказавший свою точку зрения на проблему. В этом случае говорят о появлении *сомнения* в надежности конкретной теории. Известный русский философ В. Ф. Эрн, рассуждая на тему философского сомнения писал, что в любом сомнении (в отличие от скепсиса) можно найти как отрицательные, так и положительные идеи. «Истинная природа философского сомнения заключается в *вечно живом искании такой философии, которая соответствовала бы размерам загадки*. Корень такого сомнения во все более глубоком проникновении в сущность загадки, в растущем удивлении перед противоречиями всего данного, а два ствола такого сомнения — *творчество* положительных взглядов, созидание новых постижений — и идущая рука об руку

критика всех существующих мировоззрений как недостаточно охватывающих мировую загадку...» (Эрн, 1991, с. 63–64).

По мнению В. Ф. Эрн, сомнение следует рассматривать с двух сторон: со стороны его содержания («что?»), которое как раз и включает в себя одновременно и отрицание, и утверждение, и со стороны его «внутренней силы» («как?»). Важно подчеркнуть, что внутренняя сила, или то, как справиться с сомнением, «*внутренне* связано с мыслью», «оно присутствует в самомалейшем *движении* мышления... *имманентно* процессу познания» (там же, 67). Для ученого адекватное сомнение выступает стимулом профессионального развития, одной из движущих сил, способствующих репликации научного знания. При этом применительно к деятельности не только индивидуального, но и коллективного субъекта, которым является сообщество ученых, допустимо использовать понятие «вечное сомнение» в «согласовании „видимого и мыслимого“» (Овчинников, 2001, с. 79).

Сомневаясь в чем-то, ученый, конечно, должен быть хорошо осведомлен о проблеме исследования и степени ее разработанности, уметь корректно формулировать вопросы, выражать свои критические оценки предметно. Размышления на эту тему бывают бесплодны, если они поверхностны, не затрагивают существа вопроса, наивны и в своих формулировках не доведены до уровня теоретического обобщения. «Сомнение как неизбежная составная часть философского размышления есть та сила, которая влечет философа к *трудностям*, к *апоориям*, которая интенсифицирует философское исследование тем, что в самом простом и обычном вскрывает неожиданно сложные наслоения Х'ов [иксов], запутанные переплетения неизвестностей» (Эрн, 1991, с. 68).

Сказанное означает, что слово «подход» можно использовать с большой осторожностью и лишь в тех случаях, когда автор готов привести весомые доказательства в пользу своей концепции, обозначить этапы ее формирования и представить их в виде единой теоретической системы, сравнить свой подход с конкурирующими теориями, т. е. выразить обоснованное *сомнение* хотя бы относительно некоторой части приводимых в них утверждений, обозначить методологические принципы исследования, т. е. показать глубину ее проработки. Сомнение равнозначно тому, что часто, рассуждая о периодах развития науки в целом, называют «взрывом научного творчества» (В. И. Вернадский), противопоставляя эту форму развития знания разрушительной по своей природе «научной революции» (Огурцов, 2001).

Научный подход, с нашей точки зрения, характеризует не только обоснованная критика других точек зрения, но и *преемственность* в развитии знания, которая свидетельствует о непрерывности научного процесса, принципиальной связанности мнений, гипотез, суждений, нормативных правил и требований к проведению научных исследований. В какой-то мере условие преемственности знания связано с предыдущим критерием — сомнением в его истинности. Это, однако, неудивительно, ведь, как отмечалось выше, сомнение одновременно несет в себе и отрицание, и утверждение. В связи с этим преемственность знания мы рассматриваем в контексте такой формы его изменения, когда развитие предполагает сохранение всего самого ценного для получения нового и прогностически более значимого с точки зрения дальнейшего развития фундамен-

тальной науки. «Фиксируя наш взгляд на содержательные изменения, мы можем усмотреть своеобразные скачки в ходе истории и представить их двояким образом: либо выделяя *стадии развития*, в которых исчезает все предшествующее, или усматривая *периоды*, в которых видна *преемственность достигнутого*» (Овчинников, 2001, с. 80; курсив мой. — Н. Х.).

Важнейшим условием состоятельности любой концепции или подхода является доказанность *достоверности*. Мы хотели бы остановиться не на известных критериях достоверности знания (например, внутренней, внешней и других видах валидности данных), а на общефилософском понимании оснований, на которых возникает убеждение в основательности теоретических построений. Н. Ф. Овчинников в статье «Поиски достоверности» (2001) пишет, что такое убеждение должно опираться на *научные принципы*, формулируемые исследователем в ходе его планирования. Ученый утверждает, что принципы ориентируют исследователя в том, как конструировать теоретическое знание, и парадоксальным образом открывают новые, ранее немыслимые возможности. «Поиски достоверности неизбежно ведут нас к тем основоположениям, исходным принципам, на которых строится теоретическая система...». Часто бывает так, что «на основе принятой парадигмы... обращаются к известным принципам, которые в ситуации решения проблемы могут обнаружить неизвестные ранее возможности» (Овчинников, 2001, с. 89). Этот интересный вывод иллюстрируется примером решения Максом Планком классической проблемы теплового излучения на основе принципа непрерывности. При ее решении Планк «был вынужден ввести новую мировую постоянную h », а осмысление им «роли этой постоянной прояснило ее дискретную природу и вместе с тем продемонстрировало действие *принципа инвариантности...*» (там же, с. 89–90; курсив мой. — Н. Х.).

Условий, при которых имеет смысл вести речь о «подходе», совокупности теоретических представлений о части реальности, может быть несколько.

Мы выделили три:

1. Обоснованная *критики* (сомнения) в надежности существующих концепций и подходов о части реальности;
2. Доказательство *преемственности* знания в разработке авторского подхода к проблеме и определение логики (отдельных этапов) в ее изучении;
3. Предоставление данных о *достоверности* нового знания, основанного на формулировке принципов исследования.

Ориентируясь на эти условия, обратимся к исследованиям, проведенным Л. И. Анцыферовой, и проследим историю становления и развития *динамического подхода к психологическому исследованию личности*.

Предыстория разработки динамического подхода

Работы Людмилы Ивановны Анцыферовой хорошо известны в России и за рубежом. В основном это исследования, касающиеся методологии и истории психологии, теоретических вопросов изучения мышления и личности, особенностей психического развития человека на поздних этапах жизни. Уникальность дан-

Раздел III

ных разработок состоит в том, что, начиная с экспериментальных исследований по психологии мышления, которые были проведены под руководством С.Л. Рубинштейна, и заканчивая изучением психологии пожилого человека и психологии мудрости, Анцыферова последовательно формировала свой методолого-теоретический подход к человеку как динамично развивающейся личности. Истоками становления собственной научной позиции в психологии стал рано проявившийся интерес к организации и функционированию человека как субъекта своего мира и своей жизни.

В интервью, опубликованном в «Психологическом журнале» в 2004 г., Л. И. Анцыферова сказала: «Я рано почувствовала свое призвание исследовать, распознавать внутреннюю психическую жизнь человека: мой выбор не был результатом раздумий... всю мою жизнь пронизывало, направляло страстное желание проникнуть в суть личности людей, их переживания, причины поступков. Давно поняв, скорее почувствовав, что люди живут двойной жизнью — для себя и для других, я восприняла положение З. Фрейда и А. Фрейд, К. Юнга, К. Роджерса о стремлении человека окружить себя психологическими защитами, масками, фасадами, как само собой разумеющееся» (Анцыферова, 2004б, с. 88). Важно заметить, что работы этих влиятельных ученых, безусловно, вызывали не только интерес, но и критику, которая оформлялась и вследствие природного дара ученого заниматься научными изысканиями, и как результат активного поиска особой среды, в которой это желание могло бы быть удовлетворено.

В 1956 г. Анцыферова начала работать в секторе психологии Института философии АН СССР, которым руководил С.Л. Рубинштейн. Характеризуя работу сектора, А. Н. Ждан пишет, что теоретико-экспериментальные исследования проводились по четырем направлениям: общая психология (психология личности, познания и сознания), психофизиология, эволюционная психология и история психологии (Ждан, 2010, с. 86). Рубинштейн пригласил для работы в секторе в качестве штатных и внештатных сотрудников таких видных ученых, как Б. Г. Ананьев, С. В. Кравков, Н. Н. Ладыгина-Котс, Г. З. Рогинский, Б. М. Теплов и др. Новое поколение, как пишет Ждан, было представлено аспирантами и молодыми сотрудниками — Е. А. Будиловой, Е. В. Шороховой, Е. Н. Соколовым и др.

Рубинштейн ведет активную научную и научно-организационную, преподавательскую работу, интегрирует деятельность ведущих психологических центров Москвы, Ленинграда, Харькова, активно включает в работу сектора молодых исследователей. В круг обсуждаемых в школе Рубинштейна вопросов входят такие наиболее острые и принципиальные для развития психологии как науки «фундаментальные философско-психологические вопросы, как природа психического и его отношения к бытию в связи с более общей проблемой о месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира, теоретические вопросы ощущений, психологическая теория мышления в связи с языком и речью, проблема личности и путей ее развития, теория сознания...» (там же, с. 87–88).

В этой творческой, по-деловому строгой и одновременно дружелюбной обстановке и формировался научный стиль исследователя, стиль мышления уче-

ного-методолога, ученого-теоретика, ученого-историка, способного под руководством наставников и самостоятельно проводить уникальные эмпирические исследования, в частности, в области психологии мышления.

В вышедшей в 1958 г. книге «О мышлении и путях его исследования» С. Л. Рубинштейн ссылается на работы сотрудников сектора психологии Института философии АН СССР, работы аспирантов и дипломантов философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова: «Эта книга о мышлении непосредственно связана с моей предыдущей книгой „Бытие и сознание“... Начатый в первой книге гносеолого-теоретический анализ мышления продолжается здесь в психолого-экспериментальном плане» (Рубинштейн, 1958, с. 3). Рассматривая мышление как процесс включения объекта «во все новые связи», который вследствие этого «выступает во все новых качествах» (там же, с. 99), Анцыферова, вслед за Рубинштейном большое внимание уделяет таким мыслительным процедурам, как анализ, синтез, обобщение, и тому, как они осуществляются человеком. Опираясь на работы Лайоша Секея, Л. И. Анцыферова отмечает, что изменение *значения проблемной ситуации* происходит благодаря тому, что ранее скрытые, *латентные свойства*, являясь фоновыми, выступают на первый план благодаря активным действиям в проблемной ситуации самого субъекта, который использует приемы анализа и синтеза (Анцыферова, 1960а). Исследователь обращает внимание на моменты перехода испытуемого от одной версии решения задачи к другой и, соответственно, от одного свойства предмета к другому. Показывая, каковы перспективы изучения этого вопроса, Анцыферова констатирует следующее: «Траекторию движения мышления составляют последовательно появляющиеся в „фокусе внимания“ все новые и новые свойства и отношения предметов, которые выступают благодаря включению предметов в новые причинно-следственные связи» (там же, с. 121), и отмечает, что самыми интересными в этом процессе являются точки перехода от одного варианта решения к другому, анализ которых еще предстоит провести в будущем.

Очевидно, что поиск испытуемыми принципа решения задачи, доказательство того, что этот процесс осуществляется осознанно и поэтапно, выступили в данной работе (Анцыферова, 1960а) в качестве главной научной задачи. Развернутый во времени процесс решения задачи, содержательно разные принципы ее анализа, которые открывает для себя испытуемый, погруженный в этот процесс, оказались важной находкой для исследователя. В последующих работах ученого эти данные будут использованы для психологического изучения личности.

Критика основных подходов к исследованию личности

Основой нового направления исследования, нового подхода является осведомленность ученого в степени разработанности проблемы, наличие систематизированных знаний относительно предмета исследования. Об этом мы уже говорили выше. Однако овладение большим объемом информации — недостаточное условие появления нового знания; его репликация становится возможной, если ученый выражает разумное и обоснованное *сомнение* в правильности существу-

ющих концепций, способен адекватно и осмысленно критиковать, не избегает напряженной мыслительной работы.

Для Л. И. Анцыферовой стремление разобраться в интересующих ее проблемах становится специальной профессиональной задачей. Анцыферова вспоминала, что знакомство с оригинальными работами известных ученых, занимавшихся психологическими проблемами мышления, личности, вызывали не только интерес, но и желание получить новую информацию о решении той или иной проблемы, которой при знакомстве с работами выдающихся ученых не хватало. Так, говоря об исследованиях Гордона Олпорта, Анны Фрейд, Анцыферова отмечала, что у нее все время оставались вопросы, касающиеся способности человека не только защищаться от негативных факторов, но и преодолевать их, «строить свою жизнь». «Отыскивая ответы на эти и иные вопросы, я все время мысленно возвращалась к проблеме „внутренних движений“ личностной системы» (Анцыферова, 2004б, с. 91). Размышления на эту тему давали свои плоды, что позволяло исследователю регулярно представлять результаты своей работы в докладах на различных конференциях, излагать в статьях и монографиях.

Хотелось бы специально сказать, что идеи, формулируемые Анцыферовой, всегда были новы. Несмотря на постоянную включенность в актуально обсуждаемую проблематику – будь то системный подход, принцип субъекта, проблема развития личности и др., и на свою осведомленность в существующих «официальных» трактовках этих подходов, суждения Анцыферовой всегда отличались оригинальностью, структурированностью, неконъюнктурностью.

В рамках данной главы нет необходимости проводить анализ всех методолого-теоретических, историко-психологических исследований Анцыферовой. Следует только напомнить, что благодаря ее работам психологи, философы, социологи и ученые других направлений смогли познакомиться с научным творчеством Ж. Полицера, Ж. Пиаже, А. Валлона, П. Жане, К. Левина и многих других выдающихся исследователей.

В отдельных статьях и книгах ученого дается глубокий анализ научных представлений о личности – ее внутренней организации, развитии, психологических защитах, факторах, способствующих и препятствующих личностному росту, раскрываются и многие другие вопросы (см., например: Анцыферова, 1960б, 1970, 2004в; Ярошевский, Анцыферова, 1974).

В публикациях, посвященных Л. И. Анцыферовой, мы подробно рассматривали критические соображения ученого относительно концепции К. Левина, но не останавливались на анализе других работ, посвященных теориям личности (Харламенкова, 2014, 2022а). Не погружаясь в детали критики различных подходов, отметим, что изучение каждой концепции проводилось с большой тщательностью и аккуратностью, строилось на принципах объективности и точности анализа той или иной позиции, мнения, суждения.

Наибольшую критику вызывала тематика, связанная с анализом *структуры личности*, работа над которой, по мнению Анцыферовой, приводила к ложному знанию о личности как о неизменяющемся в своем развитии субъекте (Анцыферова, 1990, с. 7). Критику вызывали и представления исследователей того времени о *динамике*, которая нередко соотносилась с потребностным состоянием

ем личности — его нарастанием и разрядкой. Сомнению подвергается и *процессуальный подход* (У. Джеймс), согласно которому личностные изменения могут быть представлены только в виде некоторой «текучести психических состояний». Высказывая свои критические соображения, Анцыферова с недоумением замечает: «Здесь не ставится вопрос о приобретении „потоком“, „процессом“ нового качества, об их переходе... в новое русло, об истоках новой энергетики», но делается акцент на смене «напряжений и разрядов влечений», движении «переживаний и мыслей» (там же, с. 8).

Критика ученого не ограничивается оценкой теорий, но практически сразу же реализуется в виде ключевого положения авторского подхода к психологическому исследованию личности: «*Динамический подход* в нашем понимании ориентирован на качественное изменение личности, на ее формирование и развитие — прогрессивное или регрессивное, на ее совершенствование или деформацию, на выяснение ее трансформации и стагнации» (там же, с. 8; курсив мой. — Н. Х.).

К критике подходов, которые можно условно назвать, подходами к анализу личности по принципу «статики» и «динамики», следует добавить скептическую оценку Анцыферовой феномена *динамизма личности*, который в основном соотносится с внутренним движением души, с некоторой автономностью личности, изоляцией от социального окружения. Так, исследователь отмечает, что «признавая оригинальность учения Юнга, глубину его анализа душевной жизни человека, нельзя не поражаться тому, как мало внимания он уделяет межличностным связям, эмоционально-насыщенным отношениям между людьми» (Анцыферова, 2000б, с. 19).

Гуманистическое направление в психологии — одно из наиболее близких к пониманию Анцыферовой мира человека — тоже вызвало у нее целый ряд вопросов. Соглашаясь с критикой Гордоном Олпортом принципа гомеостаза в изучении личности, утверждением о непрерывном становлении личности как основной форме ее существования (Анцыферова, 1970, с. 172), Анцыферова считает, что изучению включенности человека в созидательную деятельность уделяется недостаточное внимание. Именно поэтому такой важный для нового и адекватного понимания личности аспект теории Олпорта, как дифференциация мотивов нужды и мотивов роста, разработка проблемы функциональной автономии мотивов, не всегда соотносится с фундаментальной проблемой функционирования личности в процессе ее деятельности и жизнедеятельности.

Интересно заметить, что анализируя различные подходы к изучению личности, Анцыферова ведет незримый диалог не только с автором конкретной концепции, но и с теми, с кем он сам дискутирует. Так, рассматривая теорию А. Маслоу, она обращает внимание на его критические замечания в адрес психоанализа, эволюционной теории Дарвина и других концепций, построенных на принципе конкуренции человека с человеком и принципе гомеостаза. Маслоу подчеркивает важность изучения стремления личности к взаимодействию, рассматривает ее как субъекта, не только редуцирующего напряжение, но и создающего его для реализации своего творческого потенциала. Поддерживая идеи Маслоу, касающиеся самоактуализации личности, разработки проблемы

психического здоровья, Анцыферова выражает сомнение относительно того, что условием полноценного психического развития человека следует считать его «отстраненность, отрешенность от социального окружения» (Анцыферова, 1973, с. 178). Сомнение вызывает и уверенность Маслоу в возможности изменения социальных устоев жизни общества с помощью «психотерапевтического перевоспитания отдельных личностей» (там же, с. 178).

Характеризуя научное творчество Л. И. Анцыферовой, М. И. Воловикова указывает на большой объем научно-организационной работы, которую вела Анцыферова в разные периоды своей профессиональной деятельности, а особенно в те годы, когда занимала должность заведующего сектором философских проблем психологии Института психологии АН СССР (позднее – РАН), а затем и руководителя лаборатории психологии личности того же института. Наряду с занятостью организационными делами Анцыферова постоянно работала над научными проблемами, в решении которых «тема самосовершенствования, самоактуализации, других видов позитивной саморегуляции личности» практически всегда занимала «центральное место» (Воловикова, 2014, с. 19).

Выделяя эту тему как наиболее важную для понимания психологии полноценно функционирующей личности и критически (т. е. с определенной долей сомнения) относясь к зарубежным и отечественным теориям личности, Л. И. Анцыферова уверенно создавала свою теорию.

Преимственность научного знания в творчестве Л. И. Анцыферовой

В качестве *первого условия* развития авторского подхода к научной проблеме мы выделили информированность исследователя в степени ее проработки и способность к адекватной критике (разумному сомнению) в истинности уже существующих интерпретаций.

Вторым условием была названа преимственность знания в разработке авторского подхода к проблеме и определение логики (отдельных этапов) в ее изучении.

Преимственность в исследовании психического в школе С. Л. Рубинштейна наиболее явно прослеживается в работах А. В. Брушлинского и К. А. Абульхановой, однако не нарушается и в исследованиях, выполненных Л. И. Анцыферовой. Преданность ученицы идеям авторитетного и убедительного в своих доказательствах учителя проявилась в верности ряду фундаментальных идей Рубинштейна. Еще раз вернемся к мысли, высказанной нами в самом начале. Анализируя мышление как процесс, Анцыферова усматривала в этой процессуальности движение мысли испытуемого, которое состояло во включении проблемы *во все новые связи и отношения*, в открытии субъектом таких свойств и качеств предмета, которые ранее выступали как латентные.

Представляется, что для переноса этого знания в область психологии личности ученому понадобилось решить целый ряд важных вопросов, касающихся схожего с процессуальностью мышления понимания личностного развития в масштабе жизни, «„движения“ – изменения и развития – самой личности – ее „движения“ в пространстве своего возраста, в пространстве меняющихся социальных норм и предписаний, общественно-историческом процессе, семанти-

ческо-смысловом поле, в ходе участия в общественной истории» (Анцыферова, 1990, с. 7). Часто используемая Анцыферовой фраза о том, что *личность выходит за пределы себя* в своих перспективах, целях и идеалах, в неизвестных ей самой собственных возможностях, заключенных в программах своего природного наследования и социального развития» (там же), имеет глубокий смысл, и кардинально важное значение для развиваемого автором подхода.

Научный подход Анцыферовой к психологическому исследованию личности гармонично наследует идею Рубинштейна, касающуюся психического как процесса — живого, динамичного, изменяющегося. В отношении личности эта идея представляется в качестве изучения *«реального человека»*, который «взаимодействует с реальным миром» (Анцыферова, 1960б, с. 157). В этой фундаментальной идее отражается общее понимание Анцыферовой сущности личности как изменяющегося, но не изменяющего себе субъекта, во взаимодействии которого с миром человек вновь и вновь порождает себя как личность.

Ценным для философско-психологической концепции Рубинштейна является понятие *деятельности*, вне которой, как и вне реального мира, представить личность довольно сложно. В связи с проблемой деятельности и жизнедеятельности закономерным образом возникает тема *функционирования* личности. Принимая ее как обязательное условие существования психического и требование к его познанию, Анцыферова вводит понятие *«непрерывное образование»*, трактуя его особым образом.

Безусловно, принятие ряда идей Рубинштейна в качестве основы проведения собственных исследований — не единственный пример преемственности знания в области психологии личности, который мы можем обнаружить в научной деятельности Анцыферовой. Думается, что для нее ценным было большинство научных публикаций отечественных и зарубежных авторов, работы которых так тщательно и бережно ею анализировались. Среди многих научных направлений именно персонология и гуманистическая психология, как нам кажется, оказали на исследователя наиболее серьезное влияние, ведь многие из представителей этих подходов рассматривали «личность как открытую, постоянно развивающуюся, становящуюся систему...» (Анцыферова, 1970, с. 174). Таких же взглядов придерживалась и Л. И. Анцыферова.

Тезисно выделенные нами принципы и понятия, принятые Анцыферовой в качестве достоверного знания, стали важной частью ее авторского подхода и не только не нарушили, но, наоборот, способствовали передаче знания в области психологии личности, его преемственности и дальнейшей репликации. Подробнее остановимся на этих принципах и понятиях в основной части главы, посвященной рассмотрению научного подхода Л. И. Анцыферовой.

Поиск и доказательство достоверности динамического подхода

Третье условие развития авторского подхода к решению научной проблемы связано с поиском доказательства *достоверности* нового знания.

Рассматривая в начале главы работу Н. Ф. Овчинникова, посвященную проблеме достоверности научной информации, мы отмечали, что четкое определение

любым ученым *методологических принципов* собственного исследования помогает построить систематизированное теоретическое знание. В некоторых случаях удается дополнить его новыми принципами. Это — одна из существующих точек зрения на понимание того, что именно стоит за словами «достоверность знания».

Согласно другой точке зрения под достоверностью результатов исследования принято понимать обоснованность, соответствие полученных данных целому ряду критериев. Высокий уровень достоверности характеризует знание, которое максимально соответствует *критерию истинности*.

Анализируя динамический подход Л. И. Анцыферовой с двух точек зрения на понимание достоверности знания, мы, с одной стороны, можем выделить методологические принципы, лежащие в его основе, а, с другой — показать, с помощью каких эмпирических данных осуществлялась проверка ключевых идей концепции (научного подхода) на истинность.

Методология научного исследования выступает для Анцыферовой специальным предметом изучения. В ряде статей и монографий (например: Анцыферова, 1969, 1971, 1976, 2004в и др.) методологические принципы анализируются не как устоявшиеся раз и навсегда заданные философские основания исследования, а как предметное поле методологии, которое требует специального анализа не только в данный момент времени, но и в перспективе. Несмотря на это, нетрудно понять, что при анализе личности с позиции методологии Анцыферова предпочитает следовать принципам развития, системности и целостности, единства сознания и деятельности, личностному принципу, принципам субъекта и активности, на основе которых оформляется вполне ясное теоретическое представление об авторском подходе к изучаемой проблеме.

К приведенной в самом начале главы цитате, в которой раскрывается сущность динамического подхода, добавим следующие слова автора: «*Динамический подход* полагает... самое личное автором ее собственных изменений, преобразований и форм развития» (Анцыферова, 1990, с. 8; курсив мой. — Н. Х.), что вполне соответствует выделенным выше методологическим принципам.

Дополнительно раскрывается принцип субъекта, который понимается автором по-особому (Анцыферова, 2000в). При сравнении понятия личности и субъекта приоритетное место отводится именно личности, ее ценностно-смысловой, содержательной основе, духовности, нравственности и пр. Субъект же воспринимается как инициатор активности, контролирующий чувства, разрешающий трудные ситуации. Даже в частных научных беседах Анцыферова всегда была «на стороне» личностной проблематики, с большим сомнением относилась к анализу субъекта как ключевой «фигуры» на поле решения разнообразных психологических проблем.

Анализ достоверности авторской концепции Анцыферовой с точки зрения ее *истинности* — интересная и совершенно самостоятельная задача. Мы остановимся на ее рассмотрении в разделе, посвященном основным положениям динамического подхода к психологическому исследованию личности. В целом же отметим, что, специально не занимаясь планированием и проведением эмпирических исследований в области психологии личности, Анцыферова тщательно проверяла истинность основных положений своего подхода, детально и после-

довательно раскрывая суть таких актуальных для науки проблем, как психология повседневности, преодоление личностью трудных жизненных ситуаций, переживание экстремальных жизненных событий, развитие личности на этапах старения, психология мудрости. На первый взгляд кажущаяся мозаичность проблем, на самом деле составляет исторически (т. е. с точки зрения этапов профессиональной биографии Анцыферовой) и логически стройную тематическую картину, которая складывается в единое целое благодаря разработке Л. И. Анцыферовой динамического подхода к психологическому исследованию личности.

Основные положения динамического подхода к психологическому исследованию личности

Проведение Л. И. Анцыферовой экспериментальных исследований, анализ теоретических воззрений представителей Вюрцбургской и Французской психологических школ, персонологического и психоаналитического направлений и многих других научных сообществ создавали основы для определения своей позиции в понимании личности. Широкий спектр поставленных проблем — от экспериментального исследования мышления до системного анализа мудрости как психологического феномена, не был случаен, но логически выстроен исследователем с целью последовательного обоснования собственной точки зрения.

Авторский подход формировался постепенно. Практически в каждой публикации Анцыферовой можно найти те или иные положения, отражающие его суть, которые, однако, не были специально выделены в качестве отдельных формулировок оригинальной концепции. Наша задача состояла в том, чтобы попытаться их сформулировать.

Первое положение основано на рубинштейновском понимании психического как процесса, который «вплетен» в пространство жизни человека и определяется «взаимодействием человека как субъекта с объективным миром» (Рубинштейн, 1959, с. 25), «участвует в регуляции его действий, его поведения; всякое психическое явление — и отражение бытия и звено в регуляции поведения, действий людей» (там же, с. 39).

Согласно первому положению, *личность в психологии исследуется как реальный человек, функционирующий в реальном мире*. Данная формулировка снимает множество вопросов, возникающих в связи с анализом проблемы структуры личности с точки зрения ее статичного описания, изучением представлений об идеальной, по существу, фантомной личности. Выступая против подобных теорий, Анцыферова предлагает рассматривать человека как активного субъекта, действующего индивида, личность, «находящуюся в состоянии деятельности» (Анцыферова, 1981, с. 9). Только так можно исследовать личность в ее психологической интерпретации, понять ее как целостность, постоянно включающуюся в «способ своего деятельного осуществления» (там же, с. 14).

Второе положение связано с пониманием личности как постоянно преобразующейся и изменяющейся целостной системы, с анализом механизмов ее функционирования.

В соответствии со вторым положением *личность находится в процессе постоянного взаимодействия с миром, является открытой системой, автором собственных изменений и преобразований, субъектом, который непрерывно «творит свой мир повседневности».*

Данное положение, с нашей точки зрения, является ключевым для понимания авторского подхода Л. И. Анцыферовой. Оно раскрывается посредством таких формулировок автора как: «Личность существует в процессе постоянного несовпадения с собой», «выходит за свои пределы» (Анцыферова, 1981, с. 8), «развертывающаяся в деятельности» личность (там же, с. 9). Чтобы понять смысл данного положения и конкретных высказываний автора, следует вернуться к истокам профессиональной деятельности исследователя и вспомнить, как именно трактовался Анцыферовой процесс решения мыслительной задачи. Напомним об этом: решение задачи состояло в том, что «в „фокусе внимания“» испытуемого последовательно появляются «все новые и новые свойства и отношения предметов, которые выступают благодаря включению предметов в новые причинно–следственные связи» (Анцыферова, 1960а, с. 121). Понятно, что появление новых свойств происходит благодаря активности субъекта (см. положение 1). Анцыферова прямо не переносит свою интерпретацию решения мыслительной задачи на изучение динамики личности, по крайней мере, нигде об этом специально не пишет. Тем не менее именно в такой интерпретации личности с точки зрения психологии, как нам думается, состоит сущность научного подхода ученого к ее пониманию.

Логично в связи с этим обращение Анцыферовой к проблеме *непрерывного образования* личности и определению *психологических механизмов*. Понятие «непрерывность образования» означает, что оно жестко не закреплено за определенным периодом жизни человека (детством, подростковым возрастом, юностью), но выступает в качестве формы жизни, типичной и для «взрослой, зрелой личности» (Харламенкова, 2022а). Ученый отстаивает положение о «безграничности личностного развития человека, о развитии как основном способе существования личности...» (Анцыферова, 2004а, с. 85). Уделяя большое внимание интеллектуальному развитию человека, развитию мышления, Анцыферова соотносит их, в том числе и с возникновением новых познавательных мотивов, «нового типа отношений к миру, новой системы ценностей, нового отношения к себе» (там же, с. 86). Непрерывное образование трактуется в качестве условия и способа формирования мотивационной системы личности, развития эмоций, «воспитания культуры чувств», в качестве *механизма* «поиска новых, необычных, трудных ситуаций» (там же, с. 89).

Анализируя *психологические механизмы*, Анцыферова так и пишет: «Изучать динамику психологической организации личности – значит раскрывать работу психологических механизмов осуществления личностью себя, не только ее изменения, но и воспроизведения, утверждения достигнутого. Психологические механизмы... [– это] закрепившиеся в психологической организации личности функциональные способности реализации ее психической жизни, в результате чего меняется режим ее функционирования» (Анцыферова, 1990, с. 8), «появляются различные психологические новообразования» (Анцыферова, 1981, с. 8).

Для обозначения процессуальной стороны динамического подхода Анцыферова использует понятие «функционирование», в котором выделяются как прогрессивные (развитие), так и регрессивные процессы. «Функционирование — это актуализация и деактуализация уже выработанных психологических механизмов, операций, знаний и умений, смена установок, повышение или понижение психического напряжения, интеллектуальных усилий, изменения психических состояний и т. п.» (Анцыферова, 1990, с. 8).

Кратко подытожим сказанное. Становление и функционирование личности происходит не благодаря наследуемой человеком программе или социальной модели развития, а вследствие постоянного и активного познания (открытия) себя путем расширения (развертывания) личностных качеств в пространстве жизни, конкретно — в деятельности. Отметим, что личностные качества — это не фиксированные во времени свойства, которые исследует в себе личность, а те особенности, которые она творит. Данный процесс, по существу, и есть личность в системе ее когнитивных, коммуникативных, мотивационных, эмоциональных особенностей, каждый раз или узнаваемых, или впервые конструирующихся и обнаруживаемых ею в этом процессе.

Преобразование личности, как было сказано, — процесс, который осуществляется не во внутреннем плане субъекта, а в ходе *реального взаимодействия* с миром, благодаря изначальной телеономичности психической жизни человека (Анцыферова, 1990, с. 9). Особой формой организации «ориентированной на будущее активности человека» является, согласно Анцыферовой, *деятельность* (там же). Проблеме деятельности и связанным с ней психологическим особенностям личности посвящено третье положение научного подхода.

В *третьем положении* рассматривается контекст динамических преобразований личности и их психологических проявлений, которым является деятельность.

Согласно третьему положению, «*деятельность можно трактовать как динамическое многофазное развертывание личности, как особый тип последовательности личностных преобразований*» (там же).

Проблеме деятельности в научном подходе Анцыферовой уделено достаточно много внимания. Однако было бы неверно считать, что собственная активность личности, ее телеономичность, которой были посвящены первые два положения концепции начинают занимать второстепенное место. Анцыферова критически оценивает статическую общепсихологическую модель деятельности, показывая, что без активной преобразующей инициативы со стороны личности данная модель становится пустой формой. Автор предлагает говорить о «*деятельностной развертке личности*», т. е. о том, что именно «личность в своем движении составляет двигаться, развертываться окружающую ее действительность, преобразовывая ее целенаправленно в соответствии со своими замыслами» (там же).

В деятельности как в социальной форме активности человека заложен общественный опыт человечества, но сама личность, включаясь в нее, как бы создает себя в этой социальной форме жизни, проявляясь и развиваясь. Поэтому не случайно выглядит предложение ученого назвать свою концепцию *динамической моделью развертывания личности в ходе деятельности* (там же, с. 11).

Содержательным наполнением этой модели является анализ Анцыферовой деятельности как такой формы активности личности, в которой происходит «развертка мотивационно-побудительной сферы личности» (Анцыферова, 1981, с. 12), динамика мотивов и целей, способностей личности, (Анцыферова, 1990, с. 12–13), эмоций и чувств, волевых усилий. Например, автор пишет, что «с позиции положения о раскрытии, развертывании целостной личности в деятельности потребность понимается не просто как изначальное побуждение к деятельности и не только как убывающее в ходе деятельности психическое напряжение, но как динамический процесс последовательной смены в разных фазах деятельности разных потребностей, связанных в единое целое ценностным отношением личности к предмету деятельности» (Анцыферова, 1981, с. 12).

Личность не статично участвует в деятельности, но, включаясь в нее, преобразует и деятельность, и саму себя. Можно ли этот процесс в таком случае назвать самоактуализацией или самореализацией. Думается, что не совсем. Самоактуализация – это, согласно Маслоу, стремление человека быть тем, кем ты должен быть. Согласно Анцыферовой личность не открывает себя в деятельности, а творит. Поэтому слово «развертывание» означает не извлечение на поверхность существующего, а создание нового, в рамках определенной формы активности. В этом «новом» качестве, безусловно, прослеживается деятельностный контекст и черты самой личности.

Подтверждение этих слов мы находим в обсуждении Анцыферовой проблемы доминирующего и ведущего видов деятельности. Именно в последней, как утверждает автор, «происходит многостороннее развитие личности» (Анцыферова, 1990, с. 15). Интересной представляется тема «латентных пластов», «латентно протекающих деятельностей» (там же, с. 14) как неявно проявляющих себя форм активности, обогащающих актуальную деятельность, придающих ей творческий характер.

Уже при обсуждении данной проблемы возникает тема взаимосвязи разных типов деятельности и, конечно, сопутствующая ей тема целостности личности, которую мы вынесли в следующее положение авторского подхода Анцыферовой.

Итак, в *четвертом положении* раскрываются понятия целостности и интеграции личности.

Четвертое положение динамического подхода состоит в понимании личности как «целостной живой психологической организации» (Анцыферова, 1981, с. 14). Понятию «системность» Анцыферова предпочитает понятие «целостность». С точки зрения ученого, система или совокупность систем представляются статичными образованиями. «Личность – всегда *целостность* (курсив мой. – Н.Х.), которая развивается, формируя в своей организации новые и новые механизмы, обобщенные отношения друг к другу, которые находятся в системной зависимости друг от друга» (Анцыферова, 1990, с. 14), что и создает определенную *устойчивость* личности.

Автор задается вопросом: «Как же осуществляется функциональная взаимосвязь разных типов деятельности в психологической организации личности и что представляют собой психологические механизмы ее *интеграции*?» (там же; курсив мой. – Н.Х.). Отвечая на него, ученый обращает внимание на такой спо-

соб объединения, интеграции личности, как *рефлексия*, считая его основным. Рефлексия позволяет сопоставлять, связывать воедино различные процессы. Большое значение придается и осознанию, осмыслению себя и своих действий.

Полагая, что вопрос о механизмах, приемах интеграции личности остается не до конца решенным, Анцыферова, тем не менее, считает, что важнейшим механизмом, обеспечивающим целостность личности, является ее включение в *доминирующую* в данный момент деятельность, благодаря чему и происходит освоение «способа своего движения», формирование и сохранение личностью своей целостности.

Заметим также, что, кроме деятельности как формы организации активности личности, Анцыферова упоминает и о других «состояниях» личности, например, о состоянии сниженной активности, страдательности (там же, с. 17), о состоянии созерцания и др. В этом разнообразии проявлений личности автор находит подтверждение своей концепции, открывает и обосновывает проблему индивидуально-психологических различий, решение которой оказывается продуктивным для верификации динамического подхода к психологическому исследованию личности и постановки новых научных вопросов.

Наконец, в *пятом положении* представлены данные о соответствии данного подхода и реплицируемого в нем знания *критерию достоверности*, показано, что теоретические положения *верифицируются* как при формулировке общих (номотетических), так и частных (идиографических) зависимостей. Приводится *общее положение* о «развертывании личности в процессе деятельности и жизнедеятельности» в трудных жизненных ситуациях и обстоятельствах при условии включения в общую динамическую модель личности феномена мудрости как своеобразного системного копинга.

Динамическая модель развертывания личности в деятельности, как мы подробно показали в одной из своих статей (Харламенкова, 2022а), верифицируется автором в ходе дальнейшей разработки научных проблем, которые, на первый взгляд, не связаны с ней содержательно. Тем не менее, анализ работ, выполненных по самому широкому кругу научных вопросов, опровергает это мнение (Анцыферова, 1993, 1994, 1996, 2004в).

Подтверждение положений динамического подхода к исследованию личности, ее функционирования (в том числе развития) в процессе жизненного пути мы находим в статьях, посвященных психологии повседневности (Анцыферова, 1993), анализу влияния на человека трудных жизненных ситуаций (Анцыферова, 1994), а также при исследовании психологического благополучия личности на отдельных (малоресурсных) этапах онтогенеза — в пожилом и старческом возрасте (Анцыферова, 1996), при выделении особого предмета исследования — феномена мудрости, рассматриваемого, с нашей точки зрения, в качестве своеобразного системного копинга (Анцыферова, 2004в; Харламенкова, 2022б).

Вследствие анализа выделенных выше проблем психологии с учетом индивидуально-психологических различий, с применением типологического подхода к исследованию личности была верифицирована общая динамическая модель личности, разработанная Анцыферовой, осуществлена интеграция номотетической и идиографической традиций в ее изучении (подробнее см.: Харламенкова,

2022а). В процессе верификации своей модели Анцыферова опиралась на внушительную базу экспериментальных и эмпирических исследований, а также на данные исследований своих учеников. Специально заметим, что не на конкретные, а на обобщенные, т. е. переосмысленные, переработанные самим ученым результаты исследований соискателей, аспирантов, сотрудников, что, безусловно, характеризует Л. И. Анцыферову как истинного ученого.

Выделенные нами особенности динамического подхода к исследованию личности в полной мере подтверждают его основательность и актуальность, что было доказано более чем полувековой профессиональной деятельностью Л. И. Анцыферовой, в процессе которой основные характеристики авторской концепции были прослежены при исследовании самых разных областей психологии.

Подведем общий итог, используя вывод Л. И. Анцыферовой: «Итак, мы наметили некоторые пути реализации *динамического подхода* (курсив мой. — Н. Х.) к личности как живой подвижной системной целостности, которая развертывает, изменяет, преобразует и развивает себя в социально значимой совокупности деятельности, реализующей многообразные общественные отношения» (Анцыферова, 1990, с. 16).

Прогностическая мощь подхода: перспективы исследования

Разработанный Л. И. Анцыферовой подход к психологическому исследованию личности является научным продуктом многолетнего труда ученого. Его уникальность состоит в том, что он строился практически с самых первых дней интеграции Анцыферовой в научное сообщество, философское и психологическое. Многие принципы и идеи, сформулированные в ходе теоретико-экспериментального изучения мышления, осуществляемого под руководством С. Л. Рубинштейна, были (безусловно, в их переработанном виде) представлены в динамическом подходе к психологическому исследованию личности.

Заметим, что принятая в современных научных исследованиях верификация научного подхода в серии эмпирических исследований, Анцыферовой не проводилась; исследователь проверял свои идеи, находки, обращаясь к опытным разработкам других ученых, к тем, кому можно было доверять.

Подобное «партнерство» дало свои результаты. С одной стороны, на суд научного сообщества были вынесены актуальные проблемы, требующие обсуждения (например, психология совладающего поведения, психология мудрости, геронтопсихология и др.), с другой стороны, результаты изучения этих проблем достаточно хорошо иллюстрировали ключевые положения научного подхода Анцыферовой. Возможность такого решения вопроса об доказательности авторской концепции можно оспаривать, но отвергать ее вряд ли допустимо. Оказалось, что даже в трудных и экстремальных жизненных ситуациях человек как личность продолжает следовать правилу — проявлять, создавать и утверждать новые качества своей личности в разных сферах и видах деятельности и жизнедеятельности, *в той или иной мере* оставаясь целостной личностью.

Теория сильна своей прогностической (предсказательной) мощью, т. е. способностью объяснять новые явления, тем самым предъясняя их сообщест-

Глава 18

ву как *научные факты*. Динамический подход к личности в психологии, представленный Л. И. Анцыферовой, соответствует этому критерию в полной мере. Публикации автора последней трети XX в. и более ранние идеи ученого, касающиеся трудных жизненных ситуаций и совладания с ними, стали фундаментом для развития в психологии целого направления. Понятие позитивного старения задолго до его официального использования в научном лексиконе было использовано Анцыферовой в статьях, посвященных *развитию* личности на поздних этапах онтогенеза.

Предсказательная сила динамического подхода к психологическому исследованию личности состоит и в том, что мы вновь и вновь продолжаем обращаться к этому бесценному научному наследию, с каждым разом открывая в нем нечто особенное и уникальное, поворачивая, согласно утверждению Л. И. Анцыферовой, оригинальную теоретико-методологическую модель личности как открытой и развивающейся целостности в направлении, необходимом для решения актуальных задач, и обнаруживая в ней неизвестные нам до этой поры новые грани.

Глава 19

Дискурсивный подход в психологии речи и психолингвистике: история и перспективы

Формирование дискурсивного подхода относят к концу XX в. За истекшие годы исследования дискурса стали междисциплинарными, отразив взаимовлияние не только различных областей психологии, но и достижения языкознания, социологии, философии, современной когнитивной науки. При этом произошло существенное расширение парадигмы исследований, определяющееся усиливающимся вниманием к многообразию социальных контекстов и коммуникативных ситуаций, а также к психологическим характеристикам субъектов общения и процессу взаимодействия (Павлова, 2022).

От предложения и текста к дискурсу

Описать историю возникновения дискурсивного подхода в психолингвистических исследованиях отдельно от других наук, связанных с изучением Homo loquens – человека говорящего, достаточно трудно, поскольку на развитие подхода повлияло множество научных школ, имевших свои научные корни и формировавшихся под влиянием различных лингвистических, философских, культурологических, социологических и других идей. Обозначим, однако, основные моменты и общую логику развития области.

В середине XX в., когда психолингвистика только формировалась, ее основным объектом были отдельные предложения, нередко специально сконструированные. Усилия исследователей концентрировались на описании правил, которые должен знать человек, чтобы строить и понимать грамматически оформленные предложения (Н. Хомский, Дж. Миллер, Дж. Фодор, М. Гарретт, Д. Слобин и др.). В дальнейшем, поскольку значение грамматики в речевом процессе ограничено, фундаментальное значение приобретает тот факт, что язык и речь призваны выражать смысл. Человек, однако, обычно не передает свою мысль одним предложением.

В 1970-е годы важным объектом исследований становится единица более крупная – текст. Формируется представление, согласно которому, текст, а не предложение является реальной единицей коммуникации. Текст обладает смысловой

завершенностью, именно на этом уровне реализуется замысел говорящего и осуществляется понимание сообщений. Исследования фокусируются на смысловой взаимосвязи предложений, которая рассматривается как ключ к описанию процессов создания и понимания текста (Н. И. Жинкин, И. А. Зимняя, А. А. Лентьев, Т. Н. Ушакова, Т. ван Дейк, В. Кинч и др.). Вместе с тем подход, который получает распространение, абстрагирует текст от актуальной коммуникации. Текст исследуется «сам по себе», и это накладывает серьезные ограничения на понимание роли речи в общении: не только механизм взаимодействия собеседников, но и другие связанные с партнером и обстановкой аспекты речи остаются неизученными (Ломов, 1984). Хотя проблемы коммуникации поднимаются во многих работах, речь анализируется так, будто человек выражает свою мысль, не учитывая собеседника и условий общения, говорит, ни к кому не обращаясь.

В 1990-е годы акцент переносится на проблемы вербальной коммуникации. Во многом под влиянием системного подхода текст включается в систему коммуникативных отношений и рассматривается в контексте того взаимодействия, в котором он реально возник. Такой «погруженный в коммуникацию» текст, или дискурс, активно исследуется (Ушакова и др., 2000; Harre, Stearns, 1995; и др.) и его трактовка претерпевает значительную эволюцию. Если в 1970–1980-е годы «дискурс» во многих работах понимается как последовательность связанных по смыслу предложений, термин употребляется практически синонимично термину «текст», то в дальнейшем эти понятия дифференцируются. «Дискурс» и «текст» противопоставляются как процесс речевого общения и его продукт, как динамичное и статичное.

Современный этап развития исследований связан с междисциплинарным взаимодействием, охватившем на рубеже XX в. гуманитарную сферу науки и развившемся в распространении антропоцентрического подхода в языкознании, лингвистическом повороте в социальных науках и др. Интерес к дискурсу объединяет психологов, лингвистов, социологов, антропологов, этнографов, философов. Формируется обширная область междисциплинарных исследований, в которой интеграция представлений разных наук позволяет ставить и решать проблемы, связанные с разговорной практикой, формами речевого общения в различных ситуациях и социокультурных контекстах.

Подчеркивая соотнесенность с конкретной ситуацией, в понятие дискурса включают психологические, социальные, культурные факторы, существенные для его производства и понимания (Ю. Н. Караулов, А. А. Кибрик, К. Ф. Седов, Т. ван Дейк и др.). Дискурс характеризуется как речь, «погруженная в жизнь» (Н. Д. Арутюнова), коммуникативное событие в прагматическом контексте (Т. ван Дейк). Это компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (Н. Д. Арутюнова, М. Л. Макаров, Дж. Поттер, М. Уэзерелл), социальная деятельность в условиях реального мира (Р. Харре), коррелирует определенной общественной практики, за которым стоит социально, идеологически и исторически обусловленная ментальность (В. Е. Чернявская, Е. И. Шейгал, М. Фуко, К. Джерджен, Р. Харре).

Разнообразие трактовок обнаруживает многогранность явления. Одной стороной дискурс обращен к ситуации. Факторы ситуации сказываются на протек-

кании и целях общения, определяют временные и тематические ограничения, статусно-ролевые позиции коммуникантов и пр. Кроме того, различный социокультурный контекст задает правила ведения разговора, адекватные формы выражения, транслирует разделяемые членами общества системы значений и ценностей. Другой своей стороной дискурс обращен к человеку. Коммуниканты вступают во взаимодействие, оказывают воздействия, реализуют власть. В дискурсе отражаются представления говорящих о мире, их мнения, отношения, установки, интенции. Когнитивные факторы обеспечивают оперирование вербальным материалом.

Широкое понимание дискурса, охватывающее разные его стороны – объективную и субъективную, субъектную и интересубъектную – делает это понятие релевантным для многих научных направлений и школ. При этом обнаруживаются общие *предпосылки и основания проводимых исследований*. В их числе методология системного подхода (Б. Ф. Ломов, Э. Г. Юдин), исследования семантики текста (Н. И. Жинкин, А. А. Леонтьев, Т. Н. Николаева, Т. Н. Ушакова, В. Дресслер, Д. Вундерлих и др.), прагматические теории (Дж. Остин, Дж. Серль, П. Грайс), работы школы М. М. Бахтина, исследования разговорной речи (Е. А. Земская, Т. Г. Винокур, Д. Таннен и др.). Истоки теории дискурса усматривают также в идеях постструктурализма (М. Фуко, Ж. Деррида, Р. Барт), этнометодологии (Г. Гарфинкель, Г. Сакс), социальном конструкционизме (Р. Харре, Дж. Шоттер, К. Джерджен). Синтез этих и других представлений и теорий, касающихся процессов коммуникации, их связи с личностью, когнитивной сферой, социумом и культурой, оказался чрезвычайно плодотворным для изучения области, составив концептуальную базу получившего распространение дискурсивного подхода.

Характеризуя *дискурсивный подход* в целом, важно отметить, что при всем многообразии проводимых исследований в фокусе внимания находятся способы организации дискурса, естественные дискурсивные формы. Отсюда большое внимание к методическим вопросам: значимость приобретают не только аналитические приемы и техники, но и процедуры сбора, обработки, транскрипции материала. Психосоциальная природа дискурса требует особых, нетрадиционных подходов, причем наиболее релевантными оказываются качественные интерпретативные методы научного анализа, которые получают преимущественное развитие и широко используются (Журавлев, Павлова, 2007).

Можно говорить о комплексе идей, получивших распространение. Так, утверждается представление о кардинальной значимости в организации дискурса особенностей контекста и характеристик общающихся сторон. Чтобы уяснить сказанное, необходимо знать ситуацию, представлять, кто говорит, кому высказывания адресуются. Смысловые отношения в дискурсе характеризуется не однозначными зависимостями типа «кодирования – декодирования», смысл, который передается высказываниями и далеко не обязательно намеренно в них вкладывается, подлежит интерпретации. Расширяется представление о системе знаний – «коммуникативной, или дискурсивной, компетенции», которая необходима, чтобы включаться в общение. Помимо знания языка, правил построения предложений и пр. коммуникативная компетенция включает знания

о мире, правила общения, прагматические правила, относящиеся к способам достижения коммуникативных целей и мн. др. Все более широко востребуется понимание дискурса как конституирующего элемента культуры, социальных отношений, образа Я и Других. Коммуникация не является только каналом передачи сообщения – дискурс вырабатывает и воспроизводит разделяемые членами общества системы значений, поведенческие модели, описательные и оценочные «матрицы», формируя тем самым социальную реальность.

Научный потенциал и перспективы развития дискурсивного подхода

Возможности дискурсивного подхода демонстрируют развернувшиеся исследования, размах и востребованность которых стремительно возрастают с усилением роли коммуникации в современном мире и совершенствованием информационных технологий.

В этих условиях в центре внимания оказывается *многообразие видов дискурса*, феномены и закономерности дискурсивной практики в различных сферах жизни. Современный человек сталкивается с множеством дискурсов, каждый из которых имеет свои особенности. Дискурсы различаются по типу институализации (научный, политический, военный) или существуют вне институций (дискурс повседневный, телефонный и др.). Они могут выступать как диалоговые (практика семейного и детского общения, интерактивные радио- и телепрограммы), или как недиалоговые, когда диалогичность проявляется как ориентация на определенную аудиторию (публичные выступления, публикации в прессе). Номинация дискурса может акцентировать один или несколько факторов, интересующих исследователя: канал коммуникации (интернет-дискурс, кинодискурс, дискурс СМИ), субъекты общения и их социальные роли (дискурс общения IT-программистов, незнакомых людей и др.), функциональная специфика (дискурс юмористический, этикетный, ритуальный) (Дискурс в современном мире..., 2011; Психология дискурса..., 2016; Чернявская, 2006; Шейгал, 2004; и др.). Четко очерченные виды дискурса, которые соотносятся с определенными социальными контекстами и институтами: педагогический, медийный, повседневно-бытовой и др. – активно исследуются (Гребенщикова, Зачесова, 2014; Дейк, 2013; Дискурс в современном мире..., 2011; Иссерс, 2012; Heritage, 2011; и мн. др.). Изучаются также их многообразные контекстные разновидности: дискурс в семье, студенческий повседневный дискурс (Афиногенова, Павлова, 2015; Гребенщикова, Зачесова, 2012). Существуют, однако, дискурсивные практики, смешивающие черты типовых дискурсов и распространяющиеся на неспецифические контексты (разговор о политике в социальных сетях, обыденный разговор на научных заседаниях и пр.). Такие «нетиповые» практики, приспособляющиеся к решению актуальных задач, особенно важны для понимания закономерностей формирования и детерминации дискурса, социальных процессов, происходящих в обществе. Их изучение – одна из перспективных задач дискурсивных исследований.

В связи с этим особый интерес представляют *новые виды дискурса*, возникновение которых связано с развитием информационных технологий, образо-

ванием социальных сетей и онлайн-сообществ. В общем плане пространство электронной коммуникации можно характеризовать как полидискурсивное, тяготеющее к таким базовым видам дискурса, как повседневно-бытовой, медийный, рекламный. Вместе с тем электронный дискурс хотя и сближается с типовыми видами дискурса, аккумулирует громадное количество новых практик, обладающих выраженной спецификой (Колокольцева, 2016; Muddiman, Stroud, 2017). Так, с распространением SMS-сообщений появляются основания говорить об особом смс-дискурсе (Кушакова, 2016). Большое внимание привлекает персональный интернет-дискурс, представленный личными блогами, сайтами, социальными сетями и интернет-комментариями. Исследователей интересует поведение пользователей (Выровцева и др., 2020; Фаломкина, 2020; Simoes, 2019), формирование правил ведения дискуссий и дискурсивная природа сетевых сообществ (Воронин и др., 2020; Расходчиков, Пильгун, 2020), мотивация и гендерные особенности коммуникативной активности (Кирилина, 2021; Радина, Крупная, 2019). Особую актуальность приобретает изучение постсобытийного интернет-дискурса, которому принадлежит сегодня возрастающая роль в осмыслении острых вопросов и формировании образа реальности в социальном сознании (Павлова и др., 2020; Stroud et al., 2015; и др.). Можно ожидать, что изучение развивающихся видов дискурса, становящихся приметамы нового времени, выявление особенностей их организации и функционирования, а также потенциала воздействия и возможных угроз информационно-психологической безопасности человека и общества составит важнейший вектор дальнейшего развития исследований.

Наряду с контекстным многообразием дискурсивной практики первостепенную важность в исследованиях дискурса приобретают влияющие на дискурс *психологические характеристики субъектов общения*. Интерес к особенностям коммуникативно-речевого поведения человека выразился в формировании особого направления психолингвистики – *дискурсивной персонологии*, важным концептом которой стало понятие языковой (коммуникативной) личности – личности в ее речевом, дискурсивном проявлении (Ю. Н. Караулов, В. И. Карасик, К. Ф. Седов, И. А. Стернин и др.). Исследования касаются конкретных лиц, но чаще выявляются вербально-семантические, лингво-когнитивные, жанрово-ролевые и другие характеристики дискурса представителей социальной группы: профессиональной, возрастной, неформальной (Резанова, Скрипко, 2017; и др.). Типология языковой личности – один из актуальных вопросов, при разработке которого в качестве основания может быть выбран характер участия в дискурсе, возрастной период и пр. При этом обнаруживается необходимость поиска дополнительных психологически обоснованных параметров дискурса, особенно личностных проявлений мотивационного уровня, который признается наиболее трудным для изучения. В этом отношении большие возможности открывают психодиагностические подходы контент-анализа и метод сочетанного предъявления контент-аналитических и тестовых заданий (Алмаев, 2012; Алмаев и др., 2020; Климчук, 2015). Многообещающим представляется развитие концепции дискурсивных способностей и методов их изучения, а также в будущем, очевидно, и интент-аналитической экспертизы (Воронин, 2015; Павлова, Гребенщи-

кова, 2017). Можно прогнозировать, что изыскания в этой области, смыкаясь с исследованиями психологии личности, будут востребованы в психотерапии и психологическом консультировании, послужат дальнейшему развитию таких практико-ориентированных направлений, как идентификация личности по тексту, установление авторства и др.

Активно развивается *социолингвистическая линия дискурсивной персонологии*, связанная с поиском индикаторов социальной идентичности в группах, выявлением показателей статуса, социальных и ситуационных ролей, образовательного уровня и пр. (Л. П. Крысин, Е. А. Земская, Я. Б. Мечковская, У. Лабов и др.). Анализируются особенности дискурса при различном соотношении статусно-ролевых позиций партнеров общения, правила поведения при смене ситуации, коммуникативного партнера и пр. Выделению стереотипов дискурсивного поведения способствует моделирование лингвокультурных типажей: «русский интеллигент», «английский джентльмен» и т. п. (Языковая личность..., 2014). Вместе с тем всевозрастающую значимость приобретают *этнопсихолингвистические исследования*. Этнокультурная специфика создаваемого языком образа мира, коммуникативное поведение представителей различных этносов, конфликтно-генные дискурсивные практики и взаимопонимание в условиях межкультурного диалога — эта проблематика составляет одну из наиболее перспективных точек роста современной психолингвистики (Балясникова, 2015; Балясникова, Уфимцева, 2020). Дискурс предстает не только в конкретном социокультурном контексте, он раскрывается как взаимодействие членов общества, и значимость этого аспекта, очевидно, будет только возрастать.

С позиций дискурсивного подхода принципиальную важность приобретают процесс *интеракции* и категория *интенциональности* — намерения, нужды, желания, направляющие действия участников и их включение в разговор. При этом понимание речи как инструмента, которым человек пользуется для оказания воздействия на адресата, получившее распространение при изучении речи «как таковой» (субъект-объектные отношения), уступает место представлению о межсубъектности коммуникации (субъект-субъектная парадигма), связанному в науке с работами Б. Ф. Ломова и его школы.

Большой вклад в изучение интерактивной составляющей дискурса вносят исследования принципов согласования реплик и перехода ролей говорящего/слушающего в русле конверсационного анализа (Г. Сакс, Э. Щеглов, Г. Джефферсон, Дж. Херитадж и др.). Широкий размах получили исследования прагматической связи реплик, которая соотносится с иллокутивным уровнем речевых актов партнеров общения и выражением их намерений (Рахилина и др., 2021). Выявляются независимые и иллокутивно вынужденные речевые акты и их сочетания, моделируются речевые жанры, соответствующие типовым вариантам взаимодействия: спор, разговор по душам, светская беседа и пр. (А. Н. Баранов, О. С. Иссерс, К. Ф. Седов, В. И. Карасик, Т. Н. Колокольцева и др.). Предметом активного научного поиска становятся подходы к описанию жанров различного уровня (элементарных, комплексных и др.) и служащих достижению целей коммуникации стратегий и тактик (Иссерс, 2012; Седов, 2004; и др.). Принципиально новые возможности в этой области открывает интент-анализ, обнару-

живающий актуальные интенции субъектов общения и многообразные паттерны взаимодействия, в которых отклик партнера может иметь комплементарный или некомплементарный характер, быть безотлагательным, отсроченным, совмещенным, множественным (Афиногенова, Павлова, 2015; Гребенщикова, Зачесова, 2012). Выделение интенциональных паттернов перспективно не только для анализа интеракции при разной постановке коммуникативных задач, но и для характеристики складывающихся по ходу взаимодействия межличностных отношений (Гребенщикова, Зачесова, 2014).

Помимо конкретизации представлений о взаимодействии и его интенциональной основе, значимость данного направления исследований определяется тем, что они намечают путь, по которому может развиваться *изучение процессов управления дискурсом*. Коммуниканты, сообразуясь со своими интенциями и коммуникативным контекстом, выстраивают *конверсативные тактики*, регулирующие процесс взаимодействия с собеседником. Такого рода тактики обнаруживаются при передаче или навязывании инициативы собеседнику, можно говорить о различающихся по степени активности тактиках перехвата инициативы, передачи слова определенному лицу, уговаривания и пр. (Иссерс, 2012; Heritage, 2011). В поисках причины использования тех или иных тактик анализируется последовательность интенциональных паттернов взаимодействия в повседневных диалогах между близкими и незнакомыми людьми (Афиногенова, Павлова 2015; Борисова и др., 2018; Гребенщикова, Зачесова, 2014), эффективность использования различных тактик в целях оправдания поступка (Латынов, 2015). Эти исследования способствуют формированию современного представления о психологическом воздействии, которое концептуализируется как взаимодействие двух равноправных сторон, каждая из которых является субъектом своей дискурсивной активности (Латынов, 2013; Психология дискурса..., 2016). Выявление конверсативных тактик, применяемых в условиях непосредственного и онлайн-взаимодействия в повседневном, деловом, профессиональном контексте — одна из важных задач современной психолингвистики, решение которой стимулируют и запросы практики, направленные на оптимизацию взаимодействия в разных сферах жизни и совершенствование коммуникативных навыков.

В то же время при изучении дискурса акцентируется *роль непреднамеренного воздействия*, которое сопряжено со способом выражения мысли и осуществляется вне зависимости от того, является ли формирование «картины мира» адресата целью говорящего (Дейк, 2013; Психология дискурса..., 2016; Чернявская, 2006). В этой связи рассматриваются такие механизмы дискурсивного воздействия, как вариативность формулирования смысла, структурирование информации, выборочное отражение фактов. Большой интерес представляет механизм дискурсивного исключения, связанный с поддержанием групповой идентичности и служащий сохранению «порядка» в обсуждении: принятых способов говорения, тематики, сложившихся отношений к «своим» и «чужим» (Сергеева и др., 2016; Чернявская, 2006; Stroud, 2015). Учитывая важность феноменов непреднамеренного воздействия в том числе для психолингвистической экспертизы, можно прогнозировать дальнейшее развертывание исследований в этой области. Намечается также повышение интереса к тонким приемам воздействия, отсы-

лающим к элементам социокультурного контекста, невербальным средствам, имплицитным формам воздействия, имеющим коммуникативные и общеязыковые основания (Морозов, 2011; Павлова, 2013; Чернявская, 2006).

Нельзя не заметить, однако, что возрастающая медиатизация современной жизни концентрирует внимание общества на результативности воздействия, его социальных эффектах, возможностях противостояния негативным влияниям. В этом контексте важным направлением исследований выступает *описание средств воздействия, используемых в различных ситуациях*, а также факторов, определяющих их выбор субъектом воздействия (Дейк, 2013; Дискурс в современном мире..., 2011; Латынов, 2013; Психология дискурса..., 2016). Такого рода материалы накапливаются при изучении разных видов дискурса – медийного, повседневного, институционального (Кубрак, Латынов, 2019; Павлова, Григорьева, 2012; Чернявская, 2006; и мн. др.). На первый план выходит задача систематизации данных и разработки интегративной модели психологического воздействия, учитывающей как общие закономерности, так и их частные варианты, зависящие от конкретных особенностей субъектов, объектов и ситуации воздействия (Латынов, 2019). Другой аспект темы относится к соотношению используемых партнерами средств воздействия: как осуществляется координация выстраиваемых собеседниками стратегий и контрстратегий, какова специфика подобного «противоборства» в конкретных ситуациях – эти вопросы также остаются открытыми для дальнейших исследований, намечая еще одну линию разработок.

Вместе с тем, сближаясь с социальными науками, психолингвистика движется по пути *изучения вырабатываемых и воспроизводящихся в дискурсе способов концептуализации действительности*, разделяемых членами общества и формирующих социальную идентичность систем значений. Выявляются дискурсивные структуры разного уровня (лексические формы, стратегии самопрезентации, контекстные импликации), которые имеют социальную и политическую обусловленность, транслируют отношения неравенства, этнические предубеждения, гендерные стереотипы (Дейк, 2013; Чернявская, 2006; Шейгал, 2004; и др.). Обнаруживаются общие тенденции изменения дискурса в условиях массовой культуры: размывание семантики лексических единиц, гипертрофия эмоционально-оценочной составляющей и редукция предметно-образного содержания, обеднение жанрового состава (Карасик, 2010). Данные о вытеснении сложных дискурсивных образований, стандартизации и уплощении дискурса, как и открывающиеся в нем возможности манипулирования массовым сознанием, указывают на важность изучения интегративных эффектов дискурсивного воздействия и социокультурной детерминации дискурса. О необходимости развертывания исследований в этой области свидетельствует не только прогрессирующая медиатизация социальной жизни, но и возможности применения получаемых результатов в разработке проблем информационно-психологической безопасности. В этой связи стоит отметить то обстоятельство, что люди, как правило, не задумываются о вариативности дискурсивного отображения реальности. Сообщения, особенно касающиеся предметов, находящихся вне сферы личного опыта, воспринимаются как объективное отражение реальной ситуации, что способствует внедрению нужной субъекту воздействия «карти-

ны мира» в сознание адресата. Стремление разрушить подобное доверчивое отношение к дискурсу характерно для многих работ данного направления, подчеркивающих важность самостоятельного критического мышления как одного из эффективных способов защиты личности от информационно-психологических воздействий (Латынов, 2020).

Все рассмотренные выше аспекты дискурса – коммуникативные, личностные, социокультурные, ситуационные – опосредуются когнитивной системой субъектов общения. *Когнитивное направление исследований дискурса* в последние годы становится одним из наиболее значимых (Ю. Н. Караулов, В. В. Петров, А. А. Кибрик, В. А. Плунгян, И. А. Стернин, Т. ван Дейк, Дж. Лакофф и др.). Описываются ментальные фреймы и сценарии, содержащие знания о взаимодействии людей в типичных ситуациях. Подчеркивается, что в коммуникации происходит осмысление стоящего за ней социально-психологического контекста и его когнитивная репрезентация, без которой невозможно понимание дискурса и партнера общения. Разрабатываются проблемы усвоения, развития и понимания речи (Ушакова, 2011), влияние на ее восприятие и развитие невербальных особенностей поведения, субъективных представлений о партнере и текущей коммуникации (Морозов, 2011; Язык и мысль..., 2015). Большое внимание уделяется связи употребления лексических, семантических, синтаксических и других структур языка с когнитивной системой субъекта – рабочей памятью, особенностями распределения внимания, перцептивными установками и пр. (Воронин, Горюнова, 2016; Кибрик, Подлесская, 2006; Kibric, 2021; и др.). Когнитивный подход к описанию дискурса призван стать интегрирующей основой проводимых исследований, определяя их возрастающую роль в когнитивной науке и перспективы сближения с нейронауками.

Рассматривая перспективы развития дискурсивных исследований, нельзя пройти мимо усиливающейся тенденции сближения разработок с практикой. Прикладную ориентацию имеют такие разделы психолингвистики, как патопсихолингвистика, юридическая психолингвистика, психолингвистика рекламы. Все же, не умаляя значения других направлений, выделим три области практического применения, развитие которых представляется сегодня приоритетным.

Это *овладение иностранным языком* или *вторым языком*, если осваивается язык той социальной общности, в которой человек находится. Понятно, что с усилением глобализационных процессов растет и спрос на обучение языкам, которые должны использоваться в разных сферах жизни, в том числе и для профессионального общения. Это предполагает освоение многообразных дискурсивных практик, отвечающих не только ситуации общения, но и социокультурному контексту. Наряду с языковыми способностями, обеспечивающими легкость и быстроту приобретения знаний о языке и эффективность его использования в коммуникации, необходимым становится расширение роли социокультурного компонента в развитии коммуникативных способностей, а также формирование дискурсивных способностей, относящихся к освоению и реализации дискурсивных практик (Воронин, Рафикова, 2017). Если процесс овладения языком в учебных условиях изучен достаточно хорошо и обучение базируется на многочисленных наработках, то «схватывание» языка через спонтанное об-

щение в естественных ситуациях остается вне магистрали исследований. Между тем естественный билингвизм, возникающий при речевой практике в иноязычной среде, будет приобретать все большее значение в условиях расширяющихся контактов между представителями различных стран и культур.

Вторая область практического применения результатов исследований – *совершенствование дискурсивных навыков*, овладение приемами оказания воздействия в различных ситуациях, в зависимости от собеседника, условий общения и социокультурного контекста. О важности навыков эффективной коммуникации особенно в современном мире, где слово приобретает колоссальные возможности, говорить не приходится. Здесь и публичные выступления, и умение вести беседу, и деловые переговоры. К сожалению, эта область в нашей стране не привлекает пока такого внимания как обучение языкам, но в перспективе интерес к ней будет развиваться. Предметом заботы общества должны стать такие черты современного дискурса, как обеднение средств выражения, снятие табу, снижение стилового регистра, высокий уровень вербальной агрессии. Вместе с тем усиление ориентации на развитие дискурсивных способностей и навыков можно ожидать в связи с задачами профессионального совершенствования и личностного роста, проблемами защиты личности в информационной среде.

Наконец, еще одна область применения психолингвистических знаний, которая бурно развивается, – это обработка естественного языка, речевое взаимодействие человека и техники. Успехи, достигнутые в создании программ распознавания и синтеза речи, машинного перевода, информационного поиска, позволяют ожидать значительных продвижений в компьютерном моделировании вариантов дискурса в типовых ситуациях речевого взаимодействия. Хотя понимание человеческой речи представляет огромные трудности, требуя знаний об окружающем мире, собеседнике, способах ведения разговора и пр., в стандартном случае общение опирается на набор ситуативных паттернов, организующих дискурсивное поведение и его интерпретацию. Это решает многие возникающие проблемы, позволяя двигаться по линии расширения корпуса данных о контекстных формах дискурса. Намечился и другой важный шаг в разработке автоматизированных программ общения – создание технологий с эмоциональным интеллектом и признаками понимания не только вербального, но и невербального поведения.

Заключение

Дискурсивный подход, выступая закономерным развитием психолингвистических исследований, открывает новые возможности изучения области. Речь, которая долгое время исследовалась как индивидуальный психический процесс, раскрывается в ее включенности в жизнь, в реальную коммуникативную практику. Дискурс предстает как подчиненное сложной системе детерминант многогранное и многоуровневое психосоциальное явление, с разных сторон включенное в жизнь человека и общества.

Вместе с тем расширяется сфера контактов со смежными дисциплинами, а также отраслями психологии. Тематика исследований включает, наряду с проб-

Раздел III

лемами общей психологии, вопросы социальной и педагогической психологии, психодиагностики, психологии личности и макропсихологии. Тем самым создаются условия для широкого и многообразного применения получаемых данных и, что не менее важно, открываются новые темы, которые отвечают усиливающейся тенденции обращения психологической науки к проблемам, связанным с развитием ИТ-технологий, расширением виртуальной реальности, языковыми факторами сознания и поведения личности.

Все это делает дискурсивный подход весьма актуальным и перспективным. Если в конце 1990-х годов можно было прогнозировать развитие исследований по линии увязывания психолингвистики с социальной психологией (Леонтьев, 2008), то в настоящее время просматривается перспектива описания многообразия социальной жизни как совокупности дискурсивных практик, в том числе связанных с развитием технологий. Дискурс раскрывается как взаимодействие членов общества, и значимость этого аспекта будет возрастать.

В то же время отмечается рост интереса к исследованиям личностной детерминации дискурса, которые, развиваясь, будут смыкаться с психодиагностикой, психологией личности, психологической практикой. К данному направлению вплотную подходят исследования конверсативных стратегий и тактик, с описанием которых связаны перспективы изучения взаимодействия коммуникантов и оптимизация диалогического взаимодействия в разных сферах жизни.

В числе наиболее перспективных направлений следует назвать изучение приемов и механизмов дискурсивного воздействия, а также вырабатываемых и воспроизводимых в дискурсе способов концептуализации действительности. С этими направлениями и возможностями применения получаемых результатов в разработке проблем информационно-психологической безопасности человека и общества во многом будет связан рост социальной значимости и востребованности результатов психолингвистических исследований.

Все названные выше аспекты дискурса опосредуются когнитивной системой субъектов общения. Когнитивный подход к описанию дискурса должен стать интегрирующей основой дискурсивных исследований, определяя их возрастающую роль в когнитивной науке и перспективы сближения с нейронауками.

Наконец усиливающаяся тенденция сближения разработок с практикой выдвигает на первый план три области практического применения, развитие которых представляется сегодня приоритетным: овладение иностранным и вторым языком, совершенствование дискурсивных навыков, обработка естественного языка и речевое взаимодействие человека и техники.

Глава 20

Экзистенциальный подход в психологии личности¹

Экзистенциальный подход в психологии набирает силу и стремительно входит в пространство отечественной психологической науки и практики, становится одним из ведущих направлений психологии XXI в. Его влияние распространяется и на теоретические описания феноменологии, и на область практической работы с проблемами людей.

Экзистенциализм начал активно заявлять о себе после Второй мировой войны, что напрямую связано с драматическими событиями истории XX в., острыми социальными и психологическими проблемами, переживаемыми людьми. Ролло Мэй называет появление экзистенциальной психологии наднациональным ответом на проблемы человека XX в. Для подобной точки зрения есть основания: экзистенциальная психология, как никакая другая область психологии, обращена к самой жизни человека. В центре ее внимания — проблемы, связанные с фундаментальными задачами жизни человека. XXI в. с его стремительными изменениями напрямую сталкивает человека с необходимостью поиска ответа на «большие вопросы» жизни. В свое время Г. Гарднер называл «интеллектом больших вопросов» склонность человека размышлять о самых значимых проблемах бытия — о жизни и смерти, о существовании в этом мире и его смысле.

Вместе с тем усиливающееся влияние экзистенциального подхода в психологии объясняется не только его потенциалом, открывающим новые возможности практической психологической помощи, но и его методологическими особенностями, позволяющими найти релевантные описания психологии современного человека, отвечающие задаче «изучения изменяющегося человека в изменяющемся мире».

Из истории становления экзистенциального подхода в психологии

Считается, что западная экзистенциальная психология формируется на пересечении трех интеллектуальных традиций — философии экзистенциализма, экзистенциального анализа и гуманистической психологии.

¹ При написании текста использованы предыдущие работы автора.

Раздел III

Экзистенциальная психология имеет глубокие *философские основания*, что является положительным моментом в представлении одних и отпугивает других. В первой половине XIX в. С. Кьеркегор сформулировал основную идею экзистенциализма — экзистенция человека как свобода и возможность, «возможность быть» как выбор самого человека, его становление экзистенциально ответственным индивидом.

XX в. с его драматическими событиями усиливает ощущение трагичности человеческого существования. Новый этап в развитии экзистенциальных идей в философии связан с именами М. Хайдеггера, К. Ясперса, Ж.-П. Сартра и др., каждый из них вносит свой вклад в становление экзистенциальной мысли. Хайдеггеру принадлежит ключевая идея экзистенциализма: индивид есть бытие в мире, — что является одним из базовых постулатов экзистенциальной психологии. Ясперсу психология обязана разработкой идей «пограничных ситуаций», переживание которых обладает потенциалом усиления «самости», подлинности человека. Важнейшей для Сартра является тема свободы: человек определяет себя в бытии, бытие есть то, на что человек решается. Эти и другие идеи философов стали основой развития экзистенциальных идей в психологии.

Еще одним влиятельным источником формирования экзистенциальной традиции в психологии является *экзистенциальный анализ*. Речь идет о приложении экзистенциальных идей к клинической практике, прежде всего в работах европейских психиатров Л. Бинсвангера и М. Босса. Во времена безусловного доминирования психоаналитического подхода в практике работы психиатров и психотерапевтов они утверждают необходимость анализа способа существования человека в мире как важнейшего условия понимания проблем пациентов. Экзистенциальный анализ — это феноменологический анализ актуального человеческого существования, основанный на идее Хайдеггера об индивиде как «бытии-в-мире» и предполагающий восстановление его исторической биографии. Именно работы европейских психиатров стали основным каналом проникновения экзистенциальных идей в американскую психологию.

Наибольшее влияние, однако, на становление экзистенциальной психологии оказали сами психологи, прежде всего *представители гуманистической психологии*, которая на своем начальном этапе формировалась как оппозиция доминировавшим в тогдашней психологии психоанализу и бихевиоризму. Именно в рамках гуманистической психологии был предложен новый концепт человека: человек — это активный, свободный субъект, наделенный потенциалом самоактуализации, жизнь которого представляет собой тенденцию к максимальному выражению, реализации этого потенциала.

Новизна подхода гуманистической психологии, ее обращенность к проблемам человека своего времени оказали огромное влияние на психологическую науку и практику. Богатство идей, предложенных в рамках данного подхода, обладая эвристическим потенциалом, определило появление новых тенденций в развитии психологии, а разнообразие возможностей реализации этих новых

идей – появление отдельных, относительно самостоятельных направлений, в частности, экзистенциальной психологии.

В становлении экзистенциализма признанную роль сыграли *российская наука и культура*. Экзистенциальные темы смысла жизни, поиска своего места в жизни, свободы, ответственности всегда были в центре внимания русской философии и литературы. Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский являются наиболее цитируемыми писателями в мировой экзистенциальной литературе (И. Ялом относит их к числу «самых великих психологов»). Интерес к экзистенциальной тематике свойствен многим российским философам, из которых чаще других упоминаются Л. Шестов и Н. Бердяев. Главной темой работ Шестова является тема свободы; по его утверждению, задача философии – «научить человека жить в неизвестности», идти к поиску истины своего существования, когда «почва уходит из-под наших ног» (Шестов, 2011). Бердяев – автор многих работ по проблемам жизни и судьбы, свободы человека, осуществляющего самого себя. Используемые им понятия «самовозрастания человека», «самотворения личности» чрезвычайно близки экзистенциальной психологии (Бердяев, 1989).

Говоря о предшественниках отечественной экзистенциальной психологии, необходимо сказать о работах С. Л. Рубинштейна. В своем подходе Рубинштейн описывает человека через его отношения с миром и постоянно обращается к таким базовым для экзистенциальной психологии понятиям, как «свобода», «ответственность», «смысл жизни». Человек – субъект жизни, его существование – это «участие в жизни». Но это не только активность и деятельность по преобразованию окружающего мира и построению собственной жизни, но и преобразование и созидание личностью собственной сущности в процессе жизни, в процессе осуществления ответственного выбора.

Определенной новизной отличается и трактовка Рубинштейном понятия свободы – одного из важнейших понятий экзистенциального подхода. Свобода, утверждает Рубинштейн, это не простая альтернатива необходимости, ее отрицание, но завоевание, достижение человека, принятие им на себя ответственности за свою жизнь. Человек, включенный в жизнь, становится субъектом ответственного выбора, решения: «Линия, ведущая от того, чем человек был на одном этапе своей истории, к тому, чем он стал на следующем, происходит через то, что он сделал» (Рубинштейн, 1989, с. 246).

И хотя Рубинштейн не раз вступал в полемику с экзистенциалистами, его идеи относительно отношений человека с миром можно рассматривать в связи с методологическими основаниями экзистенциального подхода в отечественной психологии.

Экзистенциальная психология, опираясь на мощную интеллектуальную традицию мировой философии, опыт и практику экзистенциального анализа европейских психиатров, разделяя идеи гуманистической психологии о понимании человека как активного, свободного, способного к самодетерминации и самостоятельному выстраиванию своей жизни, предлагает подход, отличающийся принципиальной новизной, собственным предметом, оригинальным проблемным полем и понятийным аппаратом.

Основные постулаты экзистенциального подхода

Исходной позицией экзистенциального подхода является постулат Хайдеггера: *индивид есть бытие в мире*. Для психологии это означает, что человек существует в мире, в постоянном взаимодействии с миром и сам есть часть этого мира. Живя в мире, человек постоянно сталкивается с данностями бытия, объективными реалиями жизни, переживание этих проблем и составляет содержание экзистенциальной феноменологии. Принципиальные линии изучения психологии человеческого бытия намечены С.Л. Рубинштейном в его работе «Человек и мир», в которой он обобщает свое понимание онтологии бытия и человека в мире. Центральным пунктом его антропологической концепции является понимание природы человека через совокупность отношений к миру, что предполагает исследование структуры бытия и способов существования человека в мире.

Один из базовых тезисов Рубинштейна состоит в утверждении неразрывной соотнесенности человека с миром и преобразующей роли его деятельности по отношению к бытию: «Человек включен в бытие своими действиями, преобразующими наличное бытие» (Рубинштейн, 2003, с. 357). Тем самым личность воплощает себя в жизни и может быть понята только через соотношение с целой жизнью.

В процессе взаимодействия с жизнью, «участия в процессе жизни» человек преобразует свое бытие и свою сущность, приходя к «возникновению все более высокоорганизованных и качественно новых уровней бытия». В описании человека как субъекта жизни Рубинштейн указывает на два основных способа существования человека и, соответственно, два способа его отношения к жизни. Первый из них — это погруженность в мир непосредственных связей, отношений и социальных ролей: «Здесь человек весь внутри жизни, всякое его отношение — это отношение к отдельным явлениям, но не к жизни в целом». Второй способ существования связан с прерыванием этого процесса, что выводит человека за пределы процесса жизни: «Сознание выступает здесь как разрыв, как выход из полной поглощенности непосредственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней, занятия позиции над ней, вне ее для суждения о ней». С этого и начинается новый способ отношения к жизни, связанный уже не с отдельными явлениями, но с общим отношением к жизни, с ответственностью человека за свою жизнь, за все содеянное и за все упущенное. Это, как пишет Рубинштейн, «философское отношение к жизни», «обобщенное, итоговое отношение к жизни» (Рубинштейн, 2003, с. 366–367).

Выход человека за пределы «поглощенности непосредственным процессом жизни», захваченностью ею, означает выход в пространство бытия, в бытийную реальность, «качественно новый уровень бытия». В предложенном Рубинштейном понимании бытийная реальность, которая наполнена ценностно-смысловым содержанием, фактически тождественна экзистенциальной реальности. «Экзистенция» — это подлинность существования человека, в трактовке Рубинштейна этот новый способ существования человека и есть выход в его подлинность.

Постулат «Индивид есть бытие-в-мире» должен быть дополнен тезисом Кьеркегора о том, что в отличие от мира природы, где действуют законы детерминации, *человек живет в мире свободы*. При этом свобода – это не просто отсутствие необходимостей, но необходимость выбора человеком способа своего существования. Свобода в понимании Рубинштейна – это принятие на себя ответственности за свою жизнь через делаемый выбор. В этом проявляется существенное отличие экзистенциального подхода от позиции преформизма гуманистической психологии, в соответствии с которой становление человека есть процесс разворачивания его потенциала, его реализация в процессе самоактуализации. В экзистенциальной психологии становление личности человека есть процесс и результат осуществляемых им выборов. Это делает понятие выбора одним из основных в экзистенциальной психологии.

Таким образом, в соответствии с экзистенциальным подходом развитие человека и становление его личности определяются его выбором (а не разворачиванием уже заложенного в нем потенциала). Человек творит самого себя, и важнейшим условием его развития является диалог с миром, поэтому изучение человека должно осуществляться в контексте его взаимодействия с окружающим миром.

Соответственно *экзистенциальная психология может быть определена как область психологии, изучающая взаимоотношения человека с жизненным миром, его отношение к фундаментальным проблемам человеческого существования, его бытие в мире*.

Из базовых положений экзистенциального подхода вытекают его особенности, имеющие *методологические следствия*, значимые для разработки идей экзистенциальной психологии и исследовательских решений.

Первое, с чего стоит начать и что может рассматриваться как базовый, исходный постулат экзистенциальной психологии, – это признание того, что *поведение человека и психологическая феноменология определяются* не только его индивидуально-психологическими особенностями и ситуационными детерминантами, описывающими непосредственный контекст его существования, но и *включенностью человека в более широкое пространство существования*. Это становится тем более очевидно в современных условиях, когда за счет новых технологий и возможностей (цифровой реальности, массмедиа и др.) человек фактически вступает в прямые контакты с окружающим миром, в широкое информационное пространство, что порождает новую психологическую реальность его существования, в том числе новую психологическую феноменологию, широко освещенную в современной литературе. В классической психологии понятие среды существования человека зачастую редуцировалось до понятия непосредственной ситуации его жизнедеятельности, а объяснительные модели взаимодействия человека с окружением ограничивались описанием ситуационных детерминант (Гришина, 2018а). В современной психологии личности ситуационный контекст дополняется жизненным, изучаемым, в частности, в психологии повседневности, нового направления отечественной психологии, в рамках которого находят убедительное подтверждение представления о необходимости включения факторов более широкого контекста в описание детерминантов ак-

тивности (Гусельцева, 2019а; Марцинковская, 2015б, 2017; и др.). Ситуационный и жизненный контекст, однако, не отражают полноты всего многомерного мира жизни человека. Их необходимым дополнением является экзистенциальный, или бытийный, контекст — контекст ценностно-смыслового содержания жизни человека, его общего отношения к жизни, рождающегося, как пишет Рубинштейн, в результате выхода за пределы непосредственной поглощенности жизнью, выхода за пределы ситуационного контекста и жизненных обстоятельств повседневности, где и возникает общее осмысление жизни, ее философия с открывающимися человеку высшими ценностями и смыслами жизни.

Экзистенциальная психология изучает бытийную реальность существования человека, его отношение к бытию, к жизни, к ее «большим вопросам». Эти «большие вопросы» человеческой жизни — о своем месте в этом мире, о смысле своей жизни, о свободе и смерти и т. д. — всегда были скорее философскими, предметом философского обсуждения в поисках общих и зачастую абстрактных ответов на эти вечные вопросы. Реалии XX в. переводят эти «философские вопросы» в психологические проблемы самого человека. И дело не только и не столько в драматическом опыте прошедшего века, сколько в изменениях мира, рождающих новую реальность с ее сложностью, неопределенностью, изменчивостью. Ушедшие в прошлое традиции передачи культурного опыта, нормативных представлений о жизни и жизненных сценариях прежде служили опорой человеку в поисках ответа на вопросы о его назначении, о смыслах жизни, ее «правилах» и т. д., опорой, основанной на проверенном временем опыте предшествующих поколений. Современная реальность лишена этих внешних опор, оставляя человека наедине с самим собой в поиске ответов на эти важнейшие вопросы жизни.

Таким образом, экзистенциальная психология, не конкурируя с уже существующими подходами, никак «не обнуляя» предшествующую психологию, фактически расширяет ее предметное поле, обращаясь к той проблематике, которая, как отмечалось выше, должна быть включена в понимание поведения и психологической феноменологии современного человека.

«Особость» предметного поля экзистенциальной психологии требует соответствующих исследовательских решений. В свое время о различии в исследовательских подходах писал Ф. Е. Василюк, противопоставляя «онтологии изолированного индивида» *«онтологию жизненного мира»*. Большинство традиционных подходов в психологии личности (гуманистическая психология не исключение) описывают ее как наделенную определенным набором качеств, которые раскрываются и реализуются в процессе развития фактически «изолированного индивида». «Онтология жизненного мира» предполагает, что человек должен изучаться в процессе его взаимодействия с окружающим миром, в котором он на самом деле постоянно находится (идея «жизненного пространства» как объединяющего личность и окружающий мир, как известно, была высказана еще К. Левином).

Еще одно уточнение предмета экзистенциальной психологии, касающееся исследовательских «единиц», принадлежит Р. Мэю, который указывает, что для экзистенциалистов «важны не отдельные психологические реакции, а скорее психологическое бытие человека существующего, который осуществляет свой опыт, то есть они используют психологическую терминологию в он-

тологическом смысле» (Мэй, 2004, с. 56). Фактически речь идет о «*молярном*» уровне описания психологической феноменологии.

Этот уровень описания органичен предмету экзистенциальной психологии и тем задачам, которые она перед собой ставит. В свое время Б. Г. Ананьев, рассматривая онтопсихологию как психологическую науку будущего, писал, что для нее «естественный масштаб измерения – человеческая жизнь в целом». А С. Л. Рубинштейн отмечал, что «подлинно жизненной наукой психология может быть, только когда она сумеет, не исключая и аналитического изучения ощущений, чувств и т. п., психологически анализировать жизненные явления, оперируя такими нефункциональными „единицами“ психического» (Рубинштейн, 2003, с. 138).

Наконец еще одно важное уточнение касается того, что основной методологией экзистенциальной психологии является *феноменологический подход*. Когда-то он был методологической основой изучения различных феноменов в школе гештальтпсихологии, получил развитие в Я-концепции Роджерса. Сегодня феноменологический подход все более утверждается в современной науке. Феноменологический подход в экзистенциальной психологии означает, что предметом ее внимания являются не сами по себе реалии мира, с которым взаимодействует человек, не сами по себе экзистенциальные данности («экзистенциалы») его существования, но его отношение к ним. Конечность жизни, смерть есть объективный факт жизни человека, но его реальное влияние на человека зависит от отношения к этому факту, переживания конечности жизни. Можно говорить о неограниченной свободе человека в мире или, напротив, утверждать детерминистскую картину мира, но важнее то, как сам человек рассматривает свое существование в мире – как наделенное свободой или лишенное ее. Таким образом, в экзистенциальной психологии феноменологический подход рассматривается как релевантный для анализа таких феноменов, как свобода, ответственность, смысл жизни, отношение к конечности жизни и др. Именно эти проблемы именуются в литературе экзистенциальными.

Экзистенциальные проблемы

Экзистенциальные проблемы составляют основное содержание предметного поля экзистенциальной психологии. Именно поэтому экзистенциальная психология нередко определяется через отдельные экзистенциальные проблемы – как наука о жизни и смерти, о смысле жизни – или через перечисление экзистенциальных проблем свободы, ответственности, одиночества и т. д.

При всех возможных вариациях в формулировках определения экзистенциальной психологии очевидно, что ее предметное поле образовано экзистенциальными проблемами, переживаемыми человеком, которые рассматриваются как фундаментальные для его существования.

Экзистенциальные проблемы являются главным предметом как теоретического обсуждения, так и практической работы в экзистенциальном подходе. Их особенности проистекают из их принципиального отличия от других психологических проблем, что связано с их происхождением. Если обычные психоло-

гические проблемы чаще всего коренятся в неблагоприятном индивидуальном опыте человека, то *экзистенциальные проблемы проистекают из столкновения человека с проблемами бытия*, так называемыми данностями бытия.

Данности бытия, в свое время названные Хайдеггером экзистенциалами, описываются разными авторами с некоторыми вариациями, но неизменно включают бытие-в-мире (укорененность в мире), конечность жизни человека, свободу выбора и ответственность, связь с миром людей и изолированность от них, поиск смысла. Данности бытия — это объективные реалии жизни человека: конечность нашей жизни, поиск своего места в мире, связанный с выбором и ответственностью за него, определение себя в мире людей, включенность в социальные отношения и потребность сохранения автономии, поиск смысла жизни, не задаваемого объективно. Столкновение с данностями бытия становится вызовом для человека, требующим ответа. Субъективное переживание этих вызовов человеком лежит в основе возникновения критических жизненных ситуаций, экзистенциальных кризисов, рождающих ощущение необходимости жизненных перемен.

Особенности экзистенциальных проблем связаны с их содержанием (переживанием проблем бытия); универсальностью (общность экзистенциальных данностей, отражающих универсальный характер человеческого бытия, означает их потенциальное присутствие в жизни каждого человека при индивидуальном и культурном своеобразии их переживания); фундаментальностью (связанной с несомненной значимостью влияния переживания экзистенциальных проблем не только на актуальное психологическое состояние человека, но и на его жизнь в целом); невозможностью их окончательного решения.

Одна из важнейших характеристик экзистенциальных проблем, обозначающих их место в психологической феноменологии, а также особенности психологической работы с ними, связана с их *функциями*. Невозможность окончательного однозначного решения экзистенциальной проблемы — невозможно раз и навсегда ответить на вопрос о смысле своей жизни, отношение к неизбежной смерти будет заметно отличаться у людей разного возраста — означает, что человек не раз сталкивается с экзистенциальными вызовами, требующими своего ответа, которые могут переживаться, в частности, и как экзистенциальные кризисы.

Актуализация экзистенциальных проблем связана с теми или иными критическими, или, по Ясперсу, пограничными, ситуациями, возникающими из-за сложных жизненных обстоятельств, внутренних кризисов человека, возрастных или соматических проблем. Экзистенциальные кризисы человека — это всегда кризисы существования, порождающие чувство необходимости перемен. Человек всегда существует в процессе становления. С точки зрения экзистенциальной психологии цель становления личности в том, чтобы реализовать всю полноту бытия. Функция экзистенциальных проблем состоит в том, что они заставляют пересматривать и уточнять цели и жизненные приоритеты; по Хайдеггеру, кризисные жизненные ситуации являются средством прорыва человека из повседневности и рутинности к аутентичности и подлинности — «пробуждение к экзистенции», по Ясперсу.

Экзистенциальные проблемы являются основным содержанием работы в экзистенциальной терапии.

Объяснительные схемы

Экзистенциальный подход в психологии личности находится на начальных стадиях становления. Дальнейшее его развитие нуждается в теоретическом обобщении и построении концептуальных схем, обеспечивающих согласованность основных теоретических конструкторов и систематизацию эмпирических данных.

Создание теории личности, ориентированной на анализ ее существования в мире, является непростой задачей, требующей иных подходов, чем традиционные описания структуры личности или ее свойств и характеристик.

Антропологическая концепция В. Франкла, одного из признанных лидеров экзистенциального подхода, исходит из триединства тела, души и духа. Личность относится прежде всего к духовному измерению, к сфере свободы, ответственности и стремления к смыслу. В 1951 г. выходит работа Франкла «Десять тезисов о личности», которая имеет скорее философский, мировоззренческий, чем психологический характер. Описывая личность, Франкл указывает на ее общие характеристики – целостность, уникальность, духовность, экзистенциальность как ориентированность на ценности, смыслы и др.

Важнейшим вкладом Франкла в понимание личности с позиций экзистенциальной психологии является введение понятий самотрансценденции и самотстранения (самодистанцирования). Самодистанцирование как способность человека к выходу за пределы ситуации, за рамки пространственной и временной реальности фактически обеспечивает свободу человека. С самотрансценденцией, открытостью личности, ее способностью к личностной включенности в мир, ее направленностью на нечто вне себя связана ответственность личности. Упрощенно говоря, если самодистанцирование связано со свободой *от*, то самотрансценденция – со свободой *для* (Франкл, 1990).

По Франклу, самотрансценденция является самой сутью человеческого существования. Значение этого концепта для психологии определяется тем, что именно ценности самотрансценденции являются для человека мощным основанием жизненных смыслов. Самотрансценденция представляет собой такой способ взаимодействия с окружающим миром, который потенциально способен обеспечивать причастность бытию, тем самым возвращая человека к природным смыслам его существования.

А. Лэнгле, автор экзистенциально-аналитического подхода, предлагает систематизированное описание динамического взаимодействия человека с миром, рассматривая его как экзистенциальную теорию личности (Лэнгле, 2008).

Исходным тезисом его теории является довольно очевидное утверждение о том, что человек имеет персональное бытие, которое, с одной стороны, является его внутренним, закрытым от всех, с другой – открыто внешнему миру. Экзистенциальное становление личности, по Лэнгле, предполагает «двойное соотнесение»: утверждение себя во внутреннем отношении к себе и во внешнем – в отношениях с другими людьми и общении с ними.

Человек находится в постоянном диалоге с бытием, в котором реализуются его фундаментальные экзистенциальные мотивации. Лэнгле описывает содержание этих мотиваций, предпосылки и результат их реализации. Первая фундаментальная экзистенциальная мотивация — это мотивация к физическому выживанию и духовному преодолению бытия. Лэнгле обозначает ее как вызов к способности человека быть в этом мире. Результатом внутренней работы человека в ответ на этот вызов является принятие реальности и способность справляться с тем, что нельзя изменить. Вторая фундаментальная мотивация — мотивация к получению радости от жизни и переживанию ее ценностей. Третья — мотивация к персональной аутентичности и справедливости — отражает этический аспект существования человека. Данная мотивация представляет собой вызов к принятию себя и развитию самооценности личности. Четвертая фундаментальная мотивация относится к деятельности человека — мотивация к экзистенциальному смыслу и созданию того, что имеет ценность, к тому, чтобы действовать должным образом. Лэнгле обозначает содержание этой мотивации как «внесение себя в жизнь», а ее результат — как экзистенциальную исполненность, рассматриваемую в экзистенциальной психологии как высшую реализованность человека.

Экзистенциальная теория личности, предлагаемая А. Лэнгле, — это теория мотивации. Его концепция фундаментальных экзистенциальных мотиваций основана на онтологии (учении о бытии), аксиологии (учении о ценностях), этике (обосновании права человека быть собой) и праксиологии (учении о смысле человеческой деятельности). Она представляет несомненный интерес и содержит очевидные возможности для выхода в практику работы с психологическими проблемами человека. Вместе с тем акцент на мотивации человека переводит описание экзистенциальной феноменологии в личностный ракурс рассмотрения, а мир, с которым вступает во взаимодействие человек, рассматривается только с точки зрения условий, позволяющих эти мотивации реализовать, что кажется недостаточным.

Д. А. Леонтьев в результате анализа тенденций развития психологии личности приходит к выводу, что «главное, чем отличается экзистенциальная психология от традиционной: если последняя изучала детерминированного человека, находящегося в пространстве необходимости, законов и причинно-следственных связей, то экзистенциальная психология изучает самодетерминированного человека, находящегося в пространстве неопределенности и возможностей» (Леонтьев, 2016, с. 12).

В этом пространстве неопределенности и возможностей и должна описываться экзистенциальная феноменология. Само это пространство неопределенности и возможностей возникает в результате взаимодействия человека с окружающим миром.

Важнейшей задачей, с которой в свое время столкнулась психология, была проблема необходимости преодоления разрыва между человеком и миром его жизни. Этот разрыв возникал за счет того, что традиционно среда существования человека — будь то широкий контекст или его непосредственная жизненная ситуация — описывалась в характеристиках самой среды, независимой от ин-

дивида. Такого рода описания не отражали реального взаимодействия человека с миром, диалога между ними.

Как известно, этот разрыв преодолевается с помощью категории «переживание», которая позволяет связать воедино человека и окружающий его мир. По Выготскому, «переживание есть единица, в которой в неразложимом виде представлена, с одной стороны, среда, то, что переживается, — переживание всего относится к чему-то находящемуся вне человека, — с другой стороны, представлено то, как я переживаю это, т. е. все особенности личности и все особенности среды представлены в переживании» (Выготский, 1984, с. 75–76).

Акцент на переживании человеком своих отношений с миром как нельзя лучше соответствует природе экзистенциальной феноменологии. Как уже отмечалось, экзистенциальный подход описывает существование человека в мире через его конфронтацию с данностями бытия. Данности бытия отражают объективные реалии нашего существования, но существуют они для нас только благодаря тому субъективному значению, которое они для нас приобретают, их переживанию, отражающему отношение к ним.

Взаимодействие человека с окружающим миром на языке экзистенциальной психологии может быть описано на основе тех вызовов, которые несут в себе данности бытия, в которые они трансформируются в силу того субъективного значения, которое возникает у человека при столкновении с ними.

В рамках экзистенциального подхода существует несколько типологий данностей бытия. Наиболее «психологической» из них является типология Дж. Бьюдженталя, описавшего пять данностей, или условий, бытия, при этом «каждое такое условие приносит с собой неизбежное обстоятельство, именуемое „конфронтацией“, с которым каждый из нас должен что-то делать». Бьюдженталь выделяет следующие данности: 1) «укорененность» человека в мире; 2) «конечность» жизни; 3) «способность действовать или не действовать»; 4) «возможность выбора»; 5) «отдельность-но-связанность», отражающая нашу «причастность» к миру людей (Бьюдженталь, 2001, с. 227).

Несмотря на некоторые различия в используемых разными авторами понятиях, в целом их представления о фундаментальных данностях бытия довольно близки. Столкновение с этими данностями бытия порождает требующие ответа вызовы, которые могут быть конкретизированы следующим образом.

Неразрывная связь человека с миром, «укорененность» в изменяющемся мире ставит его перед необходимостью изменяться, порождая вызов способности и готовности осознавать и принимать происходящие изменения, к способности и готовности самого человека изменяться. Осознание человеком конечности жизни, своего неизбежного ухода из этого мира с одновременным незнанием отпущенного ему времени жизни порождает ситуацию неопределенности, которая затрагивает все аспекты его существования. «Способность действовать и не действовать» становится вызовом ответственности человека за то, что он делает и что он не делает в этом мире. Еще одна данность существования человека — это возможность выбора, фактически выступающая вызовом готовности человека осознавать и принимать свою свободу. Наконец неизбежная связанность человека с миром людей порождает вызов его способности сохранять эту

связь, поддерживать живой диалог с миром, оберегая в то же время свою автономию и индивидуальность.

Каждая из базовых данностей ставит перед человеком задачи осознания вызовов жизни, готовности принимать их и действовать в соответствии с ними. С точки зрения экзистенциальной психологии проблемы человека начинаются тогда, когда он не готов осознавать вызовы жизни и тем или иным образом уходит от этого осознания, когда он не готов принимать эти вызовы и жить с ними.

Неспособность к принятию изменений порождает попытки «остановить время», «настоять на неизменности», апелляции к прошлому опыту. Неспособность к принятию неопределенности – попытки уменьшить неопределенность или противостоять ей за счет использования привычных паттернов действий, введения происходящего в рамки привычного, в том числе опора на привычные процедуры и отношения. Отказываясь от возможности действовать и выбирать, человек избирает бездействие, пассивные формы поведения, уход от ответственности, проявляет неспособность к выбору, отвечающему подлинным интересам личности, неготовность принять неизбежность отказа от чего-то. Невозможность сформировать отношения, позволяющие ощущать свою связанность с другими и одновременно сохранять собственную автономию, приводит к деструктивным формам отношений, зависимости, использованию отношений с людьми в качестве опор для поддержания неизменности, привычности, определенности контекста, разделения ответственности. Эта проблематика и становится предметом работы с экзистенциальными проблемами людей.

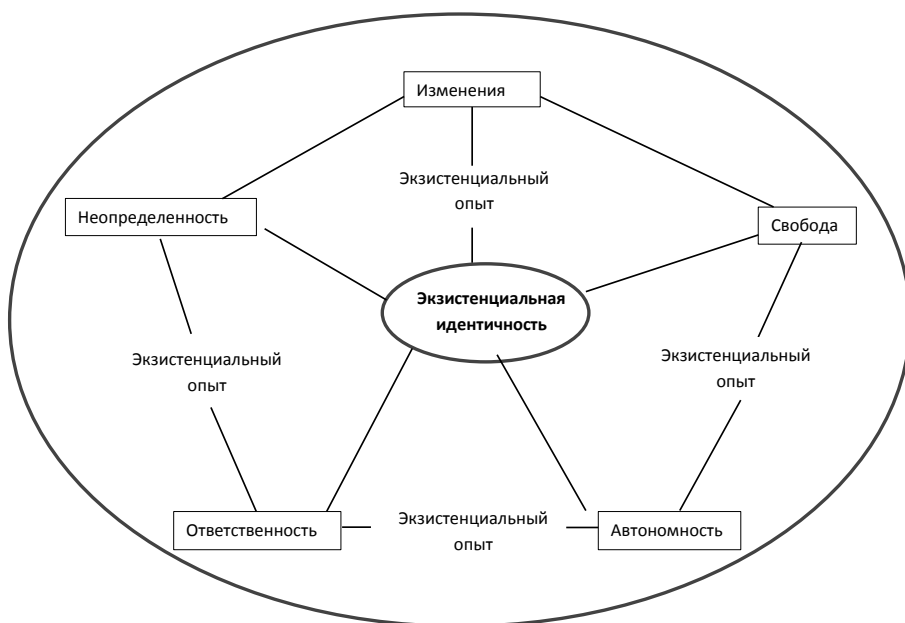

Рис. 20.1. Экзистенциальная модель взаимодействия человека с миром (Гришина, 2018б, с. 260)

Таким образом, на основе базовых данностей человеческого существования мы можем строить *описание поведения человека в контексте вызовов изменений, неопределенности, ответственности, свободы выбора, меры включенности в мир отношений* (Гришина, 2018б). Эта экзистенциальная модель взаимодействия человека с миром (рисунок 20.1) при всей универсальности того, что называется данностями бытия, отвечает реалиям современного мира, которые сегодня описываются в понятиях изменчивости, неопределенности, сложности и т. д. Основой, на которой формируются «ответы» человека на вызовы реальности, является экзистенциальный опыт человека, подтверждающий, уточняющий или побуждающий к их пересмотру. Экзистенциальный опыт возникает в результате проживания человеком экзистенциальных проблем, в том числе в критических жизненных ситуациях, ситуациях «вершинного» опыта (А. Маслоу), «пограничных» ситуациях (К. Ясперс). Экзистенциальный опыт в свою очередь становится основанием для становления экзистенциальной идентичности человека — осознания себя и своего существования в контексте бытия, ощущения собственной причастности бытию.

Заключение

Сегодня экзистенциальная психология обрела свой законный статус в пространстве мировой психологической науки и практики. Имена таких экзистенциальных психологов, как Ролло Мэй и Ирвин Ялом, Виктор Франкл и Альфред Лэнгле, хорошо известны психологическому сообществу. В российской психологии также существует несколько центров, развивающих различные направления экзистенциального подхода, прежде всего его практических приложений — логотерапии, экзистенциального анализа и др.; безусловное лидерство в распространении идей экзистенциальной психологии в России принадлежит Институту экзистенциальной психологии и жизнестворчества, который был создан более 20 лет назад Д. А. Леонтьевым.

Развитие экзистенциально-психологического подхода и растущий интерес к нему профессионального сообщества позволяют высоко оценить перспективы его дальнейшей интеграции в отечественную психологию. Сегодня влияние экзистенциального подхода особенно ощущается в области практической психологической работы, экзистенциальной терапии и консультирования.

Востребованность идей экзистенциальной психологии понятна — она относится к тем направлениям современной психологии, которые отвечают потребностям современной ситуации, помогая человеку в решении фундаментальных экзистенциальных задач его существования, в полноте реализации его жизненных возможностей.

Дальнейшее развитие экзистенциальной психологии, в том числе ее приложений в практике психологической работы, предполагает научное исследование экзистенциальной проблематики, отношений человека с окружающим миром, стратегий его существования в бытийном контексте.

На протяжении всего периода становления экзистенциального подхода в психологии его описание в литературе были в большей мере ориентированы

либо на анализ его философских аспектов, либо на практическую работу психотерапевтов с экзистенциальной тематикой. Вместе с тем значение экзистенциальной психологии в общем пространстве психологической науки, безусловно, не исчерпывается ее практическими возможностями.

По мнению специалистов, распространению и укреплению идей экзистенциальной психологии способствует общая ситуация в психологической науке, характеризующаяся движением в направлении гуманитарной парадигмы, к понимающему подходу вместо объяснительного, к рассмотрению неразрывной связи человека и мира (Шумский, 2016, с. 4). И в этом общем движении развития психологической науки экзистенциальная психология занимает далеко не последнее место, что связано с созвучием ее идей и методологических предложений современным подходам в психологии личности. Неслучайно в своей программной статье, посвященной новым ориентирам понимания личности в психологии, Д. А. Леонтьев уделял немалое внимание именно экзистенциальному взаимодействию человека с миром (Леонтьев, 2011), без описания которого полнота понимания существования личности в окружающем мире не может быть достигнута.

«Суть экзистенциального мировоззрения состоит в отношении к жизни как к тотальной неопределенности, единственным источником внесения в которую определенности выступает сам субъект, при условии, что он не считает свою картину мира априори истинной и вступает в диалог с миром и другими людьми для верификации этой картины» (Леонтьев, 2015).

Когда философы, начиная с XIX в., развивали идеи, ставшие основой экзистенциального мышления, они описывали этот мир в понятиях неопределенности, возможностей, выбора человека, а самого человека — как выбирающего свое бытие в пространстве возможностей. Эти идеи в то время не получили широкого распространения в научном сообществе и не могли найти отражения в обыденном сознании.

Сегодня понимание реальности как исполненной неопределенности, неоднозначности, сложности, ставящей человека перед необходимостью самоопределения в этом мире, является общепринятым в научном дискурсе и представлено в обыденном сознании (Козлова, Гришина, 2019). Таким образом, можно метафорически утверждать, что мир стал таким, каким его когда-то увидели экзистенциальные философы, и что он наилучшим образом трактуется именно экзистенциальным мировоззрением.

Это делает важной стоящую перед экзистенциальной психологией задачу укрепления ее научных оснований, что требует непростых решений. Констатируя «научное» состояние экзистенциальной психологии, приходится согласиться с тем, что «экзистенциальная психология скорее стремится к тому, чтобы уловить дух и чувство жизни, чем описывать жизнь в рамках системы логических и систематических категорий» (Jacobsen, 2007, p. 1). Эта «особость» экзистенциальной психологии с ее обращенностью к фундаментальным жизненным проблемам человека, что обеспечивает ее преимущества, иногда становится аргументом для тех, кто считает попытки вместить экзистенциальные представления в «систему логических и систематических категорий» несовместимым с самим

духом экзистенциальной психологии. Подобная точка зрения встречается прежде всего среди практиков, работающих в области экзистенциальной терапии.

Однако ограничить экзистенциальную психологию исключительно практическими приложениями означает лишить психологическую науку и, в частности, психологию личности важнейшего и необходимого вектора ее развития.

Поиск методических и исследовательских решений остается важной задачей для психологии. В свое время гуманистические психологи отмечали, что невозможность строго измерить сложные психологические феномены не может быть препятствием на пути их изучения. Своего рода вызовом стало проведение в 2001 г. конференции по экспериментальной экзистенциальной психологии и выход в 2004 г. фундаментального издания «Handbook of Experimental Existential Psychology». Тематика, которая была представлена в этом уникальном издании, чрезвычайно обширна и разнообразна — от классических для экзистенциальной психологии тем смерти, свободы, смысла жизни до проблем справедливости, ностальгии, остракизма и др. В современной психологии достаточно широко известны и используются методики, направленных на диагностику экзистенциальной феноменологии, проявлений самодистанцирования, самотрансценденции, свободы и ответственности (Кривцова, Лэнгле, Орглер, 2009), переживания одиночества (Осин, Леонтьев, 2013), страха смерти и др.

Экзистенциальная психология продолжает осваивать новые пространства существования человека. Изменения, неопределенность, свобода и ответственность — это то, что привносят в жизнь человека данности бытия, становясь вызовом подлинности его существования. Бытийная реальность — это мир ценностей и смыслов жизни человека. М. М. Бахтин писал о бытии, выходящем за пределы «вещного» мира, о «подлинной жизни», которая «совершается как бы в точке... несовпадения человека с самим собой, в точке выхода за пределы всего того, что он есть как вещное бытие» (Бахтин, 1972, с. 101).

Созвучную точку зрения в психологии высказывает Л. И. Анцыферова: «Личность существует в процессе постоянного несовпадения с собой, в процессе выхода за свои пределы <...> сфера истинного бытия человека как личности — это сфера его выхода за пределы себя» (Анцыферова, 2006, с. 39).

«Выход за пределы себя» допускает двоякое понимание. С одной стороны, это возможность самоизменения, возможность стать чем-то большим, возможность самореализации и раскрытия своего потенциала. С другой стороны, «выход за пределы себя» означает преодоление границ своего жизненного пространства, выход в экзистенциальную реальность, бытийный уровень существования.

Определение этого важнейшего аспекта существования человека и является предметом экзистенциальной психологии, обращенной к описанию подлинности личности, ее «истинного бытия», что и определяет ее статус в современной психологической науке.

Глава 21

Процессуальный подход в психологии личности¹

Введение

Психология личности является одним из ключевых направлений психологической науки. Значительная часть достижений XX в. от теоретических концепций, описывающих личность и ее феноменологию, до разработанного психодиагностического инструментария, которые используются в самых разных областях психологической науки и практики, относятся именно к психологии личности.

Первые десятилетия XXI в. стали временем кардинальных перемен в изучении психологии личности, специалисты столкнулись с новыми вызовами, обозначенными как задача «изучения изменяющегося человека в изменяющемся мире». Изменения современного мира породили новую психологическую реальность существования человека — психологическую феноменологию, для описания которой традиционные подходы, сложившиеся в психологии личности, оказались недостаточными. Анализ материалов всемирных и европейских конференций последних лет по проблематике психологии личности (в частности: *Abstract Book...*, 2018; *Book of Abstract...*, 2022) показывает, что задачи поиска новых подходов в исследованиях личности вполне осознаются научным сообществом. Речь идет о разработке описательных схем, позволяющих целостно и непротиворечиво объяснить многообразный спектр феноменологических проявлений личности, выявить базовые детерминанты ее поведения и прогнозировать пути эволюции в условиях реалий современного мира.

Современная психология личности представляет собой широкое пространство диалога традиционных, не утративших своего теоретического и практического значения подходов, среди которых по фундаментальности и масштабности необходимо выделить структурно-функциональный и динамический подходы, а также зарождающийся на их основе и на основе изменений общенаучной методологии процессуальный подход.

¹ При написании текста использованы предыдущие работы авторов (2018–2022).

Динамический vs структурно-функциональный подход

Несмотря на обилие подходов и теоретических концепций, использующихся в психологии личности, исторически они реализуются в двух парадигмальных схемах: структурной и динамической. Структурная, или структурно-функциональная, парадигма ориентирована на описание организации относительно стабильных компонентов личности и изучение того, как эти особенности и взаимосвязи между ними влияют на функционирование индивида. Динамическая парадигма в психологии личности опирается на анализ изменчивости поведения человека, в связи с чем осуществляется выделение его «движущих сил» и разработка модели поведения человека в различных ситуациях, отслеживается изменчивость ответных реакций и совершаемых действий. На протяжении всей истории развития психологии личности структурный и динамический подходы фактически оказались во взаимной оппозиции, можно сказать, конкурирующими. Тем не менее их становление и развитие свидетельствуют о том, что в течение многих десятилетий структурно-функциональная парадигма занимала в эмпирических исследованиях личности доминирующее положение, что позволяло некоторым авторам утверждать, что «структурный подход захватил мир» (Giordano, 2015).

Относительно недавно, в 2018 г., вышел специальный номер журнала «*Journal of Personality*» под примечательным названием «Статус концепта черт в современной психологии личности: сохраняют ли еще старые вопросы свою остроту». По мнению авторов номера, теория черт, фокусирующаяся на устойчивости основных личностных черт во времени, остается важнейшей научной объяснительной и исследовательской моделью и, несмотря на критику, она может быть охарактеризована как продолжающаяся развиваться парадигма, заслуживающая внимания и совершенствования (*Journal of Personality*, 2018).

Определенную поддержку структурно-функциональному подходу оказывают получившие в последнее время распространение работы с результатами метаанализов, выполненных на основе исследований с большим совокупным количеством участников, поскольку современные технологии позволяют описывать эмпирику с помощью анализа больших баз данных. Идет поиск интегративных характеристик, например, таких как метачерты (Strus, Ciecuch, 2017), классические конструкторы дополняются новыми диспозициями (в том числе на основе появившихся в последнее время в языке обозначений личностных черт), их идентификации посредством разных видов статистического анализа. Актуальным, по мнению ряда ученых, остается и вопрос об основных параметрах личности, который продолжает рассматриваться как ключевая тема психологии личности; в частности, продолжается полемика между сторонниками «Большой пятерки» и модели HEXACO (Back, Kandler, 2020).

Не отрицая ценности работы в этом направлении, стоит отметить, что в сущности этот современный тип работ принципиально не отличается от исследований предшествующих десятилетий, которые были сфокусированы на изучении широкого набора черт личности и того, как они могут служить основанием для прогнозирования различных видов поведения и деятельности. В их основе

продолжает доминировать структурная парадигма (Giordano, 2015), личность рассматривается через функционирование базовых подструктур, взаимодействующих между собой и имеющих свое предназначение в общей системе.

Использование больших объемов эмпирических данных само по себе не может обеспечить существенного продвижения в понимании природы личности и ухода от разрозненных и зачастую противоречивых описаний, так как вне теоретических рамок их обоснования остается непонятным, на какие вопросы эти данные отвечают. Более того, искушение большими базами данных поддерживает идеологию «эмпирической науки» и усиливает риск превращения психологических исследований в «копилку» эмпирических фактов, против чего в свое время, как известно, категорически возражал Курт Левин и на что обращают внимание современные исследователи. Я. Вальсинер замечает, что собираемые в огромных количествах в психологии эмпирические данные часто приводят к «зашумлению», а не к прояснению исследуемых вопросов, исследователи становятся заложниками собираемых и накапливаемых данных «ради самих данных»; по его мнению, нынешнее увлечение «большими данными», «меганакоплениями», только усугубляет проблему (Valsiner, 2017, p. 5).

Структурно-функциональный подход сохраняет свое безусловное значение в современной психологии личности, обеспечивая ее эмпирическими данными и разработками диагностического характера, используемыми в практических целях. Вместе с тем исследования в этом направлении имеют известные ограничения, связанные с редуцированием описаний личности до фиксированного набора характеристик, не отражающих динамической природы личности, а также с внеконтекстуальным характером как теоретических представлений, так и осуществляемых на их основе эмпирических исследований.

Ограниченность структурно-функционального подхода становится особенно явной в современных условиях, кардинально изменяющих характер отношений человека с окружающим миром (Гришина и др., 2018). Происходящие изменения трансформируют и жизненный мир человека, и его отношения с реальностью. Таким образом, наряду с традиционно рассматриваемыми в психологии личностными и ситуационными детерминантами поведения, человек сталкивается с вызовами со стороны более широкого контекста существования, определяющими его активность.

Необходимость описания человека в изменяющейся реальности усиливает внимание психологии личности к динамическому подходу как своего рода альтернативе структурно-функциональному подходу.

История идей, которые становятся фактическим теоретико-методологическим основанием последующего формирования динамического подхода в психологии личности, берет свое начало с работ Курта Левина. Его «Динамическая теория личности» написана с позиций предложенного им нового методологического подхода, который предполагает смещение фокуса исследовательского внимания на вопросы динамики (Lewin, 1935). Методологическая позиция Левина включает в себя ряд важнейших для динамического подхода идей: сам принцип динамизма, принцип контекста, означающий имманентную связь человека с миром, и принцип активности самого субъекта, который определяет

свои отношения с окружающим миром. Тем самым теоретико-методологические идеи Курта Левина могут рассматриваться как основа динамического подхода в психологии личности.

Идеи Левина как крупнейшего методолога своего времени должны были найти своих сторонников и оказать существенное влияние на развитие психологии личности. Однако радикальная новизна их теоретико-методологических предложений не могла обеспечить им легкое принятие и интеграцию в научный дискурс психологии личности того времени.

В зарубежной психологии динамический подход в основном оказался представлен разнообразными исследованиями изменения поведения, связанного с конкретными проявлениями (Duckworth et al., 2016; и др.). А наиболее полно «изучение движения» реализовалось в виде моделей развития личности (Kogan, 1990), среди которых перспективными в настоящее время признаются интерактивные модели, в частности TESSERA (Wrzus, Roberts, 2017).

Согласно этим моделям, происходящие в личности изменения соотносятся с переживаниями повседневной жизни, описывается, каким образом повседневный опыт и ежедневное поведение за счет изменений в реакциях и состояниях постепенно приводит к изменению личности, способствует усилению одних черт и ослаблению других.

Другим вариантом является метаанализ данных большого количества участников лонгитудных исследований с попыткой проследить динамику личностных характеристик. Однако как получаемые результаты, так и их интерпретация неоднозначны: фиксируется динамика ряда характеристик (Robertset al., 2006), подтверждающая целесообразность описания личности и ее развития через изменения личностных черт (Roberts, Wood, 2006; Srivastava et al., 2003), и критическое отношение к их предсказательной силе (Johnson, 2018; Uher, 2015; Uher et al., 2013; Valsiner, 2017).

Противоречивость и взрывной рост получаемых результатов осознается научным сообществом, в адрес «эмпирической науки» неоднократно высказывалась критика: эмпирика, лишённая теоретического обоснования, сама по себе не может обеспечить продвижения в развитии новых идей в психологии личности и понимании ее природы. В конце 2020 г. «European Journal of Personality» выпускает специальный номер, в котором большая часть статей посвящена как фундаментальным вопросам развития динамического подхода к личности, так и вопросам динамики отдельных личностных характеристик и состояний. Открывает номер коллективная статья европейских авторов «Динамический подход к личности: 20 принципов изучения каузальных механизмов личности» (Qurig et al., 2020), в которой отмечается усиление внимания к концептуальным описаниям личности, ориентированным на процессы, на фоне растущего осознания несостоятельности традиционных исследований черт личности в объяснении вариаций поведения человека во времени и в разных ситуациях. Авторы предлагают динамический подход к личности (DPA – Dynamic Personal Approach), опирающийся на теоретические представления о функционировании сложных адаптивных систем, и описывают его на основании принципов, объединяющих общие допущения различных динамических подходов. Инте-

рес в ДРА представляет интерпретация идеи личностных черт, которые авторы предлагают рассматривать как «психологические функции», при этом понятие функции относится к тому, каким образом процесс способствует целенаправленному функционированию системы.

В этой интерпретации прослеживается попытка найти «золотую середину» между традиционным пониманием личностных черт как характеристик, которые при обычных обстоятельствах меняются очень медленно или вообще остаются практически неизменными, и динамическим, рассматривающим черты как внутриличностные (или «процессные») переменные, которые, напротив, активно изменяются в ответ на изменение целей человека или ситуации. С точки зрения авторов ДРА, психологические функции представляют собой основные компоненты личности, индивидуальные различия между людьми связаны с «работой» психологических функций, готовностью человека к их активации и поддержанию определенных психологических функций. В целом можно отметить, что предлагаемый авторами ДРА подход развивает идеи, довольно типичные для поисков новой методологии в современной психологии личности.

Своим путем идет развитие идей динамических подходов к описанию личности в отечественной психологии. Динамическое понимание психического является основным принципом теоретической системы С.Л. Рубинштейна. Масштабность и философская глубина его представлений не укладывались в узкие рамки статичных описаний психического. Для него психическое — это динамическое, непрерывное, изначально не заданное, но формирующееся, изменчивое и пребывающее в изменении как сама жизнь. Рубинштейн, отказываясь от распространенного представления о противоположности стабильности и изменчивости в функционировании личности, предлагает диалектическое понимание их соотношения, которое в гораздо более позднее время становится фактически общепризнанным. Афористичное обозначение этой диалектики как «пребывания в изменении» отражает способность личности поддерживать текущее состояние, одновременно совершенствуясь и преобразовываясь, действуя и подвергаясь воздействиям, восстанавливаясь и возрождаясь в способности сохранять тождество внутри изменения.

Идеи С.Л. Рубинштейна о динамичной природе психического нашли свое продолжение в работах А.В. Брушлинского, в которых подчеркивалось недизъюнктивное существование психического (Брушлинский, 2006). В работах А.Г. Асмолова и В.А. Петровского предлагается динамический подход к анализу деятельности, в рамках которого рассматривается стабильность и движение личности (Асмолов, Петровский, 1978). В области приложения идей динамического подхода к проблемам психологии личности безусловный приоритет принадлежит Л.И. Анцыферовой (см., в частности, ее работы «О динамическом подходе к психологическому исследованию личности», 1981, «Личность в динамике: некоторые итоги исследования», 1982).

Л.И. Анцыферова в своих работах, посвященных динамическому подходу, отмечает, что он представлен разнообразными вариациями, различными концептуальными традициями, которые имеют «общий знаменатель» — это «непре-

рывность, динамичность, изменчивость, напряженность, противоречивость, постоянное движение душевной жизни человека» (Анцыферова, 2006, с. 54).

Однако подлинный поворот отечественной психологии в сторону описания динамичной, изменчивой природы личности все же характерен для психологии XXI в. В координатах «общего знаменателя», отражающего «постоянное движение душевной жизни человека», идет поиск новых подходов к психологии личности. Это многочисленные работы А. Г. Асмолова по историко-эволюционному подходу и утверждению нового мировоззрения в психологии личности, ориентированного на изучение «изменяющегося человека в изменяющемся мире», требующего рассмотрения психологических проблем личности и личностной феноменологии в контексте вызовов современной реальности – вызовов неопределенности, сложности и разнообразия (Асмолов, 2015; *Mobilis in Mobili...*, 2018; и др.). Это работы Д. А. Леонтьева, прежде всего статья «Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному» (2011), в которой предложена ключевая идея новой методологии – возможность и самодетерминация в противовес необходимости и детерминированности как основополагающим принципам традиционной психологии. Данный тезис предполагает ряд следствий, которые прямо апеллируют к динамичной, изменчивой природе личности, наделенной широким диапазоном возможностей, обеспечивающих вариативность ее проявлений. Важным направлением в развитии динамических подходов в отечественной психологии стала разработка Т. Д. Марцинковской проблем психологии транзитивности – транзитивного общества и феноменологии транзитивности, а также психологии повседневности, несущей на себе основную «нагрузку» социальных изменений и изменений в мире отдельного человека, вызовов к его способности жить в условиях неопределенности, меняющихся ценностей и кризиса идентичности (Марцинковская, 2015б, 2017; и др.).

Интенсивный рост числа работ, посвященных различным составляющим «общего знаменателя» динамических подходов, свидетельствует о реально происходящих фундаментальных изменениях в современной психологии личности.

Общенаучные основания процессуального подхода в психологии

Анализ современных публикаций, посвященных методологическим идеям в области психологии личности, показывает, что в поисках релевантных описаний сложной и многоуровневой организации личности ученые практически неизменно обращаются к общенаучным принципам открытых неравновесных систем (Костромина, 2021; Giordano, 2015; Harary et al., 2020; Kostromina, Grishina, 2018, 2019; Stachl et al., 2020; Uher, 2017; Valsiner, 2017; и др.). Речь идет о теории самоорганизующихся систем, «философии нестабильности» И. Пригожина и схожих концепциях. Эти идеи, зарождаясь в точных науках, преобразуют современную науку в целом и становятся основой постнеклассической методологии исследования живых систем, к которой переходит научное познание от изучения стабильных структур и отдельных процессов. «Философия нестабильности» связана с отказом от принципа «жесткого детерминизма» и фактически означает смену научных парадигм.

Значимость теории и методологии функционирования неравновесных систем для гуманитарного знания определяется естественно-научным объяснением, каким образом сложные системы, имеющие устойчивую архитектуру и стабильные составляющие, способны непрерывно меняться и эволюционировать (Пригожин, 1991; Prigogine, 1980; Prigogine, Nicolis, 1977; и др.). Иными словами, речь идет о сопряжении классического взгляда на иерархическую организацию системы и роли происходящих внутри нее процессов в соответствии с динамическими описаниями. Для психологии личности такой подход, с одной стороны, позволяет преодолеть главные ограничения структурных моделей — статичность и внеконтекстуальность описаний психологической феноменологии личности. С другой, раскрывает подвижную природу внутреннего мира человека, создавая возможность понимания изменчивости личности не столько за счет разнообразия элементов, сколько исходя из особенностей самоорганизации ее составляющих (Гришина, Костромина, 2021).

Чтобы описать природу структурных изменений, И. Пригожин использует категорию процессуальности, подчеркивая ее отличие от динамики и процесса. Аналогично для понимания специфики процессуального подхода, его отличия от динамических и структурных описаний, а также решения исследовательских задач в различных областях психологии должны быть уточнены и дифференцированы понятия динамичности, процессуальности и процесса.

Динамичность и процессуальность личности

Несмотря на содержательную близость, понятия динамичности и процессуальности не тождественны друг другу и вряд ли могут употребляться как синонимы. Характеристики динамичности опираются на классическое понимание динамики, используемое для описания изменений личности, и строятся на параметрах, фиксирующих состояние движения и закономерного (детерминированного) изменения, в том числе развития под влиянием любых (внешних или внутренних) движущих сил. Фундаментальным основанием динамичности является *причинно-следственная* обусловленность изменений, в связи с чем основной фокус смещен на изучение причин происходящих изменений и тех процессов, которые развиваются во времени. Примером динамических описаний в психологии личности являются описания динамики потребностей у К. Левина, возрастных кризисов у Э. Эриксона и др. Соответственно динамическое описание строится в определенной системе координат и очерчивает локальную траекторию движения, отражающую какое-либо изменение в пространственно-временном континууме в зависимости от текущих условий. При этом описание самого состояния системы остается как бы «за кадром», т. е. предполагается ее структурная стабильность или «законосообразная» изменчивость, поскольку основная задача — предсказать траекторию движения или изменения, установить причинно-следственное соответствие между прошлым и текущим состоянием системы.

Заключенное в пространственно-временную систему координат динамическое изменение объекта предполагает зависимую от определенных детерминант траекторию этих изменений, что делает возможным их прогнозирование и, что немаловажно, «вычисление» (программирование) закономерностей измене-

ний и их варьирование (коррекцию) в зависимости от вводимых событий, ситуаций или временных диапазонов. При этом внимание исследователей сдвигается на описание и предсказание вектора изменений, а также установление причинно-следственных связей между тем, «что было», и тем, «что стало», т. е. между прошлым и настоящим состоянием. Отсюда наполненность динамических моделей в описании личности этапами и стадиями изменений, их направленностью и последовательностью. В этом заключается одновременно и преимущество, и ограничение динамического описания и, как следствие, динамического подхода. Преимущество состоит в учете потенциальных изменений под воздействием определенных движущих сил, отношений с окружающим миром, контекстуальных и ситуационных влияний на основе выявленных причинно-следственных связей (детерминистская динамика). Ограничения – в необходимости определения точки отсчета личностных изменений (например, возрастных диапазонов или условий жизни), выбора системы координат для описания параметров движения и динамических характеристик объекта (например, потребностей, мотивов или внутренних конфликтов), что объясняет разнообразие динамических моделей в психологии личности.

Если динамика – это в первую очередь характеристика движения, то процессуальность является особым свойством непрерывной изменчивости системы во времени, ее способности к перманентному преобразованию себя. Процессуальность, согласно Пригожину, не имеет заданного вектора изменений. Ее суть в экспоненциальном характере «лавинообразных» процессов, при которых невозможны жесткая обусловленность и программирование тенденций, в связи с чем речь может идти только о самоуправляемом изменении, самосозидании новых структур и организационных форм (порождении макроструктур). Иными словами, процессуальность связана с перманентным (непрерывным) характером внутренних изменений, который метафорически можно отождествить с внутренней жизнью системы: рождением, ростом, развитием, трансформацией и деградацией отдельных внутренних элементов, структур и подсистем. Нет неизменных элементов, так же как нет инвариантной структуры. Любой элемент в любой момент времени под влиянием внутренних процессов может стать «организующим началом» изменений, сопровождающихся усложнением и дифференциацией структуры. При этом одно и то же событие может вызвать самые разные «отклики» у разных людей, тем самым определяя уникальность «организующего начала» в тот или иной момент времени. «Тот факт, что из многих возможных вариантов был выбран лишь один, придает системе историческую размерность, своего рода „память“ о прошлом событии, произошедшем в критический момент и оказавшем влияние на дальнейшую эволюцию» (Николис, Пригожин, 2003, с. 19).

Таким образом, ключевое отличие динамичности и процессуальности состоит в том, что *главной характеристикой динамичности является способность к движению (подвижность), а процессуальности – способность к преобразованию себя*. Преобразование себя есть внутренний механизм эволюции личности, порождаемый ее процессуальной природой. Он основан на потенциальной готовности перехода из стабильного состояния в нестабильное (нарушение

сложившегося организационного порядка), нарастании внутреннего хаоса и энтропии, преодоление чего возможно только через переход к новому уровню организации и режимов функционирования. Это объясняет альтернативность происходящих изменений, невозможность прогнозирования множественности и неопределенности происходящих изменений в рамках динамических интерпретаций.

Личностные процессы и процессуальность личности

Определение сути процессуального подхода требует уточнения соотношения понятия процессуальности с еще одним понятием, описывающим изменения личности, – понятием процесса.

Объединяющим для этих понятий является динамический аспект, который в обоих случаях описывает некоторую подвижность и энергичность происходящих изменений (Костромина, 2019). Однако процесс раскрывает прежде всего последовательность изменений, потенциал действия (усложнения, перехода к следующему этапу) и движущих сил активности, в то время как процессуальность сосредоточена на описании состояния системы и ее вероятного будущего (образования нового), альтернативности, возможных вариантов изменения во времени, предполагающих бесконечную череду непредсказуемых изменений, неоднородность и неравномерность.

Динамичность процесса, например, с точки зрения описания психического (как процесса) передает скоростные и эргические характеристики перехода (от уровня к уровню, изменения по фазам и стадиям), а также используется для очерчивания потенциала возможных действий (познавательные психические процессы). Применительно к личности процессы традиционно рассматриваются в связи с развитием ее внутреннего потенциала (например, личностный рост, самоактуализация) или процессами управления собой (регуляторные, волевые). Динамические характеристики процессуальности психического раскрывают его нестабильный характер, гибкость и пластичность психической системы. Таким образом, когда мы говорим о динамичности процесса, мы подчеркиваем темпоральность происходящих изменений, их активность. Динамика процессуальности выявляет «пребывание в изменении» – постоянное нахождение системы в состоянии изменения, что четко отражено в работах С.Л. Рубинштейна (Рубинштейн, 2003). Смысл процессуальности состоит в агрегации изменений (новых структур, новых свойств), в то время как в случае процесса речь идет об общей *логике* перехода и о непрерывности действия (хотя и с оговорками существования периодов стабильности и скачкообразности переходов).

Эта кажущаяся тонкость в различиях тем не менее позволяет заявить об их существенности и говорить о необходимости разграничения процессного и процессуального подходов. Процессный подход апеллирует к динамическому началу, к конкретным способам движения, т. е. раскрывает психическое в первую очередь как деятельность. Именно деятельностный характер психического требует его анализа через процесс. В центре внимания процессуального подхода в психологии личности оказываются не столько процессы и функции (в отличие от процессного подхода), сколько изучение механизмов эволюционной самоор-

ганизации личности как переходов к новому «типу порядка» усложняющейся системы. Процессуальность психического раскрывает в первую очередь феноменологию изменений, характеризующих преобразование системы.

Различия в содержании понятий процесса и процессуальности (и, как следствие, процессного и процессуального подходов) соотносятся с существующими в психологии представлениями о различии понятий субъекта и личности. Процесс через описание логики движения (активности), ее последовательности наиболее полно передает активное начало субъекта. Процессуальность же через характеристики изменчивого (метастабильного) состояния раскрывает сущностную сторону личности.

Следовательно, при описании психического как процесса исходным и обобщающим началом выступает субъект, а сам процесс предстает как целенаправленная активность (деятельность). Процессуальность же смещает акценты в сторону состояния системы и ее внутренней жизни, к внутренним условиям и к тому, что задает направление движения. Опираясь на это различие соотношение категорий «процесс», «процессуальность» в схематизированном виде можно представить следующим образом (рисунок 21.1).

Личность неопределенно изменчива, открыта в своем взаимодействии с миром и непредсказуема в своих проявлениях и переживаниях, способна к накоплению избыточных структур и хаоса отношений, которые затем структурируются и приобретают конфигурацию порядка, до определенного момента времени

Рис. 21.1. Содержательные основания процессного и процессуального подходов (Костромина, 2019)

храня в своей памяти прошлое и отношение к нему, которое определяет настоящее и во многом будущее. Но реализует это содержание субъект через различные процессы. Он координирует выбор целей и ресурсов уникального внутреннего мира, регулирует, противостоит, контролирует, т. е. действует (Сергиенко, 2015). При этом именно личности свойственно особое качество, которое состоит в ее способности переходить за пределы собственных границ, существовать в процессе постоянного несовпадения с собой и преобразования себя.

Процессуальный подход в психологии личности: основные принципы

Процессуальная природа личности, подчеркивающая ее способность к преобразованию, определяет основные направления развития процессуального подхода в психологии в целом и психологии личности в частности. Процессуальный подход ориентирует нас на понимание стабильности и изменчивости личности как переходных взаимодополняющих состояний, поддерживающих ее устойчивость и целостность, исследовательский результат зависит от того, в какой момент времени (в какой фазе – стабилизации или изменения) проводилась оценка личностных характеристик (Костромина, 2021).

Исходя из этого, мы можем сформулировать *ряд методологических принципов* процессуального подхода в психологии личности.

Принцип контекстуальности означает признание необходимости описания проявлений личностной феноменологии, флуктуации характеристик личности, изменений в поведении в пространственно-временных координатах. Этот принцип в свое время был заложен еще в методологическом подходе Курта Левина, утверждавшего, что «динамика процесса всегда должна выводиться из взаимоотношения конкретного индивидуума с конкретным окружением» (Левин, 2001a, с. 83). Вместе с тем следует признать, что до сих пор большие объемы накопленных в психологии эмпирических данных получены в исследованиях, не учитывающих временные и пространственные (контекстуальные, ситуационные) характеристики. Осознание нерелевантности деконтекстуализированных описаний становится особенно очевидным в условиях современных реалий, в которых контекст существования человека перестал быть простым фоном для проявлений психологической феноменологии, но становится фактором, активно на них влияющим.

В современной психологии личности идет активный поиск способов описания как «чувствительности» человека к контексту своего существования, так и самого контекста (Гришина, 2022; Rauthmann et al., 2015; и др.). Принцип «здесь-и-сейчас» позволяет учитывать не только внешние условия, но и «внутреннюю жизнь» личности с ее подвижностью и флуктуациями. Разные личностные характеристики обладают разной чувствительностью к контексту – способностью демонстрировать «отклик» (отклонение от типичного состояния). Даже личностные черты, традиционно считающиеся стабильными, проявляют вариативность в зависимости от контекста (Roberts et al., 2015). Таким образом, процессуальность личности требует учитывать относительность результата измерения – принимать его как частный случай одного из возможных состояний,

зафиксированный «здесь и сейчас», часто не сопоставимый не только с результатами других исследований, но и с измерениями у одного и того же человека в разные моменты времени и в разном контексте. Посредством чувствительности к контексту можно объяснить, почему эмпирические данные демонстрируют широкий диапазон вариативности при стабильной структуре личности и низкую воспроизводимость результатов.

Принцип множественности (неопределенности) состояний личности. Согласно идеям неравновесности, сложные открытые саморазвивающиеся системы характеризуются непостоянством состояний. Неравновесность связана с отсутствием «выровненности» градиентов свойств системы, а также с превышением порядка степеней свободы того числа переменных, которые описывают свойства системы. Это ведет к множественности возможных состояний и к возникновению разных состояний при одних и тех же значениях переменных, т. е. к высокой энтропии. Нарушение внутреннего равновесия сложных открытых саморазвивающихся систем, к которому относится личность, обусловлено не только взаимодействием с внешним миром, но и внутренними процессами — постоянным изменением элементов психической системы на уровне отдельных градиентов свойств и взаимосвязей между элементами, возникновением новых элементов, структурных и содержательных изменений в бесконечном и неопределенном множестве вариантов. Неравновесность приводит к «расшатыванию» стабильных структур и росту неопределенности, а в дальнейшем — к преобразованию структуры и эволюции системы личности.

Процессуальная природа личности особенно ярко проявляется вблизи особых точек перехода или разветвления — *точек бифуркации*. В психологии личности «точками бифуркации» становятся кризисы личности, критические жизненные ситуации, в которых усиливается действие случайных факторов, растет неопределенность, увеличивается диапазон множественности состояний, которые способствуют возникновению самоорганизационных процессов, связывающих когерентное пространственно-временное поведение с внутриличностной динамикой. Соответственно происходит рост неадаптивных форм поведения (преадаптивных, надситуативных), которые отражают отклонения (флуктуации) от типичных, устойчивых параметров. Именно они представляют наибольший интерес для понимания изменчивости личности и, соответственно, становятся исследовательскими «зонами» в процессуальном подходе.

Принцип событийности в становлении личности. Понятие события в отечественной психологической науке используется в соответствии с трактовкой С.Л. Рубинштейна как единица описания жизненного пути человека. В психологии личности события имеют особую роль, это ключ к пониманию не только жизненного пути человека, но и его самого.

Теория неравновесных систем использует более широкое понимание события, придавая им особое значение: «Лишь в неравновесной системе могут иметь место уникальные события и флуктуации, способствующие этим событиям, а также происходит расширение масштабов системы, повышение ее чувствительности к внешнему миру и, наконец, возникает историческая перспектива, т. е. возможность появления других, быть может, более совершенных, форм ор-

ганизации» (Пригожин, 1991, с. 51). Именно динамичный, подвижный характер системы порождает новизну и события, что, в свою очередь, увеличивает вероятность возникновения новых событий и дальнейшего развития системы.

Любое событие, если оно является для человека таковым, влечет рост энтропии и неустойчивости, изменяя характеристики элементов личности, «расшатывая» имеющиеся взаимосвязи между элементами и способствуя изменению градиентов личностных свойств и характеристик. Как следствие, «случайные» колебания личностных параметров становятся источником необратимых структурных изменений личности. Таким образом, событие в процессуальном подходе фактически становится границей между прошлым и будущим, где прошлое — это период стабильного состояния системы личности, а будущее — индивидуальная траектория проживания события с неопределенным вариантом нового типа организации элементов, означающим новый порядок после фазы неустойчивости и перехода на новый уровень функционирования. И, наоборот, прошлое может быть периодом турбулентности, неустойчивости и «расшатывания» старых связей, а будущее — переход к устойчивому состоянию через образование новых структур, появление новых уровней организации, т. е. усложнение системы личности. Это означает, что событие как «акт различения» (Мамардашвили, 1996) прошлого и будущего приобретает в процессуальном подходе особый статус. Любое событие в какой-то момент времени может стать судьбоносным для человека, нарушающим внутреннее равновесие и запускающим флуктуации и преобразования. С точки зрения процессуального подхода жизненное событие становится единицей анализа эволюционного пути личности, раскрывающего точки перехода из прошлого состояния в будущее за счет возникновения новых элементов и связей или деградации старых.

Принцип целостности как условие полноты изучения и понимания природы личности широко принят в психологии. Главной характеристикой целостности личности является ее интегральность, что означает единство и неразрывность реагирования личности на какие-то события внешней или внутренней жизни. В свое время в отношении целостности Левин сделал важнейшее методологическое замечание: «При стремлении поставить в центр внимания проблему целостности необходимо остерегаться тенденции делать эти целостности возможно более широкоохватными. Для начала необходимо уяснить себе, что конкретное исследование, стремящееся выйти за пределы общих неопределенностей, должно ставить вопрос, из каких единиц складываются имеющиеся целостности и каковы границы системных целостностей, выступающих основополагающими в каждом отдельном случае» (Левин, 2001а, с. 114).

Диалектическая природа целостности как некоего состояния равновесия, достигаемого системой, наиболее четко раскрывается в практической психологии, где оно используется для обозначения состояния личности, сохранения ее идентичности, последовательности и логики действий в различных ситуациях. Это позволяет связать целостность с тенденциями постоянства и изменчивости личности. В процессуальном подходе предлагается рассматривать целостность личности как поддержание в определенном устойчивом равновесии взаимодействующих тенденций к стабильности и изменчивости личности. Личность как от-

крытая саморазвивающаяся система стремится к сохранению своей целостности, являющейся состоянием неустойчивого равновесия (которое может быть названо метастабильностью). Поэтому целостность личности поддерживается не за счет какого-то «набора» элементов, а за счет их *внутренней связанности*. Каждый элемент системы личности взаимодействует с другим прямо или опосредованно. Поэтому флуктуация одной из личностных характеристик вызывает отклик на разных уровнях и в разных подсистемах и способна нарушать внутреннее равновесие (наши мысли сказываются на чувствах, чувства могут определять поведение, и наоборот). В свою очередь стабилизация неустойчивого внутреннего состояния достигается за счет обретения нового порядка – изменения прежних связей, возникновения новых характеристик, встраивающихся в структуру и наделяющих личность новыми качествами, определяя ее устойчивость.

Это позволяет описывать целостность с учетом ранее приведенного принципа контекстуальности на разных уровнях активности человека. В качестве интегральных характеристик, объединяющих личностные особенности и поведенческие проявления человека, выступают стилевые характеристики, обеспечивающие устойчивость и целостность его активности (см. рисунок 21.2).

Принцип сложности (взаимодополнительности) означает принципиальную несводимость природы личности к кажущимся несовместимым тенденциям. Наука отказывается от идеи бинарности, характерной для обыденного сознания

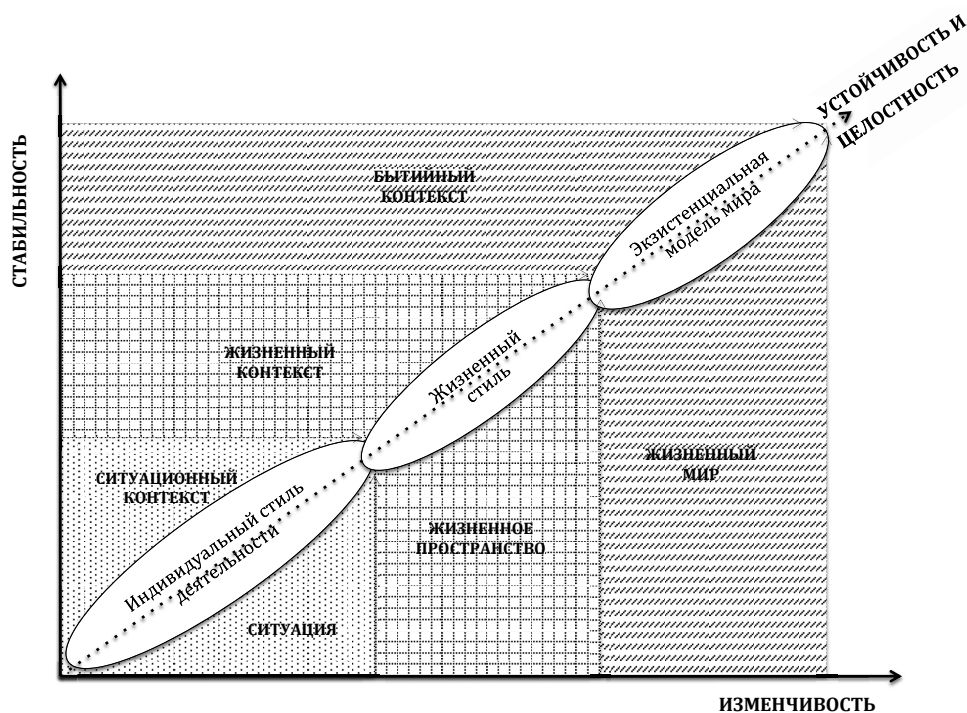

Рис. 21.2. Многоуровневая природа устойчивости и целостности личности (Гришина, Костромина, 2021)

и являющейся упрощением картины мира. Для психологии это означает отказ от оперирования жесткими альтернативами, от традиционного противопоставления используемых категорий и понятий. Д. А. Леонтьев в своей статье, посвященной новой методологии в психологии личности, пишет об исчерпавших себя бинарных оппозициях биологического—социального, свободы—детерминизма, врожденного—приобретенного и др. (Леонтьев, 2011). А. Маслоу в описании самоактуализации как проявления личностной зрелости отмечает реальную «неоппозиционность» традиционных оппозиций: «На уровне самоактуализации разрешаются многие противоречия, оппозиции превращаются в неразрывное единство, а мышление через оперирование дихотомиями превращается в незрелое» (Маслоу, 2002, с. 167). Приведенная на рисунке 2 схема иллюстрирует то, что понимание личности как самоорганизующейся неравновесной системы исключает противопоставление стабильности и изменчивости. Процессуальная природа личности может быть описана только через их *взаимодополнение*, связанное с наличием стационарных (внеконтекстуальных) и подвижных зон личности, находящейся в перманентном диалоге с внешним миром.

Аналогичный характер имеет взаимодополнение детерминистских и вероятностных процессов изменчивости личности. Фундаментальная неопределенность поведения личности, вызванная невозможностью точно прогнозировать состояние системы в каждый следующий момент времени, свидетельствует об особой связи детерминистского и случайного начала в трансформации личности (Гришина, Костромина, 2021, с. 43). Процессы детерминации включают наличие самовоспроизводящихся и саморегулирующихся систем. В этом смысле причинность — основа для устойчивого развития системы. В череде случайностей устойчивость и изменчивость превращают возможность в действительность. Случайные флуктуации в момент возникновения неустойчивых состояний формируют аттракторы, которые ведут систему личности к новому состоянию и изменяют потенцию возникновения других ее состояний. По мере личностного развития могут изменяться законы регуляции жизнедеятельности: «При более низком уровне личностного развития связи между переменными носят более жесткий, детерминистический характер, а на высоком уровне развития одни выступают по отношению к другим как предпосылки, не предопределяя их однозначно» (Леонтьев, 2011, с. 15).

Однако важно учитывать, что вероятностный характер пространственно-временной организации личности не есть итог исключительного пересечения случайного или детерминистического начала. Представление, что человек может быть причиной изменения самого себя как носитель собственной воли, как автор своей жизни вносит дополнение в традиционное понимание необходимого в детерминации поведения человека векторами возможного. Жизненная активность человека проявляется в координатах потенциала самоосуществления, и результат зависит от деятеля — человека. Детерминистическое начало в процессуальной природе личности проявляется в биологических и психологических измерениях как необходимое, т. е. «то, чего не может не быть». Возможное как недетерминированное отражает потенцию процессуальности, несущей вероятность. Оно локализуется в потенциальном измерении и высшем (духовном) измерении — из-

мерении смыслов и ценностей. Обладая свободой или веря в нее, человек имеет возможность выбора, определяет сам, стоит ли ему воспользоваться предоставляемыми возможностями, имеет ли смысл искать иные альтернативы или положиться на неопределенность и волю случая (Гришина, Костромина, 2021, с. 45).

Принцип сложности, включающий взаимодополнительность стабильных элементов и динамических процессов, имеет и важное методологическое следствие. Процессуальная природа личности означает не просто постоянную изменчивость личности, но и в первую очередь *структурную изменчивость* — преобразование старых структур и синтез новых, появление нового варианта структуры, вступление личностной системы в фазу стабильности при новом режиме функционирования. В этом цикле проявляется взаимодополнительность стабильности и изменчивости личности, ее количественных и качественных изменений. Отсюда следует методологическое требование — взаимодополнение, объединение количественного и качественного подходов в исследованиях личности должно рассматриваться как обязательное условие полноты исследования. Любые количественные колебания рассказывают историю качественного характера, т. е. являются *событиями* внутриличностных изменений. Значения, выбивающиеся из нормального распределения, должны рассматриваться как маркеры неравновесности внутри системы, как индикаторы роста энтропии и, как следствие, происходящих качественных изменений личности.

Процессуальный подход в психологии личности: основные понятия

Представленные принципы, описывающие методологические основания процессуального подхода, требуют уточнения некоторых понятий.

Понятие *изменений (изменчивости)* является ключевым в процессуальном подходе в психологии личности. В своем классическом обзоре теорий личности Хьелл и Зиглер относят параметр «изменяемость—неизменность» к фундаментальным положениям, отражающим природу личности (Хьелл, Зиглер, 1997). Этот параметр фактически является главным дифференцирующим признаком при сравнении представлений разных подходов в психологии личности, а сегодня и своего рода демаркационной линией, разделяющей позиции традиционных подходов с их акцентом на стабильности или на решении «вопросов динамики» (по выражению Левина).

Современные научные представления признают имманентную связь между сохранением и изменением, что и обеспечивает устойчивое существование биологических и социальных систем. Эта точка зрения отражена в работах С. Л. Рубинштейна. Его известная формулировка о жизни как «пребывании в изменении» предполагает «процесс *сохранения тождества внутри изменения*» (Рубинштейн, 2003, с. 304). Более того, согласно представлениям современной психологии, изменчивость и тождественность не просто связаны между собой, «сохранение устойчивости, интегративности личности связано с ее *постоянным изменением*, осуществлением *личностного роста*» (Журавлев, Харламенкова, 2009, с. 32). Тем не менее, следует отметить, что до сих пор понятие изменения в психологии в большей степени отождествляется с понятием развития, а в научном дискурсе

отечественной психологии представлены две вариации понятия изменчивости — изменяемость и изменчивость, которые часто используются как синонимы. Вместе с тем за ними стоит разное содержание.

Понятие изменяемости более релевантно для описания традиционно понимаемых изменений, как их рассматривали Л. Хьелл и Д. Зиглер: «до каких пределов индивидуум способен фундаментально меняться на протяжении жизни» (Хьелл, Зиглер, 1997, с. 45). Изменяемость относится к вариативности характеристик индивида, его изменениям во времени (на протяжении жизни и ее отдельных периодов) и пространстве (от ситуации к ситуации).

Понятию процессуальности личности более соответствует понятие изменчивости.

Изменчивость — это имманентная, интегральная характеристика процессуальной природы личности, это свойство «ткани», из которой «сделана» личность. Изменчивость личности не сводится к процессам развития. Она не может быть описана через флуктуацию и вариативность ее свойств и характеристик, в которых фиксируются изменения отдельных параметров. Как свойство процессуальной природы личности, изменчивость не может быть выведена из действия какого-то одного фактора или источника. Она может описываться сопряженно с другими характеристиками личности, но ни одна из них не может рассматриваться как «отвечающая» за изменчивость (Психология личности..., 2019, с. 133–140).

Изменчивость личности в силу ее процессуальной природы является следствием взаимодействия всех ее динамических систем и подсистем, результатом постоянной внутренней активности, существующей в условиях непрерывного взаимодействия с окружающим контекстом. Во временном ракурсе изменчивость подчеркивает потенциальную скорость происходящих изменений, в содержательном — способность проявляться в альтернативных формах и характеристиках. Отсюда разнообразие описаний личностных особенностей, их кажущаяся избыточность, сопровождающаяся появлением описаний новых личностных феноменов.

Но изменчивость — это еще и способность приобретать отличия от первоначальных (предшествующих) форм за счет порождения новых элементов и связей, определяющих эволюцию личности. Следствием этой способности становится *структурная изменчивость* в ситуации, когда сложившаяся внутренняя организация оказывается нерелевантной контексту, энергозатратной и непродуктивной, когда привычные действия не оправдывают себя и только снижают потенциал функционирования, когда «стержневые» элементы личности направлены на сдерживание движения и одновременно востребуют дополнительных ресурсов, чтобы их поддерживать. Переход к новому уровню внутренней организации осуществляется за счет изменения существующего порядка и возникновения новых характеристик, элементов и связей между ними. Таким образом, понимание процессуальной природы личности предполагает описание совокупного функционирования ее динамических систем и подсистем как «внутреннего контура» изменений и анализ ее взаимодействия с окружающим миром как «внешнего контура» изменений.

Изменчивость, являясь опорным понятием процессуального подхода, требует изучения личности как непредсказуемо, необратимо и неопределенно изменяющейся системы. В этом ракурсе главным измерением становится будущее, а возможные будущие события – значимым источником объяснения настоящего.

В связи с этим предметом исследования для понимания изменчивости личности должно выступать не существующее, а *возникающее*. Возникающее есть результат процесса становления, для него характерно не *быть*, а *стать*. Онтогенетический смысл возникающего определяют созидательные силы внутри личности, ее способность к самоорганизации, процессы обретения параметров нового порядка, наделяющие систему неожиданными свойствами и качествами (Костромина, Гришина, 2021). Потенциал неравновесности, являющийся следствием процессуальной природы личности, открывает возможность для возникновения уникальных видов активности и функций, повышающих чувствительность личности к контексту и способствующих рождению других, может быть, более совершенных форм организации. Смещение фокуса внимания с существующего на возникающее позволяет раскрыть процессы обретения личностью новых возможностей за счет неограниченной вариативности способов существования системы.

Возникающее фактически служит объединяющим элементом проблематики психологии возможного и психологии изменений. Психология изменений и психология возможного как области исследовательского внимания методологически, концептуально и феноменологически связаны между собой. Связь проблемных и понятийных полей возможного и изменяющегося имеет имманентный характер: изменения могут происходить только в сфере возможного, а возможное потенциально содержит в себе изменения и через них переходит в действительность. Возникающее порождается соединением возможного с изменениями, поэтому эмпирическое изучение возникающего осуществимо только в нетипичных, неопределенных или новых ситуациях, когда опора на привычные паттерны «не работает» и требуются дополнительные усилия для превращения возможного в действительное.

Понятие возникающего, на наш взгляд, является тем ключевым элементом, который необходим для описания процессуальности личности, поскольку именно возникающее, рождаясь вследствие нарушения внутреннего равновесия, ведет к дальнейшему переходу элементов и подсистем личности из неравновесного состояния к устойчивому, и наоборот. Тем самым диалектика возможного и изменяющегося в природе личности как открытой неравновесной системы приобретает определенность благодаря введению в этот процесс понятия возникающего.

Как мы видим, изменчивость через возникающее «работает» в паре с тенденцией поддержания устойчивости. Однако само понятие *устойчивости*, несмотря на свою распространенность, также нуждается в дальнейшей разработке.

В общенаучном дискурсе «устойчивость» понимается как тождественность объекта самому себе, определяющая поддержание его целостности и продуктивного функционирования. Тем не менее зачастую понятие устойчивости употребляется в психологии как аналог стабильности (неизменности) или синоним

постоянства. Обращаясь к понятию устойчивости в психологии личности, стоит подчеркнуть, что тождественность не означает постоянства, скорее речь идет о способности личности сохранять самоидентичность в условиях динамической организации и «возмущающих» внешних влияний.

Устойчивость личности как сохранение ее самоидентичности в первую очередь обусловлена природой сложных самоорганизующихся неравновесных систем, способных порождать в своем развитии новые уровни организации, формировать иные, относительно самостоятельные подсистемы, перестраивать системы регуляции и самоуправления. Это означает, что базовым механизмом поддержания устойчивости личности является диалектическая связь неизменных образований в ее структуре, неких скреп, представляющих собой относительно жесткий каркас личности, и «подвижных» зон личности, обеспечивающих ее гибкость и изменчивость.

По сути, устойчивость есть состояние эволюционирующей системы, которая активно конструирует и изменяет свой внутренний мир (субъективную реальность) и мир социального взаимодействия. Таким образом, устойчивость в отличие от стабильности относится не к прошлому, а к будущему личности, поскольку определяет возможности дальнейшего оптимального существования на основе поддержания, преобразования и совершенствования своего своеобразия. Соответственно в рамках процессуального подхода устойчивость понимается как динамическая тенденция диалектического сопряжения стабильности и изменчивости, направленная на поддержание целостности личности за счет сохранения оптимальных для текущего момента структур и порождения новых, обеспечивающих новые возможности адаптации, эффективного функционирования и продуктивной жизни человека. Устойчивость раскрывает эволюционную самоорганизацию личности под влиянием изменяющихся внешних и внутренних условий.

Наконец, важно отметить, что любая предметная определенность исследовательской области явным или неявным образом предполагает пространственно-временные рамки описания.

Пространственная координата процессуального подхода заложена принципом контекстуальности. Традиционная психология в построении объяснительных схем взаимодействия человека с окружающим миром ограничивалась описанием непосредственной ситуации, ситуационных детерминант и факторов, оказывающих влияние на поведение человека, его состояние, проявления личности и т. д. Процессуальная природа личности требует рассмотрения более широкого контекста, который определяет пространство жизнедеятельности человека, оказывая на него очевидное или скрытое влияние. Операционализация понятия контекста позволяет выделить его различные уровни и соответствующие им языки описания — от конкретной ситуации до жизненной ситуации, жизненного пространства и бытийной (экзистенциальной) реальности (Гришина, 2018а).

Процессуальный подход существенно трансформирует понятие *времени*. В традиционных подходах «время» преимущественно рассматривается линейно, что соответствует традиции анализа изменений как последовательности стадий (этапов) во времени. В описании процессов характеристики времени обычно ис-

пользуются с точки зрения логики движения, скорости разворачивающихся событий, переходов и трансформаций. «Время», как ничто другое, передает смысл движения и изменчивости (непостоянства). Однако процессуальность приводит к формированию иной концепции времени (Пригожин, 1985, 1989), выходя за рамки традиционного физического описания. Согласно процессуальной парадигме, «время» рассматривается как внутренняя переменная, присущая системе. Такое понимание времени позволяет считать более «старым» (по сравнению с другим) то из двух состояний, которому соответствует большее значение энтропии, т. е. рассматривать «время» с точки зрения события, как историю системы, связанную с необратимостью.

«Внутреннее время» совершенно отлично от времени в классической траектории. «Внутреннее время» возникает в контексте нарушения внутренней устойчивости и с точки зрения процессуальности личности позволяет сконцентрироваться не столько на процессе (как последовательном движении, фазах и стадиях), сколько на эволюционных (структурных) изменениях, построенных на усложнении, т. е. переходе системы на более высокие уровни сложности. Отсюда совершенно иные характеристики «времени» – его «кажимость» (относительность происходящего), неопределенность, неравномерность, сохранение прошлого в настоящем, связность прошлого и будущего.

Процессуальная природа личности трансформирует «время» из физической величины в субъективную, поэтому феноменологически «время» дано человеку в моментах переживания, в интуитивном опыте, связывающем и одновременно разделяющим между собой модусы прошлого, настоящего и будущего. Свободное пересечение границ прошлого, настоящего и будущего обеспечивает их сосуществование и внутреннее преобразование, нивелируя роль начальных условий (Зиновьева, Костромина, 2022). Прошлое может полностью заполнять настоящее и вытеснять будущее. Подобно этому и будущее может «захватить» настоящее, если речь идет об уходе в фантазии и потере связи с реальностью. Тем самым сообщаемость модусов времени во внутреннем мире личности задает непрерывность внутреннего пространства и нелокализованность субъекта в нем.

Заключение

Изменившийся мир породил новую психологическую реальность существования человека. Это стало вызовом не только способности человека справляться с возникающими проблемами, но и самой психологической науке и практике.

Психология личности оказалась перед необходимостью осмысления новой реальности, описания психологической феноменологии, возникающей в новых реалиях, разработки методологических и методических решений, дополняющих традиционные устоявшиеся подходы.

Важнейшим вкладом в разработку методологических оснований психологии личности стала статья Д. А. Леонтьева «Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному», содержащая анализ ограничений классической психологии личности и намечающая контуры новой методологии (Леонтьев, 2011). Существенным продвижением в становлении

Раздел III

психологии личности стали работы А. Г. Асмолова, посвященные психологии современности, Т. Д. Марцинковской по психологии транзитивности, М. С. Гусельцевой по психологии повседневности и др. (Асмолов, 2015; Гусельцева, 2019; Марцинковская, 2015, 2017).

Введение в психологию новых категорий – возможного, неопределенного, транзитивного, процессуального – кардинально изменяет эту область психологической науки подобно тому, как когда-то дополнение двумерных изображений в живописи третьим – введением пространства, объемности – открыло перед изобразительным искусством поистине безграничные возможности.

Процессуальный подход представляет собой попытку описания личности в ее становлении, незавершенности, в непрекращающемся переходе от одного типа саморегуляции к другому, от одного уровня организации к новому, от одного структурного инварианта (системной целостности) к иному.

Процессуальное понимание личности элиминирует оппозицию между структурным и динамическим подходами, поскольку, с одной стороны, процессуальности соответствуют непрекращающиеся последовательные изменения и готовность к ним системы, а с другой – трансформацию существующей архитектуры и связей между элементами, рождение новых уровней их организации и новых структур, т. е. в первую очередь структурные изменения. На основе процессуальности строится концепция структурной устойчивости, которая в наиболее сжатом виде выражает идею возникающего – появление нового механизма, новых элементов или связей между ними, которые изначально отсутствовали. Таким образом, процессуальность совмещает в себе структурное описание эволюционирующей системы в некотором континууме. Это означает, что и структурный, и динамический подходы в описании личности объединяются процессуальным взглядом на ее природу.

Анализ новых методологических идей и предложений в современной психологии личности при всех вариациях обнаруживает их общность в главном – в стремлении изучить психологию современного человека в условиях вызовов реальности, жизнь которого – это постоянное «пребывание в изменении».

Глава 22

От метакогнитивного подхода к метакогнитивной психологии¹

I

До настоящего времени продолжает доминировать представление о метакогнитивизме как об одном из *подходов*, оформившихся в русле когнитивной психологии. Главной причиной является относительная молодость метакогнитивизма, хотя история его развития насчитывает уже более полувека. За это время пройден насыщенный событиями путь и осуществилась его постепенная трансформация из собственно подхода сначала в одно из важных *направлений* исследований, затем — в комплексное и многоплановое *течение* современной когнитивной психологии и, наконец, в достаточно оформленную как в предметном, так и в методологическом отношении *отрасль* психологического знания, которая все чаще обозначается как метакогнитивная психология. В связи с этим очень важно, что в рамках самой метакогнитивной психологии также произошла выраженная дифференциация методологических и теоретических оснований разработки ее ключевых проблем, оформился целый ряд достаточно разных методологических подходов к разработке проблематики метакогнитивизма. Они не только не всегда гармонируются друг с другом, но нередко характеризуются весьма выраженными различиями в понимании базовых вопросов и проблем. Поэтому теоретически важной является разработка и совершенствование собственно методологических оснований метакогнитивной психологии в целом и обоснование такого подхода, который был бы наиболее конструктивным, а в идеале непротиворечиво синтезирующим в себе иные, наиболее разработанные подходы в данной сфере исследований.

В свою очередь, решение этой задачи предполагает необходимость обращения к двум взаимосвязанным и во многом определяющим вопросам. Во-первых, к методологической рефлексии общего смысла тех предпосылок и той логики, которые обусловили становление данного подхода, к его, так сказать, «историческим корням». В этом плане уместно вспомнить известное положение, согласно которому анализ ставшего невозможен без анализа его становления. Во-вто-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 21-18-00039.

рых, следует учитывать, что не менее, а, пожалуй, еще более важно осмысление не просто главного, но и *критически* значимого вопроса любого научного направления – вопроса о его *предмете*. Если есть предмет, есть и само направление; если же его нет, то все разговоры о нем становятся в прямом смысле *беспредметными*. Вполне закономерно, что именно этот вопрос порождает наибольшие дискуссии в метакогнитивизме, а его решение характеризуется множественностью вариантов (Flavell, 1989; Metacognition, 1992; Metcalf, Shimamura, 1994; Nelson, 1996). В связи с этим представляется необходимым сформулировать положения, содействующие его решению, а тем самым и развитию методологических оснований метакогнитивной психологии. В этом плане нами был разработан и реализован в достаточно обширном цикле исследований подход, сущность и содержание которого рассматривается в данной работе.

Обращаясь к первому из констатированных выше вопросов – об исторических предпосылках и детерминантах становления метакогнитивизма, следует учитывать общие закономерности и особенности развития научного знания в целом и психологического знания в частности. Одной из главных среди них, как известно, является процесс его дифференциации, приводящий к появлению новых дисциплин и направлений. Яркой иллюстрацией данной закономерности, собственно говоря, и является возникновение и бурное развитие в последней трети XX в. особого направления психологической науки – метакогнитивизма. Зародившись в русле современной когнитивной психологии, метакогнитивизм представляет в настоящее время достаточно крупное и очень разветвленное направление психологических исследований, став сегодня, по существу, общепсихологическим направлением (Metcalf, 2008). Одна из наиболее характерных его черт заключается в том, что он выступил связующим звеном, своеобразным «мостом» между многими современными направлениями психологических исследований: психологией памяти и психологией принятия решений, исследованиями обучаемости и проблемой мотивации, проблемой научения, когнитивной психологией и др. Будучи логическим развитием общих методологических оснований и принципов когнитивной психологии, метакогнитивизм во многом знаменует выход на качественно новый уровень ее проблематики и научного потенциала в целом. Он, по мнению многих исследователей, может иметь не меньшие методологические и теоретические «последствия», чем сама когнитивная психология.

Метакогнитивизм сегодня – это интенсивно развивающееся течение, включающее в себя множество более локальных направлений – в частности, метакогнитивное обучение, исследования метакогнитивного опыта, проблемы метакогнитивных способностей, индивидуальных стилей метакогнитивной организации и др. Метакогнитивизм во многом представляет передний край развития когнитивной психологии в целом, а та, в свою очередь, репрезентирует общую и экспериментальную психологию в их современном воплощении и основных достижениях.

Наряду с этим следует, конечно, иметь в виду, что метакогнитивное направление заслуживает особого внимания еще и потому, что в конечном итоге его основной проблемой выступает исследование процессов и механизмов *са-*

модернизации психики. Это, в свою очередь, непосредственно связано с такой проблемой, которая является, пожалуй, самой «жгучей», таинственной и загадочной – с проблемой *сознания*.

Вместе с тем, даже несмотря на столь высокую и очевидную важность данного направления, взятое в более общем историческом контексте, оно приобретает дополнительное значение. Действительно, с одной стороны, оно явилось логическим продолжением, развитием и углублением классической когнитивной психологии, которая возникла, как известно, в качестве своеобразной реакции на бихевиоральные тенденции и традиции, которые доминировали в определенный исторический период, а также на не вполне удовлетворительную глубину интерпретационных схем и возможностей гуманистической психологии. С другой стороны, если заглянуть еще дальше, то необходимо констатировать то очевидное обстоятельство, согласно которому и сам бихевиоризм возник как своеобразная реакция на интроспективную психологию, на психологию *сознания*, а также на исследование *рефлексии* как ее доминирующий концепт.

В данной связи необходимо обратить внимание на не вполне корректную трактовку известных событий, разворачивавшихся в последней трети XIX в., которая стала традиционной и даже своего рода «канонической». Приятно полагать, что психология «выделяется из недр» философии и становится самостоятельной наукой в основном благодаря тому, что В. Вундт в 1879 г. основывает первую экспериментально-психологическую лабораторию. Сама же психология обретает статус самостоятельной науки, когда она становится экспериментальной. Такие представления являются чрезмерно упрощенными, схематизированными и даже фактически неверными. Дело в том, что психология становится самостоятельной наукой не столько потому, что в нее «проникает» эксперимент, а по иной более мощной причине. Необходимо предельно четко осознать следующее обстоятельство: психология становится самостоятельной наукой благодаря тому, что внутри самой интроспективной психологии, внутри психологии сознания созрели объективные и достаточные предпосылки для этого. Именно в ней был создан фундамент, который обусловил накопление, так сказать, «критической массы», когда уже стал неизбежен качественный скачок – переход к психологии как самостоятельной научной дисциплине.

Разумеется, В. Вундт является основателем первой экспериментально-психологической лаборатории, знаменовавшей возникновение этой дисциплины как антитезы интроспекции. Однако «Психологию народов» он написал на основе интроспективного метода (Вундт, 1912). Это, конечно, вовсе не означает, что следует преуменьшать роль экспериментального метода; просто следует осознать ведущую роль в становлении психологии в качестве самостоятельной науки именно интроспективной психологии, психологии сознания. Развитие психологии в известный период времени включало определенную параллель: не только продолжалось развертывание субъективистской традиции (интроспективной психологии), но и возникла новая «объективистская» традиция, которая и привела к становлению экспериментальной психологии.

Необходимость акцентирования внимания на отмеченной выше исторической макрологике развития психологического знания в контексте рассматриваемой

мой здесь проблемы связана со следующим принципиальным обстоятельством. Современный метакогнитивизм — это фактически наука о том, как внутренний мир репрезентируется ему же самому. Он поэтому во многом эквивалентен интроспективной психологии, психологии сознания и психологии рефлексии, но, разумеется, уже на современном этапе и на качественно ином уровне развития представлений о них.

В конце XIX в. рефлексия, рефлексивные процессы, лежащие в основе сознания, понимались синкретично и аморфно, а само понятие рефлексии напоминало некий аналог флогистона, который обладает не вполне понятным и дифференцированным содержанием. Однако после более чем векового развития, когда структура этих внутренних процессов стала более ясной, имеет место возврат все к той же рефлексивной проблематике, но уже в рамках метакогнитивизма.

В силу этого можно заключить, что с позиций исторического развития психологического знания современный метакогнитивизм — это во многом *ренессанс психологии сознания*. Это своеобразный возврат к интроспективной традиции в лучшем понимании данного понятия. И в этом плане необходимо в корне изменить тот ассоциативный ряд, согласно которому интроспекция связывается с чем-то субъективным, неточным и даже так сказать «плохим и ненаучным». В действительности, если «протянуть ниточку» от современного метакогнитивизма как системы взглядов о внутреннем мире, через когнитивную психологию, затем — через бихевиоральные традиции, а дальше — к становлению эксперимента, то мы возвратимся все к той же психологии сознания. Круг замыкается, история повторяется и, как указывал Г. Гегель, вещь возвращается обратно к себе в идеальность (Гегель, 1977). Причем, когда речь идет об идеальности в этом контексте, то она понимается не только семантически, но даже этимологически в том же самом плане, какой она имеет в действительности. Сознание (как идеальность) вернулось к изучению себя, но на совершенно новом этапе развития — уже не *синкретично*, а подкрепленное *конкретными* данными о тех процессах и механизмах (метакогнитивных по своей сути), которыми оно обеспечивается.

II

Обращаясь ко второму из сформулированных вопросов — о содержании *предмета* метакогнитивизма, целесообразно, по нашему мнению, использовать прием *логико-исторической реконструкции*. Он заключается в анализе *развития* этих представлений именно в той логике, в которой они формировались и развивались хронологически (исторически). Это и анализ того, как обогащалась понятийная сеть метакогнитивизма, как складывался его тезаурус. В конечном итоге такой анализ постепенно выводит на тот уровень, которого достиг метакогнитивизм в настоящее время.

Первыми понятиями — первыми теоретическими конструктами, которые возникли в метакогнитивизме и знаменовали его становление как самостоятельной дисциплины, явились понятия *метапамяти* и *метамышления* (Flavell, 1979; Nelson, Narens, 1980). Так, например, метапамять — это память относительно своей памяти; это память об ограничениях, возможностях, стилевых особенностях

и др. своей памяти. Кстати, именно в связи с этим происходит фундаментальная дифференциация — разделение так называемых *первичных процессов* (т. е. традиционно изучающихся когнитивных процессов) и *вторичных процессов* (метакогнитивных). Тем самым был создан прецедент, который заставил обратить внимание на то, что, возможно, и другие первичные процессы имеют свое *alter ego* — свой вторичный процесс, который направлен на самого себя и обеспечивает психическую репрезентацию, точнее, саморепрезентацию. В свою очередь, эта саморепрезентация реализуется через совокупность вторичных, т. е. метакогнитивных, рефлексивных по своей сути процессов и механизмов, лежащих в их основе. Таким образом, логика развития метакогнитивизма уже на достаточно ранних этапах его развития вновь привела к проблеме рефлексии, к исследованию процессуального обеспечения сознания.

При анализе рефлексивных феноменов и процессов, хотя и принято отмечать, что они являются разнородными, тем не менее сама эта «разнородность» не становится предметом самостоятельного и специального анализа, не ставится вопрос о ее причинах и смысле. Вместе с тем мера этой гетерогенности настолько велика, а проявления ее настолько очевидны и феноменологически бесспорны, что невольно возникает вопрос о наличии некоторых *существенных* причин, лежащих в ее основе. Диапазон различий рефлексивных процессов и феноменов поистине беспрецедентен: от элементарного смутного самоощущения до предельно развернутых, утонченных и даже изощренных форм самопознания. И именно эта чрезвычайно высокая степень гетерогенности рефлексивных процессов и феноменов служила и продолжает служить одной из главных причин, главных трудностей для адекватной концептуализации процесса рефлексии как такового, взятого в его полноте и качественной определенности.

На наш взгляд, именно в этой, повторяем, чрезвычайно высокой гетерогенности рефлексии как раз и заключается разгадка ее природы, ключ к решению проблемы ее процессуального статуса. По нашему мнению, представляется достаточно странным и даже парадоксальным, что до сих пор в этом многообразии процессуальных проявлений рефлексии не распознана и не зафиксирована одна важнейшая закономерность. Как известно, в терминологическом аппарате психологии, а также в естественном языке сложился целый ряд понятий и выражений, фиксирующих различные процессуальные проявления рефлексии. Это, прежде всего, следующие понятия: *самоощущение, самовосприятие, аутопредставление, самонаправленное внимание, память о памяти — метамемория, мышление о мышлении — метамышление*. Обратим специально внимание на то, что все эти процессы, согласно современной трактовке, как раз и относятся к категории *метакогнитивных* процессов, а в своей совокупности составляют ее важнейшую часть. Нетрудно видеть, что в этих (а также и иных, более дифференцированных) понятиях зафиксированы не просто различные процессуальные проявления рефлексии, а ее различные *уровни*, соотносящиеся с различными видами *основных когнитивных процессов*. Последние, как известно, организованы на основе уровневого принципа и поэтому выступают не просто отдельными видами, а именно уровнями. Другими словами, отсюда следует достаточно значимый, на наш взгляд, вывод: рефлексия как процесс, выступая, одним

из макроуровней в общей организации психики, сама построена по уровневому принципу. Она тем самым воспроизводит в своем уровне строении основные уровни *когнитивной иерархии* в целом. Каждый подуровень рефлексии полно, точно, непосредственно и совершенно естественным образом соотносится с тем или иным базовым уровнем когнитивной иерархии. Когнитивная иерархия в виде рефлексии оборачивается на внутреннее содержание психики и выполняет те же самые функции, которые эта иерархия реализует по отношению к познанию внешней среды. В связи с этим можно, по-видимому, говорить о двух формах, о двух модусах когнитивной иерархии в целом – внешне ориентированной и внутренне ориентированной. Экономичность и «мудрость» организации психики проявляется в том, что в ней складываются не две разные системы ориентации во внешней и внутренней среде, а одна такая система, проявляющаяся, правда, в существенно разных формах.

С позиций такого подхода оказывается возможным, однако, не только дать более полную и дифференцированную характеристику процессов рефлексии, но и в определенной мере уточнить и расширить представления о принципах структурно-уровневой организации психических процессов как таковых. При реализации этих принципов в психологических исследованиях стало своего рода аксиоматичным прямое соотнесение и даже взаимополагаемость *структурно-уровневой* организации и *иерархичности* ее строения. Проще говоря, если есть уровни, то они не только синтезированы в структуру, но последняя, реализуя некоторую систему функций, обязательно должна быть интегрирована в иерархию. Вместе с тем изучение психологической природы рефлексии показывает, что это, по-видимому, хотя и очень важный, но все же частный случай соотношения принципов структурно-уровневой организации и иерархичности. Они действительно предполагают друг друга в том случае, если некоторая система *непосредственно* реализует управляющие, регулятивные функции. Их, кстати, может реализовать и сама рефлексия, взятая в ее регулятивном модусе (см. ниже). Однако в своей атрибутивно исходной форме суть рефлексии состоит несколько в ином.

С одной стороны, это процесс, имеющий как бы противоположную по отношению к непосредственному управлению и регуляции природу: он (по определению) прерывает поведенческий континуум, приостанавливая его непосредственное осуществление. Тем самым он выступает в своем уже не регулятивном, а в собственном когнитивном модусе. Но, с другой стороны, и это главное, решая такую принципиально иную задачу (не управления непосредственно, а самопрезентации), рефлексия не может и, по-видимому, не должна строиться иерархически, хотя и продолжает сохранять структурно-уровневый принцип организации. Поясним сказанное. Дело в том, что среди всех процессов, входящих в состав рефлексии (начиная от самоощущения и кончая метамышлением) в принципе нельзя выделить какой-либо наиболее важный и потому – находящийся на вершине ее иерархии процесс. Для рефлексии как процессуального средства сознания (и для сознания в целом) *самоощущение* психикой самой себя не менее, а быть может, более значимо, нежели, например, способность *помыслить* о себе (т. е. метамышление). Суть рефлексии состоит в том, что, благодаря

ей, достигается ощущение *полноты* и как бы *исчерпанности* репрезентации внутреннего мира – во *всем* многообразии его проявлений, в том числе – и процессуальных. Эта репрезентация предполагает опору на все когнитивные процессы, взятые в их вторичной форме – в форме метапроцессов.

Следовательно, имеет место ситуация, при которой структурно-уровневый принцип организации психических процессов сохраняется, а принцип их иерархичности не сохраняется. Тем самым появляются основания для заключения, согласно которому первый не всегда и не автоматически сопряжен со вторым, а второй есть лишь частное проявление первого. В системе рефлексивных процессов уровни структуры (отдельные процессы) оказываются равнозначными (или, по крайней мере, однопорядковыми), а полнота осознания Я предполагает опору на все эти уровни *одновременно* и в *равной* степени. В силу этого по отношению к собственно когнитивной рефлексии (как ее основному модусу) более адекватен уже не иерархический, а *гетерархический* принцип организации. Подчеркнем, что мысли о гетерархичности организации уже высказывались ранее; однако это делалось по отношению к системе когнитивных процессов, но не по отношению к рефлексии. На наш взгляд, психологическая природа рефлексии такова, что по отношению к ней подобные мысли не только «могут быть высказаны»: они *не могут не быть высказаны*. Рефлексия действительно выступает важнейшим интегратором системы психических процессов. Вместе с тем суть этой интеграции заключается в том, что, с одной стороны, она разворачивается не на основе принципа иерархии, а на основе принципа гетерархии. С другой стороны, «предметом» интеграции в ней выступают основные психические процессы в их, так сказать, «удвоенном бытии», в их превращенных формах – в виде метакогнитивных, вторичных процессов.

Таким образом, гетерархическая организация метакогнитивных процессов, лежащих в основе рефлексии, включает совокупность разнородных процессуальных средств, сформировавшихся в ходе эволюции фундаментального свойства психики – свойства *сензитивности к самой себе*, к своему содержанию, т. е. свойства *самосензитивности*. С этих позиций достаточно отчетливо раскрываются две важные психологические особенности самой рефлексии. Во-первых, в широком смысле рефлексия обладает принципиальной гетерогенностью, поскольку ее процессы представлены в разных плоскостях метакогнитивной гетерархии. Традиционное понимание рефлексии фиксирует лишь ее наиболее развернутую (и уже поэтому не единственную) форму, в основе которой лежит метамышление. Во-вторых, само свойство рефлексивности (и процесс рефлексии как процессуальное проявление этого свойства) должно быть понято как *видовое* по отношению к более *общему* и атрибутивно присущему психике свойству *самосензитивности* – «чувствительности к себе» как *родовому*, элементарные проявления которого наблюдаются уже в самых простейших сенсорных процессах. С этой особенностью связано и то, что любой когнитивный процесс выступает не только в своей исходной форме и главном функциональном предназначении – как *средство* переработки информации. Он может выступать также и как *объект* активных трансформационных воздействий со стороны других психических процессов и даже – со стороны самого себя.

Весьма показательными в этом плане являются данные, полученные в настоящее время в особом направлении метакогнитивима, связанном с исследованием метакогнитивных чувств (МКЧ) (Тихонов и др., 2018; Ackerman, Thompson, 2017). Дело в том, что именно они как раз и лежат в основе свойства самосензитивности, обеспечивая ту несомненную данность психического самому себе, которая составляет содержание феномена самосензитивности. Они могут по-разному определяться, но имеют очевидную общность в своей атрибутивной природе, которая состоит в том, что ими являются именно *чувства*, ощущения. В этом плане необходимо подчеркнуть, что они являются одним из наиболее ранних предметов изучения в метакогнитивизме, а впоследствии стали показательными среди всех явлений, составляющих его предмет. Иными словами, они выступили исходными не только в плане своей «базовости», относительной простоты, но и в плане того, что с них во многом и началось развитие всего этого направления. Здесь имеет место то, что в гносеологии обозначается как единство логического и исторического и что выступает важнейшим свидетельством их действительно фундаментального значения в общей структуре метакогнитивизма.

Развертывание исследований этих феноменов привело к тому, что в настоящее время дифференцировано весьма большое их количество, характеризующееся высокой гетерогенностью. Наиболее известными среди них являются следующие феномены: феномена «на кончике языка» (tip of the tongue; TOT); чувство знакомости (feeling of familiarity); чувство знания (feeling of knowing); чувство незнания/чувство сомнения (feeling of not knowing/feeling of uncertainty); чувство на кончике носа (tip of the nose; olfactory metacognition); ощущение пробела в памяти (blank-in-the-mind experience); суждения о легкости изучения (ease of learning judgements); суждения о выученном (judgments of learning); суждения второго порядка о суждениях о выученном (second-order judgments about judgments of learning); чувство компетентности (feelings of competence); оценка решаемости (judgment of solvability); чувство сложности (feeling of difficulty); чувство близости к решению/чувство теплоты (feeling of warmth); инсайт, «Ага!» – переживание (insight, Ahaexperience); субъективное переживание тупика (subjective impasse); чувство уверенности (feeling of confidence); чувство контроля (sense of agency); чувство удовлетворенности (feeling of satisfaction); отслеживание источника/мониторинг реальности (source monitoring/reality monitoring); суждения «помню»/«знаю» (remember/know judgments); чувство правильности (feelings of rightness); чувство ошибочности (feeling of error); ложное озарение/чувство «я знал это заранее!» (hindsight bias/the knew-it-all-along effect); дежавю (déjà vu); дежавекю (déjà vécu); жамевю (jamais vu); дежареве (déjà rêvé) (см.: Карпов, 2021a; Bloom et al., 2018; Gangemi et al., 2015).

По нашему мнению, в отношении МКЧ могут быть сформулированы следующие положения, содействующие пониманию их сути. Как известно, определяющей и даже атрибутивной, по мнению большинства исследователей, особенностью всех метакогнитивных феноменов и процессов является их принципиально осознаваемый характер (хотя в последнее время все чаще высказывается мнение, согласно которому они могут носить и неосознаваемый характер – см. ниже). Они в свете этого трактуются как средства повышения функционального ре-

сурса субъекта за счет формирования метауровня переработки информации. Он сопряжен (именно как метауровень) с механизмами осознания – выхода за личное. Безусловно, такой подход и, соответственно, эксплицирующийся в нем механизм ресурсного расширения является в целом обоснованным и реально действующим. Он во многих случаях приводит к существенному повышению качества когнитивных процессов и достигаемых результатов. Вместе с тем нельзя не видеть и другого обстоятельства – того, что этот выигрыш (как и любой другой) не только сопряжен с определенными проигрышами, но и достигается именно за счет них. По отношению к рассматриваемому вопросу этот выигрыш (в качестве осознаваемого контура переработки информации путем возникновения его метауровня) приводит, как показано во многих исследованиях, в частности в наших, к реципрокному снижению функциональной роли механизмов и средств, сопряженных с неосознаваемым контуром переработки – Карпов, 2011). Фасилитация метакогниции не только связана с известной ингибцией всего того, что сопряжено с иными уровнями переработки (и что можно обозначить как субкогниция), но и достигается в значительной степени за счет нее. Однако справедливо и обратное: фасилитация самой субкогниции в целом и неосознаваемых механизмов переработки информации в особенности может достигаться за счет ингибции самой метакогниции. Конкретно это означает, что если в структуре метакогнитивного обеспечения начинают доминировать именно чувства, то роль неосознаваемых механизмов и средств также существенно возрастает.

В связи с этим подчеркнем, что в данном случае мы сталкиваемся с одним из наиболее важных и, по нашему мнению, фундаментальных механизмов метакогнитивной регуляции деятельности в целом и даже с необходимостью кардинальной корректировки смысла метакогниции как таковой. Истинное значение и общая палитра метакогниции в целом и конкретных средств ее осуществления вовсе не сводится только к их фасилитации в деятельности. Исследования показывают, что они могут ингибироваться в деятельности, что, однако, выступает адаптивным и важным средством повышения ее организованности (Карпов, 2018). В частности, эта ингибция обеспечивается за счет того, что в структуре самих метакогнитивных феноменов представлена такая группа, которая как раз и обеспечивает возможность усиления иных, нежели осознаваемые, средств организации – неосознаваемых. Особо значимо то, что именно такие механизмы максимально важны именно для наиболее сложных и информационно насыщенных видов деятельности в силу их атрибутивных особенностей – прежде всего, их когнитивной наполненности. В том случае, если такие механизмы не представлены и если существенная часть всей переработки не переведена на неосознаваемый уровень, то субъект оказывается практически не в состоянии справляться большими массивами информации.

Анализ МКЧ позволяет выявить ряд характерных особенностей, присущих тем представлениям, которые сложились относительно данной группы в настоящее время. Так, во-первых, обращает на себя внимание их достаточно большое количество, их множественность. Во-вторых, они подчеркнута гетерогенны и охватывают самые различные сферы организации психического – на-

чина от наименее сложных и заканчивая весьма сложными и комплексными. В-третьих, данная особенность является следствием еще одной их черты – производности, своего рода вторичности по отношению к иным структурам и процессам, образованиям и феноменам. В-четвертых, само по себе это является и свидетельством их распределенности по всей структуре психического. Необходимо констатировать также, что можно дифференцировать два основных подхода к общей трактовке МКЧ и, соответственно, два способа их определения. Первый – это «жесткий» подход, подразумевающий их строгое определение и, соответственно, эксплицирующий их узкое значение. Он состоит в том, что в данную группу включаются лишь те феномены, которые обладают ярко выраженной специфичностью и автономностью – своего рода самодостаточностью, а также широкой сферой действия. Второй – «мягкий» – подход состоит в том, что в данную группу включаются фактически все феномены, которые так или иначе сопровождают многие иные процессы и явления и которые выступают как феноменологические репрезентанты последних. Это все то, что составляет феноменологический фасад, точнее, обеспечивает чувственную данность многих иных (а не исключено и всех) психических процессов и структур, качеств и свойств, состояний и явлений. Складывается ситуация, когда очень трудно, если вообще возможно, дифференцировать какое-либо значимое из них, которое не *сопровождалось* бы их ощущением и, соответственно, не составляло бы «чувства о них» как о метакогнитивных. Такая ситуация, в свою очередь, провоцирует вопрос: какое из них более корректно? Общий ответ на его состоит, на наш взгляд, в том, что второе – расширительное – значение, несколько проигрывая в точности, дает несопоставимо больший выигрыш в конструктивности, в тех возможностях, которые оно открывает для решения задач не только интерпретационного, но и поискового плана.

Представленные материалы, а также попытка их интерпретации позволяет, по нашему мнению, сделать еще одно заключение, уже относительно общего порядка, направленное на выявление принципиального смысла всех феноменов данной группы (впрочем, по-видимому, не только ее, но и феноменов иных групп и классов). Действительно, как отмечалось выше и что систематически подчеркивается практически всеми исследователями, одной из ярких черт данной группы является их принципиальная множественность – гетерогенность, а также производность от очень многих иных структур психики. Они обладают известным в науке свойством, удачно обозначенным М. Месконом как свойство «вездесущести» (Мескон и др., 1997). В широком смысле они сопровождают фактически все грани психического, являясь субъективными репрезентантами, средствами их чувственной данности. Складывается ситуация, близкая к той, которая обозначается понятием «дурной бесконечности»: какой бы предмет ни попал во внимание исследователя, он непременно сопровождается его ощущаемостью со стороны субъекта. Они не просто даны субъекту, но во многом и образуют эту данность, а в результате – и феноменологическую репрезентированность психического субъекту. Проявляясь уже по отношению к относительно наименее сложным типам метакогнитивных феноменов – МКЧ, данное обстоятельство с еще большей отчетливостью эксплицируется по отношению

ко всем иным, в том числе и наиболее сложным метакогнитивным феноменам. За всем этим, по нашему мнению, необходимо видеть истинный смысл данной закономерности и принципиальное значение всех феноменов данного плана. По-видимому, все они являются частными проявлениями и, более того, *парциальными механизмами*, обеспечивающими в совокупности одно из наиболее важных, загадочных и фундаментальных свойств психики – свойство самосензитивности, самоданности, саморепрезентированности. Они атрибутивно сопряжены также и с собственно рефлексивными процессами и механизмами организации психики.

III

Вместе с тем следует, конечно, отдавать отчет и в том, что даже охарактеризованная выше, действительно сложнейшая и внутренне дифференцированная картина организации метакогнитивных и рефлексивных феноменов еще не исчерпывает всей реальной сложности. Дело в том, что проведенный анализ фиксировал пока лишь в основном, так сказать, «когнитивное измерение» рефлексивных процессов. Однако данное «измерение» – это, хотя, безусловно, важнейшая, но не единственная сфера действия рефлексивных процессов. Еще одной вполне очевидной и важной формой представленности рефлексивных процессов является, как мы отмечали выше, уже не собственно когнитивная, а *регулятивная* форма их существования. Именно процессы, составляющие содержание регулятивной рефлексии, обеспечивают, как известно, *осознаваемый, произвольно контролируемый* характер целостной процессуально-психологической регуляции деятельности и поведения. Причем следует особо подчеркнуть, что данное свойство – свойство осознаваемости, произвольности, субъектной управляемости составляет *самую суть* процессуально-психологического обеспечения деятельности, поведения, общения.

В этой связи очень показательны, что в настоящее время в понятийном аппарате метакогнитивизма сложился целый ряд конструктов, призванных зафиксировать и объяснить различные аспекты именно этого – регулятивного «измерения» рефлексивного контроля за деятельностью и поведенческой активностью. Это, в частности, понятия метакогнитивного мониторинга (Metacognitive Control); понятие Metacognitive reasoning (описывающее связь метакогниций с атрибутированием причин поведения в конкретной ситуации); понятие метакогнитивной включенности в деятельность (Metacognitive Awareness); понятие метакогнитивного слежения; труднопереводимый термин «agency» (неполный аналог понятия «самоконтроль»). Быть в состоянии agent – значит полностью контролировать свои действия, предвосхищать желаемый результат и добиваться его.

Обращение к регулятивному «измерению» рефлексивных процессов, равно как и само понятие регулятивной рефлексии, в значительной мере содействует преодолению зауженного и потому не вполне адекватного и полного понимания рефлексии в целом. Дело в том, что последняя обычно понимается лишь как «обращенность психики на *саму себя*», на *свое* собственное содержа-

ние, но никак не на *внешнюю* активность (деятельность, поведение, общение). В действительности же рефлексия не может быть сведена лишь к ее внутреннему плану — к «смотрению на себя», к самосозерцанию. Более того, это, по-видимому, — не только не единственная, но даже и не главная, а потому и генетически не первичная, не исходная ее функция. В конечном счете сама эта функция сформировалась в филогенезе (а потом многократно воспроизводится в онтогенезе) как подчиненная, а значит, и вторичная по отношению к другой функции — к функции обеспечения процессуально-психологической регуляции *внешней* активности (любого типа: деятельности, поведения, общения и др.).

Процессуально-психологическая регуляция *внешней активности*, представленная в ее реальной, естественной полноте и многомерности, обязательно предполагает *внутренний мониторинг*, рефлексивный контроль за этой активностью и за собой как ее реализатором. В этом плане, собственно говоря, и возникает необходимость дифференциации двух типов рефлексии как таковой — *когнитивной* и *регулятивной*. Лишь вторая, базируясь на потенциале когнитивной рефлексии, может обеспечить осознаваемый, рефлексивный мониторинг и контроль внешней активности субъекта.

Таким образом, в своем когнитивном измерении предмет метакогнитивизма включает вторичные процессы (это было первым этапом развития метакогнитивизма). Они соотносятся с первой базовой подсистемой психики — с когнитивной. Однако, как можно видеть из проведенного выше анализа, еще один класс вторичных процессов (процессы, преимущественно, регулятивной направленности) соотносится со второй базовой подсистемой — с *регулятивной*.

Наконец следует иметь в виду, что и эта — существенно более сложная, нежели полагается традиционно, картина организации рефлексивных процессов, раскрывающая их в совокупности двух базовых «измерений» — когнитивном и регулятивном, все же не исчерпывает их реальной сложности и многомерности. Дело в том, что в современном метакогнитивизме имеет место и дифференциация рефлексии на *ауто-* и *социорефлексию* (М. Грант; см.: Metcalfe, 2008). Очевидно, что первая синтезирует в себе когнитивную и регулятивную рефлексию, а вторая соотносится с обеспечением еще одной базовой подсистемы психики — *коммуникативной*.

Таким образом, можно констатировать следующее обстоятельство принципиального характера. Основные — известные в настоящее время вторичные процессы (метапроцессы) очень органично естественным образом дифференцируются, а одновременно организуются на основе наиболее обобщенной дифференциации самой психики на три ее *основные подсистемы* — когнитивную, регулятивную и коммуникативную. Сама объективно представленная структура психики является поэтому комплексной детерминантой для дифференциации классов вторичных процессов и их классификации. Другими словами, сама структура психики выступает комплексным основанием для структурирования того содержания, которое составляет предмет метакогнитивизма. Это содержание не привносится в психологию какими-либо искусственными и абстрактными спекуляциями — умопостроениями и концептуализациями, а объективно порождается самой же психикой — в качестве одного из атрибутивных аспектов

ее организации и самоорганизации. Предмет психологии повторяет себя в предмете метакогнитивизма, но в своем вторичном модусе — в «удвоенном» виде.

В этом же плане очень показательны и то, что по отношению к рефлексивным процессам (как операторам) в качестве их «материала», т. е. в качестве их операнда, как уже было показано (Карпов, 2015а), могут выступать и реально выступают не только собственно когнитивные и регулятивные процессы и функции. В этом же качестве могут выступать и процессы иных классов — прежде всего *мотивационные* и *эмоциональные*. В связи со сказанным, появляются основания для дифференциации дополнительных, качественно специфических классов процессуальных проявлений рефлексии — для дифференциации эмоциональной рефлексии и мотивационной рефлексии. Первая составляет, как известно, одну из проблем, сформулированных и изучаемых в контексте специального направления психологических исследований, в психологии *эмоционального интеллекта*. Вторая составляет один из аспектов проблемы *метамотивационной* регуляции деятельности и поведения.

IV

В связи с этим выводом, однако, вполне закономерной является необходимость обращения к дальнейшему, еще *более дифференцированному* анализу общего состава процессуально-психологического обеспечения деятельности. Столь же закономерным является и предположение, согласно которому в его составе представлены и *иные* — также, возможно, существующие *классы* вторичных процессов. В основе данного предположения лежат следующие основные аргументы. Во-первых, если действительно существуют метакогнитивные, метарегулятивные и метакоммуникативные процессы, то с логической необходимостью встает вопрос о том, *исчерпывают* ли они собой *все* содержание категории метапроцессов («вторичных» процессов) в целом? Во-вторых, три указанных класса метапроцессов — *метакогнитивные* и *метарегулятивные* и *метакоммуникативные* соотносятся с тремя основными классами первичных психических процессов (т. е. с когнитивными, регулятивными и коммуникативными). Однако не менее очевидно и то, что в состав первичных процессов входят и *иные* их классы — прежде всего *мотивационные* и *эмоциональные*. Следовательно, можно вполне обоснованно предположить, что и по отношению к ним также могут существовать дополнительные классы метапроцессуальных образований — *метамотивационные* и *метаэмоциональные* процессы.

Вместе с тем следует, конечно, учитывать, что они носят гораздо более имплицитный характер именно в качестве *процессуальных* образований, нежели уже проанализированные вторичные процессы. Такой имплицитный, неявный их характер как образований процессуального типа действительно наиболее отчетливо представлен по отношению к мотивационным и метамотивационным процессам. Последнее объясняется тем, что в области психологии мотивации в целом длительное время доминировал (и в значительной степени продолжает сохранять до сих пор) своего рода *структурно-морфологический* подход. Согласно ему, базовым теоретическим конструктом разработки

проблемы мотивации в целом является понятие мотива как *структурного*, а потому относительно статичного образования. Вместе с тем соответствующие ему и обеспечивающие его собственно *процессуальные* средства остаются при этом на втором плане. Даже само понятие мотивации трактуется отнюдь не в его процессуальном смысле (не как мотивирование, динамическое развертывание детерминирующей функции мотивов, т. е. процессуально, а как совокупность мотивов). С известной долей схематизации можно сказать, что психология мотивации — это в основном психология мотивов, а не мотивационных *процессов*.

Естественно, что такая установка не может не приводить к тому, что структурный аспект мотивационной сферы личности раскрыт значительно полнее и глубже, нежели ее собственно процессуальное содержание. И прежде всего, такая диспропорция в степени разработанности структурного и процессуального аспектов мотивации проявляется в том, что сама необходимость обращения к анализу данной проблемы, т. е. к изучению *метамотивов*, феноменологически обнаружила себя по отношению именно к структурным «составляющим» мотивационной сферы личности. Она привела к возникновению чрезвычайно важного понятия — *метамотивов*. Причем данная необходимость и, соответственно, указанное понятие, а также его конструктивный объяснительный потенциал обнаружился в очень разных по своей методологической ориентации психологических направлениях и школах. Среди них в первую очередь следует отметить введенное А. Маслоу в русле гуманистической психологии понятие «Б-ценностей» (бытийных ценностей), выступающих в функции метамотивов (Маслоу, 1997); сформулированные Дж. Аткинсоном и Дж. Макклелландом в рамках поведенчески-ориентированной психологии понятия мотивации достижения и мотивации избегания неуспеха (Atkinson, 1974; McClelland, 1953); классические исследования Е. Деси и Р. Райана, предложивших понятия интринсивной и экстринсивной мотивации, соотносящиеся с подсистемами внутренней и внешней мотивации (Deci, Ryan, 1985). Все эти комплексные (а значит, и предполагающие необходимость их структурирования мотивационные образования) имеют, как, впрочем, и любые иные *структурные* образования, собственное, специфическое содержание. Оно *несводимо* к сумме, т. е. к аддитивному множеству отдельных входящих в них мотивов.

Так, бытийные ценности в качестве метамотивационных структур, согласно А. Маслоу, являются различными аспектами мотивационных образований еще более высоких порядков организации и сложности, а одновременно и значимости для личности — мотивации самоактуализации и мотивации самореализации. Все они (и это следует подчеркнуть специально) *в принципе* не имеют и не должны иметь четкой, однозначной *предметной направленности*, т. е. не являются первичными мотивами. Их специфика состоит в том, что они регулируют и опосредуют мотивационный потенциал иных мотивов личности; определяют общую мотивационную ориентацию личности, а также смысл ее поведения и бытия в целом.

Аналогичным образом и мотивация достижения, равно как и мотивация избегания неуспеха, также в принципе не имеют и не должны иметь четко локализованного и определенного предмета. Их суть состоит в другом: они опре-

деляют степень интенсивности и направленности всех иных мотивационных установок личности, т. е. выступают в функции метамотивационных образований, а также в значительной мере и направленности личности. То же самое можно сказать и про дифференциацию подсистем внешней и внутренней мотивации, поскольку предрасположенность личности либо к той, либо к другой имеет так сказать «наддеятельностный» характер и может проявляться в очень разных видах деятельностной и поведенческой активности.

Таким образом, можно видеть, что все указанные конструкты обладают двумя важнейшими особенностями. Во-первых, они фиксируют такие мотивационные образования, которые не имеют и *не должны иметь* четкой, однозначной предметной отнесенности, направленности. Во-вторых, именно поэтому они оказываются в состоянии регулировать, опосредовать меру, характер и формы действия иных (уже имеющих непосредственную предметную отнесенность) мотивов. Эти две черты обуславливают их принадлежность к мотивам «второго порядка», к *вторичным* мотивам, к метамотивам.

Вместе с тем очень существенным в плане рассматриваемых вопросов является еще одно обстоятельство, которое, к сожалению, значительно менее известно и освещено в литературе; оно заключается в следующем. В своих более ранних работах Дж. Аткинсон и Дж. Макклелланд, равно и как Е. Деси и Р. Райан, использовали введенные ими конструкты (мотивация достижения и мотивация избегания неуспеха; внешняя и внутренняя мотивация) исключительно в *структурном* смысле, т. е. как специфические метамотивационные *образования*. Например, Е. Деси и Р. Райан в своих ранних работах использовали для этого понятия «мотивационных подсистем», что прямо указывает на его именно структурный характер. Однако в дальнейшем, по мере развертывания изучения и углубления представлений о них, все больший акцент стал приходиться на собственно функциональный, *процессуальный* аспект тех реалий, которые зафиксированы в данных понятиях. Так, в своих поздних работах Е. Деси и Р. Райан вообще преимущественно использовали термины не *подсистем*, а *процессов* внешней и внутренней мотивации (Deci, Ryan, 1985).

Аналогично этому Дж. Аткинсон в своих поздних работах смещал фокус исследований мотивации достижения и мотивации избегания неуспеха на стратегийный (т. е. опять-таки функциональный, *процессуальный*) план их анализа (Atkinson, 1974). Все это вполне объяснимо и даже естественно, поскольку сами метамотивы в значительной степени являются *результативными* эффектами, *итоговыми* феноменами сложнейших мотивационных *процессов*, обеспечивающих их возникновение и функционирование (а также редукцию). Таким образом, уже на основе этих данных можно видеть, что необходимость обращения к категории метамотивационных *процессов* обусловлена не какими-либо *частными* результатами, полученными в области психологии мотивации. Напротив, она связана с ее наиболее *общими* и даже ставшими своего рода «хрестоматийными» положениями, а также со столь же общими тенденциями ее развития в целом.

Обобщая сказанное, можно сделать следующее заключение. Наряду с первичными мотивами и мотивационными процессами очень широко представлены более сложные метамотивы и соответствующие им метамотивационные

Раздел III

процессы. Очень показательно, что чем более экологически валидным является изучение мотивационной сферы личности, тем в большей степени выявляется роль метамотивов в организации деятельности, поведения, общения. В связи с этим метамотивационные процессы также должны быть проинтерпретированы как еще один класс, входящий в общую категорию метапроцессов в целом.

Ситуацию, подобную той, которая была охарактеризована выше по отношению к мотивационным процессам, можно констатировать и по отношению к еще одному базовому классу психических процессов — *эмоциональных*. При этом вновь необходимо учитывать одну из наиболее общих закономерностей организации психики: любой *результативный* эмоциональный феномен, любой итоговый его эффект *объективно* предполагает определенный *процесс*, обеспечивающий его и к нему приводящий. Наиболее показательны, разумеется, те очень многочисленные данные феноменологического и эмпирико-экспериментального характера, которые получены при разработке еще одной «классической» проблемы психологии — проблемы *соотношения* когнитивных и эмоциональных процессов, влияния вторых на первые. Их суть достаточно очевидна, но не становится от этого менее значимой и состоит в следующем. Каким бы образом ни трактовать взаимосвязь и взаимодействие когнитивных и эмоциональных процессов, это взаимодействие (просто по определению) означает их *синтез*, который в принципе несводим ни к одному из них по отдельности, ни к их аддитивной (агрегативной) совокупности. Этот синтез — интеграция двух классов психических процессов — обуславливает, в силу присущих любой интеграции генеративно-порождающих механизмов, новые качества, новую качественную определенность. Вместе с тем очевидно и то, что такой синтез не может быть осуществлен «сам по себе» — автоматически и непосредственно. Напротив, он требует, определенных и, по всей вероятности, достаточно сложных *процессов*.

Наконец в этом же плане нельзя, конечно, оставить без внимания широко развернутые в настоящее время исследования по проблеме *эмоционального интеллекта*. В его структуру (по определению) органично включены собственно когнитивные механизмы и *операционно-процессуальные* средства. Тем самым он выступает и в целом, и парциально т. е. в аспекте своих составляющих — подпроцессов) как интегративное эмоционально-когнитивное образование. В связи с этим он (и любой из его подпроцессов) как бы «перерастает» лишь эмоциональную сферу, выходит за ее границы, является поэтому не только собственно эмоциональным, но и метаэмоциональным образованием.

V

Итак, анализ вновь приводит к принципиальному выводу, который был сделан выше. Это вывод о *конгруэнтности* предмета метакогнитивизма и о составе самой психики (соответственно, о том, как она отображается на уровне предмета психологии). В данном случае речь, однако, идет уже не о подразделении психики на три базовые подсистемы (когнитивную, регулятивную и коммуникативную), а о разграничении основных *классов* психических *процессов* — когнитивных, эмоциональных и мотивационных. Вместе с тем очень показательно

еще одно, также принципиальное обстоятельство. Дело в том, что наряду с уже рассмотренными дифференциациями в психологии существует и еще одна, пожалуй, наиболее крупная, касающаяся содержания психического в целом. Это, разумеется, классическая «триада составляющих» — *процессы, свойства, состояния*. Обращение к ней позволяет эксплицировать еще одну грань общего содержания предмета метакогнитивизма.

Действительно, очень оживленно дискутируется вопрос о так называемых метакогнитивных *качествах* личности. При этом, как правило, гласно или негласно, но фактически императивно принимается установка на поиск тех или иных «особых» метакогнитивных качеств. Складывается впечатление, что такое качество — это нечто особое, автономизированное как от всех других качеств, так и от процессов. Такой поиск, однако, оказывается, как правило, малопродуктивным и не приводит к дифференциации каких-либо метакогнитивных качеств, ортогональных по отношению к уже известным. Более того, он обычно демонстрирует явную, причем неразрывную, атрибутивную их связь с теми или иными метакогнитивными процессами. По нашему мнению, в основу решения данной проблемы должен быть положен один из фундаментальных методологических принципов — принцип *единства процессуального и результативного уровней анализа*. Согласно этому принципу, любой *психический* процесс имеет свои *результативные* проявления. Любой процесс так или иначе «кристаллизуется» в свойстве — в качестве, которое индицирует индивидуальную меру его развития. Не существует каких-либо отдельных качеств (отдельных от процессов); наиболее разработанная в этом плане функционально-генетическая парадигма гласит, что любой процесс является основанием для того или иного качества (Шадриков, 1995). Качества — это те же процессы, но взятые в их результативном проявлении. Если с этой точки зрения подойти к пониманию метакогнитивных качеств, то эксплицируется та же самая ситуация, которая является аксиоматичной для других отраслей психологии, в частности, для изучения когнитивных и метакогнитивных процессов. Согласно ей, метакогнитивные качества есть не что иное, как *индивидуальная мера* развития того или иного когнитивного процесса. Метакогнитивные процессы, так же как и когнитивные, имеют индивидуальную меру выраженности; она, в свою очередь, индицирует то или иное метакогнитивное качество; точнее, она *является* им.

Аналогичная связь процессов и свойств, функций и результата позволяет эксплицировать и еще одну грань общего содержания предмета метакогнитивизма. Выше уже отмечалась функционально-генетическая парадигма, сложившаяся в русле проблемы *способностей*, согласно которой, способности определяются индивидуальной мерой развития сформированности тех или иных функциональных систем, которые проявляются в продуктивности деятельности (там же). Способности как *качества* выступают результативным проявлением определенного *процессуального* обеспечения — лежащих в их основе функциональных систем. Тем самым способности как *качества* (но в данном случае уже метакогнитивного плана) также могут и должны быть дифференцированы на основе их соответствия с тем или иным метакогнитивным *процессом*. Метакогнитивные способности есть не что иное, как индивидуальный уровень выраженности

ти, сформированности отдельных сторон метакогнитивной сферы. В этой связи очень показательными являются те исследования, в которых обоснована необходимость и доказана конструктивность дифференциации особой категории способностей, обозначенных нами как *метакогнитивные способности* (Карпов, Карпов, 2015). Таким образом, не только категория *процессов*, но и категория *свойств* как второй член классической «психологической триады» оказываются включенными в общее содержание предмета метакогнитивизма.

VI

Констатируя это, нельзя, однако, забывать, что пока не охваченным остается еще один компонент данной триады – состояния. На первый взгляд представляется, что здесь имеют место наиболее принципиальные трудности его ассимиляции предметом метакогнитивизма. В действительности же, напротив, именно по отношению к нему такая ассимиляция является самой естественной и очевидной. Дело в том, что наиболее фундаментальное метакогнитивное состояние не просто очень хорошо известно, но оно, собственно говоря, и составляет «самость» – субъектность как таковую; образует ощущение личностью своего Я, саморепрезентацию внутреннего мира. Более того, оно во многом просто и конституирует этот мир, а соответственно – и личность. Это, разумеется, состояние *сознания*. Если подойти к трактовке сознания с позиции категории состояния, то сама этимология слова «со-знание» как раз и будет означать *состояние знания*. Оно может быть представлено на разных уровнях, в различных формах (саморефлексия, медитация, самопогружение и пр.). Ярким примером в этом плане могут служить известные взгляды С.Л. Рубинштейна на проблему *самосозерцания* (Рубинштейн, 1957).

Сознание – это всегда осознание *чего-либо*, прежде всего осознание содержания внутреннего мира. И в этом плане оно не может не быть принципиально *вторичным* и по отношению к самому этому содержанию, и тем более по отношению к объективной реальности, получившей первичную репрезентацию во внутреннем мире. Кроме того, следует подчеркнуть, что и любое *конкретное* состояние имеет два пласта – это и некоторый физиологический пласт, но это и *рефлектирование* данного состояния. Можно находиться в том или ином состоянии – *ощущать*, но можно его также и *осознавать*. Любое состояние не только как некий психофизиологический фон, а как фрагмент субъективной психической реальности, взятой в ее полноте, дано в *рефлексивном обрамлении*. В этом плане оно должно быть проинтерпретировано как производное от психофизиологического тона – как вторичное по отношению к нему.

Таким образом, можно видеть, что еще одна базовая дифференциация психики на триаду компонентов (процессы, свойства, состояния) вполне однозначно, причем совершенно естественным образом эксплицируется в содержании предмета метакогнитивизма. Однако и сам этот предмет обретает через данную триаду комплексное и столь же естественное основание для его дифференциации и интерпретации. Особо следует зафиксировать и еще одно очень существенное, по нашему мнению, обстоятельство. Такая интерпретация развивает и углуб-

ляет представления, зафиксированные в данной триаде, показывая, что наряду с первичными процессами, свойствами, состояниями существуют еще и *вторичные* процессы, свойства, состояния.

VII

Необходимо подчеркнуть значимое, на наш взгляд, обстоятельство. Дело в том, что вклад метакогнитивизма в представления, зафиксированные в данной триаде, не исчерпывается только что сформулированными заключениями. Наряду с ними в его рамках может быть не только по-новому поставлен, но и в определенной мере решен вопрос о *недостаточности* этой триады для сколько-нибудь полной и завершенной экспликации содержания психического; поясним сказанное. Как известно, в данном направлении как практически синонимичные используются два понятия — метакогниция и метапознание. Сам метакогнитивизм — это в известной мере и есть направление, предметом которого выступает именно метапознание, но в двух разных модусах — процессуальном и результативном. В связи с этим следует дифференцировать два основных направления в метакогнитивизме. Первое — *операторное*, связанное с исследованием метакогнитивных процессов. Второе — *операндное*, связанное с исследованием метазнаний, т. е. «знаний о знаниях». Вполне закономерно, что в метакогнитивизме очень рано не только были предложены понятия и конструкты, в которых закреплены те или иные формы знаний, но и возникло целое направление, во многом определяющее его современный облик. Оно связано с раскрытием закономерностей формирования и функционирования *ментальных репрезентаций* как таковых. Они являются родовым понятием по отношению к многочисленным видовым проявлениям форм фиксации информации в психике. Это, в частности, такие понятия, как внутренняя информация, знания, субъективные репрезентации, когнитивные схемы, опыт, образ мира, внутренний мир, модель ситуации, субъективные репрезентации, скрипты, фреймы и мн. др. (Ментальная репрезентация, 1998; Сергиенко и др., 2020; 2002; Фодор, Пылишин, 1996; Rosch, 1976). За счет них формируется то, что обозначается как индуктивный внутренний опыт, как арсенал когниций, которые выполняют уже не собственно познавательную функцию в отношении внешней среды, а регулятивную функцию по отношению к самопрезентации, к регуляции внутреннего мира. Знания, когда они приобретают статус метакогниций, выступают не столько в своей собственно познавательной функции, а в функции регулятивной.

Другими словами, сами знания (как бы их ни трактовать и в каком бы плане их ни рассматривать) выступают в общей функциональной организации сознания и психики в целом не только в своем исходном модусе — в качестве содержания, информации, т. е. в качестве *операндов*. Они, реализуясь в отношениях к самим себе, эксплицируют тем самым и собственно операциональные возможности, т. е. выступают и в качестве активных *операторов*. Тем самым по отношению к ним следует констатировать феномен, точнее, механизм, который можно обозначить как механизм *операндно-операторной обратимости* знаний. Он заключается в том, что знания могут выступать (и попеременно, и одновре-

менно) и в качестве операндов, и в качестве операторов. По-видимому, именно этот механизм лежит в основе функциональной организации *сознания* как высшего по степени сложности феномена психического, поскольку за счет него обеспечиваются два эффекта, составляющие самую суть сознания и обозначаемые обычно как атрибуты сознания. С одной стороны, это известное и детально изученное «чувство знания», поскольку они могут выступать в качестве относительно пассивных операторов, т. е. чувствоваться в прямом смысле данного понятия. С другой стороны, это и ощущение «подвластности» своего внутреннего мира себе, поскольку знания могут выступать и как активные операторы и, следовательно, обеспечивать ощущение владения своим внутренним миром.

В свете данного механизма необходимо несколько по-новому отнестись к фундаментальному подразделению знаний на два типа — *декларативные* и *процедуральные*. Декларативные знания — это, как известно, знания по типу «что?», а процедуральные знания — это знания по типу «как?». Когда знания-когниции оборачиваются на самоё себя и становятся *метакогнициями*, они трансформируются из статуса относительно пассивного операнда в статус активного оператора. Но именно это и означает, что они обретают статус не только декларативных знаний, но и процедуральных; они сами становятся *действенными*. В данной связи уместно вспомнить известное выражение Дж. Миллера, Ю. Галантера и К. Прибрама «Пропась между знанием и действием огромна, и величина ее нам не известна» (Миллер и др., 1965). Однако где, чем и как заполняется эта пропась? Как знание — нечто идеальное — транспонируется в нечто материальное? На наш взгляд, именно *механизм обратности* декларативных и процедуральных знаний, т. е. трансформация когниций в метакогниции и обретение последними собственно *действенного потенциала* во многом и обеспечивает это.

В этом плане появляются основания и для формулировки положения еще более общего плана, связанного с пониманием и экспликацией состава и содержания психического *в целом*, с его более полной и адекватной дифференциацией на те или иные компоненты, части, «составляющие» и пр. Действительно, если знания как таковые в их наиболее полном и многоплановом статусе играют столь фундаментальную роль в организации сознания и психики, если они могут выступать не только в форме операндов, но и в форме активных операторов, определяющим образом влияющих на всю ее организацию, то каков их истинный *психологический статус*? Можно по крайней мере предположить, что этот статус должен быть также очень высоким или даже максимально высоким. Он, по-видимому, должен быть сопоставим с тем статусом, который традиционно приписывается основным макросоставляющим психического, зафиксированным в их классической триаде (*процессы—свойства—состояния*). При этом следует подчеркнуть, что, хотя данная триада нередко подвергается критике, а основания и критерии для дифференциации именно указанных компонентов не вполне концептуально ясны и определены, она тем не менее является очень устойчивой, традиционной. Однако сам вопрос о ее полноте (точнее, о возможной *неполноте*), а также о критериях ее достаточности для полной экспликации состава и содержания психического, как правило, даже не формулируется в явном виде и уж тем более — не является решенным. По отношению к такой диф-

ференциации проявляется своего рода «презумпция несуществования», согласно которой иных макрокомпонентов (помимо трех указанных) просто нет по определению, а их выделение, в свою очередь, приводит к иллюзии достаточности — исчерпанности ими всего содержания и состава психического¹.

Вместе с тем, если допустить (хотя бы только допустить), что данная презумпция неправомерна, а также учесть ту поистине фундаментальную и не раскрытую еще пока до конца в полном объеме роль, которую играют знания в общей организации психики в целом, то возникают основания для концептуального расширения указанной триады. Она должна быть преобразована в тетраду: «процессы—свойства—состояния—знания». Все предпринимавшиеся ранее попытки дифференциации состава и *содержания* психики характеризовались тем, что «изгонялось» само *содержание* — знания, составляющие функциональную основу всей психики. Однако, если проинтерпретировать знания с позиций развитого выше подхода, т. е. учесть, что они выступают в психике и в своем «удвоенном качестве» — не только как операнды, но и как операторы (как средства и механизмы, инвариантно представленные в ней и оказывающие *определяющее* влияние на всю ее структурно-уровневую и функциональную организацию), то их совершенно недопустимо исключать, точнее, не включать в состав базовых образующих психики в целом.

VIII

Если продолжить принятую выше логику анализа, то необходимо, конечно принять во внимание еще один, пожалуй, наиболее общий способ дифференциации психики и, соответственно, структурирования предмета психологии. Это, разумеется, ее дифференциация на *осознаваемое* и *неосознаваемое*, *сознательное* и *бессознательное*. Очень показательно, что это не только непосредственно эксплицируется в современных представлениях о предмете метакогнитивизма, но и сам предмет также в значительной мере содействует углублению этих представлений. Действительно, проблема соотношения метапознания (метакогнитивизма) и бессознательного, хотя и была сформулирована относительно недавно, но составляет сегодня одну из важнейших в метакогнитивизме. Данная проблема была определена, прежде всего, в работах Л. М. Редер и К. Д. Шенн, а позже М. К. Спен и Л. М. Редер (Reder, 1996). Ими был обоснован тезис, согласно которому значительная часть метакогнитивного контроля поведения осуществляется косвенным образом или автоматически, без сознательного контроля, а выбор стратегии является скорее бессознательным метакогнитивным процессом. Г. Грехем и К. Нейссер определяют метапознание как убеждения второго порядка («Я знаю, что я знаю»), допускают возможность существования бессознательного метапознания (Reder, 1996). Для понимания связи метапознания и сознания целесообразно также рассмотрение определения метапознания в терминах рефлексии, убеждений и установок второго порядка. С одной стороны, накоплено уже достаточно оснований для того, чтобы утверждать, что люди могут бессознательно иметь убеждения и установки даже первого порядка.

¹ Напомним высказывание Г. Гегеля: «Мыслить триадами нелепо» (Гегель, 1977).

Вследствие этого вполне логично предположить, что убеждения и установки второго порядка также могут быть бессознательными. С другой стороны, мысль о бессознательных рефлексивных убеждениях можно рассматривать и как сомнительную. Так, Г. Грехем и К. Нейссер показали, что наиболее характерным для человека является осознанное убеждение второго порядка об осознанном убеждении первого порядка.

Вместе с тем было получено множество фактов, подтверждающих, что метакогнитивный мониторинг и контроль могут «проходить и по ту сторону» сознания (Reder, 1996). В целом исследования показали, что активное изучение различных сторон вопроса может усилить мнение субъекта относительно своего «чувства знания» (как суждения о вероятности полной актуализации определенной информации, хранящейся в памяти), предположительно посредством углубления сигнальных знаний. Кроме того, подобное активное изучение может также затрагивать и выбор стратегии. По мнению этих авторов, эксперименты доказывают, что выбор стратегии — это скорее бессознательный метакогнитивный процесс; или, если метапознание предполагает осознание, тогда это имплицитный процесс. Еще один подход, предложенный С. К. Колб, состоит в том, чтобы заменить понятие «бессознательное чувство знания» на понятие «бессознательный мониторинг», так как в научной среде стали возникать споры относительно того, могут ли чувства быть бессознательными. Хотя чувства и могут быть результатом бессознательных процессов, сами они являются сознательными, феноменальными состояниями (Kolb, 1985).

Итак, наиболее общим и принципиальным — традиционным и широко обсуждаемым в литературе, а в то же время и наиболее острым в теоретическом отношении является вопрос о том, могут ли быть в принципе метакогнитивные процессы бессознательными? Может ли метапознание осуществляться без участия сознания и реализовываться на неосознаваемом уровне организации психики? Или же метапознание — это целиком и полностью прерогатива сознательного, а потому субъективно регулируемого и контролируемого уровня ее организации? По отношению к данному вопросу в настоящее время существуют различные варианты его решения. Во всех этих вопросах, как в капле воды, проявляется недостаточная теоретическая зрелость, а нередко — противоречивость и неопределенность концептуального содержания и понятийного аппарата метакогнитивного направления в целом. Это проявляется не только в недостаточной обоснованности предлагаемых способов *решения* отмеченного, но и даже в неполной корректности его *постановки*. Действительно, обычно данный вопрос формулируется в следующем виде: могут ли метакогнитивные процессы (а шире — и метапознание как таковое) осуществляться на бессознательном уровне? Другая, более «мягкая», но уже существенно отличающаяся от первой, хотя и столь же традиционная его постановка выглядит следующим образом: включены ли в метакогнитивные процессы механизмы и иные средства, имеющие характер неосознаваемых? Играют ли бессознательные средства и иные операционные составляющие какую-либо роль в метакогнитивных процессах (и, повторяем, метапознании в целом)? Выполняют ли они какую-либо контролируемую и организующую функцию по отношению к нему? При по-

пытке решения этих вопросов, на наш взгляд, необходимо руководствоваться следующим. Метакогнитивные процессы, как уже отмечалось выше, являются принципиально гетерогенными не только по своему составу и содержанию, но, возможно, и по принципам своей организации. Так, они не только допускают, но и требуют своей интерпретации в двух существенно различных, но взаимодополняющих друг друга планах. С одной стороны, они, разумеется, должны быть проинтерпретированы с тех позиций, сложились исходно и отражают уже отмечавшиеся выше так называемые рудиментарные определения метакогнитивных процессов (мышление о мышлении – метамышление, память о памяти – метапамять и пр.). Их неотъемлемой чертой является то, что в них фиксируется не только факт вторичности и производности метакогнитивных процессов от «первичных», но и их атрибутивная субъектность – понимание их именно в качестве специфических средств, осознаваемо и целенаправленно реализуемых субъектом в отношении своих же собственных когнитивных функций. Понятно, что при таком понимании уровень осознаваемой регуляции включается в содержание метакогнитивных процессов фактически по определению, является атрибутивно присущим им. Естественно поэтому, что при таком определении ни метапознание в целом, ни каждый из составляющих его метакогнитивных процессов (а также иных структур и образований) не могут реализовываться на неосознаваемом уровне. Однако, с другой стороны, метакогнитивные процессы – как действительно вторичные, а значит, составные, интегративные и синтетические, вторичны еще и в плане большей степени их сложности, уровня достигаемой в них системности строения. Причем те интегративные, системообразующие средства и механизмы, которые обеспечивают их более высокую сложность и комплексность организации, могут носить (и, как правило, носят) совершенно *объективный* характер, поскольку они реализуются на основе общих, объективно присущих ей закономерностей функционального и процессуального плана. Вполне очевидно, что последние являются именно объективными, они существуют и реализуются «сами по себе», не требуя субъектного, а значит, и субъективного вмешательства в них (и уж тем более их субъектного и, следовательно, осознаваемо контролируемого осуществления). В силу этого следует заключить, что механизмы и средства организации и структурирования многих «вторичных» процессов не только могут, но и обязательно должны реализовываться на неосознаваемом уровне за счет именно бессознательных и, следовательно, объективных средств и закономерностей. Тем самым последние совершенно органично включаются в общий состав и содержание «вторичных», в том числе – и метакогнитивных процессов; более того, они соотносятся именно с собственно процессуальными средствами их реализации.

При такой их интерпретации становится очевидным (и, добавим, вполне закономерным), что ведущую структурообразующую и организующую функцию по отношению к «вторичным» процессам должны выполнять и реально выполняют именно механизмы объективного характера, не предполагающего субъектного и, следовательно, осознаваемого контроля. В силу этого бессознательные средства и механизмы, носящие объективный характер, не просто включаются в реализацию метакогнитивных процессов (равно как и иных

вторичных процессов), но и играют ведущую, определяющую роль в их структурировании из иных — первичных процессов. В этом плане само понятие метапроцессов означает, прежде всего, существование процессов иных порядков и уровней интеграции; вместе с тем сама интеграция как их основа реализуется с опорой на неосознаваемые, объективно присущие психическому закономерности и средства ее реализации. В этом плане очевидно, что «вторичные» процессы не только могут, но и должны быть бессознательными. Они, однако, являются таковыми именно по механизмам реализации, т. е. именно в аспекте их собственно процессуального обеспечения, так сказать, по «технологии». Однако они же являются атрибутивно сознаваемыми в плане их *результативного* содержания — того, к чему приводит действие бессознательных, объективных механизмов, лежащих в основе их интеграции. И в этом своем результативном модусе они доступны репрезентации на уровне сознания и, следовательно, столь же доступны для произвольного, т. е. субъектно контролируемого, осуществления.

Вместе с тем с этих позиций становится очевидной необходимость в достаточно существенной корректировке самого понятия бессознательного. Его точнее было бы обозначить более нейтральным (но одновременно — и более общим) термином «неосознаваемое». Дело в том, что неосознаваемая сфера психики включает, по-видимому, и такие процессы, которые не только не проще процессов, которые осознаются, но и сложнее их. С этих позиций достаточно хорошо интерпретируются и те представления, которые зафиксированы в еще одной известной и широко обсуждаемой дифференциации психического — на бессознательное, сознательное и *сверхсознательное*. В этой же связи необходимо отметить и термин, предложенный В. М. Аллахвердовым, — *протосознательные* процессы (т. е. те, которые в значительной мере и регулируют осознаваемые процессы, но сами по себе не осознаются) (Аллахвердов, 2000). На наш взгляд, их было бы точнее обозначить как *метасознательные* процессы, поскольку они по степени своей сложности являются заведомо *более*, а не менее сложными, нежели процессы осознаваемого контура. Поэтому метасознательные процессы выступают по отношению к ним не как *прото*процессы, а именно как *мета*процессы. Эти процессы, по-видимому, *в принципе* не допускают своего перевода в осознаваемую форму (почему именно — см. ниже). Весь «драматизм» исследовательской ситуации, связанной с их пониманием и объяснением, заключается в том, что они не только *не объективируемы* (в этом они ничем не отличаются от всех иных компонентов психического). Они столь же принципиально *не субъективируемы*. Однако в таком случае и возникает принципиальнейший вопрос: как же их изучать? Как они могут быть доступны познанию, если по отношению к ним «не работает» даже интроспекция? И вообще как они могут быть эксплицированы и раскрыты в плане их содержания? Пока это практически полностью не ясно; не ясно даже то, как их вообще можно представить — как «помыслить» о них? Однако то, что нельзя понять сейчас, не означает, что этого нельзя будет понять никогда. И здесь необходимо вспомнить известное выражение Л. Д. Ландау: «Мощь современной науки заключается в том, что мы можем *понять* то, что не можем *представить*» (Ландау, 1960).

IX

Необходимо, на наш взгляд, обратить специальное внимание еще на один важный аспект общей проблемы предмета метакогнитивизма. Так, общеизвестным и общепринятым в нем является положение, согласно которому при определении метакогнитивных процессов, равно как и при их исследовании, акцент делается на их *процессуальной* стороне (что, конечно, вполне естественно и даже необходимо). Метакогнитивные процессы — это, прежде всего, именно *процессы*. Вместе с тем их истинное содержание выходит за пределы только такого понимания, а сами они являются существенно более сложными. Дело в том, что в них фактически каждый из основных «первичных» процессов *удваивает* свой исходный статус. Он становится не только процессом как таковым, но и тем, на *что* он сам же и направляется, в отношении чего реализует свой процессуальный потенциал. Как указывал в свое время С. Л. Рубинштейн, любой процесс — это не только то, *чем* познается, но и то, *что* познается (Рубинштейн, 1973). Аналогичная мысль сформулирована и Л. М. Веккером, который подчеркивал, что любой психический процесс может быть представлен не только как активный *оператор*, но и как относительно пассивный *операнд* (Веккер, 2000). Тем самым кардинально меняется и существенно усложняется общее понимание метакогнитивных процессов как основного объекта изучения в метакогнитивизме. Выше мы уже отмечали, что при этом происходит любопытная трансформация самих этих «объектов», но на это обычно обращается незаслуженно малое внимание. Как правило, акцент делается только на том, что психические процессы могут выступать и начинают реально выступать как операторы по отношению к самим себе, что и зафиксировано в понятии метакогнитивных процессов. Однако не менее, а быть может, и более важно то, что, становясь операторами по отношению к самим себе, первичные процессы (в основном, конечно, когнитивные) качественно меняют свой исходный и естественный статус. Они становятся уже не операторами (*чем* познается), а операндами (*что* познается, репрезентируется). Понимание природы и смысла синтеза этих двух модусов в *одних и тех же* когнитивных процессах является, по-видимому, одним из путей к разгадке природы сознания.

В связи с этим подчеркнем обстоятельство принципиального плана. Действительное значение метакогнитивизма заключается не только в том, что в нем был выявлен качественно новый класс процессов (метакогнитивные), хотя и это, безусловно, крайне значимо. Дело еще и в том, что, *благодаря* им, сами первичные процессы в принципе стали доступными исследованию в совершенно ином качестве — не как операторы, а как операнды. Реальная сложность психического в целом, особенно психических процессов, такова, что они принципиально двуедины по своей природе. Они выступают и как операторы, и как операнды, и как отражающее, и как отражаемое, и как порождающее, и как порождаемое. Причем эти модусы являются принципиально *динамическим*, что означает возможность перманентной и субъективно достаточно легко реализуемой их смены, а также синхронизации. Именно это лежит в основе уже описанного выше механизма *операндно-операторной обратимости* указанных модусов.

Действительно, сама суть метакогнитивных процессов заключается в том, что они направлены не на внешнюю среду, а на среду, так сказать, внутреннюю, т. е. на сами первичные процессы. Реализуя свой модус как операторов по отношению не к внешней среде, а к среде внутренней (т. е. по отношению к *самим себе*, к когнитивным процессам), они не только обретают тот модус, который обычно фиксируется и изучается в метакогнитивизме — вторичных процессов, но и сами начинают выступать в качественно иной форме, в качественно ином модусе — как *операнды*. Поскольку они, выступая как операнды, начинают репрезентироваться *в них же самих*, они начинают осознаваться, становятся репрезентированными в сознании как таковые. Именно поэтому более глубокий смысл основных результатов метакогнитивизма заключается не в том, что в нем выявлен и описан особый класс психических процессов — вторичные процессы, а в том, что именно благодаря им достигается взаимообратимость двух базовых модусов психических процессов и, следовательно, сами они репрезентируются в сознании как его основные содержательные компоненты.

Именно метакогнитивные процессы (и метапроцессы в целом) как раз и являются основными операционными средствами такой обратимости. Психические процессы не могут менять свой исходный статус (как операторов) вне и помимо возникновения метапроцессов. Это положение можно сформулировать и по-другому: метапроцессы в целом и метакогнитивные процессы, в особенности, — это и есть средства трансформации психических процессов из одного статуса (операторов) в другой (операндов). На наш взгляд, все это является одним из главных механизмов феномена саморепрезентированности психики самой себе, что во многом эквивалентно феномену сознания в целом. В свою очередь, сама обратимость является — по определению — *динамическим* явлением (точнее, механизмом). Выступая в этом исходном статусе (как операторы), но по отношению к самим же себе, они трансформируют «первичные» процессы в иной статус — в статус операндов. Поэтому-то и сами первичные процессы, обретая статус операндов, благодаря становлению и функционированию метапроцессов, репрезентируются (точнее — саморепрезентируются) как чувственная ткань самого сознания, как нечто непосредственно данное и субъективно неоспоримое.

Таким образом, синхронизированность этих двух функций (и, соответственно, модусов) когнитивных процессов, а также их чередование означает, что всем когнитивным процессам присуще не только единство указанных модусов, но и их *взаимобратимость*. Именно она и обеспечивает, в конечном счете, тот фундаментальный факт, согласно которому через когнитивные процессы оказывается возможным доступ к содержанию психического, к содержанию, а частично — и к процессуальным средствам сознания.

Вместе с тем, особо следует подчеркнуть, что когнитивные процессы, обретая статус вторичных, могут быть направлены не только на самих себя. Это — так сказать «внутриклассовая» обратимость когнитивных процессов, т. е. обратимость внутри класса когнитивных процессов. Они могут быть направлены и на психические процессы *иных классов*. Так, скажем, можно помнить об эмоциях, вспоминать о мотивах и обдумывать их, представлять величину волевого усилия и т. д. Это — уже не «внутриклассовая», а «межклассовая» обратимость.

И именно благодаря ей, не только когнитивных, но и процессы *всех* иных классов (эмоциональные, волевые и мотивационные) также оказываются репрезентированными в сознании как его «составляющие». Формулируя данный тезис, мы, в то же время, считаем необходимым со всей определенностью подчеркнуть следующее. Охарактеризованная выше взаимнообратимость двух базовых, исходных модусов когнитивных процессов (как операторов и как операндов) — это лишь шаг и определенное приближение к раскрытию фундаментального механизма самопрезентированности психики самой себе, феноменологически представленного в форме сознания, но, конечно, не полное раскрытие этого, быть может, наиболее сложного и загадочного феномена психического.

Итак, можно видеть, что благодаря именно двуединой природе когнитивных процессов (их представленности и как объективной, и как субъективной реальности их бытия как в онтологической, так и в инструментальной функциях; их статуса и как операторов, и как операндов одновременно) они раскрываются не только существенно более полно, но и обретают качественно новое свойство — становятся реальными компонентами сознания. Они выступают уже не только тем, что реально протекает в психике, и не только тем, *чем* познается, но и тем, *что* познается, репрезентируется на уровне сознания, т. е. осознается. Очень важно при этом, что все указанные модусы психических процессов не рядоположны друг другу, а именно *взаимобратимы*, представлены в единстве. Более того, как показано выше, эти модусы могут перманентно менять друг друга, чем и обеспечивается знакомое каждому феноменологическое свойство динамичности сознания — атрибут, который зафиксирован, например, в термине потока сознания. Кроме того, с позиций изложенных представлений раскрывается еще *большая* сложность организации системы когнитивных процессов. Все они, порождая своей собственной организацией «вторичные» процессы и трансформируя поэтому самих же себя в операнды, тем самым фактически приводят к возникновению новой и обладающей глубочайшей качественной спецификой реальности. Она, однако, доступна также репрезентации, поскольку сами «вторичные» процессы как раз и обеспечивают ее, а тем самым конституируют эту *субъективную реальность*.

Х

В связи с вышеизложенным возникает и еще два принципиальных вопроса, состоящих в следующем. Во-первых, почему метакогнитивные процессы, обеспечивающие *самосензитивность* психики к самой себе, обладают принципиальной ограниченностью? Почему они обеспечивают ее не полностью, а лишь в определенных границах и пределах? Почему очень существенная часть психического принципиально несубъективируема — «трагически» невидима? Почему, соответственно, она недоступна не только восприятию, но и произвольному субъективному вмешательству в нее? Во-вторых, почему и зачем в ходе эволюции форм организации психического вообще возникли и сформировались метакогнитивные процессы как таковые? В чем их функциональное предназначение? При ответе на эти вопросы наиболее известной является так называемая ре-

сурсная трактовка (Холодная, 1997). Согласно ей, метакогнитивные процессы выступают как средства расширения функциональных возможностей первичных когнитивных процессов (классическая иллюстрация этого — мнемотехника как результативный эффект метапамяти, существенно повышающий ее функциональные возможности). Однако, если это так, если потенциал, ресурс первичных процессов прямо связан со степенью метакогнитивного контроля за их осуществлением, почему же последний является неполным и принципиально ограниченным? Интроспективно психика дана самой себе лишь в плане ее содержания, но не в плане механизмов и закономерностей — не в плане так сказать «технологии» и операционной стороны ее функционирования. Она непроницаема для вмешательства в ее механизмы и ставит непреодолимые барьеры для этого. Однако здесь-то и возникает вопрос — почему?

По нашему мнению, возможный вариант ответа заключается в следующем. Дело в том, что все те психические процессы (а также феномены и закономерности, структуры и образования), которые так или иначе, в той или иной форме и мере доступны субъективной репрезентации и, следовательно, *субъектному* и потому во многом *субъективному* контролю, коррекции и регуляции, именно поэтому и детерминируются в основном субъективными факторами. Следовательно, они самой своей *субъективной* природой открывают принципиальную возможность «отхода от объективности» и, следовательно, для нарушения объективных закономерностей, онтологически лежащих в основе организации психики. В силу этого, если бы все компоненты психического были доступны такому полному и исчерпывающему субъектному и именно поэтому *субъективному* «вмешательству», то создавалась бы прямая возможность (и даже угроза) для нарушения базовых, фундаментальных, т. е. объективных, механизмов и принципов организации и функционирования психики. Это автоматически приводило бы к тому, что такие механизмы и принципы утрачивали бы свой статус *объективных*, онтологически представленных в психике.

Напротив, многие процессы, а также механизмы, средства психического именно потому, что являются в их существенной части принципиально неосознаваемыми, не допускают вмешательства в свое разворачивание субъектных, а значит, повторяем, субъективных факторов. Тем самым они обеспечивают объективный (в строгом смысле данного понятия) характер базовых закономерностей структурно-функциональной организации и динамики психики. «Мудрость природы», само эволюционное развитие психики человека в филогенезе посредством ее принципиально ограниченной данности ставит барьер и накладывает запрет на вмешательство в базовые основы ее организации со стороны субъективных факторов. Тем самым и вся структурно-функциональная организация психики в конечном итоге сохраняет свой объективный характер, хотя и допускает известную степень (но именно «известную», конечно, не полную) субъективного «вмешательства» в нее.

В этом плане вполне уместно провести аналогию (которая, впрочем, является более чем просто аналогией) между описанными выше закономерностями и известным механизмом, который обычно обозначается как *mistake-proofing* («защита от ошибки»), или *idiot-proofing* («защита от идиота»), или как *fool-proofing*

(«защищенный от дурака»). Он состоит в том, что в любую сложную технику встроена специальная система, которая охраняет ее от неправильного обращения. Техническое устройство практически нельзя вывести из строя путем неумелой работы, хотя, конечно, можно просто сломать — разбить, утопить и т. д. По-видимому, нечто аналогичное сформировалось в ходе эволюции и по отношению к психике. Она также включает в себя аналог указанной системы: несколько схематизируя и огрубляя данный тезис, можно скатать: в человеке (и его психике) предусмотрена «защита от дурака», каковым он сам может являться. Природа ставит барьер для опасного вмешательства в нее; это и проявляется в принципиальной ограниченности метакогнитивного и шире — осознаваемого, т. е. субъектного, а потому и субъективного (а не объективного!) контроля и управления. Отмеченная выше «трагическая невидимость» психики — это, конечно, очень плохо для психолога, но столь же хорошо и даже — незаменимо для нормального функционирования самой психики. Она оберегает себя и в этом состоит смысл ее принципиальной непроницаемости для интроспекции (напомним, что не в аспекте содержания, а в аспекте механизмов).

В связи с этим выводом нами было введено понятие *порога рефлексивности*. Дело в том, что специфика и даже — атрибутивная черта всех закономерностей метакогнитивного, т. е. рефлексивного, плана как раз и состоит в том, что в них синтезированы две принципиально различные категории закономерностей — первичные (объективные, не подвластные осознаваемому контролю) и вторичные (субъектные, а значит, субъективные). При соблюдении оптимальной пропорции между ними они оказываются наиболее действенными в своем совокупном проявлении. Однако, если вторая категория (субъектная) начинает доминировать над первой, то складываются прямые и возрастающие параллельно с увеличением этого доминирования предпосылки для отхода от собственно объективных закономерностей. Последнее, в частности, проявляется в эффектах контрпродуктивного влияния гипертрофированной рефлексивности на результативные параметры деятельности и функционирования психических процессов (Карпов, 2015а). Следовательно, сам порог рефлексивности — это объективно необходимое и эволюционно возникшее средство, не допускающее вытеснения закономерностями второй категории закономерностей первой категории. Это средство обеспечения баланса между ними, а в результате — отношений синергии между ними; средство «охраны» психического от порожденных им же самим представлений о своих собственных закономерностях и их использования в целях своего функционирования.

XI

В контексте основных задач данной работы представляется целесообразно зафиксировать еще одну — достаточно показательную особенность метакогнитивного подхода. Она состоит в том, что он, как показано в специальном цикле исследований, является наиболее адекватным и конструктивным методологическим средством изучения особого, качественно специфического класса профессиональной деятельности — информационной (см.: Карпов, 2021б). Сущность

складывающейся при этом исследовательской ситуации состоит в *удивительном подобии*, в принципиальном сходстве и, так сказать, в максимальной конгруэнтности основных особенностей деятельности информационного характера, реализуемых на базе компьютерной техники, и самой сути метакогнитивизма (его сферы, предмета, специфики, задач, разделов и пр.). Напомним в этой связи, что в структуре метакогнитивизма исторически сложились и являются в настоящее время основными две его «составляющие», два главных направления. Первое имеет своим предметом исследование метакогнитивных процессов: это операционное направление, которое и закреплено в термине «метакогнитивизм». Второе направление имеет своим предметом знания, но особого типа — «знания о знаниях», т. е. метазнания: это операндное направление, которое закреплено в понятии «психология метапознания». Однако тем самым складывается ситуация, при которой обе эти основные «составляющие» метакогнитивизма не только органично и полно, причем в их единстве, воплощаются в сути информационной деятельности, реализуемой посредством компьютерной техники, но и сам компьютер выступает при этом в функции практически полного аналога и первичных процессов, и первичных знаний. Субъект же деятельности с необходимостью выступает при этом как реализатор процессов по управлению этими первичными процессам и как носитель, а также преобразователь знаний об этих первичных знаниях. Следовательно, такого рода субъектно-информационная деятельность не только может быть рассмотрена с позиций метакогнитивизма или даже не только *может* быть понята как метакогнитивная по своей сути. Дело еще и в том, что она *не может быть понята никак иначе*. Между информацией (как предметом деятельности) и субъектом деятельности находится такое средство труда (компьютер), которое по самой своей сути фактически выступает носителем целой системы процессов и системы знаний (баз данных). Они, однако, имеют специфически информационный и в этом смысле когнитивный характер, причем взятые в единстве. То метакогнитивное содержание, которое представлено в индивидуальной психике во внутреннем плане (в частности, в интрапсихической плоскости), в субъектно-информационных деятельности оказывается представленным уже во внешнем плане, в том числе в распределенном виде между самим субъектом и средством его труда.

Сама суть подавляющего большинства видов деятельности, базирующихся на компьютерной технике, состоит в ее очень своеобразном именно с психологической точки зрения характере — метакогнитивном. В связи с этим лишь небольшое преувеличение требуется для того, чтобы охарактеризовать всю эту деятельность — и по сути, и по содержанию, и по организации, равно как и по иным важным атрибутам, как метакогнитивную. Фактически все ее содержание обретает именно этот статус. В результате этого те собственно операционные средства, которые наиболее релевантны природе деятельности как таковой, трансформируются из статуса операторов в статус операндов, т. е. выступают уже не столько как средства ее организации, сколько как то, на что направлена сама организация. Однако тем самым в структуре деятельности порождается новый уровень, связанный с этой организацией, — метауровень, статус которого определяется его именно метадеятельностным характером. В силу этого

практически все содержание деятельности субъекта также обретает метакогнитивный характер, а в широком смысле данная деятельность также должна быть охарактеризована как метакогнитивная. Имеет место фундаментальный феномен, точнее механизм, описанный в системной методологии, — удвоение качеств. Любой ее компонент, сохраняя свой исходный модус в качестве первичной «составляющей» ее операционного содержания, обретает, однако, новую спецификацию, новое качество — становится носителем метакогнитивных средств и закономерностей. Это очень значимое, по нашему мнению, обстоятельство должно выступить как одно из основных объяснительных средств психологического анализа этой деятельности.

Более комплексная — вторичная природа данной деятельности эксплицируется также и в плане ее *регулятивной* природы. Дело в том, что огромное количество конкретных разновидностей данной деятельности имеет своим главным предназначением именно оптимизацию управления — регуляции тех или иных первичных технологических и производственных процессов. Более того, сама эта техника в значительной степени и была порождена, генетически оформилась именно как продолжение «логики автоматизации» технологических процессов. Тем самым субъект этой деятельности не просто осуществляет регуляцию какого-либо процесса, а реализует именно «регуляцию регуляции», т. е. вторичную регуляцию. Поэтому она с очевидностью эксплицируется не только как метакогнитивная, но и как *метарегулятивная*. Наконец аналогичные, очень специфические трансформации подавляющего большинства деятельностей ИТ-сферы, причем с еще большей степенью очевидности и эмпирической наглядности обнаруживаются и по отношению к еще одному важнейшему модусу деятельности и ее собственно психологической организации — *коммуникативному*. Он, как известно, соотносится с еще одной важнейшей подсистемой психики — коммуникативной, в то время как первые два соотносятся с когнитивной и регулятивной подсистемами. Даже такое показательное в этом плане понятие, как «инфокоммуникационная отрасль», а также одно из главных предназначений всей этой техники как раз и состоят в расширении возможностей коммуникативного плана, в придании ей новых возможностей, несопоставимых с прежними.

Обобщая сказанное, можно заключить, что вторичная природа данной деятельности не только проявляется во всех трех важнейших планах организации, соотносимых с тремя базовыми подсистемами психики — когнитивной, регулятивной и коммуникативной, но и фактически составляет их сущность. Тем самым она раскрывается уже не только как метакогнитивная, метарегулятивная и метакоммуникативная, так сказать, «по отдельности», а как и та, и другая, и третья одновременно и предстает именно как метадеятельность в непосредственном смысле данного понятия.

Существует и еще один скрытый, имплицитный аспект исследования деятельностей субъектно-информационного класса, обращение к которому становится возможным именно с позиций исследования метакогнитивных детерминант ее организации. Выше мы уже подчеркивали удивительное подобие и фактически полную конгруэнтность данного класса и содержания самого метакогнитивизма. Однако такое подобие, доходящее до степени тождества, про-

слеживается еще в одном плане. Так, хорошо известно, что важнейшим принципом всех компьютерных технологий является дифференциация оперативной памяти от всех иных типов и средств долговременной фиксации информации в компьютере. В связи с этим важнейшей компетенцией субъекта данного класса деятельности выступает способность организовать обмен между ними, т. е. фактически взаимодействие актуальной и виртуальной информации; грамотно и продуктивно специфицировать актуальную информацию и обеспечивать максимальную адресацию к «информации по запросу». Опытный профессионал «чувствует», что именно достаточно принять к рассмотрению, а что можно «оставить за кадром», поскольку это в любой момент может быть актуализировано информацией по запросу. Все это неоспоримая и обыденная реальность информационных видов деятельности. Однако столь же очевидно, что в основе всего этого лежат именно специфически метакогнитивные умения и средства, поскольку все они направлены именно на базы данных (на знания) и на процессы работы с ними (также информационные по своему содержанию). Вместе с тем трудно не видеть и того, что вся охарактеризованная, специфически компьютерная ситуация, связанная с информационными переходами из актуальной формы презентации в потенциальную (и наоборот), с соотношением актуальных и виртуальных данных и пр. не просто удивительно похожа на ту, которая составляет суть основных информационных взаимодействий в самой психике, взаимодействий между осознаваемым и неосознаваемым уровнями ее репрезентации и переработки, но и фактически эквивалентна ей. Компьютер вновь «повторяет психику», но уже не в плане подобия структурной организации, а в плане базового принципа функциональной организации. Это подобие его функциональной организации с организацией межуровневых взаимодействий двух основных форм презентации информации — актуальной и виртуальной, «фигуровой» и «фоновой», осознаваемой и неосознаваемой. Все это приводит к формулировке еще более сложных задач, имеющих, однако, очевидную метакогнитивную составляющую. Более того, эти задачи с объективной необходимостью приводят к одному из важных направлений метакогнитивизма — исследующего неосознаваемые средства и механизмы метакогнитивного плана.

В продолжение характеристики психологической специфики субъектно-информационного класса деятельности подчеркнем, что в наиболее общем плане реальная онтология деятельности — ее действительное и полное бытие эксплицируется через так называемую «деятельностную формулу». Это триада базовых «составляющих» любой деятельности: ее субъект, объект и процесс их взаимодействия, т. е. собственно деятельности, взятой в ее временной развертке. В данной связи очень показательным является следующее обстоятельство. Каждый из этих трех компонентов выступает в качестве базовой метасистемы, оказывающей наибольшее специфицирующее влияние на метакогнитивную сферу по отношению, соответственно, к трем разным классам деятельности. Поясним сказанное. Так, по отношению к субъектно-объектным деятельности ее собственно психологическое содержание обретает главные специфические качества под влиянием тех особенностей и закономерностей, которыми характеризуется более общая по отношению к ней метасистема — индивидуальная психика

самого субъекта деятельности. По отношению ко второму классу в качестве такой специфицирующей метасистемы выступает уже не субъектный, а объектный член этой формулы, поскольку для него главную роль играют особенности и закономерности, обусловленные тем, что в его качестве выступают также субъекты, «другие люди» – социальные объекты. Соответственно, и организация деятельности обретает ярко выраженную социоориентацию. Данное обстоятельство подробно обосновано нами на материале исследования управленческой и педагогической деятельности (Карпов, 2015а).

Именно такой же общей и, по-видимому, фундаментальной особенностью подчиняется и тот класс деятельности, который пока не был исследован в этом плане – субъектно-информационный. В нем специфика психологического содержания деятельности, по всей вероятности, в наибольшей мере специфицируется еще одним – третьим (средним) членом этой «формулы», т. е. самим процессом деятельности. Он, однако, должен быть взят также в специфическом и вполне конкретном проявлении – в аспекте тех средств и операционных механизмов, которыми реализуется этот процесс. В их качестве как раз и выступает всё то, что составляет содержание компьютерных технологий как таковых. При этом показательно, что ключевое из этих средств не только по существу, но даже этимологически иллюстрирует именно это обстоятельство: специфику *процессу* деятельности субъектно-информационного класса придает в основном именно *процессор* как ключевой компонент компьютерной техники.

XII

Таким образом, на основе проведенного выше анализа можно сделать следующее заключение обобщающего плана. Оно непосредственно связано с основной целью данной работы и дает конкретный по содержанию, хотя и достаточно общий по смыслу вариант ответа на ее основной вопрос – на вопрос о путях и способах экспликации содержания *предмета* современного метакогнитивизма. В чем состоит предмет метакогнитивизма и какова его специфика? Как он должен быть осмыслен и систематизирован? Как он соотносится с предметом психологии в целом? Точнее, как он включается него?

Наиболее общее и важное положение, которое вытекает из проведенного выше рассмотрения этих вопросов, состоит в том, что какую бы дифференциацию психики на ее «составляющие» ни взять для декомпозиции ее состава и содержания, она обязательно воспроизводится, так сказать, повторяется и в метакогнитивизме. Предмет метакогнитивизма включает в себя, по существу, все основные составляющие предмета психологии в целом, но с одним очень существенным условием. Он включает их в себя (и образован ими), конечно, не в полном объеме, а лишь в определенном и вполне конкретном аспекте. Практически все основные «составляющие» психики, равно как и она в целом, обладают фундаментальным свойством (фактически атрибутом) – самосензитивностью, саморепрезентируемостью. Его суть состоит в том, что все они могут оборачиваться на самое себя. Они могут «удваиваться» и выступать не только в своем первичном статусе, но и во вторичном статусе. Конкретные проявления этого

общего механизма, как показано выше, могут быть различными и зависят от специфики той или иной «составляющей» психики. По отношению к когнитивным процессам он представлен как механизм операндно-операторной обратимости; по отношению к знаниям — как механизм их декларативно-процедуральной обратимости и т. п. Однако наиболее общим итогом, эффектом данного механизма как раз и выступает формирование определенной *метаплюскости*, а точнее, по-видимому, метауровня организации каждой из «составляющих», равно как и психики в целом. Наиболее очевидным и феноменологически бесспорным проявлением этого именно по отношению к психике в целом является, разумеется, то «удвоение реальности», которое столь характерно для сознания — сплав в нем двух реальностей (объективной и субъективной).

Тем самым предмет метакогнитивизма эксплицируется как *распределенный* по содержанию всей психики в целом; он предстает как вся она, но взятая лишь в определенном аспекте и в определенном функциональном предназначении. Это предназначение состоит в том, что все метакогнитивные процессы и механизмы, структуры и закономерности направлены на репрезентацию не внешней, в внутренней реальности, используя, однако, те же самые средства, которые сформировались для репрезентации реальности объективной — внешней. Метакогниции лежат в основе того, что в свое время было обозначено как *эндопсихика* — как все то, благодаря чему психика управляет собой и репрезентирует себя (см.: Роговин, 1977). Предмет метакогнитивизма диссипативно распределен по всей системе психологических явлений в целом. Напомним, что распределенные, наложенные системы — это такие, которые воспроизводят, т. е. мультиплицируют в себе, компонентный состав других систем, но в его «удвоенном» и специфицированном статусе. В силу этого предмет психологии метакогнитивизма может быть проинтерпретирован именно с позиций представлений о такого рода системах. Предмет метакогнитивизма повторяет в себе предмет психологии в целом, но в обращенном на себя и потому «удвоенном» виде. В связи с этим становится понятным, что не нужно никаких искусственных критериев для классификации основных структурных частей предмета метакогнитивизма. Он просто повторяет, мультиплицирует предмет психологии в целом, но в его вторичном, самонаправленном модусе. Все это в известной мере объясняет, пожалуй, наиболее фундаментальное свойство и наиболее специфический атрибут психического в целом — его самосензитивность, саморепрезентированность.

Необходимым следствием этого свойства является и то, что психика обладает уникальной способностью использовать *результаты* своего функционирования в качестве *средств* этого функционирования, а также его оптимизации. Перефразируя известное выражение Л. С. Выготского, можно сказать, что любая «составляющая» психики «выступает на ее сцене» дважды: вначале в своем исходном — *онтологическом* модусе (как фрагмент содержания субъективно реальности), а затем — в своем *инструментальном, операционном* модусе (как фрагмент организации и регуляции этой реальности). Данный атрибут, будучи действительно предельно общим, обуславливает собой столь же общий, по существу повсеместный характер отдельных «составляющих» предмета метакогнитивизма.

Итак, можно видеть, что предложенная в данной работе трактовка предмета метакогнитивизма характеризуется следующими основными особенностями. Во-первых, она является *наиболее полной* и включает в себя другие трактовки как частные случаи. Во-вторых, она позволяет осуществить не только достаточно полную экспликацию общего содержания предмета данного направления, но и сделать это *дифференцированно*, а тем самым в определенной мере решить проблему выявления не только состава — содержания предмета, но и его *структурной* организации. В-третьих, две указанные особенности означают, что предмет метакогнитивизма фактически получает свою *системную* экспликацию, поскольку предстает именно в качестве организованной целостности. Залогом этого является то, что в основе такой целостности лежит не просто комплексная, именно системная детерминанта — сама онтологически представленная структура психики в целом. Другими словами, это означает, что в содержании предмета на уровне *гносеологического* отображения воспроизводится реальная, т. е. *онтологически* представленная, структура психики как в плане ее состава, так и в плане базовых механизмов и закономерностей организации. В-четвертых, все это оказывается возможным в силу того, что в основу экспликации состава и содержания, структуры и организации базовых компонентов предмета положен не какой-либо внешний и тем более умозрительный критерий, а объективно *основная* и даже критически значимая, атрибутивная особенность всех процессов образований метакогнитивного плана. Она состоит в том, что все они должны быть проинтерпретированы в качестве частных (видовых) проявлений наиболее общего (родового) и, более того, фундаментального и максимально специфичного именно для организации психики в целом свойства — *самосензитивности, самопрезентированности*. Предмет потому и получает свою не только полную, но и дифференцированную системную экспликацию, что в его основе лежит аналогичная по степени ее обобщенности и по значимости статуса закономерность организации самого *объекта* исследования. В-пятых, можно видеть также, что с позиций предложенной трактовки получает объяснение основной и объективно наиболее значимый, критически важный признак, точнее, атрибут всех известные в настоящее время метакогнитивных феноменов. Он состоит в том, что все они являются *частными*, парциальными формами и проявлениями *общего* механизма самосензитивности психики, а также тех процессов и структур, в которых и через которые он реализуется. Тем самым все они должны быть поняты в качестве локальных, парциальных операционных средств и механизмов, обеспечивающих в своей совокупности данный, повторяем, наиболее общий и специфический атрибут психики. Кроме того, если учесть также и то, что именно он лежит в основе организации *сознания*, то все эти парциальные проявления метакогнитивного плана должны быть поняты в качестве его собственных операционных механизмов и средств. Именно они обеспечивают базовые особенности сознания в целом и его *атрибутивные* черты — самопрезентированность, трансцендентность, идеальность и др. Наконец, в-шестых, в связи с этим становится очевидным и то, что сформулированные взгляды на предмет метакогнитивизма, вскрывающие его производность и вторичность от общего содержания психического и базовых принципов его организации, способствуют

Раздел III

и развитию представлений о них самих. Дело в том, что эти взгляды позволяют предложить существенно более дифференцированную и конкретизированную, т. е. именно *содержательную*, экспликацию основных операционных средств и механизмов, лежащих в основе базового свойства психики в целом и сознания в особенности, — самосензитивности и самопрезентированности. Данное обстоятельство является важнейшим условием реальной трансформации метакогнитивизма из методологического полхода или даже обширного направления в рамках когнитивной психологии в особую, относительно самостоятельную отрасль психологического знания — в *меткогнитивную психологию*. Лишь обрета свой качественно определенный но в то же время и специфический предмет, а также подвергнув его содержательной методологической рефлексии и внутренней дифференциации, он сможет обрести именно такой статус. Представленные выше материалы направлены на решение именно этой стратегической задачи.

Глава 23

Социокультурный подход в современной российской психологии

Введение

Все социальные и гуманитарные науки единодушны в том, что человек – существо социальное, формируется в обществе и несет на себе печать того общества, к которому принадлежит. Аристотель полагал, что человек по своей природе – существо, живущее в среде общения и способное самостоятельно создавать социальные и политические коммуникации. Мы можем дополнить такое понимание убеждением, что человек – не только продукт и творец своего социума, но и своей культуры. Невозможно понять поведение человека без изучения ценностей, традиций, обычаев и моделей поведения, принятых в его культуре. Психология человека несет в себе сплав социальной среды, культурных особенностей и индивидуально-наследуемых характеристик. И этот сплав определяет его сознание и поведение. Для более глубокого понимания и анализа психологических причин поведения необходим более широкий теоретико-методологический подход, учитывающий комплексную биосоциокультурную природу современного человека. Частью такого подхода является так называемый социокультурный подход, зародившийся первоначально в русле социологической науки.

Истоки социокультурного подхода

Социокультурный подход в социологии

Социокультурный подход известен в социологии как методологический подход, сущность которого состоит в попытке рассмотрения общества как единства культуры и социальности, преобразуемых активной деятельностью человека. Это единство, согласно принципам системного подхода, образует новую целостность, свойства которой не выводятся из характеристик составных частей. Человеческая личность в соответствии с социокультурным подходом неразрывно связана с обществом как системой социальных отношений и культурой как совокупностью ценностей и норм.

Большой вклад в формировании социокультурного подхода в социологии внесли: Питирим Сорокин, Роберт Мертон, Толкотт Парсонс. Основоположителем социокультурного подхода принято считать Питирима Сорокина (1889–1968) – русского и американского социолога. В труде «Социальная и культурная динамика», опубликованном в США в 1937 г., он изучал взаимовлияние культуры и общества и пришел к выводу, что социокультурные изменения являются более важными событиями в истории человечества, чем смена формы правления, как принято было считать ранее. По мнению Сорокина, наиболее кардинальные изменения в обществе происходят тогда, когда оно переживает «эпохальную» революцию в культуре, что случается, по мнению Сорокина, крайне редко. Суть социокультурного подхода П. Сорокин выразил в книге «Общество, культура и личность: их структуры и динамика». Проводя анализ социокультурных явлений, он выдвигает свою знаменитую формулу: «Личность, общество и культура как неразрывная триада», раскрывая ее далее: «Структура социокультурного взаимодействия... имеет три аспекта, неотделимых друг от друга: 1) личность как субъект взаимодействия; 2) общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами и 3) культура как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения. Ни один из членов этой неразделимой триады (личность, общество и культура) не может существовать без двух других» (Сорокин, 1992, с. 218).

Заметный вклад в становление социокультурного подхода внес американский социолог Т. Парсонс (1902–1979). По его мнению, культура в процессе взаимодействия с обществом представлена в трех взаимосвязанных аспектах: во-первых, культура передается, она составляет наследство или социальную традицию; во-вторых, это то, чему обучаются, т. е. культура не является проявлением генетической природы человека, и, в-третьих, она является общепринятой. Таким образом, она, с одной стороны, является продуктом, а с другой стороны – детерминантом системы человеческого социального взаимодействия (Парсонс, 2002).

Роберт Кинг Мертон (1910–2003) – один из ведущих американских социологов XX в. Согласно Р. Мертону, каждая социальная группа ориентирована на адаптацию своих культурных целей и способов их достижения к нормам общества, к которому она принадлежит. Р. Мертон выделяет пять типов индивидуальной адаптации в случае разрыва между культурными нормами и одобряемыми способами их достижения: конформизм, инновация, ритуализм, ретритизм, восстание (Мертон, 2006).

Социокультурный подход опирается на актуальные принципы, которыми руководствуется исследователь и которые образуют методологический каркас, позволяющий ему выбрать из существующего набора исходных теоретических постулатов тот, который в наибольшей степени отвечает его целям и задачам. Основными принципами социокультурного подхода являются следующие:

1. *Принцип Homo activus*, согласно которому человек является биосоциокультурным существом и рассматривается как некоторая самодостаточная ре-

альность, обладающая свободной волей и в ходе своих действий влияющая на социальные и культурные нормы.

2. *Принцип эволюции* означает способность системы к развитию, что делает возможным утверждение о появлении качественно иных по характеру социокультурных явлений в процессе развития общества.
3. *Принцип антропосоциетального взаимодействия*, согласно которому самосознание человека может соответствовать или не соответствовать типу общества, в котором он находится, что в определенный период приводит к смене социокультурной среды. В исторической ретроспективе это выражается в революциях, бунтах, реформах и т. д.

По мнению российского социолога Н. И. Лапина, социокультурный подход не противостоит иным подходам, а дополняет их. Он связывает цивилизационный и формационный подходы в единое целое. Если цивилизационный подход как наиболее масштабный схватывает устойчивые компоненты человеческой истории (антропологические, этнические, культурные), а формационный подход концентрирует внимание на более изменчивых (социальных, личностных) структурах, то социокультурный подход выясняет сопряжение устойчивого и изменчивого (личности и общества, культуры и социальности). Социокультурный подход совместим и со структурно-функциональным подходом: социокультурный подход предполагает анализ функций и структур, а структурный функционализм включает культуру как одну из важнейших структур. Но при этом социокультурный подход является более общим, и в этом смысле он ближе системному подходу, так как он изначально включает принцип изменений: социокультурная динамика по праву считается центральной темой в творчестве П. Сорокина; правда, в форме цикличности, исключающей универсальность прогресса (Лапин, 2000).

Социокультурный подход с социологической точки зрения, на наш взгляд, является чересчур общим и не связанным напрямую с методологией, в частности, эмпирических социологических исследований. Занимаясь сравнительно-культурными (или кросс-культурными исследованиями в разных социокультурных контекстах, мы нуждались в более конкретизированном и более глубоком и всестороннем подходе. Поэтому мы обратились еще к одному релевантному нашим исследованиям подходу, а именно к экокультурному подходу Джона Берри (Berry et al., 2004).

Экокультурный подход Дж. Берри в кросс-культурной психологии

Экокультурный подход к изучению культурных и психологических явлений основан на представлении о том, что группы и индивиды развивают свое обыденное (традиционное) и индивидуальное поведение как адаптацию к требованиям своей экологии, поскольку живут в определенных экосистемах. Следовательно, сходные места обитания должны порождать модели социальных институтов и поведения, которые являются общим образом жизни. А разные места обитания должны порождать разные культурные и социальные контексты.

Экокультурный подход также рассматривает социально-политические влияния на население, происходящие за пределами местной среды обитания как важные источники социального и психологического развития. Эти внешние воздействия изменяют сложившиеся ранее основные культурные и психологические особенности людей.

Согласно экокультурному подходу, понимание взаимосвязей между культурными контекстами и поведением человека требует независимой оценки как контекстов, так и поведения. Контексты рассматриваются в качестве сложных сетей взаимосвязанных экологических, культурных и социально-политических переменных. Поведение — как сложный набор взаимосвязанных личностных переменных.

Экокультурный подход сочетает учет психологического разнообразия человека (как индивидуальных, так и групповых сходств/различий) и внимание к двум фундаментальным источникам влияния, экологическому и социально-политическому, а также к двум особенностям человеческих популяций, которые адаптированы к ним, — культурным и биологическим характеристикам. Эти популяционные переменные передаются отдельным индивидам с помощью различных видов трансмиссии, таких как инкультурация, социализация, аккумуляция и генетическое наследование. Первые три из них считаются формами культурной трансмиссии, а четвертая является биологической трансмиссией.

Таким образом, экокультурный подход состоит в рассмотрении человеческого разнообразия (как культурного, так и психологического) в качестве набора коллективных и индивидуальных адаптаций к контексту. В рамках этой общей перспективы рассматривается культура как эволюционирующая адаптация к экологическим и социально-политическим влияниям и индивидуальные психологические характеристики населения как адаптивные к их культурному контексту. Культура и поведение также изучаются в аспекте отдельных явлений на их собственных уровнях, явлениях, которые необходимо исследовать независимо. Схема исследований в рамках экокультурного подхода представлена на рисунке 23.1.

Развитие социокультурного подхода в рамках отечественной социальной психологии

Какие положения этих двух подходов важны для социально-психологических и кросс-культурных исследований, ведущихся в Центре социокультурных исследований НИУ ВШЭ?

- Смена культуры (социокультурного контекста, формы политического правления, статусов групп и т. д.) — определяющее событие для жизни стран и народов, детерминирующее, в частности, индивидуальное поведение.
- Культура (социокультурный контекст) — продукт и детерминант человеческого (в том числе межкультурного) взаимодействия.
- Межкультурная адаптация — сопоставление группами (и индивидами) своих культурных целей и способов их достижения с характерными нормами общества, к которому они принадлежат.

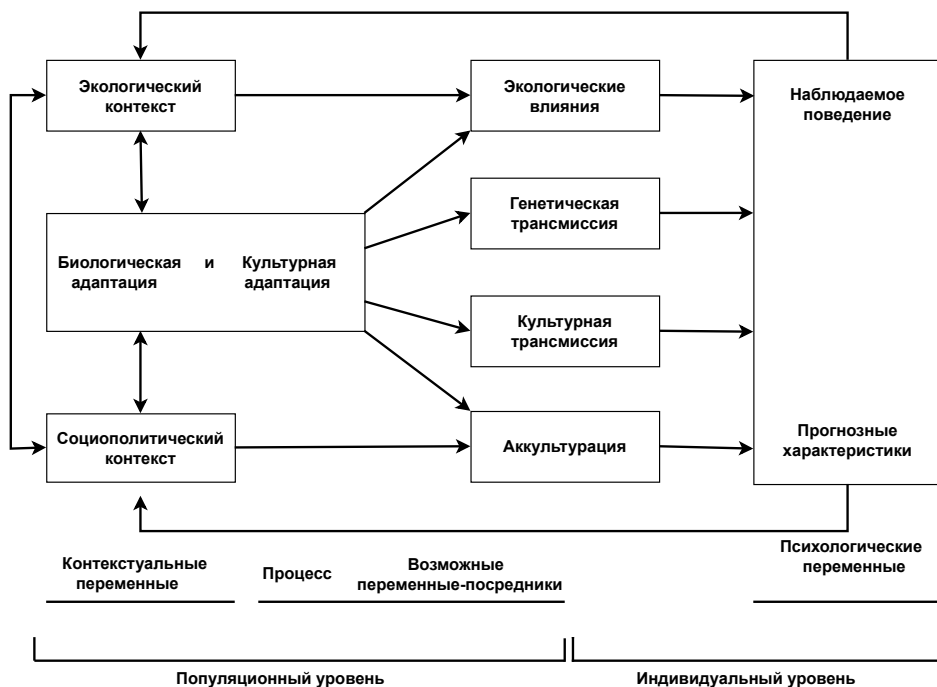

Рис. 23.1. Схема экокультурного подхода Д. Берри (Berry, 2004)

- Культура и человеческое поведение в значительной степени обусловлены экологическими условиями, биологической и культурной трансмиссией (ценностей, идентичностей, установок и моделей поведения).
- Все социокультурные процессы, изменения имеют сравнительно небольшой набор универсалий и очень большой спектр культурной специфики.
- Кросс-культурное исследование необходимо начинать с анализа социокультурных контекстов взаимодействующих групп.

На основании этих постулатов мы можем дать свое определение социокультурного подхода в рамках отечественной социальной и кросс-культурной психологии.

Социокультурный подход в рамках социальной психологии — это подход к планированию, методологии и проведению сравнительных исследований, а также интерпретации полученных результатов с учетом социокультурного контекста, этнического статуса, принадлежности к поколению (период социализации), индивидуальных характеристик (ценностей, идентичностей, установок и моделей поведения) взаимодействующих групп и индивидов.

В рамках этого подхода в Центре социокультурных исследований проводятся масштабные кросс-страновые, кросс-региональные, кросс-культурные и межпоколенные исследования по ряду тем:

- ценности, ценностные приоритеты, динамика ценностей, трансмиссия ценностей;

- идентичности, изменение значимости идентичностей, трансформация идентичностей;
- межкультурные установки, идеологии, взаимодействие, конфликты;
- социальный капитал, доверие, сплоченность;
- культура и креативность;
- межкультурное взаимодействие в образовании;
- деловое межкультурное взаимодействие;
- многие другие широко известные и новые направления.

Приведем примеры ряда исследований, проведенных сотрудниками Центра социокультурных исследований в рамках социокультурного подхода.

Исследования в рамках социокультурного подхода

Ценности, идентичности, межкультурные установки и психологическое благополучие на постсоветском пространстве

Примером исследования в рамках социокультурного подхода может служить масштабное комплексное кросс-культурное исследование на тему «Ценности, идентичности, межкультурные установки и психологическое благополучие в поликультурном обществе», проводимое сотрудниками ЦСКИ на постсоветском пространстве.

За последние 30 лет в республиках бывшего СССР, выбравших разные траектории постсоветского развития, выросли новые поколения граждан, носителей различных ценностей и межкультурных установок, у которых сформировались новые формы инклюзивных социальных идентичностей, оказывающие влияние на их психологическое благополучие. Изучение сходства и различий в паттернах взаимосвязей ценностей, идентичностей, межкультурных установок и психологического благополучия представителей разных поколений этнического меньшинства и большинства позволяет выявить роль поколения, статуса группы и социокультурного контекста во взаимосвязи ценностей, социальных идентичностей, межкультурных установок и психологического благополучия жителей постсоветских стран.

Данное исследование проводилось в четырех независимых государствах, которые образовались после распада СССР: Латвии, Грузии, Азербайджане, Таджикистане. В целом можно выделить некоторые сравнительные характеристики социокультурных контекстов:

- во всех исследуемых странах русские проживают более 200 лет, существует 70-летняя история межкультурных отношений, обусловленных входением в СССР;
- в Латвии численность русского этнического меньшинства значительно выше (они составляют пятую часть населения), чем в Азербайджане, Грузии и Таджикистане. Исходя из этого, можно предположить, что в Латвии русские могут восприниматься как угроза культуре, ресурсам, как конкурирующая группа;
- во всех контекстах одна доминирующая этническая группа;

- Латвия и Грузия в социокультурном плане более ориентированы на Евросоюз, стремятся к европейским ценностям, но при этом для грузин в отличие от латышей большое значение имеет религия; Азербайджан и Таджикистан ориентированы на Турцию и страны мусульманского мира, однако для Таджикистана в большей степени характерна ориентация на традиционализм и мусульманские ценности, чем для Азербайджана;
- в Азербайджане в целом межэтнические отношения носят интеграционный характер, но имеется латентная межэтническая напряженность, которая, возможно, приводит к тому, что ассимиляционная стратегия для русских способствует их благополучию; в Латвии, Грузии и Таджикистане отношение к русским со стороны доминирующей этнической группы носит негативный характер, русских и Россию рассматривают как оккупантов, в целом в этих странах наблюдается напряженность между русскими и доминирующими этническими группами, в Грузии и Таджикистане имели место вооруженные межэтнические конфликты.

Исходя из анализа исследований и социокультурных контекстов постсоветских стран, мы сформулировали следующие *исследовательские вопросы*:

Каково сходство и различие взаимосвязей ценностей, социальных идентичностей, межкультурных установок и психологического благополучия в семьях русского этнического меньшинства и этнического большинства в странах постсоветского пространства (Латвия, Грузия, Азербайджан, Таджикистан)?

Какова роль поколения, статуса группы и социокультурного контекста во взаимосвязи ценностей, социальных идентичностей, межкультурных установок и психологического благополучия представителей разных поколений русского этнического меньшинства и этнического большинства в странах постсоветского пространства (Латвия, Грузия, Азербайджан, Таджикистан)?

На рисунке 23.2 представлена теоретическая модель настоящего исследования.

Исследование в Латвии, Грузии, Азербайджане, Таджикистане проводилось с 2014 по 2018 г. в форме социально-психологического опроса. В выборку вошли представители двух-трех поколений русского этнического меньшинства и этнического большинства исследуемых стран. Общий объем выборки составил 2594 респондента.

Социально-психологический опрос проводился в столицах исследуемых стран, а также в местах компактного проживания русских. Русские респонденты заполняли анкеты на русском языке. Для представителей этнического большинства использовались опросники на национальных языках: в Латвии и Грузии были использованы уже разработанные опросники на национальных языках, в Азербайджане и Таджикистане шкалы были переведены и адаптированы (использовался метод прямого и обратного перевода). В Латвии и Грузии представители этнического большинства заполняли опросник на национальном языке. Азербайджанским и таджикским респондентам предлагались опросники на двух языках – национальном (азербайджанском/таджикском) и русском.

На первом этапе исследуемые связи были рассмотрены внутри каждой страны на выборках этнического большинства и русского этнического меньшинст-

Раздел III

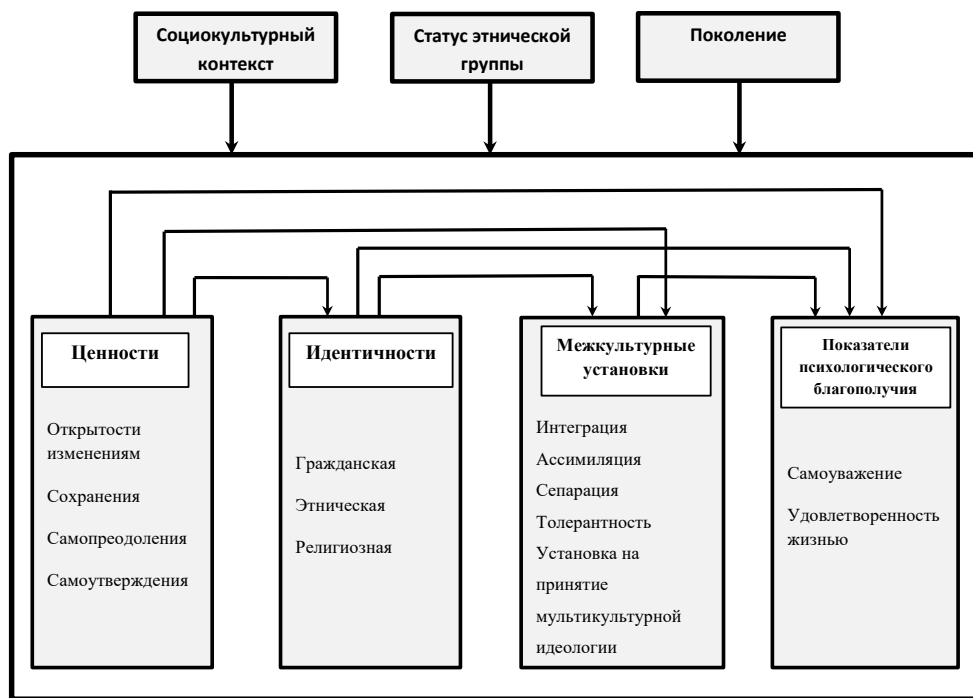

Рис. 23.2. Теоретическая модель исследования

ва отдельно, как это традиционно делается в кросс-культурных исследованиях, что позволило увидеть основное сходство и различие между ними на внутристрановом и кросс-страновом уровнях. На втором этапе был проведен межпоколенный анализ связей представителей младшего, среднего и в некоторых странах старшего поколения этнического большинства и русского этнического меньшинства, что позволило увидеть значительные трансформации в исследуемых связях у представителей этнического большинства и меньшинства на разных исторических этапах становления новых независимых государств на постсоветском пространстве. В итоге проведенное исследование с его уникальным дизайном позволило раздвинуть рамки пространства и времени для прогнозирования будущих тенденций в отношении ценностного, межкультурного и психологического климата разных постсоветских стран путем выявления роли социокультурного контекста, статуса этнической группы и поколения. Данное исследование обладает новизной благодаря своему сложному и уникальному дизайну, позволившему увидеть весь спектр изучаемых связей не только в разных странах и группах, но и в разных поколениях, углубив наше знание в отношении трансформации изучаемых связей во времени и прогнозировании будущих тенденций.

В исследовании впервые обнаружена колоссальная роль социокультурного контекста (традиционного кавказского, среднеазиатского или европейского) во взаимосвязи ценностей Открытости изменениям и Сохранения идентичностей, межкультурных установок и показателей психологического благополучия.

Так, например, выяснилось, что в кавказских и среднеазиатских контекстах в основе выраженности этнической идентичности жителей лежат ценности Сохранения (*безопасность, традиция, конформизм*), тогда как в европейском контексте – противоположные ценности Открытости изменениям (*самостоятельность, стимуляция, гедонизм*). Обнаружена важная роль младшего поколения во взаимосвязи ценностей Самоутверждения (*власть, достижение*) с межкультурными установками и показателями психологического благополучия. Ярко проявилась роль статуса этнического большинства и меньшинства во взаимосвязи разных ценностей социального фокуса с межкультурными установками на интеграцию.

Полученные данные продемонстрировали важную роль разных социальных идентичностей для межкультурных установок. Например, было выявлено, что этническая идентичность, в основном повышая установки на сохранение своей культуры у русских, также выполняет защитную функцию, «выстраивая границы» у старших поколений представителей этнического большинства и наиболее дискриминируемых групп русского этнического меньшинства. Гражданская идентичность в целом у русского этнического меньшинства разных поколений направлена на интеграцию, но в «ассимиляционистских» социокультурных контекстах (Латвия, Грузия, Таджикистан) она направлена на ассимиляцию. Интересна роль религиозной идентичности, в разных контекстах она выполняет разные функции: в христианских, но достаточно светских контекстах Грузии и Латвии она является неким объединяющим началом русского этнического меньшинства и доминирующих групп, приводит к интеграции и принятию культурного многообразия. В традиционном, достаточно исламизированном обществе Таджикистана она способствует установкам русских на сохранение своей культуры. А в мусульманском, но достаточно светском поликультурном контексте Азербайджана она вообще создает особый путь аккультурации русских, поскольку позволяет им добровольно принимать культуру доминирующей группы (исключая религию).

Важным моментом является понимание факторов, обеспечивающих представителям разных поколений и этнических групп психологическое благополучие. Например, этническая идентичность способствует в большей степени удовлетворенности жизнью представителей этнического большинства, а для русского меньшинства ее роль зависит от контекста (в благоприятном контексте она повышает благополучие, а в неблагоприятном, дискриминирующем снижает). Гражданская идентичность очень важна для благополучия молодежи этнического большинства, что логично, поскольку эти группы являются современниками нациестроительства в своих странах. У русских в наибольшей степени психологическому благополучию способствовала религиозная идентичность, особенно в культурно далеких странах. Причем установки на ассимиляцию и интеграцию предсказывали благополучие, как правило, «зеркально», т. е. если эта тенденция была у этнического большинства, то, как правило, она была и у русского этнического меньшинства. Роль установок на принятие культурного разнообразия в психологическом благополучии разных этнических групп у разных поколений, как правило, была положительной, а вот роль установок на толерантность очень сильно зависела от контекста (наличие истории конфликта, ассимиляционная

политика государства, негативное отношение к русским, России и др.). Русские очень гибко и чутко реагируют на отношение к ним этнического большинства. Например, в Азербайджане, где существует достаточно благоприятное отношение к русским, азербайджанцы ожидают от русских интеграции и ассимиляции, и русские готовы даже к ассимиляции. Но в Грузии, где у грузин проявляется интолерантное отношение к русским, русские как бы «закрываются» и стремятся к сепарации (особенно ярко это проявляется у молодежи, родившейся и выросшей в независимой Грузии).

В рамках этого исследования были расширены теоретические представления и получены новые эмпирические данные об особенностях взаимной аккультурации и адаптации представителей этнического меньшинства и большинства на постсоветском пространстве. Эмпирические исследования этого направления позволили выявить роль поколения, статуса группы и социокультурного контекста во взаимосвязи ценностей, социальных идентичностей, межкультурных установок и психологического благополучия жителей постсоветских стран. Сравнительное изучение предпосылок и последствий благоприятной взаимной аккультурации и адаптации в разных странах и регионах постсоветского пространства позволило проанализировать влияние постсоветского периода на самосознание разных поколений, а также оценить перспективы и вызовы для построения гармоничного поликультурного общества.

Таким образом, данное исследование обладает несомненной методологической значимостью и новизной благодаря своему сложному и уникальному дизайну, позволившему увидеть весь спектр изучаемых связей не только в разных странах и группах, но и в разных поколениях, углубив наше знание в отношении трансформации изучаемых связей во времени и прогнозировании будущих тенденций. Важно отметить высокий уровень теоретической значимости исследования, поскольку оно расширяет наши представления о социокультурном подходе в отечественной психологии через призму взаимосвязей базовых человеческих ценностей, социальных идентичностей, межкультурных установок и показателей психологического благополучия у представителей разных стран, этнических и возрастных групп, тем самым обогащая такие разделы психологического знания, как социальная, кросс-культурная психология и психология развития. Самым главным достоинством настоящего исследования выступает его практическая значимость для настоящего и будущего социально-политического и социокультурного регулирования взаимоотношений внутри постсоветских стран и между ними с учетом влияния «русского фактора». Результаты исследований в рамках этого направления представлены в ряде публикаций сотрудников Центра (Лебедева, 2021; Galyapina, 2021; Galyapina et al., 2020).

Применение социокультурного подхода в изучении социального капитала в поликультурном обществе

Следующий пример — исследования социального капитала в рамках социокультурного подхода. Позитивные эффекты социального капитала хорошо изучены, с уверенностью можно сказать, что данный ресурс облегчает достижение це-

лей как на групповом уровне, так и на индивидуальном, обладая массой позитивных эффектов. Вопрос, который изучен еще недостаточно, — о предикторах социального капитала, особенно на макроуровне. В этом случае мы сталкиваемся с необходимостью использования социокультурного подхода, поскольку на социетальном уровне социальный капитал как отношенческий ресурс может зависеть от этнической гетерогенности общества, тем более если речь идет о поликультурном обществе. Таким образом, именно социокультурный подход позволяет нам сосредоточиться на учете роли этнического разнообразия общества при рассмотрении социального капитала на социетальном уровне.

Вопрос о влиянии этнического разнообразия на социальный капитал очень актуален в свете возрастающего этнического разнообразия стран и роста активности миграции населения. Особенно он актуален для России, которая изначально имеет высокий уровень этнического разнообразия и к тому же находится на третьем месте в мире по ежегодному притоку инокультурных мигрантов. В рамках масштабного эмпирического исследования мы изучили влияние этнического разнообразия на социальный капитал России (Tatarko et al., 2017). В проведенных ранее исследованиях, посвященных данной тематике, нами было обнаружено противоречие. Часть исследований показывала, что этническое разнообразие разрушает социальный капитал общества, т. е. оказывает на него негативное влияние (Coffe, Geys, 2006; Leigh, 2006; Putnam, 2009). Но также были обнаружены исследования, показавшие, что нет связи между этническим разнообразием и социальным капиталом, т. е. социальный капитал поликультурного общества не страдает от этнического многообразия (Gesthuizen et al., 2009; Letki, 2008). Мы провели исследование связи этнического разнообразия с социальным капиталом в 25 регионах России. В результате было показано, что в случае России этническое разнообразие не оказывает негативного воздействия на социальный капитал. Моделирование при помощи многоуровневых структурных уравнений показало, что этническое разнообразие регионов России не связано с доверием жителей этих регионов, плотностью их формальных связей (участием в деятельности различных организаций), но при этом позитивно связано с неформальными социальными связями — количеством друзей респондента. Таким образом, мы обнаружили, что в российском контексте этническое разнообразие не разрушает социальный капитал общества (Tatarko et al., 2017).

Следующий важный вопрос, который был рассмотрен при изучении социального капитала в поликультурном обществе, — это вопрос о связи интеграционной иммиграционной политики общества и его социального капитала, в частности, уровня доверия в обществе. Хорошо известно, что интеграционная политика общества в отношении иммигрантов помогает им лучше адаптироваться и иметь более высокое качество жизни. Но как при этом себя чувствует общество в целом? В частности, может ли интеграционная политика в отношении иммигрантов как-то сказываться на социальном капитале общества, в частности, на уровне доверия? Чтобы ответить на этот вопрос, нами изучалась связь интеграционной иммиграционной политики в 22 европейских странах и генерализованного доверия населения в этих странах (Tatarko, Jurcik, 2021). Для оценки политики обществ нами использовался MIPEX — «Индекс интеграционной по-

литики в отношении мигрантов» (Migrant Integration Policy Index) из соответствующей базы данных, для оценки уровня доверия людей в рассматриваемых 22 странах и других переменных использовались данные Европейского социального исследования (ESS). Предиктором доверия был MIPEX, также мы рассматривали воспринимаемую угрозу в отношении мигрантов в качестве медиатора связи между индексом интеграционной политики и доверием. Индекс MIPEX многосоставной и включает в себя 8 отдельных компонентов, затрагивающих различные аспекты интеграционной иммиграционной политики. Исследование показало, что хотя прямой эффект интеграционной иммиграционной политики на генерализованное доверие в обществе существует, но он слабый и статистически незначимый. Более сильным и значимым эффектом является не прямой, который осуществляется через снижение воспринимаемой групповой угрозы со стороны мигрантов. Вероятно, повышение культурного разнообразия вследствие интеграционной иммиграционной политики не будет иметь негативного эффекта на социальный капитал общества, если такая миграционная политика не вызывает повышения воспринимаемой групповой угрозы со стороны мигрантов.

Обобщая эффекты отдельных компонентов миграционной политики, мы объединили их в три категории.

1. Компоненты иммиграционной политики, которые потенциально могут приводить к увеличению численности мигрантов («Воссоединение семей иностранных граждан», «Институт вида на жительство»). Эти аспекты иммиграционной политики могут быть негативно связаны с генерализованным доверием, однако их прямой эффект нивелируется позитивным непрямым эффектом (через отрицательную связь с воспринимаемой угрозой), в результате чего их связь с генерализованным доверием является незначимой.
2. Компоненты, признающие равный статус мигрантов с принимающим населением («Доступ к гражданству», «Антидискриминация»). Эти аспекты иммиграционной политики не связаны с генерализованным доверием.
3. Компоненты, способствующие включению мигрантов в экономическую, политическую и социальную жизнь общества («Мобильность рынка труда», «Доступ к образованию», «Политическая вовлеченность», «Здравоохранение»). Эти компоненты имеют прямые позитивные эффекты на генерализованное доверие населения страны. Вероятное объяснение состоит в том, что совершенствование политики общества в данных областях сказывается позитивно не только на мигрантах, но и на коренном населении, повышая его благополучие и, соответственно, социальный капитал.

Таким образом, этническое разнообразие общества и политика общества, поддерживающая такое разнообразие, не снижают уровень социального капитала. Сам по себе социальный капитал в поликультурном обществе очень важен для взаимной адаптации представителей различных этнических групп (Дубров, 2017). В рамках данного вопроса, нами изучалась связь социального капитала и аккультурационных установок (Berry, 1997) у мигрантов из постсоветских республик Центральной Азии и Южной Кореи, которые, с одной стороны, име-

ют в своих культурах схожие характеристики (коллективизм, иерархия, долгосрочная временная ориентация), но, с другой стороны, представители этих культур в разной степени знакомы с российской культурой и имеют различную культурную дистанцию с россиянами (Tatariko et al., 2020). В исследовании мы пытались связать в одну модель аккультурационные стратегии, соединяющий и связывающий социальный капитал представителей двух данных групп мигрантов и их социокультурную адаптацию. Первый вопрос, которым мы задались: что все же первично — социальный капитал мигрантов или их аккультурационные стратегии по отношению к социокультурной адаптации? В зависимости от своего социального капитала мигрант выбирает ту или иную стратегию либо в зависимости от выбранной заранее стратегии ему удастся аккумулировать определенное количество связывающего и соединяющего социального капитала? Что происходит сначала — человек на новом месте заводит знакомства и на их основе определяется с аккультурационной стратегией или, наоборот, строит свой круг общения, исходя из своей аккультурационной стратегии? Какой вид социального капитала: соединяющий или связывающий наиболее важен для социокультурной адаптации двух данных групп мигрантов? Исследование показало, что, во-первых, социальный капитал этих групп мигрантов первичен (Tatariko, Berry, Choi, 2020). Сначала они завязывают знакомства, формируют отношения с представителями своей группы и принимающего населения, а затем уже в зависимости от социального капитала выбирают одну из следующих аккультурационных стратегий: интеграция, ассимиляция или сепарация. Во-вторых, оказалось, что у представителей двух данных этнических групп, в различной степени знакомых с культурой России и в разной степени знающих русский язык, адаптации в России способствуют различные виды социального капитала. Если у мигрантов из Центральной Азии это преимущественно *соединяющий* социальный капитал (т. е. контакты с представителями принимающего населения), то у мигрантов из Южной Кореи это преимущественно *связывающий* социальный капитал (т. е. контакты с представителями собственной этнической группы) (Tatariko et al., 2020). Оказалось, что мигранты из Южной Кореи, которым в силу недостаточного знания русского языка и культуры России сложнее выстраивать отношения с принимающим населением, обмениваются опытом и помогают друг другу адаптироваться, поэтому именно ресурс отношений внутри своей этнической группы способствует более эффективной социокультурной адаптации.

Социальный капитал способствует не только адаптации мигрантов в России, но и взаимной адаптации этнических групп поликультурных регионов России, в частности, нами рассматривался данный вопрос на примере представителей трех этнических групп самого этнически гетерогенного региона России — Республики Дагестана (Tatariko, 2020). В данном исследовании мы изучали социальный механизм, посредством которого индивидуальный социальный капитал связан с взаимной адаптацией этнических групп поликультурного региона, используя так называемую «гипотезу интеграции» (Berry, 2017). Согласно предложенной нами гипотетической медиативной модели, ориентация индивида на стратегию интеграции позволяет ему более эффективно формировать и свя-

зывающий (отношения с представителями собственной этнической группы), и соединяющий (отношения с представителями иноэтнических групп) социальный капитал и посредством этого более эффективно адаптироваться в поликультурном регионе. Эмпирическое исследование, проведенное в Дагестане, включало респондентов из трех этнических групп, различающихся по статусу, особенностям культуры и численности: русских, аварцев и даргинцев. В результате исследования мы выделили два сценария взаимной адаптации этнических групп в поликультурном регионе. Первый сценарий подтверждает нашу модель, основанную на гипотезе интеграции: представители этнических групп могут ориентироваться на стратегию интеграции, что способствует формированию соединяющего и связывающего социального капитала и в конечном итоге эффективной психологической адаптации в поликультурном регионе. Однако есть и второй, «сепарационный» сценарий, когда представители этнической группы в межэтнических отношениях ориентируются на сепарацию и преимущественное формирование связывающего социального капитала, что для них также может быть эффективно в плане субъективного благополучия психологической адаптации к поликультурности региона. И если для представителей этнических групп оба сценария могут быть эффективны в плане психологической адаптации, то для поликультурного региона в целом, его сплоченности, развития эти сценарии могут иметь нежелательные последствия (Tatarko, 2020). Сепарационный сценарий может быть эффективным для повышения благополучия представителей отдельной этнической группы, но для социального капитала региона в целом он не будет иметь позитивных эффектов. Таким образом, применение социокультурного подхода в исследованиях социального капитала позволяет более глубоко и детально проанализировать универсальность и культурную специфику социального капитала в поликультурных обществах.

Социокультурный подход продолжает свое развитие и реализацию в ряде относительно новых направлений исследований Центра социокультурных исследований.

Социокультурный подход к изучению креативности

Идея о том, что креативность является социокультурным феноменом, получила значительную поддержку в научном сообществе (Dunne, 2017). Новизна и полезность как основные характеристики креативности могут быть оценены только в сравнении с чем-то уже существующим в определенной культуре. Решение о том, что является креативным, зависит от социокультурного контекста (Nijstad, Paulus, 2003). Принадлежность к определенному этносу или культуре сказывается на понимании, выраженности и содержании креативности и приводит к существованию кросс-культурных различий (Kharkhurin et al., 2008), так как условия социализации, культурные нормы и ценности влияют на мышление и поведение людей, во многом определяют их представления о возможностях самореализации (Эрдынеева, Попова, 2009; Rudowicz, 2003). Культура, в свою очередь, развивается через обогащение новыми и полезными идеями и продуктами (Шамаева, 2014). Креативность позволяет трансформировать и реализовать накопленный опыт и интернализированные культурные ценности в творчес-

ком продукте, который будет способствовать развитию общества (Ларионова, 2005).

Учитывая тесную взаимосвязь креативности с культурой, особенно перспективным в условиях мировой глобализации является рассмотрение креативности в контексте межкультурных взаимодействий (Glaveanu, 2010, 2016). Исследования показали, что знакомство с новой культурой помогает расширять концептуальные границы, установленные в собственной культуре человека, вдохновляет на освобождение от ограничивающих культурных установок и способствует креативному мышлению (Chiu, Kwan, 2010). Особенности собственной культуры определяют, как человек мыслит и воспринимает креативность в целом (Лебедева, 2012). Столкновение же с новой культурой приводит к сравнению своих представлений с новыми реалиями (Шамаева, 2014) и переоценке особенностей своей культуры и присущих ей конвенциональных идей (Tadmor et al., 2012). В результате человек ищет новые ответы и решения для стоящих перед ним задач, которые, с одной стороны, будут более соответствовать ситуации межкультурного взаимодействия (Benet-Martinez et al., 2012; Lee, Leu, 2006), с другой стороны, будут включать в себя неконвенциональные для его культуры элементы и тем самым помогут выйти за пределы норм и стандартов собственной культуры даже за пределами ситуации межкультурного взаимодействия (Chiu, Kwan, 2010; Leung et al., 2008).

Однако не всегда межкультурные контакты имеют позитивное воздействие на креативность. Дело в том, что межкультурные контакты влияют на креативность по принципу диверсифицированного опыта (Crisp, Turner, 2011). Выступая в качестве необычного события или ситуации, диверсифицированный опыт побуждает людей выходить за рамки их зоны комфорта, привычных практик мышления и поведения в меру их адаптационных возможностей. Когда человек может открыто и безопасно воспринимать новую информацию и переступать через стереотипы, диверсифицированный опыт воспринимается как вызов, способствующий креативности. Однако, когда у человека недостаточно адаптационных ресурсов, когда он испытывает тревогу и закрывается от новой информации, диверсифицированный опыт может, наоборот, приводить к предпочтению наиболее конвенциональных, привычных и безопасных решений.

При изучении взаимосвязи межкультурных контактов и креативности критически важно выяснить, как именно воспринимается новый опыт, как люди учатся совладать с ним, что им помогает, а что мешает. Ключевым механизмом, обеспечивающим качественный переход от восприятия новой информации к когнитивному развитию, в том числе приросту креативности, является межкультурное обучение (Leung, Chiu, 2010; Montuori, Stephenson, 2010).

Эмпирическое исследование на тему «Взаимосвязь межкультурного обучения и креативности российских студентов», проведенное М. А. Бульцовой, показало, что в целом благоприятный межкультурный климат способствует формированию позитивных установок в отношении межкультурного обучения инокультурных студентов и через них способствует креативности российских студентов как принимающего населения. Учитывая, что межкультурный климат и установки по отношению к межкультурному обучению являются многосоставными

ми конструктами, а креативность может быть продуктивной и непродуктивной, был сделан ряд уточнений. В частности, было обнаружено, что два компонента межкультурного климата вуза по-разному связаны с креативностью. Поддержка мультикультурности вузом позитивно связана с непродуктивной креативностью и продуктивной креативностью, в то время как возможности для межкультурного общения негативно связаны с непродуктивной креативностью, но способствуют развитию позитивных установок по отношению к межкультурному обучению, которые, в свою очередь, ассоциируются с более высокими уровнями креативности. Таким образом, можно сделать вывод о важности и необходимости развития обоих компонентов межкультурного климата вуза, чтобы достигать положительных результатов в отношении межкультурного и когнитивного развития студентов (Bultseva, Lebedeva, 2021).

Социокультурный подход к изучению школьного буллинга

Согласно К. Ригби, существует несколько подходов к изучению буллинга:

- буллинг как результат индивидуальных различий между его участниками;
- буллинг как следствие процесса развития личности;
- буллинг как социокультурное явление;
- буллинг как ответ на давление сверстников в школе (Rigby, 2012).

Особый интерес в рамках настоящего исследования вызывает социокультурный подход, который определяет буллинг как результат существования ряда групп с различным уровнем власти (там же). Такие группы образуются, например, по признаку пола, расы, этнической принадлежности, социального класса и т.д. При таком подходе к изучению школьной травли основное внимание уделяется тем различиям, которые имеют культурную или же историческую основу. Предположение о том, что буллинг связан с этнической принадлежностью детей, исходит из убеждения о доминантном положении группы этнического большинства (там же). Кроме того, дети этнических меньшинств являются носителями культурно обусловленных паттернов поведения и имеют различные языковые навыки, что может представлять собой возможные причины для издевательств (Kim, Chao, 2009).

В рамках социокультурного подхода этническая принадлежность детей может служить фактором для виктимизации. Например, многие исследования показывают, что школьники, принадлежащие к группе этнического меньшинства, чаще подвергаются буллингу, чем представители этнического большинства (Rigby, 2012; Kozmus, Psunder, 2017). Результаты исследований, проведенных в российском контексте при сравнении группы русского большинства и этнического меньшинства, показывают, что существуют различия в ролях школьников из большинства и меньшинства в ситуации школьной травли: как правило, дети из этнических меньшинств чаще выступают в качестве жертв буллинга. Кроме того, аккультурационное ожидание сегрегации этнического меньшинства и аккультурационная стратегия сепарации русского большинства положительно взаимосвязаны с ролью жертвы, о которой они сообщали. Эти результаты указывают на то, что укрепление культурной самобытности детей из этнических

меньшинств без стремления к взаимодействию с представителями других групп может приводить к виктимизации детей.

Таким образом, результаты данного исследования расширяют имеющиеся теоретические представления и добавляют новые эмпирические данные о взаимосвязи аккультурационных ожиданий русских школьников и восприятия ими таджикских сверстников в ситуации школьного буллинга. В частности, были определены различия в восприятии ролей русских и таджикских школьников в ситуации школьного буллинга. Русские школьники чаще воспринимались как жертвы и как агрессоры школьного буллинга, чем их сверстники из таджикской этнической группы. Также было выявлено, что аккультурационное ожидание принятия русской культуры было отрицательно взаимосвязано с восприятием таджикских школьников как жертв при отсутствии у них межкультурных контактов. Результаты исследования имеют широкое практическое применение в культурно гетерогенных классах для улучшения межкультурных отношений между подростками из различных этнических групп и профилактики и предотвращения школьной травли.

Заключение

Результаты проведенных нами теоретико-эмпирических исследований обогащают развиваемый ЦСКИ социокультурный подход и позволяют с новой точки зрения взглянуть на рассмотренные феномены и создание соответствующих прикладных программ, нацеленных на гармонизацию межкультурных отношений в обществе.

При планировании, разработке теоретических оснований и реализации эмпирических исследований, представленных в данном отчете, сотрудники ЦСКИ придерживались комплексного системного подхода. В частности, были предприняты попытки интегрировать известные классические теории и модели социальной и кросс-культурной психологии с современными концепциями и результатами новейших и наиболее актуальных на данный момент научных работ. Результатом стало применение социокультурного подхода для анализа разнородных социально-психологических феноменов.

При построении теоретически обоснованных моделей в каждом исследовании авторы опирались на аналитический обзор научной литературы, осуществили теоретический анализ, предшествующий постановке исследовательской проблемы, и продемонстрировали глубокое понимание разработанности каждой из рассматриваемых тематик в России и за рубежом. Многие из проведенных исследований являлись кросс-культурными, их авторы смогли грамотно учесть особенности социокультурных и экономико-политических контекстов рассматриваемых стран.

Методология проведенных исследований отличается разнообразием и комплексностью. Многие исследования проводились в несколько этапов или включали в себя претест, что демонстрирует надежность и проработанность реализованных дизайнов. Выборка проведенных исследований характеризуется новизной, так как, кроме различных социальных групп населения России, стран

Раздел III

Европы и Центральной Азии, включила в себя группы этнического большинства и меньшинства ряда постсоветских стран. Такой широкий кросс-региональный охват позволил провести сравнительный анализ результатов и сделать выводы об универсальности и специфичности выявленных социально-психологических закономерностей. Достоверность полученных результатов обеспечена использованием современных методов математико-статистической обработки данных (таких, как дисперсионный анализ, регрессионный анализ, модерационный анализ, подтверждающий и исследовательский факторный анализ, моделирование структурными уравнениями и т. д.). В целом использованные методы сбора данных, процедуры проведения исследования и способы математико-статистического анализа соответствуют ведущим трендам в социально-гуманитарных науках. Таким образом, представленные исследования в рамках развиваемого Центром социокультурного подхода сопоставимы с наиболее авторитетными работами представителей международного научного сообщества.

Данный подход продолжает развиваться, его применение поможет сделать новые нетривиальные находки, объясняющие универсальность и культурную специфичность индивидуального и группового поведения.

Раздел IV

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ В ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Глава 24

Биопсихосоциальная модель и культурно-историческая психология как методологические основания исследований и комплексной помощи при нарушениях развития и психической патологии

45 лет биопсихосоциальной модели: дискуссии и новые данные

Роль культуры в возникновении и динамике различных заболеваний отмечалась разными учеными начиная с З. Фрейда. В оппозиции к ним всегда были сторонники биологических моделей, сводящие роль социальных и психологических факторов к эпифеноменам биологических процессов в организме человека (редукционизм) или придерживающиеся позиции дуализма души и тела как параллельных, не связанных субстанций. Это противостояние продолжается и сейчас: «В современном мире в условиях безусловного прогресса в области технологий продолжают споры „материалистов“ и „идеалистов“, на новом этапе развития медицины и психиатрии...» (Незнанов и др., 2020). Так как представители разных направлений науки накопили достаточно данных относительно важности «своих» факторов, никто уже не оспаривает роль любого блока факторов из ставшей классической триады *био*, *психо* и *социо*, но поиски баланса между ними и механизмов их связи между собой до сих пор остаются важной и нерешенной проблемой. Поэтому в настоящее время ученые разделились на приверженцев биопсихосоциальных, биопсихосоциальных и биопсихосоциальных подходов. Продолжаются споры о том, какие факторы главнее при каких заболеваниях или нарушениях развития, о разных методах помощи и их сравнительной эффективности (Холмогорова и др., 2022).

В попытки разрешения этих споров внесли вклад и отечественные авторы (И. Я. Гурович, А. П. Коцюбинский, В. Н. Краснов, В. Н. Незнанов, Т. А. Солохина, А. Б. Холмогорова, В. С. Ястребов и др.). Для понимания современного положения дел важно начать с истории вопроса.

Первая попытка приложения методологии целостного системного подхода к пониманию сложной природы различных болезней принадлежит Джорджу Энгелю, американскому врачу-психоаналитику из университета Рочестера. Как психоаналитик Энгель хорошо понимал роль убеждений, поведения и интерперсональных отношений пациентов в их картине болезни. В статье, приуроченной к 45-летию первой публикации Энгеля, группа ученых из универси-

тета Рочестера, а также университетов Германии и Китая (Wittink et al., 2022a), подчеркивает, что, возможно, именно этот опыт психоаналитика позволил ему осознать, как системы убеждений самих клиницистов могут ограничивать концептуализацию болезни: «Исторический факт, с которым нам приходится сталкиваться, заключается в том, что в современном западном обществе биомедицина не только обеспечила основу для научного изучения болезней, но и стала нашим собственным культурно-специфическим взглядом на болезнь, то есть нашей „народной“ моделью» (Engel, 1977). По мнению авторов цитируемой статьи, Энгель хотел побудить клиницистов к более полному пониманию психосоциальных аспектов здоровья, которые могут влиять не только на то, как воспринимается здоровье, но и на возникновение и течение болезни и траекторию выздоровления. Время для публикации статьи Энгелем было выбрано идеально: в 1970-е годы росло беспокойство по поводу того, что медицинская помощь становится все более специализированной и дегуманизированной (Borrell-Carrío et al., 2004). Можно с уверенностью сказать, что эта тенденция лишь усилилась с эпоху интернета, жестких протоколов лечения и высоких технологий.

В российской психиатрии и клинической психологии системный подход к пониманию психической патологии возник задолго до появления статьи Дж. Энгеля и, соответственно, самого термина «биопсихосоциальная модель». Его начал развивать ученик В. М. Бехтерева, ленинградский врач и психотерапевт В. Н. Мясичев. Идея эвристичности системного подхода к изучению психики отчетливо заявлена в работах другого представителя ленинградской психологической школы — Б. Г. Ананьева, уделявшего большое внимание комплексным междисциплинарным исследованиям, позволяющим объединить данные разных наук. В 1963 г. выходит его книга «Человек как предмет психологического исследования». Концепция В. Н. Мясичева зарождалась в процессе практической и теоретической деятельности врача-психиатра, проявлявшего большой интерес к разработке психологических методов помощи психически больным. То, что эта концепция представляет собой одну из первых попыток биопсихосоциального подхода в отечественной психиатрии и клинической психологии, хорошо иллюстрирует следующая цитата: «Несмотря на огромную сложность и неразработанность проблемы неврозов, в последнее время можно отметить в ней существенный прогресс. Во-первых, значительно продвинулось психологическое понимание невроза и процесса психогении, приводящей к образованию болезни, называемой психоневрозом. Во-вторых, значительно углубилось понимание механизмов нервной деятельности и, в частности, тех расстройств, которые близки по своим проявлениям к психоневротической симптоматике. Психологи-психотерапевты особенно способствуют развитию первого направления, органицисты — анатомо-физиологи — второго. К сожалению, данные и теоретическая аргументация представителей обоих направлений в отдельности односторонни и бедны. Первые, сосредоточившись на психогенном процессе образования болезни, на роли переживаний, особенностей личности и т. п., в большей или меньшей степени недооценивают или игнорируют роль телесной (в частности, мозговой) стороны. Вторые, исходя из материала органических поражений и физиологического эксперимента, по аналогии с ними объясняют

картину неврозов, физиологизируют понимание их и недоучитывают роль психогении. По-видимому, вопрос можно правильно решить лишь путем синтеза обоих направлений» (Мясищев, 1960, с. 262–263).

Не нуждаются в отдельных комментариях трудности изучения и описания социальных факторов психической патологии в период господства идеологии социализма, утверждавшей неоспоримость положительного влияния существующих общественных отношений на психологическое благополучие человека. Тем не менее, В. Н. Мясищев подчеркивает, что «психоневроз и личность обусловлены конкретными историческими условиями того периода, к которому относится заболевание и его носитель» (там же, с. 256). Психологам приходилось избегать упоминания конкретных патогенных социальных обстоятельств и локализовать источники патологии в «пережитках прошлого», а также «недостаточном умении личности продуктивно воспользоваться теми огромными возможностями, которые предоставляет наша действительность для того, чтобы справиться со своими трудностями» (там же, с. 261). Делая эту неизбежную уступку историческим обстоятельствам, В. Н. Мясищев сосредоточивает свое внимание на важной роли микросоциального контекста, а именно стиля родительского воспитания в патологии развития личности: «Патологическое развитие позволяет нам отметить роль уродливых еще в раннем детстве взаимоотношений в семье ребенка» (там же, с. 259). Таким образом, концепция Мясищева представляла собой значительный шаг вперед от биологического редукционизма в сторону комплексного системного подхода к проблеме психической патологии.

Основное достижение В. Н. Мясищева — создание патогенетической концепции неврозов, в рамках биопсихосоциального подхода главная роль в ней отводится психологическим факторам. Центральный механизм возникновения патологии, согласно В. Н. Мясищеву, — это конфликты и противоречия в системе отношений личности с окружающей действительностью. Невротические расстройства, которые являются основным предметом анализа в рассматриваемой концепции, возникают только в том случае, когда затрагиваются наиболее эмоционально-значимые отношения личности, занимающие центральное место в системе ее отношений с действительностью. «В неврозах нарушение отношений играет патогенную причинную роль. Это относится также ко всем психогенным заболеваниям, даже к таким, как паранойя. Не случайно И. П. Павлов рассматривал невроз навязчивости и паранойю вместе и подчеркивал роль, которую в патогенезе бреда играют искаженные, нарушенные отношения... Психогенные нервно-психические заболевания в первую очередь требуют психотерапии. Так называемая глубокая, или рациональная, психотерапия, как мы с нашими сотрудниками показывали неоднократно, основывается на перестройке отношений» (там же, с. 228).

Дальнейшее развитие теории отношений привело к разработке личностно-реконструктивной психотерапии, где в центре оказывается перестройка межличностных отношений и отношения к себе, ценностная переориентация больного на основе осмысления собственной жизни и системы своих отношений с людьми (Психотерапевтическая энциклопедия, 2000).

В. Н. Мясищев всегда акцентировал роль психологических факторов в этиологии психических расстройств и понимал задачи медицинской психологии очень широко: «Задача медицинской психологии в этиологическом плане заключается в изучении психологическими методами болезнетворных для психики особенностей условий жизни и деятельности человека, особенностей его организма и мозга, а также в изучении особенностей личности, предотвращающих заболевание или предрасполагающих к нему» (Лебединский, Мясищев, 1966, с. 11). Из этого определения прямо вытекает задача исследования так называемых копинговых механизмов личности — психологических способов совладания со стрессом и с собственно психическим заболеванием. В этом же определении содержится интенция на разработку проблемы так называемого «функционального диагноза» — понятия, ставшего предметом специальной разработки в Ленинградской школе психиатрии и психологии (Воловик, 1985). В отличие от дифференциального этот тип диагноза ориентирован не только на отнесение болезни к определенному виду, но и на целостную характеристику личности с ее проблемными и ресурсными сторонами, на качественный анализ сохранных звеньев психической деятельности, на изучение микросоциальной среды больного.

Понятие функционального диагноза тесно связано с системой многоосевой диагностики, которая позднее возникает в американских классификациях психических расстройств. Такой многоосевой функциональный диагноз основан на биопсихосоциальной модели психической патологии и представляет собой основу реабилитации психически больных. Из вышеприведенного определения вытекает также важность работы с социальным контекстом, семейной и групповой психотерапии. Неудивительно, что именно в ленинградской школе приоритетное развитие получили вышеперечисленные направления, в 1970—1980-е годы ленинградцы стали безусловными лидерами в этих областях (Воловик, 1973, 1980; Исурина, 1984, Исурина и др., 1994; Кабанов, 1985, 1998; Карвасарский, 1985; Мягер, Мишина, 1979; Эйдемиллер, Юстицкий, 1990; и др.).

В качестве развития описанной традиции сотрудниками Бехтеревского института в настоящее время предложено понятие холистического подхода, в рамках которого функциональный диагноз складывается из феноменологического, психологического и социального. Удельный вес различных факторов (биологических, психологических и социальных) зависит от конкретной формы заболевания и каждого индивидуального случая, что раскрывается в подготовленном в НИИ неврологии и психиатрии им. В. М. Бехтерева руководстве для врачей, которое так и называется «Биопсихосоциальная психиатрия» (Незнанов и др., 2020).

В Московской школе психиатрии важная роль в развитии системного комплекса подхода к реабилитации психически больных принадлежит Д. Е. Мелехову, одному из создателей социальной психиатрии (Melekhov, 1977). Б. В. Зейгарник тесно сотрудничала с Д. Е. Мелеховым в период его руководства Московским институтом психиатрии. Ее исследования, подтвердившие ведущую роль мотивации в нарушениях психических функций у больных шизофренией, заложили основу для преодоления биологического редуccionизма и для выделения ми-

шеней психосоциальной реабилитации психически больных (Зейгарник, 1986). Эти идеи и разработки были реализованы в пионерских для отечественной психиатрии работах И. Я. Гуровича и его сотрудников, которыми были разработаны и внедрены конкретные формы и модели комплексной психосоциальной реабилитации при наиболее тяжелых формах психической патологии (Гурович и др., 2004). Также важные исследования, ставшие основой реабилитационных программ, были проведены в Институте психопрофилактики НЦПЗ РАМН под руководством его первого директора В. С. Ястребова (Ястребов и др., 2008). На основе принципов биопсихосоциального подхода строится работа в Центре психического здоровья детей и подростков имени Г. Е. Сухаревой, где наряду с медикаментозным лечением много внимания уделяется работе с родителями, семейной психотерапии, групповой психотерапии, а также социальной работе, продуктивной и творческой организации времени юных пациентов с различными отклонениями в развитии (Макушкин и др., 2022).

В наши дни на страницах научных журналов вновь развернулась дискуссия о степени научной обоснованности биопсихосоциальной модели и ее роли для практики лечения: «Умозрительные гипотезы могут быть как научным предвидением, так и тупиковыми ветвями в развитии науки и только время позволяет это оценить. Как показывает множество критических статей, классическая биопсихосоциальная модель на данном этапе не смогла в действительности создать ни новую методологию исследований, ни качественно новый интегративный подход к терапии психических расстройств, который бы реально улучшал прогноз и исход у пациентов» (Незнанов и др., 2020). «Взлет и падение биопсихосоциальной парадигмы» комментируется ее критиками в разных странах (Ghaemi, 2009).

На фоне этой критики постоянно растет число публикаций, посвященных биопсихосоциальной модели, в научных журналах только в 2019 г., по данным Pub Med, оно насчитывало более 300 статей. Обилие критики породило и мощное движение в защиту биопсихосоциальной модели в самых авторитетных журналах: «Биопсихосоциальная модель была и остается моделью для всей медицины, а не только для психиатрии» (Gask, 2018). Ее сторонники опираются, в частности, на данные исследования роли детских психических травм (Felitti, 2009) и на опыт пандемии (Charura et al., 2023): «Ценность биопсихосоциального подхода становится еще более очевидна сегодня, возможно, при большом внимании к роли его социальной составляющей. Биопсихосоциальная модель также эффективна в системе здравоохранения, которая все больше признает важность медицинских бригад для расширения сферы знаний работников здравоохранения в психологической и социальной сферах, а также для решения резко возрастающей проблемы выгорания самих медицинских работников» (Wittink et al., 2022b). Это мнение перекликается и с данными отечественных исследований психосоциальных факторов профессионального стресса и выгорания и их последствий для психического и соматического здоровья медицинских работников (Холмогорова и др., 2020, 2021).

Ярким доказательством жизнеспособности биопсихосоциальной модели являются данные, полученные под руководством профессора психиатрии Робина

Мюррея, возглавляющего самую большую группу по исследованию психозов за пределами США (более 100 человек), ведущую изыскания в области нейронаук и молекулярной генетики. Совместно со своим молодым коллегой Оливером Хоусом на основе солидных эмпирических данных Робин Мюррей разработал инновационную модель шизофрениих. Предложенная ими интегративная когнитивная модель социоразвития объединяет дофаминовую гипотезу, модель нейроразвития, модель социоразвития и когнитивную теорию: «В противоположность ранним интерпретациям в рамках гипотезы нейроразвития, предполагающей, что пренатальные факторы являются наиболее важными, наша модель предполагает, что жизненные события и сопряженные с ними когнитивные играют ключевую роль и что, изменяя негативную схему и снижая уровень психологического стресса, психологические терапии и социальные интервенции могут разорвать порочный круг дезрегуляции дофамина и предохранить траекторию социоразвития от возникновения психоза» (Howes, Murrey, 2014).

Особенно существенна роль социальных факторов шизофрениии в исследованиях Робина Мюррея и его коллег, посвященных риску употребления каннабиса, о которых он доложил на конгрессе биологической психиатрии в 2021 г. (Scheffler et al., 2021) Трансевропейское исследование 16 сайтов показывает, что ежедневное употребление каннабиса с высокой потенцией оказывает значительное влияние на частоту психозов. Наибольшие эффекты наблюдались в городах, где этот наркотик был наиболее доступен: в Амстердаме и Лондоне, где 50% и 32%, соответственно, первых эпизодов психоза можно было отнести к его ежедневному употреблению. Увеличение употребления каннабиса связано с увеличением числа новых случаев психоза (Португалия, Великобритания, Канада). Генетическая предрасположенность к шизофрениии оказывает очень незначительное влияние на употребление каннабиса, а полигенный риск шизофрениии и употребление каннабиса оказывают независимое влияние на риск возникновения психоза. Р. Мюррей подчеркивает, что доказательств того, что регулярное употребление каннабиса с высокой потенцией является составной причиной психоза, в настоящее время достаточно для трансляции этой информации в сферу общественного здравоохранения.

Роберт Пломин – крупный авторитет в области изучения депрессии, профессор генетики поведения Института психиатрии в Лондоне, директор Центра социальной, генетической и возрастной психиатрии, где ведутся исследования роли наследственности и среды в возникновении психических расстройств, также подчеркивает: «Растет признание роли генов в этиологии индивидуальных различий. Растет число публикаций, грантов, финансируемых исследований по генетике. Но, прежде чем маятник моды сдвинется слишком далеко от воспитания к природе, важно подчеркнуть, что те же генетические исследования обеспечивают надежные доказательства важности влияния окружающей ребенка среды... генетика объясняет половину причин проявляющихся особенностей, окружающая среда объясняет другую половину» (Plomin, Asbury, 2005; Plomin et al., 2016).

Вместе с тем критика биопсихосоциальной модели во многом основывается на неясности и различных трактовках механизмов связи между *био*, *психо*

и *социо*... Наиболее глубокие методологические основания для решения этого вопроса дает культурно-историческая психология, обращение к которой задает важные и пока мало разработанные перспективы развития биопсихосоциальной парадигмы.

Ресурсы культурно-исторической теории Л. С. Выготского для развития представлений о связи *био, психо и социо*

Согласно культурно-исторической теории Л. С. Выготского о происхождении психики, натуральные психические функции присущи и животным, и человеку, а высшие — только человеку, они формируются в онтогенезе в процессе освоения ребенком культурного опыта. В основе высших психических функций, включая мышление, память, внимание, эмоциональные и волевые процессы, лежит система средств их регуляции, которые даны человеку не от природы, а заложены в культуре и являются предметом овладения в течение онтогенеза.

Этот процесс овладения может нарушаться как по причинам биологического характера, так и в результате неблагоприятных средовых факторов, но он в корне отличается от процесса развития психики в животном мире, к аналогии с которым все время прибегают современные сторонники активного внедрения биомедицинской модели в научные исследования.

В первой половине XX в. Л. С. Выготский с позиций культурно-исторического подхода к психике выступил с критикой концепции интеллекта Э. Торндайка: «Тот разрыв между эволюцией содержания и форм мышления, которые допускает в своей теории Торндайк, как и его принципиальное уравнивание влияния среды на развитие интеллекта животных и человека, неизбежно приводит к чисто биологической концепции интеллекта, игнорирующей историческое развитие интеллектуальной деятельности человека. С этим связана попытка Торндайка исходить в своих построениях из анатомической и физиологической основы, а не из психологической концепции человеческого интеллекта, нарушая основное методологическое правило: *Psychologica psychologica*» (Выготский, 2007, с. 109).

Методологическая ошибка, по мнению Л. С. Выготского, — объяснять сложную реальность психического, редуцируя ее к биологическим процессам, — спустя почти сто лет возродилась в масштабном проекте Национального института психического здоровья (NIMH) США, который направлен на поиск оснований для новой классификации психических расстройств, и получил известность под аббревиатурой RDoC (Research Domain Criteria — критерии исследовательских доменов). Данный проект задает перспективы исследований в области наук о психическом здоровье на десятилетия вперед. Разработчики проекта практически не используют понятий «психология», «психологические исследования», а в качестве основных задач RDoC обозначают необходимость интеграции компонентов, которые лежат в основе психических расстройств, перечисляя «генетические, нейробиологические, поведенческие, средовые и эмпирические» составляющие, при этом психологический компонент не назван, а в основу интеграции перечисленных понятий кладется методология нейронаук.

Вспоминаются слова одного из наиболее ортодоксальных адептов биомедицинской модели в психиатрии – британского психиатра Самуэля Гузе: «Не может быть чересчур биологической психиатрии... базисными науками для психиатрии являются биохимия и молекулярная биология, а не психология» (Guse, 1989, p. 315).

В соответствии с этим тезисом в качестве научных основ классификации психических расстройств также указываются нейронауки. Правда, упоминаются также и науки о поведении, как будто бы психологическая наука остановилась на эпохе бихевиоризма или же возвращается к ней, а нейронауки уже дали ответы на сложнейшие вопросы психической жизни человека. Длительное господство бихевиоризма в американской психологии привело к тому, что еще в первой половине XX в. психика была объявлена черным ящиком, недоступным научному изучению. Лишь к середине 1970-х годов проблема сознания официально возвращается в американские университеты. С этого момента в американских учебниках психологию не определяют больше как «науку о поведении», а определяют как «науку о поведении и психических процессах», которые все больше редуцируются к процессам в центральной нервной системе. Это иллюстрируют книги западных ученых-нейробиологов с очень многообещающими названиями, рекламируемые как бестселлеры. Например: «Мозг и душа: новые открытия о влиянии мозга на характер, чувства, эмоции» Дэниэла Амена, «Мозг и счастье: загадки современной нейропсихологии» Рика Хансона и Ричарда Мендиуса, «Мозг и душа: как наша нервная деятельность формирует наш внутренний мир» Криса Фритта. Эти научно-популярные книги, рассчитанные на массового читателя, создают иллюзию, что современная наука уже решила вечные проблемы человечества или весьма близка к этому. Столь же щедр на обещания в первой половине прошлого столетия был американский бихевиоризм, легко «решавший» проблемы психического здоровья, этики, морали и счастья на основе теории научения и провозгласивший психологию наукой о поведении, находящейся «по ту сторону свободы и достоинства».

И хотя, к счастью, пока не удается изолировать психологические проблемы от вечных нравственных и философских, все же стоит задуматься о новых предлагаемых рецептах их решения и вытекающих из этих рецептов последствиях для практики психологической помощи. Приведем цитату из книги известного нейробиолога Дэниэла Амена, который на собственном примере иллюстрирует роль головного мозга в следовании моральным ограничениям: «Многие испытывают сомнения и беспокойство, когда сделали что-то неправильное. Если бы мне понадобились деньги и в голову пришла идея ограбить соседний магазин, то следом за ней появились бы тревожные мысли: а вдруг меня поймут? „Не хочу, чтобы меня судили“, „Не хочу потерять лицензию врача“. Эта тревожность не дает мне послушаться криминальной мысли. Но если, как предполагают исследования доктора Рейн, лобная кора работает плохо и не вызывает никакой тревожной реакции, то я вполне могу отправиться на преступление, не думая о последствиях своего поведения. <...> У людей нарциссического склада часто оказывается сверхактивной передняя часть поясной извилины, из-за чего они не способны переключить внимание и посмотреть на себя со стороны. А плохая

работа лобной коры приводит к недостатку эмпатии» (Амен, 2012, с. 128–129). Далее автор, который одним из первых стал активно использовать компьютерную томографию в психиатрии и психотерапии, уверенно заявляет: «Увидев проблемы через призмы нейробиологии и посмотрев свой скан ОЭКТ, люди начинают исцеляться» (там же, с. 135). Прочитируем других авторов. «Добродетель подразумевает регулирование своих поступков, слов и мыслей ради того, чтобы по возможности приносить окружающим людям и себе больше добра, чем зла. В мозге эта функция связана с префронтальной, или лобной, корой. Префронтальная значит „околлобная“, т. е. самая передняя часть мозга сразу за лбом и над ним. Кора — это верхний слой мозга, она состоит из так называемого серого вещества. Кроме того, добродетель опирается на умиротворяющее действие парасимпатической нервной системы и положительных эмоций, с которыми связана лимбическая система» (Хансон, Мендиус, 2011, с. 31).

Что стоит за таким пристальным вниманием к мозгу в новых рецептах счастья, нравственности и добродетели? Возвращаясь к серьезной научной литературе, можно говорить о значительной активизации сторонников биологических моделей психической патологии на фоне впечатляющего прогресса в технике исследований современных нейронаук. Так, современные техники нейровизуализации позволяют в буквальном смысле слова «заглядывать» в мозг человека, оценивать его морфологические особенности и наблюдать происходящие там процессы. Как это уже не раз случалось в истории изучения психических расстройств, у многих исследователей возникло искушение отождествить процессы в мозге и психические процессы, установить их точное взаимное соответствие.

Биологический редукционизм поистине захлестнул современную психологию и психиатрию, превратившись в методологическую основу бурно развивающихся нейронаук, готовых поглотить основные финансовые вложения, а вместе с ними и все иначе ориентированные исследования.

Изучение информации об упомянутом выше масштабном проекте RDoC (Research Domain Criteria — критерии исследовательских доменов) свидетельствует о том, что центральная задача этого щедро финансируемого проекта состояла в попытке найти биологические корреляты в виде различных нейроцепей для самых сложных психических процессов, таких как рефлексия, ментализация, метакогниция.

Критика проекта со стороны крупнейших авторитетов в современной психиатрии фактически не была услышана. Так, Ален Фрэнсис, руководитель проекта по созданию классификации DSM-IV и один из мировых экспертов в области классификации психических расстройств, подчеркивал: «Институт NIMH занимал лидирующую позицию в поддержке охватившего весь мир энтузиазма, связанного с нейронауками, назвав 1990-е годы десятилетием головного мозга, и прилагал немалые усилия к внедрению биологических программ в ранее сбалансированные исследования, фундаментальные науки, терапию и систему здравоохранения в целом. По сути же, из института психического здоровья NIMH превратился в институт головного мозга. В результате его стараниями проведены великолепные исследования, однако никакой практической помощи пациентам из этого не последовало...» (Frances, 2014, p. 49).

В самом деле, так называемые нейронауки (термин введен Фрэнсисом Шмитдом в 1962 г.) оказывают огромное влияние не только на профессиональное сообщество, но и на средства массовой информации, рекламирующие их, как правило, очень преувеличенные и не соответствующие реальности достижения. В области психического здоровья это приводит ко все большему увлечению психотропными препаратами и пренебрежению психологическими и педагогическими методами. В социальной и культурной сфере – к примитивным представлениям о механизмах поведения человека, недооценке его способности к самоопределению и саморегуляции. Вот краткий перечень новых научных направлений, которые можно увидеть в популярных и научных изданиях:

- социальные нейронауки;
- когнитивные нейронауки;
- экономические нейронауки;
- политические нейронауки;
- нейрофилософия;
- нейроэтика;
- нейромаркетинг;
- нейропсихоанализ.

Неадекватность претензий нейронаук на разрешение сложнейших вопросов человеческой психики убедительно раскрыта в монографии немецкого нейробиолога Феликса Хаслера «Нейромифология: что мы действительно знаем о мозге» (Хаслер, 2022).

Тем не менее важным упованием для современной психиатрии до сих остается социальная нейронаука, при этом ярким свидетельством возврата к биологическому редукционизму становится введение в 1990-е годы термина «социальный мозг». В одной из статей на русском языке социальную нейронауку трактуют как «концептуальную дисциплину, сфокусированную на поиске нейрональных, гормональных, клеточных, молекулярных и генетических механизмов, лежащих в основе социальных структур и процессов», в силу чего она может стать основой для понимания важных аспектов психических расстройств (Сасюрро et al., 2014). Авторы утверждают «возможности социальной нейронауки для психиатрии», а также необходимость нейровизуализационных и генетических исследований, которые нацелены на выявление специфических процессов, лежащих в основе социальной жизни. Для обозначения своей позиции по взаимодействию разных направлений они приводят так называемый «золотой треугольник» исследований в области социальных нейронаук: EEG – электроэнцефалограмма, ERPs – вызванные потенциалы, ANS – вегетативная нервная система, TMS – транскраниальная магнитная стимуляция (там же).

Очевидно, что современная наука попала в методологическую ловушку, от которой предостерегал Л. С. Выготский в 1930-е годы. Перефразируя высказывание Выготского, критиковавшего Жана Пиаже за попытку отказа от теории в угоду эмпирическим данным с целью снятия теоретических противоречий современной ему психологии, можно довольно точно описать состояние современных исследований в области социальных нейронаук: «Море новых фактов,

крупных и мелких, первой и второй величины, открывающих новое и дополняющих известное раньше, хлынуло» со страниц научных журналов («хлынуло в детскую психологию со страниц Пиаже». – Выготский, 1982, с. 18).

В цикле исследований, выполненных под руководством Б. В. Зейгарник и Ю. Ф. Полякова, было убедительно показано, что нарушения взаимодействия с другими людьми при шизофрении связано прежде всего с нарушением мотивации и направленностью на другого человека (Зейгарник, Холмогорова, 1985; Критская и др., 1991).

Позднее группой специалистов под руководством А. Б. Холмогоровой была разработана и получила эмпирическое подтверждение модель развития и нарушений социального познания на основе идей культурно-исторической психологии Л. С. Выготского, описанная в коллективной монографии «На стыке двух спектров: нарушения социального познания при биполярном и шизоаффективном расстройствах» (На стыке двух спектров..., 2016). Модель рассматривает социальное познание как высшую психическую функцию, которая формируется прижизненно на основе врожденной потребности ребенка к установлению отношений привязанности. Модель включает: 1) мотивационный компонент в соответствии с принципом единства аффекта и интеллекта; 2) рефлексивный компонент в соответствии с положением об осознанном характере высших психических функций, а также 3) операциональный и 4) поведенческий компоненты, которые в соответствии с положениями о культурно-опосредованном и инструментальном характере человеческой психики содержат внутренние, интериоризированные в результате освоения накопленных в культуре средств способы (навыки, стратегии) осуществления процессов социального познания. Развивая эту модель на основе положения Л. С. Выготского о натуральных и высших психических функциях, можно представить структуру социального познания как сложную высшую психическую функцию, компоненты которой иерархически связаны между собой и относятся к двум уровням: 1) высшему – регуляторному, объединяющему мотивационный и рефлексивный компоненты; 2) подчиненному исполнительному, которому соответствуют операциональный и поведенческий компоненты.

В этой модели интегрированы пионерские отечественные разработки 1980-х годов, основанные на идеях о нарушениях мотивационного компонента, смысловой и рефлексивной регуляции, об общей коммуникативной направленности мышления у больных шизофренией (Зарецкий, Холмогорова, 1983; Зейгарник, Холмогорова, 1985; Зейгарник и др., 1989; Критская и др., 1991; Холмогорова, 1983), а также более поздние разработки автора данной главы совместные с О. В. Рычковой (Холмогорова, Рычкова, 2016).

Сложность, полиморфность и взаимопроникновение разных расстройств исключает простые решения относительно их природы. Подводя итоги попыткам найти биологические маркеры отдельных психических расстройств, известный шизофренолог из Нидерландов Дж. ван Ос с соавт. подчеркивают (van Os et al., 2009), что моделирующее представление о непосредственной экспрессии генов в форме того или иного расстройства (линейная модель «генотип–фенотип») безнадежно устарела, наиболее полно современное состояние исследований от-

ражает более сложная модель, получившая название «взаимодействие генотипа и среды» («genotype environmental interaction», сокращенно – G×E). На примере шизофрении авторы подчеркивают, что только такая модель позволяет объяснить хорошо установленные факты о повышенной частоте шизофрении у лиц, подверженных высокому уровню стресса (например, мигрантов и жителей больших городов) и другим средовым вредностям (например, потребление каннабиса), а детерминация заболевания только генами или только средой крайне мала, если вовсе не равна нулю.

В росте популярности трактовок *био* не последняя роль принадлежит гипотезе социального мозга, но накапливают важные аргументы и сторонники *социо*. Например, при исследовании здоровой детской популяции получены важные данные о роли семейных отношений, материнской способности к ментализации в развитии навыков социального познания, а сравнение показателей этих навыков у детей, страдающих аутизмом, с их монозиготными и дизиготными близнецами не подтверждает ведущего влияния наследственных факторов (см. подробнее: Социальное познание как высшая психическая функция и его развитие в онтогенезе, 2016).

В одном из лонгитюдных исследований, направленных на оценку факторов прогноза шизофрении, было показано, что наиболее значимыми негативными факторами оказались социальная изоляция, продолжительность заболевания и проживание отдельно от родственников. Таким образом, значимость позитивных социальных отношений, роль *социальных факторов* для течения шизофрении получают новые обоснования (Harvey et al., 2007). Социальная изоляция в сочетании с высокой социальной тревожностью оказались также значимыми предикторами манифестации шизофрении в группах с высоким риском заболевания: заболели в первую очередь те, у кого преобладала социальная изоляция и отмечалась высокая социальная тревожность. Все это подтверждает идеи Л. С. Выготского о роли трансляции культурного опыта в психическом развитии и тяжелых последствиях для психики нарушений мотивации общения и направленности на других людей.

Ссылаясь на положения культурно-исторической теории развития Л. С. Выготского, М. Томаселло предлагает ряд критериев, определяющих специфику мышления человека, кардинально отличающую его от мышления высших приматов (Tomasello, 2010, 2014). Он отмечает, что интеллектуальный климат в современной науке определяется прежде всего интересом к эволюционным основам социального познания, но при этом не учитывается тот факт, что огромный скачок в развитии вида *Homo sapiens* просто не мог произойти на основе биологических механизмов, если учитывать, что он произошел на очень коротком историческом отрезке, ничтожно малом для таких изменений в масштабе всей эволюции.

Но с культурно-исторической точки зрения этого отрезка было достаточно для колоссального скачка за счет непрерывного накопления опыта разных индивидов, социальных групп и обществ на протяжении многих поколений в общее культурное знание. Автор цитирует известное выражение Ньютона о том, что каждое поколение людей стоит на плечах гигантов, будучи потенциальным

обладателем всего накопленного до него в культуре знания, которое наращивается, согласно эффекту храповика, т. е. без возможности поворота вспять. Любое серьезное изучение человеческого познания, подчеркивает автор, должно учитывать культурно-исторический и онтогенетический аспекты развития (ребенок тоже поражает своей способностью за короткое время освоить язык и другие сложнейшие формы человеческого поведения), которые ни в коем случае не детерминируются биологической адаптацией, обеспечивающей лишь условия для определенных форм СП.

М. Томаселло выделяет уникальную способность человеческого дитя уже к девяти месяцам воспринимать другого человека как активного целенаправленного субъекта (*intentional agent*), подобного ему самому. В своих опытах с приматами и маленькими детьми ученый пытается доказать, что это уникальная способность человека, которая отличает его от высших приматов. Автор указывает: «Это открывает возможность ребенку обучаться культуральному опыту с помощью другого человека. Это не более чем онтогенетическая природа того, что Л. С. Выготский назвал „культурной линией“ психического развития в отличие от „натуральной линии“» (Tomasello, 2011).

Определяя природу человеческого мышления как способность к кооперации, М. Томаселло ссылается на высказывание Л. С. Выготского, приводя его в качестве эпиграфа к соответствующей главе: «Интернализация коренящихся в социуме и исторически возникших форм активности — отличительная черта человеческой психики» (Томаселло, 2014). Положение Л. С. Выготского об опосредствованном, инструментальном характере человеческой психики, в отличие от психики животных, задает линию изучения социального познания как процесса, для которого в культуре разработаны специальные средства, от их освоения во многом зависит уровень его развития у каждого конкретного человека. Биологические же дефициты предполагают создание «обходных путей» — особых условий, при которых эти инструменты пусть медленнее, пусть с большими затратами, но постепенно осваиваются, что, собственно, и происходит в процессе бихевиоральной терапии аутизма, которая признана на сегодняшний день одним из наиболее эффективных методов работы с этими детьми.

Итак, на современном этапе в изучении развития социального познания и его нарушений в онтогенезе столкнулись две научные парадигмы — эволюционно-биологическая и культурно-историческая. Климат в современной науке во многом определяет первая парадигма, в рамках которой подчеркивается генетическая общность человека с другими приматами и выдвинута гипотеза «социального мозга», как основы социального познания, возникшей в процессе эволюции у приматов. Странники второй парадигмы подчеркивают уникальность эволюции человека, а ведущая роль отводится культурной трансляции опыта.

А. Р. Лурия был уверен, что идеи Л. С. Выготского значительно опережают современную ему психологию. Анализируя источники кризиса в психологии начала XX в., Л. С. Выготский усматривал их в разрыве между описательной и объяснительной психологией, который отражал методологический разрыв в возможностях изучения сложных и элементарных психических процессов: «Пропасть между

физиологическими объяснениями элементарных актов и менталистическими описаниями сложных психических процессов будет сохраняться до тех пор, пока мы не сможем понять, каким образом естественные процессы, как, например, физическое созревание и сенсорные механизмы, взаимодействуют с процессами, определяемыми культурой; именно это взаимодействие и создает психическую деятельность взрослого человека. Нам нужно выйти за пределы организма, чтобы обнаружить источники специфически человеческих форм психологической деятельности» (Лурия, 1982, с. 31).

Л. С. Выготский уделял большое внимание проблеме мозговых основ высших психических функций. В последние годы своей недолгой жизни он изучал медицину и высказал многие идеи, оттолкнувшись от которых, А. Р. Лурия заложил основы науки нейропсихологии. Однако он совершенно четко указывал, что базовые для высших психических процессов функциональные системы мозга формируются прижизненно, огромную роль в их формировании играют язык и другие орудия или инструменты цивилизации. Эти системы не локализованы в определенных частях мозга, а обеспечиваются сложной системой связей между разными блоками. Характерно, что в процессе разработки гипотезы социального мозга открываются все новые и новые отделы и связи, включенные в такой самый сложный процесс, как СП, что опровергает гипотезу о четкой локализации социального мозга (Рычкова, Холмогорова, 2012а, б).

Л. С. Выготский ставил вопрос о специфике человеческой психики, усматривая ее прежде всего в культурном происхождении и особом орудийном строении. Повторим одно из наиболее часто цитируемых высказываний, характеризующих генеральную идею Л. С. Выготского: «Чтобы понять внутренние психические процессы, надо выйти за пределы организма и искать объяснение в общественных отношениях этого организма со средой. Он любил повторять: те, кто надеется найти источник высших психических процессов внутри индивидуума, впадает в ту же ошибку, что и обезьяна, пытающаяся обнаружить свое отражение в зеркале позади стекла. Не внутри мозга или духа, но в знаках, языке, орудиях, социальных отношениях таится разгадка тайн, интригующих психологов» (цит. по: Леонтьев, 1990, с. 41). Необходимость перехода в исследования социального познания от интрапсихологической парадигмы (в основе которой лежит представление о социальных когнициях как возникающих в результате созревания определенного генетически запрограммированного мозгового субстрата) к интерпсихологической зафиксирована в фундаментальной монографии 2008 г. издания, редакторы которой являются видными экспертами в вопросах социального познания (Sharp et al., 2008). Однако ссылок на работы Л. С. Выготского, необходимых в таком контексте, в ней не содержится. Тем не менее запрос на новую методологию уже четко сформулирован.

Есть уже немало западных исследователей социального познания, которые в поисках методологических ориентиров открыли для себя Л. С. Выготского. В 2008–2009 гг. появляются два фундаментальных труда – книга американского психолога Майкла Томаселло, директора Института эволюционной антропологии общества Макса Планка, «Истоки человеческого общения» (Томаселло, 2011) и методологический трактат британского психолога, профессора Дарем-

ского университета Чарльза Фернихоу «О теории психического с позиций Выготского: опосредствование, диалог и становление социального понимания» (Ferryhough, 2009).

Прежде всего стоит сказать, что оба автора неохотно прибегают к термину «социальное познание» (social cognition), что естественно для последователей культурно-исторической теории развития психики. Неудачность этого термина заключается в том, что критерием выделения социальных когниций служит социальная природа объектов, на которые это познание направлено, иначе говоря, речь идет о восприятии людьми других людей и различных социальных ситуаций. Между тем, согласно Л. С. Выготскому, все познание человека, все его когниции имеют социальную природу, поэтому трудно не согласиться с авторами, что лучше использовать термины, более точно описывающие изучаемый в парадигме социального познания процесс.

М. Томаселло пишет о механизмах зарождения специфически человеческих форм коммуникации в процессе эволюции, лишь упоминая термины «социальные когниции» (social cognition) или «социокогнитивные процессы», а Ч. Фернихоу пользуется термином «социальное понимание» (social understanding), который считает более точным для описания процессов, связанных с расшифровкой ментальных состояний (mind reading). Оба автора уверены, что именно идеи Л. С. Выготского позволили им в корне по-новому взглянуть на специфику человеческой коммуникации и понимания людьми друг друга, т. е. с принципиально иных позиций подойти к активно дискутируемым в современной психологии проблемам, кристаллизованным в таких терминах, как «ментализация» (mentalization), «теория психического» (ТоМ), «расшифровка психических состояний» (mind reading) и «эмпатия».

Суть кризиса в системе наук, занятых проблемами развития психики и ее нарушений, сугубо методологическая: объективно зарегистрированные связи между активностью определенных отделов мозга и процессом решения задач на социальное познание рассматривается как доказательство того, что именно эта активность является механизмом, генерирующим решение задачи. Трудно сказать лучше о природе такой методологической ошибки, чем это сделал сам Л. С. Выготский: «Социальная природа всякой высшей психической функции ускользала до сих пор от внимания исследователей, которым и в голову не приходило представить развитие логической памяти или произвольной деятельности как часть социального формирования ребенка, *ибо в своем биологическом начале и в конце психического развития эта функция выступает как функция индивидуальная; и только генетический анализ вскрывает тот путь, который соединяет начальную и конечную точки*» (Выготский, 1982; курсив мой. — А. Х.). Путь к разрешению указанных противоречий предполагает привлечение теории психического развития, которая непротиворечиво объясняла бы уже имеющиеся научные данные и давала бы ключ к будущим исследованиям, а также к эффективной практике.

Поисками такой теории, как нам представляется, и можно объяснить вспышку интереса к трудам Л. С. Выготского. Круг вопросов, которые пытался решить Л. С. Выготский, очень широк. Среди них можно назвать следующие:

- Как происходит развитие психики в фило- и антропогенезе, в чем специфика человеческой психики?
- Как происходит развитие психики в онтогенезе?
- Каковы условия и механизмы нормального развития?
- Каковы причины и механизмы нарушений развития?
- Каковы пути компенсации этих нарушений?

Ч. Фернихоу называет еще одну важную причину повышенного интереса к идеям Л. С. Выготского, также имеющую чисто методологический характер. В фило-софских и методологических спорах вокруг процессов социального познания возникает вопрос, имеющий картезианское происхождение: как один познающий субъект может обрести способность понимать другого познающего субъекта, в то время как психическое состояние невозможно объективно наблюдать, а любое познание, согласно Декарту, возможно только на основе существующих у человека перцептивных систем? Л. С. Выготский преодолевает парадокс декартовой концепции, полагая психическое в качестве особой формы активности, которая может существовать за пределами тела и его перцептивных систем и осуществлять взаимодействие с другими такими же активными психическими системами. Ч. Фернихоу не упоминает о том, что за это в 1930-е годы Л. С. Выготский был обвинен в идеализме, отходе от позиций материализма и подвергнут сокрушительной критике в стране победившего марксизма.

Теория деятельности А. Н. Леонтьева позволила вывести культурно-историческую парадигму Л. С. Выготского из-под запрета после соответствующей коррекции: был выдвинут тезис о совместной деятельности ребенка со взрослым. Помимо взаимодействия, в идеальном плане появляется совместный предмет деятельности, то, что в модели Фернихоу называется триадическими отношениями: взрослый—ребенок—объект реальности, на который направлено совместное внимание (*shared attention*) и совместная деятельность (*sharing*). В результате такого выхода из методологического тупика возникает концепция базовой интерактивности человеческой психики и человеческого мышления, существующего изначально в экстериоризованных формах взаимодействия между людьми и лишь позднее в результате интериоризации приобретающего характер внутреннего процесса, сохраняющего, однако, свою диалогическую природу.

Именно эти идеи Л. С. Выготского были замечены рядом современных исследователей социально познания как путеводные маяки в море методологических и эмпирических противоречий. Возрастающие свидетельства о важной роли языка в развитии процессов социального познания (Astington, Jenkins, 1995) заставляют искать наиболее полезные теоретические идеи для понимания механизмов этого влияния. Такие идеи также содержит культурно-историческая теория Л. С. Выготского, рассматривающая развитие высших психических функций как системный процесс, в котором все функции опосредствованы и тесно взаимосвязаны. Один из наиболее известных западных последователей Выготского Дж. Вертч подчеркивал три основополагающие идеи в его теории происхождения и строения высших психических функций (ВПФ): необходимость изучения ВПФ в процессе развития (генетический метод), их интерактивную природу и их опосредованный характер (Wertsch, Stone, 1985). Ученый с сожа-

лением констатирует недооценку центральной, прорывной идеи Выготского: «Исследователи уделяли очень мало внимания его идее о переходе интерпсихического функционирования в интрапсихическое» (там же).

Отрицание сложной биопсихосоциальной природы психических и поведенческих нарушений приводит к пренебрежению психосоциальными методами помощи, что может иметь весьма серьезные последствия. Это демонстрирует обращение к существующим стандартам лечения синдрома нарушений внимания и гиперактивности (СДВГ) в США. Приблизительно у 10% детей в США диагностирован этот синдром, и более 90% из них прописывают психостимулирующие препараты в качестве основной формы лечения в школьных условиях, потому что большинство врачей считают, что лекарства улучшат успеваемость и что это окупает их неблагоприятные побочные действия. На протяжении десятилетий большинство врачей, родителей и учителей считали, что стимулирующие препараты помогают детям с синдромом дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) учиться.

Совсем недавно ученые из Центра помощи детям и семьям Флоридского интернационального университета обнаружили, что лекарства не оказывают заметного влияния на успеваемость (Pelham et al., 2022). Они обследовали 173 ребенка в возрасте от 7 до 12 лет с СДВГ, участвовавших в Летней лечебной программе центра (комплексной восьминедельной программе летнего лагеря для детей с СДВГ). Вопреки ожиданиям исследователи обнаружили, что дети усвоили одинаковый объем естественных и социальных наук, а также словарного запаса независимо от того, принимали ли они лекарство или нет.

Авторы исследования — В. Пелхэм с соавт. — приходят к выводу, что именно поведенческое вмешательство лучше всего подходит для детей с СДВГ, потому что сами они, а также их учителя и родители учатся навыкам и стратегиям, которые помогут им добиться успеха в решении учебных и бытовых проблем, в том числе в долгосрочной перспективе, в то время как лекарства не решают проблемы, а лишь временно устраняют симптомы.

Еще одно новое исследование сообщает, что дошкольники с синдромом дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) редко получают золотой стандарт лечения, рекомендованный Американской академией педиатрии (ААР). ААР рекомендует метод поведенческой терапии, называемый «обучение родителей управлению поведением» в качестве лечения первой линии для детей с СДВГ в возрасте 4 и 5 лет. Но только один из 10 детей в этой возрастной группе с диагнозом СДВГ или симптомами, подобными СДВГ, действительно получает направление на этот тренинг, согласно результатам, опубликованным онлайн 18 октября 2021 г. в журнале «JAMA Pediatrics».

Согласно принципам культурно-исторической психологии, помощь таким детям должна быть направлена не на простое устранение симптомов, а на психическое развитие и целенаправленное формирование тех дефицитарных способностей, которые так или иначе связаны с умением строить и поддерживать социальные контакты и регулировать свои эмоциональные состояния.

Ограниченный объем главы не позволяет остановиться подробнее на эвристическом потенциале идей Выготского для дальнейшего развития теории

и практики психологической помощи и психотерапии. Эти идеи были подробно проанализированы и раскрыты в наших совместных исследованиях с В. К. Зарецким (Зарецкий, Холмогорова, 2017; Холмогорова, Зарецкий, 2011)

**Многофакторная психосоциальная модель расстройств
аффективного спектра как основа выделения системы мишеней
психотерапии (на примере нарушений пищевого поведения)**

Разработанная нами совместно с Н. Г. Гаранян на основе идей системного подхода и культурно-исторической психологии Л. С. Выготского многофакторная модель расстройств аффективного спектра (Холмогорова, Гаранян, 1998, 1999а, б) направлена на установление системы связей между различными факторами психических расстройств, включая культуральные, семейные, личностные и интерперсональные. На ее основе, начиная со второй половины 1990-х годов, был выполнен целый цикл исследований, включая докторские и кандидатские диссертации. Эти исследования позволили выделить и научно обосновать основные мишени психотерапии расстройств аффективного спектра, прежде всего депрессивных и тревожных, на всех четырех упомянутых выше уровнях.

Рассмотрим данные, полученные на основе этой модели на примере нарушений и расстройств пищевого поведения (далее НПП и РПП) – проблеме, приобретающей все большее эпидемиологическое значение в современном мире. Биологические изменения, которые сопровождают различные типы расстройств пищевого поведения, не вызывают сомнений. Однако эпидемию этих расстройств в современном мире трудно объяснить, исходя из генетических или других биологических факторов. Модель описывает, как характерные для современной культуры дезадаптивные ценности (патологические аспекты социальной ситуации развития современного ребенка) преломляются в семейных взаимоотношениях (межличностная или микросоциальная ситуация развития), а затем интериорируются в индивидуальном сознании и начинают воспроизводиться в отношениях со сверстниками и определять отношения между людьми, стиль мышления и поведенческие стратегии, а в конечном счете – специфические болезненные симптомы для того или иного расстройства аффективного спектра, включая РПП.

Многофакторная психосоциальная модель расстройств аффективного спектра послужила основанием для целого ряда исследований, посвященных культуральным, семейным и личностным факторам неудовлетворенности своим телом, РПП и НПП (Тарханова, 2014; Холмогорова, Дадеко, 2010; Холмогорова, Рахманина, 2020; Холмогорова, Тарханова 2014; Шалыгина, Холмогорова, 2014; Kholmogorova et al., 2017; Lepesheva, Kholmogorova, 2021). Известно, что подростковый и юношеский возраст связаны с повышенным риском различных неэффективных стратегий поведения. Считается, что не менее 20% молодых людей испытывают те или иные психопатологические симптомы в период подросткового возраста. Это обусловлено физическими, когнитивными и социальными изменениями, которые осложняют развитие в этом возрасте в целом. Образ тела является важным компонентом формирования самооценки у подростков,

в связи с чем уровень неудовлетворенности своим телом оказывается высоким именно в этом возрасте.

Наши представления о нормальности формируются через одобрение разных стандартов поведения и качеств внутри групп, где эти стандарты усваиваются их членами. У многих людей попытки адаптироваться к существующим шаблонам и соответствовать одобряемой норме приводят к тяжелым последствиям (Кирюхина, Польская, 2021). Несмотря на то, что большинство проблем и переживаний являются следствием всей культуры в целом, они во многом зависят от конкретных отношений в каждой семье и даже могут различаться у каждого ребенка в одной и той же семье. Все эти связи, согласно Л. С. Выготскому, составляют социальную ситуацию развития каждого ребенка, которая преломляется в конкретных межличностных отношениях (Выготский, 2005).

В обществе, где одной из основных целей становятся благополучие и совершенство, внешний вид — это один из важнейших параметров на продажу. С каждым годом различным компаниям в сфере фитнеса все более выгодно продавать миф о том, что человек должен выглядеть определенным образом, чтобы быть счастливым. Для людей совершенно обыденной становится вера в то, что, изменив физическую форму и внешность, можно стать лучше, получить любовь, быть более желанными. Такой образ тела развивается частично как функция культуры в ответ на эстетические идеалы общества (Rudd, Lennon, 2001). Современные представления о привлекательности входят в ощущение чувства собственного достоинства и полноценности.

Под влиянием принятых и пропагандируемых обществом ценностей все больше родителей хочет создать все условия, чтобы ребенок не только стал успешным и популярным во взрослой жизни, но и был таковым уже в детстве. Внешняя красота, ухоженные волосы и ногти, безупречная кожа, идеальная фигура, разнообразные таланты и спортивные достижения — вот лишь малая часть тех качеств, которыми должны обладать дети. Родители, часто не задумываясь о последствиях, а иногда делая осознанный выбор, внушают детям необходимость соответствия стандартам красоты, соблюдения диет, изнуряющих занятий спортом.

Целый ряд семейных дисфункций, которые не связаны напрямую с внешним видом, могут оказывать влияние на формирование расстройств пищевого поведения у детей. Важным фактором может также быть дефицит эмоционально близких и доверительных отношений с родителями или отсутствие надежной детско-родительской привязанности (Grogan, 2008). Деструктивные семейные отношения являются важным фактором риска НПП и РПП у подростков.

Как было показано в нашем совместном исследовании с А. А. Сухановой (Суханова, Холмогорова, 2022) родители подростков, которые сами имеют признаки НПП (страдают эпизодами переедания и очищения организма, а также испытывают дефицит уверенности в распознавании чувств голода и насыщения, имеют неадекватно завышенные ожидания и вместе с тем ощущают, что не могут контролировать собственную жизнь), склонны также к различным ком-

Раздел IV

муникативным дисфункциям в общении со своими детьми (критике, индуцированию тревоги и недоверия к людям, а также к фиксации на негативных переживаниях). Таким образом, они склонны подавлять как собственные эмоции, так и эмоции других членов семьи, одновременно индуцируя различные негативные переживания. Это неизбежно ведет к проблемам эмоциональной саморегуляции и нарушению контакта со своим телом и своими потребностями у подростков.

Анализ данных также позволяет сделать вывод о том, что перфекционизм, т.е. завышенные стандарты и требования родителей к себе, напрямую связан с коммуникативными дисфункциями в семье. Высокий физический перфекционизм сочетается со стремлением к худобе, а общий перфекционизм (социально-предписываемый перфекционизм – стремление соответствовать ожиданиям других и перфекционистский когнитивный стиль – фиксация на собственном несовершенстве и постоянные неблагоприятные сравнения себя с другими) связан с общим показателем различных НПП у родителей, причем корреляции высокосignимые и достигают средней силы.

На основании цикла исследований факторов ПНН и РПП на основе многофакторной психосоциальной модели расстройств аффективного спектра была выделена система мишеней для оказания психологической помощи страдающим этими расстройствами, представленная в таблице 24.1.

Таблица 24.1

Основные мишени профилактики и психотерапии НПП и РПП у детей, подростков и молодежи, выделенные на основе многофакторной психосоциальной модели расстройств аффективного спектра (Холмогорова, Гаранян, 1998, 1999а, б; Холмогорова, 2011)

Уровни	Факторы	
	Факторы РПП и НПП как мишени психопрофилактики и психотерапии НПП и РПП	Научное обоснование мишеней профилактики и психотерапии НПП и РПП
Макросоциальный	Патогенные культурные ценности совершенства и стандарты красоты, транслируемые с детства через массмедиа	Тарханова, Холмогорова, 2011 Холмогорова, Тарханова, 2014 Шалыгина, Холмогорова, 2014 Kholmogorova et al., 2017
Семейный	Семейные коммуникативные дисфункции (высокий уровень критики, запрет на выражение чувств и др.); перфекционизм и НПП у родителей	Тарханова, 2014 Суханова, Холмогорова, 2022
Индивидуально-личностный	Общий и физический перфекционизм	Холмогорова, Дадеко, 2010 Холмогорова, Рахманина, 2020
Интерперсональный	Общение в фитнес-блоггах, фитнес-марафоны, невыгодные социальные сравнения	Lepesheva, Kholmogorova, 2021

Заключение

Несмотря на ренессанс биологического редукционизма в эпоху развития технологий визуализации работы мозга, для большинства представителей научного сообщества биопсихосоциальная модель остается парадигмой, позволяющей наиболее успешно интегрировать самые разные данные исследований роли *био*, *психо* и *социо*. Свой вклад в развитие этой парадигмы внесли и отечественные ученые, развивавшие психосоциальную реабилитацию, социальную психиатрию и клиническую психологию в опоре на идеи Е. Д. Мелехова, теорию отношений В. М. Мясищева и культурно-историческую психологию Л. С. Выготского.

Понимание механизмов связей между *био*, *психо* и *социо* составляет основной предмет споров в научном сообществе. Как показывают исследований зарубежных и отечественных авторов, прогресс в этом понимании возможен на основе идей культурно-исторической психологии Л. С. Выготского. В последние десятилетия в мировой научной литературе отмечается неуклонный рост ссылок на работы Л. С. Выготского. Если в начале 1990-х годов их насчитывалось всего несколько сотен, то в 2020-е годы их число приблизилось к 10000 цитирований. Значительная часть цитирований связана с поиском ответа на вопрос о том, как люди понимают себя и других, т. е. как возможно социальное познание и от чего оно зависит. Это позволяет сделать вывод, что культурно-историческая теория развития психики не только не исчерпала свой эвристический потенциал, но все больше привлекает исследователей, ищущих ответа на самые сложные методологические проблемы в понимании секретов психического развития и его нарушений.

Глава 25

Системные основания прикладной психологии¹

В наше время статус прикладной психологии окончательно не определен. Давно существует точка зрения, согласно которой прикладная психология признана в качестве приложения фундаментальной науки к практике. Однако есть и другая точка зрения, состоящая в том, что прикладная психология позволяет осуществить переход от фундаментальной науки к психологической практике и выступает самостоятельным компонентом в триаде «фундаментальная, прикладная и практическая психология» (Панферов, 1999). Соотношение прикладной и практической психологии в этой триаде таково: практическая психология использует прикладные разработки для решения конкретных задач, имеющих психологическое содержание. Можно утверждать, что практическая психология задает *требования* к прикладной психологии, в то время как фундаментальная — предоставляет *возможности*. С другими позициями по этим вопросам можно познакомиться в целом ряде работ (см., например: Взаимоотношения..., 2015; Проблемы фундаментальной..., 2008; и др.).

В настоящее время развитие прикладной психологии, по мнению А.Л. Журавлева и Д.В. Ушакова, сдерживается, во-первых, неразвитостью фундаментального психологического знания и, во-вторых, преобладанием естественно-научной ориентации фундаментальной психологии, что ограничивает ее использование в практике, требующей преимущественно гуманитарного подхода (Журавлев, Ушаков, 2011). Однако по крайней мере на сегодняшнем этапе развития в прикладной психологии могут использоваться как естественно-научная, так и гуманитарная парадигмы (Грачев, 2013). При этом естественно-научная парадигма связана с формализацией, с использованием математических методов анализа (подробнее см.: Парадигмы в психологии..., 2012; и др.).

Некоторый аналог такого подхода, применяемого в прикладной психологии, существует в технических науках. Прикладной психолог, использующий этот подход, выступает своеобразным инженером-конструктором (проектирует человека, среду и ситуации жизнедеятельности) и инженером-технологом (проектирует технологии перевода объекта из реального состояния в идеальное).

¹ Исследование выполнено по государственному заданию № 0138-2022-0010.

Гуманитарная парадигма основана на применении слабо формализованных методов и интегрированных моделей, в результате чего деятельность прикладного психолога по внешней форме (но не по содержанию) становится похожей на искусство: психолог проектирует сценарии преобразования объектов – человека, среды и ситуаций. И в этом проектировании психолог выступает в ролях сценариста (драматурга) и режиссера.

Анализ теоретических и методологических оснований прикладной психологии, проведенный в наших предшествующих работах, показал целесообразность использования системного подхода в плане развития этой отрасли психологии. В настоящее время системный подход используется как в фундаментальных, так и в прикладных науках. Специфика системного подхода в прикладных науках выражена столь явно, что есть основания говорить о прикладной теории систем. Так, Дж. ван Гиг понимает системный подход, с одной стороны, как образ мышления, но, с другой – как методологию изменений, которая основана на проектировании (Гиг, 1981). Сходную точку зрения высказывают В. С. Степин, В. Г. Горохов и М. А. Розов, которые обосновывают существование некоторой *технической теории*, выступающей единой основой для технических наук (Степин и др., 1999). Такой же подход можно встретить и в психологии. Так, Л. С. Выготский, обосновывая высокую значимость психологической практики, вводит понятие «философия практики» (Выготский, 1982).

Вполне можно согласиться с точкой зрения ван Гига, что основной задачей прикладной науки выступает проектирование. Однако для прикладной психологии необходимо определить объект этого проектирования. Ранее нами было установлено, что основным объектом прикладной психологии является человек в среде его жизнедеятельности. В соответствии с этим можно утверждать, что прикладная психология занимается проектированием человека (не для манипулирования им, а в его же интересах) и условий его жизнедеятельности (среды и ситуаций). Кроме того, объектами прикладной психологии могут выступать и человеческие сообщества – группа и организация, обладающие признаками субъектности и являющиеся объектами изучения психологии.

Итак, одним из условий развития прикладных областей психологии выступает реализация системного подхода (включающего в себя и синергетику), который выступает общей методологической основой для описания поведения сложных самоорганизующихся систем. А если учесть, что прикладная психология в своей основе использует язык воздействия, именно системный подход как методология управления системами более всего подходит для поиска методологических оснований психологического проектирования организации (Гиг, 1981).

Обсуждая методологическую структуру системного подхода, В. Н. Садовский определяет его основные понятия: элементы системы и связи между ними (в зависимости от аспекта описания системы), структура и иерархия системы, целостность, внутрисистемные связи, среда, связи с другими системами, цели и поведение системы, информация и управление (Садовский, 1974). Практически такие же понятия используют и современные представители системного подхода, разрабатывающие общую теорию систем. И конечно же, эти положения могут послужить основой системного подхода в прикладной психологии, поскольку

основные положения системного подхода позволяют определить некоторое метапонятийное поле, описывающее *регуляцию поведения сложных самоорганизующихся систем*. Особую актуальность в области прикладной психологии эти положения имеют в отношении трех систем – *человека, группы и организации*.

Другая совокупность системных понятий содержится в работах, исследующих формально-динамические характеристики поведения. Так, характерным примером системного подхода к регуляции поведения можно считать работы, выполненные в школе Б. Д. Теплова и В. Д. Небылицына, а также исследования Е. П. Ильина, который, обсуждая проблему оптимальных состояний, определяет набор формально-динамических признаков оптимального состояния системы.

Для обоснования системного подхода в прикладной психологии будет использоваться анализ, проведенный по следующим позициям:

- общепсихологические основания системного подхода;
- структура и динамика системы;
- терминальные образы;
- взаимодействие с Другим.

Необходимо заметить, что в процессе анализа акцент будет сделан на прикладных аспектах – тех, которые позволят определить управляющие воздействия на объект (человека, группу, организацию) в интересах человека. Другими словами, этот анализ в первую очередь будет ориентирован на принятие решений, что не исключает наличия в системных описаниях и фундаментальной составляющей. В связи с этим будут приводиться примеры показателей, характеризующих эффективность системы в аспекте соответствующих положений, и примеры прикладных исследовательских задач и задач проектирования. Наконец на примерах исследований автора будет показано использование системного подхода в прикладных аспектах.

Общепсихологические основания системного подхода

Может показаться, что общепсихологические основания системного подхода имеют лишь фундаментальное содержание и вряд ли могут быть применимы в прикладной психологии. Однако поиск общих для фундаментальной и прикладной психологии системных оснований имеет перспективы в плане развития и той, и другой отрасли.

Системный подход нашел свое развитие в работах Б. Ф. Ломова. В плане дальнейшего анализа будут важны следующие сформулированные им методологические положения (Ломов, 1984, 2006):

1. Взаимодействие человека с миром (субъект-объектное и субъект-субъектное) имеет системный характер; соответственно этому и психика человека проявляет себя как система. Это взаимодействие детерминировано а) внутренними побуждениями, представленными мотивами; б) внешними, существующими как стимулы. При этом основные отношения человека к миру преимущественно определяются вхождением его в различные социальные системы.

2. Психическое отражение и, соответственно, регуляция поведения в конкретной ситуации определяются системообразующим фактором.
3. Три основные формы жизнедеятельности человека – познание, общение и деятельность – обеспечиваются когнитивной, коммуникативной и регулятивной функциями психики.

Развивая системный и субъектный подходы в психологии, Е. А. Сергиенко обосновывает значение системно-субъектного подхода и определяет в качестве центрального понятие субъекта (Сергиенко, 2011, 2021). С ее точки зрения, субъект, а) обладая целостностью, активностью и автономностью (согласно А. В. Брушлинскому) и б) выступая автором деятельности, общения, отношения, переживания, представляет собой некоторую метасистему, организующую психику. Развивая положение Б. Ф. Ломова, определившего основные функции психических процессов, Е. А. Сергиенко выделяет соответствующие функции субъектности – понимание (включает в себя и интерпретацию окружающего), субъект-объектное и субъект-субъектное взаимодействие, контроль поведения и произвольность. Наконец, определяя соотношение между понятиями субъекта и личности, Е. А. Сергиенко определяет личность как стержневую структуру субъекта, задающую его общее направление. В этом случае, с точки зрения автора, личность выполняет командную функцию, субъект – исполнительскую. В связи с этим возникает задача согласования процессов управления и исполнения.

Таким образом, для определения системного аспекта прикладной психологии существенны следующие позиции системно-субъектного подхода:

1. Субъект, обладая целостностью, активностью и автономностью, имеет системную природу.
2. Субъект осуществляет регуляцию поведения, включая высший уровень – организацию собственной жизни.
3. В системе регуляции поведения выделяется управляющая подсистема, задающая общую направленность поведения, и управляемая подсистема, организующая реальное поведение. Функционирование этих систем должно быть согласовано.
4. На определенном этапе своего развития человек начинает выделять себя из окружающей среды.
5. Человек, реализуя себя как субъекта, выступает автором своей жизни.

Ю. И. Александров с соавт., развивая концепцию функциональных систем П. К. Анохина в рамках *системной психофизиологии*, определяет несколько положений, имеющих общесистемный характер и полезных в нашем контексте (Александров, Александрова, 2010; Александров, 2011):

1. Системообразующий фактор (результат системы) детерминирует систему, определяя ее направленность, и упорядочивает ее элементы.
2. Функциональная система соотносима не с отдельными частями общей системы (человек, животное и т. д.), а с системой в целом.
3. Активностью обладает не только общая система, но и составляющие ее элементы.

4. В процессе достижения результата система сличает промежуточные и конечные результаты с ожидаемыми. Такая оценка определяет следующий акт в общей системе поведения.
5. Общая система фиксирует информацию о новой функциональной системе и определяет ее место в структуре индивидуального опыта.
6. С общесистемных позиций может быть рассмотрена и культура сообщества (группа, организация), которая понимается как опыт достижения коллективных результатов. Культура предполагает «культурную специализацию» индивидов, построенную по принципу комплементарности.

Таким образом, системный подход, определившийся в фундаментальной психологии, имеет некоторые универсальные основания, которые могут использоваться и в прикладной психологии при определении характерных особенностей структуры и динамики систем.

Структура и динамика системы

Можно определить несколько положений, характеризующих структуру и динамику сложноорганизованной системы. Важно, что эти положения в той или иной мере находят свое отражение не только в системных основаниях фундаментальной психологии, но и в психологических концепциях человека, группы и организации.

1. Система характеризуется *структурой* (определенным образом организованной совокупностью элементов и/или подсистем) и *динамикой* (определенным образом организованной активностью).

Динамика системы характеризуется двумя основными состояниями – *равновесным* и *неравновесным*. Для сложноорганизованной системы характерны неравновесные состояния.

Неравновесное состояние в системе возникает вследствие: а) *дефицита* (неудовлетворенности определенных потребностей и нехватки ресурсов для их удовлетворения); б) общего стремления системы к *использованию* своего *потенциала* (*самореализации*); в) общего стремления к *изменчивости* (*развитию*): стремления к временному неравновесному состоянию, равновесия на более высоком уровне.

Показатель – согласованность трех основных системных тенденций.

Как структура, так и динамика системы имеют иерархическое строение. В то же время иерархия может быть динамичной: а) один и тот же элемент (подсистема) может входить в разные подсистемы, занимая в каждой из них разные по статусу в иерархии места; б) часть элементов (подсистем) может входить в сетевые структуры, объединенные по принципу координации; в) элементы (подсистемы) обладают активностью и могут влиять на переструктурирование системы.

Показатели:

- выраженность активности элемента (подсистемы);
- согласованность основных системных функций элемента (подсистемы).

Организация структуры и динамики системы взаимозависимы: структура может определяться динамикой (возникновение функциональных элементов и подсистем).

тем), и наоборот (структура определяет возможности и является источником некоторых детерминант динамики системы). *Структурные детерминанты* определяют те особенности системы, которые позволяют отнести ее к определенному виду (человек, машина, промышленное предприятие и т. п.). *Функциональные детерминанты* определяют основной смысл функционирования системы (выжить, перевозить, кормить, служить и т. п.).

Показатель — согласованность структурных компонентов и функций.

2. Общие детерминанты, определяющие систему, — *системообразующие факторы*. Функционирование системы по отношению к системообразующим факторам можно назвать *жизнедеятельностью системы*.

Эта жизнедеятельность обусловлена тремя детерминантами, выступающими *системообразующими факторами*:

- стремление восполнить дефицит — адаптироваться по отношению к внешним и внутренним требованиям; показатель — *степень адаптированности системы*;
- стремление реализовать свой потенциал; показатель — *степень самореализованности системы*;
- стремление к саморазвитию — стремление к преобразованию себя, направленное на самосовершенствование; показатель — *степень развития системы*.

В связи с системообразующими факторами потенциал (ресурс) системы может использоваться для а) устранения дефицита за счет внешних «поступлений»; б) поддержания системы как целого в работающем состоянии, чтобы система «чувствовала» себя системой во внешней среде; в) трансформации системы по законам некоторого внешнего (или помещаемого вовне) объекта, представляющего для системы высшую ценность.

Показатель — согласованность трех основных системообразующих факторов.

3. В некоторой совокупности ситуаций система проявляет *целенаправленное поведение*, которое регулируется представлением об отставленном во времени полезном результате (цели).

Постановка цели переводит систему в неравновесное состояние. Регуляция целенаправленного поведения определяется а) *ценностью* (положительной и отрицательной) достижения цели; б) *субъективной вероятностью* ее достижения; в) *затратами* на достижение.

Прямым результатом целенаправленного поведения может быть восполнение дефицита системы, создание условий для реализации потенциала системы, создание условий для трансформации системы. *Побочным результатом* целенаправленного поведения может быть реализация системой своего потенциала и трансформация системы.

Показатель — выбор и достижение цели с результатом, имеющим максимальную положительную ценность и минимальную отрицательную, максимальную вероятность достижения и минимальные затраты на достижение.

Система функционирует во *внешней среде*, как правило, представляющей собой систему (системы) более высокого уровня и так же, как и сама система, имеющей иерархическое строение.

Система входит во внешнюю систему, выполняя определенную функцию, называемую *ролью* системы. Поскольку система может входить в несколько внешних систем, можно говорить о *наборе ее ролевых статусов*.

Система выделяет во внешней среде значимые для нее элементы и таким образом определяет в результате *среду* своей *жизнедеятельности*. В соответствии с системообразующими факторами среда может быть а) *дефицитарной* (способствующей адаптации системы); б) *самореализующей* (способствующей самореализации системы); в) *развивающей* (способствующей развитию системы).

Среда жизнедеятельности, рассмотренная с точки зрения количественных характеристик, представляет собой *жизненное пространство системы*, или сферу ее жизненных интересов. Минимальное жизненное пространство – границы самой системы; максимальное – космос. Таким образом, система может иметь множество жизненных пространств (сред жизнедеятельности), определяя их по критерию своих жизненных интересов.

Показатель – величина и содержание жизненного пространства системы.

6. Система а) определяет свои жизненные пространства и пространства других систем; б) организует границы своих жизненных пространств, одновременно определяя открытость и закрытость этих пространств; в) входит в жизненные пространства других систем; г) определенным образом реагирует на вхождение других систем в свое жизненное пространство (принятие–непринятие).

На определенном этапе своего развития система выделяет себя из среды и формирует *образ себя*. Так же система формирует и образы других сред жизнедеятельности, составляющих в своей совокупности *образ мира системы*.

Показатели: степень открытости-закрытости системы, принятие–непринятие других систем, содержание и адекватность образов себя, других, мира.

7. Значимый фрагмент функционирования системы, имеющий в представлении системы начало и конец, называется *ситуацией жизнедеятельности*. Эта ситуация определяется значимыми для системы детерминантами (поел, убежал, спрятался, пообщался, произвел хорошее впечатление, получил выгодный заказ, выполнил долг, влюбился и т. п.). Некоторые ситуации выступают для системы *критическими*, предполагающими качественное преобразование системы.

8. Взаимодействие системы со средой имеет активный характер. В результате этого взаимодействия система получает *знания* – информацию, представляющую для нее жизненное значение. Получение знаний имеет как инструментальные детерминанты (знания используются как средство для удовлетворения жизненных интересов системы), так и собственно познавательные детерминанты (получение знаний жизненно важно само по себе).

Системное знание имеет две основные формы: *индивидуальное* знание и *общесистемное* знание. Индивидуальное знание система получает в результате индивидуального опыта, общесистемное знание – в результате *обучения* (специально организованная процедура передачи общесистемного знания).

Показатель – ориентация системы на получение знаний.

9. Основная форма существования общесистемного знания – *культура сообщества*. Система осваивает культуру в двух основных формах – *технологической* (освоение технологий) и *драматической* (освоение сценариев). В соответствии

с этим можно говорить о двух типах культур — *технологическом* (преобладание знаний в форме технологий) и *драматическом* (преобладание знаний в форме жизненных сценариев).

Показатель — степень технологичности-драматичности культуры.

10. В структуре сложноорганизованной системы выделяются *управляющие и управляемые подсистемы* (элементы), обеспечивающие условия для реализации основных системных функций. Управляющая подсистема может регулировать поведение подсистем (элементов) системы следующим образом:

- установление *критериев эффективности* функционирования;
- определение *эталонных состояний* системы (промежуточных и конечных целей);
- оценка *реального состояния* системы, включая установление рассогласования между реальным и эталонным состоянием;
- разработка *программы* устранения рассогласования или программы, построенной на основе критерия эффективности;
- *обеспечение* разработанной программы *ресурсами* ее реализации (включая информационное обеспечение);
- *организация* подсистем (элементов) на реализацию программы: стимулирование, ограничение степеней свободы, координация;
- *оперативный контроль* за состоянием системы, использующий определенные средства для устранения отклонений.

Эти позиции определяют *показатели эффективности управления системой*.

При использовании каждого из этих средств регуляции управляющая система может в разной степени *регламентировать активность* управляемой системы. Высокая степень регламентации задает управляемой системе жесткий алгоритм функционирования; низкая предполагает выраженную свободу управляемой системы в реализации каждой из форм регуляции поведения. Соответственно, при низкой регламентации больше проявляются внутренние свойства системы, ее способность проявлять себя как целое. Здесь управляемая система компенсирует высокий уровень неопределенности ситуации своей *внутренней активностью*.

Показатель — степень самоорганизованности системы.

11. Система оценивает *эффективность* своего функционирования. В качестве критериев эффективности используются:

- а) показатели *степени реализации общих детерминант* (адаптированность, самореализованность, самосовершенство);
- б) *формально-динамические* показатели (*лабильность* — скорость вхождения системы в освоенный ранее режим функционирования в типовой ситуации; *устойчивость* — время поддержания оптимального режима функционирования в типовой ситуации; *подвижность* — скорость смены одного ранее освоенного режима функционирования на другой, также знакомый; *динамичность* — скорость освоения ранее незнакомого режима функционирования; *резистентность* — способность системы сохранять оптимальный режим функционирования в условиях помех).

Оценка эффективности (промежуточная и конечная) определяет *организацию жизнедеятельности системы*.

12. Регуляция поведения системы может осуществляться в двух основных формах — *технологии* и *сценария*.

Можно продемонстрировать представленность основных структурно-динамических характеристик в психологических концепциях (см. таблицу 25.1).

Прикладные исследовательские задачи:

- разработка структурно-динамических показателей в приложении к человеку, группе, организации;
- разработка модели основных жизненных ориентаций человека (системообразующие факторы) как основы для психологического проектирования;
- разработка ролевой модели человека с учетом трансформации современного мира; в соответствии с этим а) условий для реализации жизненных интересов человека; б) требований со стороны социума;
- разработка эталонных моделей человека (в том числе и ролевых) для каждого этапа развития человека, методов оценки и методов воздействия на человека и социум;
- разработка модели среды жизнедеятельности человека;
- разработка набора основных жизненных ситуаций человека.

Задача проектирования — психологическое проектирование систем управления, социума (социальные организации, система обучения и воспитания).

Можно продемонстрировать решение прикладных исследовательских задач на примере а) определения системных оснований организационной психологии; б) разработки модели жизненных ориентаций человека, направленной на психологическое проектирование.

Определение системных оснований организационной психологии (Грачев, 1997)

В соответствии с пониманием организационной психологии как прикладной науки ее основной объект — *человек в социальной организации* (для организационной психологии характерна производственная организация).

В соответствии с этим структуру организации составляют три подсистемы: «человек—рабочее место», «группа—рабочая зона группы» и «производственное подразделение».

В качестве системообразующих факторов производственной организации выступают две группы целей — производственные, обеспечивающие основную функцию организации, и социальные, реализующие жизненные интересы работников, членов организации. Этим двум группам целей соответствуют производственные и социальные критерии эффективности и две системы управления — производственного и социального.

В соответствии с этим организационная психология понимается как *прикладная отрасль психологии, изучающая психологические особенности жизнедеятельности человека в социальной организации, которая обеспечивает управление социальной организацией по критериям а) организационной эффективности за счет*

Таблица 25.1
Представленность основных структурно-динамических характеристик в психологических концепциях

Системная характеристика	Человек	Группа	Организация
Структура	Концепции, описывающие структуру личности	Концепции, описывающие структуру группы	Концепции, представляющие структуру организации
Системообразующие факторы	Потребности. Жизненные ориентации. Ценностные ориентации. Направленность личности	Групповые ценности и нормы. Системообразующие факторы совместной деятельности	Базовые организационные ценности, цели и принципы
Среда жизнедеятельности (сфера жизненных интересов)	Определение компонентов среды представлено в исследованиях удовлетворенности, образа жизни, социального самочувствия, экологического подхода, концепциях психологического и социально-психологического пространства личности	Концепции внешней среды группы разработаны слабо. Исследователи ограничиваются указанием на вхождение группы в системы более общего порядка	Описание внешней среды организации
Культура и философия	Ценностно-нормативная сфера личности. Жизненная философия	Культура группы	Организационная культура. Организационная философия и миссия
Форма управления	Самоуправление. Лocus контроля. Волевая регуляция поведения	Разнообразные модели лидерства. Концепция управления совместной деятельностью	Разнообразные модели управления, представленные в исследованиях а) типа лидерства; б) зависимости типа управления от типа организации и типа организационной культуры
Содержательные показатели эффективности	Проблема эффективности человеческой жизни. Проблема смысла человеческой жизни. Концептуальная база – на стадии формирования	Концепция групповой эффективности разработана слабо. Есть концепция эффективности совместной деятельности.	Показатели организационной эффективности (разнообразные модели)
Формально-динамические показатели эффективности	Свойства высшей нервной деятельности, свойства темперамента, формально-динамические показатели регуляции поведения	Разработаны слабо	Разработаны слабо; представлены лишь отдельные показатели

оптимизации «человеческой составляющей» и б) жизненных интересов членов организации на основе управления социальной организацией как средой жизнедеятельности ее членов.

Модель жизненных ориентаций человека

Модель жизненных ориентаций человека разрабатывалась с прикладной целью для обеспечения психологической помощи человеку. Анализ психологических моделей человека, имеющих прикладной характер, показал, что жизненные ориентации человека могут быть сведены к трем основным, представленным в работах Фрейда, Фромма, Франкла и других психологов: дефицитарной ориентации (ориентации на удовольствие), ориентации на самореализацию и духовной ориентации (Грачев, 2008, 2021а). Эти ориентации соответствуют трем системообразующим факторам – стремлениям восполнить дефицит, реализовать свой потенциал и совершенствовать себя (см. выше).

Дефицитарная ориентация характеризуется следующими особенностями:

- ориентация на отставленный во времени результат в форме наград и/или наказаний;
- функциональное (субъект-объектное) отношение к окружающему, оценочность;
- стремление максимизировать полезность результата, субъективную вероятность его получения и минимизировать затраты;
- стремление к состоянию комфорта как идеальному.

Содержание ориентации на удовольствие составляют дефицитарные потребности – физиологические, в безопасности, в принятии, в признании, во влиянии (этой потребности нет в модели Маслоу).

Особенности дефицитарной ориентации в приложении к работе практического психолога могут состоять: а) в помощи человеку при определении его целей (как жизненных, так и ситуативных) и показателей достижения этих целей; б) в проработке ценности (положительной и отрицательной) результата, вероятности его достижения и затрат на достижение; в) в обучении достижению максимальных результатов минимальными средствами с полной уверенностью в получении намеченных результатов (организации экономического поведения).

Особенности ориентации на *самореализацию*:

- стремление человека наиболее полно реализовать свой потенциал (когнитивный, коммуникативный, практический потенциал);
- стремление производить затраты на верхнем уровне потенциала (решать сложные, но посильные задачи), стремление к творчеству;
- субъект-субъектное отношение к действительности, безоценочность поведения;
- стремление к переживанию «ощущения потока».

Работа практического психолога в области самореализации человека с учетом особенностей этой ориентации может состоять: а) в помощи клиенту в опреде-

лении максимальных значений потенциала в каждой из сфер его реализации (деятельность, познание, общение); б) в организации таких ситуаций жизнедеятельности, которые актуализировали бы предельный уровень потенциала человека в каждой из сфер; в) в коррекции уровня притязаний человека и внешних требований к нему; г) в помощи в формировании способности безоценочного отношения к действительности, прежде всего – к человеку.

Особенности *духовной* ориентации, или ориентации на идеалы:

- значимость для человека общегуманистических ценностей (добро, истина, красота);
- выход за пределы собственной личности и «вхождение» в некоторый объект в системе координат общегуманистического идеала (добро, истина, красота);
- объект-субъектное отношение к действительности, стремление отдавать себя, служить (делу, другим людям), трансформация человека в процессе вхождения;
- рассмотрение объектов в разных системах координат;
- максимизация затрат в стремлении отдавать себя;
- стремление к высшим чувствам (переживаниям, связанным с добром, истиной и красотой), реализация чувства долга.

Помощь психолога человеку в рамках духовной ориентации может заключаться: а) в формировании полной и непротиворечивой модели мира; б) в формировании и коррекции представлений человека о собственной жизни с точки зрения духовных ценностей; в) в формировании способностей к социально значимой деятельности, определении своего места в социальной жизни; г) в разработке программы самосовершенствования.

Терминальные образы

Понятие терминального образа предлагается использовать для характеристики образов, жизненно важных для системы. В связи с этим можно сформулировать несколько положений, раскрывающих особенности терминальных образов, включенных в регуляцию поведения системы.

1. Система нуждается в информации, обеспечивающей ее жизнедеятельность. Основу этой информации составляет *терминальная информация*, или знания, порожденные системообразующими факторами. Т.е. знания – это *информация, специальным образом организованная для ее хранения и последующего использования*. В соответствии с этим в системе существуют потребности в получении и передаче информации (значимость информации определяется в процессе соотнесения полученной информации с системообразующими факторами). Терминальная информация подвергается структурированию, результатом которого является *совокупность терминальных образов* – образов среды и ситуаций жизнедеятельности, составляющих *картину жизни* системы. Терминальные образы, обеспечивающие верхний уровень регуляции жизнедеятельности, в своей совокупности составляют *философию системы*.

2. Образ, включенный в регуляцию поведения системы в ситуации жизнедеятельности (в технологию и/или сценарий), представляет собой *концепцию данной ситуации*. Образ, включенный в регуляцию поведения системы (в технологию и/или сценарий) в значимой с точки зрения общих детерминант среде (среде жизнедеятельности), представляет собой *концепцию* данной среды. Представления системы о себе составляют *Я-концепцию* системы.

Система задает требования к характеристикам таких образов и совершает специальную работу по формированию образов, отвечающих этим требованиям.

Источники, специализирующиеся на формировании образов, выполняют в этом отношении *экспертную* функцию.

Прикладная исследовательская задача — определение требований к картине мира человека, ее составляющим, групповому и организационному менталитетам.

Задача проектирования: разработка технологий и сценариев формирования терминальных образов.

В качестве примера реализации определенных выше системных положений можно привести обоснование понятия терминального образа в его прикладном психологическом аспекте (Грачев, 2000, 2021б).

Таблица 25.2

Представленность терминальных образов в психологических концепциях

Системная характеристика	Человек	Группа	Организация
Терминальные образы	Концептуальная база не сформирована. Отдельные исследования в рамках когнитивной психологии. Понятия Я-концепции, картины мира, функциональной системы, модели психического	Концептуальная база не сформирована. Возможно использование понятия «групповой менталитет»	Концептуальная база не сформирована. Возможно использование понятия «организационный менталитет»

Системные основания терминального образа

Предложено понимать терминальный образ как *предельный, связанный с конечными* (терминальными, по терминологии М. Рокича) *жизненными ценностями* (там же). Этот образ соотнесен с жизненными ориентациями человека — дефицитарной, на самореализацию и духовной — и включен в регуляцию поведения, направленного на их реализацию.

Образы, обеспечивающие верхний уровень регуляции жизнедеятельности и непосредственно связанные с основными жизненными ориентациями, образуют *картину мира человека*. Эта картина имеет две составляющие — *образ реальности* и *образ идеала* (жизненная философия).

Существуют три основные категории терминального образа: *образ Я* и *образ Другого*, *образ среды жизнедеятельности*, *образ ситуации жизнедеятельности*.

Представления человека о себе и о значимом Другом составляют *Я-концепцию* и *концепцию Другого*. Образ значимой для человека ситуации жизнедеятельности представляет собой *концепцию данной ситуации*, а образ среды – *концепцию данной среды*.

Анализ терминального образа предполагает определение его особенностей (адекватность, полнота и непротиворечивость, стабильность, регулирующая функция, прогностичность, культуросообразность, художественность, презентативность).

Наконец, терминальный образ включен в две формы регуляции поведения человека – *технология* и *сценарий* – и в соответствии с этим может формироваться в процессе обучения.

Взаимодействие с Другим

Формы этого взаимодействия представлены как в субъектном подходе, так и в социальной психологии – ее теории и практике. Специфика сформулированных ниже положений в основном состоит в том, что наряду с двумя традиционными видами взаимодействия (субъект-объектным и субъект-субъектным) определяется еще один – объект-субъектный, существенный для прикладной психологии.

1. Одной из форм жизнедеятельности выступает *взаимодействие* системы с Другим – другой (другими) активной системой. Детерминанты этого взаимодействия обусловлены системообразующими факторами, которые и задают тип взаимодействия:
 - а) *субъект-объектное* взаимодействие: использование системой Другого в своих интересах;
 - б) *субъект-субъектное* взаимодействие: диалогическое взаимодействие со средой, включая взаимодействие с другими людьми;
 - в) *объект-субъектное* взаимодействие, в котором система определяет себя в качестве средства для удовлетворения жизненных интересов Другого.

На первом этапе взаимодействия система стремится опознать партнера – отнести его к определенному классу. Опознание и, соответственно, классификация происходят по определенным признакам.

Исследовательские задачи:

- определение операциональных характеристик и механизмов действия детерминант трех выделенных выше типов взаимодействия;
- определение классов партнеров по взаимодействию и классифицирующих признаков;
- определение показателей выраженности и согласованности типов взаимодействия.

Прикладные задачи:

- оптимизация набора классифицирующих признаков;
- обучение всем трем типам взаимодействия;

2. Взаимодействуя друг с другом, системы могут создать *сообщество*, представляющее собой систему, а) удовлетворяющую интересы входящих в нее систем и б) свои интересы – интересы сообщества в целом. При этом система входит в сообщество только определенной частью и реализует в ней только определенную часть своих системных функций. Степень реализации системой своих основных функций в сообществе определяет *глубину включенности* в это сообщество (идентификацию с сообществом).

Система может входить в разные сообщества и реализовывать в них разные функции.

Вхождение системы в сообщество определяется некоторым набором дифференцирующих признаков, определяющих как сам факт вхождения, так и его глубину.

Исследовательская задача – определение требований к оптимальному вхождению системы в сообщество (адаптация, определение условий для самореализации и развития).

Прикладная задача – разработка технологий и сценариев вхождения в сообщество.

Реализацию этих положений можно продемонстрировать на примере изучения отношения человека к активному социальному объекту.

Использование системного подхода при изучении прикладных аспектов отношения человека к активному социальному объекту

Непосредственной основой модели отношения человека к активному социальному объекту выступили субъектный подход (Субъектный подход..., 2009; и др.) и теория отношений (Карпова и др., 2020; и др.), а системный подход явился некоторой метаосновой, позволяющей как конкретизировать, так и обобщить данную модель (Грачев, 2020).

В соответствии с системным подходом в структуре отношения человека к активному социальному объекту выделяются четыре компонента – ценностный, когнитивный, эмотивный и поведенческий (В. Н. Мясичев, В. П. Позняков и др.). Было обосновано, что системообразующим фактором отношения выступает ценностный компонент, который определяется тем, насколько объект позволяет человеку реализовать основные жизненные ориентации – дефицитарную, на самореализацию и духовную. В соответствии с этим объект может иметь для субъекта дефицитарную полезность, выступать условием самореализации и служить для субъекта источником духовности. Когнитивный компонент содержит в себе образ активного социального объекта, относящийся к категории терминальных образов и позволяющий обосновать требования к этому образу (соотнесенность с жизненными ориентациями субъекта, адекватность и продуктивность реального и идеального образов, полнота и непротиворечивость, стабильность, культуросообразность, драматичность, прогностичность). Также соответствуют трем жизненным ориентациям и три составляющие эмотивного компонента отношения человека к активному социальному объекту (комфорт,

чувство радости, высшие чувства, чувство долга). Поведенческий компонент реализуется в готовности к определенному поведению: а) *дефицитарному (субъект-объектному)*, основанному на взаимной выгоде; б) *самореализационному (субъект-субъектному)*, предполагающему условия и свободу в реализации потенциала человека; в) *духовному (объект-субъектному)*, имеющему форму служения.

Было обосновано, что в процессе взаимодействия с активным объектом человек может принять этот объект в качестве *субъекта*, открывая, кроме активности, его целостность и самостоятельность. Из этого вытекает прикладное следствие: можно помочь человеку открыть субъектность для его партнера по взаимодействию – определить жизненные интересы партнера, границы его жизненного пространства (начиная с физических границ – границ тела, личного пространства и т.д.), автономность партнера (совокупность вопросов, которые партнер способен решать, область самостоятельности в решении вопросов).

Еще одно следствие из системного подхода к взаимодействию состояло в обосновании третьего вида взаимодействия с активным социальным объектом (кроме субъект-объектного и субъект-субъектного) – объект-субъектного, который пока в психологии четко не выделяется, будучи растворенным в субъект-субъектном взаимодействии. Этот вид взаимодействия предполагает *служение* субъекта некоторому объекту, когда субъект как бы отдает себя объекту, трансформируясь в нем.

Показано, что формирование ценностного компонента отношения к активному социальному объекту состоит в определении субъектом ценности а) объекта и б) себя для объекта. Эта ценность представляет собой степень включенности объекта и субъекта в удовлетворение жизненных интересов партнера по взаимодействию.

Итак, прикладной смысл обоснованных выше трех видов взаимодействия состоит в том, что организация этого взаимодействия по критериям жизненных ориентаций позволяет человеку реализовать полный спектр своих потребностей – дефицитарных, самореализационных, духовных. А в идеале человек должен иметь такое взаимодействие со всеми значимыми активными социальными объектами – с миром, другим человеком, с семьей, с контактной группой, с организацией, членом которой он является, со своей страной, этносом и малой родиной и, наконец, с Богом (в случае верующих).

Заключение

Таким образом, системный подход в прикладной психологии позволяет специалисту проектировать технологии и сценарии психологической помощи по отдельному критерию, как это часто бывает в психологической практике (решение одной конкретной проблемы), и рассматривать проблемы клиента в общей системе его жизнедеятельности с точки зрения его жизненных интересов (системообразующих факторов), с учетом его возможностей для разрешения проблем и обеспечивая его адаптацию, самореализацию и развитие. Те же закономернос-

Раздел IV

ти характерны и для двух других объектов прикладной психологии – группы и организации (формы человеческих сообществ).

Тем самым системный подход позволяет определить обоснованное предметное поле прикладной психологии и в конечном счете разработать полную и непротиворечивую систему психологического обеспечения жизнедеятельности человека в среде и ситуациях его жизнедеятельности.

Глава 26

Интегративный подход в познании психологии человека

Проблема и задачи интегративной психологии

Становление интегративной психологии в РГПУ им. А. И. Герцена началось в 1991 г., когда был проведен набор студентов по программе подготовки *практических психологов*. Это потребовало пересмотра достижений академической психологии для решения задач психологической практики в ответ на оформившийся к тому моменту разрыв теории и практики, обозначенный Ф. Е. Василюком как «методологический схизис психологии» (Василюк, 2003).

К настоящему времени интегративный подход был осмыслен по результатам научных исследований прикладной психологии и реализован в образовательных программах подготовки психологов различных специальностей. Основные достижения этого подхода кратко представлены в данной работе.

Теоретическое обоснование интегративного подхода мы находим в трудах В. М. Бехтерева, С. Л. Рубинштейна, Б. Г. Ананьева, он основан на принципах *объективации, взаимодействия, целостности, субъектности*. В. М. Бехтерев писал о том, что к объективным фактам нервно-психической деятельности человека относятся «психически обусловленные движения и секреторные акты, речь, мимика, жесты, деяния и поступки, а в более широком смысле, что составляет собственно предмет объективной психологии народов, язык, нравы, обычаи и быт, их законы и общественное устройство, их индустрия и наука, их философия и религия, их поэзия и изящные искусства, словом всё, чем характеризуется внешним образом нервно-психическая деятельность отдельных и целых народов» (Бехтерев, 1991, с. 14). Здесь речь идет о формах *объективации* психического потенциала человека во внешних проявлениях и существовании его как *психологической реальности*. В этих формах психика становится доступной для объективного научного познания. Если в этом случае психика выступает перед нами в качестве внешне выраженной *материальной реальности* общественного бытия, то в процессах самопознания она остается вещью в себе и для себя (*идеальной реальностью*), недоступной для стороннего наблюдателя. Однако человек как носитель своих представлений о себе и других объектах мира может сделать их достоянием других в *виртуальных формах объективации*

(высказываниях, текстах, рисунках и других видах информационной коммуникации). Таким образом, существует три класса форм психики как реальности: 1) идеальная реальность; 2) виртуальная реальность; 3) материализованная реальность. Они всегда проявляются в целостных формах психологической реальности. Их существование обнаруживается во взаимодействии человека с миром вещей, людей и самим собой.

В. М. Бехтерев, с одной стороны, открывает проблему форм существования психологической реальности, но, с другой стороны, абстрагируясь от *субъекта* — человека как творца этих форм, возвращается к психофизиологическому параллелизму нервного процесса и психологической деятельности человека. В результате, как писал С. Л. Рубинштейн, «проблема психического выступает в виде вопроса о двоякой природе человека; более широкий онтологический и гносеологический аспект проблемы вовсе выпадает. Ее пытаются решить исходя из отношений психических и физиологических функций друг к другу, вне отношений человека и его психической деятельности к окружающему миру; это закрывает путь к пониманию жизни организма в целом и его психической деятельности и делает проблему неразрешимой» (Рубинштейн, 1959, с. 333).

Преодоление психофизического параллелизма в гносеологии научной психологии и дуализма в онтологии бытия сознания С. Л. Рубинштейн видел в принципе *взаимодействия* человека с миром вещей, людей и самим собой. Он писал: «На самом деле исходными членами основного гносеологического отношения являются не образ и вещь, а познающий, отражающий объективную реальность субъект и объективная реальность, с которой субъект взаимодействует» (там же, с. 10).

Б. Г. Ананьев, обратившись к проблеме человека, конкретизировал основные контексты взаимодействия человека с миром. Речь идет о человеке как субъекте познания, общения, труда. Ананьев добавлял: игры и учения. В этих контекстах раскрывается реальная психология человека. Ананьев считал, что она имеет индивидуальное проявление, заключенное в *субъективности субъекта*. Он писал: «Субъективное есть свойство субъекта, но для понимания структуры свойств нужно знание структуры субъекта как активного деятеля в окружающем его мире» (Ананьев, 1967, с. 240).

Разработка таких структур психологии человека, как моделей индивидуально-типовой данности субъектов и процессов социального взаимодействия в природном, предметном и людском мирах, являлась для нас особой задачей образовательного процесса, продиктованной стратегией воспроизводства целостности психической организации человека.

Основные положения интегративного подхода к познанию психологии человека

Психология человека — явление социального взаимодействия людей

Психология человека обнаруживается в совместной жизнедеятельности людей. Это — психологическая реальность потенциала сотрудничества партнеров в практике социального взаимодействия, субъектная данность, выраженная

в психологических качествах личности, которую относят к характеристике достоинств и недостатков человека как субъекта общения, познания и других видов деятельности. Оцениваются мотивы и возможности партнеров социального взаимодействия в совместной жизнедеятельности. Это важно для встречного движения к сотрудничеству, взаимопомощи, дружбе, любви, для образования социальной ячейки «мы» – семьи, друзей, соратников и других общностей, необходимых для полноценной жизни человека. Психология человека имеет знаково-символическое воплощение (речевое и неречевое поведение, действия, поступки, оформление внешности и т.д.) и порождена информационной коммуникацией общающихся людей.

Психология человека как реальность является онтологической формой проявления психической организации человека, результатом качественной трансформации потенциала телесно-психических свойств человека в его поведении и деятельности. Человек выступает в социальных ролях субъекта, преобразующего условия своей жизни и жизни сообществ по принадлежности. Идеальная сущность психики, объективируясь в материальном взаимодействии человека с миром, воплощается в результатах этого процесса и осознается как внутренний психический потенциал партнеров социального взаимодействия в понятиях о психологических качествах личности. Эти качества присутствуют в материальном процессе взаимодействия человека с миром и осмысливаются наукой и людьми как данность его психологии. Такое осмысление является результатом психологической деятельности субъектов за счет внутренне присущих рефлексивных функций сознания (отражение отражения). Психология человека определяется как феномен осознания людьми друг друга. Человек в этом случае предстает в роли носителя психологических качеств личности, востребованных и проявленных в совместной жизнедеятельности людей и отраженных в зеркалах общественного самосознания – групповой оценке личности (Журавлев и др., 2018; Методы социальной психологии, 1977).

В результате человек с его психологией оказывается в центре житейского и научного познания. Его образы запечатлеваются и воспроизводятся в психологических портретах *интегральной личности* героев общественно значимых событий. Они наполняют искусство, пространство общественного мнения, индивидуальные характеристики партнеров социального взаимодействия (Фролов, 1979).

Психология человека является неизменным содержанием всех аспектов общечеловеческой практики. Недооценка психологии человека как явления и обязательного знания о нем в общеобразовательной системе понижает качество социального взаимодействия людей, способствуя снижению культуры человеческих отношений, повышению конфликтности и неоправданной агрессии в социальном взаимодействии, в семье, в публичном пространстве, на работе и других сферах жизнедеятельности. Все это делает психологию человека сосредоточием главных, но не всегда осознаваемых и признаваемых ценностей человеческой жизни, вплоть до отказа от самого себя как субъекта своей судьбы. Этот феномен в середине XX в. был описан С. Л. Рубинштейном в работе «Человек и мир».

Итак, психология человека – это качественное проявление функционально-исполнительских возможностей и отношений партнеров социального вза-

имодействия. Эти возможности и отношения определяются в понятиях о психологических качествах личности как субъекта социального взаимодействия.

Психология человека функционирует в качестве интегральной реальности социального взаимодействия людей в их совместной жизнедеятельности. Это результат функций сознания, предназначенных регулировать человеческие отношения на путях актуализации личности как субъекта совместной деятельности и исторического процесса. Психология человека, превращаясь в реальность бытия сознания, приобретает статус главного фактора исторического развития человека и общества, функционирует и в роли стимулирующего, и в роли сдерживающего фактора, утверждая человека в роли *Homo sapiens*, творца новых форм жизни (Бердяев, 1993; Тейяр де Шарден, 1987).

Психология человека – предмет психологического познания

В исследованиях социальной перцепции человек воспринимается носителем индивидуальной психологии. Он оказался не только *объектом* психофизического отражения, но и *предметом* познания его психологии, осмысленной в словах-понятиях о психологических качествах личности (Панферов, 1967, 1974б, 2015).

Кроме того, задача согласования совместной жизни и трудовой деятельности людей предопределила направленность психологического познания на потенциал психической организации человека. Он осмыслен наукой в *понятиях о психических образованиях*, которые при взаимопознании определяются в *словах-понятиях родного языка о психологических качествах личности* (Панферов, Безгодова, 2016; Панферов и др., 2009, 2016а, б).

Методологические принципы интегративного подхода к познанию психологии человека

Интегративный подход базируется на принципе *объект-предметного единства*, преодолевая сложившийся дуализм предмета и объекта в психологических исследованиях. Если мы концентрируемся на предмете (психике), отделяя его от объекта (человека как ее носителя), то познание становится ограниченным в рамках парадигмы, в которой сформулирован предмет психофизиологии и психофизики. Это порождает противоречие между онтологической сущностью психологии человека и парадигмально детерминированными гносеологическими ограничениями в моделях психической организации, достаточно распространенными в современной психологии. Это противоречие провоцирует «квазинаучные» исследования, которые, будучи построены в определенной предметной парадигме, по сути, решают задачу подтверждения «истинности» этой парадигмы, но не описывают реальные проявления психологии человека во взаимодействии с объективной действительностью. Таким образом, усиливается разрыв между гносеологическими моделями психики и онтологическими проявлениями человека как носителя психики в их единстве и целостности.

Принцип объект-предметного единства, составляющий основу интегративного подхода к познанию психологии человека, позволяет решить это противопо-

речие, обеспечивая *метанарадигмальность* познания психологии человека и содержательную валидность его результатов. Именно возможность достижения содержательной валидности результатов психологического познания объекта является отличительным признаком интегративного подхода. Психология человека как совокупность проявлений психического потенциала человека в его взаимодействии с объективной действительностью выступает в этом подходе одновременно объектом и предметом познания, что позволяет снять проблему дуализма объекта и предмета психологического познания. Психология человека, объективируясь во внешних проявлениях человека, определяется на практике психологическими качествами субъектов социального взаимодействия, в которых осмысливается человеческая индивидуальность, и человеческими отношениями, в которых находят отражение реальные взаимосвязи субъектов социального взаимодействия. Таким образом, «психология человека», «психологические качества человека» и «человеческие отношения» являются онтологическими категориями, обозначающими те фрагменты объективной реальности, которые составляют предметное поле психологического познания. Ключевой из них является категория «психология человека».

Сущность феномена психологии человека определяет несколько принципов интегрального познания, дополняющих принцип объект-предметного единства. К ним относятся принципы *целостности, взаимодействия, объективации, жизнеобеспечения, трансформации и парадоксальности* психологии человека. Содержание этих принципов раскрыто нами в работе «Основы психологии человека» (Панферов и др., 2009).

Помещая в фокус внимания феномен психологии человека, интегративный подход не отрицает значимости решения классической для научной психологии задачи – изучения психики. Он разворачивает исследовательскую мысль от попыток описания психики как ноумена, недоступного чувственному познанию, к построению гносеологических моделей, которые выполняют функцию инструмента анализа связей между проявлениями психологии человека и теми гипотетическими психическими структурами, которые определяют эти проявления. Появляется возможность конструировать модели взаимосвязей психологии и психики человека, разнообразие которых определяется спектром тех познавательных задач, которые решаются с их помощью. Наиболее универсальные гносеологические модели кратко описаны ниже.

Модели психологического познания человека, позволяющие реализовать основные принципы интегративного подхода в науке, образовании и социальной практике

Основные положения интегративного подхода представлены в виде гносеологических моделей, которые обладают объяснительным и прогностическим потенциалом. Объяснительный потенциал этих моделей проявляется в их способности раскрывать различные аспекты взаимосвязей психологии человека и определяющих ее характеристик психического потенциала. Прогностический смысл этих моделей заключается в возможности на их основа-

нии прогнозировать проявления характеристик психического потенциала человека в различных видах его взаимодействия с предметным и социальным миром.

Эвристическая модель психологического познания человека

В основе эвристической модели психологического познания человека лежит гносеологический конструкт социальной перцепции, который позволяет описать процесс познания психологии человека, реализуя принцип объект-предметного единства. Именно в исследованиях социальной перцепции произошло открытие психологии человека как *явления и предмета* психологического познания, человек оказался на месте объект/предметной целостности в качестве носителя его физических и психических свойств.

Эмпирические результаты полувековых исследований социальной перцепции психологической наукой позволяют нам представить интегративную модель процесса психологического познания человека человеком (см. таблицу 26.1).

Таблица 26.1

Эвристическая модель психологического познания человека

Внешность/ Личность	Знак	Значения	Смысл	Отношения
Отражение	<i>Впечатление</i>	Узнавание, опознание	Категоризация, классификация	Позитивные/ Негативные
Отображение	Апперцепция	<i>Идентификация</i>	Понимание	Аффилиации/ Изоляции
Выражение	Экспрессия	Ассоциации	<i>Интерпретация</i>	Приятия/ Отвержения
Переживание	Эмоции	Чувства	Оценка	<i>Интегральная личность</i>
Нейропсихические механизмы	Безусловный рефлекс	Условный рефлекс	Сочетательный рефлекс	Стереотипы, эталоны

Примечание. Курсивом выделены феномены объективации психологического продукта социальной перцепции.

Основная формула психологического познания человека представлена по диагонали: «*Внешность/Личность—Впечатление—Идентификация—Интерпретация—Интегральная личность*». Она характеризует результаты психологической деятельности человека как субъекта социального взаимодействия. Она совершается по формуле «*Отражение—Отображение—Выражение—Переживание*». Это происходит в контексте *общения* партнеров социального взаимодействия, что дополняет познание их психологии знаково-символической коммуникацией по формуле «*Знак—Значение—Смысл—Отношение*». Эмоционально-оценочный потенциал психической деятельности человека интегрируется в переживании по формуле «*Эмоции—Чувства—Оценки*», что трансформируется в систему человеческих отношений по формуле «*Позитивные/Негативные—Аффилиация/Изо-*

ляция—Приятие/Отвержение». Психологическое познание человека в целом обслуживается нейропсихическими механизмами деятельности мозга по формуле «Безусловные рефлексy—Условные рефлексy—Сочетательные рефлексy—Стереотипы и Эталоны».

По этой модели происходит объективация психологического продукта социальной перцепции в феноменах *впечатления* от внешности партнера, *идентификации* его как индивида и личности, а также в *социально-психологической интерпретации личности* как партнера социального взаимодействия. По сути, это конструктор психологического познания человека по его *внешним проявлениям*. Итогом этого процесса является *психологический портрет интегральной личности*.

Все начинается с восприятия внешнего облика партнеров социального взаимодействия, в котором заключено единство объекта и предмета познания. Суть этого единства в том, что внешность человека (объект) воспринимается как *признак* психологических качеств личности (предмет познания). Происходит это за счет высших психических функций по *семиотической* формуле психической деятельности человека. По ней реализуется трансцендентальная эвристика *психологического познания* партнеров социального взаимодействия. По этой формуле воспроизводится релевантность внешности и личности как знаково-смысловая целостность. Она формируется в повседневном опыте совместной жизнедеятельности людей как эталон выразительного поведения с определенным психологическим содержанием. Процесс познания обслуживает знаково-символическая коммуникация как средство общения, обеспечивающее *партнерское взаимодействие*. Оно происходит при достижении *групповой целостности*, благодаря *аффилиации, доверию, согласию, солидарности* и даже *противостоянию*.

Если в методологии психофизического эксперимента принято дифференцировать «объект» и «предмет» познания из-за их сущностного различия, то в социальной перцепции воспроизводится объект/предметное единство, так как человек оказывается в научно-исследовательской процедуре на месте воспринимаемого как носитель не только физических (объектных), но и психических (предметных) свойств познаваемого человека.

Психологическое содержание личности извлекается из *социальной апперцепции субъекта* по ассоциации с признаками внешнего облика человека. Субъект познания конструирует психологический облик партнера, исходя из своих мотивов взаимодействия с ним, и извлекает приписываемые психологические качества из собственного опыта общения с людьми соответствующего внешнего облика, содержащего *признаки* принадлежности воспринимаемого человека к известному ему типу личности. При *категоризации* воспринимаемого человека происходит его идентификация с социально-психологическим типом интегральной личности.

Апперцепция *психологического содержания личности* формируется в чувственном опыте восприятия людей при их *социальном взаимодействии*. Оно существует как субъективная *реальность* во внутреннем мире человека. Эта реальность хранится в чувственном опыте человека и обнаруживается в высказываниях людей друг о друге. Важно заметить, что восприятие внешности всегда происходит в связях с *контекстами* социального взаимодействия. Именно они предопределяют

ляют *психологические значения* воспринимаемой внешности партнеров как знака личности. Они открываются партнерам для наблюдения в фактах реального взаимодействия человека с миром людей, вещей и самим собой, т. е. в предметных действиях человека. Трансляция психологических выводов из наблюдаемых фактов социального взаимодействия происходит в процессах общения посредством выразительного поведения и речи, образующих знаково-символическую реальность человеческой жизни. Определяемая таким образом психология партнеров становится главной ценностью совместной деятельности.

В апперцепции запечатлены способы и результаты поведения и деятельности, наблюдаемые в совместной жизнедеятельности людей с определенной внешностью. Нейропсихические механизмы безусловных рефлексов непроизвольно фиксируют внешние проявления человека в понятиях о его психологических качествах. В них фиксируется связь результатов поведения и деятельности людей с физическими типами и экспрессивными проявлениями их внешнего облика. В процессе восприятия незнакомых людей и предметов из рефлекторного багажа непроизвольно формирующегося чувственного опыта взаимного восприятия партнеры извлекают психологические значения личности по ассоциации с типом внешнего облика и экспрессией лиц.

Все незнакомые объекты (люди и предметы) ассоциируются по некоторым сходным элементам их строения с ранее известными человеку объектами, образы которых хранятся в памяти. Воспринимающий человек актуализирует эти ассоциации в смысловой категоризации и классификации объектов (людей и предметов) для того, чтобы определиться со своими отношениями к ним и способами взаимодействия с ними. В этом заключен практический смысл общения и психологического познания человека человеком.

Апперцепция заметно проявилась в тахистоскопических опытах в условиях порогов зрительного восприятия при неясном видении фотоизображений лиц и предметов. Восприятие малознакомого предмета в условиях *порога неясного видения* испытуемые ассоциировали с хорошо известными им объектами. Например, при восприятии изображения большой шишки южной сосны дошкольники ассоциировали ее с «елочкой», а студенты еще и с «ершиком». Круг ассоциаций с возрастом расширялся, но не обязательно гарантировал адекватное узнавание, если образ воспринимаемого объекта не хранился или не всплывал в памяти воспринимающего. Этот же механизм действовал при восприятии лиц незнакомых людей на стадиях неясного видения. Если же человек на фотоизображении ассоциировался по внешнему облику с кем-то из знакомых, то ему приписывались психологические качества личности этого человека. Если же человек по внешности относился к какому-либо социальному типу личности, то он характеризовался психологическими качествами этого типа из багажа апперцепции воспринимающего (Панферов, 1974а, 1982).

Удивительно, что одни и те же незнакомые лица у разных испытуемых получали психологические оценки, близкие по их валентности. В наших исследованиях это произошло в 74% случаев при вариации 8% (Панферов, 1968, с. 238). Это указывает на сходство социальной апперцепции данной выборки в отношении одних и тех же воспринимаемых людей. Однако проявившиеся возрастные

различия в содержании социальной апперцепции, позволяют предположить не только сходство, но и различия в социально-психологических значениях психологии человека в разных социальных группах, поколениях и популяциях, о чем свидетельствует огромный массив данных исследований социальной перцепции (Бодалев, Васина, 2005). Этот факт наводит на мысль о том, что психологические значения личности с конкретной внешностью в разных общностях людей сближаются по смыслу под влиянием особых групповых коннотаций, возникающих в недрах общения и обусловленных субкультурой социального взаимодействия, заключенной в этических нормах поведения и эстетических эталонах внешнего облика.

Если в границах группы как отдельной социальной общности люди приписывают другим сходные психологические значения с дифференциацией их по внешнему облику, то в межгрупповом контексте социального взаимодействия вполне допустимы их смысловые различия. Это означает, что одному и тому же внешнему облику как знаку личности в разных общностях могут приписываться разные психологические значения в силу стереотипов, сложившихся в апперцептивном опыте конкретной социальной группы. Можно сказать, что окружающие видят конкретного человека «таким» не потому, что он «таким» является, напротив, он «таким» является, потому что окружающие видят его «таким».

В психологических представлениях людей друг о друге отображены и выражены коллективно сформированные проявления человеческих отношений в социальном взаимодействии. Формирование и трансляция этих представлений происходит по законам речевой деятельности, механизм которой заключен в семиотической формуле психологического познания человека человеком. Наблюдаемые формы проявления человеческих отношений обозначены в языковой культуре общностей словами о психологических качествах человека как субъекта социального взаимодействия. Такие слова являются знаками, которые раскрываются в психологических значениях, презентующих предмет психологического познания человека человеком. Отсюда возникает проблема этимологии слов-понятий, обозначающих психологические качества человека: это отдельная проблема языка психологической науки, она входит в межпредметную область знаний – психолингвистику.

В научно-исследовательской процедуре эти значения объективируются в *свободных высказываниях* испытуемых о воспринимаемых лицах. При восприятии партнеров социального взаимодействия происходит ассоциативное извлечение психологических значений личности из чувственного опыта социального взаимодействия тех, кто интерпретирует. Отсюда вытекает методологический принцип «содержательной валидности» эмпирических характеристик партнеров референтам, включаемых исследователями в формализованные стандарты методических средств. Для соблюдения этого принципа необходимо в каждом исследовании осуществлять поиск референтов для последующего конструирования методических средств открытыми обращениями к лексическому тезаурусу изучаемого человека и конкретных социальных общностей (групп, поколений, т. е. выборки). Говорить с изучаемыми людьми нужно на их языке.

Однако результаты такого познания не находят прямых критериев адекватности, как это имеет место в психическом отражении физического облика человека. В этом состоит сложность психологического познания человека для науки, опирающейся в основном на психофизическую парадигму. Познание психологической реальности партнеров социального взаимодействия оказывается сложной проблемой при поиске ответа на вопрос об источнике психологического знания, извлекаемого в процессе взаимного познания партнерами друг друга, и тем более на вопрос о его адекватности. Парадокс в том, что при отсутствии прямых критериев адекватности психологического познания друг друга партнеры социального взаимодействия без видимого сомнения выдают психологические характеристики друг друга. Обоснования адекватности субъективных образов и психологических портретов партнеров происходит в логике трансцендентальных интерпретаций по аналогии с социальными типами личности, представления о которых хранятся в социальной апперцепции общественного знания о человеке. В социальной практике сомнения в адекватности нивелируются достижением согласия и приятия, даже не всегда взаимного. Приятие или неприятие другого нивелирует коллизии неадекватности образа партнера при первом впечатлении. В образе человека важнее оказывается, что партнер думает о нем, а не то, что он есть на самом деле или для себя самого.

Таким образом, результатом социального познания в практике взаимодействия людей становится образ интегральной личности, в котором отражаются характеристики индивидуальности человека как объекта познания, проявляемые им во взаимодействии с миром. Благодаря тому, что гносеологическая модель социальной перцепции реализует принцип объект/предметного единства, она применима как для научного познания психологии человека, так и для анализа познания людьми друг друга в социальной практике.

Эвристический конструкт интегральной личности в социальном взаимодействии

Продуктом процесса познания человека человеком является *психологический портрет интегральной личности* партнеров социального взаимодействия. В этом процессе каждый человек выступает по жизни в роли практического психолога. В этой роли партнеры социального взаимодействия регулируют свои отношения посредством формирования и трансформации образов друг друга.

В исследованиях социальной перцепции совокупный образ человека структурно оказался полнее теоретического конструкта личности в общей психологии. В этом образе представлены и *телесные*, и *психологические*, и *социальные* характеристики, которые свойственны человеку от рождения и приобретены в практике совместной жизнедеятельности людей. Однако конкретные образы партнеров социального взаимодействия, возникающие у них относительно друг друга, скошены интересами ситуационного сотрудничества в сторону востребованных качеств. Поэтому в них преобладают компоненты психической организации, определяемые в понятиях о психологических качествах личности, необходимых в конкретной ситуации взаимодействия.

Тем не менее совокупный эмпирический массив данных социальной перцепции позволяет воспроизвести системную целостность психической организации человека в виде *онтологической модели интегральной личности* (Панферов, 2015). В ней на передний план выходят характеристики, отвечающие на вопрос о том, кем является воспринимаемый человек? В ответах на этот вопрос в первую очередь определяется пол потенциального партнера, затем возраст, этничность, профессия, какая-либо другая социально-групповая принадлежность, дифференцированная по группам вхождения. Идентификация такой принадлежности происходит по признакам внешнего облика человека (анатомическим, экспрессивным, оформительским). Эти ответы могут быть проверены на адекватность в логике психофизической парадигмы.

Второй вопрос – *что делает и как делает* воспринимаемый человек? Эти вопросы направлены на прояснение способностей к исполнению определенных ролей по видам деятельности.

Следующий вопрос касается *мотивов* исполняемой деятельности – *зачем* человек делает это? В ходе ответа на этот вопрос осуществляется интерпретация причин действий и поступков человека.

Далее в психологической интерпретации воспринимаемого человека могут отмечаться в разной последовательности его *эмоциональное состояние, воля, отношения с окружающими людьми, черты характера, темперамент* и другие качества, изучаемые в отраслевых направлениях общей, прикладной и практической психологии. Нередко встречаются *обобщенные определения личности в метафорической форме языковой культуры*. Например, «заботливый отец семейства», «ханжа», «интересный человек», «серая личность» и т. д. В результате вырисовывается алгоритм психологического познания общающихся людей, релевантный синтаксису родного языка на стадии интерпретации определенных социальных ролей (Панферов, 2015). Однако этому предшествует момент *эмоционально-психологического впечатления* о человеке на стадии его восприятия по внешнему облику. Это впечатление задает вектор валентности психологических качеств, наделяемых партнерами друг друга. В результате феноменология процесса социальной перцепции как психологической деятельности партнеров социального взаимодействия включает внешний облик, результатом восприятия которого является эмоционально-психологическое впечатление, идентификация социально-ролевой принадлежности и психологические портреты личности в качестве продуктов социально-психологической интерпретации друг друга.

До начала исследований социальной перцепции психология человека как реальный предмет эмпирического отражения отсутствовала, поэтому психологическая наука не располагала теми эмпирическими представлениями о психической организации человека, которыми пользуются люди на практике. Как следствие этого, реальные образы-представления воспринимаемого человека не укладывались в гносеологический конструкт общей психологии. Благодаря обращению к достижениям социальной перцепции гносеологическая формула объект/субъектных связей сменилась формулой субъект/субъектных зависимостей проявления психологии человека (Панферов и др., 2018). В социальном взаимодействии они детерминированы с разных сторон интересами

партнеров и интегрируются в *человеческие отношения*, которые становятся решающими факторами возможной совместимости индивидуальных различий партнеров (Панферов, 2015; Панферов, Безгодова, 2016).

Аналитическая модель человеческих отношений

Человеческие отношения – феномен социального взаимодействия людей. В них заключено субъектное содержание совместной жизнедеятельности людей в обществах. В человеческих отношениях проявляются реально складывающиеся взаимосвязи субъектов социального взаимодействия. Эти взаимосвязи переживаются ими под знаками положительной и отрицательной оценки, которая трансформируется в многообразные человеческие отношения, субъективные по происхождению, но многократно обусловленные их общественной целесообразностью, закрепленной в макроструктурных институтах социального взаимодействия, где начинают доминировать общинные интересы. В свою очередь, эти интересы находят свое отражение в образе жизни групп и идеологии больших общностей людей, в организационных и управленческих конструктах социального взаимодействия. Возникает некая положительная или отрицательная атмосфера человеческих отношений, которая, с одной стороны, становится довлеющим фактором жизнедеятельности каждого человека в отдельности. Но с другой стороны, в личных отношениях человек может следовать своим нормам отношений, задавая другой вектор их формирования. В результате отношения становятся полем битвы противоречивых тенденций личных и общественных интересов.

Человеческие отношения в социальном взаимодействии многократно трансформируются в результате совместной деятельности субъектов – носителей и создателей этих отношений. Субъектом является сам человек, группа и общество в целом. Человеческие отношения – это то, что возникает *между субъектами* социального взаимодействия, т. е. в «субъект-субъектной» конфигурации, которая раскрывается в онтологических определениях субъектов и соответствующих понятиях об отношениях как об интегральных феноменах (см. таблицу 26.2).

Другой ряд понятий (гносеологических) определяют человеческие отношения со стороны предметного содержания и закономерностей их формирования. В числе таких понятий в научной литературе встречаются «психические отношения», «психологические отношения», «социально-психологические отношения», «социальные отношения» (Куницына, Панферов, 1992).

Психические отношения – производные от психической деятельности как отражательного процесса. В результате аффективный компонент психического отражения через неосознаваемую оценку трансформируется в отношение «приятия–неприятия» объекта взаимодействия. Обобщенная оценка партнеров происходит по шкале «нравится–не нравится». Эта оценка выполняет функцию психологической установки на приписывание партнеру положительных или отрицательных качеств субъекта, которая, согласно своему происхождению, произвольна и бессознательна.

Психологические отношения возникают в результате рефлексирования своей оценки партнера с точки зрения практической целесообразности взаимодейст-

Таблица 26.2

Классификация человеческих отношений

Конфигурация взаимодействия	Тип отношений	Интегральные феномены
Я–Я	Самоотношение	Самооценка и образ-представление себя
Я–Другой	Личные отношения к другим людям	Симпатия–антипатия, приятие–неприятие и сравнительная оценка себя с другими
Личность–Личность	Межличностные отношения	Сотрудничество–соперничество, дружба–вражда, любовь–ненависть и др.
Группа–Группа	Общественные отношения	Производственные, экономические, правовые, политические, нравственные, эстетические, этнические, гендерные, возрастные, религиозные и др.
Личность–Группа Личность–Общество	Отношения доминирования или паритета в организационной структуре	Лидерство, конформизм, руководство–подчинение, равноправие, солидарность

вия с ним. В связи с этим происходит переоценка своего первичного психического отношения к партнеру по общению, меняя его знак на противоположный в психологическом отношении. Здесь важно то, что психологический потенциал психической организации человека позволяет вернуть партнерам положительный вектор развития их отношений.

Социально-психологические отношения складываются в межличностном и групповом взаимодействии в виде психологического содержания групповых феноменов, возникающих по психологическим закономерностям общения и законам совместной жизнедеятельности людей. Партнеры в этом случае превращаются в *со-участников*, творящих межличностные отношения, которыми наполняется их социальное взаимодействие. Результатом координации и согласования позиций партнеров являются *взаимоотношения* – социально-психологические феномены межличностных отношений, представленные в таблице 26.3.

Таблица 26.3

Классификация взаимоотношений

Основания классификации	Классы	Виды
Деятельность	1) предметно-практические; 2) ролевые	Сотрудничество–Соперничество Ведущий–Ведомый
Общение	3) коммуникативные; 4) коллективистские	Общительность–Замкнутость Дружба–Вражда
Отражение	5) когнитивные; 6) эмоциональные 7) волевые	Понимание–Непонимание Любовь–Ненависть Независимость–Подчинение
Отношения	8) правовые; 9) моральные; 10) нравственные	Ответственность–Безответственность Добро–Зло Справедливость–Несправедливость

Социальные отношения формируются в процессах естественного исторического развития общественной жизни и деятельности людей. В эти процессы включается регулятивный потенциал психической организации человека посредством организационно-управленческого согласования норм совместной жизнедеятельности людей в сообществах. По этим нормам происходит распределение *обязанностей* членов общины в совместной производственной деятельности и совокупного общественного продукта потребления между ними. В результате возникло все *многообразие социальных отношений*, которые закрепляются в социальных ролях субъектов соответствующей деятельности, обозначающих функции человека в ней. Каждая роль фиксирует понятие не только о функциях человека в социальном взаимодействии, но и понятие об особой социально-ролевой психологии, содержательная разработка которой является одним из перспективных направлений современной науки.

Интегративная модель психической организации человека

Реализация принципа объект/предметного единства в процессах анализа совокупного массива информации о функционировании психики, которым располагает современная психология, позволила сформулировать модель психической организации человека, релевантную реальным проявлениям психологии человека в его взаимодействии с различными сторонами действительности. Методологическими ключами к разработке предмета психологической науки и систематизации ее знаний в конструктивных моделях *психической организации* и *психологии человека* в нашем подходе являются принципы *целостности* и *взаимодействия*.

Принцип взаимодействия может быть конкретизирован в понятиях психофизиологического, психофизического, психорефлексивного, деятельно-психологического, социально-психологического и ментально-психологического взаимодействия, которые раскрывают содержание основных векторов взаимодействия человека с различными сторонами реальности: с организмом, с природными объектами внешнего мира, со своим внутренним миром, с предметной средой, с другими людьми и миром неосознаваемых влияний соответственно. Три первых понятия характеризуют психическую деятельность со стороны внутренних детерминант психической организации, три последних — со стороны внешних детерминант социального взаимодействия. Эти понятия позволяют выстраивать конструкты целостности любых форм проявления психологии человека и предмета конкретных эмпирических исследований.

В процессах взаимодействия человека со своим организмом, физическими свойствами материальных объектов, внутренним миром своих переживаний, рукотворным миром предметной среды, с другими людьми, с культурной атрибутикой бессознательного возникают *психические образования* — целостные продукты психической деятельности, представляющие собой интегральный синтез продуктов психической деятельности субъекта. В логике анализа векторов взаимодействия можно выделять психофизиологические, психофизические, психорефлексивные, деятельностно-психологические, социально-психологические

Таблица 26.4

Обобщенная модель структурной организации психики

Общие	Особенные	Единичные
Психофизиологические образования		
Аффективные	Эмоции, чувства	Радость, горе, печаль, веселость, гнев, стыд, страх и т. п.
Мотивационные	Потребности, влечения, склонности, желания, интeресы, намерения, мечты, ценностные ориентации	Увлеченность, любознательность, мечтательность, сексуальность, одержимость, безразличие, безрассудство, осторожность и т. п.
Темпераментные	Энергетизм, динамизм, реактивность, нейротизм, тревожность	Возбудимость, инертность, заторможенность, вялость, активность, выносливость, утомляемость, беспокойность, уравновешенность и т. п.
Регуляторные	Воля, внимание	Организованность, сосредоточенность, настойчивость, сдержанность, дисциплинированность и т. п.
Психофизические образования		
Сенсорно-перцептивные	Ощущение, восприятие	Сензитивность, интенсивность, модальность, предметность, целостность, структурность и т. п.
Мнемические	Память, представления	Забывчивость, памятьливость, фрагментарность, емкость и т. п.
Интеллектуальные	Мышление, воображение	Опосредованность, обобщенность, абстрактность, логичность, аналитичность, понятийность, проблемность, сущностность, фантастичность, эвристичность, интуитивность, прогностичность и т. п.
Психорефлективные образования		
Рефлективные	Сознание, самосознание, дух, душа, Бог, совесть, вера, надежда, любовь	Совестливость, робость, духовность, душевность, религиозность, самоотверженность, убежденность, терпимость, эгоизм и т. п.
Деятельностно-психологические образования		
Психомоторные	Телесные движения, предметные движения	Жесты, мимика, пантомимика, интонации, тембр, громкость, координированность, пластичность, ловкость и т. п.
Креативные	Способности, мастерство, талант, гениальность, стиль	Инициативность, оригинальность, находчивость, парадоксальность, индивидуальность и т. п.
Социально-психологические образования		
Коммуникативно-речевые	Язык, речь, средства общения	Грамотность, стиль, понятливость, общительность, разговорчивость, косноязычие, молчаливость и т. п.
Нравственные	Общественные отношения, межличностные отношения	Справедливость, доброта, ответственность, самостоятельность, симпатия, сочувствие, дружба, сотрудничество, взаимопомощь и т. п.
Ментально-психологические образования		
Индивидуальное бессознательное	Эмоциональное заражение, внушаемость, подражание, идентификация	Архетипы: мифологические, религиозные, литературные
Коллективное бессознательное	Аффилиация, обычаи, традиции, ритуалы	Социальная идентичность: групповая, ролевая, статусная и др.

Раздел IV

и ментально-психологические образования психической организации человека. Они характеризуют компоненты психики в контексте ее внутреннего строения, представленные в таблице 26.4 (Панферов, Безгодова, 2016).

В таблице 26.4 представлен интегральный синтез психической организации человека (гносеологического конструкта) и онтологического содержания психологии человека. Целостность этого синтеза можно изобразить в виде куба, шестью гранями которого являются исторически дифференцированные шесть парадигм изучения психики, соответствующие шести основным векторам взаимодействия человека с самим собой, с людьми и предметным миром. Взаимодействие на каждом из векторов продуцирует онтологические формы проявления внутренней психической организации в виде психологических качеств личности – субъектов реального взаимодействия. Наборы этих качеств в соответствии с интегративным подходом, с одной стороны, должны коррелировать с основными психическими образованиями, а с другой стороны, с совершаемой человеком деятельностью в конкретных ситуациях социального взаимодействия.

В таблице 26.4 представлены основные понятия, которыми пользуется современная психологическая наука для описания своего предмета, раскрывающего содержание психологии человека. Обобщенная модель структурной организации психики позволяет проследить психические механизмы формирования качественного своеобразия психологии человека, тем самым способствуя сближению психологической теории и практических психологических задач, решаемых людьми в их повседневной жизни (см.: Панферов, 2000; Панферов, Безгодова, 2016; Панферов и др., 2009, 2016а, б).

Интегративный подход к познанию психологии человека и социального взаимодействия людей является одним из перспективных для разных направлений психологической науки. Освещаемые нами модели и принципы данного подхода разработаны в разной степени. Перспективность разработки этого подхода заключаются в методологическом обосновании путей интеграции теоретической и практической психологии, которая является основной задачей развития современной психологической науки.

Глава 27

Системогенетический подход в современной отечественной психологии

Поставленная задача рассказать о процессе определения теоретических основ профессионального обучения потребовала высокой степени рефлексии, отнесенной к периоду разработки авторского системогенетического подхода. Он рождался постепенно, по мере накопления теоретического и эмпирического материала. Многие понятия, которые в настоящее время ассимилированы психологами, в 1960–1970-е годы только разрабатывались.

Истоки возникновения системогенетического подхода

В конце 1960-х годов автор работал в Ярославском педагогическом институте имени К. Д. Ушинского, в лаборатории психологии труда, трудового обучения и воспитания. Страна нуждалась в квалифицированных рабочих кадрах. На решение задачи повышения эффективности профессионального обучения были направлены постановления партии и правительства «О мерах по дальнейшему улучшению подготовки квалифицированных рабочих в учебных заведениях системы профессионально-технического образования» от 17 апреля 1969 г., «О дальнейшем совершенствовании профессионально-технического образования» от 23 июня 1972 г. и «О работе Министерства черной металлургии СССР по подготовке и повышению квалификации рабочих кадров на производстве» от 5 ноября 1975 г. В свете данных постановлений перед психолого-педагогической наукой вставали задачи определения теоретических основ подготовки квалифицированных рабочих кадров, соответствующих требованиям научно-технического прогресса. В академии педагогических наук СССР существовало отделение педагогики и психологии профессионально-технического образования. В его работу включился автор после защиты кандидатской диссертации в 1968 г. Таким образом, одним из истоков системогенетического подхода была общественная потребность в совершенствовании подготовки квалифицированных рабочих кадров на основе новых теоретических подходов.

Вторым источником были теоретические работы по проблематике развития человека. Одним из первых к этой проблеме обратился отечественный педагог

и психолог Василий Порфирьевич Вахтеров. Первый том его работы «Основы новой педагогики» вышел в свет в 1913 г., материалы второго тома хранились в научном архиве АПН СССР. В 1987 г. АПН СССР опубликовала избранные педагогические сочинения В. П. Вахтерова, которые позволяют составить представление о его взглядах на проблему развития (Вахтеров, 1987). Анализируя состояние педагогического образования, он писал: «Все так называемые нынешние „новые школы“, попытки „свободного“, „творческого“ обучения представляют собой только паллиативы. Нового в этих школах лишь одно название, по существу же они такие же старые, как и все прочие» (там же, с. 357). И В. П. Вахтеров формулирует идеи новой педагогики, базирующейся на идее развития. Развитие ребенка он представлял «как развитие думающей, чувствующие и хотящей личности» (там же, с. 337). В последующем идея развития стала ведущей в отечественной психологии. Ее успешно разрабатывали Л. С. Выготский, В. П. Давыдов, Д. Б. Эльконин, Б. Г. Ананьев, Н. Н. Подьяков, Н. И. Чуприкова и др.

Третьим методологическим источником системогенетического подхода стало обращение к психологической теории деятельности. В отечественной психологии к этому времени был разработан ряд плодотворных концепций деятельности и методических подходов к ее изучению. Это прежде всего работы общетеоретического плана С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, Б. М. Теплова, Б. Г. Ананьева, К. А. Абульхановой-Славской, В. Н. Мясищева, а также исследования, выполненные в русле психологии труда и инженерной психологии: К. К. Платонова, В. В. Чебышева, Б. Ф. Ломова, Д. А. Ошанина, В. П. Зинченко, В. Ф. Рубахина, В. А. Пономаренко, А. А. Крылова, Г. М. Заракковского, Л. В. Чхаидзе.

Четвертым источником стал формирующийся в это время системный подход в психологии. Идеи системного подхода не новы. Однако, как справедливо отмечает Б. Ф. Ломов, «потребовался длительный путь развития науки, связанный с ее дифференциацией, накоплением экспериментальных данных, отработкой методов анализа, проверкой различных подходов и схем, прежде чем созрела почва для реального применения системного подхода на практике» (Ломов, 1966, с. 41). В это время в психологии складываются условия, не только позволяющие, но и настоятельно требующие применения данного принципа исследования. Осознание необходимости применения системного подхода явилось предпосылкой появления данной работы.

Наконец пятым источником стали исследования автора и его учеников, связанные с психологическим анализом рабочих профессий в целях профессионального обучения операторов сортировочных горок на железных дорогах, сборщиц полупроводниковых приборов, шлифовщиков, операторов, токарей-универсалов, сварщиков ручной дуговой сварки, сборщиков автопокрышек, клейщиц резиновых изделий.

Отдельно следует отметить работы по системогенезу функциональных систем различного уровня, выполненные в школе выдающегося отечественного физиолога Петра Кузьмича Анохина, прежде всего предложенную им и обоснованную во всех компонентах общую архитектуру функциональной системы,

представляющей собой основу «концептуального моста» между уровнями системных и аналитических процессов (Анохин, 1975, с. 46).

Анализируя работы по системному подходу, П. К. Анохин сделал принципиальный методологический вывод о *решающей роли результата как системообразующего фактора*. При этом он подчеркивал единство потребности и цели. Анохин писал: «Своеобразие биологической системы в том, что потребность в каком-либо полезном результате и цель получения этого результата *зреют внутри системы*, в глубине ее метаболических и гормональных процессов, и только после этого по нервным «приводным ремням» эта потребность реализуется в поведенческих актах, допускающих в какой-то степени математическую формализацию» (там же, с. 29).

Опираясь на положение о роли результата в формировании системы, П. К. Анохин дает следующее определение: «Системой можно назвать только такой комплекс избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношение принимают характер *взаимосодействия* компонентов на получение фокусированного полезного результата» (там же, с. 35). Анохин подчеркивал, что «функциональная система организма складывается из динамически мобилизуемых структур в масштабе целостного организма... Компоненты той или иной анатомической принадлежности мобилизуются и вовлекаются в функциональную систему только в меру их содействия получению запрограммированного результата... Эти компоненты, входя в систему, теряют свои избыточные степени свободы: остаются лишь те из них, которые содействуют получению именно данного полезного результата, поскольку поведение в целом представляет собой истинный континуум результатов» (там же, с. 41).

Утверждая, что все функциональные системы независимо от уровня своей организации имеют принципиально одну и ту же функциональную архитектуру, Анохин определил внутреннюю операциональную архитектуру функциональной системы. В состав этой архитектуры он включает: афферентный синтез, подсистему принятия решений, акцептор результата действий. Важнейшим условием целостности функциональной системы Анохин считал наличие *обратной афферентации* о достигнутом конечном приспособительном эффекте. Отдельные функциональные системы формируются (принцип консолидации) еще до момента рождения. Данный принцип в настоящее время стал хрестоматийным.

Опираясь на свои представления о формировании биологических систем, П. К. Анохин еще в 1937 г. ввел понятие системогенеза, закономерности которого в дальнейшем разрабатывались на протяжении длительного периода. В изложении Анохина системогенез определяется так: «Это избирательное и ускоренное по темпам развитие в эмбриогенезе разнообразных по качеству и локализации структурных образований, которые, консолидируясь в целом, интегрируют полноценную функциональную систему, обеспечивающую новорожденному выживание» (там же, с. 278).

Процесс системогенеза реализуется на «основе гетерохронии в закладках и темпах развития и в моментах консолидации этих структур на протяжении

всего эмбрионального развития» (там же). Системогенез базируется на следующих принципах:

- фрагментарности органов в процессе эмбрионального развития;
- консолидации компонентов функциональной системы;
- минимального обеспечения функциональной системы.

Опираясь на изложенный выше подход в разработке системогенического подхода к профессиональному обучению, мы прежде всего постарались разработать универсальную структуру деятельности. В основу были заложены следующие принципы изучения деятельности:

- Принцип *предметности*, согласно которому при изучении деятельности надо исходить из анализа результата деятельности как системообразующего фактора, условий деятельности и процесса деятельности, который ведет к нормативному результату.

Включение предметной стороны в психологический анализ деятельности необходимо потому, что только через анализ предметных действий можно понять ее информационную и чувственную основу и закономерности построения. Как писал А. Н. Леонтьев, «именно во внешней деятельности происходит размыкание круга внутренних психических процессов как бы навстречу объективному предметному миру» (Леонтьев, 1975, с. 92). За внешней предметной стороной деятельности стоит тесно связанная с ней, реализующая ее «вся система процессов, свойств и состояний, которые принято обозначать как психологические» (Ломов, 1981, с. 96).

- Принцип *единства сознания и деятельности*, который предполагает изучение деятельности как осознаваемой реальности. Осознание деятельности выступает как условие рассмотрения ее как единого целого.
- Принцип *единства деятельности и переживания*, который позволяет раскрыть значимые для субъекта моменты деятельности, связывает деятельность с мотивацией и личностными смыслами, с внутренним миром человека.

С учетом изложенных подходов и принципов психологического анализа деятельности была разработана общая архитектура психологической системы деятельности (рисунок 27.1), которая включает в себя следующие компоненты:

- мотив профессиональной деятельности;
- цель профессиональной деятельности, связанную с результатом;
- результат деятельности и отдельных действий;
- программу деятельности;
- информационную основу деятельности;
- решения, принимаемые в деятельности;
- подсистемы профессионально важных качеств, прежде всего способности субъекта деятельности.

Важнейшими процессами, определяющими системогенез профессиональной деятельности, выступают рефлексия и рефлексивность субъекта деятельности.

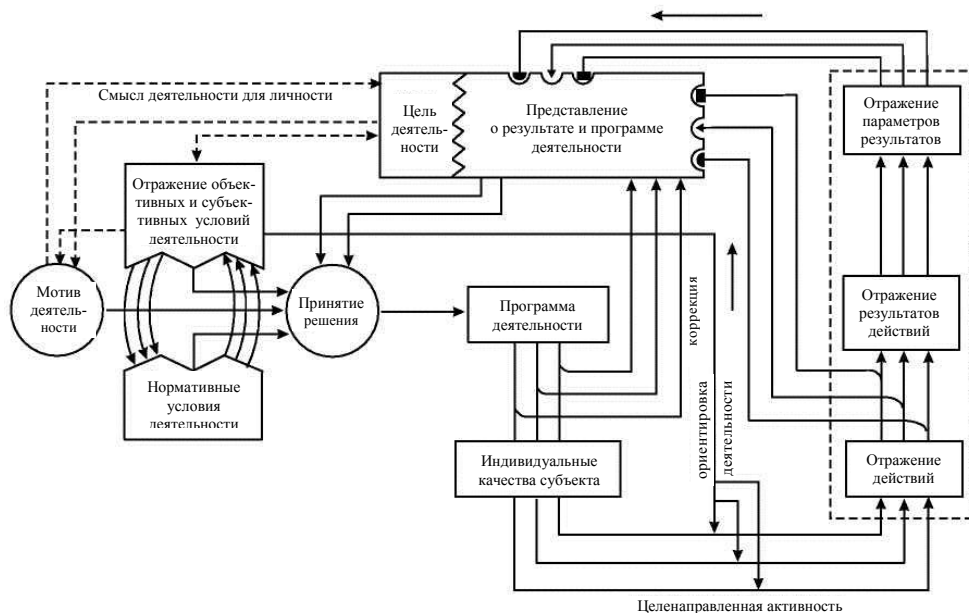

Рис. 27.1. Общая архитектура психологической системы деятельности

Краткая характеристика общей архитектуры психологической системы деятельности

Любая деятельность предстает перед учеником в предметной форме (с соблюдением принципов предметности и единства сознания и деятельности) в виде нормативно-одобренного способа деятельности (НОСД). Деятельность в своей целостности предстает как совокупность отдельных действий. Ученик должен распределить нормативный способ деятельности, понять и принять цель деятельности, актуализировать свои способности, вовлечь в реализацию деятельности имеющиеся у него знания, умения, личностные качества и сформировать на этой основе полноценную психологическую систему конкретной деятельности, являющуюся для него целью обучения. Этот процесс распределения нормативно-одобренного способа деятельности и будет воплощаться в системогенезе деятельности.

НОСД – это обобщенный и закрепленный инструкциями, рассчитанный на абстрактного субъекта и усредненные условия способ деятельности. НОСД выступает как общественная категория, в нем обобщен опыт и способности предшественников (общественный опыт и способности).

Ученик как субъект деятельности должен распределить нормативный способ деятельности и реализовать его в индивидуальном способе деятельности (ИСДиД). И этот переход реализуется в процессе системогенеза индивидуального способа деятельности на основе индивидуальных качеств субъекта деятельности.

Начнем с того, что любая деятельность по своему результату характеризуется производительностью, качеством и надежностью.

Нормативный результат всегда претерпевает трансформацию по этим трем параметрам. В зависимости от мотивации субъект может отдать предпочтение одному из указанных параметров. Принятие решения в пространстве трех факторов насыщено глубокими переживаниями. За счет снижения качества и надежности можно всегда повышать производительность. С производительностью часто связана величина оплаты труда, но снижение качества — это брак в работе, а снижение надежности может привести к авариям и даже к человеческим жертвам (тому сегодня много примеров). Ориентация на ту или иную систему параметров определяет психологическую цену деятельности.

В процессе сложного взаимодействия нормативного результата с мотивами субъекта деятельности формируется субъективная цель, отражающая результат. Соотношение этой цели с мотивом определяет личностный *смысл деятельности*.

Важным моментом, определяющим характер отношений между результатом, мотивом и целью, является внешняя социальная оценка результата, которого достигает субъект в деятельности. Мотивация в процессе выбора и освоения деятельности выступает в тесном единстве с внешней оценкой.

Мотивация и внешняя оценка определяют иерархию основных параметров деятельности, которую выстраивает для себя субъект. Мотивация оказывает определяющее влияние на:

- принятие профессиональной деятельности;
- определение личностного смысла деятельности;
- трансформацию нормативного результата и выбор способов его достижения.

Под влиянием мотивации и цели в деятельность вовлекаются ресурсы *внутреннего мира во всем их многообразии*. Это вовлечение осуществляется по функциональному принципу. Это возможно, так как мотивация входила во все компоненты внутреннего мира, когда они формировались в прошлом опыте.

Под влиянием мотивации устанавливаются *критерии достижения* цели и *критерии предпочтительности* той или иной модификации цели и способов ее достижения.

Необходимо отметить, что процессы взаимодействия мотивации, результата и цели действия изучены еще явно недостаточно.

Для того чтобы цель была достигнута, субъект должен совершить определенные действия. Деятельность субъекта направляют представление о результате (цель) и *программа деятельности*. При этом необходимо, чтобы была проведена декомпозиция цели на подцели отдельных действий, для каждой подцели должны быть установлены *критерии достижения* подцели и *критерии предпочтительности*. Осуществляется это в процессах принятия решений.

Программа деятельности фиксирует, *что, как и когда* должен делать субъект, какое действие совершить, чтобы получить запланированный результат.

Программа деятельности формируется на основе мотивации, представления о результате, отражения и оценки объективных и субъективных условий, сопоставления их с нормативными способами действия и условиями, в которых они должны осуществляться.

Программа деятельности разрабатывается на основе принятия решений по каждому параметру. Процесс принятия решений включен в каждый компонент деятельности. В результате принятых решений определяются:

- что следует учитывать в желаниях субъекта (процесс мотивации, заканчивающийся принятием решения о доминирующих мотивах; то, что часто обозначают как «борьбу мотивов»);
- какой результат должен быть получен с учетом мотивов субъекта и условий деятельности (субъективизация результата). Представление о результате конкретизируется в критериях достижения цели и критериях предпочтительности; представление о результате деятельности декомпозируется в представлениях о подцелях отдельных действий с соответствующими критериями;
- как должны взаимодействовать и взаимодействовать одно другому отдельные действия в структуре деятельности; по какой программе это должно быть реализовано.

Решения принимаются в «поле выбора» по каждому компоненту деятельности.

Программа деятельности реализуется субъектом с учетом и на основе его личностных качеств: способности, воли, богатства внутреннего мира.

Как уже отмечалось, деятельность направляется мотивом и целью, а каждое действие – подцелью, которая соотносится и соподчинена с целью деятельности и мотивом, совпадающим с мотивом деятельности в целом. Каждое действие как отдельная подсистема занимает свое место в системе деятельности (рисунок 27.2).

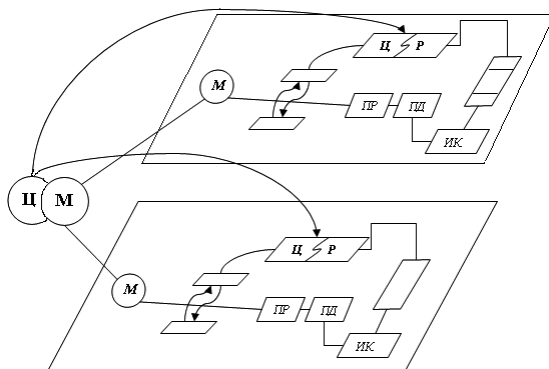

Рис. 27.2. Мультиплицированная структура деятельности на отдельные подсистемы действий.

Ц – цель; М – мотив; Р – результат; ПР – принятие решения; ПД – программа деятельности; ИК – индивидуальные качества

Представленная картина описывает процесс системогенеза деятельности, за которым скрываются внутренние процессы системогенеза по отдельным компонентам деятельности: мотивационному, целевому, информационному, индивидуально-психологическому.

Закономерности системогенеза деятельности

Психологический анализ процесса научения, освоения отдельных действий в целостной системе деятельности показал, что деятельность предстает пред учеником в целостном виде, в виде нормативного способа действия, часто представленного наглядно в образцах этой деятельности, выполняемой профессионалами. Но освоение целостной профессиональной деятельности описывается через освоение отдельных действий в ее структуре.

Проведенные исследования процесса обучения деятельности сварщиков (Шкаликов, 1989, с. 25) и сборщиков автопокрышек (Шадриков, 1982) показали, что освоение отдельных действий в структуре деятельности характеризуется неравномерностью и гетерохронностью. Таким образом, было подтверждено одно из основных положений системогенеза, сформулированных П. К. Анохиным, о гетерохронности закладки и развития отдельных компонентов функциональной системы.

В исследовании М. М. Князева на примере деятельности клейщицы резинотехнических изделий было доказано, что наиболее эффективный способ развития профессионально важных качеств (в эксперименте М. М. Князева — чувство времени) заключается в специальных упражнениях до деятельности, на отдельных действиях предстоящей деятельности (Князев, 1973). Полученные данные хорошо интерпретируются в русле концепции развития перцептивных механизмов (Ананьев, 1977) и придания им черт оперативности (Ошанин, 1977).

Такая подготовка отдельных компонентов деятельности способствует *консолидации* компонентов функциональной системы (что соответствует требованию принципа консолидации системы, по П. К. Анохину). За счет предварительного развития отдельных компонентов системы деятельности мы создаем критические условия для интеграции ее компонентов. Наконец отметим, что при формировании психологической системы деятельности в процессе обучения каждый компонент системы развивается на уровне требований, обеспечивающих минимальное освоение деятельности и достижение запланированного результата. Опросы квалифицированных рабочих показали, что они могли бы повысить результаты деятельности, если бы к этому были соответствующие стимулы.

Таким образом, формирование системы деятельности на уровне ее структурных компонентов проходит с соблюдением основных принципов системогенеза: неравномерности и гетерохронности закладки и темпов развития компонентов системы. Желательно при этом предварительное развитие отдельных компонентов до уровней, способствующих консолидации системы.

Перечисленные принципы весьма важны при разработке методик профессиональной подготовки.

Системогенез на уровне отдельных подсистем деятельности

Генезис подсистемы мотивов профессиональной деятельности

Рассматривая систему деятельности, мы прежде всего обращаемся к истокам активности человека. При этом наша точка зрения совпадает с позиции Ж. Нют-

тена, который считает, что «источник мотивированного поведения находится не в стимуле и не во внешней среде, а в самом внутренне активном индивиде (субъекте), живущем в некоторой ситуации» (Нюттен, 2004, с. 77).

К этим внутренним факторам относятся потребности. Функциональную систему биологических потребностей и ее функционирования изучил и прекрасно описал К. В. Судаков (Судаков, 1971).

Нам нет необходимости подробно излагать этот вопрос, подчеркнем только, что биологическая мотивация реализуется конкретной функциональной системой, вписанной в физиологическую функциональную систему поведения П. К. Анохина. Можно предположить, что и другие виды мотивации, связанные с материальными, духовными и социальными потребностями человека, реализуются соответствующими функциональными системами, связанными с системами биологической мотивации.

Отметим также две динамические тенденции, связанные с мотивацией, – самоуважение и сила намерения. Первая была сформулирована еще Ульямом Джемсом, который выразил самоуважение следующей формулой (Джемс, 1901, с. 143):

$$\text{Самоуважение} = \frac{\text{Успех}}{\text{Притязание}}$$

Из этой формулы следует, что самоуважение – это динамическая величина, зависящая от успеха и притязаний личности. Но обе эти величины изменяются в процессе освоения деятельности, а следовательно, через самоуважение меняется и отношение к работе. Никакое стимулирование, пишет Джемс, не может оказать действие на человека, если оно не затрагивает одной из сторон его личности. «Только воздействуя на личность, мы можем „завладеть“ чужой волей» (там же, с. 144).

Давид Маккелланд, ссылаясь на К. Левина, приводит следующую формулу для определения силы намерения:

$$\text{Сила намерения} = \frac{\text{Потребности} \times \text{Валентность}}{\text{Психологическая дистанция}}$$

где, *намерение* есть сила побуждения совершать определенные действия; под *потребностью* понимается желание достичь того или иного конечного результата, под *валентностью* – значимость вознаграждения, связанного с достижением этого состояния, под психологической дистанцией – все трудности, обусловленные выполнением соответствующей задачи или использованием нужных для этого средств (Маккелланд, 2007, с. 28–29).

Здесь, как и при определении самоуважения (по У. Джемсу), мы видим, что намерение (мотивация) совершить определенные действия является величиной переменной, и в каждый момент времени выступающей как нечто целое. И этот процесс формирования намерения можно представить как процесс системогенеза, определяемый указанными составляющими.

В заключение теоретического анализа системогенеза мотивационной составляющей психологической системы деятельности отметим, что формирующееся намерение выступает как *квазипотребность*, на основе которой могут

совершаться различные действия и деятельности. «Лишь сочетание квазипотребности и конкретной ситуации определяет, какие действия будут выполнены (Левин, 2001б, с. 94–164). К. Левин отмечает, что «порожденная актом намерения квазипотребность не представляет собой изолированного образования в душевной целостности, но обычно *включена в определенный* психический комплекс или определенную сферу личности. Она *сообщается с другими квазипотребностями и с истинными потребностями*, которые коренятся в общих волевых целях или влечениях» (там же, с. 164).

Принципиальным этапом освоения деятельности является ее *принятие* субъектом. Решение этого вопроса определяется тем, насколько представления человека о профессии будут соответствовать его потребностям. Человек, выбирая профессию, как бы «проецирует свою мотивационную структуру на структуру факторов, связанных с профессиональной деятельностью, через которые возможно удовлетворение потребности.

Изучение ценностных ориентаций учащихся и работников ряда профессий было проведено Т.Л. Бадоевым под руководством автора настоящей главы (Бадоев, 1979, с. 93–110). В исследовании приняло участие 2000 человек: выпускники 8-х и 10-х классов, учащиеся первого и третьего курсов профессионально-технических училищ, работники, имеющие стаж 1, 3, 5 и более 15 лет. В анкету были включены 12 индикатов, определяющих привлекательность профессий. Каждый индикат конкретизировался в 11 индикаторах (конкретных проявлениях индиката). На основе проведенного исследования была получена картина динамики значимости отдельных факторов в различные периоды выбора профессии и дальнейшей профессионализации. Данные о ранговом месте каждого фактора в совокупности параметров, определяющих привлекательность, представлены в таблице 27.1.

Из таблицы 27.1 видно, что на разных этапах выбора профессии и дальнейшей профессионализации разные факторы и их совокупности становятся ведущими. Этот эффект смены ведущих факторов мы назвали «дрейфом мотивов» в отличие от эффекта «сдвига мотивов¹», описанного А. Н. Леонтьевым (Леонтьев, 1965, с. 299–302).

Генезис мотивационной структуры идет в двух направлениях: во-первых, происходит трансформация общих мотивов личности в профессиональные; во-вторых, с изменением уровня профессионализации, нарастания профессионального мастерства происходит изменения в структуре профессиональных мотивов. В ходе профессионализации потребности личности *находят свой предмет в деятельности*. В результате этого процесса устанавливается личностный смысл деятельности. Описанная динамика зависит не только от субъекта деятельности, но и от содержания профессиональной деятельности (профессии) (см.: Шадриков, 1982).

Формирующаяся в процессе освоения деятельности система индивидуальных мотивов выступает как намерение выполнять деятельность определенным образом, выступает как *квазипотребность*, которая в сочетании с условиями

1 Сдвиг мотива – переход мотива деятельности на предмет (цель) деятельности.

Таблица 27.1

Ранговое место отдельных профессиональных мотивов
на различных уровнях профессионализации

Индикатор	Уровень профессионализации							
	8-й класс	10-й класс	1-й курс ГПТУ	3-й курс ГПТУ	Стаж			
					1 год	3 года	5 лет	Более 15 лет
Организация труда	8	8	6	2	1	3	1	2
Возможность творчества в деятельности	11	6	10	5	9	10	10	8
Вид трудовой деятельности	7	12	4	7	12	12	12	12
Сангиенические условия труда	9	10	7	10	3	2	2	3
Размер заработной платы	1	1	1	1	2	1	3	2
Возможность повышения квалификации	6	7	9	9	7	11	11	11
Престижность профессии	5	5	11	11	10	8	9	9
Отношение администрации к труду, быту и отдыху рабочих	10	9	8	8	5	6	5	6
Взаимоотношения с коллегами	4	3	2	3	4	5	4	5
Потребность в общении и коллективной деятельности	12	11	12	12	11	7	8	10
Потребность в реализации индивидуальных особенностей	2	2	3	4	6	4	6	4
Значимость выполняемой работы	3	4	5	6	8	9	7	7

деятельности определяет, какие действия будут выполняться и как. И реализуется это в процессах системогенеза.

Генезис цели профессиональной деятельности

Значение цели в поведении и деятельности человека признавалось практически во все времена. Так, еще Луций Анней Сенека писал: «Кто не знает, в какую гавань плыть, для того нет попутного ветра» (Сенека, 1977, с. 129). В более конкретной форме К. Маркс отмечал, что человек в ходе своей деятельности осуществляет «свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю» (Маркс, Энгельс, 1960, с. 189).

К сожалению, категория цели в психологии разработана крайне слабо, хотя она и входит во все структуры и концепции деятельности.

На основе психологического анализа постараемся вначале раскрыть многогранность этой сущности. Будучи системообразующим фактором деятельности, цель сама имеет сложную структуру:

- в цели в идеальной форме отражается результат деятельности до начала деятельности;
- цель характеризуется качественными и количественными параметрами; цель связана с мотивацией; в цели заключается представление о личностном смысле деятельности;
- цель деятельности вписывается в более широкие цели и ценности жизнедеятельности субъекта;
- цель деятельности связана с переживаниями.

Только благодаря связи цели с мотивацией и переживаниями определяется ее направляющая функция, а благодаря связи с результатом – характер и способ деятельности.

Потеря связи с результатом делает цель беспредметной, что фактически равнозначно потере цели. Определить цель можно только в параметрах результата. Результат же характеризуется качественными параметрами, описывающими его предметную сущность, и количественными показателями (характеризующими производительность труда).

Достаточно часто мы можем встретиться с ситуациями, когда результат нельзя описать однозначно. Системы с открытыми параметрами результата или при многофункциональных результатах открывают больше свободы для проявления творчества субъекту деятельности. Свобода индивида может проявляться и при достижении четко определенного результата. В этом случае она будет выражаться в способах достижения результата. Нахождение индивидуального способа деятельности может стать самостоятельной целью.

Отнесенная к разным параметрам результата (производительности, качеству, надежности), цель может задаваться образом, описанием параметров результата, количественными показателями.

В процессе освоения профессий формирование цели начинается с передачи ученику нормативной цели-результата (НЦР). Здесь нам еще раз хотелось бы подчеркнуть продуктивность понятия НОСД, так как любой нормативно-одобренный способ деятельности предполагает и нормативный результат. Задача наставника на первом этапе профессионального обучения и состоит в том, чтобы сформировать у учеников представление о нормативном результате деятельности (НРД).

Анализ различных видов деятельности позволяет выделить две формы цели-результата:

- цель-образ – непосредственно направляющая и регулирующая деятельность на всем ее протяжении (например, образ детали определенной конфигурации);
- цель-задание – регулирующая деятельность через конечный результат, который выступает в форме знания.

В соответствии с выделенными формами цели нормативный результат деятельности может быть представлен в форме образа (НРД) или в форме нормативного задания (НЗ).

Формирование у ученика представления о том, что должно быть получено в результате деятельности, представляет собой только первый этап формирования цели-результата, на втором и третьем этапах формируется представление о качественных и количественных параметрах нормативного результата деятельности (НРД).

На этапе формирования представления о качестве результата необходимо выделить те его параметры, которые определяют это качество. Параметры качества, в свою очередь, могут быть описаны качественно и количественно. В большинстве случаев параметры качества имеют определенные допуски. Однако это не означает, что любые результаты, расположенные в зоне допуска, являются равноценными. Они отличаются или по влиянию на качество продукции, или по экономической эффективности. Например, при прокатке стального листа имеется верхний и нижний допуски по толщине. Если лист будет выпускаться с толщиной, близкой к нижнему допуску, это даст значительную экономию металла, т. е. большой экономический эффект, но этот режим связан с возможностью обрыва листа.

Таким образом, в процессе профессионализации открывается широкий простор для повышения качества продукции. Достижение результатов, отличающихся качественными параметрами, часто требует использования специфических приемов деятельности и ее своеобразной информационной основы, что в конечном счете должно привести к перестройке всей ПСД, реализующей получение конкретного результата. Представление о количественных параметрах нормативного результата деятельности формируется с опорой на норму выработки и изменяется по мере роста профессионального мастерства и улучшения системы стимулирования производительности.

Завершающим этапом процесса формирования цели является выработка критериев, по которым происходит принятие решения о достижении цели деятельности, — критериев оценки достижения цели. С учетом того, что любая цель описывается в виде определенного *«поля допустимых результатов»*, субъект устанавливает в этом поле (фиксирует) свою субъективно-приемлемую цель. Ее условно можно обозначить как *субъективно-фиксируемую цель*, а соответствующий ей результат как фиксированный.

Один из главных моментов системогенеза цели деятельности заключается в том, что не только деятельность имеет свою цель, но и каждое действие в структуре деятельности характеризуется определенной подцелью. И это подцель характеризуется той же сложностью, что и цель деятельности.

На начальных этапах освоения деятельности цель деятельности и подцель действий выступают рядоположенно. Но в ходе деятельности устанавливается функциональная связь между целью деятельности и подцелями действий, формируется иерархическая система цели и подцелей. В этой системе критерии деятельности выступают системообразующими факторами для критериев оценки действий. Критерии оценки успешности деятельности и отдельных действий входят в информационную основу деятельности.

С учетом того, что каждое действие и деятельность в целом могут выполняться различными способами, в процессе освоения деятельности формируют-

ся *критерии предпочтительности* того или иного способа деятельности (исходя из предпочтительности того или иного результата).

Уже представленные характеристики цели показывают всю сложность процесса целеобразования (системогенеза цели).

Нет возможности остановиться на всех компонентах, представленных в функциональной психологической системе деятельности: программе деятельности, информационной основе, решениях, принимаемых в деятельности. Заинтересованный читатель может найти разъяснения в работах автора (Шадриков, 1982, 2013). Но анализ системогенеза деятельности нельзя закончить, не показав роль способностей в этом процессе.

Генезис способностей и одаренности в профессиональной деятельности¹

С учетом того, что любая деятельность реализуется через способности человека, особый интерес представляет вопрос о месте способностей в структуре деятельности. Рассмотрим этот вопрос.

Для того чтобы совершить конкретное действие, необходимо:

- воспринять ситуацию, в которой должно совершаться действие;
- извлечь из памяти информацию, относящуюся к действию (знания, планы и структуры поведения, умения и навыки);
- вообразить, что это действие может выполняться по-другому;
- оценить весь комплекс информации, полученной субъектом деятельности;
- принять решения об осуществлении деятельности с учетом мотивации и нормативного образа деятельности, нормативных требований;
- сформировать программу выполнения действия;
- совершить необходимые исполнительные действия (интеллектуальные, сенсомоторные);
- сверить результат с представлением о цели;
- принять решение о завершении деятельности или корректировке программы (в последнем случае все повторяется).

За каждым из перечисленных психических действий стоят конкретные способности:

- восприятия,
- воображения,
- памяти,
- мышления,
- сенсомоторные.

Обобщенная функциональная система деятельности на уровне способностей представлена на рисунке 27.3. Заметим, что способности, как отмечалось ранее, не выступают «рядоположенно», они работают в режиме взаимодействия.

¹ В более широком плане можно рассматривать системогенез на уровне профессионально важных качеств; способности выступают как наиболее значимая часть этих качеств, составляющих предмет психологического изучения.

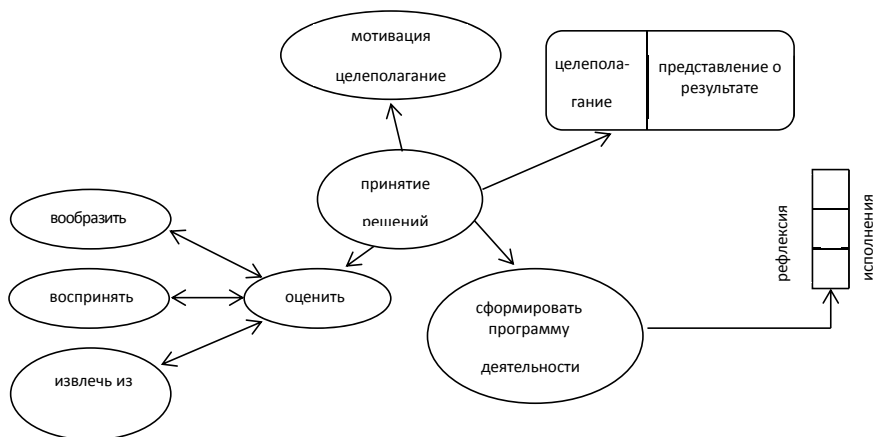

Рис. 27.3. Функциональная система деятельности на уровне способностей

Таким образом, способности выступают в качестве механизма реализации деятельности. Они вовлекаются в деятельность в соответствии с требованиями деятельности, при этом в деятельности они развиваются прежде всего за счет придания им черт оперативности. Общие способности достраиваются программами их использования в целях конкретной деятельности с учетом условий, в которых деятельность реализуется, и целей, которые необходимо достичь.

Чем в большее число деятельностей вовлекаются общие способности, тем разнообразнее программы их использования. Это и есть магистральный путь развития способностей, который современные методы диагностики не учитывают. Для диагностики профессиональных способностей нужна другая методология, которая учитывала бы проблемы системогенеза деятельности.

Исследования в области психологии труда убедительно показывают, что успешность деятельности определяется системной взаимодействующей совокупностью способностей.

Экспериментальные данные позволяют утверждать, что существуют корреляционные плеяды способностей, обеспечивающие эффективность выполнения отдельных действий в структуре деятельности, определяющие их производительность, качество и надежность. Одни и те же способности могут входить в различные подсистемы. При этом их оперативное проявление в разных подсистемах может быть сходным или различным.

Анализ структуры связей отдельных способностей с точки зрения их представленности на разных этапах профессионализации позволяет выделить связи:

- характерные для всех этапов профессионализации;
- временные связи, присутствующие только на некоторых этапах овладения профессией;
- связи, появляющиеся на определенном этапе овладения профессией и в дальнейшем не исчезающие;
- связи с переменным знаком.

Исходя из сказанного, деятельность *можно представить с позиций реализующих ее способностей как постоянно меняющуюся по составу и мере взаимодействия совокупность отдельных способностей, каждая из которых имеет свое оперативное проявление.*

При множестве способностей, реализующих деятельность, реально существует единая структура деятельности, которая мультиплицируется в структуре способностей по отдельным действиям. Онтологически эта единая структура реализуется целостностью мозга как органа психики, функционально определяется целью деятельности и ее мотивацией.

Системогенез деятельности на уровне способностей заключается в развитии самих способностей (через развитие функциональных, операционных и мотивационных механизмов) и формировании профессиональной одаренности.

Одаренность в нашем подходе мы рассматриваем как системное взаимодействие способностей, направленное на получение желательного результата, выступающее как качественное новообразование субъекта деятельности, имеющее индивидуальную меру выраженности и развивающееся в деятельности и в жизнедеятельности.

Обобщая сказанное, системогенез деятельности можно определить как процесс избирательного вовлечения в деятельность конкретных психофизиологических систем субъекта, генетически обусловленных и прижизненно сформированных, которые, интегрируясь, формируют функциональную систему деятельности, обеспечивающую достижение нормативного результата.

Эти процессы характеризуются неравномерностью, гетерохронностью и требованиями, соблюдение которых обеспечивают минимальное достижение нормативного результата.

Далее процесс системогенеза можно рассматривать на уровне нейрофизиологического анализа основ психической деятельности, предполагающего раскрытие механизмов нейроонтогенеза, далее на уровне «молекулярно-биологических процессов, мембранных и внутриклеточных явлений, уточнения функционального значения каждого из этих событий» (Бехтерева, 2013, с. 101). Но за всеми этими процессами лежит проблема идеального. Существенным шагом в этом отношении является исследование метасистемы процессов сознания (Карпов, 2021; Карпов, Шадриков, 2017).

Таким образом, мы видим, что системогенез может быть представлен на уровне целостной деятельности, отдельных компонентов деятельности, нейро-химико-физических процессов и механизмов. Как отмечает В. Б. Швырков, «проблема обучения, то есть формирование новых функциональных систем под системобразующим влиянием целей и результатов, требует системного анализа и становится частью общих проблем системогенеза» (Швырков, 1978, с. 221). Именно данной проблеме на психологическом уровне и были посвящены наши исследования системогенеза профессиональной деятельности, связанные с профессиональным обучением.

За сорок лет, прошедших после выхода в свет монографии «Проблемы системогенеза профессиональной деятельности» (Шадриков, 1982), концепция

Глава 27

прошла широкую научную и эмпирическую проверку, выходящую за рамки профессионального обучения. Это дало основание А. В. Карпову высказать утверждение, что сейчас можно вести речь не только о системогенезе основных типов деятельности (игровой, учебной, трудовой), но и о системогенезе деятельности как высшей специфической формы активности субъекта деятельности в целом.

Литература

- 3-я российская конференция по экологической психологии: Материалы конференции / Под ред. В. И. Панова, А. В. Ивашенко. М.: Изд-во РУДН, 2005.
- А. И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции, 30.11–01.12.2010 / Под ред. Н.Л. Мориной, В. И. Панова, Г. В. Шуковой. М.: УРАО Психологический институт; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010.
- А. Н. Леонтьев и современная психология: Сборник статей памяти А. Н. Леонтьева / Под ред. А. В. Запорожца, В. П. Зинченко, О. В. Овчинниковой, О. К. Тихомирова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
- Абульханова К. А.* Принцип субъекта в философско-психологической концепции Сергея Леонидовича Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 1989. С. 10–60.
- Абульханова К. А.* Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта // Российский менталитет. Вопросы психологической теории и практики / Отв. ред. А. В. Брушлинский. М.: Наука, 1997. С. 56–74.
- Абульханова К. А.* Субъектная парадигма отечественной психологии // Субъектность в личностном и профессиональном развитии человека. Казань: КГУ, 2004. С. 4–5.
- Абульханова К. А.* Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 3–22.
- Абульханова К. А.* Способность сознания личности как субъекта жизни // Мир психологии. 2006. № 2 (46). С. 80–95.
- Абульханова К. А.* Сергей Леонидович Рубинштейн. М.: Росспэн, 2010.
- Абульханова К. А.* Методологический принцип субъекта: исследование жизненного пути личности // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 2. С. 5–18.
- Абульханова К. А.* Ретроспектива и перспектива принципа субъекта в исследованиях мышления школой С.Л. Рубинштейна // Вопросы философии. 2021. № 9. С. 75–85.
- Абульханова-Славская К. А.* Методологический аспект проблемы субъективного // Методологические и теоретические проблемы психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохов. М.: Наука, 1969. С. 317–347.

- Абульханова-Славская К. А.* О субъекте психической деятельности. Методологические проблемы психологии. М.: Наука, 1973.
- Абульханова-Славская К. А.* Проблема определения субъекта в психологии // Субъект действия, взаимодействия, познания. Психологические, философские, социокультурные аспекты / Отв. ред. Э. Сайко. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «Модэк», 2001. С. 36–52.
- Абульханова К. А., Мухаметзянова Ф. Г., Попов Л. М.* Субъектный подход в инновационной подготовке педагога-психолога. Казань: КГУ, 2006.
- Абульханова К. А., Семенов И. Н.* Акмеологическое понимание субъекта управления // Эффективный менеджмент: психолого-акмеологические аспекты. Пособие по работе с персоналом. М.: Красная площадь, 1998. С. 6–16.
- Абульханова-Славская К. А., Брушлинский А. В.* Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна: к 100-летию со дня рождения М.: Наука, 1989.
- Абульханова-Славская К. А., Сайко Э. В., Розин В. М.* и др. Субъект действия, взаимодействия, познания. Психологические, философские, социокультурные аспекты. 2001.
- Автономова Н. С.* Познание и перевод. Опыты философии языка. М.: Росспэн, 2008.
- Агапов В. С.* Фундаментальные идеи С.Л. Рубинштейна в современных исследованиях самосознания и Я-концепции субъекта // Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна / Отв. ред. К. А. Абульханова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Акинщикова Г. И.* Телосложение и реактивность организма человека. Л.: ЛГУ, 1969.
- Акофф Р., Эмери Ф.* О целеустремленных системах. М.: Мир, 1974.
- Анохин П. К.* Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978.
- Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 10 / Под ред. А. А. Обознова, А. Л. Журавлева, Ю. В. Бессоновой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.
- Александров Ю. И.* Системно-эволюционный подход: наука и образование // Культурно-историческая психология. 2009. Т. 5. № 4. С. 33–43.
- Александров Ю. И.* Закономерности актуализации индивидуального опыта и реорганизации его системной структуры: комплексное исследование // Труды ИСА РАН. 2011. Т. 61. 3. С. 3–24.
- Александров Ю. И.* Опасность междисциплинарных исследований и ее преодоление // Психологическое знание: виды, источники, пути построения / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 159–198.
- Александров Ю. И.* Системная психофизиология // Психофизиология. Учебник для вузов. 5-е издание / Под ред. Ю. И. Александрова. СПб.: Питер, 2022. С. 290–345.
- Александров Ю. И., Александрова Н. Л.* Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Александров Ю. И., Александрова Н. Л.* Комплементарность культуроспецифичных типов познания // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 2010. № 1. С. 22–35.

- Александров Ю. И., Брушлинский А. В., Судаков К. В., Умрюхин Е. А.* Системные аспекты психической деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.
- Александров Ю. И., Кирдина С. Г.* Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социс. 2012. № 8. С. 3–12.
- Александров Ю. И., Шевченко Д. Г.* Научная школа «Системная психофизиология» // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 6. С. 93–100.
- Алексеев А. Н.* О некоторых тенденциях в развитии общественных наук (библиографические и наукометрические наблюдения) // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов: материалы I Всесоюзной конференции (27–29 октября 1970 г.) / Отв. ред. Ю. С. Мелешенко. Л., 1971. С. 77–83.
- Алексеев В. П.* Человек: эволюция и таксономия. М.: Наука, 1985.
- Алексеев Н. Г., Зарецкий В. К., Семенов И. Н.* Методология рефлексии концептуальных схем деятельности поиска и принятия решения / Под ред. И. С. Ладенко. Новосибирск: НГУ, 1990.
- Алексеев И. С.* Особенности междисциплинарных исследований в истории психологии в условиях стандартизации высшего образования // Научные труды Московского гуманитарного ун-та. 2019. № 1. С. 96–100.
- Аллахвердов В. М.* Опыт теоретической психологии. СПб., 1993.
- Аллахвердов В. М.* Сознание как парадокс. СПб.: ДНК, 2000.
- Аллахвердов В. М.* Сознание – кажущееся и реальное // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. № 1. С. 137–151.
- Алмаев Н. А.* Применение контент-анализа в исследованиях личности: методические вопросы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Алмаев Н. А., Бессонова Ю. В., Мурашева О. В.* Текст. Взгляд. Мотивация. Методические вопросы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
- Амен Д.* Мозг и душа: новые открытия о влиянии мозга на характер, чувства, эмоции. М.: Эксмо, 2012.
- Ананьев Б. Г.* Психологическая структура человека как субъекта // Человек и общество / Под ред. Б. Г. Ананьева, В. Я. Ельмеева, Д. А. Керимова. Вып. 2. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. С. 235–249.
- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1968.
- Ананьев Б. Г.* Интеллектуальная деятельность и терморегуляция // Возрастная психология взрослых (теоретическая и прикладная). Тезисы докладов научной конференции 27–29 октября 1971 г. Вып. 3 / Под ред. Б. Г. Ананьева, Е. И. Степановой. Л., 1971. С. 75–84.
- Ананьев Б. Г.* О методах современной психологии // Психодиагностические методы (в комплексном лонгитюдном исследовании студентов) / Под ред. А. А. Бодалева. Л.: ЛГУ, 1976. С. 13–35.
- Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.
- Ананьев Б. Г.* Психология и проблемы человекознания. Избранные психологические труды / Под ред. А. А. Бодалева. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Анатомия кризисов* / Под ред. А. Д. Арманд, Д. И. Люри, В. В. Жерихина. М.: Наука, 1999.

Литература

- Андреева Г. М. Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 2004.
- Анохин П. К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975.
- Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональной системы. Избранные труды. М.: Наука, 1978.
- Анохин П. К. Идеи и факты в разработке теории функциональных систем // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 2. С. 107–118.
- Анциупов А. Я., Кандыбович С. Л., Тимченко Г. Н. Проблемы отечественной психологии. Указатель 1410 докторских диссертаций (1935–2019 гг.). М.: Проспект, 2020.
- Анциферова Л. И. Роль анализа в процессе решения творческих задач // Тезисы докладов на совещании по вопросам психологии познания / Под ред. С. Л. Рубинштейна. М.: ИФ АН СССР, 1957. С. 95–111.
- Анциферова Л. И. Роль анализа в познании причинно-следственных отношений // Процесс мышления и закономерности анализа, синтеза и обобщения / Под ред. С. Л. Рубинштейна. М.: Изд-во АН СССР, 1960а. С. 102–120.
- Анциферова Л. И. О теории личности в работах Курта Левина // Вопросы психологии. 1960б. № 6. С. 149–158.
- Анциферова Л. И. Принцип связи сознания и деятельности и методология психологии // Методологические и теоретические проблемы психологии / Под ред. Е. В. Шороховой. М.: Наука, 1969. С. 57–117.
- Анциферова Л. И. Психология личности как «открытой системы» // Вопросы психологии. 1970. № 5. С. 168–177.
- Анциферова Л. И. К проблеме изучения исторического развития психики // История и психология / Под ред. Б. Ф. Поршнева, Л. И. Анциферовой. М.: Наука, 1971. С. 63–89.
- Анциферова Л. И. Психология самоактуализирующейся личности в работах Абрагама Маслоу // Вопросы психологии. 1973. № 4. С. 173–181.
- Анциферова Л. И. О некоторых новых методологических тенденциях в современной зарубежной психологии // Вопросы психологии. 1976. № 5. С. 55–69.
- Анциферова Л. И. О динамическом подходе к психологическому изучению личности // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 2. С. 8–18.
- Анциферова Л. И. Личность в динамике: некоторые итоги исследования // Психологический журнал. 1982. Т. 13. № 5. С. 12–25.
- Анциферова Л. И. Психика и сознание как функция мозга. М.: Наука, 1985.
- Анциферова Л. И. Личность с позиции динамического подхода // Психология личности в социалистическом обществе. Личность и ее жизненный путь / Отв. ред. Б. Ф. Ломов, К. А. Абульханова-Славская. М.: Наука, 1990. С. 7–17.
- Анциферова Л. И. Развитие личности специалиста как субъекта своей профессиональной жизни // Психологические исследования проблемы формирования личности профессионала / Отв. ред. В. А. Бодров. М.: Наука, 1991. С. 15–29.
- Анциферова Л. И. Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 2. С. 3–17.
- Анциферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–18.

- Анциферова Л. И.* Поздний период жизни человека: типы старения и возможности поступательного развития личности // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 6. С. 60–71.
- Анциферова Л. И.* Проблема субъекта, принцип детерминизма и зона ближайшего развития // Психологическая наука в России XX столетия / Отв. ред. А. В. Брушлинский. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. С. 186–206.
- Анциферова Л. И.* Психологическое содержание феномена субъекта и грани субъектно-деятельностного подхода // Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред. А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова, В. Н. Дружинин. М.: Академический проект, 2000а. С. 27–42.
- Анциферова Л. И.* Архетипическая теория развития личности Карла Густава Юнга (Часть вторая: Вторая половина жизни человека. Этапы индивидуации, проблемы призвания, судьбы, смысла жизни) // Психологический журнал. 2000б. Т. 21. № 3. С. 10–19.
- Анциферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004а.
- Анциферова Л. И.* «Я рано почувствовала свое призвание исследовать, распознавать внутреннюю психическую жизнь человека» // Психологический журнал. 2004б. Т. 25. № 6. С. 87–92.
- Анциферова Л. И.* Мудрость и ее проявления в разные периоды жизни человека // Психологический журнал. 2004в. Т. 25. № 3. С. 17–24.
- Анциферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Аншакова В. В.* Проблема личности в экспериментальном, эмпирическом и духовно-нравственном направлениях отечественной психологической мысли в конце XIX–начале XX столетия: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Астрахань, 2005.
- Артемова О. Ю.* Немного академической рефлексии // Этнографическое обозрение. № 2. С. 93–101.
- Артемова О. А.* Современные тенденции в историко-психологическом изучении социальной детерминации развития психологии // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 1. С. 112–120.
- Артемова О. А., Синева О. В.* Исследовательская и практическая психология в России первой половины XX в.: анализ публикационной активности лидеров научно-практических течений // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер. «Психология». 2018. Т. 25. С. 3–13.
- Асмолов А. Г.* Деятельность и установка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
- Асмолов А. Г.* Принципы организации памяти человека: системно-деятельностный подход к изучению познавательных процессов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
- Асмолов А. Г.* Историко-эволюционный подход к пониманию личности: проблемы и перспективы исследования // Вопросы психологии. 1986. № 1. С. 28–40.
- Асмолов А. Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж НПО «Модэк», 1996а.

Литература

- Асмолов А. Г. Историко-эволюционный подход: Дис. в виде науч. доклада ... докт. психол. наук. М., 19966.
- Асмолов А. Г. По ту сторону сознания. Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.
- Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл–ИЦ «Академия», 2007.
- Асмолов А. Г. Кризисы психологии в сетевом столетии // Российский психологический журнал. 2012. № 1. С. 7–11.
- Асмолов А. Г. Психология в психозойскую эру: от анализа эволюции психики к анализу психики как движителя эволюции // Национальный психологический журнал. 2013. № 1. С. 1–4.
- Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8 (40). № 1. URL: <http://psystudy.ru>.
- Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / Под общ. ред. А. Асмолова. М.: ИД «ЯСК», 2018. С. 9–26.
- Асмолов А. Г. Методология психологии перемен: ремесло и искусство сомнения // Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен. М.: ИД «ЯСК», 2019. С. 9–12.
- Асмолов А. Г., Братусь Б. С., Зейгарник Б. В. и др. Перспективы исследования смысловых образований личности // Вопросы психологии. 1979. № 3. С. 35–45.
- Асмолов А. Г., Петровский В. А. О динамическом подходе к психологическому анализу деятельности // Вопросы психологии. 1978. № 1. С. 71–80.
- Асмолов А. Г., Сорокина С. С. Культурные практики поддержания конструктивного и деструктивного разнообразия в сложных системах // Вопросы психологии. 2019. № 1. С. 3–15.
- Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. По ту сторону гомеостаза: историко-эволюционный подход к развитию сложных систем // Вопросы психологии. 2014. № 4. С. 3–15.
- Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Что такое жизнь с точки зрения психологии: историко-эволюционный подход к психофизической проблеме // Вопросы психологии. 2016. № 2. С. 3–23.
- Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Родословная «жизни сообща»: еще раз о скачках эволюции // Вопросы психологии. 2018. № 4. С. 3–19.
- Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Сложность как символ познания человека: от постулата к предмету исследования // Вопросы психологии. 2020. № 1. С. 3–18.
- Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Парадокс сосуществования адаптации и преадаптации в историко-эволюционном процессе // Вопросы психологии. 2021. № 4. С. 3–20.
- Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Антропологический поворот: восхождение к сложности // Человек как открытая целостность. Монография / Отв. ред. Л. П. Кияшенко, Т. А. Сидорова. Новосибирск: Академиздат, 2022.
- Асмолов А. Г., Асмолов А. Г. Интернет как генеративное пространство: историко-эволюционная перспектива // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 3–28.

- Ата-Мурадова Ф. А.* Мозг и биологические предпосылки высших форм отражения // Системогенез и проблемы генетики мозга. М.: Наука, 1983. С. 24–55.
- Афанасьева В. В.* Homo Virtualis: психологические характеристики // Известия Саратовского ун-та. Новая сер. «Философия. Психология. Педагогика». 2010. Т. 10. № 2. С. 59–64.
- Афиногенова В. А., Павлова Н. Д.* Интенциональные паттерны в репликах собеседников // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 2. С. 36–44.
- Ахутина Т. В.* Роль Л. С. Выготского в развитии нейропсихологии // Методология и история психологии. 2007. № 4. С. 57–68.
- Бабкин А. В., Алексеева Н. С.* Тенденции развития цифровой экономики на основе исследования наукометрических баз данных // Экономика и управление. 2019. № 6 (164). С. 16–25.
- Бадоев Т. Л.* Динамика мотивов трудовой деятельности. Проблемы индустриальной психологии. Ярославль: ЯрГУ, 1979.
- Балясникова О. В.* Возможности и перспективы этнопсихолингвистического исследования конфликта // Вопросы психолингвистики. 2015. № 4. С. 12–22.
- Балясникова О. В., Уфимцева Н. В.* «Конфликтотенные зоны» языкового сознания в межкультурном взаимодействии // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. «Языкознание». 2020. Т. 19. № 1. С. 28–40.
- Барабанищikov В. А.* Динамика зрительного восприятия. М.: Наука, 1990.
- Барабанищikov В. А.* Системная организация и развитие психики // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 1. С. 29–46.
- Барабанищikov В. А.* Системный подход в структуре психологического познания // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 1. С. 86–99.
- Бардин К. В., Индлин Ю. А.* Начала субъектной психофизики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1993.
- Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика: М.: Прогресс, 1989.
- Басов М. Я.* Развитие человека как активного деятеля в окружающей его среде. Психологическое развитие (1930). Общие основы педологии (1931) // М. Я. Басов. Общие основы педологии. СПб.: Алетейя, 2007.
- Батенова Ю. В.* Информационное пространство: междисциплинарный ракурс // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2015. № 4 (40). С. 7–19.
- Батыршина А. Р., Мазилев В. А.* Наукометрический подход к исследованию проблемы воли в отечественной психологии // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 5. С. 193–204.
- Бауман З.* Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Бауэр Э. С.* Теоретическая биология. М.–Л.: Изд-во Всесоюзного института экспериментально медицины (ВИЭМ), 1935.
- Бахманн-Медик Д.* Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: НЛЮ, 2017.
- Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.
- Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит., 1979.
- Башляр Г.* Психоанализ огня. М.: Гнозис, 1993.
- Баянова Л. Ф.* К постановке проблемы субъекта культуры в психологии // Филология и культура. 2012. № 3 (29). С. 294–298.

Литература

- Бейтсон Г.* Экология разума. М.: Смысл, 2000.
- Бейтсон Г.* Разум и природа: Неизбежное единство. М.: Ком-Книга, 2007.
- Бек У.* Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008.
- Белинская Д. Б.* Нейроэкономика и поведенческая экономика // Экономика и предпринимательство. 2020. № 5 (118). С. 288–291.
- Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Академия, 1999.
- Белова С. С., Валуева Е. А., Овсянникова В. В., Сысоева Т. А.* Аналитические и творческие способности в социальной сфере // Психология образования в поликультурном пространстве. 2012. № 4. С. 91–97.
- Белопольская Н. Л.* Оценка когнитивных и эмоциональных компонентов зоны ближайшего развития у детей с задержкой психического развития // Вопросы психологии. 1997. № 1. С. 19–25.
- Белопольский В. И., Журавлев А. Л., Костригин А. А.* История организации и начало деятельности Института психологии АН СССР в документах и воспоминаниях современников // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 5. С. 97–107.
- Белопольский В. И., Костригин А. А., Журавлев А. Л.* Годы, люди, книги: научно-издательская деятельность Института психологии РАН (1972–2021). Часть 1. Научно-организационные и библиометрические аспекты // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 6. С. 5–17.
- Белопольский В. И., Костригин А. А., Журавлев А. Л.* Годы, люди, книги: научно-издательская деятельность Института психологии РАН (1972–2021). Часть II. Тематические и лингвистические аспекты // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 1. С. 5–15.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
- Бергсон А.* Материя и память // А. Бергсон. Собр. соч. Т. 3. СПб., 1913.
- Бердяев Н. А.* Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.
- Бердяев Н. А.* О назначении человека. М.: Республика, 1993.
- Бердяев Н. А.* Царство Духа и царство кесаря. М.: Республика, 1995.
- Бернштейн Н. А.* О построении движений. М.: Медгиз, 1947.
- Бернштейн Н. А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина, 1966.
- Бернштейн Н. А.* Физиология движений и активности. М.: Наука, 1990.
- Берталанфи Л. фон.* Общая теория систем. Критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов. М.: Прогресс, 1969. С. 28–61.
- Бехтерев В. М.* Общие основы рефлексологии человека. Руководство к объективно-биологическому изучению личности. М.–Пг.: Госиздат, 1923.
- Бехтерев В. М.* Объективная психология. М.: Наука, 1991.
- Бехтерева Н. П.* Магия мозга и лабиринты жизни. М.: АСТ, 2013.
- Битюцкая Е. В.* Когнитивное оценивание трудной жизненной ситуации с позиций деятельностного подхода А. Н. Леонтьева // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 2013. № 2. С. 40–56.

- Блауберг И. В.* Системные идеи в психологии // Становление и сущность системного подхода / Под ред. И. В. Блауберга, Э. Г. Юдина. М.: Наука, 1973. С. 215–225.
- Блауберг И. В., Юдин Э. Г.* Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973.
- Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986.
- Бобров А. Е.* Проблема психосоматических соотношений и некоторые методологические вопросы психопатологии // Социальная и клиническая психиатрия. 2017. Т. 27. № 1. С. 98–103.
- Богданович Н. В.* Субъект как категория отечественной психологии: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.
- Богданович Н. В.* Субъект как категория отечественной психологии: история и современное состояние // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 58–84.
- Богоявленская Д. Б.* Исследование творчества и одаренности в традициях процессуально-деятельностной парадигмы // Основные современные концепции творчества и одаренности / Под ред. Д. Б. Богоявленской. М.: Молодая гвардия, 1997.
- Бодалев А. А., Васина Н. В.* Познание человека человеком. СПб.: Речь, 2005.
- Бодалев А. А., Мельников В. М.* Анализ тематики диссертационных исследований по психологии, защищенных в 1976–1981 гг. // Вопросы психологии. 1982. № 3. С. 35–41.
- Бодров В. А.* Информационный стресс. М.: Пер Сэ, 2000.
- Божович Л. И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008.
- Бор Н.* Атомная физика и человеческое познание. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961.
- Борисова В. Н.* Цифровое общество в контексте творчества С. Л. Рубинштейна // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме. М., 2019. С. 118–123.
- Борисова И. Н., Данилов С. Ю., Матвеева Т. В., Розанова Н. Н., Шалина И. В.* Русское повседневное общение: прагматика и культурология. Екатеринбург, Гуманитарный ун-т, 2018.
- Борисова О. Б.* Состояние библиотековедения: оценка в наукометрических исследованиях // Научные и технические библиотеки. 1996. № 2. С. 46–56.
- Брунер Дж.* Торжество разнообразия: Пиаже и Выготский // Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 3–13.
- Брушлинский А. В.* «Культурно-историческая» теория мышления // Исследования мышления в советской психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1966. С. 123–174.
- Брушлинский А. В.* Воображение и познание // Вопросы философии. 1967. № 11.
- Брушлинский А. В.* Культурно-историческая теория мышления. М.: Высшая школа, 1968.
- Брушлинский А. В.* Мышление и прогнозирование. М.: Мысль, 1979а.

Литература

- Брушлинский А. В.* Проблема бессознательного в трудах С. Л. Рубинштейна // Вопросы психологии. 1979б. № 3. С. 115–123.
- Брушлинский А. В.* Мышление как процесс и проблема деятельности // Вопросы психологии. 1982. № 2. С. 28–40.
- Брушлинский А. В.* С. Л. Рубинштейн – родоначальник деятельностного подхода в психологической науке // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 3. С. 43–59.
- Брушлинский А. В.* Разработка принципа единства сознания и деятельности в экспериментальной психологии (предвоенный период) // История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России / Отв. ред. Б. Ф. Ломов, Е. А. Будилова, В. А. Кольцова. М.: Наука, 1990. С. 42–51.
- Брушлинский А. В.* Проблема субъекта в психологической науке: Статья первая // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 6. С. 3–11.
- Брушлинский А. В.* Проблема субъекта в психологической науке: Статья вторая // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 6. С. 3–12.
- Брушлинский А. В.* Влияние С. Л. Франка на разработку С. Л. Рубинштейном субъектного подхода // Психологический журнал. 1994а. Т. 20. № 6. С. 6–12.
- Брушлинский А. В.* Проблемы психологии субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1994б.
- Брушлинский А. В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М.–Воронеж: МПСИ–НПО «Модэк», 1996.
- Брушлинский А. В.* Исходные основания психологии субъекта и его деятельности // Психологическая наука в России XX столетия / Отв. ред. А. В. Брушлинский. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. С. 208–268.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта: некоторые итоги и перспективы // Известия Российской академии образования. М.: Магистр, 1999а. С. 30–41.
- Брушлинский А. В.* Субъектно-деятельностная концепция и теория функциональных систем // Вопросы психологии. 1999б. № 5. С. 110–121.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта и его деятельности // Современная психология. Справочное руководство / Под ред. В. Н. Дружинина. М.: Инфра-М, 1999 в. С. 330–346.
- Брушлинский А. В.* О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта. М.: Пер Сэ, 2002а. С. 9–33.
- Брушлинский А. В.* К психологии индивидуального и группового субъекта в условиях реформирования России // Психология индивидуального и группового субъекта / Отв. ред. А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова. М.: Пер Сэ, 2002б. С. 34–50.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.–СПб.: Изд-во «Институт психологии РАН»–Алетейя, 2003.
- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды. Раздел 1. Социальная и биологическая детерминация психического развития человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 27–220.

- Будилова Е. А.* Философские проблемы в советской психологии. М.: Наука, 1972.
- Будилова Е. А.* Труды по истории русской психологической мысли. Вторая половина XIX—начало XX века. М.: Наука, 2008.
- Бьюдженталь Дж.* Искусство психотерапевта. СПб., 2001.
- Васильев Р. Ф.* О количестве публикаций и частоте их цитирования как наукометрических показателей // Материалы к симпозиуму «Исследование операций и анализ развития науки». Часть 1. Методы анализа развития науки. М., 1967. С. 60–69.
- Василюк Ф. Е.* Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.
- Василюк Ф. Е.* Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ–Смысл, 2003.
- Вахтеров В. П.* Избранные педагогические сочинения / Сост. Л. Н. Литвин, Н. Т. Бритаева. М.: Педагогика, 1987.
- Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Веккер Л. М.* Психические процессы. Л.: ЛГУ, 1974–1976. Т. 1, 2.
- Веккер Л. М.* Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 2000.
- Веккер Л. М., Палей И. М.* Информация и энергия в психическом отражении // Ученые записки ЛГУ. Сер. «Психологические науки». Вып. 3. Экспериментальная и прикладная психология. Л.: ЛГУ, 1971. С. 61–66.
- Велихов Е. П., Котов А. А., Лекторский В. А., Величковский Б. М.* Междисциплинарные исследования сознания: 30 лет спустя // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 5–17.
- Величковский Б. М.* Нейросемантика – новое направление междисциплинарных исследований // Вопросы психологии. 2019. № 6. С. 3–18.
- Венгер А. Л., Морозова Е. И.* Клиническая психология развития: состояние и перспективы // Вопросы психологии. 2007. № 5. С. 3–12.
- Вермюлен Т., Аккер Р.* Что такое метамодернизм? // Двоегодие. 2014. № 23. URL: <https://dvoetochie.wordpress.com/2014/06/19/metamodernism> (дата обращения: 30.09.2022).
- Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991.
- Вертгеймер М.* Продуктивное мышление. М.: Прогресс, 1987.
- Верч Дж.* Голоса разума: Социокультурный подход к опосредованному действию. М.: Тривола, 1996.
- Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Виленская Г. А., Лебедева Е. И.* Модель психического и контроль поведения у младших школьников // Когнитивная наука в Москве: новые исследования. Материалы конференции 15 июня 2017 г. / Под ред. Е. В. Печенковой, М. В. Фаликман. М.: ООО «Буки-Веди»–ИППиП, 2017. С. 63–69.
- Вилюнас В. К.* Психология эмоциональных явлений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.
- Винокур Г. О.* Введение в изучение филологических наук. М.: Лабиринт, 2000.

- Вислова А. Д. Потенциал психологии интеллекта в контексте моделирования искусственного интеллекта // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2019. № 6 (92). С. 32–46.
- Водопьянова Н. Е. Современные концепции ресурсов субъекта профессиональной деятельности // Вестник СПбГУ. Сер. 16. «Психология. Педагогика». 2015. Вып. 1. С. 45–54.
- Войсункский А. Е. Перспективы становления психологии интернета // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 110–118.
- Войсункский А. Е. Психология и искусственный интеллект: новый этап старого взаимодействия // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 2094–2101.
- Волкова Е. Н. Субъектность педагога: теория и практика: Дис. ... докт. психол. наук. М., 1998.
- Воловик В. М. Семейная психотерапия в комплексном лечении больных в инициальном периоде шизофрении (клинические предпосылки и принципы) // Психотерапия при нервных и психических заболеваниях. Л., 1973.
- Воловик В. М. Исследование семей психически больных и семейной проблематики при психических заболеваниях // Клинические и организационные основы реабилитации психически больных. М., 1980.
- Воловик В. М. О функциональной диагностике психических заболеваний // Новое в теории и практике реабилитации психически больных. Л., 1985.
- Воловикова М. И. Людмила Ивановна Анцыферова как организатор лаборатории психологии личности // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 6. С. 18–24.
- Воловикова М. И., Мустафина Л. Ш. Представления о совести в российском менталитете. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Воронин А. Н. Дискурсивные способности: теория, методы изучения, психодиагностика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Воронин А. Н., Горюнова Н. Б. Когнитивный ресурс: структура, динамика, развитие. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Воронин А. Н., Горюнова Н. Б. Экспертная оценка ситуационных факторов, повышающих нагрузку на когнитивный ресурс при решении познавательных задач // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. № 3А. С. 5–17.
- Воронин А. Н., Кубрак Т. А., Смирнов И. В., Ананьева М. И. Проблемы и перспективы междисциплинарного исследования психологических характеристик сетевого сообщества // Modern Science. 2019. № 12 (2). С. 330–336.
- Воронин А. Н., Павлова Н. Д., Кубрак Т. А., Ковалева Ю. В., Гребенщикова Т. А., Нестик Т. А. Субъектность и жизнеспособность сетевых сообществ в дискурсивном пространстве интернета. М.: Онто-Принт, 2020.
- Воронин А. Н., Рафикова А. С. Феноменология искусственного билингвизма: эмпирическое исследование психологических аспектов // Психология и психотехника. 2017. № 2. С. 20–32.
- Воронова А. В., Мазилков В. А. Гендер: междисциплинарный анализ // Вестник Костромского гос. ун-та. Сер. «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика». 2015. Т. 21. № 2. С. 35–40.

Литература

- Вульф К. Антропология воспитания. М.: Практикс, 2012.
- Вундт В. Проблемы психологии народов. М.: Космос, 1912.
- Выгодская Г. Л., Лифанова Т. М. Лев Семенович Выготский. М.: Смысл, 1996.
- Выготский Л. С. Инструментальный метод в педологии // Основные проблемы педологии в СССР / Под ред. А. Б. Залкинда. М., 1928. С. 158–159.
- Выготский Л. С. О связи между трудовой деятельностью и интеллектуальным развитием ребенка // Педология. 1930. № 5–6. С. 588–596.
- Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Соцэкгиз, 1934.
- Выготский Л. С. Умственное развитие детей в процессе обучения. М.–Л.: Учпедгиз, 1935.
- Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М.: Педагогика, 1956.
- Выготский Л. С. Развитие высших психических функций: Из неопубликованных трудов. М.: АПН, 1960.
- Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // Л. С. Выготский. Собр. соч. В 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А. Р. Лурии, М. Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1982. С. 291–436.
- Выготский Л. С. Собр. соч. М.: Педагогика, 1982. Т. 1.
- Выготский Л. С. Мышление и речь // Л. С. Выготский. Собр. соч. В 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1982. С. 5–301.
- Выготский Л. С. Развитие высших психических функций // Л. С. Выготский. Собр. соч. В 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики. М.: Педагогика. 1983. С. 5–328.
- Выготский Л. С. Проблемы детской (возрастной психологии) // Л. С. Выготский. Собр. соч. В 6 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1984. С. 243–432.
- Выготский Л. С. Собр. соч. В 6 т. М., 1984. Т. 4.
- Выготский Л. С. Учение об эмоциях: историко-психологическое исследование // Л. С. Выготский. Собр. соч. В 6 т. Т. 6. Научное наследство. М.: Педагогика, 1984. С. 91–328.
- Выготский Л. С. Конкретная психология человека // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 1986. № 1. С. 51–64.
- Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса. Методологическое исследование // Л. С. Выготский. Психология. М.: Эксмо, 2000. С. 14–120.
- Выготский Л. С., Леонтьев А. Н. Предисловие к книге А. Н. Леонтьева «Развитие памяти» // А. Н. Леонтьев. Становление психологии деятельности. М.: Смысл, 2003. С. 199–206.
- Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Смысл–Эксмо, 2005.
- Выготский Л. С. Конкретная психология человека // Л. С. Выготский. Психология развития человека. М.: Смысл–Эксмо, 2006. С. 1020–1038.
- Выготский Л. С. Проблема высших интеллектуальных функций в системе психотехнического исследования // Культурно-историческая психология. 2007. № 3. С. 105–111.
- Выготский Л. С. Записные книжки. Избранное / Под общ. ред. Е. Завершневой и Р. ван дер Веера. М.: Канон+, 2017.

- Вывровцева Е. В., Иванова Д. М.* Комментатор как субъект речевой коммуникации: лингвокультурные типы // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2020. № 3 (37). С. 105–115.
- Вяткин Б. А.* Творческий путь В. С. Мерлина как процесс создания учения об интегральной индивидуальности // *Психологический журнал*. 1998. Т. 19. № 1. С. 54–61.
- Гайденок П. П.* Эволюция понятия науки: Становление и развитие первых научных программ. М.: Наука, 1987.
- Галкина Т. В., Журавлев А. Л., Костригин А. А.* Яков Александрович Пономарев: некоторые результаты наукометрического анализа творческого наследия // *Ярославский педагогический вестник*. 2022. № 1. С. 117–128.
- Гальперин П. Я.* Типы ориентировки и типы формирования действий и понятий // *Доклады АПН РСФСР*. 1958. № 2. С. 75–78
- Гальперин П. Я.* Введение в психологию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.
- Гальперин П. Я.* Психология как объективная наука. М.: Институт практической психологии; Воронеж НПО «Модэк», 1998. С. 357–388.
- Гальперин П. Я.* Введение в психологию: Учебное пособие для вузов. М.: Книжный дом «Университет», 1999.
- Ганзен В. А.* Системные описания в психологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984.
- Гарбер И. Е.* Мета-инструменты интеграции психологии // *Педагогика и психология современного образования: теория и практика: материалы научно-практической конференции «Чтения Ушинского» (5–6 марта 2020 г.)*. Часть 2 / Под науч. ред. И. Ю. Тархановой. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020. С. 233–238.
- Гегель Г.* Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977.
- Гейзенберг В.* Физика и философия. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963.
- Геллерштейн С. Г.* О психологии труда в работах К. Маркса // *Советская психотехника*. Т. VI. 1933. № 1. С. 1–10.
- Герген К. Дж.* Социальная конструкция в контексте. Харьков: Гуманитарный центр, 2016.
- Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Колибри, 1988.
- Гиг Дж. ван.* Прикладная общая теория систем. М.: Мир, 1981.
- Гинзбург К.* Мифы–эмблемы–приметы. Морфология и история. М.: Новое издательство, 2004.
- Гириц К.* Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004.
- Глозман Ж. М.* Нейропсихологическое обследование: качественная и количественная оценка данных. М.: Смысл, 2019.
- Голик А. Н.* Введение в педагогическую психиатрию. М.: Изд-во УРАО, 2000.
- Голиков Ю. Я., Костин А. Н.* Проблема методологических оснований анализа межсистемных взаимодействий // *Психологический журнал*. 1995. № 4. С. 11–25.
- Головей Л. А., Журавлев А. Л.* Комплексные исследования человека в научной школе Б. Г. Ананьева: разработка проблемы индивидуальности // *Историческая преемственность в отечественной психологии*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.

- Головей Л. А., Журавлев А. Л., Тарабрина Н. В. Б. Г. Ананьев и междисциплинарные исследования в психологии (к 110-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 108–117.
- Горбов Ф. Д. Я – второе я. Воронеж: НПО «Модэк»; М.: Институт практической психологии, 2000.
- Гордукалова Г. Ф. Библиометрия, наукометрия и вебометрия – от числа строк в работах Аристотеля // Научная периодика: проблемы и решения. 2014. № 2 (20). С. 40–46.
- Горин Г. Тот самый Мюнхгаузен. М.: Искусство, 2003.
- Горюнова Н. Б. Дескрипторы когнитивного ресурса и интеллектуальная продуктивность (на примере решения тестовых и малых творческих задач): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2002.
- Гостев А. А. К вопросу о междисциплинарности исторической психологии: менталитет как макросоциополитический феномен // Историческая психология: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Харитоновна, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 133–144.
- Грановский Ю. В. Наукометрический анализ информационных потоков в химии / Отв. ред. В. В. Налимов. М.: Наука, 1980.
- Грановский Ю. В., Дрогалина Ж. А., Маркова Е. В. В. В. Налимов и российская наукометрия // Науковедческие исследования. 2014. № 2014. С. 80–91.
- Грановский Ю. В., Дуженко Л. В., Любимова Т. Н., Мурашова Т. И., Страхов А. Б. Анализ информационных потоков, проходящих через журналы «Успехи химии» и «Доклады Академии наук СССР» (разделы химии и химической технологии) // Наукометрические исследования в химии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. С. 67–79.
- Грачев А. А. Системные основания организационной психологии // Труды Института психологии РАН. Т. 2 / Отв. ред. А. В. Брушлинский, В. А. Бодров. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. С. 116–123.
- Грачев А. А. Терминальный образ в регуляции поведения человека // Психологические проблемы самореализации личности. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2000. С. 75–86.
- Грачев А. А. Психологическое проектирование производственной организации. СПб.: Ин-т практической психологии, 2008.
- Грачев А. А. Теоретические и методологические основания прикладной психологии // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 1. С. 15–24.
- Грачев А. А. Отношение человека к активному социальному объекту: прикладной аспект // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2 (18). С. 419–442.
- Грачев А. А. Жизненные ориентации человека: от фундаментальной теории к психологической практике // Разработка понятий современной психологии. Т. 3 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова, Г. А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021а. С. 473–499. doi: 10.38098/thry_21_0439_14
- Грачев А. А. Терминальный образ как понятие прикладной психологии // Познание и переживание. 2021б. Т. 2. № 1. С. 6–29.

- Гребенщикова Т. А., Зачесова И. А.* Интенциональный аспект взаимодействия в семейном диалоге // Вопросы психолингвистики. 2012. № 16. С. 106–113.
- Гребенщикова Т. А., Зачесова И. А.* Психология повседневного дискурса. Интенциональный аспект. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Грин Б.* Ткань космоса: Пространство, время и текстура реальности. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.
- Гринин Л. Е., Марков А. В., Коротаев А. В.* Макроэволюция в живой природе и обществе. М.: ЛКИ, 2008.
- Гришина Н. В.* Ситуационный подход: исследовательские задачи и практические возможности // Вестник СПбГУ. Психология. 2016. № 1 (16). С. 58–68.
- Гришина Н. В.* Проблема концептуализации контекста в современной психологии // Социальная психология и общество. 2018а. Т. 9. № 3. С. 10–20.
- Гришина Н. В.* Экзистенциальная психология. СПб., 2018б.
- Гришина Н. В.* Самоизменения: ситуационные детерминанты // Вестник СПбГУ. Психология. 2022. Т. 12. Вып. 2. С. 172–185.
- Гришина Н. В., Костромина С. Н.* Психология личности: переосмысление традиционных подходов в контексте вызовов современности // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 52. С. 1. doi: 10.54359/ps.v10i52.385
- Гришина Н. В., Костромина С. Н.* Процессуальный подход: устойчивость и изменчивость как основание целостности личности // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 3.
- Гришина Н. В., Костромина С. Н., Мироненко И. А.* Структура проблемного поля современной психологии личности // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 26–35.
- Гробстайн К.* Стратегия жизни. М.: Мир, 1968.
- Гроф С.* За пределами мозга. М.: Изд-во Трансперсонального ин-та, 1993.
- Гурович И. Я., Шмуклер А. Б., Сторожакова Я. А.* Психосоциальная терапия и психосоциальная реабилитация в психиатрии. М.: ИД «Медпрактика-М», 2004.
- Гусельцева М. С.* Культурно-аналитическая психология как коммуникативная парадигма культурно-психологического знания // Психология и ее приложения. Ежегодник рос. психол. общества. Т. 9. Вып. 2. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2002. С. 464–465.
- Гусельцева М. С.* Культурно-историческая психология: от классической к постнеклассической картине мира // Вопросы психологии. 2003. № 1. С. 99–115.
- Гусельцева М. С.* Культурно-аналитический подход к психологии индивидуальности // Психология индивидуальности / Под ред. В. Д. Шадрикова. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2006. С. 176–179.
- Гусельцева М. С.* Понятие прогресса и модели развития психологической науки // Методология и история психологии. 2007а. Т. 2. № 3. С. 107–119.
- Гусельцева М. С.* Культурная психология: методология, история, перспективы. М.: Прометей, 2007б.
- Гусельцева М. С.* Культурно-аналитический подход к феноменам креативности, неадаптивности и гениальности // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 17–29.
- Гусельцева М. С.* Культурно-аналитический подход в психологии и методологии междисциплинарных исследований // Вопросы психологии. 2009а. № 5. С. 17–27.

- Гусельцева М. С. Проблема изучения психики как междисциплинарного феномена: Культурно-аналитический подход // *Методология и история психологии*. 2009б. Т. 4. Вып. 1. С. 166–179.
- Гусельцева М. С. Культурно-аналитический подход к феномену информационной социализации // *Мир психологии*. 2010. № 3 (63). С. 26–34.
- Гусельцева М. С. Культурно-психологический анализ феномена «интеллигенция» // М. С. Гусельцева, М. М. Кончаловская, Т. Д. Марцинковская, Е. Ю. Уварина. Структура и содержание идентичности российской интеллигенции / Под ред. Т. Д. Марцинковской. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 117–168.
- Гусельцева М. С. Культурно-аналитический подход к социализации личности в транзитивном обществе // *Психологія особистості: Науковий теоретико-методологічний і прикладний психологічний журнал*. 2013а. № 1 (4). С. 20–38.
- Гусельцева М. С. Взаимосвязь культурно-аналитического и историко-генетического подходов к изучению социализации и становления идентичности в психологии // *Психологические исследования*. 2013б. Т. 6. № 27. С. 2. doi: 10.54359/ps.v6i27.721
- Гусельцева М. С. Эволюция психологического знания в смене типов рациональности. М.: Акрополь, 2013в.
- Гусельцева М. С. Интеллектуальные традиции российской психологии (культурно-аналитический подход). М.: Акрополь, 2014.
- Гусельцева М. С. Культурно-деятельностная традиция: становление и развитие // *Вопросы психологии*. 2015а. № 4. С. 3–14.
- Гусельцева М. С. Культурно-аналитический подход к изучению эволюции психологического знания: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2015б.
- Гусельцева М. С. Культурно-аналитический подход к изучению эволюции психологического знания: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2015в.
- Гусельцева М. С. Психология и новые методологии: эпистемология сложного // *Психологические исследования*. 2015г. Т. 8. № 42. С. 11.
- Гусельцева М. С. Принцип развития в психологии: вызовы полипарадигмальности и трансдисциплинарности // *Принцип развития в современной психологии* / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 31–61.
- Гусельцева М. С. Перспективы развития психологического знания: блеск и нищета прогнозов // *Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития* / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018а. С. 628–670.
- Гусельцева М. С. Трансдисциплинарный подход в современной психологии // *Вопросы психологии*. 2018б. № 5. С. 3–12.
- Гусельцева М. С. Психология повседневности в свете методологии латентных изменений. М.: Акрополь, 2019а.
- Гусельцева М. С. Творческое наследие Е. В. Будиловой как источник культурно-аналитического подхода к эволюции психологического знания // *Историческая преемственность в отечественной психологии* / Отв. ред. А. Л. Журав-

Литература

- лев, Е. В. Харитонова, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019б. С. 89–96.
- Гусельцева М. С. Проблема субъекта с позиции культурно-аналитического подхода // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 2. С. 128–138.
- Гусельцева М. С. Психология и антропологическое знание: от парадигм – к трансдисциплинарному подходу // Психологическое знание: виды, источники, пути построения / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 257–303.
- Гусельцева М. С., Асмолов А. Г. Скрытое лидерство и разнообразие моделей успеха в современном обществе // Поволжский педагогический поиск. 2020. № 2 (32). С. 14–23.
- Гусельцева М. С., Изотова Е. И. Позитивная социализация детей и подростков: методология и эмпирика. М.: Смысл, 2016.
- Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени // Э. Гуссерль. Собр. соч. Т. I. М.: Гнозис–Логос, 1994.
- Гуськов А. Е. Реформа российской науки как импульс для развития наукометрических исследований (вступительная статья) // Труды ГПНТБ СО РАН. 2015. № 9. С. 5–13.
- Гюйо Ж.-М. Происхождение идеи времени. СПб., 1889.
- Давыдов В. В. О понятии развивающего обучения // Педагогика. 1995. № 1.
- Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. М.: Интор, 1996.
- Давыдов В. В. Последние выступления. М.–Рига: ПЦ «Эксперимент», 1998.
- Давыдов В. В. Виды обобщения в обучении: Логико-психологические проблемы построения учебных предметов. М.: Педагогическое общество России, 2000.
- Давыдова Г. И., Семенов И. Н. Рефлексивно-диалогический подход к направленности личности ребенка как субъекта // Новые ценности образования. М., 2008. № 1 (38). С. 93–107.
- Дадалко В. А., Дадалко С. В. Наукометрия в контексте науковедения и современного образования // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 1. С. 148–161.
- Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013.
- Декарт Р. Соч. В 2 т. Т. 1 / Сост., ред., вступ. статья. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1989.
- Дерманова И. Б. Субъект, личность, индивидуальность // Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 82–93.
- Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 53–57.
- Дерябо С. Д. Учителю о диагностике эффективности образовательной среды / Под ред. В. П. Лебедевой, В. И. Панова. М.: Молодая гвардия, 1997.
- Дерябо С. Д., Ясвин В. А. Экологическая педагогика и психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
- Джемс У. Психология. СПб.: Типография В. Безобразова и К⁰, 1901.
- Дильтей В. Собр. соч. В 6 т. / Под ред. А. В. Михайлова, Н. С. Плотникова. Т. 3. Построение исторического мира в науках о духе. М.: Три квадрата, 2004.

- Дискурс в современном мире. Психологические исследования / Под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Дмитриева Н. А.* Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М.: Росспэн, 2007.
- Днепров Э. Д.* Педагогика развития и деятельности // Днепров Э. Д. Ушинский и современность. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2007.
- Дойч Д.* Структура реальности. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001.
- Докинз Р.* Расширенный фенотип. М.: Астрель—Corpus, 2011.
- Дорошенко С. И.* Наукометрические показатели массива советской литературы по системным исследованиям // Системные исследования: Ежегодник. М.: Наука, 1978. С. 127–135.
- Дружинин В. Н.* Когнитивные способности: структура, диагностика, развитие. М.: Пер Сэ; СПб.: Иматон-М, 2001.
- Дружинин В. Н., Горюнова Н. Б.* Операциональные дескрипторы когнитивного ресурса и продуктивность решения тестовых задач-головоломок // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 4. С. 21–29.
- Дубров Д. И.* Взаимосвязь аккультурационного ожидания «интеграция» и удовлетворенности жизнью принимающего населения: роль генерализованного доверия // Социальная психология и общество. 2017. № 3 (8). С. 85–99. doi: 10.17759/sps.2017080307
- Дубынина Е. И., Садовская Л. А.* Наукометрический анализ публикаций по наукометрии в медицине // Методологические проблемы медицинской информатики и науковедения / Под ред. А. А. Киселева. М., 1989. С. 202–222.
- Дэвис Э.* Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. М.: АСТ, 2008.
- Дюков В. М., Семенов И. Н., Шайхутдинова Р. В.* Рефлексивно-деятельностная педагогика: учитель для новой школы. Красноярск: Красноярский писатель, 2010.
- Евдокимов В. И., Зотова А. В., Рыбников В. Ю.* Медицинская психология: наукометрический анализ диссертационных исследований (1980–2012 гг.). СПб.: Политехника-сервис, 2013.
- Евдокимов В. И., Рыбников В. Ю., Шамрей В. К.* Боевой стресс: наукометрический анализ отечественных публикаций (2005–2017). СПб.: Политехника-принт, 2018.
- Елисеева И. Н.* Количественные методы в истории психологии: несколько проблемных вопросов // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 4 (24). С. 277–301.
- Елисеева И. Н., Олейник Ю. Н.* Наукометрический анализ как метод изучения состояния и динамики научного направления (на примере использования категории «индивидуальность» в названиях диссертационных исследований 1992–2018 гг.) // Методология, теория, история психологии личности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Никитина, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 218–233.

- Емельянова Т. П.* Коллективная память как предмет мультидисциплинарных исследований // Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Т. 2. № 3. С. 100–125.
- Ермаков Д. С., Панов В. И.* От экологии детства – к психологии устойчивого развития // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 4. С. 121–125. doi: 10.31857/S020595920010513-0
- Ермолаева Е. П.* Профессионал на переломе эпох: мультидисциплинарный подход // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 3 (51). С. 29–34.
- Жане П.* Психологическая эволюция личности. М.: Академический проспект, 2009.
- Ждан А. Н.* Развитие взглядов на предмет психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. Вып. 1. С. 8–22.
- Ждан А. Н.* Методологические уроки С.Л. Рубинштейна // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 4. С. 69–82.
- Ждан А. Н.* Пути и принципы исследования сознания в истории психологии // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. № 1. С. 47–61.
- Ждан А. Н.* Творческий путь и научная школа С.Л. Рубинштейна // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 3. С. 82–95.
- Жерихин В. В., Раутиан А. С.* Кризисы в биологической эволюции // Анатомия кризисов. М.: Наука, 1999. С. 29–48.
- Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М. Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Журавлев А. Л.* Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Журавлев А. Л.* Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 15–32.
- Журавлев А. Л.* Психология коллективного субъекта // Сергей Леонидович Рубинштейн / Под ред. К. А. Абульхановой. М.: ИФ РАН–Ин-т развития им. Г. П. Щедровицкого, 2010. С. 270–316.
- Журавлев А. Л.* Коллективный субъект как феномен и понятие в современной психологии // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 116–161.
- Журавлев А. Л.* Глобальная психология и глобалистика: попытка науковедческого анализа // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов Российской академии наук / Под общ. ред. А. Н. Савенкова. М.: ИГП РАН, 2019. С. 214–236.
- Журавлев А. Л., Дробышева Т. В., Панферов В. Н.* Интегративный подход в социальной психологии как развитие методологии комплексного человекознания (интервью с В. Н. Панферовым) // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 1 (9). С. 123–147.

- Журавлев А. Л., Жалагина Т. А., Журавлева Е. А.* Взаимодействие субъекта труда и организационной среды как предмет психологического исследования в условиях глобальных изменений // Субъект труда и организационная среда: проблемы взаимодействия в условиях глобализации / Отв. ред. А. Л. Журавлев и др. Тверь: ТГУ, 2019. С. 4–10.
- Журавлев А. Л., Ковалева Ю. В.* Глобальная психология: основные подходы к пониманию // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 5. С. 201–209.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Отечественная социальная психология труда: некоторые тенденции развития // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 6. С. 18–29.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Развитие идеи С. Л. Рубинштейна о самоопределении субъекта в современной социальной психологии // Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна / Отв. ред. К. А. Абульханова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 216–233.
- Журавлев А. Л., Мелешко-Брушлинская Т. К. А. В.* Брушлинский – ученый и организатор науки. Предисловие // Брушлинский А. В. Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 5–21.
- Журавлев А. Л., Мироненко И. А., Юревич А. В.* Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 2. С. 58–71.
- Журавлев А. Л., Мироненко И. А., Юревич А. В.* Российская психология в пространстве глобальной науки: ответ дискуссионкам // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 3. С. 113–121.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Психологические особенности коллективного творчества в сетевых сообществах // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 19–28.
- Журавлев А. Л., Павлова Н. Д.* К междисциплинарной проблематике дискурса // Ситуационная и личностная детерминация дискурса / Под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 6–11.
- Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А.* Принцип развития в психологии: разработка и перспективы // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 4. С. 29–40.
- Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А.* Вместо введения. Современные понятия в психологической науке: попытка анализа // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 5–62.
- Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А.* Анализ современных понятий в психологии. Часть I. Опыт систематизации понятий // Психологический журнал. 2021а. Т. 42. № 3. С. 5–15.
- Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А.* Анализ современных понятий в психологии. Часть II. Разработка современных понятий учеными института психологии РАН // Психологический журнал. 2021б. Т. 42. № 4. С. 5–15.
- Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А.* Системно-сетевая организация современных понятий психологии (на примере разработок сотрудников института психологии РАН) // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 5–14.

- Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А., Федоров А. А. Библиометрический анализ трехтомного труда «Разработка понятий современной психологии» (2018–2021 гг.) // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 1. С. 113–126.
- Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А., Харламенкова Н. Е., Виленская Г. А. Понятия современной психологии: содержание, взаимосвязи, место в системе (вместо предисловия) // Разработка понятий современной психологии. Т. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 7–59.
- Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А., Харламенкова Н. Е., Виленская Г. А. Системно-сетевая организация понятий современной психологии (вместо предисловия) // Разработка понятий современной психологии. Т. 3 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова, Г. А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 5–55.
- Журавлев А. Л., Тарабрина Н. В. Психологическая безопасность: на пути к комплексным, междисциплинарным исследованиям (вместо предисловия) // Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 5–21.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В. Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 5–16.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В., Нестик Т. А., Поддьяков А. Н., Юревич А. В. Социальная психология знания / Под общ. ред. А. Л. Журавлева, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В., Юревич А. В. Перспективы психологии в решении задач российского общества. Часть III. На пути к технологиям согласования социальных институтов и менталитета // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 6. С. 5–25.
- Журавлев А. Л., Харламенкова Н. Е. Психология личности как открытой саморазвивающейся системы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 6. С. 30–39.
- Журавлев А. Л., Харламенкова Н. Е. Вместо предисловия. Междисциплинарный, системный, динамический подход Л. И. Анцыферовой: история, состояние, перспективы // Методология, теория, история психологии личности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Никитина, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 11–20.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В. Проблема нравственности в психологической науке // Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 5–12.
- Жучкова Е. В. Моделирование отраслевой словарной типологии: на материале словарей по психологии в русском и английском языках: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008.
- Заварзин Г. А. Эволюция микробных сообществ // Доклад на теоретическом семинаре геологов и биологов «Происхождение живых систем». 2003. URL: <http://www.bionet.nsc.ru/live.php?f=doclad&p=zavarzin> (дата обращения: 12.04.2004).
- Зарецкий В. К. Зона ближайшего развития: о чем не успел написать Выготский... // Культурно-историческая психология. 2007. Т. 3. № 3. С. 96–104.

- Зарецкий В. К.* Один шаг в обучении – сто шагов в развитии: от идеи к практике // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 3. С. 149–188.
- Зарецкий В. К., Холмогорова А. Б.* Смысловая регуляция решения творческих задач // Исследования проблем психологии творчества. М.: Наука, 1983.
- Зарецкий В. К., Холмогорова А. Б.* Педагогическая, психологическая и психотерапевтическая помощь в процессе преодоления учебных трудностей как воздействие развитию ребенка // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25. № 3. С. 33–59.
- Зауш-Годрон Ш.* Социальное развитие ребенка. СПб.: Питер, 2004.
- Зверева Т. В., Носкова О. Г.* Историография историко-психологических исследований 2-й половины XX в. // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 4. С. 98–103.
- Зейгарник Б. В.* Патопсихология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.
- Зейгарник Б. В., Холмогорова А. Б.* Нарушения саморегуляции познавательной деятельности у больных шизофренией // Журнал невропатологии и психиатрии имени С. С. Корсакова. 1985. № 12. С. 1813–1819.
- Зейгарник Б. В., Холмогорова А. Б., Мазур Е. С.* Саморегуляция в норме и патологии // Психологический журнал. 1989. № 2. С. 122–132.
- Зеленкова Т. В.* О сетевой парадигме в психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 3. С. 18–28.
- Зеленкова Т. В.* О соотношении креативности и творчества на разных стадиях исследовательского процесса // Психологическое знание: стадии исследовательского процесса / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. С. 210–248.
- Зелинский Ф. Ф.* Филология // Энциклопедический словарь. Т. XXXVA (70). СПб.: Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1902. С. 811–816.
- Зиновьева Е., Костромина С. Н.* Интеграция опыта: между прошлым и будущим // Вестник СПбГУ. Психология. 2022. 12 (2). С. 186–203. doi: 10.21638/spbu16.2022.207
- Зинченко В. П.* Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15–36.
- Зинченко В. П.* Культурно-историческая психология и психологическая теория деятельности: живые противоречия и точки роста // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 1993. № 2. С. 41–51.
- Зинченко В. П.* Преходящие и вечные проблемы психологии // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии. Ярославль, 2003. С. 98–134.
- Зинченко В. П.* Сознание как предмет и дело психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. Вып. 1. С. 207–231.
- Зинченко В. П.* Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010.
- Зинченко В. П.* Психология действия. Вклад Харьковской психологической школы // Культурно-историческая психология. 2013а. № 1. С. 92–106.
- Зинченко В. П.* Сергей Леонидович Рубинштейн: превратности судьбы ученого // Культурно-историческая психология. 2013б. № 4. С. 93–100.
- Зинченко В. П., Мамардашвили М. К.* Проблема объективного метода в психологии // Постнеклассическая психология: Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода. 2004. № 1. С. 45–70.

Литература

- Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М.: Тривола, 1994.
- Зинченко В. П., Смирнов С. Д. Методологические вопросы психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
- Зинченко Т. П. Когнитивная и прикладная психология. М–Воронеж.: НПО «Модэк», 2000.
- Знаков В. В. Субъект-объектный и субъект-субъектный типы понимания высказываний в межличностном общении // Психология индивидуального и группового субъекта. М.: Пер Сэ, 2002. С. 144–160.
- Знаков В. В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Знаков В. В. Психология субъекта и психология человеческого бытия // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 9–45.
- Знаков В. В. Понимание и человеческое бытие // В. В. Знаков. Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 351–476.
- Знаков В. В. Ценность как проблема психологии человеческого бытия // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / Отв. ред. В. В. Знаков, Г. В. Залевский. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 83–93.
- Знаков В. В. Три традиции психологических исследований – три типа понимания // Вопросы психологии. 2009. № 4. С. 14–23.
- Знаков В. В. Теоретические основания психологии понимания многомерного мира человека // Вопросы психологии. 2014. № 4. С. 16–29.
- Знаков В. В. Субъектно-аналитический подход в психологии понимания // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 28.02.2018).
- Знаков В. В. Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016а.
- Знаков В. В. Современное развитие психологии субъекта: субъектно-аналитический подход // Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016б. С. 52–83.
- Знаков В. В. Новый этап развития психологических исследований субъекта // Вопросы психологии. 2017. № 2. С. 3–16.
- Знаков В. В. Психология возможного. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
- Знаков В. В. Психология возможного: новое направление исследований понимания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.
- Знаков В. В. Психология возможного. Новое направление исследований понимания. Изд. 2-е., испр. и доп. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022.
- Зуев К. Б. Наукометрический анализ творческого наследия Б. Ф. Ломова // Психологические исследования в интернет-пространстве: поисковые системы, социальные сети, электронные базы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020а. С. 340–362.

- Зуев К. Б. Наукометрия: поиск идентичности // Психологические исследования: Вып. 10 / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020б. С. 244–255.
- Зуев К. Б. Издательская серия «Труды молодых ученых Института психологии РАН»: социокультурный и наукометрический анализ // Ученые записки Института психологии РАН. 2022. Т. 2. № 4 (6). С. 63–82.
- Зуев К. Б., Нестик Т. А. Библиометрический анализ развития основных направлений психологических исследований (по данным WoS и статистике поисковых запросов Google) // Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 671–697.
- Зусьман О. М. Соавторство как объект библиометрического анализа // Информатика и науковедение: краткие тезисы докладов и сообщений I Всесоюзной научной конференции (1–4 июня 1988 г., Тамбов) / Под ред. В. М. Тютюника. Тамбов, 1988. С. 245–246.
- Зусьман О. М., Захарчук Т. В. Библиометрический анализ деятельности научных школ // Оптимизация информационно-библиографического обслуживания ученых и специалистов / Отв. ред. Е. Б. Соболева. Новосибирск, 2000. С. 116–131.
- Иванников В. А. Подходы к анализу деятельности // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. Школа А. Н. Леонтьева / Под ред. А. Е. Войскунского, А. Н. Ждан, О. К. Тихомирова. М.: Смысл, 1999. С. 38–47.
- Иванова А. Я. Обучаемость как принцип оценки умственного развития детей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.
- Иванова Т. А. История и современное состояние системного подхода в отечественной психологии: Дис. ... канд. психол. наук. Пермь, 2005.
- Иванова Т. Ю. Функциональная роль личностных ресурсов в обеспечении психологического благополучия: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2016.
- Иванченко Г. В. Забота о себе: история и современность. М.: Смысл, 2009.
- Ивахненко Е. Н. Социология встречается со сложностью // Вестник РГГУ. Сер. «Философские науки. Религиоведение». 2013. № 11. С. 90–101.
- Ивахненко Е. Н. Аутопойезис «эпистемических вещей» как новый горизонт построения социальной теории // Вестник РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2015. № 5. С. 80–92.
- Измайлов Ч. А. Сферическая модель цветоразличения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
- Ильенков Э. В. К вопросу о природе мышления: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. М.: Ин-т философии АН СССР, 1968.
- Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1984.
- Ильясов Ф. Н. Тарифная сетка, система грейдов на основе закона Вебера // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 6 (112). С. 128–135.
- Илюхина В. А., Бронева (Иванова) Т. Б., Кошулько М. А., Нурок М. Ю. Мультидисциплинарный подход к изучению и коррекции нарушений мозговых меха-

- низмов при задержке психического и речевого развития у детей дошкольного возраста // Психология образования в поликультурном пространстве. 2014. № 2 (26). С. 7–26.
- Интеллектуальный потенциал человека: проблемы развития / Под ред. А. А. Крылова, Л. А. Головей. СПб.: СПбГУ, 2003.
- Ионин Л. Г. Социология культуры: учеб. пособие для вузов. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2004.
- Исаева Е. Р. Копинг-поведение и психологическая защита личности в условиях здоровья и болезни. СПб.: Изд-во СПб ГМУ, 2009.
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2012.
- Историческая психология: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Харитоновна, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
- История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций. Материалы Всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи», 30 июня–2 июля 2016 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев и др. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Исурина Г. Л. Групповая психотерапия при неврозах (методы, психологические механизмы лечебного действия, динамика индивидуально-психологических характеристик): Дис. ... канд. психол. наук. Л., 1984.
- Исурина Г. Л., Карвасарский Б. Д., Ташлыков В. А., Тупицын Ю. Я. Развитие патогенетической концепции неврозов и психотерапии В. Н. Мякишева на современном этапе // Теория и практика медицинской психологии и психотерапии / Под ред. Л. И. Вассермана, Б. Д. Карвасарского, В. К. Мягер. СПб., 1994.
- Кабанов М. М. Реабилитация психически больных. Л., 1985.
- Кабанов М. М. Психосоциальная реабилитация и социальная психиатрия. СПб., 1998.
- Казначеев В. П. Современные аспекты адаптации. Новосибирск: Наука, 1980.
- Калачихин П. А. Прогнозирование фундаментальных исследований на основе наукометрических данных // Научно-техническая информация. Сер. 1. «Организация и методика информационной работы». 2020. № 6. С. 1–8.
- Канеман Д. Внимание и усилие / Под ред. А. Н. Гусева. М.: Смысл, 2006.
- Кант И. Соч. В 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1963.
- Кант И. Соч. В 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966.
- Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.
- Капра Ф. Дао физики. СПб.: Орис–Яна-Принт, 1994.
- Капра Ф. Уроки мудрости. М.: Изд-во Трансперсонального ин-та, 1996.
- Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. М.: София, 2003.
- Капцов А. В., Колесникова Е. И. Экспресс-методика диагностики взаимодействий в образовательной среде вуза // Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2020. № 1. С. 23–30.
- Капцов А. В., Панов В. И. Личностные качества субъекта как предикторы экпсихологических типов взаимодействия в деятельности и общении // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 4. С. 72–80. doi: 10.17759/exppsy.2019120406

Литература

- Кара-Мурза С. Г.* Цитирование в науке и подходы к оценке научного вклада // Вестник АН СССР. 1981. Т. 51. № 5. С. 68–75.
- Карасик В. И.* Языковая кристаллизация смысла М.: Гнозис, 2010.
- Карвасарский Б. Д.* Психотерапия. М.: Медицина, 1985.
- Карвасарский Б. Д.* Психотерапевтическая энциклопедия. СПб.: Питер, 2002.
- Карпов А. А.* Рефлексия в структуре сознания // Вестник ЯрГУ. Сер. «Гуманитарные науки». 2012. № 1 (19) С. 6–12.
- Карпов А. А.* Зоопсихология. Ярославль: Филигрань, 2017.
- Карпов А. А.* Структура метакогнитивной регуляции управленческой деятельности. Ярославль: ЯрГУ, 2018.
- Карпов А. А.* Филогенетическая эволюция психики. В 2 т. Т. I. История и этапы. Ярославль: Филигрань, 2021а.
- Карпов А. А.* Филогенетическая эволюция психики. В 2 т. Т. II. Метасистемный подход. Ярославль: Филигрань, 2021б.
- Карпов А. В.* Метасистемная организация уровневых структур психики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Карпов А. В.* Категория субъекта и современный метакогнитивизм // Субъектный подход в психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 67–81.
- Карпов А. В.* Психология сознания: метасистемный подход. М.: ИД РАО, 2011.
- Карпов А. В.* Психология деятельности. В 5 т. М.: ИД РАО, 2015а.
- Карпов А. В.* Метасистемный подход // Психология деятельности. В 5 т. М.: РАО, 2015б. Т. 1.
- Карпов А. В.* Метасистемная организация индивидуальных качеств личности. М.: РАО, 2017.
- Карпов А. В.* Метасистемная организация индивидуальных качеств личности. Ярославль: ЯрГУ, 2018.
- Карпов А. В.* Структура и сущность субъективной реальности. В 2 т. М.: ИД РАО, 2021а.
- Карпов А. В.* Методологические основы психологии информационной деятельности. М.: Изд-во РАО, 2021б.
- Карпов А. В., Карпов А. А.* Введение в метакогнитивную психологию. М.: МПСУ, 2015.
- Карпов А. В., Корнилов Ю. К.* Субъект и объект практического мышления. Ярославль: ЯрГУ, 2005.
- Карпов А. В., Шадриков В. Д.* Интегральная концепция системогенеза деятельности. М.: ИД РАО, 2017.
- Карпова Е. В.* Метасистемный анализ мотивации учебной деятельности в структуре личности // Сибирский психологический журнал. 2006. № 24. С. 59–64.
- Карпова Э. Б., Исурина Г. Л., Журавлев А. Л.* Психологическая концепция отношений В. Н. Мясищева: основы и содержание // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 2. С. 5–14.
- Касавин И. Т.* Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии. 2010. № 4. С. 61–73.
- Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

- Категория переживания в психологии и философии. М.: Прометей, 2004.
- Кестлер А. Дух в машине // Вопросы философии. 1993. № 10. С. 93–122.
- Кибрик А. А., Подлесская В. И. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего // Когнитивные исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 138–158.
- Кирилина А. В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // Вопросы психолингвистики. 2021. № 3 (49). С. 109–148.
- Кирюхина Н. А., Польская Н. А. Эмоциональная дисрегуляция и неудовлетворенность телом в женской популяции // Клиническая и специальная психология. 2021. Т. 10. № 3. С. 126–147. doi: 10.17759/cpse.2021100308
- Клаг У., Каммингс М. Основы генетики. М.: Техносфера, 2009.
- Климчук В. А. Мотивационный дискурс личности: количественные характеристики и сравнительный анализ // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 1. С. 68–83.
- Клочко В. Е. Когнитивная наука: от междисциплинарного дискурса к трансдисциплинарному ракурсу // Сибирский психологический журнал. 2012. № 46. С. 23–32.
- Ключарев В. А., Шмидт А., Шестакова А. Н. Нейроэкономика: нейробиология принятия решений // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 2. С. 14–35.
- Князев М. М. Оптимизация системы обучающих воздействий на основе анализа психологической структуры производственной деятельности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 1973.
- Князева Е. Н. Инновационная сложность: методология организации сложных и сетевых структур // Философия науки и техники. 2015а. Т. 20. № 2. С. 50–69.
- Князева Е. Н. Трансдисциплинарность: в поисках оснований синтеза научного знания // Трансдисциплинарность в науке и философии: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В. Бажанова, Р. В. Шольца. М.: ИД «Навигатор», 2015б. С. 281–301.
- Ковалев Г. А. Психическое развитие ребенка и жизненная среда // Вопросы психологии. 1993. № 1. С. 13–23.
- Ковалева Ю. В., Журавлев А. Л., Костригин А. А. Электронному журналу «Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология» пять лет: наукометрический анализ итогов работы // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 3 (23). С. 272–301.
- Когнитивная психология / Под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. М.: Пер Сэ, 2002.
- Козлова Ю. В., Гришина Н. В. «Изменяющаяся личность в изменяющемся мире» — дискурсивные представления и представления обыденного анализа: сравнительный анализ // Психология личности: Пребывание в изменении / Под ред. Н. В. Гришиной. СПб.: СПбГУ, 2019.
- Кокоулина О. П., Иванов В. А., Лубышев Е. А., Буянова Т. В., Маврина С. Б. Социально-психологическая адаптация спортсменов после завершения профессиональной карьеры // Теория и практика физической культуры. 2019. № 7. С. 49–51.

- Колдунова И. Д. Конструирование аналитико-синтетических задач по теории алгоритмов // Педагогическое образование в России. 2015. № 4. С. 133–139.
- Колокольцева Т. Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) // Жанры речи. 2016. № 2. С. 96–104.
- Кольшикина А. В., Олейник Ю. Н. Возможности использования метода индекса цитирования в историко-психологическом исследовании // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Часть 4. Методологические проблемы историко-психологического исследования / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 288–298.
- Кольцова В. А. Основные тенденции развития российской истории психологии в XX столетии // История отечественной и мировой психологической мысли: постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: материалы международной конференции по истории психологии «IV Московские встречи», 26–29 июня 2006 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 77–84.
- Кольцова В. А. История психологии: проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Кольцова В. А., Журавлев А. Л. Введение: Уникальность научного подхода Б. Г. Ананьевва // Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 9–13.
- Кольцова В. А., Шишлова Н. Использование количественных методов в исследовании тенденций развития современной психологии // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Часть 4. Методологические проблемы историко-психологического исследования / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 275–287.
- Конопкин О. А. Общая способность к саморегуляции как фактор субъектного развития // Вопросы психологии. 2004. № 2. С. 128–135.
- Корнилова Т. В. Идеи активности познания в отечественной психологии мышления // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 4. С. 61–72.
- Корнилова Т. В. К проблеме полипарадигмальности психологических объяснений (или о роли редукционизма и пристрастиях в методологии психологии) // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 5. С. 92–100.
- Корнилова Т. В. Принятие неопределенности как предпосылка развития теоретической психологии // Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 178–200.
- Корнилова Т. В. Интеллектуально-личностный потенциал в условиях неопределенности и риска. СПб., 2016а.
- Корнилова Т. В. Теория деятельности в контексте развития динамической парадигмы // Психология деятельности в XXI веке: к 50-летию факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Ученые записки кафедры общей психологии факультета психологии МГУ. М., 2016б. Т. 3. С. 115–128.

- Корнилова Т. В.* Представления о «каузальном инкрементализме» и психологической неопределенности как о перспективах развития объяснения в психологии // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018а. С. 368–384.
- Корнилова Т. В.* Сетевая организация как путь интеграции психологии // Психологический журнал. 2018б. Т. 39. № 5. С. 99–105.
- Корнилова Т. В., Смирнов С. Д.* Методологические основы психологии. М.: Юрайт, 2011.
- Корнилова Т. В., Тихомиров О. К.* Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.
- Коробейников И. А.* Нарушения развития и социальная адаптация: монография. М.–Саратов: Пер Сэ–Ай Пи Эр Медиа, 2019.
- Костригин А. А.* Цифровая история психологии: проблемы и перспективы // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. № 4. С. 17–24.
- Костригин А. А., Журавлев А. Л.* Количественный анализ изданий Института психологии РАН по научному направлению методологии психологии в 2002–2021 гг. // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 5. С. 99–120.
- Костригин А. А., Хусяинов Т. М.* Динамика частоты упоминания фамилии В. М. Бехтерева в русскоязычном и англоязычном корпусах Google Books // Психологические исследования в интернет-пространстве: поисковые системы, социальные сети, электронные базы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 328–339.
- Костромина С. Н.* Процессуальный подход в психологии // Психология личности. Пребывание в изменении: коллективная монография / Под ред. Н. В. Гришиной. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2019. С. 55–83.
- Костромина С. Н.* Классический «парадокс личности»: есть методологические основания для решения? // Новые психологические исследования. 2021. № 2. С. 7–30. doi: 10.51217/npsyresearch_2021_01_02_01
- Костромина С. Н., Бордовская Н. В., Искра Н. Н., Чувгунова О. А., Гнедых Д. С., Курмакаева Д. М.* Нейронаука, психология и образование: проблемы и перспективы междисциплинарных исследований // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 61–70.
- Костромина С. Н., Гришина Н. В.* Возникающее как предмет исследований в психологии личности // Вопросы психологии. 2021. Т. 67. № 4.
- Котов Н. Ф.* Диссертационные исследования (краткий анализ итогов 1990 г.) // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 1. С. 169–174.
- Кравцова Е. Е.* Культурно-исторические основы зоны ближайшего развития // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 4. С. 42–50.
- Красильников С. А.* Наукометрический анализ персонального состава Сибирского отделения АН СССР // Вопросы истории естествознания и техники. 1987. № 3. С. 23–31.
- Кривцова С. В., Лэнгле А., Орглер К.* Шкала экзистенции (Existenzscala) А. Лэнгле и К. Орглер // Экзистенциальный анализ. ИЭАПП. Бюллетень. 2009. № 1. С. 141–170.

Литература

- Критская В. П., Мелешко Т. К., Поляков Ю. Ф.* Патология мыслительной деятельности при шизофрении: мотивация, общение, познание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991.
- Крюкова Т. Л.* Человек «совладающий»: качества субъекта и его совладающее поведение / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Кубрак Т. А., Латынов В. В.* Психология кинодискурса: факторы выбора, восприятие, воздействие. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- Кузнецова А. А., Хахутадзе Н. М. К.* Библиометрический анализ публикационной активности по проблеме «гендер» в отечественной и зарубежной психологической науке // Известия Юго-Западного гос. ун-та. 2019. Т. 9. № 4 (33). С. 195–204.
- Кузьмин В. П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М.: Политиздат, 1984.
- Кулешова Л. Н.* Профессиональная переориентация и трудоспособность человека // Онтопсихология: Учебное пособие / Под ред. А. А. Крылова, Е. Ф. Рыбалко. СПб.: СПбГУ, 2003. С. 239–247.
- Культурно-историческая психология: истоки и новая реальность / Под ред. А. Д. Майданского. М.: Канон+—РООИ «Реабилитация», 2022.
- Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2003.
- Кун Т.* После «Структуры научных революций». М.: АСТ, 2014.
- Куницына В. Н., Панферов В. Н.* Проблема отношений личности в трудах В. Н. Мясищева // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 3. С. 140–147.
- Кушакова Н. О.* Специфические жанры sms-дискурса // Коммуникативные исследования. 2016. № 1 (7). С. 60–72.
- Кыштымова И. М., Тимофеев С. Б.* Психологическая модель компьютерных игр // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 4. С. 160–174.
- Лазарев В. С.* Обращения читателей к научным периодическим изданиям как показатель тематической направленности изданий // Методологические проблемы медицинской информатики и науковедения / Отв. ред. А. А. Киселев. М., 1989. С. 173–186.
- Лазарев В. С.* Библиометрия // Вопросы библиографоведения и библиотековедения: межведомственный сборник. Вып. 12. Минск: Университетское, 1991. С. 3–18.
- Лакатос И.* Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Академический проект, 2008.
- Лактионова А. И.* Жизнеспособность и социальная адаптация подростков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Ландау Л. Д.* О фундаментальных проблемах // Theoretical physics in the 20 century: A memorial volume to W. Pauli. N. Y.—L.: Interscience, 1960.
- Лапин Н. И.* Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 7.
- Ларионова Л. И.* Модель интеллектуальной одаренности и культурно-психологические факторы ее развития // Сибирский психологический журнал. 2005. № 21. С. 157–161.

Литература

- Ларионова Л. И.* Проблема ресурсного подхода в психолого-педагогической литературе // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Т. 6. № 6а. С. 50–58.
- Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2014.
- Латынов В. В.* Психология коммуникативного воздействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Латынов В. В.* Психологические закономерности объяснения неэтичных поступков // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 61–70.
- Латынов В. В.* Эффекты и закономерности психологического воздействия в сетевых сообществах // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2019. Т. 4. № 4. С. 198–220.
- Латынов В. В.* Психологические аспекты защиты личности от воздействия недостоверной информации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. «Познание». 2020. № 12. С. 75–79.
- Лебедев С. А.* Плюрализм и единство научного знания. Часть первая // Известия Российской академии образования. 2016. № 3. С. 5–23.
- Лебедев С. А.* Три эпистемологических парадигмы: классическая, неклассическая и постнеклассическая // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер. «Философские науки». 2019. № 2. С. 8–21.
- Лебедева В. П., Орлов В. А., Панов В. И.* Психодидактические аспекты развивающего образования // Педагогика. 1996. № 6. С. 25–30.
- Лебедева В. П., Орлов В. А., Панов В. И.* Психодидактические аспекты проектирования образовательной среды (из опыта работы школы ЦКФЛ РАО в п. Черноголовка) // Школа – 2000. Концепции, методики, эксперимент. М.: ИОСО РАО, 1999. С. 275–280.
- Лебедева Н. М.* Ценности культуры и имплицитные теории инновативности // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 25–40.
- Лебедева Н. М.* Этническая идентичность и благополучие русских на постсоветском пространстве: роль диаспоры // Культурно-историческая психология. 2021. Т. 17. № 4. С. 16–24.
- Лебединский М. С., Мясищев В. Н.* Введение в медицинскую психологию. Л.: Медицина, 1966.
- Левин К.* Динамическая психология: Избранные труды / Под общ. ред. Д. А. Леонтьева, Е. Ю. Патяевой. М.: Смысл, 2001а.
- Левин К.* Намерение, воля и потребность (с предварительными замечаниями о психических силах и энергиях и о структуре души) // Динамическая психология. Избранные труды. М.: Смысл, 2001б.
- Левина С. С., Будилова Е. А.* Как наука объясняет психическую деятельность человека: краткие рекомендации. Указатель. М.: Б-ка им. В. И. Ленина, 1954.
- Ледовая Я. А., Тихонов Р. В., Боголюбова О. Н.* Социальные сети как новая среда для междисциплинарных исследований поведения человека // Вестник СПбГУ. Психология и педагогика. 2017. Т. 7. № 3. С. 193–210.
- Лекторский В. А.* Проблема объекта и субъекта в классической и современной буржуазной философии. М., 1968.

Литература

- Лекторский В. А.* Деятельностный подход: смерть или возрождение? // Методологические проблемы современной психологии / Под ред. Т. Д. Марцинковской. М.: Смысл, 2004. С. 5–20.
- Леонтьев А. А.* Лев Семёнович Выготский. М.: Просвещение, 1990.
- Леонтьев А. А.* Нереализованные идеи Алексея Николаевича Леонтьева // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. Школа А. Н. Леонтьева / Под ред. А. Е. Войскунского, А. Н. Ждан, О. К. Тихомирова. М.: Смысл, 1999. С. 118–124.
- Леонтьев А. А.* Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации. М.: Смысл, 2008.
- Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А.* Миф о разрыве: А. Н. Леонтьев и Л. С. Выготский в 1932 году // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 1. С. 14–28.
- Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А.* Алексей Николаевич Леонтьев: комментарии к биографии // Национальный психологический журнал. 2013. № 1 (9). С. 9–17.
- Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А., Соколова Е. Е.* Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2005.
- Леонтьев А. Н.* Проблема развития психики. М.: Мысль, 1965.
- Леонтьев А. Н.* О некоторых перспективных проблемах советской психологии // Вопросы психологии. 1967. № 6. С. 7–22.
- Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.
- Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность // А. Н. Леонтьев. Избранные психологические произведения. М.: Политиздат, 1975.
- Леонтьев А. Н.* Избранные психологические произведения. В 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 1.
- Леонтьев А. Н.* Образ мира // Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. С. 251–261.
- Леонтьев А. Н.* Вступительная статья // Л. С. Выготский. Психология искусства. М.: Искусство, 1986. С. 4–9.
- Леонтьев А. Н.* Философия психологии: из научного наследия / Под ред. А. А. Леонтьева, Д. А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
- Леонтьев А. Н.* Учение о среде в педологических работах Л. С. Выготского (критическое исследование) // Вопросы психологии. 1998. № 1. С. 108–124.
- Леонтьев А. Н.* Учение о среде в педологических работах Л. С. Выготского (критическое исследование) // Психологическая наука и образование. 1998. Т. 3. № 1. С. 5–21.
- Леонтьев А. Н., Запорожец А. В.* Восстановление движения М.: Советская наука, 1945.
- Леонтьев А. Н., Ярошевский М. Г.* Психология // БСЭ. 3-е изд. М., 1975. Т. 21.
- Леонтьев Д. А.* Психология смысла. М.: Смысл, 2009.
- Леонтьев Д. А.* Личность в непредсказуемом мире // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. № 3. С. 120–140.
- Леонтьев Д. А.* Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 3–27.
- Леонтьев Д. А.* Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8 (40).

Литература

- Леонтьев Д. А. Экзистенциальный подход в современной психологии личности // Вопросы психологии. 2016. № 3. С. 3–15.
- Леонтьев Д. А. Культурно-историческая психология деятельности в контексте «функциональной парадигмы» // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 2. С. 19–24. doi: 10.17759/chp.2020160203
- Лепский В. Е., Журавлев А. Л. Проблема субъекта в инженерной психологии и эргономике: управленческий аспект // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 4. С. 7–16.
- Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. М.: Советское радио, 1967.
- Лившиц В. М. Сравнительный наукометрический анализ содержания двух психологических журналов за десять лет // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 6. С. 170–177.
- Лившиц В. М., Крылова Н. В. Наукометрический анализ материалов «Психологического журнала» за 10 лет // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 6. С. 118–123.
- Лидская Э. В., Мдивани М. О., Носкова О. Г. Метод интервью в экопсихологическом исследовании профессий (на примере труда нотариусов) // Пятая российская конференция по экологической психологии: материалы / Под ред. В. И. Панова. М.: Психологический институт РАО, 2009. С. 255–276.
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
- Личность и бытие: субъектный подход / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, З. И. Рябикина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Логинова Н. А. Опыт человекознания: История комплексного подхода в психологических школах В. М. Бехтерева и Б. Г. Ананьева. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005.
- Логинова Н. А. Антропологическая психология Бориса Ананьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Логинова Н. А. Биографические исследования истории психологии // Вестник Пермского ун-та. Философия. Психология. Социология. 2022. № 1. С. 38–50.
- Ломов Б. Ф. Человек и техника: Очерки инженерной психологии. М.: Сов. радио, 1966.
- Ломов Б. Ф. О системном подходе в психологии // Вопросы психологии. 1975. № 2. С. 31–45.
- Ломов Б. Ф. К проблеме деятельности в психологии // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 5. С. 3–22.
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Отв. ред. Ю. М. Забродин, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1984.
- Ломов Б. Ф. Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Ломов В. Ф., Сурков Е. Н. Антиципация в структуре деятельности. М.: Наука, 1980.
- Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1982.
- Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992.
- Лотман Ю. М. Чему учатся люди. Статьи и заметки. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2010.

- Лоуэн А. Физическая динамика структуры характера. М.: Компания «Пани», 1996. С. 22.
- Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004.
- Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007.
- Лурия А. Р. Психология и клиника // Психология. 1929. Т. 2. № 1. С. 33–58.
- Лурия А. Р. Высшие психические функции. М., 1966.
- Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
- Лурия А. Р. Основы нейропсихологии: Учеб. пособие для студентов учреждений высш. проф. образования. М.: ИЦ «Академия», 2013.
- Лэнгле А. Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности. М., 2008.
- Мазилев В. А. Теория и метод в психологии. Ярославль, 1998.
- Мазилев В. А. Психология на пороге XXI века: методологические проблемы. Ярославль: МАПН, 2001.
- Мазилев В. А. Интегративные тенденции в психологии: гештальтпсихология и проблема целостности // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2005а. Вып. 1 (9). С. 16–28.
- Мазилев В. А. Целостность и интеграция в психологии (Некоторые методологические проблемы психологического исследования) // Вестник интегративной психологии: Журнал для психологов. 2005б. Вып. 1 (3). С. 38–40.
- Мазилев В. А. Интеграция научного знания в психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007а. С. 427–458.
- Мазилев В. А. Методология психологии. Ярославль: МАПН, 2007б.
- Мазилев В. А. Интеграция психологического знания. Ярославль: МАПН, 2008.
- Мазилев В. А. Разработка теории комплексных и междисциплинарных исследований в психологии // Ярославский педагогический вестник. 2013а. Т. 2. № 4. С. 201–211.
- Мазилев В. А. Перспективы парадигмального синтеза в современной психологии // Ярославский педагогический вестник. 2013б. Т. 2. № 3. С. 186–194.
- Мазилев В. А. Коммуникативная методология психологической науки // Концепции ведущих ученых института педагогики и психологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского / Науч. ред. В. А. Мазилев. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015а. С. 112–128.
- Мазилев В. А. Психология академическая и практическая: Актуальное сосуществование и перспективы // Психологический журнал. 2015б. Т. 36. № 3. С. 87–96.
- Мазилев В. А. Методология психологии: к разработке концепции психологического факта // Ярославский педагогический вестник. 2015в. № 4. С. 157–172.
- Мазилев В. А. Факт в современной психологии: методологические проблемы // Сибирский психологический журнал. 2015г. № 56. С. 21–36.
- Мазилев В. А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль: ЯГПУ, 2017.
- Мазилев В. А. О психологических понятиях и методологии психологии // Вопросы психологии. 2020а. № 1. С. 71–83.
- Мазилев В. А. Предмет психологии. Монография. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020б.

- Мазилев В. А.* Природа психологического знания и возможные пути его интеграции // Психологическое знание: виды, источники, пути построения / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021а. С. 221–255.
- Мазилев В. А.* Психология в борьбе за существование // Методология современной психологии. Вып. 13. М.–Ярославль: ЯрГУ–ЛКИИСИ РАН–МАПН, 2021б. С. 259–286.
- Мазилев В. А., Слепко Ю. Н.* История психологии: учебно-методический комплекс дисциплины. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015.
- Мазилев В. А., Слепко Ю. Н.* Психологические исследования в современной России: опыт наукометрического анализа (по материалам «Сибирского психологического журнала») // Сибирский психологический журнал. 2020. № 77. С. 10–22.
- Мазилев В. А., Слепко Ю. Н.* Психология в объективе наукометрии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 3 (23). С. 342–367.
- Макаров В. В.* Психотерапия нового века. М.: Академический проект, 2001.
- Маккелланд Д.* Мотивация человека. М.–СПб.: Питер, 2007.
- Максимов В. В.* Анализ системы научных отношений ученых по текстам их публикаций // Социально-психологические проблемы науки / Под ред. М. Г. Ярошевского. М.: Наука, 1973. С. 211–226.
- Максимцев И. А., Локшина Э. Х., Демидова Л. Г., Куганов В. Г.* К вопросу об экономической психологии и психологической экономике // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. 2014. № 2. С. 5–8.
- Макушкин Е. В., Фесенко Ю. А., Шигашов Д. Ю., Бебчук М. А.* Детская психиатрическая служба страны. М.: Юрайт, 2022.
- Малахов В. А.* Библиометрический анализ как метод науковедческих исследований: возможности и ограничения // Науковедческие исследования. 2022. № 2022 (1). С. 212–227.
- Мамардашвили М. К.* Процессы анализа и синтеза // Вопросы философии. 1958. № 2. С. 50–63.
- Мамардашвили М. К.* Формы и содержание мышления (К критике гегелевского учения о формах познания). М.: Высшая школа, 1968.
- Мамардашвили М. К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси: Мецниереба, 1984.
- Мамардашвили М. К.* О сознании // М. К. Мамардашвили. Необходимость себя (Лекции. Статьи. Философские заметки). М.: Лабиринт, 1996. С. 214–229.
- Мамардашвили М.* Стрела познания: сборник. М.: Тайдекс Ко., 2004.
- Мануйлов Ю. С.* Средовой подход в свете педагогических идей Льва Семеновича Выготского // Вестник Костромского гос. ун-та. Сер. «Педагогика. Психология. Социокинетика». 2016. № 4. С. 31–319.
- Марголис А. А.* Зона ближайшего развития, скаффолдинг и деятельность учителя // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 3. С. 15–26.
- Марков А. В.* Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы. М.: Астрель–Corpus, 2010.

- Маркс К. Тезисы о Фейербахе // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 3. С. 1–4.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М.: Гос. изд. полит. лит., 1960. Т. 23.
- Маркусова В. А. Введение: история и развитие наукометрии // Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии / Под ред. М. А. Акова. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2021. С. 37–86.
- Марсель Г. Пятая лекция. Рефлексия первой и второй ступени. Экзистенциальный ориентир // История философии. М.: ИФ РАН, 2003. Вып. 10. С. 143–163.
- Марцинковская Т. Д. Образ Я в современном мире – константы и трансформации // Мир психологии. 2009. № 4.
- Марцинковская Т. Д. Историко-генетический подход: методология и практика // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2012. № 2. С. 7–19.
- Марцинковская Т. Д. Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015а.
- Марцинковская Т. Д. Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015б. Т. 8. № 42.
- Марцинковская Т. Д. Социализация в эпоху транзитивности: методологический аспект // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 5. С. 14–21.
- Марцинковская Т. Д. Психология повседневности: оксюморон или новый тренд психологии // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 56.
- Маршакова И. В. Система цитирования научной литературы как средство слежения за развитием науки. М.: Наука, 1988.
- Маршакова-Шайкевич И. В. Вклад России в развитие науки: библиометрический анализ. М.: ТОО «Янус», 1995.
- Маршакова-Шайкевич И. В. Библиометрический анализ социальных наук: «лидирующие области» периода 1985–1992 // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1996. № 4. С. 207–216.
- Маслоу А. Психология бытия. М.–Киев, 1997.
- Маслоу А. По направлению к психологии бытия. М., 2002.
- Матурана У., Варела Ф. Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- Махнач А. В. Жизнеспособность как междисциплинарное понятие // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 6. С. 84–98.
- Махнач А. В. Жизнеспособность человека: новое понятие и новые вызовы // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 533–560.
- Махнач А. В. Жизнеспособность замещающей семьи как малой социальной группы: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2019.
- Махнач А. В., Лактионова А. И. Жизнеспособность подростка: понятие и концепция // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 290–312.
- Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Университетская книга, 2012.

Литература

- Мелешко Т. К.* Континуально-генетическая теория А. В. Брушлинского: рождение идеи // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 4. С. 98–104.
- Ментальная репрезентация. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Мерлин В. С.* Проблемы интегрального исследования индивидуальности человека // Психологический журнал. 1980. Т. 1. № 1. С. 58–71.
- Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006.
- Месарович М., Мако Д., Такахара И.* Теория иерархических многоуровневых систем. М.: Мир, 1973.
- Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф.* Основы менеджмента. М.: Дело, 1997.
- Месропян В. Р., Овсянников М. В.* Перспективы использования наукометрических методов в прогнозировании // Научно-техническая информация. Сер. 1. «Организация и методика информационной работы». 2014. № 2. С. 19–27.
- Методологические проблемы современной психологии – парадигмальный и междисциплинарный аспект. М.: Смысл, 2005.
- Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Методы социальной психологии / Под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
- Миллер Дж. А.* Когнитивная революция с исторической точки зрения // Вопросы психологии. 2005. № 6. С. 104–109.
- Миллер Дж., Галантер Ю., Прибрам К.* Планы и структура поведения. М.: Прогресс, 1965.
- Миракян А. И.* Психология пространственного восприятия. Ереван: Айастан, 1990.
- Миракян А. И.* Контуры трансцендентальной психологии. Кн. 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.
- Миракян А. И.* Контуры трансцендентальной психологии. Кн. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Миркин Б. М., Абрамова Л. М., Розенберг Г. С.* Опыт наукометрического анализа состояния ботаники в СССР // Ботанический журнал. 1980. Т. 65. № 9. С. 1196–1202.
- Мироненко И. А.* Актуальные тенденции методологии истории психологии в свете философско-методологических проблем историографии // Вестник СПбГУ. Психология. 2021. Т. 11. № 4 С. 312–325.
- Миронова Н. И.* Социопсихоллингвистика: объект и предмет науки // Вопросы психоллингвистики. 2014. № 20. С. 81–89.
- Митина О., Петренко В. Ф.* Синергетическая модель динамики политического сознания // Синергетика и психология. Тексты. Вып. 1. Методологические вопросы. М.: Изд-во МГСУ «Союз», 1997. С. 334–361.
- Моргун А. Н.* Международное (мировое) историко-психологическое отраслевое сообщество: наукометрический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2022. Т. 7. № 1 (25). С. 178–214.

- Моргун А. Н., Олейник Ю. Н., Журавлев А. Л.* Тематические направления отечественной истории психологии как внутренние факторы развития отрасли: наукометрический анализ на материале РИНЦ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 1 (21). С. 219–251.
- Моргун А. Н., Олейник Ю. Н., Журавлев А. Л.* Авторское сотрудничество в информационном пространстве «Психологического журнала»: сообщества и научные темы в профессиональной коммуникации // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2022а. Т. 7. № 3 (27). С. 6–66.
- Моргун А. Н., Олейник Ю. Н., Журавлев А. Л.* Цитируемость «Психологического журнала» в информационном пространстве ведущих мировых научных изданий // Психологический журнал. 2022б. Т. 43. № 6. С. 105–118.
- Морозов В. П.* Невербальная коммуникация. Экспериментально-психологические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Моросанова В. И.* Осознанная саморегуляция произвольной активности человека как психологический ресурс достижения целей // Теоретическая и экспериментальная психология. 2014. Т. 7. № 4. С. 62–78.
- Моторина Л. Е., Черняева Г. В.* Психологическая виртуальная реальность в компьютерной интерактивной среде // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 8–26.
- Мульченко З. М., Налимов В. В.* Что мы ждем от наукометрии? // Материалы к симпозиуму «Исследование операций и анализ развития науки». Часть 1. Методы анализа развития науки. М., 1967. С. 38–59.
- Мураками Х.* К югу от границы, на запад от солнца. М.: Эксмо, 2015.
- Мэй Р.* Открытие Бытия. М., 2004.
- Мягер В. К., Мишина Т. М.* Семейная психотерапия: Руководство по психотерапии. Л., 1979.
- Мясищев В. Н.* Личность и неврозы. Л., 1960.
- На стыке двух спектров: нарушения социального познания при биполярном и шизоаффективном расстройствах: коллективная монография / Под ред. А. Б. Холмогоровой. М.: Неолит, 2016.
- Налимов В. В., Дрогалина Ж. А.* Трансперсональное движение: возникновение и перспектива развития // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 3. С. 130–139.
- Налимов В. В., Мульченко З. М.* Наукометрия: изучение развития науки как информационного процесса. М.: Наука, 1969.
- Нартова-Бочавер С. К.* Психологическое пространство личности: монография. М.: Прометей, 2005.
- Наторп П.* Философия как основа педагогики // П. Наторп. Избр. работы / Сост. В. А. Куренной. М., 2006. С. 295–383.
- Незнанов Н. Г., Коцюбинский А. П., Мазо Г. Э.* Биопсихосоциальная психиатрия: Руководство для врачей. М.: СИМК, 2020.
- Некрасов П. А.* Философия и логика науки о массовых проявлениях человеческой деятельности. М., 1902.

Литература

- Нестик Т. А.* Развитие цифровых технологий и будущее психологии // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер. «Психологические науки». 2017. № 3. С. 6–15.
- Никифоров Г. С.* Энергетический потенциал человека // Вестник СПбГУ. Сер. 16. 2014. Вып. 3. С. 13–20.
- Николаевская И. А.* Ситуационно-векторный анализ стенограмм занятий по преодолению учебных трудностей: анализ случая // Клиническая и специальная психология. 2020. Т. 9. № 1. С. 186–203. doi: 10.17759/cpse.2020090110
- Николис Г., Пригожин И.* Познание сложного. М.: Изд-во УРСС, 2003.
- Никольская А. В.* Взаимодействие человека с домашними животными: теория, методология и практика. М.: Перо, 2012.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Под ред. Г. Л. Белкиной. М.: URSS, 2014.
- Носачев Г. Н.* Психотерапевтический метод – новая парадигма практической психологии // Актуальные проблемы и новые технологии медицинской (клинической) психологии и психотерапии: Сборник материалов научно-практической конференции с международным участием, посвященной 25-летию факультета медицинской психологии / Под общ. ред. Г. П. Котельникова, О. С. Ковшовой. Самара: Типография ЦРП, 2016. С. 190–197.
- Носкова О. Г.* Будущее психологической науки и практики с позиции истории психологии и науковедения // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 4. С. 122–125.
- Носуленко В. Н.* Психофизика восприятия естественной среды: проблема воспринимаемого качества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Нюттен Ж.* Мотивация, действия и перспектива будущего / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004.
- Обухова Л. Ф.* Предисловие // Жан Пиаже: теория, эксперименты, дискуссии / Под ред. Л. Ф. Обуховой, Г. В. Бурменской. М.: Гардарики, 2001. С. 5–31.
- Обухова Л. Ф., Корепанова И. А.* Пространственно-временная схема зоны ближайшего развития // Вопросы психологии. 2005. № 5. С. 13–26.
- Овчинников Н. Ф.* Поиски достоверности // Философия науки. 2001. Т. 7. № 1. С. 75–91.
- Огурцов А. П.* Приключения философии науки в XX веке // Философия науки. 2001. № 3 (11). С. 27–51.
- Олейник Ю. Н.* История психологии как история научных проблем: проблемологический подход // Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Т. 2. № 1. С. 20–40.
- Олейник Ю. Н., Елисеева И. Н.* История исследований темперамента и характера в отечественной психологии: наукометрический анализ диссертационных исследований // Вестник Пермского ун-та. Философия. Психология. Социология. 2022. № 1. С. 65–77.
- Олескин А. В.* Сетевые структуры в биосистемах // Журнал общей биологии. 2013а. Т. 74. № 2. С. 112–138.
- Олескин А. В.* Сетевые структуры в биосистемах и человеческом обществе. М.: Книжный дом «Либроком», 2013б.

- Олешкевич В. И.* Холистический подход в психологии и психологическая герменевтика А. Адлера // Психология и психотехника. 2011. № 10 (37). С. 73–84.
- Орлов А. И.* Наукометрия и управление научной деятельностью // Управление большими системами: сборник трудов. 2013. № 44. С. 538–568.
- Осин Е. Н., Леонтьев Д. А.* Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 55–81.
- Осипов Г. В., Климовицкий С. В.* Наукометрия. Индикаторы науки и технологии / Отв. ред. В. А. Садовничий. М.: Юрайт, 2023.
- Отечественная экопсихология: направления исследований и методический инструментарий / Под ред. Ю. Г. Панюковой. М.—СПб.: Нестор-История, 2020.
- Ошанин Д. А.* Концепция оперативности в инженерной и общей психологии. М.: Наука, 1977.
- Ошанин Д. А.* Предметное действие и оперативный образ: Избранные психологические труды. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «Модэк», 1999.
- Павлова Н. Д.* Механизмы и средства психологического воздействия в дискурсе // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 32. С. 3.
- Павлова Н. Д.* Дискурс информационного общества: результаты и перспективы психологических исследований // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 2. С. 20–29.
- Павлова Н. Д., Гребенщикова Т. А.* Интент-анализ. Основания, процедура, опыт использования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Павлова Н. Д., Гребенщикова Т. А., Афиногенова В. А., Зачесова И. А., Кубрак Т. А.* Интенциональное пространство постсобытийного дискурса на различных интернет-площадках // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 3. С. 78–91.
- Павлова Н. Д., Григорьева А. А.* Интенциональные основания выбора средств речевого воздействия (на примере масс-медийного дискурса) // Психолінгвістика: Науково-теоретичний збірник. 2012. № 10. С. 92–106.
- Панов В. И.* О парадигмах изучения процесса восприятия движения // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 1992. № 3. С. 13–22.
- Панов В. И.* Непосредственно-чувственный уровень восприятия движения и стабильности объектов: Дис. ... докт. психол. наук. М., 1996.
- Панов В. И.* О проблемах экологической психологии // Психологическое обозрение. 1997б. № 1 (4). С. 6–11.
- Панов В. И.* Непосредственно-чувственный уровень восприятия движения и стабильности объектов // Вопросы психологии. 1998а. № 2. С. 82–107.
- Панов В. И.* Психические состояния как объект и предмет психологического исследования // Мир психологии. 1998б. № 2. С. 20–35.
- Панов В. И.* Некоторые теоретические и практические проблемы одаренности // Прикладная психология. 1998в. № 2. С. 33–48.
- Панов В. И.* О предмете психологии экологического сознания // Прикладная психология. 2000. № 6. С. 1–15.
- Панов В. И.* К проблеме психолого-педагогического проектирования и экспертизы образовательного учреждения // Психологическая наука и образование. 2001а. № 2. С. 14–20.

Литература

- Панов В. И. Одаренные дети: выявление—обучение—развитие // Педагогика. 2001б. № 4. С. 30—43.
- Панов В. И. Экологическая психология: опыт построения методологии. М.: Наука, 2004.
- Панов В. И. Одаренность и одаренные дети: экопсихологический подход. М.: Изд-во РУДН, 2005.
- Панов В. И. Ноосфера — психическая реальность или метафора? (Экопсихологическая гипотеза) // Вестник Ярославского гос. ун-та им. П. Г. Демидова. Сер. «Психология». Ярославль, 2006. С. 21—28.
- Панов В. И. Психодидактика образовательных систем: теория и практика. СПб.: Питер, 2007.
- Панов В. И. Парадоксы изучения психики и возможность их преодоления // Национальный психологический журнал. 2011. № 1 (5). С. 50—54.
- Панов В. И. Экопсихологические взаимодействия: виды и типология // Социальная психология и общество. 2013. № 3. С. 13—27.
- Панов В. И. Экопсихология: Парадигмальный поиск. М.: Психологический институт РАО; СПб.: Нестор-История, 2014а.
- Панов В. И. Экопсихологическая модель становления субъектности курсантов военного вуза // Российский научный журнал. 2014б. № 6. С. 110—122.
- Панов В. И. Этапы овладения профессиональными действиями: экопсихологическая модель становления субъектности // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 2016а. № 4. С. 16—25. doi: 10.11621/vsp.2016.04.16
- Панов В. И. Субъектность в контексте экопсихологического подхода к развитию психики // Образование и саморазвитие. 2015а. № 3 (45). С. 10—18.
- Панов В. И. Психолого-педагогические аспекты экологического сознания // Педагогика. 2015б. № 5. С. 59—70.
- Панов В. И. Коммуникативные взаимодействия в межвидовой группе «человек—домашнее животное» в контексте экопсихологических типов взаимодействий // Теоретическая и экспериментальная психология. 2016б. Т. 9. № 1. С. 60—70.
- Панов В. И. Пространство, время и движение — парадигмальные сдвиги // Вестник РУДН. Сер. «Философия». 2017а. Т. 21. № 4. С. 572—581. doi: 10.22363/2313-2302-2017-21-4-572-581
- Панов В. И. Гипотеза об экопсихологических предпосылках изучения парапсихологических форм психической активности // Методология современной психологии. Вып. 7 / Под ред. В. В. Козлова, А. В. Карпова, В. А. Мазилова, В. Ф. Петренко. М.—Ярославль: ЯрГУ, 2017б. С. 429—445.
- Панов В. И. Экопсихологический подход к развитию одаренности // Психология одаренности и творчества: монография / Под ред. Л. И. Ларионовой, А. И. Савенкова. М.—СПб.: Нестор-История, 2017в. С. 37—51.
- Панов В. И. Напряженность образовательной среды в контексте субъект-средовых взаимодействий // Научное мнение: научный журнал. СПб., 2018. № 1. С. 48—56.
- Панов В. И. Экопсихология развития: гносеологическая и онтологическая парадигмы // Познание и переживание. 2020а. Т. 1. № 1. С. 38—54. doi:10.51217/cogexp_2020_01_01_03

Литература

- Панов В. И.* Парадоксальность и природа одаренности: экопсихологический подход // Ярославский психологический вестник. 2020б. Вып. 3 (48). С. 35–43.
- Панов В. И.* Субъектность педагога в условиях цифровизации образования: экопсихологический аспект // Педагог в контексте личностного и профессионального развития: реальность и перспективы: коллективная монография / Под ред. Л. М. Митиной. М.: Психологический институт РАО, 2022а. С. 63–72.
- Панов В. И.* Экопсихологический подход к развитию психики: этапы, предпосылки, конструкты // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022б. № 3. С. 100–117. doi:10.24412/2073-0861-2022-3-100-117
- Панов В. И., Егорова Т. Е., Лапчинская Н. В.* Психическое состояние в структуре экологического сознания // Психология, психических состояний. Вып. 4 / Под ред. А. О. Прохорова. Казань: Центр инновационных технологий, 2002. С. 100–118.
- Панов В. И., Калинин И. В.* Экопсихологический подход к анализу межсубъектных взаимодействий // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. 2021. № 3. С. 221–232. doi: 10.52070/2500-3488_2021_3_840_22
- Панов В. И., Капцов В. И.* Взаимосвязь межличностных отношений и экопсихологических типов взаимодействия // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т. 14. № 2 (5). С. 1219–1227.
- Панов В. И., Капцов А. В.* Структура стадий становления субъектности обучающихся: связность, целостность, формализация // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26. № 4. С. 91–103. doi: 10.17759/pse.2021260408
- Панов В. И., Капцов А. В., Колесникова Е. И.* Дидактические и психодидактические аспекты моделирования становления субъектности студента вуза // Педагогика и просвещение. 2019. № 4. С. 125–135. doi: 10.7256/2454-676.2019.4.31093
- Панов В. И., Никольская А. В.* Взаимодействия в малой группе: экопсихологический подход // Малая группа как объект и субъект психологического влияния: материалы Всеросс. науч. конф. (с межд. участием). Курск гос. ун-т, 21–22 октября 2011 г. Часть 1 / Под общ. ред. А. С. Чернышева. Курск, 2011. С. 83–99.
- Панов В. И., Патраков Э. В.* Цифровизация информационной среды: риски, представления, взаимодействия: монография. М.: Психологический институт РАО – Курск: Университетская книга, 2020.
- Панов В. И., Плаксина И. В.* Характеристики педагогической субъектности // Вестник ВлГУ. 2016. № 25 (44). С. 86–96.
- Панов В. И., Плаксина И. В.* Субъектность студентов педагогического вуза в меняющейся образовательной среде // Психолого-педагогические исследования. 2022. Т. 14. № 2. С. 64–83. doi: 10.17759/psyedu.2022140205
- Панов В. И., Сараева Н. М.* Методологические аспекты изучения состояния психики людей, проживающих в районе экологического неблагополучия // Вестник РУДН. Сер. «Психология и педагогика». 2009. № 4. С. 6–13.
- Панов В. И., Сараева Н. М., Суханов А. А.* Влияния экологически неблагоприятной среды на интеллектуальное развитие детей. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

- Панов В. И., Селезнева М. В. Опыт изучения профессиональных компетенций преподавателей иностранных языков военного вуза на разных стадиях становления субъектности // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 4. С. 72–80. doi: 10.17759/pse.2019240406
- Панов Е. Н. Эволюция диалога. М.: Языки славянской культуры, 2014.
- Панферов В. Н. К вопросу о восприятии человеческих лиц // Человек и общество / Под ред. Б. Г. Ананьева, В. Я. Ельмеева, Д. А. Керимова. Вып. 2. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. С. 159–168.
- Панферов В. Н. О роли внешности в регуляции отношений // Человек и общество / Под ред. Б. Г. Ананьева, В. Я. Ельмеева, Д. А. Керимова. Вып. 3. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. С. 235–240.
- Панферов В. Н. Внешность и личность // Социальная психология личности. Л.: Знание, 1974а. С. 106–113.
- Панферов В. Н. Восприятие и интерпретация внешности людей // Вопросы психологии. 1974б. Т. 20. № 2. С. 59–64.
- Панферов В. Н. Когнитивные эталоны и стереотипы взаимопознания людей // Вопросы психологии. 1982. № 5. С. 139–141.
- Панферов В. Н. Психология – профессия XXI века. СПб.: Изд-во Михайлова, 1999.
- Панферов В. Н. Психология человека. СПб.: Изд-во Михайлова, 2000.
- Панферов В. Н. Интегральный синтез психологии человека: в науке, в образовании, в социальном взаимодействии. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015.
- Панферов В. Н., Безгодова С. А. Методологические основы и проблемы психологии. Учебник и практикум. М.: Юрайт, 2016.
- Панферов В. Н., Безгодова С. А., Васильева С. В., Гусева Ю. Е., Микляева А. В. Структурная модель психической организации в контексте интегративного подхода к психологии человека // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2018. № 187. С. 30–39.
- Панферов В. Н., Волохонская М. С., Микляева А. В. Общая психология. Теоретические основы. Учебник и практикум. М.: Юрайт, 2016а.
- Панферов В. Н., Волохонская М. С., Микляева А. В., Румянцева П. В. Общая психология. Основные психические явления. Учебник и практикум. М.: Юрайт, 2016б.
- Панферов В. Н., Микляева А. В. Принцип целостности в интеграции психологического знания // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 2. С. 5–14.
- Панферов В. Н., Микляева А. В., Безгодова С. А. Психический процесс в социальной перцепции // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2019. Т. 21. № 2 (78). С. 403–413.
- Панферов В. Н., Микляева А. В., Румянцева П. В. Основы психологии человека. СПб.: Речь, 2009.
- Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. В. Корниловой, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002.

- Пенькова О. В., Тютюнник В. М. Информетрия, наукометрия и библиометрия: наукометрический анализ современного состояния // Вестник российских университетов. Математика. 2001. Т. 6. № 1. С. 86–88.
- Петерс Э. Хаос и порядок на рынках капитала. М.: Мир, 2000.
- Петренко В. Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 3. С. 113–121.
- Петренко В. Ф. Основы психосемантики. 2-е изд. СПб.: Питер, 2005.
- Петренко В. Ф., Супрун А. П. Взаимосвязь квантовой физики и психологии сознания // Психологический журнал. 2014. № 6. С. 69–86.
- Петровская Л. А. Вступительная статья // К. Рудестам. Групповая психотерапия. Психокоррекционные группы: теория и практика. М.: Прогресс, 1990.
- Петровский А. В. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010.
- Петровский А. В. «Субъектность» в пространстве культуры и наяву // Мир психологии. 2015. № 3 (83). С. 14–38.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Основы теоретической психологии. М.: Инфра-М, 1998.
- Петровский В. А. Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии. 1985. № 4. С. 17–30.
- Петровский В. А. Психология неадаптивной активности. М.: Горбунок, 1992.
- Петровский В. А. Личность: феномен субъектности. Ростов-на-Дону: РГУ, 1993.
- Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
- Петровский В. А., Андреева А. И. Критерии ценности научного факта: опыт персонологической наукометрии // Мир психологии. 2018. № 3 (95). С. 224–232.
- Пиаже Ж. Генезис восприятия // Экспериментальная психология. 1978. Вып. 6. С. 14–87.
- Пигалев А. И. Бог и обратная связь в сетевой парадигме Грегори Бейтсона // Вопросы философии. 2004. № 6. С. 148–159.
- Писляков В. В. Библиометрические индикаторы в ресурсах Thomson Reuters // Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии / Под ред. М. А. Акоева. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2014. С. 75–109.
- Писляков В. В. Наукометрическая интроспекция: что знают базы данных о самих себе // Университетская книга. 2021. № 1. С. 50–53.
- Плаксина И. В. Этапы развития субъектности учащихся разных возрастов // European Social Science Journal. 2015. № 7. С. 321–328.
- Плаксина И. В. Интерактивные образовательные технологии: учебное пособие. М.: Юрайт, 2017.
- Плаксина И. В. Условия становления единого субъекта «учащийся–цифровая среда» // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (ДНТЕ 2021): сб. ст. II Всеросс. научно-практической конференции с межд. участием. 11–12 ноября 2021 г. / Под ред. В. В. Рубцова, М. Г. Сороковой, Н. П. Радчиковой. М.: Изд-во ФГБОУ ВО «МГППУ», 2021а. С. 699–711.
- Плаксина И. В. Характеристики субъектных взаимодействий студентов педагогических специальностей при организации образовательного процесса

- в режимах онлайн и офлайн // Вестник Владимирского гос. ун-та им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Сер. «Педагогические и психологические науки». 2021б. № 45 (64). С. 131–141.
- Повестка дня в области устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda> (дата обращения: 28.06.2022).
- Повестка дня на XXI век (Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 314 июня 1992 года). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (дата обращения: 17.06.2022).
- Поддьяков А. Н.* Психология обучения в условиях новизны, сложности, неопределенности // *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен* / Под общ. ред. А. Г. Асмолова. М.: ИД «ЯСК», 2018. С. 261–276.
- Позднева С. П.* Междисциплинарность как тотальный феномен познания XXI века: становление междисциплинарного словаря науки // *Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. «Философия. Психология. Педагогика»*. 2009. Т. 9. № 2. С. 114–123.
- Полянин А. Д.* Недостатки индексов цитируемости и Хирша и использование других наукометрических показателей // *Математическое моделирование и численные методы*. 2014. № 1 (1). С. 131–144.
- Пономарев Я. А.* О взаимодействии и развитии (в связи с исследованием взаимодействия познающего субъекта с познаваемым объектом) // *Я. А. Пономарев. Психика и интуиция* / Ред.-сост. А. Л. Журавлев, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 222–231.
- Поппер К.* Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.
- Поппер К.* Логика научного исследования. М.: Республика, 2004.
- Поппер К.* Знание и психофизическая проблема: В защиту взаимодействия. М.: ЛКИ, 2008.
- Порус В. Н.* Междисциплинарность как тема философии науки // *Эпистемология и философия науки*. 2013. Т. 38. № 4. С. 5–13.
- Почебут Л. Г., Чикер В. А.* Организационная социальная психология. М.: Юрайт, 2019.
- Практики анализа качественных данных в социальных науках* / Отв. ред. Е. В. Полухина. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2023.
- Пригожин И.* От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. М.: Наука, 1985.
- Пригожин И.* Переоткрытие времени // *Вопросы психологии*. 1989. № 8. С. 3–19.
- Пригожин И.* Философия нестабильности // *Вопросы философии*. 1991. № 6. С. 46–57.
- Принцип развития в современной психологии* / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Проблемы принятия решений*. М.: Наука, 1976.
- Проблемы психологии восприятия: традиции и современность* / Отв. ред. В. А. Барабанщиков, В. И. Панов. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»–Психологический институт РАО, 1995.

Литература

- Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В. И. Аршинова, В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2007.
- Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Прогресс психологии: критерии и признаки / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Проектирование образовательной среды в учреждении дополнительного образования (рабочая концепция). Вып. 1 / Под ред. В. И. Панова. М.: Южный учебный округ—ЦТДЮ «Радужный», 2000.
- Прохоров А. О.* Психология неравновесных состояний. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Прохоров А. О.* Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности. М.: Пер Сэ, 2005.
- Прохоров А. О.* Рефлексивный слой психического состояния // Мир психологии. 2006. № 2. С. 38–49.
- Прохорова И. Д.* Новая антропология культуры. Выступление на правах манифеста // Новое литературное обозрение. 2009. № 6. С. 9–16.
- Процесс мышления и закономерности анализа, синтеза и обобщения / Под ред. С. Л. Рубинштейна. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Пружинин Б. И.* Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии. М.: Росспэн, 2009.
- Психологические аспекты глобальных изменений в окружающей среде / Под ред. К. Павлик, В. Носуленко. М.: Начала-пресс, 1992.
- Психологические исследования в интернет-пространстве: поисковые системы, социальные сети, электронные базы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Психологическое знание: виды, источники, пути построения / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.
- Психологическое знание: стадии исследовательского процесса / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023.
- Психотерапевтическая энциклопедия / Ред. Б. Д. Карвасарский. 2-е доп. и перераб. изд. СПб.: Питер, 2000.
- Роговин М. С.* Элементы общей и патологической психологии в построении психологической теории: Автореф. дис. ... докт. пед. наук. М., 1968.
- Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Литература

- Психология интегральной индивидуальности: Пермская школа / Сост. Б. А. Вяткин, Л. Я. Дорфман, М. Р. Шукин. М.: Смысл, 2011.
- Психология личности: Пребывание в изменении / Под ред. Н. В. Гришиной. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2019.
- Психология: современные направления междисциплинарных исследований: материалы научной конференции, посвященной памяти члена-корреспондента РАН А. В. Брушлинского, 8 октября 2002 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Пуанкаре А.* О науке. М.: Наука, 1989.
- Пучковский С. В.* Избыточность – универсальное свойство биосистем и фактор их эволюции // Вестник Удм. ун-та. 1996. Вып. 3. С. 119–130.
- Радина Н. К., Крупная Д. А.* Цифровое политическое участие: эффективность электронных петиций негосударственных онлайн-платформ (на материале change.org) // Полис. Политические исследования. 2019. № 6. С. 113–127.
- Развитие психологии в системе комплексного человекознания: Материалы Всероссийской научной конференции. Часть 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Развитие психологии в системе комплексного человекознания: Материалы Всероссийской научной конференции. Часть 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Развитие субъектности в онтогенезе в современном социокультурном пространстве образования и семьи: учебное пособие. Нижний Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2012.
- Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Разработка понятий современной психологии. Т. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- Разработка понятий современной психологии. Т. 3 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова, Г. А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.
- Райхенбах Х.* Философия пространства и времени. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.
- Расницын А. П.* Темпы эволюции и эволюционная теория (гипотеза адаптивного компромисса) // Эволюция и биоэкологические кризисы. М.: Наука, 1987. С. 46–64.
- Расходчиков А. Н., Пильгун М. А.* Репрезентация экологической тематики в сетевой коммуникации: эко-этика горожан // Личность. Культура. Общество. 2020. Т. 22. № 1–2 (105–106). С. 128–134.
- Рахилина Е. В., Бычкова П. А., Жукова С. Ю.* Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы // Вопросы языкознания. 2021. № 2. С. 7–27.
- Резанова З. И., Скрипко Ю. К.* Дискурсивная языковая личность участника виртуального фан-сообщества // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2017. № 1. С. 191–196.

- Рефлексия в структуре метакогнитивной организации субъекта / Под ред. В. В. Знакова и др. Краснодар: КубГУ, 2010.
- Роговин М. С. Структурно-уровневые теории в психологии. Ярославль: ЯрГУ, 1977.
- Роговин М. С. Залевский Г. В. Теоретические основы психологического и патопсихологического исследования. Томск, 1988.
- Системогенез деятельности. Игра. Учение. Труд. В 4 т. М.: ИД РАО; Ярославль: ЯрГУ, 2017.
- Розе-Грищенко Н. А., Головей Л. А. Динамика психомоторных характеристик индивидуальности в ситуациях напряженной деятельности // Экспериментальная и прикладная психология. Вып. 10. Психические состояния / Отв. ред. А. А. Крылов. Л.: ЛГУ, 1981. С. 149–155.
- Рорти Р. Историография философии: четыре жанра. М.: Канон+—РООИ «Реабилитация», 2017.
- Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности (К философским основам современной педагогики) // Ученые записки высшей школы Одессы. 1922. Т. 2. С. 148–154.
- Рубинштейн С. Л. Предисловие редактора перевода // А. Бинэ, Т. Симон. Методы измерения умственной одаренности. Харьков, 1923.
- Рубинштейн С. Л. Проблема развития // В борьбе за марксистскую педологию. Дискуссия по работам проф. М. Я. Басова. М.—Л.: Учпедгиз, 1931. С. 26–28.
- Рубинштейн С. Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Советская психотехника. 1934. Т. VII. № 1. С. 3–20.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1940.
- Рубинштейн С. Л. Пути и достижения советской психологии (о сознании и деятельности) // Вестник АН СССР. 1945. № 4. С. 67–84.
- Рубинштейн С. Л. Роль Декарта в истории научной философии // Вестник Академии наук. 1946а. № 5–6.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946б.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
- Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии / Под ред. Е. В. Шороховой; авт. коммент. К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский. М.: Педагогика, 1973.
- Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности: К философским основам современной педагогики // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 101–107.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. В 2 т. М.: Педагогика. 1989. Т. 2.
- Рубинштейн С. Л. О философской системе Г. Когена // Историко-философский ежегодник – 92. М.: Наука, 1994. С. 230–259.
- Рубинштейн С. Л. Избранные философско-психологические труды: Основы онтологии, логики и психологии. М.: Наука, 1997а. С. 3–212; 214–425.

Литература

- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997б.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Рубникович С. П., Грищенко А. С.* Обоснование дифференцированного психологического подхода в междисциплинарной реабилитации пациентов с функциональными расстройствами височно-нижнечелюстных суставов // *Стоматология. Эстетика. Инновации.* 2018. Т. 2. № 2. С. 208–220.
- Рубцов В. В.* Основы социально-генетической психологии: Избранные психологические труды. М.: Институт практической психологии, 1996.
- Рубцов В. В.* Социогенез совместного действия: взаимопонимание людей как условие понимания вещей: интервью (беседу вел В. Т. Кудрявцев) // *Культурно-историческая психология.* 2018. Т. 14. № 4. С. 106–121
- Рубцов В. В.* Два подхода к проблеме развития в контексте социальных взаимодействий: Л. С. Выготский vs Ж. Пиаже // *Культурно-историческая психология.* 2020. Т. 16. № 3. С. 5–14.
- Рубцов В. В., Марголис А. А., Гуружанов В. А.* Культурно-исторический тип школы (проект разработки) // *Психологическая наука и образование.* 1996. Т. 1. № 4.
- Рубцов В. В., Марголис А. А., Шведовская А. А., Пономарева В. В.* Научометрический анализ культурно-исторического направления в научных публикациях 2009–2019 годов // *Культурно-историческая психология.* 2019. Т. 15. № 4. С. 119–132.
- Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии / Под ред. М. А. Акоева. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2014.
- Рыбников Н. А.* К истории психологической библиографии // *Вопросы психологии.* 1956. № 1. С. 109–112.
- Рычкова О. В.* «Социальный мозг» – новый объяснительный конструкт в психологии? // *Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки».* 2010. № 24 (95). С. 335–344.
- Рычкова О. В., Холмогорова А. Б.* Концепция «социального мозга» как основы социального познания и его нарушений при психической патологии. Часть I. Концепция «социальный мозг» – продукт современной нейронауки // *Культурно-историческая психология.* 2012а. № 3. С. 86–94.
- Рычкова О. В., Холмогорова А. Б.* Концепция «социального мозга» как основы социального познания и его нарушений при психической патологии. Часть II. Концепция «социальный мозг» – структурные компоненты и связь с психопатологией // *Культурно-историческая психология.* 2012б. № 4. С. 86–95.
- Савенков А. И., Афанасьева Ж. В., Смирнова П. В.* Тьюторское сопровождение исследовательской и проектной деятельности младших школьников в условиях рефлексивно-деятельностного подхода к образованию с использованием ресурсов организации занятий со студентами. М.: Известия ИППО, 2020.
- Савченко Т. Н.* Динамика взаимодействия психических систем: подходы и модели // *Психологический журнал.* 2007. Т. 28. № 3. С. 45–55.
- Садовский В. Н.* Основания общей теории систем. М.: Мир, 1974.
- Самойленко Е. С., Сергиенко Е. А., Лебедев А. Н., Белова С. С., Латынов В. В.* Предисловие к разделу // *История, современность и перспективы развития пси-*

- хологии в системе Российской Академии наук: Материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 50-летию создания Института психологии РАН, 16–18 ноября 2022 г., Москва / Отв. ред. Д. В. Ушаков, А. Л. Журавлев, А. В. Махнач, Н. Е. Харламенкова, А. В. Юревич, И. И. Ветрова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022. С. 917–919.
- Сахаров Л. С. О методах исследования понятий // Культурно-историческая психология. 2006. Т. 2. № 2. С. 32–47.
- Северцов А. Н. Главные направления эволюционного процесса. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967.
- Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004.
- Селезнева М. В. Сравнительный анализ понятий «субъект» и «субъектность» в зарубежной психологии // Вестник РУДН. Сер. «Психология и педагогика». 2015. № 2. С. 47–53.
- Семенов И. Н. Опыт деятельностного подхода к экспериментально-психологическому исследованию мышления на материале решения творческих задач // Методологические проблемы исследования деятельности. Эргономика. Труды ВНИИТЭ. Вып. 10 / Под ред. В. П. Зинченко, А. Н. Леонтьева, Э. Г. Юдина. М.: ВНИИТЭ, 1976. С. 148–188.
- Семенов И. Н. Методологические проблемы системной организации мыслительной деятельности // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник – 1982. М.: Наука, 1982. С. 301–319.
- Семенов И. Н. Современная советская психология мышления: панорама фундаментальных достижений // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 6. С. 161–164.
- Семенов И. Н. Человеческий и социальный капитал: междисциплинарные и рефлексивно-психологические аспекты взаимодействия // Модернизация экономики и глобализация. В 3 т. М.: Всемирный банк–ИД ГУ ВШЭ, 2009. Т. 2. С. 434–441.
- Семенов И. Н. Методологические средства субъектной психологии мышления А. В. Брушлинского и их использование в изучении рефлексии // Человек, субъект, личность в современной психологии (к 80-летию А. В. Брушлинского). В 3 частях / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. Часть 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 38–41.
- Семенов И. Н. Системодетальностная методология и рефлексивная психология мышления. М.: Институт развития им. Г. П. Щедровицкого, 2014.
- Семенов И. Н. Взаимодействие Я. А. Пономарева и М. Г. Ярошевского в развитии психологии творчества и рефлексии // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 6. С. 45–54.
- Семенов И. Н. А. Н. Леонтьев: известный и неизвестный: рефлексивно-культурологическая персонология жизнотворчества // Мир психологии. 2018. № 2. С. 282–302.
- Семенов И. Н. Рефлексивно-культурологический обзор влияния научного творчества Г. Г. Шпета на развитие человекознания // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 4 (1). С. 188–208.

- Семенов И. Н. Становление парадигмы деятельности как теоретико-методологической доминанты развития российской психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020а. Т. 17. № 2. С. 271–294.
- Семенов И. Н. С.Л. Рубинштейн как субъект научной деятельности // Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления / Отв. ред.: Н. В. Борисова, М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020б. С. 238–264.
- Семенов И. Н. Типология экзистенциальных стратегий и исследовательских программ в творчестве С.Л. Рубинштейна // Психологический журнал. 2020в. № 2. С. 105–113.
- Семенов И. Н. Рефлексивно-продуктивное целеобразование я-концепции как системообразующий фактор трансформации одаренности в культуросоздающее творчество (методология его самодеятельностного развития) // Психология творчества и одаренности. В 3 т. / Отв. ред. Д. Б. Богоявленская. М.: МПО, 2021а. 3. С. 9–14.
- Семенов И. Н. Генерация и социализация субъектов научно-творческой деятельности посредством рефлексивно-психологического изучения развития человеческого капитала // Известия РАО. 2021б. № 4. С. 155–170.
- Семенов И. Н. Экзистенциально-личностная феноменология рефлексивного развития процессов самости «Я» как субъекта культуросоздающего научного творчества (к 100-летию юбилею школы С.Л. Рубинштейна) // Известия РАО. 2022а. № 4. С. 5–22.
- Семенов И. Н. Экзистенциально-культурологическая рефлексия психолого-педагогической деятельности К. А. Абульхановой // Известия РАО. 2022б. № 2 (58). С. 101–203.
- Семенов И. Н., Водопьянов Д. А. Научоведческая рефлексия развития академической социальной психологии (к 50-летию юбилею ИП РАН и 100-летию со дня рождения Е. В. Шороховой) // Социальная психология и общество МГППУ). 2022. Т. 13. № 3. С. 221–235.
- Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию. М.: Наука, 1977.
- Сергеева А. С., Кириллов Б. А., Воронина Е. Ю. Комментарий как форма дискурса профессионального виртуального сообщества (на примере IT) // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 84–101.
- Сергиенко Е. А. Антиципация в раннем онтогенезе человека. М.: Наука, 1992.
- Сергиенко Е. А. Природа субъекта: онтогенетический аспект // Проблема субъекта в психологической науке. М: Академический проект, 2000.
- Сергиенко Е. А. Ранние этапы развития субъекта // Психология индивидуально- и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: Пер Сэ, 2002. С. 270–309.
- Сергиенко Е. А. Развитие модели психического как ментальный механизм становления субъекта // Субъект, личность, психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 113–146.

- Сергиенко Е. А. Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Сергиенко Е. А. Субъект развития, субъект деятельности, субъект жизни: регуляция поведения // Субъект и личность в психологии саморегуляции: Сборник научных трудов / Под ред. В. И. Моросановой. М.: Ставрополь: Изд-во ПИ РАО–СевКавГТУ, 2007. С. 256–273.
- Сергиенко Е. А. Когнитивная природа речевого «взрыва» // Психологические исследования. 2008а. № 1 (1). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 17.05.2023).
- Сергиенко Е. А. Психология субъекта: поиски и решения // Психологический журнал. 2008б. Т. 29. № 2. С. 16–28.
- Сергиенко Е. А. Контроль поведения: индивидуальные ресурсы субъектной регуляции // Психологические исследования. 2009. № 5 (7). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 26.09.2022).
- Сергиенко Е. А. Системно-субъектный подход в психологии // Психология субъекта и психология человеческого бытия / Отв. ред. В. В. Знаков, З. И. Рябикина, Е. А. Сергиенко. Краснодар: КГУ, 2010. С. 16–40.
- Сергиенко Е. А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.
- Сергиенко Е. А. Модель психического и социального познание // Психологические исследования. 2015. № 8. Т. 42. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 25.12.2017).
- Сергиенко Е. А. Современные идеи развития в психологии // Принцип развития в современной психологии / Под ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 84–113.
- Сергиенко Е. А. Межпарадигмальные мосты // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 48. С. 4. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 29.03.2023).
- Сергиенко Е. А. Реализация принципа развития в исследованиях психологии субъекта // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 2. С. 5–18.
- Сергиенко Е. А. От дифференциации к интеграции подходов и категорий в современном психологическом знании // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018а. С. 308–331.
- Сергиенко Е. А. Становление сознания: эволюционные и онтогенетические перспективы // Мир психологии. 2018б. № 2 (94). С. 89–103.
- Сергиенко Е. А. Дискуссионные вопросы культурно-исторической теории и межпарадигмальное взаимодействие // Культурно-исторический подход: от Л. С. Выготского к XXI веку / Под ред. Т. Д. Марцинковской, В. Р. Орестовой, О. В. Гавриченко. М., 2018в.
- Сергиенко Е. А. Психическое развитие с позиций системно-субъектного подхода. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.
- Сергиенко Е. А., Виленская Г. А. Контроль поведения – интегративное понятие психической регуляции // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. Е. А. Сергиенко, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 343–378.

- Сергиенко Е. А., Виленская Г. А., Ковалева Ю. В. Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Сергиенко Е. А., Лебедева Е. И., Прусакова О. А. Модель психического в онтогенезе человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Сергиенко Е. А., Уланова А. Ю., Лебедева Е. И. Модель психического: структура и динамика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
- Сидоренков А. В. Анализ исследования малых групп в отечественной психологии по публикациям в журналах «Вопросы психологии» и «Психологический журнал» // Вопросы психологии. 2005. № 2. С. 58–67.
- Сирота Н. А., Ялтонский В. М. Копинг-поведение и профилактика психосоциальных расстройств у подростков // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1994. № 1. С. 63–74.
- Славская А. Н. Личность как субъект интерпретации. Дубна: Университет «Дубна», 2002.
- Слепко Ю. Н. Проблемы междисциплинарного взаимодействия психологии и естественных наук // Методология современной психологии. 2021а. № 13. С. 372–380.
- Слепко Ю. Н. Психология и коронавирус: наукометрическая оценка // Актуальные проблемы педагогического взаимодействия в условиях дистанционного обучения: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Махачкала: Алеф–Дагестанский гос. пед. ун-т, 2021б. С. 23–30.
- Слепко Ю. Н. Понятийное пространство современной психологии: наукометрический анализ // Методология современной психологии. 2021в. № 14. С. 148–153.
- Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология развития человека. Развитие субъективной реальности в онтогенезе. Учебное пособие. М.: ПСТГУ, 2013.
- Смирнов С. Д. Психологическая теория деятельности и концепция Н. А. Бернштейна // Вестник Моск. ун-та. Сер. «Психология». 1978. № 2. С. 14–25.
- Смирнов С. Д. Мир образов и образ мира // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 1981. № 2. С. 15–29.
- Смирнов С. Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
- Смирнов С. Д. Методологические уроки концепции А. Н. Леонтьева // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 1993. № 2. С. 15–26.
- Смирнов С. Д. Мир образов и образ мира как парадигмы психологического мышления // Мир психологии. 2003. № 4. С. 18–31.
- Смирнов С. Д. Методологический плюрализм и предмет психологии // Вопросы психологии. 2005. № 4. С. 3–8.
- Смирнов С. Д. Прогностическая активность как способ существования и развития образа мира // Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 215–234.
- Смирнов С. Д., Чумакова М. А., Корнилова Т. В. Образ мира в динамическом контроле неопределенности // Вопросы психологии. 2016. № 4. С. 3–13.

- Смирнов С. Д., Чумакова М. А., Краснов Е. В., Корнилов С. А., Корнилова Т. В. Когнитивная и личностная регуляция стратегий решения прогностической задачи (на материале Iowa Gambling Task) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 2017. № 3. С. 39–59.
- Смирнова О. Ю., Серкин В. П. Основные трактовки понимания воли в рамках энергетического подхода // Вестник Кемеровского ун-та. 2018. № 4. С. 165–172.
- Снетков В. М. Метапсихология как наука о душе: Энергоинформационный подход к ресурсам душевной деятельности человека // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2016. № 8 (138). С. 278–284.
- Совместная учебная деятельность и развитие детей: коллективная монография / Под ред. В. В. Рубцова, И. М. Улановской. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2021.
- Соколов Е. Н. Восприятие и условный рефлекс: новый взгляд. М.: УМК «Психология»—Московский психолого-социальный институт, 2003.
- Соколов Е. Н. Очерки по психофизиологии сознания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010.
- Соколова Е. Е. К проблеме сходства в понимании предмета психологии в школе А. Н. Леонтьева и школе С. Л. Рубинштейна // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / Отв. ред. А. А. Леонтьев. М.: Смысл, 2006. С. 53–60.
- Соколова Е. Е. Становление и пути развития психологии деятельности (школа А. Н. Леонтьева): Дис. ... докт. психол. наук. М., 2021. Т. 1.
- Солодкин Д. Л. К вопросу о становлении и развитии наукометрии // Вестник Омского ун-та. 2013. № 3 (69). С. 185–189.
- Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Изд-во политической литературы, 1992.
- Сорокин П. А. Общество, культура и личность: их структура и динамика. Система общей социологии // Социологический ежегодник. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2010.
- Сорокина С. С. Диалогизм как принцип развития методологии психологии. М.: Акрополь, 2021.
- Социальная психология в современном мире / Под ред. Г. М. Андреевой, А. И. Донцова. М.: Аспект-Пресс, 2002.
- Социальное познание как высшая психическая функция и его развитие в онтогенезе / Под ред. А. Б. Холмогоровой. М.: Неолит, 2016.
- Спиркин А. Г., Юдин Э. Г., Ярошевский М. Г. Методология // Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 359–360.
- Становление субъектности учащегося и педагога: экопсихологическая модель / Под ред. В. И. Панова. М.: ПИ РАО; СПб.: Нестор-История, 2018.
- Становление субъектности: от экопсихологической модели к психодидактическим технологиям. Коллективная монография / Под ред. В. И. Панова. СПб.: Нестор-История, 2022.
- Стародубцева Е. В. Становление педагогики среды в России (конец XIX—первая треть XX в.) // Вестник Костромского гос. ун-та. Сер. «Педагогика. Психология. Социокинетика». 2009. № 3. С. 234–238.

Литература

- Степанова В. В., Толстых Н. Н. Междисциплинарные связи социальной, возрастной и педагогической психологии: ресурсы развития // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 1. С. 23–44.
- Степин В. С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс–Традиция, 2000.
- Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. Философия науки и техники. М.: Гардарики, 1999.
- Стернберг Р., Форсайт Б., Хедланд Дж., Григоренко Е. Л. Практический интеллект. СПб.: Питер, 2002.
- Столин В. В. Самосознание личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
- Стоюхина Н. Ю., Костригин А. А., Журавлев А. Л. Труды советских психологов 1920–1930-х годов: исторический анализ // Методология советской психологии в период открытого кризиса: Антология / Сост. и отв. ред. Н. Ю. Стоюхина, А. А. Костригин, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022. С. 9–83.
- Стрижицкая О. Ю. Геротрансцендентное развитие личности: условия, факторы, социальные эффекты: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. СПб.: СПбГУ, 2019.
- Строгова С. Е., Зверева Н. В., Сергиенко А. А., Симашкова Н. В. Клинико-психологический анализ случая становления олигофреноподобного дефекта при шизофрении (опыт мультидисциплинарного исследования) // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. «Психология». 2014. Т. 7. № 2. С. 61–70.
- Субъект действия, взаимодействия, познания. Психологические, философские, социокультурные аспекты / Отв. ред. Э. Сайко. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «Модэк», 2001.
- Субъект и личность в психологии саморегуляции / Под ред. В. И. Моросановой. М.–Ставрополь: ПИ РАО–СевКавГТУ, 2007.
- Субъект и социальная компетентность личности / Отв. ред. А. В. Брушлинский. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995.
- Субъектный подход в психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Субъект-средовые взаимодействия: экопсихологический подход к развитию психики. Коллективная монография / Под ред. М. О. Мдивани. М.: Перо, 2017. URL: <https://www.pirao.ru/upload/iblock/375/ekopodkhod.pdf> (дата обращения: 02.09.2022).
- Судаков К. В. Биологическая мотивация. М.: Медицина, 1971.
- Судаков К. В. Развитие теории функциональных систем в научной школе П. К. Анохина // Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2011. № 1. С. 15–19.
- Суханова А. В., Холмогорова А. Б. Семейный контекст нарушений пищевого поведения у подростков: популяционное исследование родителей и обоснование задач психопрофилактики и психотерапии // Современная терапия психических расстройств. 2022. № 1. С. 56–67.
- Сушин М. А. Психология и нейронаука: проблемы интеграции // Философские науки. 2019. Т. 62. № 1. С. 89–105.

- Талбот М. Голографическая Вселенная. М.: София, 2004.
- Талбот М. Голографическая Вселенная: новая теория реальности. М.: София, 2016.
- Тарабрина Н. В., Ворона О. А., Курчакова М. С., Падун М. А., Шаталова Н. Е. Онкопсихология: посттравматический стресс у больных раком молочной железы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Тарханова П. М. Исследование влияния макро- и микросоциальных факторов на уровень физического перфекционизма и эмоционального благополучия у молодежи // Культурно-историческая психология. 2014. № 1. С. 89–95.
- Татенко В. А. Личность в субъектном измерении. Киев: Просвита, 1998.
- Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987.
- Тихомиров О. К. Понятия и принципы общей психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992.
- Тихонов Р. В., Аммалайнен А. В., Морошкина Н. В. Многообразие метакогнитивных чувств: разные феномены или разные термины? // Вестник СПбГУ. Сер. «Психология и педагогика». 2018. Т. 8. № 3. С. 214–242.
- Толочек В. А. Феномен ресурсов: три объяснения механизмов актуализации // Ментальные ресурсы личности: теоретические и прикладные исследования: Материалы третьего международного симпозиума (Москва, 20–21 октября 2016 г.) / Отв. ред. М. А. Холодная, Г. В. Ожиганова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 103–110.
- Томаселло М. Истоки человеческого общения. М.: Языки славянских культур, 2011.
- Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. Школа А. Н. Леонтьева / Под ред. А. Е. Войскунского, А. Н. Ждан, О. К. Тихомирова. М.: Смысл, 1999.
- Тронин В. Г., Фирулина М. М. Проектирование онтологии наукометрических терминов с учетом эволюции наукометрических баз // Вестник Ульяновского гос. тех. ун-та. 2017. № 3 (79). С. 33–41.
- Тулен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998.
- Тхостов А. Ш., Рассказова Е. И. Идентичность как психологический конструкт: возможности и ограничения междисциплинарного подхода // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 26. С. 2.
- Тэн И. Философия искусства. М.: Республика, 1996.
- Тютюнник В. М. Академик И. Л. Кнунянц: ученый и человек (наукометрический анализ к 80-летию со дня рождения и 60-летию научной деятельности) // Журнал Всесоюзного химического общества им. Д. И. Менделеева. 1986. Т. 31. № 3. С. 354–357.
- Удачина П. Ю., Мисюнас К. А., Мосиенко Л. И. Современный этап развития отечественной психологии: мультипарадигмальность или межпарадигмальность? // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 10 (102). С. 121–136.
- Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1961.

Литература

- Уилбер К. Интегральная психология. М.: АСТ и др., 2004.
- Уилбер К. Теория всего. Интегральный подход к бизнесу, политике, науке и духовности. М.: Постум, 2013.
- Уитроу Дж. Естественная философия времени. М.: Прогресс, 1964.
- Уланова А. Ю. Модель психического как ментальная основа восприятия партнера по коммуникации // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 39. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 21.12.2017).
- Уланова А. Ю., Сергиенко Е. А. Информационная успешность коммуникации на разных этапах развития модели психического // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 1. С. 60–72.
- Улановский А. М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструктивизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. 2009. № 2. С. 35–45.
- Умрюхин Е. А. Основные направления математической психологии за рубежом // Психология и математика / Отв. ред. В. Ф. Рубахин. М.: Наука, 1976. С. 69–85.
- Усольцева И. В. Историческая трансформация представления о междисциплинарности в трудах отечественных психологов // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: сборник материалов юбилейной конференции. В 5 т. Т. 1 / Отв. ред. Д. Б. Богдавленская. М.: Когито-Центр, 2015. С. 180–184.
- Учителю об одаренных детях: пособие для учителя / Под ред. В. П. Лебедевой, В. И. Панова. М.: Молодая гвардия, 1997.
- Учителю об экологии детства: пособие для учителя / Под ред. В. П. Лебедевой, В. И. Панова. М.: РАО—Психологический институт—ЦКФЛ, 1995.
- Ушаков Д. В. Социальный интеллект как вид интеллекта // Социальный интеллект: теория, измерения, исследования / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Ушаков Д. В. На пути к целостному видению человека // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2020. Т. 17. № 4. С. 617–629.
- Ушаков Д. В., Валуева Е. А. Вызовы искусственного интеллекта для психологии // Человек и системы искусственного интеллекта / Под ред. В. А. Лекторского. СПб.: Юридический центр, 2022. С. 107–127.
- Ушаков Д. В., Журавлев А. Л. Пути и принципы взаимодействия теоретико-экспериментальной психологии и практики // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 18–70.
- Ушакова Т. Н. Рождение слова. Проблемы психологии речи и психолингвистики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Ушакова Т. Н., Павлова Н. Д., Алексеев К. И., Латынов В. В., Цепцов В. А. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса. СПб.: Алетей, 2000.
- Фаликман М. В. Разум как незавершенный проект: новая волна Выготского в когнитивной науке // Mobilis in mobile: личность в эпоху перемен / Под общ. ред. А. Асмолова. М.: ИД «ЯСК», 2019.
- Фаломкина И. П. Речевая агрессия в комментариях социальных сетей и мониторинг социальной напряженности (на материале комментариев в профиле @

- kuzbass_news) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. «Гуманитарные науки». 2020. № 8 (2). С. 101–105.
- Фахрутдинова Л. Р.* Психология переживания человека. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2008.
- Федоров А. А.* Библиометрический анализ публикаций по постнеклассической психологии в РИНЦ // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 135–145.
- Федоров А. А.* Постмодернизм в психологии: библиометрический анализ // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 2. С. 410–423.
- Федорова О. В.* А и Б сидели на трубе, или междисциплинарность когнитивных исследований // Логос. 2014. № 1 (97). С. 19–34.
- Федотова Т. А., Тютюнник В. М.* Наукометрический анализ и моделирование структуры книг серий «Материалы к биобиблиографии ученых». Тамбов: Изд-во МИНЦ, 1995.
- Фейгенберг И. М.* Видеть—предвидеть—действовать. М.: Знание, 1986.
- Фейгенберг И. М., Иванников В. А.* Вероятностное прогнозирование и преднастройка к движениям. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.
- Фейерабенд П.* Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ—Хранитель, 2007.
- Фельдштейн Д. И.* О состоянии и путях повышения качества диссертационных исследований по педагогике и психологии // Развитие личности. 2008. № 2. С. 234–249.
- Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.
- Флек Л.* Возникновение и развитие научного факта. Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М.: Идея-Пресс—Дом интеллектуальной книги, 1999.
- Фодор Дж., Пылишин З.* Коннекционизм и когнитивная структура: критический обзор // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1996. С. 230–313.
- Фокин В. Ф., Пономарева Н. В.* Энергетическая физиология мозга. М.: Антидор, 2003.
- Фольмер Г.* Эволюция и проекция — начала современной теории познания // Эволюционная эпистемология. Антология / Науч. ред. и сост. Е. Н. Князева. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 205–224.
- Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. М.: Наука, 1989. С. 298–314.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.
- Фролов И. Т.* Перспективы человека. М.: Политиздат, 1979.
- Фролова И. В.* Наукометрия и управление развитием науки: философская рефлексия // Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 386–387.
- Фролова С. В.* Цифровые наукометрические методы в современной истории психологии: перспективы и ограничения применения // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2022. Т. 7. № 1 (25). С. 215–234.
- Фуко М.* Герменевтика субъекта // Социо-Логос. М.: Прогресс, 1991. Вып. 1. С. 284–311.
- Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Кастанья, 1996.

- Фуко М.* Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007.
- Фуко М.* Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982–1983 учебном году. СПб.: Наука, 2011.
- Хазова С. А.* Ментальные ресурсы субъекта: феноменология и динамика. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013.
- Хазова С. А.* Ментальные ресурсы субъекта // Разработка понятий современной психологии. Т. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 63–83.
- Хайтун С. Д.* Наукометрия: состояние и перспективы. М.: Наука, 1983.
- Хайтун С. Д.* Проблемы количественного анализа науки / Отв. ред. Г. М. Идлис. М.: Наука, 1989.
- Хакен Г.* Синергетика. М.: Мир, 1980.
- Хансон Р., Мендиус Р.* Мозг и счастье: загадки современной нейропсихологии. М.: Эксмо, 2011.
- Харламенкова Н. Е.* Активность субъекта: ее границы в ретроспективе и перспективе жизни // Психология субъекта и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010. С. 40–59.
- Харламенкова Н. Е.* Жизнь ученого – поиск и открытие неявного знания в явном (к юбилею Л. И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 6. С. 5–17.
- Харламенкова Н. Е.* Л. И. Анцыферова о проблеме личности в психологии: от истоков до теоретических построений // Онто- и субъектогенез психического развития человека: к 50-летию Института психологии РАН / Под ред. Н. Е. Харламенковой, В. В. Знакова, Е. А. Сергиенко, Н. Н. Казымовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022а. С. 108–132.
- Харламенкова Н. Е.* От психологии мышления к психологии мудрости – становление динамического подхода // История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской Академии наук. Материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 50-летию создания Института психологии РАН, 16–18 ноября 2022 г. / Отв. ред. Д. В. Ушаков, А. Л. Журавлев, А. В. Махнач, Н. Е. Харламенкова, А. В. Юрвич, И. И. Ветрова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022б. С. 98–99.
- Хаслер Ф.* Нейромифология. Что мы действительно знаем о мозге и чего мы не знаем о нем. М.: АСТ, 2022.
- Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. В 2 т. М.: Педагогика, 1986.
- Холмогорова А. Б.* Методика исследования нарушений рефлексивной регуляции мышления на материале определения понятий // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». № 3. 1983. С. 64–68.
- Холмогорова А. Б.* Интегративная психотерапия расстройств аффективного спектра. М.: Медпрактика, 2011.
- Холмогорова А. Б.* Значение культурно-исторической теории развития психики Л. С. Выготского для разработки современных моделей социального познания и методов психотерапии // Культурно-историческая психология. 2016. № 3. С. 58–92.

Литература

- Холмогорова А. Б., Петриков С. С., Суроегина А. Ю., Микита О. Ю., Рахманина А. А., Рой А. П. Профессиональное выгорание и его факторы у медицинских работников, участвующих в оказании помощи больным COVID-19 на разных этапах пандемии // Журнал им. Н. В. Склифосовского «Неотложная медицинская помощь». 2020. Т. 9. № 3. С. 321–337.
- Холмогорова А. Б., Гаранян Н. Г. Многофакторная модель депрессивных, тревожных и соматоформных расстройств как основа их интегративной психотерапии // Клиническая и социальная психиатрия. 1998. № 1. С. 94–101.
- Холмогорова А. Б., Гаранян Н. Г. Культура, эмоции и психическое здоровье // Вопросы психологии. 1999а. № 2. С. 61–74.
- Холмогорова А. Б., Гаранян Н. Г. Эмоциональные расстройства и современная культура // Консультативная психология и психотерапия. 1999б. № 2. С. 61–90.
- Холмогорова А. Б., Гаранян Н. Г., Пуговкина О. Д. Исследования эффективности психотерапии психических расстройств: история и современное состояние проблемы. М.: Неолит, 2022.
- Холмогорова А. Б., Дадеко А. А. Физический перфекционизм как фактор расстройств аффективного спектра в современной культуре // Медицинская психология в России. 2010. № 3. URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2010_3_4/nomer/nomer13.php.
- Холмогорова А. Б., Зарецкий В. К. Может ли культурно-историческая концепция Л. С. Выготского помочь нам лучше понять, что мы делаем как психотерапевты? // Культурно-историческая психология. 2011. Т. 7. № 1. С. 108–118.
- Холмогорова А. Б., Рахманина А. А. Трехфакторная шкала физического перфекционизма – новый инструмент диагностики патогенных стандартов внешности в современной культуре // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 4. С. 98–117. doi:10.17759/cpr.2020280406
- Холмогорова А. Б., Рахманина А. А., Суроегина А. Ю., Микита О. Ю., Петриков С. С., Рой А. П. Психическое здоровье и профессиональное выгорание врачей-ординаторов во время пандемии Covid-19: ситуационные и психологические факторы // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Т. 29. № 2. С. 9–47.
- Холмогорова А. Б., Рычкова О. В. Нарушения социального познания: новая парадигма в исследованиях центрального психологического дефицита при шизофрении. М.: Форум, 2016.
- Холмогорова А. Б., Рычкова О. В. 40 лет биопсихосоциальной модели: что нового? // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 4. С. 8–31.
- Холмогорова А. Б., Тарханова П. М. Стандарты внешности и культура: роль физического перфекционизма и его последствия для эмоционального благополучия людей в нашу эпоху // Вопросы психологии. 2014. № 2. С. 52–65.
- Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. М.: Барс, 1997.
- Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002.
- Холодная М. А. Понятийные, метакогнитивные и интенциональные способности как ресурсный фактор интеллектуального развития // Ментальные ресурсы

Литература

- личности: теоретические и прикладные исследования: Материалы третьего международного симпозиума (Москва, 20–21 октября 2016 г.) / Отв. ред. М. А. Холодная, Г. В. Ожиганова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 26–32.
- Холодная М. А., Шербакова О. В., Горбунов И. А., Голованова И. В., Паповян М. И.* Информационно-энергетические характеристики различных типов когнитивной деятельности // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 5. С. 96–107.
- Холондович Е. Н.* Проблема метода в исторической психологии // Историческая психология: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Харитоновна, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 72–85.
- Хофштадтер Д.* Гёдель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда. Самара: ИД «Бахрах-М», 2001.
- Храян Ш. Р., Есаян Г. М.* Социально-экологическая идентичность и социальные представления как предмет изучения психологии окружающей среды // Наука через призму времени. 2018. № 8 (17). С. 84–88.
- Хренов Н. А.* Социальная психология искусства. М.: Юрайт, 2019.
- Хромченко Л. Г.* Информационная подготовка библиотечных работников в зеркале мирового документального информационного потока (по материалам библиометрического исследования) // Научные и технические библиотеки. 1990. № 10. С. 28–37.
- Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб.: Питер, 1997.
- Цоколов С.* Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. München: Verlag «München», 2000.
- Цукерман Г. А.* Взаимодействие ребенка и взрослого, творящее зону ближайшего развития // Культурно-историческая психология. 2006. № 4. С. 61–73.
- Чеботарев П. Ю.* Наукометрия: как с ее помощью лечить, а не калечить? // Управление большими системами: сборник трудов. 2013. № 44. С. 14–31.
- Человек науки / Под ред. М. Г. Ярошевского и др. Сер. «Науковедение». М.: Наука, 1974.
- Челпанов Г. И.* Об отношении психологии к философии (вступительная лекция, читанная в Московском университете 19 сентября 1907 г.) // Век психологии: к 100-летию Психологического института Российской академии образования. 1912–2012: материалы конференции (Москва, 24 октября 2012 г.) / Под общ. ред. В. В. Рубцова. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 29–38.
- Червинский Ю. М.* Наукометрический анализ развития научных исследований по физической культуре и спорту (на примере журнала «Теория и практика физической культуры») // Теория и практика физической культуры. 1975. № 1. С. 65–67.
- Чердакова М. М., Костригин А. А.* Библиометрический анализ публикаций в сборниках материалов конференции «История отечественной и мировой психологической мысли (Московские встречи по истории психологии)» (2006, 2009, 2016) // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. № 4. С. 25–37.

- Черноушек М.* Психология жизненной среды. М.: Мысль, 1989.
- Чернявская В. Е.* Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта—Наука, 2006.
- Чью Дж.* Аналитическая теория S-матрицы. М.: Мир, 1968.
- Шадриков В. Д.* Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Наука, 1982.
- Шадриков В. Д.* Способности и деятельность. М., 1995.
- Шадриков В. Д.* Мир внутренней жизни человека. М.: Университетская книга—Логос, 2006.
- Шадриков В. Д.* Ментальное развитие человека. М.: Аспект-Пресс, 2007.
- Шадриков В. Д.* Психология деятельности человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Шадриков В. Д.* Способности и одаренность человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- Шадриков В. Д., Мазилев В. А.* Общая психология: Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015.
- Шалыгина О. В., Холмогорова А. Б.* Роль модных кукол в усвоении нереалистичных социальных стандартов телесной привлекательности у девочек-дошкольниц // Консультативная психология и психотерапия. 2014. Т. 22. № 4. С. 130—154.
- Шамаева Р. М.* Феномен креативности в контексте культуры // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 4 (17). С. 95—106.
- Шаров А. С.* Психология культуры, образования и развития человека. Омск: Омский гос. пед. ун-т, 2013.
- Шаститко А. А.* Поведенческая экономика: применение методов когнитивной психологии в экономике // Общественные науки и современность. 2017. № 2. С. 132—141.
- Шведовская А. А., Мешкова Н. В.* Библиометрический анализ журнала «Культурно-историческая психология» // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 106—115.
- Швырев В. С.* Деятельностный подход к пониманию человека в отечественной философии (основания и содержание) // Мир психологии. 2006. № 3. С. 23—30.
- Швырков В. Б.* Нейрофизиологическое изучение системных механизмов поведения. М.: Наука, 1978.
- Швырков В. Б.* Системно-эволюционный подход к изучению мозга, психики и сознания // Психологический журнал. 1988. Т. 9. № 1. С. 132—148.
- Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
- Шестов Л.* Апофеоз беспочвенности. СПб., 2011.
- Шестопал Е. Б., Смутькина Н. В., Морозикова И. В.* Сравнительный анализ образов своей страны у жителей российских регионов // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 3. С. 74—94.
- Шибкова Д. З., Байгузжин П. А.* Нейронаука: междисциплинарная интеграция или экспансия? // Психология. Психофизиология. 2020. Т. 13. № 3. С. 111—121.

- Шкаликов В. Л.* Изучение неравномерности и гетерохронности освоения деятельности в процессе профессиональной подготовки: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1989.
- Шпрангер Э.* Формы жизни: Гуманитарная психология и этика личности. М.: Канон+—РООИ «Реабилитация», 2014.
- Шредингер Э.* Что такое жизнь с точки зрения физики? М.: Гос. изд-во иностранной литературы, 1947.
- Шрейдер Ю. А.* Лекции по этике. М.: Мирос, 1994.
- Шумский В. Б.* Экзистенциальная психология и психотерапия. М., 2016.
- Шюц А.* Избранное: мир, светящийся смыслом. М.: Росспэн, 2004.
- Щедровицкий Г. П.* Коммуникация, деятельность, рефлексия // Исследование речемыслительной деятельности. Алма-Ата: КГПИ, 1973. С. 477–480.
- Эйдемиллер Э. Г., Юстицкий В. В.* Семейная психотерапия. М.: Медицина, 1990.
- Экопсихологические аспекты развития индивидуальности / Под ред. В. И. Панова. М.: Психологический институт РАО, 1997.
- Экопсихологические исследования — 6: экология детства и психология устойчивого развития: сборник научных статей / Отв. ред. В. И. Панов. М.: Психологический институт РАО; Курск: Университетская книга, 2020.
- Экопсихология развития психики человека на разных этапах онтогенеза: коллективная монография / Под ред. В. И. Панова, Ш. Р. Хисамбеева. М.: Психологический институт РАО; СПб.: Нестор-История, 2013.
- Элиас Н.* Общество индивидов. М.: Практикс, 2001.
- Эльконин Д. Б.* Воспоминания о соратнике и друге // А. Н. Леонтьев и современная психология: Сборник статей памяти А. Н. Леонтьева / Под ред. А. В. Запорожца, В. П. Зинченко, О. В. Овчинниковой, О. К. Тихомирова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 244–251.
- Эльконин Д. Б.* Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989.
- Эрдынеева К. Г., Попова Н. Н.* Креативность личности студентов (кросс-культурное исследование) // Гуманизация образования. 2009. № 6. С. 72–77.
- Эрн В. Ф.* Природа философского сомнения // Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 55–70.
- Юдин Б. Г.* Научное познание человека и ценности // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 35–49.
- Юдин Г. Б.* Болтански Л., Товено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градусов // *Laboratorium. Журнал социальных исследований.* 2014. № 3. С. 126–129.
- Юдин Э. Г.* Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978.
- Юдин Э. Г.* Методология науки. Системность. Деятельность. М.: УРСС, 1997.
- Юнг К. Г.* Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.
- Юнг К.* Феномен духа в искусстве и науке. М.: Ренессанс, 1992.
- Юнг К.* Об энергетике души. М.: Академический проект, 2010.
- Юревич А. В.* Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. С. 3–18.
- Юревич А. В.* Интеграция психологии: утопия или реальность? // Вопросы психологии. 2005а. № 3. С. 16–28.

- Юревич А. В.* Науковедческая «башня», или еще раз о предмете и структуре науковедения // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки / Под ред. А. Г. Аллахвердяна, Н. Н. Семеновой, А. В. Юревича. М.: Логос, 2005б. С. 26–42.
- Юревич А. В.* Объяснение в психологии // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 97–106.
- Юревич А. В.* Психология в современном обществе // Психологический журнал. 2008а. Т. 29. № 6. С. 3–12.
- Юревич А. В.* Перспективы парадигмального синтеза // Вопросы психологии. 2008б. № 1. С. 3–15.
- Юревич А. В.* Социальная психология научной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Юревич А. В.* Структура психологических теорий // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 141–159.
- Юревич А. В., Юревич М. А.* Наукометрические показатели научной продуктивности и их форсирование в российском психологическом сообществе // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 46. С. 11.
- Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Языковая личность: моделирование, типология, портретирование (сибирская лингвоперсонология) / Под ред. Н. Д. Голева, Н. Н. Шпильной. М.: Ленанд, 2014.
- Якиманская И. С.* Личностно ориентированное развивающее образование в современной школе. М.: Сфера, 2007.
- Янчук В. А.* Постмодернистский, социокультурный интердетерминистский диалогизм как перспектива позиционирования в предмете психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. № 1. С. 193–206.
- Янчук В. А.* К построению социокультурно-интердетерминистской диалогической метатеории интеграции психологического знания // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: сборник материалов юбилейной конференции. В 5 т. Т. 1 / Отв. ред. Д. Б. Богоявленская. М.: Когито-Центр, 2015. С. 136–139.
- Янчук В. А.* Культурно-диалогическая метаперспектива интеграции психологии в условиях неопределенности и конструктивистского многообразия // Методология и история психологии. 2018. Т. 7. № 1. С. 124–154.
- Ярошевский М. Г.* Предметная деятельность как основа системы психологии // Вопросы психологии. 1984. № 1.
- Ярошевский М. Г.* Л. С. Выготский: в поисках новой психологии. СПб.: Изд-во Международного фонда истории науки, 1993.
- Ярошевский М. Г.* Краткий курс истории психологии. М.: Междунар. пед. акад., 1995а.
- Ярошевский М. Г.* Историческая психология науки. СПб.: Изд-во Международного фонда истории науки, 1995б.

- Ярошевский М. Г.* Наука о поведении: русский путь. М.—Воронеж: Изд-во Ин-та практ. психологии—НПО «Модэк», 1996.
- Ярошевский М. Г., Анцыферова Л. И.* Развитие и современное состояние зарубежной психологии. М.: Педагогика, 1974.
- Ясвин В. А.* Образовательная среда: от моделирования к проектированию / Под ред. В. П. Лебедевой, В. И. Панова. М.: ЦКФЛ РАО, 1997.
- Ястребов В. С., Митихин В. Г., Солохина Т. А.* и др. Системно-ориентированная модель психосоциальной реабилитации // Журнал неврологии и психиатрии имени С. С. Корсакова. 2008. № 6. С. 4–10.
- Яценко Д. А.* О различных подходах к предметному содержанию метапсихологии и ее связях с методологией психологии // Психологические и психоаналитические исследования. Ежегодник – 2015–2016 / Под ред. А. А. Демидова. М.: Московский институт психоанализа, 2016. С. 116–128.
- A companion to digital humanities / S. Schreibman, R. Siemens, J. Unsworth (Eds). Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2004.
- Abstract book of the 19th European Conference on Personality – ECP-19. 17–21 July 2018. Zadar, Croatia, 2018.
- Ackerman R., Thompson V. A.* Meta-Reasoning: Monitoring and Control of Thinking and Reasoning // Trends Cogn. Sci. 2017. V. 21. № 8. P. 607–617.
- Aldwin C. M., Stokols D.* The effects of environmental change on individuals and groups: Some neglected issues in stress research // Journal of Environmental Psychology. 1988. № 8. P. 57–75.
- Aldwin C. M., Sutton K. J., Lachman M. E.* The Development of coping: resources in adulthood // Journal of Personality. 1996. № 64 (4). P. 837–871.
- Altman I.* The Environment and the Social Behavior: Privacy, Personal Space, Territory, Crowding. Monterey, 1975.
- Antonovsky A.* Health, Stress and Coping. San Francisco: Jossey-Bass, 1979.
- Asmolov A., Guseltseva M.* New view on education: From paradigm of technology to paradigm of value // T. Martsinkovskaya, V. R. Orestova (Eds). Psychology of Subculture: Phenomenology and contemporary tendencies of development. European proceeding of social and behavioral sciences. 2019. V. 64. P. 33–39.
- Astington J. W., Jenkins J. M.* Theory of mind development and social understanding // Cognition and Emotions. 1995. V. 9. P. 151–165.
- Atkinson J. W., Raynor J. O.* Motivation and achievement. Washington, 1974.
- Back M., Kandler Ch.* Some thoughts on the relevance, future prospects and politics of structural personality research // European Journal of Personality. 2020. V. 34 (4). P. 489–491.
- Ball J., Peters S.* Stressbezogene Risiko- und Schutzfaktoren // Stress und Stressbewältigung im Kindes- und Jugendalter / Hrsg. I. Seiffge-Krenke, A. Lohaus. Goettingen: Hogrefe, 2007. P. 126–146.
- Barker R. G.* Ecological Psychology: Concepts and Methods for Studying the Environment of Human Behavior. Stanford: Stanford University Press, 1968.
- Baumeister R. F., Schmeichel B. J., Vohs K. D.* Self-Regulation and executive function: The Self as controlling agent // Social Psychology: Handbook of basic principles / A. W. Kruglanski, E. T. Higgins (Eds). N. Y.: Guilford Press, 2007. P. 516–539.

- Bell P. A.* et al. Environmental Psychology. Philadelphia, 1978.
- Benet-Martinez V., Lee F., Leu J.* Biculturalism and cognitive complexity: Expertise in cultural representations // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2006. V. 37. P. 386–407.
- Berry J. W.* Immigration, acculturation and adaptation // Applied Psychology. 1997. V. 46. P. 5–34. doi: 10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x
- Berry J. W., Poortinga Y. H., Segall M. H., Dasen R.* Cross-Cultural Psychology: Research and Applications. Cambridge University Press, 2004.
- Berry J.* (Ed.). Mutual Intercultural Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. doi: 10.1017/9781316875032
- Bloom P. A., Friedman D., Xu J., Vuorre M., Metcalfe J.* Tip-of-the-tongue states predict enhanced feedback processing and subsequent memory // Consciousness and Cognition. 2018. № 101. P. 221–233.
- Bolger N., DeLongis A., Kessler R. C., Wethington E.* The contagion of stress across multiple roles // Journal of Marriage and Family. 1989. № 51 (1). P. 175–183.
- Book of Abstract. The European Conference on Personality – ECP-20. 12th–15th July. Madrid: European Association of Personality Psychology, 2022.
- Borrell-Carrio F., Suchman A. L., Epstein R. M.* The biopsychosocial model 25 years later: principles, practice and scientific inquiry // Ann. Fam. Med. 2004. V. 2. P. 576–82. doi: 10.1370/afm.245
- Borsboom D.* A network theory of mental disorders // World Psychiatry. 2017. V. 16. № 1. P. 5–13.
- Bronfenbrenner U.* The Ecology of Human Development. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979.
- Brown A. L.* Metacognition, executive control, self-regulation and other more mysterious mechanisms // F. E. Weinert, R. H. Kluwe (Eds). Metacognition, Motivation and Understanding. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1987. P. 65–116.
- Bruner J. S.* Autobiography // A history of Psychology in Autobiography / G. Lindzey (Ed.). San Francisco: Freeman, 1980. V. 7. P. 75–151.
- Bultseva M. A., Lebedeva N.* The role of intercultural competence, in the relationship between intercultural experiences and creativity among students // International Journal of Intercultural Relations. 2021. V. 82. P. 256–264.
- Cacioppo J., Cacioppo S., Dulawa S., Palmer A.* Социальная нейронаука и ее потенциальный вклад в психиатрию // World Psychiatry (на русском языке). 2014. Т. 13. Ис. 2. P. 131–139.
- Capra F.* The Turning Point. N. Y.: Simon & Schuster, 1982.
- Charura D., Hill A. P., Etherson M. E.* COVID-19 vaccine hesitancy, medical mistrust and mattering in ethnically diverse communities // J. Racial and Ethnic Health Disparities. 2023. V. 10 (3). P. 1518–1525. doi: 10.1007/s40615-022-01337-z
- Chiu C. Y., Kwan L. Y. Y.* Culture and creativity: A process model // Management and Organization Review. 2010. V. 6. № 3. P. 447–461.
- Choi I., Koo M., Choi J. A.* Individual differences in analytic versus holistic thinking // Pers. Soc. Psychol. Bull. 2007. V. 33. № 5. P. 691–705.
- Coffe H., Geys B.* Community heterogeneity: A burden for the creation of social capital? // Social Science Quarterly. 2006. V. 87. P. 1053–1072. doi: 10.1111/j.1540-6237.2006.00415.x

- Crisp R. J., Turner R. N.* Cognitive adaptation to the experience of social and cultural diversity // *Psychological Bulletin*. 2011. V. 137. № 2. C. 242–266.
- Damasio A. R.* The somatic marker hypothesis and the possible functions of prefrontal cortex // *The Prefrontal Cortex* / Eds A. C. Roberts, T. W. Robbins, L. Weiskrantz. N. Y.: Oxford University Press, 1998. P. 36–50.
- Damasio A. R.* *Looking for Spinoza: Joy, sorrow and the feeling brain*. Florida: Harcourt, 2003.
- Deci E. L., Ryan R. M.* *Intrinsic Motivation and Self-Determination in Human Behavior*. N. Y.: Morristown, 1985.
- Duckworth A., Gendler T. S., Gross J.* Situational strategies for self-control // *Perspect. Psychol. Sci.* 2016. V. 11 (1). P. 35–55.
- Dunne C.* Can Intercultural Experiences Foster Creativity? The Relevance, Theory and Evidence // *Journal of Intercultural Studies*. 2017. V. 38 (2). P. 189–212.
- Eldredge N., Gould S. J.* Punctuated equilibria: an alternative to phyletic gradualism // *Models in Paleobiology*. San Francisco: Freeman & Cooper, 1972. P. 82–115.
- Engel G. L.* The need for a new medical model: a challenge for biomedicine // *Science*. 1977. V. 196. P. 129–36. doi: 10.1126/science.847460
- Epstein S.* Cognitive-Experiential Self-Theory of Personality // *Handbook of Psychology*. V. 5. Personality and Social Psychology / Ed. by I. B. Weiner. N. J.: John Wiley & Sons Inc., 2003. P. 159–184.
- Evans J. S. B. T.* Dual-processing accounts of reasoning, judgment and social cognition // *Annu. Rev. Psychol.* 2008. V. 59. P. 255–278.
- Felitti V. J.* Adverse childhood experiences and adult health // *Acad. Pediatr.* 2009. V. 9. P. 131–132. doi: 10.1016/j.acap.2009.03.001
- Fernyhough C.* Getting Vygotskian about theory of mind: Mediation, dialogue and the development of social understanding // *Developmental Review*. 2009. V. 28. P. 225–262.
- Flavell J. H.* Metacognition and cognitive monitoring: A New Area of Cognitive-Developmental Inquiry // *American Psychologist*. 1979. № 34 (10). P. 906–911.
- Flavell J. H.* Metacognition: answered and unanswered questions // *Educational Psychology*. 1989. V. 24. P. 143–158.
- Frances A.* RDoC is necessary, but very oversold // *World Psychiatry*. 2014. V. 13. P. 48–49.
- Frie R.* *Psychological Agency: Theory, practice and culture*. The MIT Press, 2008.
- Galyapina V. N.* Acculturation attitudes and psychological well-being of Russians in Kyrgyzstan and Tajikistan: the moderating role of perceived security // *Cultural-Historical Psychology*. 2021. V. 17. № 4. P. 34–45. doi: 10.17759/chp.2021170404
- Galyapina V. N., Lebedeva N., Lepshokova Z.* Intercultural friendships, social identities and psychological well-being of ethnic minorities in different contexts // *Journal of Intercultural Communication Research*. 2020. V. 49. № 1. P. 86–105. doi: 10.1080/17475759.2020.1713192
- Gangemi A., Bourgeois-Gironde S., Mancini F.* Feelings of error in reasoning – in search of a phenomenon. *Think // Reason*. 2015. V. 21. № 4. P. 383–396.
- Garmezy N., Masten A. S., Tellegen A.* The study of stress and competence in children: a building block for developmental psychopathology // *Child Development*. 1984. № 55 (1). P. 97–111.
- Gask L.* In defence of the biopsychosocial model. *Essay // Lancet Psychiatry*. 2018. V. 5. P. 548–49.

- Gervais W. M., Norenzayan A.* Analytic thinking promotes religious disbelief // *Science*. 2012. V. 336. № 27. P. 493–496.
- Gesthuizen M., Van der Meer T., Scheepers P.* Ethnic diversity and social capital in Europe: Tests of Putnam’s thesis in European countries // *Scandinavian Political Studies*. 2009. V. 32. P. 121–142. doi: 10.1111/j.1467-9477.2008.00217.x
- Ghaemi S. N.* The rise and fall of the biopsychosocial model // *Br. J. Psychiatry*. 2009. 195. P. 3–4. doi: 10.1192/bjp.bp.109.063859
- Gigerenzer G.* Moral intuition – fast and frugal heuristics? // *Moral Psychology*. V. 2. The cognitive science of morality: Intuition and diversity / Ed. W. Sinnott-Armstrong. Cambridge, MA: MIT Press, 2008. P. 1–2.
- Ginzburg C.* Clues: roots of an evidential paradigm // *C. Ginzburg. Clues, Myths and the Historical Method*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1989. P. 96–125.
- Giordano P. J.* Being or becoming: Toward an open-system, process-centric model of personality // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2015. V. 49 (4). P. 757–771.
- Glăveanu V. P.* Paradigms in the study of creativity: Introducing the perspective of cultural psychology // *New Ideas in Psychology*. 2010. V. 28 (1). P. 79–93.
- Glăveanu V. P.* Creativity as a Sociocultural Act // *The Journal of Creative Behavior*. 2016. V. 49 (3). P. 165–180.
- Gottlieb G.* Probabilistic epigenesis // *Developmental Science*. 2007. V. 10. № 1. P. 1–11.
- Grace S. L., Cramer K. L.* The elusive nature of self-measurement: the self-construal scale vs the twenty statement test // *The Journal of Social Psychology*. 2003. V. 143. № 5. P. 649–668.
- Grawe K.* Agents of Change in the Processes of Psychotherapy. Part I // *IFP Newsletter*. Zürich. 2006. P. 7–17.
- Green C. D.* A digital future for the history of psychology? // *History of Psychology*. 2016. V. 19. № 3. P. 209–219.
- Grogan S.* Body Image: Understanding body dissatisfaction in men, women and children. London: Routledge, 2008. doi: 10.4324/9780203004340
- Guse S.* Biological psychiatry: is there any other kind? // *Psychological Medicine*. 1989. V. 19 (2). P. 315–323.
- Halbesleben J. R., Neveu J. P., Paustian-Underdahl S. C., Westman M.* Getting to the “COR”: understanding the role of resources in conservation of resources theory // *Journal of Management*. 2014. № 40 (5). P. 1334–1364.
- Handbook of Experimental Existential Psychology* / Eds J. Greenberg, S. L. Koole, T. Pyszczynski. N. Y., 2004.
- Hannerz U.* Cultural Complexity. N. Y.: Columbia University Press, 1992.
- Harari G. M., Vaid S., Müller S. R., Stachl C., Marrero Z., Schoedel R., Bühner M., Gosling S. D.* Personality Sensing for Theory Development and Assessment in the Digital Age // *European Journal of Personality*. 2020. V. 34. P. 649–669. doi: 10.1002/per.2273
- Harre R., Stearns P.* (Eds). *Discursive Psychology in Practice*. L., 1995.
- Harvey C. A., Jeffreys S. E., McNaught A. S., Blizard R. A., King M. B.* The Camden schizophrenia surveys: III five-year outcome of a sample of individuals from a prevalence survey and the importance of social relationships // *The International Journal of Social Psychiatry*. 2007. V. 53. P. 340–356.

- Hebb D. L.* Drives and the C. N. S. (conceptual nervous system) // *Psychol. Rev.* 1955. V. 62. P. 243–254.
- Heritage J.* Conversation analysis: practices and methods // *Qualitative Research: theory, method and practice* / Ed. D. Silverman. L.: Sage, 2011. P. 208–230.
- Hobfoll S. E.* Conservation of resource caravans and engaged settings // *Journal of Occupational and Organizational Psychology.* 2011. № 84. P. 116–122.
- Hobfoll S. E., Halbesleben J., Neveu J.-P., Westman M.* Conservation of Resources in the Organizational Context: The Reality of Resources and Their Consequences // *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior.* 2018. № 5. P. 103–128.
- Hobfoll S. E., Lilly R. S.* Resource conservation as a strategy for community psychology // *Journal of Community Psychology.* 1993. V. 21. 2. P. 128–148.
- Hobsbawm E., Ranger T.* (Eds). *The Invention of Tradition.* Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Hockey G. R. J., Hamilton P.* The cognitive patterning of stress states // *Stress and Fatigue in Human Performance* / G. R. J. Hockey (Ed.). Chichester: John Wiley, 1983. P. 331–362.
- Howes O., Murray R.* Schizophrenia: an integrated sociodevelopmental-cognitive model // *Lancet.* 2014. V. 383 (9929). P. 1677–1687.
- Huerre P., Ragan-Reymond M., Reymond J. M.* L'adolescence n'existe pas. Histoire des tribulations d'un artifice. Paris: Éditions Universitaires, 1990.
- Izmailov Ch. A., Sokolov E. N.* Spherical model of color and brightness discrimination // *Psychol. Sci.* 1991. V. 2. P. 249–259.
- Jacobsen B.* Invitation to Existential Psychology: A Psychology for the Unique Human Being and Its Applications in Therapy. Chichester, 2007.
- Johnson W.* What if personality 'traits' evolve? // *Abstract Book of the 19th European Conference on Personality.* 2018. P. 17.
- Journal of Personality.* Special Issue: Status of the Trait Concept in Contemporary Personality Psychology. 2018. V. 86. Iss. 1.
- Kharkhurin A. V., Samadpour Motallebi S. N.* The impact of culture on the creative potential of American, Russian and Iranian college students // *Creativity Research Journal.* 2008. V. 20. № 4. P. 404–411.
- Kholmogorova A., Tarhanova P., Shalygina O.* Standards of physical beauty and mental health in children and young people in the era of the information revolution // *International Journal of Culture and Mental Health.* 2017. P. 1–12. doi: 10.1080/17542863.2017.1394007
- Kibrik A. A.* Language, Cognitive Systems and the Methodology of Observation // *Advances in Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics.* Intercognsci: International Conference on Cognitive Sciences. Cham, 2021. P. 3–16.
- Kim S. Y., Chao R. K.* Heritage language fluency, ethnic identity and school effort of immigrant Chinese and Mexico adolescents // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology.* 2009. № 1 (15). C. 27–37.
- Kogan N.* Personality and aging // J. E. Birren, S. W. Schaie (Eds). *Handbook of the Psychology of Aging.* San Diego: Academic Press, 1990. P. 330–346.
- Kolb S. K.* *Metacognition Metaphors.* N. Y., 1995.

- Kostromina S. N., Grishina N. V.* The Future of Personality Theory: a Processual Approach // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2018. March. P. 1–11.
- Kostromina S. N., Grishina N. V.* The Dynamic Personality: ‘Continuity Amid Change’ // Psychology in Russia: State of the Art. 2019. V. 12 (2). P. 34–45.
- Kovtun J. J., Khysambeyev Sh. R., Panov V. I.* Analysis of Ecopsychological Types of Interactions In Medical Institution Environment // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. International Conference on Psychology and Education (ICPE 2018). P. 524–532. doi: 10.15405/epsbs.2018.11.02.58
- Kozmus A., Psunder M.* Bullying among pupils with and without special needs in Slovenian primary schools // Educational Studies. 2017. № 4 (44). C. 408–420.
- Kretchmar S., Latash M.* Human Movement: In Search of Borderlands Between Philosophy and Physics // Kinesiology Review. 2022. doi: 10.1123/kr.2021-0014
- Kudryavtseva N. N., Markel A. L., Orlov Yu. L.* Aggressive Behavior: Genetic and Physiological Mechanisms // Russian Journal of Genetics: Applied Research. 2015. V. 5. № 4. P. 413–429.
- Kushlev K., Dunn E. W.* Affective forecasting: knowing how we will feel in the future // Handbook of Self-Knowledge / Ed. by S. Vazire, T. D. Wilson. N. Y.–London: The Guilford Press, 2012. P. 277–292.
- Lasarus R. S., Folkman S.* Stress, Appraisal and Coping. N. Y., 1984.
- Lee K. S., Therriault D. J., Linderholm T.* On the Cognitive Benefits of Cultural Experience: Exploring the Relationship between Studying Abroad and Creative Thinking // Applied Cognitive Psychology. 2012. V. 26. P. 768–778.
- Leigh A.* Trust, inequality and ethnic heterogeneity // Economic Record. 2006. V. 82. P. 268–280. doi: 10.1111/j.1475-4932.2006.00339.x
- Lepesheva S. O., Kholmogorova A. B.* Fitness blogging as a new social practice and its implications for young women’s mental health // Kul’turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology. 2021. V. 17. № 2. P. 144–154. doi: 10.17759/chp.2021170214
- Letki N.* Does diversity erode social cohesion? Social capital and race in British neighborhoods // Political Studies. 2008. V. 56. P. 99–126. doi: 10.1111/j.1467-9248.2007.00692.x
- Leung A. K., Chiu C.* Multicultural experience, idea receptiveness and creativity // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2010. V. 41. № 5–6. P. 723–741.
- Leung A. K., Maddux W. W., Galinsky A. D., Chiu C.-Y.* Multicultural experience enhances creativity: The when and how // American Psychologist. 2008. V. 3. P. 169–181.
- Lewin K.* Dynamic Theory of Personality. Selected Papers. N. Y.–London: McGraw Hill Book Company Inc., 1935.
- Martin J., Gillespie A. A.* Neo-Meadian approach to human agency: relating the social and the psychological in the ontogenesis of perspective-coordinating persons // Integr. Psychol. Behav. Sci. 2010. V. 44 (3). P. 252–272.
- Martsinkovskaya T. D.* The person in transitive and virtual space new challenges of modality // Psychology in Russia: State of the Art. 2019. V. 12. № 2. P. 165–176.
- Matthaus W.* Sowjetische Denkpsychologie. Verlag für Psychologie. Göttingen–Toronto–Zurich, 1988 (О С.Л. Рубинштейне – S. 3–10, 23–28, 34–37, 332–333, 778–779; и др.).

- Masten A. S., Hubbard J. J., Gest S. D., Tellegen A., Garmesy N., Ramirez M.* Competence in the context of adversity: pathways to resilience and maladaptation from childhood to late adolescence // *Development and Psychopathology*. 1999. № 11. P. 143–169.
- Mazilov V. A.* About Methodology of Russian Psychology of Today // *Psychological Pulse of modern Russia*. М.—Yaroslavl: IAPS, 1997. P. 126–135.
- McClelland D.* *The Achievement Motive*. N. Y.: Morristown, 1953.
- Mei-Hua L.* Analytic-holistic thinking, information use and sensemaking during unfolding events // A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Wright State University, 2008.
- Melekhov D. E.* Theoretical and organizational bases for the rehabilitation of mental patients in the USSR // *Zh. Nevropatol. Psikhiatr. im. S. S. Korsakova*. 1977. V. 77 (11). № 16. P. 86–92.
- Merleau-Ponty M.* *The Structure of Behavior*. Boston: Beacon Press, 1963.
- Metacognition: Cognitive and Social Dimensions / Ed. by V. Yzerbyt et al. Sage, 2002.
- Metcalfe J.* Evolution of metacognition // J. Dunlosky, R. Bjork (Eds). *Handbook of Metamemory and Memory*. N. Y.: Psychology Press, 2008. P. 29–46.
- Metcalfe J., Eich T. S., Castel A.* Metacognition of agency across the lifespan // *Cognition*. 2010. V. 116. P. 267–282.
- Metcalfe J., Shimamura A. P.* (Eds). *Metacognition: Knowing about Knowing*. Cambridge, MA: MIT Press, 1994.
- Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / Под общ. ред. А. Г. Асмолова. М.: ИД «ЯСК», 2018.
- Montuori A., Stephenson H.* Creativity, culture contact and diversity // *World Futures*. 2010. V. 66. № 3–4. P. 266–285.
- Muddiman A., Stroud N. J.* News values, cognitive biases and partisan incivility in comment sections // *Journal of Communication*. 2017. V. 67. P. 586–609.
- Nelson T. O.* Consciousness and metacognition // *American Psychologist*. 1996. № 51. P. 102–116.
- Nelson T., Narens L.* A new technique for investigating the feeling of knowing // *Acta Psychologica*. 1980. № 46. P. 69–90.
- Neubauer A. C., Fink A.* Intelligence and neural efficiency // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2009. 33. P. 1004–1023.
- Nijstad B., Paulus P.* Group creativity: Common themes and future directions // *Group creativity: Innovation through collaboration* / P. Paulus, B. Nijstad (Eds). N. Y.: Oxford University Press, 2003. P. 326–339.
- Nisbett R. E., Peng K., Choi I., Norenzayan A.* Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition // *Psychol. Rev.* 2001. V. 108. № 2. P. 291–310.
- Oxford Dictionaries. Language matters. 2014. URL: <http://www.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 01.02. 2016).
- Panov V.* From Environmental Psychology to Subject-Environment Interactions // *Proceedings of the 2017 2nd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH – 2017)*. Part of the series ASSEHR. Moscow, Russia. V. 124. P. 1135–1139. doi: 10.2991/iccessh-17.2017.265
- Panov V. I., Plaksina I. V.* Analysis of ecopsychological types of interaction in system “learner–teacher” // S. B. Malykh, E. V. Nikulchev (Eds). *Psychology and Educa-*

- tion – ICPE 2017. V. 33. European Proceedings of Social and Behavioral Sciences. P. 282–289. doi: 10.15405/epsbs.2017.12.28
- Pawlik K., Stapf K.* Okologische Psychologie: Entwicklung, Perspektive und Aufbau eines Forschungsprogramms // Umwelt und Verhalten. Bern, 1992. P. 9–24.
- Payne T. R. S. S. L.* Rubinshtein and philosophical foundation of Soviet Psychology. Dordrecht. Holland, 1968.
- Pelham W. E.* et al. The effect of stimulant medication on the learning of academic curricula in children with ADHD: A randomized crossover study // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 2022. V. 90 (5). P. 367–380. doi: 10.1037/ccp0000725
- Persons* // Integrative Psychological & Behavioral Science. 2010. V. 44. № 3. P. 252–272.
- Piaget J.* The epistemology of interdisciplinary relationships // Interdisciplinarity. Problems of teaching and research in universities. Paris: Organization for Economic Cooperation and Development, 1972. P. 127–139.
- Pierce M. E.* Individual and holistic information processing. Thesis submitted to the Faculty of the Virginia Polytechnic Institute and State University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Science. Blacksburg, VA, 2007. P. 1–24.
- Plomin R., Asbury K.* Nature and nurture: Genetic and environmental influences on behavior // The Annals of the American Academy of Political & Social Science. 2005. V. 600. P. 86–98.
- Plomin R., DeFries J. C., Knopik V. S., Neiderhiser J. M.* Top 10 replicated findings from behavioral genetics // Perspect. Psychol. Sci. 2016. V. 11 (1). P. 3–23.
- Prigogine I.* From Being to Becoming: Time and Complexity in the Physical Sciences. San Francisco: W. H. Freeman and Co., 1980.
- Prigogine I., Nicolis G.* Self-Organization in Non-Equilibrium Systems: from Dissipative Structures to Order through Fluctuations. N. Y.–London–Sydney–Toronto: J. Wiley & Sons, 1977.
- Putnam R. D.* Diversity, social capital and immigrant integration // National Civic Review. 2009. V. 98. P. 3–5. doi: 10.1002/ncr.236
- Qurin M., Robinson M., Rauthmann J., Kuhl J., Read S., Tops M., DeYoung C.* The Dynamics of Personality Approach (DPA): 20 Tenets for Uncovering the Causal Mechanisms of Personality // European Journal of Personality. 2020. V. 34 (5). P. 947–968.
- Rauthmann J., Sherman R., Funder D.* Principles of situation research: towards a better understanding of psychological situations // European Journal of Personality. 2015. V. 29. P. 363–381.
- Reder L. M.* (Ed.). Implicit Memory and Metacognition. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1996.
- Rigby K.* Bullying in schools: addressing desires, not only behaviors // Educational Psychology Review. 2012. № 2 (24). C. 339–348.
- Roberts B. W., Walton K. E., Viechtbauer W.* Patterns of mean-level change in personality traits across the life course: A meta-analysis of longitudinal studies // Psychological Bulletin. 2006. V. 132. № 1. P. 1–25.
- Roberts B. W., Wood D.* Personality development in the context of the neo-socioanalytic model of personality // D. Mroczek, T. D. Little (Eds). Handbook of Personality Development. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 2006. P. 11–39.

- Roberts M., Gibbons F., Gerrard M., Klein W.* Individual differences in situation awareness: validation of the situationism scale // *The Journal of Social Psychology*. 2015. V. 155. P. 143–162.
- Rosch E., Mervis C., Gray W., Johnson D.* Basic objects in natural categories // *Cognitive Psychology*. 1976. V. 81. P. 390–398.
- Rubinstein aujourd'hui. Nouvelles figures de l'activité humaine. Anthologie de textes choisis et edites par Nosulenko V. et Rabordel P. Toulouse—Paris: Octores de la Maison des Sciences de l'Homme, 2007.
- Rubtsov V. V., Konokotin A.* Formation of Higher Mental Functions in Children with Special Educational Needs via Social Interaction // *Evaluation and treatment of Neuropsychologically Compromised Children / Ed. D. Nemeth, J. Glosman, Academic Press*, 2020. P. 179–195.
- Rudd N., Lennon S.* Body image: linking aesthetics and social psychology of appearance // *Clothing and Textiles Research Journal*. 2001. V. 19 (3). P. 120–133. doi: 10.1177/0887302X0101900303
- Rudowicz E.* Creativity and culture: A two way interaction // *Scandinavian Journal of Educational Research*. 2003. V. 47. № 3. P. 273–290.
- Scheffler F., Phahladira L., Luckhoff H., du Plessis S., Asmal L., Kilian S., Di Forti M., Murray R., Emsley R.* Cannabis use and clinical outcome in people with first-episode schizophrenia spectrum disorders over 24 months of treatment // *Psychiatry Research*. 2021. V. 302. doi: 10.1016/j.psychres.2021.114022
- Semenov I. N.* The psychology of reflexion in the scientific work of S. L. Rubinshtein // *The Psychology Journal*. 1989. № 4. P. 67–74.
- Sharp K., Fonagy P., Goodyer I.* Introduction // *Social cognition and developmental psychopathology / K. Sharp, P. Fonagy, I. Goodyer (Eds)*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 1–28.
- Shcherbakova O. V., Gorbunov I. A., Golovanova I. V., Kholodnaya M. A.* The neural efficiency hypothesis: Further evidence from the EEG study of conceptual thinking // *International Journal of Psychophysiology*. 2014. V. 2. № 94. P. 218.
- Simoes E.* “Long live Harry and Meghan!”: an analysis of polite and aggressive argumentation strategies from online forums on celebrity-related news // *Journal of Discourse Studies*. 2019. № 8. P. 156–178.
- Simon H. A.* *Administrative Behavior*. N. Y., 1947.
- Singelis Th. M.* The measurement of independent and interdependent Self-construals // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1994. V. 20. № 5. P. 580–591.
- Srivastava S., John O. P., Gosling S. D., Potter J.* Development of personality in early and middle adulthood: Set like plaster or persistent change? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003. V. 84. P. 1041–1053.
- Stachl C., Pargent F., Hilbert S., Harari G., Schoedel R., Vaid S., Gosling S., Bühner M.* Personality research and assessment in the era of machine learning // *European Journal of Personality*. 2010. V. 34. P. 613–631. doi: 10.1002/per.2257
- Stanovich K. E., West R. F.* Individual Differences in Reasoning: Implications for the Rationality Debate? // *Behavioral and Brain Sciences*. 2000. V. 22. № 5. P. 645–726.
- Stiles W. B., Gabalda I. C., Ribeiro E.* Exceeding the therapeutic zone of proximal development as a clinical error // *Psychotherapy*. 2016. V. 53. № 3. P. 268–272. doi: 10.1037/pst0000061

- Stokols D.* Environmental psychology // *An. Rev. Psychol.* 1978. V. 29. P. 253–295. doi: 10.1146/annurev.ps.29.020178.001345
- Stokols D.* The paradox the environmental psychology // *American Psychologist.* 1995. V. 50. № 10. P. 821–837.
- Stroud N. J., Scacco J. M., Muddiman A., Curry A. L.* Changing deliberative norms on news organizations' Facebook sites // *Journal of Computer Mediated Communication.* 2015. V. 20. P. 188–203.
- Strus W., Ciecuch J.* Towards a synthesis of personality, temperament, motivation, emotion and mental health models within the circumplex of personality meta-traits // *Journal of Research in Personality.* 2017. V. 66. P. 70–95. doi: 10.1016/j.jrp.2016.12.002
- Tadmor C. T., Hong Y. Y., Chao M. M., Wiruchnipawan F., Wang W.* Multicultural experiences reduce intergroup bias through epistemic unfreezing // *Journal of Personality and Social Psychology.* 2012. T. 103. № 5. С. 750–772.
- Tarde G.* Études de psychologie sociale. Paris: V. Giard et E. Brière, 1898. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k112962k> (дата обращения: 30.07.2022).
- Tarde G.* On Communication and Social Influence: Selected Papers. Chicago: University of Chicago Press, 1969.
- Tatarko A.* Testing the integration hypothesis in the Republic of Dagestan: the role of social capital // *Applied Psychology.* 2020. V. 69. № 4. doi: 10.1111/apps.12262
- Tatarko A., Berry J., Choi K.* Social capital, acculturation attitudes and socio-cultural adaptation of migrants from central Asian republics and South Korea in Russia // *Asian Journal of Social Psychology.* 2020. V. 23. № 3. P. 302–309. doi: 10.1111/ajsp.12401
- Tatarko A., Jurcik T.* Migrant integration policies, perceived group threat and generalized trust: a case of European countries // *Journal of International Migration & Integration.* 2021. V. 22. Iss. 2. № 17. P. 705–727. doi: 10.1007/s12134-020-00763-4
- Tatarko A., Mironova A., van de Vijver F. J.* Ethnic diversity and social capital in the Russian context // *Journal of Cross-Cultural Psychology.* 2017. V. 48. № 4. P. 542–559. doi: 10.1177/0022022117692099
- Thaler R. H.* Behavioral economics: Past, present and future // *American economic review.* 2016. V. 106. № 7. P. 1577–1600.
- The Holographic Paradigm and Other Paradoxes: Exploring the Leading Edge of Science / K. Wilber (Ed.). Boulder–London: Shambhala, 1982. P. 301.
- Thelen E., Smith L. A.* Dynamic Systems Approach to the Development of Cognition and Action. Cambridge, MA: MIT Press, 1994.
- Thelen E., Smith L.* Dynamic systems theories // *Theoretical Models of Human Development: Handbook of child psychology: V. 1.* N. Y.: Wiley, 1998.
- Tomasello M.* Origins of Human Communication Cambridge: The MIT Press, 2008.
- Tomasello M.* The Cultural Origins of Human Cognition. Harvard: Harvard University Press, 2010.
- Tomasello M.* A Natural History of Human Thinking. Harvard University Press, 2014.
- Uher J.* Developing “personality” taxonomies: Metatheoretical and methodological rationales underlying selection approaches, methods of data generation and reduction principles // *Integrative Psychological and Behavioral Science.* 2015. V. 49. P. 531–589.

- Uher J.* Basic definitions in personality psychology: challenges for conceptual integrations // *European Journal of Personality*. 2017. V. 31. P. 572–573. doi: 10.1002/per.2128
- Uher J., Addessi E., Visalberghi E.* Contextualised behavioral measurements of personality differences obtained in behavioural tests and social observations in adult capuchin monkeys (*Cebus apella*) // *Journal of Research in Personality*. 2013. V. 47 (4). P. 427–444.
- Valsiner J.* From Methodology to Methods in Human Psychology. Springer Briefs in Psychology. 2017. doi: 10.1007/978-3-319-61064-1_8
- Van Os J., Rutten B., Poulton R.* Gene–environment interactions for searchers: collaboration between epidemiology and molecular genetics // W. F. Gattaz, G. Busatto (Eds). *Advances in Schizophrenia Research*. Springer Verlag, 2009.
- Varela F., Thompson E., Rosch E.* *The Embodied Mind. Cognitive Science and Human Experience*. Cambridge, MA: MIT Press, 1991.
- Vygotsky L. S.* *Mind in society: The Development of higher psychological processes* / M. Cole, V. John-Steiner, S. Scribner, E. Souberman (Eds). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1978.
- Werner E. E.* Resilience and Recovery: Findings from the Kauai Longitudinal Study // FOCAL POiNT. Research, Policy and Practice in Children’s Mental Health. 2005. № 19 (1). P. 11–14.
- Wertsch J., Stone C.* The concept of internalization in Vygotsky’s account of the genesis of the higher mental functions // J. V. Wertsch (Ed.). *Culture, Communication and Cognition: Vygotskian perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 162–179.
- Wittink M. N., Rosenberg T., Waller C., Qiu P., McDaniel S.* Editorial: Real-world implementation of the biopsychosocial approach to healthcare: Pragmatic approaches, success stories and lessons learned // *Front. Psychiatry*. 2022. V. 13. doi: 10.3389/fpsyt.2022.1026415
- Wong P. T.* Effective management of life stress: The resource–congruence model // *Stress Medicine*. 1993. V. 9. № 3. P. 51–60.
- Wrzus C., Roberts B. W.* Processes of personality development in adulthood: The TESSERA framework // *Personality and Social Psychology Review*. 2017. V. 21. P. 253–277.
- Zaretsky V. K.* One more time on the zone of proximal development // *Kul’turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural–Historical Psychology*. 2021. V. 17. № 2. P. 37–49.
- Zhang L. F.* Thinking styles: their relationships with modes of thinking and academic performance // *Educ. Psychol.* 2002. V. 22. № 3. P. 331–348.

Аннотации

Вводная глава

Современные подходы в отечественной психологии: единство в разнообразии

Вводная глава коллективной монографии, впервые в отечественной психологии представляющей разные научные подходы, погружает читателя в систему анализируемых теоретических представлений. 27 глав монографии включают разнообразные позиции, представления о природе психического, развитии, психической организации, предмете, методах психологических исследований. Главы монографии были разделены на разделы: общепсихологические подходы (девять глав), общенаучные подходы, разрабатываемые в психологии (8 глав), конкретно-психологические, создаваемые в определенных областях психологии (6 глав) и научные подходы в прикладной психологии (4 главы). Были рассмотрены четыре варианта сопоставления. Это возможность интеграции (В. А. Мазиллов, В. А. Янчук) или возможность сравнения научных подходов (Е. А. Сергиенко, А. В. Юревич). На основе анализа вариантов сравнения был предложен авторский вариант, в котором совмещались разные позиции. Были выделены следующие координаты сопоставления: ведущее понятие, конкретизирующие понятия, позволяющие раскрыть содержание ведущего понятия в подходе, методологические принципы и ведущие методы на основе их классификации Б. Г. Ананьевым. Выделенные координаты позволили представить таблицы сравнений по всем разделам монографии. Именно выделение ведущего понятия в совокупности с конкретизирующими понятиями стало наиболее сильным критерием сравнения. Показано, что научные подходы всех четырех разделов коллективной монографии демонстрируют взаимосвязи и взаимодополнения в понимании природы, мультидетерминации психического, возможности на их основаниях решать новые и сложные задачи сложного человека в противоречивом и неопределенном мире. Многие подходы, представленные в данной книге, вбирают в себя понятия и принципы иных подходов в психологии. Получили свое обоснование принципы междисциплинарности, неопределенности, антиципации, субъектности, эволюционности, мультидетерминации и саморазвития, наряду с подтверждением принципов системности, единства сознания и деятельнос-

ти, единства бытия и сознания, развития. Но и традиционные для психологии принципы наполняются новым содержанием. Сравнительный анализ ведущих методов, используемых в разных подходах, показал, что, несмотря на условность выделения ведущих методов, они дают представление о направленности методических поисков и указывают пусть на слабую возможность их объединения либо дифференциации.

Состояние психологической науки в рамках проведенного анализа, продемонстрировало развитие науки «в куст», т. е. создание ландшафта психологии через многообразие, но при взаимопроникновении разных подходов, различия которых создают единое пространство нашей науки: единство в разнообразии, означающее эволюцию психологического знания.

Ключевые слова: методология, научные подходы, ведущее понятие, конкретизирующие понятия, методологические принципы, ведущие методы, сравнение подходов.

Modern approaches in Russian psychology: unity in diversity

The collective monograph for the first time in Russian psychology presents a different scientific approach. 27 chapters of the monograph represent a variety of theoretical positions, ideas about the nature of the mental, development, mental organization, subject, methods of psychological research. The chapters of the monograph were divided into sections: general psychological approaches (nine chapters), general scientific approaches developed in psychology (8 chapters), specific psychological approaches created in certain areas of psychology (6 chapters) and scientific approaches in applied psychology (4 chapters). Four comparison options were considered. This is the possibility of integration (V. A. Mazilov, V. A. Yanchuk) or the possibility of comparing scientific approaches (E. A. Sergienko, A. V. Yurevich). Based on the analysis of comparison options, the author's version was proposed, in which different positions were combined. The following coordinates of comparison were identified: the leading concept, concretizing concepts that allow revealing the content of the leading concept in the approach, methodological principles and leading methods based on their classification by B. G. Ananiev. The selected coordinates made it possible to present tables of comparisons for all sections of the monograph. It was the selection of the leading concept in conjunction with specifying concepts that became the strongest criterion for comparison. It is shown that the scientific approaches of all four sections of the collective monograph demonstrate interrelations and complementarities in understanding the understanding of nature, the multidetermination of the mental, the ability to solve new and complex problems on their basis, a complex person in a contradictory and uncertain world. Many of the approaches presented in this book incorporate concepts and principles from other approaches in psychology. The principles of interdisciplinarity, uncertainty, anticipation, subjectivity, evolutionary nature, multidetermination and self-development received their substantiation, along with confirmation of the principles of consistency, unity of consciousness and activity, unity of being and consciousness, development. But the principles traditional for psychology are filled with new content. A comparative analysis of the leading methods used in different approaches showed that, despite the conditionality of identifying the leading me-

thods, they give an idea of the direction of methodological searches, and indicate, albeit a weak possibility of combining or differentiating them.

The development of psychological science within the framework of the analysis carried out here indicates the development of science “in the bush”, i. e. on the creation of a landscape of psychology through diversity, but with the interpenetration of different approaches, the differences of which create a single space of our science. Unity in diversity, signify the evolution of psychological knowledge.

Keywords: methodology, scientific approaches, leading concept, concretizing concepts, methodological principles, leading methods, comparison of approaches.

Раздел I ОБЩЕПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Глава 1

Историко-эволюционная оптика познания *Homo complexus*: приглашение к диалогу

В главе обосновывается необходимость диалога между разными научными школами, парадигмами и исследовательскими программами для осуществления антропологического поворота к пониманию природы человека как *Homo complexus*. Акцентируется необходимость наведения мостов между такими магистральными направлениями отечественной науки, как культурно-историческая психология, психология установки, деятельности, отношений и человекознания, а также между системно-деятельностным и системно-субъектным подходами. Аргументируется, что без системно-деятельностного подхода было бы невозможно создание историко-эволюционной методологии познания *Homo complexus* и разработка представлений о культурно-исторической психологии как науке о «конструировании миров». Показано, что преодоление разрыва между естественно-научным и гуманитарным путями познания является смыслообразующим мотивом для разработки историко-эволюционного подхода к познанию *Homo complexus*. Выдвигается гипотеза, согласно которой методологическая оптика историко-эволюционного подхода позволяет высветить такие проблемные поля исследования мира психических явлений, как постановка и дальнейшая разработка парадоксального вопроса о необходимости порождения психического, т. е. вопроса о том, для чего и в каких условиях возникает психика; расширение перспектив исследований роли жизни, разных потоков целенаправленной активности в порождении и становлении психического; обоснование важности смещения акцента от исследований анализа эволюции психики – к исследованию психики как двигателя эволюции; выделение ценностного императива исследований эволюционного смысла психической уникальности каждого субъекта в конструировании жизни при ее восхождении к сложности и разнообразию.

Ключевые слова: антропологический поворот, сложность, разнообразие, неопределенность, специализация, универсализация, целенаправленная активность, системно-деятельностный подход, историко-эволюционный подход, эволюционная эпистемология, жизнь сообщества, лидерство.

Historical evolutionary optics of *homo complexus*: an invitation to dialogue

The article justifies the necessity of a dialogue between different scientific schools, paradigms and research programs for the anthropological turn in understanding human nature as *Homo complexus*. An urge is emphasized for methodological bridges between such major areas of Russian psychology as cultural historical psychology, psychology of set, psychology of activity, psychological anthropology, as well as activity and agency approaches. Without an activity approach, it would be impossible to develop a historical evolutionary methodology for the study of *Homo complexus* and the idea of cultural historical psychology as a science of the constructivist evolution of life. Bridging the gap between science and humanities is a meaning-making motive for developing a historical-evolutionary approach to *Homo complexus*. According to our hypothesis, the methodological optics of the historical evolutionary approach highlights the following challenges in the study of mind: definition and further elaboration of a paradoxical problem of the need for the mental, i. e. the question of ‘why’ and ‘when’ the mind emerges; expanding the prospects for research on the role of life as a variety of streams of purposeful activity in the emergence and development of the mind; the importance of shifting attention from the studies in the evolution of the mind to the study of the mind as an engine of evolution; highlighting the axiological imperative of research on the evolutionary meaning of the mental uniqueness of each agent in the construction of life through its ascent to complexity and diversity.

Keywords: anthropological turning, complexity, diversity, uncertainty, specialization, universalization, purposeful activity, activity approach, historical evolutionary approach, evolutionary epistemology, leadership.

Глава 2

Теория деятельности А. Н. Леонтьева как методологический подход в психологии

Глава посвящена вкладу подхода А. Н. Леонтьева в общепсихологическую теорию деятельности, в разработку основных психологических категорий и обоснование предмета психологии. Рассматриваемая в качестве развития одного из направлений культурно-исторической школы Л. С. Выготского—А. Н. Леонтьева—А. Р. Лурии деятельностная концепция исторически выступила важнейшей вехой на пути становления методологии отечественной психологии. Хотя о подходе А. Н. Леонтьева, называемого одним из вариантов деятельностного подхода или теорией деятельности, написано уже много, его ключевые моменты во многом остаются недооцененными. При уровне подходе к структуре деятельности ее связь со становлением сознания и личности обычно упрощается, то же можно сказать о постановке и решении проблемы соотношения внешнего и внутреннего. Согласно теории А. Н. Леонтьева, целостная деятельность, а не только ее ориентировочная часть является предметом психологии; внешняя и внутренняя деятельность имеют общность структур; но это не свидетельствует об их тождестве.

Специфика подхода задана и новым пониманием соотношения понятий перцептивного образа и образа мира, что выступает наиболее трудным аспектом

в изучении восприятия. Единство генетического и функционального анализа – та специфика рассмотрения фило-, онто- и актуалгенеза в теории А. Н. Леонтьева, которая отражает уникальность подхода и его непреходящее значение. Особенности являются также обоснование несводимости развития к пониманию в рамках теории двух факторов (социального и биологического) и предпосылки нового психологического понимания личности, которая не «предсуществует» по отношению к деятельности, а творит себя в ходе самой деятельности.

Деятельностный подход А. Н. Леонтьева необходимо рассматривать в качестве теории верхнего уровня, которая выступает методологической платформой для теорий среднего уровня, предполагающих проверку эксплицируемых эмпирических гипотез. И он в этом качестве выполняет свою роль на общем пути движения психологической науки в сторону развития ее парадигмальности, поскольку позволяет отталкиваться от нее и при развитии иных предположений о предмете психологии и построении психологических объяснений.

Ключевые слова: культурно-историческая психология, деятельностный подход, деятельность, образ мира, сознание.

Theory of activity A. N. Leontiev as a methodological approach in psychology

The article is focused on the discussion of A. N. Leontiev's approach in the context of the general psychological theory of activity, the development of the main psychological categories and the substantiation of the subject of psychology. Considered to be of the primary lines of theorizing within the cultural-historical school of L. S. Vygotsky–A. N. Leontiev–A. R. Luria, the 'activity theory' has historically been viewed as the most important milestone on the path of development of the methodology of Russian psychology. Although Leontiev's approach and the theory of activity have received a lot of attention in psychology, its key points remain largely underappreciated. When one adopts a so-called level approach to the structure of activity is adopted, its connection with the formation of consciousness and personality is usually simplified. The same can be said about the problem between the external and internal. According to the theory of A. N. Leontiev, holistic activity, and not just its indicative part, is the subject of psychology; external and internal activities have a common structure; but this does not prove their identity.

The specificity of the approach is also driven by a new understanding of the relationship between the concepts of the perceptual image and the image of the world, which is the most difficult aspect in the study of perception. The unity of genetic and functional analysis lies therefore in the specificity of the consideration of phylo-, onto- and actual genesis in the theory of A. N. Leontiev, which reflects the uniqueness of the approach and its enduring significance. Other important features of the approach include the substantiation of the irreducibility of development to problem within the framework of the theory of two factors (social and biological) and the development of prerequisites for a new psychological understanding of the personality, which does not "pre-exist" in relation to activity, but rather creates itself in the course of activity.

The activity approach of A. N. Leontiev should be considered as a top-level theory, which acts as a methodological platform for middle-level theories that necessarily focus on testing explicated empirical hypotheses. And in this capacity, it fulfills its role on the

general path of the movement of psychological science towards the development of its paradigm, since it allows you to develop a foundation for testable hypotheses about the subject of psychology and the construction of psychological explanations.

Keywords: cultural-historical psychology, activity approach, activity, image of the world, consciousness.

Глава 3

Культурно-историческая психология:

современное состояние и направления развития научной школы

В главе дается характеристика истории развития и современного состояния культурно-исторической психологии, основы которой была заложены в 1920–1930-е годы Л. С. Выготским. Рассматриваются основные понятия культурно-исторической психологии, траектории и поворотные моменты в разработке ключевых идей, методов и направлений отечественных исследований. Кратко анализируются различия в трактовках некоторых понятий культурно-исторической психологии, в подходах Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева к исследованию развития психики. Показано, что изменение социокультурного контекста развития психологической науки, в том числе заметное усиление ее роли в содействии развитию (так понимал будущую психологию Л. С. Выготский), обнаруживает глубокий эвристический потенциал понятий и методов культурно-исторической психологии как концептуальных инструментов создания адресных психологических практик. В качестве примера такой практики, основанной на положениях культурно-исторической психологии и деятельностного подхода, обсуждается система развивающего обучения Д. Б. Эльконина и В. В. Давыдова. Рассматриваются способы организации совместно-распределенной учебной деятельности, способствующей развитию научных понятий у детей. Показана тенденция к расширению масштабов и областей применения концептуального аппарата культурно-исторической психологии, обоснованию новых методов исследования развития, становления новых научных предметов и практик.

Ключевые слова: культурно-историческая психология, Л. С. Выготский, высшие психические функции, зона ближайшего развития, развивающее обучение, генетико-моделирующий метод, метод поэтапного формирования умственных действий, социогенетический метод, рефлексивно-деятельностный подход, развитие ребенка, совместно-распределенная деятельность ребенка и взрослого.

Cultural-historical psychology:

state of the art and developmental directions of scientific school

The chapter provides an overview on the history of development and the state of the art of the Cultural-Historical Psychology, the fundamentals of which were elaborated by L. S. Vygotsky in 1920–1930s. The key concepts of the Cultural-Historical Psychology, as well as trajectories and turning points in the development of its ideas, methods and directions of research are studied. The authors briefly analyze differences in the interpretation of certain concepts in Russian and foreign psychology, as well as discuss the differences

in research on the development of psyche by L. S. Vygotsky and A. N. Leont'ev. The authors argue that changes in the socio-cultural context of psychology itself including the strengthening of the role of psychology as of practice contributing to the development (as L. S. Vygotsky regarded future psychology), reveals a profound heuristic potential of the concepts and methods of the Cultural-Historical Psychology as of conceptual tools for creating targeted psychological practices. As an example of such practice, based on the ideas of the Cultural-Historical Theory and Activity Approach, the authors discuss the system of developing learning by D. B. El'konin and V. V. Davydov. The chapter focuses on the means of organization of joint-distributed learning activity, contributing to the development of scientific concepts in children. The authors show the tendency for an increase in scale and scope of the application of the system of concepts of the Cultural-Historical Psychology, substantiation of new methods of research on development, formation of new scientific subjects and practices.

Keywords: Cultural-Historical Psychology, L. S. Vygotsky, higher mental functions, zone of proximal development, developing learning, genetic-modeling method, method of step-by-step formation of mental actions, socio-genetic method, reflective-activity approach, child development, joint-distributed activity of the child and the adult.

Глава 4

Культурно-аналитический подход: история и методология

В главе рассматриваются предпосылки и история становления культурно-аналитического подхода как интегративной методологической стратегии для изучения культурно-психологических феноменов: человека в мире, личности в истории и культуре, субъекта в потоке социокультурных изменений и т. п. Обсуждаются теоретические и методологические источники культурно-аналитического подхода в психологии; сформулированы основные положения и принципы; подчеркивается важность открытости психологии достижениям смежных наук. Культурно-аналитический подход образует совокупность философских, общенаучных и конкретно-научных положений, объединенных такими методологическими ориентирами, как идеал постнеклассической рациональности, культурно-историческая эпистемология, антропологический поворот социогуманитарного знания, а также тенденциями трансдисциплинарности и полипарадигмальности.

Ключевые слова: методология, культурно-аналитический подход, анализ через синтез, личность, культура, трансдисциплинарность.

A cultural analytical approach: history and methodology

The article discusses the prerequisites and history of the formation of the cultural-analytical approach as an integrative methodological strategy for studying cultural and psychological phenomena: a person in the world, a personality in culture and history, an actor in the dynamics of a socio-cultural environment etc.; the theoretical and methodological sources of the cultural-analytical approach in psychology are discussed; main posi-

tions and principles are formulated; the importance of the openness of psychology to the achievements of related sciences is emphasized. The cultural-analytical approach forms a set of philosophical, general scientific and concrete scientific positions, united by guidelines, such as the ideal of post-non-classical rationality, cultural-historical epistemology, an anthropological turn in socio-humanitarian knowledge, as well as tendencies of polyparadigmality and transdisciplinarity.

Keywords: methodology, cultural-analytical approach, analysis through synthesis, personality, culture.

Глава 5

Субъектно-деятельностный подход

Глава посвящена изучению социокультурных предпосылок, категориального содержания, теоретического развития и методологической реализации субъектно-деятельностного подхода в трудах С. Л. Рубинштейна и его научной школы. В результате столетнего развития этого эвристического подхода (восходящего к статье С. Л. Рубинштейна от 1922 г. о субъектной «творческой самодеятельности») он трансформировался (учениками С. Л. Рубинштейна К. А. Абульхановой и А. В. Брушлинским) в фундаментальную субъектно-деятельностную парадигму, во многом определяющую теоретические принципы и методологические средства современных психологических исследований. Применяются историко-научоведческий и концептуально-содержательный подходы к экспликации и анализу категориальных компонентов субъектно-деятельностной парадигмы в философско-психологической системе С. Л. Рубинштейна и в развивающих ее трудах его учеников и последователей. Для реализации этих подходов, помимо использования традиционных (историзм, хронология, периодизация, интерпретация, реконструкция и т. п.), вводятся такие инновационные методы, как проблемно-предметный и номинативно-понятийный виды анализа научных текстов С. Л. Рубинштейна и участников его научной школы. Впервые разработана пофазовая периодизация зарождения и становления субъектно-деятельностного подхода в житнетворчестве С. Л. Рубинштейна, а также построена поэтапная периодизация его развития и реализации в исследованиях участников и последователей созданной им научной школы, что привело к трансформации этого подхода в системно-интегральную субъектно-деятельностную парадигму современной психологии и человекознания. Показано, что наследию С. Л. Рубинштейна присущ проблемно-предметный способ генерации субъектно-деятельностного подхода в классическом человекознании середины XX в., а его ученики (К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский, Л. И. Анцыферова и др.) трансформировали этот фундаментальный подход в субъектно-деятельностную парадигму, доминирующую на рубеже XX–XXI вв.

Ключевые слова: личность, деятельность, субъектность, исследовательский подход, субъектно-деятельностная парадигма, периодизация познания, научная школа, методология науки, философия человекознания, фундаментальная психология, персонология творчества, педагогика развития.

The subject-activity approach

The chapter is devoted to the study of socio-cultural prerequisites, categorical content, theoretical development and methodological implementation of the subject-activity approach in the works of S. L. Rubinstein and his scientific school. As a result of the century-long development of this heuristic approach (dating back to the article by S. L. Rubinstein from 1922 on the subject of “creative amateur activity”) it was transformed (by the students of S. L. Rubinstein, K. A. Abul Khanova and A. V. Brushlinsky) into a fundamental subject-activity paradigm that largely determines the theoretical principles and methodological tools of modern psychological research. Historical-scientific and conceptual-content approaches are applied to explication and analysis of categorical components of the subject-activity paradigm in the philosophical-psychological system of S. L. Rubinstein and in the works of his students and followers developing it. To implement these approaches, in addition to using traditional ones (historicism, chronology, periodization.

Keywords: personality, activity, subjectivity, research approach, subject-activity paradigm, periodization of cognition, scientific school, methodology of science, philosophy of human knowledge, fundamental psychology, personology of creativity, pedagogy of development.

Глава 6

Историко-генетический подход к исследованию современного транзитивного мира

Анализируется связь историко-генетического подхода с концепцией исторической психологии науки М. Г. Ярошевского. Представлена роль оппонентного круга в становлении научного знания, влияние логики формирования науки, социальной ситуации ее развития и личностных качеств ученых на специфику содержания научных концепций. Раскрывается понимание мультипарадигмального характера психологии и ее двухуровневой детерминации в транзитивном мире. Описываются основные характеристики транзитивной действительности, доказывается необходимость изменения эпистемологической и исследовательской методологии при изучении транзитивного мира. Демонстрируется адекватность историко-генетического подхода при исследовании транзитивности и раскрывается его структура. Показаны результаты анализа ведущих проблем психологии в рамках историко-генетического подхода.

Ключевые слова: историко-генетический подход, транзитивность, оппонентный круг, методология.

Historical-genetic approach to the study of the modern transitive world

The connection of the historical-genetic approach with the concept of historical psychology of science of M. G. Yaroshevsky is analyzed. The role of the opponent circle in the formation of scientific knowledge is shown. The influence of the logic of the formation of science, the social situation of its development and the personal qualities of scientists on the specifics of the content of scientific concepts is demonstrated. The understanding of the multi-paradigm nature of psychology and its two-level determination in the tran-

sitive world is revealed. The main characteristics of the transitive reality are described, the need of changing the epistemological and research methodology in the study of the transitive world is proved. The adequacy of the historical-genetic approach in the study of transitivity is verified and its structure is revealed. The results of the analysis of the leading problems of psychology within the framework of the historical-genetic approach are presented.

Keywords: historical-genetic approach, transitivity, opponent circle, methodology.

Глава 7

Субъектно-аналитический подход в психологии

Представлена модель понимания трех реальностей мира человека. Изложены способы, основания и типы понимания эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальности. Проанализированы объективные и субъективные основания различения реальностей. Кратко описан субъектно-аналитический подход к исследованию психологии понимания. Определены субъектная и аналитическая составляющие подхода.

Ключевые слова: понимание, реальность, факт, субъектно-аналитический подход.

The subject-analytical approach in the psychology

The article describes a model of understanding the three realities of the human world. Ways, the bases and types of understanding of empirical, sociocultural and existential realities are stated. The objective and subjective grounds of distinction of realities are analysed. Briefly the subject-analytical approach to the study of the psychology of understanding is described. Subject and analytical components of approach are in detail described.

Keywords: understanding, reality, fact, subject-analytical approach.

Глава 8

Системно-субъектный подход в психологии

В работе представлены положения системно-субъектного подхода в психологии. Показаны общность, отличия и ограничения системного и субъектного подходов, необходимость создания на их основе системно-субъектного подхода. Обсуждаются критерии выделения субъекта и возможность их уровневого понимания. Обосновано выделение соотношения субъекта и личности. Определены функции субъекта: понимание (когнитивная функция), контроль поведения (регулятивная функция) и субъект-субъектные отношения (коммуникативная функция), – а также функции личности: смыслообразование, ценностные ориентации (когнитивная функция), переживание (регулятивная функция) и избирательность взаимодействия (коммуникативная функция). Показано, что субъект и личность – неразрывные ипостаси человека, согласованность их взаимодействия становится условием процессуальной психологической зрелости. Рассматривается непрерывность психического развития с позиций сис-

темно-субъектного подхода. Выделены уровни развития субъекта: протоуровни в раннем онтогенезе, уровень агента, наивного субъекта, растущей субъектности, определяющей субъектности, компетентной субъектности и интегративной субъектности. Обсуждаются перспективы системно-субъектного подхода, позволяющего перейти к психологии субъекта как интегративному изучению психологии человека и его динамики.

Ключевые слова: субъект, системно-субъектный подход, субъектно-деятельностный подход, системный подход, соотношение субъект – личность, критерии субъектности, функции субъекта, функции личности, уровни развития субъекта.

System-subject approach in psychology

The paper presents the provisions of the system-subject approach in psychology. The commonality, differences and limitations of the systemic and subjective approaches, the need to create a systemic-subjective approach on their basis are shown. The criteria for selecting a subject and the possibility of their level understanding are discussed. The allocation of the relationship between the subject and the personality is substantiated. The functions of the subject are defined: understanding (cognitive function), behavior control (regulatory function) and subject-subject relations (communicative function), as well as personality functions: meaning formation, value orientations (cognitive function), experience (regulatory function) and selectivity of interaction (communicative function). It is shown that the subject and personality are inseparable incarnations of a person, the consistency of their interaction becomes a condition for procedural psychological maturity. The continuity of mental development is considered from the standpoint of the system-subject approach. The levels of development of the subject are distinguished: proto-levels in early ontogenesis, the level of the agent, the naive subject, the growing subjectivity, the determined subjectivity, the competent subjectivity and the integrative subjectivity. The perspectives of the system-subject approach are discussed, which allows one to move on to the psychology of the subject as an integrative study of human psychology and its dynamics.

Keywords: subject, system-subject approach, subject-activity approach, system approach, subject-personality ratio, subjectness criteria, subject functions, personality functions, levels of subject development.

Глава 9

Коммуникативно-интегративный подход в психологической науке

В главе обсуждается вопрос об интеграции научного психологического знания. Утверждается, что в психологии накоплено огромное количество фактических данных, гипотез, обобщений, концепций и теорий разного уровня, которые в силу разных причин остаются недостаточно соотносенными и упорядоченными. Интеграция рассматривается в качестве одного из ведущих средств решения накопившихся методологических, теоретических, экспериментальных проблем и трудностей, в качестве ключевого фактора дальнейшего развития психологии как самостоятельной научной дисциплины. Интеграция научного знания тре-

бует разработки соответствующего методологического аппарата. В статье изложены цель, задачи, теоретические основания и ведущие положения коммуникативной методологии, составляющей ядро коммуникативно-интегративного подхода в психологии, показаны возможности и перспективы данного подхода.

Ключевые слова: психология, методологические подходы, коммуникативно-интегративный подход, интеграция знания, коммуникативная методология

Communicative-integrative approach in psychology

The article discusses the issue of the integration of scientific psychological knowledge. It is argued that in psychology there is a huge amount of factual data, hypotheses, generalizations, concepts and theories of different levels, which, for various reasons, remain insufficiently correlated and ordered. Integration is regarded as one of the leading means of not only solving the accumulated methodological, theoretical, experimental problems and difficulties, but also as a key factor in the further development of psychology as an independent scientific discipline. In psychology, the integration of scientific knowledge is necessary, which in turn requires the development of an appropriate methodological apparatus. The article outlines the purpose, objectives, theoretical foundations and main provisions of the communicative methodology, which is the core of the communicative-integrative approach in psychology, shows the possibilities and prospects of this approach.

Keywords: psychology, methodological approaches, communicative-integrative approach, knowledge integration, communicative methodology

Раздел II ОБЩЕНАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ В ПСИХОЛОГИИ

Глава 10 Междисциплинарный подход в психологии

В главе рассматриваются основные формы междисциплинарности (мультидисциплинарность, собственно междисциплинарность, трансдисциплинарность) в психологической науке, их соотношение с комплексностью, мульти- и межапарадигмальностью, интегративностью и др. Обсуждаются факторы развития междисциплинарности на современном этапе психологической науки. Описываются уровни (внутри-, внешне- и внепсихологический) междисциплинарных психологических исследований, анализируется их реализация в различных отраслях психологии – истории психологии, социальной, экономической, инженерной психологии и др. Прослеживаются истоки междисциплинарного подхода в истории отечественной психологии: существенное влияние на его становление оказали теоретико-методологические идеи В. М. Бехтерева и А. Р. Лурии, комплексный подход Б. Г. Ананьева, системный подход Б. Ф. Ломова, субъектно-деятельностный подход С. Л. Рубинштейна, развивавшийся А. В. Брушлинским. Отмечается перспектива разработки словаря междисциплинарных психологических понятий и проблем, по наличию которых можно оценивать междисциплинарный статус различных психологических исследований. Делается вывод

о том, что участие психологии в междисциплинарных исследованиях не только развивает ее теорию и методологию, но и концептуально и практически обогащает другие науки.

Ключевые слова: теория и методология психологии, междисциплинарный подход, междисциплинарность, мультидисциплинарность, трансдисциплинарность, формы междисциплинарности, уровни междисциплинарности, междисциплинарные проблемы, отрасли психологии.

Interdisciplinary approach in psychology

The chapter discusses the main forms of interdisciplinarity (multidisciplinarity, interdisciplinarity itself, transdisciplinarity) in psychological science, their relationship with complexity, multi- and interparadigmality, integrativity, etc. The factors of development of interdisciplinarity at the present stage of psychological science are considered. The levels (intra-, external- and extrapsychological) of interdisciplinary psychological research are described, their implementation in various branches of psychology – the history of psychology, social, economic, engineering psychology etc. is analyzed. The origins of the interdisciplinary approach in the history of Russian psychology are traced: theoretical-methodological ideas of V. M. Bekhterev and A. R. Luria, the complex approach of B. G. Ananiev, the systemic approach of B. F. Lomov, the subject-activity approach of S. L. Rubinstein, developed by A. V. Brushlinsky. The prospect of developing a dictionary of interdisciplinary psychological concepts and problems is noted, by the presence of which it is possible to assess the interdisciplinary status of various psychological studies. It is concluded that the participation of psychology in interdisciplinary research not only develops its theory and methodology, but also conceptually and practically enriches other sciences.

Keywords: theory and methodology of psychology, interdisciplinary approach, interdisciplinarity, multidisciplinarity, transdisciplinarity, forms of interdisciplinarity, levels of interdisciplinarity, interdisciplinary problems, branches of psychology.

Глава 11

Сущность и содержание метасистемного подхода

Представлены материалы, раскрывающие сущность и содержание метасистемного подхода как одного из постнеклассических вариантов общенаучного принципа системности. Раскрыты предпосылки становления данного подхода, показана логика его развития, дана характеристика его современного состояния. Содержание метасистемного подхода эксплицировано в совокупности основных аспектов – онтологического, структурного, функционального, генетического и интегративного. Показано, каким образом данный подход может способствовать преодолению ряда основных трудностей и ограничений классических вариантов принципа системности. С позиций этого подхода сформулированы новые представления, способствующие решению некоторых базовых проблем, связанных с реализацией системной методологии, в частности, структурно-уровневой организации психического, темпоральной системности как важнейшего операционного средства функциональной организации психики и ее составля-

ющих, генезиса когнитивных и метакогнитивных образований, качественной определенности основных компонентов субъективной реальности и др. Дана характеристика основных результатов реализации данного подхода по отношению к исследованию ряда значимых предметов психологического исследования, в частности, структуры деятельности, организации сознания, индивидуальных качеств личности, системы психических процессов, рефлексивной регуляции деятельности и поведения.

Ключевые слова: метасистемный подход, системный подход, онтология психического, субъективная реальность, структурная организация, уровневое строение, функциональные закономерности, генетическая динамика, системогенез, системные качества, интегративные механизмы, синергетические эффекты, принцип мультипликации, функциональная обратимость.

The essence and content of the metasystem approach

The work presents materials that reveal the essence and content of the metasystem approach as one of the post-non-classical variants of the general scientific principle of consistency. The prerequisites for the formation of this approach are revealed, the logic of its development is shown, and the characteristics of its current state are given. The content of the metasystem approach is explicated in the totality of the main aspects: ontological, structural, functional, genetic and integrative. It is shown how this approach can contribute to overcoming a number of basic difficulties and limitations of the classical variants of the principle of systemality. From the standpoint of this approach, new ideas are formulated that contribute to solving some basic problems related to the implementation of the system methodology, in particular, the structural-level organization of the mental, temporal systemality as the most important operational means of the functional organization of the psyche and its components, the genesis of cognitive and metacognitive formations, qualitative certainty of the main components of subjective reality etc. The characteristic of the main results of the implementation of this approach in relation to the study of a number of significant subjects of psychological research, in particular, the structure of activity, the organization of consciousness, individual personality qualities, the system of mental processes, reflexive regulation of activity and behavior.

Keywords: metasystem approach, system approach, ontology of the mental, subjective reality, structural organization, level structure, functional patterns, genetic dynamics, systemogenesis, system qualities, integrative mechanisms, synergetic effects, multiplication principle, functional reversibility.

Глава 12

Энергоинформационный и комплексный подходы в психологии

Глава содержит анализ развития основных положений энергоинформационного и комплексного подходов. Энергоинформационный подход исходит из понимания энергии как неотъемлемой характеристики всех природных явлений. Информационные аспекты психики коренятся в ее отражательной природе. Энергоинформационное единство во всей полноте представлено в концепциях

психической регуляции и эмпирически подтверждено исследованиями современных ученых. Комплексный подход исходит из принципа целостности и понимается как систематическое изучение целостного индивидуально-психологического развития человека на всех этапах его онтогенеза и жизненного пути. Важнейшим признаком комплексных исследований становится их междисциплинарный характер.

Ключевые слова: энергия, информация, комплексное исследование, целостность, взаимосвязи, междисциплинарность.

Energy-informational and complex approaches in psychology

The analysis of the development of the main provisions of the energy-informational and complex approaches is given. The energy-informational approach proceeds from the understanding of energy as an integral characteristic of all natural phenomena. The informational aspects of the psyche are rooted in its reflective nature. The energy-informational unity is fully represented in the concepts of mental regulation and empirically confirmed by the research of modern scientists. The complex approach proceeds from the principle of integrity, and is understood as a systematic study of the holistic individual psychological development of a person at all stages of his ontogenesis and life path. The most important feature of complex research is their interdisciplinary nature.

Keywords: energy, information, complex research, integrity, interrelationships, interdisciplinary

Глава 13

Эволюция сетевого подхода в психологии: от плюрализма к со-творению знаний

Анализ сетевого подхода в психологии позволяет выделить три основных этапа в его развитии: 1-й этап — переход от традиционных системных взглядов к идеям децентрализации, начавшим процесс превращения систем в сети; 2-й этап, характерный для постмодерна, — открытие аутопоэза в качестве ключевой характеристики компонентов сети; 3-й этап, свойственный метамодерну, — изменение взгляда на сеть как на результат активной творческой деятельности ее аутопоэтических элементов. Предлагается новый подход к пониманию сети психологического знания, основанный на неразрывном единстве внутренней субъективной деятельности отдельных школ и объективной логики их внешнего взаимодействия.

Ключевые слова: сетевой подход, психологическое знание, постмодернизм, метамодернизм, аутопоэз.

The evolution of the network approach in psychology: from pluralism to co-creation of knowledge

The analysis of the network approach in psychology allows to allocate three basic stages in its development. 1 stage — transition from traditional systemic views to the ideas

of decentralization, which started the process of systems transformation into networks. Stage 2, characteristic of the postmodern – the discovery of autopoiesis as a key characteristic of network components. Stage 3, characteristic of the metamodern – the change of view of a network as a result of active creative activity of its autopoietic elements. A new approach to understanding the network of psychological knowledge, based on inseparable unity of internal subjective activity of separate schools and objective logic of their external interaction, is proposed.

Keywords: network approach, psychological knowledge, postmodernism, metamodernism, autopoiesis.

Глава 14

Ресурсный подход в психологии

В главе рассматриваются основные идеи ресурсного подхода. Анализируются подходы к пониманию ресурса в когнитивной психологии, возможность его описания через количественные и качественные (своеобразие индивидуально-ментального опыта) характеристики когнитивной системы человека. На основе теории когнитивной оценки и теории сохранения ресурсов описаны идеи ресурсного подхода в психологии стресса и совладающего поведения. Излагаются взгляды исследователей на процессы накопления, сохранения, истощения и восстановления ресурсов. Представлены модели взаимовлияния факторов риска и ресурсов в рамках исследования жизнеспособности личности и семьи. Показаны возможности и ограничения ресурсного подхода для описания продуктивности личности и группы в различных аспектах жизнедеятельности.

Ключевые слова: ресурсы, ресурсный подход, когнитивная психология, когнитивная теория стресса, теория сохранения ресурсов, психология жизнеспособности, психология саморегуляции субъекта.

Resource approach in psychology

The article discusses the main ideas of the resource approach. The approaches to understanding the resource in cognitive psychology, the possibility of its description through quantitative and qualitative (the uniqueness of individual mental experience) characteristics of the human cognitive system are analyzed. Based on the theory of cognitive assessment and the theory of resource conservation, the ideas of the resource approach in the psychology of stress and coping behavior are described. The views of researchers on the processes of accumulation, conservation, depletion and restoration of resources are presented. Models of the interaction of risk factors and resources in the framework of the study of the individual and family resilience are presented. The possibilities and limitations of the resource approach for describing the productivity of an individual and a group in various aspects of life are shown.

Keywords: resources, resource approach, cognitive psychology, cognitive theory of stress, theory of resource conservation, psychology of viability, psychology of self-regulation of the subject.

Глава 15

Филогенетическая эволюция психики: от аналитических представлений к системоцентрической парадигме

Представлены материалы разработок в области филогенетической эволюции психики, поведения животных и человека, а также представителей видов, расположенных в составе других доменов и царств живой природы. Сформулированы положения, согласно которым может быть реализован единый комплексный подход к исследованию филогенетической эволюции психики. Показано, что в качестве такого конструктивного методологического средства может выступать структурно-уровневый подход. Выделены основные принципы и требования структурно-уровневого подхода, необходимые для его развертывания в данной области. Показано, что данные разработки представляют собой аналитическую стадию развития представлений об эволюции психики; возможен и необходим постепенный переход к системоцентрической парадигме. На этом основании по отношению к филогенетической эволюции психики реализован принципиально новый методологический подход к ее разработке — метасистемный. Сформулированы положения о структурно-функциональном строении эволюции психики, генетических, метасистемных и интегративных закономерностях.

Ключевые слова: филогенетическая эволюция психики, структурно-уровневый подход, системный подход, закон возрастания темпов развития, метасистемный подход, критерий-дискриминатор, структурно-функциональное строение, генетические закономерности, метасистемный план, интегративные закономерности.

Phylogenetic evolution of the psyche: from analytical concepts to a system-centric paradigm

the materials of developments in the field of phylogenetic evolution of the psyche and behavior of animals and humans, as well as representatives of species located in other domains and kingdoms of wildlife are presented. The provisions according to which a single, integrated approach to the study of the phylogenetic evolution of the psyche can be implemented are formulated. It is shown that a structural-level approach can act as such a constructive methodological tool. The basic principles and requirements of the structural-level approach necessary for its deployment in this area are highlighted. It is shown that these studies represent an analytical stage in the development of ideas about the evolution of the psyche and, further, a gradual transition to a system-centric paradigm is possible and necessary. On this basis, in relation to the phylogenetic evolution of the psyche, a fundamentally new methodological approach to its development is implemented. This is the metasystem approach. The provisions on the structural and functional structure of the evolution of the psyche, genetic, metasystem and integrative patterns are formulated.

Keywords: phylogenetic evolution of the psyche, structural-level approach, system approach, law of increasing rates of development, metasystem approach, discriminator criterion, structural and functional structure, genetic patterns, metasystem plan, integrative patterns.

Глава 16

Экопсихологический подход к развитию психики: предпосылки, конструкты, парадигмы

В главе изложены предпосылки разработки экопсихологического подхода к развитию психики, включая анализ гносеологической, онтологической и трансцендентальной парадигм психологического исследования. Представлены основные позиции этого подхода: психика как форма бытия, отношение «индивид—среда», экопсихологическая типология субъект-средовых взаимодействий, экопсихологическая модель становления субъектности. Указанные позиции могут использоваться в качестве методологического основания для изучения различных психических феноменов как проявлений единой по своей природе психики. Теоретическое обоснование и эмпирическая апробация проведены на материале психологии образовательной среды, психологии экологического сознания, психологии одаренности, психологии субъектности. На основе парадигмального анализа обосновано представление о психике как объекте исследования в четырех формах ее бытия: ставшей, отчужденной, становящейся и виртуальной.

Ключевые слова: экопсихологический подход к развитию психики, предпосылки, конструкты, парадигмы, гносеологическая, онтологическая, трансцендентальная, отношение «индивид—среда», психика как форма бытия.

Ecopychological approach to the psyche development: preconditions, constructs, paradigms

The chapter outlines the prerequisites for developing an ecopsychological approach to the development of the psyche, including an analysis of the epistemological, ontological and transcendental paradigms of psychological research. The main positions of this approach are presented: the psyche as a form of being; the relationship “individual—environment”; ecopsychological typology of agent—environment interactions; ecopsychological model of the formation of agency. These positions can be used as a methodological basis for the study of various mental phenomena as manifestations of the psyche, which is unified in nature. Theoretical substantiation and empirical testing were carried out on the material of the psychology of the educational environment, the psychology of environmental consciousness, the psychology of giftedness, and the psychology of agency. On the basis of paradigm analysis, the concept of the psyche as an object of research in four forms of its existence is substantiated: become, alienated, becoming and virtual.

Keywords: ecopsychological approach to the psyche development, preconditions, constructs, paradigms, epistemological, ontological, transcendental, relation “individual—environment”, psyche as a form of being.

Глава 17

Наукометрический подход в психологии

Авторы главы обращаются к проблемам реализации наукометрического подхода в современной психологии. Рассматривается история развития наукометрии в отечественном науковедении, советской и современной российской психоло-

гии. Обосновывается, что особое развитие наукометрия получила в рамках историко-психологических исследований. Раскрываются основные характеристики, задачи, функции наукометрического подхода в психологии, а также его ключевые принципы – измеряемости, системности, субъектной ориентированности, историчности, методологической ориентированности, методической открытости. Описывается специфика применения наукометрии в психологии – анализ психологических аспектов научной деятельности, рассмотрение социально-исторических факторов и феноменов науки, потенциал применения наукометрических процедур с объектами психологической практики. В качестве объектов наукометрического исследования определяются научные единицы, а также предлагается комплексный подход к их классификации по критерию выделения функциональных элементов науки: научными единицами являются субъекты (авторы, исторические персоналии, научные коллективы, школы, подразделения, организации), продукты (публикации, издания) и концепты (понятия, проблемы, направления, отрасли) научной деятельности. Рассматриваются существующие наукометрические исследования по выделенным единицам психологической науки. Отмечаются ограничения в применении наукометрического подхода. Делается вывод о том, что наукометрический подход может войти в состав общенаучных методологических подходов в психологии.

Ключевые слова: наукометрия, наукометрический подход, науковедение, методология психологии, история наукометрии, библиометрия, принципы наукометрического подхода, научные единицы.

The scientometric approach in psychology

The authors of the chapter address the problems of implementing the scientometric approach in contemporary psychology. The history of the development of scientometrics in Russian science, Soviet and modern Russian psychology is examined. It is argued that scientometrics was especially developed within the framework of historical-psychological research. The article describes main characteristics, objectives, and functions of the scientometric approach in psychology, as well as its key principles – measurability, systematic character, subject-orientedness, historicity, methodological orientation, and methodological openness. The specificity of application of scientometrics in psychology is described – the analysis of psychological aspects of scientific activity, consideration of social-historical factors and phenomena of science, potential of application of scientometric procedures to the objects of psychological practice. Scientific units are defined as objects of scientometric research, and a comprehensive approach to their classification is proposed according to the criterion of functional elements of science: scientific units are subjects (authors, historical personalities, scientific teams, schools, divisions, organizations), products (publications, editions) and concepts (conceptions, problems, directions, branches) of scientific activity. Existing scientometric studies on the selected units of psychological science are reviewed. The limitations of the scientometric approach are highlighted. The conclusion is made that the scientometric approach can be a part of general scientific methodological approaches in psychology.

Keywords: scientometrics, scientometric approach, science studies, methodology of psychology, history of scientometrics, bibliometrics, principles of scientometric approach, scientific units.

Раздел III КОНКРЕТНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Глава 18

Динамический подход Л. И. Анцыферовой к психологическому исследованию личности: новые грани проблемы

Глава посвящена динамическому подходу к психологическому исследованию личности Л. И. Анцыферовой. Дано определение научного подхода, сформулированы условия, допускающие возможность обозначения определенной совокупности теоретических положений термином «подход». Предпринята попытка рассмотреть анализируемую в работе концепцию Л. И. Анцыферовой через призму выделенных условий. Ими являются: критическое отношение к существующим подходам, преемственность знания, достоверность авторской концепции. Сформулированы пять ключевых положений динамического подхода к исследованию личности в психологии, предложенного Л. И. Анцыферовой, показана их прогностическая мощность.

Ключевые слова: динамический подход, личность, сомнение, преемственность знания, достоверность концепции, динамическая модель развертывания личности в деятельности, целостность личности.

Dynamic approach of L. I. Antsyferova to the psychological study of personality: new aspects of the problem

The article is devoted to the dynamic approach to the psychological study of the personality, developed by L. I. Antsyferova. A definition of the scientific approach is given, the conditions which allow to designate a certain set of theoretical statements by the term “approach” are formulated. L. I. Antsyferova’s theoretical position is considered through the prism of such conditions. They are a critical attitude to existing approaches, the continuity of knowledge, the reliability of the author’s concept. Five key statements of the dynamic approach to the study of personality in psychology, developed by L. I. Antsyferova, are formulated; their predictive power is shown.

Keywords: dynamic approach, personality, doubt, continuity of knowledge, reliability of the concept, dynamic model of personality deployment in activity, personality integrity.

Глава 19

Дискурсивный подход в психологии речи и психолингвистике: история и перспективы

Изложена история дискурсивного подхода, методологические принципы, понятия и представления, составившие его основу. Дана характеристика подхода

на современном этапе и рассматриваются актуальные направления психолингвистических исследований, связанные с различными аспектами дискурса и его функционированием в социуме. Показан потенциал дискурсивного подхода в решении фундаментальных и прикладных проблем психологии, перспективы его развития в условиях глобализации и технологических изменений. Прогнозируется развертывание исследований видов дискурса, возникающих в связи с новыми информационными технологиями, персонологических и этнопсихолингвистических исследований. Обоснован вывод о перспективности и практической востребованности подходов к изучению способов ведения разговора и дискурсивного воздействия моделируемой в дискурсе картины мира.

Ключевые слова: дискурсивный подход, дискурс, новые виды дискурса, воздействие дискурса, дискурсивная персонология, интенции субъектов общения, тактики ведения разговора, концептуализация действительности, тенденции развития.

Discursive approach in psychology of speech and psycholinguistics: history and prospects

the article deals with history of the discursive approach, methodological principles, concepts and theories that formed its basis. The characteristic of the discursive approach at the present stage is given, the current directions of psycholinguistic research connected with various aspects of discourse organization and its functioning in society are reviewed. The potential of the discursive approach in solving fundamental and applied problems of psychology is demonstrated, as well as the prospects for its development in the context of globalization and technological changes. The development of research on the types of discourse that arise in connection with new information technologies is projected, along with personological and ethno psycholinguistic areas of research. The conclusion is made about the prospects and practical relevance of approaches to the study of conversational tactics, discursive influence, and the picture of the world in discourse.

Keywords: discursive approach, discourse, new discourse types, discourse influence, discursive personology, interlocutors' intentions, conversational tactics, conceptualization of reality, tendencies of development.

Глава 20

Экзистенциальный подход в психологии личности

Усиление влияния экзистенциального подхода в психологии вызвано его методологическими особенностями, позволяющими найти релевантное описание проблем современного человека. Исходным постулатом экзистенциальной психологии является признание того, что поведение человека и психологическая феноменология наряду с его индивидуально-психологическими особенностями и ситуационными детерминантами определяются его включенностью в бытийное пространство. Особенности предмета экзистенциальной психологии требуют соответствующих исследовательских решений — обращения к «онтологии жизненного мира», изучения «психологического бытия» человека, опоры на фе-

номенологический подход. Основное содержание предметного поля экзистенциальной психологии составляют экзистенциальные проблемы, проистекающие из конфронтации человека с проблемами бытия. Описание поведения человека в контексте вызовов изменений, неопределенности, ответственности, свободы выбора, включенности в мир отношений является основой формирующегося направления экзистенциальной психологии личности.

Ключевые слова: экзистенциальная психология, бытийное пространство, «психологическое бытие», вызовы реальности.

Existential approach in personality psychology

the growing influence of the existential approach in psychology is associated with its methodological features, which make it possible to find relevant descriptions of the problems of modern man. The initial postulate of existential psychology is the recognition that human behavior and psychological phenomenology, along with its individual psychological characteristics and situational determinants, is determined by the inclusion of a person in the existential space of his existence. Features of the subject matter of existential psychology require appropriate research solutions – an appeal to the “ontology of the life world”, the study of the “psychological being” of a person, relying on a phenomenological approach. The main content of the subject field of existential psychology is existential problems arising from the confrontation of a person with the problems of being. Description of human behavior in the context of the challenges of change, uncertainty, responsibility, freedom of choice, involvement in the world of relationships is the basis of the direction of existential personality psychology.

Keywords: existential psychology, existential space, “psychological being”, challenges of reality.

Глава 21

Процессуальный подход в психологии личности

Представлены основные положения процессуального подхода, интегрирующего структурный и динамический подходы в исследовании личности. В качестве его методологического основания рассматривается теория неравновесных систем. Проводится дифференциация понятий динамичности, процесса и процессуальности. Стабильность и изменчивость понимаются как взаимопереходные состояния, поддерживающие устойчивость и целостность личности. Сформулированы ключевые методологические принципы процессуального подхода: контекстуальность, множественность (неопределенность) состояний, событийность, целостность, сложность (взаимодополнительность). Уточнены базовые понятия: «изменчивость», «возникающее» (результат эволюционных процессов, отражающий способность к самопреобразованию), «устойчивость» (сохранение и поддержание самотождественности), «пространственные» (жизненная ситуация, жизненное пространство, бытийная реальность) и «временные координаты описаний» («историческая» переменная, различающая через событие прошлое и будущее личности).

Ключевые слова: психология личности, структурно-функциональный подход, динамический подход, процессуальность, процессуальный подход, изменчивость, стабильность, возникающее, устойчивость, целостность.

Processual approach in personality psychology

The main provisions of the processual approach, integrating the structural-functional and dynamic approaches in the study of personality, are presented. The theory of non-equilibrium systems is considered as its methodological basis. The concepts of dynamism, process and processuality are differentiated. Stability and changeability are understood as mutually transitional states that support the sustainability and wholeness of the individual. The key methodological principles of the processual approach are formulated: contextuality, plurality (uncertainty) of states, eventfulness, integrity, complexity (complementarity). The basic concepts are clarified: changeability, emerging (the result of evolutionary processes, reflecting the ability to self-transform), sustainability (preservation and maintenance of self-identity), spatial (life situation, life space, existential reality) and temporal (“historical” variable that distinguishes past and future of personality using the event) coordinates of descriptions.

Keywords: personality psychology, structural-functional approach, dynamic approach, processuality, processual approach, changeability, stability, emerging, sustainability, wholeness.

Глава 22

От метакогнитивного подхода к метакогнитивной психологии

Представлены теоретико-методологические и эмпирико-экспериментальные материалы, раскрывающие содержание и структуру одного из основных направлений современной когнитивной психологии — метакогнитивизма. Сформулирован и реализован авторский подход, основанный на новом решении центральной проблемы современного метакогнитивизма — проблемы определения содержания и границ его предмета, а также его дифференциации от других предметных областей психологии. Он является наиболее полным среди существующих в настоящее время и включает их как свои частные случаи. Обосновано положение, согласно которому основным критерием принадлежности психических процессов и образований, феноменов и структур к предметной сфере метакогнитивизма является их функциональная направленность на обеспечение фундаментальных атрибутов психики в целом и сознания в частности, свойств самосензитивности и самопрезентированности. Раскрыты и охарактеризованы основные компоненты, образующие общее содержание предмета метакогнитивизма; представлена их психологическая характеристика.

Ключевые слова: метакогнитивизм, метакогнитивные процессы, метакогнитивные качества, рефлексия, метакогнитивный мониторинг, самосензитивность, самопрезентированность, сознание, бессознательное.

From the metacognitive approach to metacognitive psychology

the paper presents theoretical-methodological and empirical-experimental materials that reveal the content and structure of one of the main directions of modern cognitive psychology – metacognitivism. The author's view to this approach is formulated and implemented, based on a new solution to the central problem of modern metacognitivism. This is the problem of determining the content and boundaries of its subject, as well as its differentiation from other subject areas of psychology. It is the most complete among the currently existing ones and includes them as its special cases. The article substantiates the position according to which the main criterion for the belonging of mental processes and formations, phenomena and structures to the subject area of metacognitivism is their functional orientation to ensure the fundamental attributes of the psyche in general and consciousness, in particular, the properties of self – sensitivity and self-presentation. The main components forming the general content of the subject of metacognitivism are disclosed and characterized; their psychological characteristics are presented.

Keywords: metacognitivism, metacognitive processes, metacognitive qualities, reflection, metacognitive monitoring, self-sensitivity, self-presentation, consciousness, unconscious.

Глава 23

Социокультурный подход в современной российской психологии

Данная глава знакомит читателя с социокультурным подходом в современной российской психологии, берущим свое начало от социокультурного подхода в социологии XX в. (П. Сорокин, Т. Парсонс, Р. Мертон) и экокультурного подхода в кросс-культурной психологии (Д. Берри) и получившим свое новое развитие и применение в исследованиях сотрудников Центра социокультурных исследований НИУ ВШЭ. В главе представлены примеры как масштабных кросс-страновых и кросс-культурных исследований ценностей, идентичностей, межкультурных установок и социального капитала, так и сравнительно недавно начатых исследований креативности и школьного буллинга, выполненных в рамках данного подхода.

Ключевые слова: социокультурный подход, экокультурный подход, кросс-культурная психология, социология, ценности, идентичность, социальный капитал, креативность, буллинг.

Sociocultural approach in modern Russian psychology

this chapter introduces the socio-cultural approach in modern Russian psychology, originating from the socio-cultural approach in the sociology of the twentieth century (P. Sorokin, T. Parsons, R. Merton) and the eco-cultural approach in cross-cultural psychology (J. Berry) and received its new development and application in the research of the staff of the HSE “Center for Socio-Cultural Research”. The chapter presents examples of both large-scale cross-country and cross-cultural studies of values, identities, intercultural attitudes and social capital, as well as relatively recently initiated studies of creativity and school bullying carried out within the framework of this approach.

Keywords: sociocultural approach, ecocultural approach, cross-cultural psychology, sociology, values, identity, social capital, creativity, bullying.

Глава 24

Биопсихосоциальная модель и культурно-историческая психология как методологические основания исследований и комплексной помощи при нарушениях развития и психической патологии

Глава включает в себя три части. В первой части излагается краткая история разработки Дж. Энгелем биопсихосоциальной модели как парадигмы изучения природы различных заболеваний, противостоящей разным видам редукционизма. Рассмотрены взгляды зарубежных и отечественных специалистов, разрабатывавших эту модель, а также раскрыты основания и содержание острых дискуссий вокруг ее современного состояния. Во второй части статьи рассматриваются современные проявления биомедицинского редукционизма в форме распространения мифов о возможности решения сложных вопросов развития человеческой психики и укрепления психического здоровья исключительно на основе достижений современных нейронаук. В качестве возможного противовеса этим тенденциям рассмотрены ресурсы культурно-исторической теории Л. С. Выготского для развития представлений о связи *био*, *психо* и *социо* на данном этапе развития знания. В третьей части статьи на примере авторского цикла исследований расстройств пищевого поведения показана важная роль социальных и психологических факторов в современной эпидемии этих расстройств.

Ключевые слова: биопсихосоциальная модель, биологический редукционизм, психическое здоровье, нарушения развития, нейронауки, культурно-историческая психология, расстройства пищевого поведения.

Biopsychosocial model and cultural-historical psychology as methodological foundations of research and comprehensive care in developmental disorders and psychopathology

the article includes three parts. The first part presents a brief history of the development of the biopsychosocial model by J. Engel as a paradigm for studying the nature of various diseases, opposed to different types of reductionism. The views of foreign and Russian experts who developed this model are considered, as well as the grounds and content of heated discussions around its current state. The second part of the article discusses the modern manifestations of biomedical reductionism in the form of the spread of myths about the possibility of solving complex issues of the development of the human psyche and strengthening mental health solely on the basis of the achievements of modern neurosciences. As a possible counterbalance to these trends, the resources of the cultural-historical theory of L. S. Vygotsky are considered for the development of ideas about the connection between Bio, Psycho and Socio at the current stage of knowledge. In the third part of the article, using the example of the author's cycle of research on eating disorders, the important role of social and psychological factors in the modern epidemic of these disorders is shown.

Keywords: biopsychosocial model, biological reductionism, mental health, developmental disorders, neurosciences, cultural-historical psychology, eating disorders.

Глава 25

Системные основания прикладной психологии

Обсуждается содержание и специфика использования системного подхода в прикладной психологии. Показано, что, в отличие от фундаментальной, в прикладной психологии системный подход ориентирован, в первую очередь, не на описание, а на принятие решений, отвечающих жизненным интересам человека – клиента психолога. Определены общепсихологические основания системного подхода и совокупность универсальных положений, характеризующих структурно-динамические особенности трех основных объектов прикладной психологии – человека, группы, организации. Обоснованы две основные формы системного описания объекта – технологическая и сценарная. В качестве примеров приводятся исследования автора, использующие положения системного подхода.

Ключевые слова: системное описание объектов прикладной психологии, структура объекта, динамика объекта, системообразующие факторы, управление системой, технологическое описание объекта, сценарное описание объекта, использование системных описаний в работе психолога.

System foundations of applied psychology

The content and specifics of using a systematic approach in applied psychology are discussed. It is shown that, unlike the fundamental one, in applied psychology, the systematic approach is primarily focused not on description, but on making decisions that meet the vital interests of a person – a psychologist's client. The general psychological foundations of the system approach and a set of universal provisions characterizing the structural and dynamic features of the three main objects of applied psychology – a person, a group, an organization – are determined. Two main forms of the system description of the object are substantiated – technological and scenario. As examples, the author's studies using the provisions of the systematic approach are given.

Keywords: system description of objects of applied psychology, object structure, object dynamics, system-forming factors, system management, technological description of the object, scenario description of the object, the use of system descriptions in the work of a psychologist.

Глава 26

Интегративный подход в познании психологии человека

В главе раскрываются основные положения интегративного подхода в познании психологии человека и социального взаимодействия, реализующегося в научных исследованиях, практической деятельности и образовательных программах института психологии РГПУ им. А. И. Герцена. Обозначены основные методо-

логические принципы интегративного подхода: принцип целостности, объективности, субъектности, взаимодействия и объект-предметного единства. Описаны ключевые понятия, связанные с предметной областью психологического познания: «психология человека», «социальное взаимодействие», «человеческие отношения», «социальная перцепция», «интегральная личность», «психическая организация человека». Представлены аналитические модели основных психологических феноменов, необходимые для построения содержательно валидных исследовательских процедур.

Ключевые слова: интегративный подход, психология человека, человеческие отношения, социальная перцепция, социальное взаимодействие, интегральная личность.

Integrative approach to human psychology understanding

the article reveals the main provisions of the integrative approach in the cognition of human psychology and social interaction, implemented in scientific research, practical activities and educational programs of the Institute of Psychology of the Herzen State Pedagogical University. The main methodological principles of the integrative approach are outlined: the principle of integrity, objectification, subjectivity, interaction and object–subject unity. The key concepts describing the subject area of psychological cognition are described: human psychology, social interaction, human relations, social perception, integral personality, human mental organization. Analytical models of the main psychological phenomena necessary for the construction of meaningful valid research procedures are presented.

Keywords: integrative approach, human psychology, human relations, social perception, social interaction, integral personality.

Глава 27

Системогенетический подход в современной отечественной психологии

В главе излагается процесс разработки системогенетического подхода в психологии профессионального обучения. Рассматриваются методологические и теоретические подходы. Предлагается и обосновывается архитектура психологической функциональной системы деятельности, дается общая характеристика системогенеза деятельности, рассматриваются процессы системогенеза, отнесенные к отдельным компонентам деятельности.

Ключевые слова: система, системогенез, функциональная система деятельности, качества субъекта, развитие, неравномерность, гетерохронность, критерии достижения цели, критерии предпочтительности мотивов, целей, способов деятельности, результатов деятельности.

System genetic approach in modern Russian psychology

The work dwells upon the process of developing a system genetic approach in the psychology of vocational training. The methodological and theoretical approaches are con-

Аннотации

sidered. The architecture of the psychological functional system of activity is proposed and substantiated. The general description of the systemogenesis of activity is presented. The processes of systemogenesis related to some individual components of activity are considered.

Keywords: system, systemogenesis, functional system of activity, qualities of the subject, development, unevenness, heterochrony, criteria for achieving the goal, criteria for the preference of motives, goals, methods of activity, results of activity.

Сведения об авторах

Асмолов Александр Григорьевич – академик РАО, доктор психологических наук, профессор, директор Школы антропологии будущего Института общественных наук РАНХиГС, agas@mail.ru

Безгодова Светлана Александровна – кандидат психологических наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена, Институт психологии, кафедра психологии человека, s.a.bezgodova@gmail.com

Бульцева Мария Александровна – кандидат психологических наук, научный сотрудник Центра социокультурных исследований НИУ ВШЭ, mbultseva@hse.ru

Бушина Екатерина Валерьевна – кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социокультурных исследований НИУ ВШЭ, ekaterinaosipov@yandex.ru

Виленская Галина Альфредовна – кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, Институт психологии РАН, vga2001@mail.ru

Галяпина Виктория Николаевна – кандидат психологических наук, доцент, главный научный сотрудник Центра социокультурных исследований НИУ ВШЭ, vgalyapina@yandex.ru

Головей Лариса Арсеньевна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии СПбГУ, lgolovev@yandex.ru

Грачев Александр Алексеевич – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии, Институт психологии РАН, agrat50@mail.ru

Гришина Наталия Владимировна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности СПбГУ, grinat07@gmail.com

Гусельцева Марина Сергеевна – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии подростка, Психологической институт РАО, mguseltseva@mail.ru

- Журавлев Анатолий Лактионович* – академик РАН, доктор психологических наук, профессор, научный руководитель Института психологии РАН, заведующий лабораторией истории психологии и исторической психологии Институт психологии РАН, zhuravleval@ipran.ru
- Зарецкий Виктор Кириллович* – кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры индивидуальной и групповой психотерапии МГППУ, zaretskiyv@mgppu.ru
- Зеленкова Татьяна Владимировна* – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и социальной педагогики ГГТУ, tzelenk@mail.ru
- Знаков Виктор Владимирович* – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, Институт психологии РАН, znikov50@yandex.ru
- Карпов Александр Анатольевич* – доктор психологических наук, доцент кафедры психологии труда и организационной психологии ЯрГУ им. П. Г. Демидова, karpov.sander2016@yandex.ru
- Карпов Анатолий Викторович* – член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии ЯрГУ им. П. Г. Демидова, anvikar56@yandex.ru
- Корнилова Татьяна Васильевна* – доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, tvkornilova@mail.ru
- Костригин Артем Андреевич* – кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии, Институт психологии РАН, kostriginaa@ipran.ru
- Костромина Светлана Николаевна* – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности СПбГУ, s.kostromina@spbu.ru
- Лебедева Надежда Михайловна* – доктор психологических наук, ординарный профессор НИУ ВШЭ, научный руководитель Центра социокультурных исследований НИУ ВШЭ, lebedhope@yandex.ru
- Лепшокова Зарина Хизировна* – кандидат психологических наук, доцент, главный научный сотрудник Центра социокультурных исследований НИУ ВШЭ, taimiris@yandex.ru
- Мазилев Владимир Александрович* – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, v.mazilov@yspu.org
- Майданский Андрей Дмитриевич* – доктор философских наук, профессор кафедры философии НИУ БелГУ, maidansky@gmail.com
- Марцинковская Татьяна Давыдовна* – доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии им. Л. С. Выготского, РГГУ, заведующая лабораторией психологии подростка, Психологический институт РАО, декан факультета общей и клинической психологии МИП, tdmartsin@gmail.com
- Микляева Анастасия Владимировна* – доктор психологических наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена, Институт психологии, кафедра психологии человека, a.miklyaeva@gmail.com

Сведения об авторах

- Павлова Наталия Дмитриевна* – доктор психологических наук, заведующая лабораторией психологии речи и психолингвистики, Институт психологии РАН, pavlovand@ipran.ru
- Панов Виктор Иванович* – член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией экопсихологии развития и психодидактики, Психологический институт РАО, esovip@mail.ru
- Панферов Владимир Николаевич* – доктор психологических наук, профессор РГПУ им. А. И. Герцена, Институт психологии, кафедра психологии человека, v-panferov@mail.ru
- Рубцов Виталий Владимирович* – академик РАО, доктор психологических наук, профессор, президент МГППУ, rubtsovvv@mgppu.ru
- Семенов Игорь Никитович* – доктор психологических наук, профессор департамента психологии МГПУ, i_samenov@mail.ru
- Сергиенко Елена Алексеевна* – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, Институт психологии РАН, elenas13@mail.ru
- Татарко Александр Николаевич* – доктор психологических наук, профессор НИУ ВШЭ, директор Центра социокультурных исследований, tatarko@yandex.ru
- Хазова Светлана Абдурахмановна* – доктор психологических наук, доцент кафедры социальной психологии КГУ им. Н.А. Некрасова, hazova_svetlana@mail.ru
- Харламенкова Наталья Евгеньевна* – доктор психологических наук, профессор, заместитель директора института по научной работе, заведующая лабораторией психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, Институт психологии РАН, nataly.kharlamenkova@gmail.com
- Холмогорова Алла Борисовна* – доктор психологических наук, профессор, декан факультета консультативной и клинической психологии, МГППУ, holmogorovaab@mgppu.ru
- Черноризов Александр Михайлович* – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психофизиологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, amchern53@mail.ru
- Шадриков Владимир Дмитриевич* – академик РАО, доктор психологических наук, профессор, профессор-исследователь департамента психологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ, shadrikov@hse.ru
- Шехтер Евгения Дмитриевна* – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры психофизиологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, Школа антропологии будущего Института общественных наук РАНХиГС, shunya1@yandex.ru

Научное издание

Серия «Методология, теория и история психологии»

**НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ
В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ**

doi: 10.38098/thry_23_0465

Редактор – *О. В. Шапошникова*

Оригинал-макет, обложка и верстка – *В. П. Ересько*

Издательство «Институт психологии РАН»

129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1

Тел.: +7 (495) 540-57-27

www.ipras.ru

E-mail: vbelop@mail.ru

Сдано в набор 17.06.23. Подписано в печать 08.07.23. Формат 70×100/16

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура NewtonС

Уч.-изд. л. 54. Усл.-печ. л. 48. Тираж 500 экз. Заказ

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, ком. 6

